ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО, ГРАФА А. В. СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО.

1787—1800.

Какъ ни много у насъ писано о Суворовѣ, но до сихъ поръ еще никто не предпринялъ труда изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ подлинныя и провѣренныя извѣстія объ его жизни. Къ такому историческому изслѣдованію еще не приступлено, и доселѣ мы богаты (и то не очень) лишь отдѣльными разсказами, личными воспоминаніями и анекдотами о Суворовѣ. Почти единственное исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи обзоръ жизни Суворова, написанный Д. А. Милютинымъ и помѣщенный во второмъ изданіи его Исторіи войны 1799 г.; но къ сожалѣнію это, по самой цѣли своей, лишь бѣглый очеркъ, хотя и мастерски набросанный. — Въ первой четверти нашего вѣка, когда наиболѣе выходило книгъ о Суворовѣ, самая близость времени и блескъ Суворовскаго генія какъ бы служили помѣхою для спокойнаго изложенія заслугъ и дѣятельности великаго полководца. Кромѣ того, обращалось доселѣ больше вниманія на его военные подвиги и упускалось изъ виду гражданское его значеніе, личныя связи и сношенія. Такъ напримѣръ, не указано на обстановку Суворовскаго дѣтства: подобно А. И. Бибикову, воспитавшемуся въ Московскомъ Зачатѣевскомъ монастырѣ, подобно князю Потемкину-Таврическому, сыну Смоленскаго протоіерея (дворянскаго рода),—Суворовъ ростетъ подъ надзоромъ дѣда своего (по отцу) Ивана Ивановича, бывшаго протоіереемъ Благовѣщенскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ. Отсюда привычка пѣть на клиросѣ и строгое до конца жизни соблюденіе уставовъ Церкви. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣми корнями нравственнаго бытія своего Суворовъ принадлежалъ еще къ Россіи до-петровской, и такъ какъ онъ при этомъ усвоилъ себѣ вполнѣ Европейскую современную образованность, то и достигалъ успѣховъ безпримѣрныхъ на избранномъ поприщѣ. Далѣе, свѣдѣнія о его дѣтствѣ такъ скудны, что мы не знаемъ до сихъ поръ, кто была его мать. Не узнано навѣрное, учился ли онъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ. Не разъяснено, онъ ли былъ тотъ вице-капралъ лейбъ-компаніи Суворовъ, который, по свидѣтельству Записокъ Нащокина, въ началѣ 1758 г., безотлучно находился при фельдмаршалѣ Апраксинѣ, привезенномъ къ отвѣту за внезапное отступленіе послѣ Гросъ-егерндорфской побѣды надъ Прусаками. Ни въ одной біографіи Суворова не сказано о томъ, что въ Семилѣтнюю войну онъ посѣщаетъ Прусскія масонскія ложи, и что онъ тогда же долженъ былъ сдѣлаться близко извѣстенъ Григорію Орлову, который впослѣдствіи могъ указать на него Екатеринѣ II-й. Нигдѣ въ печати не упоминается о ссорѣ его съ Воиномъ Васильевичемъ Нащокинымъ, который нанесъ ему личное оскорбленіе (за-

писку объ этомъ, со словъ сына Нащокина, поэтъ Пушкинъ подавалъ покойному великому князю Михаилу Павловичу). Все это обстоятельства еще не разъясненныя. Множество иностранныхъ сочиненій о Суворовѣ еще менѣе удовлетворительны въ этомъ отношеніи; ибо для иностранцевъ онъ остается непрочтеннымъ *іероглифомъ*, какъ выразился о немъ почитатель его англичанинъ Клинтонъ; для нихъ Суворовъ одна изъ загадокъ Русской жизни, которую добросовѣстнѣйшіе между ними называютъ таинственнымъ *сфинксомъ*. Между тѣмъ для всякаго Русскаго человѣка, не только воина, но и простаго гражданина, Суворовъ лице родное, понятное и въ высшей степени сочувственное. Въ наше время, когда наконецъ пробуждено любопытство къ исторіи XVIII вѣка во всѣхъ его проявленіяхъ, подробная и точная біографія Суворова, этого яркаго представителя Русскаго духа, этой *непререкаемой* славы Русскаго имени, была бы дорогимъ пріобрѣтеніемъ исторической словесности и, можетъ быть, разрѣшила бы намъ нѣкоторые вопросы нашего внутренняго развитія. Но такая біографія возможна лишь по обнародованіи свѣдѣній и бумагъ подлинныхъ, къ числу которыхъ и принадлежатъ нижеслѣдующія письма Суворова. Они состоятъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ находятся письма и записки, сохранившіяся у родной внуки Суворова, *Ольги Николаевны Талызиной*, урожденной графини Зубовой, и обязательно сообщенныя намъ сыномъ ея *Михаиломъ Александровичемъ Талызинымъ*. Это бумаги семейныя. Извѣстно, что Суворовъ не былъ счастливъ въ супружествѣ, и оправдалъ собою прискорбное замѣчаніе, что не бываетъ счастія внѣ обычной житейской колеи. Онъ женился 45 лѣтъ въ 1774 году (по нашимъ соображеніямъ осенью этого года, послѣ поимки Пугачова) на 24 лѣтней княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. Она была дочь генералъ-аншефа и Александровскаго кавалера князя Ивана Андреевича Прозоровскаго (✝ 1786) отъ брака его съ княжною Марьей Михайловной Голицыной (1717—1780). Тесть и теща Суворова принадлежали къ первостатейной Московской знати. Они могли отдать ему свою дочь, благодаря уже тогда довольно громкой воинской его славѣ, а также и богатству, накопленному трудами отца (бывшему еще тогда въ живыхъ) и бережливостью сына. Но можно смѣло предполагать, что Суворовъ, съ его солдатскими привычками, съ его чудачествомъ и юродствомъ, въ то время уже заявленными, не былъ по душѣ многочисленнымъ роднымъ жены его, Московскимъ тяжеловѣснымъ барамъ. Есть извѣстіе, что первоначально супруги жили въ добромъ согласіи, и Суворовъ увозилъ съ собою жену въ свои безпрестанныя поѣздки по службѣ. Вигель (Русскій Вѣстн. 1864, I, 298) свидѣтельствуетъ, что „на Кубани, сражаясь съ Горцами, а также въ Таганрогѣ и въ крѣпости св. Димитрія, Суворовъ жилъ съ молодою, добродушною женой, которую тогда отмѣнно любилъ. Она была красавица въ Русскомъ вкусѣ, была румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ“. Это могло быть въ 1777 году. Тогда у нихъ была уже дочь, Наталья, родившаяся 1 августа 1775 года. На этой Наташѣ, на этой сестрицѣ-Суворочкѣ сосредоточивалась вся нѣжность великаго полководца. Въ 1786 году, слѣд. 11 лѣтъ, она опредѣлена по высочайшему повелѣнію въ Смольный монастырь, первое и долго единственное у насъ учебное женское заведеніе. Дѣдъ и бабка кн. Прозоровскіе уже тогда умерли. Можно думать, что маленькая Наташа Суворова воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ какъ нибудь исключительно, на особомъ попеченіи начальницы: имени Суворовой не оказывается въ сохранившихся непрерывныхъ спискахъ воспитанницъ монастыря (см. статью *барона Ѳ. А. Бюлера* въ Сѣв. Почтѣ 1864 г., № 99 и 100). Нѣкоторыя изъ нижеслѣдующихъ писемъ Талызинскаго сборника уже были прежде напечатаны въ Собраніи писемъ Су-

ворова, изд. *В. Левшина*, М. 1809 и въ Жизни Суворова, соч. *С. Н. Глинки*, М. 1819; но мы печатаемъ весь сборникъ въ полномъ его составѣ, распредѣливъ письма по тѣмъ лицамъ, къ которымъ они писаны.

Во второмъ отдѣлѣ печатаются письма Суворова къ одному изъ его сподвижниковъ во второй Турецкой войнѣ Екатеринина царствованія, О. М. Рибасу. — Осипъ Михаиловичь Рибасъ, Испанецъ по происхожденію и Итальянецъ родомъ, вступилъ въ Русскую службу въ 1772 г. и содѣйствовалъ поимкѣ извѣстной самозванки Таракановой. За тѣмъ въ Петербургѣ онъ сблизился съ Бецкимъ, женился на его воспитанницѣ Настасьи Ивановнѣ Соколовой, и еще болѣе сталъ извѣстенъ, когда ему поручили надзоръ за гр. А. Г. Бобринскимъ, съ которымъ онъ и путешествовалъ по чужимъ краямъ. Позднѣе Рибасъ сдѣлался любимцемъ кн. Потемкина и въ Турецкую вторую войну отличился на сушѣ и на морѣ. Онъ скончался въ 1800 г. въ Спб. въ чинѣ адмирала.

Письма Суворова къ Рибасу, изображая намъ великаго человѣка на его служебномъ поприщѣ, въ тоже время содержатъ въ себѣ важнѣйшія показанія вообще для исторіи того времени. Подлинники этихъ писемъ куплены въ 1865 году Императорскою Публичною библіотекою. За сообщеніе списковъ съ нихъ мы обязаны живѣйшею признательностью *Аванасію Өедоровичу Бычкову*, принявшему на себя трудъ присоединить къ письмамъ примѣчанія и русскій переводъ тѣхъ писемъ, которыя писаны по французски. *П. Б.*

I. ПИСЬМА СЕМЕЙНЫЯ.

Сборникъ Талызинскій.

А. Къ дочери своей.

I.

Кинбурнъ. ч. 20 декабря, 1787 году.

Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмомъ отъ 9 ноября. Больше порадуешь, какъ на тебя надѣнутъ бѣлое платье, и того больше, какъ будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну ([1]), или она тебя выдеретъ за уши да посадитъ за сухарикъ съ водицей. Желаю тебѣ благополучно препроводить святки. Христосъ Спаситель тебя соблюди новой и многіе года! Я твоего прежняго письма не читалъ за недугомъ, отослалъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ ([2]). У насъ все были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; на силу часовъ черезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперь только что поворотился, выѣздилъ близъ пяти сотъ верстъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ ([3])! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички,

---

([1]) Нѣсколько разъ упоминаемая въ этихъ письмахъ Софья Ивановна есть г-жа *Делафонъ*, тогдашняя начальница «воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ» при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ (Смольномъ) монастырѣ. Она была вдова дѣйств. статск. сов. Делафонъ, какъ значится въ „Мѣсяцословѣ съ росписью чиновныхъ особъ на 1786 г.“, стр. 100; впослѣдствіи статсъ-дама († 1797). Слишкомъ четверть столѣтія она управляла этимъ учебнымъ заведеніемъ.

([2]) Сестра Суворова, Анна Васильевна (1744—1813), въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Романовичемъ Горчаковымъ. Она была лѣтъ на 15 моложе своего брата, который, какъ видно, находился съ нею въ наилучшихъ отношеніяхъ, ибо покровительствовалъ не только ея двоимъ сыновьямъ, князьямъ Горчаковымъ, но и извѣстному гр. Дмитрію Ивановичу Хвостову, женатому на ея дочери, княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ.

([3]) Т. е. на Днѣпровскомъ, противъ Очакова.

лисички, а въ водѣ стерлядки, осетры, пропасть! Прости, мой другъ Наташа; я чаю ты знаешь, что мнѣ моя матушка государыня пожаловала Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность (4). Цалую тебя, Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

II.

Кинбурнъ. ч. 16 марта 1788 году.

Милая моя Суворочка! Письмо твое отъ 31 ч. генваря получилъ. Ты меня такъ имъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ. Кто то тебя, мой другъ, учитъ такому красному слогу, что я завидую, чтобъ ты меня не перещеголяла? Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое покорнѣйшее почтеніе. О ай да Суворочка! Какъ же у насъ много полеваго салату, птицъ, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, полевыхъ цвѣтковъ. Морскія волны бьютъ въ берега, какъ у васъ въ крѣпости изъ пушекъ. Отъ насъ въ Очаковѣ слышно, какъ собачки лаютъ, какъ пѣтухи поютъ. Куда бы я, матушка, посмотрѣлъ теперь тебя въ бѣломъ платьѣ, какъ то ты ростешь! Какъ увидимся, не забудь мнѣ разсказать какую пріятную исторію о твоихъ великихъ мужахъ въ древности. Поклонись отъ меня сестрицамъ (5). Благословеніе Божіе съ бою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

III.

Кинбурнъ. ч. 29 маія 1788 году.

Любезная Суворочка, здравствуй. Кланяйся отъ меня всѣмъ сестрицамъ. У насъ ужъ давно поспѣли дикіе молодые зайчики, уточки, кулички. Благодарствую, другъ мой, за твое письмо отъ 6 ч. марта: я его сегодня получилъ. Не ошиблась ли ты ужъ въ мѣсяцѣ? Тутъ же письмо получилъ отъ Елисаветы Ивановны Горихвостовой (6); правда, это попозже писано, 15 ч. марта. Кланяйся ей отъ меня, и обѣимъ вамъ благословеніе Божіе! Недосугъ много писать. Около насъ 100 корабликовъ, иной такой большой какъ Смольной; я на нихъ смотрю, и купаюсь въ Черномъ морѣ съ солдатами: вода очень студена, и такъ солона, что барашковъ можно солить. Коли буря, то насъ выбрасываетъ волнами на берегъ. Прости, душа моя!

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

(Получ.)
25-го іюля 1788.

IV.

Кинбурнъ. 2 іюня 1788.

Голубушка Суворочка, цалую тебя. Ты меня еще потѣшила письмомъ отъ 30 апрѣля. На одно я вчера тебѣ отвѣчалъ. Коли, Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы и увидимся, радъ я съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ герояхъ, лишь научи меня, чтобъ я имъ послѣдовалъ. Ай да Суворочка, здравствуй, душа моя, въ бѣломъ платьѣ; носи на здоровье, расти велика. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ нижайшее мое почтеніе. Ахъ теперь то, Наташа, какой же у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой: собачки поютъ волками, коровы лаютъ, кошки блѣютъ, козы ревутъ, а я сплю на ко-

(4) Выраженія высоч. рескрипта, за побѣду при Кинбурнѣ.

(5) Т. е. воспитанницамъ Смольнаго монастыря.

(6) Крестница Суворова, оставшаяся дѣвицею и умершая не такъ давно въ Петербургѣ. Говорятъ, что у ея наслѣдниковъ сохранились письма къ ней Суворова. Мы были бы обязаны за доставленіе ихъ въ Русскій Архивъ.

сѣ. Она такъ далеко въ морѣ, въ лиманѣ, какъ гуляю, слышно чтò они говорятъ. Они такъ около насъ очень много, на такихъ превеликихъ лодкахъ, шесты большіе къ облакамъ, полотны на нихъ на версту. Видно, какъ табакъ курятъ, пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ: красненькіе, зелениинькіе, синенькіе, сѣренькіе. Оружія у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами. Божіе благословеніе съ тобою!

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

(Получ.)
25 іюля 1788.

V.

С.-пб. ч. 25 апрѣля 1789 году ([7]).

Прости, душа моя Наталья Александровна. Цалуй за меня ручки милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ. Поцалуй за меня сестрицъ. Божье благословеніе съ тобою!

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

VI.

Кіевъ. ч. 5 маія 1789 году.

Сего числа я здѣсь проѣхалъ къ Яссамъ. Душа моя Суворочка, Божіе благословеніе съ тобою. ч. 5 маія я проѣхалъ Кіевъ къ Яссамъ.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

Получено въ Москвѣ 22 числа маія.

Милостивому государю моему князь Ивану Романовичу его сіятельству Горчакову. Домъ у Землянаго валу въ Москвѣ.

VII.

Берладъ. ч. 21 августа 1789 году.

Суворочка душа моя, здравствуй! Mes baisemains à Софья Ивановна. Поцалуй за меня сестрицъ. У насъ стрепеты поютъ, зайцы летятъ, скворцы прыгаютъ на воздухѣ по возрастамъ: я одного поймалъ изъ гнѣзда, кормили изъ роту, а онъ и ушелъ домой. Поспѣли въ лѣсу грецкіе да волоцкіе орѣхи. Пиши ко мнѣ изрѣдка. Хоть мнѣ недосугъ, да я буду твои письмы читать. Молись Богу, чтобъ мы съ тобой увидѣлись. Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣстъ изъ рукъ. Помнишь, послѣ того ужъ я ни разу не танцовалъ. Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими кеглями желѣзными, на силу подымешь, да свинцовымъ горохомъ: коли въ глазъ попадетъ, такъ и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы къ тебѣ полевыхъ цвѣтковъ, очень хороши, да дорогой высохнутъ. Прости, голубушка сестрица, Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

VIII.

Le $^{11}/_{22}$ septembre 1789

Ruisseau Rymnik en Walachie. Champ de bataille ([8]).

En ce même jour je vainquis Oginski... ([9]) Moi et le prince Saxe-Cobourg avec nos forçes combinées avons battu et mis

---

([7]) Въ промежутокъ между письмами IV и V Суворовъ былъ въ Петербургѣ, по взятіи Очакова. V-е письмо писано передъ отъѣздомъ обратно на войну: слѣдуютъ Фокшаны и Рымникъ.

([8]) Подлинникъ этого письма хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

([9]) Въ Запискахъ Храповицкаго (стр. 207, подъ 27 сент. 1787) отмѣчено: „Веселы отъ побѣдъ. Много пашей въ плѣну. Суворовъ пишетъ къ дочери, что онъ 11 сентября разбилъ визиря, въ тотъ же день какъ Огинскаго“. Это было въ 1771 г. около Брестъ-Литовска. Разбитіе Огинскаго въ то время имѣло важное значеніе для нашихъ дѣлъ въ Польшѣ.

en deroute la grande armée des infideles forte de 80 à 90,000 ou plus. Cette bataille dura une journée entière; nous perdimes peu. Des Turcs il y a 5000 hommes couchés sur le carreau. Nous avons emporté trois camps et tous leurs bagages. Trophées de 50 à 100 etendarts et drapeaux, canons et mortiers 78 c. à d. toute leur artillerie. Je vous félicite, mon ame, avec cette victoire signalée.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

Le grand Visir commandoit en personne. 81 pieces d'artillerie avec tout leur train et munitions, il y en a de l'attelage à 20 boeufs. Dieu soit merci! Je me porte bien, après une fiévre que j'ai perdu en marche.

Милостивая государыня Софья Ивановна, цалую ваши руки, поздравляю съ побѣдою.

Переводъ. Сентября 11 (22) 1789. Ручей Рымникъ въ Валахіи. Съ поля битвы. Въ этотъ самый день я побѣдилъ Огинскаго. Я и принцъ Саксъ-Кобургскій, соединенными силами, разбили большую армію невѣрныхъ, въ количествѣ отъ 80 до 90 т. и болѣе. Сраженіе продолжалось цѣлый день. Нашъ уронъ не великъ. Турокъ лежитъ на мѣстѣ 5 т. Мы завладѣли тремя станами и всѣми ихъ обозами. Трофеи: отъ 50 до 100 знаменъ и значковъ, 78 пушекъ и мортиръ, т. е. вся ихъ артиллерія. Поздравляю тебя, душа моя, съ этою отличною побѣдою. Великій Визирь начальствовалъ лично. 81 орудій со всею упряжею и снарядомъ; вьючнаго скота 20 быковъ. Слава Богу! Я здоровъ послѣ лихорадки, которая миновала во время похода.

Ich umarme meine allerliebsten Schwester. (10)

IX.

Comtesse des deux empires (11), любезная Наташа Суворочка. A cela ай да, надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ? Слышала, сестрица душа моя, еще de ma magnanime mère (12) рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея, тысячь въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первой классъ св. Георгія. Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце! Чуть право отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

X.

ч. 3 ноября 1789.

Ай да любезная сестрица. Ich küße die Hände meiner gnädigsten Софья Ивановна. Она твоя матушка. Je salue très respectueusement avec dévotion mes très chères soeurs (13). У меня козочки, гуси, утки, индѣйки, пѣтухи, тетёрки, зайцы, чижекъ умеръ; я ихъ выпустилъ домой. У насъ еще листки не упали и зеленая трава. Гостинцовъ много: наливныя яблоки, дули, персики, винограду на зиму запасъ. Сестрицы, пріѣзжайте ко мнѣ, есть чѣмъ подчивать: и гривенники, и червонцы есть. Что хорошаго, душа моя сестрица? Мнѣ очень тошно; я ужъ отъ тебя и не помню когда писемъ не видалъ. Мнѣ теперь досугъ, я бы ихъ читать сталъ. Знаешь, что ты мнѣ мила: полетѣлъ бы въ Смольной на тебя посмотрѣть, да крыльевъ нѣтъ. Куда право какая, еще тебя ждать 16 мѣсяцевъ, а тамъ пой-

(10) Т. е. обнимаю моихъ любезнѣйшихъ сестрицъ.

(11) Графиня двухъ имперій: извѣстно, что за Рымникскую побѣду и наша императрица и императоръ Іосифъ II пожаловали Суворова графомъ.

(12) Отъ великодушной матушки, т. е. отъ императрицы Екатерины.

(13) Т. е. Цалую ручки милостивѣйшей..... Почтительнѣйше, съ благоговѣніемъ цалую ручки моихъ дражайшихъ сестрицъ.

дешь домой. А какъ же долго! Нѣтъ уже не долго; привози сама гостинцу, я для тебя сдѣлаю балъ. Кланяйся, какъ увидишь, Катеринѣ Ивановнѣ ([14]) и обънимъ. Adieu, ma chère comtesse Суворочка. Цалую тебя, душа моя. Божіе благословеніе съ тобою.
Отецъ твой графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

XI.

Берладъ въ Молдавіи. ч. 2 декабря 1789 году

Gräfin und Reichsgräfin Наташа Суворочка. Küsse alle meine Schwester. Bedanke mich unterthänigst für Eu. Excl. Brieffe vom 14 Junio und... 9-br und danke Gott fürs Erhalten deiner mir so teueren Gesundheit durch Vorsorge deiner unschätzbaren Mutter Софья Ивановна deren aller... Dasein der Allmächtige beglücke. Unsere Operationen haben angehalten. Sonsten würde ich deiner Brieffen nicht gelesen haben, weil mich selbige der Zärtlichkeit wegen gegen dich hätten hinderlich seyn können. Wir haben hier ein Moskowitischen Winter und ich komme ganz erfroren aus der Kirche. Ich habe mich etliche Tage in Jassi aufgehalten in voller Zufriedenheit und bin dorten noch mit einem der aller kostbarsten Degen begnadiget worden; desgleichen einen mein treuer Freund Fürst Saxe-Coburg, welcher sich jetzt in Bukarescht befindet, auch bekommen. — Ну полно, душа моя сестрица, ужъ я очень серіозенъ. Ай да какъ миръ, такъ я пріѣду съ тобой потанцовать, а коли заръзвишься, то пусть тебя Софья Ивановна изволитъ приказать высѣчь. Богъ дастъ, какъ пройдетъ 15 мѣсяцевъ, то ты пойдешь домой, а мнѣ будетъ очень весело. Черезъ годъ я эти дни буду по ариѳметикѣ считать. У Monsieur Тоузакова([15]) проси себѣ и сестрицамъ гостинцу. Коли не дастъ, то мнѣ пожалуйся. Какія у насъ здѣсь tremblemens de terre ([16]): на меня однажды чуть печь не упала, такъ что я вспрыгнулъ. Цалую тебя, любезная сестрица Суворочка. Божіе благословеніе съ тобою.
Отецъ твой графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

Переводъ. Графиня и имперская графиня. Поцалуй всѣхъ моихъ сестрицъ. Благодарю почтительнѣйше ваше сіятельство за письма ваши отъ 14 іюня и ноября, и благодарю Бога за сохраненіе твоего, столь мнѣ дорогаго здоровья попеченіями несравненной твоей матери Софьи Ивановны; осчастливь ее за то Всемогущій! Дѣла наши пріостановились. Иначе я не читалъ бы твоихъ писемъ, ибо они бы мнѣ помѣшали ради моей нѣжности къ тебѣ. У насъ здѣсь Московская зима, и я прихожу изъ церкви совсѣмъ замерзшій. Съ полнымъ удовольствіемъ провелъ я нѣсколько дней въ Яссахъ, и тамъ былъ награжденъ одною изъ драгоцѣннѣйшихъ шпагъ. Такую же получилъ вѣрный другъ мой князь Саксъ-Кобургскій, находящійся теперь въ Бухарештѣ.

XII.

Берладъ. ч. 20 маія 1790 году.

И я, любезная сестрица Суворочка, былъ тожъ въ высокой скукѣ, да и такой чорной какъ у старцевъ кавалерскія робронды. Ты меня своимъ крайнимъ письмомъ отъ 17 апрѣля такъ утѣшила, что у меня и теперь изъ глазъ течетъ. Охъ, какъ же я радъ, сестрица, что Софья Ивановна слава Богу. Куды какъ она умна, что здорова! Поцалуй ей за меня ручки. Вотъ еще, душа моя, по твоему письму, ты ужъ умѣешь разсуждать, располагать, намѣрять, рѣшить, утверждать, въ благочестіи, благоправіи, добродушіи и просвѣщеніи отъ науки: знать, тебя Софья Ивановна много хорошо сѣчетъ. У тебя другой батюшка мой дядюшка Петръ

([14]) Нелидовой.

([15]) Лицо намъ неизвѣстное.

([16]) Т. е. землетрясенія.

Васильевичъ ([17]): какъ будешь видѣть, ему руку поцалуй! Здравствуйте, мое солнце, мои звѣзды сестрицы. У насъ въ полѣ и въ лѣсу дикая петрушка, постарнакъ, свекла, морковь, салаты, трава зеленая, спаржи, и инаго очень много. Великія овощи еще не поспѣли и фрукты. Гуси маленькіе ай да такіе выросли большіе! Караси бѣлые больше скрыпки, стрепеты да Дунайскія стерледи, и овечье толстое молоко. Прости, сестрица Суворочка, Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой гр. А. С. Р.

XIII.

21 августа (безъ года).

Ma chère soeur! Baisez pour moi mes autres amies et la main à Софья Ивановна ([18]). Въ Ильинъ и на другой день мы были въ réfectoire ([19]) съ Турками. Ай да ахъ, какъ же мы подчивались, играли, бросали свинцовымъ, большимъ горохомъ, да желѣзными кеглями, въ твою голову величины. У насъ были такія длинныя булавки и ножницы, кривыя, прямыя, и рука не попадайся, тотъ часъ отрѣжутъ, хоть и голову. Ну полно съ тебя, заврались. Кончилось иллюминаціей, фейерверкомъ. Хастатовъ ([20]) весь исцарапанъ. Съ festin ([21]) Турки ушли, ой далеко, Богу молиться по своему. И только, больше нѣтъ ничего. Прости, душа моя, Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

([17]) Не Бакунинъ ли, членъ иностранной коллегіи, который, вмѣстѣ съ другими чиновными лицами, могъ участвовать въ управленіи Смольнымъ монастыремъ?

([18]) Т. е. Милая моя сестрица. Поцалуй за меня остальныхъ друзей моихъ и ручки.

([19]) Въ трапезной.

([20]) Лицо намъ неизвѣстное.

([21]) Съ пира.

XIV.

Душа моя сестрица Суворочка. Цалую руки милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ, нижайше кланяюсь любезнымъ сестрицамъ. Твое письмо отъ 7 сентября только нынѣ получилъ и благодарствую, то есть 24 октября. У насъ сей ночи былъ большой громъ, и случаются малыя землетрясенія. Охъ, какая жъ у меня была горячка: такъ безъ памяти и упаду на траву, и по всему тѣлу все пятна. Теперь очень здоровъ. Дичины, фруктовъ очень много, рыбы пропасть, такой у васъ нѣтъ, въ прудахъ, озерахъ, рѣкахъ и на Дунаѣ, дикихъ свиней, козъ, цыплятъ, телятъ, гусятъ, утятъ, яблоковъ, грушъ, винограду. Орѣхи грецкіе, волоцкіе поспѣли, съ кофеемъ пьемъ буйвольное и овечье молоко. Лебеди, тетеревы, куропатки живые такіе, жирные. Синички ко мнѣ въ спальню летаютъ. Знаешь рой пчельной, у меня одинъ рой отпустилъ четыре роя. Будь благочестива, благонравна и здорова. Христа Спасителя благословеніе съ тобою.

Отецъ твой г. А. С. Р.

XV.

(Начало отрѣзано).

. . . . mains. Conservés en la nature innocente lorsqu'en fin vous finirés vos humanités. Temoignés une pleine resignation sur votre sort à la Providence du Tout-puissant, et une fidelité irreprochable à cette Grande Souveraine autant que votre condition vous le pourra permettre. Je suis son soldat, je meurs pour ma patrie; plus ses bontés m'elevent aux dignités, plus je succe ce doux plaisir de me sacrifier pour elle. Je m'approche à ma tombe à pas hardis: ma consience est sans tache. Je suis sexagenaire, mon corps est meurtri de blessures, et Dieu me laisse vivre pour

le bien de l'état. Je devrai et ne tarderai pas à comparaitre devant Son grand tribunal pour en repondre! Voici bien de rodomontades, mon adorable Суворочка; j'oublie pour ce moment que je suis une pauvre poussiere et que je le redeviendrai. Non, ma chère soeur, je n'ai plus revû Solotouchin (22), il erre peut être avec votre lettre sur les eccueils de la vaste mer raboteuse. Pour l'argent de гостинцы vous pourriés l'employer au clavecin, si Софья Ивановна vous l'ordonne. Да, душа моя, тебѣ пойти будетъ домой. Alors, коли живъ буду, je vous acheterai очень лутче avec des pommes u французскіе конфекты. Я больше живу, голубушка сестрица, на форпостахъ, коли grande dévotion не мѣшаетъ, какъ прошлаго году, а въ этомъ еще не играли свинцовымъ горохомъ. Прости, матушка. Unser Heyland sey dir gnädig.

Отецъ твой г. А. С. Р.

Переводъ. Сберегай въ себѣ природную невинность, когда напослѣдокъ окончится твое ученіе. На счетъ судьбы своей предай себя вполнѣ Промыслу Всемогущаго, и, на сколько дозволитъ тебѣ твое положеніе, будь непререкаемо вѣрна сей Великой Монархинѣ. Я ея солдатъ, я умираю за мое отечество; чѣмъ выше возводитъ меня милость ея, тѣмъ слаже мнѣ пожертвовать собою для нея. Смѣлымъ шагомъ приближаюсь къ могилѣ: совѣсть моя не запятнана. Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ; тѣло мое изувѣчено ранами, и Богъ оставляетъ меня жить для блага государства. Къ отвѣту за то я долженъ буду и не замедлю явиться передъ великое Его судилище. Вотъ сколько разглагольствій, моя несравненная Суворочка. Въ эту минуту я забываю, что я ничтожный прахъ и снова обращусь во прахъ. Нѣтъ, милая сестрица, я больше не видалъ Золотухина; съ письмомъ твоимъ онъ, можетъ быть, блуждаетъ вокругъ скалъ обширнаго и бурнаго моря. Деньги, данныя на гостинцы, ты могла бы употребить на фортепьяны, если Софья Ивановна прикажетъ..... Тогда, коли живъ буду, я тебѣ куплю очень лутче, съ яблоками..... Милость Спасителя нашего надъ тобою.....

(22) Полковникъ, погибшій на штурмѣ Измаила; за него, говорятъ, желалъ выдать Суворовъ дочь свою.

XVI.

Душа моя Наташа, Божіе благословеніе съ тобою! Будь благочестива, благонравна и въ праздности не будь. Благодарю тебя за письмо съ дядюшкою. Тетушкѣ кланяйся. Какъ будто мое сердце я у тебя покинулъ. Ай да, здѣсь у насъ великое катанье на водѣ, въ лѣсу, на каменныхъ горахъ, и много очень хорошихъ вещей: рыбы, дикихъ птицъ, цвѣтовъ, маленькихъ цыплятъ—жаль! Какъ нашъ колдунъ пріѣхалъ къ намъ въ гости (23), то и время теперь хорошее: поютъ ласточки, соловьи и много птицъ. Мы вчера кушали на острову, завтра хочемъ плавать въ нѣмецкую обѣдню, а тамъ пойдемъ далеко. Я тебя буду вездѣ за глаза целовать. Кланяйся Софьѣ Ивановнѣ и Маргаритѣ Яковлевнѣ (24). Какъ пойдешь куда гулять, и придешь назадъ домой, и будешь скакать дома, то помни меня, какъ я тебя помню!

Отецъ твой г. Александръ Суворовъ Рымникскій.

XVII.

Que la deesse d'innocence vous conduise à jamais. Vous changé d'état. Souvenés vous que la familiarité engendre le mepris, gardés vous de la professer; accoutumes vous à une politesse naturelle, fuyes les compagnes qui veulent

(23) Въ Собраніи писемъ и анекдотовъ Суворова сост. В. Левшинымъ (М. 1809), гдѣ это письмо напечатано (стр. 65) при словѣ колдунъ прибавлено *„подполковникъ Берръ"* (?). Письмо писано изъ Финляндіи (въ 1791 г.), какъ видно и по содержанію.

(24) Не знаемъ, кто это.

eclater par leur esprit: pour la plupart leurs moeurs sont pervèrs.

Soyés farouche avec les hommes, ne leur parlés que très peu; lorsqu'ils vous parleront, repondés à leurs louanges par un silence modeste.

Esperés en la Providence! Elle ne tardera pas à rendre votre sort plus solide.... J'en reponds.

Lorsque vous serés dans les appartemens de la cour, et que par hasard là les anciens vous accostent, vous ferés mine de leur baiser la main sans leur rendre la votre pour le même objet. Ils sont le prince (25), I. I. Schuwalow, les c. Soltikow, les Narichkins vieux, p. Wiasemski vieux, aussi c. Besborodko, Sawadowski, les maitres de cour, c. Tchernichew vieux et d'autres. (26)

Переводъ. Да охраняетъ тебя всегда богиня невинности. Положеніе твое перемѣняется. Помни, что дозволеніе свободно обращаться съ собою порождаетъ пренебреженіе. Берегись этого. Пріучайся къ естественной вѣжливости, избѣгай людей, любящихъ блистать остроуміемъ: по большей части это люди извращенныхъ нравовъ. Будь сурова съ мущинами и говори съ ними не много; а когда они станутъ съ тобой заговаривать, отвѣчай на похвалы ихъ скромнымъ молчаніемъ. Надѣйся на Провидѣніе! Оно не замедлитъ упрочить судьбу твою... Я за это отвѣчаю. Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай. Это князь, И. И. Шуваловъ, графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый кн. Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры, старый графъ Чернышовъ и другіе.

XVIII.

Октября 4 дня 1794. (27)

Увѣдомляю симъ тебя, моя Наташа:
Костюшка злой въ рукахъ; взяла вотъ
такъ-то наша!
Я жъ веселъ и здоровъ, но лишь немного лихъ,
Тобою что презрѣнъ мной избранный
женихъ.
Когда любовь твоя велика есть къ отцу,
Послушай старика, дай руку молодцу.
Но впрочемъ никакихъ не слушай, другъ
мой, вздоровъ.
Отецъ твой Александръ графъ Рымникскій Суворовъ.

Отвѣтъ.

Для дочери отецъ на свѣтѣ всѣхъ святѣй,
Для сердца же ея любезнѣй и милѣй:
Дать руку для отца, жить съ мужемъ
по неволѣ,
И графска дочь ничто — ея крестьянка
болѣ.
Что можетъ въ старости отцу утѣхой
быть?
Печальный вздохъ дѣтей, иль имъ въ
весельѣ жить?

(25) ?

(26) Это, должно быть писано уже въ началѣ 1791 г. Дочь Суворова, по выходѣ изъ Смольнаго, взята была во фрейльны (Зап. Храпов. стр. 239) 3 марта этого года. Императрица помѣстила ее во дворцѣ, въ своей *уборной* (слышано отъ М. А. Талызина). Но это продолжалось не долѣе полугода. Суворовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вызвалъ изъ Вологодской деревни сестру свою Марью Вас. Олешеву и помѣстилъ съ нею Наташу, въ собственномъ домѣ, на Итальянской улицѣ. Можетъ быть, отчасти отъ этого, и произошла временная остуда: Рымникскаго героя послали въ апрѣлѣ того года осматривать Шведскую границу. Кажется, въ этотъ разъ Суворовъ всего долѣе оставался съ дочерью. Храповицкій записалъ подъ 1 дек. этого года: «Довольны, что откланивались Суворовъ и кн. Прозоровскій. Ils sont mieux à leurs places. Я сказалъ, что *уборная* не велика. Усмѣхнулись. Oui, cette chamre est trop petite.

(27) Этого стихотворнаго письма нѣтъ въ Талызинскомъ сборникѣ; перепечатываемъ его, равно какъ и отвѣтъ, изъ вышеназванной книги Левшина (стр. 66) Надо замѣтить, что книга эта вышла еще при жизни гр. Натальи Александровны, скончавшейся въ 1844 году.

Все въ свѣтѣ пустяки, богатство честь
и слава:
Гдѣ нѣтъ согласія, тамъ смертная отрава;
Гдѣ жъ царствуетъ любовь, тамъ тысячи отрадъ,
И нищій мнитъ въ любви, что онъ, какъ
Крезъ, богатъ.

XIX.

О, Наташа! Коли бъ ты здѣсь ѣхала, то бы такъ и плавала въ грязи, какъ въ пруду, сплошь версты двѣ-три на одинъ часъ. 19 ч. марта въ Таршанѣ. Кривы строки, свѣча очень темна, на скамейкѣ. Также ночью много напугались: великой дождь, громъ, молнія, лошади потеряли глаза, увезли въ пустую степь чрезвычайно далеко; ихъ изъ грязи люди таскали; повозки такъ насъ качаютъ, какъ въ колыбелѣ. Мой очень покорный поклонъ: графу твоему мущинѣ, бабушкѣ, дядюшкѣ, тетушкѣ, Аркадію ([28]) и всѣмъ нашимъ роднымъ и нероднымъ знакомымъ, и всѣмъ нашимъ пріятелямъ: я ихъ всѣхъ обнимаю. Графинѣ Елизаветѣ Васильевнѣ ([29]) поцалуй руку съ горячностью.

XX.

Наташа здравствуй съ домашними Христосъ съ вами!

XXI.

Ч. 17 марта. 20 в. за Черниговымъ: тепло, дождь, а колѣса по ступицу.

XXII.

Ч. 21 Марта 796 году. До полдень. Чрезъ Кіевъ. Великая грязь.

([28]) Сынъ Суворова, гр. Аркадій род. 1780. Онъ воспитывался, сколько знаемъ, у сестры своей.

([29]) Гр. Е. Б. Зубова, ур. Воронова, мать графовъ Зубовыхъ и свекровь Суворовской дочери.

XXIII.

Нов. д. С. К. Ч. 27 декабря 1798-го ([30]).

Другъ мой Наташа! письмо твое отъ 2-го декабря изъ Москвы получилъ. Божія милость тебѣ съ дѣтьми, кланяюсь любезному зятю, поздравляю васъ святыми вечерами и новымъ годомъ. Рисовальщикъ Фокъ паки укралъ у меня полугодовое содержаніе; Аркадію, слышно нечего носить. А. С.

XXIV.

Августа 27 дня 1799-го въ Піамонти городъ Асти.

Любезная Наташа! За письмо твое отъ 3-го іюня тебя цалую, здравствуй съ дѣтьми, благословеніе Божіе съ вами! А. С.

XXV.

Сестрица Наташа! Отъ 2-го марта твое письмо я получилъ 30 апр., въ Тортонѣ. Христосъ Воскресе! Цалую тебя съ дѣтьми.

XXVI.

Кобринъ марта дня 1800.

Наташа! когда я къ Д. И. пишу благословеніе Божіе съ домашними, или подобное, ты естественно тутъ же разумѣешься; слѣдственно въ особливой и дальней нужды нѣтъ: по такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ; неужли то Д. И. ([31]) такъ рѣдко къ тебѣ пишетъ? Сохрани тебя Боже впредь отъ болѣзни и даруй тебѣ Свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одной ногой изъ гроба выхожу. Цалую тебя. А. С. Р.

Это должно быть, вообще одно изъ послѣднихъ писемъ Суворова. Вскорѣ онъ поѣхалъ въ

([30]) Т. е. новая деревня, село Кончанское. Число 27 декабря 1798. Это знаменитое мѣсто ссылки Суворова находится Новогородской губ. Боровицкаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ.

([31]) Д. И. Хвостовъ.

Петербургъ, уже совсѣмъ изнуренный старостью и болѣзнями, и тамъ скончался 6 мая 1800 г. Дочери не было при его кончинѣ: вслѣдствіе беременности она оставалась въ Москвѣ (слышано отъ М. А. Талызина).

Б. КЪ ЗЯТЮ СВОЕМУ ГРАФУ Н. А. ЗУБОВУ.

I.

Гр. *Николай Александровичь Зубовъ*, старшій братъ извѣстнаго любимца Екатерины II, род. 1763 г., служилъ въ военной службѣ и давно былъ извѣстенъ Суворову. Возвышеніе его началось съ половины 1789 г., когда вошелъ въ силу братъ его Платонъ. Въ этомъ году, 25 сентября, онъ пріѣхалъ въ Спб. курьеромъ съ извѣстіемъ о Рымникской побѣдѣ и пожалованъ въ полковники (Храп. 207) Впослѣдстіи онъ былъ при имп. Павлѣ шталмейстеромъ и умеръ въ 1805 г.

Кинбурнъ ч. 26 мая 1788 года. ([32]) ,

Николай Александровичь! Отъ г. Фишера прибудетъ къ вамъ гранодеръ съ ножемъ и помочью для закидыванья ножа за плечо къ удобности въ походѣ и атакѣ пальбою, что̀ прошу васъ наискорѣе исправить. На сухомъ пути противъ бусурманъ потребно непрестанное движеніе! Оборонительнаго нѣтъ, коль паче отступательнаго. Пулю беречь (хоть у меня здѣсь 100 патроновъ, но на 3 дни бою); исправной прикладъ въ грудь, брюхо всегда застрѣлитъ своего человѣка. Отнюдь не разстрѣляться и позорно погибнуть на мѣстѣ какъ Анрепъ. Фланкернаго разбѣгу не надобно, у меня здѣсь по 4 стрѣлка въ корпоральствѣ для ихъ разсѣвныхъ. Пугательная пальба противника паче одобряетъ; крику нѣтъ, командъ не слыхать; по команды взводныхъ начальниковъ весьма громогласны; прибавьте команды: рѣжь, коли, руби. Присланный отъ г. Фишера раскажетъ вамъ иныя разныя примѣчанія.

Отъ храбраго Россійскаго гранодера не только сіи невѣрные варвары, но и никакое войско въ свѣтѣ устоять не можетъ. Господь Богъ вамъ въ помощь!

Александръ Суворовъ.

([32]) Это письмо, коего подлинникъ сохранился у В. В. Давыдова, свидѣтельствуетъ, что Суворовъ переписывался съ Н. А. Зубовымъ еще за семь лѣтъ до того, какъ выдалъ за него дочь свою. Дальнѣйшія письма къ нему начинаются большею частію словами: „Милостивый государь мой Александръ Николаевичь“, или „графъ Николай Александровичь“, и оканчиваются: „Съ истиннымъ почтеніемъ“ и пр. Слова эти для краткости здѣсь опускаются. Вносными знаками означено то что̀ написано Суворовымъ собственноручно.

II.

Его величество король Прусскій пожаловать изволилъ вамъ ордены чернаго и краснаго орловъ. Я, отправивъ ея императорскому величеству мое всеподданнѣйшее о томъ донесеніе съ испрошеніемъ о всевысочайшемъ соизволеніи, включаю у сего копію изъ письма его ко мнѣ, и, предварительно поздравляя ваше сіятельство съ пріобрѣтеніемъ толико знаменитыхъ знаковъ, имѣю честь и пр.

Февраля 21 дня 1795 года.
Варшава.

III.

Варшава. Марта 6-го 1795 году.

Вашего сіятельства благосклонное письмо отъ 22-го числа февраля меня наполняетъ пріятною утѣхою и совершенною благодарностію: платить вамъ буду моимъ простодушіемъ. Всемогущій Богъ даруй вамъ съ Наташею здравіе и благоденствіе! Въ великомъ я сожалѣніи и безпокойствіи о батюшкѣ вашемъ ([33]).

([33]) Отецъ графа Зубова, графъ Александръ Николаевичь Зубовъ скончался 20 февр. 1795 г.

Пребуду по мой гробъ съ дружбою и истиннымъ почтенiемъ и пр.

IV.

Коллежскаго совѣтника Iозефовича жену, отправляющуюся съ дѣтьми въ Санктпетербургъ къ ея мужу, поручаю благорасположенiю вашего сiятельства и графини Натальи Александровны, прося покорнѣйше оказать ей ласки по обязанности гостепрiимства и связи, сдѣланной мною крещенiемъ у ней дочери Александры.

Пребуду съ истиннымъ почтенiемъ и преданностiю, милостивой государь мой, вашего сiятельства покорный слуга «графъ Александръ Суворовъ Рымникскiй. Любезной Наташѣ Божiе благословенiе.»

Iюля 26 дня 1795 года

V.

Отъ 2-го числа вашего сiятельства писанiе я имѣлъ честь получить; за ласковое принятiе графа Муссе и сдѣланныя ему выгоды покорнѣйше благодарю. Желаю вамъ и графинѣ добраго здоровья, пребуду навсегда и пр.

Iюля 31 дня 1795 года.
Варшава.

VI.

По письму вашего сiятельства взысканныя съ князя Сулковскаго 500 чер., такъ какъ оныя принадлежатъ здѣсь казенному вѣдомству, покорнѣйше прошу прислать со вручителемъ сего господиномъ подполковникомъ Стерлиговымъ.

Августа 19-го дня.
1795 года.
Варшава.

68 лѣтъ отъ роду. Съ возвышенiемъ сына онъ получилъ видное мѣсто въ Сенатѣ. Державинъ изображаетъ его непривлекательными красками въ своихъ Запискахъ. — И такъ свадьба дочери Суворова должна была происходить осенью 1794 г., когда Суворовъ вполнѣ торжествовалъ, прiѣхавъ въ Спб изъ покоренной Варшавы.

VII.

Королевско-польской службы господина генералъ-порутчика и кавалера князь Михайлу Любомирскаго я покорнѣйше прошу вашего сiятельства принять какъ прiятеля, показать ему по востребованiю ваше благорасположенiе.

Сентября 4-го дня.
1795 года.
Варшава.

VIII.

Графа Виковскаго, моего прiятеля, вашему сiятельству препоручаю въ прiязнь и въ благорасположенiе, и по случаю его въ Санктъ-Петербургѣ нахожденiя по дѣламъ не оставьте вашимъ пособiемъ. „Наташа! будь ласкова съ его пр-вомъ Виковскимъ. Онъ честной человѣкъ. Намъ былъ всегда вѣренъ и мнѣ другъ."

Сентября 14-го дня.
1795 года.
Варшава.

IX.

Вручителя сего господина Модзелевскаго вашего сiятельства прошу принять какъ прiятеля и въ потребностяхъ его не оставьте вашими пособiями.

Сентября 15 дня.
1795 года.
Варшава.

X.

Господина секундъ-маiора Парчевскаго, отъѣзжающаго въ Санктпетербургъ съ своею женою, я имѣю честь поручить въ милость и покровительство вашего сiятельства. Покорнѣйше прошу оказать ему по востребованiю нужныя пособiя.

Съ истиннымъ почтенiемъ и пр.

«А ты Наташа, прiятствуй его бѣдной супругѣ. Она мнѣ дала гостинцу».

Октября 2 дня 1795 года.
Варшава

XI.

Вручителя сего г–на коллежскаго совѣтника Веревкина я имѣю честь поручить благосклонному вашего сіятельства расположенію, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію.

Октября 12 дня.
1795 года.
Варшава.

XII.

Письмо вашего сіятельства отъ 30 сентября чрезъ Сталыпиныхъ я имѣлъ честь получить, и относительно ихъ всякое отъ меня зависящее пособіе сдѣлано будетъ.

Изъ Берлина, отъ министра нашего г. Алопеуса, касательно входа въ Варшаву Прусскихъ войскъ и о другихъ по сему предмету свѣдѣніяхъ ничего еще не получено. Токмо извѣстно, что они запасы свои изъ Кракова поспѣшно вывозятъ. Таможъ австрійскій генералъ графъ Гарнонкуртъ увѣдомляетъ меня, что и изъ Сендомирскаго воеводства таковые запасы Прусаками вывозятся.

Отъѣздъ мой въ С.-Петербургъ я предполагалъ до учиненія всѣхъ надлежащихъ распоряженіевъ, что продлиться могло бы до декабря («соображая выходъ Прусскихъ войскъ изъ Грохова»); но какъ вчера Вилемъ Христофоровичъ получилъ повелѣніе отъ графа Петра Александровича въ разсужденіи вывода войскъ, въ которомъ явствуетъ раздѣленіе всѣхъ полковъ начальства моего въ команду его и князя Николая Васильевича, и я остался безъ команды: то, отправляя завтрешней день генералъ-маіора Арсеньева и Дмитрія Ивановича Хвостова въ передъ, самъ, снабдивши нужными о всемъ предписаніями господина ген. ан. Вил. Христ., выѣду 17 числа сего ноября.

Естьли назначеніе мнѣ въ другую какую сторону, то весьма желаю имѣть съ собою отсюда и генераловъ, какъ то Г. И-ча Шевича, П. А-ча Исленьева, Ф. П-ча Денисова и Ф. Ф–ча Буксгевдена.

Сего вручитель, маіоръ Сомовъ, отправленъ отъ меня для квартиры. Ваше сіятельство покорнѣйше прошу ему въ томъ препособить.

Остаюсь всегда съ совершеннѣйшимъ и пр.

«Въ Финляндіи былъ я за куликами, потомъ въ Херсонѣ пугаломъ Турковъ. Въ семъ интервалѣ Россія пострадала. Чтобъ не случилось того между Персіи и Туреціи. Тамерлановъ же походъ мнѣ не важенъ, хоть до Пекина ([34]). Поцалуйте за меня любезную Наташу».

Ноября 11 дня 1795 году.
Варшава.

XIII.

ч. 29 нояб. 1795 году. Телицы

За дружеское письмо ваше, и отъ Наташи, покорнѣйше васъ благодарю, какъ и Е. П. Ник. Дм. и Дм. И. Х. Особливо чувствительна мнѣ благосклонность его сіятельства графа Платона Александровича. «И вѣдомо дорога худа: могу въ понедѣльникъ опоздать. Стрѣльна отъ С. П. Б. 24 в., 4 часа, вторникъ 6 ч. по полуночи выѣхать, въ 10 ч. пріѣхать въ С. П. Б. и прямо къ освященнѣйшимъ стопамъ! Обнимаю васъ г. А. С. Р».

XIV.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ! Утро, рано 11 ч. марта проѣхали мы Великія Луки. Дорога худа, мятель. Наташѣ, Аркадію Божіе благословеніе! Домашнимъ мой дружескій поклонъ. Г. А. С. Р.

([34]) Импер. Екатерина II имѣла въ виду отправить войско противъ Китая.

XV.

Привезено чрезъ Сухарева.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ! Чрезъ Шкловъ до свѣта 14 ч. марта мы разсѣялись на пути по недостатку лошадей, порчѣ повозокъ, по перемѣнной зимней и лѣтней худой дорогѣ. Три товарища занемогли. Наташа! Одинъ разъ моя карета такъ катилась бокомъ, бокомъ и чуть гулять не пошла въ пропасть. Обнимаю васъ съ домашними! Г. А. С. Р.

XVI.

Тулчинъ марта 29 дня 1796 года.

Я въ горести: Черноморской 24-хъ ротной корпусъ сгубилъ столько людей въ 4 мѣсяца, сколько я потерялъ по Варшавской командѣ по всему количеству войскъ на силу въ полгода или чрезъ годъ вдвое, исключая раненыхъ; у князя Г. С-ча Волконскаго малое нѣчто таковое же. Увидите пространнѣе изъ моего письма къ гр. Плат. Алекс. Давно должно перемѣнить Киселева, худаго товарища Осипу Михайловичу ([35]). У меня подагра въ берцахъ отъ ушибу въ пути, больна и неопасна. Будьте съ Наташею и домашними здоровы. Господь Богъ съ нею. Я до издыханія съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью...

Приказъ.

Изъ представленной ко мнѣ отъ господина генералъ-аншефа и кавалера князь Григорія Семеновича Волконскаго вѣдомости о умершихъ въ войскахъ его дивизіи, со вступленія въ винтеръ-квартиры, то есть октября съ 21 прошлаго 795 сего 796 по мартъ мѣсяцъ разныхъ чиселъ, усматриваю, что оное существовало въ самой свирѣпствующей силѣ необычайно, какъ то явствуетъ изъ выписки. Таковому сихъ несчастныхъ людей приключенію найдено слѣдующее упущеніе. 1-е Черноморской гранодерской корпусъ и одна рота канонирская расположены были въ Одессѣ въ сырыхъ казармахъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ построеніемъ оконченныхъ тѣсно. 2-е Полоцкой мускетерской, бомбандирскія двѣ роты, двѣ канонирскія, фузилерная одна и фурштатская команда свыше 300, составляющая въ Тирасполѣ въ таковыхъ же 3-е бугскаго егерскаго корпуса 1-й и 4-й баталіоны и артиллерійская фузилерная въ Овидіополѣ частью тожъ. Сверхъ того употребленіе въ работы въ осеннее сырое и холодное зимнее время солдатъ, особливо при Одессѣ, хотя командующій генералитетъ имѣлъ долгъ предохранить отъ сихъ пагубныхъ слѣдствіевъ, прекращеніемъ оныхъ и выводомъ изъ помянутыхъ казармъ и расположеніемъ въ селеніяхъ, чего не учинено! За всѣмъ же тѣмъ, какъ тутъ, такъ въ Староингерманландскомъ, Алексопольскомъ, Архангелогородскомъ, Нижегородскомъ и Троицкомъ мушкатерскихъ, Елисаветградскомъ, Конноегерскомъ, 3-мъ егерскомъ Бугскомъ баталіонѣ и казачей пѣшей командѣ, расположенныхъ въ винтеръ-квартирахъ со всѣми выгодами, начальники не имѣли попеченія о солдатскомъ здоровьи: ибо правила данныя на то выполняемы не были, ротные командиры заболѣвшаго тотчасъ отсылали въ лазаретъ, при ротахъ не пользовали, въ лазаретахъ же не наблюдено содержаніе по сортамъ болѣзней и порознь, а всѣ вмѣстѣ. Въ слѣдствіе чего предписываю строго изыскать сіе нерадѣніе и виновнымъ полковымъ или баталіоннымъ начальникамъ учинить публичный выговоръ, ротнымъ же командирамъ, какъ и эскадроннымъ, отказать отъ команды впредь до ис-

---

(35) Рибасу. Объ Д. И. Киселевѣ см. Р. Арх. 1863, изд. 2, стр. 812 и д.

правленія. Прочихъ полковъ и баталіоновъ, показанныхъ въ другой выпискѣ, начальникамъ, кои похвально сохранили здоровье людей, изъявляю чрезъ сіе мою благодарность. Подлинной подписалъ Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

№ 135 апрѣля 7 дня.
1796-го.

XVII.

Я въ горести о умершихъ, увидите изъ приложеніевъ, какое въ здѣшнихъ полкахъ происходило, всѣ возможности приняты о пресѣченіи того.

Включаю вѣдомость о долговой суммѣ по провіантскому въ Варшавѣ департаменту, накопившейся по 1-е число генваря сего году, и знатнѣйшею частію послѣ моего отъѣзда и которую необходимо должно вскорѣ выплатить. Я сдѣлалъ о ассигнованіи и доставленіи сюда отношеніе его сіятельству графу Платону Александровичу, и васъ прошу попещись о томъ.

«Наташа! сего дня вторникъ Страстной недѣли; отъ вербнаго воскресенья я буду кушать послѣ завтра ([36]). Лѣвою ногою я очень храмлю; она къ качелямъ не поспѣетъ».

Апрѣля 15-го дня 1796.
Тулчинъ.

XVIII.

Ваше сіятельство имѣю честь поздравить съ пожалованіемъ отъ его величества императора княжескаго достоинства Римскія имперіи Платону Александровичу. Съ самаго отъѣзда моего я отъ васъ ничего не получилъ.

([36]) Т. е. въ Великій четвергъ, послѣ причащенія св. таинъ. Такъ и теперь держутъ постъ нѣкоторые благочестивые люди. Такъ держалъ его А. С. Хомяковъ.

Желая вамъ съ Наташею здоровья, пребуду всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

Апрѣля 19 дня.
1796-го.
Тулчинъ.

XIX.

Ваше сіятельство съ наступившими праздниками Воскресенія Христова имѣю честь поздравить; благослови Боже вамъ съ Наташею дни оные проводить въ совершенномъ здравіи и благополучіи. Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію.

Апрѣля 20 дня 1796.
Гор. Тулчинъ.

XX.

Письма вашего сіятельства отъ 26 и 29 марта, одно чрезъ Ѳедора Артемьевича Боровскаго, а другое чрезъ Сухарева, я имѣлъ честь получить. Благодарю за оныя и за увѣдомленія. Меня очень утѣшаетъ, что вы отзываетесь хорошо о Аркадіѣ. Наташѣ и ему Божіе благословеніе!

По письму вашему отъ 10-го апрѣля относительно Смоленскаго драгунскаго полку, ваше сіятельство увидите изъ копіи г. Чичерину.

Маія 4 дня 1796.
Тулчинъ.

XXI.

За письмо вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля чрезъ Жигулина покорнѣйше благодарю; Наташѣ и Аркадію Божіе благословеніе!

Степанъ Матвѣевичь меня увѣдомляетъ о успѣхахъ его упражненіевъ съ Аркадіемъ и хвалится имъ; скажите ему за то мою истинную благодарность.

Маія 7 дня 1796.
Тулчинъ.

XXII.

Сего дня отъѣзжаю я въ разныя мѣста и въ Тавриду ради произведенія по

войскамъ надлежащихъ маневровъ; обращусь въ половинѣ августа. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію.

Іюля 4-го дня.
1796 года.
Г. Тулчинъ.

XXIII.

За письмо вашего сіятельства отъ 19-го числа покорнѣйше благодарю. Желаю вамъ съ вашею графинею и домашними цѣлаго здоровья и благополучія. Я здоровъ, кромѣ ноги, обезпокоивающей еще нѣчто меня въ исправныхъ строяхъ въ объѣздѣ кордона: буду всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

Іюля 14-го дня.
1796 года.
Еленскъ.

XXIV.

Тулчинъ, августа 31 дня 1796 года.

Ваше сіятельство поздравляю въ новомъ чинѣ, съ графинею, которой Божіе благословеніе съ Аркадіемъ. Сей учится методически, не лутче ли ему сократить алгебру? Это ваше разсмотрѣніе; долгое время вы скупы были на письма. Остаюсь съ дружбою и почтеніемъ.

XXV.

Тулчинъ, ноября 30 дня 1796 года.

Любезный мой зять графъ Николай Александровичъ. Всемогущій Богъ благослови васъ на вѣру и вѣрность, и впредь на высочайшія императорскія милости! Благодарю васъ съ Наташею за письмо ваше отъ 12-го числа сего ноября. А. С.

XXVI.

Получено 30-го декабря отъ фельдъегера Өедора Сидорова Глаголева.

Тулчинъ, декабря 22 дня 1796.

Любезный мой зять графъ Николай Александровичъ! Господь Богъ благослови разрѣшеніе отъ бремени Наташи и новой годъ!

XXVII.

Любезный мой зять графъ Николай Александровичъ! Благодаря вамъ за письмо ваше отъ 6-го декабря чрезъ Тихоновскаго, желаю, дабы вы были въ полномъ удовольствіи и совершенномъ здоровьи. Наташѣ и Аркадію Божіе благословеніе, я же вамъ всегда пребуду и пр.

Декабря 29. 1796.
Тулчинъ.

XXVIII.

Кобринъ отъ 8-го апрѣля 1797-го года.

Христосъ Воскресе!

Графъ Николай Александровичъ. Вы меня потѣшили тѣмъ, чего не имѣлъ близь семидесяти лѣтъ: читая дрожалъ. Товій Ивановичъ меня успокоилъ, и благодарность Авдотьѣ Марковнѣ. Наташа, привози графа Александра Николаевича ко мнѣ въ гости, а онъ пусть о томъ же попроситъ своего батюшку, твоего мущину (37). А. С.

XXIX.

1798. Ген. 6 ч. Г. Н. А. Ю. А. Николевъ, чрезъ к. Кур. мнѣ высочайшую волю объявилъ. По силѣ сего, гр. В. И. прикажите отдать для пребыванія домъ, и ежегодно отпускать ей по 8000 р., на что примите ваши мѣры. А. С. (38).

---

(37) Писано изъ ссылки, по случаю рожденія перваго внука, гр. Александра Николаевича Зубова. Кобринъ, бывшее мѣстечко, принадлежавшее Суворову, нынѣ городъ Гродненской губерніи. Въ мартѣ 1797 г. Суворовъ, оставивъ службу въ Тульчинѣ, пріѣхалъ въ Кобринъ; въ слѣд. мѣсяцѣ по высоч. повелѣнію переѣхалъ на жительство въ Кончанское.

(38) Первыя буквы значатъ: графъ Николай Александровичь. — Ю. А. Николевъ есть тотъ коллежскій ассессоръ Юрья Николевъ, который приставленъ былъ тогдашнимъ генералъ-прову-

XXX.

Я вѣдаю, что гр. В. И. много должна. Мнѣ сіе постороннее.

О касающемся до раздѣленія моего собственнаго имѣнія по наслѣдству прилагая при семъ копію съ высочайшаго рескрипта, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ.

17 октября.
1798 году.
Нов. село Кончанскъ.

Графъ Александръ Васильевичъ, представленное отъ васъ распоряженіе имѣнія вашего, коимъ сыну вашему камергеру графу Суворову оставляются въ наслѣдство всѣ родовыя отцовскія и за службу пожалованныя вамъ деревни съ Московскимъ домомъ и высочайше жалованными вещми и бриліантами, а дочери вашей графинѣ Зубовой назначаются всѣ купленныя вами доселѣ деревни, и собственные ваши бриліанты, утверждая по желанію вашему во всей его силѣ, пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны. На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою *Павелъ*.

С.-Петербургъ.
Октября 2 дня.
1798 году ([39]).

роромъ кн. А. Б. Куракинымъ секретно наблюдать за Суворовымъ въ его ссылкѣ и который 22 сент. 1797 г. доносилъ, что Суворовъ живетъ одинъ въ избѣ, удаленной отъ селенія, подлѣ церкви; и что невозможно наблюдать за его сношеніями. Инструкція Николеву и его донесеніе напечатаны въ 4-й кн. Чтеній Общ. И. и Др. за 1862 г. Тамъ же находимъ благодарственное письмо жены Суворова изъ Москвы, отъ 24 дек. 1797 г. по поводу высочайшаго повелѣнія Суворову отвести ей домъ и давать денегъ на содержаніе. Въ этомъ письмѣ она говоритъ, что живетъ въ домѣ своего брата и видитъ себя уже тринадцать лѣтъ угнетенною, слѣд. ссора съ мужемъ началась около 1784 г.

([39]) Не находится ли этотъ рескриптъ въ связи съ извѣстнымъ прошеніемъ Суворова о поступленіи въ Нилову пустынь? На прошеніи этомъ не означено, къ сожалѣнію, года и числа (см. у Левшина, стр. 73).

XXXI.

Н. С. К. Ч. 18-го ноября 1798 году.

Вашего сіятельства почтенное письмо отъ 5-го числа сего мѣсяца имѣлъ честь получить и за содержаніе въ немъ приношу мою дружескую благодарность. Равно и Наташѣ. Поручаю ее съ дѣтьми подъ Божій покровъ, и пребуду съ истиннымъ почтеніемъ.

Приложеніе.

I.

Полученную мною отъ графа Александра Васильевича записочку объ отдачѣ графинѣ Варварѣ Ивановнѣ дома и ежегодно по 8000 рублей на ея содержаніе, при семъ къ вашему сіятельству препроводить честь имѣю для надлежащаго исполненія, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга.

Кн. Алекс. Куракинъ.

20 генваря.
1798 года.
Его с-ву графу Зубову.

II.

Копія съ письма Василію Николаевичу Чичерину отъ дежурнаго генерала Арсеньева.

Его сіятельство, высокоповелительный генералъ фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ приказать мнѣ изволилъ увѣдомить васъ вразсужденіи полку Смоленскаго, драгунскаго, который уповательно попеченіемъ вашимъ и подчиненныхъ вашихъ командировъ по достаточному на мѣстѣ въ Могилевѣ пребыванію исправиться могъ. Естли же что

не совсѣмъ, то ради докончанія довольно подлежащую команду оставить, которая и послѣ къ полку прибыть можетъ, и тако отлагательному выступленію препонъ никакихъ быть не предвидится.

III.

Копія съ письма Суворова въ графу П. А. Зубову отъ 14 сентября (1795).

По содержанію почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства отъ 9 числа августа съ приложеннымъ прошеніемъ къ императорскому величеству, доставленнымъ отъ Соломеи Джевонской, генералъ-маіоръ Буксгевденъ дѣлалъ съ Краковскимъ магистратомъ справку, и оказалось, что братъ ея ксендзъ Матвѣй Дзжевонской съ начала бунта въ краю Польскомъ дѣйствительно за переписку, служащую къ пользѣ ея императорскаго величества, отъ мятежниковъ въ криминальной судъ былъ отданъ и онымъ осужденъ къ смертной казни, которая и совершена отрубленіемъ головы. Да и помянутая Соломея Джевонская претерпѣвала разныя жестокости; нынѣ же, послѣ подачи ея императорскому величеству прошенія, вышла за мужъ Екатеринославскаго Егерскаго корпуса 1-го батальона за секундъ-маіора Парчевскаго, и обрѣтается при немъ. Ваше сіятельство о семъ извѣщая, имѣю честь быть и пр.

IV.

Копія

Милостивый государь князь Платонъ Александровичъ.

Принимая большое участіе въ пожалованіи вамъ, милостивый государь, отъ его величества императора княжескаго достоинства Римскія имперіи, поспѣшаю принесть вашей свѣтлости всепокорнѣйшее мое поздравленіе съ истиннымъ желаніемъ, дабы милости великой нашей монархини съ вящшимъ благоволеніемъ къ вамъ всегда простирались. До меня жъ императоръ скупъ; я ему больше утвердилъ и подарилъ, нежели подобная титла съ собою приноситъ. По вѣкъ мой съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга (подлинное подписалъ).

Графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

Апрѣля 19-го дня.
1796-го.
Тулчинъ.

V.

Копія.

Всемилостивѣйшій государь!

Во всеобщей вѣрноподданныхъ радости, каковое вождѣленное вашего императорскаго величества на прародительскій наслѣдственный престолъ возшествіе исполняетъ сердца ихъ, и я вдова, съ дѣтьми моими, дерзаю припасть ко освященнѣйшимъ стопамъ всеавгустѣйшаго монарха и повергнуть себя съ ними во всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ пребывая

Всемилостивѣйшій государь!

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая, покойнаго генералиссимуса жена, княгиня Варвара Италійская графиня князь Иванова дочь Суворова-Рымникская.

Изъ Москвы.
21 марта 1801 года.

VI.

Княгиня Варвара Ивановна! пріимите истинную признательность мою за поздравленіе, отъ васъ мнѣ принесенное. Служба и подвиги супруга вашего, на пользу отечества подъятые, даютъ вамъ полное право на особенное мое вниманіе; симъ считая я себя обязаннымъ памяти его никогда незабвенной и собственнымъ вашимъ чувствамъ, пребываю

вамъ всегда доброжелательный. На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако:

Александръ.

Въ Сп. бургѣ.
Марта 26.
1801 года (40).

В. КЪ Д. И. ХВОСТОВУ.

I.

Севастополь. Февраля 25 д. 1792 году.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь! Давно уже писать не изволите, и что у васъ новаго? Здѣсь слухъ, что Платонъ Александровичь Римской графъ; но утвердительнаго нѣтъ. Его сіятельство желаетъ его поздравить, но и въ сумнѣніи, справедливо ли. При семъ письмо. Ежели подлинно то свершено, то извольте вручить; а естьли мы здѣсь ошибаемся, оставьте у себя. Пребываю съ моимъ къ вамъ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Курисъ.

Приписка Суворова. Въ горахъ я упалъ, больно разшибъ грудь, колѣно и чуть не вышибъ зубы! Но ѣзжу верхомъ. Здравіе вамъ отъ Бога съ Наташею и домашними. Г. А. С. Р.

II.

Херсонъ. Февраля 26. 1793 году.

Дмитрій Ивановичъ. Не получая никакого свѣдѣнія на мои отзывы касательно присылки денегъ, напоминаю вамъ паки о непрестанномъ о томъ ходатайствованіи и частомъ меня извѣщеніи. «Я какъ ракъ на мели. Наташа съ домашними, Христосъ воскресе»!

III.

Херсонъ. Апрѣля 9 дня 1793 году.

Дмитрій Ивановичъ! Я въ безпокойствіи, не получая долгое время отъ васъ съ домашними увѣдомленіевъ ни почтою, ни съ курьерами, которые по флоту часто сюда прибываютъ. Здорово ли у васъ? Не упущайте почтъ, что̀ будете имѣть примѣчательнаго политическаго и по дѣламъ здѣшняго департамента, паче отпуску суммъ. Я во всякой нерѣшимости, не получая оныхъ. Побуждайте вашими напоминаніями Петра Ивановича (41) и Александра Николаевича. Вы обо всемъ извѣстны. Увѣдомляйте меня. «Божіе благословеніе Наташѣ и вамъ. Г. А. С. Р.»

IV.

Херсонъ. Февраля 9-го дня 1794 году.

Дмитрій Ивановичъ! Его превосходительства Николая Алексѣевича прошу я о запискѣ въ полкъ лейбъ-гвардіи преображенской малолѣтныхъ покойнаго генералъ-майора Ребока сына Бориса, подполковника Штенгеля Александра и маіора Долгинцова крестника моего Александра же сержантами. И тако не оставьте вы лично просить о семъ, и поелику свидѣтельства отъ Штенгеля нѣтъ, то оное испросите; получа же паспорты, ему вручить тамъ, а послѣднія два прислать ко мнѣ.

«Г. А. С. Р.

Наташѣ съ домашними Божіе благословеніе.»

---

(40) Жена Суворова пережила его нѣсколько лѣтъ. Она скончалась въ 1806 г. и погребена въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новомъ Іерусалимѣ), гдѣ лежитъ и сынъ Суворова.

(41) Турчанинова?

II. ПИСЬМА КЪ О. М. РИБАСУ (¹).

I.

Тенучь. Сентября 22 дня 1789 года.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ. Съ побѣдою вашего превосходительства надъ Гаджибеемъ имѣю честь поздравить (²). Усердно желаю, побѣждая и далѣе невѣрныхъ, заслужить лавры. Пребываю съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга *Александръ Суворовъ* (³).

II.

Милостивый государь мой Осипъ Михайлычъ. Ваше превосходительство съ полученіемъ императорской милости усерднѣйше поздравляю; радуюсь и желаю отъ всего сердца моего достигнуть и высшей степени сего ордена (⁴). Пребывая всегда съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Гравъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Ноября 5-го дня 1789 года. Берладъ.

(¹) Печатаются съ правописаніемъ подлинниковъ.

(²) Суворовъ говоритъ здѣсь о покореніи замка Гаджибея.

(³) Только подпись собственноручная, что́ и означено у насъ курсивомъ; при другихъ же письмахъ замѣчено, что они сплошь писаны Суворовымъ.

(⁴) Рибасъ получилъ 3 октября 1789 года орденъ св. Георгія 3-й степени за взятіе штурмомъ, предводительствуя ввѣреннымъ ему деташаментомъ, 14 сентября 1789 года, замка Гаджибея (Одессы) въ виду всего непріятельскаго флота. Желаніе Суворова, чтобы Рибасъ получилъ высшую степень этого ордена, вскорѣ исполнилось: 20 декабря 1790 года онъ получилъ орденъ св Георгія 2-й степени за разбитіе Турецкой флотиліи въ нижней части Дуная и за овладѣніе крѣпостями Тульчею и Исакчею.

III.

Милостивый государь мой Іосифъ Михайловичъ. Ваше превосходительство имѣю честь проздравить съ полученіемъ за ваши знаменитыя заслуги отечеству монаршей милости ордена св. Александра Невскаго (¹); искренно желаю вамъ и дальнѣйшихъ успѣховъ. Пребуду всегда съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга

г. Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Марта 28 дня 1792 года. Роченсальмъ.

IV.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ. Эмисеръ вашего превосходительства стоитъ того, чтобъ его удержать для полз̀ы дѣлъ; и такъ прошу покорно оставить его у себя, а при случившейся надобности, взирая на обстоятельства, не оставте отправить его, о чемъ предварительно увѣдомите меня; до того же полагаю ему въ мѣсяцъ на содержаніе по 2 рубли, и при семъ двѣнадцать рублей.

Пребываю съ совершеннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Г. Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Апрѣля 6-го дня 1793 года. Херсонъ.

V.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ! Пребывающій въ Константинополѣ повѣренный въ дѣлахъ г-нъ полковникъ и кавалеръ Хвостовъ (²) увѣдомляетъ меня, что вскорѣ отправится изъ

(¹) Орденъ св Александра Невскаго былъ пожалованъ Рибасу 18 марта 1792 года.

(²) Александръ Семеновичъ Хвостовъ занималъ постъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ

Константинополя нѣкто Коуферъ, архитекторъ, опредѣленный Портою для построенія Бендерской крѣпости. Я, съ помянутаго отзыва вашему превосходительству сообщая у сего точную копію, покорнѣйше прошу для означеннаго во ономъ дѣла выбрать изъ чужестранныхъ въ Днѣпровскомъ или Николаевскомъ приморскихъ полкахъ по вашему благоразсмотрѣнію способнаго къ тому офицера, коего не оставьте снабдить своею инструкціею и препроводить ко мнѣ непродолжительно, дабы не упустить нужнаго случаю. Сего офицера нахожу я удобнымъ на первой случай пребываніе въ Дубосарѣ.

Пребываю въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Апрѣля 8 дня 1793 года. Херсонъ.

Копія съ письма пребывающаго въ Константинополѣ повѣреннаго въ дѣлахъ господина полковника и кавалера Хвостова, писаннаго отъ 16-го марта сего 793-го года.

На сихъ дняхъ отправится отсюда нѣкто Кауферъ, архитекторъ, опредѣленной Портою для построенія Бендерской крѣпости; онъ же, какъ думать можно, и въ Измаилѣ употребится, или по крайности то вѣрно, что обо всѣхъ крѣпостяхъ вѣрное свѣдѣніе имѣть будетъ. Сей архитекторъ преданъ намъ и буде ваше сіятельство заблагоразсудите, то не угодно ли дать мнѣ знать кого назначить изволите къ тому, чтобъ свести съ Кауферомъ знакомство и получить отъ него все нужное, дабы я могъ Кауферу дать знать кому онъ открыться можетъ.

въ Константинополѣ до пріѣзда туда чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, камеръ-юнкера Виктора Павловича Кочубея.

VI.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ. Почитая всегда заслуги и достоинства вашего превосходительства, долгомъ поставляю изъявить искреннѣйшее мое поздравленіе съ полученіемъ высочайшаго благоволѣнія, чина вицъ-адмирала ([1]); искренно желаю, чтобъ оное принесло столько же вашему превосходительству удовольствія, сколько я принимаю въ ономъ участія, и чтобъ милости монаршія отдавали достоинствамъ вашимъ и впредь достодолжное воздаяніе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Сентября 24 дня 1793-го года. Херсонъ.

VII.

Cherson. 22 10 bre 1793.

Bon jour et bon an; Dieu vous prospère avec votre chère famille. Hier dans une lettre par poste au lieutenant colonel Hwostow je me plains à vous amèrement de ce qu'on m'a frustré de recrues: Dolg. a sur 10,000—6,000 et Jg. sur 6,000—4,000, et moi un 000; suis-je donc un zéro? à tout risque il seroit mieux à nous de le racommoder s'il se peut.

Kahowsky m'envoit 23 b., tout son magasin, et il m'en faut au delà de 12,000 inf.

Charmé par votre lettre 5-me du courrant, je suis très touché des bontés de S. E. C. Z. Ne vous cachant rien je vous avois averti ici sur Elmpt: je lui reponds avec reconnoissance y ajoutant la réponse à Henri: „Sire il est

([1]) Вмѣстѣ съ производствомъ въ чинъ вице адмирала, Рибасъ былъ назначенъ командиромъ Черноморскаго гребнаго флота.

tems“. Vous avouerez aussi que je suis embarassé dans le service par ma chère enfant dont vous avés la bonté de louer la candeur et l'innocence, et à cela plus qu'il ne faut, et à même des graces pour lesquelles je voudrois mieux voir le promis en fuseau sur mes 64 a. si ce n'est à le fixer dans l'ether. A l'invention il faut du discernement, à la suite fermeté se garder du mauvais choix: ainsi point de comparaison entre Ig. et le frère de M-me S. Pour tous les cas jusques la translative de vous à moi. Ig. a 6 régimens et D. 10 cos. de Don et auprès de nous le seul Bokow, 2 autres sont pour la Tauride G. M. Plat. est un très brave homme, il pourroit échanger une partie de ses Ekatérinosl. contre les sûsdits; les 2 reg. Czuguiews sont bons, je ne suis pas au fait du 3-me. Mais rien qu'emplement sur les flottes dont vous reconnoitrés les réparations par la liste ci-jointe que j'hazarde de vous communiquer si elle vous manque, sans vouloir tant soit peu me compromettre avec Nik. Sem. en chérissant la modestie. Vollant est sur le Dniestr pour peu de tems; vous savés qu'il nous seroit bon pour quart. m.; ancien, Pistor, va dit-on quitter contre qui je n'ai rien à redire.

Je persiste un peu à être délié avec mon ami Sat. qui m'a si souvent vendu à fausse monnoye.

Par ma pédanterie ici les trouppes se portent bien, et en ordre, principalement je suis content du laborieux Wolk. Ros. est maladif en son gouffre de Karasbazar, honnete homme comme Lew. parti chez vous pour 29 jours. Hélas! Fragilité de la fortune, je plains S. E. Siev. mais quelle foudre tombe sous mes pas.—Altes...... Dieu veuille que ce fût un météore, que C. P. A. lui pardonne, Grib.

Je vous embrasse, intime ami! Mon cher Осипъ Михайловичъ.

Херсонъ 22 декабря 1793 (1).

Переводъ. Здравствуйте; съ новымъ годомъ; да наградитъ Господь васъ счастіемъ съ вашимъ дорогимъ семействомъ.

Вчера въ письмѣ, отправленномъ по почтѣ къ подполковнику Хвостову (2), я горько жалуюсь вамъ на то, что мнѣ не дали рекрутъ. Долгоруковъ (3) на 10.000 получилъ 6000, Игельштромъ (4) на 6000 — 4000, а я 000. Развѣ я нуль? Но чтобы ни стало, намъ слѣдуетъ поправить дѣло, если это возможно. Каховскій (5) присылаетъ ко мнѣ 23 человѣка, весь свой запасъ, а мнѣ нужно болѣе 12.000 человѣкъ пѣхоты.

Ваше письмо отъ 5 сего мѣсяца меня обрадовало; я очень тронутъ благосклонностію его превосходительства графа Зубова (6). Не скрывая ничего отъ

(1) Все письмо собственноручное, на французскомъ языкѣ; оно замѣчательно тѣмъ, что писано въ тотъ самый день, когда на Гродненскомъ сеймѣ былъ утвержденъ второй раздѣлъ Польши.

(2) Къ Дмитрію Ивановичу Хвостову, впослѣдствіи графу, служившему въ это время, сверхъ комплекта, въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку.

(3) Генералъ-аншефъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, начальствовавшій войсками въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши и въ Малороссіи; онъ умеръ въ 1830 году.

(4) Генералъ-аншефъ баронъ Осипъ Андреевичъ фонъ-Игельштромъ (впослѣдствіи графъ, Псковскій и Смоленскій генералъ-губернаторъ) начальствовалъ надъ войсками, расположенными въ Польшѣ и Литвѣ; онъ умеръ въ 1823 году.

(5) Генералъ-аншефъ Михайло Васильевичъ Каховскій, бывшій Пензенскимъ и Нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ; онъ пожалованъ въ графы 5 апрѣля 1797 года и умеръ въ началѣ 1800. Братъ его, генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Каховскій, исправлялъ въ это время должность губернатора Екатеринославскаго намѣстничества.

(6) Генералъ-фельдцейхмейстера графа Платона Александровича, занимавшаго должность Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора. Суворовъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Браццавской и Екатеринославской губерніяхъ, во вновь пріобрѣтенныхъ и Таврической областяхъ.

васъ, я сообщилъ вамъ объ Эльмптѣ (7). Отвѣчаю Зубову съ благодарностiю, къ которой присоединяю отвѣтъ, данный Генриху: „Государь, время уже наступило“. Вы также должны сознаться, что мнѣ составляетъ помѣху въ службѣ моя любезная дочь (8), искренность и невинность которой вы хвалите по своей добротѣ; она имѣетъ эти достоинства болѣе чѣмъ слѣдуетъ, а также прелести, за которыя я хотѣлъ бы, при моихъ 64 годахъ, видѣть жениха веретеномъ, если это только не значитъ утвердить его въ эѳирѣ. Послѣ изобрѣтательности необходима разборчивость, потомъ твердость уберечься отъ дурнаго выбора: поэтому никакого нѣтъ сравненiя между Иг. и братомъ г-жи З., во всякомъ случаѣ до вашего сообщенiя мнѣ.

Игельштромъ имѣетъ 6 полковъ донскихъ казаковъ, Долгорукiй — 10, а мы одинъ — Бокова (9); два другiе назначены въ Тавриду. Генералъ-маiоръ Платовъ (10) молодецъ; онъ могъ бы обмѣнять часть своихъ Екатеринославскихъ полковъ на вышеназванные. Два Чугуевскiе полка хороши; о третьемъ я ничего не знаю. Пространнѣе о флотѣ; объ исправленiяхъ въ немъ вы узнаете изъ прилагаемой у сего росписи, которую я сообщаю вамъ на тотъ конецъ, если вы ее не имѣете, нисколько не желая впрочемъ черезъ это ссориться съ Николаемъ Семеновичемъ (11), дорожа скромностью. Де Волантъ (12) на Днѣстрѣ, гдѣ пробудетъ недолго. Вы знаете, что онъ былъ бы для насъ хорошимъ квартирмейстеромъ. Старый квартирмейстеръ Писторъ (13), котораго я не могу ни въ чемъ порицать, говорятъ, оставляетъ должность. Я настаиваю не много на томъ, чтобы меня развязали съ моимъ другомъ Сат., который такъ часто меня продавалъ.

Вслѣдствiе моего педанства, здоровье здѣшнихъ войскъ хорошо и они въ порядкѣ; особенно я доволенъ трудолюбивымъ Волконскимъ (14). Розенбергъ (15) лежитъ больной въ своей Карасубазарской разщелинѣ; честный Лев. поѣхалъ къ вамъ въ 29 дневный отпускъ.

Увы! какая превратность счастiя! я соболѣзную объ его превосходительствѣ Сиверсѣ (16). Но какая молнiя падаетъ передо мною — Альтести (17)... Дай Богъ, чтобы это былъ только метеоръ, и чтобы графъ Платонъ Александровичъ его простилъ. Гриб. Обнимаю васъ, сердечный другъ, мой дорогой Осипъ Михайловичъ.

VIII.

Kherson le 9 de decembre 1793.

Excellence, intime ami! Ne faitez pas fond sur les faibles Montenegrins, ils font des irruptions et ne pousseront pas loins. Mahmut de Scutari combattra pour son independance, restant contant

---

(7) Генералъ-аншефъ графъ Иванъ Карловичъ Эльмптъ.

(8) Графиня Наталья Александровна, вышедшая потомъ замужъ за графа Николая Александровича Зубова.

(9) Отъ армiи премьеръ-маiора Гаврила Бокова.

(10) Извѣстный Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

(11) Вице-адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, предсѣдательствовавшiй въ Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленiи.

(12) Инженерный подполковникъ Сентъ де Волантъ; онъ вступилъ въ нашу службу въ 1787 году и былъ откомандированъ въ Екатеринославское намѣстничество.

(13) Генералъ-квартирмейстеръ въ Польшѣ, генералъ-маiоръ Яковъ Матвѣевичъ Писторъ.

(14) Генералъ-поручикъ князь Григорiй Семеновичъ Волконскiй, находившiйся при войскахъ въ Екатеринославской губернiи; онъ впослѣдствiи былъ генераломъ отъ кавалерiи и занималъ должность Оренбургскаго генералъ-губернатора; умеръ въ 1824 году.

(15) Генералъ-поручикъ Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, состоявшiй при войскахъ, расположенныхъ въ Тавридѣ.

(16) Т. е. о немилости, внезапно постигшей графа Я. Е. Сиверса во время втораго раздѣла Польши и которая, по новѣйшимъ изслѣдованiямъ, была только по наружности. *П. Б.*

(17) Альтести былъ домашнимъ секретаремъ графа Платона Александровича Зубова.

de ses limites du mont Olymp si l'on saura s'y prendre. Comptez plus sur votre Ali bacha; son ami Pizzilli vous en donnera des notions claires; il y a quelques mois que l'infortuné Lambro Cazzoni avoit un asyle sur terre ferme vis à vis de Corfu chez Pascodora, capitaine grec riche en guerriés; Pizzilli, son compagnon d'armes, est très connu à Chimara et ailleurs: il est toujours incroiable que les Venitiens voudront se mêler, autrement on pouvait profiter d'un grand nombre des braves Grecs insulaires sur leur Adriatique excepté les sublimes. Notre Ф. П. ne veut pas ceder Candie aux Anglois en zêlé Hollandais: il est vrais nous avons une ebâuche imparfaite pour les plans d'operation, mais consultez votre prudence, même si l'en faudra, à cela il faut attendre ici votre retour afin d'etre eclairci par vous des circonstances et profiter de vos sages lumières. Dans vos 60 batimens à Nicolaif les 34 lansons sont pour deux campagnes etc. et penetre dans la position des barbares; l'année qui vient pourrait etre facile, la suivante double les obstacles, celle d'après de même, ainsi *des autres*. Ф. П. comptait dernierement *ici* le nombre des troupes pour agir de 20 à 24 m. hommes, y compris les cossacs; il a oublié de decompter ce qu'il faudra pour la marine. Au reste je me porte comme je me suis porté ne pouvant digérer que du nombre 9, je suis degradé au *dixième* apres 7 ans des fidels services, et même au surplus devenu subalterne dans *les gardes*. Que ne m'envoyez vous pas mourir avec honneur contre les regicides! Vous voici les annecdotes de Lambro Cazzoni que vous me rendrez à votre retour.

C. A. S. R.

Херсонъ 9 декабря 1793 ([1]).

Переводъ. Ваше превосходительство, искренній другъ. Не полагайтесь на слабыхъ Черногорцевъ; они дѣлаютъ вторженія, но далеко не пойдутъ. Махмутъ Скутарскій будетъ сражаться за свою независимость, и останется доволенъ своими границами до горы Олимпа, если только съумѣютъ за это взяться. Расчитывайте болѣе на вашего Али-пашу; пріятель его Пицилли дастъ вамъ о немъ точное понятіе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ несчастный Ламбро Каццони имѣлъ убѣжище на твердой землѣ противъ острова Корфу у Паскодора, греческаго капитана, имѣющаго много солдатъ. Пицилли, его товарищъ по оружію, очень извѣстенъ въ Чимарѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Онъ все еще не вѣритъ тому, что Венеціанцы не захотятъ вмѣшиваться, иначе можно было бы воспользоваться большимъ числомъ храбрыхъ Грековъ, живущихъ на островахъ Адріатики, за исключеніемъ высшихъ. Нашъ Ф. П. ([2]), какъ истинный Голландецъ, не хочетъ уступать Кандію Англичанамъ. Правда, мы имѣемъ самый несовершенный очеркъ плана дѣйствій; но посовѣтуйтесь съ вашимъ благоразуміемъ, въ случаѣ нужды. Для этого надо ждать вашего сюда возвращенія, чтобы вы разъяснили намъ обстоятельства и чтобы мы могли воспользоваться вашихъ знаніями. Въ числѣ 60 судовъ, находящихся въ Николаевѣ, 34 вскорѣ прослужатъ 2 компаніи и пр. Проникнуть въ позицію, занятую варварами, наступающій годъ представляетъ легкость; въ слѣдующемъ препятствія удвоятся, въ послѣдующемъ также, и такъ далѣе. Въ послѣдній разъ Ф. П. насчиталъ здѣсь дѣйствующихъ войскъ отъ 20 до 24.000 человѣкъ, включая и козаковъ; но онъ забылъ вычесть изъ этого числа то, что̀ понадобится для

([1]) Письмо писано на французскомъ языкѣ рукою де Волланта и только подписано Суворовымъ.

([2]) Францъ Павловичъ де Воллантъ.

флота. Впрочемъ здоровье мое все въ прежнемъ положеніи. Будучи въ состояніи переваривать только девятерыхъ, я пониженъ въ десятые послѣ 7 лѣтъ вѣрной службы, и кромѣ того даже сдѣлался младшимъ въ гвардіи ([3]). Отъ чего вы меня не пошлете умирать съ честію противъ цареубійцъ? Вотъ вамъ анекдоты о Ламбро Каццони, которые вы мнѣ отдадите по вашемъ возвращеніи. *Г. А. С. Р.*

IX.

Kherson ce 8 de Janv-r. 1794.

Excellence, intime ami Joseph Müchailovitch!

La main vous est connu et nous repondrons tous deux ensemble. Le major Ignatief, ami de m r Гр.: se depêche à partir chez lui et même je compte pour un crime de l'avoir retenu ici un couple des jours: ainsi dans quelque peu des jours nous pourrons finir l'ébauche du plan..... en français, qui vous sera envoié que vous jugerez à propos de rendre à son exc. M–r, le c-te П. A. en y ajoutant vos principes de prudence. C'est à votre retour que nous le rendrons plus exact selons les circonstances que nous pourrions ignorer, par le développement de votre prévoiance et de vos lumières. *La flotte à voile*, qui pour le présent manque même de taquellages, ne peut entrer en grand objet vû l'amiral commandant est lui même chez vous, quoique protectrice de *celle à rames*, notre principal objet, doit pêser sur celle-ci au possible.—Vous y êtez mal amiral. Sa durée pour la plus part n'est que pour deux ou trois campagnées comme j'ai eu l'honneur de vous détailler excepté les lotkas Tchernomortzi nos favorits. Mes esprits nagent encore dans la fièvre des recrues, et celle de P-r D.... commence à se diminuer, c'en est assez; vous verrez notre courier dans quelque peu des jours,—tachez de retourner bientôt ici. Vos répetitions des *confiance* et *confiances*..... Sachez, comme vous savez, qu'en ma pleine sincérité; j'ai toujours estimé c-te П. A. malgré votre apostrophe et votre belle repartie. Vous nous charmez par vos gracieuses lettres reçues par Korschenevsky et comme il n'y s'agit que du bien de l'état, je vous témoignerez une fois mon obligation devant le trône du Toutpuissant.

C. A. S. R.

Херсонъ 8 января 1794

Переводъ. Ваше превосходительство, искренній другъ Іосифъ Михайловичъ. Рука вамъ знакома ([1]), и мы оба будемъ вамъ отвѣчать вмѣстѣ. Маіоръ Игнатьевъ ([2]), другъ г. Гр., торопится возвратиться домой, и я считаю даже преступленіемъ, что задержалъ его здѣсь на два дня. И такъ черезъ нѣсколько дней мы въ состояніи будемъ окончить набросокъ плана..... на французскомъ языкѣ, который пришлется къ вамъ для передачи, когда вы найдете то удобнымъ, его сіятельству графу Платону Александровичу ([3]), съ присоединеніемъ къ нему вашихъ правилъ благоразумія. По вашемъ возвращеніи мы сдѣлаемъ его болѣе точнымъ, согласно съ обстоятельствами, которыхъ мы могли не знать, вслѣдствіе развитія вашей пре-

([3]) Суворовъ по порядку старшинства былъ девятымъ генералъ-аншефомъ и старшимъ подполковникомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Принятый въ службу изъ отставки, генералъ-аншефъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ былъ поставленъ выше Суворова и зачисленъ также подполковникомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, слѣдовательно сдѣлался въ немъ старшимъ подполковникомъ.

([1]) Письмо писано на французскомъ языкѣ де Воллантомъ, подъ диктовку Суворова, который только его подписалъ.

([2]) Изюмскаго легко-коннаго полка премьеръ-маіоръ Василій Игнатьевъ.

([3]) Зубову.

дусмотрительности и вашихъ свѣдѣній. Парусный флотъ, у котораго въ настоящее время не достаетъ даже такелажа, не можетъ составлять главнаго предмета, и по той причинѣ, что начальствующій имъ адмиралъ (⁴) самъ находится у васъ, хотя, покровительствуя гребному флоту, мы тѣмъ не менѣе должны обращать по возможности все вниманіе на парусный. Вы въ этомъ дѣлѣ, адмиралъ, не правы! Гребной флотъ большею частію служитъ двѣ или три компаніи, какъ я уже имѣлъ честь вамъ подробно изложить, за исключеніемъ Черноморскихъ лодокъ—нашихъ любимицъ. Я продолжаю находиться отъ рекрутъ въ лихорадочномъ состояніи, тогда какъ оное у князя Долгорукова начинаетъ уменьшаться; но довольно объ этомъ. Черезъ нѣсколько дней вы увидите нашего курьера; постарайтесь скорѣе его сюда вернуть. Ваши повторенія о довѣріи и о довѣріи.... Знайте, какъ это уже вамъ извѣстно, что въ моей полной искренности я всегда уважалъ графа Платона Александровича, не смотря на вашъ выговоръ и вашу прекрасную отповѣдь. Вы насъ обрадовали вашими пріятными письмами, доставленными Корженевскимъ, и такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о благѣ государства, то я вамъ изъявлю мою благодарность передъ престоломъ Всемогущаго.

Г. А. С. Р.

X.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ! Господинъ бригадиръ и кавалеръ Шапиловъ, служившій прежде въ Черноморскомъ флотѣ, изъяснилъ мнѣ свое положеніе, какъ усмотрѣть изволите изъ записки его, у сего включаемой. Я, снисходя на оное, вашего превосходительства покорнѣйше прошу помочь ему, если имѣете вы на то случай. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Генваря 19 дня
1794-го года.
Херсонъ.

(⁴) Командующій корабельнымъ флотомъ вице-адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ.

XI.

Le 4 juin 1794. Wolodarka sur le chemin à Bielatzerkow.

Chère excellence Осипъ Михайловичъ! Nous les avons prevenus de quelques jours ou plutôt de 24 h. Ici, colonne du milieu, và bien; droite, br. Stall-indecis; gauche, G. M. Lewaschow—silencieux: encore ne vous reponds-je pas de la fin, qui doit arriver en 8 j.; en attendant preparés moi à S-t PB. pour plutôt finir en Pologne et retourner sous vos ordres, autant que vous le pourrés; cela interesse le bien public; si ce n'est que par faction on ne me vueille faire reabimer dans la lacheté.

Je vous embrasse! Mes respects à Nic. Sem. et à tous mes amis. Derfelden a un peu battû son *) Helm tirant vers Krasnostaw et Lublin. Je suis très content de mon vieux respectable chef.

C. A. S. R.

4 іюня 1794. Володарка по дорогѣ въ Бѣлую церковь (¹).

Переводъ. Ваше превосходительство, дорогой Осипъ Михайловичъ. Мы предупредили ихъ нѣсколькими днями, или скорѣе сутками. Здѣсь средняя колонна (²), идетъ хорошо; правая—бригадиръ

*) Вѣроятно должно читать: sous.

(¹) Письмо писано на французскомъ языкѣ рукою Суворова. Въ Володаркѣ была имъ обезоружена находившаяся тамъ Подольская бригада польскихъ войскъ. Здѣсь онъ пробылъ нѣсколько дней, поджидая прибытія откомандированныхъ отрядовъ.

(²) Эта колонна находилась подъ начальствомъ самого Суворова.

Шталь (³) — нерѣшительно; лѣвая—генералъ-маіоръ Левашовъ (⁴) — молчитъ. Я вамъ еще не отвѣчаю за окончаніе, которое должно послѣдовать черезъ недѣлю. Пока приготовьте мнѣ въ Петербургѣ, сколько вамъ это будетъ возможно, чтобы скорѣе покончить дѣло въ Польшѣ и возвратиться къ вамъ; это касается блага общественнаго, если только интригующая партія не желаетъ меня вновь повергнуть въ бездѣйствіе.

Обнимаю васъ. Мое почтеніе Николаю Семеновичу (⁵) и всѣмъ моимъ друзьямъ. Дерфельденъ (⁶) не много разбилъ подъ Хельмомъ (⁷), по дорогѣ къ Красноставу и Люблину. Я очень доволенъ моимъ старымъ, почтеннымъ начальникомъ (⁸).

Г. А. С. Р.

XII.

le 5 juin 1794. Wolodarka

Après la mi-semaine, Dieu vueille, nous serons à Bielacierkow, belle brigade Dnieprowska 1700 h. Islenew, Chewiz, Poliwanow, Issaiew se sont très bien comportés. Tout se congedie excepté quelques peu d'officiers que même j'ignore. Stall a été éveillé en sursaut par le jeune Tchorba, et l'execution n'y souffre là plus de retard. Le seul Lewaszow est inpénétable, of. Timaszew l'a chargé; s'il l'a mis en mouvement — m'est encore inconnu, là ne sont que 5 à 6.00 artilleurs; malgré cela j'entends qu'il y va aussi bien. Force officiers sont en pleurs et m'entrainent à leur faire compagnie, les soldats pour la plupart sont contents: à mon étonnement les trouppes étoient bonnes, beaucoup manquoient de chevaux et de quelques armes. Mille graces à votre excellence pour les гостинцы Grecs et Latins. Je vous baise les mains. A Bielacerkow je dois finir.

5 іюня. 1794 Володарка (¹).

Переводъ. Черезъ четыре дня, Богъ дастъ, мы будемъ въ Бѣлой Церкви; прекрасная Днѣпровская бригада, 1700 человѣкъ (²). Исленьевъ (³), Шевичъ (⁴), Поливановъ (⁵), Исаевъ (⁶) очень хорошо дѣйствовали. Все ѣдетъ въ отпускъ, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, которыхъ я даже незнаю. Шталь (⁷) былъ внезапно разбуженъ молодымъ Чорбою (⁸), и выполненіе тамъ болѣе не терпитъ замедленія. Одинъ Левашовъ (⁹) непроницаемъ; офицеръ Тимашевъ его воодушевилъ, но заставилъ ли онъ его дѣйствовать — мнѣ еще неизвѣстно. Тамъ только находятся отъ 500 до 600 артиллеристовъ; не смотря на это, я слышу, что тамъ

(³) Переяславскаго конно-егерскаго полка бригадиръ Густавъ фонъ Шталь.

(⁴) Генералъ-маіоръ Өедоръ Ивановичъ Левашовъ, флигель-адъютантъ ея императорскаго величества.

(⁵) Мордвинову.

(⁶) Генералъ-поручикъ Отто Ивановичъ фонъ Дерфельденъ, исправлявшій должность Уфимскаго и Симбирскаго генералъ-губернатора, находился при войскахъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова.

(⁷) Подъ Хельмомъ Дерфельденъ одержалъ побѣду надъ Заіончикомъ, потерявшимъ въ этомъ дѣлѣ большую часть своей артиллеріи.

(⁸) Генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ.

(¹) Письмо писано на французскомъ языкѣ собственноручно Суворовымъ.

(²) Здѣсь идетъ рѣчь объ обезоруженіи Днѣпровской бригады польскихъ войскъ, стоявшей въ Бѣлой Церкви.

(³) Генералъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Исленьевъ.

(⁴) Генералъ-маіоръ Георгій Ивановичъ Шевичъ.

(⁵) Бригадиръ Черниговскаго карабинернаго полка Юрій Поливановъ.

(⁶) Бригадиръ Иванъ Исаевъ.

(⁷) Бригадиръ Переяславскаго конно-егерскаго полка Густавъ фонъ Шталь.

(⁸) Подполковникъ Полтавскаго легко-коннаго полка Иванъ Чорба.

(⁹) Генералъ маіоръ Өедоръ Ивановичъ Левашевъ.

все идетъ также хорошо. Многіе офицеры плачутъ и увлекаютъ меня послѣдовать ихъ примѣру; солдаты большею частію довольны. Къ моему удивленію войска были хороши; во многихъ не доставало лошадей и кое-какого оружія.

Тысячу разъ спасибо вашему превосходительству за Греческіе и Латинскіе гостинцы. Цѣлую ваши руки. Въ Бѣлой Церкви я долженъ докончить.

XIII.

Le 14 juin 1794. Bielazierkow.

Vous apercevés les personnalités: C. Nik. Z-w—agent de Warsowie, C. Wal. Z-w — l'Achille immédiat de la piece. J'ai pourtant hazardé d'insinuer quelque chose pour ma foible excistance au C. P. A. R. Z. sans esperance. P. R. étant chef en Pol. et Lith. et moi condamné-conducteur du génie. Aussi C. W. Z. a meilleur parti avec un Derf. quiconque qu'avec moi; de même est-il naturel que l'individu a plus d'avantage en ne se pas depechant trop pour la fin, ce qui est contraire à ma façon.

14 іюня 1794. Бѣлая Церковь.

Переводъ. Вы усмотрите личности: г. Ник.З (¹).—повѣренный въ дѣлахъ въ Варшавѣ; г. Вал. З (²) непосредственный Ахиллъ пьесы. Впрочемъ я отважился намекнуть о своемъ ничтожномъ существованіи г. П. А. Р. З. (³), но безъ надежды. К. Р. (⁴) — главнокомандующій войсками въ Польшѣ и Литвѣ, а я осужденъ быть вожатымъ генія. За то г. Вал. З. имѣетъ болѣе успѣховъ съ какимъ нибудь Дерф. (⁵), чѣмъ со мною, и естественно что для лица выгоднѣе не спѣшить окончаніемъ дѣла, что совершенно противорѣчитъ моему образу дѣйствій.

(1) Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, генералъ-маіоръ, шефъ Смоленскаго драгунскаго полка.

(2) Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, е. и. в. флигель-адъютантъ, шефъ конно-гренадерскаго военнаго ордена полка; онъ находился при войскахъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-аншефа барона О. А. фонъ Игельштрома.

(3) Графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому.

(4) Генералъ-аншефъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

(5) Съ генералъ-поручикомъ Отто Ивановичемъ Ф. Дерфельденомъ.

XIV.

Le 20 juin. 1794. Belazierkow (*).

Excellence Осипъ Михайловичъ! La copie est très remarquable, elle est secraite et ne sera que pour vous: je l'ai de W. W. Engelh. qui de C. P. A. R. Z. passa hier par ici chés C. I. P. S. pour y commander la caval. C. P. A. Z. a eû le reproche que l'on avait confié à un enfant, est installé au conseil, seroit P. d'emp. 21 Av. si.; sous le grand C. B. travaille A. Mar. On est plus mécontent du C. N. J. S. que de tout autre: après le massacre de Wars. qu'on comte à 4,000 h., la cour en manquoit des nouvelles 1 mois. Arseniew fut pris en flagrant delit, de même en souffrirent les vieux Sievers et Jgel. qui doit être aupres du R. de Pr; sans autorité. P. R. ne vouloit pas entrer en Lith. sans un corps suffisant ce qu'il a fait après qu'on l'eût contenté et on ne sait ici où il se trouve. On est porté pour un nouveau etat d'armée confié au C. P. A. R. Z. comme toutes les repartitions et arrangements, mais nullement pour la guerre contre les Turcs. P. D. commande en Finlande et S. P. B. à la place du C. J. S. qui ci est mal, y tramoit le grand personnage, fut demasqué par le changement arrivé: j'y suis à mon ordinaire encoulissé avec politesse. Sur les Suedois—leur roi est plutôt attendu à S-t. P. B.

(*) Подлинникъ собственноручный.

Переводъ **20 іюня 1794. Бѣлая Церковь** (1).

Ваше превосходительство Осипъ Михаиловичъ. Копія очень замѣчательна; она секретна и посылается только лично вамъ. Я ее получилъ отъ В. В. Енгельг. (2), который отъ Г. П. А. Р. З. (3) вчера проѣхалъ здѣсь къ Г. И. П. С. (4), чтобы командавать у него кавалеріею. Г. П. А. З. (5) получилъ выговоръ за то, что ее поручили мальчику; онъ назначенъ въ совѣтъ, будетъ пожалованъ княземъ имперіи 21 ап. (6) если.... Подъ начальствомъ великаго Г. Б. (7) работаетъ А. Мар. (8) Графомъ Н. И. С (9) болѣе другихъ недовольны. О Варшавской рѣзнѣ, число жертвъ которой доходитъ до 4.000, дворъ не зналъ около мѣсяца. Арсеньевъ (10) былъ схваченъ во время разгара преступнаго замысла; отъ него же пострадали старые Сиверсъ (11) и Игель. (12); послѣдній долженъ состоять при королѣ Прусскомъ безъ всякой власти. К. Р. (13) не хотѣлъ вступить въ Литву безъ достаточно сильнаго корпуса, что онъ и исполнилъ, лишь только удовлетворили его требованіе; здѣсь же не знаютъ гдѣ онъ находится. Составляютъ новое положеніе для арміи, порученной Г. П. А. Р. З. (14) относительно всѣхъ распредѣленій и распоряженій, но ни въ какомъ случаѣ не для войны противъ Турокъ. К. Д. (15) командуетъ въ Финляндіи и Санктпетербургѣ вмѣсто Г. И. С. (16) который здѣсь плохъ, а тамъ разъигрывалъ роль важнаго господина и былъ разоблаченъ происшедшею перемѣною. Я при этомъ случаѣ весьма вѣжливо оставленъ за кулисами. О Шведахъ: ихъ короля ожидаютъ въ скоромъ времени въ Санктпетербургъ.

(1) Это письмо, на французскомъ языкѣ, писано все рукою Суворова.

(2) Отъ генералъ-поручика Василья Васильевича Энгельгардта.

(3) Отъ графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго.

(4) Къ генералъ-аншефу графу Ивану Петровичу Салтыкову, начальствовавшему надъ войсками, расположенными въ новоприсоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ Малороссіи.

(5) Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ.

(6) 21 апрѣля былъ день рожденія императрицы Екатерины II.

(7) Графа Александра Андреевича Безбородко. Онъ былъ въ это время оберъгофмейстеромъ, вторымъ присутствующимъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главныхъ директоромъ надъ почтами.

(8) Не слѣдуетъ ли подъ этими начальными буквами разумѣть Аркадія Ивановича Маркова (впослѣдствіи графа), присутствовшаго въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ?

(9) Генералъ-аншефомъ графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ, предсѣдательствовавшимъ въ военной коллегіи.

(10) Генералъ-маіоръ Николай Дмитріевичъ Арсеньевъ.

XV.

St. Jean. Bilazierkow.

Excellence Осипъ Михайловичъ! J'ai passé quelques heures très agréables chés le F. Mar. La Pologne n'est pas pour lui, mais au P. R., qui étoit encore à Riga, et je reste ainsi à sec. On ne m'ecrit pas de S. P. B.; d'ailleurs on y est content de ma promenade et non du C. J. S. Relation: après la défaite de Kostiuszko les Prus-s ont sommé Cracowie qui se rendit aussitôt

(11) Дѣйствительный тайный совѣтникъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, бывшій чрезвычайный и полномочный министръ въ Варшавѣ.

(12) Генералъ-аншефъ баронъ Осипъ Андреевичъ фонъ Игельштромъ, полномочный министръ въ Варшавѣ.

(13) Генералъ-аншефъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

(14) Графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

(15) Генералъ-аншефъ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.

(16) Генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

à discretion et la gar: f. a 7.000 h. prisonniere. Ce malheureux avec q. chose des siens est là bloqué dans les bois: cette ville a été livrée aux Autrichiens, lesquels en 3 corps total 35.000 h. la plupart Hongrois ont penetrés dans leurs 3 palatinats le sûs dit „Sendomir et Lublin" sans tirer l'épée. Nouvelle portée par un offic. de leurs trouppes à notre Bélizaire. Warsowie est occupée par les Pr-s.

С-го Іоанна (24 іюня 1794) Бѣлая Церковь. (¹)

Ваше превосходительство Осипъ Михаиловичъ! я провелъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ у фельдмаршала (²), Польша дана не ему, но К. Р. (³), который находился еще въ Ригѣ, и я такимъ образомъ остаюсь не причемъ Мнѣ не пишутъ изъ Санктпетербурга; впрочемъ тамъ довольны моею прогулкою, но не Г. И. С. (⁴) Реляція: послѣ пораженія Костюшки, Пруссаки потребовали сдачи Кракова, который тотчасъ и сдался на волю побѣдителямъ, съ гарнизономъ, состоящимъ изъ 7000 человѣкъ. Несчастный Костюшко съ небольшимъ числомъ своихъ окруженъ въ тамошнихъ лѣсахъ. Этотъ городъ былъ отданъ Австрійцамъ, которые, тремя корпусами, въ числѣ 35.000 человѣкъ, большею частью Венгерцевъ, не обнажая меча, проникли въ ихъ три воеводства: Краковское, Сендомирское и Люблинское. Привезено извѣстіе офицеромъ ихъ войскъ къ нашему Велизарію (⁵): Варшава занята Пруссаками.

(¹) Это письмо на французскомъ языкѣ все писано рукою Суворова.

(²) У графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго.

(³) Генералъ-аншефъ князь Николай Ивановичъ Репнинъ.

(⁴) Генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

(⁵) Къ гр. Румянцову-Задунайскому.

XVI.

Béla Cercow le 30 juin 1794.

Excellence Осипъ Михайловичъ! Pénétré de reconnoissance pour la sincérité permanente de votre amitié dans vos lettres 14. 18. 24 du courant, je vous la jure jusqu'à mon dernier soupir. Je vous ecris sans copie et je brule les votres: ainsi S. Pg. voudra dire S. P. B. Bucholz-art: (¹) q. part, Долг. гнез.: С. П. Б. il y étoit, mais par indisposition de santé, il doit être retourné à Moskou et P. W. Dolg. commande tous les bords de la Baltique, c'est un dit-on par Cherson. Gr. M. par son canal S. fût envoyé ici, qui m'emporta 3 rgts. de caval. pretendit 2 rgts cosaques, et enfin par son avis un corps formidable; ceci démontre asses mes soupçons: et S. ayant entrée visoit à me subordonner dans la suite contre les Bizanciens. Troubles en Pologne, c'est là pourtant le téatre, un Dénissow m'est préféré par le sort; il n'y avoit nulle aparence de guerre contre les Turcs, et j'y aurois longtems fini pour être ici actuellement de retour; le point essentiel est, à cause de n'avoir pas fini plutôt Kostiuszko, si les Turcs pourroient remuer, nous sommes ici très dépourvus de trouppes en son honneur. Je ne regrette pas aussi la Tauride, mais en la perdant je ne gagne rien. Laboun jusqu'à present est et pourra être un météore par les exemples précédentes.

Rien encore sur Hadji Bey. Blokfort provis: oui: mais à tems c. à. d. vers le point de vüe à l'aproche des Turcs— intervale 3 semaines de construction à l'assurance de Wol. Chasseurs du Bog: dans la suite oui, si les circonstances

(¹) Артиллерійскій ген. поручикъ Леопольдъ Григорьевичь Бухольцъ, въ Херсонѣ.

l'obligent; l'incommodité n'y est que pour les quartiers.

Un peu de caval. j'en ai ici 2 r-t. Car. 2 Ch.: E. 1. chas. à cheval, s'il le faudra absolument dans la suite et que P. W. me la demande, 1. rgt. de Carab. est aussitôt à son service en attendant ne voulant pas le harceler en vain. Jlowai. est retourné là avec 250 cos. Voyons comme les Turcs augmenteront leurs 1000 spahis. Mille graces pour le renfort de vos 2 rgts. inf. et de vos réflexions judicieuses, sans doute il faut ici chés moi des trouppes. Très bien pour vos 50 canons, ceux de Wol. pour Blokfort se préparent par sa diligence.

Fermeté, résolution pour Botna, influés y par vos conseils. Belle trouvaille de vos 2000 Czernomorzy! Et je vous ai supplié de bruler les deux paquets pour S. P. B. si vous ne les aprouveriés pas, je m'y livrois à mon essor Palladin: de retour je l'ai fait pour vous. Je me trompe, c'est autre chose, Hadgi-bey! Dominés-y.... 10 lotka de Taman, Gegoulin: je suis hors du pivôt, pas le même ç'est C. P. A. R. Z. Vous avés adresse à S-t. P. B. prévenés là en pareil cas dorenavant, ecrivés lui, et s'il c'est à moi faites le en forme pour que je puisse le lui représenter. Le Единоначалие grand mot du C. B. Sans suite ne retombe que sur moi á l'honneur ou de compagnie pour C. F. S. que me suplanta ici C. P. A. Zub. ce qui fût l'organe des désastres en Pologne p. e. actuellement passés et tourneront en oubli par la demarcation finale de la Pologne. Nouvelles de Constple: Col. Coronelli, pas encore ici chés moi, p. e. sont ils par poste ordinaire et tardive. 12 p. de camp. de Parkan. Adieu, respectable ami. Je vous baise les mains.

De grace! j'entends que F. J. avoit exercé sans bayonettes.

De S-t. P. B. avant 6 j. P. R. étoit encore à Riga faute de santé.

Actuellement point de réponse de V. E. à mes différents lettres. Je vous embrasse.

XVII.

Бѣлая церковь, іюля 3, 1794 года.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ. Обитающій въ здѣшней сторонѣ отставной бригадиръ Монтрезоръ подалъ мнѣ письмо съ приложеніемъ, которыхъ содержаніе усмотрѣть изволите. Вашему превосходительству болѣе моего С-Петербургъ знакомъ и тамъ связь ваша лутче моей, какъ я ее почти прервалъ. По долгу и благопристойности препособите, сколько можете и изволите. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

XVIII.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ. Приложенныя отъ вашего превосходительства извѣстіи г-на Матіаса отъ 26 числа іюня я получилъ, благодарю покорнѣйше ваше превосходительство за оныя; надѣюсь, что не оставите и впредь таковыхъ мнѣ доставлять. Пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 1892
Іюля 4-го дня
1794 года.
Въ маршѣ къ Немирову.

XIX.

Le 5 juillet 1794. Marche sur Nemirow.

Excellence Осипъ Михайловичъ! Les mesures combinées à prendre devenant toujours plus difficilles, réfléchissés. Il vaudra mieux que vous adressiés droit au C. P. A. Z. ou même plus haut, pour prévenir le retardement fatal. 1,000 graces pour la votre.

Généralissime..... ne tourne à la suite de la réparation que sur les 2 corps, moi et C. J. S.-P. D. assure-t-on est à Moskou.

5 іюля 1794. На маршу къ Немирову [1]).

Переводъ. Ваше превосходительство Осипъ Михайловичъ. Принимать совокупныя мѣры бываетъ всегда очень трудно; пораздумайте. Лучше вамъ прямо обратиться къ г. П. А. З. [2]), или выше, чтобы предотвратить пагубное замедленіе. Тысячу разъ благодарю за ваше письмо. Главнокомандующій ...... вслѣдствіе происшедшихъ перемѣнъ начальствуетъ только надъ двумя корпусами моимъ и г. И. С. [3]). К. Д. [4]), какъ увѣряютъ, въ Москвѣ.

XX.

Немировъ, іюля 24 дня 1794 году.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ.

Федоръ Ивановичъ нынѣ меня для безмѣрной благодарности одолжитъ ссудомъ 11.000 руб. по порядку, а ваше превосходительство мнѣ въ томъ учините милость, дабы могло обойтиться безъ Дмитрія Ивановича Хвостова.

Я курьера отправилъ, изволите увидѣть изъ копіевъ. Наклоняйте отъ себя, взявъ въ проводники мою къ вамъ приверженность.

Пособите честно страждущему графу Парку. Остаюсь по гробъ мой съ непоколебимою дружбою и совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

Копія съ письма къ его сіятельству графу Платону Александровичу отъ 24-го іюля.

Вашему сіятельству влагаю здѣсь оригинальное письмо г. де Воланта; я ему далъ знать, что сверхъ моей помощи, онъ въ какихъ важныхъ препонахъ по его знанію адресовался бы тотъ часъ чрезъ нарочнаго къ вашему сіятельству.

Ея императорскаго величества я всеподданнѣйше прошу о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему званію. Вашего сіятельства покорнѣйше прошу о помощи въ матернемъ милосердіи, и чтобъ я могъ съ собою взять отъ одного до двухъ штабъ или оберъ офицеровъ съ полученіемъ ихъ настоящаго жалованья, какъ и мнѣ.

Копія съ прошенія императрицѣ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему званію ([1]).

XXI.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ!

На отзывъ вашего превосходительства отъ 27-го іюня за № 123 касательно о собраніи козаковъ Черномор-

[1]) Письмо на французскомъ языкѣ писано все рукою Суворова.

[2]) Къ графу Платону Александровичу Зубову.

[3]) Графа Ивана Петровича Салтыкова.

[4]) Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ.

([1]) Письмо къ Зубову и прошеніе напечатаны въ отчетѣ Имп. Публ. Библіотекѣ за 1865 г., стр. 53.

скаго войска, оставшихся при переселеніи на островъ Тамань въ разныхъ мѣстахъ новопріобрѣтенной области, увѣдомляю, что о разрѣшеніи сего отнесся я его сіятельству господину генералъ-фельдмаршалу и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому; но полагаю, что учинить того не можно безъ особаго высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, поелику при нарядѣ ихъ на службу должно послѣдовать таковое жъ и о довольствіи какъ жалованьемъ, такъ и провіантомъ; что примѣромъ сему служитъ нынѣ здѣланное выкомандированіе изъ помянутаго войска двухъ конныхъ полковъ, токмо по собственному высочайшему повелѣнію. По основанію чего относительно и до наряду десяти лодокъ къ гребному флоту, нужно мнѣ имѣть отъ вашего превосходительства формальный отзывъ, по полученіи котораго не оставлю я также представить его сіятельству графу Петру Александровичу. Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 1894
Іюля 5-го дня.
1794 года.
На маршѣ къ Немирову.

XXII.

Le 10 juillet 1794. Niemerow.

Excellence Осипъ Михайловичъ! Fort obligé pour votre très-gracieuse lettre du 4 courant. Θ. Павловичъ doit me faire mention formelle de l'argent oekonomique qui dans cette année pourroit rester dans la caisse et qui est avec moi à votre service selon notre accord et le rescript, sans oser toucher à nul autre prêt: vu le sarcasme de l'année passée. Votre plan et project du nouveau port en premier rang est très-beau! Vous y êtes chef et maître et moi votre aide.

Θ. Пав. quoique directeur supérieur des travaux, mais il n'y pourra pas avoir le tems de présider à l'expédition, ayant sur ses bras nombre infini d'autres constructions. Dans sa lettre obligeante, pleine de grandes connoissances, il a la bonté de me comparer à un P. le Grand ne doutant pas que je suis né sujet et pur soldat et pas un Coehorn, un Wollant que je salue.

Nulles nouvelles de Derf., P. R., Numsen, Fersen commande sur Den.: Warsowie encore jakobine et le roi poliment gardé. les débris de Chelm sont, dit-on, à Dubno et proche de là sous Bielak en tr. reg. vers 8.000 h. et quelques autres. Kostiuszko s'y abouche ou influe. C. F. S. reste encore. C. P. A. Z. remonte..... ayant été resté secr: privé et je n'en doute pas.

10 іюля 1794. Немировъ. (1)

Переводъ. Ваше превосходительство Осипъ Михаиловичъ. Очень обязанъ вамъ за ваше любезное письмо отъ 4-го числа текущаго мѣсяца. Θ. Павловичь (2) долженъ меня формально увѣдомить объ экономической суммѣ, которая въ этомъ году можетъ остаться въ кассѣ и которая вмѣстѣ со мною къ вашимъ услугамъ, согласно нашему условію и предписанію. Эта сумма ни на что не можетъ быть истрачена въ виду прошлогодняго сарказма. Вашъ планъ и проектъ устройства новой первоклассной гавани (3) очень хорошъ. Вы тамъ начальникъ и хозяинъ, а я вашъ помощникъ. Хотя Θ. Пав. глав-

(1) Собственноручное письмо; оно писано на французскомъ языкѣ.

(2) Францъ Павловичъ де Воллантъ.

(3) Одессы

ный производитель работъ, но у него не будетъ времени имѣть главный надзоръ за ними, такъ какъ у него на рукахъ безчисленное множество разныхъ другихъ построекъ. Въ своемъ любезкомъ письмѣ, исполненномъ глубокихъ знаній, онъ снисходительно сравниваетъ меня съ Петромъ Великимъ, позабывая, что я родился подданнымъ и истиннымъ солдатомъ, а не Кегорномъ, не Воллан томъ, которому кланяюсь.

Отъ Дерф., (4) К. Р., (5) Нумсена (6) нѣтъ никакихъ извѣстій. Ферзенъ (7) начальствуетъ надъ Ден. (8) Варшава еще якобинствуетъ, и короля вѣжливо держатъ подъ арестомъ. Хельмскіе остатки (9) и нѣсколько другихъ находятся, говорятъ, въ Дубнѣ и недалеко оттуда подъ Бѣлякомъ и состоятъ изъ трехъ полковъ, въ числѣ около 8.000 человѣкъ. Костюшко ведетъ съ ними переговоры или ими управляетъ. Г. И. С. (10) остается. Г. П. А. З. (11) идетъ въ гору..... будучи оставленъ частнымъ секретаремъ; въ его возвышеніи я не сомнѣваюсь.

XXIII.

Nemerow le 12 juillet 1794.

Excellence Осипъ Михайловичъ! Je reçois aussi les votres precieuses du 7 et 8 courant et je m'ensermente de même comme toujours de vous être attaché jusqu'à mon tombeau. Czernom. de Taman vous y avés pris le vrai parti en vous adressant au Gr. M. Des Slobodzeis un batko arrive auprès de moi avec 80 que je vous renvois Ниж. Вит. force obligations. Angeli Juzuf p. Anapa plutôt il seroit à douter que ce ne fut une diversion pour y attirer plus de nos troupes qu'il ne faut; ils manqueront de pain, ce n'est presque là que hersen g. les Cirkas. n'etant bons que pour eux mêmes ne leur fourniront plu tot rien que peu, ainsi des attelages, et ne combattent quelque fois serieusement que dans leur foyers. Vous savés que 5 esc. Mariup. sont expediés à Czyszelnik et P. W. est le maitre de les attirer à lui selon les circonstances; ainsi de là 1500 sold. Riaski quoique pas sans une grande necessité imprevue. Le vol. de Wol. à Cher. ne seroit il pas pour son bois tempeté, Dieu nous en garde! Malversations sont bientôt reparées. Blokfort suivra vos desirs. Je ne crois encore rien à la rupture des Turcs, mais ayons toujours devant nos yeux la dernière de Kinburn et soyons y prêts. Deviner par les gazettes est tardif et pas d'autres nouvelles; dans la Pr. merid. Kostiuczko pourroit avoir ses partis pour y attirer l'attention, n'est-il pas dans les bois diton au centre de Sendomir, aux environs de Kelz où il doit se fortifier et ne rien manquer, plutôt que vers Dubno; mais ce seroit rester dans l'inaction et laisser les jacob. à Wars. à l'aventure. Congrés à Franc. incroyable comme aussi les demelés avec la Suède et le Dan. En attendant il est à presumer qu'en Pol. alloit lentement. Vous avés donc approuvé ma lettre patriotique sans trop de personnalité au Gr. M.; j'en suis charmé et plus si vous vous etés un peu soucié de moi dans vos propres reflexions patriotiques que vous y deviés avoir ajoutées.

(4) отъ генералъ-поручика Отто Ивановича фонъ Дерфельдена.

(5) отъ генералъ-аншефа князь Николая Васильевича Репнина.

(6) отъ генералъ-поручика Өедора Михайловича Нумсена.

(7) Генералъ-поручикъ баронъ Иванъ Евстафьевичъ фонъ Ферзенъ.

(8) Надъ генералъ-маіоромъ Өедоромъ Петровичемъ Денисовымъ.

(9) Остатки польскихъ войскъ, которые были разбиты подъ Хельмомъ Пруссаками.

(10) Генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

(11) Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ.

Tournés.

Feldm. longtems particulier d'un elan generalis. tout de suite borné à une barriere, point d'influence ailleurs; repatition des tr. retourne au col. de g. Quel exemple de fragilité mortifiante! Si la Tauride reste pour lui elle le seroit avec le tresor de Sewast., et la perspective de Kayzer f. s'evanouiroit pour le Gr. M. qui la doit avoir aussi pour la direction des armées après l'avoir succé ce qu'il perdroit naturellement si longtems qu'en place est le premier lequel sous la seule tutelle d'un homme indolence et d'un autre inferme fidel indecis priveroit en meme tems de l'esperance à monter en son rang les trois premiers du calendrier. c. p. q. la cabale s'augmente contre lui et je crains avec raison pour le respectable Nestor. Le public un peu m'approuve, et non le C. J. S. pour s'être dechainé indignement contre lui; pourtant la cabale en profite et l'intrigue en tire ses avantages. Je vous distrais par dire que les Franç. sont souvent bien battus dans les Pays-pas et malgré cela ils manquerent de prendre Charleroy; en Allemagne il y a des remises, en Italie il n'est pas encore remedié, mais Mss-rs les Perpignans ont rebatu et regagné leurs 200 canons. C'est la gazette. Adieu. Je vous ennuye. Dieu vous prospere, et qu'ecroule une fois mon long et triste néant. Je n'ai point de lettres de S. P. B.

P. S. Rt.—est parti pour le bas sur le haut Dniestr.

Encore. Подполк. Pl. попрежде, г. адьют. по позже. К. Г. А. Пот. pour le dernier, on me gastisa à Zarc. S. C. Z. depuis ne m'y dressa que des embuches, aussi ne fut ce que le tocsin pour d'autres de mes operations fisicales, innocentes et seules pour le bien de l'etat. Donc, comparés le bien et le mal, vous trouverés pour le bien rien que la благовидность. Derriere les coulisses je talonne dans l'oprobre, et pour m'en defaire je n'ai que le moyen de la retraite; à quoi le genie force mon bon sens vers le declin de l'année.

De Dubna passerent les limites d'Iziaslaw, 500 furent dispersés par Buksheweden en jettant leurs armes. 1500 autres plus reguliers, dit-on, sous Bielak qui est suivi à plus de 10 lieus par le reste de sa trouppe forte de q. milles. Nos trouppes sont contre eux. C. J. S. opere quoique par d'autres, et moi je suis aux wacht-parades. Plutôt quelque chose que rien. Pr. merid. recemment. Rawicz 1500 pol. reg. en tout 9000 h., 12 canons se battirent avec les Pol. plusieurs h. perdirent, sur la place 375 h., la plupart paisans, et 4 canons, 420 pris. y comtés des reg. quelques diz-s, les Prus-s ont perdus 200 h.

A la defaite de Kostiuczko Denis. avoit 4 à 5000 h. Les Russes se sont augmentés un peu au delà de 10,000 h. sous B. Fersen et etoient à Lissa. Pour Kostiuszko il doit être comme je vous l'ai dit. P. R. dit-on n'avoit pas encore bougé, et comme Wilna n'etoit pas encore repris.

Gouv. Bergmann mais comme par un cour. passé du P. R. au C. P. A. R. Z. que 50,000 alliés combinés joints aux royalistes avoient emporté Paris, tué les Jacob. et elevé au trône Louis XVII. Esprits foibles pour le bien de l'état, forts dans l'intrigue pour leur personnel, me chasseront du monde; je suis à leur proye. Bon mot. C. P. A. R. Z. son ami foux et bete, un peu de retorique le vendra pour une fille de têatre.

Howe a laissé echaper la flotte fr. à Turin; une affreuse conspiration a été decouverte. Bastia s'est rendue aux Angl.

XXIV.

Jour d'Elias. Nimirow. (1794).

Excellence Осипъ Михайловичъ! Bastie prise, Calvi assiegée, gazette, Klerfait battû sous Ypres, bombardée, demi ecrasée—une gaz. grecque de Vienne en annonce la prise; garnison à 7000 h. après s'est rendue, massacrée à coups de mitrailles — vraisemblance. Les Jac. ont decreté sur les Ang. et Kan. pour se venger sur Pitt pour Robert Pierre et Calot Gerbois de ne leur donner point de quartier, si ceux la y ont été et sur quel decret York s'etoit declaré; alors par concequence les alliés veulent innonder tout le pais sur Brugges, Gand, Ost., Nieup. avec un dommage innoui depuis le 12-me siecle. Jourdain etoit revenu par 3 j. à l'assaut de Charleroy en dernier lieu. Vive Wollant. P. d'Orange l'a grorieusement defait 7,000 h. tués sur la place, 2,500 h. prisonniers. Le scelerat autre Jourdain a été guillotiné, superbes fêtes à Paris à l'honneur de l'Etre suprême, de l'immortalité de l'ame. Les Luvandés fraix sont comtés à 100,000 h. en trois parties, mais il est douter que Mans est à eux. Turin detremble plus, les Jac. tirent de là à 20,000 h.; mais on parle encore de leur prépondérance sur vôs Perpignans. P. Coburg etoit en diversions, et Möllendorff en tortue. Mais quelle belle victoire par Howe à la Rodney persant la ligne sur les sanscullottes, commandes par un Lajoyeuse, de 80 à 74 c. 6 vaisseaux pris 2 coulés à fond à 7,000 h. prisonniers, l'equipáge doublé: ils etoient 25 dont du reste Montaigu a laissé echaper 6 à Brest. Finissons par dire 6 v. 4 f. 20 a. bat. sont sortis en mer de Toulon pour seconder quelque partie Jac. en Sardaigne.

Пер. Ильинъ день. Немировъ (20 іюля 1794) (1).

Ваше превосходительство Осипъ Михаиловичъ! Бастія взята; Кальви осажденъ; по газетамъ Клерфе (2) разбитъ подъ Иперномъ, самый городъ бомбардированъ, на половину разрушенъ, вѣнская же газета на греческомъ языкѣ извѣщаетъ объ его взятіи; семитысячный гарнизонъ, послѣ своей сдачи, уничтоженъ картечными выстрѣлами. Правдоподобно. Якобинцы постановили объ Англичанахъ и Канингѣ, чтобы отомстить Питту за Роберта Піера и Колло Гербоа (3) требовавшему не давать имъ пощады (если бы они явились въ Англію), и за декретъ, которымъ герцогъ Іоркскій (4) былъ назначенъ принять участіе въ войнѣ. Вслѣдствіе этого союзники хотятъ наводнить весь край отъ Брюгге, Гента, Остенде и Ньюпорта и произвести неслыханныя съ XII го столѣтія опустошенія. Журданъ (5) возвратился черезъ три дня къ осадѣ Шарлеруа. Да здравствуетъ Волланъ! Принцъ Оранскій разбилъ на славу Журдана: 7000 человѣкъ положено на мѣстѣ и 2500 взято въ плѣнъ. Другой Журданъ (6), злодѣй, гильотинированъ. Великолѣпныя празднества въ Парижѣ въ часть Всевышняго существа и безсмертія души.

---

(1) Письмо писано на французскомъ языкѣ рукою Суворова.

(2) Графъ Клерфе, австрійскій фельдмаршалъ.

(3) Колло Гербоа (Collot d'Herbois), извѣстный французскій революціонеръ, первый потребовавшій уничтоженія королевскаго достоинства и приводившій въ исполненіе декретъ національнаго собранія относительно Ліона.

(4) Герцогъ Фридрихъ Іоркскій, 2 сынъ Георга III, командовавшій въ 1793 и 94 годахъ союзными войсками въ Голландіи и потерявшій тамъ четыре битвы.

(5) Французскій маршалъ Журданъ, одержавшій 15/26 іюля 1794 года знаменитую побѣду надъ имперцами при Флери.

(6) Журданъ (Matthieu Jouve-Jourdan), извѣстный своею кровожадностію, наводнившій кровью Воклюзскій департаментъ, казненъ 16/27 мая 1794 года.

Вновь возставшихъ Вандейцовъ считаютъ до 100.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три части; но сомнительно, чтобы Мансъ ([7]) былъ въ ихъ рукахъ. Туринъ сильно трепещетъ. Якобинцы выманили оттуда до 20.000 человѣкъ. Говорять еще, что они берутъ перевѣсъ и надъ вашими Перпиньянцами. Принцъ Кобургскій былъ отвлекаемъ, а Мöллендорфъ ([8]) точно черепаха. Но какую славную побѣду одержалъ Гове ([9]), точно Родней ([10]), прорвавъ линію, надъ санкюлотами, которыми начальствовалъ какой-то Лажуаёзъ ([11]). 6 кораблей 80—74 пушечныхъ взято и 2 пущено ко дну. Изъ 7000 плѣнныхъ экипажъ удвоенъ. Всѣхъ кораблей было 25, изъ которыхъ впрочемъ шесть Монтегю допустилъ скрыться въ Брестъ. Въ заключеніе сообщу, что 6 линейныхъ кораблей, 4 фрегата и 20 другихъ судовъ вышли въ море изъ Тулона на помощь Якобинцамъ въ Сардиніи.

([7]) Мансъ (Le Mans) главный городъ департамента Сарты.

([8]) Графъ Мöллендорфъ, прусскій фельдмаршалъ, назначенный въ 1794 году на мѣсто герцога Брауншвейгскаго командовать Прусскою арміею, былъ постоянно противъ войны съ французами.

([9]) Графъ Рихардъ Гове одержалъ $\frac{\text{21 мая}}{\text{1 іюня}}$ 1794 года знаменитую побѣду надъ французскимъ флотомъ около Бреста.

([10]) Англійскій адмиралъ Родней прославился своими побѣдами надъ французами и испанцами.

([11]) Вилларе де Жуаёзъ (Villaret de Joyeuse), адмиралъ.

XXV.

5 août 1794. Nimirow.

Helas, excellence, Осипъ Михайловичъ! Vous m'avés oublié, je comte par semaines le tems que je n'ai pas de vos nouvelles et dans un tems critique où je quitte ma patrie malgré moi. Nestor ne cesse de s'interesser beaucoup à mon avantage. C. B. fut pour moi dès le commencement, mais il le soutint foiblement à la manière de sa province et pour Nestor mecontent C. N. S. dit qu'il est hors de saison de donner un chef au P. R. qui n'a rien manqué; on attendoit avec impatience des nouvelles de Wilna et quelques petits avant-succés firent nommer les affaires en Pologne farce. C. J. S. à son arrivée tonna contre P. D.; celà resta sous le drap et les fautes de celui là qui ne se depeche pas à partir furent adjugées au sort. P. R. manda à Nestor qu'il marche vers Wilna avec le terme de l'occuper; étant à Riga où doit être Jgel.; lorsqu'on requit de lui quand il seroit actif, il repondit le 1 juillet et ajouta au C. B. que dans ces circonstances serieuses il falloit avoir en vue et l'avant et l'arrière, on en fut mecontent pour le moment. Presque n'y a-t-il que la bête à cent têtes qui est pour moi. Nouvelles: Möllendorf et les Allemands tortuent en Allemagne; Pais-Bas, Ypres, Charleroy, Ostende sont perdus et Bruxelles brulé. Adieu, je vous embrasse!

Переводъ. 5 августа 1794. Немировъ. ([1])

Увы, ваше превосходительство, Осипъ Михайловичь! Вы меня забыли; уже нѣсколько недѣль какъ я не получаю отъ васъ извѣстій, и въ такое трудное время, когда я, противъ моей воли, покидаю родину. Несторъ ([2]) продолжаетъ принимать во мнѣ большое участіе. Г. Б. ([3]) съ начала былъ за меня, но поддерживалъ слабо по обычаю своихъ земляковъ. Недовольному Нестору Г. Н. С. ([4]) сказалъ, что не время сажать начальника на шею К. Р. ([5]), который ни

([1]). Письмо писано по французски рукою Суворова.

([2]) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичь Румянцовъ-Задунайскій.

([3]) Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко.

([4]) Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

([5]) Князю Николаю Васильевичу Репнину.

въ чемъ не проступился. Съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Вильны, и нѣсколько незначительныхъ удачъ дозволили назвать дѣла въ Польшѣ шуточными. По пріѣздѣ своемъ Г. И. С. (6) гремѣлъ противъ К. Д. (7); это осталось подъ сукномъ и ошибки того, который не торопится отправленіемъ, были приписаны судьбѣ. К. Р. сообщилъ Нестору, что онъ идетъ на Вильну съ намѣреніемъ взять ее. Въ бытность свою въ Ригѣ, гдѣ долженъ былъ находиться Игел. (8), будучи спрошенъ о томъ, когда онъ начнетъ дѣйствовать, отвѣчалъ: 1-го іюля и прибавилъ въ письмѣ къ Г. Б., что въ этихъ серьезныхъ обстоятельствахъ нужно имѣть въ виду и то, что̀ было, и то, что̀ послѣдуетъ; этимъ остались недовольны въ настоящую минуту. За меня, кажется, только чудовище о ста головахъ. Новости: Меллендорфъ и нѣмцы двигаются по черепашьи въ Германіи. Нидерланды, Эйпернъ, Шарлеруа и Остенде взяты; Брюссель сожженъ. Прощайте; обнимаю васъ.

XXVI.

Le 6 août 1794 Nimirow.

Mon cher Осипъ Михайловичъ! Ayant expedié la mienne, je reçois celle de votre excellence du 28 ecoulé. Tocsin pour les radeaux Je vous en rends mes très humbles remerciments, et l'obligation en est superieure pour notre ami de Wollant en sombre humeur contre moi, quoique innocent. Vous avés eu la bonté d'envoyer mes lettres à S. P. B.; je ne suis pas resté là, j'y ai envoyé d'autres plus decisives. Ma vie m'est à charge, j'ai passé le Rubicon et ne me dementirai pas; jouet d'un C. N. S.... depuis plusieurs années, il m'est egal de mourir sous l'equateur ou aux pôles. Lorsqu'en deseuvré je serois avec la pioche à votre Hadji bey, je ne puis être pour cela crée ingenieur ne l'etant pas, je suis soldat un demi siecle. Lassy a battu un gros des insurgeans à Slonim, dit-on, en a beaucoup noyé; criés au miracle: Kostiuszko à Wola sous Warsowie, les Polonois dit-on s'y battent bien en escarmouches avec le roi de Prusse qui devoit les battre en peu de jours en combat general. Helas! mon patriotisme: je ne puis le faire valoir, les factieux m'en ont pris les moyens.

De Wollant m'attaque dans un rapport que je lus après en bileux; tirés lui bien les oreilles pour le present.

Переводъ. 6 августа 1794. Немировъ (1)

Дорогой Осипъ Михайловичъ! Послѣ отправленія моего письма, я получилъ письмо вашего превосходительства отъ 28 истекшаго мѣсяца. Тревога за плоты. Я приношу вамъ за нихъ мою нижайшую благодарность; это великое одолженіе для нашего друга де Волана, который гнѣвается на меня, хотя я не виноватъ. Вы были столь добры, что отправили мои письма въ Петербургъ; но я на этомъ не остановился, и послалъ туда еще другія, болѣе рѣшительныя. Жизнь мнѣ въ тягость; я перешелъ Рубиконъ и не измѣню себѣ; быть игрушкою какого нибудь Г. Н. С. (2)..... Уже нѣсколько лѣтъ какъ мнѣ все равно гдѣ умереть: подъ экваторомъ или у полюсовъ. Когда я буду празденъ, то явлюсь съ заступомъ въ ваше Гаджи-бей; но не смотря на это я не сдѣлаюсь инженеромъ, не будучи таковымъ; я былъ солдатомъ въ продолженіе полувѣка.

(6) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ.

(7) Князя Юрія Владиміровича Долгорукова.

(8) Баронъ Осипъ Андреевичъ фонъ Игельштромъ.

(9) Графъ Меллендорфъ, прусскій фельдмаршалъ, которому король Фридрихъ въ 1793 году поручилъ участвовать въ раздѣлѣ Польши.

(1) Письмо писано собственноручно Суворовымъ на французскомъ языкѣ.

(2) Графа Николая Ивановича Салтыкова, гералъ аншефа, предсѣдательствовавшаго въ государственной военной коллегіи.

Ласси ([3]) разбилъ, говорятъ, большой отрядъ инсургентовъ подъ Слонимомъ; много изъ нихъ потонуло. Кричите о чудѣ: Костюшко въ Волѣ, подъ Варшавою. Поляки, какъ говорятъ, дерутся тамъ хорошо въ стычкахъ съ Прусскимъ королемъ, который долженъ ихъ побить черезъ нѣсколько дней въ генеральномъ сраженіи. Увы, мой патріотизмъ! я не могу его выказать; интриганы отняли у меня къ этому всѣ средства.

Де Волланъ нападаетъ на меня въ одномъ рапортѣ, который я прочелъ потомъ съ желчью; выдерите ему пока хорошенько уши.

XXVII.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичь!

Сего сентября на 3-е число, при слѣдованіи моемъ съ корпусомъ къ мѣстечку Кобрину передовою казачьею командою наѣхана въ мѣстечкѣ Дивинѣ Польская непріятельская партія болѣе 200-тъ человѣкъ, которая разбита такъ, что спастись могло не болѣе 30 человѣкъ, прочіе убиты и въ полонъ взяты, при офицерѣ 16 человѣкъ; также находившаяся въ Корбинѣ до 400, при генералѣ Рущицѣ, 4-го числа на расвѣтѣ, бывъ атакована козаками, истреблена, и спастись могло не болѣе 50 ти человѣкъ, а генералъ при сближеніи нашемъ часа за полтора ушелъ въ Бржесть, и полковникъ Рущицъ, раненой на сраженіи пикою; убито офицеровъ 8-мь и болѣе 200 человѣкъ, въ полонъ взятъ полковникъ Верещака, офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 83. Съ нашей стороны при обоихъ случаяхъ одинъ убитъ и 3 ранены отъ козаковъ. А 6-го числа сего сентября одержана побѣда при монастырѣ Крупчицахъ, отъ Кобрина 2 мили, надъ мятежническимъ корпусомъ по показанію плѣнныхъ болѣе 16-ти тысячь регулярныхъ съ 28-ю орудіями артиллеріи при Шираковскомъ ([1]) и иными генералами, которой бывъ атакованъ, и сраженіе продолжалось болѣе 6-ти часовъ, но непріятель по сильномъ сопротивленіи, потерявъ убитыми до 3000 и генерала Рущица съ многими высшими офицерами, побѣжалъ къ Бржестю; съ нашей стороны уронъ весьма малъ. 8-го же числа въ околичностяхъ Бржестя совершенно конченъ, вытерпя храбро пораженіе холоднымъ ружьемъ чрезъ 8-мь часовъ; едва спаслось отъ него 150 человѣкъ, потерявъ 2 гоубицы, пушекъ 26, въ которыхъ малыхъ 2 чугунныхъ, 2 мѣдныхъ; прочія всѣ мѣдныя отъ 3-хъ до 18 фунтоваго калибра хорошей и исправной артиллеріи, не спасшей ни одного орудія, плѣнныхъ нѣсколько сотъ. Ея императорскаго величества побѣдоносныя войски платили его отчаянность, не давая пощады, отъ чего нашъ уронъ примѣчателенъ, хотя не великъ. Баталья была частью въ лѣсистыхъ мѣстахъ, поле покрыто убитыми тѣлами свыше 15-ти верстъ. Спѣшу ваше превосходительство о сей знаменитой побѣдѣ извѣстить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 2211
Сентября 10 дня
1794 года
М. Бржесть.

XXVIII.

10 sept. 1794. Brzesc.

Excellence, amiral, lisés: veni, vidi, vince, n'est pas mort, je le prends pour un réve.... Intime ami, Dieu vous prospère! Vous me connoissés, je ne fais que pleurer.

([3]) Генералъ-маіоръ Морицъ Петровичъ де Ласси.

([1]) т. е. Сѣраковскомъ.

10 сентября 1794. Брестъ. (¹)

Переводъ. Ваше превосходительство, господинъ адмиралъ! читайте: veni, vidi, vince (²); я живъ, все это кажется сномъ. Да хранитъ васъ Господь, мой искренній другъ. Вы меня знаете; я проливаю слезы.

XXIX.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ.

Поспѣшаю увѣдомить ваше превосходительство о наизнаменитой побѣдѣ, одержанной генералъ-маіоромъ Денисовымъ¹) съ его отдѣленною частію войскъ надъ главнымъ бунтовщикомъ Костюшкою въ 29 день сентября при замкѣ Мушковскомъ, на правой сторонѣ Вислы. Непріятель, бывшій въ 9000 съ 22-мя пушками, упорно сражался 7-мь часовъ, но потерпѣлъ совершенную гибель, и самъ Костюшко въ тяжелыхъ ранахъ съ генералами Каминскимъ и Сераковскимъ и всею артилеріею достался въ наши руки. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.*

№ 452
Октября 4 дня
1794-го года
Бржесць.

XXX.

Получено ноября 25-го 794 въ Николаевѣ.

Милостивый государь мой Осипъ Михайловичъ.

Сего мѣсяца 15 дня 5000 мятежниковъ атакованы были нашею кавалеріею съ 2-мя б. пѣшими егерями въ здѣшнихъ лѣсахъ. Баталія была 5 часовъ; взято въ полонъ королевской генералъ-адъютантъ Бышевской, полковникъ Волянъ, 4 маіора, оберъ офицеровъ 44, нижнихъ чиновъ и рядовыхъ болѣе 800; всѣ 9-ть пушекъ, 1 знамя, а прочіе всѣ побиты. Легкія наши войска салютированы были съ Праги пушечною пальбою и зазжены кругомъ Варшавы маяки. Сею побѣдою ваше превосходительство поздравляя, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 502
Октября 17-го 1794-го.
М. Кобылки, близь
Варшавы.

XXXI.

Le 25, 8—bre 1794. Sous Prag.

Excellence, intime ami! Vous me pardonnerés que je ne vous ecris pas souvent, je me traine à peine et j'ai la langue blanche. Dernièrement Islénéw perdit son cheval et manqua de se perdre, Szewicz monte avec sa fièvre quotidienne. Issaiew a la mitraille dans le bras par la poitrine. Polivanow sabré le premier pouvant de sous Bresz à peine parler. Le brave Lassy est blessé. Nous perdons ici le quart d'Izmaél. Ie suis dans le torrent. Il est près de minuit. Nous sommes dans mille et une nuit. C'est là mon repôs.

Attendés des meilleures nouvelles.

Je vous embrasse, fidèle héros Danubien. Adieu.

25 октября 1794. подъ Прагою. (¹)

Переводъ. Ваше превосходительство, искреннійдругъ! Вы меня извините, что я

(¹) Письмо писано на французскомъ языкѣ рукою Суворова.

(²) Сраженіе происходило подъ Брестомъ 8 сентября. Поляки, подъ предводительствомъ Сѣраковскаго, были разбиты на голову и потеряли всю артиллерію.

¹) Өедоромъ Петровичемъ Денисовымъ; онъ былъ впослѣдствіи генераломъ отъ кавалеріи и графомъ.

(¹) Письмо писано по французски рукою Суворова.

не пишу къ вамъ чаще; я едва таскаю ноги и языкъ у меня бѣлый. Недавно подъ Исленьевымъ была убита лошадь, и онъ самъ едва не былъ убитъ; Шевичь на конѣ, не смотря на то, что боленъ ежедневною лихорадкою; у Исаева пуля въ рукѣ, которая прошла сквозь грудь; Поливановъ первый врубился, хотя уже подъ Брестомъ едва былъ въ состояніи говорить. Храбрый Лассій раненъ ([2]). Мы потеряли здѣсь четвертую часть потерянннаго нами подъ Измаиломъ. Я нахожусь въ потокѣ. Теперь уже около полуночи. Мы живемъ будто въ сказочной тысячѣ и одной ночи. Вотъ мой покой. Ожидайте лучшихъ новостей. Обнимаю васъ, вѣрный Дунайскій герой. Прощайте.

XXXII.

Получ. декабря 10-го.

Милостивый государь мой Осипъ Михаиловичь!

Послѣ штурма Прагскихъ ретраншаментовъ, Варшава, бывъ въ великомъ смятеніи и страхѣ, особливо отъ бомбандированія, покорилась побѣдоноснымъ ея императорскаго величества войскамъ, которыми октября 29 числа оная занята. Ваше превосходительство поспѣшаю о семъ увѣдомить.

Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 557.
Ноября 1 дня
1794 года.
Варшава.

XXXIII.

Милостивый государь мой Осипъ Михаиловичъ.

Кампанія кончена, Польша обезоружена, инсургентовъ нѣтъ! Ихъ оставалось больше 20.000 и около 80 ти пушекъ. Частью они разсѣялись, но превосходною положили ружье и здались съ ихъ генералами безъ кровопролитія.

Ваше превосходительство о семъ увѣдомляя, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 584.
Ноября 10-го дня
1794 года.
Варшава.

XXXIV.

Mi-novembre 1794. Varsovie.

Excellence, cher et intime ami Осипъ Михайловичъ!

Je viens de recevoir votre très gracieuse lettre sans dâte, elle ne va que jusqu'à Brzésc, et ne touche pas encore les plus grands miracles de Dieu, qui se sont succédés depuis. Reste à S. M. le roi une garde de 600 fantassins et 400 cavalliers, à la ville 300 soldats de police. Aux officiers et la noblesse leurs armes.

Après Varsovie tous les corps des insurgens montoient à plus de 29,000 h. et au delà de 180 canons. Les Prussiens en dispersérent 2 à 3,000, prirent 17 et profitérent des nôtres 24 canons qu'on avoit laissé au vent. Nous avons 140 canons, si je ne m'y trompe, et aubusiers, la plûpart très bon calibre, 20,000 fusils, de même 10,000 puds de poudre. Pologne et Lutuanie sont désarmés, sans efusion de sang. La campagne est finie. Toutes les trouppes ont défilé dans les quartiers d'hyver. Il fait grand neige et gelé.

A Praag et ailleurs l'ennemi étoit plus fort presque du double, excepté Kroupczic, il ne s'en sauva Brzesc que 130. Sous Kobylka rien, de 30,000 h. à Praag 800, ainsi dans les actions de

---

([2]) Генералъ-маіоръ Морицъ Петровичъ де Лассій.

détail. Les seuls: Wawrzecki, successeur de Kostiuszko, Hedroicz, Elgout et Nasilewski n'ont pas voulu reverser, et sont partis pour Kiew. Salués mes amis. Ma santé est très affaiblie. Prosperés! Je vous baise les mains.

Переводъ. 15 ноября 1794. Варшава (¹)

Ваше превосходительство, дорогой и искренній другъ Осипъ Михаиловичъ.

Я только что получилъ ваше любезное письмо, безъ означенія дня и мѣсяца. Изъ него видно, что вы знаете только о событіяхъ, совершившихся до Бреста, такъ какъ ни слова не упоминаете о величайшихъ чудесахъ Божіихъ, за тѣмъ послѣдовавшихъ. У его величества короля оставлено гвардіи — 600 человѣкъ пѣхоты и 400 кавалеріи; въ городѣ 300 полицейскихъ солдатъ; офицерамъ и дворянамъ оставлено оружіе. Послѣ взятія Варшавы численность всѣхъ корпусовъ инсургентовъ составляла болѣе 29,000 человѣкъ при 180 пушкахъ; Пруссаки разбили изъ нихъ отъ 2,000 до 3,000, взяли 17 пушекъ и воспользовались 24-мя нашими, которыя мы бросили. Мы взяли, если не ошибаюсь, 140 пушекъ и гаубицъ, изъ которыхъ большая часть очень хорошаго калибра, 20,000 ружей и 10,000 пудовъ пороха. Польша и Литва обезоружены безъ пролитія крови. Кампанія кончена. Всѣ войска пошли на зимнія квартиры. Выпалъ глубокій снѣгъ и наступили морозы.

Подъ Прагою и въ другихъ мѣстахъ непріятель былъ почти вдвое сильнѣе насъ, за исключеніемъ сраженія при Крупчицѣ. Послѣ битвы при Брестѣ у непріятеля спаслось только 130 человѣкъ, послѣ сраженія у Кобылки ни одного, при взятіи Праги изъ 30,000 — 800; точно тоже было и въ незначительныхъ сраженіяхъ.

Только Вавршецкій, преемникъ Костюшки, Гедроицъ, Ельгутъ и Насилевскій не хотѣли дать подписокъ и отправлены въ Кіевъ. Поклонитесь моимъ друзьямъ. Здоровье мое очень ослабло. Благоденствуйте! Цѣлую ваши руки.

(¹) Письмо писано все рукою Суворова, на французскомъ языкѣ.

XXXV.

Le 5 dec. 1794. Warsowie (¹).

Excellence, cher et intime ami Осипъ Михайловичъ! D'ailleurs vous ne le pouvés ignorer. Mais—l'auriés vous presumé? moi j'y resterai sceptique jusqu'à ma mort. Salués mes amis: le tems me manque de leur ecrire, ou plutôt la santé affoiblie par les travaux, les peines et la joye excessive. Au premier pas Islenew lt- general, entrée par tout table permanente et compagnie. Lendemain Te Deum, 201 coups, l'auguste souveraine à genoux, accueil le plus gracieux à ma fille, pain et sel de Wars. goutés et enpresenté à ma fille de la propre main; table, au milieu declaré.... Je pleurs, ma santé debout, 201 coups, j'ai honte de dire les expressions: dernier serviteur de Dieu et de l'imperatrice. La magnanimité s'abaissa jusqu'à recommander à Tiszczenko à son depart ma conservation. Gorczakow accablé des bontés aussitôt expedié avec le b..... je crains de nommer.

Dieu vous prospere! Je vous embrasse.

Переводъ. 5 декабря 1794. Варшава (²).

Ваше превосходительство, дорогой и искренній другъ Осипъ Михайловичъ! Вы не можете впрочемъ не знать этого. Но могли ли вы это предполагать? Я останусь въ этомъ случаѣ скептикомъ до самой смерти. Поклонитесь моимъ друзьямъ; у меня не достаетъ времени къ нимъ писать, или скорѣе здоровья, ослабленнаго занятіями, трудами и чрезмѣрною радостью. Прежде всего Исленьевъ генералъ-поручикъ, всюду до-

(¹) Это письмо напечатано въ отчетѣ Имп. Публичной Библ. за 1865, стр. 54.

(²) Письмо писано все собственноручно Суворовымъ на французскомъ языкѣ.

ступъ, постоянные столъ и приглашеніе. На другой день молебствіе, 201 выстрѣлъ, августѣйшая монархиня колѣнопреклоненная; самый блистательный пріемъ моей дочери..... хлѣбъ и соль Варшавскіе отвѣданы, поднесены собственноручно моей дочери, обѣдъ, въ срединѣ котораго я пожалованъ..... плачу; пьютъ мое здоровье стоя, 201 выстрѣлъ; мнѣ совѣстно передавать выраженія, нижайшій слуга Бога и императрицы. Ея великодушіе снизошло до того, что она поручила Тищенкѣ, при его отъѣздѣ, заботиться о моемъ здоровьѣ. Горчаковъ ([1]), осыпанный милостями, немедленно отправленъ съ ж.... ([2]) я боюсь назвать. Господь да хранитъ васъ. Обнимаю васъ.

Приложеніе.

Графъ Александръ Васильевичъ! Поспѣшное ваше шествіе на непріятеля и неоднократное его пораженіе, наипаче же 6-го сентября при Крупчицѣ и 8-го при Брестѣ суть новые доводы вашего неутомимаго къ службѣ нашей рвенія, предпріимчивости, искуства и мужества. Мы, пріемля оные въ полной цѣнѣ ихъ, свидѣтельствуемъ симъ вамъ наше особливое признаніе, и въ знакъ онаго посылаемъ вамъ алмазный бантъ къ шляпѣ, жалуя при томъ три пушки изъ завоеванныхъ вами. Въ прочемъ помощь Вышняго призываемъ на дальнѣйшіе ваши предпріятія и подвиги въ пользу отечества, пребывая вамъ доброжелательны. На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Екатерина.

Въ С. Петербургѣ
октября 26-го 1794-го года.

Господинъ генералъ - фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ. Поздравляю васъ со всѣми побѣдами и со взятьемъ Прагскихъ укрѣпленій и самой Варшавы, пребывая къ вамъ отмѣнно доброжелательна. Подлинной писанъ и подписанъ собственною ея императорскаго величества рукою тако:
Екатерина.

Ноября 19-го числа
1794 года.

Надпись на конвертѣ собственною ея императорскаго величества рукою написана: генералу - фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому.

([1]) Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, родной племянникъ Суворова, бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ.

([2]) Т. е. фельдмаршальскимъ жезломъ.

XXXVI.

Warsowie le 28 dec. 1794.

Excellence, intime ami, Осипъ Михайловичъ!

J'ai un sincere plaisir de vous feliciter sur l'avenement du nouvel an. Dieu vous y comble et plusieurs autres de nouvelles prosperités, gloire et lauriers. Mon ami P. S. Cobourg ne cesse de m'inviter sur le Rhin et la Germanie, il n'en sera rien. L. M. l'empereur et le roi de Prusse reçoivent le plus gracieusement tous mes officiers; ils sont invités et traités chés les plus estimés comme des oracles Donquixotes, et le dernier les decore de Pour le merite. S. M. le roi de Pologne est parti à Grodno, et nos adieux ne furent pas sans pleurs. Franchissés vite le Danube et le canal, apellés moi chés vous, je suis morne et taciturne, enclavé dans les quatre coins, je m'ennuye en podiaczy. O! nous n'avons pas ici les charmantes fêtes de Cherçon, et le front ridé je me porte mal; aujourd'hui il y a la première fois table chés B. Ferzen, après demain chés le fameux Denissow qui sans doute a fait des miracles. Ici j'ai la douce consolation, que ma franchise est generalement payée d'amitié et de loyauté. Portés vous bien, salués

mes amis. Le courrier avec votre derniere n'a été qu'un mois en chemin, je vous en rends mes très humbles remerciments comme votre eternel ami et serviteur.

Варшава 28 декабря 1794. (¹)

Переводъ. Ваше превосходительство, искренній другъ Осипъ Михайловичъ! Съ душевнымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Да ниспошлетъ вамъ Господь какъ въ семъ году, такъ и въ продолженіе многихъ другихъ, новое счастіе, славу и лавры. Мой другъ принцъ Саксенъ-Кобургскій не перестаетъ приглашать меня на Рейнъ и въ Германію; но изъ этого ничего не выйдетъ. Ихъ величества императоръ и король Прускій принимаютъ всѣхъ моихъ офицеровъ чрезвычайно милостиво; ихъ приглашаютъ самыя почетныя лица и обращаюся съ ними какъ съ Донъкихотскими оракулами; король Прусскій украшаетъ ихъ орденомъ Pour le merite. Его величество король Польскій уѣхалъ въ Гродно; прощаніе мое съ нимъ не обошлось безъ слезъ.

Перемахните скорѣе черезъ Дунай и проливъ; призовите меня къ себѣ; я угрюмъ и молчаливъ; запертъ въ четырехъ стѣнахъ и скучаю какъ подьячій. О! здѣсь у насъ нѣтъ прекрасныхъ Херсонскихъ праздниковъ. Лобъ у меня въ морщинахъ; я не здоровъ. Сегодня въ первой разъ обѣдаютъ у барона Ферзена (²); послѣ завтра у знаменитаго Денисова (³), который безъ сомнѣнія произвелъ чудеса. Здѣсь я имѣю пріятное утѣшеніе видѣть, что за мою откровенность платятъ мнѣ вездѣ дружбою и вѣрностью. Будьте здоровы; поклонитесь моимъ друзьямъ. Курьеръ съ послѣднимъ вашимъ письмомъ былъ въ дорогѣ только мѣсяцъ: приношу вамъ за него мою искреннюю благодарность, какъ вѣчный вашъ другъ и слуга.

(¹) Письмо писано на французскомъ языкѣ Суровымъ.

(²) У генералъ-аншефа барона Ивана Евстафьевича Ферзена, возведеннаго 1-го января 1795 года въ графское Россійской имперіи достоинство. За подвиги въ Польшѣ онъ получилъ звѣзду св. Георгія и 2000 душъ

(³) У генералъ-маіора Ѳедора Петровича Денисова, прославившагося побѣдою надъ Костюшкою.

XXXVII.

Warsowie le 16 janvier 1795.

Excellence, cher et intime ami Осипъ Михайловичъ!

Bon jour et bon an avec son excellence Настасья Ивановна et vôs belles frêles, santé, prosperités, victoire et gloire! Etes vous à S. P. B., Jerusalem, Pekin et Philadelphie, je suis votre même fidele en absence et en presence pour combattre sous vos auspices, et vous dirés: tout va bien. En attandant, merveille pour votre Hadji-bey; augmentés votre flotte, percés le canal de Bizance comme jadis le Danube. Je reçois votre gracieuse lettre de Nikolaiew que le courrier ailé m'a transferé pas au delà d'un mois. Helas! etant trop occupé, je ne puis vous embrasser ou vous etes, je ne puis que le faire d'ici. Salués de ma part mes amis, principalement L-s E-s C-s Zubows que j'ai estimé et aimé ici comme mes parens à juste titre.

Переводъ. Варшава 16 января 1795. (¹)

Ваше превосходительство, дорогой и искренній другъ Осипъ Михайловичь! Здраствуйте; поздравляю васъ съ новымъ годомъ, равно какъ и ея превосходительство Настасью Ивановну (²) и вашихъ прекрасныхъ дѣвицъ. Желаю вамъ здоровья, благоденствія, побѣдъ и славы. Гдѣ бы вы ни были: въ С. Петербургѣ, Іерусалимѣ, или Филадельфіи, я остаюсь вамъ также вѣренъ, какъ въ отсутствіи, такъ и въ присутствіи, что-

(¹) Письмо писано на французскомъ языкѣ рукою Суворова.

(²) Супругу Рибаса, воспитанницу и впослѣдніи наслѣдницу извѣстнаго И. И. Бецкаго.

бы сражаться подъ вашимъ руководствомъ и вы скажете: все идетъ хорошо.

Между тѣмъ вашъ Гаджи-бей чудо; увеличивайте флотъ, прокладывайте себѣ путь въ Византійскій проливъ (²), какъ нѣкогда въ Дунай. Я получилъ ваше любезное письмо изъ Николаева, которое крылатый курьеръ доставилъ мнѣ спустя болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія. Увы! будучи слишкомъ занятъ, я не могу лично васъ обнять въ мѣстѣ вашего пребыванія и могу исполнить это только отсюда. Поклонитесь отъ меня моимъ друзьямъ, особенно же ихъ сіятельствамъ графамъ Зубовымъ, которыхъ я любилъ и уважалъ здѣсь какъ родныхъ мнѣ по истинѣ.

XXXVIII.

Dans ma dernière j'ai manqué en dâte.
Warsowie le 23 janvier 1795.

Excellence, cher et intime ami Осипъ Михайловичъ!

Je vous remercie très humblement de la votre en date du 12 de ce mois. A votre retour de S. P. B. voyagés par ici; pour vous seul je donnerai un bal jusqu'à present hors d'usage, ou un festin s'il y a grand carême. Царь жалуетъ, псарь не жалуетъ. Gazette de S. P. B. 1 № 1 janv. Là vos Mars ont ils donné battaile, s'y connoissent-ils en disposition? Celle-ci peut-elle etre donnée d'une distance à 1500 w. et nôtre adorable Nestor [1]) en a t-il-gené quiconque jamais, excepté que les regles generales sont partout, et quelle miserable secheresse dans mon apotheôse! Je n'ai pas eu de pareil abaissement dans tout mon service. Ce sont les premiers fruits dans ma nouvelle carriere, que dois-je attendre dans la suite? Avec toute mon integrité d'un fidele serviteur je dois quitter en quelques mois pour sauver mon honneur sur le declin de mes jours. Belle amitié du C. Pl. A. Z.... [2]) S. M. l'empereur [3]) vient de me decorer de son portrait très riche et plus grand que les notres. Les alliés esperent de m'avoir avec 30.000 et 15.000 t. legeres, et il est tems. Nous ne voyons partout que des Tersites; dejà les Bataves dansent la carmagnole et seront suivis par bien d'autres. Adieu, je vous embrasse! donnés les verges à Наташа si elle vous deplait, eclairés de votre sagesse notre nouveau courtisan.

Le Coll. de guerre ne s'annonce pas encore droit à moi, quoique le respectable solitaire de Taszan [4]) me traite en egal. P. R. [5]) a plus de dignité.

Repartition. C. P. A. Z. Com-t suprême. Gen-ls en chef C. W. [6]), Derf.... [7]) Vive mon plan! Que nous sommes niais....

XXXIX.

Warsowie le 6 mars 1795.

Excellence, cher ami Осипъ Михайловичъ!

Vous ne m'ecrivés pas. J'ai tout lieu d'être content de mon sort actuel, comme de l'attachement sincere pour moi du C. Pl. A. Si ce n'est que je voudrois me raprocher de vous et Dieu le vueille! nous sommes ici tranquilles.

Que ma nouvelle vanité ne vous gêne pas. Restons sur le pié precedent de la soeur des Dieux. Soyés le même comme vous l'avés été de Kinbourn à Izmael et d'Izmael jusqu'ici. Je ne changerai pas jusques à Stix. Portés vous bien. Adieu, je vous embrasse.

---

²) То есть: въ Константинопольскій.

¹) Графъ П. А. Румянцовъ Задунайскій.

²) Графъ П. А. Зубовъ.

³) Императоръ Австрійскій.

⁴) Графъ Румянцовъ.

⁵) Князь Репнинъ.

⁶) Князь Волконскій.

⁷) Дерфельденъ.

Варшава 6 марта 1795 ([1]).

Переводъ. Ваше превосходительство, дорогой другъ Осипъ Михаиловичъ.

Вы ко мнѣ не пишите. Я вполнѣ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, равно какъ и искреннимъ расположеніемъ Г. Пл. А. ([2]); но тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы быть поближе къ вамъ, и дай-то Богъ, чтобы это исполнилось. Мы здѣсь спокойны. Пусть мое новое званіе ([3]) васъ не стѣсняетъ. Останемся на прежней ногѣ сестры боговъ ([4]). Будьте все тѣми же, какими вы были съ Кинбурна до Измаила и съ Измаила со сихъ поръ. Я не перемѣнюсь до Стикса. Будьте здоровы; прощайте; обнимаю васъ.

XL.

Милостивый государь мой Осипъ Михаиловичъ!

При спокойствіи и тишинѣ въ мѣстахъ здѣшнихъ и по прикосновенности въ кордонахъ цесарскомъ и прускомъ, войски ея императорскаго величества начальства моего здоровы и упражняются въ экзерциціи, безъ недостатка въ продовольствіи; прускія, дѣйствовавшія противъ Французовъ, почти всѣ располагаются въ кантонахъ своихъ, и къ войнѣ ничего не предвидится.

Дошедшія ко мнѣ секретные артыкулы, между короля Прускаго и Французами здѣланные, вашему превосходительству для свѣдѣнія, есть ли уже не имѣете, имѣю честь препроводить, прося покорнѣйше не оставлять и меня вашими увѣдомленіями относительно сосѣдей вашихъ и происходящаго въ областяхъ тамошнихъ.

Пребываю въ протчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

№ 81
іюня 18 дня
1795 года
Варшава.

Depuis janvier nulle nouvelle ne m'est parvenue de votre excellence. Pourrois je croire que vous etes refroidi envers votre fidele ami? ([1]).

XLI.

Warsowie ce 27 oct. 1795.
7 nov.

Excellence! mon cher Осипъ Михайловичъ. Iwascheff après ses cours est ici depuis hier, il m'a rendu votre lettre, je vous en baise les mains. Après l'entrée des troupes ici, je ne dormis pas bien jusqu'à la fin de Aout; ceci ne dura qu'au delà d'une semaine, et voici au delà d'un an que je suis souvent sur votre phantôme à Rames; il est vrai que je m'en suis demis, comme de vos bords Mediterr......, comme éloignés de l'Equinoxe, quoique enprisonné dans le repos local en imagination; je n'y ai pas manqué quelquefois dans les insinuations, maintenant je prends les moyens d'y agir avec une plus forte laconique. Que voulez vous de nouvelles? Lisez les dans la Gazette, le nerf des circonstances est la même que dans ma lettre précédente. Nous sommes amis avec nos voisins, mais le partage n'arrive pas, graces à la faiblesse des cabinets. Vos barbares étoient ennorgeuillis par les progrès des Carmagnols, mais déjà ils baissent pavillon à leur chasse, quoi-

---

([1]) Письмо писано все рукою Суворова, на французскомъ языкѣ.

([2]) Графа Платона Александровича Зубова.

([3]) Чинъ генералъ-фельдмаршала.

([4]) То есть: на прежней дружеской ногѣ.

([1]) *Переводъ:* Съ января я не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ вашего превосходительства. Могу ли я думать, что вы охладѣли къ вашему вѣрному другу?

que toujours infidèles, et sur cela je suis à vous avec plein soin sur le présent. Je m'amuse ici aux exercices, à la conservation de la santé, et je chassai la mort des lazarets de Dénizoff, de sorte qu'il en mourut après dans huit semaines en tout cent et quatre hommes non passé l'ordinaire de moitié. Je m'amuse avec Kwastoff et sa femme pour laquelle l'autre sexe a chez moi l'entrée, les deux jeunes Gortchakoff dont l'ainé a donné une belle fête à l'inauguration de ses nouveaux drapaux, le jour de Prague, et avec mes amis.

Cézar nôta après Pharzales: il faut pardonner à mes ennemis; dernierément je l'ai aussi fait envers mes prochains, sans en dire après le mot, quoique Kouriss les a bientot suivis, entrainé par sa petite villageoise au fond de l'equivoque petitte Russie. Je vous embrasse. Après cela le partage est arrivé, nous avons la rive droite du Boug, sa gauche aux Autrichiens, ici pour les Prussiens; par une gracieuse ukaz je suis apellé à S. P. B. où je vous embrasserai. J'y ai parlé ces jours-ci haut pour votre flotte pourrie, sans vous y meler.

C. A. S. R.

à S. Ex. de Ribas.

XLII.

Chere excellence!

1-mo vous etes libre. 2-o vous viendrés chés moi. Vous etes malade, malheur à Jerusalem! 3-o Demain je suis chés vous à l'aurore près.

C. A. S. R.

XLIII.

Aidés notre pauvre C. du Parc dans son emplacement, dans son semestre. L' 11-me mille est pour lui a 800 recquis et inserés. Je n'en veux pas entendre parler.

Knorring (grand secret) est battu dans Wilna qu'il a brusqué par ordre du P. R. [1]); Deiew, Korowaiew Col-s tués. Fm-I a eu la bonté de m'envoyer lire l'original de la rel-n assés longue, depechée à lui de Neswije. Nos trouppes titrés de corps d'armée où se trouvoit aussi C. Zubow [2]) (veut dire Nic. le rel. est franç.) ont beaucoup souffert, beaucoup d'ignorance, même de lacheté, dès le commencement Deiew est-il dit en place de tourner une batterie d'un canon fût au pillage des fauxbourgs.

XLIV.

Votre excellence, cher et intime ami Осипъ Михайловичъ!

Gloire à Dieu, nous entrons dans les quartiers d'hyver. Tourné moi chés vous.

XLV.

Excellence Осипъ Михайловичъ! Faites bien mes compliments à S. E. Николай Семеновичъ [3]), de même à tous nos amis. Tauride est à Kohowski. R. de Prusse a pris 200,000 d. contribution à Warsowie, pretend 1 million. Lors de matines Kostiuchko marchoit vers Wars., fut arreté par le provisionnaire Nowikow qui.... roi de P., Denissow, Autrichiens (Ferzen, Derfelden survenants) le bloquent à Karczew près de Warsow. Ainsi dit-on Rep. [4]) à Wilna avec 40,000 h. ou votre Arseniew p. ê. à faux pris et q. autres. C'est rescent, je pars, vous savés, à Balta, differents petits changements, 23 rendes-vous, 26 marche; embarras Solt. s'embourbe, deplait, C. R. Z. [5]) cher chef s'exprime bien envers moi. Adieu!

---

[1]) Князь Репнинъ.

[2]) Графъ Валеріанъ Зубовъ.

[3]) Мордвиновъ.

[4]) Репнинъ.

[5]) Гр. Румянцовъ-Задунайскій.

XLVI.

C. J. S. est la cause radicale, il sût gagner les bonnes graces du G. Mait. qui en l'envoyant ici entra en trahison commune contre moi sans le vouloir comprendre, et commença en me diminuant les trouppes pour lui afin de m'abaisser et l'elever par degrès. S. s'etant congedié resta près d'un mois incognito à S-t. P. B.; durant cet intervalle les brigades s'enfuirent, la faute tomba sur lui, neanmoins C. Z. le soutenait ne pensant gueres à moi, si non à mon desavantage par une correspondance illicitė. C. Z. manqua, Altesti me manqua, fit des folies. Dans la detresse C. B. entra au conseil, les parties decousues etant gouvernées par un jeune homme sans experience avec seules personnalités proposa l'unanimité du commandement; le seul homme à talent le merita en generallicime, il fera la repartition de tous les corps de la Perse jusqu'à l'Allemagne et peu à peu les aura sous ses ordes; il va partir pour Human q. gen-l. On craignoit jusques pour ici, et on avoit raison. S. sommeiloit, même voulut m'endormir par des folles ruses, le vieux chef fut pour moi et l'eveilla avec ma date indiquée, dont il m'informe en stile de rapport baissant pavillon en cette circonstance, il n'a à laborer que 2 rg-ts d'inf., 4 comp. d'art. et 3 à 4 esq. 2 rg-ts Czernom. cav. qui marchoient à lui m'evaluent, et je les placerai aux postes du haut Dniestr. J'ai rencontré Mariup: et je l'ai pris. Nous nous portons bien. Paix! Je vous embrasse. P. D. est bien; il va commander en Finl., je crois vous l'avoir dit, contre les voisins qui font mine de vouloir remuer.

Poliwanow a fini, Czewiez de même, Stall presque a de la Dnieprowska seule le plus de 1000 chevaux et le jeune Czorba est de retour, que j'envoye aussitôt en campagne contre l'implacable Lewaszow. Jssaiew a fini. Je me raccueille en trouppes, marche demain sur Bielacierkow, dernier point. Mais vive! Kostiuszko est battu (2000 h. sur place) par le R. de Prusse etant à la tete du centre et Denissow.

XLVII.

C. B. est au gouvernail. C'est C. N. S. qui m'informe que la direction de toutes les fortifi-s precedentes m'appartient actuellement comme auparavant. G. Mait. G. Gouv-r.

XLVIII.

Dieu nous garde à jamais du très venerable conseil de guerre; je ne veux rien avoir à faire avec lui. Notre rêve la dessus — s'il en est un — n'est que pour vous, même il est dangereux de le proférer, l'artifice en pourroit etre guidé pour porter le grand coup qui ne peut etre paré sans qu'auparavaut elle s'en fut imaginée.

C. A. S. R.

XLIX.

Gar: d'Hamb: (: si vous le savés:) Pr. Elisabet, ma main tremble, guillotinée avec nombre de dames. Les Jacob. ont bien battu dans les Pirénées, en Piemont ont pénétré dans le Milanois. En Allem. Möllend a bien battu, Hohenlo Autrich. a été battu. Pais-bas Jork a battu et Clerfait a été battu sous Courtray par Puchegrû, et presque les Jac. étoient à Bruxelles par Namur, furent repoussés, le plan de campagne sur Cambray et Marchiennes est un peu dérangé. Les Pruss. sont sur Lautern et les alliés s' y allignent. Wilna G. G. Kossakowki pendu, je pleure mon ami. Warsowie G. G. Ozarowski, Ankwiz, Zabiela, Kossakowski Evêque pendûs,

comme si le Roi accedoit aux insurgens et Kostiuczko lui répondit à y penser plus mûrement, 27 j. les insurg. n' y avoient pas été entamés.

(Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ весь рукою Суворова).

L.

Excellence, intime ami Іосифъ Михайловичъ! [1]).

..... dans les operations de nos troupes il n'est rien parlé de la Servie etc. c'est qu'ils en sont hors de portée; il y font au moins 50 m. combattants.

Votre plus grand ennemi est ma franchise et bonhommie; la благовидность en *mesure* à son grès. Je puis etre bon soldat, mais il m'est pardonable d'etre né sans artifice. Il est parlé dans l'augmentation pour le corps du Basdanube de 28 batt-ons à tirer de la Pologne; ditez si vous voulez de 24 à 28 s'imaginant sur quelque renfort des Polonais natifs à nous appartenants — sur les 6 regimens du Don pour les deux corps, ditez mieux de 6 à 10 régimens. J'entends sourdement que plusieurs d'eux sont semestrés de la Pologne au Don, c'est à dire jusqu'à 6.... est ce vrais? Vous ne vous y tromperez pas, tourné, ne vient au même.

Les brigades de cavaillerie polonaises à nous, ne serait pas à mepriser principalement en surplus; aussi comme un certain corps qui doit former C-te N. A. Z. [2]) des debris de l'armée polonaise.

Etant sur les 100 m. hommes, j'inserre dans les 60 m. vos trouppes de debarquement mais sans y comprendre les Tchernomortzis, si je n'y pends que de 5 à 6 m. hommes, c'est toujours un peu hazardé.

Sur les mss-rs du Stix, je repete, que dans toute une année je perds le 50-me h. et si L-t. G. Tolstoy auroit été plus humain avec sa geandarmerie, cela auroit été beaucoup moins que le 60-me.

Un colonel à 4 bat-s perdoit quelque fois autant que toutes les trouppes de ces contrées.

C. A. S. R.

Приложеніе.

1. Письмо Суворова къ Зубову.

Милостивый государь, графъ Платонъ Александровичъ.

Ваше сіятельство позвольте мнѣ для васъ одного тронуть теченіе обстоятельствъ съ просьбою, чтобъ мою практическую истину ни съ кѣмъ не компрометировать. Въ Польшѣ начальникамъ нашимъ мѣсто того, чтобъ быть въ невѣжественной нерѣшимости и плавать въ роскошахъ, надлежало соблюдать непрестанное бдѣніе, перу ихъ сотовариществовать ихъ мечу, и искру раждающую пожаръ послѣднимъ въ мигъ затушать. Варшавской нашъ департаментъ, при довольномъ войскѣ усыпленной, ожидалъ множайшаго; возрасли мятежи всюду, распространились даже до сей страны, такъ что сутки позже, реформа открылась бы, а въ пятеры совершилась. Былъ бы я не празденъ, но въ Польшѣ Турецкой войны не было, кромѣ что до стражи границъ, — стыдился бы я себѣ просить двадцати тысячъ солдатъ для обузданія оной и потушенія всѣхъ мятежей въ ихъ первоначаліи или послѣдовавшемъ возращеніи.

Турки арміею по сю сторону Дуная, то война, силою на чертѣ Шумле, то ей быть, толпятся около Адріанополя, то ее намѣряютъ. Нигдѣ таковаго еще нѣтъ! Но съ прибавленіемъ вооруженныхъ обывателей довольно они уже въ

[1]) Рукою Деволана; подчеркнутое рукою Суворова.

[2]) Графъ Николай Александровичъ Зубовъ.

войскахъ сильны, чтобы впасть въ буйный разрывъ, къ которому они болѣе прежняго оказываютъ склонность. Не лутче они начали въ 787 году. Войски наши къ Днѣстру обширности границы несоразмѣрны и къ дѣйствіямъ не достаточны. Костюшко побитъ и разсыпанъ, тожъ его лутчая часть при Хельмѣ; цесарцы въ 35000, сообразно сему Прусскій король. Оставя тамъ Россійскихъ сколько подлежитъ для окончательныхъ дѣйствіевъ или новыхъ пріобрѣтеніевъ, пора, милостивый государь! оттуда обратить всѣ преизлишественныя Россійскія войски въ здѣшнія страны.... Хотя бы какія Турецкія движенія демонстраціями казались, но могутъ скоротечно превратиться въ разрывъ. Пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Іюня 30-го дня 1794 года. М. Бѣла Церковь.

(*Печатается со списка*).

Письма Деволана къ Рибасу.

Kherson ce 8 de janv (1794).

C'est du cabinet de son excellence Mons. le comte de Souvorof Rimnicsky que j'ai l'honneur d'accuser à votre excellence la réception des lettres gracieuses du 24 decembre a. p.—Le plan en question sera expedié le plus promptement que possible, j'ose me flatter qu'il contentera votre excellence etant parfaitement d'accords aux idées que je vous connais déjà d'avoir sur ce sujet. Mais l'objet principal sera l'armée qui doit être recrutée et augmentée d'un bon nombre des troupes; ensuite nos magasins de vivres—tout ce que nous avons à notre portée consiste en environs, 40 m. tchetwerds. La disette, ou récolte manquée en quelque sorte en Pologne, rendra moins facile la formation des magasins; c'etait ce qui m'a engagé de dire un mot dernièrement sur le sujet d'exportation de blés, en compensation des menées de nos voisins et de chicanes qu'ils s'opposent à notre commerce de l'Archipel. Notre artillerie de campagne doit être pourvu des affulages et chariotages, — des boeufs, — des cheveaux (*sic*); — l'amunition sera pour la première campagne sans incident facheux,—pour la moitié assez. Le подвишни магазейнъ doit être entierèment retabli, les deux paires boeufs que nous y avons ne porront plus servir, ayant servi pendant toute la guerre passée.—Nos pontons sont hors d'étât d'être emploié, et doivent être changés et augmentés.—Ce sont des objets qui doivent *aller du moins*, de paire avec les plans d'opération.

Son excellence m-r le C-te est très charmé des avis amicals que votre excellence m'odonne de lui faire parvenir, la lettre a été lue et relue avec toute les sentimens généreux que votre Exell. le connait. Avec le courier j'aurais peu de loisir d'ecrire sur différents sujets ayant l'honneur d'être avec le plus profond respect de votre excellence le très humble serviteur De Wollant.

Monsieur le general,

J' ai l'honneur de joindre ici le rapport de l'officier major qui est à la tête du Podwischni Magaçin sur le Bas Dnestre.—Ce rapport appartient encore aux *notes de requisits* pour le premier corps agissant vers le Bas Danube; je dois supplier votre excellence de le joindre aux dites notes, et de le présenter ensemble a son excellence Mg-r le Grand Maitre. J' ai l'honneur d'etre avec le plus profond respect, monsieur le general de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur F. de Wollant.

Kherson le 23 de janv. 1794.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ (*).

Въ «*Русскомъ Инвалидѣ*» (№ 5, 1866 г.) помѣщена статья, г. Богдановича «*Характеристика дѣятельности графа Аракчеева*». Почтенный авторъ, извѣстный нашъ военный исторіографъ, конечно недостаточно ознакомленный съ избраннымъ имъ предметомъ, вошелъ въ нѣкоторыя погрѣшности и обычную неопредѣлительность, начиная даже съ имени графа Аракчеева, котораго, вмѣсто Алексѣя, онъ называетъ „Александромъ". Не въ этомъ однако же суть.

Почтенный профессоръ начинаетъ вопросомъ себѣ: „чему обязанъ былъ онъ „(Аракчеевъ) почетнымъ мѣстомъ довѣ„реннаго лица при одномъ изъ величай„шихъ монарховъ?" И, вслѣдъ за симъ присовокупляетъ: „Нельзя сказать, что „безъ лести преданный, какъ называлъ „себя самъ Аракчеевъ, достигъ столь „высокой степени — лестью, ласкатель„ствомъ. Императоръ Александръ отъ „самой юности, зналъ цѣну этой фаль„шивой монеты.... Наконецъ, не былъ „ли счастливый временщикъ обязанъ „быстрымъ возвышеніемъ *дарованіямъ* „своимъ? Не выступалъ ли онъ изъ ря„да людей, какъ говорится, годныхъ „только для домашняго обихода (1). Не „былъ ли онъ человѣкомъ государствен„нымъ во всемъ значеніи этого слова? „Чтобы отвѣчать на такіе вопросы, не„обходимо изслѣдовать его обществен„ную дѣятельность и для этого всего „лучше разсмотрѣть ея послѣдствія... „Если бросимъ взглядъ съ этой точки „зрѣнія на все сдѣланное Аракчеевымъ, „то придемъ къ довольно *скудному* „*итогу*". И вотъ изъ чего почтенный авторъ складываетъ этотъ *скудный итогъ*.

„Конечно, говоритъ онъ, *мы обязаны* „*признать за нимъ* заслугу преобразо„ванія нашей артиллеріи и успѣховъ ея „въ 1812, 1813 и 1814 годахъ". Бездѣлица! Но здѣсь авторъ присовокупляетъ въ скобкахъ: „(не забывая однакоже „*содѣйствія* тому отличныхъ артилле„ристовъ: Яшвиля, Кутайсова, Ермоло„ва, Сухозанета, Никитина)".

Что это такое!? Какимъ образомъ, на какихъ основаніяхъ, почтенный исторіографъ дѣлаетъ эти пять лицъ участниками въ *преобразованіи артиллеріи*?... Присутствовалъ ли кто изъ нихъ въ военной коллегіи, въ артиллерійской экспедиціи, въ комитетахъ? былъ ли въ близкихъ совѣщательныхъ преніяхъ съ Аракчеевымъ по дѣлу о *преобразованіи артиллеріи*? Названныя лица были не *преобразователями*, а въ опредѣляемую эпоху славными дѣятелями съ давно уже преобразованной артиллеріей. Но и здѣсь, что за произвольная номенклатура! Какимъ образомъ въ 1812 году, вмѣстѣ съ Яшвилемъ, Ермоловымъ и Кутайсовымъ, занимавшими уже высшія мѣста, сопоставлены ротные командиры; а въ строгомъ смыслѣ: почему поставленъ Кутайсовъ прежде Ермолова, а Сухозанетъ прежде Никитина, начавшаго войну 1812 года уже полковникомъ, а не подполковникомъ, какъ Сухозанетъ? Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ названъ Никитинъ, слѣдовало бы сказать покрайней мѣрѣ „*и другихъ*", а если этого нѣтъ, то, почему они одни удостоились быть избранными? Въ то время артиллерія наша была богата славными боевыми ротными артиллерійскими командирами: Костенецкій, Шульманъ, Мерлинъ, Зеничъ, Глуховъ, Козенъ, Винсперъ, Дитериксы, Гулевичъ, Веселицкій и множество другихъ, изъ коихъ, въ обозначенную авторомъ (2),

(*) Печатаемъ эти замѣчанія по тому же единственно побужденію, какъ и въ прошломъ году (см. статьи того же автора на стр 1061 — 1072 и 1077 — 1090 Р. Арх. 1865. изд. 2-го), т. е. по исторической важности запросовъ и показаній. *П. Б.*

(1) Замѣчательное выраженіе!

(2) Въ Шведскую войну 1808—1809 годовъ славились артиллерійскія роты Аргуна, Преб-

эпоху нѣкоторые были уже генералами и начальниками артиллеріи въ корпусахъ. — Наконецъ, называя ротныхъ командировъ конной артиллеріи Сухозанета и Никитина, ни въ какомъ уже случаѣ нельзя было обойти имя Арнольди, тоже полковника и командира, также конной роты, и нельзя пропустить его именно потому, что совершенный имъ подвигъ въ Денневицкомъ сраженіи не многимъ выпадаетъ въ удѣлъ (³). Надо думать, что приведенныя почтеннымъ авторомъ имена пѐрвыя попались на память; но какъ бы то ни было, положительно есть только то, что не они и не тѣ, которыхъ назвалъ и я, *содѣйствовали* Аракчееву въ *преобразованіи артиллеріи;* они были, какъ я уже и замѣтилъ, славными дѣятелями въ полѣ, съ *преобразованной* уже артиллеріей.

Коснувшись предмета преобразованія артиллеріи, вмѣсто названныхъ лицъ правильнѣй было бы назвать И. Г. Гогеля, съ давняго времени пользовавшагося довѣріемъ въ знаніи дѣла и особеннымъ расположеніемъ Аракчеева. Въ 1806 году, еще въ чинѣ полковника, Гогель былъ уже назначенъ главно, присутствующимъ во временномъ артиллерійскомъ комитетѣ. Артиллерія обязана ему многими нововведеніями и усовершенствованіями. Но предоставимъ самому автору рѣшить, почему вмѣсто того, чтобы назвать лицъ, дѣйствительно содѣйствовавшихъ Аракчееву въ подвигѣ помянутаго преобразованія артиллеріи, назвалъ онъ боевыхъ дѣятелей, не участвовавшихъ въ томъ? Мнѣ кажется, съ этимъ предметомъ почтенный авторъ долженъ бы быть близко знакомъ, будучи нѣкогда артиллеристомъ.

За вышеприведенными словами причисляется къ *скудному итогу* дѣятельности Аракчеева *другая бездѣлица*: „Еще „болѣе достойна уваженія постоянная „заботливость Аракчеева о сохраненіи „въ войскахъ дисциплины и порядка, „тѣмъ болѣе, что онъ самъ всегда могъ „служить примѣромъ строгаго исполне„нія возлагаемыхъ на него обязанно„стей“. Не правда ли, какая *бездѣлица*, складывается въ *скудный итогъ*!

Вслѣдъ же за послѣдними словами читаемъ: „Отдадимъ также справедливость „энергическимъ мѣрамъ, имъ принятымъ „въ Финляндскомъ походѣ 1809 года“.

Къ этой *бездѣлицѣ* почтенный авторъ дѣлаетъ оговорку, подобно какъ и о преобразованіи артиллеріи, и вотъ эта оговорка: „Замѣтимъ, *однакоже*, что для „приведенія ихъ въ дѣйствіе, необходи„мы были Барклаи, Багратіоны и Куль„невы“.

Это уже совершенное незнаніе событій этой войны! Впрочемъ, не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что дѣйствительно до сихъ поръ мы не имѣемъ удовлетворительнаго описанія этой войны (⁴), театръ которой такъ близокъ къ нашей столицѣ. Тѣмъ болѣе казалось бы подробное описаніе ея необходимо, что оно было бы и поучительно: потому что, если

стинга, Судакова и пр., также часть гвардейской артиллеріи, подъ начальствомъ полковниковъ Третьякова и Мацнева.

(³) Въ этомъ сраженіи наслѣдный принцъ шведскій (Бернадотъ), видя какъ артиллеристы шести орудій конной роты п. Арнольди, пошли въ атаку и взяли двѣ пушки, снялъ шляпу и, поклонившись канонирамъ, сказалъ: „Много я „испыталъ чудесъ въ войнѣ, но не видалъ ар„тиллеріи, берущей орудія у пѣхоты! И, возвы„сивъ голосъ, прибавилъ: „у пѣхоты — фран„цузской!!“

(⁴) Все однако же не до такой степени, чтобы, говоря о ней, сказать подобную фразу. Но конечно и здѣсь надо быть справедливымъ и не слишкомъ укорять почтеннаго автора въ этомъ промахѣ; когда онъ былъ профессоромъ военной каѳедры, то Шведская война 1808—1809 годовъ не преподавалась, или, какъ говорится, не читалась, то ему и не было необходимости знать ее по казенной надобности; этимъ и можно объяснить, почему въ одномъ изъ сочиненій своихъ, онъ приписываетъ Кваркенъ — князю Багратіону, котораго ни самъ онъ, ни его войска не видали.

бы намъ когда либо пришлось опять тамъ дѣйствовать, то это совершалось бы едвали не вполнѣ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, что̀ и полвѣка тому назадъ: та же малая война, тѣ же затрудненія подвозовъ (исключая береговыхъ пунктовъ, если море будетъ въ нашей власти); тѣ же пути сообщенія, горы, лѣса, тѣснины, узкія дороги, безчисленныя озера, болота и т. п. У насъ есть два очерка этой войны: Сухтелена, принимавшаго участіе въ оной и Михайловскаго-Данилевскаго, не бывшаго еще и въ службѣ. У Шведовъ, между многими описаніями этой войны, лучшее Монгомери, изданное 1842 года. Сверхъ того у нихъ множество журналовъ, записокъ, описаній, отдѣльныхъ эпизодовъ, что̀ продолжается и съ особенною дѣятельностью послѣ восточной войны 1853—1855 годовъ, какъ въ Стокгольмѣ, такъ и у насъ въ Гельсингфорсѣ (на шведскомъ же языкѣ); есть описаніе на англійскомъ языкѣ ([5]). Кто предприметъ описывать эту войну, тотъ найдетъ обильные матеріалы на шведскомъ языкѣ и, ознакомленный съ нашими, а главное, съ войной — составитъ книгу полезную. Я смѣю думать, что она была бы далеко полезнѣе предпринятаго нынѣ описанія войны съ Турками въ 1828 и 1829 годахъ. Война эта изложена уже участникомъ въ оной Н. А. Лукьяновичемъ, пользовавшимся матеріалами графа Киселева и другихъ дѣятелей, и изложена очень удовлетворительно. Къ ней можно прибавить, пожалуй, кабинетныя фразы и т. п. Во всякомъ случаѣ, это описаніе будетъ трудъ только историческаго интереса, а чисто поучительнаго, къ приложенію на дѣлѣ, въ ней теперь не будетъ ровно ничего. Тамъ, т. е. въ Турціи и на Дунаѣ, рѣшительно все измѣнилось въ основаніи и частностяхъ своихъ, начиная съ политическо территоріальныхъ отношеній, преобразованія войскъ, тактики и администраціи, фортификаціонныхъ преградъ, расположенія умовъ жителей и пр. и пр., а это все измѣняетъ и самыя стратегическія соображенія. Въ Турціи все перевернуто, а если прибавить къ тому, что мы лишены вспомогательнаго средства флотомъ, то описаніе этой войны будетъ заключаться въ интересѣ чисто историческомъ, чуть ли не также, какъ и войны Александра Македонскаго, Аннибала, Цесаря и т. п.; но къ настоящему практическому примѣненію въ нихъ мало. Между-тѣмъ, война со Шведами произошла бы при прежнихъ условіяхъ, и каждое дѣйствіе, каждый эпизодъ встрѣчъ и т. п. могъ бы служить руководствомъ. Вотъ почему я думаю, что описаніе этой войны полезнѣй описанія войны 1828—1829 годовъ.

Обращаюсь къ предмету, къ мнѣнію почтеннаго автора о сподвижничествѣ Аракчееву — Барклаевъ, Багратіоновъ, Кульневыхъ. Здѣсь, если бы это и было такъ, то, по моему крайнему разумѣнію, исполненіе энергическихъ мѣръ, принятыхъ Аракчеевымъ, никакъ не ослабляетъ славы его тѣмъ, что онъ имѣлъ «исполителями: Барклая, Багратіона и «Кульнева (!)» .Умѣть выбирать и окружать себя людьми способными, есть качество, превышающее личныя научныя дарованія. Одинъ начальникъ, какихъ бы онъ ни былъ высокихъ знаній, не въ состояніи сдѣлать что либо полезное, если онъ окруженъ людьми, не имѣющими надлежащихъ способностей. Исторія показываетъ, что начальники, съ посредственными способностями, но убѣжденные въ вышеупомянутой истинѣ, окруживъ себя людьми свѣдущими и опытными ([6]), которыхъ умѣли цѣнить, а не

([5]) Года четыре тому назадъ, я долженъ былъ возразить на одно сочиненіе, вышедшее въ Стокгольмѣ и на другое—въ Гельсингфорсѣ и помѣстить мои замѣчанія въ журналъ, издаваемый профессоромъ Сигнеусомъ, на шведскомъ языкѣ, въ Гельсингфорсѣ.

([6]) Наполеонъ I, въ одномъ изъ писемъ къ брату своему Іосифу, королю Испаніи, говоритъ: „Людей надо видѣть вблизи, если хочешь узнать „ихъ достоинства». Онъ всегда требовалъ, чтобы генералы окружали себя опытными офицерами генеральнаго штаба... „Я считаю, говорилъ онъ,

отталкивать ихъ, — совершали блистательныя дѣла. Противное тому видно, когда начальникъ, вмѣщавшій въ себѣ и несравненно болѣе военныхъ качествъ, но проникнутый кичливою мыслью, что никто *лучше его знать не можетъ, не долженъ, не смѣетъ*, и, окруженный людьми не въ уровень себѣ, долженъ былъ на каждомъ шагу уступать противнику своему.

Но къ сожалѣнію, все, что̀ почтенный авторъ статьи сказалъ о *содѣйствіи* Барклаевъ, Багратіоновъ, Кульневыхъ, не согласно съ истиной, и ни въ какомъ случаѣ ввернутымъ словомъ: «*но однако же*», не отнимаетъ чести *энергическихъ* мѣръ графа Аракчеева, а напротивъ, если бы и было справедливо, что помянутыя три лица содѣйствовали въ этихъ энергическихъ мѣрахъ, то и въ такомъ случаѣ честь и слава оставались бы на сторонѣ Аракчеева, избравшаго такихъ себѣ сотрудниковъ. Почтенный авторъ впалъ въ ошибку отъ совершеннаго незнанія эпизода, который предпринялъ изложить. Вотъ вкратцѣ какъ это происходило.

Великая мысль въ этой войнѣ, исполненія коей исторія не представляетъ другаго примѣра, принадлежитъ самому императору Александру I-му. Желая положить конецъ войнѣ и воспользоваться чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ покрытія всего Ботническаго залива твердымъ сплошнымъ льдомъ, онъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ начерталъ планъ о переходѣ нашихъ войскъ изъ вновь присоединенной Финляндіи на Шведскій берегъ, по льду, чрезъ Ботническій заливъ, въ трехъ пунктахъ: чрезъ Аландъгафъ, чрезъ Кваркенъ, и въ Торнео. Главнокомандующій представлялъ препятствіе къ исполненію этого плана, не смотря на настоянія Государя̀ и устраненіе ихъ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ (о чемъ сообщалъ главнокомандующій и начальникамъ войскъ, назначеннымъ для дѣйствій на помянутыхъ трехъ пунктахъ) Время текло въ перепискѣ. Государь, въ твердомъ намѣреніи привести въ исполненіе свое мудрое предначертаніе, въ февралѣ, по случаѣ болѣзни начальниковъ пунктовъ, назначилъ другихъ: на мѣсто графа Витгенштейна и Багговута — г. л. князя Багратіона для дѣйствія чрезъ Аландъ; на мѣсто князя Голицына, для перехода чрезъ Кваркенъ — г. л. Барклая-де-Толли; а для дѣйствій чрезъ Торнео — г. а. графа П. А. Шувалова, на мѣсто г. л. Тучкова 1-го. Вмѣстѣ съ симъ отправленъ на мѣсто къ главнокомандующему военный министръ графъ Аракчеевъ, для устраненія причинъ, которыя могли бы вновь быть представлены о невозможности привести въ исполненіе помянутый планъ и настоянія въ неотмѣнномъ и скорѣйшемъ исполненіи его, по случаю скораго наступленія весны. Не говоря уже о главнокомандующемъ Кнорингѣ, не находившемъ возможности такого дѣйствія, самъ графъ Аракчеевъ встрѣтилъ тоже самое и у вновь назначенныхъ начальниковъ пунктовъ, исключая князя Багратіона, который далъ чрезвычайно лаконическій отвѣтъ, сказавъ: „прикажутъ, такъ пойдемъ!“ ([7]). Графъ Шуваловъ, принявшій начальство отъ г. л. Тучкова надъ Улеаборскимъ корпусомъ, представлялъ разныя препятствія, но болѣе всѣхъ противился Барклай-де Толли.

Принявъ корпусъ въ Вазѣ, онъ, Барклай-де-Толли, представлялъ о невозмож-

---

«свою армію не только числомъ, но также по «числу людей опытныхъ и храбрыхъ“ и т. д.

([7]) Отвѣтъ этотъ отнюдь не доказываетъ, чтобы было сознаніе въ дѣйствительности тѣхъ причинъ, которыя представлялъ Кнорингъ. Къ сему слѣдуетъ еще замѣтить, что часть войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать чрезъ Аландъ, состояла изъ двадцати или около того тысячъ человѣкъ, слѣдовательно вчетверо болѣе противъ силъ, предназначенныхъ Барклаю де Толли и почти втрое болѣе войскъ графа Шувалова. Сверхъ-того, во всякой неудачѣ, князь могъ, какъ говорится, умывать руки, ибо при его колоннѣ долженъ былъ находиться гр. Аракчеевъ, Кнорингъ и графъ П. К. Сухтеленъ.

ности перехода чрезъ Кваркенъ: «По «неимѣнію провіанта; по недостаточной «числительности войскъ къ немедленно«му предпріятію; по неимѣнію полнаго «комплекта боевыхъ патроновъ; по не«имѣнію надежнаго офицера квартирмей«стерской части и картъ; что управля«ющій провіантскою частію въ корпусѣ «боленъ» и т. д. Заключая донесеніе свое, что, по слуху, непріятель собираетъ силы свои близь Умео: «слѣдствен«но, говорилъ онъ, съ 5000-ми чело»вѣкъ, *мнѣ идти туда нельзя*».

На донесеніе графа Шувалова, излагавшаго причины, препятствующія предпринять назначенное ему движеніе, графъ Аракчеевъ отвѣчалъ поясненіемъ неосновательности оныхъ довольно подробно, подтвердивъ неотложное исполненіе Высочайшей воли и, чрезъ нѣсколько дней, блистательный успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе. Относительно же *препятствій*, выраженныхъ Барклаемъ де-Толли, писавшимъ (22 февраля) рѣшительно, что ему «идти туда (чрезъ Квар«кенъ) нельзя», графъ Аракчеевъ, чрезъ четыре дня (26 и 28 февраля) опровергъ ихъ и, чрезъ нѣсколько дней, безпримѣрный подвигъ—переходъ черезъ Кваркенъ — состоялся. Замѣчательны между прочемъ слова Аракчеева въ предписаніи Барклаю на выше приведенные рапорты: «... Поставя вамъ сіе на видъ, «прошу васъ скорѣе приступить къ ис«полненію воли Государя Императора, «о чемъ и ожидаю вашего донесенія, «чего непремѣнно отъ меня требуетъ «Его Величество». Далѣе сказано «на«счетъ объясненія вашего, что вами «очень мало получено наставленій отъ «главнокомандующаго, то генералъ, съ «вашими достоинствами, въ оныхъ и «нужды не имѣетъ. Сообщу вамъ толь«ко, что Государь Императоръ, къ 16-му «марта, прибудетъ въ Борго, то я увѣ«ренъ, что вы постараетесь доставить «къ нему Шведскіе трофеи». Повелѣніе это писано было 28 февраля, слѣдовательно Барклай-де-Толли не могъ получить онаго прежде 3 марта и, помимо всѣхъ представлявшихся имъ причинъ невозможности перехода чрезъ Кваркенъ—10 марта онъ былъ уже въ Умео. Вотъ сила энергіи графа Аракчеева! Онъ зналъ двигателя людей; зналъ, что особенныхъ препятствій нѣтъ, а тѣ, которыя представлялись ему, онъ умѣлъ отклонить, и это не могло быть сдѣлано иначе, какъ при глубокомъ знаніи дѣла, средствъ и т. п... Предписаніе его оканчивается слѣдующими знаменательными словами: «на сей разъ я желалъ бы быть «не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, «ибо министровъ — много, а переходъ «черезъ Кваркенъ Провидѣніе предостав«ляетъ одному Барклаю де-Толли».

Нужны ли тутъ комментаріи?.. Содѣйствовали ли Барклаи, Багратіоны, Кульневы приведенію энергическихъ мѣръ Аракчеева въ исполненіе? Напротивъ, его энергическія мѣры заставили ихъ дѣйствовать вопреки воображавшихся препятствій, какъ видно было изъ вышеприведеннаго краткаго очерка. Приводимъ здѣсь слова Михайловскаго-Данилевскаго въ описаніи Финляндской войны, чего, конечно, почтенный авторъ статьи не читалъ, ибо иначе онъ бы не написалъ своихъ отзывовъ.

«Такимъ образомъ всѣ три генерала ([8]), на коихъ возложенъ былъ пе«реходъ черезъ Ботнику, старались, «подъ разными предлогами, отклонить «отъ себя исполненіе отважнаго подвига. «Каждый отчаявался въ успѣхѣ, донося «о неодолимыхъ имъ препятствіяхъ. «Кнорингъ просилъ объ отставкѣ; Бар«клай-де-Толли писалъ, что рѣшительно «идти нельзя; графъ Шуваловъ говорилъ, «что люди пропадутъ съ голода. Выстав«ленныя ими затрудненія были устра«нены графомъ Аракчеевымъ, слѣдова«тельно ему принадлежитъ (я прибав«лю положительно — ему одному [9]), сла-

([8]) Кнорингъ, Барклай-де-Толли и графъ Шуваловъ. Князь Багратіонъ былъ въ колоннѣ главнокомандующаго.

([9]) Я участвовалъ въ походѣ, какъ поручикъ генеральнаго штаба и находился при особѣ графа Шувалова, живши всегда съ его секретаремъ Я. И. Рѣнишаловымъ. Всѣ переписки мнѣ очень

«ва приведенія въ дѣйствіе великой мы-«сли Александра о перенесеніи Русскихъ «знаменъ на Шведскій берегъ. Безъ его «понужденій и принятыхъ мѣръ — пере-«ходъ бы не состоялся».

Похоже ли все это на то, что говоритъ почтенный авторъ?.. Зачѣмъ безпрестанныя: «*но*», «*однакожъ*», и т. п. съ видимой цѣлью ослабить заслугу? Вотъ что слѣдуетъ еще замѣтить. Понятно, что надо было упомянуть Барклая-де-Толли и князя Багратіона, какъ главныхъ предводителей на двухъ пунктахъ перехода; но почему не упоминается графъ Шуваловъ, которому предназначенъ былъ третій, самый сѣверный пунктъ, движеніе чрезъ Торнео противъ единственной тогда Шведской арміи—въ семь тысячъ человѣкъ, которая лицемъ къ лицу стояла противъ насъ, защищая Торнео? Искусными движеніями своими по заливу, графъ Шуваловъ, принудилъ весь этотъ корпусъ, съ нѣсколькими генералами, положить оружіе. Назвавъ Барклая и Багратіона, приличнѣе было бы назвать и графа Шувалова, а не ставить въ уровень двумъ первымъ — Кульнева. Это былъ одинъ изъ авангардныхъ начальниковъ, извѣстный своею храбростію и находился въ этомъ званіи въ одной изъ коллонъ, занявшихъ Аландскіе острова и ближе къ переходу чрезъ Аландъ-гафъ; ему выпалъ жребій идти съ частью своихъ войскъ на Шведскій берегъ въ Грисельгамъ; а предшествовалъ ему извѣстный Денисъ Давыдовъ. И здѣсь видно изъ донесеній Аракчеева, что это по настоянію только его и было совершено. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли и княземъ Багратіономъ — имя Кульнева неумѣстно; повторяю, онъ былъ герой своего времени, но въ распорядительности не могъ стоять въ уровень съ помянутыми лицами (10).

Авторъ продолжаетъ слагать *скудный итогъ*, и говоритъ: «Наконецъ, «чтобы угодить панегиристамъ Аракчеева, мы даже готовы вмѣстѣ съ ними «восхвалять въ немъ *отрицательное* (11) «достоинство—безкорыстіе». Но вотъ и все. Сущая бездѣлица въ *скудномъ итогѣ*! За послѣдними словами авторъ восклицаетъ: «Что сталось съ основанными «имъ военными поселеніями? Къ чему «послужила преграда, поставленная его «себялюбивымъ усердіемъ между Монар-«хомъ и подданными?»

Но это такъ темно, что трудно и понять, что почтенный авторъ хочетъ сказать этимъ? Поселенія были основаны по волѣ Монарха. Аракчеевъ, какъ и во всемъ, былъ энергическимъ исполнителемъ оной. Какая преграда поставлена была себялюбивымъ усердіемъ Аракчеева между Монархомъ и подданными? Взвѣсилъ ли достаточно почтенный авторъ это выраженіе? Было бы желательно — что нѣтъ; ибо, въ какомъ же свѣтѣ ставитъ онъ Императора Александра, не усмотрѣвшаго воздвигаемыхъ ему преградъ съ народомъ? Пойдемъ далѣе.

«Безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ «фактовъ изумительной карьеры Арак-«чеева удостовѣряетъ въ томъ, что онъ «этими успѣхами всего болѣе *былъ обя-«занъ своей дѣятельности* (къ сожалѣнію «неплодотворной 12) и необыкновенному «умѣнью выказать себя усерднымъ ис-«полнителемъ воли Императора Алек-«сандра, снисканному еще тогда, когда «онъ былъ Великимъ Княземъ. — Арак-«чеевъ изучилъ его характеръ и снача-«ла проявлялъ человѣколюбіе, *чуждое*

знакомы и проч. Тогда не было еще штабовъ, все дѣлалось въ кабинетѣ начальника.

(10) Извѣстно, что въ 1810 году, при атакѣ Турецкаго лагеря при Батинѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ему неудававшихся, среди сраженія, онъ объявилъ графу Каменскому о невозможности одолѣть укрѣпленія, за что и былъ арестованъ. Генералъ Сабанѣевъ, заступивъ тотчасъ его мѣсто, немедленно одолѣлъ всѣ препятствія, и лагерь, со всѣми укрѣпленіями, былъ взятъ.

(11) Въ оригиналѣ—курсивомъ.

(12) Образованіе артиллеріи; введеніе дисциплины въ войскахъ; безкорыстіе; энергическія мѣры въ войну 1809 года и т. п. — не отрицаются и самимъ авторомъ, и все это—*„неплодотворно!“*

«*его каменному сердцу.* Въ томъ числѣ «изъ многихъ примѣровъ укажемъ на «слѣдующіе» .За симъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, но, вѣрный своей программѣ — уничтожать, или ослаблять все то, что можетъ быть хорошаго въ избранномъ имъ героѣ, присовокупляетъ ([13]): „Въ послѣдующей дѣятельности „графа Аракчеева уже не встрѣчается „такой филантропіи, и всѣ, находившіе„ся подъ игомъ его, страдали, не смѣя „и жаловаться“. Полно, такъ ли? Вѣдь здѣсь почтенный исторіографъ изображаетъ мудраго Государя нашего, какъ бы покинувшимъ бразды правленія, отдавъ оныя въ руки Аракчеева, правда (по засвидѣтельствованію исторіографа), человѣка умнаго, усерднаго, оказавшаго значительныя услуги; но нельзя и не согласиться, чтобы и Императоръ Александръ I-й не былъ изъ мудрѣйшихъ Монарховъ, а главное, пропитанный любовью къ народу, котораго онъ не могъ бы предать въ руки Аракчеева, какъ здѣсь говорится.

Почтенный авторъ продолжаетъ и, въ доказательство, что никто не смѣлъ на него жаловаться, говоритъ: „Только „лишь графъ Бугсгевденъ, человѣкъ до„вольно строптиваго характера, *тяжко „оскорбленный* Аракчеевымъ, послалъ ему „письмо, *оставшееся* памятникомъ того, „какимъ образомъ онъ обращался съ пер„выми сановниками имперіи“.

Не ужели г. авторъ, въ настоящее время, находитъ это письмо дѣльнымъ? Многіе, въ то даже время, не оправдывали его содержанія ([14]). Говоря объ этомъ письмѣ и, если только оно было прочитано почтеннымъ авторомъ, ему не трудно было бы вникнуть въ содержаніе онаго. Главнокомандующій доноситъ Государю объ успѣхѣ предпріятія войскъ, причемъ между прочимъ было взято (кажется, преимущественно у мызы Віасъ) обозначенное имъ количество пороха и т. п. Артилерійское же вѣдомство показало принятымъ этотъ порохъ въ количествѣ несравненно меньшемъ. Въ то время не было еще учрежденія большой дѣйствующей арміи, слѣдовательно и штабовъ, а потому военный министръ и не могъ отнестись иначе, какъ прямо къ главнокомандующему. Надо же было разъяснить дѣло, тѣмъ болѣе, что, при перемѣнахъ въ артиллеріи, введеніи въ оной правильной отчетности и т. п., требовалось и повѣрки оказавшагося разногласія и т. д. Въ настоящее время, когда сношенія разныхъ вѣдомствъ приняли болѣе опредѣленный ходъ, то, можетъ быть, военному министру и не пришлось бы о такомъ обстоятельствѣ писать прямо къ главнокомандующему, но если бы и случилось это, то, конечно, никого бы не удивило. — Графъ Буксгевденъ былъ самолюбивъ, строптивъ, и можетъ быть, лично недовольный за многія сообщенія ему высочайшей воли военнымъ министромъ относительно военныхъ дѣйствій, излилъ на него всю желчь свою. Нельзя отвергать конечно, что многое, сказанное въ письмѣ, было очень дѣльно; но оно не касалось предмета, а было только краснорѣчивое разсужденіе о значеніяхъ главнокомандующаго и военнаго министра Во всякомъ случаѣ письмо это не доказываетъ ничего того, что по видимому авторъ статьи поставилъ себѣ задачей и именно — стушевывать съ дѣятельности Аракчеева все то, что можетъ заявлять о принесенной имъ пользѣ, выставить его человѣкомъ съ жесткимъ сердцемъ: это очень и могло быть, но

([13]) То же самое видно и въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года“, относительно Кутузова, Растопчина, Багратіона, Милорадовича. То же находилъ и въ Исторіи войнъ 1813 и 1814 годовъ; такъ онъ поступаетъ и съ Аракчеевымъ.

([14]) Письмо было переведено, для отправки къ Аракчееву, находившимся при главнокомандующемъ, генеральнаго штаба маіоромъ Ганердовскомъ (убитымъ при Бородинѣ, въ чинѣ полковника). Я очень хорошо помню, что, когда письмо это сдѣлалось извѣстно, то многіе находили его надѣльнымъ, что думалъ и самъ переводившій, смягчивъ еще многое. Оно напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист.и Др. 1858 г. Кн. I — я.

для сего нужны доказательства положительныя, а не противорѣчащія одни другимъ, какъ это дѣлается въ статьѣ.

Послѣ того, какъ авторъ упомянулъ о сказанномъ письмѣ главнокомандующаго, онъ продолжаетъ: „по умиротвореніи „Европы Александромъ І-й, когда не-„благодарность людей и *пресыщеніе ве-„личіемъ и славой, заставили его ис-„кать уединенія и спокойствія*, графъ „Аракчеевъ, сдѣлавшись *почти* един-„ственнымъ докладчикомъ по всѣмъ дѣ-„ламъ у Государя, не зналъ предѣла „своему высокомѣрію и вполнѣ проявилъ „черственность души своей. Все изны-„вало подъ тяжкимъ гнетомъ его про-„извола" и т. д. Авторъ приводитъ систему управленія его дѣлами домашними и военныхъ поселеній и описываетъ жестокость оной. Въ исчисленіи этомъ проскользнула слѣдующая фраза: „графъ „Аракчеевъ не разбиралъ средствъ, „*стремясь къ достиженію цѣли—увели-„чить военную силу Россіи и содержать „войска ихъ собственными способами*". Цѣль великая, государственная, дышащая любовью къ отечеству. Пусть достиженіе ея было омрачено мѣрами жестокими, рѣшительными, но могло ли бы это быть достигнуто въ тотъ вѣкъ кротостію? Конечно нѣтъ. Учрежденіе это отжило свой вѣкъ, и оно уничтожилось; между-тѣмъ вспомнимъ, какую громадную пользу принесли южныя поселенія во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ одними уже запасами своими, доставлявшимися въ армію и т. д. и т. д.

Но здѣсь я оставляю все это въ сторонѣ, а замѣчу, еще разъ, въ какомъ же свѣтѣ оказывается заботливость Благословеннаго нашего Монарха, какъ бы махнувшаго рукой на цѣль благосостоянія государства? Согласно ли это будетъ съ истиной, когда заглянемъ въ Исторію и найдемъ въ ней, что съ 1815 года (эпоху, опредѣляемую господиномъ исторіографомъ, что Государь отдалился отъ дѣлъ), до кончины своей, чрезъ десять лѣтъ, заботливость Императора и внутри государства и внѣ онаго, направлена была на упроченіе благосостоянія и славы отечества ([15]).

Желательно, чтобы отрывокъ, на который набрасываются здѣсь нѣсколько замѣчаній, не попалъ въ Исторію Императора Александра І-го.

Вѣдь найдутся многіе, недостаточно ознакомленные съ исторіею дѣятельности графа Аракчеева, которыхъ не разувѣришь, чтобы все сказанное г. профессоромъ не было неоспоримой истиной; даже и болѣе просвѣщенные поколеблятся въ истинѣ того, что̀ знали прежде.

Въ другомъ авторѣ можно бы было отнести многое, въ особенности ошибку въ имени Аракчеева, къ опискѣ или къ неусмотрѣнной опечаткѣ; но исторіографу Императора Александра І-го, взявшемуся писать о лицѣ, не знать его имени, это какъ то чудно! Автору, съ такимъ авторитетомъ, ничего простить нельзя, ни одной запятой: онъ уполномоченный исторіографъ величайшей эпохи нашей исторіи, слѣдовательно, нетолько что невѣрность, но малѣйшая небрежность принимаетъ большіе размѣры. Честь нашей военной литературы требуетъ замѣчаній тамъ, гдѣ грѣшатъ противъ исторіи дорогихъ намъ событій, а такихъ грѣховъ много и очень много во всѣхъ твореніяхъ почтеннаго профессора-исторіографа, и есть промахи громадные!

И. Липранди.

Апрѣль 1866 г. С. Петербургъ.

([15]) Мысль объ освобожденіи крестьянъ не въ это ли самое время начала развиваться постепенными мѣрами новыхъ законоположеній и пр.?

ПИСЬМО ГР. АРАКЧЕЕВА

къ Олонецкому губернатору Ушакову (*).

Ваше превосходительство! Милостивый государь Александръ Андрѣевичь! Имѣю я въ Новгородской губерніи и уѣздѣ пожалованныя мнѣ деревни, въ коихъ находится село Грузино на рѣкѣ Волховѣ; и нынѣшняго года прошедшаго апрѣля 16 числа собранной съ вотчины моей годовой денежной оброкъ, старостою и дворецкимъ моимъ положенъ былъ для храненія (до пріѣзду моего въ оное село изъ С. Петербурга) въ находящуюся въ ономъ селѣ каменную церковь, изъ коей и украдено тогдаже 12,555 рублей ассигнаціями, о чемъ тогдаже Новгородской нижній земской судъ, сдѣлавъ слѣдствіе на мѣстѣ и забравъ сумнительныхъ въ ономъ дѣлѣ людей, а именно двухъ пономарей, священникова сына и моего старосту, которые всѣ и преданы суду; о чемъ еще и понынѣ производится слѣдствіе въ Новгородскомъ уѣздномъ судѣ; и всѣ прилагаемыя старанія къ открытію воровъ остаются въ тунѣ. Хоть милосердой нашъ Государь Императоръ, узнавъ объ ономъ отъ меня, и особой имянной указъ къ Новогородскому губернатору предписалъ; но сего мѣсяца 23 числа явился ко мнѣ Петрозаводской ([1]) губерніи Повѣнецкаго уѣзда Шуйскаго ([2]) погоста деревни Өешковой экономической крестьянинъ Филипъ Өеофановъ и объявилъ мнѣ явное подозрѣніе о вышеписанной покражѣ, оной же губерніи и уѣзда и погоста на экономическаго крестьянина, бывшаго во время пропажи денегъ въ плотникахъ въ селѣ моимъ Грузинѣ, о коемъ изволите увидѣть въ прилагаемомъ у сего допросѣ. Которой крестьянинъ Өеофановъ мною представленъ былъ того же числа въ Санктпетербурское губернское правленіе, гдѣ и былъ допрошенъ формально въ присутствіи о его мнѣ показаніи; съ коего допросу копію за скрѣпою у сего вашему превосходительству прилагаю; и прошу покорно сдѣлать мнѣ милость вашу, приказать показаннаго подозрѣваемаго крестьянина взять и сдѣлать съ онымъ по законамъ, о чемъ я такъ же просилъ Государя Императора, и всеподданнѣйше донесъ, что я писалъ по оному показанію къ вашему превосходительству.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство доставите мнѣ случай быть вамъ обязаннымъ на всю жизнь мою; а притомъ и дѣятельность ваша въ ономъ дѣлѣ сдѣлаетъ незабвенной въ Россіи анекдотъ; а стараніе и попеченіе ваше по ввѣренной власти отъ Монарха вашему превосходительству въ отысканіи такого воровства извѣстно будетъ и милосердому Государю нашему Императору, ибо все оное дѣло при началѣ онаго извѣстно Государю.

Простите великодушно, ваше превосходительство, что я сдѣлалъ вамъ онымъ безпокойство; но я увѣренъ, что вы изволите взойтить въ оное дѣло, и представите себѣ, сколь больно партикулярному человѣку такую сумму большую терять, а притомъ еще и не иную какую какъ годовой свой доходъ.

(*) Письмо это доставлено намъ въ копіи, снятой съ подлинника. Мы уже познакомили однажды (Р. Архивъ 1864, изд. 2, стр. 859) съ правописаніемъ Аракчеева; поэтому здѣсь не удерживаемъ его орфографическихъ ошибокъ.

([1]) Т. е. Олонецкой; Петрозаводской губерніи не существуетъ.

([2]) Шуйскій погостъ находится въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, но деревни Өешковой въ немъ не имѣется; въ Повѣнецкомъ у. есть погостъ Шуньгскій (Шуньга извѣстна по всему сѣверу своими ярмарками); очевидно гр. Аракчеевъ мѣстности точно не зналъ.

Въ заключеніе же онаго нахожу нужнымъ донести вашему превосходительству: первое, что оной показатель Ѳеофановъ объявилъ мнѣ, что онъ и самъ изъ Петербурга поѣхалъ нынѣ въ свой домъ, въ деревню. Второе, что о роскошной жизни онаго подозрѣваемаго крестьянина извѣстно уже и головѣ Алексѣю Прялицыну оной волости, которой, сказывали, съ оного крестьянина и денегъ знатную сумму взялъ. Во первыхъ прошу васъ покорно сдѣлать мнѣ милость оное дѣло препоручить начать въ ономъ Повѣнецкомъ уѣздѣ кому другому чиновнику а не тамошнему госп. исправнику, ибо отъ онаго можетъ оное дѣло не такъ скоро открыться.

Я ласкаю себя надеждою о вашемъ ко мнѣ въ Петербургъ увѣдомленіи по оному дѣлу и пребуду до конца жизни моей съ должнымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностью вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга *Графъ Аракчеевъ*.

29 декабря 1802.
С. Петербургъ

Сообщено генералъ-лейтенантомъ Н. Ѳ. Бутеневымъ, у котораго, въ его собраніи древностей, хранится подлинникъ. Деньги Аракчеева, по преданію, были отысканы и возвращены ему. Изъ вышенапечатанныхъ автобіографическихъ замѣтокъ гр. Аракчеева (стр. 922) видно, что въ то время, когда писано это письмо, онъ находился еще въ отставкѣ отъ службы.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Ваше императорское величество,
всемилостивѣйшій государь!

Нѣсколько лѣтъ уже я страдаю болію въ груди; общее несчастіе — горестная кончина государя императора Александра Павловича, отца и благодѣтеля моего, довершило разстройство моего здоровья, и довело наконецъ до такого состоянія, что я ни днемъ ни ночью не имѣю покоя.

Я совѣтовался съ многими врачами, но ни одинъ не могъ облегчить меня; всѣ рѣшительно говорятъ, что мнѣ остается одно средство: испытывать Карлсбадскія воды. Я долженъ послѣдовать ихъ совѣту.

Всемилостивѣйшій государь! Я служу уже 4-му Россійскому государю; офицеромъ съ 1787 г. и во всѣ сіи 39 лѣтъ, въ первый разъ прошу моего императора объ отпускѣ меня за границу.

Я испрашиваю сего отпуска, единственно для поправленія моего здоровья. Ежели Всевышній благоволитъ ниспослать мнѣ облегченіе отъ болѣзни, то я могу продолжать мое служеніе вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ тѣмъ же чистымъ и прямымъ усердіемъ, которое руководило меня при жизни покойнаго государя, отца и благодѣтеля моего, ежели только служба моя угодна будетъ вашему императорскому величеству.

Новое государственное учрежденіе военныхъ поселеній, въ моемъ управленіи состоящее, съ Божіею помощію, и особымъ всемилостивѣйшимъ въ Бозѣ почивающаго государя императора отца и благодѣтеля моего Александра Павловича попеченіемъ, получило уже твердое основаніе во всѣхъ частяхъ его устройства, такъ что теперь оно не требуетъ болѣе ничего кромѣ охраненія заведеннаго вездѣ порядка.

Что касается до денежныхъ способовъ военныхъ поселеній, то я оставляю наличныхъ денегъ болѣе 32 милліоновъ рублей. Кажется, могу я открыто и съ позволеннымъ вѣрному слугѣ своему государю христіанскимъ удовольствіемъ сказать, что сія часть

въ такомъ положенiи, какое конечно не всѣмъ другимъ извѣстно, и въ какомъ, можетъ быть, никто не воображаетъ себѣ военныхъ поселенiй; въ дополненiе же онаго всеподданнѣйше доношу, что и всѣ закономъ установленные отчеты по военнымъ поселенiямъ даны уже государственному контролю по 1825 годъ, въ чемъ удостовѣряютъ полученныя отъ онаго квитанцiи.

Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣнiе особую записку о капиталахъ военныхъ поселенiй.

Ежели мои труды и усердiе, въ скопленiи и прiобрѣтенiи сихъ значительныхъ суммъ, удостоятся обратить на себя хотя нѣсколько вниманiя вашего императорскаго величества, то, въ награду оныхъ, я прошу оказать мнѣ монаршiя милости: дозволить мнѣ подносимую записку напечатать въ Инвалидѣ, къ общему свѣдѣнiю; и предоставить мнѣ пользоваться во время отпуска нынѣ получаемымъ мною жалованьемъ. Оно неогромно, всемилостивѣйшiй государь, и менѣе получаемаго не только моими сотоварищами, но даже и многими статсъ-секретарями.

Не позволилъ бы я себѣ утруждать ваше императорское величество прозьбою о послѣднемъ, ежели бы могъ обойтиться въ приготовленiи себя къ отъѣзду и въ содержанiи себя за границею; но мои нужды доказываетъ продажа домовыхъ моихъ столовыхъ, серебренныхъ вещей, что должно быть не безъизвѣстно и вамъ, всемилостивѣйшiй государь, по докладу вашего гофмаршала и управляющаго кабинетомъ. Мое письмо къ сему послѣднему я бы желалъ, дабы доведено было до высочайшаго свѣдѣнiя.

Но ежели я не прiобрѣлъ службою моею права на сiю милость вашего императорскаго величества, то долженъ буду прибѣгнуть, для путевыхъ издержекъ, къ займу денегъ подъ залогъ единственнаго Грузинскаго моего имѣнiя, дарованнаго мнѣ за службу въ Бозѣ почивающимъ вашимъ родителемъ. Имѣнiе сiе составляетъ все мое благосостоянiе, и я со времени пожалованiя онаго мнѣ не прибавилъ къ нему ни единой души крестьянъ, ни единой десятины земли, ни покупкою, ни наградами розданныхъ арендъ и земель.

Всемилостивѣйшiй государь! Все здѣсь изложенное столь истинно, что я могу подвергнуть оное суду самыхъ моихъ недоброжелателей. Мнѣ кажется, и они, прочитавъ все оное, ежели не отдали мнѣ справедливости, то конечно возчувствовали бы въ совѣсти своей нѣкоторое волненiе.

Я предлагаю себя сердцевѣдцу Богу и моему всемилостивѣйшему государю, августѣйшему брату блаженныя памяти государя отца и благодѣтеля моего. Служа его величеству вѣрою и правдою, я не прiобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства; я имѣлъ счастiе удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ, — его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служенiи и до конца дней моихъ пребудетъ единственнымъ утѣшенiемъ, и всемiрный Судiя, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ.

Остаюсь на вѣкъ съ глубочайшимъ и истиннымъ душевнымъ высокопочитанiемъ и преданностiю.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный

графъ Аракчеевъ.

С. Петербургъ
Апрѣля 9 дня 1826 года.

Печатается съ современнаго списка. Гр. Аракчеевъ, какъ извѣстно, былъ удовлетворенъ въ своемъ прошенiи, и ѣздилъ лечиться въ чужiе края *П. Б.*

КОРЧМА.

Историческій очеркъ.

Исторія корчмы—это исторія ополяченія, онѣмеченія, отатаренія, словомъ всего, чего хотите, только не развитія славянской жизни изъ славянскихъ началъ.

Одинъ изъ главныхъ признаковъ сложившейся народной жизни—это слѣды соціальнаго ея устройства, которое проявляется въ организаціи городскихъ общинъ (гильды=братчины, цехи=артели) и въ заведеніи питейныхъ домовъ. *Общественныя питейныя заведенія* дѣлаются извѣстными на западѣ со времени Карла Великаго. Здѣсь сходятся всѣ, и свѣтскіе, и духовные, и въ капитуляріяхъ Карла Великаго и его преемниковъ не разъ повторяются предостереженія благоразумной администраціи, ut monachi et clerici tabernas non ingrediantur edendi vel bibendi causa ([1]). Съ тѣхъ поръ эти питейные дома живутъ и развиваются, вмѣстѣ съ остальной жизнію Европы, вплоть до настоящей минуты (Delvau, Cafés et cabarets de Paris. Paris. 1862). Древне-славянскія общественныя заведенія, куда народъ сбирался для вершенія общественныхъ дѣлъ, для бесѣдъ и попоекъ, назывались *корчмами*. Корчма—вмѣсто кормча (Микуц. Отч. по II отд. А. Н. Отч. 6-й, 25), отъ серб. *крма*, церк-сл *кръма* — пища, русс. *кормъ*, откуда серб. *крмача*, родит. *крмачā*—sau). Отъ Славянъ корчм аперешла къ Эстамъ: *Korts*, *Kortsmit*, и къ Финнамъ. Корчмы слѣдовательно были питейными и съѣстными домами. Здѣсь, въ корчмахъ, приставы передавали народу постановленія правительства; здѣсь судились и разбирались возникавшіе между пріѣзжими и гостями споры, и корчмы долго замѣняли позднѣйшія ратуши, и были гостинными дворами (Погод. Сборн. IV, 225). Начиная съ XI вѣка, мы встрѣчаемъ корчмы: на Руси кіевской, у новогородскихъ Славянъ, у Болгаръ, Сербовъ, въ Чехахъ (Mater Verborum), въ Польшѣ, въ Жмуди (Устава земли Жомойтское), и у Славянъ прибалтійскихъ. Въ Сербіи, какъ и вездѣ, продажа напитковъ вольная. Душанъ (1336—1355), подтверждая Дубро́вницкимъ купцамъ свободную продажу питей, говоритъ: „и крьчьму да носе“ (Майк. И. Серб. Яз. 90). Въ послѣдствіи, именно въ наше время, подъ вліяніемъ нѣметчины, корчма у Сербовъ изчезаетъ (Вук. Кар. Срп. рјечн. 309), но остается еще у Болгаръ, гдѣ она сохраняетъ свое старинное народное значеніе, и отличается отъ *механы* (гостинница, городской трактиръ, питейный домъ), заимствованной отъ Венгровъ или отъ Турокъ. Южно-славянская *крчма́рица*, *кръчмарка* (корчмарка) — это не теперешняя великорусская цѣловальничиха, а, напротивъ, одинъ изъ лучшихъ членовъ сельскаго міра. Въ пѣсняхъ южныхъ Славянъ, корчмарка постоянно является лучшимъ другомъ народныхъ героевъ. У каждаго изъ нихъ есть своя посестрима-корчмарица, которая ухаживаетъ за своимъ милымъ, спасаетъ его отъ гибели. Въ корчмахъ проводитъ время за виномъ знаменитый герой южно-славянскаго эпоса, Кралевичь Марко:

Ви́но пиѥ Кралевиче Марко,
Ви́но пиѥ у’ладна ме’ана [2]).

Такъ начинаются почти всѣ пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ, и въ одной изъ нихъ корчмарка Ангелина спасаетъ своего побратима Марка Кралевича отъ врага

([1]) Т. е. чтобъ монахи и духовныя лица не ходили въ корчмы для ѣды и питья.

([2]) Въ холодной, прохладной корчмѣ.

его, Гина Арнаутина; въ другой пѣснѣ, она отправляется въ Софію, и сватаетъ за Марка дочь болгарскаго царя Шишмана (Поповъ, Пут. въ Черног. 49, 58). Теперешняя болгарская корчма обыкновенно состоитъ изъ одной комнаты; посреди ея *огнище*, гдѣ пылаетъ огонь; въ крышѣ сдѣлано отверстіе для дыма; вокругъ огнища стоятъ столики и стулики, на которыхъ сидятъ гости,— старики, собирающіеся для бесѣдъ, пѣвцы, которые разсказываютъ о старинѣ, нищіе, и постоянные члены корчмы — портной, обшивающій всю окрестность и знающій всѣ новости, попъ, какъ одинъ изъ главныхъ членовъ сельской общины, и дьячки. Въ углу корчмы придѣлана лавочка, гдѣ продаютъ веревки, орѣхи, фасоль, пшено, и тутъ же стоятъ бочки вина и ракіи (водки). Къ бочкѣ придѣлана втулка (канелка), заткнутая *чепомъ*; изъ бочки вино наливаютъ въ жестяную кружку (ока), или въ глиняный кувшинъ (пукалъ), откуда оно разливается въ *чаши*. Древне-славянскіе напитки квасъ, пиво и медъ совершенно изчезли у Болгаръ, смѣнившись виноградным̃ъ виномъ, доступнымъ на югѣ всякому человѣку, и водкой, употребляемой только людьми богатыми. У Шоповъ, гдѣ больше сохранилось остатковъ старины, существуютъ еще истыя славянскія корчмы съ дѣвушками-корчмарками. Корчмы западныхъ Славянъ являются уже центрами общественнаго, финансоваго и юридическаго управленія (Preusker, Blicke in die vaterländische Vorzeit. I, 121 и др.). Сначала они, какъ и вездѣ, были вольными учрежденіями, куда народъ спокойно сбирался по торговымъ днямъ; потомъ дѣлались княжескими, казенными, или, вмѣстѣ съ землею, переходили въ наслѣдственную собственность арендаторовъ (шульцовъ), получавшихъ право заводить *libera taberna* (Вал. Сбор. I, 31), или къ духовенству, къ епископамъ и монастырямъ, и тогда народъ сталъ заводить себѣ *тайныя корчмы*, *taberna occulta*, извѣстныя съ XII в. (Погод. Ист. Сбор. IV, 222). Въ винодольскомъ законѣ Хорватовъ, по рукописи XIII в., упоминаются уже нѣмецкіе *товерна* и *товернар*, но на поляхъ рукописи, для означенія корчмы, изображенъ столъ, а на немъ ведро, кружка и жмуль. (Чтен. 1846, IV, 27, 41). Въ Помераніи корчма, находившаяся въ зависимости отъ жупана, стояла непремѣнно на каждомъ рынкѣ, въ каждой жупѣ, и была центромъ финансоваго управленія округа. Въ Колобрегѣ, при двухъ жупанахъ, было и двѣ корчмы (Гильф. О балт. Слав. LIX). Въ польскихъ городахъ, вездѣ на площади или рынкѣ, среди города, стояла корчма, также называемая таверной. Въ Богеміи и Польшѣ, начиная съ XI вѣка, извѣстны корчмы вольныя и казенныя. Въ иныхъ городахъ было отъ двухъ до четырехъ корчемъ: „in Bitom targowe duae tabernae; in Siewor novum targowe, una taberna; ad magnum sal quatuor tabernae (Szczygielski Tinecia, II, 138. Пог. Ист. Сбор. IV, 225). Свободные корчмари подлежали вѣдомству и дворовому суду (curia) того господина, на землѣ котораго находилась корчма. Въ юго-западной Руси доселѣ еще удержалась древне-славянская корчма, и въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи встрѣчаются остатки старинныхъ *огромныхъ корчемъ*, превращенныхъ теперь въ заѣздные домы, и составляющихъ какъ бы кварталы мѣстечка (Шпилев. Бѣлор. 160). И если въ воронежской губ. народъ по праздникамъ собирается уже около *кабаковъ* (Эти. Сб. I. 226), то въ виленской губ., еще по прежнему, всѣ общественныя дѣла рѣшаются въ *корчмѣ* (ibid. 290), и во всей Бѣлоруссіи и Украинѣ, не смотря

на всѣ усилія обратить корчму въ шинокъ или кабакъ, она доселѣ еще служитъ обычнымъ мѣстомъ собраній для дѣлъ, бесѣдъ и гульбы. Въ Бѣлоруссіи бабку послѣ крестинъ ведутъ въ корчму; свадьба, отправляясь въ церковь, заѣзжаетъ въ корчму. Дворъ корчмы или стодола (сарай при корчмѣ) служитъ мѣстомъ собранія парней и дівчатъ, которые сбираются сюда плясать подъ музыку (Этн. Сб. II, 241; Вѣстн. Евр. 1828, 5—8, 77). „Що Божоі неділі, чи праздника, після обіду, хлопці та дівчата сходютця до корчми оттанцювать, а хозяіни и жінкі збираютця до іхъ подивитись та побалакать де о чімъ, а підъ часъ и чарку горілкі випить. Отъ зібралось біля корчми людей вже чи мало, музики грають, парубокъ съ дівкою танцюе, а старійши люльки запаливши, посідалі собі на приспі та й балакають“ (Основа, Янв. 1862). „Да не всіжь и пьяниці“, разказываетъ другой. „Одні приходять сюда побачитись зъ добрими людьми, да побалакать, а другі — такъ, якъ оце й я — щобъ послухать разумнихъ людей и почуть щó робитця у світі“ (Основа, Іюль, 1861). Въ праздникъ, когда нѣтъ дѣла, *чоловікъ* съ утра уже идетъ въ корчму, и говоритъ женѣ: „нада схадзиць на часокъ въ карчму“, и идетъ, вполнѣ увѣренный, что останется тамъ до обѣда, или до вечера. Жена обыкновенно отвѣчаетъ: „пайдзешь на часокъ, а прасядзишь да начи; виць въ карчмы смаляныи лавки: какъ сядзишь, такъ и паралипнешь“ (Этн. Сб. II, 242). Итакъ корчма южной Руси представляется намъ кореннымъ народнымъ учрежденіемъ, изъ котораго, при движеніи народной жизни, могло бъ вырости то, чтò у насъ именуется *клубами* и *собраніями*, но только въ болѣе приличномъ видѣ. Тогда какъ изъ нашего собранія пожалуй выведутъ человѣка, къ нему не принадлежащаго, — изъ свободной народной корчмы не выведутъ никого, и тогда какъ у насъ женщина стыдится войти въ кабакъ или въ трактиръ, а членами клуба одни мущины, въ корчму входятъ всѣ, и мущины, и дѣвушки. Здѣсь-то, въ корчмѣ, гуляла и прекрасная, благородная Бондарувна, жертва польскихъ насилій, и одинъ изъ лучшихъ женскихъ образовъ украинской поэзіи:

Ой у Луцку, въ славнімъ місти, капелія грае,
Молодая Бондарувна у корчмі гуляе.

Но совсѣмъ уже не то мѣстами, гдѣ *корчма* успѣла обратиться въ *кабакъ*, или *шинокъ*, куда теперь и *дівчата частуютъ* (Основа 1861. X,XVI, 85, 60, 61, и XIX, 130), но уже къ позору нашей современности, столь неприлично гордой своими успѣхами.... Дівчата, ночныя собранія которыхъ разгоняютъ *для порядка*, собираются въ корчмы пить ....

Моя дочка ледащица — не ночуе дома,
Моя дочка ледащица — не хоче робити,
Да якъ прійде неділенька — иде въ корчму пити.

Такъ какъ въ корчмѣ продавались питья, то отсюда и самое продажное питье получило названіе *корчмы* (кръчьма), съ какимъ оно постоянно встрѣчается въ памятникахъ древней Руси (Mikl Lex. fasc. II, 318). У Сербовъ: продаје *на крчму* — значитъ *продавать по мелочи*. Слово *кръчьмьница* встрѣчается въ древнѣйшемъ переводѣ пророч. Исаіи (Горск. и Невостр. I, 88). Въ древне-болгарскомъ языкѣ *кръчьмница* — taberna, *кръчьбьникъ*, вмѣсто *кръчьмьникъ* — Κάπηλοσ. И съ тѣхъ поръ, вслѣдъ за древне-болгарскимъ языкомъ, во всѣхъ древнерусскихъ сочиненіяхъ, *кабаки* и *питейные дома* всегда назы-

ваются *корчемницами*, и какъ будто облагораживаются этимъ въ сознаніи духовнаго писателя. «Приключися, говоритъ одна легенда, яко *нѣціи человѣцы честніи по мірскому въ корчемницѣ піяху*, и глаголюще съ собою о разныхъ вещехъ.» (Пам. Стар. Русс. Лит. I, 141.). Корчму знаетъ Русская Правда, составленная около XII вѣка, можетъ быть въ Новгородѣ, и, подобно Сербамъ, употребляетъ слово „корчьмствовать" въ значеніи мелкой, розничной продажи. На сѣверовостокѣ Руси, гдѣ общественная жизнь развита была гораздо слабѣе, чѣмъ на югѣ, корчмы не имѣли никакого значенія. Суздаль, Владиміръ, Москва совершенно не знаютъ корчемъ; напротивъ того, въ Кіевѣ, удивлявшемъ въ XI вѣкѣ своимъ народонаселеніемъ, своими осьмью рынками и несмѣтнымъ множествомъ товаровъ, въ неменѣе богатомъ Новѣгородѣ, въ Псковѣ и Смоленскѣ, корчмы составляли важное городское учрежденіе. Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава 1150 года упоминаются „мыти и корчмити", какъ подать съ пріѣзжихъ торговцевъ (Доп. къ А. И. I, 4). Въ Новѣгородѣ и Псковѣ корчмы—собственность городскихъ общинъ. Князь, на основаніи договора, по которому онъ принятъ, не имѣетъ въ корчмахъ никакой воли: „а свободъ ти ни мытъ на новгородьской волости не ставити." По псковской грамотѣ, которую относятъ въ 1397 году, запрещалось *княжимъ людемъ*: корчмы по дворамъ не держать ни на Псковѣ, ни на пригородѣ, ни ведра, ни корецъ, ни бочкою меда не продавати (Кар. V. пр. 404). Это право города не уступали даже сосѣдямъ. Въ 1474 году князь-местеръ Ризскій прислалъ посла къ великаго князя воеводѣ, князю Данилу Дмитріевичу, и къ князю Псковскому Ярославу Васильевичу, и ко всему Пскову, и говорилъ: „азъ князь великой Илифляшской и Ризской повѣствую, чтобы ми есте миръ дали; и язъ князь-местеръ съ воды и съ земли сступаюся дому святыя Троица, и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то маюся, что ми къ вамъ въ Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пущати, а колода отложити по всей моей державѣ, а на томъ пишу грамоту и за вси города, а опроче пискупа юрьевского и всѣхъ Юрьевцовъ". Узнавъ объ этомъ, юрьевскіе послы также дали обязательство: „имъ въ Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колодѣ (заставы) у костра не держати" (П. С. Лѣт. IV. 248—9). Вольные корчемники платили подати. Въ 1417 году псковскіе посадники наймитовъ наняша, и поставиша костеръ на Крому отъ Псковы, а поимаша то серебро *„на корчмитехъ"* (Кар. V, пр. 254). Не то было, не то начиналось въ городахъ, которыми владѣли князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжескія корчмы, и преслѣдуя, чисто изъ корыстныхъ выгодъ, вольное корчемство, князья вызывали этимъ появленіе *тайныхъ корчемъ* и пьянство. Званіе корчемника, честное въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ самобытнаго, свободнаго народнаго движенія впередъ, унижалось, дѣлалось преступнымъ. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV вѣка, листъ 92, въ исчисленіи занятій, за которыя отлучаютъ отъ Церкви, рядомъ съ чародѣями и наузотворцами, упоминается и „корчемникъ". (корчъмитъ). Точно также и корчемника, поставленнаго отъ князя, стали считать наряду съ разбойникомъ и мытаремъ. Такъ мы понимаемъ слѣдующее мѣсто Никоновской Лѣтописи. Здѣсь, подъ 1329 годомъ сказано про Михаила Александровича Тверскаго: «во дни убо княженія его разбойницы и тати и ябедники изчезоша, и мытари и *корчемни-*

ки и торговыя злыя тамги истребишась» (Ник. Лѣт, изд. 1786, IV, 287). Кириллъ, игуменъ бѣлозерскаго монастыря, около 1408—1413 г. писалъ можайскому князю Андрею Дмитріевичу: „и ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ; *крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ*“ (А. И. I, 16). Великій князь Василій Ивановичь запретилъ Смольнянамъ *ставить корчмы,* а сынъ его, Иванъ Грозный, вдругъ ставитъ въ Новгородѣ *восемь царскихъ корчемныхъ дворовъ.* 1543 года, ноября въ 21 день, на Введеньевъ день, прислалъ князь великій Иванъ Васильевичь въ Великій Новгородъ Ивана Дмитріевича Криваго, и онъ устроилъ въ Новгородѣ 8 корчемныхъ дворовъ (П. С. Лѣт. III, 200). Въ Новгородѣ поэтому заводится страшное, по тому времени, пьянство, и новгородскій владыка, Өеодосій, плачется за несчастный народъ: „Бога ради, государь, пишетъ онъ московскому царю, потщися и помысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ. Въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и причастія“ (Вивл. XIV, 238; Д. къ А. И. I, 41). И, можетъ быть, въ слѣдствіе этихъ жалобъ, 27 января 1547 года, уничтожены были въ Новгородѣ всѣ княжескія корчмы: „пожаловалъ царь и государь великій князь Иванъ Васильевичь, въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новгородѣ, *отставилъ корчмы и питье кабатцкое* [3]): давали по концамъ и по улицамъ старостамъ, на 30 человѣкъ, двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра на разрубъ“ (П. С. Л. III, 153). Въ Новгородской второй лѣтописи добавлено: „въ лѣто 7056 (1548) генваря въ 10 день, князь Иванъ Васильевичь отставилъ въ Новгородѣ корчмы, *и дворы развозили.*“ (т. же 201.). Должно думать, что корчмы встрѣчались иногда и по другимъ городамъ московскаго царства. и питейныя дома Москвы, о которыхъ упоминаютъ иностранцы, также, можетъ быть, носили названье корчемъ. Въ 1548 году, по жалованной грамотѣ царя, городъ Шуя былъ отданъ въ кормленье боярину Голохвастову *съ праводю, съ пятномъ, и съ корчмою.* Въ выписи 1552, данной по приказу Ивана Грознаго Андрею Берсеневу и Хованскому, велѣно было имъ беречи крѣпко во всей Москвѣ, чтобъ священническій и иноческій чины въ корчмы не входили, въ пьянствѣ не упивалися, не празднословили и не лаяли (А. И. I, 54). Въ корчмахъ и по домамъ, народъ пилъ свои изстаринныя, ячныя и медвяныя питья: *брагу* (скр. bgr, bhraj, нѣм. brauen, brût — варительница пива, невѣста, фр. brasseur), *медъ* (скр. madh, manth — сбивать мутовкой, madhu — медвяный напитокъ, сканд. mjodhr), *пиво, эль* (олуй, оловина), *квасъ* — напитокъ, чисто славянскій, который сосѣди Скандинавы олицетворили въ образѣ вѣщаго *Квасира;* и, наконецъ, съ конца XIV вѣка, *водка.* Такъ, изъ сѣдой, незапамятной старины, когда Славяне выходили изъ своей прародины на Гималаѣ, они несли съ собой напитки, и пили ихъ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, вырабатывая свою культуру. Жизнь шла такимъ образомъ до половины XVI в. Воротившись изъ казанскаго похода, Иванъ Грозный запрещаетъ жителямъ Москвы пить водку, — позволяетъ это однимъ лишь опричникамъ, и для ихъ попоекъ строитъ па *Балчугѣ*([4]) (татар.: грязь, топь) осо-

[3]) Лѣтописецъ выражается языкомъ своего времени: въ 1547 кабаковъ еще не знали.

([4]) Балчугомъ и теперь въ Москвѣ называется мѣсто между москворѣцкимъ и цѣпнымъ мостами.

бый домъ, и называетъ его *кабакомъ*. Кабакъ также слово татарское (Линде, Мат. для срав. русс. слов. Варш. 1845; Вивл. V, 7, 141, 143; Татищ. Лекс. Истор.; Русс. Достоп. ч. II, 9; сравни: Гриммовъ Deutsches Wörterbuch, V. 6). Единственный на всей Руси *царевъ кабакъ*, существовавшій въ Москвѣ въ половинѣ XVI в., распространяется скоро по всему московскому царству; кромѣ *кабаковъ*, для вина, пива и меду, заводятся *квасные кабаки*, и корчемникъ, доселѣ вольный промышленникъ, человѣкъ всѣми уважаемый, получаетъ значеніе контробандиста; и положительно весь Русскій народъ обвиненъ въ *корчемствѣ*. Каждый торговый день бирючи выходятъ на площадь и кличутъ, чтобъ крестьяне вина не курили, пива не варили, медовъ не ставили, а народъ, по *замерзлому своему противству*, заводитъ *тайныя корчмы*, *воровскія пристани*, и по всей Русской землѣ начинается преслѣдованье *корчемниковъ*, продолжавшееся безустанно въ теченіи 300 лѣтъ. Псковитянамъ, простымъ людямъ, *кабакъ* казался невыносимымъ зломъ: Ордынъ-Нащокинъ ввелъ во Псковѣ вмѣсто кабаковъ *вольныя корчмы*, и изо Пскова писали: „что были кабацкія избы, гдѣ всякое безчиніе и смрадъ были, а нынѣ въ тѣхъ избахъ всякаго благолѣпія исполнено“. То была послѣдняя вольная корчма на велико-русской землѣ! Одно уже слово *кабакъ* было ненавистно народу, и, употребляя его въ разговорѣ въ теченіи 300 лѣтъ, онъ однако никогда не рѣшался изобразить его буквами на вывѣскѣ. Поэтому въ 1651 году *царевы кабаки* велѣно было называть *кружечными дворами*, и хотя народъ сократилъ это длинное названье въ болѣе сподручное — *кружало*, но кружало по прежнему оставалось кабакомъ. Въ 1765 году еще разъ увидали, что *отъ злоупотребленій*... (?) названіе *кабака сдѣлалось подло и безчестно*, и его переименовали въ *питейный домъ*. Между тѣмъ, къ началу XIX вѣка кабаки распространяются по селамъ и деревнямъ, и распространеніе это неудержимо тянется вплоть до нашего времени. Въ 1852 году—въ Россіи 77838 кабаковъ; въ 1859 — 87388. „*Питейные дома — это притоны безчинства и разврата*“, говорится въ Трудахъ Коммисіи новаго Акцизнаго Уложенія, и вслѣдъ затѣмъ громадное число кабаковъ, существовавшее въ послѣднее время откуповъ, увеличившись въ *шесть разъ*, переходитъ теперь за *полмилліона*... На кабакѣ одна лишь сивуха, иначе — сиротскія слезы......

Opfer fallen hier,
Weder Lamm, noch Stier:
Aber Menschenopfer unerhört...

Повторимъ, чѣмъ начали, что исторія корчмы — это исторія всего, чего хотите, даже отатаренія, только не развитія русской жизни изъ свойственныхъ ей, родныхъ ей, русскихъ началъ.

И. Прыжовъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА (*).

Нижеслѣдующія письма относятся къ предполагавшемуся празднованію 50-лѣтняго юбилея Жуковскаго и напечатанію сочиненій его, а также къ „Перепискѣ съ друзьями", Гоголя.

Юбилей Жуковскаго, какъ извѣстно, не состоялся по причинѣ непріѣзда его въ Россію изъ чужихъ краевъ, и объясненіе сей причины заключается въ письмѣ его. Но, за невозможностью торжественнаго и офиціяльнаго празднества, друзья и близкія лица къ Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашнимъ образомъ. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ почтилъ милостивымъ присутствіемъ Своимъ это семейное торжество, во изъявленіе сердечнаго сочувствія и уваженія къ бывшему Своему наставнику. На этомъ вечерѣ графъ Блудовъ прочиталъ стихи, мною написанные по поводу юбилея (1); графъ Михаилъ Вьельгорскій пѣлъ куплеты мои, которые положилъ онъ на музыку (2); Михаилъ Глинка, тогда только что возвратившійся изъ за границы, оживилъ музыкальную часть этого вечера. Смерть причла къ имени самаго юбиляра и эти три имени дѣйствовавшихъ лицъ на его праздникѣ. Еще нѣсколько другихъ именъ можно прибавить къ этому загробному списку. Всѣ участвовавшіе, дамы и мужчины, записали имена свои на листѣ, которой былъ отправленъ къ Жуковскому. Онъ очень тронутъ былъ изъявленіемъ нашего сочувствія. *Кн. В.*

(*) См. выше, стр. 217—254, 473—512 и 859—903.

(1) См. Въ дорогѣ и дома", стихотворенія кн П. А. Вяземскаго. М. 1862, стр. 249.

Не съ нами онъ, другъ милый, но заочный,
Нашъ славный другъ, виновникъ торжества,
Краса и честь поэзіи полночной,
Жрецовъ ея жрецъ старшій и глава!
Не съ нами онъ! Съ торжественнымъ обрядомъ,
Намъ не вѣнчать достойнаго чела,
Ни рѣчью намъ не выразить, ни взглядомъ
Всего что̀ въ насъ любовь къ нему зажгла и пр.

(2) См. тамъ же стр. 247.

I. ТРИ БУМАГИ ГРАФА С. С. УВАРОВА.

1.

Милостивый государь
Князь Петръ Андреевичъ.

Съ высочайшаго соизволенія предположено учредить приличное торжество въ честь *Жуковскаго* во время пребыванія его здѣсь и тогда же открыть добровольную подписку на составленіе капитала для учрежденія въ словесномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго университета одной или нѣсколькихъ стипендій. Для приведенія сего въ дѣйствіе представляется необходимымъ войти въ предварительное совѣщаніе о семъ дѣлѣ и разсмотрѣть способы его выполненія.

Надѣясь, что ваше сіятельство не откажетесь принять участіе въ предполагаемыхъ совѣщаніяхъ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, извѣстить меня, угодно ли будетъ вамъ изъявить на то ваше согласіе. По полученіи сего отзыва, я не премину увѣдомить о времени, когда совѣщанія должны будутъ воспріять начало.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. *Графъ Уваровъ.*

№ 819.
Іюня 1847.

Его Сіятельству Князю П. А. Вяземскому.

2.

Милостивый Государь,
Князь Петръ Андреевичъ.

Считаю обязанностію увѣдомить ваше сіятельство о распоряженіяхъ, какія я могу сдѣлать по доставленной мнѣ вами запискѣ объ изданіи сочиненій В. А. Жуковскаго. Въ разсужденіи новаго полнаго собранія сочиненій его, хотя разрѣшеніе печатать прежде изданныя статьи безъ разсмотрѣнія и одобренія ихъ вновь цензурою и не совершенно согласно съ установленнымъ порядкомъ, я готовъ, однако, испросить на это исключеніе изъ общаго правила для г. Жуковскаго высочайшее соизволеніе Государя Императора. Равномѣрно предложу цензурѣ дозволить въ печать новое произведеніе его: *Рустемъ* и *Зорабъ*, которое потомъ и доставлю къ вашему сіятельству.—Что же касается до предполагаемой имъ классной книги, то обыкновенно министерство народнаго просвѣщенія покупаетъ для подвѣдомственныхъ заведеній книги, служащія учебными пособіями, по отпечатаніи ихъ, въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое понадобится; пріобрѣтаетъ же право собственности на рукописи только руководствъ собственно учебныхъ по разнымъ наукамъ; да и между сочиненіями этого рода лучшія остаются собственностью сочинителей, а министерство покупаетъ отпечатанные экземпляры. Съ такимъ распоряженіемъ сопряжена бо́льшая польза для сочинителей, которые при каждомъ новомъ изданіи книги получаютъ новую денежную выгоду. Во всякомъ случаѣ для министерства будетъ весьма затруднительно предложить съ своей стороны автору условія на пріобрѣтеніе сочиненія, котораго ни объемъ, ни содержаніе вполнѣ ему еще неизвѣстны; гораздо удобнѣе будетъ, ежели авторъ объявитъ свои условія и чрезъ то доставитъ министерству средства судить, можетъ ли оно и въ какой мѣрѣ ему возможно согласиться на эти предложенія. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Графъ Уваровъ.

10 Іюля 1847.
№ 915.

3.

Милостивый государь
Князь Петръ Андреевичъ.

По всеподданнѣйшему докладу моему Государю Императору объ изданіи сочиненій В. А. Жуковскаго безъ новаго разсмотрѣнія со стороны цензуры того, что́ уже прежде разсмотрѣно и напечатано, Его Императорское Величество, въ 29-й день сего Іюля, изъявить соизволилъ на то высочайшее согласіе. Въ исполненіе сей высочайшей воли, я далъ надлежащее предписаніе С. Петербургскому цензурному комитету въ предположеніи, что сочиненія Жуковскаго будутъ печатаемы здѣсь. Въ случаѣ же намѣренія автора, по отдаленности его жительства, напечатать оныя за границею, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство извѣстить меня объ этомъ для предписанія цензурѣ сообразоваться съ правилами, на такой случай постановленными.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Графъ Уваровъ.

31 Іюля 1847.

---

2. ПИСЬМО П. А. ПЛЕТНЕВА.

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству письмо Гоголя, сію минуту полученное мною въ пакетѣ на мое имя. Гоголь теперь во Франкфуртѣ на Май-

нѣ, куда проситъ и отсылать къ нему письма, адресуя ихъ въ Русское посольство. Я отъ Гоголя узналъ слѣдующія новости. Жуковскій отложилъ намѣреніе пріѣхать въ Спб. нынѣшнимъ лѣтомъ. Онъ съ больною женою своею останется въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. И такъ о юбилеѣ и хлопотать нечего. Но тѣмъ удобнѣе сдѣлать что нибудь въ его пользу или для составленія стипендіи. Не можетъ ли гр. С. С. Уваровъ предложить отъ своего департамента Жуковскому, чтобы онъ не откладывая готовилъ изданіе Одиссеи для училищъ, по тому плану со вступленіемъ въ Греческую исторію, какъ было объявлено въ Москвитянинѣ 1845 года [3]).

Гоголь написалъ еще какую то книжку, которая, по его словамъ, должна возвратить публику къ чтенію его „Переписки съ друзьями" ([4]). И потому онъ настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобъ мы ему доставили для просмотру ненапечатанныя мѣста его книги (рукопись уже возвращена мнѣ графинею А. М. Віельгорскою). Душевно преданный вамъ

П. Плетневъ.

10 іюня
1847.

P. S. По расчисленію моему, Жуковскаго 50-лѣтіе литературной жизни исполнится въ октябрѣ 1847 года. Его первая статья напечатана въ XVI ч. (№ 86) „Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія времени" 1797 года, начавшагося въ 1794 г.

---

[3]) Мысль, къ сожалѣнію не приведенная въ исполненіе. Кто занимался обученіемъ Русской словесности, тотъ знаетъ по опыту, какъ подобное изданіе было бы полезно. *П. Б.*

([4]) Кажется, это было нынѣ изданное Объясненіе на литургію. *П. Б.*

3. ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО.

Эмсъ 1847 г. 2/14 іюля.

Эта бумага уже была приготовлена и почти уже лежала передо мною для письма къ тебѣ, мой милый Вяземскій, когда я получилъ твое послѣднее отъ 18 іюня. Я всё еще не поднималъ руки, чтобы взяться за перо и поваливался на диванѣ, слушая убѣжденія лѣни, которая старалась доказать мнѣ, что въ такой жаръ, какимъ теперь всё испечено въ Эмсѣ, писемъ никто не пишетъ. Вѣроятно, что этотъ Сиренинъ голосъ на меня бы и подѣйствовалъ, если бы вдругъ не явилось твое письмо; оно заставило меня вынуть изъ портфеля и то, которое мною получено вмѣстѣ съ твоею брошюрою, и я наконецъ рѣшился поднять руку къ перу—это главное; теперь пойдетъ. Твои строки въ прежнемъ миломъ твоемъ письмѣ грустно пошевелили мнѣ сердце. *Въ отношеніи къ дружбѣ*, пишешь ты, *я здѣсь въ совершенномъ одиночествѣ; есть добрые знакомые, пріятели, а друзей нѣтъ. Изъ друзей ты только одинъ и остался на землѣ.* Да, ужъ много лучшихъ товарищей нашихъ ушло въ землю! Мы съ тобой огрызки нашего особеннаго міра, и валяемся далеко одинъ отъ другаго на лицѣ земли. Меня принялъ уютный уголокъ, въ которомъ все для меня новое, но это все *мое* собственное, родное; имъ я отгороженъ отъ пустѣющаго міра, въ которомъ жилъ до сихъ поръ, и эта пустота не столько мнѣ ощутительна. За то за мой теперешній, живой заборъ, не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость. Тебѣ тяжелѣ меня сносить такое запустѣніе: много, много у тебя взяла жизнь; самые тяжелые опыты посѣтили твою душу, тѣмъ болѣе тяжкіе, что ты не охотникъ дѣлиться своею ношею и тащишь её молча на собствен-

ныхъ плечахъ своихъ. Радуетъ меня за тебя однако то, что̀ слышу отъ тебя и слышалъ отъ многихъ о Павлѣ. Теперь онъ тертый калачь, сказалъ бы я объ немъ, естьли бъ только понималъ смыслъ этой Русской пословицы. Онъ прошолъ чрезъ огонь опыта и не сгорѣлъ въ черный уголь, а окрѣпъ, можетъ быть, въ сталь. Ты, по своимъ лѣтамъ, еще можешь быть ему нѣсколько времени товарищемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, можешь идти съ нимъ рука въ руку: мнѣ этого счастія не имѣть. Когда мой сынъ станетъ на свои ноги, я уже буду безъ ногъ (если проживу столько) и онъ будетъ для меня только посохомъ, предохраняющимъ отъ паденія.—Я собрался было къ вамъ въ гости; но въ самомъ началѣ письма моего выставка: *Эмсъ*, означаетъ тебѣ, что я сбился, то есть, что меня сбило съ дороги. Я собрался было ѣхать въ Петербургъ, ждалъ только прибытія Великаго Князя [5]), чтобы, съ нимъ повидавшись, отправиться въ путь; но вдругъ Коппъ [6]) рѣшилъ, что женѣ надобно дышать горнымъ швейцарскимъ воздухомъ; и я собрался въ Швейцарію всею семьею,—и это не сбылось: Коппъ увидѣлъ, что еще нужно женѣ короткое леченіе и предписалъ ей Эмсъ, въ приготовленіе къ воздуху Альповъ, запретивъ при томъ отваживаться послѣ такой передряги на Русскій зимній холодъ, который необходимо возобновилъ бы всю ея болѣзнь, теперь уже почти десять мѣсяцевъ ее не покидающую. Такимъ образомъ я опять на годъ здѣсь. Но будущею весною, оправится ли жена или нѣтъ, возвращусь къ вамъ; если жена оправится, возвращусь на житье, а когда не оправится, пріѣду погостить. Изъ этого слѣдуетъ, что и мой юбилей не состоится, ибо меня на лицо не будетъ ([7]). Но развѣ нужно для этого мое присутствіе? Для меня было бы душеусладнѣе, когда бы этотъ актъ воспоминанія и благоволенія отечества совершился въ отсутствіи моемъ. Для меня было бы тогда одно чистое, не смѣшанное ни съ какими тревогами самолюбія, чувство благодарности. Моимъ представителемъ могутъ быть двѣнадцать пѣсней Одиссеи, которыя скоро къ вамъ будутъ отправлены: дожидаюсь для этого возвращенія Великаго Князя изъ Киссенгена въ Дармштадтъ, дабы ввѣрить манускриптъ фельдъегерю. Впрочемъ всё это до меня теперь не касается; я могу только сказать одно, что письмо Уварова къ тебѣ меня тронуло; прошу тебя отъ меня его дружески поблагодарить за такую заботливость о старомъ своемъ сослуживцѣ подъ знаменами Арзамаса. Буду писать къ нему самъ, когда пошлю ему свои XII пѣсенъ Одиссеи (какъ членъ академіи ея президенту).–Продолжаю отвѣчать на письмо твое по порядку. Что скажу о рѣчи моего вѣнчаннаго друга? [8]) Скажу, что я читалъ ее съ глубокимъ чувствомъ, и восхищался ею какъ высокимъ, прекраснымъ актомъ души человѣческой. Что она произве-

[5]) Нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

[6]) Медикъ.

([7]) Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ готовились было праздновать возвращеніе на родину великаго писателя и любимаго человѣка. Въ Москвѣ покойный С. П. Шевыревъ задумывалъ устроить вечеръ, на которомъ Жуковскому должны были представиться молодыя Москвитянки, одѣтыя кто Людмилою, кто Свѣтланою, Орлеанскою Дѣвою, Ундиною, Дамаянти и проч. *П. Б.*

([8]) Покойнаго короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV. Кажется, это та самая рѣчь (по поводу конституціонныхъ движеній въ Пруссіи), въ которой король выразился: Das Loos der Koenige ist Thränen-schwer, т. е. участь государей тяжка, по обилію слезъ. *П. Б.*

детъ? какъ подѣйствовала? Кстати ли, не кстати ли? до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Главное то, что она вылилась прямо, струями чистой божественной правды, изъ чистой души царской; что она выразила вполнѣ душу, любящую правду и покорную Богу; что она сказана съ трона и что, когда слова слетали съ устъ, въ душѣ говорившаго было гораздо болѣе еще того что̀ говорили уста его; и что слово его было онъ самъ. Естьли въ душѣ его столько силы, чтобы и *на дѣлѣ* остаться своимъ сказаннымъ въ минуту вдохновенія *словомъ*, чтобы совершить съ успѣхомъ то, чего душа желаетъ вѣрою и правдою? Не знаю и даже не надѣюсь этого: слишкомъ силенъ потокъ, въ который онъ бросился, слишкомъ глухи уши, его слышавшія, слишкомъ проникнутъ діявольскою необузданностію нашъ вѣкъ, чтобъ понять и принять голосъ верховной Божіей правды. Онъ для меня самое трогательное и самое высокое лицо нашего времени: онъ созданъ, чтобы всё лучшее понимать и всего лучшаго желать, и все это лучшее причтено ему въ преступленіе съ которымъ его, палачь всякой правды—*наше время* привязало къ позорному столбу своему и предаетъ на ругательный хохотъ толпы. Теперь всего бы нужнѣе былъ желѣзный Наполеонъ съ своими мѣдными пушками.

$^{3}/_{15}$. Передъ отъѣздомъ моимъ въ Эмсъ я видѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ у себя Андрея Карамзина съ его Авророю [9]) и порадовался ими. Знаешь ли, съ кѣмъ я живу подъ одною кровлею въ Эмсѣ?—съ Хомяковымъ. Онъ здѣсь съ женою, которая лечитъ Эмсомъ свою больную грудь (впрочемъ ея болѣзнь не имѣетъ ничего опаснаго). Хомяковъ—живая, разнообразная, поэтическая библіотека; добродушный, пріятный собесѣдникъ. Онъ мнѣ всегда былъ по нутру; теперь я впился въ него, какъ паукъ голодный въ муху: навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ; это самое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки, явные всѣ мною самимъ были замѣчены, и сколько могъ я съ ними сладилъ. Къ намъ подъѣхалъ и Гоголь, и мы на досугѣ тріумвиратствуемъ. Но знаешь ли, кого я еще здѣсь встрѣтилъ? Лягрене [10]) съ женою; они явились сюда вчера и пробудутъ здѣсь столько же, какъ и мы. Я имъ объявилъ всё, что̀ о тебѣ знаю изъ послѣднихъ твоихъ писемъ, и они тебѣ кланяются. Но что значитъ эта фраза въ твоемъ письмѣ: *Тютчевъ тебѣ разскажетъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ*? Письмо я получилъ по почтѣ. Гдѣ же Тютчевъ? Не ужели онъ проѣхалъ чрезъ Франкфуртъ? Какъ и гдѣ отыскать его?

Читалъ ли ты Рустема и Зораба? Напиши свое мнѣніе. Статью твою о Гоголевой книгѣ я читалъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Многое даже меня глубоко тронуло. Но къ ней я намѣренъ возвратиться послѣ; теперь только вообще благодарю тебя за мастерски написанную статью. Вотъ истинная критика [11]).

1 августа.

Это письмо какъ видишь, начато 14 іюля, а еще 1 августа не послано; отчего такъ? не знаю. Но таковъ у насъ съ тобою обычай. Между тѣмъ подо-

(9) Супруга покойнаго Андр. Никол. Карамзина, Аврора Карловна, урожденная Шерниваль.

(10) Французъ-дипломатъ, нѣкогда (около 1828 г.) жившій въ Петербургѣ секретаремъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ французскаго посольства и женившійся въ Россіи на г. Дубенской. Кажется, онъ переводилъ на французскій языкъ стихи Пушкина. *П. Б.*

(11) См. статью кн. П. А. Вяземскаго въ №№ 90 и 61 Спб. Вѣдомостей 1847 г.: Языковъ и Гоголь". О ней же (оттискѣ ея) говорится ниже въ письмахъ Гоголя и Чадаева.

спѣло письмо нашего добраго Плетнева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о прибытіи къ вамъ Рустема и Зораба и благосклонномъ ихъ принятіи имъ и тобою. Хорошо. Говоритъ мнѣ также и о печатаніи полнаго изданія моихъ твореній. Хорошо. Но что будетъ, когда я ихъ отъ себя напечатаю? Кто будетъ ихъ продавать? Какъ мнѣ возиться съ книгопродавцами? И гдѣ взять денегъ на напечатаніе? Не лучше ли продать кому нибудь, приложивъ къ существующимъ 9 томамъ, новый десятый? А я бы ужь здѣсь съ Рейфомъ [12]) всё уладилъ; напечатанное могло бы быть перепечатано подъ надзоромъ самаго Рейфа въ томъ порядкѣ, въ какой бы я привелъ всѣ піэсы (а для этого только нужно будетъ сдѣлать имъ регистръ и въ этомъ регистрѣ отмѣтить, на какой страницѣ какаго тома піэса находится). Нужныя же поправки могу сдѣлать на самомъ печатномъ оригиналѣ. Что же касается до цензуры, то жаль, что Плетневъ просилъ Уварова о увольненіи отъ новой цензуры: онъ изъ этого сдѣлаетъ великую важность, будетъ просить Государя; а стоило бы просто имѣть подписанный цензурою печатный экземпляръ. Рустема же отдать бы процензуровать особо также, какъ и разныя сказки, написанныя въ послѣднее время и напечатанныя въ разныхъ журналахъ. При томъ представить въ цензуру и новый порядокъ, въ которомъ всё должно быть напечатано; иначе, чего добраго, старое въ новомъ порядкѣ сочтется за новое. Жаль мнѣ будетъ, если Уваровъ до полученія вами этого письма успѣлъ уже представить Государю о увольненіи отъ цензуры; если же нѣтъ, то предупредите это и отдайте экземпляръ печатный въ цензуру; этотъ экземпляръ оставьте у себя; также поступите и съ Зорабомъ (у меня есть другой списокъ); сказки же можно или переписавъ на мой счетъ или вырѣзавъ печатными листами изъ Современника, Москвитянина и Сологубова Альманаха, представить въ цензуру и также сохранить у себя: у меня есть списки сказокъ. Когда все это соберется у васъ подъ фирмою цензуры, вступите въ переговоры съ книгопродавцами и увѣдомьте меня, какой будетъ успѣхъ. Я самъ думаю, что было бы, можетъ быть, выгоднѣе напечатать на свой счетъ и мало по малу выбирать деньги; но повторяю, не мнѣ съ этимъ возиться. Соглашусь я на это, если найдете мнѣ такого благотворительнаго смертнаго, который бы за меня, въ пользу моихъ, взялся хозяйничать. Если жъ найдется покупщикъ, то сообщите ему и проэктъ напечатанія. Изданіе у Рейфа будетъ дешевле, скорѣе, лучше и всё застрахованное легко и безопасно достигнетъ до Петербурга. Прошу также меня немедленно увѣдомить о выходѣ изъ цензуры Рустема и сказокъ, и сообщите мнѣ тѣ мѣста, которыя (хотя впрочемъ этаго я не полагаю) могутъ быть вычеркнуты цензурою. Я вычеркну ихъ въ своемъ экземплярѣ и, можетъ быть, рѣшусь этотъ 10 томъ напечатать здѣсь особо; тогда можемъ его выдать впередъ какъ послѣдній томъ новаго изданія, или и особо подъ особеннымъ титуломъ. Что вы на это скажете? Печатаніе будетъ стоить и съ пересылкою застрахованною не болѣе 2500, много, много 3000 руб. Если продавать экземпляръ по 2 р. сер. (?), то останется за вычетомъ 25 процентовъ книгопродавцамъ до 17 тыс. асс. барыша. Если печатать здѣсь всѣ 10 томовъ, то печатаніе станетъ и съ пересылкою до 30 тыс. р. асс. Если продавать экземпляръ по 10 р. сер., то за вычетомъ всего останется въ барышѣ до 75 тыс. р. асс. Рустемъ вѣро-

([12]) Извѣстнымъ лексикографомъ и ученымъ знатокомъ Русскаго языка. *П. Б.*

ятно не залежится; но скоро ли раскупится всё изданіе? Прошу васъ на всё это отвѣчать поскорѣе. Юбилей—идея хорошая; я бы радъ былъ, когда бы она пришла въ исполненіе. 50-тилѣтіе мое кончится 29 января 1848 года, въ день рожденія поэта. Къ этому времени подоспѣетъ половина Одиссеи. Она могла бы быть моимъ представителемъ. Тогда же будетъ и Великій Князь Наслѣдникъ уже въ Петербургѣ. Я же хлопочу объ этомъ (какъ ни трогательно и для самолюбія и для сердца такое торжество) болѣе для *моихъ*, нежели для самаго себя: для моихъ, которые должны послѣ меня остаться и которымъ это торжество могло бы обратиться въ пользу. И такъ не бросайте этой идеи. Если уже она могла проявиться, то пускай она созрѣетъ и дастъ плодъ. Впрочемъ я самъ не знаю, хорошо ли дѣлаю, что объ этомъ забочусь. Это дѣло должно бы совершиться безъ моего вѣдома. Но о себѣ ли забочусь? О потѣхѣ ли своего самолюбія думаю? Нѣтъ! Всё таки лучше и чище полная беззаботность. До сихъ поръ явно для меня то, что не я устроилъ теперешнія мои обстоятельства: онѣ явно были свыше устроены. За чѣмъ же тревожиться и мѣшаться въ дѣло высшее? И такъ объ этомъ болѣе ни слова.

Вчера Хомяковъ уѣхалъ, и мнѣ безъ него очень пусто въ Эмсѣ. Онъ прочиталъ все *мое*, и теперь все, кажется, въ порядкѣ; прочиталъ *и свое* весьма замѣчательное. Гоголь отправился въ Остенду.

Это письмо прошу тебя, Вяземскій, сообщить Плетневу; оно писано къ вамъ обоимъ. Ж.

---

4. ПИСЬМО ГОГОЛЯ.

Франкфуртъ. Іюня 11 (1847).

Благодарю васъ, добрѣйшій князь, много и много за ваше участіе. Ваша статья въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ о Языковѣ и обо мнѣ ([13]), кромѣ всѣхъ тѣхъ достоинствъ и свойствъ, которыя принадлежатъ особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тѣмъ чувствомъ соучастія, которое принадлежитъ только одной нѣжной и любящей душѣ. Одно только меня остановило: мнѣ кажется, что выразились вы нѣсколько сурово о нѣкоторыхъ моихъ нападателяхъ, особенно о тѣхъ, которые прежде меня выхваляли. Мнѣ кажется вообще, мы судимъ ихъ слишкомъ неумолимо. Богъ знаетъ, можетъ быть, въ существѣ многіе изъ нихъ добрые люди и влекутся даже нѣкоторымъ, хотя отдаленнымъ, желаніемъ добра; но кого не увлекаетъ самолюбіе, нѣкоторый успѣхъ, и множество разныхъ соблазновъ, окружающихъ со

([13]) См. примѣч. 11-е. Сопоставленіе Языкова и Гоголя въ статьѣ кн. П. А. Вяземскаго (принадлежащей къ лучшимъ прозаическимъ произведеніемъ этого писателя) объясняется тѣмъ, что кончина Языкова (26 дек. 1846) и появленіе книги Гоголя были почти одновременны. Чтобы лучше понять эго письмо Гоголя, слѣдуетъ припомнить самую статью, коею оно вызвано. Кн. П. А. Вяземскій говорилъ между прочимъ въ этой статьѣ: Нуженъ былъ переломъ. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ, дала пагубное направленіе.... На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія.... Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутже круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ ... Жестокій врачь, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія... Переломъ былъ нуженъ, но можетъ быть, не такой внезапный и крутой".

всѣхъ сторонъ человѣка? Богъ знаетъ, можетъ быть, и намъ будетъ сдѣланъ упрекъ въ гордости, за то что мы нѣсколько жестоко оттолкнули ихъ, оскорбясь какою нибудь ихъ дерзостью, тогда какъ нашъ совѣтъ, можетъ быть, имъ былъ бы нуженъ и спасъ бы ихъ отъ многаго того, за что ихъ укорять теперь справедливо. Скажите мнѣ искренно, что̀ вы объ этомъ думаете. Мнѣ же становится теперь жалокъ рѣшительно всякъ человѣкъ, потому что, право, положенье всѣхъ въ нынѣшнее время страшно трудно и, къ кому ни приглядишься ближе, всякъ порождаетъ къ себѣ состраданье. Вся эта исторія по поводу моей книги (испытанье на собственномъ тѣлѣ многаго того, что̀ приходится испытывать людямъ въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ на всѣхъ почти поприщахъ, отъ всякаго рода *недоразумѣній*, которыми наполнился въ избыткѣ нынѣшній вѣкъ) усиливаетъ во мнѣ эту *жалость* со дня на день, такъ что не имѣется духу обвинить или осудить какого нибудь человѣка. Мнѣ кажется, какъ будто еще недостаточно любви у всѣхъ насъ (хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что мы это болѣе или менѣе чувствуемъ); мнѣ кажется, какъ будто мы все еще дѣйствуемъ не собственно противъ *нечистой силы*, подталкивающей на грѣхи и на заблужденія людей, но противъ самихъ людей, которыхъ подталкиваетъ на грѣхи *нечистая сила*. Самые наиболѣе любящіе изъ насъ еще не исполнены любовью къ людямъ въ такой степени, въ какой исполнены ненавистью къ ихъ заблужденіямъ. Отъ того и всѣ статьи наши, подвинутыя самымъ искреннимъ желаніемъ добра, не вносятъ надлежащаго примиренія. Мнѣ кажется, что теперь, въ нынѣшнее время, болѣе нужны не статьи нападательныя или защитительныя, которыя невольнымъ образомъ обратятся на чью нибудь личность и выставятъ на сцену насъ самихъ, сколько статьи уяснительныя многихъ важныхъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя, хотя покуда еще и не раздаются въ обществѣ, но къ которымъ поворотъ однакоже неминуемо долженствуетъ наступить. Я разумѣю здѣсь собственно тѣ истины, о которыхъ могутъ сказать только люди государственные. Если о нихъ не раздадутся теперь здравыя опредѣленія, годныя укрѣпить хотя нѣкоторыхъ, или дать имъ знать по крайней мѣрѣ приблизительно, чего держаться, то ихъ пойдутъ скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могутъ сбить всѣхъ съ толку. Вы видите, что нѣкоторое поползновеніе къ тому уже обнаруживается. Даже и я, человѣкъ вовсе негосударственный, заговорилъ о томъ. И такъ, есть какое-то повѣтріе, которому всѣ подвергаются равномѣрно. Тѣмъ болѣе теперь нуженъ голосъ мастеровъ того ремесла, въ которое впутываются люди посторонніе. Я, признаюсь, ожидалъ и даже теперь ожидаю отъ васъ статьи, въ которой бы и я, и книга остались въ сторонѣ, а выступилъ бы на сцену предметъ, для котораго вамъ даны такія орудія. У васъ есть все что̀ нужно для государственнаго мужа; притомъ любви къ Россіи, слава Богу, довольно; любви къ добру также, а если къ этому еще присоединится всѣми нами искомая, истинная любовь въ Христѣ ко всѣмъ братіямъ, вы отыщите скорѣе всѣхъ ту вѣрную законную середину, къ которой мы стремимся, и голосъ вашъ будетъ доступенъ многимъ сердцамъ и умамъ; а покуда я жду съ нетерпѣньемъ листковъ моей рукописи, снабженныхъ вашими замѣчаніями, потому что съ моей стороны все таки нужно что нибудь сказать, хотя, разумѣется, по приличнѣй и въ такой мѣрѣ, въ какой позволительно ска-

зать негосударственному человѣку. Нужно, чтобы мы все таки питали любовь къ своей государственности, а не летали мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи; чтобъ чувствовали по крайней мѣрѣ, что строенье новаго исходитъ изъ духа самой земли, изъ находящихся среди насъ матеріаловъ. Но прощайте, добрѣйшій князь мой. Благодарю васъ и не знаю, какъ достойно возблагодарить за дружбу вашу и участіе. Богъ васъ да наградитъ за то и другое. Весь вашъ

Гоголь.

Письмо Гоголя замѣчательно, какъ свидѣтельство тогдашняго направленія его, умственнаго и нравственнаго. „Переписка съ друзьями" была рѣшительнымъ переломомъ въ авторской его жизни. Что произвелъ бы этотъ переломъ въ послѣдствіи, неизвѣстно: смерть не дала этой тайнѣ разрѣшиться. Но нѣтъ сомнѣнія, что если не прекратилъ бы онъ своей авторской дѣятельности, то уже не возвратился бы на дорогу „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ": въ этомъ отношеніи онъ высказалъ все что могъ высказать; образцы и краски были истощены до нельзя. Дарованіе Гоголя было слишкомъ возвышено, чтобы изнашивать успѣхи свои до послѣдней нитки, чтобы питаться собственными крохами, оставшимися послѣ вчерашняго пиршества, чтобы продовольствовать себя и другихъ собственными оборышами, что̀ настоятельно дѣлаютъ многіе. Притязанія и небосклонъ его были шире. Можно сказать, что онъ уже и въ „Мертвыхъ Душахъ" переступилъ благоразумный и законный предѣлъ. Какъ ни ярки и ни разнообразны были краски его, какъ часто ни была высока и художественна кисть живописца; но длинная галлерея портретовъ его, этихъ неблаговидныхъ личностей, подъ конецъ утомляла зрителей. Кто то сказалъ о пастушескихъ стихотвореніяхъ Фонтенеля, что онъ дорого далъ бы, чтобы встрѣтить хоть одного волка въ овчарнѣ. Тоже можно сказать въ обратномъ смыслѣ о „Мертвыхъ Душахъ". Въ зоологическомъ музеѣ его тоскуе̋шь. Пушкинъ, передавая эту тему Гоголю, думалъ вѣроятно, что онъ по этой канвѣ вышьетъ анекдотическую повѣсть, съ обычною оригинальностью и мастерствомъ; но онъ отсовѣтовалъ бы ему растягивать ее на размѣры длиннаго романа, а тѣмъ болѣе поэмы. О попыткахъ его, оставленныхъ намъ въ недоконченныхъ посмертныхъ главахъ романа, положительно судить нельзя; но едва ли успѣлъ бы онъ безъ крутаго поворота и послѣдовательно выдти на свѣтлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою Divina Comedia Чистилищемъ и Раемъ. Конечно, дѣло не въ заглавіи; но, по общепринятымъ понятіямъ величать подобное произведеніе поэмою, могло казаться неумѣстною шуткою или, что̀ еще хуже, неумѣстнымъ притязаніемъ, и въ этомъ отношеніи, позволю себѣ сказать, виноваты были Московскіе пріятели Гоголя. Письмо Чадаева, которое здѣсь прилагается, указываетъ на это довольно вѣрно. Нельзя, можетъ быть, согласиться во всемъ съ Чадаевымъ; но многія изъ его сужденій о Гоголѣ справедливы и мѣтко попадаютъ въ истину. Во всякомъ случаѣ письмо его замѣчательно, принадлежитъ къ біографіи Гоголя и можетъ послужить справкою для исторіи нашей литературы. *Кн. В.*

---

5. ПИСЬМО П. Я. ЧАДАЕВА.

(Москва) Басманная, 29 апрѣля 1848.

Спасибо, любезнѣйшій князь, за ваше милое письмо. Дѣло К-на постараемся сами устроить, а васъ все таки благодаримъ за ваше участіе. Съ вашимъ сужденіемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я не совершенно согласенъ, хотя впрочемъ вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Неужто надобно непремѣнно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно можно дѣлать и то и другое; но изъ этого не слѣдуетъ,

чтобы мысль, и не выраженная еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ. Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Что дѣлать? знать, грамотка намъ не далась. Но за то, еслибъ вы послушали наши толки! Нѣтъ такого современнаго и несовременнаго вопроса, котораго бы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толку. Міръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневный. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и вамъ и намъ общемъ. У васъ, слышно, радуются книгою Гоголя, а у насъ ею очень не довольны. Это, я думаю, происходитъ отъ того, что мы болѣе васъ были пристрастны къ автору; онъ насъ немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ, не самъ Гоголь, а то, что̀ его такимъ сотворило, какимъ онъ намъ теперь представился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время геніальный человѣкъ, закуренный ладаномъ со всѣхъ сторонъ, не зазнался, чтобъ голова его не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство общаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Если народъ Русскій выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и всякой даровитый Русскій человѣкъ выше всѣхъ даровитыхъ людей другихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чувство было искони въ обычаѣ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, такого роду явленія рѣдки, потому что они тамъ на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не могутъ; у насъ же эта слабость вдругъ развернулась, неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала въ расплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено-ли, что и люди умные отъ нея дурѣютъ? Недостатки книги Гоголя принадлежатъ не ему, а тѣмъ, которые его превозносили до безумія, которые преклонялись предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ Русскаго духа, которые ожидали отъ него какого то преображенія Русскаго слова, которые налагали на него какое-то всемірное значеніе; достоинства же ея принадлежатъ ему самому. Смиреніе, сколько его есть въ его книгѣ, есть плодъ того новаго направленія, которое онъ себѣ далъ; гордость ему привита его друзьями. Это онъ самъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ князю Львову ([14]), на дняхъ мною читанномъ. Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю, въ особенности, о его Московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что намъ въ Москвѣ сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени. Это странно, но это сущая правда; этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю; они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно,

([14]) Къ кн. Влад. Влад. Львову, умершему въ Москвѣ въ 1856 г., въ должности цензора, для которой онъ какъ будто былъ созданъ: человѣкъ обширнаго образованія, горячо преданный Россіи, и къ тому общительный и снисходительный. *П. Б.*

во что бы ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся, на первой случай, такой маленькій наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, и въ слухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію Русскаго слова, въ немъ таился зародышъ этой самой гордости, которую такъ удачно въ немъ развили ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія: это я знаю отъ него самого, и вы можете въ этомъ увѣриться изъ письма его къ Погодину. Отъ этого родилось въ немъ какое-то безпокойное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала его болѣзненнымъ состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ. У насъ въ Москвѣ многіе думаютъ, что это направленіе ему дано такъ называемымъ западомъ, страною, гдѣ онъ пребываетъ, Іезуитами, къ которымъ его очень добросердечно причисляютъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ Московской газетѣ, и вѣроятно разовьетъ ее въ слѣдующемъ письмѣ, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Но іезуитство, такъ какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; за нимъ не нужно ходить въ чужбину: его вездѣ можно найти, и даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые его въ немъ укоряютъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли, а это видано вездѣ. Для этого не только не нужно быть Іезуитомъ, но и не нужно вѣрить въ Бога. Въ Гоголѣ того вовсе нѣтъ; онъ слишкомъ спѣсивъ, слишкомъ простодушенъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ не ловокъ, чтобы быть Іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его хулителей особенно отличаются своею ловкостію, искусствомъ промышлять всѣмъ что̀ имъ ни попадется подъ руку, и въ этомъ отношеніи они совершенные Іезуиты. Онъ больше ничего, какъ даровитый писатель, котораго чрезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все таки онъ тотъ же самый геніальный человѣкъ, какой и прежде былъ, и все таки онъ, и въ томъ болѣзненномъ состояніи души, въ которомъ теперь находится, выше всѣхъ своихъ хулителей, и, когда захочетъ, то сокрушитъ ихъ однимъ словомъ и размететъ ихъ, какъ быліе непотребное. — Эти строки были написаны до полученія вашей книжечки. Съ тѣхъ поръ былъ я боленъ и не могъ писать, а потомъ не писалъ по другимъ причинамъ. Благодарю за присылку. Не стану переначинать письмо, а скажу вамъ въ двухъ словахъ, какъ съумѣю, свое мнѣніе о вашей статьѣ. Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ я не участвую. Я увѣренъ, что, если вы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, или недовольно на нихъ обратили вниманія, то это потому, что вамъ до нихъ не было дѣла, что они и безъ того достаточно были выставлены другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мыслящихъ людей, какъ самое честно̀е слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все что ни было сказано о ней други-

ми, исполнено какою то странною злобою противъ автора. Ему какъ будто не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени, ему вздумалось разъ поговорить съ нами не въ шутку; что съ нимъ случилось то, что̀ ежечасно случается съ другими людьми, менѣе извѣстными, въ кругу обыкновенной жизни, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, особенно писатель столь извѣстный—не частный человѣкъ; что ему скрыть свои новыя, задушевныя чувства, было не возможно и не должно, и что все дѣло состоитъ въ томъ, какъ онъ ихъ выразилъ; позабываютъ, что подлѣ нѣкоторыхъ страницъ слабыхъ, мелкихъ, и даже виновныхъ, есть въ этой книгѣ страницы красоты изумительной, страницы такія, что, читая ихъ, радуешься и гордишься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни съ любовью относитесь о книгѣ и авторѣ. Спасибо вамъ! День ото дня источникъ любви болѣе и болѣе у насъ изсякаетъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ печатномъ; и такъ, спасибо вамъ, еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что онъ пересталъ насъ тѣшить, и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется предъ нами и старается, по силамъ, намъ сказать доброе и поучительное слово. Все что̀ мнѣ бы желалось вамъ объ этомъ сказать, вы уже сами сказали несравненно лучше, нежели какъ бы мнѣ удалось то выразить особенно на языкѣ, которымъ столь безсильно владѣю; но одно, о чемъ уже говорилъ въ первыхъ своихъ строкахъ, вы, кажется, упустили изъ виду, а именно высокомѣрный тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Я уже сказалъ, какому вліянію приписываю этотъ тонъ; но нельзя же и самого Гоголя въ немъ оправдать, особенно при томъ стремленіи, которое въ его книгѣ обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смирные и умы смиренные. Такъ воспитала насъ наша Церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому ученію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величіемъ, своимъ значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе избраннѣйшихъ умовъ нашихъ, именно къ тому клонится, и не льзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который столь рѣзко намъ выказалъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ идутъ другіе народы. Мы конечно достигнемъ всего того, изъ чего они бьются, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что безумно намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ. Ваша дѣловая, Петербургская жизнь заглушаетъ васъ; вамъ не все слышно что̀ творится на землѣ Русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ; они вамъ повѣдаютъ дивныя вещи. Въ первой половинѣ вашей статьи вы сказали нѣсколько умныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности, но ни слова не упомянули о томъ, что мы невидимо стремимся къ искаженію народнаго характера. Помыслите объ этомъ. Не повѣрите, до какой степени личности людей въ нашемъ краю измѣнились, съ тѣхъ поръ, какъ мы облеклись этой народною гордынею, невѣдомой отцамъ нашимъ. Вотъ что̀ меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя, и чего вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ, я съ вами за одно. Прошу васъ сохранить ко мнѣ ваше благорасположеніе и вѣрить моей сердечной преданности. *Петръ Чаадаевъ.*

Это письмо уже было сообщено самимъ Чадаевымъ въ книгѣ Н. В. Сушкова: Университ. Благ. Пансіонъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1865 ГОДА.

82 письма *Петра Великаго* къ кн. Ромодановскому.

Петръ Великій въ Парижѣ, *М. П. Полуденскаго.*

Записки о Петрѣ Великомъ гр. *Бассевича.*

Случайные люди въ Россіи *Гельбига.*

Разсказы *имп. Екатерины II-й* о своемъ царствованіи.

Духъ Екатерины II-й.

Разныя письма Екатерины II-й.

Записка о бунтѣ Бсніовскаго въ пользу в. кн. Павла Петровича, соч. *гр. Д. Н. Блудова.*

Бумаги *кн. Потемкина, В. С. Попова* и др.

Изъ Записокъ *кн. И. М. Долгорукаго, гр. В. А. Перовскаго, кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго, М. П. Погодина* и др.

О путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г. Записка гр. *Бенкендорфа.*

Разсказы о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. *гр. Бенкендорфа, кн. А. Ѳ. Орлова*, барона *М. А. Корфа, гр. В. Ѳ. Адлерберга*, барона *Мирбаха* и *Л. М. Барановича.*

Воспоминанія *гр. Соллогуба.*

Письма *Жуковскаго, Крылова, Гоголя* и др.

КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ С. Петербургскихъ газетахъ, давно уже, изъ каждаго выпуска Русскаго Архива перепечатываются большие отрывки, а иногда и цѣлыя статьи. Мы вынуждены просить гг. издателей не дѣлать этого. Перепечатка возможна лишь съ обоюднаго согласія и къ обоюдной выгодѣ; взаимности же въ настоящемъ случаѣ нѣтъ, такъ какъ въ Русскій Архивъ, по самому его содержанію, ничего не можетъ быть перемѣщено изъ летучихъ повременныхъ изданій. Между тѣмъ, кромѣ ущерба въ подпискѣ, подобная перепечатка неудобна для насъ еще и потому, что многія статьи, умѣстныя въ исторической обстановкѣ и въ изданіи строго-историческомъ, могутъ быть совсѣмъ иначе растолкованы, появляясь на столбцахъ напр. *Биржевыхъ Вѣдомостей* или *Голоса*. Наконецъ, многія почтенныя лица, удостоивая насъ сообщеніемъ подлинныхъ писемъ и бумагъ, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ихъ сообщенія не выходили изъ Русскаго Архива.

Мы знаемъ, что существуетъ законъ, по которому, *въ видахъ взаимности*, дозволяется перепечатка до извѣстнаго размѣра; но напр. *Отечественныя Записки*, въ годовой сложности, давно перешли и этотъ размѣръ.

Желаемъ, чтобы гг. издатели не придали какого либо косвеннаго толкованія сему вынужденному заявленію.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

8 и 9. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

*(Матеріалы для его біографіи, собираемые П. Бартеневымъ *).*

1820 — 1823.

Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ передать собранныя мною свѣдѣнія о жизни Пушкина на Югѣ Россіи, въ Екатеринославѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи. Разсказъ мой обнимаетъ собою немного больше трехъ лѣтъ, именно съ мая мѣсяца 1820, по іюнь 1823 года. Время это отмѣчено въ исторіи русской словесности и русской внутренней жизни самыми свѣжими, благоуханными цвѣтами Пушкинской поэзіи; въ эти три года вполнѣ развернулся блистательный геній Пушкина, и его имя пронеслось во всѣ концы Россіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ настоящему предмету моего разсказа, я почитаю нужнымъ изложить сколько возможно подробнѣе обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга.

Въ „*Матеріалахъ для біографіи Пушкина*“, составленныхъ П. В. Анненковымъ, о первой ссылкѣ Пушкина разсказывается слѣдующимъ образомъ (стр. 69—70). „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга была его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже къ счастію неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства“. Вотъ почти все, сказанное г. Анненковымъ о ссылкѣ Пушкина; къ этому онъ прибавляетъ только, что Пушкина сослали къ Инзову, и что онъ былъ обязанъ Карамзину смягченіемъ своей участи. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, потому что въ этихъ словахъ высказано довольно общее мнѣніе о Пушкинѣ и о тогдашнемъ времени; но мнѣ кажется, что внимательное историческое разсмотрѣніе дѣла не дозволяетъ *вполнѣ* согласиться съ такимъ отзывомъ почтеннаго критика и біографа, и что многія обстоятельства должны извинить молодаго Пушкина.

Прежде всего, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ Лицеѣ, а Лицей и учрежденъ былъ именно для того, чтобы приготовлять *дѣятелей государственной службы*, слѣдовательно возбуждалъ и поддерживалъ въ своихъ воспитанникахъ участіе и вниманіе къ общей, государственной жизни отечества. Любимымъ профессоромъ лицеистовъ былъ Куницынъ:

(*) По желанію нѣкоторыхъ нашихъ читателей перепечатываемъ эту статью нашу изъ газеты: «Русская Рѣчь и Московскій Вѣстникъ» 1861 г. №№ 85—104, такъ какъ небольшое количество отдѣльныхъ ея оттисковъ давно уже разошлось по рукамъ *П. Б.*

Куницыну дань сердца и вина,
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольной камень,
Имъ чистая лампада возжена.

А чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность этотъ по истинѣ достопамятный человѣкъ? Онъ провозглашалъ во всеуслышаніе, въ Высочайшемъ присутствіи, въ рѣчахъ на актахъ Лицея, и въ печатныхъ статьяхъ своихъ, мысли и соображенія о необходимости коренныхъ преобразованій, и получалъ награды отъ высшаго начальства. [1])

Въ числѣ другихъ преподавателей Лицея нѣкто Будри былъ родной братъ Марата; онъ былъ похожъ на него лицемъ и разсказывалъ ученикамъ разные анекдоты о немъ. Учитель военныхъ наукъ, инженеръ-полковникъ Эльснеръ, служилъ прежде адъютантомъ у Костюшки. Стало быть, съ малыхъ лѣтъ, Пушкинъ привыкалъ размышлять и бесѣдовать о различныхъ направленіяхъ внутренней и внѣшней государственной политики.

Въ послѣдніе годы своей лицейской жизни Пушкинъ сблизился съ нѣкоторыми офицерами именно изъ тѣхъ полковъ, которые довольно долгое время стояли во Франціи и которые возвратились на родину съ новыми понятіями. Весною 1818 г., императоръ Александръ открывалъ сеймъ въ Варшавѣ и произнесъ знаменитую рѣчь свою, которая отозвалась по всей Европѣ и еще сильнѣе должна была подѣйствовать на русскую молодежь..... Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что русская государственная жизнь, въ силу нашего окончательнаго, тѣснаго сближенія съ Европой, шла рука объ руку съ общею европейскою жизнью, или, вѣрнѣе, служила ей постояннымъ отголоскомъ. А что тогда происходило въ Европѣ? Вартбургскій праздникъ, союзы студентовъ во имя добродѣтели, революціонныя попытки въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи, возстаніе Грековъ, и рядомъ съ этимъ ограниченіе печати, Карлсбадскія совѣщанія, неограниченная власть Меттерниха, конгрессы съ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, смерть Коцебу и герцога Берійскаго.

И такъ Пушкинъ, и по воспитанію своему, и по связямъ дружескимъ, и наконецъ по врожденному призванію, какъ поэтъ, естественно долженъ былъ отражать въ себѣ общее настроеніе своихъ современниковъ, и раздѣлялъ съ ними какъ опрометчивость, заносчивость, рѣзкость въ сужденіяхъ и поступкахъ, такъ и лучшія ихъ качества. Многіе пріятели Пушкина умѣли молчать и смыкались въ закрытые масонскіе и политическіе кружки, а у молодаго поэта всякое горячее движеніе души, всякій взрывъ нетерпѣнія или негодованія высказывался почти что невольно въ оригинальныхъ проказахъ, въ эпиграмахъ и чудныхъ стихахъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ... [2]).

Другой вопросъ, хорошо ли было это направленіе высшаго русскаго общества. Кажется намъ, что довольно вѣрный отвѣтъ

[1]) О жизни А. П. Куницына сохранилось, по крайней мѣрѣ въ печати, очень мало извѣстій. Знаемъ только, что онъ учился въ Германіи и въ 1820-хъ годахъ потерпѣлъ на службѣ. Изъ трудовъ его намъ извѣстны рѣчь при открытіи Лицея, книга *Естественное Право* и нѣсколько статей въ журналахъ, напримѣръ въ *Сынъ Отечества* 1818 года, № 18, стр. 202—211: о *Конституціи,* съ эпиграфомъ: Certe id firmissimum longe imperium est, quo obedientes gaudent, и №№ 23 и 24: *Разсмотрѣніе рѣчи г. президента академіи наукъ* (С. С. Уварова, говорившаго въ публичномъ засѣданіи главнаго педагогическаго института, 22 марта 1818 г., о восточныхъ языкахъ и всемірной исторіи). Въ этой послѣдней статьѣ между прочимъ сказано: «Вѣкъ лжи и лести, кажется, оканчивается. Нынѣ и владыки міра говорятъ и любятъ правду; о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но по чистотѣ сердца; пусть одни наемники продолжаютъ искусство лести».

[2]) Изъ стихотворенія Пушкина *Аріонъ* (1830). См. сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, VII, 41. Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

на этотъ вопросъ данъ гр. Л. Н. Толстымъ въ повѣсти *Два гусара*, изображающей тогдашнее время и наше.

Возвращаясь къ Пушкину, должно еще вспомнить, что не одни общія, но и частныя, даже личныя условія тогдашней его жизни способны были раздражать его и въ свою очередь порождали то безпокойное состояніе души и вызывали тѣ возмутительные поступки и стихи, изъ-за которыхъ онъ пострадалъ. Его семейныя отношенія были въ то время далеко не успокоительны. По смерти нѣжно любившей его бабушки (1817), Марьи Алексѣевны Ганибаловой, семья его состояла изъ отца, матери; старшей сестры и младшаго брата. Съ Ольгой Сергѣевной, подругой своего дѣтства, онъ уже не могъ быть теперь такъ близокъ, какъ прежде — естественное слѣдствіе долговременной разлуки: они отвыкли другъ отъ друга, пока Пушкинъ учился въ Лицеѣ, а сестра выростала въ Москвѣ. Братъ, впослѣдствіи такъ заботливо любимый имъ, въ то время былъ еще очень молодъ и не жилъ дома: его отдали въ благородный пансіонъ при тогдашнемъ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. О матери Пушкина не сохранилось никакихъ особенныхъ свѣдѣній; но общую основу семейному узлу давалъ все-таки отецъ,—а это былъ человѣкъ, по общему отзыву современниковъ, соединявшій со многими любезными качествами нравъ мелочной и до крайности раздражительный. Пріятный и острый собесѣдникъ въ обществѣ, онъ какъ часто случается съ подобнаго рода людьми, бывалъ иногда тяжелъ въ домашней жизни. Молодой Пушкинъ часто нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему, и тѣхъ 700 рублей, которые онъ получалъ, числясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [3]), даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ, не могло быть достаточно для привычекъ, вынесенныхъ имъ изъ Лицея и для той жизни, которую онъ повелъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ самъ Сергѣй Львовичъ, по своему характеру и воспитанію, не могъ заниматься хозяйствомъ, получалъ мало доходу съ своихъ довольно, впрочемъ, значительныхъ имѣній, и попеременно то мотая, то скупясь, никогда не умѣлъ сводить концовъ съ концами. Отсюда разныя мелочныя непріятности. Одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ Александру Сергѣевичу приходилось упрашивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками, и какъ Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старые, временъ Павловскихъ [4]). Съ другой стороны, родители Пушкина не могли, конечно, радоваться его проказамъ, и смотрѣли неблагосклонно на его разнообразныя связи. Какая-то пріятельница дома, старая дѣвушка, графиня Е. В., имѣла неосторожность передавать матери Пушкина дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ. Говорятъ, что Пушкинъ послѣ насмѣялся надъ ней въ первыхъ стихахъ пятой пѣсни Руслана и Людмилы, гдѣ она изображена подъ именемъ Дельфиры [5]). Вообще Пушкинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, и въ стихахъ и въ письмахъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о какихъ-то повредившихъ ему сплетняхъ. Но главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ была все-таки денежная несостоятельность молодаго Пушкина. „Мнѣ больно видѣть — говоритъ онъ самъ въ од-

---

[3]) Каждому воспитаннику Лицея, до опредѣленія его на штатное мѣсто, императоръ Александръ приказалъ выдавать ежегодно отъ 700 до 800 рублей. Пушкинъ, окончившій курсъ во второмъ разрядѣ, получалъ до самаго 1824 г. по 700 р. Кромѣ того, на первое обзаведеніе недостаточнымъ воспитанникамъ назначена была сумма въ 10,000 р.; но этимъ вспоможеніемъ Пушкинъ, вѣроятно, не воспользовался.

[4]) Слышано отъ С. А. С-каго.

[5]) Отъ него же.

Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры....
А та — подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ,
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ,
И другомъ сердца назоветъ;
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею не знакомъ.

номъ письмѣ къ брату—[6]) равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ (которыхъ вѣрно бъ ни ты ни я не пожалѣли для слуги)". Словомъ, Пушкинъ, вышедши изъ Лицея, очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ часто находятся молодые люди нашего времени, возвращающіеся подъ родительскій кровъ изъ богатыхъ и роскошныхъ учебныхъ заведеній; разница въ томъ, что тутъ примѣшивалась досадная, мелочная скупость, которая только раздражала Пушкина. Иногда онъ довольно зло и оригинально издѣвался надъ нею. Однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ жь было наготовиться денегъ для такого проказника? [7])

Общественныя отношенія Пушкина были также весьма неопредѣленны и порою весьма неловки. По рожденію и лицейскому воспитанію принадлежа къ высшему кругу, обративъ на себя общее вниманіе еще на ученической скамейкѣ, дружась и проводя время съ людьми богатыми и знатными, честолюбивый юноша естественно желалъ удержаться въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. „Пушкинъ—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ его друзей—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь бывало: „Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія." Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами" [8]). Самъ онъ долженъ былъ иногда сознавать двусмысленность подобныхъ сближеній, которая, при скудости денежныхъ средствъ, могла ставить его въ неловкія положенія и безъ сомнѣнія сильно тревожила и огорчала его.

Мѣтко сказанное слово, какая-нибудь задорная эпиграмма, стихи, прельщавшіе своею свѣжестью и новизною, всѣмъ равно понятные по содержанію, дѣлая изъ Пушкина самаго пріятнаго собесѣдника, быстро расходились по столицѣ и по Россіи. Общее одобреніе окрыляло поэта, и вызывало новыя проказы, новыя остроты и новые запрещенные стихи......

Когда они распространились, начались, кажется, настоящіе розыски мѣстнаго начальства: Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ губернатору графу Милорадовичу. „Когда привезли Пушкина—говоритъ И. И. Пущинъ, свидѣтельству котораго преимущественно слѣдуетъ вѣрить, — графъ Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: „Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу." (Пушкинъ понялъ въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevaleresque," и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контробандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія. По другимъ разсказамъ, графъ Милорадовичъ расхаживалъ по комнатѣ, перечитывалъ стихи по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ ихъ, и прерывалъ чтеніе хохотомъ.

---

[6]) См. *Библіографическія Записки*, 1858 г., столб. 41.

[7]) Слышано отъ В. П. Горчакова.

[8]) *Записки* И. И. Пущина, въ 8 № *Атенея* 1859 г., стр. 526.

Это также очень похоже на любезнаго и веселаго Милорадовича, который, можетъ быть, вспоминалъ свою молодость и собственныя шалости.

Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ, онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ (это могло быть около масляницы 1820 года [9]). Жалобы на него наконецъ дошли до царя. Мы въ правѣ думать, что государь, ученикъ Лагарпа, не безъ сожалѣнія не безъ внутренней борьбы, рѣшился изречь приговоръ стихотворцу, воспитаннику своего любезнаго Лицея. Имя Пушкина было уже давно извѣстно императору Александру. Онъ зналъ и прощалъ его лицейскія шалости. До его просвѣщеннаго слуха доходила и прелесть стиховъ Пушкина, изъ которыхъ одни, гдѣ говорилось *про рабство, падшее по манію царя*, по собственному его желанію, были доставлены ему въ подлинномъ спискѣ сочинителя. Онъ много слышалъ о молодомъ стихотворцѣ отъ директора Лицея Энгельгардта, и имя Пушкина могло поминаться въ бесѣдахъ государя съ Карамзинымъ, въ уединенныхъ прогулкахъ по царскосельскимъ садамъ. Но въ эту пору, въ первые мѣсяцы 1820 года обстоятельства измѣнились.... Тогдашнія дѣла Европы, убіеніе Августа Коцебу (23 марта 1819 г.), возстаніе въ Испаніи, смерть герцога Беррійскаго, не могли не укоренить въ императорѣ Александрѣ того убѣжденія, что, блюдя за спокойствіемъ умовъ за границей, по обязательствамъ Священнаго Союза, онъ не долженъ равнодушно смотрѣть на попытки къ раздраженію ихъ въ Россіи. Почти въ это время, прусское правительство приказало арестовать извѣстнаго политическаго писателя Герреса за его статьи въ Рейнскомъ Меркуріи. И такъ, слѣдовало унять Пушкина. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали отдаленную снѣжную пустыню Соловецкаго монастыря мѣстомъ ссылки поэту; но я думаю, что если и послышалось такое строгое предложеніе, императоръ Александръ самъ отвергъ его. Пушкинъ былъ лицеистъ, и потому государь захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ бывшимъ его начальникомъ, Энгельгардтомъ. Встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройдтись съ собою. „Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему, Пушкина надобно сослать... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизустъ ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла“. Благородный директоръ Лицея отвѣчалъ на это: „Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его“ [10]).

Карамзинъ, другой истинно благородный человѣкъ, въ свою очередь замолвилъ слово за Пушкина. Объ этомъ ходатайствѣ между прочимъ просилъ Карамзина П. Я. Чадаевъ. Узнавши, что Пушкину грозитъ опасность, Чадаевъ поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ увидать его (это было утромъ, а по утрамъ, занимаясь своею исторіею, Карамзинъ никого не принималъ), разсказалъ ему все дѣло и упрашивалъ съѣздить къ императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистріи [11]). По другому, тоже вполнѣ достовѣрному разсказу, Пушкинъ самъ, еще раньше Чадаева, приходилъ къ Карамзину (по выходѣ изъ Лицея онъ рѣже сталъ бывать у него), разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и

[9]) Однимъ изъ такихъ сосѣдей былъ Аркадій Родзянка, см. *Русскій историческій Сборникъ*, т. II, стр. 104.

[10]) Передано самимъ Е. А. Энгельгардтомъ И. И. Пущину. См. *Записки* послѣдняго, стр 528 и 529. Самъ Пушкинъ вѣроятно впослѣдствіи только узналъ о заступничествѣ Энгельгардта и приписывалъ свое избавленіе Чадаеву и Карамзину.

[11]) Слышано отъ П. Я Чадаева.

наставленія. „Можете ли вы, сказалъ Карамзинъ, покрайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіи года ничего не напишите противнаго правительству? Иначе я выду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи". Пушкинъ далъ ему слово, и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ онъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои: *Кинжалъ* [12]).

Но заступничество Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ, собственно говоря, не былъ сосланъ, а только переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Его послали, какъ выражаются Англичане, перемѣнить воздухъ, провѣтриться. Но тѣмъ не менѣе всѣ сочли это удаленіе ссылкою.

Пушкинъ на скоро собрался въ дорогу и не успѣлъ даже какъ должно проститься съ своими пріятелями. Сергѣй Львовичъ квартировалъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (послѣ сенатора Трофимова): изъ этого дома Пушкина проводили до Царскаго Села два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка довольно пожилыхъ лѣтъ, именемъ Никиту.

Видъ на проѣздъ, полученный Пушкинымъ вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года [13]). Время стояло жаркое. На перекладной, въ красной рубашкѣ и опояскѣ, въ поярковой шляпѣ, скакалъ Пушкинъ по такъ называемому бѣлорусскому тракту [14]) (на Могилевъ и Кіевъ). Что долженъ былъ чувствовать молодой человѣкъ, такъ внезапно оторванный отъ шумныхъ и разнообразныхъ удовольствій столицы, отъ многочисленныхъ друзей своихъ...

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... Она за мной!.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ оживляла путь *нѣмой*
Волшебствомъ тайнаго разсказа.

Въ половинѣ мая, или около, онъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову [15]). Пришлось поселиться въ довольно бѣдномъ городѣ (въ Екатеринославѣ и теперь всего около 15 тысячъ жителей), слишкомъ за полторы тысячи верстъ отъ Петербурга, безъ знакомствъ, безъ всякихъ удобствъ жизни, въ грязной жидовской хатѣ. Но опасенія Энгельгардта не сбылись. Невзгода не сокрушила Пушкина, не ослабила души его; напротивъ, этотъ быстрый переломъ судьбы только поднялъ и освѣжилъ молодую и сильную жизнь. Какая то насмѣшливость надъ своей участью, равнодушіе или желаніе казаться равнодушнымъ, выражается въ отвѣтѣ Пушкина на дружескій выговоръ Чадаева, зачѣмъ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не простился съ нимъ. „Мой милый—писалъ ему Пушкинъ—я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стóило ли будить тебя *изъ-за такой бездѣлицы* [16])". Съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ судьбѣ, „съ непреклонностью и терпѣніемъ своей гордой юности" (какъ послѣ онъ самъ выражался), началъ Пушкинъ новую жизнь въ Новороссійской глуши. Послѣ тревожной и въ тоже время разсѣянной столичной жизни ему полезно было уединеніе. Онъ это самъ чувствовалъ, началъ осматриваться и снова принялся за поэтическую работу. Но тяжелое одиночество, безвыходность положенія, безъ сомнѣнія, тяготили эту горячую, жаждавшую впечатлѣній, душу. Ничего свѣтлаго, никакой перемѣны впереди. Что могло быть скучнѣе для него губернской жизни и занятій въ канцеляріи Инзова, если и поручались ему какія нибудь занятія? По посло-

---

[12]) Отъ гр. Д. Н. Бл. У Карамзиныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ *Кинжала*.

[13]) У Анненкова, въ *Матеріалахъ*, стр. 10.

[14]) *Записки* Пущина, стр. 527.

[15]) *П. З.*, 1861 г., стр. 124.

[16]) Самаго письма не сохранилось, и покойный П. Я. Чадаевъ передавалъ намъ слова по памяти. Послѣ извѣстной исторіи съ статьею въ *Телескопѣ*, Чадаевъ сжегъ свою переписку. Уцѣлѣло только одно письмо Пушкина на французскомъ языкѣ, съ разборомъ извѣстныхъ филос. писемъ Чадаева.

вицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ скукѣ екатеринославской жизни прибавилась болѣзнь. Отъ нечего дѣлать, Пушкинъ вздумалъ выкупаться въ Днѣпрѣ и жестоко простудился. Но онъ по личному опыту могъ сказать впослѣдствiи:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись:
Въ день унынiя смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Такъ точно было и съ нимъ. Тяжелая жизнь вдругъ смѣнилась для него самымъ завлекательнымъ, веселымъ путешествiемъ, безъ заботъ и хлопотъ, со всѣми удобствами, даже съ роскошью, въ обществѣ людей любезныхъ и почтенныхъ. Во второй половинѣ мая мѣсяца 1820 года проѣзжалъ черезъ Екатеринославъ на Кавказскiя воды Николай Николаевичъ Раевскiй съ семействомъ. Это тотъ самый Раевскiй, который въ сраженiи подъ Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ еще почти малолѣтныхъ сыновей своихъ, который прославился и личною храбростiю и способностями искуснаго полководца, подъ Лейпцигомъ, подъ Роменвилемъ и въ другихъ битвахъ. Въ это время онъ командовалъ 4-мъ корпусомъ первой армiи, главная квартира котораго была въ Кiевѣ. Младшiй сынъ его (тоже Николай Николаевичъ), тогда ротмистръ лейбъ-гвардiи гусарскаго полка, находившiйся въ отпуску, подружился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, и тамъ оказалъ ему какiя-то важныя (намъ неизвѣстныя) услуги. Узнавъ, вѣроятно по письму изъ Петербурга, о ссылкѣ поэта, а можетъ быть и видѣвшись съ нимъ въ его проѣздъ черезъ Кiевъ, онъ поспѣшилъ сыскать его въ Екатеринославѣ [17]). „Едва я, по прiѣздѣ въ Екатеринославъ, расположился послѣ дурной дороги на отдыхъ—разсказываетъ сопровождавшiй генерала Раевскаго медикъ Рудыковскiй—ко мнѣ, запыхавшись, вбѣгаетъ младшiй сынъ генерала. „Докторъ, я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна скорая помощь, поспѣшите со мною. Нечего дѣлать, пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ, небритый, блѣдный и худой. „Вы нездоровы?", спросилъ я незнакомца.—„Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался, кажется, простудился." Осмотрѣвши тщательно больнаго, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ передъ нимъ лежала бумага. „Чѣмъ вы тутъ занимаетесь? — Пишу стихи. — Нашелъ, думалъ я, время и мѣсто. Посовѣтовавши ему на ночь напиться чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другаго дня. Мы остановились въ домѣ губернатора К. Поутру гляжу—больной ужь у насъ: говоритъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость веселъ и безъ умолку говоритъ съ младшимъ Раевскимъ по французски. Послѣ обѣда у него ознобъ, жаръ и всѣ признаки пароксизма. Пишу рецептъ—„докторъ, дайте что-нибудь получше; дряни въ ротъ не возьму". Что будешь дѣлать? прописалъ слабую микстуру. На рецептѣ нужно написать кому. Спрашиваю: Пушкинъ. Фамилiя незнакомая, покрайней мѣрѣ, мнѣ. Лечу какъ самаго простаго смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится" [18]). Молодому Раевскому ничего не стоило уговорить отца взять съ собою Пушкина. Воспитанникъ князя Потемкина, женатый на внучкѣ Ломоносова, имѣвшiй своимъ адъютантомъ поэта Батюшкова, почтенный генералъ и самъ безъ сомнѣнiя радъ былъ оказать услугу молодому поэту. Одно его сло-

[17]) Письмо къ брату отъ 24 сентября 1820 г. (см. *Библiографическiя Записки* 1858 года), Пушкинъ начинаетъ: «Прiѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенiю. Генералъ Раевскiй, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя) предложилъ мнѣ путешествiе къ Кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь, я легъ въ коляску больной, черезъ недѣлю вылечился».

[18]) См. *Русскiй Вѣстникъ*, 1841 г., № 1-й. Рудыковскiй говоритъ, что они выѣхали изъ Кiева 19 мая.

во Инзову, и все уладилось. Болѣзнь была самымъ законнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе, что о ссылкѣ ничего не говорилось въ оффиціальной перепискѣ. Инзовъ уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославѣ всего недѣли двѣ. Отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екатеринославской тюрьмы, спасались въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. Пушкинъ въ послѣдствіи повторилъ эту картину въ своей поэмѣ Братья Разбойники:

Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпями общими гремимъ,
Біемъ волны дружными ногами [19]).

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго доктора Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его, Марья (лѣтъ 14) и дѣвочка Софья, при нихъ англичанка миссъ Мятенъ и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родомъ Татарка, удержавшая въ выговорѣ и въ лицѣ свое восточное происхожденіе). Все это общество помѣщалось въ двухъ каретахъ и коляскѣ. Пушкинъ сначала ѣхалъ съ младшимъ Раевскимъ въ коляскѣ, а потомъ генералъ пересадилъ его къ себѣ въ карету, потому что его сильно трясла лихорадка [20]). „На Дону (вѣроятно въ Новочеркаскѣ) — продолжаетъ г. Рудыковскій—мы обѣдали у атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался, покушалъ бланманже, и снова заболѣлъ. „Докторъ, помогите!" — Пушкинъ, слушайтесь! „Буду, буду!" Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. „Не ходите, не ѣздите безъ шинели". — Жарко, мочи нѣтъ. — „Лучше жарко, чѣмъ лихорадка." — Нѣтъ, лучше ужь лихорадка.—Опять сильные пароксизмы. „Докторъ, я боленъ".—Потому что упрямы; слушайтесь.—„Буду, буду!" Пушкинъ выздоровѣлъ.

Путешественниковъ нашихъ вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ; въ городахъ обыватели съ хлѣбомъ и солью выходили къ славному защитнику отечества. При этомъ старикъ Раевскій шутя говаривалъ Пушкину: „Прочтите-ка имъ свои стихи! Что они въ нихъ поймутъ?" Думая почему-то, что Пушкинъ принадлежитъ къ масонамъ, Раевскій подшучивалъ надъ нимъ, утверждая, что изъ ихъ совѣщаній не выйдетъ ничего путнаго. Достойно замѣчанія, что онъ взялъ слово съ обоихъ сыновей ни за что не вступать ни въ какое тайное общество.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца (1820), наши путешественники пріѣхали на кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ Раевскаго, отставной полковникъ Александръ Николаевичъ, прибывшій туда заранѣе [21]). Они всѣмъ обществомъ уѣзжали на гору Бештау пить желѣзныя, тогда еще мало-извѣстныя, воды, и жили тамъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, за недостаткомъ другаго помѣщенія. Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новые нравы, невиданныя племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ Черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ пути упорная, жестокая война, съ громкимъ именемъ Ермолова, — все это должно было чрезвычайно какъ нравиться молодому Пушкину. Мы въ правѣ даже думать, что втайнѣ онъ благословлялъ судьбу, которая такъ неожиданно и противъ воли заставила его промѣнять на Кавказъ петербургскую, душную и только безплодно-

[19]) См. соч. *П-на*, V, 30. Въ Кишиневѣ, кто-то усумнился, чтобы скованные разбойники могли переплыть рѣку. Пушкинъ кликнулъ своего слугу Никиту и велѣлъ разсказать, какъ они съ нимъ дѣйствительно видѣли это въ Екатеринославѣ. (Отъ В. П. Горчакова).

[20]) Нѣкоторыя подробности путешествія благосклонно переданы мнѣ одною изъ дочерей генерала Раевскаго, кн. М. Н. В—ой.

[21]) Рудыковскій ошибается, говоря, что генералъ Раевскій ѣхалъ на Кавказъ съ *обоими* сыновьями.

раздражающую жизнь. Къ удовольствіямъ путешествія прибавлялось еще всегда радостное и свѣжительное чувство выздоровленія: Пушкинъ бралъ ванны и оправлялся отъ болѣзни. Всею душею поддался онъ тогда впечатлѣніямъ кавказской природы:

Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ... .
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
—Машукъ, податель струй цѣлебныхъ.
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды...

„Въ Горячеводскъ,—разсказываетъ далѣе г. Рудыковскій,—мы пріѣхали всѣ здоровы и веселы. По прибытіи генерала въ городъ, тамошній комендантъ къ нему явился, и вскорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Всѣ читали, любопытствовали. Послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что то писалъ... На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ. „Вы лейбъ-медикъ, пріѣхали съ генераломъ Р.?"—„Послѣднее справедливо, но я не лейбъмедикъ".—„Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта, бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выдти дурныя послѣдствія."—Спрашиваю книгу, смотрю, тамъ въ свитѣ генерала вписаны: двѣ его дочери, два сына, лейбъмедикъ Рудыковскій и недоросль Пушкинъ. Насилу я убѣдилъ коменданта все это исправить. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту шалость. Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались".

Черезъ девять лѣтъ, вторично посѣтивъ Кавказъ, Пушкинъ такъ вспоминалъ свое первое путешествіе. „Въ Ставрополѣ,—говоритъ онъ,—увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи. Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на скоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, были, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставля по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки... Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ. Я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Р. (Александръ Раевскій), прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженными горами, своими вассалами и наконецъ исчезъ во мракѣ..."

„Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ—разсказываетъ Пушкинъ брату своему вскорѣ послѣ возвращенія оттуда, — воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія, впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣйной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ,

дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ, и можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи."

Въ этихъ словахъ такъ и отзываются разговоры въ обществѣ Раевскихъ о Кавказѣ, о тамошней войнѣ и объ ея значеніи для Россіи. Посольство Ермолова въ Персію было еще въ свѣжей памяти. Отъ генерала Раевскаго, Пушкинъ, конечно, наслушался разсказовъ о подвигахъ Циціанова, Котляревскаго и Ермолова, тогдашняго главнокомандующаго кавказскихъ войскъ. Послѣдній приходился родственникомъ Раевскому и былъ его товарищемъ по службѣ. Всѣхъ троихъ Пушкинъ помянулъ впослѣдствіи въ Эпилогѣ къ *Кавказскому Плѣннику*.

Поэмой этой, которую Пушкинъ замыслилъ еще во время своего путешествія, онъ дорожилъ потомъ именно какъ картиною Кавказа. И дѣйствительно, описательная часть *Кавказскаго Плѣнника* свидѣтельствуетъ, что молодой Пушкинъ не былъ празднымъ путешественникомъ, пріѣхавшимъ только полечиться да погулять. Нужно было много умнаго вниманія и наблюдательности, чтобы такъ схватить главнѣйшія черты края. Что касается собственно до внѣшней поэтической работы, то, кажется, въ два мѣсяца кавказской жизни, Пушкинъ мало писалъ. И до письма ли тутъ было? Рожденный и воспитанный въ равнинахъ, и очутившійся вдругъ среди заоблачныхъ горъ, онъ былъ слишкомъ пораженъ великолѣпіемъ и новизною картины и только набирался впечатлѣній.

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній,
Она прошла, пора стиховъ *и проч.*

Съ Кавказа, сколько мнѣ извѣстно, Пушкинъ послалъ въ печать только два небольшія дополненія къ Руслану и Людмилѣ и Эпилогъ этой поэмы. Надо замѣтить, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не успѣвъ выдать въ свѣтъ Руслана и Людмилы. Извѣстный любитель словесности и художествъ, А. Н. Оленинъ, лично знавшій Пушкина, желая на дѣлѣ показать любовь свою къ его таланту, самъ сочинялъ рисунки къ Руслану и Людмилѣ, а Н. И. Гнѣдичь, съ которымъ Пушкинъ сошелся у Оленина, принялъ на себя хлопоты изданія. Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергѣевича, который, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ С. А. Соболевскимъ, доканчивалъ печатаніе. Послѣдній разсказываетъ, что много было труда разбирать шестую пѣснь, не перебѣленную сочинителемъ. Поэма появилась въ исходѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца (цензурное дозволеніе И. Тимковскаго дано 15 мая 1820). Посылая свои добавленія къ двумъ мѣстамъ шестой (послѣдней) пѣсни, всего 17 стиховъ, Пушкинъ могъ думать что они вмѣстѣ съ Эпилогомъ еще поспѣютъ въ Петербургъ прежде отпечатанія книжки. Но поэма уже вышла, и новые стихи ея появились въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ, въ *Сынѣ Отечества* (№ 38), который издавался Н. И. Гречемъ. А можетъ быть и то, что Пушкинъ, уже получивъ отъ Гнѣдича [22]) на Кавказѣ печатный экземпляръ Руслана и Людмилы, и будучи недоволенъ текстомъ, послалъ пропущенныя мѣста шестой пѣсни, печатавшейся, какъ выше сказано, съ черновой рукописи. Во всякомъ случаѣ видна заботливость о своемъ произведеніи и осмотрительность при появленіи въ печати, наслѣдованныя Пушкинымъ отъ Карамзина, Батюшкова и Жуковскаго.

[22]) Въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 23 марта 1821 г. Пушкинъ говоритъ, что Гнѣдичъ доставилъ ему *дѣвственную* Людмилу.

Что касается до Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, то въ немъ Пушкинъ захотѣлъ выразить благодарное чувство свое. Это былъ голосъ съ Кавказа Карамзину, Чадаеву и вообще петербургскимъ друзьямъ. Раевскіе тоже могли относить къ себѣ слѣдующіе стихи:

Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Подъ эпилогомъ означено: „26 іюня. 1820. Кавказъ".

Выше замѣчено, что кавказская поѣздка дала Пушкину богатый запасъ поэтическихъ впечатлѣній. „Питаясь чувствами нѣмыми", наблюдательный и впечатлительный поэтъ принялъ на душу всю роскошь и разнообразіе новыхъ для него картинъ. Разсказывая намъ впослѣдствіи о судьбахъ своей Музы, онъ говоритъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой при лунѣ
За мной скакала на конѣ

Или:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ.

Быть можетъ, къ воспоминаніямъ объ этой жизни принадлежатъ и стихи 1828 г. *Не пой, красавица при мнѣ.*

Увы! напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы.

Глубокая задушевность этихъ стиховъ заставляетъ думать, что они связаны съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ случаемъ, и въ нихъ, можетъ быть, заключена какая-нибудь біографическая черта. Но подробностей, разумѣется, нечего спрашивать. Во всякомъ случаѣ, поэтическій отчетъ о своемъ путешествіи Пушкинъ даетъ въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ.*

И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада —
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда...

—

Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ
Влачася межь угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ..

—

Межь тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны:
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тоже самое отчасти повторено въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ письма къ брату. — Къ поэтическимъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о Кавказѣ принадлежитъ, наконецъ, четверостишіе въ альбомѣ Онѣгина, — любопытный образчикъ Пушкинской наблюдательности:

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ;
Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтренный и пылкій нравъ [23]).

[23]) Или, въ другомъ мѣстѣ:
Но все пропало!... рѣзвый нравъ...
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

Поѣздка на Кавказъ ограничивалась минеральными водами: дальше въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ этотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанья и отправились на южной берегъ Крыма. Путь ихъ лежалъ по землѣ черноморскихъ козаковъ, вдоль береговъ Кубани, вблизи немирныхъ черкесскихъ ауловъ. Тутъ опять новыя картины и новыя, небывалыя впечатлѣнія. „Видѣлъ я берега Кубани—продолжаетъ Пушкинъ въ письмѣ, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ,—любовался нашими козаками; вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала, и тамъ гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ козакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова.“

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе почное;
Козакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, козакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

„Съ полуострова Тамана, древняго Тмутораканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ; замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее ли это основаніе башни, не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*: ряды камней, ровъ почти сравнявшійся съ землею, вотъ все что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и подобно старику Виргилію разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ неумный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущенной [24]). Отъ сюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ *Юрзуфъ*, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи [25]). Корабль плылъ передъ го-

---

[24]) Пушкинъ называетъ городъ Θеодосію Кефой. Броневскій передъ тѣмъ занималъ должность Θеодосійскаго градоначальника. Онъ былъ литераторъ, и въ добавокъ мартинистъ того времени. Въ Жизни Сперанскаго, т. 2, стр. 149, сказано, что Броневскій имѣлъ съ Сперанскимъ религіозно-мистическую переписку. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Броневскимъ, авторомъ плохой книжки: *Путешествіе изъ Петербурга въ Тріестъ*.

[25]) Это Элегія — *Погасло дневное свѣтило*. Пушкинъ означилъ ее: «Черное море. 1820. Сентябрь.»

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Н. И. Гречь вскорѣ напечаталъ Элегію въ одной изъ ноябрскихъ книжекъ *Сына Отечества* (№ 46). Намеки, можетъ быть, біографическаго значенія, находящіеся въ этой Элегіи, остаются для насъ непонятны, и оттого мы не можемъ себѣ объяснить, почему Пушкинъ не захотѣлъ выставить подъ ней имени, а потомъ въ собраніи стиховъ своихъ, 1826 года, опять для прикрытія, означилъ піесу *Подражаніемъ Байрону*.—Для біографа особенно любопытно и часто весьма бываетъ важно слѣдить, подъ какими произведеніями поэтъ выставлялъ имя, и въ какихъ, напротивъ, скрывалъ свою подпись.

рами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами, вездѣ мелькали татарскія селенія. Онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли."

Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили Пушкину лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами. Изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. По словамъ одной изъ спутницъ, въ ночь передъ Гурзуфомъ Пушкинъ расхаживалъ по палубѣ въ задумчивости и что-то бормоталъ про себя.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ.... [26])
Какой во мнѣ проснулся жаръ,
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!

Года черезъ три Пушкинъ нѣсколько равнодушнѣе разсказывалъ объ этомъ путешествіи барону Дельвигу, но за то сообщилъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей. „Изъ Азіи—пишетъ онъ,—переѣхали мы въ Европу на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову* гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ!" сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ..... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный" [27]).

Юрзуфъ или Гурзуфъ — очаровательный уголокъ южнаго Крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера загораживаетъ Чатырдагъ, съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Гурзуфѣ такой превосходный, умѣренный климатъ и такая роскошь растительности. М. П. Погодинъ обязательно сообщилъ намъ видъ Юрзуфа, снятый со стороны моря. Тутъ вниманіе особенно останавливается на одной скалѣ, которая подымается надъ самымъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, и представляетъ собою удивительную игру природы: въ очертаніяхъ скалы, даже и безъ особенной рѣзвости воображенія, нельзя не признать изображенія человѣческаго лица, и притомъ весьма схожаго съ бюстами императора Александра I. Гурзуфъ расположенъ на скатѣ. Лучшая дача, нынѣ владѣніе И. И. Фундуклея, принадлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ри-

---

Эти послѣднія большею частью содержатъ въ себѣ чисто личныя ощущенія и задушевную думу Пушкина. Можетъ быть, онъ познакомился съ семьею генерала Раевскаго, съ его дочерьми, еще раньше поѣздки на Кавказъ, еще въ Петербургѣ:

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный....

Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь....

[26]) Очевидно, говорится о домѣ, въ которомъ жило семейство Раевскаго.

[27]) Письмо это писано вѣроятно въ 1824 году, для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* Дельвига, гдѣ оно и появилось въ 1826. Оно было вызвано появившеюся въ 1823 г. книгою И. М. Муравьева-Апостола *Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году*, по которой Пушкинъ хотѣлъ провѣрить собственныя впечатлѣнія

шелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье своему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъ-этажный домъ, съ двумя балконами, одинъ на море, другой въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка.

Тутъ семья Раевскаго вся была въ сборѣ, кромѣ его матери, жившей въ Кіевской деревнѣ, и сына Александра, который остался на Кавказѣ. (Это мы должны замѣтить). Нашихъ путешественниковъ ожидали въ Гурзуфѣ супруга Раевскаго, Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, и двѣ отлично образованныя и любезныя дочери, Екатерина Николаевна (старшая всѣмъ, нынѣ вдова Орлова) и Елена Николаевна, тогда лѣтъ 16-ти, высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазами. Братъ Николай скоро познакомилъ съ ними своего молодаго пріятеля. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Кромѣ того Байронъ былъ почти ежедневнымъ его чтеніемъ: Пушкинъ продолжалъ учиться поанглійски, съ помощью Раевскаго-сына. Но большая часть времени, разумѣется, происходила въ прогулкахъ, въ морскомъ купаньи, поѣздкахъ въ горы, въ веселыхъ оживленныхъ бесѣдахъ, которыя постоянно велись на французскомъ языкѣ. Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ съ старшею Раевскою о литературѣ. Стыдливая, серьозная и скромная Елена Николаевна [28]), хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скота пофранцузски, но въ тихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны.

„Мой другъ — писалъ Пушкинъ брату — счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества.“

И Раевскіе не могли не полюбить молодаго поэта, потому что съумѣли открыть въ немъ высокій умъ, нѣжное, привязчивое сердце, благородную гордость души. Не смотря на французское воспитаніе, старикъ Раевскій былъ настоящій русскій человѣкъ, любилъ русскую рѣчь, по собственной охотѣ и, можетъ быть, черезъ Батюшкова, служившаго при немъ адъютантомъ и черезъ своего родственника Д. В. Давыдова, знакомъ былъ съ нашею словесностью, зналъ и цѣнилъ простой народъ, сближаясь съ нимъ въ военномъ быту и въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ между прочимъ любилъ заниматься садоводствомъ и домашнею медициною. Въ этихъ отношеніяхъ онъ далеко не походилъ на своихъ товарищей по оружію, русскихъ знатныхъ сановниковъ, съ которыми послѣ случалось встрѣчаться Пушкину и которымъ очень трудно было понять, что за существо поэтъ, да еще русскій. Раевскій какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми, одаренными свыше. Такъ точно на Кавказѣ же онъ приблизилъ къ себѣ и на всегда привязалъ къ своему семейству извѣстнаго доктора Мейера. По отношенію къ Пушкину генералъ Раевскій важенъ еще для насъ какъ человѣкъ съ разнообразными и славными преданіями, которыми онъ охотно дѣлился въ разговорѣ. Недавно-прошедшая исторія Россіи прошла на глазахъ у него. Онъ былъ родной по матери племянникъ графа Самойлова, генералъ-прокурора при Екатеринѣ; онъ началъ службу при другомъ своемъ родственникѣ, представителѣ вѣка, князѣ Потемкинѣ и пользовался особенною любовью его. Вблизи Гурзуфа находится Артекъ, опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина, и уже одно это должно было часто наводить разговоры на Потемкина и его время. Отсюда у Пушкина такое

[28]) Елена Николаевна Раевская пережила Пушкина; она не выходила за мужъ и скончалась въ Италіи лѣтъ 12 тому назадъ.

близкое знакомство съ новою Русскою исторіей. Отъ Раевскаго онъ наслушался разсказовъ по Екатерину, XVIII вѣкъ, про наши войны и про 1812-й годъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ были записаны Пушкинымъ и дошли до насъ, какъ важныя историческія черты и въ то же время какъ доказательства высокой любознательности поэта. Достойно замѣчанія, что въ 1829 году, когда умеръ Раевскій, Пушкинъ писалъ письмо къ графу Бенкендорфу, ходатайствуя объ увеличеніи пенсіи его семейству: такъ хотѣлось ему чѣмъ-нибудь заплатить долгъ благодарнаго сердца.

„Старшій сынъ его—продолжаетъ разсказывать своему брату Пушкинъ, увлекаемый признательностью къ пріютившему его семейству — будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго.“ Еще нѣсколько подробностей передаетъ Пушкинъ въ упомянутомъ письмѣ къ барону Дельвигу. „Въ Юрзуфѣ, говоритъ онъ, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество.“

Одну черту этого разсказа Пушкинъ повторилъ потомъ въ Онѣгинѣ, говоря о своей Музѣ:

Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во тьмѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ!

А кипарисъ, любимецъ Пушкина, до сихъ поръ цѣлъ; онъ выросъ теперь огромнымъ, статнымъ деревомъ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ. Съ нимъ подружился, его любилъ поэтъ, и подъ счастливымъ южнымъ небомъ этого одного достаточно, чтобы съ этимъ кипарисомъ связалось поэтическое сказаніе. Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошніе Татары увѣряютъ, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатаго пѣвца; но поэтъ умеръ, и соловей больше не прилетаетъ [29]).

Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ несомнѣнно относится тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина, чуть только онъ вспомнитъ о Тавридѣ, который занималъ его воображеніе три года сряду, преслѣдовалъ его до самой Одессы, и тамъ только смѣнился другимъ. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, внимательно слѣдя за его стихами того времени. Но то была святыня души его, которую онъ строго чтилъ и берегъ отъ чужихъ взоровъ, и которая послужила внутреннею основою всѣхъ тогдашнихъ созданій его генія. Мы не можемъ опредѣлительно указать на предметъ его любви; ясно однако, что встрѣтилъ онъ его въ Крыму и что любилъ безъ взаимности.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

—

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь,
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала,
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Въ Элегіи: *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда* уже явно заключена біографическая подробность, какая именно, мы теперь не знаемъ:

---

[29]) См. «Крымскія письма Евгеніи Туръ» въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1854 года, письмо 5-е.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія [30]) волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Когда противъ воли Пушкина, напечатаны были въ 1824 году, въ *Полярной Звѣздѣ*, три послѣдніе приведенные нами стиха, Пушкинъ огорчился такимъ обнародованіемъ его тайны и писалъ издателю А. А. Бестужеву: „Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.... Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.... Что жъ она подумаетъ?... Обязана ли она знать, что она мною не названа.... что элегія доставлена тебѣ Богъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ“.

Къ Гурзуфу, кажется, относится и стихотвореніе: *О дѣва роза, я въ оковахъ*, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу. По всему вѣроятію, онъ писалъ тамъ и свои замѣчанія о донскихъ и черноморскихъ козакахъ, упоминаемыя имъ въ письмѣ къ брату и теперь утраченныя, и тамъ же занялся и набросалъ первые отрывки новой поэмы, *Кавказскій Плѣнникъ* [31]).

Пушкинъ прожилъ на южномъ берегу три недѣли, если не ошибаемся до второй половины сентября. Какъ ни хороша была тамошняя жизнь, но срокъ отпуска кончался. Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ, и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ. Путь лежалъ по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ — пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу — держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, и еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы“. Пушкинъ разумѣетъ свое посланіе къ Чадаеву: *Къ чему холодныя сомнѣнья*, подъ которымъ находимъ отмѣтку: „Съ морскаго берега Тавриды,“ и въ двухъ стихахъ котораго данъ отчетъ о тогдашнемъ состояніи души его:

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

„Въ Бахчисарай — продолжаетъ онъ — пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes [32]). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N N. почти насильно

[30]) Такъ было въ первоначальномъ текстѣ, Пушкинъ замѣнилъ слово *таврическія* словомъ *полуденныя;* точно также какъ въ предъидущемъ стихотвореніи вмѣсто *оливъ* онъ потомъ поставилъ *деревъ*.

[31]) На одномъ изъ первыхъ черновыхъ набросковъ *К. Плѣнника* сохранилась помѣтка: «1820 августа 21.»

[32]) Вѣроятно это та самая женщина, про которую Пушкинъ говорилъ, что поэма его *Бахчисарайскій Фонтанъ* есть не что иное, какъ переложеніе въ стихи ея разсказа. Буква К*. поставлена въ печати, можетъ быть, для прикрытія.

повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было...

Лихорадка меня мучила.“

*

Пока Пушкинъ странствовалъ, во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая перемѣна, какъ и прежде, случайная и также благопріятная. Возвращаться изъ Крыма пришлось ему не въ Екатеринославъ, откуда отпустилъ его Инзовъ, а въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ. Тогдашній намѣстникъ Бессарабской области, А. Н. Бахметевъ, испросилъ себѣ продолжительный отпускъ, для излеченія отъ ранъ, а должность его, 15 іюня 1820 года, поручена была временно Инзову, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края [33]). Читатели убѣдятся изъ дальнѣйшаго разсказа нашего, какъ важно было для Пушкина это обстоятельство: вмѣсто однообразной губернской жизни, онъ очутился почти въ пограничномъ городѣ, съ самымъ пестрымъ населеніемъ, представлявшимъ множество предметовъ для его наблюдательности, познакомившимъ его съ разнохарактерными явленіями русской жизни. Кавказъ и Крымъ воспитали въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; Кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей: тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью, и пріобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Въ Кишиневъ онъ пріѣхалъ не прямо изъ Крыма. Ему вѣроятно не хотѣлось скоро разстаться съ Раевскими, и онъ проводилъ ихъ еще до Кіевской губерніи, до села Каменки, гдѣ жила мать старика Раевскаго, урожденная графиня Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова [34]) Съ нею жили два ея сына отъ этого брака, Александръ и Василій Львовичи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на веселой и любезной француженкѣ, графинѣ Грамонъ. Пушкинъ съ нею очень скоро сошелся; но это первое посѣщеніе Каменки было не продолжительно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Пушкинъ прибылъ на житье въ Кишиневъ, какъ видно по письму его къ брату, въ которомъ онъ описывалъ свое путешествіе: оно писано на первыхъ порахъ кишиневской жизни, 24 сентября 1820 г. „Теперь я одинъ, въ пустынной для меня Молдавіи,“ замѣчаетъ Пушкинъ. Но вскорѣ Кишиневъ перестлалъ быть для него пустынею

Прежде всего слѣдуетъ сказать объ отноняхъ его къ Инзову, которыя теперь только и начались, потому что въ краткій срокъ Екатеринославской жизни Пушкинъ едва успѣлъ съ нимъ познакомиться. Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768—1845), былъ питомецъ князя Николая Никитича Трубецкаго, памятнаго своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка. Инзовъ образовался и служилъ въ молодости адъютантомъ при князѣ Н. В. Репнинѣ, тоже мартинистѣ. Онъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе. Такъ называемые иностранные поселенцы южнаго края, и особенно отошедшіе отъ насъ не давно Болгаре, до сихъ поръ почитаютъ память этого добраго начальника. Въ Болгарскихъ поселеніяхъ, въ возникшемъ подъ его попечительствомъ Болградѣ (1822) и теперь, во многихъ семействахъ, сберегаются портреты Ивана Никитича. Имя его съ признательностію помянется въ будущей исторіи нашихъ сношеній съ славянскими братьями. Но Инзовъ вѣроятно чуждъ былъ нынѣшнихъ понятій о племенномъ сближеніи; онъ хлопоталъ и пекся о Сербахъ и Болгарахъ по чувству долга и по внушенію прекрасной души своей. Это былъ человѣкъ не хитраго разума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко; но его искренняя привѣтливость, умѣнье уживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характе-

[33]) См. біографію Инзова, въ изданіи: *Александръ I и его сподвижники.*

[34]) Отъ кн. М. Н. В—ой

ра заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи. Онъ тотчасъ оцѣнилъ молодаго Пушкина, чутьемъ сердца понявъ высокое благородство его природы, и вмѣсто того, чтобы быть строгимъ надзирателемъ за его поведеніемъ, сдѣлался снисходительнымъ и попечительнымъ заступникомъ. Выше упомянуто, что Пушкинъ явился къ нему съ письмомъ отъ гр. Каподистріи; что̀ это было за письмо, намъ не извѣстно; но можно догадываться, что чья нибудь дружеская предусмотрительность (Энгельгардта или Карамзина, который могъ встрѣчаться съ Инзовымъ еще въ прошломъ вѣкѣ, у Н. Н. Новикова) указала высшему начальству на Инзова, какъ на человѣка, къ которому всего лучше было послать Пушкина. Поэтъ, столь щекотливый въ сношеніяхъ вообще съ людьми, и особливо съ поставленными выше его, никогда не имѣлъ причины пенять на своего начальника, напротивъ отзывался о немъ съ нѣжнымъ участіемъ, а Инзовъ, въ свою очередь, очень жалѣлъ, когда потомъ Одесса переманила къ себѣ Пушкина, и когда онъ уѣхалъ отъ него къ гр. Воронцову.

Въ Кишиневѣ вся власть соединялась въ рукахъ Инзова: кромѣ должности полномочнаго намѣстника Бессарабской области, онъ, съ іюля мѣсяца 1822 года, правилъ всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, такъ какъ тамошній генералъ-губернаторъ, графъ Ланжеронъ, тоже отпросился въ долгій отпускъ къ водамъ. Для насъ это обстоятельство важно, потому, что живя при Инзовѣ, Пушкинъ (хотя вѣроятно и не имѣлъ никакихъ служебныхъ обязанностей) находился въ средоточіи управленія обширнымъ и важнымъ краемъ, зналъ изъ первыхъ рукъ все, что̀ дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, а Бессарабія и вообще Новороссія въ то время представляли много любопытнаго. Пушкинъ впослѣдствіи имѣлъ полное право жалѣть объ истребленіи своихъ тогдашнихъ записокъ. Такъ, напримѣръ, греческое возстаніе и мѣры нашего правительства по отношенію къ этому событію, были во всѣхъ подробностяхъ извѣстны Пушкину, что̀ видно между прочимъ изъ его разсказа *Кирджали,* отчасти слышаннаго имъ отъ правителя канцелярія Инзова, М. И. Лекса [35].

Бессарабія всего только восемь лѣтъ, какъ поступила подъ власть Россіи; Инзовъ былъ вторымъ ея намѣстникомъ. Подъ турецкимъ управленіемъ и долго послѣ Кишиневъ оставался большимъ хуторомъ: у тамошнихъ простолюдиновъ онъ до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ *Кишла̀,* что по молдавански, говорятъ, значитъ *овчарня.* Онъ былъ выбранъ средоточіемъ власти по указанію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони, который и учредилъ въ тамошнемъ монастырѣ свою митрополію. Кишиневъ лежитъ въ серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи [36]), почти на границахъ двухъ губерній, Херсонской и Подольской. Во время Пушкина онъ состоялъ почти изъ одного такъ называемаго стараго города, раскинутаго по плоскимъ и грязнымъ берегамъ небольшой рѣки Быка, съ тѣсными, кривыми улицами, грязными базарами, низенькими лавками и небольшими домиками, крытыми черепицей, но за то со множествомъ садовъ изъ пирамидальныхъ тополей и бѣлыхъ акацій. Въ старомъ городѣ все время и жилъ Пушкинъ. Нынѣшній верхній, правильный или новый городъ, построенный на плоской возвышенности, тогда еще только возникалъ: тамъ находилась митрополія, два-три хорошихъ дома, въ томъ числѣ домъ Крупянскаго, гдѣ помѣщались театръ и присутственныя мѣста, и цѣлый особый кварталъ Булгарія, занятый недавними переселенцами-Болгарами.

Населеніе Кишенева, въ то время, было до чрезвычайности пестрое. Главную массу составляли, если не ошибаемся, Молдаване, Жиды и Болгаре; но тутъ же жили Греки, Турки, наши Малороссіяне, Нѣмцы; попадались и Караимы, Арнауты, Французы, и даже Итальянцы, каждый съ своимъ гово-

---

[35]) См. Пушкина, V, 497. «Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто».

[36]) См. статью Надеждина въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., статью Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1855 г., № 4; статью В. П. Горчакова, тамъ же 1850 г., № 2 и пр.

ромъ, съ своими обычаями, въ своихъ нарядахъ. Настоящихъ русскихъ переселенцевъ было еще мало. Большую часть русскаго населенія составляли солдаты и чиновники. Военный постой еще болѣе разнообразилъ картину. Бессарабская область занята была корпусами второй арміи.

Кишиневское общество, посреди котораго Пушкинъ проводилъ большую часть времени, слагалось также изъ нѣсколькихъ довольно рѣзкихъ отдѣловъ. Тутъ были прежде всего чиновники мѣстнаго управленія, адъютанты Инзова и его канцелярія. Правителемъ ея былъ *Лексъ*, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ-то въ разговорѣ при Пушкинѣ назвали Лекса:

Михаилъ Иванычъ Лексъ—
Прекрасный человѣкъ-съ,

быстро подхватилъ Пушкинъ, и это присловье на долго оставалось при имени Лекса. Изъ чиновниковъ, состоявшихъ при Инзовѣ, Пушкинъ особенно былъ друженъ съ недавно умершимъ *Николаемъ Степановичемъ Алексѣевымъ*, переведеннымъ на службу въ Кишеневъ изъ Москвы и съ нимъ вмѣстѣ часто посѣщалъ чиновника горнаго вѣдомства *Эльфректа*, страстнаго охотника до старинныхъ монетъ. Изъ мѣстныхъ властей слѣдуетъ упомянуть еще о вице-губернаторѣ *Крупянскомъ* и другомъ *Алексѣевѣ,* областномъ почтмейстерѣ. — Второй отдѣлъ Кишиневскаго общества составляли молдаванскіе бояре, одни занимавшіе должностныя мѣста въ городѣ, какъ напр., изъ знакомыхъ Пушкина, губернаторъ *Катакази*, женатый на сестрѣ кн. А. Ипсиланти, и членъ верховнаго правленія *Егоръ Кириловичъ Варѳоломей*; другіе просто зажиточные помѣщики, жившіе въ Кишиневѣ для удовольствія: *Прункулъ*, *Балшъ* и другіе. — Въ третьемъ, самомъ замѣчательномъ для насъ отдѣлѣ, были люди военные. Въ Кишиневѣ квартировалъ тогда штабъ 16-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшей къ 6-му корпусу второй арміи (корпусный командиръ—*Сабанѣевъ* въ Тираспол ѣ). Начальникамъ этой дивизіи, слѣдовательно первымъ военнымъ лицомъ въ городѣ, былъ, до половины 1822 г., генералъ-маіоръ *М. Ѳ. Орловъ*, передъ тѣмъ служившій въ Кіевѣ начальникомъ корпуснаго штаба при Н. Н. Раевскомъ. Одною изъ бригадъ дивизіи, состоявшей подъ начальствомъ Орлова, тоже до половины 1822 года, командовалъ *Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ*, человѣкъ весьма образованный и начитанный, служившій прежде въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку и почитавшійся масономъ. Изъ состоявшихъ при Орловѣ штабъ-офицеровъ слѣдуетъ назвать, какъ болѣе или менѣе близкихъ знакомцевъ Пушкина — *Друганова*, *Колокуцкаго*, *Охотникова*, *Липранди*, и дивизіоннаго квартермистра *Владиміра Петровича Горчакова*, воспитанника московской Муравьевской школы колонновожатыхъ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Тульчина, гдѣ жилъ главнокомандующій 2-й арміи, графъ Витгенштейнъ, пріѣзжали въ Кишиневъ для съемки плановъ новопріобрѣтеннаго края и проживали тамъ офицеры генеральнаго штаба, изъ которыхъ назовемъ двоюродныхъ братьевъ *Полторацкихъ: Алексѣя Павловича и Михаила Александровича* (съ первымъ Пушкинъ былъ очень близокъ), *Валерія Тимофѣевича Кека*, и за послѣдніе мѣсяцы кишиневской жизни Пушкина—*Александра Ѳомича Вельтмана*. Надо замѣтить, что Кишиневъ лежитъ на пути военныхъ сообщеній: изъ Бендеръ, Тирасполя, Тульчина, Херсона и другихъ мѣстъ являлись туда генералы и офицеры по дѣламъ службы или проѣздомъ. По близости расположенъ былъ и 7-й корпусъ, входившій въ составъ второй арміи. Такъ напримѣръ, въ апрѣлѣ 1821 г. за чѣмъ-то пріѣзжалъ изъ Тульчина, адъютантъ гр. Витгенштейна П. И. Пестель, о которомъ въ бумагахъ Пушкина уцѣлѣла замѣтка: „Утро провелъ съ П. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю [37]." Къ кишинев-

[37]) *Библіографическія Записки*, 1859 года, № 5, столб. 120. Французская фраза вѣроятно была сказана Пушкинымъ въ разговорѣ съ П., про самаго себя. Онъ послѣ не разъ выражалъ эту мысль, напримѣръ, въ стихахъ: *Ты, сердцу непонятный мракъ.*

скимъ гостямъ вѣроятно принадлежалъ и нынѣшній посолъ въ Парижѣ П. Д. Киселевъ, тогдашній начальникъ штаба 2-й арміи при гр. Витгенштейнѣ. Познакомившись еще въ Петербургѣ, Пушкинъ въ это время, кажется, сблизился съ нимъ. Наконецъ, въ числѣ постоянныхъ жителей Кишинева, за первое время тамошней жизни Пушкина, должно упомянуть также о семействѣ покойнаго Молдавскаго господаря, кн. Ипсиланти, состоявшемъ изъ вдовы княгини, изъ дочери, бывшей за губернаторомъ Катакази, и нѣсколькихъ братьевъ, флигель-адьютанта, безрукаго князя Александра, князей Николая, Георгія и Дмитрія, которые всѣ находились въ русской службѣ. Пушкинъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ [38]).

Со всѣми изъ названныхъ лицъ Пушкинъ былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, и болѣе или менѣе въ дружескихъ связяхъ. По своей живой общительной природѣ, онъ никогда не могъ быть одиночкой, всегда любилъ многолюдныя собранія, постоянно являлся на кишиневскихъ вечерахъ и балахъ, и на холостыхъ пирушкахъ военной молодежи:

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

Приступая теперь къ разсказу о жизни Пушкина въ Кишиневѣ, я весьма затрудняюсь соблюденіемъ строгой хронологической послѣдовательности, которая по моему мнѣнію составляетъ первѣйшее условіе при передачѣ біографическихъ матеріаловъ. Затрудненіе это происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ скудости и отрывочности имѣющихся свѣдѣній. Да и вообще чрезвычайно трудно схватить главныя черты разсѣянной, тревожной и разнообразной кишиневской жизни Пушкина. Писемъ, этихъ фотографическихъ снимковъ жизни, у насъ очень мало, а какія и дошли до насъ, тѣ большею частью одного литературнаго содержанія.

Сколько извѣстно, Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ около трехъ лѣтъ, съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г. до весны 1823-го; но въ этотъ срокъ, какъ видно будетъ ниже, онъ очень часто отлучался, то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, онъ остановился въ одной изъ тамошнихъ глиняныхъ мазанокъ, у русскаго переселенца Ивана Николаева состоявшаго при квартирной комиссіи и весьма извѣстнаго въ городѣ, смышленаго мужика. Но Инзовъ скоро позаботился о лучшемъ для него помѣщеніи. Онъ далъ ему квартиру въ одномъ домѣ съ собою. Домъ этотъ, принадлежавшій боярину Доничу и нанимавшійся для намѣстниковъ на городскія деньги, находится въ концѣ стараго Кишинева, на небольшомъ возвышеніи. Въ то время онъ стоялъ одиноко, почти на пустырѣ. Сзади примыкалъ къ нему большой садъ, расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ. Кому любопытно, тотъ можетъ найдти видъ его при Одесскомъ Альманахѣ 1840 года. Развалины до сихъ поръ цѣлы [39]). Это было довольно большое двух-

---

[38]) Въ описаніи Кишиневскихъ знакомствъ и жизни Пушкина мы руководствуемся отчасти изустными разсказами и указаніями добраго пріятеля его *В. П. Горчакова*, за которые обязаны ему великою признательностію. Онъ съ любовью и нѣжнымъ участіемъ къ памяти Александра Сергѣевича передавалъ намъ разныя подробности, которыя были необходимы для пониманія прошедшей обстановки. Кромѣ того я пользовался печатными его статьями, *Выдержками изъ Дневника,* въ *Москвитянинѣ* 1850 г. кн. 2, стр. 146—182; кн. 3-я. стр. 233—264 и кн. 7-я, стр. 166—198; и *Воспоминаніемъ о Пушкинѣ* въ 19 номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 1858 года. Нельзя не пожелать продолженія этихъ статей: никакое изслѣдованіе не можетъ замѣнить живыхъ и яркихъ свидѣтельствъ современника-очевидца.—Нѣсколько указаній заимствовано еще изъ статьи покойнаго профессора Одесскаго лицея, *К. Зеленецкаго*: «Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, и примѣчанія къ описанію Одессы, въ Евгеніи Онѣгинѣ» (Въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 9.) Зеленецкій говоритъ, что онъ ѣздилъ нарочно въ Бессарабію для собиранія свѣдѣній о Пушкинѣ и писалъ со словъ *Д. А. Вороновскаго, П. С. Пущина,* покойнаго *Марини, В. П. Гординскаго, П. С. Леонарда, В. З. Писаренка* и студента *Ратко.*

[39]) Домъ этотъ подвергался нѣсколько разъ разрушенію отъ землетрясеній. Дальнѣйшія подробности о помѣщеніи Пушкина взяты изъ статьи Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 4. Г. Бергъ говоритъ,

этажное зданіе; вверху жилъ самъ Инзовъ, внизу двое-трое его чиновниковъ. При домѣ въ саду находился птичій дворъ со множествомъ канареекъ и другихъ птицъ, до которыхъ намѣстникъ былъ большой охотникъ. Разсказываютъ, что Пушкинъ изъ шалости, и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника-холостяка, нашелъ средство выучить одну изъ его сорокъ какимъ то нескромнымъ словамъ [40]). Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, сзади, на право отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшотками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшій въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка Быкъ, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе, каменоломни Молдаванъ, и еще лѣвѣе новый городъ. Вдали горы съ бѣлѣющимися домиками какого то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его Никитѣ, который между прочимъ остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ какого-то шуточнаго стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:
Въ митрополіи звонятъ.

Это значило, пора идти къ обѣднѣ, въ новый верхній городъ. Въ этомъ то домѣ Пушкинъ прожилъ почти все время; онъ оставался тамъ и послѣ землетрясенія 1821 года, отъ котораго треснулъ верхній этажъ, что̀ заставило Инзова на время перемѣститься въ другую квартиру. Воображенію Пушкина могла даже казаться заманчивою жизнь подъ развалинами. Впрочемъ большую часть дня онъ обыкновенно проводилъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, возвращаясь къ себѣ ночевать и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмомъ. Стола, разумѣется, онъ не держалъ, а обѣдывалъ у Инзова, у Орлова, у гостепріимныхъ кишиневскихъ знакомыхъ своихъ и въ трактирахъ. Такъ, въ первое время, онъ нарѣдко заходилъ въ такъ называемый *Зеленый трактиръ* въ верхнемъ городѣ, недалеко отъ митрополіи. Тамъ прислуживала молодая молдаванка *Маріонилла*, и одну изъ ея пѣсенъ Пушкинъ переложилъ въ русскіе стихи—это *Черная Шаль* [41]).

По пріѣздѣ въ Кишиневъ, Пушкинъ уже засталъ тамъ *Михаила Өедоровича Орлова*. Они сошлись вѣроятно еще въ Кіевѣ или въ Петербургѣ, гдѣ Пушкинъ былъ довольно близко знакомъ съ его роднымъ братомъ, недавно умершимъ княземъ Алексѣемъ Өедоровичемъ, которому и написалъ въ 1818 году извѣстное посланіе:

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой, откровенной,
Любезность, разумъ просвѣщенный и пр.

Раевскіе безъ сомнѣнія поручали Пушкина вниманію Орлова; но онъ и самъ радъ былъ знакомству съ поэтомъ. Орловъ славенъ своимъ горячимъ участіемъ ко всему что̀ выступаетъ изъ обыкновенной, будничной жизни. Страсть къ просвѣщенію (онъ занимался въ Кіевѣ дѣлами библейскаго общества), страсть къ словесности и наукѣ (онъ участвовалъ въ Арзамасскомъ обществѣ подъ именемъ *Рейна* и писалъ сочиненіе о финансахъ), страсть къ искусствамъ (онъ былъ основателемъ московской школы

что домъ этотъ зовутъ въ Кишиневѣ домомъ Инзова, но что онъ принадлежитъ живущему за границей боярину Доничь. Но на фотографическомъ снимкѣ съ него, присланномъ изъ Кишенева М. П. Погодину, находится надпись, въ которой сказано, что домомъ владѣлъ Инзовъ, и что на немъ до сихъ поръ лежитъ казенное запрещеніе по дѣлу о начетѣ на Инзова, отъ провіантскаго департамента.

[40]) Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

[41]) Изъ Записокъ В. Г. Теплякова, см. *Общезанимательный Вѣстникъ* 1857, № 1. Въ печати подъ *Черною Шалью* выставлено 14 ноября 1820; но это вѣроятно число отсылки ея въ Петербургъ; — піеса написана нѣсколько раньше, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Пушкинъ былъ доволенъ ею и послалъ въ Петербургъ. Она появилась въ апрѣльскомъ, 15-мъ номерѣ *Сына Отечества* 1821 г., но съ ошибками; Пушкинъ разсердился и послалъ ее вторично въ 5-й номерѣ *Благонамѣреннаго* 1821 г., гдѣ въ примѣчаніи и было сказано, что стихи перепечатываются ради ошибокъ, съ которыми ихъ напечатали въ *Сынѣ Отечества*.

живописи и ваянія), наконецъ къ высокой политической дѣятельности, всю жизнь волновали эту благородную душу. Подъ Аустерлицемъ онъ храбро дрался, и получивъ знакъ отличія въ одно время съ вѣстью о томъ что бой проигранъ. горько заплакалъ. Участникъ 1812 года и заграничныхъ войнъ, онъ былъ близко извѣстенъ государю, первый изъ русскихъ вступилъ въ Парижъ и договаривался о сдачѣ его, которую потомъ описалъ въ особой запискѣ [42]). Около 1820 года была самая живая пора его дѣятельности; его не даромъ называли цвѣтомъ русскихъ генераловъ. Онъ заботился о распространеніи грамотности между солдатами, старался смягчить грубыя отношенія къ подчиненнымъ, за что вскорѣ и пострадалъ. Въ Кишиневѣ онъ построилъ манежъ и въ новый 1822 годъ далъ въ немъ большой завтракъ, на которомъ, сверхъ обыкновенія, были угощены, тутъ же, въ однихъ стѣнахъ съ начальствомъ, всѣ нижніе чины. На первыхъ порахъ знакомства, Пушкинъ писалъ о немъ къ Чадаеву: Le seul homme que j'aie vu qui est heureux à force de vanité." что, къ сожалѣнію, говорятъ, до нѣкоторой степени вѣрно [43]); но этотъ отзывъ не помѣшалъ впослѣдствіи Пушкину цѣнить и любить Орлова. Они тѣснѣе сблизились въ 1821 г.. когда Орловъ женился на старшей дочери Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, любезной и высокоуважаемой пріятельницѣ Пушкина по Юрзуфу. Орловъ занималъ въ новомъ Кишиневѣ два большіе дома; у него, какъ у начальника, постоянно собирались военные люди, и кромѣ того пріѣзжали и гащивали Раевскіе, Давыдовы и родной братъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ, великанъ ростомъ, георгіевской кавалеръ, безъ ноги по колѣно, котораго, какъ кажется, Пушкинъ хотѣлъ потомъ изобразить героемъ романа изъ русскихъ нравовъ. Пушкинъ цѣлые дни проводилъ въ умномъ и любезномъ обществѣ, собиравшемся у М. Ѳ. Орлова, и тамъ-то, за генеральскими обѣдами, слуги обносили его блюдами, на что онъ такъ забавно жалуется. Бесѣда опять таки шла на французскомъ языкѣ! „Пиши мнѣ по русски — требуетъ Пушкинъ отъ брата въ письмѣ отъ 27 іюня 1821 г. — потому что, слава Богу, съ моими.... друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Свобода обращенія, смѣлость, а иногда рѣзкость отвѣтовъ, небрежный нарядъ Пушкина, столь противоположный военной формѣ, которая такъ строго наблюдалась и наблюдается въ полкахъ, все это не разъ смущало нѣкоторыхъ посѣтителей Орлова. Однажды кто-то замѣтилъ генералу, какъ онъ можетъ терпѣть, что у него на диванахъ валяется мальчишка въ шароварахъ. Орловъ только улыбался на такія рѣчи; но одинъ разъ, полушутя, онъ сказалъ Пушкину, пародируя басню Дмитріева(*Башмакъ мѣрка равенства*)

Твои, мои права одни,
Да мой сапогъ тебѣ не въ пору.

„Эка важность, сапоги! возразилъ Пушкинъ; если мѣряться, такъ у слона больше всѣхъ сапоги." Этимъ все и кончилось, и размолвки между ними никогда не было.

—

Въ первыхъ числахъ ноября 1820 года, кочевая труппа нѣмецкихъ актеровъ давала представленіе въ бѣдномъ Кишиневскомъ театрѣ, кое какъ освѣщенномъ сальными свѣчами. Въ числѣ посѣтителей находился молодой офицеръ генеральнаго штаба, В. П. Горчаковъ, недавно пріѣхавшій на службу къ Орлову, и изъ своихъ креселъ наблюдалъ новое для него общество. "Въ числѣ многихъ — разсказываетъ онъ — особенно обратилъ мое вниманіе вошедшій молодой человѣкъ, небольшаго роста; но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выраженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобою? какая грусть мрачитъ твою душу? Одежду не-

[42]) Записка эта, сочиненная по французски, была напечатана въ русскомъ переводѣ, но къ сожалѣнію невполнѣ, въ альманахѣ *Утренняя Заря* 1843 г.

[43]) Слышано отъ П. Я. Чадаева.

знакомца составляли черный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и такого же цвѣта шаровары. Кто бы это, подумалъ я, и тутъ же узналъ отъ Алексѣева, что это Пушкинъ, знаменитый уже пѣвецъ Руслана и Людмилы. Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно игранной, Пушкинъ подошелъ къ намъ; въ разговорѣ съ Алексѣевымъ онъ довѣрчиво обращался ко мнѣ, какъ бы желая познакомиться.» Замѣчаніе Горчакова, что игру актеровъ разбирать нечего, что каждый играетъ дурно, а всѣ вмѣстѣ очень дурно, разсмѣшило Пушкина; онъ началъ повторять эти слова и тутъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, содержаніе которому дали воспоминанія о петербургскихъ артистахъ, о Семеновой, Колосовой и другихъ. Поэтъ невольно задумался. „Въ этомъ расположеніи духа онъ отошелъ отъ насъ— замѣчаетъ В. П. Горчаковъ—и пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка остановился передъ какою-то дамою... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ звонкій смѣхъ, соединенный въ непрерывною рѣчью... Пушкинъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся; прекрасные его зубы выказывались во всемъ блескѣ, улыбка не угасала.“

На другой день они опять встрѣтились у Ѳ. Ѳ. Орлова. „Въ это утро—продолжаетъ новый знакомецъ Пушкина—много было говорено о молдаванской пѣснѣ *Черная шаль*, на дняхъ имъ только написанной. Не зная самой пѣсни, я не могъ участвовать въ разговорѣ. Пушкинъ это замѣтилъ, и по просьбѣ моей и Орлова, обѣщалъ мнѣ прочесть ее; но, повторивъ въ разрывъ нѣкоторыя строфы, вдругъ схватилъ рапиру и началъ играть ею: припрыгивалъ, становился въ позу... Въ эту минуту вошелъ Другановъ. Пушкинъ, едва давъ ему поздороваться съ нами, сталъ предлагать ему биться. Другановъ отказывался, Пушкинъ настоятельно требовалъ, и какъ живой ребенокъ сталъ шутя затрогивать его рапирой. Другановъ отвелъ рапиру рукой, Пушкинъ не унимался; Другановъ начиналъ сердиться. Чтобъ предупредить раздоръ новыхъ моихъ знакомцевъ, я снова попросилъ Пушкина прочесть мнѣ молдаванскую пѣсню. Пушкинъ охотно согласился, бросилъ рапиру и началъ читать съ большимъ одушевленіемъ: каждая строфа занимала его, и, казалось, онъ вполнѣ былъ доволенъ своимъ новорожденнымъ твореніемъ... „Какъ же, замѣтилъ я, вы говорите: *въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ*, и потомъ: *вхожу въ отдаленный покой*?„—Такъ что жь— прервалъ Пушкинъ, съ быстротою молніи, вспыхнувъ самъ какъ зарница,—это не значитъ, что я ослѣпъ.—Сознаніе мое, что это замѣчаніе придирчиво, что оно почти шутка, погасило мгновенный взрывъ Пушкина, и мы пожали другъ другу руки. При этомъ Пушкинъ, смѣясь, началъ мнѣ разсказывать, какъ одинъ изъ кишиневскихъ армянъ сердится на него за эту пѣсню.“ Читатели припомнятъ стихъ:

Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Въ это время М. Ѳ. Орловъ по должности ѣздилъ осматривать пограничную, охранительную линію по Дунаю и Пруту. Онъ возвратился въ Кишиневъ 8 ноября. Офицеры поспѣшили ему представиться, это же былъ день его именинъ. Вмѣстѣ съ другими пришелъ и Пушкинъ. В. П. Горчаковъ передаетъ эту встрѣчу. Орловъ обнялъ Пушкина, и тотчасъ же сталъ декламировать: *Когда легковѣренъ и молодъ я былъ.* Въ числѣ кишиневскихъ новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкинъ засмѣялся и покраснѣлъ.—Какъ, вы уже знаете? спросилъ онъ. „Какъ видишь,“ отвѣчалъ тотъ.—То-есть, какъ слышишь, замѣтилъ Пушкинъ смѣясь. Генералъ на это замѣчаніе улыбнулся привѣтливо. „Но шутки въ сторону, продолжалъ онъ, а твоя баллада превосходна, въ каждыхъ двухъ стихахъ полнота неподражаемая,“ заключилъ онъ, и при этихъ словахъ выраженіе его лица приняло глубокомысленность знатока-мецената.“

Въ декабрѣ того же года В. П. Горчаковъ проѣзжалъ черезъ Кіевъ: тамъ уже твердили и повторяли наизусть молдаванскую пѣсню.

Въ концѣ 1820 года, въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ еще два небольшія стихотворенія несравненно выше *Черной шали*, это—*Виноградъ и Дочери Карагеоргія.* По поводу перваго изъ нихъ можно вспомнить, что любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ оконъ своей кишиневской комнаты:

Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Что касается до превосходныхъ стиховъ къ дочери Сербскаго князя, я не знаю навѣрное, былъ ли Пушкинъ знакомъ съ нею, или писалъ только по слухамъ. Понятно, что его поэтическое вниманіе остановилось на грозномъ образѣ пастуха-героя, освободителя своей родины. Черный Георгій, за три года передъ тѣмъ погибшій отъ руки убійцъ, жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а его семейство долго потомъ оставалось, если не ошибаюсь, въ городѣ Хотинѣ, не далеко отъ Кишинева. Подобно Стенькѣ Разину, Пугачеву, Мазепѣ, Кирджали, Донъ-Жуану, этотъ герой съ характеромъ разбойника поразилъ воображеніе нашего Пушкина. Въ посланіи къ его дочери мѣтко схвачена его физіономія:

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.

Разсказы о Карагеоргіи Пушкинъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, въ послѣднюю Турецкую войну сражавшихся вмѣстѣ съ Сербами и въ Сербіи, а особливо отъ своего Кишиневскаго знакомца, отставнаго драгунскаго полковника, Алексѣя Петровича Алексѣева. Этотъ Алексѣевъ, старый служака и георгіевскій кавалеръ, былъ человѣкъ весьма оригинальный и добродушный. Вѣчно въ полной формѣ, онъ нарочно отклонялъ отъ себя повышеніе по своей службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ, чтобы не мѣнять своего любимаго и дорогаго мундира. Будучи областнымъ почтмейстеромъ, онъ первый узнавалъ всѣ новости и любилъ дѣлиться ими. Кромѣ того онъ охотно разсказывалъ про свою славную военную службу. Пушкинъ довольно часто бывалъ у него, и впослѣдствіи породнился: братъ жены Алексѣева, Н. И. Павлищевъ женился на сестрѣ Александра Сергѣевича. Вообще надо замѣтить, что въ Кишиневѣ Пушкинъ встрѣчалъ Болгаръ и Сербовъ, обращалъ на нихъ вниманіе, и оттого можетъ быть съ такимъ умѣніемъ перекладывалъ впослѣдствіи пѣсни Славянъ [44]).

Новый 1821 годъ онъ встрѣтилъ, кажется, въ Кишиневѣ; но въ февралѣ видимъ его въ Кіевѣ, куда онъ уѣхалъ, безъ сомнѣнія, чтобъ повидаться съ Раевскими. Туда еще

[44]) Читатели могли замѣтить, какой важный матеріалъ для біографіи Пушкина представляютъ собственныя его сочиненія; иногда одно слово, одно прилагательное служатъ самымъ надежнымъ указаніемъ. Поэтому весьма нужно знать, когда именно что писано. Отчасти онъ самъ помогъ этому, расположивъ по годамъ стихи свои въ тѣхъ пяти книжкахъ, которыя вышли при его жизни, одна въ 1826 и четыре въ 1829—1835 годахъ. Тутъ главное хронологическое указаніе. Потомъ въ рукописяхъ его сохранились нѣкоторыя числовыя отмѣтки, уже не только годовъ, но и дней. Нѣкоторыя изъ нихъ переданы въ изданіи Анненкова и повторены въ изданіи Исакова. Но въ обоихъ этихъ лучшихъ изданіяхъ, стихотворенія Пушкина расположены только по годамъ, въ самыхъ же годахъ перепутаны и слѣдовательно опять таки не могутъ представлять точной поэтической лѣтописи, гдѣ иногда важны мѣсяцы и даже дни созданія піесы. Для будущаго изданія, которое вѣроятно не замедлитъ появиться, предлагаемъ для примѣра расположить стихи 1820 года въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Доридѣ } писаны еще въ Петербургѣ.
2. Дорида }
3. Эпилогъ къ Руслану и Людмилѣ.
4. Погасло дневное свѣтило.
5. Увы, за чѣмъ она блистаетъ
6. О дѣва роза, я въ оковахъ.
7. Чадаеву съ морскаго берега Тавриды.
8. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.
9. Нереида.
10. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда
11. Виноградъ.
12. Черная шаль.
13. Дочери Карагеоргія.

Въ изданіи Анненкова, къ 1820-му году еще отнесены стихи *Записка къ Пріятелю* (о кухмистерѣ Тардифѣ), *Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой*, а въ изданіи Исакова еще *Платонизмъ*, но не сказано, на какомъ основаніи Эти стихи могли быть написаны и нѣсколько раньше, и нѣсколько позже; ихъ надо отнести къ неизвѣстнымъ по времени, означивъ годъ предположительно.

долго рвалась душа его. Кто-то изъ знакомыхъ, неожиданно встрѣтясь съ нимъ въ Кіевѣ, спросилъ, какъ онъ попалъ туда. „Языкъ до Кіева доведетъ,“ отвѣчалъ Пушкинъ, намекая на причину своего удаленія изъ Петербурга. Въ Кіевѣ, 8 февраля 1821 г., написалъ онъ свои стихи *Земля и море*, изъ которыхъ видно, что мысль его все еще жила у береговъ Тавриды; 14 февраля написана *Муза* (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила). Къ этой же порѣ слѣдуетъ отнести стихотвореніе *Желаніе*, очевидно вызванное свиданіемъ съ Раевскими, и все проникнутое воспоминаніями о Юрзуфѣ:

Скажите мнѣ, кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ изгнанникъ неизвѣстный?..
Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанія и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

Конецъ февраля мѣсяца Пушкинъ провелъ опять въ Каменкѣ у Давыдовыхъ, и въ это время сблизился съ женою Александра Львовича, какъ это видно изъ стиховъ къ Аглаѣ, весьма любопытныхъ въ біографическомъ отношеніи:

Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы .. [45])

20 февраля въ Каменкѣ онъ оканчиваетъ *Кавказскаго Плѣнника*, а 22 числа того же мѣсяца пишетъ стихи: *Я пережилъ свои желанья*, при которыхъ въ рукописи помѣтка: „Изъ поэмы Кавказъ.“

Кавказскій Плѣнникъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ по отношенію къ внутренней жизни сочинителя. Поэма собственно состоитъ изъ двухъ довольно рѣзко отдѣляющихся частей: съ одной стороны описанія Кавказа, которыя суть ничто иное какъ отчетъ недавно совершеннаго путешествія и которыми Пушкинъ былъ впослѣдствіи недоволенъ, называя ихъ голиковской прозой въ сравненіи съ поэзіей Кавказской природы; съ другой характеръ героя. Въ этомъ характерѣ безъ сомнѣнія есть нѣкоторыя, если не черты, то временныя ощущенія поэта. Пушкинъ тогда еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы совершенно отвлекаться отъ своей личности и въ изображеніе своихъ героевъ не вносить собственныхъ чувствъ. Конечно тутъ участвовало вліяніе Байрона, съ которымъ онъ тогда былъ уже знакомъ; но по свойству молодаго творчества, увлекаясь своимъ созданіемъ, поэтъ невольно поддавался тому настроенію, которое хотѣлъ описать въ главномъ лицѣ поэмы. Тутъ особенно любопытны откинутые въ печати эпиграфы *Кавказскаго Плѣнника* [46]), явно указывающіе на собственное элегическое состояніе, которымъ проникнуты и другія его произведенія 1821 года. Уныніе осталось на душѣ отъ неудовлетворенной любви; ожививъ въ своемъ воображеніи жизнь на Кавказѣ и въ Крыму, онъ жалѣетъ о ней, и стремится туда думою. Наконецъ, посылая *Плѣнника* В. П. Горчакову, онъ прямо говоритъ: „характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія*“. Пушкинъ недоволенъ былъ этой новой поэмой, самъ лучше всѣхъ указывалъ на ея недостатки, и все-таки писалъ о *Плѣнникѣ*: „Признаюсь, люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца.“ Мы конечно не имѣемъ полной возможности слѣдить за тайнымъ ходомъ душевныхъ настроеній Пушкина; но смѣемъ догадываться, что страсть, столь пламенная въ Гурзуфѣ, теперь, за недостаткомъ взаимности и вслѣдствіе разлуки, ослабѣла и простыла, оставивъ ему какое-то разоча-

[45]) Соч. Пушкина, VII, 27

Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей,
Я — своему меньшему брату.

[46]) Эпиграфы эти приведены въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 95: одинъ изъ Гете: Gieb meine Jugend mir zurück, и другой изъ итальянскаго, мало у насъ извѣстнаго поэта Пиндемонте: «О счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу сладкой земли своего народа; сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ ему нѣтъ надежды увидѣть снова.» Именно это чувство замѣчаемъ въ Пушкинѣ и когда онъ писалъ *Плѣнника* и еще года два послѣ.

рованіе. Онъ однако очень дорожилъ волновавшимъ его чувствомъ и долго таилъ про себя тѣ поэтическія замѣтки, въ которыхъ оно высказалось.

Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому Плѣннику* послужилъ разсказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника Нѣмцова, человѣка страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ Горцамъ и былъ освобожденъ Черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго Плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому [47]). Можетъ быть также, образъ петербургской актрисы Истоминой, родомъ Черкешенки, за которой Пушкинъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ *Онѣгинѣ*, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Плѣнника.*

Въ первыхъ числахъ марта Пушкинъ уже былъ опять въ Кишиневѣ и жилъ безвыѣздно до мая. Въ эти два мѣсяца онъ много работалъ. Вообще должно замѣтить, что только по наружности жизнь Пушкина могла казаться совершенно праздною и разсѣянною; мы знаемъ, какъ плодотворны бывали для него и самые досуги. Но не одна поэтическая мысль его находилась въ постоянной дѣятельности. Въ тиши своей комнаты онъ часто и много читалъ.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Выше упомянуто о библіотекѣ въ Гурзуфѣ; въ Кіевѣ у Раевскихъ и въ Каменкѣ у Давыдовыхъ безъ сомнѣнія тоже было довольно книгъ. Младшій Раевскій прислалъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ. Въ Кишиневѣ онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, Пущина, и всего чаще у Ивана Петровича Липранди, владѣвшаго въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ книгъ. Въ числѣ разнообразныхъ сочиненій, занимавшихъ Пушкина въ эту пору, прежде всего слѣдуетъ назвать Байрона, съ которымъ онъ началъ знакомство еще въ Петербургѣ, гдѣ учился по-англійски и бралъ для того у Чадаева книжку Газлита: *Разсказы за столомъ* (Hazlite, Table talk [48]). Самъ онъ признается, что, живя въ Кишиневѣ, сходилъ съ ума отъ Байрона. Другимъ его любимцемъ былъ тогда Овидій, котораго онъ читалъ вѣроятно во французскомъ переводѣ, потому что, по его же словамъ, по выходѣ изъ Лицея не раскрывалъ латинской книжки и могъ только

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale.

Элегіи Овидія могли особенно нравиться Пушкину между прочимъ и потому, что въ собственной участи своей онъ любилъ находить нѣкоторое сходство съ судьбою римскаго поэта-изгнанника. Самая близость Овидіополя напоминала о немъ Пушкину.

Обыкновенно Пушкинъ почиталъ осеннее время наиболѣе благопріятнымъ для своихъ литературныхъ работъ; весна, напротивъ, только раздражала его силы и лишала необходимаго для занятій покою. Но 1821-й годъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Ни въ одну весну, сколько знаемъ, ему не случалось трудиться такъ много, какъ этотъ годъ. Погостивъ у Раевскихъ въ Кіевѣ и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, онъ около трехъ мѣсяцевъ сряду прожилъ безвыѣздно въ Кишиневѣ. Тутъ ему вѣроятно приходилось чаще прежняго оставаться дома: М. Ѳ. Орловъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ обыкновенно цѣлые дни, теперь уѣхалъ жениться въ Кіевъ. Можетъ статься, что собранія у Орлова и памятныя вечернія бесѣды въ Каменкѣ, гдѣ обсуживались разные общественные вопросы, заставляли молодаго

[47]) Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго московскаго стихотворца и остряка, Алексѣя Михайловича Пушкина. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (урожд. Воейкова) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это, уже по смерти Александра Сергѣевича. Слышано отъ ея внуки, Марьи Ивановны Постниковой, урожд. Пушкиной.

[48]) Отъ П. Я. Чадаева.

Пушкина пристальнѣе глядѣть на самого себя и въ то же время вообще направляли его мысли къ занятіямъ умственнымъ. Мы знаемъ, что уже въ Лицеѣ онъ начиналъ записывать важнѣйшіе случаи своей жизни [49]), и потомъ, когда одинъ изъ его товарищей (Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ) отправлялся въ кругосвѣтное плаваніе, онъ убѣдилъ его вести записки, и подалъ совѣтъ, какъ слѣдуетъ вести ихъ. По его собственнымъ словамъ, онъ нѣсколько разъ принимался за ежедневныя записки, но отступался изъ лѣности (V, 3). Весною 1821 года видимъ его снова за этою работою, какъ показываютъ уцѣлѣвшіе отрывки тогдашняго дневника его, наприм. „3-го (апрѣля). Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; совсѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.“ (V, 9). Кромѣ того, тогда же въ 1821 году, какъ самъ онъ сказываетъ, начата имъ автобіографія, которою потомъ онъ продолжалъ заниматься нѣсколько лѣтъ сряду. Она, къ несчастію, истреблена; по словамъ самаго Пушкина, въ ней говорилъ онъ „о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства“ (V, 3).

Къ этому же, вѣроятно, времени слѣдуетъ отнести большой отрывокъ статьи его, писанной не для печати, о Россіи въ XVIII столѣтіи: онъ уцѣлѣлъ въ бумагахъ Кишиневскаго пріятеля его Н. С. Алексѣева. Тутъ Пушкинъ широкимъ взглядомъ обозрѣваетъ исторію нашего внутренняго развитія, и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, нельзя довольно надивиться, съ какою мѣткостью, смѣлостью и трезвостью мысли судилъ 22 лѣтній юноша. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что отнятіемъ имѣній у духовенства и ограниченіемъ монастырскихъ доходовъ нанесенъ сильный ударъ просвѣщенію народному. Вообще отрывокъ этотъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не весь изданный, показываетъ, какъ разнообразно и дѣльно было тогдашнее чтеніе Пушкина.

Читалъ онъ большею частію съ перомъ въ рукахъ, очень часто дѣлая про себя разныя замѣтки и выписки.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
. . . . душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Съ какимъ увлеченіемъ Пушкинъ предавался иногда работѣ, видно изъ его обращенія къ своей чернилицѣ:

Какъ часто, другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ.

Тутъ же онъ передаетъ намъ нѣсколько подробностей о самомъ ходѣ своего творчества:

Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный,
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

Это писано 11-го апрѣля 1821 г. и, разумѣется, не для печати. Піеса оканчивается воспоминаніемъ о Чадаевѣ, къ которому въ это самое время Пушкинъ писалъ большое посланіе (начато 6-го, кончено 20 апрѣля), столь замѣчательное не въ одномъ художественномъ смыслѣ, но и какъ душевная исповѣдь. Поэтъ разсказываетъ петербургскому другу о тогдашнемъ своемъ состояніи. Онъ былъ доволенъ этимъ произведеніемъ, и вскорѣ отослалъ его въ Петербургъ, гдѣ оно появилось въ *Сынѣ Отечества* (№ 35), съ полнымъ именемъ Пушкина:

[49]) Отрывки этихъ первоначальныхъ Записокъ Пушкина см. въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 20—23 и 26.

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце
дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ оставилъ я другія заблужденья;
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размыш-
леній.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ
умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ
Богини мира вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись.
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись...

Вообще нельзя не замѣтить, что Пушкинъ какъ-то отрезвѣлъ и успокоился на это время:

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ;
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ.

Пріѣхавъ снова въ Кишиневъ, онъ хочетъ оправдаться передъ друзьями, которые упрекали его за долгое молчаніе. Въ томъ же стихотвореніи къ *Чернильницѣ*, читаемъ:

Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей ...
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хореи
Для прозы почтовой....
Свои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай....
Болтливостью небрежной,
И вѣтреной и нѣжной,
Сердца ихъ утѣшай.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ схваченъ характеръ его дружеской переписки.

Въ это же самое время Пушкинъ посылаетъ Д. В. Давыдову извѣстные стихи:

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ, [50])

возобновляетъ сношенія съ петербургскимъ пріятелемъ своимъ Катенинымъ и 5 апрѣля пишетъ ему письмо со стихами объ актрисѣ Колосовой. Еще раньше, 23 марта, послано большое письмо къ барону Дельвигу, прозой и стихами: „Что до меня, моя радость — пишетъ Пушкинъ между прочимъ — скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Плѣнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, — но что теперь ничего не пишу, а перевариваю воспоминанія, и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?“ „Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ — другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду;

---

[50]) *Уставомъ Наѣздника* Пушкинъ называетъ только что вышедшую тогда книжку Давыдова: *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*. М. 1821 Пушкинъ прочиталъ ее и потому, что цѣнилъ талантъ Давыдова, и потому еще, что военное дѣло было не совсѣмъ чуждо ему: онъ безпрестанно проводилъ время съ офицерами. — Въ посланіи къ Давыдову, говорятъ, есть пропускъ. Пушкинъ легко могъ познакомиться съ Давыдовымъ еще въ Царскомъ Селѣ, въ обществѣ лейбъ-гусаровъ, а потомъ встрѣчаться у его родственниковъ въ Кіевѣ и Каменкѣ.

но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.“ Пушкинъ вѣроятно подозрѣвалъ, что домашніе его станутъ твердить Льву Сергѣевичу, чтобы онъ не бралъ примѣра съ ссыльнаго брата. Между тѣмъ примѣръ былъ соблазнителенъ: Левъ Сергѣевичъ самъ принялся за стихи. Пушкинъ поспѣшилъ остановить его, вѣроятно замѣтивъ тотчасъ же отсутствіе настоящаго дарованія. Въ этомъ случаѣ дружеское чувство не ослѣпляло его, какъ въ отношеніи къ Дельвигу и къ другимъ. Еще отъ 24 сентября 1820 г. онъ писалъ брату: „Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкой, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно.“ — Или въ другомъ письмѣ: „Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ).“ Надо замѣтить, что именно въ концѣ 1820 года Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ, за то, что съ товарищами побилъ одного изъ надзирателей [51]). Это обстоятельство конечно только умножило въ Пушкинѣ сердечное, нѣжное участіе къ судьбѣ брата.

Можетъ быть, вскорѣ послѣ того, и какъ намъ кажется, въ 1821 г., возвратясь изъ Каменки, онъ написалъ къ брату то французское письмо, въ которомъ излагаетъ правила жизни, извлеченныя, какъ онъ говоритъ, изъ собственнаго опыта. Письмо это крайне замѣчательно, не потому чтобы Пушкинъ самъ всегда слѣдовалъ высказаннымъ въ немъ правиламъ, а какъ изложеніе тогдашнихъ его понятій о связяхъ общественныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія были не тверды, и Пушкину случалось измѣнять имъ, но во всякомъ случаѣ они искренни и необыкновенно важны для оцѣнки его. Прежняя жизнь его заставляетъ думать, что онъ дѣйствительно могъ извлечь ихъ изъ собственнаго опыта. Не даромъ лучшіе друзья

[51]) Слышано отъ одного изъ товарищей его, С. А. С—каго.

предостерегали его отъ сношеній со знатью. Приводимъ письмо вполнѣ, въ нашемъ переводѣ. „Въ твои лѣта — пишетъ Пушкинъ — слѣдуетъ подумать объ избираемомъ пути; я говорилъ тебѣ, почему военная служба, по моему мнѣнію, лучше всѣхъ другихъ. Во всякомъ случаѣ твоимъ поведеніемъ на долго опредѣлится и мнѣніе, которое о тебѣ составятъ, и, можетъ быть, твое счастіе.“

„Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самаго начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостью; и тебя не будутъ раздражать мелкіе предразсудки и мелкія страсти, на которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ.

„Будь со всѣми холоденъ; черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были они предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая.

„Не будь угодливъ, и гони отъ себя прочь чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, наклоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ за низость, потому что всегда ради судить о другихъ по себѣ.

„Никогда не принимай благодѣянія. Оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно порабощаетъ и унижаетъ.

„Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя безполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старой обезьяны 18-го вѣка [52]).

[52]) Тоже самое Пушкинъ повторяетъ потомъ въ Онѣгинѣ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ вѣрнѣе ее губимъ

Относительно женщины, которую ты полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

„Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ.

„Коль скоро твое состояніе или обстоятельства не дозволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе.

„Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность.

„Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною изъ горькаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня и чтобъ тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытаешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но я не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни" [53]).

Такъ думалъ или такъ хотѣлъ думать Пушкинъ на 22-мъ году жизни. Столкновенія съ людьми успѣли охолодить отъ природы мягкое и довѣрчивое сердце его. Возвращаясь къ нашему хронологическому разсказу, повторимъ замѣченное выше, что именно въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, т. е. весною 1821 года, видно, какъ Пушкинъ оглядывается на самаго себя, хочетъ привести въ порядокъ и мысли, и отношенія, и дѣла свои. Самая наружность его нѣсколько измѣнилась противу прежняго. До сихъ поръ онъ ходилъ въ молдаванской шапочкѣ или фесѣ, съ обритою головою — слѣдствіе горячки. Теперь, по замѣчанію одного пріятеля, который съ нимъ встрѣтился послѣ трехмѣсячной отлучки, „фесъ замѣнили густыя, темнорусыя кудри, и выраженіе взора получило болѣе опредѣлительности и силы" [54]). Такого рода минуты приходили къ нему довольно часто; но молодость и пылкость брали свое, и онъ мигомъ выбивался изъ ровной колеи жизни.

Тогда жилъ нѣкоторое время въ Кишиневѣ поэтъ *В. Г. Тепляковъ*, впослѣдствіи пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность своими Ѳракійскими элегіями и книгою *Воспоминанія о Болгаріи*. Пушкинъ съ нимъ сблизился. Они вмѣстѣ восхищались Байрономъ. Въ обыкновенной жизни Тепляковъ былъ большой оригиналъ, ходилъ въ какомъ то странномъ нарядѣ, и вездѣ носилъ съ собою тяжелую дубинку съ надписью: *Memento mori*. Пушкинъ прозвалъ его *Мельмотомъ-скитальцемъ* [55]). Тепляковъ также велъ дневникъ и 1 апрѣля 1821 г. записалъ: „Вчера былъ у Александра Сергѣевича. Онъ сидѣлъ на полу и разбиралъ въ огромномъ чемоданѣ

Средь обольстительныхъ сѣтей,
. . . .
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ.
(Онѣгинъ, гл. IV, строфа 7).

Строфа эта появилась въ печати только въ 1828 году, т. е. около семи лѣтъ послѣ того какъ она первоначально создалась въ головѣ поэта.

[53]) Приводимъ отрывки изъ подлинника въ образчикъ того, какъ Пушкинъ владѣлъ тогда французскимъ языкомъ: «Je vous observerai seulement que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle...... Le cynisme dans son apreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité nous rendent ridicules et meprisables.

Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse experience.... Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession. Elle pourra couter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arreterait lorqu'il s'agit de l'interet de votre vie». Письмо напечатано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г. № 1. Тамъ приложенъ и русскій переводъ, но онъ показался намъ не совсѣмъ вѣрепъ.

[54]) См. выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

[55]) *Мельмотъ* — французскій романъ, сочиненіе Maturin. Пушкинъ очень любилъ этотъ романъ и называлъ его геніальнымъ произведеніемъ.—Выдержку изъ записокъ Теплякова см. въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ* 1857 г., № 6, стр. 221 и слѣд.

какія-то бумаги. — „Здравствуй, Мельмотъ, сказалъ онъ, дружески пожимая мнѣ руку; помоги, дружище, разобрать мой старый хламъ, да чуръ не воровать!“ Тутъ были старыя, перемаранныя лицейскія записки Пушкина, разныя неконченныя прозаическія статейки, стихи и письма Дельвига, Баратынскаго, Языкова и другихъ. Болѣе часа разбирали мы всѣ эти бумаги; но разбору конца не предвидѣлось. Пушкинъ утомился, вскочилъ на ноги и схвативъ всѣ разобранныя и неразобранныя нами бумаги въ кучу, сказалъ: „Ну ихъ къ чорту!“, скомкалъ ихъ кое-какъ и втискалъ въ чемоданъ.“

Тепляковъ выпросилъ себѣ на память стихи *Старица-пророчица* и небольшую статью въ прозѣ о Байронѣ. „Что тебѣ за охота возиться съ дрянью, замѣтилъ Пушкинъ: статейка о Байронѣ не помню когда написана; а стихи *Старица—лицейскіе грѣхи*, я писалъ ихъ для Дельвига. Пожалуй возьми ихъ, да чуръ нигдѣ не печатать, разсержусь, прокляну на вѣкъ.“

Замѣтка о Байронѣ важна въ томъ отношеніи, что Пушкинъ хочетъ оправдать своего любимаго поэта отъ обвиненій въ безвѣріи [56]). Впослѣдствіи Пушкинъ ее передѣлалъ, и она появилась въ *Литературной газетѣ* Дельвига (1830, № 53). Любопытно, что Пушкинъ внимательно слѣдилъ за жизнью Байрона и въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ замѣчаетъ: „Байронъ много читалъ и распрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.“ V, 22.

Весною 1821 г. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ событія чрезвычайнаго и имѣвшаго важное историческое значеніе. 11 марта кн. Александръ Ипсиланти, съ толпою сообщниковъ, перешелъ Прутъ, вступилъ въ Молдавію и поднялъ знамя возстанія противъ Турокъ. Можно себѣ представить, какъ много было толковъ въ Кишиневѣ, когда этотъ флигель-адъютантъ русской службы, пріятель М. Ѳ. Орлова, пошелъ воевать съ цѣлою Турецкою имперіею. Многіе не могли повѣрить, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ понялъ и оцѣнилъ всю важность начальнаго греческаго движенія. „2 апрѣля, вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка — отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. — Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками я одинъ говорилъ какъ Грекъ. Всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи; я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ и что 2,500,000 Турокъ [57]) оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владимиреско не имѣетъ другаго достоинства кромѣ храбрости необыкновенной; храбрости достанетъ и у Ипсиланти.“ V, 9. Въ Кишиневѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Русскіе баталіоны, подъ начальствомъ Болховскаго, разставлены были на самомъ Прутѣ, на другомъ берегу котораго происходила знаменитая схватка подъ Скулянами, и все это въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Кишинева. Война съ Турціей казалась неизбѣжною; отношенія къ ней держались на волоскѣ. Г. Анненковъ, имѣвшій доступъ къ бумагамъ Пушкина, говоритъ (Матеріалы, стр. 95), что онъ велъ журналъ греческаго возрожденія, но что вскорѣ бросилъ его. Если это было дѣйствительно такъ, то можетъ быть этотъ журналъ впослѣдствіи пригодился Пушкину для его статьи объ одномъ изъ участниковъ молдавскаго движенія, Кирджали. Въ ней находятся лю-

[56]) „Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“ VII, 154. Статейка о Байронѣ можетъ послужить образчикомъ тѣхъ замѣчаній и отмѣтокъ, которыми Пушкинъ часто сопровождалъ свое чтеніе.

[57]) Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина напечатано 25,000,000; странно, что не замѣтили этой опечатки: Пушкинъ не могъ не знать, что въ Европейской Турціи нѣтъ такого числа Турокъ.

бопытнѣйшія подробности, собранныя и записанныя очевидно изъ первыхъ рукъ. Ипсиланти изображенъ именно такъ, какъ его послѣ обличила исторія. Набросанное Пушкинымъ описаніе дѣла подъ Скулянами имѣетъ всѣ достоинства подлинной исторической записки [58]). Разсказывая про арнаутовъ, бѣжавшихъ въ Россію послѣ молдавскаго разгрома, Пушкинъ прибавляетъ: „Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ.“ V, 495.

Греки были разбиты, Молдавія успокоилась, и Русскія войска не двинулись въ походъ, какъ можно было ожидать. Наступило затишье, и Пушкинъ опять соскучился въ Кишиневѣ. Его живому нраву необходима была частая смѣна впечатлѣній. Еще въ мартѣ 1821 г. онъ пишетъ Дельвигу: „Скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.... разнообразіе спасительно для души.“

Въ половинѣ мая видимъ его въ Одессѣ. Просто ли захотѣлось ему воспользоваться близостью и взглянуть на новый, веселый городъ, или ѣздилъ онъ туда для морскаго купанья, до котораго былъ великой охотникъ, только Инзовъ далъ ему новый отпускъ, и 15 мая, какъ показываютъ его тетради, онъ пишетъ въ Одессѣ эпилогъ къ *Кавказскому Плѣннику* и посвященіе поэмы Н. Н. Раевскому-сыну (Матеріалы Анненкова, стр. 80). Поэма дѣйствительно принадлежала Раевскимъ, хотя Пушкинъ и замѣчаетъ: „Н. и А. Раевскіе и я мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.“ V, 29. Посвященіе *Кавказскаго Плѣнника*, кажется намъ, по стиху довольно небрежно и слабо въ сравненіи съ самою поэмою.

Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили;
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Намъ ничего не извѣстно объ этой первой поѣздкѣ Пушкина въ Одессу; вѣроятно она была не продолжительна [59]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, именно 18-го числа, 1821 года, въ Кишиневъ пришло извѣстіе о смерти Наполеона (23 апрѣля ст. стиля). Намъ теперь трудно составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ. Чудесный примѣръ его возбуждалъ отвагу въ молодыхъ людяхъ; ибо никакое начинаніе не было дерзкимъ въ сравненіи съ его поприщемъ. Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ, и въ Лицеѣ писалъ стихи по случаю возвращенія его съ острова Эльбы. Съ нашествіемъ Французовъ, лично для Пушкина, связывались яркія воспоминанія его лицейской жизни. Теперь, когда не стало этого *властителя его думъ*, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что̀ накопилось въ теченіи лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи *Чудесный жребій совершился* по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ-то въ родѣ оды. Что касается внутренняго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ, ни тогда, ни долго послѣ, не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлыя томы русскихъ стихотвореній о немъ, и Пушкину

---

[58]) Нѣкоторыя черты этого разсказа были переданы Пушкину В. П. Горчаковымъ, который по распоряженію начальства ѣздилъ подъ Скуляны для собранія свѣдѣній о происходившемъ сраженіи

[59]) Вѣроятно, онъ тогда же заѣзжалъ въ Аккерманъ и Овидіополь. Въ *Полярной Звѣздѣ*, 1823 года, въ Обозрѣніи русской словесности (стр. 25), Бестужевъ своимъ кудрявымъ слогомъ выражается про *Кавказскаго Плѣнника*, что онъ писанъ „въ виду сѣдовласаго Кавказа и на могилѣ Овидіевой“.

пришлось писать на эту по видимому избитую тему [60]). Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное. Высоко нравственная мысль оды уже одна дѣлаетъ величайшую честь поэту. Въ послѣдней строфѣ онъ захотѣлъ придать кончинѣ Наполеона современный политическій смыслъ. Впрочемъ эту послѣднюю идею, о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ думалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ, но по справедливому замѣчанію Анненкова, принадлежитъ несомнѣнно къ тому же времени и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человѣка. Этотъ превосходный отрывокъ стихотворенія, въ которомъ Наполеонъ сопоставленъ съ императоромъ Александромъ, и какъ можно навѣрное догадываться, долженъ былъ передать ему завѣщаніе о свободѣ міра, особенно любопытенъ для насъ тѣми строфами, въ которыхъ описана физіономія Наполеона. Они показываютъ, какъ Пушкинъ прилежно вглядывался въ его портреты, и какъ глубоко его образъ запечатлѣлся въ душѣ нашего поэта:

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей,
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученьемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго—по манію царей.
Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Не изданныя доселѣ первыя, прекраснѣйшія строфы отрывка свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ слѣдилъ внимательно за современными событіями. Самую мысль подалъ ему отчасти Жуковскій въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 1816 году для праздника англійскаго посла лорда Каткарта, который торжествовалъ тогда годовщину отреченія Наполеона:

И все, что̀ рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла [61]).

Пѣвецъ мира и любви, Жуковскій какъ будто совѣстился обращаться съ упреками къ великому, и еще живому человѣку и не захотѣлъ потомъ перепечатать этой піесы въ собраніяхъ своихъ сочиненій. Сто̀итъ замѣтить, что тѣнь Наполеона преслѣдовала лучшихъ русскихъ поэтовъ: кромѣ Пушкина, который нѣсколько разъ обращался къ нему, Наполеонъ внушилъ лучшія произведенія Лермонтову, Тютчеву и Хомякову. Оно и понятно: русскимъ людямъ легче другихъ оцѣнить великое явленіе западнаго міра. Имъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ честь безпристрастія: въ стихахъ названныхъ поэтовъ о Наполеонѣ нѣтъ и слѣдовъ народной ненависти, и господствуетъ полное примиреніе съ прошедшимъ. Возвращаясь къ Пушкину, надо сказать, что онъ долго не хотѣлъ напечатать своего стихотворенія, сокращалъ и исправлялъ его, и выпустилъ въ свѣтъ только въ 1826 г. въ первомъ собраніи стиховъ своихъ.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, гдѣ былъ и какъ проводилъ время Пушкинъ въ теченіи остальнаго лѣта и въ началѣ

---

60) См. *Сынъ Отечества* 1814, № 41.

Одомаратели всѣ сдѣлались судьями,
И каждый произнесъ свой строгій приговоръ,
Какъ нынѣ водится, Наполеону.
«Сорвемъ съ него корону!»
— Повѣсимъ! — Нѣтъ, сожжемъ!
Нѣтъ, это жестоко̀! Въ Каенну отвеземъ!...
.... Нѣтъ, сказалъ насмѣшливый Филонъ,
Вы съ большей лютостью дни изверга скончайте,
На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте:
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ!

61) Г. Анненковъ напечаталъ эти превосходные стихи въ 7-мъ томѣ сочиненій Пушкина, и при томъ въ искаженномъ видѣ: вѣроятно онъ такъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ Пушкина. Весьма правдоподобно предположеніе, высказанное въ *Библіографическихъ Запискахъ*, что когда Пушкинъ сочинялъ своего Наполеона, ему пришли въ голову стихи Жуковскаго, и онъ написалъ ихъ для себя, довѣряя единственно памяти; оттого и вышли ошибки.— Стихи эти вошли уже въ посмертное изданіе сочиненій Жуковскаго.

осени 1821 года. Всего вѣроятнѣе, онъ продолжалъ жить въ Кишиневѣ, куда тогда возвратился М. Ѳ. Орловъ съ молодою супругою, и гдѣ, кажется, были сборы и смотры войскъ. Пушкинъ куда-то собирался въ дорогу, какъ видно по выраженію въ его письмѣ къ брату отъ 27 іюня 1821 г.: „Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишиневѣ.". „Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности—продолжаетъ Пушкинъ:—Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ *С. О.* прошлаго года [62])? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится, ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно." Надо напомнить читателямъ, что изо всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ только одинъ Ѳ. Н. Глинка печатно выразилъ свое сочувствіе ссыльному поэту, въ особомъ посланіи къ нему, появившемся въ *Сынѣ Отечества* 1820 г. (№ 38).

Кто-то другая сдѣлалась предметомъ любви Пушкина, и онъ снова въ грустномъ расположеніи: 23 августа этого года написана элегія:

Умолкну скоро я, но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью ...

и потомъ, въ ночь съ 24 на 25 августа, тоже элегическіе стихи:

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ,
И юности моей мятежное теченье ...
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній,
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я. ..

Мы остановились на осени 1821 года. Пушкинъ въ это время обжился въ Кишиневѣ. Хотя мысли его постоянно рвались въ Петербургъ, и онъ безпрестанно ждалъ оттуда благопріятныхъ для себя вѣстей, но эта надежда получить свободу не оправдывалась; до поры до времени онъ повидимому мирился съ своимъ положеніемъ, и часто всею душою отдавался мѣстнымъ интересамъ. Понятіе о тогдашнемъ Кишиневѣ можно отчасти составить вообще по нашимъ губернскимъ городамъ: таже жажда новостей съ сѣвера, тоже усердіе слѣдовать во всемъ послѣдней модѣ, тѣ же мелочи и иногда сплетни во взаимныхъ отношеніяхъ. Но городъ, какъ мы уже замѣтили, былъ довольно оживленъ, благодаря пестротѣ полуевропейскаго народонаселенія, благодаря своему положенію почти на границѣ имперіи, и военному постою. Тамъ былъ и театръ и музыканты, и безпрестанно устроивались вечеринки и балы. Пушкинъ въ первый разъ въ жизни очутился въ такого рода средѣ, и съ любопытствомъ сталъ наблюдать эту губернскую жизнь. Гдѣ только собиралось большое общество, онъ былъ тутъ. Въ отношеніи къ Молдаванамъ-боярамъ, первымъ лицамъ мѣстнаго населенія, Пушкинъ не умѣлъ иногда скрывать чувствъ своего превосходства и не въ силахъ бывалъ также удерживаться отъ врожденной ему, русской насмѣшливости; но все же онъ посѣщалъ ихъ за неимѣніемъ другаго общества въ этомъ родѣ, а нѣкоторыхъ, напримѣръ семействъ Варѳоломея, даже и любилъ за простую привѣтливость и радушное гостепріимство. Разсказываютъ также, что онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ какого-то кишиневскаго негоціанта *В. А. К—ва*, и въ альбомѣ дочери его, Нины Вонифатьевны, вышедшей потомъ за г. *Попандопуло*, сохранились хвалебные (но плохіе) стихи его, писанные 30 октября 1820 года [63]). Не рѣдко хаживалъ онъ также обѣдать къ вице-губернатору Крупянскому, жена котораго, Екатерина Христофоровна, жила и кормила по-русски, что не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоѣдали плацинды и каймаки другихъ кишиневскихъ хлѣбосоловъ. Эта

---

[62]) Въ этихъ вопросахъ изложена была критика на Руслана и Людмилу. *Сынъ Отечества* 1820, ч. 44. Они написаны Д. П. Зыковымъ, см. у Анненкова, Матеріалы, стр. 67.

[63]) См. статью г. Грена въ *Общезаним. Вѣстникѣ*. 1857 г. № 1, стр. 25. Тамъ приведено и большое стихотвореніе это, не попавшее въ собранія сочиненій Пушкина; впрочемъ стихи такъ слабы, что не вѣрится, какъ могъ ихъ написать Пушкинъ.

Крупянская, изъ царскаго рода Комненовъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и въ полутурецкомъ Кишиневѣ сохраняла привычки любезной Пушкину Петербургской жизни. Пушкинъ между прочимъ забавлялся сходствомъ своего лица съ ея восточною физіономіею. Бывало, разказываетъ В. П. Горчаковъ, нарисуетъ Крупянскую—похожа; разчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выйдетъ самъ онъ; на ту же голову накинетъ карандашемъ чепчикъ—опять Крупянская.

Одна изъ родственницъ Крупянскаго (урожденная Мило), была за чиновникомъ горнаго вѣдомства, статскимъ совѣтникомъ Эльфректомъ, и слыла красавицей. Пушкинъ хаживалъ къ нимъ и нѣкоторое время былъ очень любезенъ съ молоденькою женою нумизмата, въ которую влюбился и его пріятель Н. С. Алексѣевъ и которая, окружая себя разными родственниками Молдаванами и Греками, желала казаться равнодушною къ русской молодежи. Эти отношенія послужили поводомъ посланію Пушкина къ Алексѣеву:

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты.

У молодой Эльфректъ была племянница Зоя, дѣвушка не очень привлекательной наружности. Пушкинъ, обращаясь къ Эльфректъ, писалъ:

Ни блескъ ума, ни стройность платья,
Не могутъ васъ обворожить:
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда Зоя—
Женюсь и буду вамъ родня.

Дальше слѣдовали такія подробности, что уже нельзя было отдать стиховъ той, кому они назначались [64].

Кромѣ того, временными предметами вниманія, а иногда и минутной любви Пушкина въ Кишиневѣ была молодая молдованка *Россети*, которой ножки, какъ всѣ увѣрены тамъ, будто воспѣты въ первой главѣ Онѣгина, потомъ *Пульхерія Егоровна Варѳоломей*, вышедшая за греческаго консула въ Одессѣ г. Мано; дѣвица *Прункулъ* и другія.

Случаи къ любезностямъ и болтовнѣ съ женщинами, до которой Пушкинъ всегда былъ большой охотникъ, всего чаще представлялись въ танцахъ. Пушкинъ охотно и много танцовалъ. Ему нравились эти пестрыя собранія, гдѣ турецкая чалма и венгерка появлялись рядомъ съ самыми изысканными, выписанными изъ Вѣны, нарядами. Въ Кишиневѣ тогда славились и приглашались на всѣ вечера домашніе музыканты боярина Варѳоломея, изъ цыганъ. „Въ промежуткахъ между танцами — разсказываетъ В. П. Горчаковъ — они пѣли, акомпанируя себѣ на скрипкахъ, *кобзахъ* и *тростянкахъ*, которыя Пушкинъ по справедливости называлъ цѣвницами. И дѣйствительно, устройство этихъ тростянокъ походило на цѣвницы, какія мы привыкли встрѣчать въ живописи и ваяніи.... Пушкина занимала извѣстная молдаванская пѣсня *тю юбески пити-масура*, и еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ прислушивался онъ къ другой пѣсни *ардема, фридема*, съ которою породнилъ насъ своимъ дивнымъ подражаніемъ въ поэмѣ Цыганы: *Жги меня, рѣжь меня.* Его занимала и *мититика*—пляска съ пѣніемъ, но въ особенности такъ называемый *сербешти*" (сербская пляска) [65]. Пушкинъ попросилъ кого-то положить на ноты упомянутую цыганскую пѣсню, и впослѣдствіи напечаталъ эти ноты [66].

Кстати о балахъ и танцахъ. Въ Кишиневѣ до сихъ поръ Пушкину приписываютъ разные стишки, и въ томъ числѣ слѣдующіе, которые мы приводимъ, потому что, хотя они вѣроятно и не его, но отчасти изображаютъ тамошнее общество:

Музыка Варѳоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,

---

[64]) См. Выдержки изъ Дневника В. П. Гочакова.

[65]) См. Воспоминанія В. П. Горчакова въ *Москов. Вѣдомостяхъ*. 1858 г. № 19.

[66]) Въ *Москов. Телеграфѣ* 1825 г., № 21, гдѣ была помѣщена пѣсня Земфиры. *Телеграфъ* замѣтилъ при этомъ: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

И играй на славу *джокъ*.
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой [67]).

Катакази—губернаторъ; *Стамо*, урожденная Симфераки—супруга одного дипломатическаго чиновника.

Вотъ еще стихи, уже въ самомъ дѣлѣ Пушкинскіе. Они принадлежатъ собственно къ январю 1823 года, но этого рода отношенія оставались одни и тѣже. Прошелъ слухъ, что въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Варѳоломей намѣренъ дать большой балъ и пригласить славныхъ музыкантовъ Якутскаго полка (стоявшаго передъ тѣмъ съ Воронцовымъ въ Мобежѣ). Пушкина, какъ и всѣхъ, занималъ этотъ балъ, и желая разузнать о немъ, онъ писалъ В. П. Горчакову записку:

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что̀ будетъ въ понедѣльникъ,
Что̀ скажетъ нашъ Варѳоломей [68]).

Выше замѣчено, что оживленію Кишинева много способствовали стоявшія въ немъ войска. Пушкинъ по цѣлымъ днямъ проводилъ съ офицерами генеральнаго штаба и 16-ой дивизіи, и близко познакомился съ военнымъ бытомъ. „Жизнь армейскаго офицера извѣстна, разсказываетъ онъ въ повѣсти *Выстрѣлъ* (черты которой очевидно принадлежатъ Кишиневу). Утромъ ученье, манежъ, обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ—пуншъ и карты." Но осенью 1821 года, эта жизнь, хотя и шумная, но довольно однообразная, вдругъ получила новое движеніе и заволновалась. Пронесся слухъ, что войска двинутся въ походъ, и что объявлена будетъ война съ Турціей. Этой войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ, всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за Грековъ, которые тогда начали борьбу уже въ самой Греціи и на островахъ Архипелага. На недавнемъ конгрессѣ въ Люблянахъ (Лайбахѣ) Меттернихъ едва-едва успѣлъ отвести глаза императору Александру отъ Греціи. Слухи о войнѣ взволновали Кишиневъ и Пушкина. 29 ноября пишетъ онъ стихи *Война*, изъ которыхъ можно заключать, что, по крайней мѣрѣ на ту минуту, вспыхнуло въ немъ давнишнее желаніе поступить въ военную службу:

Родишься ль ты во мнѣ слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою завладѣла....
Что жь медлитъ ужасъ боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?...

Стихи эти появились въ печати, черезъ полтора года, безъ подписи.

Войны сверхъ чаянія опять не было. Русскіе полки, собранные у границъ имперіи и уже давно находившіеся въ полномъ составѣ и на такъ называемомъ военномъ положеніи, остались на своихъ мѣстахъ. Кишиневская, для Пушкина довольно скучная, жизнь вошла въ прежнюю ровную колею.

Значительную долю времени Пушкинъ отдавалъ картамъ. Тогда игра была въ большомъ ходу и особливо въ полкахъ. Пушкинъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ: всякая быстрая перемѣна, всякая отвага были

---

[67]) См. статью Зеленецкаго, въ Москвит. 1854 г., № 9. Молдаванскій танецъ называется *джокъ*, а не *дрокъ*, какъ тамъ напечатано.

[68]) См. Воспоминанія В. П. Горчакова. Надо припомнить, что домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, стоялъ почти на пустырѣ, и къ воротамъ надо было проходить довольно далеко.

ему по душѣ; онъ пристрастился къ азартнымъ играмъ и во всю жизнь потомъ не могъ отстать отъ этой страсти. Она разжигалась въ немъ надеждою и вѣроятностью внезапнаго большаго выигрыша, а денежныя дѣла его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи онъ еще ничего не выручалъ, и приходилось жить жалованьемъ и скудными присылками изъ родительскаго дому. Играть Пушкинъ началъ, кажется, еще въ лицеѣ; но скучная, порою, жизнь въ Кишиневѣ сама подводила его къ зеленому столу.

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
Ни Ѳебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта,
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта,
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все тотъ же, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.

Играли обыкновенно въ штосъ, въ экарте, но всего чаще въ банкъ. Однажды Пушкину случилось играть съ однимъ изъ братьевъ З., офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ замѣтилъ, что З. играетъ навѣрное и, проигравъ ему, по окончаніи игры, очень равнодушно и со смѣхомъ сталъ говорить другимъ участникамъ игры, что вѣдь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти конечно разнеслись, вышло объясненіе, и З. вызвалъ Пушкина драться. Это былъ второй поединокъ въ жизни поэта [69]). Противники отправились на такъ называемую *малину*, виноградникъ за Кишиневымъ. Пушкина не легко было испугать; онъ былъ храбръ отъ природы и старался воспитывать въ себѣ это чувство. Не даромъ онъ записалъ для себя одно изъ наставленій кн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.“ Еще въ лицеѣ учился онъ стрѣльбѣ въ цѣль, и въ стѣнахъ кишиневской комнаты своей насаживалъ пулю на пулю.—Подробности этого поединка, сколько извѣстно, втораго въ жизни Пушкина, намъ неизвѣстны; но нѣкоторыя обстоятельства его онъ самъ передавалъ въ повѣсти *Выстрѣлъ*, вложивъ разсказъ въ уста Сильвіо и приписавъ собственныя дѣйствія молодому талантливому графу. „Это было на разсвѣтѣ — разсказываетъ Сильвіо — я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника.... Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ.... Онъ стоялъ подъ писто-

[69]) Первый, по выходѣ изъ лицея, около 1818 года, съ лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, котораго Пушкинъ очень любилъ, но надъ которымъ часто подшучивалъ. Кюхельбекеръ, какъ и многіе тогдашніе молодые стихотворцы, хаживалъ къ Жуковскому, и отчасти надоѣдалъ ему своими стихами. Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: „Я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома“. Это разсмѣшило Пушкина, я онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно—
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И Кюхельбекерно и тошно.

Выраженіе *мнѣ Кюхельбекерно* сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуели. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: стрѣляй, стрѣляй! Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились. (Изъ Записки о дуеляхъ Пушкина, написанной В. И. Далемъ вскорѣ послѣ кончины Пушкина). Яковъ—слуга Жуковскаго.

летомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня." И дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ и въ томъ числѣ В. П. Горчакова, бывшаго тогда въ Кишиневѣ, на поединокъ съ З. Пушкинъ явился съ черешнями и завтракалъ ими, пока тотъ стрѣлялъ. Но З. поступилъ не такъ, какъ герой Пушкинской повѣсти Сильвіо. Онъ стрѣлялъ первый и не попалъ. „Довольны вы?", спросилъ его Пушкинъ, которому пришелъ чередъ стрѣлять. Вмѣсто того, чтобы требовать выстрѣла З. бросился съ объятіями. „Это лишнее", замѣтилъ ему Пушкинъ, и не стрѣляя удалился [70]). Эту послѣднюю подробность (не называя противника) приводитъ и В. И. Даль въ своей замѣткѣ о кончинѣ Пушкина [71]).

Поединокъ съ З., разумѣется, тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго говора, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общемъ мнѣніи. Но Инзовъ, по должности, не имѣлъ права оставить этотъ случай безъ вниманія, и можетъ быть въ видѣ наказанія, и желая на время удалить Пушкина изъ Кишинева, отправилъ его, вѣроятно съ какимъ-нибудь служебнымъ порученіемъ, въ Акерманскія степи. Впрочемъ навѣрное мы этого не знаемъ, а только заключаемъ такъ по ходу дѣлъ. Несомнѣнно одно, что Пушкинъ, въ исходѣ 1821 г., видѣлъ устья Днѣстра, былъ въ Акерманѣ и противолежащемъ Овидіополѣ. Старинная Акерманская крѣпость расположена на мысу, который выдается въ Днѣстровскій лиманъ, и съ двухъ сторонъ омываема волнами, отражающими ея высокія башни. Видъ на лиманъ необыкновенно хорошъ. Н. И. Надеждинъ, посѣтившій эти мѣста лѣтъ черезъ двадцать, говоритъ, что одинъ учитель Акерманскаго уѣзднаго училища показывалъ ему прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ цѣлую ночь, и что башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. „Не потому ли, прибавляетъ онъ, что поэтъ здѣсь, можетъ быть, велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнію Овидія? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о Римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ" [72]).

Но мы знаемъ, что Овидій уже давно занималъ Пушкина. Еще въ посланіи къ Чадаеву, въ апрѣлѣ 1821 г. онъ уже поминаетъ его. Сочиненія Овидія вѣроятно были съ нимъ въ Акерманѣ. Какъ внимательно читалъ онъ ихъ, видно между прочимъ изъ примѣчанія къ первой главѣ Онѣгина и изъ критической статьи его въ *Современникѣ* о стихотвореніяхъ Теплякова, который также обращался къ тѣни Овидіевой. Изъ сочиненій Овидія послѣ Превращеній онъ отдаетъ особенное предпочтеніе Понтійскимъ элегіямъ. „Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы!... Овидій добродушно признается, что онъ и съ молоду не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечь при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. Lib. IV, El. I.)». При стихахъ своихъ къ Овидію Пушкинъ замѣчаетъ, сколько лѣтъ Овидій прожилъ въ изгнаніи. Стихотвореніе вышло плодомъ изученія; оттого-то онъ такъ любилъ его и предпочиталъ даже Наполеону. Въ немъ дѣйствительно много задушевности. „Каковы стихи къ Овидію?— пишетъ Пушкинъ къ брату по выходѣ ихъ въ свѣтъ — душа моя, и *Русланъ* и *Плѣнникъ* и *Noel*, и все дрянь въ сравненіи съ ними". Въ нѣкоторыхъ стихахъ, обращенныхъ къ Овидію, слышится намекъ на собственную участь сочинителя, отчего, можетъ быть, въ печати Пушкинъ не выставилъ подъ нимп своего имени (въ *Полярной Звѣздѣ* 1823 г.).

Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизустъ;
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ...
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните!

Около этого времени Пушкинъ дѣйствительно хлопоталъ о помилованіи и писалъ

[70]) Со словъ В. П. Горчакова.

[71]) *Москов. Медицин. Газета* 1860 г., № 49.

[72]) *Одесскій Альманахъ* 1840 г., стр. 330.

въ Петербургъ, чтобы ему выпросили позволеніе возвратиться въ столицу.

Подъ стихами къ Овидію выставлено 1821, декабря 26 г. Что они писаны на предполагаемомъ мѣстѣ Овидіевой ссылки, видно изъ самаго стихотворенія.

Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ:
Ужь пасмурный декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце яркое катилось надо мною.

Поѣздка въ Акерманъ была непродолжительна, и къ новому году Пушкинъ возвратился въ Кишиневъ: его видѣли въ толпѣ офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ, 1-го января 1822 года, на достопамятномъ праздникѣ, о которомъ мы говорили выше, и которымъ М. Ѳ. Орловъ открывалъ устроенный имъ манежъ своей дивизіи [73]). На святкахъ Кишиневъ особенно оживился, и Пушкинъ не пропустилъ случая потанцовать и повеселиться. Но вскорѣ по возвращеніи ему опять пришлось драться. На этотъ разъ противникомъ его былъ человѣкъ достойный и всѣми уважаемый. Это былъ полковникъ и командиръ егерскаго полка *Семенъ Никитичъ Старовъ*, извѣстный въ арміи своею храбростью въ отечественную войну и въ заграничныхъ битвахъ. Старовъ вступился за своего офицера, котораго по его мнѣнію оскорбилъ Пушкинъ. Дѣло было такъ. На вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, которое служило мѣстомъ общественныхъ собраній, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ играть русскую кадриль; но Пушкинъ еще раньше условился съ А. П. Полторацкимъ начинать мазурку, захлопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, даромъ что онъ былъ не военный, и мазурка началась. Полковникъ Старовъ все это замѣтилъ, и подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ по крайней мѣрѣ извинился передъ нимъ. Застѣнчивый молодой человѣкъ началъ мяться, и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ. „Ну такъ я за васъ поговорю", возразилъ полковникъ, и послѣ танцевъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣдствіе которыхъ на другой день положено быть поединку.

Они стрѣлялись верстахъ въ двухъ за Кишиневымъ, утромъ въ девять часовъ. Секундантомъ Пушкина былъ Н. С. Алексѣевъ, а однимъ изъ совѣтниковъ и распорядителей И. П. Липранди, мнѣніемъ котораго поэтъ дорожилъ въ подобныхъ случаяхъ (вспомнимъ опять, что повѣсть *Выстрѣлъ* слышана отъ Липранди). Но погода помѣшала дѣлу; противники два раза принимались стрѣлять, и стало быть вышло четыре промаха: мятель съ сильнымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно. Положили отсрочить поединокъ, и тутъ-то Пушкинъ, по дорогѣ, заѣхавъ къ А. П. Полторацкому и не заставъ его дома, написалъ экспромтъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по всей Россіи и повторяемый съ разными измѣненіями:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не конченъ [74]).

Незнавшіе подробностей дѣла, говорили, будто Пушкинъ не захотѣлъ воспользоваться

[73]) Отъ В. П. Горчакова.

[74]) Изъ Воспоминаній В. П. Горчакова и вышеупомянутой записки В. И. Даля, который впрочемъ разсказываетъ нѣсколько иначе (онъ записывалъ съ чужихъ словъ): «На балѣ, гдѣ обращеніе гораздо вольнѣе нашего, полуевропейская образованность, барыни въ модныхъ вѣнскихъ нарядахъ, мущины въ чалмахъ и огромныхъ шапкахъ,—Пушкинъ разшалился. Онъ взялъ даму на вальсъ, и захлопавъ кричалъ музыкантамъ: вальсъ, вальсъ! Офицеръ подошелъ съ замѣчаніемъ, что будутъ танцовать не вальсъ, а мазурку. Пушкинъ отвѣчалъ: «Ну, я вальсъ, а вы мазурку»; музыка заиграла, и Пушкинъ провальсировалъ».

своимъ выстрѣломъ и, разрядивъ пистолетъ на воздухъ, воскликнулъ:

Полковникъ Старовъ,
Слава Богу, здоровъ.

Къ счастію поединокъ не возобновлялся. Полторацкому съ Алексѣевымъ удалось свести противниковъ въ ресторацій Николетти. „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ", сказалъ Пушкинъ. „И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ въ свою очередь Старовъ; я долженъ сказать по правдѣ, что вы также хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете". Такой отзывъ храбраго человѣка, участника 1812 года, не только обезоружилъ Пушкина, но привелъ его въ восторгъ. Онъ кинулся обнимать Старова, и съ этихъ поръ считалъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько дней, въ той же ресторацій, молодые молдаване, играя на биліардѣ и толкуя о недавней дуели, позволили себѣ обвинять Старова въ трусости. Пушкинъ, игравшій тутъ же, тотчасъ имъ замѣтилъ, что онъ не потерпитъ такихъ отзывовъ, и что впередъ будетъ считать ихъ для себя личною обидою [75]). Но въ городѣ не всѣ знали о примиреніи Старова съ Пушкинымъ; о каждомъ изъ противниковъ разнеслись двусмысленные слухи, изъ которыхъ для Пушкина выросла новая и крайне непріятная исторія.

Между кишиневскими помѣщиками-молдаванами, съ которыми велъ знакомство Пушкинъ, былъ нѣкто Балшъ. Жена его, еще довольно молодая женщина, вездѣ вывозила съ собою, не смотря на ранній возрастъ, дѣвочку-дочь, лѣтъ 13. Пушкинъ за нею ухаживалъ. Досадно ли это было матери, или можетъ быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то разсердилась и стала къ нему придираться. Тогда въ обществѣ много говорили о какой-то ссорѣ двухъ молдаванъ: имъ слѣдовало драться, но они не дрались. „Чего отъ нихъ требовать! замѣтилъ какъ-то Липранди, у нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человѣкъ, да ихъ руками отдубасить противника". Пушкина очень забавлялъ такой легкій способъ отмщенія. Вскорѣ, у кого-то на вечерѣ, въ разговорѣ съ женою Балша, онъ сказалъ: „Экая тоска! хоть бы кто нанялъ подраться за себя!" Молдаванка вспыхнула. „Да вы деритесь лучше за себя", возразила она. — Да съ кѣмъ же? — „Вотъ хоть съ Старовымъ; вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили". На это Пушкинъ отвѣчалъ, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ съумѣлъ бы поговорить съ нимъ; потому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея Пушкинъ идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызываетъ его и объясняетъ въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ распросить жену, но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей. „Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену", сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомѣріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша [76]). Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха вышла страшная, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію Крупянскаго и П. С. Пущина (который командовалъ тогда дивизіей за отъѣздомъ Орлова), Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый молдаванинъ, и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?" Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину, и вслѣдъ за тѣмъ вынулъ пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пущину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ, блѣднаго какъ полотно и улыбающагося. Инзовъ посадилъ

---

[75]) Тамъ же.

[76]) См. въ повѣсти *Выстрѣлъ* (стр. 171): «Офицеръ почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ, схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара».

его подъ арестъ на двѣ недѣли; чѣмъ дѣло кончилось, не знаемъ. Дуели не было, но еще долго послѣ этого Пушкинъ говорилъ, что не рѣшается ходить безъ оружія, на улицахъ вынималъ пистолетъ и съ хохотомъ показывалъ его встрѣчнымъ знакомымъ [77]).

Возмутительную исторію Пушкина съ Балшемъ мы относимъ къ февралю мѣсяцу 1822 г. Она произошла, какъ можно соображать по разсказамъ о ней, около масляницы. И такъ, въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, три исторіи, три вспышки необузданнаго, африканскаго нрава: въ исходѣ 1821 года поединокъ съ З. изъ-за картъ, въ генварѣ 1822-го съ Старовымъ изъ за свѣтскихъ отношеній. Можно себѣ представить, сколько въ Кишиневѣ пошло толковъ, какъ возмущались всѣ степенные люди поведеніемъ молодаго человѣка, каково было кишиневскимъ молдаванамъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго имъ въ лицѣ Балша. Пушкина стали бояться въ городѣ. Но за него былъ его добрый начальникъ, приставлявшій часовыхъ къ его комнатѣ, присылавшій ему книгъ для успокоенія и развлеченія. Инзовъ и еще нѣсколько человѣкъ въ Кишиневѣ хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что прощать его увлеченія. За безпорядочною жизнью, за необузданностью нрава, за дерзкими рѣчами не скрывалось отъ нихъ существо, необычайно умное и свыше одаренное. Дѣло въ томъ, что уже въ это время въ Пушкинѣ замѣтно обозначилось противорѣчіе между его вседневною жизнью и художественнымъ служеніемъ. Уже тогда въ немъ было два Пушкина, одинъ—Пушкинъ-человѣкъ, а другой — Пушкинъ-поэтъ. Это раздвоеніе онъ хорошо сознавалъ въ себѣ; порою, оно должно было мучить его, и отсюда-то, можетъ быть, меланхолическій характеръ его пѣсенъ, та глубокая симпатическая грусть, которая примѣшивается почти ко всему, что̀ ни писалъ онъ, и которая невольно вызываетъ участіе въ читателѣ. Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался, и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Справедливо отзывались близкіе друзья его, что его задушевныя бесѣды стоили многихъ его печатныхъ сочиненій, и что нельзя было не полюбить его, покороче узнавши. Но, по замѣчательному, и въ психологическомъ смыслѣ чрезвычайно важному побужденію, которое для поверхностныхъ наблюдателей могло казаться простымъ капризомъ, Пушкинъ какъ будто вовсе не заботился о томъ, чтобы устранять названное противорѣчіе; напротивъ прикидывался буяномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ. Это состояніе души можно бы назвать *юродствомъ поэта*. Оно замѣчается въ Пушкинѣ до самой его женитьбы, и можетъ быть еще позднѣе. Началось оно очень рано, но становится ярко замѣтнымъ въ описываемую нами пору. „Какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? — пишетъ онъ по поводу обвиненій Байрона въ безбожіи — Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями". (VII, 151).

Въ одно время съ дуелями шла сильная внутренняя и художественная работа. По удаленіи изъ Петербурга, въ 1820 году, написано имъ, кромѣ Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, какъ мы видѣли, *десять* стихотвореній. Въ 1821 году онъ написалъ *Кавказскаго Плѣнника* и кромѣ утраченной автобіографіи, дневника, записокъ о греческомъ возстаніи и мелкихъ прозаическихъ отрывковъ—*тридцать одно* стихотвореніе. Мы предлагаемъ расположить ихъ будущимъ издателямъ его сочиненій въ слѣдующемъ, по времени, порядкѣ. Жизнь Пушкина лучше всего выражается въ его сочиненіяхъ.

1. Земля и море, *Кіевъ, 8 февраля.*
2. Желаніе.
3. Муза. 14 *февраля—5 апрѣля.*

[77]) Подробности отъ В. П. Горчакова. Сущность этой исторіи передана Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ его статьѣ о братѣ въ *Москвит.* 1854, № 10, стр. 50—58, гдѣ названо и полное имя Балша.

4. Я пережилъ свои желанья. ***Каменка,*** *22 февраля.*

5. Дельвигу. (Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ). *Кишиневъ, 23 марта.*

6. Катенину. (Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ). *5 апрѣля.*

7. Наперсница волшебной старины. (Муза).

8. Сѣтованіе. (Д. В. Давыдову).

9. Чадаеву. *Кишиневъ. 6—20 апрѣля.*

10. Н-лю.

11. Къ Чернилицѣ. *11 апрѣля.*

12. Еврейкѣ. (Христосъ воскресъ, моя Ревекка). *12 апрѣля, Кишиневъ.*

13. Кинжалъ.

14. Недвижный стражъ дремалъ.

15. Наполеонъ. *Іюнь.*

16. Десятая заповѣдь.

17. Умолкну скоро я. *23 августа.*

18. Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ. *24—25 августа.*

19. Гробъ юноши.

20. Къ Аглаѣ (И вы повѣрить мнѣ могли).

21. Иной имѣлъ мою Аглаю.

22. Война или Мечта война. *29 ноября.*

23. Овидію. *26 декабря.*

24. Алексѣеву. (Мой милый, какъ несправедливы).

25. Къ портрету кн. Вяземскаго.

26. Примѣты.

27. Дѣва.

28. Подруга милая, я знаю отчего.

29. Діонея.

30. Красавицѣ передъ зеркаломъ.

31. Эпиграмма на Каченовскаго. (Клеветникъ безъ дарованья) [78].

После удаленія изъ Петербурга, въ полтора съ небольшимъ года, болѣе сорока однихъ мелкихъ стихотвореній, да поэма, да сочиненія въ прозѣ. Но молодой Пушкинъ подавалъ собою примѣръ удивительной художественной воздержности. Безпорядочный, безпечный, порою легкомысленный въ жизни, онъ уже тогда былъ необыкновенно строгъ, осмотрителенъ и совѣстливъ какъ писатель. Изъ всѣхъ названныхъ трудовъ, онъ напечаталъ всего четыре стихотворенія, именно въ 1820 году элегію *Погасло дневное свѣтило*, и то безъ имени, а въ 1821-мъ появились въ апрѣлѣ *Черная шаль*, въ іюнѣ *Муза*, въ сентябрѣ *Посланіе къ Чадаеву*, всѣ въ *Сынѣ Отечества*, съ полнымъ именемъ, съ обозначеніемъ мѣста и времени [79]). Это были первые стихи Пушкина изъ ссылки. Если не ошибаемся, въ Петербургѣ ждали отъ Пушкина, чтобы онъ показалъ раскаяніе, посвятивъ талантъ свой, по примѣру предшественниковъ, восхваленію отечества, славѣ Россіи, описанію воинскихъ подвиговъ и т. п. Такое ожиданіе по временамъ высказывалось

---

[78]) Послѣднія 8 стихотвореній принадлежатъ къ 1821 г., но къ какимъ мѣсяцамъ, мы пока опредѣлить не можемъ. Въ изданіи Анненкова (II, 288) къ 1821 году отнесено еще стихотвореніе К *** *(За чѣмъ безвременную скуку)*, и въ примѣчаніяхъ сказано, что, по свидѣтельству рукописей, оно написано къ *Пле—ееву*; но въ VII-мъ дополнительномъ томѣ того же изданія, въ росписи стиховъ (стр. 165) при немъ означено *К—керу*. Слова эти можно читать *Плещееву* или *Кюхельбекеру*, какъ и прочелъ Г. Н. Геннади, въ послѣднемъ Исаковскомъ изданіи. У насъ въ рукахъ собственноручный списокъ стихотворенія, доставленный г. Калошинымъ. Подъ нимъ Пушкинъ означилъ: *4 ноября 1826. Москва.* Въ текстѣ, измѣненій нѣтъ противъ печатнаго, только во 2-мъ стихѣ вмѣсто *думою* Пушкинъ поставилъ было *грустію* и потомъ зачеркнулъ. — Ожидая поясненій, думаемъ, что можетъ быть стихи и дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти: его тогда часто просили писать въ альбомы, и чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старые стихи. Напечатаны они въ первый разъ въ 1827 г. въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, № 2.

[79]) Кромѣ того, безъ вѣдома Пушкина, напечатаны въ *Сынѣ Отечества* 1821 года въ № 11 (мартъ) шутливая записка къ В. Л. Пушкину въ прозѣ и стихахъ, написанная въ 1816 г., да въ № 52 (декабрь) посланіе къ Жуковскому по прочтеніи его книжекъ *„Для немногихъ*, 1819 года. *Сынъ Отечества* въ 1821 году издавался А. Ѳ. Воейковымъ и Н. И. Гречемъ. Первый, какъ извѣстно, не слишкомъ уважалъ права литературной собственности и напечаталъ названные стихи, взявъ ихъ у В. Л. Пушкина и у Жуковскаго и не спросясь сочинителя. Да еще во 2-мъ номерѣ журнала *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 года появилась эпиграма А. С. Пушкина *Исторія стихотворца.*

и въ печати. Такъ въ *Сынѣ Отечества* 1822 года въ № X (мартъ), въ посланіи какого-то *А. М. Къ сочинителю поэмы Русланъ и Людмила*, читаемъ между прочимъ:

Почто же восторги священныхъ часовъ
Ты тратишь для пѣсней любви и забавы?..
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ!
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
Ревнивыхъ прелестницъ, пусть ищутъ другіе
Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ!
Храни для героевъ восторги прямые!

Въ *Литературныхъ Листкахъ* Булгарина (1824, № I, стр. 25) прямо сказано: „Геній Пушкина обѣщаетъ много для Россіи; мы бы желали, чтобъ онъ своими гармоническими стихами прославилъ какой-нибудь отечественный подвигъ. Это дань, которую должны платить дарованія общей матери, отечеству. Нѣкоторые отрывки въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* показываютъ, что Пушкинъ столь же искусно умѣетъ изображать славу, какъ и грацій."

Но Пушкинъ не хотѣлъ насиловать своего таланта; онъ повиновался со всею искренностію единственно внушеніямъ внутреннимъ, и можетъ быть, въ отвѣтъ на подобнаго рода вызовы, слышанные имъ безъ сомнѣнія и въ Кишиневѣ, сказалъ про себя:

Но не унизилъ въ вѣкъ измѣнной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной [80]).

Кромѣ художественной добросовѣстности, желанія исправить и усовершить свои созданія, были еще и другія причины и соображенія, вслѣдствіе которыхъ, въ описываемую нами пору, стихи Пушкина такъ рѣдко появлялись въ свѣтъ. Во-первыхъ не всѣ они могли быть напечатаны, а во-вторыхъ у него бродила мысль издать ихъ отдѣльною книжкою. Еще въ Петербургѣ, въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 года, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, онъ согласился на предложеніе пріятелей напечатать собраніе его стиховъ. Считая съ лицейскими, ихъ и тогда уже было довольно много. Рѣшили открыть подписку на изданіе, и друзья Пушкина успѣли уже роздать отъ 30 до 40 билетовъ, какъ вдругъ Пушкину велѣно было ѣхать въ Екатеринославъ. Въ торопяхъ и на безденежьи онъ взялъ у пріятеля своего, тогдашняго богача Н. В. Всеволожскаго, тысячу рублей, и за нее отдалъ ему рукопись свою. Весьма вѣроятно, что Всеволожскій и не имѣлъ настоящаго намѣренія издавать книгу, а изъ благороднаго побужденія воспользовался случаемъ, чтобы выручить поэта, не затрогивая его самолюбія. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ въ ссылкѣ своей ожидалъ выхода своей книжки, или *анѳологіи*, какъ онъ называетъ ее въ одномъ письмѣ (вѣроятно потому, что стихи все были въ греческомъ духѣ, воспѣвалась любовь и наслажденія жизнію). Изъ Кишинева, отъ 27 іюня 1821 года, Пушкинъ пишетъ брату: „Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное (?) моими друзьями,—экземпляровъ 30." Между тѣмъ время шло, а книжка не выходила. Въ 1822 году князь Александръ Лобановъ-Ростовскій вздумалъ купить у Всеволожскаго право изданія [81]). Пушкина это встревожило; онъ уже сталъ тогда, какъ мы видѣли, гораздо строже смотрѣть на свою литературную дѣятельность, хотѣлъ исправить прежніе стихи, прибавить новые и вообще явиться передъ публикою съ произведеніями отборными. Всего проще было бы возвратить Всеволожскому его тысячу рублей и вытребовать назадъ тетрадь свою. Но гдѣ было взять денегъ? Лучше терпѣть нужду чѣмъ занимать, говорилъ онъ тогда, ибо, занимая и не имѣя потомъ возможности отдать, по неволѣ подвергаешь сомнѣнію свою честность. Кн. Лобановъ далъ знать Пушкину о своемъ намѣреніи черезъ

[80]) Эти стихи первоначально находились въ концѣ стихотворенія къ Овидію. Въ печати Пушкинъ долженъ былъ исключить ихъ; но ими не могло заключаться стихотвореніе, какъ сказано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № XI, столб. 342.

[81]) Не тотъ ли это кн. Лобановъ, который напечаталъ въ 1821 году въ Парижѣ *Молитвы при божественной литургіи?*—Упоминаемый ниже Я. Н. Толстой, съ которымъ Пушкинъ сходился у Всеволожскаго на вечерахъ *Зеленой Лампы*, самъ печаталъ статьи въ тогдашнихъ журналахъ.

общаго ихъ знакомаго Я. Н. Толстаго, и дѣлалъ ему какія-то новыя предложенія, т. е. вѣроятно обѣщалъ денегъ. Это могло быть около августа 1822 года. Пушкинъ пишетъ брату изъ Кишинева, отъ 4 сентября 1822 г.: „Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому, и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы, само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить“; а Я. Н. Толстому онъ отвѣчалъ (отъ 26 сентября): „Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить, и это первое условіе Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но.... милый другъ! Подождемъ еще два-три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ и пр.“ [82]).

Такимъ образомъ изданіе было пріостановлено. Мы увидимъ ниже, что за него брались А. А. Бестужевъ и Н. И. Гнѣдичь; надѣясь самъ побывать въ Петербургѣ, Пушкинъ отклонялъ предложенія, и книжка вышла въ свѣтъ уже только въ 1826 г. Но конечно она много выиграла оттого въ содержаніи.

Когда шла вышеизложенная переписка, въ печати уже появилась новая поэма Пушкина *Кавказскій Плѣнникъ*. Онъ обновила имя ссыльнаго поэта въ памяти публики и друзей его. Можетъ быть, успѣхомъ ея отчасти и возобновлена мысль объ изданіи мелкихъ стихотвореній. Своего *Плѣнника* еще въ исходѣ 1821 года, Пушкинъ послалъ въ Петербургъ Н. И. Гречу, съ предложеніемъ напечатать. Гречь издавалъ безспорно лучшій тогдашній журналъ, *Сынъ Отечества*, и Пушкинъ уже былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, помѣстивъ у него стихи свои. Но издатель первой поэмы, *Руслана и Людмилы*, Н. И. Гнѣдичъ, выразилъ неудовольствіе, отчего Пушкинъ опять не обратился къ нему. „Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ — пишетъ Пушкинъ брату (изъ Кишинева, 24 января 1822) — онъ правъ: я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой; но у меня шла голова кругомъ; отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать, и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему *Плѣнника*. Къ тому же ни Гнѣдичъ со мною, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума.“ Пушкинъ ошибался. Н. И. Гречъ самъ отклонилъ его преложеніе пріобрѣсти право на изданіе поэмы [83]). Тогда Пушкинъ поручилъ изданіе уже Гнѣдичу и при этомъ передалъ ему собственный, чрезвычайно мѣткій судъ надъ поэмой, говоря, что долго не могъ рѣшиться ее напечатать,— такъ явны ея недостатки, но что передѣлывать не въ силахъ [84]).

---

[82]) См. у Анненк. въ Матеріалахъ, стр. 186—187. Тамъ сказано, что письмо писано въ 1823 году; но въ VII томѣ, въ перечнѣ сочиненій Пушкина, при немъ поставлено *Кишиневъ, 26 сентября 1822*. Время, впрочемъ, опредѣляется выраженіемъ въ концѣ письма: „*два года и шесть мѣсяцевъ* никто ни строки ни слова.“

[83]) За разъясненіемъ этихъ сношеній я обращался къ Н. И. Гречу. Въ отвѣтномъ письмѣ, которымъ отъ почтилъ меня (Спб. 16 іюля 1861), сказано: «Гнѣдичъ предлагалъ мнѣ, убѣждалъ меня пріобрѣсти рукопись *Кавказскаго Плѣнника* для изданія ея на мой счетъ; но я не могъ принять этого предложенія.»

[84]) У Анненкова, въ Матеріалахъ, стр. 96 и 97, помѣщено это письмо къ Гнѣдичу, съ черноваго оригинала, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

Кавказскій Плѣнникъ появился въ Петербургѣ изъ типографіи Греча, въ послѣднихъ числахъ августа 1822 года, тетрадкою въ 16 долю листа, на 53 стр. (цензурное дозволеніе А. Бирюкова, 12 іюня 1822 г.). Къ нему приложенъ былъ портретъ автора, гравированный Е. Гейтманомъ. Пушкинъ изображенъ лѣтъ 15, лицеистомъ, въ рубашкѣ, какъ рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою, и въ задумчивости. Тутъ явственнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ [85]) портретахъ, арабскія черты его физіономіи.

Издатель прислалъ Пушкину въ Кишиневъ одинъ экземпляръ поэмы, съ письмомъ, и съ приложеніемъ 500 р. за право изданія. Плата показалась Пушкину мала, но на безденежьи онъ и тому былъ радъ [86]); потому что хотя передъ тѣмъ книгопродавецъ Сленинъ купилъ остальные экземпляры *Руслана и Людмилы*, но деньги, вырученныя за это, не доходили до Пушкина (письмо къ брату отъ 21 іюля 1822 года). „Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой *Плѣнникъ? A-t-il produit du scandale*, пишетъ мнѣ Orloff, *voilà l'essentiel*. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ *Плѣнника,* онъ для нихъ созданъ; душа моя, я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.“ Передъ тѣмъ (отъ 4 сентября 1822 г.) онъ поручаетъ брату: „Скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ... *Сына Отечества* 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.“

Явившись въ печати съ новою поэмою, Пушкинъ естественно любопытствовалъ узнать мнѣніе о ней. Успѣхъ былъ полный: Россія съ жадностью читала *Кавказскаго Плѣнника*. Можно навѣрное сказать, что если первая поэма Пушкина имѣла успѣхъ благодаря лишь легкости стиха и содержанія, всѣмъ равно понятнаго и доступнаго, то *Кавказскій Плѣнникъ* былъ встрѣченъ уже съ любовью и съ участіемъ къ молодому сочинителю: во-первыхъ всѣ знали, что это произведеніе ссыльнаго, во вторыхъ въ поэмѣ уже много теплыхъ, задушевныхъ стиховъ.

Еще весною прошлаго года, кончивъ *Плѣнника,* Пушкинъ писалъ Дельвигу, что у него въ головѣ уже бродятъ новыя поэмы. Онъ начиналъ ихъ, но былъ самъ недоволенъ ими, и либо вовсе бросалъ, либо уничтожалъ написанное. Только одна изъ этихъ поэмъ, именно *Бахчисарайскій Фонтанъ*, дошла до насъ вполнѣ; *Вадимъ* остался неконченнымъ, а *Разбойниковъ* онъ самъ сжегъ, и теперешній текстъ ихъ есть только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевска-

---

[85]) Въ 35 № *Сына Отечества* (отъ 2 сентября), въ первомъ извѣщеніи о выходѣ *К. Плѣнника*, сказано: «Цѣна на веленевой бумагѣ 7 р., на любской 5 руб. Продается у издателя, Кол. Сов. Ник. Ив. Гнѣдича, въ домѣ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библ., на Невскомъ проспектѣ.» Гнѣдичъ тогда же издалъ и *Шильонскаго Узника* Жуковскаго. Про портретъ сказано: «*Издатели* (?) сей повѣсти говорятъ: «Думаемъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ!» Портретъ этотъ перерисованъ въ *Русскомъ Художественномъ Листкѣ* въ 32-мъ номерѣ нынѣшняго (1861) года; но еще прежде онъ былъ повторенъ вскорѣ по смерти Пушкина, въ *Художественной Газетѣ* 1837 г., № 9 и 10. Тамъ сказано, что портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти, безъ натуры, художникомъ *К. Б.*, «въ нѣжной молодости уже обратившимъ на себя вниманіе.» Не означаютъ ли буквы *К. Б.* Карла Брюлова? Въ такомъ случаѣ съ этимъ портретомъ связываются двѣ дорогія памяти русской жизни.—Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицеистовъ Чириковъ снялъ съ него портретъ; но гдѣ онъ теперь, не извѣстно.

[86]) Въ 1851 г. В. П. Горчаковъ передалъ намъ письмо къ нему Пушкина съ замѣчаніями на *Кавк. Плѣнника*. Г. Анненковъ списалъ его у насъ и помѣстилъ въ своихъ Матеріалахъ, стр. 97—98; но приложенныя къ письму поправки печатнаго текста, сдѣланныя Пушкинымъ въ посвященіи поэмы, переданы у Анненкова не вполнѣ. Пушкинъ очевидно хотѣлъ возстановить текстъ, искаженный вслѣдствіе особенныхъ соображеній. Въ третьемъ стихѣ посвященія вм. *пустынной лиры* первоначально было *изгнанной* лиры; въ 4-мъ отъ конца стихѣ вмѣсто нынѣшняго: *Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ* стояло: *Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ*. Надпись письма: «Горчакову въ Гурогулбинѣ» (мѣстечко въ 40 верстахъ отъ Кишинева, куда Горчаковъ ѣздилъ по службѣ).

го (сына). Кромѣ того есть извѣстіе, что Пушкинъ началъ было писать, вѣроятно тогда же, сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны; сохранилось лишь нѣсколько стиховъ о карточной игрѣ (VII, 88). Къ 1822-му же году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая впослѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ, и сердился, когда ему напоминали о ней. Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее, просто изъ молодаго литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни. [87]).

*

Лѣтомъ 1822 года покинули Кишиневъ двое близкихъ знакомыхъ Пушкина: П. С. Пущинъ и М. Ѳ. Орловъ; первый былъ уволенъ вовсе отъ службы, второй отъ должности дивизіоннаго начальника, съ причисленіемъ къ арміи, оба, по непріятностямъ съ своимъ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ. Дивизіею въ Кишиневѣ сталъ командовать Нилусъ. Орловъ съ женою уѣхалъ въ Крымъ, куда такъ хотѣлось Пушкину, который писалъ тогда свой *Бахчисарайскій Фонтанъ*.

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

Но ему пришлось сдѣлать совсѣмъ другаго рода путешествіе, при этомъ обогатиться новыми впечатлѣніями, плодомъ которыхъ впослѣдствіи была четвертая поэма *Цыганы*. Во второй половинѣ 1822 года съ нимъ случилась опять исторія. Подробности намъ неизвѣстны; но есть положительное свидѣтельство, что въ это время Пушкинъ, опять за картами, повздоривши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвой ударилъ его въ лице. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаилъ, а противника его въ Новоселицу [88]). Г. Анненковъ (матеріалы, стр. 90) говорить, что на этотъ разъ Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Обьемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный.

Между тѣмъ изъ этого еще нельзя заключать, чтобы стихи были вызваны посѣщеніемъ мѣста Кагульской битвы: памятника тамъ, сколько мы знаемъ, нѣтъ никакого, и стихи вѣрнѣе будетъ отнести къ 1827 г., къ извѣстной колоннѣ Румянцева въ Царскомъ Селѣ.

Гораздо опредѣлительнѣе указываетъ на тогдашнюю поѣздку Пушкина небольшое стихотвореніе 1822 года *Баратынскому изъ Бессарабіи*:

Еще до нынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ.
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега *крутаго*.

Берегъ Дуная въ Измаилѣ дѣйствительно крутъ, а выраженіе про тамошнюю сторону: *она Державинымъ воспѣта* прямо относится къ извѣстной одѣ на взятіе Измаила.

Во всякомъ случаѣ поѣздка въ Измаилъ, по Буджацкой пустынѣ, надолго осталась памятна Пушкину. Онъ наскучилъ кишиневскою жизнью; ему надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью, и вообще городская жизнь. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевою жизнью, снизойти на первую ступень человѣческаго общежитія. Встрѣ-

---

[87]). Отъ П. В. Нащокина, В. П. Горчакова. С. Д. Полторацкаго и другихъ.

[88]) Зеленецкій въ *Москвит*. 1854, № 9, стр. 6, передавая этотъ случай со словъ одного изъ чиновниковъ Намѣстничьей Канцеляріи, В. З. Писаренко, прибавляетъ, что П. С. Пущина тогда уже не было въ Кишиневѣ, и что Инзовъ послѣ помирилъ противниковъ.

тивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Что это было дѣйствительно такъ, что воспитанникъ богатаго царскосельскаго лицея, проводилъ ночи на голой землѣ, у костровъ и подъ шатрами, свидѣтельствуетъ братъ его, сообщившій одно выпущенное прежде мѣсто изъ поэмы *Цыганы*:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

Тоже самое говоритъ Пушкинъ, разсказывая о своей Музѣ:

И позабывъ столицы дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи, ей любезной...

Любопытно, что въ бумагахъ его нашлась замѣтка о происхожденіи и правахъ Цыганъ[89]). Опять виденъ умный и зоркій наблюдатель, умѣвшій собирать съ жизни двойную дань поэзіи и знанія. Казалось бы, что чудныя южныя ночи у цыганскихъ костровъ, съ такою роскошью описанныя имъ, вполнѣ принадлежатъ міру поэзіи; но поэтическое упоеніе въ этой крѣпкой природѣ не исключало хладнокровной наблюдательности. Въ этомъ-то и сила Пушкина. Мѣстами (напримѣръ въ *Цыганахъ*) поэзія его, какъ самые роскошные душистые цвѣты, почти что отуманиваетъ голову, и рядомъ тутъ же читатель отрезвляется стройными образами самаго яснаго, разумнаго міросозерцанія.

Поэма *Цыганы,* написанная позже, внутреннимъ содержаніемъ своимъ вполнѣ принадлежитъ этому степному странствованію. Весьма вѣроятно, что у Цыганъ Пушкинъ и назывался именемъ *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось также безъ любви. Отъ того такая искренность, такая жизненность поэмы. Въ жилахъ поэта текла таже восточная кровь. Покинувъ душный городъ, гдѣ ему было столько непріятностей, Пушкинъ радовался широкою волею степной жизни:

Подъ сѣнью мирнаго забвенья,
Пускай Цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И гордой суеты наукъ. ..
Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести;
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайной жаждой мести.
О Боже! еслибъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Иль подъ юртой Остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса! (VII, 69)

Дорогою въ Измаилъ, или можетъ быть на обратномъ пути, Пушкинъ заѣзжалъ въ Тульчинъ, гдѣ находилась, какъ мы сказали, главная квартира корпуса и жили нѣкоторые знакомые его: при одномъ анакреонтическомъ стихотвореніи *Мальчикъ, солнце встрѣтить должно*, означено имъ: *Тульчинъ, 1822.*

Кажется, что къ ноябрю мѣсяцу этого же года слѣдуетъ отнести новую и послѣднюю поѣздку его въ Чигиринскій повѣтъ Кіевской губерніи, въ село Каменку, къ Давыдовымъ. Тамъ встрѣтился съ нимъ одинъ его петербургскій знакомый, изъ записокъ котораго извлекаемъ слѣдующее мѣсто: „Пріѣхавъ въ Каменку, — разсказываетъ онъ—

[89]) «Долго не знали въ Европѣ происхожденія *Цыгановъ* и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что *Цыганы* принадлежатъ къ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ *Паріа.* Языкъ ихъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни —вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью —вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками»

я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я, мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю. Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки-матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, впослѣдствіи вышедшая въ Парижѣ за генерала Себастіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался, и подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что дѣлать и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что вы дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя. „Я хочу наказать кокетку, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ. При этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ то пошло. За то, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился какъ я его знаю.... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ [90]).

Съ 1822 года положеніе Пушкина въ Кишиневѣ становится все тяжелѣе и для его горячаго нрава невыносимѣе. Разсказанныя нами исторіи должны же были оставить свои слѣды на немъ. Сонъ передъ поединкомъ Пушкинъ впослѣдствіи сравнивалъ съ ожиданіемъ замѣшкавшейся карты въ азартной игрѣ (VII, 139), и мы уже знаемъ, что онъ дѣйствительно не слишкомъ дорожилъ жизнью и любилъ отважно идти на всякую опасность; но все же эти встрѣчи со смертью необходимо потрясали все его нравственное существованіе и не могли проходить даромъ. Конечно, глядя теперь со стороны, можно съ увѣренностію утверждать, что кишиневская жизнь была полезна Пушкину, какъ поэту, что эти страсти разработывали его душу и вызывали намъ изъ нея новые живые звуки, которыми теперь мы такъ наслаждаемся; но каково было самому поэту въ болѣзненныя минуты поэтическаго развитія? Вотъ вопросъ. Нашлись ли люди, возлѣ которыхъ онъ могъ отдохнуть, которыхъ участіе было бы не оскорбительно, кому бы онъ могъ вполнѣ открыться и довѣриться? Онъ отвѣчаетъ отрицательно. У него были въ Кишиневѣ добрые пріятели, Алексѣевъ, Горчаковъ, Полторацкій и другіе; но не было настоящаго друга въ родѣ Дельвига, Малиновскаго, Пущина (И. И.), или какимъ былъ позднѣе П. В. Нащокинъ; не было и такихъ людей, какъ Карамзинъ и Жуковскій, къ которымъ бы онъ могъ придти, разсказать все, требовать совѣта и не оскорбляясь выслушать упреки и наставленія. Въ добавокъ, на ту пору, разбрелся и кружокъ М. Ѳ. Орлова. Правда, ихъ горячія, иногда только заносчивыя рѣчи и требованія, въ

[90]) Въ запискахъ Я—на эта встрѣча съ Пушкинымъ отнесена къ ноябрю мѣсяцу 1820 г.; но, по соображенію обстоятельствъ, это указаніе кажется намъ не точнымъ, Пушкинъ могъ быть въ Каменкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ либо 1821-го, либо 1822 года.

виду практической неисполнимости, которая не могла укрываться отъ наблюдательнаго и зоркаго поэта, должны были порою тревожить его и наводить грусть; но онъ искренно дорожилъ этими людьми, и отсутствіе ихъ, безъ сомнѣнія было ему чувствительно.

Кого жь любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда? (IV, 87).

Такого человѣка, конечно, не было. Между тѣмъ изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти; надежда на возвращеніе изъ ссылки оставалась по прежнему только надеждою; положеніе при Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какое-то праздное и двусмысленное, и въ довершеніе всего недостатокъ денежный. Впослѣдствіи Пушкинъ могъ говорить про себя, вспоминая прошедшее:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ вѣтренной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.... (1, 197).

Само собою разумѣется, что большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ, не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же имъ досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высоко поставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается, и все ему проходитъ. Степенное кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему напр. небрежнаго наряда. Досадно имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубинкою. Въ добавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрялся умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ, онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. Языкъ мой — врагъ мой, пословица, ему хорошо знакомая. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него по Россіи. Такъ, напр., на одномъ обѣдѣ въ Кишиневѣ, какой-то солидный господинъ, охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, вздумалъ увѣрять, что водка лучшее лекарство на свѣтѣ и что ею можно вылечиться даже отъ горячки. „Позвольте усумниться,“ замѣтилъ Пушкинъ. Господинъ обидѣлся, и назвалъ его *молокососомъ*. — „Ну, ужь если я молокососъ, сказалъ Пушкинъ, то вы конечно *винососъ*.“ — И вотъ уже врагъ, готовый радоваться всякой ошибкѣ и распускать всякую клевету! Какая-то дама, гордая своими прелестями и многочисленностью поклонниковъ, принудила Пушкина написать ей стихи въ альбомъ. Стихи были написаны, и въ нихъ до небесъ восхвалялась красота ея, но внизу, сверхъ чаянія, къ полнѣйшей досадѣ и разочарованію, оказалась помѣтка: *1 Апрѣля* [91]). Подобныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія, было не мало. Кто-то выразился про Пушкина, играя словомъ *бессарабскій* съ намекомъ на его физіономію: *бѣсъ арабскій*. Иногда поэту приходилось тяжело въ обществѣ, враждебно противъ него настроенномъ. Въ альбомѣ Онѣгина есть строфа, въ которой выражены эти отношенія:

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мущинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла;
Что пылкихъ душъ неосторожность

[91]) В. П. Горчакова: *Выдержки изъ Дневника.*

Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Такъ онъ писалъ про себя, сознавая хорошо свое положеніе. Но пенять на судьбу, жаловаться на то, что его не понимаютъ, выставлять себя на показъ, было вовсе не въ его нравѣ. „Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ,“ — только этимъ и выражались его пени, даже и въ письмахъ къ ближайшимъ людямъ. Озлобленія въ немъ незамѣтно. Съ гордымъ равнодушіемъ, онъ продолжалъ являться всюду, и по прежнему посѣщалъ разнообразное кишиневское общество. На ту пору оно сдѣлалось еще пестрѣе. Вслѣдствіе греческаго возстанія, которое въ 1822 году охватило уже всю Турцію, многія семейства, изъ княжествъ и изъ самой Турціи, спасались бѣгствомъ въ Россію, и находили убѣжище между прочимъ въ Кишиневѣ. Такъ, напр., въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ Пушкинъ мимоходомъ упоминаетъ, что въ 1822 году, какая-то „старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная,“ умерла въ его присутствіи отъ холерныхъ припадковъ (I, 281). Къ тому же 1822 году относится временное сближеніе его съ однимъ греческимъ семействомъ, какъ показываютъ тогдашніе стихи къ *Гречанкѣ* (*Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ*). Это была извѣстная въ Кишиневѣ Калипсо, пріѣхавшая изъ Константинополя вмѣстѣ съ матерью своею Полихроніей и съ другими Греками. Калипсо была красавица, но ее нѣсколько безобразилъ длинный носъ. Она прекрасно пѣла съ гитарой турецкія пѣсни. Пушкинъ тогда восхищался Байрономъ, а про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встрѣтилась съ знаменитомъ лордомъ и впервые познала любовь въ его объятіяхъ:

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ; —
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь къ его плечу.. .
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ...

Сближеніе съ Байрономъ безъ сомнѣнія придавало Калипсѣ особенную заманчивость въ глазахъ Пушкина; но любовь къ ней была минутнымъ увлеченіемъ. Стихи свои (великолѣпные, но сравнительно-холодные) Пушкинъ скоро отдалъ въ печать (съ полнымъ своимъ именемъ), и уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, что настоящей любви тутъ не могло быть. Черезъ годъ Пушкинъ знакомилъ съ Калипсо и ея матерью одного пріѣзжаго [92]), и по словамъ сего послѣдняго, въ немъ уже не оставалось и слѣдовъ любовнаго жара.

Другое стихотвореніе, біографическаго содержанія, принадлежащее къ 1822 году, это *Къ друзьямъ*. Оно написано послѣ прощальной пирушки, которая устроилась у братьевъ Полторацкихъ по случаю отъѣзда изъ Кишинева общаго пріятеля ихъ свитскаго офицера *Валерія Тимофеевича Кека*. Пушкинъ говоритъ, что друзья отличили его особой почетной чашею:

..... жажду скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Пили изъ складныхъ походныхъ стакановъ, которые вставляются одинъ въ другой; Пушкину дали самый большой, наружный:

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Превосходный, художественный разборъ этой піесы, которая такъ живо изображаетъ положеніе ссыльнаго поэта въ Кишиневѣ, посреди военной молодежи, находимъ у Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 330). „Пушкинъ—говоритъ онъ—никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звѣнитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души, и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя об-

---

[92]) Ф. Ф. Вигеля, пріѣхавшаго тогда на службу въ Кишиневъ. Покойный Вигель, въ 1853 году, позволилъ намъ сдѣлать отмѣтки изъ его записокъ и выписать мѣста, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ.

лако унынія, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ.“

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ изчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

Поэтъ самъ былъ доволенъ этими стихами, и отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они потомъ прочитаны были въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ домѣ Д. А. Державиной, и въ печати появились съ полнымъ его именемъ [93]).

Совсѣмъ другаго содержанія, но также въ біографическомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и важны стихи 1822 года: *Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный*, набросанные, неконченные Пушкинымъ, и сохранившіеся въ двоякомъ видѣ, черновомъ и болѣе отдѣланномъ (II, 323—325):

Ты, сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпаго,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя:
Ты чуждо мысли человѣка.
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?

Эти мысли о смерти, о загробной жизни, о безсмертіи души, находятся очевидно въ связи съ тогдашними его обстоятельствами. Можетъ быть, стихи эти и написаны наканунѣ одного изъ поединковъ.

Наконецъ есть еще стихотвореніе 1822 года, въ которомъ отразилась его кишиневская жизнь, это *Уединеніе*. Послѣ сообщенныхъ выше подробностей, тутъ каждое слово становится понятно и получаетъ смыслъ автобіографическій:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали *взыскательныхъ* невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

Такъ и видится Пушкинъ въ его уединенной комнатѣ, подъ развалинами, на отдаленномъ концѣ Кишинева: онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полный памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее.

Эти воспоминанія и надежды относились къ Петербургу. Почти все время кишиневской жизни Пушкинъ разсчитывалъ, что ссылка его скоро кончится, и что ему позволятъ возвратиться въ столицу. Еще въ 1821 году, въ письмѣ къ брату (27 іюля) онъ говоритъ; „Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишеневѣ.“ Въ письмахъ 1822 года безпрестанно выражается надежда на скорое свиданіе. Къ брату онъ пишетъ, отъ 24 января: „Постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе“; 21 іюля: „Радость моя, хочется мнѣ въ вами увидѣться, мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь“; 6 октября: „Я карабкаюсь, и можетъ быть явлюсь у васъ, но не прежде будущаго года.“ Тоже самое въ письмѣ къ Катенину, отъ 19 іюля, говоря о постановкѣ на сцену Корнелевой трагедіи Сида, переведенной Катенинымъ: „Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимою, по крайней мѣрѣ постараюсь“; или къ Я. Н. Толстому, отъ 26 сентября: „Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ.“

[93]) Въ XXII-й части Трудовъ Вол. Общества Люб. Р. Словесности (1823 года) въ Лѣтописяхъ Общества, въ описаніи этого публичнаго засѣданія (22 мая), на стр. 296 и 297 сказано, что одинъ изъ членовъ Общества, «цензоръ библіографіи» А. А. Бестужевъ прочелъ *Прощаніе*, сочиненіе А. С. Пушкина (въ стихахъ). Такого стихотворенія за то время мы не знаемъ у Пушкина, и думаемъ, что *Прощаніемъ* названы здѣсь стихи *Къ друзьямъ*.

Такъ какъ оффиціальной ссылки не было, то Пушкинъ вѣроятно надѣялся, что его переведутъ по службѣ обратно въ Петербургъ, или хоть уволятъ въ отпускъ. Черезъ кого шли эти сношенія, у кого именно просилъ онъ ходатайства, опредѣлительно мы не можемъ сказать, по крайней мѣрѣ по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Знаемъ только, что онъ писалъ письмо къ гр. Нессельроду, который тогда завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ [94]). Весьма вѣроятно, что заступниками и ходатаями были тѣже лица, что и прежде, Карамзинъ, Жуковскій и братья Тургеневы. Но испросить помилованіе было довольно трудно. Обстоятельства не только не улучшились сравнительно съ 1820-мъ годомъ, когда Пушкинъ оставилъ Петербургъ, напротивъ сдѣлались еще тяжелѣ. Въ самый годъ удаленія Пушкина, произошла Семеновская исторія; въ министерствѣ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ по роду своей дѣятельности, наступили времена крутыя: профессора Куницынъ и Арсеньевъ потерпѣли по службѣ; имѣлъ большое вліяніе знаменитый ревизоръ Магницкій, торжествовало его направленіе, и въ 1822 году даже самый Царскосельскій Лицей переданъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Къ тому же, удаленный по высочайшему (хотя и не гласному) повелѣнію, Пушкинъ не иначе могъ быть и возвращенъ. Отлучки императора Александра, его безпрестанныя поѣздки то во внутреннія губерніи, то за границу, на Люблянскій и Веронскій конгрессы, тоже могли быть помѣхою. Къ императору естественно посылались только дѣла первой важности, и отнюдь не могла быть послана бумага о перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое какого-нибудь коллежскаго секретаря Пушкина. Отъ того Пушкина такъ занимаетъ вопросъ, когда возвратится государь (письмо къ брату отъ 30 января 1823 года). Неувѣренность въ своемъ положеніи, надежда, что можетъ быть завтра выдетъ разрѣшеніе ускакать изъ Кишинева, должны были усиливать душевную тревогу Пушкина. Онъ жилъ изо дня въ день, какъ-будто не на мѣстѣ, и безпрестанно готовый въ дорогу.

За невозможностью свиданія, сношенія съ петербургскими друзьями ограничивались перепискою, и то довольно рѣдкою, отрывочною. Переписка эта далеко не вся обнародована, и можетъ быть значительная часть ея утратилась: время и быстрая смѣна обстоятельствъ истребляютъ слѣды прошедшаго, и къ тому же не въ нашихъ нравахъ было дорожить письмами и беречь ихъ. Впрочемъ, просимъ читателей помнить, что мы не пишемъ полной и связной біографіи Пушкина, а только собираемъ и приводимъ въ порядокъ матеріалы для нея. Доступа къ бумагамъ Пушкина и его ближайшихъ друзей мы не имѣли; можетъ быть, многое изъ тогдашней переписки его еще сберегается и со временемъ будетъ сообщено во всеобщее свѣдѣніе. Сколько можно судить по тому, что у насъ есть, Пушкинъ хотя и переписывался со многими лицами, но довольно рѣдко. Онъ былъ слишкомъ молодъ и безпеченъ и слишкомъ надѣялся на скорое свиданіе, чтобы вести правильную и постоянную переписку за полторы тысячи верстъ. — Съ Карамзинымъ, какъ кажется, онъ вовсе не переписывался: лѣта и положенія были слишкомъ розны. Не знаемъ, уцѣлѣли ли письма его къ А. И. Тургеневу; но онъ навѣрное писалъ къ нему. Самъ Тургеневъ говоритъ въ одномъ изъ отрывковъ своей *Хроники Русскаго изъ Парижа*, что, перебирая бумаги, попалъ на письмо къ нему Пушкина изъ Кишинева, отъ 21 августа 1821 года. „Письмо коротко, замѣчаетъ Тургеневъ, но ноготокъ востеръ“ [95]). Въ 1822 году онъ ему послалъ свою *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*, такъ какъ Тургеневъ былъ большой охотникъ до русской старины. Черезъ Жуковскаго шли, кажется, переговоры о возвращеніи изъ ссылки; но Пушкинъ жалуется брату, что рѣдко получаетъ письма отъ Жуковскаго, проситъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ продиктовалъ своему человѣку Якову нѣсколько строчекъ къ нему. Дѣ-

[94]) Въ письмѣ къ брату отъ 6 октября 1822 г. «Министру я писалъ, онъ и въ усъ не дуетъ.»

[95]) См. *Современникъ* 1841 года, томъ XXV, стр. 5.

ло въ томъ, что Жуковскій въ 1820 и 1821 г. ѣздилъ за границу съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной и потомъ былъ обремененъ своею должностью при дворѣ. Тогдашнія письма къ Чадаеву, какъ мы видѣли, утратились; но Пушкинъ не забывалъ своего друга, что показываютъ два стихотворныя посланія, одно изъ Крыма, другое изъ Бессарабіи. Писемъ къ Баратынскому, тоже, какъ мы слышали, не сохранилось, хотя они навѣрное были, какъ видно по двумъ обращеніямъ къ нему въ стихахъ (1822), находящимся въ печати. Безъ сомнѣнія также шла переписка съ Н. Раевскимъ-сыномъ, съ М. Ѳ. Орловымъ послѣ его отъѣзда изъ Кишинева, съ Д. В. Давыдовымъ и др. Изъ тогдашнихъ писемъ къ П. А. Катенину напечатано въ изданіи Анненкова (I, 58) только одно письмо отъ 19 іюля 1822 года, и тамъ же изложены бывшія между ними недоумѣнія. Въ письмѣ этомъ особенно важно для біографіи Пушкина слѣдующее, для насъ пока не совсѣмъ понятное, мѣсто: „Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ былъ я жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?“ *Минутные друзья минутной молодости*, общество гусарское и Зеленой Лампы, Всеволожскій, Каверинъ, Юрьевъ, Мансуровъ, Молоствовъ, Василій Олсуфьевъ и другіе забыли Пушкина въ его далекой ссылкѣ. „Два года и шесть мѣсяцевъ ни строки, ни слова“, пѣняетъ Пушкинъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ одному изъ нихъ, Я. Н. Толстому (I, 187). Не знаемъ, была ли переписка съ Малиновскимъ и И. И. Пущинымъ; но къ третьему лицейскому другу своему, барону Дельвигу, Пушкинъ написалъ изъ ссылки въ первый разъ только въ мартѣ 1821 года (см. выше) извѣстное письмо прозою и стихами. Все-таки, если бы можно было собрать и издать эти письма вмѣстѣ съ отвѣтами, такая книга вышла бы наилучшимъ поясненіемъ жизни нашего поэта, и въ то же время была бы живою картиною тогдашняго умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи.

Переписка, болѣе или менѣе непрерывная, поддерживалась, кажется, только съ братомъ. Къ сожалѣнію и она дошла, по крайней мѣрѣ до насъ, не вполнѣ; во первыхъ мы не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ брата, во вторыхъ самыя письма Александра Сергѣевича очевидно не всѣ уцѣлѣли [96]). Левъ Сергѣевичъ, не кончивъ курса въ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, проживалъ въ Петербургѣ въ домѣ родителей, не имѣя опредѣленныхъ занятій и не торопясь поступать на службу. Въ 1822 году, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, ему было всего 16 лѣтъ. Онъ былъ очень похожъ на брата и лицемъ, и отчасти нравомъ. Пріятели Пушкина любили его: онъ имъ живо напоминалъ ссыльнаго поэта. Къ тому же онъ имѣлъ родовую наклонность къ занятіямъ словесностью. Такимъ образомъ Левъ Сергѣевичъ прямо съ ученической скамейки вступилъ въ кружокъ друзей своего брата. Пушкинъ покинулъ его въ Петербургѣ еще совсѣмъ мальчикомъ, и долгое время потомъ сохранялъ въ отношеніи къ нему нѣжное и въ тоже время покровительственное чувство старшаго брата. Въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ онъ занималъ у него первое мѣсто, и мы видѣли, какъ онъ заботливо поручаетъ его Дельвигу. Переписываться съ нимъ, знать о немъ было для него потребностью сердца. Выше приведено письмо его къ брату съ разсказомъ о путешествіи, и другое, французское, съ наставленіями, какъ вести себя въ свѣтѣ. Отъ 1821 года уцѣлѣло только одно письмо (27 іюля) изъ котораго два отрывка, съ вопросами о новостяхъ словесности, и съ порученіемъ къ Всеволожскому, также при-

[96]) Левъ Сергѣевичъ скончался въ Одессѣ въ 1854 году. Тогда же я обратился съ просьбою къ опекуну дѣтей его, С. А. Соболевскому, поискать въ его бумагахъ писемъ Пушкина. Изъ нижегородской деревни прислана была пачка писемъ, всего 34. С. А. Соболевскій позволилъ намъ снять съ нихъ копіи, которыми мы теперь и пользуемся. Потомъ письма эти были напечатаны въ *Библіогр. Запискахъ* 1858 г. (№ 1, 2 и 4), но не вполнѣ, и не въ строгомъ порядкѣ. — Писемъ было конечно больше, нежели сколько теперь у насъ въ рукахъ. Недавно найдено еще одно чрезвычайно любопытное письмо (1825 года) г. Титовымъ въ бумагахъ П. М. Л—вой и напечатано въ *Библіогр. Запискахъ* 1861, № 13.

ведены выше. „Здравствуй, Левъ — пишетъ онъ ему—не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь; я называю дѣльнымъ все что̀ касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть (sic) я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью.... Скажи ему (Всеволожскому), что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, лампу его и все елико друга моего [97]). Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія Калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.“ Эти порученія ввели Льва Сергѣевича въ общество Зеленой Лампы и познакомили со всѣми его шалостями. „Пришли мнѣ Тавриду Боброва,“ заключаетъ Пушкинъ. *Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ*—старинная поэма, сочиненіе Семена Боброва (Николаевъ 1798). Пушкину захотѣлось взглянуть на нее: онъ тогда занятъ былъ своимъ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*.

Отъ 1822 года сохранилось четыре письма къ брату. „Сперва хочу съ тобою побраниться—пишетъ Пушкинъ 24 генваря—какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина; во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ. Жалѣю: болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ (sic) не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать мою элегическую мизантропію,—и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя, это меня бѣситъ. Я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ, чортъ *съ ними*; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе.“ Далѣе говорится о посылкѣ *Кавказскаго Плѣнника* Гречу, что̀ приведено у насъ выше. „Спроси Дельвига, здоровъ ли онъ—продолжаетъ Пушкинъ—все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ; каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ *Сынѣ* (безъ подписи и безъ ошибокъ) [98]). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, въ ней каждый стихъ правда.“ Слѣдуютъ двѣ эпиграммы: *Иной имѣлъ мою Аглаю*, и другая на Каченовскаго. „Покушай, пожалуста—кончаетъ онъ — Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.“ И стихи, и особенно эпиграммы, разумѣется, разнеслись по Петербургу. Левъ Сергѣевичъ становился вездѣ пріятнымъ гостемъ: отъ него можно было узнать новые стихи и остроты ссыльнаго брата.

Отъ 21 іюля: „Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь, слѣдственно разочти. Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи, ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему. Скажи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ. Скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина,

---

97) V. C. P.—значитъ Veuve Cliquot Pontchadrain—клеймо на пробкахъ шампанскаго. Что такое L. D., не знаемъ. Авдотья Ивановна Овошникова—петербургская танцовщица. Калмыкъ-мальчикъ, слуга у Всеволожскаго. См о немъ замѣтку г. Журавлева въ *Москов. Вѣдом.* 1855 г., № 143. — Для характеристики этого общества молодыхъ повѣсъ можно прибавить, что у нихъ напр. разыгрывалось Изгнаніе Адама и Евы изъ рая, а одинъ изъ нихъ назывался *содомскимъ гражданиномъ*. Кто такіе были Юрьевъ и Мансуровъ—не знаемъ.

98) Какіе именно эти стихи, мы не могли доискаться.

увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ *И сплетней разбирать игривую затью;* я получилъ отъ него полукислое письмо, онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ. Не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя. Что мой *Русланъ*? Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что *Плѣнникъ*? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь, и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? Есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. Отцу пишу въ деревню" [99]).

Отъ 4 сентября. „На прошедшей почтѣ (виноватъ, съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную, вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго, скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію. Раевскій и Киселевъ оба не откажутся. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни. Теперь, моя радость, поговорю о себѣ." Слѣдуетъ опять порученіе къ Всеволожскому касательно запроданныхъ стиховъ.

Какъ ни мало печаталъ Пушкинъ въ сравненіи съ другими писателями, но литературное значеніе его быстро возрастало. Еще до появленія въ печати *Кавказскаго Плѣнника*, къ Пушкину обращены уже были ожиданія любителей словесности и читающей публики. Издатели журналовъ начинали заискивать его участія. Въ первой половинѣ 1822 года, гвардіи драгунскаго полка поручикъ *Александръ Александровичъ Бестужевъ* и отставной артиллеріи подпоручикъ (печальной и тяжелой памяти) *Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ* задумали составить сборникъ изъ разныхъ новыхъ произведеній русской словесности, на подобіе тѣхъ литературныхъ календарей или альманаховъ, которые тогда въ Германіи и Англіи во множествѣ выходили къ каждому новому году. У насъ, кажется, такого рода изданій прежде не было, если не считать *Аонидъ* Карамзина, появившихся еще въ прошломъ столѣтіи. Оба издателя, люди молодые и талантливые, побывавшіе съ войсками въ чужихъ краяхъ и въ Парижѣ, были уже довольно извѣстны въ печати. Рылѣевъ напечаталъ уже нѣсколько историческихъ *Думъ*, а Бестужевъ (прославившійся въ послѣдствіи подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*) еще до 1822 года принадлежалъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ въ словесности. Перебирая тогдашніе журналы съ 1819 года, безпрестанно встрѣчаешь его имя и удивляешься разнообразію его занятій. Онъ переводитъ съ польскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, обнаруживаетъ замѣчательныя познанія и въ русской исторіи и въ старинной нашей словесности, представляетъ въ Общество сорев-

---

[99]) Батюшковъ въ это время, вернувшись изъ Италіи, жилъ на Каменномъ острову, уже нѣсколько поврежденный въ умѣ. Вскорѣ его послали лечиться въ Крымъ; въ Симферополѣ онъ покушался было на жизнь свою, но потомъ къ нему опять приходили ясныя минуты, умъ его проявлялся во всемъ своемъ природномъ блескѣ, и онъ даже писалъ прекрасные стихи. Въ январѣ 1823 г. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ брату: «Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ.» — Дельвигъ служилъ тогда въ имп. публичной библіотекѣ. — В. К Кюхельбекеръ, кажется, жилъ въ Парижѣ, на службѣ въ канцеляріи Нарышкина — Баратынскій, тогда подпрапорщикъ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка, пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Фридрихсгама. Нѣкоторое сходство участи влекло особенно къ нему Пушкина.— О В. И. Козловѣ знаемъ только, что въ 1823 году онъ издавалъ съ Воейковымъ *Новости Литературы*.

нователей просвѣщенія и благотворенія (гдѣ былъ цензоромъ библіографіи) какой-то каменный левъ, пишетъ повѣсти и разсказы, изъ которыхъ сдѣлалась особенно извѣстною *Поѣздка въ Ревель*, но всего чаще является какъ остроумный критикъ [100]). Мнѣнія его были всегда оригинальны и свѣжи, выражались смѣло и съ убѣжденіемъ. Преслѣдуя, напр. своими замѣчаніями Катенина, одного изъ представителей шишковской партіи, онъ въ тоже время не только не увлекается Карамзинымъ, но даже отвергаетъ предложенія его почитателей, которые хотѣли познакомить его съ исторіографомъ [101]).

Изъ своей ссылки Пушкинъ не могъ не обратить на него вниманія. Впрочемъ и Р. и Бестужевъ встрѣчались съ Пушкинымъ еще до 1820 года, и были потомъ хорошо знакомы съ его пріятелями, барономъ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Собираясь издать *Полярную Звѣзду*, Бестужевъ обратился къ Пушкину съ просьбою о стихахъ для этого альманаха, или, какъ они тогда называли, календаря. Вотъ отвѣтное письмо Пушкина, изъ Кишинева, отъ 21 іюня 1822 года: „Милостивый государь Александръ Александровичъ, давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, чтоневозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю по неволѣ, и благодарю васъ какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобы они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ. Кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія. Отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Старушку, повидимому, настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ, услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Тавридѣ*). Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; они порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.“

Этимъ начались сношенія. Вскорѣ Пушкинъ заочно подружился съ Бестужевымъ, и между ними завязалась довольно дѣятельная переписка, продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ сряду, и судя потому, что у насъ есть изъ нея, очень важная для исторіи Русской словесности. Въ то время Бестужевъ еще принадлежалъ къ числу пылкихъ почитателей Пушкина. Впослѣдствіи, какъ увидимъ онъ перемѣнилъ мнѣнія свои.

Бессарабскими бреднями, отданными въ *Полярную Звѣзду*, Пушкинъ называетъ *Мечту воина*, *Овидію*, *Гречанкѣ* и *Элегію* (*Увы! зачѣмъ она блистаетъ*). О первыхъ трехъ стихотвореніяхъ мы уже говорили; кому или про кого написано четвертое, относящееся къ 1819—1820 годамъ, намъ неизвѣстно. Печатаніе стиховъ видимо занимало Пушкина. „Въ посланіи къ Овидію — поручаетъ онъ брату (4 сент. 1822) — перемѣни такимъ образомъ:

> Ты самъ, дивись, Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
> Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
> Привыкнувъ и пр.. ..“

Мы уже видѣли, что любимые стихи эти появились въ печати не такъ, какъ они были написаны. Въ это же самое время вышелъ

---

[100]) Псевдонимъ *Марлинскаго*, подъ которымъ впослѣдствіи такъ прославился Бестужевъ въ нашей словесности, былъ имъ принятъ еще въ 1822 году. Въ *Сынѣ Отечества* встрѣчаются его критическіе разборы съ этою подписью. *Марли* — такъ называется одинъ изъ Петергофскихъ дворцовъ. Тамъ вѣроятно стоялъ драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Бестужевъ.

[101]) См. *Русскій Вѣстникъ* 1861, мартъ и апрѣль, въ письмахъ Бестужева къ братьямъ Полевымъ.

въ свѣтъ и *Кавказскій Плѣнникъ*. Пушкинъ, какъ кажется, оживился; письма его наполняются запросами о томъ, что̀ дѣлается въ литературѣ. „Кстати объ стихахъ—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ — то что̀ я читалъ изъ *Шильонскаго узника*, прелесть. Съ нетерпѣніемъ жду успѣха *Орлеанской*..; но актеры, актеры! 5-стопные стихи безъ риѳмы требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо торжественный ревъ *Глухорева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господи защити и помилуй, но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя.“ Предположенія Пушкина не сбылись: Жуковскій не ставилъ на сцену своего перевода Орлеанской Дѣвы, и актеру Глухареву не пришлось декламировать пятистопныхъ стиховъ безъ риѳмъ. — Далѣе въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ о литературныхъ упражненіяхъ своего товарища Кюхельбекера, какихъ именно, мы не могли доискаться: „Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую. поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ, славянорусскими стихами. цѣликомъ взятыми изъ Іереміи. Что бы сказали Гомеръ и Пиндаръ, но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? *Ода къ Ерм.* лучше, но стихъ: *Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ*.... слишкомъ уже греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный, толпами стремиться въ храмъ священный Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ лютямъ принадлежащій и проч. Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига.“ Видно, какъ Пушкинъ весь былъ преданъ словесности, какъ его занимали самыя мелочи въ этомъ отношеніи.

Слѣдующее за тѣмъ мѣсто того же письма дало Пушкину новаго корреспондента изъ Петербурга и повело потомъ къ крѣпкой на всю жизнь дружеской связи. Мы говоримъ о возникшей въ 1822 году перепискѣ нашего поэта съ другимъ тогдашнимъ критикомъ и стихотворцемъ *Петромъ Александровичемъ Плетневымъ*. Въ первый разъ П. А. Плетневъ встрѣтилъ Пушкина въ домѣ его родителей, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Потомъ, служа вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ въ Екатерининскомъ институтѣ, онъ черезъ него сошелся и подружился съ Дельвигомъ. Всѣ трое хаживали на литературные суботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ они и познакомились. Любовь къ словесности соединяла молодыхъ людей. Поздними вечерами они возвращались вмѣстѣ отъ Жуковскаго, и въ одушевленныхъ бесѣдахъ не замѣчали дальнихъ разстояній столицы. Плетневъ напечаталъ тогда романъ одного своего покойнаго товарища студента *Ивана Георгіевскаго*: *Евгеній или письма къ другу*“ (Спб. 1818. 12° 2 части), и къ этому довольно слабому произведенію написалъ предисловіе, въ которомъ разсказана жизнь рано умершаго сочинителя. „Зачѣмъ вы напечатали романъ? — замѣтилъ ему Пушкинъ — вамъ бы выдать одно предисловіе: это вещь прелестная.“ Сношенія пока ограничивались обыкновеннымъ знакомствомъ, а потомъ Пушкинъ уѣхалъ. Въ 1821 году, въ 8-мъ (февральскомъ) номерѣ *Сына Отечества* появилась, безъ подписи, Элегія Плетнева, подъ заманчивымъ заглавіемъ *Б—овъ изъ Рима* [102]). Поэтъ Батюшковъ жилъ тогда въ Италіи, и отъ него ждали новыхъ стиховъ. Вышла забавная мистификація. Профессоръ Кошанскій въ Лицеѣ, прочитавъ Элегію своимъ слушателямъ, говорилъ: Вотъ сей часъ виденъ талантъ, чувствуется стихъ Батюшкова. Въ литературныхъ кружкахъ разошелся слухъ, будто Элегія написана Батюшковымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но въ 1822 году поэтъ возвратился въ Петербургъ и какъ извѣстно, въ безпокойномъ, близкомъ къ помѣшательству состояніи. Слухъ объ Элегіи дошелъ до него, и по справкѣ оказалось, что она получена въ журналъ отъ Плетнева. Батюшковъ подозрѣвалъ тогда,

---

[102]) Въ *Сын. Отечества* 1822 г., № 7 напечатано стихотвореніе Плетнева *Ж—ій изъ Берлина*, съ подписью. Жуковскій передъ тѣмъ ѣздилъ въ Берлинъ.

что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобъ повредить ему. Пушкину обо всемъ написали въ Кишиневъ, и на это онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. *Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ очень мила [103]). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели (sic) стихи. Онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня и пр.“ Левъ Сергѣевичъ не отличался скромностью. Письма отъ брата читались у него цѣлою компаніею. Тогда Плетневъ послалъ въ Кишиневъ по почтѣ извѣстное, прекрасное посланіе свое:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы;
И можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта:
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта и пр.

Читая теперь это посланіе, видишь, какъ сбылось предчувствіе, выраженное въ концѣ его:

Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано,
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ [104]).

Такое простое, благородное и откровенное обращеніе не могло не тронуть Пушкина; онъ отвѣчалъ Плетневу какъ давнишнему пріятелю, а своему брату написалъ 6 октября: „Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами; вся моя ссора съ Толстымъ [105]) происходитъ отъ нескромности к. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства. Она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему.“ — Надо прибавить, что передъ тѣмъ, въ іюльской (XIX) части *Трудовъ Общества Любителей Русской Словесности* появилась статья Плетнева объ антологическихъ стихотвореніяхъ, гдѣ нѣсколько теплыхъ, сочувственныхъ страницъ посвящено разбору Пушкинскихъ стиховъ *Муза*, а въ слѣдующей за тѣмъ октябрьской части того же журнала напечатанъ его разборъ *Кавказскаго Плѣнника*, замѣчательный по строго-нравственному требованію, предъявленному критикомъ въ отношеніи характера самаго *Плѣнника* (стр. 41 и 42) „Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви;“ но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности.... Впрочемъ, встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи.“ Кстати сказать здѣсь, что пропуски, означаемые рядомъ точекъ и впослѣдствіи въ такомъ обиліи появившіеся въ *Онѣгинѣ*, давали поводъ къ обвиненію, будто Пушкинъ нарочно ставитъ ихъ для возбужденія любопытства читателей. Издѣваясь надъ этимъ, Грибоѣдовъ прислалъ однажды письмо въ Петербургъ, начинавшееся множествомъ точекъ.

Вскорѣ въ перепискѣ между Пушкинымъ и Плетневымъ *вы* замѣнилось словомъ *ты*, и они совершенно сблизились.

---

[103]) Что такое *Новость на Олимпѣ*, намъ не понятно.

[104]) Въ то время не спѣшили печатаніемъ. Посланіе Плетнева появилось въ свѣтъ только въ 1824 году, въ *Трудахъ Вольнаго Общ. Люб. Рус Слов.* въ XXVI-й (апрѣльской) части.

[105]) Съ гр. Ѳ. И. Толстымъ. Объ этой ссорѣ будетъ рѣчь въ 6-й главѣ нашего труда.

Намъ остается сказать еще о двухъ приписках въ томъ же письмѣ къ брату отъ 4 сентября. Одна французская: „Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits, rappelez la lui de ma part.“ Это порученіе напоминаетъ стихи 1822 года *Жалоба*:

Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ [106]).

Другая приписка относится къ Рылѣеву. Въ *Сынѣ Отечества* того года (№ 23, іюнь) Пушкинъ прочелъ *Думу* его.: *Богданъ Хмѣльницкій*, которая начинается стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ *полдень* проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучь *денницы*,
И ужасъ мѣста озарялъ и пр.

„Милый мой—приписываетъ Пушкинъ съ боку письма—у васъ пишутъ, что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ, вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ, чего онъ смотритъ“ [107])?

Слѣдующее за тѣмъ письмо (отъ 6 октября) Пушкинъ оканчиваетъ опять вопросомъ о своихъ стихахъ: „Къ стати, получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напѣчатано? (sic) Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь. Прощай милый.“

Ожидаемый Пушкинымъ календарь Бестужева, или *Полярная Звѣзда*, карманная

---

[106]) Кромѣ упомянутыхъ нами, къ 1822 году относятся еще слѣдующія стихотворенія:

1) 2) *Два Путника* и *Сонъ* — это отрывки неконченной поэмы *Вадимъ*, изъ которой пріятели Пушкина помнятъ еще два неизданные стиха:

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Жива въ ихъ памяти славянская свобода

3) *Посланіе къ Ѳ. Н. Глинкѣ.* (Когда средь оргій жизни шумной). Ѳ. Н. Глинка служилъ тогда при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. Не черезъ него ли, можетъ быть, шли сношенія о позволеніи Пушкину возвратиться въ Петербургъ? Позднѣе Пушкинъ писалъ о немъ брату: «Я радъ, что Гликѣ (sic) полюбились мои стихи, это была моя цѣль; въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ, мы съ нимъ пріятели.» Къ чему это сказано, мы пока не можемъ себѣ объяснить; равно не понятно, почему Пушкинъ нѣсколько разъ пишетъ *Глика* вм. *Глинка*.

4) *Горишь ли ты лампада наша?*— въ упомянутомъ письмѣ къ Я. Н. Толстому.

5) *Адели*: По общему преданію написано къ дочери А. Л. Давыдова; но въ Крыму живетъ семейство, приписывающее эти стихи одному изъ своихъ членовъ.

6) *Пріятелю* (не притворяйся, милый другъ).

7) *У Кларисы денегъ мало.*

8) *Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати.*

Намеки, заключающіеся въ послѣднихъ трехъ стихотвореніяхъ, остаются пока непонятны для насъ. Всего, отъ 1822 года имѣемъ *восемнадцать стихотвореній*,—меньше предъидущаго года; но теперь Пушкинъ занялся поэмами.

[107]) Тоже замѣчаніе повторено въ письмѣ къ брату, написанномъ въ началѣ слѣдующаго года, при вторичной посылкѣ стиховъ къ Глинкѣ (въ первый разъ они не дошли до него): «Душа моя, какъ перевести порусски *Bevues?* Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues*. Мы бы помѣстили тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Р., его же гербъ Россійскій на вратахъ византійскихъ. (Во время Олега, герба русскаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на зап. и вост.; у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bevues*; поговори объ этомъ съ нашими.»—Говорится о стихахъ въ *Думѣ* Рылѣева. *Олегъ Вѣщій:*

Прибилъ свой щитъ *съ гербомъ Россіи*
Къ Царьградскимъ воротамъ.

Черезъ два года, когда вышло собраніе *Думъ* Р., Пушкинъ не позабылъ написать ему: «Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ *герба* Россіи. Древній гербъ, св Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III-го, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ, на показаніе побѣды»

книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, вышла въ послѣднихъ числахъ декабря 1822 года (ценз. дозволеніе А. Бирюкова 30 ноября), въ 16 долю листа, 390 и 4 нен. стр. Успѣхъ былъ небывалый. И новость предпріятія, и самое содержаніе, даже и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, не утратившее отчасти своихъ достоинствъ, и наконецъ имена издателей обратили всеобщее вниманіе на этотъ первый у насъ альманахъ. Публика, еще до до объявленія о выходѣ, стала раскупать его [108]). Кромѣ Карамзина, занятаго своей исторіей и никогда не раздроблявшаго ее въ напечати, тутъ участвовали всѣ лучшіе писатели. Жуковскій, кн. Вяземскій, Давыдовъ, Дельвигъ, Гнѣдичь и пр. Объ участіи Пушкина мы уже говорили. Много шуму возбудила передовая статья Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи*. Послѣ общаго обозрѣнія, Бестужевъ перечислялъ писателей, и о каждомъ сказалъ по нѣскольку довольно уклончивыхъ, но замысловатыхъ изрѣченій. Одни обидѣлись этими приговорами, другіе тѣмъ, что объ нихъ вовсе не было упомянуто, и въ журналахъ поднялась полемика. Приверженцевъ старины, представителемъ которыхъ былъ *Вѣстникъ Европы*, особенно оскорбляло то, что молодой драгунскій офицеръ-самоучка судилъ и рядилъ заслуженныхъ писателей. Но къ Пушкину *Полярная Звѣзда* была очень любезна. Онъ поставленъ на ряду съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, и про него сказано (стр. 24 — 25): „Еще въ младенчествѣ, онъ изумилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности дался ему кладъ русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь, и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами.... Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты; языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка; не упоминаю о плавности ихъ — по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ!“ Кромѣ того Бестужевъ помѣстилъ четыре стиха изъ *Кавказскаго Плѣнника* эпиграфомъ къ своей повѣсти изъ быта древнихъ Новгородцевъ: *Романъ и Ольга*, напечатанной въ *Полярной Звѣздѣ*. Повѣсть эта очень замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ попытокъ разсказа, съ соблюденіемъ исторической обстановки. Мысль, очевидно вызванная романами Вальтеръ-Скотта, отъ которыхъ всѣ тогда сходили съ ума, и сильно занимавшая потомъ Пушкина.

Альманахъ былъ немедленно посланъ къ Пушкину вмѣстѣ съ деньгами за стихи. „Благоразумный Левинька — пишетъ Пушкинъ къ брату 30 января 1823 года — благодарю за письмо. Жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно *Кавказскому Плѣннику*. Бестужевъ прислалъ мнѣ *Звѣзду*, эта книга достойна всякаго вниманія. Жалѣю, что Баратынскій поскупился [109]), я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и *Русланъ*, и *Плѣнникъ*, и *Noel* и все дрянь въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Р. и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье*, *тревожныхъ думъ* — слово употребляемое знаменитымъ Р., но которое по-русски ничего не значитъ. *Воспоминаніе и брата и друзей* — стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоской [110]). Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Гликѣ полюбились мои

---

108) Такъ именно сказано въ послѣднемъ номерѣ *С. Отеч.* 1822 года. Цѣна *Полярной Звѣзды* была на бѣлой бумагѣ 8 р., на веленевой 10; за пересылку 2 р — по теперешнему это очень дорогая цѣна.

109) Баратынскій далъ въ *П. Звѣзду* 1823 года стихи *Весна* (На звукъ цѣвницы голосистой) и автобіографическое посланіе *къ Дельвигу* (Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой).

110) Слѣдовало *привычныхъ* думъ; а вмѣсто *и брата* въ *Звѣздѣ* было *и братьевъ*.

стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели.... Гнѣдичь у меня перебиваетъ лавочку:

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч. непростительно прелестно; зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя, добился ты наконецъ до точности языка, единственной вещи, которой тебѣ не доставало. En avant! marche.“

Намекъ о Глинкѣ остается для насъ непонятенъ, Гнѣдичь заслужилъ такую похвалу за Элегію *Тарентинская Дѣва*, гдѣ описана смерть Эвфрозины, которая плыла на кораблѣ къ жениху и утонула; двумя звѣздочками помѣчены два стихотворенія самаго Пушкина; а Дельвигъ помѣстилъ въ *Полярной Звѣздѣ* извѣстную пѣсню свою: *Ахъ ты ночь ли ноченька*, *Сельскую Элегію*, прекрасный сонетъ *Вдохновенье* и еще пѣсню *Роза ль ты розочка*, которую до сихъ поръ распѣваютъ наши провинціальныя барышни.

Довольно замѣчательно, что къ самому Бестужеву на присылку *Полярной Звѣзды* Пушкинъ отозвался только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ его письмо къ нему, уже отъ 13 іюня 1823: „Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за *Полярную Звѣзду*, за твои письма, за статью о литературѣ, за *Ольгу* и особенно за *Вечеръ на бивакѣ*. Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. *О взглядѣ* можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Русской Словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу, а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. *Елисей* истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

— А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ; а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и понесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно [111]). Въ разсужденіи 1824 г. постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни, но нельзя ли вновь осадить цензуру и со втораго приступа овладѣть моей анѳологіей. Разбойниковъ я сжегъ и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ *Полярной Звѣзды*, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются; онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви [112]). Дельвигъ

---

[111]) Во *Взглядѣ* Бестужева сказано: «Въ шутовскомъ родѣ извѣстны у насъ *Майковъ* и *Осиповъ*. Первый (1725 — 1778) оскорбилъ вкусъ своею поэмою *Елисей*. Второй, въ *Энеидѣ на изнанку*, довольно забавенъ и оригиналенъ.» Елисей дѣйствительно неприличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но смѣшонъ необыкновенно, и едва ли не выше *Опаснаго Сосѣда*.—Въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Словесности*, Н. И. Греча, появившемся въ началѣ 1822 года, не сказано ни слова о Радищевѣ. Про себя Пушкинъ прочелъ тамъ такой отзывъ: «Важнѣйшее его сочиненіе есть романтическая поэма *Русланъ и Людмила:* въ ней видны необыкновенный духъ піитическій, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, обѣщаютъ принести драгоцѣнные плоды....»

[112]) *Аркадій Гавриловичъ Родзянка*, стихотворецъ и пріятель Пушкина. То, что о немъ здѣсь

мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимете его за меня. Онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня. Прощай до свиданья.“

Письмо это уже писано изъ Одессы. Когда именно Пушкинъ переѣхалъ туда, мы не можемъ опредѣлить съ точностью. Въ генварѣ 1823 года онъ еще не теряетъ надежды возвратиться въ Петербургъ, какъ видно по письму его къ брату отъ 30 числа этаго мѣсяца: »Прощай, душа моя! если увидимся, то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ ... Непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется.“ Но видно Пушкину надоѣло дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга, и захотѣлось непремѣнно прогуляться. Къ тому же и средства на этотъ разъ нашлись. Онъ въ это время былъ при деньгахъ. Такъ, на святкахъ съ 1822 на 1823 годъ, въ Кишиневѣ устроился большой балъ по подпискѣ. Молодые Молдаване задумали было дать праздникъ, но приглашали на него по выбору. Тогда Русская молодежь, нарочно имъ въ укоръ, сложилась между собою и на свой балъ пригласила все общество, не обходя никого. Пушкинъ тоже далъ вкладу 100 рублей: „Смотри же, ни копѣйки больше“, сказалъ онъ, отдавая эти деньги В. П. Горчакову. Кстати здѣсь привести любопытную черту, сообщенную тѣмъ же пріятелемъ Пушкина. У него накопилось нѣсколько золотыхъ монетъ: онъ суевѣрно берегъ ихъ, и ни за что не хотѣлъ тратить, бы какъ ни велика была нужда.

Самъ Пушкинъ такъ разсказывалъ брату о своемъ переселеніи въ Одессу: „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Рестораціи и итальянская опера напоминали мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково; объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь; мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, пропровелъ ихъ неизъяснимо элегически, и выѣхавъ оттуда навсегда о Кишиневѣ я вздохнулъ» [113]).

Это писано изъ Одессы, 25 августа; но выраженіе *три мѣсяца*, кажется, не точно; вышеприведенное письмо къ Бестужеву, отъ 13 іюня, противорѣчитъ этому показанію. Кромѣ того, въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля опредѣлительно сказано, что Пушкинъ пріѣзжалъ изъ Одессы въ Кишиневъ на двѣ недѣли, въ половинѣ марта мѣсяца. Стихотвореніе 1823 года *на выпускъ птички* по тону своему принадлежитъ еще, какъ намъ кажется, Бессарабіи и свидѣтельствуетъ, что день Благовѣщенія онъ провелъ въ Кишиневѣ. Вигель написалъ ему въ Одессу, что старикъ Инзовъ зоветъ его къ себѣ назадъ и что кишиневскія дамы соскучились по немъ. Пушкинъ тотчасъ явился проститься съ Кишиневымъ. Эти двѣ недѣли онъ прожилъ въ квартирѣ Н. С. Алексѣева, которому писалъ впослѣдствіи (въ ноябрѣ 1826 года), вспоминая Бессарабію, и начиная письмо стихами Жуковскаго:

«Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ.“

Вскорѣ переѣздъ Пушкина въ Одессу получилъ оффиціальное подтвержденіе. Указомъ 7 мая 1823 года, новороссійское генералъ-губернаторство и вмѣстѣ намѣстничество въ Бессарабіи поручены были графу

говорится, требуетъ поясненія, котораго мы дать не можемъ.

[113]) Сличи заключительные стихи *Шильонскаго Узника:*

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ,
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ,

М. С. Воронцову. Инзовъ остался, какъ за три года передъ тѣмъ, только попечителемъ колонистовъ южнаго края. Бессарабская намѣстничья канцелярія переѣхала въ Одессу, которую гр. Воронцовъ назначилъ по прежнему центромъ управленія. Вмѣстѣ съ другими чиновниками, и Пушкинъ перечислился въ Одессу, что̀ огорчило старика Инзова. Не смотря на хлопоты, которыя доставлялъ ему Пушкинъ, старый добрый генералъ горевалъ о немъ и говорилъ про него Вигелю: „Вѣдь я могъ бы удержать его; онъ былъ присланъ ко мнѣ, попечителю, а не къ бессарабскому намѣстнику."

Такъ отзывался человѣкъ, приставленный смотрѣть за его поведеніемъ. Такъ точно было и во всемъ кишеневскомъ обществѣ: Пушкину простили его дуэли, запосчивыя рѣчи и шалости, и имя его остается памятно и любезно городу Кишиневу.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ВОСПОМИНАНІЙ И. П. ЛИПРАНДИ.

Замѣтки на предъидущую статью.

Замѣтки эти взяты изъ моего дневника, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнены изъ памяти: цѣлью ихъ было исправленіе нѣкоторыхъ вкравшихся въ статью о Пушкинѣ погрѣшностей касательно мѣстности, лицъ и событій, что̀ бываетъ всегда неразлучно съ тяжелымъ трудомъ соединенія множества повѣствованій — въ одно цѣлое. Встрѣчающіяся здѣсь подробности набросаны только для соображенія будущимъ біографамъ Пушкина. *И. Л.*

Стр. 1101. Генералъ Раевскій вывелъ въ дѣло двухъ, еще почти малолѣтнихъ, сыновей своихъ, не въ *Смоленскѣ*, а прежде, именно въ сраженіи при *Салтановкѣ*, іюля 11-го дня, что̀ извѣстно было въ обѣихъ арміяхъ и что̀, между прочимъ, разсказано и у Данилевскаго (т. 1, стр. 329-й изд. 1839 г.), и при этомъ случаѣ упомянутъ и подвигъ шестнадцатилѣтняго юнкера, ровестника съ Раевскими, несшаго впереди полка знамя, при переходѣ чрезъ греблю, подъ убійственнымъ огнемъ; и когда младшій [1] изъ Раевскихъ просилъ у него знамя, подъ предлогомъ, что тотъ усталъ — „дайте „мнѣ нести знамя", юнкеръ, не отдавая онаго, отвѣчалъ: „Я самъ умѣю умирать" [2]! Г. Богдановичъ выпустилъ въ своей „Отечественной войнѣ" этотъ патріотическій подвигъ, равно какъ и многіе другіе, занесенные въ исторію современниками.

Стр. 1114. „Гурзуфъ" „Юрзуфъ": такъ попеременно называется. Первое не извѣстно въ краѣ.

Стр. 1122. При исчисленіи службы и качествъ Инзова, не упомянуто главное, что онъ былъ начальникомъ штаба въ арміи графа Бенингсена въ 1813 и 1814 годахъ, — обязанность, требовавшая многихъ познаній и качествъ въ ту эпоху, когда мы были еще богаты людьми.

Стр. 1124. Неправильно сказано: „Подъ турецкимъ управленіемъ и долго „послѣ Кишиневъ оставался большимъ „хуторомъ: у тамошнихъ простолюди-

(1) Николай Николаевичъ.

(2) Имя этого героя нигдѣ не упоминается. *П. Б.*

„новъ онъ до сихъ поръ слыветъ подъ „именемъ *Кишла*, что по молдавански, „говорятъ, значитъ — *овчарня*“.

Кишиневъ дѣйствительно, какъ нѣкоторые выводятъ, получилъ свое названіе отъ „Кишла“, съ приложеніемъ „ноу“ новый, „*Кишла-ноу*“; если это и такъ, то, конечно, съ незапамятныхъ временъ; хуторомъ же „во время Турокъ“, а еще менѣе „и долго послѣ“ онъ быть не могъ, потому-что по занятіи Турками Молдавіи, Кишиневъ былъ мѣстопребываніемъ сердаря, имѣвшаго свой диванъ и двухъэтажный домъ, въ которомъ находилось и судилище. Домъ этотъ, съ расписанными своими потолками, существовалъ во время пребыванія въ Кишиневѣ Пушкина; тутъ жилъ, съ семействомъ изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей, нѣкогда бывшій сердарь Эдибъ-Оглу, или (какъ ведется въ томъ краѣ) подъ болѣе облагороженнымъ названіемъ: Эдибъ-Заде, что значитъ одно и тоже на турецко-татарскомъ и и арабскомъ языкахъ. Домъ этотъ находился возлѣ стараго собора, въ нижней части города. Въ Румянцовскую войну, около Кишинева, дѣйствовалъ генералъ-аншефъ графъ М. Ѳ. Каменскій. Здѣсь убитъ сынъ Буджацкаго хана, и Кишиневъ упоминается не хуторомъ, а городкомъ. По присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, монастырь Св. Гроба, коему мѣсто это принадлежало, уступилъ оное нашему правительству, и экзархъ Гавріилъ, избравъ его, какъ болѣе центральное, построилъ митрополію на возвышеніи къ югу отъ города. Ф. Ф. Вигель въ оспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что, когда провозили тѣло Потемкина (значитъ, что это было въ 1792 году), то въ Кишиневѣ была одна каменная церковь, и около нея двадцать домовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ пожара, и сотня обгорѣвшихъ; что послѣ Ясскаго мира число жителей начало увеличиваться, и тутъ онъ называетъ уже Кишиневъ не селеніемъ, а мѣстечкомъ, и наконецъ, въ его пріѣздъ, въ 1823 году, въ немъ было не два-три каменныхъ дома, но семь-восемь (3). Это не вѣрно, какъ и по большей части все, что говоритъ Вигель о Бессарабіи вообще и о Кишиневѣ въ особенности. Онъ писалъ объ этомъ краѣ подъ вліяніемъ неудовольствія за неудовлетвореніе безграничнаго своего самолюбія, и въ этомъ случаѣ прибѣгаетъ къ приписанію себѣ всего, что было сдѣлано лучшаго въ области, хоть это и опровергается оффиціальными фактами, имѣющимися въ рукахъ другихъ. Чрезъ два года Вигель оставилъ Бессарабію точно также, какъ и всѣ предшествовавшія мѣста, по неуживчивости своего характера и отчасти по образу своей жизни и привычекъ, которыя скоро обнаруживались. Воспоминанія его найдутъ своего критика.

Неправильно также, что во время Пушкина „нынѣшній верхній правильный или новый городъ, построенный „на плоской возвышенности, тогда только возникалъ. Тамъ находилась митрополія, *два-три хорошихъ дома*, въ „томъ числѣ домъ Крупянскаго, гдѣ находились театръ и присутственныя мѣста, и *цѣлый особый кварталъ Булгарія, занятый недавними переселенцами Булгарами*“ (4).

(3) Неизвѣстно, ограничивается ли Вигель верхнимъ городомъ или и нижнимъ вмѣстѣ, тогда выйдетъ разница уже очень большая. — Подъ Русскимъ правительствомъ оживился весь тотъ край: въ Кишиневѣ нынѣ по академ. мѣсяцеслову на 1866 г. считается слишкомъ 94 тысячи жителей П. Б.

(4) Булгарія лежитъ не въ верхнемъ городѣ, а въ самой низменной части онаго, около рѣчки Быка, болотистые берега коей превращены Болгарами въ огороды и пр. Построена церковь, фонтаны, бани, и все это существовало во время Пушкина

Когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, то въ верхнемъ или нагорномъ, или какъ онъ въ статьѣ называется „новомъ городѣ", отъ упоминаемой митрополіи находился по той же линіи къ западу большой каменный (въ два этажа и съ подвальнымъ) домъ, въ коемъ помѣщалось училище; далѣе — клубный домъ или кассино (тутъ же и городской садъ). Противъ сада былъ уже заложенъ большой каменный домъ, съ флигелями, Варѳоломея; за нимъ каменные дома: Танскаго, генерала Я. Я. Черемисинова, князя Александра Кантакузина; деревянный съ флигелемъ, князя Георгія Кантакузина, а къ выѣзду на Скуляны—домъ Мило. На востокъ отъ митрополіи, по той же линіи, два большіе каменные же флигеля Деческула (главный корпусъ не былъ отстроенъ). Черезъ площадь, параллельно митрополіи, упомянутый домъ Крупянскаго; возлѣ него къ западу, чрезъ улицу, каменный же домъ Кешко, въ которомъ помѣщался верховный совѣтъ; рядомъ домъ Стрижевскаго.

Къ востоку отъ дома Крупянскаго, по той же линіи—другой каменный домъ Варѳоломея, гдѣ давались балы и вечера. Насупротивъ обгороженный пространный домъ съ флигелями, Рали (Земфираки).

По улицѣ, лежащей сзади дома Крупянскаго, параллельной фасаду онаго, къ западу, домъ мѣстнаго литератора и поэта Стамати, съ маленькимъ позади садомъ, въ которомъ поставленъ хозяиномъ, въ память П. П. Свиньина, жившаго у него, памятникъ.

На востокъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Крупянскаго, послѣ мелкихъ домовъ, большой каменный домъ содержателя французскаго магазина Дюпона. Еще далѣе, между домовъ средней величины, но чистыхъ, каменный— гдѣ, въ двухъ отдѣльныхъ строеніяхъ, помѣщалась почтовая контора и жилъ почтмейстеръ полковникъ *Алексѣевъ*, съ женой и двумя свояченицами. Съ площади, между линіями митрополіи и дома Крупянскаго, въ улицѣ, идущей на востокъ, на лѣво, на углу, выходилъ домъ Рали, на право два большихъ дома, фасадами на площадь: уголовная палата и домъ пресѣдателя оной, д. с. с. Курика. Недалеко гражданская палата. Далѣе по улицѣ: на лѣво, большой домъ купца Чаплыгина, съ флигелями, баней и пр.; потомъ среди двора, большой каменный, въ два этажа, домъ губернатора. Насупротивъ, два дома Майе: въ одномъ изъ нихъ дѣвичій пансіонъ (тутъ же помѣщалась и сама хозяйка съ замужней племянницей), другой домъ, столь же большой, занятъ былъ кабинетомъ генерала Орлова и пр. Самъ же Михайло Ѳедоровичъ жилъ черезъ улицу въ угловомъ домѣ, каменномъ и очень просторномъ. Далѣе, по этой же сторонѣ, каменный домъ съ флигелями д. с. с. Недобы. На противоположной сторонѣ большой домъ съ флигелемъ, гдѣ помѣщался начальникъ съемки полковникъ Корниловичъ. Еще далѣе такіе же дома армянскаго архіерея, и Мавроска.

За митрополіею, въ улицѣ параллельной фасаду, нѣсколько очень конфортабельныхъ домовъ; въ одномъ изъ нихъ помѣщался членъ верховнаго совѣта Н. В. Сушковъ, въ другомъ д. с. с. Варламъ; далѣе, членъ казенной палаты Фурманъ, семейный и дававшій вечера; тутъ же домъ каменный благочиннаго Лончковскаго; домъ губернскаго землемѣра Эйтнера, жена коего держала женскій пансіонъ. Конечно, все это не столичныя палаты, но и не уступали общимъ губернскимъ зданіямъ и находились уже тогда, когда Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, а не „два-три дома", что̀ какъ бы проти-

ворѣчитъ сказанному ниже, что „Орловъ занималъ *два большіе дома* въ „новомъ Кишиневѣ“. Дома эти далеко были менѣе многихъ другихъ.

Верхняя или нагорная часть Кишинева начала принимать другой видъ, пять лѣтъ спустя послѣ выѣзда изъ него Пушкина, и только въ 1828 году на площади, между митрополіей и домомъ Крупянскаго, заложенъ соборъ, и около его начали возвышаться строенія, а равно и въ другихъ мѣстахъ, что̀ тогда только и дало городу другой видъ.

Стр. 1125. Бессарабская область не была занята корпусами второй арміи, а только 6-мъ корпусомъ, подъ начальствомъ Сабанѣева, котораго и корпусная квартира не находилась въ области, а въ Тирасполѣ.

Тамъ же. На этой и послѣдующихъ страницахъ говорится о Кишиневскомъ обществѣ во время пребыванія въ этомъ городѣ А. С. Пушкина. Здѣсь я войду въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть слишкомъ пространныя, но они могутъ исправить нѣсколько погрѣшностей, вкравшихся въ статью.

Періодъ времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, относительно общества, долженъ дѣлиться на двѣ части: *первая*, съ сентября 1820 года, когда онъ пріѣхалъ, до мая 1821-го, когда Кишиневъ началъ наводняться, по случаю гетеріи, боярами изъ Придунайскихъ княжествъ, преимущественно изъ Молдавіи и нѣсколькими семействами фанаріотовъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ Турціи. *Вторая* часть съ мая 1821-го по іюль 1823 года, когда Пушкинъ оставилъ Кишиневъ и переѣхалъ въ Одессу. Оба періода представляютъ большую между собою разницу относительно общества.

Очень справедливо сказано, что Кишиневское общество слагалось „изъ трехъ „довольно рѣзкихъ отдѣловъ“. Въ первомъ, міръ чиновный; второй—составляли Молдаванскіе бояре, одни находились на службѣ, другіе зажиточные помѣщики; и наконецъ, третій „самый замѣчательный“ отдѣлъ—изъ людей военныхъ.

Составъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ вызываетъ примѣчанія, а именно:

О первомъ отдѣлѣ сказано: „Тутъ были прежде всего чиновники мѣстнаго управленія, адъютанты Инзова и его канцелярія. *Правителемъ* ея былъ Лексъ, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ“.

Замѣчу прежде о *Михайлѣ Ивановичѣ Лексѣ.* Въ то время онъ не былъ правителемъ *канцеляріи* Инзова, которой начальникомъ былъ, во все пребываніе Пушкина въ Кишиневѣ, С. С. Криницкій ([5]). Лексъ былъ столоначальникъ, исправлявшій иногда должность начальника отдѣленія и жилъ вмѣстѣ съ другими двумя начальниками отдѣленій, Шепелевымъ и Д. В. Сафоновымъ (также какъ и онъ титулярными совѣтниками, съ тою только разницей, что послѣдніе оба образовались въ университетѣ, а Лексъ, по существующимъ тогда правиламъ, былъ въ числѣ, какъ въ то время называли — «вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ“). Онъ рѣшительно не имѣлъ никакого образованія. Будучи родомъ Смоленской губерніи, онъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, поступилъ тамъ на службу и тамъ достигъ до титулярнаго совѣтника. Съ назначеніемъ А. Н. Бах-

---

([5]) Это не гармонируетъ и съ выноской подъ № 35, въ которой приведены слова Пушкина о Лексѣ: „Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время *неизвѣстный молодой чиновникъ*, нынѣ занимающій важное мѣсто.“ Директоръ канцеляріи намѣстника не могъ быть *чиновникомъ неизвѣстнымъ*. Это было сказано Пушкинымъ чрезъ 12-ть лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ южный край и именно, когда Лексъ былъ уже директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

метева въ тотъ край, нуждавшійся въ Русскихъ чиновникахъ, въ числѣ другихъ прибылъ въ Бессарабію и Лексъ. Обладая большимъ здравымъ смысломъ, онъ постигъ тайны канцелярскія, скоро обнималъ дѣла, быстро работалъ; начальство его любило. Слушаю-съ, очень хорошо-съ, какъ прикажете-съ, превосходно-съ и т п. было во всю его службу неизмѣнною заповѣдью. Онъ былъ въ высшей степени честенъ, любимъ всѣми товарищами и готовъ на услуги всѣмъ и каждому. Лексъ не посѣщалъ семейнаго Кишиневскаго общества, можетъ быть, потому, что не зналъ иностранныхъ языковъ; но охотно бывалъ въ обществѣ холостяковъ, преимущественно между военными, къ числу которыхъ любилъ причислять и себя, на томъ основаніи, что въ 1812 году онъ былъ въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ при смоленскомъ губернаторѣ баронѣ Ашѣ, выѣхавшемъ на встрѣчу арміи къ границѣ Витебской губерніи и сопровождавшемъ войска чрезъ всю свою губернію до Московской. Лексъ и не пропускалъ ни одного случая разсказывать различные эпизоды..... Пушкинъ по воскресеньямъ встрѣчалъ его за обѣдомъ у Д. Н. Бологовскаго, который былъ также Смольнянинъ, а чаще всего у меня по вечерамъ; но особеннаго знакомства съ нимъ не велъ, и оно должно отнестись ко времени службы ихъ обоихъ въ Одессѣ. Въ обществѣ Лексъ былъ очень веселъ, съ огромнымъ запасомъ анекдотовъ, не прочь отъ стакановъ. Онъ не останавливался входить въ разсужденія о разныхъ предметахъ, и вообще выдавалъ себя за всезнайку. Пушкинъ не могъ не замѣтить сего; но онъ, повторяю, могъ почтить въ немъ безукоризненную честность, веселость, быстрое соображеніе. Во всякомъ случаѣ въ Кишиневѣ Пушкинъ былъ очень мало знакомъ съ Лексомъ, а это, говорю я, должно отнести къ Одессѣ, гдѣ Михайло Ивановичъ на служебной стезѣ стоялъ уже выше, чѣмъ въ Бессарабіи (6), и приведенныя слова:

„Михайло Ивановичъ Лексъ
„Прекрасный человѣкъ-съ."

---

(6) Графъ Воронцовъ, не пріѣзжая еще въ Кишиневъ изъ Одессы, по праву намѣстника, уволилъ всю намѣстничью канцелярію; въ этомъ числѣ былъ и Лексъ, съ его обоими товарищами Д. В. Сафоновымъ и Шепелевымъ. Пріѣхавъ вслѣдъ затѣмъ въ Кишиневъ, графъ Воронцовъ имѣлъ при себѣ только одного Никанора Михайловича Лонгинова и адъютанта князя Шаховскаго. Въ недѣлю, дѣятельность Н. М. Лонгинова удовлетворила графа, относительно свѣдѣній о бывшей канцеляріи намѣстника. Лонгиновъ возвратился въ Одессу; а графъ, увидѣвъ меня, пригласилъ опять на службу (которую я за три мѣсяца предъ тѣмъ оставилъ) опредѣлилъ тотчасъ и, какъ я былъ близко ему извѣстенъ съ 1812 по 1819 годъ, то и взялъ съ собой для объѣзда на этотъ разъ южной части области что и совершено было чрезъ Леово, Ренни, отсюда по Дунаю въ Измаилъ, потомъ въ Аккерманъ, далѣе чрезъ Маяки въ Одессу. Въ Маякахъ я былъ оставленъ для опроса жаловавшихся чумаковъ, пріѣзжавшихъ въ Аккерманъ за солью. Графъ съ княземъ Шаховскимъ уѣхали. Въ продолженіи поѣздки этой, графъ ознакомился съ лицами, составлявшими канцелярію, и такъ какъ свѣдѣнія о Лексѣ, Сафоновѣ и Шепелевѣ, переданныя ему, были удовлетворительны, а главное, что они не были Поляками, коихъ Криницкій большею частію подобралъ: то, по возвращеніи моемъ въ Кишиневъ, мнѣ и велѣно было передать приказаніе имъ троимъ явиться къ А. И. Казначееву въ Одессу. Они были сдѣланы начальниками отдѣленій по губерніямъ: Лексу досталось отдѣленіе Бессарабское. Особые законы и права области, мало, или лучше сказать, вовсе неизвѣстные, сблизили Лекса съ Казначеевымъ. Въ томъ же году, въ октябрѣ, во время смотра государемъ 2-й арміи въ Тульчинѣ, Лексъ представленъ былъ въ 8-й классъ, ибо онъ не могъ быть по закону произведенъ въ коллежскіе ассесоры, какъ его товарищи.

должно отнести также къ Одессѣ. Это изреченіе сопровождало Лекса до гроба; въ Кишиневѣ же, во время пребыванія Пушкина, оно еще не было извѣстно.

Затѣмъ адъютанты Инзова: маіоръ *Малевинскій* и братъ его (вскорѣ назначенный на мѣсто Ватекіоти для управленія Болгарскими колоніями въ возникавшемъ Болградѣ), оба были люди скромные, подобно своему генералу; ихъ происхожденіе, какъ тогда думали, было таинственное, какъ и самаго Ивана Никитича Инзова. Капитанъ Гильдешанцъ, какъ говорится, непроходимый нѣмецъ, педантъ, завѣдывалъ хозяйствомъ генерала. Эти люди не могли привязать къ себѣ не только-что пылкаго и остроумнаго Пушкина, но и кого бы то ни было.

Далѣе, на той же 1125 стр., сказано: „Изъ чиновниковъ, состоявшихъ при Инзовѣ, Пушкинъ особенно былъ друженъ съ недавно умершимъ Николаемъ Степановичемъ Алексѣевымъ ([7]) „и съ нимъ вмѣстѣ часто посѣщалъ „чиновника горнаго вѣдомства Эльфректа, страстнаго охотника до старинныхъ монетъ.„

Тогда коллежскій секретарь, Николай Степановичь Алексѣевъ, покрайней мѣрѣ десятью годами старѣе Пушкина, былъ вполнѣ достоинъ дружескихъ къ нему отношеній Александра Сергѣевича. У нихъ были общіе знакомые въ Петербургѣ и Москвѣ; и въ Кишиневѣ Алексѣевъ, будучи старожиломъ, ввелъ Пушкина во всѣ общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словомъ, онъ изъ гражданскихъ чиновниковъ былъ одинъ, въ лицѣ котораго Пушкинъ могъ видѣть въ Кишиневѣ подобіе образованнымъ столичнымъ людямъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть. О другихъ скажется далѣе, а здѣсь замѣчу, конечно опечатку.

„Чиновникъ горнаго вѣдомства" былъ не „*Эльфректъ*", какъ онъ вездѣ въ статьѣ называется, а Эйхфельдъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ-берггауптманъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ ученый нѣмецъ, флегматикъ, равнодушный ко всему и къ самой женѣ своей; онъ придерживался одного пунша, но и это дѣлалъ не такъ-какъ другіе: онъ любилъ поймать кого нибудь и засѣсть за столикъ съ поставленнымъ чайникомъ и бутылкой рому ([8]). Я былъ очень близко знакомъ съ нимъ, а потомъ и въ тѣсныхъ служебныхъ сношеніяхъ; но въ первый разъ слышу, что онъ былъ страстный охотникъ до старыхъ монетъ. Здѣсь это передано неправильно; одинаково не вѣрно и то, что Пушкинъ часто посѣщалъ его.

Я долженъ сказать о немъ еще нѣсколько словъ и именно потому, что ниже опять говорится о немъ: Одна „изъ родственницъ Крупянскаго (урожденная Мило), была за чиновникомъ „горнаго вѣдомства, статскимъ совѣтникомъ Эльфректомъ (т. е. Эйхфельдтомъ) „и слыла красавицей. Пушкинъ хаживалъ „къ нимъ и нѣкоторое время былъ очень „любезенъ съ молоденькою женой нумизмата, *въ которую влюбился* и его пріятель Н. С. Алексѣевъ и которая, окружая себя разными родственниками молдаванами и греками, желала казаться „равнодушной къ Русской молодежи". Далѣе слѣдуютъ стихи, какъ бы упрекающіе Алексѣева въ ревности и т. д.

Послѣ этого изъ 8-го класса произведенъ въ надворные совѣтники и т. д. За все это онъ былъ обязанъ А И. Казначееву, котораго мѣсто въ послѣдствіи и занялъ.

([7]) Онъ принадлежалъ къ штату намѣстника.

([8]) Онъ кончилъ имъ и жизнь, вступивъ въ состязаніе съ генераломъ Ферстеромъ на вечерѣ у генерала князя Пхейзе въ Бендерахъ. Развившаяся водяная въ груди скоро свела его въ могилу.

Изъ выноски видно, что это выдержки изъ дневника В. П. Горчакова.

Какъ ни уважаю я засвидѣтельствованіе Владиміра Петровича, раздѣлявшаго съ Алексѣевымъ дружескія сношенія съ Пушкинымъ, но здѣсь не раздѣляю сказаннаго. Алексѣевъ находился въ Кишиневѣ съ 1818 года, и когда я пріѣхалъ, то уже молва носилась, что онъ былъ поклоникомъ Марьи Егоровны, слѣдовательно; слово, *влюбился*, сказанное въ 1820 году, должно бы быть замѣнено *влюбленъ*. Пушкинъ былъ любезенъ со всѣми хорошенькими, а Эйхфельдтъ *не слыла*, а дѣйствительно была хороша и хорошо образована; мужъ ея не соотвѣтствовалъ ей ни тѣмъ, ни другимъ; и чуть ли не Пушкинъ первый далъ этой парѣ кличку—„Земира и „Азоръ", сдѣлавшуюся скоро общей. Образованіе Ивана Ивановича Эйхфельдта состояло въ тяжелой учености горнаго дѣла. Сколько я понималъ Пушкина, то онъ, зная связи Алексѣева, не посягнулъ бы на его права. Но главное здѣсь заключается въ послѣднихъ строкахъ, что „Марья Егоровна, „окружая себя разными родственниками „молдаванами и греками, желала казать„ся равнодушной къ Русской молоде„жи." Невполнѣ понимаю, что это выражаетъ, но знаю положительно, что все семейство Мило отличалось преданностью къ Русскимъ, и обѣ его дочери были за мужемъ за Русскими: старшая, Пулхерія Егоровна, была за Бѣлугой-Кохановскимъ, домъ котораго былъ всегда полонъ Русскими, находившими тамъ радушное хлѣбосольство. Младшая, Марья, за Эйхфельдтомъ, который, никакъ не стѣсняя жены, жилъ, какъ нѣмецъ, безъ общества у себя. У Кохановскаго сблизился и Алексѣевъ съ сестрой хозяйки: это одна изъ тайнъ, близко мнѣ извѣстныхъ. по одному случаю. Обращаюсь къ 1125 страницѣ.

Первый отдѣлъ Кишиневскаго общества оканчивается: „Изъ мѣстныхъ влас„тей слѣдуетъ упомянуть еще о вице„губернаторѣ Крупянскомъ и другомъ „Алексѣевѣ, областномъ почтмейстерѣ." За симъ слѣдуетъ: „Второй отдѣлъ Ки„шиневскаго общества, которое состав„ляли Молдаванскіе бояре: одни, занимав„шіе должностныя мѣста въ городѣ, какъ „напримѣръ, *изъ знакомыхъ Пушкина*, „губернаторъ Катакази, женатый на сес„трѣ кн. А. Ипсиланти, и членъ вер„ховнаго правленія Егоръ Кирилловичъ „Варѳоломей; другіе—просто зажиточные „помѣщики, жившіе въ Кишиневѣ для „удовольствія: Прункулъ, Балшъ и др."

Приведенный конецъ перваго отдѣла и весь второй—не отчетливы и не достаточны. М. Е. Крупянскій, упоминаемый въ первомъ отдѣлѣ, долженъ быть отнесенъ во второй, гдѣ Катакази, Варѳоломей и Прункулъ, потому что былъ также не Русскій, а Молдавано-грекъ, женатый на Гречанкѣ, или, наконецъ, эти помѣщены съ нимъ вмѣстѣ въ первый. Иванъ Константиновичъ Прункулъ былъ „не просто зажиточный помѣщикъ," а также, какъ и Варѳоломей, членъ верховнаго совѣта, и оба имѣли Русскіе чины, какъ и Крупянскій. Во все пребываніе Пушкина въ Кишиневѣ, Балша, единственнаго тогда Бессарабскаго помѣщика (каммергера Ивана, извѣстнаго подъ именемъ Янко), не только что въ Кишиневѣ, но и въ извѣстномъ его помѣстьѣ Гура-Галбина, не было. Въ началѣ онъ жилъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Появленіе трехъ Балшей въ Кишиневѣ принадлежитъ второй части пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, т. е. съ мая 1821-го по іюль 1823 года. Но эти Балши были бѣжавшими, по случаю гетеріи, изъ Яссъ, а не Бессарабскими помѣщиками, или чиновниками (*).

(*) Тодоръ Балшъ, ворникъ княжества, имѣв-

Изъ вышеназванныхъ жили открыто только: Крупянскій, у котораго почти каждый вечеръ собиралось общество играть въ карты и часто къ обѣду; и Варѳоломей—на пляску по вечерамъ. У каждаго изъ нихъ общество было свое; можно сказать, что только Н. С. Алексѣевъ и Пушкинъ посѣщали и то и другое, но первый очень рѣдко или едва ли, въ мое время, и былъ когда на вечерахъ Варѳоломея. У Прункула рѣшительно не бывало никакихъ собраній. Почтмейстеръ Алексѣевъ, хлѣбосолъ, иногда затаскивалъ къ себѣ обѣдать, но ни онъ, ни жена его Александра Ивановна, не могли интересовать никакое общество, исключая трехъ-четырехъ постороннихъ партнеровъ на вечерній вистъ. Въ числѣ этихъ партнеровъ былъ неизмѣннымъ И. Н. Лановъ, съ которымъ Пушкинъ, гдѣ бы то ни было, встрѣчаться не могъ, какъ видно будетъ далѣе. Объ этомъ Алексѣевѣ будетъ упомянуто въ другомъ мѣстѣ.

При исчисленіи этихъ лицъ, какъ знакомыхъ Пушкина, вовсе не упоминается о тѣхъ другихъ, съ которыми онъ болѣе или менѣе встрѣчался. Начну также съ чиновнаго міра, включавшаго въ себѣ нѣсколько оригиналовъ, которые не могли въ началѣ не поразить Пушкина, перенесшагося изъ столицы. Но онъ скоро постигнулъ слабыя стороны каждаго изъ нихъ и, такъ сказать, покорилъ ихъ подъ свое вліяніе. Только съ однимъ изъ нихъ онъ имѣлъ столкновеніе, послѣ котораго не было примиренія: разсвирѣпѣвшій противникъ никогда не могъ равнодушно слышать имени Пушкина. Это былъ старшій членъ управленія колоніями, статскій совѣтникъ *Иванъ Николаевичъ Лановъ*, бывшій ординарецъ Потемкина и старинный знакомецъ съ Инзовымъ. О столкновеніи его съ Пушкинымъ упомянуто въ статьѣ, ниже, но безъ имени. Я опишу это столкновеніе подробно въ числѣ другихъ, бывшихъ у Пушкина въ Кишиневѣ подъ страницею 1161-ю, начинающеюся дуелью съ Зубовымъ.

Второй оригиналъ былъ—статскій совѣтникъ *Иванъ Ивановичъ К—но*, маленькій, худенькій, съ натянутой кожей на лицѣ старичекъ, также какъ и Лановъ, имѣлъ 65 лѣтъ, одинаково служилъ при Потемкинѣ въ легко-конномъ полку, но родомъ Молдаванинъ, изъ послѣдовавшихъ за Румянцовымъ и поселенныхъ на Днѣпрѣ. Будучи съ хорошимъ состояніемъ, онъ женился на дочери смотрителя Кріулянскаго карантина, пригожей 20-ти лѣтней дѣвушкѣ. Изъ Кишинева она поѣхала для первыхъ родовъ къ матери, не захотѣла болѣе возвращаться къ мужу, и тамъ прижила еще двухъ сыновей. Мужъ началъ хлопотать о разводѣ. Когда же она увидѣла, что дѣло клонилось не въ ея пользу и что духовное завѣщаніе, по которому ей назначалась знатная часть имущества, уничтожается закономъ и на мѣсто этого завѣщанія сдѣлано другое, въ которомъ, за отдѣленіемъ половины имѣнія своимъ роднымъ, другая половина назначается первому сыну Ивану (котораго только отецъ признавалъ своимъ, а другихъ двухъ отвергалъ) тогда жена въ отмщенье мужу за проигрываемое ею дѣло, формально въ судѣ объявила, что мужъ ея не имѣетъ права располагать родовымъ имѣніемъ, ибо

шій извѣстную исторію съ Пушкинымъ, о чемъ будетъ сказано. Іорго Балшъ, братъ Тодора, того же чина, мужъ извѣстной Аники Филинеско, любимицы Милорадовича и которой приписывается неудача Журжевскаго штурма (о ней будетъ еще говорено) и Алеко Балшъ, прозванный-длинный (лонгу), сынъ вышеприведеннаго Іорго и сестры бывшаго въ 1831 году господаря Михалаки Стурдзы; въ то время она была уже во второмъ бракѣ за Петраки Маврогени и пр. О немъ будетъ говорено.

и первый ея сынъ не отъ него, присовокупивъ къ тому самыя скандалезныя доказательства. Бѣдный старикъ сдѣлался посмѣшищемъ. Пушкинъ, который также, какъ и многіе другіе, читалъ копію съ этого объясненія, всякій разъ, какъ встрѣчался съ К—о, очень серіозно входилъ въ подробности его дѣла, а этотъ добродушно всякій разъ разсказывалъ ему и получалъ совѣты. Мнѣ нѣсколько разъ случалось быть свидѣтелемъ сего и видѣть, какъ Александръ Сергѣевичъ умѣлъ сдерживать себя въ рѣчахъ, прикидываться принимающимъ участіе. Даже физіономія его выражала это; но едва отвертывался, какъ, подъ другимъ предлогомъ, разражался хохотомъ, который слушателями продолжался во все время ихъ разговора. Онъ такъ обворожилъ старика, что тотъ, втайнѣ отъ другихъ, нѣкоторыя частности показывалъ изъ подлинныхъ бумагъ Пушкину.

Третій субъектъ былъ Армянинъ, кол. сов. *Арт. Мак. Х.*, бывшій Одесскій почтмейстеръ, но за битву свою съ козломъ между театромъ и балкономъ, гдѣ находилось все семейство графа Ланжерона, оставилъ эту должность и перешелъ на службу въ Кишиневъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, чрезвычайно маленькаго роста, какъ то переломленный на бокъ, съ необыкновенно огромнымъ носомъ, гнусившій и безщадно ломавшій любимый имъ французскій языкъ, страстный охотникъ шутить и съ большой претензіей на остроту и любезность. Не упускалъ кстати и не кстати приговаривать: „что за важность, и мой братъ Александръ Макарычъ тоже авторъ" и т. п. Пушкинъ съ нимъ встрѣчался во всѣхъ обществахъ и не иначе говорилъ съ нимъ какъ по французски (10). Х-въ былъ его конькомъ; Александръ Сергѣевичъ, при каждой встрѣчѣ обнимался съ нимъ и говорилъ, что, когда бываетъ грустенъ, то ищетъ встрѣтиться съ Х., который всегда „отводитъ его душу". Х., въ „Черной шали" Пушкина, принялъ на свой счетъ „армянина". Шутники подтвердили это, и онъ давалъ понимать, что онъ дѣйствительно кого-то отбилъ у Пушкина. Этотъ, узнавъ, не давалъ ему покоя и, какъ только увидитъ Х-ва (что случалось очень часто), начиналъ читать „Черную шаль". Ссора и неудовольствіе между ними обыкновенно оканчивались смѣхомъ и примиреніемъ, которое завершалось тѣмъ, что Пушкинъ бросалъ Х-ва на диванъ и садился на него верхомъ (одинъ изъ любимыхъ тогда пріемовъ Пушкина съ нѣкоторыми и другими), приговаривая: „Не отбивай у меня Гречанокъ"! Это нравилось Х-ву, воображавшему, что онъ можетъ быть соперникомъ. Х-въ былъ вырѣзанъ на печати верхомъ на козлѣ, съ надписью кругомъ: „ѣду не свищу, а наѣду — не спущу!" Я привезъ одну изъ трехъ печатей въ Одессу Пушкину.

Четвертый субъектъ былъ надворный совѣтникъ *К. П. Л-ка*. Это также былъ маленькій человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ лицомъ, часто нарумяненымъ, напомаженый, вялый въ разговорѣ, но не лишенный остроумія и большой виртуозъ на фортепіано. На этомъ основаніи онъ приглашенъ былъ на квартиру къ

(10) Въ это время пріѣзжалъ изъ Баваріи армянинъ Агубъ, женатый на младшей сестрѣ жены Лазарева, дочери Манукъ-бея. Агубъ былъ гофъ-ратомъ въ Баваріи; Х. очень тщеславился его знакомствомъ и, говоря о немъ по французски, называлъ его „conseiller de cour de Bavars". Пушкину достаточно было, чтобы всегда начинать въ обществѣ съ Х. разговоръ объ Агубѣ и утверждать, что Русскій не иначе долженъ говорить, потому что королевство это по русски называется не Бавіерія, а Баварія, и утвердилъ это мнѣніе въ Х-ѣ.

бояру Рали, или болѣе извѣстному подъ названіемъ — Земфираки. У него была дочь Маріола, красивѣйшая изъ всѣхъ своихъ Кишиневскихъ подругъ, о которой скажу далѣе. Л. игралъ съ ней на фортепіано и жилъ во флигелѣ съ тремя ея братьями. Пушкинъ очень часто заходилъ къ нимъ и умѣлъ обратить Л. болѣе нежели въ шута; онъ обличалъ его въ разныхъ грѣхахъ; сцены бывали тутъ уморительныя, ибо, когда Александръ Сергѣевичъ развертывался, то не было уже предѣловъ его шуткамъ, и, если онъ замѣчалъ только, что Л. начинаетъ сердиться, примиреніе слѣдовало такое же, какъ и съ Х—вымъ, а иногда еще и скандалезнѣе.

Здѣсь въ первый разъ услышалъ я отъ него четырехстишіе, вывезенное изъ Петербурга за три года до пріѣзда Вигеля. Въ стихахъ этихъ упоминался Вигель и Вульфъ. Пушкинъ, зная отъ меня исторію Вигеля въ Парижѣ, въ 1818 году, увѣрилъ всѣхъ, что Л. — чистый „вигилистъ".

Изъ другихъ семейныхъ домовъ Пушкинъ довольно часто посѣщалъ семейство Рали, гдѣ, какъ замѣчено выше, жилъ Л-ка. У Рали или Земфираки, кромѣ трехъ сыновей (изъ коихъ въ особенности одинъ былъ очень порядочный молодой человѣкъ) было двѣ дочери: одна Екатерина Захарьевна, лѣтъ двадцати двухъ, была замужемъ за коллежскимъ совѣтникомъ Апостоломъ Константиновичемъ Стамо, имѣвшимъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Пушкинъ прозвалъ его „bellier conducteur", и дѣйствительно физіономія у него какъ то схожа была съ бараньей, но онъ былъ человѣкъ очень образованный, всегда щеголевато одѣтый. Жена его, очень малаго роста съ чрезвычайно выразительнымъ смуглымъ лицомъ, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и рѣзко отличалась отъ всѣхъ своими правилами; была очень любезна, говорлива и преимущественно проповѣдывала нравственность. Пушкинъ любилъ болтать съ нею, сохраняя приличный разговоръ. Сестра ея Марья (Маріола) была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, пріятельница Пулхерицы, но гораздо красивѣе послѣдней и лицомъ, и ростомъ, и формами, и къ тому двумя или тремя годами моложе ([11]). Пушкинъ въ особенности любилъ танцовать съ ней. У Рали танцовали очень рѣдко, но тамъ были чаще музыкальные вечера. Въ послѣдній годъ пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, она вышла замужъ за капитана Селенгинскаго полка барона Метлеркампфа, впослѣдствіи гусарскаго маіора, и сдѣлалась очень несчастной.

Сказавъ о волокитствѣ будто бы Пушкина за Эйхфельдшей, на стр. 1157-й продолжается: „Кромѣ того временными „предметами вниманія, а иногда и минутной любви Пушкина въ Кишиневѣ „была молдаванка Россети, которой ножки, какъ всѣ увѣрены тамъ, будто воспѣты въ первой главѣ Онѣгина; потомъ Пулхерія Егоровна Варѳоломей, „вышедшая за греческаго консула въ „Одессѣ г. Мано; дѣвица Прункулъ и другія".

О Пулхеріѣ Егоровнѣ Варѳоломей говорено выше. О молдаванкѣ Россети я и не слыхивалъ: Бессарабскихъ Россе-

---

([11]) Припѣвъ къ джоку, сложенный еще до Пушкина:

„Пулхерица легконожка,
„Кишиневскій нашъ божокъ,
„Встань, голубушка, немножко,
„Пропляши съ бабакой джокъ!"

Лѣтъ двѣнадцать или болѣе послѣ выѣзда Пушкина, вышла она замужъ за Мано, бывшаго греческаго консула въ Одессѣ, который во время Пушкина въ Кишиневѣ, во второй періодъ, женатъ былъ еще первымъ бракомъ на дочери извѣстнаго фанаріота-гетериста Яковаки-Ризо.

товъ не было. Изъ пріѣхавшихъ во вторую половину, во время гетеріи, было два Россета, а именно Розновапъ и Баланеско. У перваго было два сына Николай и Алеко (Александръ); послѣдній не былъ еще женатъ, а у Николая были три дочери тогда еще отъ 7—10 лѣтъ ([12]), а главное онѣ не пріѣзжали въ Кишиневъ, а оставались дома съ матерью, извѣстной Катенькой Гикой. Она была первый разъ замужемъ за молдавскимъ бояромъ Стурдзой, отъ котораго имѣла дочь, нынѣ замужемъ, въ Петербургѣ, за княземъ Морузи (сыномъ извѣстнаго драгомана Порты, при заключеніи Букарестскаго мира и казненнаго въ Шумлѣ). Стурдза умеръ, Катенька вышла за Розновапа ([13]), отъ котораго имѣла помянутыхъ трехъ дочерей и потомъ снова приняла фамилію Гика, какъ урожденная въ ней.—Баланеско не имѣлъ ни жены, ни дочерей, какъ равно и братъ его, умершій въ Бессарабіи. Во второй періодъ пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, прибылъ изъ Константинополя драгоманъ, грекъ Россети, прозванный Бибика, фаворитъ извѣстнаго Галетъ-Эфенди и былъ не иначе извѣстенъ, какъ подъ названіемъ Бибика. У него было двѣ дочери, одна замужемъ за княземъ Караджи, сыномъ Валахскаго господаря, бѣжавшаго съ знатными капиталами въ 1818 году изъ Букареста въ Австрію, подъ конвоемъ, нанятымъ извѣстнымъ впослѣдствіи по гетеріи капитаномъ Гіоргаки. Другая дочь Калліопа была дѣвушка, лѣтъ 16-ти, дѣйствительно очень хорошенькая, но не выѣзжавшая въ свѣтъ и, сколько я знаю, едва ли Пушкинъ видѣлъ ее.

„Дѣвицы Прункулъ“ во все время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, не было. Членъ верховнаго совѣта Иванъ Константиновичь Прункулъ имѣлъ четырехъ сыновей: Алеко, Панаита (отставнаго прапорщика изъ корпуса путей собщенія), Скарлата и Костаки. Изъ нихъ Скарлатъ, кажется, лѣтъ семь тому назадъ, вздумалъ было напечатать свои воспоминанія о Пушкинѣ, давая какъ бы понимать о его близкомъ знакомствѣ съ нимъ ([14]), но В. П. Горчаковъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1858, № 19), опровергъ эту наглую ложь.

У нихъ была только одна сестра Кассука (Кассандра), но она, за три года до прибытія Пушкина въ Кишиневъ, выдана была замужъ за Паладп, слѣдовательно въ его время она не была уже „дѣвицей“.

Пушкинъ любилъ всѣхъ хорошенькихъ, всѣхъ свободныхъ болтуней. Изъ числа первыхъ ему нравилась *Марья Петровна Шрейберъ*, семнадцатилѣтняя дочь предсѣдателя врачебной управы с. с. Петра Ивановича, но она отличалась особенной скромностію, или лучше сказать, застѣнчивостью; ее онъ видалъ только въ клубахъ. Она скоро вышла замужъ за адъютанта генерала Желтухина, Сычугова, и уѣхала въ Казань. Къ числу вторыхъ принадлежала *Викторія Ивановна Вакаръ*, жена подполковника этого имени; она была дочь вдо-

([12]) Черезъ двадцать лѣтъ онѣ всѣ три вышли за Русскихъ, и одна до сихъ поръ здѣсь въ Петербургѣ за полковникомъ Лишинымъ — во второмъ бракѣ (въ первомъ она была за Сабуровымъ); другая за барономъ Розеномъ, а третья за полковникомъ графомъ Сологубомъ.

([13]) Здѣсь должно замѣтить, что въ Молдавіи бояре принимаютъ фамиліи отъ главныхъ помѣстій; такъ, одни Россеты приняли названіе отъ螺нова и сдѣлались Розновапы; другіе Россеты, отъ Баланешти, назвались Баланески. Кантакузины въ Молдавіи назвались-Пашканы и т. д. Нѣкоторые изъ помянутыхъ Россетовъ безъ основанія производятъ себя отъ Рагузскихъ Розеты.

([14]) Знакомство это ограничивалось тѣмъ только, что они встрѣчались иногда на вечерахъ: въ клубѣ, у Варѳоломея, а иногда въ бильярдной Антонія; изъ нихъ, какъ говорится, le moins mauvais—былъ старшій Алеко, скоро умершій.

вы Кенко, богатой помѣщицы, вышедшей потомъ замужъ за Друганова. Вакарша была маленькаго роста, чрезвычайно жива, вообще недурна и привлекательна, образованная въ Одесскомъ пансіонѣ и неразлучная пріятельница съ Марьей Егоровной Эйхфельдтъ. Пушкинъ находилъ удовольствіе съ ней танцовать и вести нестѣсняющій разговоръ. Едва ли онъ не сошелся съ ней и ближе, но конечно не на долго. Въ этомъ же родѣ была очень миленькая дѣвица Аника Сандулаки, впослѣдствіи замужемъ за помѣщикомъ города Бѣльцы, Катаржи. Пушкинъ любилъ ее за рѣзвость и, какъ говорилъ, за смуглость лица, которому онъ придавалъ какое-то особенное значеніе. Одна изъ болѣе его интересовавшихъ была *Елена Θедоровна Соловкина*, жена полковаго командира Схотскаго полка, урожденная Бемъ, внука генерала Катаржи. Она иногда пріѣзжала въ Кишиневъ къ сестрѣ своей Марьѣ Θедоровнѣ, женѣ подполковника Камчатскаго полка П. С. Лишина. Но всѣ усилія Пушкина, чтобы познакомиться въ домѣ, были тщетны.

Недоумѣваю, какъ при исчисленіи домовъ, знакомыхъ Пушкину въ Кишиневѣ, упоминаются даже и такіе, въ которыхъ никогда не было пріема, какъ напримѣръ у Катакази, котораго Пушкинъ могъ только встрѣчать въ митрополіи, въ большіе праздники у Инзова, пожалуй и у Орлова; въ особенные торжественные дни въ клубѣ, но конечно не у него самого. Сестра его Тарсиса, дѣва лѣтъ сорока, не красивая, но образованая и прозваная Кишиневская Жанлисъ, посѣщала одна Крупянскаго. Точно также говорится и о домѣ Прункула, также рѣшительно никого и никогда не принимавшаго у себя, кромѣ обычныхъ визитовъ въ большіе годовые праздники; но ни слова не говорится о двухъ самыхъ гостепріимныхъ домахъ, и домахъ совершенно на Европейской ногѣ и образованныхъ. Это были два дома князей *Кантакузиныхъ* ([15]).

Въ первую половину пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, князь Александръ Матвѣевичь, камеръ-юнкеръ, имѣлъ свой домъ, одинъ изъ лучшихъ каменныхъ домовъ; онъ былъ женатъ на Еленѣ Михайловнѣ, урожденной Дараганъ, отличавшейся хлѣбосольствомъ и утонченнымъ, непринужденнымъ гостепріимствомъ. Конечно, здѣсь нельзя было встрѣтить того же попури общества, что у Крупянскаго и Варθоломея. Здѣсь бывали Орловъ, Бологовской, Пущинъ, Шульманъ и нѣкоторые другіе, а изъ молдаванъ одинъ Стурдза, Иванъ Михайловичъ, помѣщикъ Новоселицы и предводитель, человѣкъ безукоризненный, съ совершенно Европейскимъ образованіемъ. Здѣсь бывали Катакази и всѣ Ипсиланти. Гувернеръ при трехъ сыновьяхъ князя, французъ Рипе, человѣкъ съ высокими достоинствами, литераторъ и не похожій на обыкновенныхъ французовъ того края, сблизился съ Пушкинымъ, и знакомство это продолжалось впослѣдствіи все время въ Одессѣ. Князь Александръ Матвѣевичъ жилъ постоянно зиму и лѣто въ Кишиневѣ и только на короткое время уѣзжалъ въ помѣстья свои въ Атаки.

Братъ его, князь Георгій Матвѣевичъ, издавна мнѣ знакомый, былъ вначалѣ адъютантомъ главнокомандующаго 2-ю арміею, графа Бенингсена, и, владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, съ превосходнымъ почеркомъ, занимался перепиской Записокъ Бенингсена. Произведенный въ полковники, когда оставилъ командованіе арміею Бенингсенъ, онъ принялъ Бугскій уланскій полкъ, который обошелся ему за сто

([15]) Младшіе братья полковника Кантакузина, геройски положившаго жизнь свою при защитѣ Семеновскихъ укрѣпленій подъ Бородинымъ.

тысячъ рублей (ассигнаціями) и, потерявъ терпѣніе или, лучше сказать, не чувствуя себя достаточно способнымъ для мелочныхъ, хотя и необходимыхъ занятій, оставилъ службу и поселился въ Бессарабскихъ помѣстьяхъ своихъ, въ Хотинскомъ же уѣздѣ, избравъ мѣстопребываніемъ Маркоуцы. Мать его, жившая постоянно въ Яссахъ, гдѣ была еще знатная часть ихъ владѣній, имѣла въ Кишиневѣ домъ, куда князь Георгій Матвѣевичъ и пріѣзжалъ только на зиму, лѣто же проводилъ частію въ Маркоуцахъ, частію въ Хотинѣ, гдѣ имѣлъ свой домъ. Князь Георгій былъ женатъ на княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, женщинѣ замѣчательнаго характера, какъ въ другомъ мѣстѣ это будетъ видно. Дня черезъ три послѣ пріѣзда Пушкина, я обѣдалъ у князя; зашла рѣчь о пріѣхавшемъ поэтѣ. Князь просилъ меня ввести его въ домъ, а княгиня присовокупила, что братъ ея тоже лицеистъ и недавно пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней. Я обѣщалъ это сдѣлать впослѣдствіи, присовокупивъ, что самъ только вчера у Мих. Ѳед. Орлова помѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Но съ Пушкинымъ знакомство склеивалось скоро, и на другой день, встрѣтивъ его у Ѳ. Ѳ. Орлова, я имѣлъ случай сообщить ему желаніе княгини Кантакузинъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Орловъ вызвался ѣхать съ нами, и Пушкинъ сѣлъ на его дрожки, черезъ полчаса возвратился во фракѣ, и мы отправились. Насъ оставили обѣдать, и князь Георгій, любя покутить, задержалъ далеко за полночь. Здѣсь Пушкинъ познакомился съ братомъ князя Георгія, Александромъ Матвѣевичемъ, началъ посѣщать и его; но рѣже нежели князя Георгія, у котораго этикетъ не столько былъ соблюдаемъ, какъ у перваго. — Изъ князей Ипсиланти, Александръ, когда бывалъ въ Кишиневѣ, посѣщалъ князя Георгія чаще, нежели князя Александра, что впослѣдствіи объяснилось ихъ отъѣздомъ въ Яссы. Раза два они уѣзжали вмѣстѣ въ Скуляны. Князю Ипсиланти не было такого предлога, какъ князю Георгію, у котораго была въ Яссахъ мать. Съ открытіемъ гетеріи, оба дома Кантакузиныхъ выѣхали изъ Кишинева: семейство одного въ Атаки, другаго въ Хотинъ. Мужья увлечены были въ гетерію.

Я умалчиваю здѣсь о нѣкоторыхъ другихъ домахъ, въ которые Пушкинъ иногда съ знакомыми являлся, какъ напримѣръ, къ Ивану Дмитріевичу Стрижескулу, у котораго черезъ-чуръ дородная жена Марья Ивановна имѣла забавныя претензіи; къ мадамъ Майе, нѣкогда содержавшей дѣвичій пансіонъ въ Одессѣ, а потомъ въ Кишиневѣ; къ Кешко, куда очень часто заходилъ ѣсть дульчецу, въ особенности, когда у ней квартировалъ В. Ѳ. Раевскій

Но Пушкину, кажется, по преимуществу нравились собранія и общество Крупянскаго и Варѳоломея: у перваго была на первомъ планѣ игра и неотмѣнно съ симъ изрядный ужинъ, а у втораго—танцы. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ онъ встрѣчалъ военныхъ, и въ каждомъ изъ этихъ обществъ былъ у него его интимный: у Крупянскаго Н. С. Алексѣевъ, у Варѳоломея В. П. Горчаковъ. Что касается до обѣдовъ, то въ тѣ дни, когда онъ не оставался у Инзова, то, конечно, предпочиталъ всякому туземному столу обѣдъ у Орлова и у Бологовскаго и съ пріятелями въ трактирѣ.

Не заключа еще перваго и втораго отдѣловъ Кишиневскаго общества въ первую половину пребыванія среди онаго Пушкина, нахожу не лишнимъ замѣтить сказанное на стр. 1156-й:

„Не рѣдко хаживалъ онъ (Пушкинъ) „также обѣдать къ вицегубернатору „Крупянскому, жена котораго Екате„рина Христофоровна, жила и кормила „по русски, что не могло не нравить„ся Пушкину, потому что ему надоѣ„дали плацинды и каймаки другихъ ки„шиневскихъ хлѣбосоловъ.“

Пушкинъ часто хаживалъ къ Матвѣю Егоровичу Крупянскому по вечерамъ, а не обѣдать. Если же столъ его былъ лучше другихъ „кишиневскихъ хлѣбосоловъ“ (у которыхъ впрочемъ никто не обѣдывалъ безъ особеннаго зова, и то только изрѣдка у Варѳоломея), то уже во всякомъ случаѣ онъ былъ несравненно хуже обѣда Орлова, Бологовскаго, Инзова, Черемисинова, Кантакузиныхъ, гдѣ Пушкину на пришлось бы скучать за плациндами и каймаками. Пушкинъ и пользовался этимъ, но дѣйствительно не для того только, чтобы избѣгнуть упомянутыхъ блюдъ, а, какъ я думаю, потому, что Пушкинъ предпочиталъ всему бесѣду съ людьми, его понимающими.

Далѣе говорится: „Эта Крупянская, „изъ царскаго рода Комненовъ, воспи„тывалась въ Смольномъ монастырѣ“.

Виноватъ, а мнѣ кажется, что положительность выраженія этого должна бы быть какъ нибудь стушевана, хотябы напримѣръ, словомъ „будто-бы.“ но и это даже слабо. Комненовъ, Кантакузиныхъ, Палеологовъ, даже Кастріотовъ и т. п. именъ въ тѣхъ краяхъ бездна; происхожденіе ихъ, послѣ болѣе пяти вѣковъ разгромленія Турками Восточной имперіи, покрыто непроницаемымъ мракомъ и ничѣмъ не можетъ быть доказано, кромѣ одного тождества прозваній. Что же касается того, что она была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, то въ то время многія воспитывались въ ономъ, чему въ примѣръ я могъ бы привести нѣсколько именъ. Родная сестра Крупянской вышла, вначалѣ двадцатыхъ годовъ, замужъ за Катакази, нынѣшняго сенатора, брата Бессарабскаго губернатора.

Прежде нежели обратиться къ 1125-й стран. и сказать нѣсколько словъ о третьемъ, военномъ, отдѣлѣ Кишиневскаго общества, нахожу необходимымъ сдѣлать очеркъ туземному обществу во вторую половину пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, тѣмъ болѣе, что военный отдѣлъ, безъ большаго измѣненія, былъ одинъ и тотъ же во все время пребыванія Александра Сергѣевича въ Бессарабіи.

Съ открытіемъ гетеріи, передъ половиной марта 1821 года, изъ бывшаго до того времени кишиневскаго общества, какъ замѣчено, выбыли два дома Кантакузиныхъ, а равно и всѣ Ипсилантіевы ушли въ Молдавію. Но въ замѣнъ сего, съ половины марта. начался наплывъ буженаровъ (такъ называютъ тамъ выходцевъ), и наплывъ этотъ болѣе и болѣе усиливался. Начну съ князей.

Одинъ изъ первыхъ былъ господарь Молдавіи, *князь Михаилъ Суцо*, который, не будучи въ тайнахъ гетеристовъ, былъ озадаченъ внезапнымъ появленіемъ Ипсиланти и Кантакузина въ Яссахъ, особенно, когда увидѣлъ, что не только вся его стража, тогда состоявшая изъ Арнаутовъ, но и всѣ приближенные къ нему Фанаріоты взяли сторону гетеристовъ. Положеніе его сдѣлалось затруднительнымъ, и хотя Ипсиланти оставилъ его на княженіи, но едва онъ выступилъ изъ Яссъ, какъ господарь со всѣмъ семействомъ своимъ поспѣшилъ въ Скулянскій карантинъ, а за нимъ началась и эмиграція, кто куда попалъ, въ Австрію и къ намъ. Князь Михаилъ недолго оставался въ Кишиневѣ ([16]) и отправился далѣе въ Россію,

---

([16]) По возстановленіи Греческаго королевства,

но отецъ его Бей-Заде Георгій, съ женой и дочерью Ралу, о которой говорится далѣе, основались въ Кишиневѣ. Къ нему примкнулъ сынъ Константинъ, женившійся въ Валахіи на Раковицѣ, принадлежавшей къ одной изъ древнѣйшихъ Валахскихъ фамилій, сохранившей еще довольно большое состояніе. За симъ изъ Константинополя чрезъ Одессу бѣжалъ старшій его сынъ Николай, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ брата своего господаря Молдавіи Михаила. Николай женатъ былъ на дочери Валахскаго вистіара (министра финансовъ) Ничулеско, Роксандрѣ, лѣтъ 27-ми, въ полномъ смыслѣ прекрасной и очень образованной; да и самъ Николай, а равно и Константинъ, были люди очень умные, въ особенности Николай, хорошо обладавшій французскимъ языкомъ. Жена Константина, красивѣйшаго изъ братьевъ послѣ Михаила ([17]), была дурна собою, и не посѣщала обществъ. Наконецъ, четвертый братъ, Иванъ Суцо, каммергеръ герцога Луккскаго въ европейскомъ платьѣ, добрый малый, съ европейскимъ образованіемъ, но проще всѣхъ своихъ братьевъ. За тѣмъ постельникъ *Иванъ Скина*, человѣкъ очень начитанный и владѣвшій совершенно французскимъ языкомъ, женатый на сестрѣ князя Михаила, Севастицѣ, очень милой, но уже черезъ чуръ скромной, какъ она въ извѣстномъ джокѣ и обозначена. Изъ Суцовъ, родственниковъ помянутымъ, былъ еще Алеко. Вслѣдъ за Суцами пріѣхалъ въ Кишиневъ *князь Караджи*, сынъ бывшаго Валахскаго господаря. Онъ былъ женатъ на дочери вышеназваннаго Россета, извѣстнаго подъ именемъ Бибика, у котораго была еще дочь, дѣвица. Къ княжескимъ фамиліямъ должно присоединить еще тогда прибывшихъ въ Кишиневъ двухъ изъ Молдавскихъ *Морузи*, съ матерью и тремя сестрами, довольно изрядными, но не блиставшими образованіемъ.

За симъ, изъ бояръ первое мѣсто по значенію и богатству занималъ *Георгій Розновано*, вистіаръ во время войны 1806—1812, съ двумя сыновьями Николаемъ и Алекой (см. выше). Далѣе, старикъ же постельникъ *Статаки*, скоро взявшій на откупъ всѣ Бессарабскія почты. Два постельника *Плагино*; у одного была очень пригожая жена, родомъ Волошка, за которой многіе ухаживали. Пушкинъ находилъ, что она была схожа съ рублевиками Елизаветы Петровны. Другой *Плагино*, женатый на княжнѣ Морузи, довольно образованной, но и довольно не пригожей и главное — подъ сорокъ лѣтъ. Мадамъ Богданъ, женщина за 50 лѣтъ, изъ коихъ, конечно, половину употребила въ свою пользу. Она была вдовой великаго ворника *Богдана*, казненнаго княземъ Морузи вмѣстѣ съ его логофетомъ Кузою ([18]), дѣдомъ недавняго Придунайскихъ княжествъ князя Іоанна-Александра. У Богданши было два сына, но они жили то въ Австріи, то въ княжествахъ; дочь же ея Маріола была въ Кишиневѣ съ мужемъ своимъ *Тодоромъ Балшемъ*, коего исторія съ Пушкинымъ извѣстна. Богданша жила открыто; у нея часто

онъ былъ, въ тридцатыхъ годахъ, посланникомъ въ Петербургѣ; потомъ это мѣсто занялъ его сынъ, женатый на Обрѣзковой, и оставался на этомъ посту до упраздненія посольства, два года тому назадъ.

([17]) Извѣстно, что Михаилъ, будучи любимцемъ всемогущаго Галетъ-эфенди, за красоту свою былъ назначенъ господаремъ.

([18]) Богдану публично отрубили голову, а Куза, какъ чокой, удушенъ въ тюрьмѣ. На нихъ было взведено вымышленное преступленіе, обыкновенное средство фанаріотовъ избавляться отъ коренныхъ бояръ, каковымъ былъ Богданъ.

бывали танцовальные вечера изысканнаго общества; не многія туземныя Кишеневскія лица были приняты. Постельникъ *Яковаки-Ризо*, умный и ученый фанаріотъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей заговора гетеристовъ, впослѣдствіи издавшій на французскомъ языкѣ исторію этого событія. У него была старая жена и дочь за грекомъ *Мано*, довольно образованнымъ, который, овдовѣвъ, потомъ женился на Пулхеріи Варѳоломей, какъ въ статьѣ это и сказано. *Петраки Маврогени*, хотя и Бессарабскій помѣщикъ и имѣвшій домъ въ Кишиневѣ, но до сего времени жившій въ Яссахъ, былъ женатъ на дочери старѣйшаго молдавскаго боярa Георгія Стурдзы, отца Михаила Стурдзы, въ 1831 году господаря Молдавіи, нынѣ поселившагося въ Парижѣ. О трехъ Балшахъ говорено въ другомъ мѣстѣ. Изъ Валахскихъ бояръ, главные были: д. с. с. *Варламъ*, котораго дочь была за С.-Петербургскимъ почтъ-директоромъ К. Я. Булгаковымъ; изъ молодежи были *Константинъ Гика*, младшій братъ Валахскаго господаря Георгія Гики, *Хереско* ([19]), женатый на дочери одного изъ первыхъ бояръ Валахіи Бана Бальяно. Потомъ двое молдавскихъ Гиковъ, изъ коихъ одинъ Іорго, очень образованный, и многіе другіе.

Наплывъ этихъ болѣе или менѣе достаточныхъ лицъ далъ Кишиневу совершенно другую, болѣе разнообразную жизнь. Танцовальные вечера у Варѳоломея продолжались, но на нихъ бывало мало изъ прибывшихъ, и все шло по старому; только у Крупянскаго вечера сдѣлались многочисленнѣе, разнообразнѣе: было болѣе охотниковъ играть въ карты. Изъ прибывшихъ же, можно сказать, жила открыто болѣе другихъ только Богданша, у которой каждую недѣлю были три пріемныхъ вечера; правда, два изъ нихъ были очень скучные и не всѣхъ могли занимать, но одинъ былъ танцовальный, и когда она заняла квартиру М. Ѳ. Орлова, то и довольно многолюдный. На этихъ вечерахъ, многихъ изъ общества Варѳоломея не встрѣчалось, такъ напр. они были недоступны для Прункулей и имъ подобныхъ ([20]). Гораздо оживленнѣе былъ домъ *Маврогени*: онъ былъ открытъ съ утра до вечера; на обѣдъ всегда собиралось много; карточная игра была въ большихъ размѣрахъ, а если къ вечеру съѣзжались молодыя дамы, то независимо отъ назначеннаго дня, тотчасъ начинались танцы, иногда вмѣсто фортепіано отыскивали нѣсколько цыганскихъ виртуозовъ. Роксандра Суцо, съ своей милой десятилѣтней дочкой Лизой (впослѣдствіи бывшей за княземъ Гикой), Ирена и Елена, дочери Маврогени, были всегда на лицо; послѣдняя впослѣдствіи была замужемъ за Кортаци, англійскимъ консуломъ въ Одессѣ.

Другихъ постоянныхъ собраній для танцевъ не было, исключая еще касино. Семейные танцовальные вечера бывали у Кохановскаго. У старика Розновача каждый вечеръ можно было застать нѣсколько ломберныхъ столовъ, но не иначе, какъ для комерческой игры и сытнаго ужина. У старшаго сына его Николая, не игравшаго въ карты, собирались политики и устроители волокитствъ, занимаясь передачей слуховъ и т. п.

Эта новая общественная сфера, мнѣ казалось, пробудила Пушкина; съ одной стороны она предоставляла болѣе, такъ сказать, разгулу его живому характеру, страстно преданному всевозможнымъ на-

([19]) Нашъ писатель Херасковъ происходилъ изъ этого рода. *П. Б.*

([20]) И Богданша имѣла свой куплетъ въ джокѣ:

„Разнованъ Качула маре
„Съ Богданесою пуфтимъ“ и т. д.

слажденіямъ; съ другой, онъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ фанаріотахъ, какъ напримѣръ, въ Ризо, въ Скинѣ—людей съ глубокими и серіозными познаніями. Въ особенности ему нравился послѣдній, какъ потому, что онъ былъ едва ли не вдвое моложе Ризо, такъ и потому, что онъ не прочь былъ иногда серіозное перемѣшивать съ болтовней ([21]), очень нравившейся Пушкину; сверхъ того Скина обладалъ огромной памятью и могъ читать наизусть цѣлыя французскія поэмы. Однажды, завернувъ къ Пушкину, я его засталъ отвѣчающимъ Скинѣ на записку, при которой этотъ прислалъ ему „Les méthamorphoses d'Apulée.“ На вопросъ мой: что ему вздумалось брать эту книгу? онъ отвѣчалъ, что давно желалъ видѣть французскій переводъ, и потомъ опять далъ мнѣ слово не брать прямо отъ Грековъ книгъ ([22]). Во всякомъ случаѣ я замѣтилъ большую перемѣну въ Пушкинѣ, въ эту вторую половину пребыванія его въ Кишиневѣ, какъ это въ замѣчаніяхъ на третій военный отдѣлъ Кишеневскаго общества будетъ разъяснено.

Въ другомъ мѣстѣ говорится о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ женскихъ личностяхъ Кишиневскаго общества, во вторую половину пребыванія Пушкина въ этомъ городѣ, какъ наприм. о Марьѣ Балшъ, о Альбрехтинѣ и пр. Но здѣсь, въ заключеніе, должно сказать о пресловутой Калипсѣ Полихрони. О ней говорится на 1187-й страницѣ. Она бѣжала изъ Константинополя вначалѣ въ Одессу и около половины 1821 года поселилась въ Кишиневѣ. Она была чрезвычайно маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью; длинное сухое лицо, всегда, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстъ Турціи, нарумяненое; огромный носъ какъ бы сверху до низу раздѣлялъ ея лицо; густые и длинные волосы, съ огромными огненными глазами, которымъ она еще болѣе придавала сладострастія употребленіемъ „сурьме“. Мать ея, вдова, была очень бѣдная женщина, жена логофета и потерявшая все, что имѣла во время бѣгства; она нанимала двѣ маленькія комнаты около Мило. Въ обществахъ она мало показывалась, но дома радушно принимала. Пѣла она на восточный тонъ, въ носъ; это очень забавляло Пушкина, въ особенности турецкія сладострастныя, заунывныя пѣсни, съ акомпаниментомъ глазъ, а иногда жестовъ. Тамъ была еще пѣвица въ такомъ же родѣ, но несравненно красивѣе и моложе, дочь Ясскаго доктора Грека Самуркаша, Роксандра. А. Ѳ. Вельтманъ конечно ее помнитъ и помнитъ такъ ему тогда нравившуюся пѣсню: „Прим-аморія Дульчецa“ и пр.

Очень справедливо замѣчено въ статьѣ, что Пушкинъ не былъ влюбленъ въ Калипсу: были экземпляры несравненно лучше и, какъ я полагаю, что ни одна изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Кишиневѣ не могла въ немъ порождать ничего болѣе временнаго каприза; и если онъ бредилъ иногда Соловкиной, то и это, полагаю, не по чему другому, какъ потому только, что не успѣлъ войти въ ея домъ, когда она по временамъ пріѣзжала изъ Орхея въ Кишиневъ.

([21]) Тоже можно сказать и о Михалаки Стурдзѣ (впослѣдствіи господарѣ), часто пріѣзжавшаго изъ Одессы къ сестрѣ своей Маврогени.

([22]) Однажды съ кѣмъ то изъ нихъ въ разговорѣ упомянуто было о какомъ-то сочиненіи. Пушкинъ просилъ достать ему. Тотъ съ удивленіемъ спросилъ его: „Какъ! вы поэтъ и не знаете объ этой книгѣ!?“ Пушкину показалось это обидно, и онъ хотѣлъ вызвать возразившаго на дуэль. Рѣшено было такъ: когда книга была ему доставлена, то онъ, при запискѣ, возратилъ оную, сказавъ, что эту онъ знаетъ и пр. Послѣ сего мы и условились: если что нужно будетъ, а у меня того не окажется, то я доставать буду на свое имя.

Говоря о Калипсѣ, нельзя не упомянуть о Ф. Ф. Вигелѣ, который писалъ записки свои „зря". Такъ, между прочимъ, говоря, что Пушкинъ будтобы познакомилъ его съ Калипсой, утверждаетъ онъ (часть VI, гл. 10), что Александръ Сергѣевичъ одну изъ турецкихъ пѣсенъ, пѣтыхъ Калипсой, переложилъ на „Черную шаль". Калипса пріѣхала въ Кишеневъ послѣ гетеріи, въ половинѣ 1821 года, а „Черная шаль" написана въ октябрѣ 1820 года. Но для Вигеля это ни по чемъ, точно такъ, какъ онъ, не довольствуясь тѣмъ, что не могъ равнодушно видѣть Пушкина, трунившаго иногда надъ нимъ въ глаза, репетируя какіе-то стихи, вывезенные имъ изъ Петербурга, гдѣ намекается на нѣкоторыя слабости Филиппа Филипповича, но и въ Запискахъ клеймитъ его вольнодумцемъ и пр. ([23]).

Въ этомъ періодѣ времени проѣзжалъ черезъ Кишиневъ и останавливался на нѣсколько дней конносапернаго эскадрона офицеръ Пущинъ, петербургскій знакомецъ Александра Сергѣевича ([24]). Онъ провожалъ сестру свою въ Аккерманъ; она была замужемъ за старикомъ втрое ея старше, д. с. с. Бароци. Дочь его старѣе его жены, была въ Кишиневѣ замужемъ за д. с. с. Ѳедоромъ Ивановичемъ Недобою, гдѣ Пущинъ и останавливался на три дня; назадъ же проѣхалъ чрезъ Одессу ([25]). Сверхъ сего, въ это время пріѣзжалъ изъ Варшавы каммергеръ Байковъ; онъ былъ женатъ на молдаванкѣ Палади, которая за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ померла. Оставилъ же онъ Варшаву по поводу чрезвычайнаго происшествія, случившагося съ нимъ на балѣ. Происшествіе это, своею особенностью, чрезвычайно занимало Пушкина; Байковъ пробылъ недѣли двѣ и уѣхалъ въ Россію, ибо въ Кишиневѣ исторія его огласилась.

Теперь обращаюсь къ описанію третьяго отдѣла Кишиневскаго общества. На стр. 1125-й такъ сказано о немъ: „Въ третьемъ, самомъ замѣчательномъ „для насъ, отдѣлѣ были люди военные". Названъ начальникъ 16-й дивизіи генералъ-маіоръ М. Ѳ. Орловъ и бригадный командиръ г. м. Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ, къ которому между прочимъ приложено: „и почитавшійся масономъ". Онъ дѣйствительно былъ масонъ и имѣлъ самую непріятную по сему случаю исторію въ Кишиневѣ, много ему повредившую ([26]); и Бологовскій очень

([23]) По окончаніи Записокъ Вигеля, я укажу на множество мѣстъ, гдѣ онъ грѣшитъ противъ истины. Его начали уже уличать относительно Чаадаева, Тургенева и Потемкина, но мнѣ нужно окончаніе для полнаго обзора ихъ.

([24]) И. И. Пущинъ проѣзжалъ Кишеневъ въ началѣ 1820 г., когда Пушкина тамъ еще не было. (См. Записки Пущина въ Атенеѣ 1859, № 8, стр. 527).

([25]) Во время пріѣзда Теплякова, какъ это упоминается въ статьѣ, я былъ въ отсутствіи изъ Кишинева.

([26]) Массонская ложа была устроена въ домѣ Кацики, занимаемомъ дивизіоннымъ докторомъ Шулеромъ (родомъ изъ Альзаса, взятымъ въ плѣнъ въ 1812 году на Березинѣ изъ младшихъ хирурговъ одного коннаго французскаго полка). Онъ или Пущинъ былъ главнымъ мастеромъ, не знаю. Въ числѣ привлеченныхъ выходцевъ-простаковъ былъ одинъ болгарскій архимандритъ Ефремъ. Домъ Кацика находился въ нижней части города, недалеко отъ стараго собора, на площади, гдѣ всегда толпилось много Болгаръ и Арнаутовъ, обратившихъ вниманіе на то что архимандритъ, въѣхавъ на дворъ, огражденный рѣшеткой, отправилъ свою коляску домой, что сдѣлали и нѣкоторые другіе, вопреки существовавшаго обычая. Это привлекло любопытныхъ къ рѣшеткѣ тѣмъ болѣе, что въ народѣ прошла молва, что въ домѣ этомъ происходитъ „судилище діавольское". Когда же увидѣли, что дверь одноэтажнаго длиннаго дома отворилась и въ числѣ вышедшихъ лицъ былъ и архимандритъ съ завязанными глазами, ведомый двумя подъ

хорошо оцѣнилъ его. Пушкинъ и онъ безжалостно острили надъ этимъ происшествіемъ.

Далѣе на слѣдующ. 1126-й страницѣ: „. . . . Изъ состоявшихъ при Орловѣ „*штабъ-офицеровъ* слѣдуетъ назвать, „какъ болѣе или менѣе близкихъ зна„комыхъ Пушкина: Друганова, Калакуц„каго, Охотникова, Липранди и диви„зіоннаго квартирмейстера В. П. Гор„чакова“...

Изъ всѣхъ тутъ названныхъ былъ *только одинъ я*—штабъ офицеромъ, вначалѣ пребыванія Пушкина подполковникомъ, а потомъ—полковникомъ; затѣмъ Иванъ Матвѣевичъ *Драгуновъ* былъ *поручикомъ* 31-го егерскаго полка, адъютантомъ Орлова, послѣ Исленьева; Василій Өедоровичъ *Калакуцкій*, *штабсъ-капитанъ*, а потомъ *капитанъ* Охотскаго полка; старшій дивизіонный адъютантъ 16-й дивизіи, Константинъ Алексѣевичъ *Охотниковъ*, *капитанъ* 32-го егерскаго полка, состоялъ при Орловѣ; и Владиміръ Петровичъ *Горчаковъ*, *прапорщикъ* генеральнаго штаба.

Прежде, чѣмъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о сношеніяхъ вышеназванныхъ лицъ съ Пушкинымъ, закончу начатое описаніе въ статьѣ, начинающееся на этой же страницѣ и продолжающееся на слѣдующей: „Кромѣ этихъ лицъ изъ „Тульчина, гдѣ жилъ главнокомандующій „2-й арміи графъ Витгенштейнъ, пріѣз„жали въ Кишиневъ для съемки плановъ „новопріобрѣтеннаго края и проживали „тамъ офицеры генеральнаго штаба, изъ „которыхъ назовемъ двоюродныхъ брать„евъ Полторацкихъ—Алексѣя Павлови„ча и Михайла Александровича (съ пер„вымъ Пушкинъ былъ очень близокъ); „Валерія Тимофеевича Кека и *въ послѣд„ніе мѣсяцы* Кишиневской жизни Пуш„кина—Александра Өомича Вельтмана“.

Въ строгомъ смыслѣ нельзя было бы сказать, что всѣ названные офицеры пріѣзжали изъ „*Тульчина*“. На съемку командировались большею частію изъ Петербурга и нѣкоторые, а можетъ быть и всѣ, если путь изъ мѣста откуда командировались, пролегалъ чрезъ Тульчинъ, то и проѣзжали чрезъ оный; но это такъ говорю мимоходомъ, а главное тутъ, что когда Пушкинъ въ сентябрѣ 1820 года пріѣхалъ въ Кишиневъ, то А. Ѳ. Вельтманъ давно былъ въономъ и чуть ли не за-годъ или болѣе: я засталъ уже его въ началѣ помянутаго года.

Независимо отъ исчисленныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, на съемкѣ, подъ общимъ начальствомъ полковника Корниловича, во время Пушкина, бывали два *фонъ-деръ Ховена*, *Лугининъ*, *Роговской*, *Фонтонъ-де-Верайонъ*, *Гасфертъ*, *баронъ Ливенъ*, два *Зубовыхъ*, изъ коихъ съ однимъ Пушкинъ и имѣлъ столкновеніе, о котомъ говорится и въ статьѣ.

Всѣ офицеры генеральнаго штаба того времени составляли какъ бы одно общество, конечно съ подраздѣленіями, иногда довольно рѣзкими. Съ одними Пушкинъ былъ неразлученъ на танцовальныхъ вечерахъ, съ другими любилъ

руки, которые, спустившись съ трехъ-четырехъ ступенекъ крыльца, тутъ же вошли въ подвалъ, двери коего затворились, то Болгарамъ вообразилось, что архимандриту ихъ угрожаетъ опасность. Подстрекнутые къ сему Арнаутами, коихъ тогда было много изъ числа бѣжавшихъ гетеристовъ, Болгары бросились толпой къ двери подвала (Арнауты не трогались); выломали дверь и чрезъ четверть часа съ тріумфомъ вывели по мнѣнію ихъ спасеннаго архимандрита, у котораго наперерывъ тутъ же каждый просилъ благословенія. Это было до захода солнца, и вечеромъ весь городъ зналъ о томъ. Разсказывалось много сказокъ, повредившихъ Пущину. Излишне говорить о подробностяхъ. Пушкинъ зналъ изъ первыхъ, ибо онъ случился дома, когда Инзову донесли объ этомъ.

покутить и поиграть въ карты, съ иными былъ просто знакомъ, встрѣчая ихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, но не сближался съ ними какъ съ первыми, по несочувствію ихъ къ тѣмъ забавамъ, которыя одушевляли первыхъ. Наконецъ онъ умѣлъ среди всѣхъ отличить *А. Ѳ. Вельтмана*, любимаго и уважаемаго всѣми оттѣнками. Хотя онъ и не принималъ живаго участія ни въ игрѣ въ карты, ни въ кутежѣ и не былъ страстнымъ охотникомъ до танцовальныхъ вечеровъ Варѳоломея; но онъ одинъ изъ немногихъ, который могъ доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому бесѣды съ нимъ были инаго рода. Онъ безусловно не ахалъ каждому произнесенному стиху Пушкина, могъ и дѣлалъ свои замѣчанія, входилъ съ нимъ въ разборъ, и это не нравилось Александру Сергѣевичу, не смотря на неограниченное его самолюбіе. Вельтманъ дѣлалъ это хладнокровно, не такъ какъ В. Ѳ. Раевскій. Въ этихъ случаяхъ Пушкинъ былъ неподражаемъ; онъ завязывалъ съ ними споръ, иногда очень горячій, въ особенности съ послѣднимъ, съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любознательности, и тутъ строптивость его характера совершенно стушевывалась.

Обращаюсь къ Друганову, Калакуцкому и Охотникову; о В. П. Горчаковѣ было уже говорено: онъ вмѣстѣ съ Н. С. Алексѣевымъ были неразлучны съ Пушкинымъ, оба были поклонниками поэтическихъ дарованій и прекрасной душевной натуры, и онъ не оставался къ нимъ равнодушнымъ. Съ Другановымъ и Калакуцкимъ Пушкинъ никогда не могъ быть—„ни въ болѣе, ни въ менѣе близкихъ отношеніяхъ и знакомствѣ", ни по образу ихъ жизни, ни по ихъ образованію; онъ могъ видѣться съ ними только тогда, когда обѣдывалъ у Орлова, къ которому они по обязанности должны были являться. Перваго изъ нихъ онъ иногда встрѣчалъ и у меня, а также и у В. Ѳ. Раевскаго (когда этотъ послѣдній жилъ еще у Кешко, пятидесятилѣтней вдовы, шарообразной формы, и за которою Другановъ тогда еще ухаживалъ); но и здѣсь обыкновенно Другановъ намъ встрѣчался подъ навѣсомъ входной галлереи, гдѣ Тарсиса Михайловна, впослѣдствіи жена Друганова, угощала всѣхъ насъ дульчецой. Калакуцкій, женатый на довольно пригожей Молдаванкѣ, дочери коллежскаго ассессора Деческула, велъ жизнь домашнюю и не ежедневно обѣдывалъ у Орлова. Онъ въ полномъ смыслѣ былъ старшій адъютантъ, не выходилъ изъ дежурства, а иногда устроивалъ и нѣкоторыя собственныя дѣла Михайла Ѳедоровича Орлова. Не думаю, обмѣнивались ли они съ Пушкинымъ и нѣсколькими словами.

Что касается до Охотникова, то этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, былъ человѣкъ высшаго образованія и начитанности, что̀ иногда содѣлывало его очень скучнымъ въ нашей бесѣдѣ, гдѣ педантическая ученость была неумѣстна ([27]). Онъ пользовался самымъ дружескимъ отношеніемъ Орлова и посѣщалъ только одного меня, гдѣ всегда бралъ въ руки какую-нибудь книгу и рѣдко принималъ участіе въ живой бесѣдѣ собиравшихся лицъ. Пушкинъ прозвалъ Охотникова „*Père conscril* ([28]), и это было вотъ по какому случаю. Однажды вечеромъ собралось ко мнѣ человѣкъ десять, людей различныхъ взглядовъ. Шумно высказывалъ каждый свое мнѣніе о ка-

---

([27]) Охотниковъ принадлежалъ по рожденію къ знати: его мать, Наталья Григорьевна, урожд княжна Вяземская, была родная сестра извѣстной графини Марьи Григорьевны Разумовской. *П. Б.*

([28]) Извѣстное прозвище Римскихъ сенаторовъ.

комъ то предметѣ, съ помощію неотмѣннаго тогда полынковаго. Пушкинъ былъ въ схваткѣ съ Раевскимъ; одни поддерживали перваго, другіе втораго, и одинъ изъ спорящихъ обратился узнать мнѣніе Охотникова, не принимавшаго никакого участія въ спорѣ и сидѣвшаго на диванѣ съ книгой, взятою имъ на удачу съ полки. Въ этотъ разъ ему попался одинъ изъ томовъ Тита-Ливія, и онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ наступившихъ на него Пушкина и Раевскаго, для разрѣшенія ихъ спора, не обращая никакого вниманія на дѣлаемые ему вопросы, очень спокойно приглашалъ прослушать прекрасную рѣчь изъ книги и началъ „Pères conscrits!“ Это хладнокровіе выводило Пушкина и Раевскаго, одинаково пылкихъ, изъ терпѣнія; но на каждый приступъ къ Охотникову, тотъ приглашалъ ихъ выслушать только прежде эту, знаменитую по краснорѣчію, рѣчь и, не смотря на общій шумный говоръ, нѣсколько разъ принимался начинать оную, но далѣе словъ: „Pères conscrits„—не успѣвалъ. Послѣ этого Пушкинъ и за глаза и при встрѣчѣ съ Охотниковымъ не иначе обзывалъ его какъ „Père conscrit“, чему послѣдовалъ Раевскій и нѣкоторые другіе. Впрочемъ Александръ Сергѣевичъ уважалъ Охотникова и не разъ обращался къ нему съ серіознымъ разговоромъ, что̀ по большей части случалось у Орлова (29).

Наконецъ, я долженъ сказать и о себѣ, какъ упомянутомъ выше въ числѣ пяти лицъ. Въ первую половину пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, я не посѣщалъ ни Крупянскаго, ни Варѳоломея, потому что въ карты не игралъ (30), а еще менѣе танцовалъ, и при всемъ этомъ мнѣ оба дома не нравились, первый уже потому, что Крупянскій разыгрывалъ роль какого то вельможи, а жена его, при всей любезности своей, дѣйствительно думала представлять себя потомкой Комниныхъ, которымъ впрочемъ и самимъ едва ли было чѣмъ либо гордиться. Варѳоломей могъ доставлять удовольствіе только танцующей молодежи, которую онъ созывалъ для разсѣянія своей Пулхерицы, а самъ, поджавши ноги, съ трубкой въ зубахъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на плясуновъ, не будучи въ состояніи объ чемъ бы то ни было обмѣняться рѣчью. Въ дамскомъ обществѣ, я въ этотъ періодъ времени видалъ Пушкина только у Земфираки, которыхъ я иногда посѣщалъ и гдѣ встрѣчалъ Стамо, Стамати, двухъ братьевъ Руссо. Я ограничивался Русскимъ военнымъ обществомъ, генераловъ: Орлова, Бологовскаго и Черемисинова, старыхъ своихъ соратниковъ, князьями Георгіемъ и Александромъ Кантакузинами, гдѣ встрѣчался съ Пушкинымъ и наконецъ другими. Изъ осѣдлыхъ же жителей я посѣщалъ одного д. с. с. Ѳедора Ивановича Недобу, нашего дипломатическаго агента, вмѣстѣ съ Родофиникинымъ и архіереемъ Леонтіемъ (изъ Грековъ же) игравшаго знаменательную роль въ Сербіи, во время побѣга изъ оной Георгія Чернаго въ Австрію (31). Три-четыре вечера, а иногда

(29) Къ счастію, Охотниковъ умеръ и избѣгъ участи, ожидавшей его по происшествію 14-го декабря. Я, который былъ съ нимъ ближе всѣхъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, не могъ замѣтить и тѣни того, въ чемъ его послѣ обвиняли печатно.

(30) Иногда я захаживалъ къ брату его Тодору въ томъ же домѣ, и онъ бывалъ у меня вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, офицеромъ Камчатскаго полка.

(31) Съ Недобой я познакомился прежде всѣхъ по рекомендаціи сослуживца и потомъ комендданта въ Мобежѣ, подполковника Бароци, на

и болѣе, проводилъ я дома. Постоянными посѣтителями были у меня: *Охотниковъ*; маіоръ, начальникъ дивизіонной ланкастерской школы, *В. Ѳ. Раевскій*; Камчатскаго полка маіоръ *М. А. Яновскій*, замѣчательный оригиналъ, не лишенный интереса по своимъ похожденіямъ въ плѣну у Французовъ послѣ Аустерлицкаго сраженія; гевальдигеръ, 16-й дивизіи поручикъ *Таушевъ*, очень образованный молодой человѣкъ изъ Казанскаго университета; маіоръ *Гаевскій*, переведенный изъ гвардіи въ Селенгинскій полкъ, въ слѣдствіе исторіи Семеновскаго полка и здѣсь назначенный Орловымъ начальникомъ учебнаго баталіона; изъ офицеровъ генеральнаго штаба преимущественно бывали *А. Ѳ. Вельтманъ*, *В. П. Горчаковъ* и нѣкоторые другіе. Пушкинъ рѣдко оставался до конца вечера, особенно во вторую половину его пребыванія. Здѣсь не было картъ и танцевъ, а шла иногда очень шумная бесѣда, споръ и всегда о чемъ-либо дѣльномъ, въ особенности у Пушкина съ Раевскимъ, и этотъ послѣдній, по моему мнѣнію, очень много способствовалъ къ подстреканію Пушкина заняться положительнѣе исторіей и въ особенности географіей ([32]). Я тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ этомъ, что Пушкинъ неоднократно, послѣ такихъ споровъ, на другой или на третій день, бралъ у меня книги, касавшіяся до предмета, о которомъ шла рѣчь. Пушкинъ, какъ вспыльчивъ ни былъ, но часто выслушивалъ отъ Раевскаго, подъ веселую руку обоихъ, довольно рѣзкія выраженія и далеко не обижался, а напротивъ, казалось, искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевскаго. Въ одномъ, сколько я помню, Пушкинъ не соглашался съ Раевскимъ, когда этотъ утверждалъ, что въ Русской поэзіи не должно приводить имена ни изъ миѳологіи, ни историческихъ лицъ древней Греціи и Рима, что у насъ и то и другое есть—свое и т. п. Такъ-какъ предметъ этотъ меня вовсе не занималъ, то я и не обращалъ никакого вниманія на эти диспуты, неоднократно возобновлявшіеся. Остроты съ обѣихъ сторонъ сыпались. Здѣсь же Раевскому, всегда въ весело-мрачномъ расположеніи духа, пришла мысль переложить извѣстную пѣсню Мальборуга, по поводу смерти подполковника Адамова ([33]). Раевскій началъ, можно сказать, далъ только тему, которую стали развивать всѣ тутъ бывшіе, и Пушкинъ, которому, хотя личности, долженствовавшія войти въ эту передѣлку, и не были извѣстны, а не менѣе того, онъ давалъ толчекъ, будучи какъ-то въ особенно-веселомъ расположеніи духа. Но не смотря на то, что, можетъ быть, десять человѣкъ участвовали въ этой шуткѣ, одинъ Раевскій поплатился за всѣхъ: въ обвинительномъ актѣ военнаго суда

сестрѣ коего Недоба былъ женатъ. Я было ввелъ Пушкина къ нему, но хозяинъ ему не нравился.

([32]) Это иногда доходило до смѣшнаго, такъ наприм. одинъ разъ какъ-то Пушкинъ ошибся и указалъ мѣстность въ одномъ изъ Европейскихъ государствъ не такъ. Раевскій кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему показать, на висѣвшей по стѣнѣ картѣ, пунктъ, о которомъ шла рѣчь; человѣкъ тотчасъ исполнилъ. Пушкинъ смѣялся болѣе другихъ, но на другой день взялъ „Мальтебрюна“. Не могу утверждать, но мнѣ кажется В. П. Горчаковъ былъ свидѣтель говоримому.

([33]) Подполковникъ Адамовъ, выписанный Киселевымъ изъ Петербурга, какъ извѣстный фронтовикъ; ему былъ порученъ учебный баталіонъ 6-го корпуса. Тогда введены были три учебные шага, и для уравненія оныхъ выписаны метрономы и пр. Онъ умеръ въ поѣздку свою въ Тульчинъ. Адъютантъ его, Крупянскій, братъ вице-губернатора, привезъ эту вѣсть въ Тирасполь начальнику штаба, Вахтену.

упоминается и о переложеніи Мальборуга. Въ Кишиневѣ, всѣ, да и самъ Орловъ, смѣялись; въ Тирасполѣ тоже дѣлалъ корпусный командиръ Сабанѣевъ, но не такъ думалъ начальникъ его штаба Вахтенъ, который упомянутъ въ пѣснѣ, а въ Тульчинѣ это было принято за криминалъ. Хотя въ началѣ, пѣсни этой въ рукописи и не было, но потомъ записанная на память и не всегда вѣрно, она появилась у многихъ и такъ достигла до главной квартиры чрезъ Вахтена.

Не смотря, часто, на очень шумливыя бесѣды, на которыхъ излагались мнѣнія разнородныхъ взглядовъ, ни одно изъ нихъ не достигало тѣхъ размѣровъ, которые начали уясняться чрезъ два и три года, а чрезъ четыре такъ разразились во 2-й арміи, въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ Кіева. Ни одинъ собесѣдникъ того времени не принадлежалъ къ тому, и впослѣдствіи одинъ Охотниковъ былъ посвященъ въ тайну, но тутъ онъ всегда хранилъ глубокое молчаніе. Объ этомъ далѣе должно будетъ сказать еще нѣсколько словъ.

Вотъ нѣсколько личностей, съ которыми Пушкинъ былъ гораздо ближе, нежели съ Другановымъ и Калакуцкимъ.

Затѣмъ въ статьѣ о Пушкинѣ ничего не сказано о бригадномъ генералѣ *Дмитріѣ Николаевичѣ Бологовскомъ*, у котораго Александръ Сергѣевичъ часто обѣдалъ, въ началѣ по зову, но потомъ былъ приглашенъ разъ на всегда. Столъ его и непринужденность, умный разговоръ хозяина, его извѣстность очень нравились Пушкину; но одинъ разъ онъ чуть-чуть не потерялъ расположеніе къ себѣ генерала изъ одного самаго неловкаго поступка. Ихъ отношенія къ счастію уладились, ибо Пушкинъ откровенно сознался, что всему причиной было его шипучее, и продолжалъ бывать, но какъ-то рѣже.

Съ генераломъ П. С. Пущинымъ Пушкинъ не такъ былъ близокъ, какъ бы дается понимать въ статьѣ. Пущинъ своего стола не держалъ; обѣдалъ очень часто у Крупянской, за которой ухаживалъ; обѣдывалъ у Орлова, Бологовскаго и Кантакузина. Пушкинъ неоднократно подсмѣивался надъ нимъ, въ особенности послѣ исторіи съ Болгарскимъ архимандритомъ.

На страницѣ 1126-й есть отзывъ Пушкина о Пестелѣ; онъ справедливъ, и я очень хорошо помню, что когда Пушкинъ въ первый разъ увидѣлъ Пестеля, то, разсказывая о немъ, говорилъ, что онъ ему не нравится и, не смотря на его умъ, который онъ искалъ выказывать философическими сентенціями, никогда бы съ нимъ не могъ сблизиться. Однажды за столомъ у Михайла Θеодоровича Орлова, Пушкинъ, какъ бы не зная что этотъ Пестель сынъ Иркутскаго губернатора, спросилъ: „не родня ли онъ Сибирскому злодѣю?“ Орловъ, улыбнувшись, погрозилъ ему пальцемъ.

На стр. 1131-й между прочимъ сказано, что къ Орлову, когда онъ уже женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, пріѣзжали и гостили: Раевскіе, Давыдовы и родной братъ его Θедоръ Θедоровичъ и т. д. Раевскіе были всею семьею въ іюлѣ 1821 года и самъ Николай Николаевичъ, а на четыре дня пріѣзжали Александръ и Василій Львовичи Давыдовы; съ ними, проѣздомъ въ Одессу, заѣзжали Кіевскіе знакомцы Михаила Θедоровича, графъ Олизаръ и Швейковскій; изъ Вильны въ тоже время Валевскій и Ромеръ, также знакомые генералу по ежегодному ихъ пріѣзду на Кіевскіе контракты. Пушкинъ всѣ четыре дня провелъ у генерала, какъ знакомый съ Давыдовыми, у которыхъ прежде гостилъ въ Каменкѣ. Братъ же ге-

нерала пріѣзжалъ прежде и уѣхалъ послѣ ихъ, пробывъ около двухъ недѣль.

Что же касается до того, что . . . . „ и „тамъ-то за генеральскими (Орлова) обѣ„дами, слуги обносили его (Пушкина) „блюдами, на что онъ такъ забавно жа„луется,"—я позволяю себѣ торжественно отвергать это, и если это говорилъ самъ Пушкинъ, то конечно поэтизировалъ. Прислуга Михаила Θеодоровича была въ высшей степени вѣжлива и никогда не осмѣлилась бы сдѣлать того, особенно въ глазахъ своего господина, образца вѣжливости и хлѣбосольства; никто чаще меня не обѣдывалъ у генерала, и я конечно не упустилъ бы замѣтить въ тоже время, если бы что-нибудь произошло въ подобномъ родѣ.

Одинаково никогда не допущу себѣ повѣрить, что будто бы (стр. 1132): „Од„нажды кто-то замѣтилъ генералу (Ор„лову), какъ онъ можетъ терпѣть, что у „него на диванахъ валяется мальчишка „въ шароварахъ!" и т. д. Во первыхъ, никто изъ окружавшихъ, а еще менѣе постороннихъ, не осмѣлился бы сказать это лично Михайлу Θедоровичу; при всей его обходительности, онъ грозно импозировалъ каждому; а во вторыхъ и Пушкинъ никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать какую-либо невѣжливость въ домѣ столь уважаемаго лица; тѣмъ болѣе, что онъ могъ видѣть обращеніе Охотникова, который былъ всѣхъ ближе къ Михайлу Θедоровичу, какъ равно и нѣкоторыхъ другихъ. Въ разговорѣ Пушкинъ былъ часто свободнѣе другихъ, да и то всегда не иначе, какъ по иниціативѣ самаго генерала. Но за всѣмъ тѣмъ, хотя Александръ Сергѣевичъ иногда и дѣлалъ свои замѣчанія довольно рѣзко ([34]), я не думаю, чтобы когда-нибудь могло быть сказано Михайломъ Θедоровичемъ приведенное на этой страницѣ двухстишіе о „сапогѣ". Это никакъ на него не похоже, а равно и отвѣтъ о „слонѣ„ — не похожъ на Пушкина: такъ по крайней мѣрѣ я понималъ и того и другаго, и ничего подобнаго не встрѣчалъ. Другое дѣло въ домахъ Молдаванъ: тамъ Пушкинъ позволялъ себѣ многое, въ особенности, когда онъ уже оцѣнилъ ихъ.

Въ заключеніе этой статьи о Кишевскомъ обществѣ, говоря (стр. 1140-я) о книгахъ, которыя бралъ Пушкинъ изъ библіотеки въ Юрзуфѣ, отъ Раевскихъ въ Кіевѣ, отъ Давыдовыхъ въ Каменкѣ, присовокуплено: „Въ Кишиневѣ онъ „бралъ книги у Инзова, Орлова, Пу„щина, а всего чаще у И. П. Липран-

([34]) Такъ наприм. не помню, по какому случаю обѣдалъ у Михаила Θедоровича Инзовъ; но помню, что никакого торжественнаго дня не было. За столомъ было человѣкъ двадцать; изъ нихъ одинъ Пушкинъ былъ не военный. Предъ концомъ обѣда, хозяинъ предложилъ выпить за здоровье Ивана Никитича и, окинувъ глазами присутствовавшихъ, сказалъ ему, что довольно замѣчательно, что послѣ семи лѣтъ какъ война кончилась изъ находившихся за столомъ три четверти Георгіевскихъ кавалеровъ. У Инзова одного былъ этотъ знакъ на шеѣ, а потому приказано было налить еще по бокалу, чтобы еще выпить за его здоровье. Рѣчь пошла: какъ и гдѣ каждый получилъ этотъ крестъ и какое онъ имѣетъ значеніе. Вдругъ Пушкинъ, обратясь къ Орлову и указывая на меня и на есаула, сказалъ, что наши Георгіевскіе (я не имѣлъ еще 4-й степени, а только серебряный) имѣютъ болѣе преимуществъ, нежели всѣ другіе. „Это откуда ты взялъ?" спросилъ его Орловъ.—„Потому, отвѣчалъ Пушкинъ, что ихъ кресты избавляютъ отъ тѣлеснаго наказанія!" Это вызвало общій смѣхъ, безъ всякихъ другихъ явныхъ послѣдствій; но, тотчасъ послѣ стола, Пушкинъ сознавалъ всю неловкость этого фарса. Эта выходка вмѣстѣ съ тою, что Пушкинъ сдѣлалъ за столомъ у Бологовскаго, было одно, гдѣ языкъ его говорилъ безъ участія ума; другихъ въ такомъ родѣ не было, и напрасно много подобнаго ему приписывается.

„ди, владѣвшаго въ то время отличнымъ „собраніемъ различныхъ этнографиче-„скихъ и географическихъ книгъ.“

Не знаю, какія книги Александръ Сергѣевичъ бралъ у помянутыхъ лицъ въ Кишиневѣ, но у меня не было никакихъ другихъ, кромѣ тѣхъ, которыя говорили о краѣ съ самой глубокой древности; я тогда занимался нѣкоторыми розысканіями и сводомъ повѣствованій разныхъ историковъ, древнихъ и имъ послѣдовавшихъ, вообще о пространствѣ, занимающемъ Европейскую Турцію. Въ первую половину пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, онъ, будучи менѣе развлеченъ обществомъ, нежели во вторую, когда нахлынули Молдаване и Греки съ ихъ семействами, дѣйствительно интересовался многими сочиненіями, и первое сочиненіе, имъ у меня взятое, былъ — Овидій; потомъ Валерій Флаккъ (Аргонавты), Страбонъ, котораго, впрочемъ, возвратилъ на другой день; Мальтебрюнъ ([35]) и нѣкоторыя другія, особенно относящіяся до исторіи и географіи; но исключая вышеприведенныхъ, которыя онъ держалъ долго, другія возвращалъ скоро и завелъ было журналъ, но потомъ какъ то я спросилъ его о немъ уже въ Одессѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Скучно; бросилъ, кое что „есть, а самъ не знаю что.“

Во вторую же половину онъ собиралъ изустно, болѣе отъ выходцевъ, въ особенности отъ Сербовъ, пѣсни и т. п.; но въ Одессѣ я узналъ отъ него, что многое растерялъ и пр. Въ другомъ мѣстѣ я долженъ буду сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

О 7-мъ корпусѣ лучше не говорить, потому-что онъ далеко не былъ „по близости расположенъ“ отъ Кишинева. Изъ Херсона и вообще изъ сего корпуса не было никому никакой надобности быть въ Кишиневѣ или необходимости проѣзжать въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира, или въ Балту, гдѣ находилась коммисаріатская коммисія, снабжавшая всю 2-ю армію. Все это лежало не на пути.

Князь Александръ Ипсиланти, прежде пріѣзда своего въ Кишиневъ, былъ давно уже не *флигель-адъютантомъ*, а въ статьѣ вездѣ онъ такъ называется. Оно былъ генераломъ-маіоромъ по кавалеріи. Николай и Дмитрій были адъютантами Н. Н. Раевскаго, а Георгій кирасирскимъ офицеромъ. По образу ихъ жизни въ Кишиневѣ (однихъ съ ноября 1820-го, другихъ съ февраля 1821 годовъ) они не могли привлечь къ себѣ расположеніе Пушкина и не были въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ: характеры, взгляды и самая степень просвѣщенія были совершенно противоположны. Одинъ только Александръ былъ нѣсколько просвѣщеннѣе, но кичливость и всѣ врожденныя свойства фанаріота отталкивали отъ него всѣхъ тѣхъ, которые не имѣли нужды быть съ нимъ въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ; сверхъ же того, хотя онъ и пріѣхалъ въ Кишиневъ прежде своихъ братьевъ, но съ ноября мѣсяца онъ часто отлучался: въ Измаилъ, въ Рени или Тамарово, Скуляны, Хотинъ, по дѣламъ замышленнаго имъ предпріятія; „постоянными же жителями Кишинева“ они никогда не были. Кіевъ былъ постояннымъ пребываніемъ этого семейства. Въ Кишиневѣ была только сестра, за мужемъ за Катакази, губернаторомъ области.

На этой же 1127-й страницѣ есть выноска (№ 38-й), въ которой сказано, что „профессоръ Зеленецкій ѣздилъ на-„рочно въ *Бессарабію* для собиранія

———

([35]) Это до сихъ поръ отмѣчено въ моемъ каталогѣ: „у Пушкина“. Я замѣтилъ, что Пушкинъ всегда послѣ спора о какомъ-либо предметѣ, мало ему извѣстномъ, искалъ книгъ, говорящихъ объ ономъ.

„свѣдѣній о Пушкинѣ и писалъ со словъ „Д. А. Вороновскаго, П. С. Пущина, „покойнаго Марини, В. И. Гординскаго, „П. С. Леонарда, В. З. Писаренко и „студента Ратко".

Пущинъ могъ сообщить свѣдѣнія о Кишиневской и Одесской жизни Пушкина; Павелъ Яковлевичъ Марини только объ Одесской; но не знаю, что̀ могъ сообщить о Кишиневѣ Писаренко. Мелкій чиновникъ областнаго правленія, не бывавшій въ обществѣ и котораго едва ли Пушкинъ и зналъ, Писаренко сдѣлался фаворитомъ Вигеля; о Гординскомъ и Ратко я никогда не слыхалъ; Леонардъ же—Молдаванинъ, поссесоръ Кетроса. Впрочемъ изъ выписки видно, что профессоръ Зеленецкій ѣздилъ въ Бессарабію *собирать свѣдѣнія о Пушкинѣ*, а слѣдовательно по выѣздѣ сего послѣдняго и къ сожалѣнію указываетъ на такихъ лицъ, которыя никакъ не могли передать ему ничего другаго, кромѣ какъ того, что̀ могли слышать (и отъ кого еще?) или выдумать, исключая Пущина и Марини.

Стр. 1132. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ 21-го сентября ([36]), а 22-го этого мѣсяца я возвратился изъ Бендеръ, гдѣ пробылъ три дня, и въ тотъ же вечеръ, въ клубѣ, увидѣвъ новое вошедшее лицо съ адъютантомъ Инзова, маіоромъ Малевинскимъ, спросилъ его о немъ и получилъ въ отвѣтъ, что „это „Пушкинъ, вчера прибывшій въ штатъ „генерала". 23-го ч. я обѣдалъ съ нимъ у М. Ѳ. Орлова и здѣсь только узналъ, какой это Пушкинъ. Съ этого дня началось наше знакомство, о которомъ въ своемъ мѣстѣ скажется.

Точно Пушкинъ остановился въ заѣзжемъ домѣ „у Ивана Николаева" Наумова, но напрасно приложено къ нему названіе „мужика". Онъ былъ мѣщанинъ и одѣтъ, какъ говорится, въ нѣмецкое платье. А еще менѣе правильно слово „глиняной *мазанки*" — домъ и флигель очень опрятные и не глиняные; тутъ останавливались всѣ высшія пріѣзжавшія лица, тѣмъ болѣе, что въ то время, кромѣ жидовокъ Гольды и Исаевны, не куда было заѣхать. Въ 1821 году армянинъ Антоній открылъ заѣзжій домъ, но онъ былъ невыносимо грязенъ во всѣхъ отношеніяхъ и содержимъ на Азіатскій манеръ--каравансераемъ. Пушкинъ впослѣдствіи посѣщалъ иногда билліардную, находившуюся въ этомъ трактирѣ.

Пушкинъ скоро переѣхалъ въ нижній этажъ дома, занимаемаго Инзовымъ.

На стр. 1128-й, въ выноскѣ (№ 39) неправильно сказано, что домъ принадлежалъ Инзову. Онъ принадлежалъ Бессарабскому помѣщику Доничу и всегда нанимался подъ помѣщеніе главноуправляющаго областью лица; такъ передъ Инзовымъ въ немъ жилъ А. Н. Бахметевъ. Домъ этотъ никогда не принадлежалъ Ивану Никитичу.

Не сороку, а попугая ([37]), въ стоявшей клѣткѣ, на балконѣ, Пушкинъ выучилъ одному бранному молдаванскому слову. Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ первый разъ узналъ объ этомъ Иванъ Никитичъ. Въ день Пасхи 1821 года преосвященный Димитрій (Сулима) былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, установленный приличными этому дню блюдами; благословивъ закуску, Димитрій вошелъ въ открытую дверь, на балконъ, за нимъ послѣдовалъ Инзовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій подошелъ къ клѣткѣ и что-то произнесъ попугаю, а

([36]) На стр. 1122-й и говорится, что онъ пріѣхалъ въ послѣднихъ числахъ сентября.

([37]) У Инзова на балконѣ было двѣ сороки, каждая въ особой клѣткѣ, но расказываемое было съ сѣрымъ попугаемъ.

тотъ встрѣтилъ его помянутымъ словомъ, повторяя его и хохоча. Когда Инзовъ проводилъ преосвященнаго, то, встрѣтивъ меня и другихъ, также удаляющихся, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ, Иванъ Никитичъ, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: „Какой ты шалунъ! преосвященный догадался, что это твой урокъ". Тѣмъ все и кончилось.

Стр. 1130. Конечно опечатка: „Маріонилла"—такихъ прозвищъ нѣтъ,—а Маріола, Маріолица, иногда Марица, у Сербовъ и Болгаръ — Мара, по цыганскому произносится—Маріула.

Я при томъ первый разъ слышу: „о „Зеленомъ трактирѣ, въ верхнемъ городѣ, недалеко отъ митрополіи". Здѣсь былъ въ саду клубный домъ, гдѣ, въ началѣ, до смерти жены своей, держалъ буфетъ Фуксъ, а потомъ Жозефъ, бывшій метръ-д'отель Бахметева, держалъ родъ ресторацiи во время Пушкина, гдѣ точно Пушкинъ бывалъ со мной и другими. Другихъ трактировъ въ этой части не было. Сзади дома Крупянскаго находилась только кондитерская безносаго Марко Манчини, куда часто мы заходили, не столько для употребленія чего-либо, сколько пошутить съ его дочерью.

Я оставилъ Кишиневъ въ 1828 году и „Зеленый трактиръ" не существовалъ; можетъ быть, это было послѣ.

Стр. 1135. Пушкинъ никогда не видалъ дочери Кара-Георгія. Мать ея, въ началѣ 1820 года, пріѣзжала на нѣкоторое время въ Кишиневъ, провожая обратно въ Россію старшаго сына Кара Георгія, корнета нашихъ войскъ, скоро умершаго. Въ Кишиневѣ находился младшій сынъ, впослѣдствіи князь, обучался надъ надзоромъ жившаго въ Кишиневѣ воеводы Вучича, но какъ съ мальчикомъ никакъ нельзя было совладать ([38]), то она взяла его и мѣсяца за три до пріѣзда Пушкина, возвратилась въ Хотинъ; Пушкинъ же, что̀ я знаю положительно, никогда въ Хотинѣ не былъ, а при томъ въ это время дочь Кара Георгія имѣла не болѣе 6—7 лѣтъ ([39]).

Тамъ же. Разсказы о Кара Георгіѣ Пушкинъ могъ слышать отъ всѣхъ, но уже ни въ какомъ случаѣ отъ А. П. Алексѣева, человѣка не способнаго къ разсказамъ, а притомъ онъ никогда не служилъ въ войнѣ противъ Турокъ. Онъ началъ службу въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку, и когда по общему распоряженію въ 1814 и 1815 годахъ, младшіе штабъ и оберъ-офицеры легкой конницы переведены были въ тяжелую, то онъ тотчасъ вышелъ, съ повышеніемъ въ полковники, въ отставку. Онъ былъ Сербъ днѣпровскій, изъ числа семействъ, переселившихся при Петрѣ 1-мъ, храбръ, добродушенъ, гостепріименъ. Онъ очень вѣрно описанъ А. Ѳ. Вельтманомъ въ одномъ изъ его романовъ. Пушкинъ могъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о Сербіи отъ Алексѣева, но только не отъ этого, а отъ Николая Степановича, который, по порученію Киселева, занимался выпиской изъ архива дипломатическихъ сношеній съ Сербіею нашихъ главнокомандующихъ, начиная отъ Михельсона, Прозоровскаго, Багратіона, Каменскаго и Кутузова. Главное же, Пушкинъ очень часто встрѣчался у меня съ Сербскими воеводами, поселившимися въ Кишиневѣ, Вучичемъ, Ненадовичемъ, Живковичемъ, двумя братьями Македонскими

([38]) Особенная страсть молодаго Александра была—лазить по голубятнямъ и крышамъ, чтобы красть голубей; за это не разъ доставалась ему преизрядная трепка.

([39]) Здѣсь на стр. 1135, сказано что—„Хотинъ недалеко отъ Кишинева". Хотинъ отъ Ки„шинева—300 верстъ.

и пр., доставлявшими мнѣ матеріалы. Чуть ли нѣкоторыя записки Александръ Сергѣевичъ не бралъ отъ меня, положительно не помню. Впрочемъ, мнѣ не случалось читать что-либо писанное имъ о Сербіи, исключая здѣсь упоминаемые стихи, какъ плоды вдохновенія. Отъ помянутыхъ же воеводъ онъ собиралъ пѣсни и часто при мнѣ спрашивалъ о значеніи тѣхъ или другихъ словъ для перевода. На короткое время пріѣзжалъ Стойковичъ, профессоръ Харьковскаго университета; онъ былъ Сербъ, но видѣлся съ Пушкинымъ раза два, и очень ему не понравился.

Теперь представляю замѣчанія на отрывочныя, недостаточно - выясненныя упоминанія Пушкина о мѣстѣ ссылки Овидія и пр.

На стр. 1140-й статьи „Пушкинъ въ Южной Россіи“, сказано „Другимъ его „(Пушкина) любимцемъ былъ тогда Овидій, котораго онъ читалъ, вѣроятно во „французскомъ переводѣ“ и т. д.

Дѣйствительно, Овидій очень занималъ Пушкина; не знаю, читалъ ли онъ его прежде, но знаю то, что первая книга, имъ у меня взятая—былъ Овидій, во французскомъ переводѣ, и книги эти оставались у него съ 1820 по 1823 годъ.

Думаю, что для памяти Александра Сергѣевича слѣдовало бы опредѣлить положительно, что онъ, по прибытіи въ Кишиневъ, хотя и не очень твердо былъ ознакомленъ съ историческою и современною географіей, но зналъ *положительно*, что Овидій не могъ быть сосланъ Августомъ на лѣвый берегъ Дуная, страну, въ которой въ первый разъ появились Римскіе орлы только при Траянѣ въ 105 году по Р. Х.; слѣдовательно 91 годъ послѣ смерти Августа ([40]).

Не разъ случалось мнѣ быть свидѣтелемъ разговора объ этомъ предметѣ Пушкина съ В. Ѳ. Раевскимъ и К. А. Охотниковымъ, разговора, къ которому приставалъ иногда и я. Пушкинъ одинаково, какъ и мы всѣ, смѣялся надъ П. П. Свиньинымъ, вообразившимъ Аккерманъ мѣстомъ ссылки Овидія и, вопреки географической исторіи, выводившаго, что даже названіе одного близь лежащаго отъ Аккермана озерка, сохранило названіе *Овидіева озера* ([41]), и на этомъ основаніи давалъ волю своему воображенію до самыхъ безразсудныхъ границъ: Названіе лежащей противъ Аккермана (чрезъ лиманъ, 9 верстъ) крѣпостцѣ Овидіополя, служило также поводомъ къ заключенію, что Овидій былъ изгнанъ въ Аккерманъ, но въ такомъ случаѣ, почему же онъ не названъ Овидіополемъ? Конечно въ то время, когда выстроенъ былъ Овидіополь, то правый берегъ Днѣстра намъ еще не принадлежалъ, но въ 1806 году ничто уже не препятствовало назвать Ак-

---

([40]) Августъ царствовалъ съ 23 г. до Р. Х. по 14-й годъ по Р. Х. Овидій умеръ три года спустя. Траянъ присоединилъ къ Римской имперіи Дакію; но въ этомъ случаѣ не видно, чтобы Римскія поселенія достигали „Гетскихъ пустынь“, въ которыхъ лежитъ Аккерманъ на мѣстѣ древней Офіузы, впослѣдствіи Тираса. Натискъ различныхъ племенъ, съ Востока и Сѣверо-Востока, окончательно вытѣснилъ Римлянъ и изъ мѣстъ, ими заселенныхъ, а въ 274 году, Авреліанъ вынужденъ былъ вовсе покинуть эту страну.

([41]) На Юго-Западъ отъ Аккермана есть нѣсколько небольшихъ озеръ, изъ коихъ только въ одномъ прѣсная вода. Озерко это названо было чабанами (пастухами) „*Лакулъ—Овіолуй*“, т. е. Овечье Озеро, или Озеро Овецъ, потому что оно было единственное, къ которому они подгоняли стада для водопоя. Овцы по молдавански *Овіо*. Очень хорошо помню, что когда Пушкинъ услышалъ это объясненія, онъ расхохотался и замѣтилъ, что Свиньину слѣдовало тутъ какъ нибудь припутать и Лукулла и т. д.

керманъ по принадлежности Овидіополемъ. Словомъ, я очень хорошо помню, что Раевскій и Пушкинъ, при чтеніи записокъ Свиньина, были неистощимы на остроты. Ничто меня не убѣдитъ, что бы Пушкинъ колебался минуту въ убѣжденіи, что Овидій не могъ быть сосланъ въ Аккерманъ; и Александръ Сергѣевичъ не могъ наконецъ произвольно, голословно отвергать исторію, опредѣляющую мѣсто ссылки Овидія — въ Томи, лежавшемъ на правомъ берегу южнаго рукава Дуная, при устьѣ онаго въ Черное море и гдѣ поэтъ, послѣ почти девятилѣтняго пребыванія своего и уже при Тиверіи, не освободившемъ его, окончилъ и жизнь. На мѣстѣ древняго Томи находится мѣстечко, прозванное венгерскими историками—Томисъ-Варъ, а Турками Керманъ, или Кара-Керманъ— Черный Керманъ, въ противуположность Ак-керману, т. е. Бѣлому Керману, и очень можетъ быть, что это тождество названій и было поводомъ (когда и кому первому?—не извѣстно) принять Аккерманъ за могилу Овидія ([42]).

Хотя я и не знатокъ отыскивать смыслъ въ поэтическихъ твореніяхъ; но изъ всего того, что̀ привелось мнѣ читать въ Пушкинѣ, не вижу однакоже, чтобы онъ полагалъ — Аккерманъ мѣстомъ ссылки любимаго имъ поэта, а напротивъ, если онъ и не опредѣляетъ мѣста, то ищетъ его на берегахъ Дуная, а не Днѣстра.

Самъ авторъ статьи „Пушкинъ въ Южной Россіи“ (стр. 1140), говоритъ: „Элегіи Овидія могли особенно нравить„ся Пушкину, между прочимъ и пото„му, что въ собственной участи своей „онъ любилъ находить нѣкоторое сход„ство съ судьбой римскаго поэта„изгнанника. Самая близость Овидіополя „напоминала о томъ Пушкину.“

Изъ этихъ послѣднихъ словъ никакъ не видно, чтобы здѣсь *Овидіополь* могъ имѣть како-либо другое значеніе, какъ только одно созвучіе. Тоже заявлено и въ выноскѣ, на стр. 1152: „Бестужевъ, „своимъ *кудрявымъ* слогомъ, выражает„ся про „Кавказскаго плѣнника“ — что „онъ писанъ въ виду сѣдовласаго Кав„каза и на могилѣ Овидіевой.“ Хотя „Кавказскій плѣнникъ“—могъ быть писанъ въ виду, пусть и сѣдовласаго, Кавказа; но что относится до могилы Овидія,—то это дѣйствительно, черезъ-чуръ кудревато!

Далѣе, стр. 1163„.... Несомнѣнно „одно, что Пушкинъ, въ исходѣ 1821 „года, видѣлъ устье Днѣстра; былъ „въ Аккерманѣ и противолежащемъ „Овидіополѣ“ ([44]).

Въ декабрѣ 1821 года, по порученію генерала Орлова, я долженъ былъ произвести слѣдствіе въ 31-мъ и 32-мъ егерскихъ полкахъ. Первый находился

([42]) Какой-то нѣмецкій антикварій отыскалъ въ Галацахъ мраморъ, на которомъ было высѣчено нѣсколько видныхъ еще словъ; изъ нихъ онъ заключилъ, что камень этотъ былъ надгробный Овидія и еще на болѣе куріозномъ основаніи нежели Свиньинъ думалъ, что Галацы были мѣстомъ ссылки Овидія, или, по крайней мѣрѣ, мѣстомъ его смерти Ученый нѣмецъ не принялъ въ соображеніе, что камни могутъ быть переносимы съ одного мѣста на другое, что̀ въ особенности замѣчается въ томъ краѣ. Цари Болгарскіе, разорившіе Грецію, увозили къ себѣ мраморы; потомъ Турки употребляли ихъ куда попало, а потому въ Болгаріи драгоцѣнные мраморы часто видимы между обыкновенными камнями въ сооруженіи мостовъ, хане, бань, конюшенъ и т. п.

([43]) Хотя въ причинахъ, побуждавшихъ къ ссылкѣ Овидія и удаленію Пушкина, нѣтъ рѣшительно ничего общаго; но ради поэзіи, Пушкинъ могъ думать или покрайней мѣрѣ, писать иначе.

([44]) Но не при устьи Днѣстра онъ могъ искать гробницу Овидія. Поэтъ этотъ ясно обозначаетъ. Истеръ (Дунай), а не Тирасъ (Днѣстръ), а равно и народы, среди которыхъ онъ находился.

въ Измаилѣ, второй въ Аккерманѣ. Пушкинъ изъявилъ желаніе мнѣ сопутствовать, но по неизвѣстнымъ причинамъ Инзовъ не отпускалъ его. Пушкинъ обратился къ Орлову, и этотъ выпросилъ позволеніе. Мы отправились прежде въ Аккерманъ, такъ какъ тамъ мнѣ достаточно было для выполненія порученія нѣсколькихъ часовъ. Въ Бендерахъ, такъ интересовавшихъ Пушкина по многимъ причинамъ (какъ это скажу послѣ), онъ хотѣлъ остановиться, но былъ вечеръ, и мнѣ нельзя было потерять нѣсколько часовъ, а потому и положили пріѣхать въ другой разъ. Первая отъ Бендеръ станція, Клушаны, опять взбудоражила Пушкина: это бывшая до 1806 г. столица Буджацкихъ хановъ. Спутникъ мой никакъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, что тутъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, все разнесено, не то, что̀ въ Бакчи-Сараѣ: года черезъ полтора, какъ видно будетъ далѣе, онъ могъ убѣдиться и самъ въ томъ, что̀ ему всѣ говорили; до того же времени оставался неспокойнымъ. Развалины древней башни въ Паланкѣ, мимо которыхъ мы проѣзжали днемъ, интересовали его гораздо менѣе.

Въ Аккерманѣ мы заѣхали прямо къ полковому командиру *Андрею Григорьевичу Непенину* (старому моему соратнику и бывшему въ 1812 и 1815 годахъ адъютантомъ у князя Щербатова) и поспѣли къ самому обѣду, гдѣ Пушкинъ встрѣтилъ своего петербургскаго знакомца подполковника Кюрто, кажется, бывшаго его учителемъ фехтованья, и мѣсяца за два назначеннаго комендантомъ Аккерманскаго замка на мѣсто полковника фонъ-Троифа. Обѣдъ кончился поздно, идти въ замокъ было уже не зачѣмъ, къ тому же было и снѣжно, дождливо. Вечеръ проведенъ былъ очень весело. Старикъ Кюрто, французъ, былъ презабавенъ. Объ Овидіѣ не было и помину. Кюрто звалъ всѣхъ на другой день къ себѣ обѣдать. Рано утромъ, я отправился по порученію къ ротамъ, оставя Пушкина еще спящимъ; но когда возвратился, то онъ ушелъ уже къ коменданту, куда вскорѣ послѣдовали и мы. Пушкинъ въ это время ходилъ съ Кюрто осматривать за̀мокъ, сложенный изъ башенъ различныхъ эпохъ, но мы не долго ихъ прождали. Всѣ обѣдавшіе не прочь были, какъ говорится, погулять, и хозяинъ подавалъ примѣръ гостямъ своимъ. Пушкинъ, то любезничалъ съ пятью здоровенными и не первой уже молодости дочерьми хозяина, которыхъ онъ увидалъ въ первый разъ; то подходилъ къ столикамъ, на которыхъ играли въ вистъ и, какъ охотникъ, держалъ пари, то бралъ свободную колоду и, стоя у стола, предлагалъ кому-нибудь срѣзать (въ штосъ); звонкій его смѣхъ слышанъ былъ во всѣхъ углахъ. Далеко за полночь возвратились мы домой. Поутру мнѣ хотѣлось повидаться со швейцарцемъ Тарданомъ, учредившимъ колонію въ д. Шабо, въ трехъ верстахъ на югъ отъ Аккермана. Пушкинъ поѣхалъ со мной. Тарданъ очень ему понравился, а Пушкинъ Тардану, удовлетворявшему безчисленнымъ вопросамъ моего спутника. Мы пробыли часа два и взяли съ собой Тардана обѣдать къ Непенину. Отобѣдавъ, выѣхали въ шесть часовъ въ Измаилъ. Въ этотъ разъ Пушкинъ въ Овидіополь не ѣздилъ, да было бы и весьма трудно въ декабрѣ мѣсяцѣ, при тогдашнихъ переправахъ, которыя въ хорошую погоду совершались въ сутки одинъ только разъ. Въ эту поѣздку Пушкинъ не проводилъ ночи на прибрежной Аккерманской башнѣ, смотря на Овидіополь,—какъ свидѣтельствовалъ уѣздный учитель (стр. 1163). Можетъ быть, это было въ слѣдующемъ году, когда я уѣзжалъ на пять мѣся-

цевъ изъ Бессарабіи, но и въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы узнать о томъ.

До Татаръ-Бунара не было между нами произнесено имени Овидія, хотя разговоръ не умолкалъ; я долженъ былъ удовлетворять вопросамъ о послѣднихъ войнахъ и нѣкоторыхъ лицахъ, участвовавшихъ въ оныхъ, такъ и о нѣкоторыхъ Бессарабскихъ, которыхъ не вполнѣ еще узналъ. Непенинъ ему не понравился, о причинѣ тому скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ Татаръ Бунаръ мы прiѣхали съ разсвѣтомъ и остановились отдохнуть и пообѣдать. Пока намъ варили курицу, я ходилъ къ фонтану, а Пушкинъ что-то писалъ, по обычаю, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги и какъ ни попало складывалъ ихъ по карманамъ, вынималъ опять, просматривалъ и т. д. Я его не спрашивалъ что̀ онъ записываетъ, а онъ, зная, что я не знатокъ стиховъ, ничего не говорилъ. Помню очень хорошо, что онъ жалѣлъ, что не захватилъ съ собой какого-то тома Овидія; я засмѣялся и сказалъ, что я вдвойнѣ жалѣю, что не захватилъ у Непенина чего-нибудь поѣсть; онъ тоже засмѣялся и проговорилъ какую-то латинскую пословицу. Услышавъ изъ моихъ распросовъ о посадѣ Вилково, лежащемъ при самомъ устьѣ лѣваго берега Дуная (Килійскаго, самаго сѣвернаго изъ рукавовъ) и славящагося ловлею сельдей, что со второй станціи есть поворотъ на Килію, отъ которой идетъ туда дорога, онъ неотступно желалъ, чтобы заѣхали туда и даже нѣсколько надулся; но я ему доказалъ, что теперь этого сдѣлать никакъ нельзя, что къ послѣзавтрему два баталіона стянутся въ Измаилъ для моего опроса, а завертывая въ Вилково, мы потеряемъ болѣе сутокъ, ибо въ настоящее время года и при темнотѣ, отъ Киліи до посада по дорогѣ, или лучше сказать по тропинкѣ, идущей по самымъ обрывамъ берега Дуная, ночью ѣхать невозможно. Онъ скоро созналъ это, опять повеселѣлъ, и мы отправились.

Далѣе (на той же 1163-й страницѣ). .... „Н. И. Надеждинъ, посѣтившій „эти мѣста лѣтъ черезъ двадцать, говоритъ, что одинъ учитель Акерманскаго уѣзднаго училища показывалъ „ему прибрежную башню, на которой „Пушкинъ провелъ цѣлую ночь и что „башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. Не потому ли, прибавляетъ „онъ, что поэтъ здѣсь, можетъ быть, „велъ свою вдохновенную бесѣду съ „тѣнію Овидія? Въ самомъ дѣлѣ воспоминаніе о Римскомъ изгнанникѣ такъ „легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на „краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ во всей своей пустынной „красѣ“.

Здѣсь прежде я долженъ замѣтить, что историческая географія этихъ мѣстъ особенно занимала Николая Ивановича Надеждина. Въ продолженіе десяти лѣтъ что̀, почти ежедневно, мы были вмѣстѣ, я не разъ доставлялъ ему топографическія карты и разныя сочиненія изъ бывшей у меня спеціальной о Турціи библіотеки ([45]), и онъ не разъ сожалѣлъ, что въ поѣздку свою въ Турцію не посѣтилъ, съ Овидіемъ въ рукахъ, изъ Бабадага, Кермана, находящагося на мѣстѣ древняго Томи. Мысль о томъ, что Римскій поэтъ могъ быть сосланъ въ Аккерманъ никакъ не могла заб-

---

([45]) Въ 1856 года, она, по Высочайшему повелѣнію, куплена была для библіотеки генеральнаго штаба. Въ библіотекѣ моей было все, что̀ печаталось на всѣхъ языкахъ о Турціи, съ самаго начала книгопечатанія до 1853 года. Она собиралась съ 1820 года и ужъ съ 1830-го была извѣстна Европейскимъ ученымъ обществамъ.

раться въ глубоко-ученую его голову ([46]). По моему понятію слышанное имъ отъ уѣзднаго учителя, перепутано, если онъ сказалъ и правду, что будтобы Пушкинъ провелъ цѣлую ночь на прибрежной башнѣ и что „башня эта „*съ тѣхъ поръ* называется *Овидіевой*". Странное выраженіе — *съ тѣхъ поръ* — она начала называться Овидіевой! Засимъ слѣдуютъ мечтанія, фразы и опять ничего не опредѣляется, а говорится только о впечатлѣніи, которое могло быть сдѣлано городомъ, украшеннымъ именемъ Овидія. Это ровно не дѣлаетъ никакого указанія на мѣсто ссылки ([47]). Когда границы наши подвинулись до лѣваго берега Днѣстра, то въ одно время построены были двѣ крѣпости: Овидіополь, верстахъ въ 15-ти отъ устья днѣстровскаго лимана и Тирасполь въ 120-ти отъ онаго. Но это никакъ не даетъ повода думать, что нашъ Тирасполь построенъ на мѣстѣ древняго Тираса, переименованнаго изъ Офіузы, которая была въ окрестностяхъ Аккермана и пр. ([48]).

На стр. 1165-й: „Подъ стихами къ „Овидію выставлено 1821 г. декабря „26-го; что они писаны *въ предполагае-„момъ* мѣстѣ Овидіевой ссылки, видно „изъ самого стихотворенія":

„Изгнанникъ самовольный,
„И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
„Съ душой задумчивой, *я нынѣ посѣтилъ*
„*Страну*, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.

„Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья
„И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
„Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ:
„Ужъ пасмурный декабрь на *Русскіе луга*
„Слоями растилалъ пушистые снѣга,
„Зима дышала *тамъ*, а съ вешней теплотою
„Здѣсь солнце яркое катилось надо мною".

„Поѣздка въ Аккерманъ была не „продолжительна" и т. д.

Я полагаю, что число ошибочно, ибо мы возвратились послѣ двухнедѣльной отлучки изъ Кишинева, поздно вечеромъ 23-го числа, и наканунѣ Рождества я подалъ рапортъ, заготовленный въ Измаилѣ съ отчетомъ своего порученія.

Изъ приведенныхъ здѣсь стиховъ — виноватъ, а я не вижу, чтобы Пушкинъ сказалъ, что онъ былъ на предполагаемомъ мѣстѣ ссылки Овидія. „На берегахъ Дуная онъ очень вѣрно сказалъ: „Я нынѣ посѣтилъ *страну*" и т. д. Находясь въ Измаилѣ — онъ *дѣйствительно былъ въ странѣ*, въ которую былъ сосланъ Овидій, ибо чрезъ Дунай, при устьѣ его, находился *Томи*, нынѣ *Керманъ*. *Русскіе луга*, *пушистые снѣга* опредѣляютъ только то, что былъ декабрь и свѣжило. Впрочемъ, опять повторяю, я не знатокъ отыскивать смыслъ въ поэзіи. Такъ и тутъ никакъ не разберу смысла въ словахъ: *тамъ* и *здѣсь*. *Тамъ*, относится какъ будто

([46]) Однажды зашла рѣчь о Пушкинѣ и о его разнорѣчивыхъ и вообще не ясныхъ обозначеніяхъ относительно мѣста ссылки Овидія; Николай Ивановичъ замѣтилъ, что Пушкинъ обладаетъ необыкновеннымъ поэтическимъ даромъ: игривость и легкость его стиха неподражаема; но что онъ поэтъ не для исторіи, что онъ недостаточно изучилъ классиковъ и пр. Конечно, я не могъ судить о томъ.

([47]) Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ дано столько древнихъ и новыхъ Европейскихъ названій городамъ, изъ коихъ, конечно, каждый можетъ возбуждать тѣ или другія воспоминанія, антикварій, да если къ тому еще онъ и поэтъ, посѣтивъ американскій Карѳагенъ и т. п. легко вспомнитъ о событіяхъ, связанныхъ съ древними городами тѣхъ именъ, но не будетъ въ нихъ искать гробницъ славныхъ мужей древнихъ городовъ.

([48]) Паланка, находящаяся при устьѣ Днѣстра, въ лиманѣ, болѣе соотвѣтствуетъ, по повѣствованію древнихъ, мѣстности Тираса; есть и слѣды развалинъ глубокой древности и пр.

къ Аккерману, могилѣ Овидія, гдѣ теперь снѣгъ, а *здѣсь*, т. е. должно полагать—въ Измаилѣ, гдѣ писаны стихи: не понимаю, и все остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что Пушкинъ и не думалъ предполагать мѣсто ссылки на лѣвомъ берегѣ Дуная.

Въ посланіи къ Чаадаеву:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ—пустынный *мой сосѣдъ*.
и пр.

Здѣсь, по моему мнѣнію, ясно, что Пушкинъ не опредѣляетъ мѣста ссылки въ Бессарабіи, опредѣляемаго словомъ *страной*, а прахъ Овидія — *сосѣдомъ*; иначе онъ сказалъ бы, что онъ въ той же странѣ.

Въ стихотвореніи „Овидію":

„.... Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны
„За *Истромъ* утаясь, добычи ожидаютъ,
„*И сёламъ* каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
„Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
„И по льду звучному безтрепетно идутъ" и т. д.

Здѣсь ясно Пушкинъ обозначаетъ пребываніе Овидія на правомъ берегѣ Дуная, въ Мизіи, на югъ чрезъ Дунай отъ Скиѳіи и далѣе, говоря о себѣ:

„*На Скиѳскихъ* берегахъ переселенецъ новый...
„... Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
„Великодушный Грекъ свободу вызывалъ"...

Къ Баратынскому, изъ Бессарабіи (1822 г.):

„Еще донынѣ тѣнь Назона
„*Дунайскихъ* ищетъ *береговъ*;
„Она летитъ на сладкій зовъ
„Питомцевъ Музъ и Аполлона,
„И съ нею часто, при лунѣ,
„Брожу вдоль берега крутаго" и т. д.

Здѣсь говорится ясно о берегахъ Дуная, а не о Днѣстрѣ, близь котораго Аккерманъ и Овидіополь.

Въ разборѣ Пушкина Элегій Теплякова, плывущаго изъ Одессы къ Варнѣ, говорится (т. V, стр. 295):

„Вскорѣ поэтъ плыветъ *мимо береговъ*, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на „краѣ волнъ".

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о Днѣстровскомъ лиманѣ, гдѣ съ одной стороны—Аккерманъ, а съ другой Овидіополь, оба на 15 верстъ разстоянія отъ моря, и путь изъ Одессы къ Варнѣ далеко оставляетъ вправо и самое устье лимана. И стихъ:

„Святая тишина Назоновой гробницы".

долженъ относиться къ устьямъ Дуная, гдѣ, конечно, царствовало болѣе тишины въ полуразрушенной паланкѣ Кермана, нежели въ Аккерманѣ и въ Овидіополѣ.

Вышесказанное подтверждается и элегіею Томисъ, гдѣ находился Овидій и гдѣ дѣйствительно онъ былъ окруженъ Гетами Скиѳіи, находившимися чрезъ Дунай на Сѣверъ въ нижней части нынѣшней Бессарабіи, Буджакѣ и безпрерывно обезпокоивавшими Мизію, занятую Римлянами; на Югъ и Западъ Бессами, почти всегда въ грабежахъ, союзниками Гетовъ; съ Востока было у него море.

Но вотъ, наконецъ, что встрѣчается въ Евгеніѣ Онѣгинѣ (изд. Исакова, т. III, стр. 9):

„За что страдальцемъ кончилъ онъ (Овидій)
„Свой вѣкъ блестящій и мятежный
„Въ *Молдавіи*, въ глуши степей" и т. д.

Не должно ли отнести это къ недосмотру, къ опечаткѣ? Я не знаю, но убѣжденъ, еще разъ повторяю, что Пушкинъ никогда не признавалъ Аккермана мѣстомъ ссылки Овидія, а между-тѣмъ набрасывается тѣнь, оскорбляющая память его. Незнакомый до-

статочно съ поэзіей, чтобы извлекать изъ оной вполнѣ мысль поэта, я долженъ былъ ограничиться только историческо - географическими замѣчаніями о странѣ, о которой идетъ рѣчь и что̀ составляетъ какъ бы спеціальность, которою по силамъ я занимаюсь съ 1820 года по сей часъ.

Теперь прослѣжу нашъ путь изъ Татаръ-Бунара чрезъ Измаилъ обратно въ Кишиневъ.

Въ Измаилъ, или правильнѣе, Тучковъ, мы пріѣхали въ 10-ть часовъ вечера и заѣхали прямо къ *Славичу*, негоціанту, которому я далъ слово всегда у него останавливаться. Насъ приняли съ Славянскимъ радушіемъ. Напившись чаю и тотчасъ сытно поужинавъ въ своей комнатѣ, измученные, размѣстились мы на диванахъ. Я вышелъ по дѣламъ рано, оставивъ Пушкина еще спящимъ; часа черезъ два возвратился: онъ былъ уже какъ свой въ семействѣ Славича, и отказался ѣхать со мной обѣдать къ коменданту г. л. Сандерсу (участнику подъ Ларгой и при Кагулѣ, большому оригиналу); я поѣхалъ одинъ и возвратился уже въ полночь. Пушкинъ еще не спалъ и сообщилъ мнѣ, что онъ съ Славичемъ обошелъ всю береговую часть крѣпости, и, какъ теперь помню, что онъ удивлялся, какимъ образомъ Де-Рибасъ, во время Суворовскаго штурма, могъ, со стороны Дуная, взобраться на эту каменную стѣну и пр. Подробности штурма ему были хорошо извѣстны. Тогда же сообщилъ онъ, что свояченица хозяина продиктовала ему какую-то Славянскую пѣсню; но бѣда въ томъ, что въ ней есть слова Иллирійскаго нарѣчія, которыхъ онъ не понимаетъ, а она, кромѣ своего роднаго и Италіянскаго языка другихъ не знаетъ, но что завтра кого-то найдутъ и растолкуютъ. Въ десять часовъ утра, когда я совсѣмъ былъ уже готовъ идти для исполненія служебнаго порученія, вошелъ ко мнѣ лейтенантъ *И. П. Гамалей*; я свелъ его съ Пушкинымъ, а самъ отправился къ собраннымъ ротамъ; кончивъ, я возвратился, чтобы взять Пушкина и ѣхать обѣдать къ начальнику карантина Жукову; но Пушкинъ и Гамалей опять ушли осматривать городъ и пр. Въ этотъ день я возвратился въ полночь, засталъ Пушкина на диванѣ съ поджатыми ногами, окруженнаго множествомъ лоскутковъ бумаги.

Не добрались-ли вы до папильотковъ Ирены? (свояченицы), спросилъ я его. Онъ засмѣялся, подобралъ все кое-какъ, положилъ подъ подушку и разсказалъ мнѣ, что Гамалей возилъ его опять въ крѣпость; потомъ на мѣсто, гдѣ зимуетъ флотилія, въ карантинъ; а послѣ обѣда хозяинъ возилъ ихъ въ Кассино; наконецъ, ужинали, и Гамалей недавно ушелъ вмѣстѣ съ другимъ лейтенантомъ Щербачевымъ; оба очень понравились Пушкину. Опорожнивъ графинъ Систовскаго вина, мы уснули. Пушкинъ проснулся ранѣе меня. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что онъ сидѣлъ на вчерашнемъ мѣстѣ, въ томъ же положеніи, совершенно еще не одѣтый, и лоскутки бумаги около него. Въ этотъ моментъ онъ держалъ въ рукахъ перо, которымъ какъ бы билъ тактъ, читая что-то; то понижалъ, то подымалъ голову. Увидѣвъ меня проснувшимся же, онъ собралъ свои лоскутки, сталъ одѣваться, и потомъ намъ принесли чай и кофе. Часу въ одинадцатомъ пришли Гамалей и Щербачевъ, и Пушкинъ опять отправился съ ними, какъ я узналъ, въ началѣ — въ крѣпостную церковь, гдѣ есть надписи нѣкоторымъ изъ убитыхъ на штурмѣ, Я остался дома и занялся рапортами; окончивъ, отдалъ переписывать пришедшему писарю, потомъ пошелъ къ генералу С. А. Тучкову — основателю города. Почтенный старецъ этотъ, тогда

еще въ сильной опалѣ, неотмѣнно пожелалъ видѣть Пушкина и просилъ сказать Славичу, что и онъ будетъ къ нему на щи. Всѣ уже собрались, но Пушкинъ и его два спутника пришли къ самому обѣду. Пушкинъ былъ очарованъ умомъ и любезностью Сергѣя Алексѣевича Тучкова, который обѣщалъ что-то ему показать, и отправился съ нимъ послѣ обѣда къ нему. Пушкинъ возвратился только въ 10-ть часовъ, но видно было, что онъ былъ какъ то не въ духѣ. Послѣ ужина, когда мы вошли къ себѣ, я его спросилъ о причинѣ его пасмурности; но онъ мнѣ отвѣчалъ неудовлетворительно, замѣтивъ, что, еслибы можно, то онъ остался бы здѣсь на мѣсяцъ, чтобы просмотрѣть все то, что̀ ему показывалъ генералъ: „у него всѣ классики и выписки изъ нихъ“, сказалъ мнѣ Пушкинъ. Мы начали шутить насчетъ классическихъ формъ Ирены, и Пушкинъ сознался, что въ настоящее время едва ли эти послѣднія не лучше. Мы легли. Онъ сказалъ мнѣ, что съ полчаса посидитъ, чтобы кое-что записать для памяти. Я уснулъ. Въ полдень, наша повозка была уже у крыльца. Позавтракавъ, мы поскакали и чрезъ пять часовъ были въ Болградѣ, гдѣ прямо заѣхали къ управлявшему болгаркими колоніями, маіору Малевинскому. Пушкинъ считался при Инзовѣ, слѣдовательно Малевинскій, видѣвшій, какъ обращается съ нимъ Инзовъ, оказывалъ всю предупредительность. Мы напились чаю и насъ оставляли ночевать. Я было началъ поддаваться, но Пушкинъ, воспользовавшись, что хозяинъ куда-то вышелъ, просилъ не оставаться ночевать: „По крайней мѣрѣ поужинаемъ,“ — сказалъ я ему“. Пушкинъ нашелъ это дѣльнымъ. Въ 11-часовъ, въ ужасную темноту, мы отправились; я курилъ; Пушкинъ что то приговаривалъ. Подъѣзжая ко второй станціи, къ Гречени, онъ дремалъ; но когда я ему сказалъ: жаль, что темно, онъ бы увидѣлъ влѣво Кагульское поле, при этомъ словѣ онъ встрепенулся, и первое его слово было: „Жаль, что не ночевали, днемъ бы увидѣли.“ Тутъ я опять убѣдился, что онъ вычиталъ всѣ подробности этой битвы, проговорилъ какіе то стихи и потомъ замѣтилъ, что Ларга должна быть вправо и пр. Чрезъ двѣ станціи отъ Гречени мы пріѣхали въ Готешти. Здѣсь мы толковали, что происхожденіе этого названія должно быть отъ какого нибудь племени Готовъ. Начало разсвѣтать, когда я ему показалъ, чрезъ Прутъ, молдавскій городокъ Фальчи. Не отвѣчая онъ задумался и, на вопросъ: „Не объ Иреницѣ-ли?“ онъ засмѣялся и потомъ сказалъ, что онъ гдѣ-то читалъ о Фальчи, но теперь не можетъ вспомнить; когда же я ему назвалъ Кантемира, онъ вдругъ припомнилъ все, но находилъ только, что происхожденіе Фальчи отъ Тайфалъ, тутъ жившихъ, походитъ очень натянутымъ. Я его спросилъ, какъ онъ думаетъ, что Тайфалы—не то ли же самое что Бессы, которые жили за нѣсколько вѣковъ тутъ же и что, на готскомъ или германскомъ языкѣ, Тайфалъ, пожалуй, тоже, что̀ по славянски бѣсы.“ „А пожалуй,“ отвѣчалъ онъ. Географическо-историческій разговоръ нашъ кончился пріѣздомъ на станцію Леки. Я привожу этотъ разговоръ единственно только для того, чтобъ показать, что Александръ Сергѣевичь, хотя и поверхностно еще, но и тогда уже зналъ исторію этихъ мѣстъ, чтобъ не впасть въ ошибку на счетъ мѣста ссылки Овидія.

Въ г. Леово, мы въѣхали къ подполковнику *Катасанову*, командиру казачьяго полка. Онъ былъ на кордонахъ; насъ принялъ адъютантъ, съ нимъ жившій. Было 10 ч. утра. Напившись чаю, мы хотѣли тотчасъ выѣхать, но онъ насъ не отпустилъ, сказавъ, что черезъ часъ будетъ готовъ обѣдъ. Мы очень легко

согласились на это. Потолковали о слухахъ изъ Молдавіи; чрезъ полчаса явилась закуска: икра, балыкъ и еще коечто. Довольно уставши, мы выпили по порядочной рюмкѣ водки и напали на соленья; Пушкинъ былъ большой охотникъ до балыка. Обѣдъ состоялъ только изъ двухъ блюдъ: супа и жаркого, но за то вдоволь прекраснаго Донскаго вина. Желаніе Пушкина выпить кофе удовлетворено быть вскорѣ не могло, и онъ былъ замѣненъ дульчецей. Когда мы уже сѣли въ каруцу, намъ подали еще вина, и хозяинъ, ѣхавшій верхомъ, проводилъ насъ за городъ. Я показалъ Пушкину Трояновъ валъ, когда мы проѣзжали чрезъ него; онъ одинаково со мной не раздѣлялъ мнѣнія, чтобы это былъ памятникъ владычества Римлянъ въ этихъ мѣстахъ. Прошло, конечно, полчаса времени, что мы оставили Леово, какъ вдругъ Александръ Сергѣевичъ разразился ужаснымъ хохотомъ, такъ, что въ началѣ я подумалъ, не болѣзненный ли какой съ нимъ припадокъ. „Что такое такъ веселитъ васъ?" спросилъ я его. Пріостановившись немного, онъ отвѣчалъ мнѣ, что замѣтилъ ли я, какимъ обѣдомъ насъ угостили и опять тотъ же хохотъ. Я рѣшительно ничего не понималъ и ничего особеннаго въ обѣдѣ не замѣтилъ. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что супъ былъ изъ куропатокъ, съ крупно-накрошеннымъ картофелемъ, а жаркое изъ курицы. „Я „люблю казаковъ за то, что они своеоб„разничаютъ и не придерживаются во „вкусѣ обще-принятымъ правиламъ. У „насъ, да и у всѣхъ, сварили бы супъ изъ „курицы, а куропатку бы зажарили, а „ у нихъ на оборотъ!" и опять залился хохотомъ. На этотъ разъ и я смѣялся; дѣйствительно я не замѣтилъ этого, потому ли, что болѣе свыченъ съ причудливымъ приготовленіемъ въ военное время. Пушкинъ заключилъ тѣмъ, что это однакоже вкусно и впослѣдствіи въ Кишиневѣ сообщилъ. Тардифу. Въ 9-ть часовъ вечера, 23 го декабря, мы были дома. Обѣдъ этотъ онъ никогда не забывалъ; даже чрезъ два года, въ Одессѣ, онъ припоминалъ мнѣ объ ономъ.

Здѣсь нахожу нужнымъ замѣтить (стр. 1181), что въ эту поѣздку изъ Кишинева, чрезъ Аккерманъ, Измаилъ и Леово, мы не встрѣчали ни одного цыганскаго табора. Можетъ быть, если только Пушкинъ ѣздилъ вторично между февралемъ и іюлемъ 1822 года, когда меня не было въ Бессарабіи, то онъ могъ ихъ встрѣтить въ Буджацкихъ степяхъ, который впрочемъ рѣдко посѣщаются таборами: Болгарскія и Нѣмецкія колоніи имъ враждебны. Цыгане снуютъ болѣе, начиная отъ Бендеръ, на Сѣверъ, и ихъ всегда можно было видѣть около Кишинева. Любимое ихъ расположеніе было за садами малины (такъ называемая виноградная долина въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, куда мы часто ѣздили въ садъ отставнаго израненнаго егерскаго поручика Кобылянскаго, которому Охотниковъ, обязанный жизнію, въ одномъ изъ сраженій 1813 года, кажется, подъ Герлицемъ, купилъ и подарилъ его.) Затѣмъ другіе таборы располагались у Рышковки и у Прункуловой мельницы, также подъ самымъ Кишиневымъ. Но Пушкинъ ихъ могъ очень часто встрѣчать и прежде, нежели былъ въ Бессарабіи, а именно въ поѣздку свою съ Раевскимъ на Кавказъ, въ Новороссійскомъ краѣ: тамъ таборы были часты. Они кочевали отъ береговъ Прута далеко на Востокъ. Не думаю, чтобъ Пушкинъ до прибытія своего въ Бессарабію, не имѣлъ случая, при своей наблюдательности, изучить ихъ. Пылкое воображеніе и поэтическій даръ создали остальное.

(До слѣдующаго выпуска).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

Профессора П. А. Лавровскаго.

Въ числѣ многихъ важныхъ и для политики и для исторіи данныхъ нашелъ я здѣсь (въ Чехіи, въ гор. Пискѣ) извѣстіе о пребываніи въ прошломъ столѣтіи, вблизи Писка, Русскаго войска, состоявшаго изъ козаковъ и улановъ. Свѣдѣніе это представилось мнѣ особенно любопытнымъ по рѣзкому различію во взглядѣ на насъ современныхъ Чеховъ съ тѣмъ, какой замѣтенъ въ помянутомъ извѣстіи, составленномъ слишкомъ за сто лѣтъ сему назадъ. Оно принадлежитъ *памятной* деканской книжкѣ, заведенной въ 1747 году деканомъ Франтишкомъ Ледецкимъ, Писецкимъ уроженцемъ, вносившимъ въ свою книжку все, что казалось ему достойнымъ вниманія и замѣчанія изъ современной ему жизни. Въ ней то, на 52—53 страницахъ, помѣщено извѣстіе Писецкаго декана Ледецкаго о Русскихъ воинахъ, прибывшихъ въ 1748 году на помощь Маріи Терезіи ([1]). Такъ какъ извѣстіе довольно коротко, то, думаю я, оно и здѣсь не будетъ лишнимъ, хотя въ переводѣ съ латинскаго языка (какимъ писалъ деканъ) на русскій ([2]). „Война, начатая въ Австріи и Чехіи въ 1741 году, продолжалась такъ долго и при томъ съ такимъ малымъ для насъ успѣхомъ, что мы вынуждены были обратиться за денежною помощью къ Англичанамъ и за военною къ Русскимъ. Въ составѣ сорока-тысячнаго Русскаго войска находились козаки (kossaci) и уланы. Казаки, отличавшіеся чрезвычайно темнымъ цвѣтомъ лица, были вооружены стрѣлами, уланы же имѣли длинныя копья съ желѣзнымъ остріемъ на концахъ. Таковы чужестранные люди, кажется, никогда невиданные въ Чехіи. Прибыли они къ намъ въ 1748 году, но въ Писекъ не вошли, а остановились въ Противинѣ и Штекнѣ ([3]). Побуждаемый любопытствомъ разсмотрѣть чужой народъ, отправился я 10 іюля въ Штекну, и не раскаялся, потому что увидѣлъ у этого народа много достойнаго замѣчанія. Онъ красивый, рослый, но за частую (ограничивающійся) довольствующійся холоднымъ очагомъ. Такъ приготовляли они супъ (ботвинье, окрошка?), что я видѣлъ собственными глазами: взяли рѣчной воды, положили въ нее овощей, довольно много луку, нѣсколько соли и, перемѣшавши, ѣли холодное. Карповъ (рыбу) не варили, но обливши уксусомъ и обложивши лукомъ, какъ приготовляемъ мы селедки, ѣли сырыхъ. Въ этотъ самый день, т. е. 10 іюля, славили они праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла ([4]) и потому, для надлежащаго отправленія праздника, построили походныя свои церкви, гдѣ совершали божественную свою службу, состоящую въ одномъ пѣніи священника, въ отвѣтахъ цѣлаго народа и въ любопытныхъ церемоніяхъ. Въ церквахъ имѣютъ изображенія всесвятой Троицы, пресвятой Дѣвы, святыхъ апостоловъ и другихъ святыхъ, какъ и мы католики. Но всецѣло отличаются въ церемоніяхъ и въ выходахъ лицъ, въ таинствѣ (догматѣ) святой Троицы, потому что не вѣрятъ, что святый Духъ исходитъ отъ Сына, а только отъ

([1]) Это было въ войну за Австрійское наслѣдство. Появленіе Русскихъ на Рейнѣ содѣйствовало заключенію Ахенскаго мира. *П. Б.*

([2]) Помѣщаемъ ниже и латинскій подлинникъ.

([3]) Противинъ, мѣстечко въ двухъ часахъ на югъ отъ Писка; Штекна, тоже мѣстечко, почти въ двухъ часахъ на юго-западъ отъ Писка.

([4]) Т. е. по старому стилю.

Отца, и какъ Сынъ рожденъ превѣчно отъ одного Отца, такъ и Духъ святый исходитъ только отъ одного Отца, а не вмѣстѣ и отъ Сына. Много слѣдовало бы писать, если бы я хотѣлъ изложить всѣ церемоніи, какія пришлось мнѣ видѣть; то, однакоже, почелъ не должнымъ умолчать, что для своихъ церемоній употребляютъ они подобно намъ чашу, блюдо и кадильницу, вмѣсто орната или казули имѣютъ одежду на образецъ нашего плювіаля; стòла ихъ (епитрахиль) спускается до земли и бѣлая, какъ имѣемъ мы; равнымъ образомъ имѣютъ и ковчегъ. Знаменаются крестомъ, поднимая руку отъ земли ко лбу, ото лба къ груди, отъ груди къ правому плечу и наконецъ уже къ лѣвому; міряне часто ударяютъ себя въ грудь и кланяются до самой земли. Священники имѣютъ длинныя, никогда не обриваемыя бороды; одежду употребляютъ длинную, до земли, какъ польскіе Евреи, изъ сукна или дорогой матеріи, смотря по званію. Міряне одѣты были въ нѣмецкое платье, кромѣ козаковъ и улановъ, имѣвшихъ совсѣмъ иную одежду. Латинскаго языка не знаютъ и сами священники, и постоянно, во всемъ, употребляютъ родной языкъ: мы также могли нѣсколько понимать ихъ. Въ употребленіи у нихъ и колоколà; охотно принимаютъ католиковъ, ежели приходятъ они смотрѣть на ихъ церемоніи, только чтобы не смѣялись надъ ними."

Такъ за сто съ небольшимъ лѣтъ отзывался Чехъ о Русскихъ (5); онъ наблюдалъ за ними съ любопытствомъ, какъ за народомъ вовсе неизвѣстнымъ, чужимъ; удивлялся, что въ такомъ исключительномъ употребленіи у него родной языкъ, — видно, трудно было оторваться ему отъ отечественной почвы, гдѣ, въ ту пору особенно, такъ глубоко сидѣла нѣметчина. Прошло столѣтіе, и тѣже Руссы, въ понятіяхъ уже не одного образованнаго книжнаго духовенства, а и простаго народа, стали близкими, родными, однимъ и тѣмъ же народомъ, съ небольшими особенностями въ языкѣ и въ жизни. Чехъ настоящій не удивляется уже, встрѣчая Русскаго человѣка, хотя наблюдательность осталась и не меньшая, какую замѣчаемъ мы и въ деканѣ Ледецкомъ; только современная наблюдательность обращена не на внѣшніе пріемы жизни, не на обыденную обстановку, а на способъ воззрѣнія, мышленія. И кажется, что знакомство проникло довольно глубоко и не къ невыгодѣ Русскихъ, когда не въ однихъ селеніяхъ и городахъ Чешскихъ приходится слышать откровенныя и наивныя выраженія простолюдиновъ, подобныя слѣдующимъ: „ужъ хоть-бы поскорѣе взялъ насъ къ себѣ Руссъ, нѣтъ болѣе терпѣнья жить такъ." И появленіе тѣхъ же темнолицыхъ козаковъ и улановъ, обходившихся въ прошломъ столѣтіи безъ горячихъ печей, сдѣлалось pium desiderium народа здѣшняго, хотя, конечно, цѣль появленія, по душевному его желанію, должна быть уже совершенно иная, чѣмъ съ какою приходило наше

(5) Для Чеха Ледецкаго, католическаго декана, Русскіе могли казаться народомъ чужимъ и невѣдомымъ; но въ высшихъ кругахъ Австрійскаго правленія и тогда, и гораздо раньше, сознавалось племенное родство Чеховъ съ нами. Такъ, когда въ августѣ 1717 г. Петръ Великій потребовалъ отъ Карла VI, чтобы ему выданъ былъ бѣжавшій царевичъ Алексѣй Петровичъ и намекалъ, что въ случаѣ отказа, онъ двинетъ войска свои (стоявшія въ Польшѣ и Сѣверной Германіи) на владѣнія цесарскія, то въ протоколахъ тайной цесарской конференціи прямо говорилось: онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ (Устрялова, Исторія Петра В. VI, 104) *П. Б.*

войско въ Австрію въ 1748 году и въ послѣдующія времена.

П. Лавровскій.

Bellum, quod anno 1741 in Austria et Boemia coepit..... tam diu duravit cum exiguo autem nostro profectu ita, ut ad expensas Anglorum coacti fuimus evocare in auxilium Russos numero 40,000 inter quos fuerunt *Kossaci* et *Ulani*. Kossaci erant admodum nigrae faciei et jaculabantur sagittis, Ulani vero habuerunt oblongas perticas et in fine cuspidem ferreum. Hi exteri homines et fors nunquam in Boemia visi, anno 1748 Boemiam transiverunt, Pisecam non venerunt, sed Protivinii et Steknae stationem habuerunt. Ego curiositate ductus videndi has exteras nationes, die 10 Iulii Steknam me expedivi, et non me poenituit, mirabilia enim penes has nationes vidi Populus in se fuit pulcher, procerioris staturae, sed frequenter frigido foco contentus; jentaculum, prout meis oculis vidi, simile parabant: acceperunt fluvialem aquam et injecerunt in illam acida olera, satis multum de cepis, modicum de sale et haec intermisa frigida manducabant; carpiones non coquebant, sed crudos perfundebant aceto et impositis cepis sicut nos paramus halices, sic comedebant. Hac ipsissima die nempe 10 Iulii celebrabant festum sanctorum Petri et Pauli apostolorum, ideoque ad hanc festivitatem debite celebrandam extruxerunt suas capellas campestres, et divina sua habuerunt, quae in solo cantu sacerdotis, responsionibus universi populi et curiosis ceremoniis consistunt. In capellis habent imagines sanctissimae Trinitatis, beatissimae Virginis, sanctorum Apostolorum et aliorum Sanctorum, prout nos Catholici, discrepant autem totaliter in ceremoniis et in processione personarum, in Misterio sanctissimae Trinitatis, quia non credunt, Spiritum Sanctum procedere a Filio, sed tantum a Patre, quod sicut Filius genitus sit a solo Patre ab aeterno, sic etiam Spiritus Sanctus, quod procedat a solo Patre et non simul a Filio. Multum deberem scribere, si illas ceremonias, quas apud ipsos vidi, deberem omnes exponere; hoc tamen sensui non subticendum, quod ad suas ceremonias utuntur simili prout nos calice, patena, turibulo, pro ornatu seu casula habent vestem permodum nostri pluvialis, stolam usque ad terram, albam prout nos habemus, pacificale pariter; crucem formant a terra manum levando ad frontem, a fronte ad pectus, a pectore ad brachiam dextrum, demum ad sinistrum; pectus percutiendo, saepe etiam usque ad terram se inclinant laici. Sacerdoces portant corolas prout nos, barbas oblongas nunquam rasas, vestitum sicut Hebraei polonici usque ad terram ex panno vel alia prestantiori materia secundum proportionem dignitatis, anterius apertum, a summo usque deorsum in lumbis, praecinctum; saeculares vestiti erant veste germanica praeter istos Kosacos et Ulanos, qui utebantur veste alia. Latinam linguam nec sacerdotes calent, sed omnia nativa peragunt, potuimus etiam ipsos aliqualiter intelligere. Usum campanarum habent, libenter vident, si ad ipsorum ceremonias catholici intrant, modo non ipsos rideant.

СВѢДѢНІЯ

о Василіѣ Кипріановѣ, библіотекарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I.

Исторія книгопечатнаго дѣла въ Россіи разработана такъ мало, что всякое новое свѣдѣніе по этому предмету становится любопытнымъ. Интересъ подобныхъ свѣдѣній, кажется намъ, возростаетъ еще болѣе, когда онѣ прибавляютъ какія нибудь данныя къ будущимъ біографіямъ дѣятелей на поприщѣ Русскаго книгопечатанія. Къ такимъ дѣятелямъ, какъ извѣстно, принадлежалъ и *Василій Кипріановъ*, библіотекарь Московской гражданской типографіи въ первой четверти XVIII в., истинный составитель календаря, до нынѣ несправедливо слывущаго Брюсовымъ. Но много ли знаемъ мы объ этомъ труженикѣ, одномъ изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ пособниковъ преобразовательнымъ видамъ Петра и дѣлу Русскаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ, Русской книжности? Ни устарѣвшій (но все еще необходимый) „Опытъ Россійской Библіографіи" В. Сопикова, ни новое сочиненіе: „Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ" г. Пекарскаго — не сообщатъ многаго о Вас. Кипріановѣ. Изъ книги Сопикова мы узнаемъ только, что „съ 1700 года, извѣстный библіотекарь при Московской духовной типографіи, *Василій Кипріановъ*, съ помощію учениковъ своихъ, началъ вырѣзывать и издавать разныя географическія карты, переводя оныя съ иностранныхъ языковъ, подъ руководствомъ генерала фельдцехмейстера Брюса; а въ 1709 г. вырѣзалъ и напечаталъ онъ на деревянныхъ доскахъ, такъ называемый *Брюсовъ календарь*" ([1]). Въ книгѣ г. Пекарскаго прочитаемъ, что «библіотекарь Василій Кипріановъ извѣстенъ, какъ издатель всѣхъ вообще учебныхъ пособій математическихъ, равно и географическихъ, для навигаторовъ Петровскихъ временъ» ([2]) — въ чемъ можетъ удостовѣриться каждый, прослѣдивъ типографскую дѣятельность Кипріанова, хотя по указателю личныхъ именъ, приложенному г. Пекарскимъ къ его добросовѣстному изслѣдованію. Вопросы же: откуда взялся этотъ Вас. Кипріановъ, при какихъ условіяхъ трудился онъ и до какого времени продолжалъ свою дѣятельность — до сихъ поръ остаются безъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, въ печатныхъ источникахъ. Имѣя возможность нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ, представляемъ здѣсь тѣ документы о библіотекарѣ Вас. Кипріановѣ, какіе попались намъ при чтеніи дѣлъ Артиллерійскаго Архива, хранилища драгоцѣннаго, но къ сожалѣнію, не извѣстнаго даже извѣстнѣйшимъ изслѣдователямъ Русской исторіи XVIII в. Первый изъ представляемыхъ документовъ, хотя и былъ уже напечатанъ въ одной изъ нашихъ статей, помѣщенныхъ въ Артиллерійскомъ Журналѣ настоящаго 1866 года ([3]), но по самой спеціальности Артиллерійскаго Журнала,—документъ этотъ можетъ оставаться и остаться неизвѣстнымъ многимъ изъ тѣхъ, „кому о томъ вѣдать надлежитъ". Прочіе документы напечатаны не были. Приводя всѣ шесть документовъ въ порядкѣ хронологическомъ, мы не предпосылаемъ имъ никакихъ свѣдѣній о Вас. Кипріановѣ: документы Артиллерійскаго Архива будутъ говорить сами за себя.

М. Д. Хмыровъ.

([1]) Опытъ Россійской Библіографіи и пр., В. Сопикова. 1813. т. I. с. CXXVI—CXXVII.

([2]) Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго. 1862. т. I. с. 272.

([3]) Артиллер. Журн. 1866. № 3. Статья: 2-й генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ (продолженіе), с. 165.

I. Письмо Кипрiанова къ ген. лейтен. Я. В. Брюсу изъ Москвы въ Жолкву, отъ 18 октября 1706 года (*).

Пречестнѣйшiй, милостивѣйшiй господинъ Iаковъ Вилимовичъ. ([1]) Всеусердно желательство имамъ, во еже здравiе вашего честнолѣпiя выну подъ покровенностiю десницы всещедраго Бога сохраняемо да будетъ, и во всякомъ благополучномъ и щастливомъ пребыванiи во всеiмущих управляемых дѣлех да пребудетъ. О состоявшейся typографiи указомъ статьи из ратуши во алтилерiю присланы, октября в 15 день. Писанiемъ употреблях, по твоему надзирательству, о посылкѣ указа изъ алтилерiи в монастырской приказъ, ради словоливца Михаила Ефремова к новосостоятельному typографскому заведенiю, который могъ бы дѣло управить без трудности, и еще въ томъ дѣлѣ без него быть невозможно, котораго боярин Iван Алексiевич Мусин Пушкинъ ([2]) не отпускаетъ на управленiе того дѣла. А кромѣ того Михайла, еще на печатномъ дворѣ словоливцевъ трое останутся, и токмо тѣ новѣйшаго завода управить не могутъ, якобы германской азбуки, нотныхъ характировъ, и прочихъ; а порядочное ([3]) дѣло всѣ трое могутъ управить, и опричь его Михаила, в тисненiи духовных книг на славянском дiалектѣ. Таже провѣдаючи, что по указу противу доносителныхъ статей у насъ к тисненiю нотнаго пѣнiя хощетъ заводитися дѣло, и его милость (Мусинъ Пушкинъ) усердно тщится, дабы не быть подъ надзирательствомъ вашего превозходительства тому нотному пѣнiю, еще же и инымъ книгамъ в указѣ изявленнымъ, которыхъ книгъ, до состоявшагося указу под надзрѣнiе вашего превозходительства, у него с прочими и во умѣ не было к тисненiю производить: сего ради о семъ усердно молю твою милость, да невозбранно будетъ противу указныхъ статей под надзирателствомъ вашего превозходительства книгамъ печататися, а именно противъ статей: ариѳметики болшiя и малыя, хронографцы, лексiконы болшiя и малые на разных дiалектах с рускими, грамматiки на разных дiалектах с рускими же, и алвары, букварики латинославенскiе, книжицы докторскiе и врачебные, математiческаго ученiя книги, нотнаго пѣнiя, и иные многiе гражданству приличествующiе книги, и всякiе листы, о которыхъ желаю, да поволишъ ваша милость отписать указомъ к боярину Iвану Алексѣевичу Мусину Пушкину, дабы ихъ не заводить

(*) При напечатанiи писемъ удержано правописанiе подлинниковъ, дабы можно было видѣть, какъ писали книжные и начитанные люди въ началѣ прошедшаго вѣка. *П. Б.*

([1]) Як. Вил. Брюсъ вѣдалъ, или, по выраженiю Вас. Кипрiанова, „имѣлъ подъ своимъ надзирательствомъ" — Московскую гражданскую типографiю съ самаго ея учрежденiя, годъ котораго до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, хотя, кажется, не подлежитъ сомнѣнiю, что Петръ I-й въ 1704 г. началъ и въ 1705 г. окончилъ изобрѣтенiе новаго шрифта Русской гражданской печати. Этимъ шрифтомъ, отлитымъ, по заказу царя, въ Амстердамѣ, въ 1705 г. впервые отпечатаны при Московской духовной типографiи *Вѣдомости* (См. Вѣстн. Евр. 1813 г. 70-я „О Славянорусскихъ типографiяхъ", с. 104 — 129).

([2]) При учрежденiи, 24 янв. 1701 г., Монастырскаго Приказа, И. А. Мусинъ - Пушкинъ сдѣланъ въ немъ первоприсутствующимъ. 26 Iюня 1711 года велѣно въ Приказѣ Книгъ Печатнаго Дѣла вѣдать Тайному Совѣтнику гр. Ив. Ал. Мусину-Пушкину разноязычныя нѣмецкiя 4 школы".

([3]) Т. е. не выходящее изъ заведеннаго порядка, обыкновенное; слово *порядочный* еще тогда не получило нынѣшняго своего оттѣнка. *П. Б.*

кромѣ состоявшіяся новыя тvпографіи, такожде же и вышепомянутаго словоливца Михаила Ефремова в туже новую тvпографію отослать. Раболѣпотно вашему превозходительству кланяюсь до лица земли не единократно. Василій Кипріяновъ. (Дѣло Артил. Арх. № 5. л. 182).

II. *Письмо Кипріянова къ ген. фельдцейхмейстеру Я. В. Брюсу, изъ Москвы въ Ригу, отъ 5 Декабря 1711 года.*

Премилостивѣйшій господинъ Іаковъ Вилимовичь. Обыкновенно дерзнухъ объявить раболѣпно до вашего превозходительства, а паче же сущей отеческой милости новотисненую о инфлюенціи планетъ карту, яже абрисомъ преобъявляема вашему благородію въ Москвѣ 1709. При томже и ещо карту, аще и не весма сущу исправну, скорымъ принужденную дѣломъ, московской губерніи отъ его милости правителя Ершова ([1]) за которую труд, на своих всяких кошах, ничемъ невзыскан. Но токмо за таким образом: ежель б неудержену быть с прочими въ его приказе, которые самоволно вышли в разные чины, им же турбація и разореніе не малое быша. Прочее, о конѣчных моих нуждах, вашему щедролюбивому благородію не смѣх дерзнути нынѣ. Присно всепокорнѣйшій раб нижайшій поклон отдаю: Кипріянов. 5 Декабря 1711 г. (Дѣло Артил. Арх. № 17. л. 275, на об.).

([1]) Василій Семеновичъ Ершовъ, въ 1692 г. думный дьякъ; съ 1768 г. судья дворцовой канцеляріи; съ 1709 г. оберъ-комиссаръ кавалеріи; съ 22 февраля 1711 г. *вѣдалъ* Московскую губернію и именовался ея «управителемъ», а въ 1712—1718 гг. былъ Московскимъ вице-губернаторомъ.

III. *Прошеніе Кипріянова, присланное царю Петру I Алексѣевичу въ Петербургъ, въ Іюнѣ 1713 г.*

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій. В прошломъ ҂ѱаі (1711) году, по приказу губернаторскому Василья Семеновича Ершова, велено мнѣ обърисовать и напечатать губернія Московскую, которую я елико по возможности моей нарисовалъ, применяяся с немецкихъ картъ, и напечаталъ число доволное на камнѣ и на бумаге, и расцветилъ и по обрѣзу позолотилъ число доволное. Которые тисненные абрисы губерніи от его губернаторскаго превозходителства Вашему Царскому Величеству преобъявлены. А оное дѣло управлялъ я по приказу губернаторскому, во славу Вашего Царскаго Величества и Всероссійскаго царствія, на своих всяких кошахъ. А за тотъ мой елико предложенный трудъ ничего непожаловано. А есть, государь, на Ильинскомъ кресцѣ ([1]) три мѣстечка квасныхъ, описаныхъ за доимку из ратуши бывшего гостиной сотни Михайла Попова, и оцѣнены тѣ места въ триттцеть рублевъ. Да каменного строенія не тѣхъ на дву местечках построено рублевъ на восемь-десятъ. Всемилостивѣйшій государь! Прошу Вашего Величества, да повелитъ ваше самодержавство оныя мѣстечки продать мнѣ по оцѣнке, без наддачи за строеніемъ. А тѣ денги за вышеозначенную мою работишку, и что я оное дѣлалъ на своихъ всякихъ кошахъ, взять за тѣ ме-

([1]) Московскіе *крестцы*, или перекрестки, въ то время и долго послѣ того, были главными пунктами стеченія различныхъ торговцевъ, нищихъ и зѣвакъ всякаго рода. Тутъ же толклись и сонмы безприходныхъ поповъ, отсюда нанимавшіеся совершать разныя требы и, нерѣдко отсюда попадавшіе на хорошее содержаніе въ боярскіе домы, гдѣ почти всегда имѣлся свой собственный духовный причтъ.

ста денги на мнѣ погодно въ пять лѣтъ, потому что те мнѣ местечки стали быть к промысленику моему споручны. Вашего Величества нижайшій рабъ библіотекарь Василей Кипріановъ ҂ѧ҃ѱ҃г҃і (1713) году, мѣсяца Іюня. К сей челобитной библіотекарь Василей Кипріянов руку приложил. (Дѣло Артил. Арх. № 59. л. 193).

IV. *Доношеніе Кипріянова ген. фельдцейхместеру Я. В. Брюсу, изъ Москвы въ Петербургъ, отъ 22 Сентября 1716 года.*

Послано до вашего благородія хартина, токмо первого тисненія, обѣтованныя земли, хотя оная ради скорости весьма есть неисправна, но ради обозрѣния; а в протчем будемъ вашему благородію исправлятся [1].

Геометрія Самуила Морологиса съ ѳранцужского, цесарскаго, галанскаго на славенскіи диалект, и с прибавкомъ з другихъ диалектовъ, переведенная в готовности, которую требуютъ учители, дабы оная была в тисненіи.

Какъ логариѳмъ 3000 книгъ, то и 6000 картинъ плоской и меркаторской от насъ отправлены і въ отдаче из адмиралтейской канцеляріи на школу математиконавигацкую. И к вашему благородію оныи логариѳмъ присланъ будетъ неумедлениемъ; а хартины плоская и меркаторская отправлены з господиномъ Унковскимъ.

Хартина смоленской баталіи отправляется и мало в неокончаніи.

В начати начато отправлять новое небесное зерцало на двухъ хартинахъ, по которымъ возможно штармономъ и математиконавигаторомъ удобно и скоро на всякій день и часъ коегождо лѣта размерети и раздѣлять. Такожде и другия дѣла есть въ начати, обаче же к вашему благородію впред имамъ писати. (Дѣло Артил. Арх. № 25. Листы не нумерованы, но слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ мѣсяцевъ и чиселъ).

V. *Письмо ген. фельдцейхмейстера Я. В. Брюса къ гвардіи маіору А. И. Ушакову* [1], *изъ Петербурга въ Москву, съ нарочнымъ, отъ 16 Октября 1716 года.*

В прошломъ 1715 году Его Царское Величество указалъ по имѣнному своему Великаго Государю указу в Моск-

[1] Это исправленная „хартина“ имѣетъ такую надпись: „Изображеніе святыя земли обѣтованныя, юже Моисей древле прехождаше четыредесять лѣтъ, такожде и въ новой благодати что содѣяшеся на оныхъ мѣстахъ чрезъ Христа Спасителя Бога нашего, и учениковъ его. — За повелѣніемъ царскаго пресвѣтлѣйшаго величества, сія святая земля, преведенная и изображенная съ латинскія древнія хартины, и тисненію предана въ Москвѣ, подъ надзрѣніемъ генерала фельдъцейгмейстера Якова Вилимовича Брюса во гражданской типографіи, тщаніемъ библіотекаря В(асилія) К(ипріянова.) Лѣта отъ воплощенія Христова 1716 (См. Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго, т. II. с. 655).

[1] Гвардіи маіоръ Андр. Ив. Ушаковъ, столь извѣстный генералъ-инквизиторъ въ мрачныя времена правленія имп. Анны и регентства герц. Бирона, былъ тогда, въ 1716 г., вмѣстѣ съ своими сослуживцами, гвардіи маіорами кн. Грг. Дм. Юсуповымъ и Мих. Аѳан. Матюшкинымъ, слѣдователемъ по разнымъ злоупотребленіямъ, вкравшимся въ новоустроенный Петромъ государственный механизмъ.—Возведенный 15 Іюля 1744 г. въ графское Россійской имперіи достоинство имп. Елизаветою, страшный Ушаковъ ум. 10 марта 1747 г., въ званіяхъ ген. аншефа и начальника тайной канцеляріи, не оставивъ мужскаго потомства. — Единственная дочь гр.

вѣ второй гражданской типограѳи быть, ради своея Царскаго Величества бесмертныя славы и всему Росискому народу в ползу благопріятную, и в той типографіи пичатат книги, картины и всякие листы а у справления оной быть и отдать велено Кадашевцу (²) Василью Кипріянову, и писатца ему библиотекарем. И в томъ его Царскаго Величества указъ записан былъ в ратушѣ. А по том тое типограѳию и ево Василья Кипреянова, по его ж Царскаго Величества имѣнному указу, велено ведать во артилеріи, а какимъ образомъ — в томъ явно в Москвѣ, в приказѣ артилеріи. И ныне он библиотекар Василій Кипреяновъ пишетъ ко мнѣ, что онъ выданъ от вашей милости в слободу, и старосты слобоцкие (³) всякими напатьками его разоряютъ и впред ему книгъ и никаких картин і листовъ производить будет невозможно. А его Царское Величество милостиво соизволяетъ, якож и в другихъ Европскихъ государствах есть, чтобъ оное и в Росискомъ государстве распростронялося и наипаче умнажалось, а не убыливалось. И я вашей милости прошу, дабы изволили, с вышепомянутымъ его Царскаго Величества именными указами в ратуше и в приказе артилери справясь, учинить о библиотекаре благое расмотреніе и, пожалутѣ, не допуститѣ ево, чтоб он в слободе вящея розарен не был и, на то смотря, другия чтоб охоты своей учетися не покидали. (Дѣло Артил. Арх. № 25).

Ушакова, Екатерина, была за. д. т. с. гр Петр. Григ. Чернышевымъ, тоже не оставившимъ мужскаго потомства.

(²) Т. е. по мѣсту жительства, изъ Московскаго прихода Кадашей. *П. Б.*

(³) Т. е. Василія Кипріянова, занятаго своимъ книжнымъ дѣломъ, обязываютъ служить по выборамъ въ той слободѣ (Кадашевской), къ коей онъ приписанъ. *П. Б.*

VI. *Отвѣтъ А. И. Ушакова на письмо Я. В. Брюса, посланное 16 октября 1716 года.*

Писмо вашей милости, отпущеное из Санктъ питербурга от 16 дня октября, получил здѣсь я въ 1 числѣ сего мѣсяца, в котором изволите объявить о библеотекаре Василье Киприанове, что ево от Кадашевой слободы учинить свободна и не допустить вящего от тѣхъ слобожан разорения. На которое симъ вашему благородію предлагаю: понеже я имѣю его Царскаго Величества за собственную его Величествия рукою указ чтоб о таковых, кои вышли із слобод в разные чины і в закладчики изслѣдовать и о том доложить его Величествия. По которому указу и по поданному доношению от Кадашевой слободы старосты Григорья Сопелникова, которой ныне в Санктъ питербурхе, помянутой Киприановъ написанъ ис той Кадашевой слободы к математиконавигацким дѣлам. А о том от онаго старосты в доношеніи не объявлено было, что взятъ ис той слободы по указу. И оной Киприановъ с протчими ис той слободы выходцами был определен въ Кадашевскую слободу, понеже нескоро о состояніи ево чина указ ис приказу артилеріи ко мнѣ присланъ. А когда такой я при оном ево Киприанове деле присланной ис приказу артилеріи имѣю указ, то ево безъ всякие притчины возвратил в прежней чин, как въ том его Царскаго Величества указом определено. (Дѣло Артил. Арх. № 25).

РАЗСКАЗЫ ГЕНЕРАЛА КУТЛУБИЦКАГО О ВРЕМЕНАХЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

I.

15 іюля 1849 года, въ хуторѣ Никольскомъ, въ 6-ти верстахъ отъ города Городни (Черниговской губерніи) скончался генералъ-лейтенантъ, бывшій генералъ-адъютантъ императора Павла I-го, *Николай Осиповичъ Кутлубицкій*. За нѣсколько лѣтъ до кончины поселился онъ съ жившею при немъ незамужнею дочерью, въ хуторѣ родной сестры своей В.—О.—В. , оставивъ на попеченіе сына имѣніе, въ Нижегородской губерніи, подаренное ему Павломъ Петровичемъ и состоящее изъ 1300 душъ.

Я познакомился съ Николаемъ Осиповичемъ въ деревнѣ у родныхъ моихъ, гдѣ онъ гостилъ по недѣлѣ и болѣе. Онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе. Потомъ нѣсколько разъ я бывалъ у него въ Никольскомъ, гдѣ меня плѣняли особенное, неподдѣльное радушіе и доброта старика и его дочери; невыразимая искренность и гостепріимство хозяйки и ея любезныхъ дочерей, племянницъ старика, который горячо любилъ сестру и ея дѣтей: помогалъ сыновьямъ ея, бывшимъ на службѣ, предназначалъ пособіе, которымъ желалъ обезпечить недостаточное состояніе своихъ племянницъ. Все это семейство чрезвычайно влекло къ себѣ всякаго. У нихъ, бывало, чувствуешь себя настоящимъ человѣкомъ: нѣтъ ни приторной угодливости, ни холодной вѣжливости; — все такъ тепло, горячо и свободно, все просто, все отъ души. Пословица „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“, въ ихъ обществѣ никогда мнѣ не приходила въ голову. Они были очень религіозны; съ особеннымъ усердіемъ посѣщали церковь; любимымъ чтеніемъ ихъ были книги духовнаго содержанія, которыя они выписывали, но охотно читали и другія книги. Бѣдный всегда ими былъ не только надѣленъ, но и обласканъ у нихъ; нуждающемуся они искали сами какъ бы помочь дѣйствительнѣе. Роскоши у нихъ не было, но довольство и чистота такъ и улыбались вездѣ. Глядя на ихъ старый домъ, я часто думалъ: въ такихъ то домахъ жила когда то правда и счастіе вмѣстѣ съ нашими дѣдами.

Комната старика украшалась нѣсколькими иконами въ переднемъ углу. Надъ скромной постелью, въ головахъ, безъ рамокъ прибиты были два портрета: Серафима и Марка, подвижниковъ Саровской пустыни Въ углу небольшой бюстъ императора Павла, и его же портретъ масленными красками, по срединѣ другой стѣны, надъ кроватью. Кромѣ этого Николай Осиповичъ еще имѣлъ золотую табакерку съ портретомъ его благодѣтеля Павла I-го и съ надписью: *По Богѣ онъ единъ, я имъ и существую.* Табакерка эта обратила на себя вниманіе покойнаго императора Николая Павловича, и переходила изъ рукъ въ руки придворныхъ, на завтракѣ въ Гатчинскомъ дворцѣ, куда Кутлубицкій приглашенъ былъ государемъ, во время представленія ему въ Петербургѣ: послѣ обѣдни къ Николаю Осиповичу явился ординарецъ въ мундирѣ императора Павла, и потомъ онъ приглашенъ былъ къ завтраку.

У Николая Осиповича былъ еще перстень съ камнемъ, на коемъ вырѣзанъ былъ удивительнаго сходства профиль императора Павла, работы извѣстнаго въ то время рѣзчика Мозжечкова. Во время пріѣзда въ Нижній-Новгородъ покойнаго государя Николая Павловича, Кутлубицкій представлялся ему, особенно отъ дру-

гихъ дворянъ, въ кабинетѣ. Государь разговаривалъ съ нимъ болѣе часа. Тогда же онъ обратилъ вниманіе на перстень: велѣлъ его снять, чтобы ближе разсмотрѣть работу и, возвращая сказалъ: „*если бы мнѣ не жаль было лишить тебя этой вещи, то я бы отнялъ ее у тебя*". Николай Осиповичъ всегда помнилъ эти слова и въ послѣдствіи (въ 1843 году) завѣщалъ одному изъ любимыхъ племянниковъ своихъ, чтобы перстень этотъ, послѣ его смерти, какимъ бы ни было образомъ, былъ переданъ въ руки государя, что̀ и было исполнено въ 1852 году.

Старикъ Кутлубицкій любилъ поговорить о прежнемъ времени, а я часто бывая съ нимъ, по нѣскольку часовъ на единѣ (впрочемъ онъ не всегда говорилъ обо всемъ при всѣхъ) любилъ послушать и старался выпытывать у него всѣ подробности царствованія, котораго онъ былъ живая лѣтопись. И потому въ памяти моей сохранился цѣлый рядъ разсказовъ, которые я теперь хочу записать, зная, что иногда самое незначительное происшествіе, пустой анекдотъ могутъ бросить новый свѣтъ на характеръ историческихъ лицъ и самаго времени; а все прошлое для насъ такъ драгоцѣнно. Всякая подробность прежняго быта, всякая мелочь старины, открывая особенные обычаи или привычки нашихъ предковъ, намъ болѣе и болѣе уясняютъ картину ихъ прежняго быта; и возсоздавая такимъ образомъ прежнихъ людей и прежнее время, дается возможность современному человѣку наблюдать всѣ незначительныя пружины, всѣ незамѣчаемыя обстоятельства, направлявшія ходъ исторіи. Только на основаніи изученія прошедшаго можно гадать о будущемъ. Только въ прошедшемъ можно наблюдать тѣ законы, по которымъ двигалось человѣчество и по которымъ вѣроятно будетъ двигаться впередъ.

Въ предлагаемыхъ мною разсказахъ Кутлубицкаго, я по возможности, сколько помню, буду стараться сохранить тонъ и манеру самого разсказчика, даже нѣкоторыя его выраженія. Онъ разсказывалъ мнѣ въ разное время, какъ что приходилось; я же постараюсь записать ихъ въ возможно-послѣдовательномъ порядкѣ, хотя много и нельзя будетъ связать хронологической нитью по отдѣльности происшествій.

У Павла Петровича, когда онъ былъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола и жилъ еще въ Гатчинѣ, была собственная его рота, и при ней пушка, въ которой сдѣлалась раковина. Задѣлывать въ пушкахъ раковины въ то время почиталось секретомъ, и задѣлывающій ихъ назывался секретнымъ мастеромъ (весь секретъ состоялъ въ томъ, чтобы снявъ воскомъ форму раковины, задѣлать ее серебромъ.) Наслѣдникъ желалъ самъ видѣть производство этой работы, почему, по его требованію, Мелессино ([1]) и прислалъ къ нему секретнаго мастера съ адъютантомъ своимъ Аракчеевымъ. Его высочество былъ очень доволенъ, вспомнилъ, что его видѣлъ у его начальника; и въ разговорѣ съ наслѣдникомъ Аракчееву удалось намекнуть: не угодно ли ему въ Гатчинѣ завести артиллерійскую батарею. Павлу это понравилось; онъ попросилъ у императрицы Екатерины двухъ артиллерійскихъ офицеровъ; императрица поручила Мелессино спросить: кто пожелаетъ перейти въ батарею наслѣдника? Старики отвѣчали: „*кого матушкѣ угодно, пусть и назначитъ; а сами вызываться не станемъ*". Меллесино доложилъ ихъ отвѣтъ Екатеринѣ, которая, какъ кажется, была довольна ихъ привязанностію къ ней; а между тѣмъ, желая

([1]) Петръ Ивановичъ Мелессино, начальникъ артиллерійскаго корпуса.

сдѣлать пріятное наслѣднику исполненіемъ какъ бы уже нѣсколько забытой его просьбы, назначила къ нему вмѣсто двухъ нѣсколькихъ офицеровъ (кажется, четырехъ) изъ кадетъ, коихъ ученическіе чертежи лежали у нея въ кабинетѣ. Она приказала ихъ подать: подъ первымъ чертежомъ подписано было имя Капцевича, подъ другимъ — Кутлубицкаго. Ихъ и назначила она съ другими товарищами. Аракчеевъ, подавшій мысль о составленіи батареи, былъ сдѣланъ ея командиромъ, а Кутлубицкій адъютантомъ при этой батареѣ. Онъ находился всегда при наслѣдникѣ, который его очень любилъ, называлъ его Николкой и очень часто заставлялъ его у себя въ кабинетѣ перечерчивать большею частію планы и фасады какихъ то дворцовъ. Впослѣдствіи жену Кутлубицкаго императоръ называлъ колибри, по причинѣ малаго ея роста.

Однажды, когда онъ принялся передвигать столъ для своей работы съ одного мѣста на другое, Павелъ Петровичъ сказалъ ему: „Оставь, это не твое дѣло, ты слуга государственный; у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка" (въ Гатчинѣ онъ зналъ домашнюю жизнь каждаго изъ своихъ приближенныхъ). „Иванъ, закричалъ онъ на Кутайсова, передвинь столъ." Иванъ Павловичъ Кутайсовъ слышалъ весь разговоръ изъ передней, и съ той поры уже не взлюбилъ Кутлубицкаго.

Чрезъ нѣкоторое время его службы, кажется, чуть ли не черезъ годъ, Павелъ Петровичъ самъ предложилъ ему ѣхать въ отпускъ къ отцу въ Малороссію; на дорогу подарилъ ему свою шинель, въ которой, говорилъ покойный Николай Осиповичъ, я только передѣлалъ воротничокъ: вмѣсто краснаго поставилъ черный. Великому князю было извѣстно чрезъ самаго же Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ своемъ имѣніи Полтавской губерніи, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, служилъ въ канцеляріи графа Румянцева, управлявшаго Малороссіею, и находился при немъ въ Турціи, и что по милости графа самъ онъ былъ опредѣленъ въ корпусъ. Почему, отпуская его домой, Павелъ, поручая ему передать письмо къ Румянцову, самъ привязалъ его къ шнурку, на которомъ Кутлубицкій, по обыкновенію, носилъ на груди крестъ, и приказалъ вручить тайно самому графу, замѣтивъ при томъ, что тайнаго съ нимъ свиданія онъ можетъ добиться чрезъ его карлика.

По пріѣздѣ молодаго адъютанта къ обрадованному отцу, первымъ угощеніемъ, по старому обычаю, была ему предложена баня. Домъ отца Николая Осиповича состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ большими сѣнями, въ которыхъ была сдѣлана печка. Послушный сынъ не смѣлъ отказаться отъ бани, а между тѣмъ, куда спрятать письмо? Осмотрѣвъ, что въ сѣняхъ никого нѣтъ, вынулъ онъ изъ печи кирпичину, положилъ туда свой крестъ съ письмомъ и осторожно закрылъ опять кирпичемъ; по возвращеніи же изъ бани, онъ поспѣшилъ вынуть положенное, такъ чтобы никто не могъ видѣть.

Послѣ первыхъ дней общей радости, проведенныхъ дома, Николай Осиповичъ сказалъ отцу, что ему слѣдовало бы съѣздить къ графу Румянцеву, поблагодарить за его опредѣленіе въ корпусъ. Отецъ похвалилъ сына за его благородныя чувства, и на другой день снарядилъ тележку, и въ ней отправился съ сыномъ въ имѣніе графа: *Ташань*, гдѣ онъ тогда проживалъ. Пріѣхавши на мѣсто, остановились въ постояломъ домѣ и, переодѣвшись, отправились въ домъ графа. По докладѣ о нихъ, ста-

рикъ вышелъ къ нимъ въ тулупѣ, поблагодарилъ отца и сына за память, погладилъ послѣдняго по головѣ, далъ ему поцаловать свою руку и пригласилъ обоихъ къ обѣду.

Послѣ обѣда отецъ Николая Осиповича ушелъ отдохнуть, а сынъ сказалъ ему, что останется посмотрѣть сада; и только что онъ ушолъ въ садъ, какъ и выбѣжалъ за нимъ карликъ графа, который безпрестанно возлѣ него увивался. Осмотрѣвшись, чтобы никого не было, Кутлубицкій едва успѣлъ сказать ему, что онъ имѣетъ надобность видѣть на единѣ графа, — какъ карликъ скрылся подъ балкономъ, и чрезъ нѣсколько минутъ кивнулъ ему, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, и провелъ темнымъ коридоромъ въ спальню графа, а самъ исчезъ. Кутлубицкій увидѣлъ предъ собою постель и перегородку, изъ за которой услышалъ слова графа: „взойди, мой другъ, сюда!" И когда онъ взошолъ, старикъ спросилъ его: „что тебѣ надо?" — Кутлубицкій объяснилъ ему свое порученіе, и вынувъ привязанное ко кресту письмо, подалъ его графу, который поцаловавъ печать, спросилъ: „за чѣмъ ты прежде мнѣ не сказалъ объ этомъ?" и приказалъ завтра такимъ же образомъ взойти къ нему для полученія отвѣта. И когда на другой день Кутлубицкій былъ опять тѣмъ же путемъ проведенъ карликомъ, графъ самъ привязалъ ему на крестъ свой отвѣтъ наслѣднику: „Смотри, я тебѣ вручаю, сказалъ онъ, мою сѣдую голову; чтобы у тебя этого письма никто не видѣлъ; ежели, въ случаѣ, заболѣешь, съѣшь его." Потомъ прибавилъ: „я вижу, что наслѣдникъ тебя любитъ; когда онъ взойдетъ на престолъ, вѣроятно, ты будешь къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое стариковское наставленіе: проси у государя за всѣхъ и для всѣхъ; но для себя, чтобы языкъ твой не заикнулся чего нибудь просить. Сердце царево въ руцѣ Божіей, и когда Богу угодно будетъ тебя наградить чрезъ царя, то онъ и наградитъ. Но чтобы самъ ты никогда ничего не просилъ для себя." Кутлубицкій во все время пребыванія своего при дворѣ старался быть вѣренъ этому благородному наставленію рѣдкаго по чувствамъ и характеру вельможи временъ Екатерины, и однажды имѣлъ случай разсказать о томъ императору Павлу, когда онъ спрашивалъ у него, за чѣмъ онъ никогда ничего для себя не проситъ.

Однажды великій князь, проѣзжая верхомъ по Мѣщанской улицѣ, встрѣтилъ партію арестантовъ и поручилъ слѣдовавшему за нимъ Кутлубицкому подать имъ милостыню. Одинъ изъ нихъ, видя наслѣдника престола, сказалъ такъ, что могъ слышать Павелъ, ѣхавшій шагомъ: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ." Великій князь приказалъ записать имя и фамилію произнесшаго эти слова и по восшествіи на престолъ немедленно велѣлъ возвратить его на родину. (Записку эту всегда клали ему въ карманъ.) Возвращенный былъ уроженецъ Симбирской губерніи Прохоръ Матвѣевъ, невинно осужденный за воровство.

Въ день неожиданной кончины императрицы Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ ѣздилъ для развлеченія на мельницу въ Ропшу, въ большихъ четвероместныхъ саняхъ, вмѣстѣ съ Марію Ѳедоровною. Напротивъ нихъ сидѣлъ графъ Ильинскій, въ какомъ то странномъ польскомъ или охотничемъ уборѣ со шнурками, и какой то другой придворный. На запяткахъ стояли Капцевичъ и Кутлубицкій. Дорогой великій князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріею Ѳедоровной снѣ. Сонъ этотъ разсказанъ въ запискѣ графа Ростопчина: Послѣдній день царствованія Екатерины

и первый день императора Павла ([2]). По поводу этого сна, графъ Ильинскій сказалъ: „Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною.“ — У графа былъ процессъ съ казною о имѣніи въ нѣсколько тысячь душъ. На что великій князь отвѣчалъ: „Навѣрное выигралъ бы; по моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція.“

Во время этой поѣздки пріѣхалъ въ Гатчину съ извѣстіемъ о болѣзни государыни графъ Зубовъ (братъ любимца) и послалъ къ великому князю доложить о своемъ пріѣздѣ двухъ гусаръ по двумъ различнымъ дорогамъ, не зная, по которой изъ нихъ онъ будетъ возвращаться.

На возвратномъ пути наслѣдникъ, примѣтя скакавшаго противъ него гусара, когда тотъ поравнялся съ санями, спросилъ у него помалороссійски (гусары всѣ вообще были изъ Малороссіянъ): „Що тамъ таке?“ Посланный отвѣчалъ: „Зубовъ пріихавъ, ваше высочество.“ — А богацько ихъ? спросилъ Павелъ ([3]). Гусаръ, вѣроятно часто слыша Русскую пословицу: одинъ какъ перстъ, и не понимая ее, отвѣчалъ: „*одинъ якъ песъ*, ваше высочество.“ — Ну съ однимъ можно справиться, отвѣчалъ наслѣдникъ; потомъ снялъ шапку и перекрестился.

Возвратясь во дворецъ, наслѣдникъ призвалъ къ себѣ Зубова въ кабинетъ, велѣлъ приготовить экипажъ, но не поѣхалъ въ Петербургъ, пока не прислалъ отъ себя нарочнаго, находившійся при великихъ князьяхъ кн. Оболенскій ([4]). Тогда Павелъ уѣхалъ въ каретѣ, а вслѣдъ за нимъ въ саняхъ съ однимъ изъ придворныхъ Кутлубицкій. Дорогою они встрѣчали много посланныхъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ. По прибытіи въ зимній дворецъ, государя встрѣтили на крыльцѣ со свѣчами. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были въ мундирахъ его полка (вѣроятно Гатчинскихъ).

По восшествіи уже на престолъ, однажды, когда съѣзжались въ дворцовую церковь къ обѣднѣ, Павелъ, замѣтивъ въ окно, очень красивыхъ лошадей, спросилъ: „Чьи они?“ И когда ему доложили, что это лошади графа Румянцева, то онъ сказалъ: „жаль, что они не въ нѣмецкой упряжи, они были бы еще красивѣе.“ Узнавъ такое мнѣніе государя, генералъ-губернаторъ Петербургскій Архаровъ побралъ подписки у всѣхъ жителей Петербурга, чтобы никто не ѣздилъ иначе, какъ въ нѣмецкой упряжи, о чемъ немедленно далъ знать брату своему, второму Московскому генералъ-губернатору ([5]), который въ свою очередь обязалъ такими же подписками жителей Москвы, не спросясь о томъ предварительно у старшаго тамошняго генералъ губернатора князя Долгорукова ([6]). Старикъ обидѣлся и написалъ о томъ государю. Получивъ письмо, Павелъ тотъ часъ же послалъ Кутлубицкаго съ приказаніемъ, чтобы Архаровъ просилъ прощенія у князя Долгорукова, поручивъ арестовать перваго и посадить подъ Ивановскую колокольню, ежели онъ не примирится съ княземъ. „Смотри, прибавилъ государь, чтобы

([2]) Напечатано въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. росс. 1864, кн. 2.

([3]) Т. е.: много ли ихъ?

([4]) ?.

([5]) Тогда въ столицахъ было по два генералъ-губернатора; второй или младшій несъ должность оберъ-полицмейстера и былъ замѣненъ имъ впослѣдствіи.

([6]) Князя Юрія Владиміровича.

твоя одна нога была здѣсь, а другая въ Москвѣ. Вся Россія собирается въ Москву къ моей коронаціи, а они всѣхъ заставляютъ передѣлывать упряжь."

Кутлубицкій пріѣхалъ къ князю Долгорукову; узнавъ, что онъ отдыхаетъ, просилъ его не будить; а между тѣмъ послалъ за Архаровымъ, разсказалъ ему причину своей посылки, объяснивъ ему необходимость просить у князя прощенія. — Между тѣмъ князь проснулся, выслушалъ царскаго флигель-адъютанта, простилъ Архарова и поцаловался съ нимъ по просьбѣ Кутлубицкаго, какъ онъ говорилъ, для того, чтобы донести ему можно было о томъ государю; просилъ также разорвать и самое письмо Долгорукова къ государю, привезенное имъ обратно. Окончивъ это, Кутлубицкій полетѣлъ на фельдъегерскихъ назадъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ часу въ 10-мъ вечера, прямо во дворецъ. Кутайсовъ, узнавъ, что Кутлубицкій стучится въ дверь, не велѣлъ его пускать; но тотъ успѣлъ продвинуть свою палку въ дверь и сильно стукнулъ въ нее кулакомъ, что̀ случилось въ то самое время, когда Павелъ въ халатѣ и колпакѣ проходилъ въ свою опочивальню. Онъ вздрогнулъ, услыша стукъ; но когда ему объяснилъ Кутайсовъ, что это ломится въ дверь Кутлубицкій и что ему сказано было, что теперь не время безпокоить государя, то онъ велѣлъ его тотчасъ впустить, прибавивъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Обрадованный донесеніемъ Кутлубицкаго, Павелъ надѣлъ на него снятый съ себя орденъ св. Анны, который онъ всегда носилъ на шеѣ. Когда онъ выходилъ изъ кабинета, камеръ-лакей успѣлъ ему шепнуть, что ему нужно что-то ему передать на единѣ. Кутайсовъ, увидѣвъ у Кутлубицкаго орденъ на шеѣ, приказалъ подать шампанскаго, чтобы его поздравить. Выпили по стакану вина; наконецъ, чтобы узнать, что хочетъ сказать ему камеръ-лакей, Кутлубицкій просилъ Кутайсова перемѣнить данный государемъ орденъ: такъ какъ онъ къ нему уже привѣсился, привыкъ, то вмѣсто того изъ орденовъ государя дать другой такой же. По уходѣ Кутайсова, камеръ-лакей сказалъ ему, что наслѣдникъ престола проситъ его явиться къ нему во всякое время, когда онъ возвратится изъ Москвы, хотя бы и ночью Кутлубицкій поспѣшилъ къ наслѣднику: въ первой комнатѣ, по его словамъ, горѣла свѣча и сидѣла штатсъ-дама; другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась передъ образами лампадка. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ и, руководимый свѣтомъ лампадки, онъ прямо подошелъ къ кровати, на которой подъ одѣяломъ лежалъ Александръ Павловичъ, съ своею супругою. Замѣтивъ у Кутлубицкаго пожалованный ему орденъ, онъ и Елизавета Алексѣевна поздравили его; Кутлубицкій поцаловалъ руку наслѣдника, и обѣжавши кругомъ кровати, поцаловалъ также поданную изъ подъ одѣяла руку его супруги. Александръ Павловичъ пригласилъ Кутлубицкаго сѣсть и разсказать ему, зачѣмъ онъ былъ посылаемъ въ Москву; Кутлубицкій отвѣчалъ: „кто же мнѣ поручится, что ваше высочество сохраните въ тайнѣ то что̀ я скажу?" — „Какую жъ тебѣ нужно поруку, ну вотъ Богъ тебѣ порукою", — отвѣчалъ наслѣдникъ, указывая на образъ. Тогда Кутлубицкій и разсказалъ ему всѣ подробности своего порученія.

При этомъ разсказѣ, я замѣтилъ Николаю Осиповичу странность и неблаговидность его поруки, почти клятвы у наслѣдника въ такомъ неважномъ дѣлѣ. Старикъ мнѣ отвѣчалъ: „надо

было жить въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, — тогда бы поступокъ мой не показался бы страннымъ; я еще жалѣлъ, что не попросилъ таковой же поруки у Елисаветы Алексѣевны."

По смерти императрицы Екатерины, Зубовъ оставался во дворцѣ по прежнему. Между тѣмъ Павелъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдѣлалъ его какъ дворецъ, только не велѣлъ ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми,—тогда, наканунѣ рожденія Зубова, государь послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и переѣхалъ со дворца въ подаренный имъ домъ.

На слѣдующій день императоръ съ Маріею Ѳедоровною въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицкаго (на запяткахъ), послѣ обѣда, отправился къ Зубову, который встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ руки по лѣстницѣ, при чемъ Павелъ сказалъ ему: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ." Въ гостинной подали шампанскаго; государь сказалъ графу: „сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго и, обращаясь къ государынѣ, сказалъ: выпей все до капли." И выпивши самъ разбилъ бокалъ,—при чемъ опять Зубовъ падалъ къ ногамъ его и былъ поднятъ съ повтореніемъ: „Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ." Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Марьи Ѳедоровнѣ: разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки. По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили и, по обыкновенію тогдашняго времени, опрокинули на блюдца чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: „вѣдь вы дома вѣроятно пьете по двѣ чашки и не хотите безпокоить государыню, — она нальетъ вамъ и по другой."—Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Зубовымъ по лѣстницѣ:—считаясь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ. Скоро потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу.

Въ послѣднее время царствованія императрицы Екатерины, пріѣзжалъ изъ Германіи какой то князь очень красивой наружности, по выраженію Николая Осиповича, „какъ писанный" и помѣщенъ былъ во дворцѣ. Цѣлью его пріѣзда было обратить на себя благосклонное вниманіе императрицы. Къ нему опредѣленъ былъ для показанія Петербурга чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Самъ ли кн. Зубовъ или изъ угожденія къ нему другіе успѣли искусною интригою повредить пріѣзжему князю; не смотря на то, онъ повидимому начиналъ нравиться императрицѣ. Въ то время въ Измайловскомъ полку служилъ князь Щербатовъ, — молодой человѣкъ пылкаго нрава, иногда предававшійся увлеченіямъ и шалостямъ своихъ лѣтъ. Въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ креселъ, сидѣлъ нѣмецкій князь съ приставленнымъ къ нему чиновникомъ. Рядомъ съ надменнымъ гостемъ занималъ мѣсто упомянутый князь Щербатовъ, въ кафтанѣ, съ модною, въ то время, суковатою палкою. (Военнымъ внѣ службы тогда позволено было ходить въ статскомъ платьи). Въ антрактѣ Щербатовъ спросилъ по французски своего сосѣда: какъ вамъ

нравятся, князь, наши русскіе актеры? Но не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ по нѣмецки.—Вмѣсто отвѣта гордый иностранецъ, обратившись къ своему приставу, сказалъ ему: „какъ дерзки у васъ молодые люди! Они такъ смѣло навязываются съ своими разговорами“.—Ахъ ты нѣмецкая свинья! Я самъ Русскій князь, закричалъ вспыльчивый Щербатовъ, и ударилъ своею палкою по лицу надменнаго нѣмца. Окровавленнаго его увезли домой; но уже не во дворецъ, а въ лучшую гостинницу, куда перевезли всѣ его вещи. Встревоженный Зубовъ доложилъ тотчасъ же о случившемся непріятномъ происшествіи и объяснилъ, что онъ считаетъ теперь неприличнымъ битаго князя помѣстить во дворцѣ и долженъ былъ для него приготовить другое помѣщеніе. На другой день императрица чрезъ Зубова послала ему табакерку съ своимъ портретомъ и съ изъявленіемъ крайнаго сожалѣнія о случившемся. Князь, принявъ съ признательностью подарокъ императрицы, поблагодарилъ Зубова за случившееся съ нимъ, намекнувъ, что онъ найдетъ время съ нимъ разсчитаться, и уѣхалъ за границу.

Молодой Щербатовъ былъ отставленъ изъ полка, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицу. По восшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ вызвалъ его изъ деревни и опредѣлилъ въ тотъ же полкъ съ пожалованіемъ чинами противъ сверстниковъ. Князь Зубовъ, находясь за границей, получилъ отъ оскорбленнаго въ Россіи нѣмецкаго князя вызовъ на дуэль; тотъ, считая себя не въ правѣ стрѣляться за Щербатова, переслалъ ему вызовъ. Императору было извѣстно объ этомъ, и когда кн. Щербатовъ просился у него въ отпускъ за границу, то онъ приказалъ дать ему на дорогу пять тысячъ рублей. Когда Щербатовъ по возвращеніи представлялся государю, онъ былъ очень доволенъ и спросилъ его: „что, убилъ нѣмецкую свинью?“ На что тотъ отвѣчалъ утвердительно.

Въ царствованіе императора Павла въ Петербургѣ было только семь французскихъ модныхъ магазиновъ: онъ не позволялъ больше открывать, говоря, что терпитъ ихъ только по числу семи смертныхъ грѣховъ.

Во время пребыванія государя послѣ коронаціи въ Москвѣ, онъ любилъ по утрамъ гулять верхомъ по городу. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, онъ замѣтилъ у церкви Іоанна Воина, за Москвой рѣкой, большое стеченіе народа; узнавъ, что народъ собрался по случаю храмоваго праздника слушать проповѣдь отца Матвѣя, — онъ сошелъ съ лошади, отдалъ ее полицейскому чиновнику, а самъ, вошедъ въ церковь, остановился у самаго входа за народомъ, облокотясь на одного изъ мужиковъ. Между тѣмъ вышелъ въ расѣ, изъ сѣверныхъ вратъ алтаря, неслужившій въ тотъ день священникъ отецъ Матвѣй, сталъ передъ налоемъ и началъ проповѣдывать; предметомъ проповѣди была жизнь празднуемаго Святаго, Іоанна Воина. Проповѣдникъ не могъ видѣть государя и краснорѣчиво говорилъ о долгѣ воиновъ: не жалѣть своей жизни, сражаясь за вѣру и царя, и о простекающей изъ того обязанности царей любить своихъ подданныхъ, дорожить ими и заботиться о ихъ благосостояніи. Проповѣдь эта такъ тронула государя, что глаза его были наполнены слезами; прослушавъ ее до конца, онъ вышелъ изъ церкви; и когда полицейскій чиновникъ подвелъ ему лошадь, онъ сказалъ ему: ты вѣрно сегодня на водкѣ у священника будешь видѣть отца Матвѣя: скажи ему мое спасибо. По возвращеніи во дворецъ, императоръ послалъ за митрополитомъ

Платономъ и сказалъ ему: „ты меня училъ закону Божію и помазывалъ на царство; но я отъ тебя не слыхалъ такого наставленія, какъ сегодня отъ отца Матвѣя; привози его сейчасъ ко мнѣ съ проповѣдью;“ - что̀ немедлено было и исполнено. Когда вошолъ отецъ Матвѣй, государь подошолъ къ нему подъ благословеніе, и когда тотъ не хотѣлъ дать поцаловать ему руки, Павелъ сказалъ ему: я у тебя цалую руку, какъ у служителя алтаря, а ты у меня какъ у помазанника Божія. Если ты не дашь мнѣ своей, то и я не дамъ тебѣ моей руки. Послѣ сего отецъ Матвѣй исполнилъ желаніе государя, который заставилъ его вновь прочесть предъ нимъ проповѣдь и просилъ его подарить ему, говоря, что онъ вставши съ постели и помолившись Богу, прочтетъ ее, прежде чѣмъ начнетъ заниматься дѣлами. И съ тѣхъ поръ всегда на столикѣ предъ постелью государя клали вмѣстѣ съ молитвенникомъ и эту проповѣдь.

Государь тогда же пригласилъ отца Матвѣя быть придворнымъ проповѣдникомъ, поручивъ митрополиту озаботиться продажею его дома, по отъѣздѣ его въ Петербургъ, — куда онъ тогда и отправился. На новомъ мѣстѣ своего назначенія, онъ къ каждому празднику приготовлялъ проповѣдь; но ни разу не произносилъ ихъ въ продолженіи года, потому что не получалъ на то приказанія. Въ продолженіи этого времени скончалась его жена, оставленная имъ въ Москвѣ. По случаю бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ палатиномъ Венгерскимъ, совершившагося въ Гатчинѣ, туда переѣхалъ весь дворъ, и по тѣснотѣ помѣщенія митрополиту съ архіереемъ отведена была только одна комната. Отецъ Матвѣй пришолъ туда къ митрополиту и сказалъ ему о желаніи своемъ принять монашество. Владыка одобрилъ его намѣреніе, и обѣщался постричь его по возвращеніи въ Лавру. Нѣтъ, постригите меня здѣсь, потому что такъ желаетъ государь, отвѣчалъ отецъ Матвѣй. На другой день по постриженіи съ именемъ Михаила, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Сергіевской пустыни близь Петербурга;— и на обѣднѣ во время церемоніи его назначенія, предъ словами: *аксіосъ*, Кутлубицкій, по приказанію императора, принесъ на серебрянномъ блюдѣ орденъ Іоанна Іерусалимскаго, который и былъ возложенъ на него императоромъ. На слѣдующую обѣдню онъ былъ хиротонисанъ во епископа и такимъ же порядкомъ Кутлубицкимъ былъ принесенъ орденъ первой степени Іоанна Іерусалимскаго, уже на золотомъ блюдѣ.

Однажды императоръ Павелъ ѣхалъ по Петербургу; за его экипажемъ слѣдовалъ верхомъ Кутлубицкій; онъ издали примѣтилъ карету, ѣхавшую на встрѣчу государю... И такъ какъ въ то время всѣ экипажи, встрѣчающіеся съ нимъ, должны были останавливаться: мужчины выходили изъ нихъ, а дамы дѣлали реверансъ на ступенькахъ кареты, — почему всѣ почти экипажи избѣгали встрѣчи съ государемъ, завидѣвши его, сворачивали въ другія улицы, — то Николаю Осиповичу пришло на мысль, что это какая нибудь провинціальная. Когда карета поровнялась съ государемъ, дверки отворились, и на ступенькахъ появилась дама, горбатая съ переди и съ зади. Государь хотѣлъ отвѣчать поклономъ на ея привѣтствіе; но вдругъ отворотился и надулся. Кутлубицкій, замѣтивъ неудовольствіе государя, поспѣшилъ догнать экипажъ и узналъ у лакея о имени и мѣстѣ жительства барыни. Императору понравилась расторопность Кутлубицкаго. Онъ подозвалъ его рукой къ себѣ и спросилъ: „что

это за дама?“—Польская графиня такая-то. — „Зачѣмъ она сидѣла на ступенькахъ?“ — Это такъ показалось вашему величеству, потому что она горбата съ переди и съ зади. По возвращеніи во дворецъ, государь приказалъ Кутлубицкому узнать—за чѣмъ пріѣхала эта графиня въ Петербургъ. Оказалось, что она имѣла значительный процессъ въ Сенатѣ о помѣстьи, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, продолжавшійся уже лѣтъ десять. Она уже нѣсколько разъ, по приглашенію своихъ знакомыхъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ для окончанія этого дѣла; но, не смотря на обѣщанія, оно все не оканчивается. Государь на другой день поутру послалъ Кутлубицкаго къ генералъ-прокурору князю Куракину сказать, чтобы онъ не выпускалъ сенаторовъ изъ присутствія, пока они не кончатъ того процесса и чтобы онъ самъ привезъ къ государю рѣшеніе по оному. Николай Осиповичъ засталъ князя Куракина въ уборной, окруженнаго оберъ-секретарями; они хотѣли удалиться, видя въ немъ посланника Павла; но онъ просилъ ихъ остаться и при нихъ передалъ приказаніе императора. Разумѣется, дѣло было кончено въ тотъ же день и въ пользу графини. Когда князь Куракинъ привезъ къ государю сенатское рѣшеніе, то онъ приказалъ тотчасъ снять съ него копію и завѣрить самому Куракину, и приказалъ отвезти таковую къ графинѣ; при чемъ, отойдя и подозвавъ Кутлубицкаго къ окну, сказалъ ему тихонько: „Николка, постарайся, чтобы завтра уѣхала изъ Петербурга эта графиня“. Николай Осиповичъ тотчасъ же отправился къ ней и засталъ у нея почти всѣхъ сенаторовъ-поляковъ, которые, узнавъ, что государь принимаетъ въ ея дѣлѣ участіе, нашли приличнымъ посѣтить ее. Когда Кутлубицкій подалъ ей отъ имени государя рѣшеніе, и она прочла его, то она перекрестилась и отъ радости не могла устоять на ногахъ. Пришедши въ себя, она сказала: „Позвольте, генералъ, выпить шампанскаго за ваше здоровье?“—„Хорошо, матушка, отвѣчалъ Кутлубицкій, сперва выпьемъ за здоровье государя, а потомъ и за меня грѣшнаго“.—Послѣ шампанскаго, онъ сказалъ графинѣ, отозвавши ее въ сторону, что государю угодно, чтобы она тотчасъ же выѣхала изъ Петербурга. Она отвѣчала, что очень бы рада была тотчасъ это исполнить, но не можетъ такъ скоро достать подорожную и лошадей.—„Объ этомъ не безпокойтесь, матушка“,—отвѣчалъ Николай Осиповичъ, и, пославъ за частнымъ приставомъ, приказалъ ему тотчасъ доставить подорожную и лошадей. Графиня между тѣмъ собралась, и онъ верхомъ проводилъ ее до заставы. Когда, возвратясь во дворецъ, доложилъ государю о томъ, что она выѣхала и онъ проводилъ ее за заставу,—то онъ былъ очень доволенъ и поцаловалъ точнаго исполнителя своихъ приказаній въ лобъ.

Государю, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, угодно было послать на ревизію полковъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ, Кутлубицкаго; не смотря на то, что ревизія этихъ войскъ только что произведена была двумя генералами, посыланными по высочайшему повелѣнію. Николай Осиповичъ, прибывъ на мѣсто расположенія перваго, подлежащаго его ревизіи, полка, узналъ, что ревизоры брали съ каждаго полка взятки, подъ видомъ денегъ на прогоны, тогда какъ имъ на дорогу и содержаніе отпущены были деньги предъ отправленіемъ ихъ изъ Петербурга. Почему онъ счелъ необходимымъ написать къ нимъ, чтобы взятыя ими съ каждаго полка деньги были ими возвращены, о чемъ онъ на обратномъ пути будетъ освѣдомляться, и, чтобы они такимъ об-

разомъ избавили его отъ непріятности донести о томъ государю.

Въ эту поѣздку Николай Осиповичъ встрѣтился въ Каменцѣ-Подольскѣ съ знакомой ему графинею, которой уродство принесло такую же существенную пользу, какую часто приноситъ красота. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовало тоже могущество красоты, — изъ уваженія къ которой удалено было ей противуположное.

По мѣрѣ возвращенія Николая Осиповича, по забраннымъ имъ въ полковыхъ канцеляріяхъ справкамъ, оказывалось, что взятыя прежними инспекторами деньги были возвращены, исключая 4,000 рублей. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, бывшіе ревизоры успѣли, прежде представленія его императору, увидѣться съ нимъ, прося его пощадить ихъ, и, когда онъ спросилъ ихъ: зачѣмъ они не прислали остальныхъ денегъ, то они отвѣчали, что остальныя взялъ Иванъ Павловичъ себѣ; и когда они ему говорили о возвращеніи, то онъ и слышать не хотѣлъ.

Государь былъ очень обрадованъ пріѣзду Кутлубицкаго, пожаловалъ, по словесному представленію его, семействамъ нѣкоторыхъ отставныхъ генераловъ и полковниковъ пансіоны. По словамъ Кутлубицкаго нѣкоторые изъ нихъ были до того бѣдны, что жены и дочери сами воду носили. Поговоривъ съ нимъ, императоръ обыкновенно въ эту пору послѣ обѣда ходилъ къ Марьи Ѳеодоровнѣ пить кофе; онъ приказалъ идти за собою и Николаю Осиповичу, и представлялъ его государынѣ, говоря, что очень радъ, что по ревизіи его не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Выпивши вмѣстѣ съ государемъ чашку кофе изъ рукъ императрицы, онъ послѣдовалъ за нимъ по приказанію чрезъ внутреннія комнаты въ залу, куда съѣзжались ежедневно по вечерамъ лица, составлявшія общество двора. Когда вошли въ залу, Кутлубицкій пробѣжалъ за колоннами, и сталъ на свое мѣсто, — какъ вдругъ государь позвалъ его и, обращаясь къ знаменитому Репнину, сказалъ ему: „Ваше сіятельство, вотъ мой щенокъ (7), мой генералъ-инспекторъ; онъ посланъ былъ на ревизію стольких полковъ, и я чрезъ него не сдѣлалъ ни одного несчастнымъ; а ваше сіятельство сегодня мнѣ представили двухъ капитановъ написать въ рядовые“. — Чтожъ дѣлать, государь, отвѣчалъ Репнинъ, они этого стоили. „А ты думаешь какъ, Николка?“ — сказалъ Павелъ, взглянувъ на Кутлубицкаго. Тотъ упалъ на колѣни со словами: государь, ты милостивъ, прости ихъ! — „Растопчинъ, сказалъ на это Павелъ, — напиши указъ, что я ихъ прощаю“.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось Кутлубицкому, жившему во дворцѣ, — по прежнему обычаю, — ударить придворнаго лакея за грубость; тотъ пожаловался Нарышкину, который довелъ о томъ до свѣдѣнія государя. Онъ сдѣлалъ выговоръ Кутлубицкому и не велѣлъ ему являться на глаза. Это случалось съ приближенными Павла нерѣдко. Старикъ Николай Осиповичъ говорилъ, что это значило, что день онъ могъ отдохнуть дòма, зная, что его не потребуютъ, тогда какъ въ обыкновенное время и ночью онъ не совсѣмъ раздѣвался, чтобы быть готовымъ на призывъ императора. Но вышло противное. Когда разсерженный государь прогналъ Кутлубицкаго, Кутайсовъ навязывалъ ему галстухъ и на слова его: „Кутлубицкій слишкомъ уже распанѣлъ“, — отвѣчалъ: „какъ ему не распанѣть, когда ваше величество такъ

---

(7) „Что онъ послалъ ревизовать насъ своего щенка?“ — говорили недовольные этой посылкой старики-генералы, но вѣроятно эти слова дошли до императора

его балуете! Вотъ онъ посланъ былъ на ревизію полковъ; его предшественникамъ, прежнимъ ревизорамъ, назначено было на путевыя издержки по 10,000, а ему ваше величество изволили забыть сдѣлать о томъ распоряженіе. Чтожъ! онъ не хотѣлъ даже попросить меня напомнить о томъ вашему величеству". „Чѣмъ же онъ ѣздилъ, возразилъ государь, бралъ взятки?"—„Мало чего не говорятъ по городу", отвѣчалъ Кутайсовъ.—„Позвать Кутлубицкаго!" закричалъ вспыливиій Павелъ. — И Николай Осиповичъ, явившійся по зову, увидѣлъ въ камердинерской Кутайсова и Нарышкина, сидящихъ на диванѣ. „Кутлубицкій, сказалъ изъ нихъ первый, васъ требуетъ государь" — и указалъ на дверь.

Павелъ въ волненіи ходилъ по кабанету и, увидя вошедшаго Кутлубицкаго, встрѣтилъ его гнѣвнымъ взглядомъ и словами: „такъ ты воръ!" — Но тотъ, мгновенно смекнувъ въ чемъ дѣло и чувствуя свою невинность, а также зная характеръ императора, бросился предъ нимъ на колѣна и сказалъ: „Государь, ежели я виноватъ, повели меня казнить; но ежели я правъ, повели казнить и того, кто меня оклеветалъ".—Павелъ, пораженный его словами, началъ успокоиваться. Тогда Николай Осиповичъ на болѣе спокойный вопросъ: откуда онъ взялъ денегъ на дорогу,—объяснилъ, что онъ незадолго предъ командировкою своею, получивъ въ подарокъ отъ него 1300 душъ, считалъ неприличнымъ просить еще денегъ на путевыя издержки, и просилъ начальника недавно учрежденнаго тогда банка графа Румянцева, дать ему подъ залогъ 100 душъ 20,000 р., который отвѣчалъ ему, что для этого нужно предварительно соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, требующихъ времени, почему онъ и предлагаетъ ему пока своихъ 20,000, которыя онъ ему возвратитъ по совершеніи залога.—„Куда же ты дѣвалъ всѣ эти деньги, ты ихъ не могъ употребить всѣ на дорогу?" спросилъ его Павелъ — Не спрашивай, государь, отвѣчалъ Николай Осиповичъ; но, несмотря на неоднократное повтореніе: не спрашивай, государь, онъ наконецъ, по настоянію Павла, долженъ былъ признаться, что значительную часть этихъ денегъ отдалъ бѣднымъ отставнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, отъ имени императора, на что имѣетъ ихъ росписки. Тогда государь отпустилъ милостиво Кутлубицкаго и закричалъ: „Ивана сюда"!—Николай Осиповичъ занялъ на диванѣ мѣсто Кутайсова, который поспѣшилъ на зовъ государя. Въ скважину замка́ видно было, какъ снята была съ него лента и посыпались на спину удары палкою, которыхъ Кутлубицкій съ Нарышкинымъ насчитали 40.—Во время этой операціи, шумъ отъ которой достигъ до кабинета Маріи Θеодоровны, бывшаго надъ самымъ кабинетомъ государя, прибѣжалъ камеръ-лакей отъ государыни спросить: отъ чего шумъ въ комнатѣ императора? — На что отвѣчалъ Кутлубицкій: скажи матушкѣ, что батюшка за Николку Ивашку наказываетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ кабинета съ повязанной лентой Иванъ Павловичъ, но на спинѣ виднѣлись слѣды палки. Онъ сѣлъ молча возлѣ Кутлубицкаго; но чрезъ нѣсколько минутъ вызвалъ его въ другую комнату и сказалъ ему: „прости меня, Николай Осиповичъ, я предъ тобою виноватъ."—Богъ съ вами, Иванъ Павловичъ! Государь васъ наказалъ и довольно; съ вола двухъ шкуръ не дерутъ.—„Поди же скажи объ этомъ государю: онъ мнѣ не приказалъ являться къ нему на глаза, пока ты не простишь".—Кутлубицкій вошолъ въ кабинетъ, сталъ передъ Павломъ на колѣни

и сказалъ ему: Государь, прости Ивана Павловича, ты наказалъ его и довольно: съ вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Павловичъ успѣлъ таки отдалить отъ двора Кутлубицкаго: онъ былъ сдѣланъ членомъ артиллерійскаго департамента, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Аракчеевъ. Тотъ сейчасъ же хотѣлъ командировать его для осмотра Казанскаго пороховаго завода; но Николай Осиповичъ отклонилъ отъ себя это порученіе. Во время новаго назначенія, онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ предсѣдателемъ и бывалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Грузинѣ.— Между тѣмъ, покровительствомъ Кутайсова, Аракчееву назначенъ былъ особенный докладъ государю, разъ въ недѣлю, въ четвергъ, по дѣламъ артиллерійскаго департамента, — чего никогда не бывало и не нужно было, потому что артиллерійскій департаментъ составлялъ часть вѣдомства военной коллегіи. Это сдѣлано было единственно для Аракчеева, чтобы доставить ему случай чаще быть въ сношеніи съ государемъ; но это продолжалось не долго: Аракчеевъ имѣлъ только всего два доклада. Вотъ какъ это случилось: государь тогда жилъ въ Гатчинѣ и послѣ перваго доклада Аракчеева разсердился на Кутайсова, прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза; и передъ его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которыя перемѣнялись каждые два часа, какъ бы въ ожиданіи: куда везти любимца. Пріѣхавши со вторымъ докладомъ, Аракчеевъ не нашелъ нужнымъ посѣтить находящагося въ немилости. Между тѣмъ въ Петербургѣ жила жена Кутайсова и не знала о происшествіи съ ея мужемъ: ей никто объ этомъ не говорилъ, чтобы напрасно ее не тревожить—такъ какъ это случалось съ приближенными императора нерѣдко и продолжалось не долго. Къ графинѣ Кутайсовой въ это время родственники прислали изъ деревни какого то близкаго имъ сироту-мальчика, прося опредѣлить его въ кадетскій корпусъ. Такъ какъ Аракчеевъ былъ въ то время начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, то она послала этого мальчика къ нему съ адъютантомъ своего мужа, прося приказать опредѣлить его. Аракчеевъ на канунѣ возвратился изъ Гатчины и, когда войдя въ пріемную увидѣлъ адъютанта съ мальчикомъ и узналъ отъ него въ чемъ дѣло, то сказалъ при находящихся тогда въ его пріемной: „мнѣ все попрекаютъ Кутайсовымъ, а я отъ него и выѣденнаго яйца не видѣлъ; скажите графинѣ, что я не могу его опредѣлить въ корпусъ.“ Когда адъютантъ передалъ слова эти графинѣ, она была въ непріятномъ волненіи и не могла понять, что это значитъ. Въ это самое время Николай Осиповичъ проходилъ мимо ея оконъ, она его подозвала и разсказала о случившемся. „Не безпокойтесь, графиня, возразилъ онъ, дайте мнѣ этого мальчика: я сейчасъ опредѣлю его“.— „Сдѣлайте одолженіе и если нельзя на казенный, то на мой счетъ“.— „Не безпокойтесь, — повторилъ Николай Осиповичъ, каждый начальникъ корпуса охотно его приметъ, узнавъ, что онъ присланъ вами“. Такъ и случилось: онъ взялъ мальчика съ собою въ корпусъ, гдѣ при имени графини Кутайсовой его тотчасъ же приняли. Графиня разсказала обо всемъ своему мужу, который, съ недѣлю посидѣвши дома, и наслушавшись въ волю, не трогаясь съ мѣста, почтоваго колокольчика, опять вступилъ въ прежнее значеніе при императорѣ. Оскорбленный внезапной перемѣной прежнихъ отношеній къ нему Аракчеева, Кутайсовъ задумалъ погубить его, и орудіемъ для этого избралъ Кутлубицкаго, никогда искренно не расположен-

наго къ Аракчееву. Графъ Иванъ Павловичъ былъ мастеръ въ интригахъ: недаромъ онъ, плѣнный турчонокъ, взятый въ Кутаисѣ, впослѣдствіи былъ отправленъ къ камердинеру Людовика XVI-го, по словамъ Николая Осиповича, учиться дворскимъ хитростямъ.

Неожиданно Николай Осиповичъ былъ потребованъ въ Гатчину. „Правда ли, спросилъ у него государь, что Аракчеевъ у себя въ Грузинѣ выстроилъ домъ артиллерійскими солдатами? Вѣдь ты у него бывалъ тамъ?“ Николай Осиповичъ хорошо зналъ, что это правда и дѣйствительно былъ у него въ Грузинѣ, но отвѣчалъ: „Я былъ у Аракчеева не въ Грузинѣ, а въ другой отчинѣ и не думаю, чтобы это была правда, потому что у Аракчеева не двѣ головы и ему извѣстна вся отвѣтственность за подобнаго рода поступки“. „Ну, Николка, сказалъ Павелъ, ты опять при моей особѣ, подвижнымъ комендантомъ: гдѣ я буду, тамъ и ты. Теперь ступай, отпусти своихъ животовъ (лошадей) въ Петербургъ; а самъ въ придворномъ экипажѣ поѣзжай въ Петергофъ и приготовь все къ моему пріѣзду: я завтра туда переѣзжаю“.

У Николая Осиповича былъ вѣрный кучеръ-татаринъ, на котораго можно было совершенно положиться. А такъ какъ, по прежней адъютантской привычкѣ, онъ имѣлъ всегда у себя карандашъ и клочокъ бумаги, то онъ поспѣшилъ написать на ней нѣсколько словъ, предупреждая Аракчеева, чтобы тотъ принялъ свои мѣры (потому что вѣроятно тотчасъ же будетъ посланъ въ Грузино флигель-адъютантъ для разслѣдованія этого дѣла) и отдавая записку въ руки кучеру, сказалъ: по пріѣздѣ въ Петербургъ отнеси и отдай эту записку въ руки самому графу Аракчееву и когда онъ прочтетъ, попроси его при тебѣ же сжечь.

Когда Николай Осиповичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился туда флигель-адъютантъ Балабинъ, говоря, что при отправленіи его для произведенія слѣдствія въ Грузино, ему приказано было увидаться съ нимъ и распросить о дорогѣ.

Изъ Петербурга въ Грузино прямой проселочной дорогой было верстъ 75, а почтовой на Новгородъ верстъ 200. Николай Осиповичъ совѣтывалъ ему избрать послѣднюю, тѣмъ болѣе, что въ проѣздъ его чрезъ Новгородъ губернаторъ доставитъ ему все зависящее отъ него для удобнѣйшаго производства порученнаго ему на мѣстѣ разслѣдованія.

Между тѣмъ, когда кучеръ Кутлубицкаго явился къ Аракчееву и отдалъ ему въ кабинетѣ, глазъ на глазъ, отправленную чрезъ него записку, — Аракчеевъ прочелъ ее, и слезы показались у него на глазахъ; и когда кучеръ повторилъ просьбу Николая Осиповича, чтобы онъ эту записку при немъ сжегъ, Аракчеевъ отвѣчалъ: скажи своему генералу, что я не сожгу ее, а при тебѣ съѣмъ, и тотчасъ же это исполнилъ.

Немедленно посланъ былъ Аракчеевымъ адьютантъ прямымъ путемъ въ Грузино и съ помощію мѣстнаго исправника успѣлъ устроить тамъ дѣло такъ, что не смотря на то, что по словамъ Николая Осиповича, домъ строили артиллерійскіе солдаты, по пріѣздѣ флигель-адьютанта, оказалось, что домъ построенъ былъ наемными людьми, подъ распоряженіемъ отставнаго унтеръ-офицера.

Впослѣдствіи, въ царствованіе императора Александра Павловича, когда графъ Аракчеевъ, будучи на верху своего могущества, жилъ въ Грузинѣ, — Николай Осиповичь, бывшій давно въ отставкѣ, проѣзжая вблизи, оставивъ свое семейство на станціи, на перекладной смѣло подъѣхалъ къ тому подъѣзду, къ которому, кромѣ государя,

никто не смѣлъ подъѣзжать, и не смотря на удивленіе пораженныхъ такою смѣлостью адъютантовъ и свиты Аракчеева, былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, какъ прежній сослуживецъ. Аракчеевъ все время разговаривалъ съ нимъ и упросилъ его остаться отобѣдать.

По словамъ Николая Осиповича, императоръ Павелъ всегда говѣлъ на страстной недѣлѣ; но въ послѣдній годъ царствованія отговѣлъ ранѣе, на крестопоклонной, чтобы, какъ онъ самъ говорилъ, имѣть свободное время для принятія въ подданство Грузіи; и, желая угодить своимъ новымъ подданнымъ, хотѣлъ явиться при этомъ торжественномъ случаѣ въ одеждѣ прежнихъ ихъ государей — императоровъ Греческихъ, почему и велѣлъ приготовить для себя *далматикъ*. Одежда эта, дарованная Византійскими императорами, какъ отличіе, нѣкоторымъ святителямъ Восточной Церкви, сдѣлалась впослѣдствіи священнымъ облаченіемъ сперва архіепископовъ, а потомъ и епископовъ подъ смиреннымъ именемъ сакоса. Вслѣдствіе сего распространилась молва, будтобы императоръ желаетъ священнодѣйствовать, для чего и заказалъ себѣ архіерейское одѣяніе.

Въ послѣднее время императоръ Павелъ чувствовалъ себя несовершенно здоровымъ, и въ послѣдній день своего царствованія, проснувшись, еще лежа въ постелѣ, позвалъ къ себѣ Кутлубицкаго и послалъ его за генералъ-губернаторомъ Паленомъ. Когда онъ съ нимъ возвратился, императоръ уже былъ одѣтъ. Послѣ обѣда (обѣдъ при дворѣ былъ тогда въ 2 часа по полудни), отдохнувши т. е. посидѣвши съ книгою около часа въ креслѣ, государь обыкновенно ходилъ къ императрицѣ, гдѣ пилъ кофе и потомъ заходилъ къ дѣтямъ. Но въ этотъ день, вмѣсто того, онъ приказалъ позвать дѣтей къ себѣ; когда ихъ привели, а нѣкоторыхъ принесли на рукахъ, Павелъ сбросилъ шпагу и бросивши на полъ съ дивана подушку, игралъ съ ними на полу. Потомъ, когда онъ ихъ отпустилъ, воротилъ опять великую княжну Анну Павловну: Аннушку ко мнѣ! — закричалъ онъ. И когда няня принесла ее опять, — государь снялъ со стѣны небольшой образъ пресвятыя Богородицы, взлѣзши для этого на приставленный имъ столъ; перекрестилъ ее нѣсколько разъ образомъ и положивъ ей за пазуху—отпустилъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, Паленъ сказалъ императору, что рапортуя ему ежедневно о благосостояніи города, ему бы необходимо было знать о благосостояніи дворца, какъ части города. Посему государь приказалъ Кутлубицкому, какъ коменданту дворца, предварительно доносить о благосостояніи онаго генералъ-губернатору. Николай Осиповичь и дѣлалъ это поздно вечеромъ, иногда самъ, а чаще посылая съ рапортомъ о томъ къ Палену своего адъютанта. Въ этотъ день, послѣ обыкновеннаго, такъ называемаго собранія во дворцѣ, на которомъ присутствовалъ государь, — Николай Осиповичъ самъ, пріѣхавъ въ 10 часовъ къ Палену, засталъ большое общество и нѣкоторыхъ изъ бывшихъ съ Паленомъ того же вечера во дворцѣ, какъ то Зубова и другихъ. Онъ ихъ засталъ за шампанскимъ, какъ ему сказали, по случаю имянинъ или рожденія Палена. Николай Осиповичъ съ ними выпилъ также стаканъ шампанскаго за здоровье виновника торжества-хозяина, и вышелъ, чтобы отправиться домой, но его провожалъ Паленъ и въ передней сказалъ ему: „Генералъ, пожалуйте вашу шпагу, государь приказалъ васъ арестовать". На возраженіе Николая Осиповича, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и, что онъ

просить позволенія поѣхать объясниться къ государю, который вѣроятно еще не спитъ. — Паленъ отвѣчалъ: „Развѣ вы не знаете порядка?" Такимъ образомъ Николай Осиповичъ долженъ былъ отдать ему шпагу и отвезенъ былъ адъютантомъ Палена на гауптвахту. На другой день возвратили ему шпагу, объявивъ ему, что государь ночью скончался отъ апоплексическаго удара.

X.

ПИСЬМО Н. П. РЯЗАНОВА КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

С. Петербургъ. Апрѣля дня 1803 года.

Любезный другъ Иванъ Ивановичь! Вы несомнѣнно уже извѣстны, сколь много отягощена судьба моя. Такъ, почтенной другъ мой, я лишился всего. Кончина жены моей, составлявшей все счастье, все блаженство дней моихъ, содѣлала для меня всю жизнь мою безотрадною. Примите, любезный другъ, отъ меня то истинное почтеніе, которое всегда она къ вамъ сохраняла. Оно было слѣдствіемъ достоинствъ вашихъ и искренней ея благодарности къ дружескимъ вашимъ ко мнѣ расположеніямъ. Я и теперь, мой милой другъ, пролилъ слезы и едва могу писать къ вамъ. Шесть мѣсяцовъ протекли уже для меня въ сей горести, и я конца лучше не вижу, какъ вообще намъ опредѣленнаго. Двое милыхъ мнѣ дѣтей, хотя нѣкоторымъ образомъ и услаждаютъ жизнь мою, но въ тожъ самое время растравляютъ они сердечныя мои раны, и я опытомъ дознапъ, что послѣднее чувство сильнѣе.—Чуждъ сдѣлавшись всего на свѣтѣ, предавшись единой скорби своей, думалъ я взять отставку, думалъ, занявшись воспитаніемъ дѣтей, посвятить чувствительности остатки дней моихъ, но и тутъ встрѣтилъ препятствіе. Государь вошелъ милостиво въ положеніе мое, сперва совѣтовалъ мнѣ разсѣяться, наконецъ предложилъ мнѣ путешествіе; потомъ, доведя меня постепенно къ согласію, объявилъ мнѣ волю, чтобъ принялъ я на себя посольство въ Японію. Долго отказывался я отъ сего труднаго подвига; милостивые его при всякой встрѣчѣ со мною разговоры, наконецъ призывъ меня къ себѣ въ кабинетъ и настоятельныя убѣжденія его, рѣшили меня повиноваться. Я признался ему, что жизнь для меня, хотя тягостна, но нужна еще для дѣтей моихъ; многія обѣщалъ мнѣ милости, но я просилъ не унижать подвига моего награжденіями, которыя одинъ успѣхъ мнѣ только обѣщать можетъ, и разговоръ нашъ кончился такъ, что и царь и подданной расталась спокойнѣе. Онъ далъ слово покровительствовать сиротъ моихъ, а я подтвердилъ ему, что каждой часъ готовъ ему жертвовать жизнію. Вотъ, любезной другъ, что случилось со мною. Теперь готовлюсь къ походу. Два корабля купеческихъ, купленныхъ въ Лондонѣ ([1]), отдаются въ мое начальство. Они снабдены приличнымъ экипажемъ; въ миссію со мною назначаются гвардіи офицеры, а вообще для путешествія ученая экспедиція. Путь мой изъ Кронштата въ Портсмутъ, оттуда въ Тенерифъ, потомъ въ Бразилію и обойдя Капъ-Горнъ въ Вальпарезо, оттуда въ Сандвичевы острова, наконецъ въ Японію и на 1805 годъ зимовать въ Камчатку; оттуда пойду въ Уналашку, въ Кадьякъ, въ Принцъ-Вилліамъ-Зундъ и спущусь къ Нооткѣ, отъ которой возвращусь въ Кадьякъ и, нагрузясь товарами, пойду въ Кантонъ, въ Филипинскіе острова; надѣюсь побывать въ Батавіи и на Ма-

---

([1]) Надежда и Нева.

лабарскомъ берегу, въ Калькутѣ и, обозрѣвъ состояніе Батавской и Англійской Индѣйскихъ компаній, возвращаться буду кругомъ мыса Доброй Надежды. — Предметъ моего путешествія относится болѣе до торговли; я долженъ произвести всѣ возможные опыты, ибо одно изъ двухъ судовъ, со мною назначенныхъ, принадлежитъ компаніи (²). Въ Америкѣ долженъ я также образовать край тотъ, сколько позволятъ мнѣ и время и малыя мои способности. Я везу туда сѣмена наукъ и художествъ; со мною посылаютъ обѣ Академіи (³) книги и картины, также и многіе частные люди посылаютъ кто книги, кто бюстъ, кто эстампъ, кто картину, кто творенія свои, и я желалъ бы, чтобы имя Русскаго Лафонтена украсило Американской музеумъ. Пришли, любезной другъ, творенія свои при письмѣ, которое положу я тамъ въ ковчегъ, сохраняющій потомству память первыхъ попечителей о просвѣщеніи края того. Я прошу васъ, какъ друга, не лишить меня сего удовольствія. Сдѣлайте мнѣ также чувствительное одолженіе, постарайтесь убѣдить къ таковому же подвигу великихъ мужей вѣка нашего, въ Москвѣ пребываніе имѣющихъ. Я не именую ихъ для того, что они слишкомъ громки; знаю и то, что сіе не прибавитъ имъ славы; но, кажется мнѣ, что пріятно имъ будетъ, ежели потомство новыхъ народовъ возбудится къ нимъ, равно съ нами, почтеніемъ и благодарностію. Да простятъ они энтузіазму человѣка, посвятившаго жизнь свою на единую пользу отечества. Я ѣду Іюня 1-го; ожидаю пріятнаго отвѣта вашего и продолженія дружбы вашей, всегда для меня лестной. Прощай, любезной другъ, будь здоровъ и благополученъ; когда подрастутъ дѣти мои, и ты съ ними встрѣтишься, скажи имъ, что знаешь объ отцѣ ихъ и матери, помоги совѣтами своими, чтобъ были они добрые люди и вѣрные сыны отечества, для котораго ими отецъ ихъ пожертвовалъ. Сего единаго проситъ отъ дружбы твоей, преданный и душею тебя чтущій *Рязановъ*.

P. S. Державинъ прислалъ мнѣ сочиненія свои въ Кадьякскую библіотеку. Не согласится ли кто изъ Москвичей прислать что нибудь, чтобъ увѣковѣчить имя свое? Распусти, любезной другъ, слухъ сей. Всѣ бездѣлки вообще составятъ знатное собраніе. Поговорите университетскимъ.

Адресъ мой, въ Преображенскомъ полку, камергеру Рязанову въ собственномъ домѣ. — Я надѣлъ придворный кафтанъ, только не для экосесовъ.

(²) Американской.
(³) Академія Наукъ и Россійская.

За сообщеніе этого письма мы обязаны многоуважаемому *М. А. Дмитріеву*. — Николай Петровичь Рязановъ (1764—1807) въ то время, когда писано это письмо, служилъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, въ Петербургѣ, въ первомъ департаментѣ. Онъ могъ быть издавна извѣстенъ государю еще по службѣ своей при князѣ Зубовѣ, въ царствованіе Екатерины. Рязановъ лишился жены, которая была дочь знаменитаго основателя Американской компаніи, Шелехова († 1797), а въ 1802 г. снаряжалось первое кругосвѣтное путешествіе Русскихъ, подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, предпринятое отчасти въ видахъ Американской компаніи, правительственному утвержденію коей много содѣйствовалъ Рязановъ. Естественно возникла мысль воспользоваться дозволеніемъ Японскаго правительства, даннымъ еще въ 1793 г. одному Русскому кораблю приходить къ нимъ въ Нангасаки. Государь назначилъ Рязанова первымъ посланникомъ въ Японію, желая употребить въ дѣло его познанія, пріобрѣтенныя по дѣламъ его тестя, и въ тоже время преподать ему случай развлечься въ его горести. Рязановъ получилъ званіе дѣйств. камергера и

орденъ св. Анны 1-й степени. Посольство его не было удачно; впрочемъ подробностей мы не знаемъ, такъ какъ путевой журналъ его, кажется, не изданъ. Онъ возвращался въ Петербургъ сухимъ путемъ изъ Охотскаго порта, и на дорогѣ скончался въ Красноярскѣ. Отъ него остались Словарь и Грамматика Японскаго языка.

Съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ (жившимъ тогда въ отставкѣ въ Москвѣ) Рязановъ могъ сойтись еще по Петербургской его жизни, въ обществѣ Державина, у котораго Рязановъ нѣкоторое время (1791) правилъ канцеляріею. И. И. Дмитріевъ написалъ прекрасную эпитафію тестю Рязанова, мореходцу Шелехову. (См. Словарь митр. Евгенія, и также Путешествіе Крузенштерна, Спб. 1809, ч. I, введеніе).

МАСКЕРАДНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ И. А. КРЫЛОВА.

Въ біографіи Крылова, написанной П. А. Плетневымъ, упоминается о томъ, что онъ участвовалъ въ придворномъ маскерадѣ, и приведено нѣсколько строкъ стихотворенія, прочитаннаго имъ при этомъ случаѣ. Эти строки, хотя и принадлежатъ къ остроумнѣйшимъ изъ всего стихотворенія, однакожъ не даютъ понятія о цѣломъ. Оно сохранилось въ маленькой (всего 15 страницъ малаго формата) и рѣдкой брошюркѣ подъ заглавіемъ: Vers, chantés et récités. Saint—Pétersbourg, Typographie de Pluchart, 1830. Въ ней заключается двадцать стихотвореній, изъ которыхъ три на русскомъ языкѣ, остальныя на французскомъ. Авторами послѣднихъ были: le Baron de Bourgoing, le Comte Matuszewic, le Comte de Laval и O'Sullivan de Grasse. Эти произведенія французскаго остроумія не могутъ имѣть для насъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что всѣ они ниже всякой посредственности. Хотя и русскія стихотворенія не представляютъ ничего замѣчательнаго, но такъ какъ два изъ нихъ принадлежатъ замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ писателей, то вѣроятно обратятъ на себя вниманіе читателей.

Лица, пѣвшія или читавшія свои стихи на этомъ маскерадѣ, изображали Греческихъ боговъ, богинь и полубоговъ. Циклопомъ пришлось быть Пушкину, который и прочиталъ стихи, напечатанные г. И. Добр-нымъ въ Москвитянинѣ 1841 года (№ 10) и перешедшіе потомъ въ оба послѣднія за тѣмъ изданія подъ заглавіемъ *Циклопъ* (1).

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ,
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

Въ брошюрѣ стихи помѣщены (на 14 стр.).

Другое русское стихотвореніе, неизвѣстно кѣмъ сочиненное, носитъ заглавіе: Le Verseau (6 стр.).

Я хладный *Водолей*, зимы товарищъ злой!
Но при тебѣ, мои смиряются морозы,
Лишь только покажи прелестный образъ твой,
И снѣгъ безжизненный преобразится въ розы!

Стихотвореніе, сочиненное Крыловымъ, гораздо пространнѣе; нѣкоторые стихи не лишены остроумія; вообще оно растянуто, монотонно и обнаруживаетъ въ авторѣ желаніе сказать комплиментъ во что бы то ни стало; а это было ему

---

(1) Въ изданіи Анненкова эти стихи напечатаны въ *Матеріалахъ*, 354 стр.; при этомъ повторено замѣчаніе г. Добр—на, которое для издателя осталось необъяснимымъ: „Оно (стихотвореніе) напечатано, говоритъ г. Добр—нъ, вмѣстѣ съ другими французскими и нѣмецкими стихами (это невѣрно: въ брошюрѣ нѣтъ ни одного нѣмецкаго стихотворенія), сдѣланными на тотъ же случай, въ немногихъ экземплярахъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть одинъ изъ нихъ" и проч. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о брошюрѣ, заглавіе которой мы привели выше и которая разрѣшаетъ оба вопроса: по какому случаю написано стихотвореніе и въ которомъ году. Въ изданіи Исакова стихи *Циклопъ* вошли въ отдѣлъ сочиненій неизвѣстныхъ годовъ.

особенно трудно потому, что на его долю выпала роль Таліи. Вотъ это стихотвореніе, произнесенное 67-лѣтней Таліею мужскаго пола:

Thalie.

Про дѣвушку идетъ худая слава,
Что будто я весьма дурнова нрава,
И будто вся моя забава
Разцѣнивать людей и на смѣхъ подымать.
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать;
Все лучше таки ихъ немножко унимать.
Однакожъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему, а это жаль:—безъ дѣла
Я, право, ужъ боюсь, чтобъ я не потолстѣла (²).
Какое жъ диво въ томъ?
Для добрыхъ только вашъ гостепріименъ домъ,
И вы однимъ своимъ небеснымъ взоромъ,
Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
Такъ! вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ,
А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ;
Къ чему жъ мнѣ попусту на ссору накупаться
И злые выпускать стихи;
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться,
А то еще меня осудятъ женихи,
И придетъ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться.
Брюзжала я; теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И въ ней пріютъ семейственному счастью.
Такъ, на нее любуясь, я
Живущимъ въ хижинѣ сказала бъ справедливо:
Живите какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже въ хижинѣ своей
Вы рай увидите и будете счастливы.

Другое маскерадное стихотвореніе Крылова, сохранившееся въ его бумагахъ у г. Савельева и обязательно доставленное намъ послѣднимъ, гораздо интереснѣе, какъ по содержанію, такъ и по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя съ нимъ связаны.

(²) Припомнимъ тѣлосложеніе И. А. Крылова! П. Б.

Въ 1836 году при дворѣ устраивался маскерадъ. Крыловъ былъ въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскерада онъ въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ послѣ обѣда у своего покровителя А. Н. Оленина. — „Что съ вами, дѣдушка?“ спросила В. А. старшая дочь Оленина, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность (³). — „Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскерадъ, а не знаю, какъ одѣться“.— „А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись чистенько, васъ тамъ никто бы и не узналъ“.—Шутка искренно любимой „фавориточки“ развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали, что разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина-кравчаго. Сообразно съ этою ролью и написано нижеслѣдующее стихотвореніе. Предварительно нужно замѣтить, что праздникъ былъ устроенъ по англійскому обычаю: кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника. Къ этому-то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь;
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я апетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году — за то я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣръ,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,

(³) См. письма къ В. А. въ статьѣ Лобанова. — Разсказъ подтвержденъ вполнѣ В. А-ою.

Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось.
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь, да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ; тогда Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ *Вельможу*. Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ „пиши, старикъ, пиши". Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ испросилъ высочайшаго разрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ.

Причина, понудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая. Еще за годъ до этого маскерада онъ написалъ *Вельможу*. Предполагалъ ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову для представленія государю императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто-то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему, и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики Пажескаго Корпуса читали ее на экзаменѣ, а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила; а онъ на зло ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить государя о дозволеніи напечатать эту басню (4). Такимъ образомъ появилась въ печати послѣдняя изъ басенъ Крылова.

В. Кеневичъ.

С. Пбрг.
1866 г. 29 Іюня.

ЗАМѢТКА О РОДОСЛОВІИ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКОВЫХЪ.

Читая постоянно Русскій Архивъ, я иногда нахожу въ немъ ссылки на книгу „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ", какъ напр., въ 1-мъ № за нынѣшній годъ, въ статьяхъ: Царствованіе Анны Іоановны, и послѣдующихъ. Я встрѣчала также подобныя ссылки и во многихъ другихъ журналалъ. Не знаю, на сколько мѣста этой книги, указываемыя ссылками, оправдываютъ это довѣріе; но знаю достовѣрно, что авторъ ея не взялъ на себя труда познакомиться основательно съ родословіемъ собственнаго своего дома, члены котораго въ настоящее время вовсе не такъ многочисленны, чтобы собраніе вѣрныхъ справокъ могло быть сопряжено съ особенными затрудненіями. Я намѣрена здѣсь указать только тѣ ошибки, которыя прямо касаются родословной вѣтви моей покойной матери; и которыя въ случаѣ надобности могу доказать законнымъ образомъ. Прежде всего считаю нужнымъ изложить это родословіе въ его настоящемъ видѣ и подлинномъ порядкѣ.

Мать моя, супруга тайнаго совѣтника, Елена Павловна Фадѣева урожденная княжна Долгорукова, принадлежала къ старшей вѣтви рода князей Долгоруковыхъ. Прапрадѣдъ ея, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ (род. 1656 г.

---

(4) Разсказъ подтвержденъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова.

ск. 1723, потомокъ по прямой линіи кн. Семена Владиміровича, родоначальника этой вѣтви, родной братъ знаменитаго кн. Якова Ѳедоровича), дѣйствительный тайный совѣтникъ и св. Андрея кав., долгое время находившійся посланникомъ въ Варшавѣ, былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Иванов. Голицыной, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: старшій кн. Алексѣй, отецъ невѣсты Петра II-го, княжны Екатерины Алексѣевны; второй кн. Иванъ, и третій кн. Сергѣй Григ., прадѣдъ моей матери. Этотъ послѣдній находился сначала при Россійскихъ посольствахъ во Франціи, въ Австріи и въ Англіи; потомъ былъ назначенъ въ Варшаву на мѣсто отца своего (1721), отозванъ (1725), и снова назначенъ посланникомъ въ Варшаву (1728). Въ бытность свою въ Польшѣ, кн. Серг. Григ. настоялъ, чтобы церкви, отнятыя у православныхъ, были имъ возвращены. Онъ былъ женатъ на баронес. Марѳѣ Петр. Шафировой (род. 1697, ск. 1762), дочери вице-канцлера бар. Петра Павл. Шафирова, и въ 1730-мъ г. во время гоненія на Долгорукихъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, лишившись чиновъ (онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ) и орденовъ, отправленъ съ семействомъ на жительство въ дальнюю деревню, и въ томъ же году, по указу 12 іюня, сосланъ въ Ораніенбургъ. Имущество его, движимое и недвижимое, конфисковано, и безвозвратно *отписано на Насъ*, по выраженію указа. По семейнымъ преданіямъ, число крестьянъ, населявшихъ его имѣнія, простиралось до двухъ сотъ тысячь душъ. Кн. Серг. Григ. отличался обширнымъ умомъ, твердымъ, мужественнымъ характеромъ и необыкновенными дипломатическими способностями. Девять лѣтъ спустя, императрица Анна вспомнила о его блестящихъ дарованіяхъ, и вызвала въ Петербургъ съ намѣреніемъ снова употребить на дипломатическомъ поприщѣ; онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, но такъ какъ это не согласовалось съ видами Бирона, то наканунѣ его выѣзда въ Англію, онъ былъ схваченъ, арестованъ и препровожденъ въ Новгородъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими Долгоруковыми преданъ казни смертію, — отсѣченіемъ головы. Во время его ссылки, два его сына, кн. Петръ и кн. Василій, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подверглись истязаніямъ своего рода: кн. Петръ посланъ солдатомъ въ Азовъ, а кн. Василій отданъ на житіе и ученіе кузнецу. Между нашими семейными бумагами сохранились письма послѣдняго къ своей внучкѣ, моей матери, писанныя уже въ старости, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ, безъ притязаній на грамматику. Онъ самъ не разъ говаривалъ моей матери, что, проживъ значительную часть своей молодости въ кузницѣ, не могъ основательно научиться Русской грамотѣ. Кромѣ князей Петра и Василія, у кн. Сергѣя Гр. былъ еще сынъ Николай (ск. 1784) и три дочери: Марія, бывшая въ замужествѣ за кн. Вяземскимъ, дѣдомъ нашего извѣстнаго поэта, Анна за кн. Голицынымъ, и Анастасія за кн. Щербатовымъ. Въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ" упоминается еще о четвертомъ сынѣ Григоріи, но такъ какъ я никогда не слыхала о немъ отъ моей матери, и ничего о немъ не говорится въ нашихъ родовыхъ семейныхъ бумагахъ, то эта личность мнѣ кажется не вполнѣ достовѣрною. Кн. Николай былъ женатъ на княжнѣ Каркадиновой (ск. 1779 г.) и имѣлъ одного сына, который застрѣлился. Кн. Петръ бывшій солдатомъ въ Азовѣ, былъ впослѣдствіи генералъ-маіоромъ и убитъ при взятіи города Хотина въ 1769 г. Дѣдъ моей матери кн. Василій Серг., по воцареніи императрицы Елисаветы Петровны, возстановленный въ своемъ званіи, оставилъ кузницу, вступилъ въ военную службу, служилъ кажется не долго, вышелъ въ отставку въ чинѣ преміеръ-маіоръ, жилъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ деревнѣ, а подъ конецъ поселился въ своемъ имѣніи Знаменскомъ, Пензенской губерніи, гдѣ и жилъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1807 г. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Ивановнѣ Ромодановской-Ладыженской, родной внучкѣ зна-

менитаго князя-кесаря Ромодановскаго. Отъ этого брака остались три сына, князья: Павелъ, Сергѣй и Александръ Васильевичи, и дочь княжна Екатерина Васильевна, бывшая въ замужествѣ за г. Кожинымъ. Князья Александръ и Сергѣй не были женаты, и умерли въ 20 хъ годахъ въ Пензенской губ. (первый въ чинѣ полковника, а второй бригадира, оба въ отставкѣ). Старшій же кн. Пав. Вас., отецъ моей матери, родившійся въ 1755 г., пожалованный офицерскимъ чиномъ еще въ колыбели, тоже служилъ въ военной службѣ, которую началъ и закончилъ въ Рязанскомъ полку; былъ впослѣдствіи командиромъ этого же полка, принималъ участіе во многихъ походахъ и военныхъ дѣлахъ того времени, участвовалъ въ походѣ на Кавказъ съ корпусомъ графа В. А. Зубова, получилъ георгіевскій крестъ, и въ началѣ царствованія императора Павла, не желая брать на себя выполненіе тогда вводимыхъ разныхъ суровыхъ мѣръ въ военной дисциплинѣ, вышелъ въ отставку въ чинѣ генера-маіора, къ неудовольствію императора, и тѣмъ вѣроятно лишилъ себя блестящей каріеры. Потомъ онъ получалъ неоднократно приглашенія продолжать снова службу, но уже не желалъ возобновить ея, поселился навсегда возлѣ своихъ родителей въ Пензенской губерніи, и скончался въ Пензѣ, въ 1837 г. 82-хъ лѣтъ отъ роду.

Князь Пав. Вас. былъ женатъ на Генріетѣ Адольфовнѣ Бандре-дю-Плесси, дочери генералъ-поручика Екатерининскаго времени (1), исполнявшаго преимущественно дипломатическія порученія, и командовавшаго одною изъ дивизій въ Крымскую войну. Это супружество состоялось къ концѣ 1787 г. Могилевской губ. въ имѣніи отца невѣсты. Княгиня Генріета Адольфовна Долгорукова скончалась въ 1812 г. на пути изъ Пензы въ Кіевъ, куда она ѣхала для свиданія съ матерію. Отъ этого брака сыновей не было, остались только двѣ дочери: старшая, княжна Елена Павловна, моя мать, родившаяся въ 1788 г. 11 окт., бывшая замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Фадѣевымъ, скончавшаяся (2) въ 1860-мъ г. 12 авг. 71 г. отъ рожденія, въ Тифлисѣ; и княжна Анастасія Павловна, бывшая замужемъ за г. Сушковымъ, дядею гр. Растопчиной и братомъ Николая Васильевича Сушкова, родившаяся 1789 г. и сконч. 1828. Княжнами Еленой Павл. и Анастасіей Павл. Долгоруковыми окончилась отрасль кн. Сергѣя Васильевича.

Въ родословныхъ таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ книги „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ" родословіе этой отрасли невообразимо перепутано (3). Въ таблицѣ № 1-й, подъ рубрикою: „Старшая вѣтвь рода князей Долгоруковыхъ", начиная отъ родоначальника этой вѣтви кн. Семена Владиміровича, до кн. Сергѣя Григорьевича, кажется, идетъ довольно исправно, но отсюда начинается путаница. Сынъ Сергѣя Григорьевича, дѣдъ моей матери, кн. Василій Сергѣевичъ означенъ не женатымъ, хотя, какъ выше сказано, онъ былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Ивановнѣ Ромодановской-Ладыженской. Изъ трёхъ сестеръ его, означена только одна Анна, а двѣ другія, княжны Марія и Анастасія, неизвѣстно за что вовсе исключены изъ списковъ. Въ таблицѣ № 2 подъ рубрикою: „Вторая вѣтвь рода князей Долгоруковыхъ", гдѣ родословіе начинается отъ кн. Ѳедора Владиміровича, два сына кн. Василія Сергѣевича, отецъ

(1) Древней французской фамиліи.

(2) Кратая біографія моей матери была помѣщена въ газетѣ «Кавказъ» за 1860 г. и въ некрологѣ академическаго мѣсяцеслова 1862 г.

(3) Нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ поправлены въ І-й части Россійской Родословн. книги Спб. 1854. Вообще считаемъ долгомъ замѣтить, что книга «Сказанія» была первымъ опытомъ Петра Долгорукова, и потому неудивительны ея недостатки; за то четыре части Россійской Родословной Книги составляютъ почтенный трудъ, за который изслѣдователю новой Русской исторіи приходится часто благодарить автора. *П. Б.*

моей матери генералъ-маіоръ кн. Павелъ, и ея дядя бригадиръ кн. Сергѣй, записаны сыновьями какого то князя Василія Иванова-сына, а дѣдъ мой кн. Павелъ Васильевичъ показанъ тоже не женатымъ, хотя, какъ выше сказано, онъ былъ женатъ на Генріетѣ Адольфовнѣ Бандре-дю-Плесси. Третьяго ихъ брата, полковника кн. Александра Васильевича, я не доискалась во всѣхъ четырехъ таблицахъ,—онъ тоже за что то исключенъ изъ родословныхъ списковъ.

А между тѣмъ во время изданія книги „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ" въ 1840 г., при малѣйшимъ стараніи составить основательный, серіезный трудъ, можно было безъ особенныхъ хлопотъ избѣжать этихъ довольно грубыхъ ошибокъ. Тогда легко было разузнать родословіе старшей линіи этого дома, состоявшей изъ очень немногихъ членовъ. Дѣдъ мой кн. Павелъ Васильевичъ, былъ человѣкъ не незамѣтный между Долгоруковыми. Старый Екатерининскій, заслуженный генералъ, 82 года съ достоинствомъ носившій свой титулъ и имя, отличавшійся высоко-просвѣщеннымъ умомъ и многосторонними спеціальными познаніями, имѣвшій близкія родственныя и дружескія связи и сношенія съ знатнѣйшими домами обѣихъ столицъ, пользовавшійся величайшимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его,—заслужилъ по крайней мѣрѣ на столько вниманія, чтобы однофамилецъ его, составлявшій родословное сказаніе объ общемъ ихъ родѣ, потрудился узнать, чей онъ былъ сынъ, былъ ли женатъ, и оставилъ ли потомство; тѣмъ болѣе, что онъ умеръ въ 1837 г., всего за три года до изданія этого *сочиненія*.

Въ бытность моего отца въ томъ же году въ Петербургѣ, кн. Илья Андреевичъ Долгоруковъ, бывшій начальникомъ штаба при генералъ-фельдцехмейстерѣ, сказалъ ему при свиданіи: „Въ князѣ Павлѣ Васильевичѣ мы лишились нашего патріарха." Нѣкоторые изъ Долгорукихъ носили по немъ трауръ.

Можно съ достовѣрностію сказать, что эти промахи въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ" (не исключительные и не единственные), доказываютъ крайнюю небрежность, съ которою они составлялись. Удивительно, что авторъ, взявшись за этотъ трудъ, не постарался, или не захотѣлъ исполнить его добросовѣстнѣе. Моя покойная мать, прочитавъ эти „Сказанія", писала автору ихъ, указывая на ошибки въ ея родословіи, но не удостоилась получить никакого отвѣта, а тѣмъ менѣе конечно печатнаго заявленія.

Авторъ въ началѣ своей книги объявляетъ, что многія лица и событія не могли быть имъ описаны съ полною истиною, что онъ предоставляетъ князьямъ Долгоруковымъ двадцатаго вѣка пополнить пропуски его, что книга ихъ будутъ въ тысячу разъ лучше его, а въ матеріалахъ и документахъ недостатка не окажется...... Въ концѣ предисловія онъ предполагаетъ, что однофамильцы его извинятъ недостатки книги его. Конечно это зависитъ отъ снисхожденія его однофамильцевъ, но велико должно быть снисхожденіе, извиняющее изданное печатно родословіе, въ которомъ Семенъ записанъ Карпомъ, а Иванъ Петромъ. А потому, чтобы князья Долгоруковы двадцатаго вѣка могли пополнить пропуски его, описать лица и событія съ *полною* истиною, и чтобы книга ихъ могла быть лучше этой, необходимо оглашеніе недостатковъ ея. Двадцать шесть лѣтъ какъ книга эта появилась въ свѣтъ, и до сихъ поръ, кажется, никто не заявлялъ о ея промахахъ, а между тѣмъ ихъ много, и она дѣйствительно въ 20 мъ вѣкѣ можетъ послужить источникомъ для черпанія историко семейныхъ событій, именъ и лицъ. Молчаніе о ея ошибкахъ только подтверждаетъ, укрѣпляетъ ихъ, какъ бы освящаетъ временемъ,—а потому по долгу совѣсти и истины, повторяю я, слѣдуетъ рано или поздно обличить гласно эти ошибки, хоть для того, чтобы не ввести въ заблужденіе князей Долгоруковыхъ двадцатаго вѣка, на счетъ ихъ собственнаго родословія.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что изъ числа немногихъ фамильныхъ вещей, до-

ставшихся моей матери, мы съ особеннымъ благоговѣніемъ хранимъ большой серебряный, позлащенный, съ рѣзьбою и изображеніемъ святыхъ угодниковъ, крестъ съ святыми мощами, принадлежавшій великому князю св. Михаилу Черниговскому, родоначальнику князей Долгоруковыхъ, и по преданіямъ всегда находившійся съ нимъ безотлучно. Онъ составлялъ драгоцѣнное достояніе старшей вѣтви князей Долгоруковыхъ и наслѣдственно отъ предковъ достался матери моей, какъ старшей дочери князя Павла Васильевича. Многимъ изъ князей Долгоруковыхъ извѣстно о существованіи этого креста, но, быть можетъ, не всѣ знаютъ, гдѣ онъ находится.

Надежда Фадѣева.

Тифлисъ 1866 г.
іюня 23-го.

ЗАМѢТКИ.

Выше, на стр. 46—48 напечатано донесеніе С. А. Салтыкова императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ объ отобраніи въ 1732 году у князей Долгоруковыхъ разныхъ драгоцѣнныхъ вещей и въ томъ числѣ у княжны Е. А. Долгоруковой—портрета, подареннаго ей женихомъ ея, императоромъ Петромъ II-мъ. На требованіе портрета *разрушенная*, т. е. несчастная княжна отвѣчала, что онъ разбился и утратился; между тѣмъ какъ она нашла средство, въ тѣсномъ Березовскомъ заточеніи, уберечь этотъ драгоцѣнный памятникъ счастливыхъ дней своихъ. Портретъ цѣлъ до нашихъ дней. Онъ хранится въ Москвѣ у сенатора князя Дмитрія Ивановича Долгорукова (роднаго правнука брату царской невѣсты, князю Ивану Алексѣевичу). Это красками писанный, миніатюрный грудной портретъ, похожій на всѣ другія изображенія молодаго императора (въ парикѣ и въ бѣломъ галстукѣ); сдѣланъ вовсе неискусно; писанъ, кажется, на бумагѣ и подъ стекломъ заключенъ въ небольшомъ перстенькѣ, по нынѣшнему, самой обыкновенной работы. *П. Б.*

Въ слѣдующихъ выпускахъ *Русскаго Архива* въ нынѣшнемъ и будущемъ 1867 году будетъ между прочимъ напечатано:

Донесенія гр. П. И. Панина импер. Екатеринѣ во время Пугачевщины.

Дневникъ путешествія А. И. Бибикова по Финляндіи.

Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II.

Выборъ невѣсты великому князю Павлу Петровичу.

Пріѣздъ Екатерины II-й въ Россію.

Подлинныя записки княжны Н. Б. Долгоруковой.

Новыя свѣдѣнія о герцогѣ Биронѣ.

Жуковскій и Скобелевъ въ 1812 году.

Подробная біографія Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.

Большое письмо гр. Іосифа Местра къ кн. Козловскому о Россіи.

Бумаги и біографія К. Н. Батюшкова.

Письмо къ И. И. Дмитріеву.

Пушкинъ въ Одессѣ и пр. пр.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

въ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1865 ГОДА.

82 письма *Петра Великаго* къ кн. Ромодановскому.

Петръ Великій въ Парижѣ, *М. П. Полуденскаго.*

Записки о Петрѣ Великомъ гр. *Бассевича.*

Случайные люди въ Россіи *Гельбига.*

Разсказы *имп. Екатерины II-й* о своемъ царствованіи.

Духъ Екатерины II-й.

Разныя письма Екатерины II-й.

Записка о бунтѣ Бсніовскаго въ пользу в. кн. Павла Петровича, соч. *гр. Д. Н. Блудова.*

Бумаги *кн. Потемкина*, *В. С. Попова* и др.

Изъ Записокъ кн. *П. М. Долгорукаго*, *гр. В. А. Перовскаго*, *кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго*, *М. П. Погодина* и др.

О путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г. Записка гр. *Бенкендорфа.*

Разсказы о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. *гр. Бенкендорфа*, *кн. А. Ѳ. Орлова*, барона *М. А. Корфа*, *гр. В. Ѳ. Адлерберга*, барона *Мирбаха* и *Л. М. Барановича.*

Воспоминанія *гр. Сологуба.*

Письма *Жуковскаго*, *Крылова*, *Гоголя* и др.

КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ С. Петербургскихъ газетахъ, давно уже, изъ каждаго выпуска Русскаго Архива перепечатываются большіе отрывки, а иногда и цѣлыя статьи. Мы вынуждены просить гг. издателей не дѣлать этого. Перепечатка возможна лишь съ обоюднаго согласія и къ обоюдной выгодѣ; взаимности же въ настоящемъ случаѣ нѣтъ, такъ какъ въ Русскій Архивъ, по самому его содержанію, ничего не можетъ быть перемѣщено изъ летучихъ повременныхъ изданій. Между тѣмъ, кромѣ ущерба въ подпискѣ, подобная перепечатка неудобна для насъ еще и потому, что многія статьи, умѣстныя въ исторической обстановкѣ и въ изданіи строго-историческомъ, могутъ быть совсѣмъ иначе растолкованы, появляясь на столбцахъ напр. *Биржевыхъ Вѣдомостей* или *Голоса.* Наконецъ, многія почтенныя лица, удостоивая насъ сообщеніемъ подлинныхъ писемъ и бумагъ, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ихъ сообщенія не выходили изъ Русскаго Архива.

Мы знаемъ, что существуетъ законъ, по которому, *въ видахъ взаимности*, дозволяется перепечатка до извѣстнаго размѣра; но напр. *Отечественныя Записки*, въ годовой сложности, давно перешли и этотъ размѣръ.

Желаемъ, чтобы гг. издатели не придали какого либо косвеннаго толкованія сему вынужденному заявленію.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

Историко-литературной сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ будетъ выходить и въ **1867** году,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска вмѣстѣ.

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на дома въ Москвѣ и С. Петербургѣ **ШЕСТЬ** рублей.

Безъ доставки подписка не принимается.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Р. Архивъ; въ магазинѣ Соловьева (бывшемъ Базунова; а также у Глазунова и Салаева.

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ Магазинѣ Базунова.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ**.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Миляковой.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

10. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 (12 ВЫП. ВЪ ГОДЪ) 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

ВТОРЫЯ ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени.

1863 года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.)

1864 года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.)

1865 года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.)

Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются въ Москву, въ Чертковскую библіотеку (на Мясницкой, № 7); гг. же книгопродавцы всѣ вообще исключительно къ А. Ѳ. Базунову (въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Ольхиной). Выписывающіе въ города *всѣ три года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **15** р.; учебныя заведенія **13** рублей.

Тамъ же принимается подписка на Русскій Архивъ 1867 года (цѣна 5 р. съ пересылкой и доставкой 6 рублей).

Тамъ же сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина:

ІЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ (*).

Считаемъ нужнымъ предупредить читателей Русскаго Архива, что нижеслѣдующій разсказъ о Волынскомъ важенъ только потому, что онъ составленъ по источникамъ иностраннымъ и показываетъ намъ, какъ судили и судятъ о Волынскомъ иностранцы; что же касается до оцѣнки Волынскаго, то авторъ нашъ является тутъ вполнѣ пристрастнымъ нѣмцемъ (впрочемъ таковы были его источники). Бумаги Русскія несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Волынскій вовсе не имѣлъ никакого преступнаго замысла и не думалъ производить государственный переворотъ, а желалъ только обличить и низвергнуть своихъ заклятыхъ враговъ Остермана и Бирона, недостаткамъ коихъ профессоръ Германъ видимо мирволитъ. Въ послѣднее время дѣятельность и несчастная кончина Волынскаго уже достаточно разъяснены въ особомъ изслѣдованіи (Отеч. Записки 1860, кн. 2, 3, 5 и 6) І. И. Шишкина, который воспользовался между прочимъ чрезвычайно важною и любопытною *Запискою о Волынскомъ*, помѣщенною въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. Росс. 1858, кн. 2. Записка эта составлена гр. Д. Н. Блудовымъ для императора Николая Павловича и есть не что иное, какъ извлеченіе изъ подлиннаго дѣла о Волынскомъ (доселѣ не изданнаго). Прочитавъ это дѣло вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ (около 1764 г., судя по запискамъ Порошина, стр. 74 и 75), императрица Екатерина написала слѣдующія золотыя строки, содержащія въ себѣ лучшую оцѣнку Волынскаго: „Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказала сочинить проэктъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, которой онъ сочинилъ и ей подалъ; осталось ей полезное употребить, не полезное отставить изъ его представленія. Но напротивъ, его злодѣи, кому его проэктъ не нравился, изъ того сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыслъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что̀ отнюдь на дѣлѣ не доказано..... Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но напротивъ того добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества..... Естьлибъ Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинной; и если бъ я увидала, что онъ не способенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ. Всегда государь виноватъ, если поддан-

(*) См. выше, стр. 661 и д.

ные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ! А естьли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіи (*), такъ ему болѣе въ свѣтѣ, а особливо въ Россійскомъ, счастія желать, нежели пророчествовать можно" (Чтенія, 1858, кн. 4, смѣсь, стр. 143 и 144). Говорятъ, что на могильной плитѣ Волынскаго (въ Петербургѣ, у церкви Самсонія на Выборгск. сторонѣ) Екатерина приказала добавить надпись словами: „казненъ невинно" (От. Зап. 1860, кн. 6, стр. 569). *П. Б.*

Жизнь Волынскаго, его заговоръ и смерть (73).

Артемій Волынскій принадлежалъ къ древнему дворянскому роду. По матени и по женѣ, рожденной Нарышкиной, онъ былъ въ родствѣ съ младшею линіей дома Романовыхъ. Начавъ, по принятому обыкновенію, свою службу при Петрѣ I простымъ солдатомъ гвардіи, Волынскій расторопностію и усердіемъ расположилъ въ свою пользу барона Шафирова, который былъ тогда всемогущимъ. Но едва, по ходатайству послѣдняго, онъ сдѣлался офицеромъ, какъ уже началъ тайкомъ разставлять сѣти своему прежнему покровителю, коварно взводилъ на него подозрѣнія, и злобно преслѣдовалъ Шафирова до самой его смерти. — Неутомимый въ своихъ проискахъ, Волынскій добился того, что Петръ I довѣрилъ ему, человѣку еще весьма не старому, губернаторство въ Астрахани. Русскіе вообще держались пословицы:„ до Бога высоко, до царя далеко", и въ отдаленныхъ губерніяхъ попирали провосудіе и справедливость; губернаторъ же Волынскій въ особенности строго слѣдовалъ этому правилу и нужно удивляться, какимъ образомъ ему удалось такъ долго продержаться на этомъ мѣстѣ. Нѣкто, самъ бывшій въ то время въ Астрахани, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Шпіонами, которыхъ Волынскій въ большомъ количествѣ постоянно содержалъ на жалованьи, было ему донесено, что одинъ богатый купецъ, давно уже терпѣвшій отъ него всякаго рода оскорбленія, дурно отзывался объ его женѣ. Волынскій съ притворною ласковостію приказываетъ звать этого купца къ себѣ въ гости. Послѣдній, думая, что губернаторъ измѣнилъ свое прежнее обращеніе, и не подозрѣвая ничего дурного, съ радостію является на приглашеніе. Но за обѣдомъ, едва онъ сѣлъ на указанное ему мѣсто, какъ сзади его становятся два гайдука съ дубинами, или большими, обитыми желѣзомъ палками, и во все продолженіе обѣда истязуютъ его самыми жестокими толчками. Затѣмъ его раздѣваютъ до нага, поднимаютъ вверхъ на лѣстницу, связываютъ, сплошь обвѣшиваютъ кусками сыраго мяса и натравливаютъ на него свору впущенныхъ въ комнату охотничьихъ сабакъ. Наконецъ Волынскій, въ страшный холодъ, приказалъ гайдукамъ посадить полумертваго и растерзаннаго купца нагаго на снѣгъ, а тѣло его предварительно посыпали солью.

Въ числѣ многихъ грабительствъ Волынскаго въ Астрахани, особенно извѣстно похищеніе драгоцѣнной ризы изъ одного тамошняго монастыря. Риза эта, богато украшенная жемчугомъ и драгоцѣными каменьями, цѣною слишкомъ въ 100,000 рублей, была еще устроена въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ то время, когда Астрахань поступила въ Русское подданство. Волынскій присвоилъ ее себѣ слѣдующимъ образомъ.

(*) Т. е. съ пренебреженіемъ и несогласіемъ.

(73) Преимущественно по большому донесенію секретаря Саксонскаго посольства Пецольда отъ 1 февр 1741.

Онъ призываетъ къ себѣ архимандрита и подъ предлогомъ, что хочетъ имѣть рисунокъ съ ризы, ради ея рѣдкости и старины, проситъ прислать ему ее на нѣсколько дней съ однимъ человѣкомъ, котораго и называетъ архимандриту по имени. Архимандритъ, имѣя дѣло съ губернаторомъ, тотчасъ соглашается на это предложеніе, и въ назначенный срокъ дѣйствительно получаетъ ризу обратно. Но черезъ нѣсколько дней тотъ самый человѣкъ, который прежде приходилъ за ризою, снова требуетъ ее отъ имени губернатора, подъ предлогомъ что, въ рисункѣ оказалась какая то неточность. Проходитъ недѣля, ризу не возвращаютъ. Наконецъ архимандритъ отправляется къ Волынскому, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Волынскій притворяется удивленнымъ, немедленно приказываетъ призвать человѣка, получившаго ризу, съ которымъ онъ уже сговорился напередъ, осыпаетъ его бранью и угрозами, и даже велитъ дать ему для вида нѣсколько ударовъ. Тотъ не признается ни въ чемъ. Тогда Волынскій вдругъ обращается къ архимандриту и прямо его обвиняетъ въ томъ, будто онъ самъ похитилъ ризу и хочетъ только отстранить отъ себя подозрѣніе этою выдумкою. Безъ всякаго суда онъ немедленно приказываетъ заковать архимандрита въ цѣпи, и несчастный терпѣлъ заключеніе до тѣхъ поръ, пока Волынскій оставался въ силѣ: лишь послѣ паденія его, во множествѣ сокровищъ, накопленныхъ въ подвалахъ его Московскаго дома, нашлась риза, и такимъ образомъ была доказана невинность архимандрита.

Будучи губернаторомъ Астрахани, Волынскій имѣлъ случай очень близко познакомиться съ дѣлами Персидскими. Онъ умѣлъ извлечь изъ того для себя пользу; и на него палъ выборъ Петра I, когда въ 1720 году признано было за нужное отправить посольство къ шаху. Волынскій нашелъ тогдашнее Персидское правительство въ самомъ плохомъ положеніи. Воинская слава Петра нагоняла страхъ. Волынскій усилилъ это нерѣшительное положеніе шаха, распустивъ слухъ, что императоръ въ самомъ дѣлѣ изъявляетъ величайшую охоту въ скоромъ времени обратить свое побѣдоносное оружіе противъ Персіи; но за тѣмъ онъ далъ понять, что единственно отъ его донесеній будетъ зависѣть, окончательно ли утвердится императоръ въ своемъ намѣреніи, или отложитъ исполненіе онаго. Персіяне тотчасъ начали подкупать посланника большими подарками, и онъ наконецъ довелъ ихъ до того, что они должны были обѣщать ему 100,000 рублей. Однако Волынскій ошибся въ своихъ разсчетахъ, и Персіяне перехитрили его: ибо, когда онъ, для виду, отправилъ нѣсколько курьеровъ къ императору, и Персіяне успокоились на счетъ того, что Волынскій не можетъ уже воротить донесеній, сдѣланныхъ въ ихъ пользу, то при отъѣздѣ его дали ему вмѣсто обѣщанной суммы бумагу къ правителю Ширвана (области сосѣдней съ Астраханью), объявивъ, что Волынскому будетъ гораздо удобнѣе получить деньги тамъ; правителю же было, между тѣмъ, строго приказано особымъ повелѣніемъ не платить денегъ и извиниться недостаткомъ казны. Такимъ образомъ Волынскій, не имѣя возможности ни оставаться долѣе, ни огласить это дѣло, долженъ былъ съ пустыми руками уѣхать домой. Надлежало поправить неудачу, и въ тоже время отомстить Персіянамъ. Волынскій представилъ императору положеніе Персіи въ самомъ дурномъ свѣтѣ. „Если бы ему дали пушекъ, да нѣсколько тысячь солдатъ, то онъ берется сдѣлать самыя важныя завоеванія.“ При этомъ, вся цѣль его состояла въ томъ, чтобы ограбить Персидскія области и по-

томъ свалить съ себя вину въ неудачахъ посредствомъ какихъ нибудь новыхъ отговорокъ. Но его донесенія возбудили въ императорѣ такую охоту открыть самому войну съ Персіей, что никакія уговариванія, какъ Волынскаго, такъ и министровъ, уже не отклонили его отъ этого рѣшенія. Волынскій долженъ былъ сопровождать Петра, собственно говоря только для указанія пути. Но вскорѣ положеніе дѣлъ оказалось совершенно инымъ и гораздо болѣе труднымъ, нежели какимъ представлялъ его Волынскій. Разгнѣванный императоръ до такой степени потерялъ, наконецъ, терпѣніе, что Волынскій едва ли перенесъ бы удары и побои, наносимые ему высочайшею рукою, если бы императрица Екатерина, въ которой онъ всегда находилъ опору, во́ время не вступилась за него. Петръ смягчился ея заступничествомъ, но на замѣчаніе, что если Волынскій заслужилъ смерть, то лучше предоставить исполненіе приговора посторонним рукамъ, онъ возразилъ своей супругѣ: „онъ мой родственникъ, слѣдовательно я самъ долженъ отколотить его." Наказаніе было дѣйствительное: Волынскій почти годъ пролежалъ въ постелѣ. Между тѣмъ ходатайство императрицы имѣло такой успѣхъ, что еще при жизни Петра I, равно какъ и въ послѣдующія царствованія, онъ удержался въ силѣ. Всѣмъ было извѣстно, какимъ образомъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императрицы Анны, Волынскій лишилъ жизни и имѣнія русскаго купца Турчинова. Сей послѣдній, основавъ по близости Казани значительные желѣзные заводы и фабрики, содержалъ и прокармливалъ на нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Разбогатѣвъ онъ охотно помогалъ бѣднымъ и угнетеннымъ, раздавая имъ въ займы значительныя суммы. Къ этому фабриканту явился также и Волынскій, съ требованіемъ, чтобы онъ далъ ему въ займы двадцать слишкомъ тысячъ рублей. Тотъ не могъ, или не хотѣлъ отсчитать ему такую значительную сумму; тогда Волынскій донесъ въ Москву, что Турчиновъ не исполняетъ обязательствъ, заключенныхъ съ казною, которая вслѣдствіе этого терпитъ ежегодно большой убытокъ. Цѣль была достигнута. Императрица поручила самому Волынскому произвести слѣдствіе, увѣщевая его, впрочемъ, не дѣлать несчастнымъ невиннаго. Волынскому прежде всего нужно было не допустить Турчинова къ открытому суду и отвѣтственности; и онъ не замедлилъ коварнымъ образомъ внезапно захватить его черезъ посланнаго офицера. Потомъ онъ приказалъ запереть Турчинова въ одинъ изъ подваловъ своего Московскаго дома, кормить хлѣбомъ и водою, и обходиться съ нимъ такъ, чтобы несчастный сознался въ несодѣянныхъ преступленіяхъ и добровольно уплатилъ требуемую сумму. Между тѣмъ Турчиновъ въ своей темницѣ случайно увидалъ однажды черезъ отверстіе, къ которому онъ вскарабкался, проходившаго мимо графа Ягужинскаго и узналъ его. Онъ зоветъ графа, называетъ себя по имени и проситъ о спасеніи. Ягужинскій немедленно докладываетъ при дворѣ что̀ онъ слышалъ; но къ несчастію Турчинова, его покровитель, который искони, отъ глубины души, ненавидѣлъ Волынскаго, именно въ это время находился среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ онъ немедленно долженъ былъ отправиться въ Берлинъ. Напротивъ Волынскій, когда его потребовали къ отвѣту, нисколько не потерялъ присутствія духа. „Для меня нѣтъ ничего важнѣе", сказалъ онъ, „какъ точное выполненіе возложенныхъ на меня порученій". Такимъ образомъ онъ безпрепятственно довелъ дѣло до того, что

Турчиновъ отдалъ ему деньги, которыя онъ съ него требовалъ, и послѣ этого ему было разрѣшено возвратиться домой подъ условіемъ не показываться болѣе въ обществѣ. Но осторожность Волынскаго простиралась еще далѣе. Турчиновъ умеръ ѣдучи домой: увѣряютъ, отъ яда. Его единственный сынъ также умеръ вслѣдствіе страха, получивъ извѣстіе о смерти несчастнаго отца. Отлично устроенныя фабрики пришли въ такой упадокъ, что казна, получавшая съ нихъ прежде ежегодно до 30,000 рублей, стала получать не болѣе 4—5000.

Къ подобнымъ-то мерзкимъ дѣламъ, вѣроятно, и относится позднѣйшее выраженіе герцога Курляндскаго, утверждавшаго, что Волынскаго онъ спасъ отъ висѣлицы еще и въ то время, когда дворъ жилъ въ Москвѣ.—Его злодѣянія проходили ему даромъ. Но значеніе его въ это время совершенно упало. По утвержденіи Августа III на польскомъ престолѣ, когда онъ не захотѣлъ подъ предлогомъ болѣзни ѣхать съ войсками, отправлявшимися въ Польшу, то его безъ околичностей заставили подвергнуться медицинскому осмотру; даже въ обществѣ вездѣ слышались о немъ такіе презрительные отзывы, что невозможно было и предугадывать его будущаго возвышенія. Безпредѣльною внимательностью къ герцогу, умѣньемъ красно говорить и красно писать, своимъ дѣйствительно близкимъ знакомствомъ съ внутренними дѣлами государства и умно разсчитанными оборотами, которыми облекались всѣ его заявленія и безчисленные проэкты, онъ мало по малу добился управленія государственными конными заводами; а вскорѣ за тѣмъ ему пожаловано оберъ-егермейстерство. Осенью 1737, вмѣстѣ съ Шафировымъ и Неплюевымъ, онъ былъ отправленъ посланникомъ въ городокъ Немировъ, на границахъ Валахіи, въ качествѣ представителя Россіи, чтобы руководить мирными переговорами, имѣвшими открыться тамъ между Портою, Россіею и Австріею. Переговоры эти, вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, прекратились и не привели къ цѣли Въ 1738 Волынскій сдѣлался наконецъ членомъ кабинета. Тогда постановлено было за правило постоянно замѣщать кабинетъ враждебными другъ другу министрами, и конечно этому и обязанъ былъ Волынскій, что достигъ такой высокой почести; но и то надо замѣтить, что между Русскими болѣе некого было выбрать. По крайней мѣрѣ герцогъ выразился тогда, „что очень хорошо знаетъ все, что говорятъ о Волынскомъ, и какіе онъ имѣетъ недостатки; но откуда взять между Русскими лучшаго и болѣе ловкаго человѣка? Такъ какъ между ними такъ мало людей, которыхъ можно бы было употребить въ дѣло, то остается только — брать тѣхъ, кто есть.“ Впрочемъ Волынскому въ самомъ началѣ предвѣщали плохой конецъ. Ягужинскій, котораго въ послѣдніе годы, послѣ отозванія его изъ Берлина (на зло и вопреки Остерману) приняли въ кабинетъ, еще за день до своей смерти († 17 апрѣля 1736) сказалъ замѣчательныя слова: „Я вижу напередъ, что Волынскій своими ласкательствами и интригами добьется того, что его сдѣлаютъ министромъ, но за тѣмъ я даю ему только два года, и тогда его нужно будетъ повѣсить.“ Едва достигъ Волынскій давно желанной цѣли, какъ онъ уже началъ проводить въ тайнѣ задуманные имъ планы, клонившіеся къ государственной измѣнѣ, и замышлять о погибели всѣхъ, которые по его мнѣнію могли бы служить ему помѣхою. Адмиралъ графъ Головинъ былъ первый, противъ котораго онъ затѣялъ, на основаніи мнимыхъ утаекъ и небреженія къ морскому дѣлу,

такое слѣдствіе, что Головина считали уже безвозвратно погибшимъ, такъ какъ особымъ указомъ каждому было разрѣшено и повелѣно представлять на него доносы. Не смотря на то, адмиралъ совершенно оправдался. Подобные гнусные поступки сходили Волынскому съ рукъ. Въ доказательство мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что Волынскій на государственныхъ конныхъ заводахъ и въ комерцъ-коллегіи самымъ обиднымъ образомъ и совершенно беззаконно смѣнилъ почти всѣхъ нѣмцевъ, съ помощью преданнаго ему тайнаго совѣтника Мусина-Пушкина, и также совершенно произвольно выгналъ даже изъ службы кабинетсъ-секретаря Андрея Яковлева.

Самымъ несноснымъ камнемъ преткновенія былъ для него графъ Остерманъ, противъ котораго онъ заявлялъ всякаго рода подозрѣнія, какія только можно выдумать. Еще въ 1739 году онъ подалъ императрицѣ записку на Русскомъ языкѣ, а герцогу нѣмецкій переводъ ея, въ которой предлагалъ множество средствъ, какимъ образомъ изобличать невѣрныхъ слугъ, небрегущихъ о благосостояніи государства, и достигнуть всеобщей безопасности и спокойствія. Эта записка, выбранная изъ Макіавелли и другихъ политиковъ, содержала въ себѣ лишь общія правила, но подкладкою ихъ очевидно служило изображеніе Остермана. Однако Волынскій все таки обманулся въ своихъ разсчетахъ относительно дѣйствія этой записки, ибо такъ какъ содержавшіяся въ ней совершенно общія замѣчанія могли быть отнесены и ко многимъ другимъ лицамъ, то это вызвало лишь всеобщее негодованіе противъ сочинителя. Серьезно спрошенный императрицею, на кого онъ метитъ, Волынскій счелъ за лучшее отвѣчать: „что онъ не подразумѣваетъ въ этой запискѣ никого въ особенности, а только хочетъ вѣрноподданически предложить нѣкоторыя полезныя мѣры."

Также мало успѣха имѣло и безъимянное письмо, вскорѣ послѣ того присланное съ Московскою почтою кабинетсъ-секретарю Эйхлеру и содержавшее опять таки предостереженія противъ графа Остермана; ибо затѣмъ послѣдовало лишь объявленіе въ вѣдомостяхъ, что лице, которое укажетъ сочинителя этого письма, получитъ значительное вознагражденіе, тогда какъ уличенная утайка имени автора повлечетъ за собою строжайшее взысканіе. Впослѣдствіи оказалось, что Волынскій и Эйхлеръ сами сочинили это письмо и приказали довѣренному человѣку отдать его на Московскую почту.

Вообще никто такъ не помогалъ министру Волынскому, какъ именно этотъ кабинетсъ-секретарь. Рожденный въ Россіи отъ нѣмецкихъ родителей, Эйхлеръ, своею необыкновенною ловкостью, уже во время Петра II, пріобрѣлъ себѣ такое расположеніе царскаго любимца кн. Ивана Долгорукаго, что въ немъ заискивали, какъ будто онъ былъ однимъ изъ первыхъ министровъ. Послѣ паденія Долгорукихъ онъ остался невредимъ; его только понизили въ чинахъ и уменьшили жалованье. Позднѣе графъ Ягужинскій снова вывелъ Эйхлера, а по смерти Ягужинскаго, Биронъ допустилъ его сдѣлаться тайнымъ секретаремъ при особѣ императрицы; мѣсто это имѣло тѣмъ больше значенія, что онъ не только передавалъ императрицѣ изустные доклады и прочитывалъ ей всѣ входящія дѣла, но и самъ изготовлялъ всѣ срочныя бумаги, а также и такія, которыя не должны были проходить черезъ канцелярію ([74]).

Вмѣстѣ съ Эйхлеромъ Волынскій считалъ отличнымъ орудіемъ для выполне-

---

([74]) Донесеніе Пецольда отъ 30 апр., 1740.

нія своихъ каверзъ упомянутаго уже президента комерцъ-коллегіи, графа Мусина-Пушкина, который, хотя вовсе не отличался умственными способностями, но питалъ непримиримую вражду противъ всѣхъ нѣмцевъ, и, не смотря на свою скупость, не жалѣлъ значительныхъ суммъ, если дѣло шло о томъ, чтобы привлечь къ себѣ чернь и воспользоваться ею при случаѣ противъ нѣмцевъ. Всѣ остальныя лица, пользовавшіяся ближайшимъ довѣріемъ Волынскаго, были лучшія головы, какія онъ только могъ найдти, одинаково испытанныя какъ въ познаніи дѣлъ, такъ и въ умѣ и ловкости ([75]). Но злоба Волынскаго не была, впрочемъ, исключительно направлена противъ нѣмцевъ; онъ также умѣлъ не щадить и собственныхъ соотечественниковъ, что доказалъ и въ послѣднія недѣли своего господства, по поводу свадьбы придворнаго шута Голицына, которую праздновали съ большимъ торжествомъ ([76]). При Академіи наукъ получилъ секретарское мѣсто, съ чиномъ совѣтника, молодой человѣкъ изъ Русскихъ, по имени Тредьяковскій. Онъ дѣйствительно заслуживалъ этого мѣста, ибо не только пріобрѣлъ большое знаніе французскаго и латинскаго языковъ, но и доказалъ такіе успѣхи въ Русской поэзіи, что могъ считаться первымъ сочинителемъ, умѣя, по извѣстнымъ правиламъ, соблюдать стихотворные размѣры. Ему-то Волынскій далъ порученіе написать комическое стихотвореніе на свадьбу Голицына. Тредьяковскій не соглашался. Тогда Волынскій, съ своими слугами, жестоко исколотилъ его. За тѣмъ его заперли въ полиціи, гдѣ онъ содержался до самаго дня свадьбы, на которой долженъ былъ надѣть маскарадное платье и публично произнесть требуемый панегирикъ. Между тѣмъ самъ Волынскій разсказалъ герцогу Курляндскому, что Тредьяковскій считаетъ порученную ему работу ниже своего достоинства, но что онъ, Волынскій, поступилъ съ нимъ какъ въ комедіи „Докторъ по неволѣ", и приказалъ колотить его до тѣхъ поръ, пока онъ не призналъ себя поэтомъ. Два дни сряду послѣ свадьбы, онъ, сверхъ того, велѣлъ такъ безжалостно наказывать батогами бѣднаго писателя, что тотъ дѣйствительно былъ близокъ къ смерти. Всю эту злобу Волынскій изливалъ на него лишь потому, что Тредьяковскій былъ преданъ семейству адмирала Головина и оберъ-шталмейстера Куракина; а съ ними Волынскій жилъ въ ссорѣ и не пропускалъ случая давать имъ подобнаго рода доказательства своего расположенія. Доказательства эти, какъ легко можно представить, не оставались безъ отвѣта и со стороны тѣхъ, которые ихъ получали.

Даже за придворными обѣдами Русскіе вельможи не задумывались въ безстыдныхъ рѣчахъ поносить другъ друга самыми злобными ругательствами ([77]). Такъ, за большимъ обѣдомъ, по случаю Бѣлградскаго мира, князь Куракинъ, понося Волынскаго, выразился наконецъ такъ: и глядя, какъ Волынскій поставитъ ногу, или сморщитъ лобъ, я могу догадываться, что онъ хочетъ лгать, или клеветать, или воровать" ([78]).

Мы можемъ, впрочемъ, составить себѣ понятіе о похвальныхъ свойствахъ Куракина, по отзыву о немъ португальца придворнаго врача Саншеса: „съ не-

---

([75]) Донесеніе Пецольда отъ 2 іюля 1740.

([76]) Донесеніе Пецольда отъ 26 марта 1740.

([77]) «Намъ Русскимъ не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ», писалъ Волынскій къ кн. Урусову (Чтенія, 1858, кн. 2, Смѣсь, стр. 136). *П. Б.*

([78]) Донесеніе Пецольда отъ 26 марта 1740.

преодолимою наклонностью князя къ крѣпкимъ напиткамъ, ему нѣтъ другаго лѣкарства, какъ отправиться на нѣкоторое время въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни водки, ни вина, ни пива, ни меда" ([79]).

Волынскій еще дальше простеръ бы свои широкіе замыслы, не будь этой вражды противъ него въ другихъ вельможахъ; они то, и преимущественно кн. Куракинъ, погубили его остротами и шутками. Кн. Куракинъ поставилъ себя при дворѣ на такую ногу, что могъ открыто говорить много такого, на что едва ли отважился бы кто другой. Такъ однажды онъ сталъ утверждать, въ присутствіи императрицы, что все великое, предпринятое Петромъ I, продолжается ею въ томъ же самомъ духѣ; въ одномъ лишь осталась еще она въ долгу передъ этимъ великимъ предкомъ. „Въ чемъ же?" спросила Анна. „Петръ I", отвѣчалъ Куракинъ, „уже зналъ за Волынскимъ такія дѣла, что надѣлъ ему на шею веревку, и такъ какъ Волынскій не исправился, то если ваше императорское величество не затянете окончательно петлю и не повѣсите его, то мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи не будетъ исполнено намѣреніе императора". Слова эти были покрыты общимъ смѣхомъ ([80]). Не прошло нѣсколькихъ дней, и Волынскому приказано больше не выѣзжать изъ дому ([81]).

Главнѣйшею причиною его паденія было впрочемъ то, что въ послѣднее время онъ окончательно разсорился даже съ герцогомъ Курляндскимъ. Когда Польша потребовала вознагражденія за убытки, причиненные ей въ продолженіи Турецкой войны проходомъ Русскихъ войскъ, Волынскій дозволилъ себѣ при обсужденіи этого требованія обидныя для герцога выраженія, такъ, что сей послѣдній объявилъ императрицѣ: „съ Волынскимъ я не буду долѣе служить; либо ему быть, либо мнѣ". Герцогъ рѣшительно прервалъ сношенія съ Волынскимъ, даже приказалъ отказать ему, когда тотъ являлся просить прощенья; именемъ императрицы ему воспрещено было присутствовать въ кабинетѣ; но даже и тутъ Волынскій все еще надѣялся на свое искусство въ каверзахъ и не хотѣлъ вѣрить, что силѣ его пришелъ конецъ. Ему уже объявили домашній арестъ и назначили надъ нимъ слѣдственную комиссію, а онъ даже не считалъ нужнымъ сжечь свои бумаги. Безъ нихъ едва-ли открыли бы что-нибудь кромѣ похищеній и утаекъ (достигавшихъ невѣроятныхъ размѣровъ ([82]) по вѣдомству государственныхъ конныхъ заводовъ, и подобныхъ тому преступленій не политическаго свойства, ибо этимъ ограничивались всѣ доносы, которые стали появляться съ тѣхъ поръ какъ узнали, что герцогъ отступился отъ Волынскаго и что нечего болѣе бояться его. По отобраніи же бумагъ открылись слѣды обширнаго заговора, и Волынскій немедленно отвезенъ, въ ночь съ 24 на 25 апрѣля, 1740 г. въ темницу при адмиралтействѣ, подъ прикрытіемъ 24 солдатъ преображенской гвардіи, а вскорѣ послѣ того заковали его и посадили въ крѣпость ([83]). Тутъ явно выразилась ненависть къ нему, которую питали не только нѣмцы, но даже, можно сказать, вся Русская

([79]) Донесеніе Пецольда отъ 29 марта, 1740.

([80]) Донесеніе Пецольда отъ 16 апр., 1740.

([81]) Донесеніе Сума отъ 9 апрѣля, 1740.

([82]) Донесеніе Сума отъ 9 іюля, 1740. Сумъ, въ самомъ дѣлѣ, увѣряетъ, что по управленію одними конными заводами, состоявшими изъ 15000 матокъ, оказался недочетъ въ 700.000 рублей. Доносчикъ, офицеръ, родомъ изъ Даніи, подтвердилъ свое показаніе свидѣтельствомъ 1100 человѣкъ, которые всѣ дали въ томъ присягу.

([83]) Донесеніе Пецольда отъ 25 апр., 1740.

нація, не исключая даже его соучастниковъ. Дня за два до его ареста на дверяхъ его дома оказался написанъ послѣдній стихъ изъ третьей главы пророка Наума: „нѣсть цѣльбы сокрушенію твоему, разгорѣся язва твоя: вси слышащіи вѣсть твою восплещутъ руками о тебѣ: понеже на кого не найде злоба твоя всегда?“

Но даже при столь очевидныхъ преступленіяхъ, виновникъ коихъ, казалось бы, ни въ какомъ случаѣ не могъ избѣжать законной кары, правосудіе явилось дѣломъ личныхъ выгодъ. Генералъ-лейтенантъ князь Трубецкой, братъ супруги кабинетсъ-министра кн. Черкасскаго, семья котораго въ послѣднее время терпѣла отъ Волынскаго всякаго рода притѣсненія, получилъ важное мѣсто генералъ-прокурора въ сенатѣ, остававшееся незанятымъ со времени отставки Ягужинскаго. Въ новой должности своей кн. Трубецкой получилъ возможность руководить слѣдствіемъ надъ Волынскимъ. До сихъ поръ этотъ князь служилъ въ военной службѣ, и очень успѣшно, но потому только, что красавица жена его, во время послѣдняго похода, привлекла къ себѣ благорасположеніе фельдмаршала Миниха ([84]). Когда потомъ обнаружились слѣды замысловъ Волынскаго относительно политическаго переворота, то для того, чтобы не вышло лишнихъ разглашеній, слѣдственное дѣло поручено было только двумъ лицамъ, генералу Ушакову и тайному совѣтнику Неплюеву. Въ своихъ показаніяхъ ([85]), вынужденныхъ кнутомъ, Волынскій, по злобѣ, припутывалъ такихъ людей, которыхъ ему хотѣлось погубить изъ чисто личныхъ побужденій, еще прежде, когда онъ былъ въ силѣ ([86]). Въ самомъ началѣ обширнаго слѣдствія уже открылось несмѣтное число дѣйствительно виновныхъ и участниковъ разбойничьей шайки, атаманомъ которой можно было считать Волынскаго. «Слѣдствіе тянется и принимаетъ все обширнѣйшіе размѣры», писалъ подъ 4 іюнемъ изъ Петербурга секретарь Саксонскаго посольства Пецольдъ: „у однихъ замѣшанъ врагъ, у другихъ родственникъ, у третьихъ пріятель, и почти изъ каждой семьи кто нибудь прикосновенъ къ дѣлу Волынскаго; невозможно изобразить чувства радости и огорченія, надежды и страха, которыя борятся теперь между собою и держатъ всѣхъ въ общемъ напряженіи. Совѣтникъ полиціи Тихменевъ, помогавшій Волынскому въ составленіи проэктовъ, былъ недавно сѣченъ въ полиціи кнутомъ, но уже послѣ четвертаго удара легъ за мертво. Эйхлера также заковали и посадили въ крѣпость, гдѣ онъ, говорятъ, уже вынесъ наказаніе кнутомъ“.

О цѣли заговора, составлявшаго главный предметъ слѣдствія, Пецольду разсказывали по довѣренности, что Волынскій преимущественно имѣлъ въ виду устранить герцога Курляндскаго, графа Остермана, фельдмаршала Миниха, оберъ-гофмейстера Левенвольде и вообще искоренить всѣхъ нѣмцевъ въ Россіи. Принцессу Мекленбургскую, бракосочетаніе которой съ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгъ-Бревернскимъ наконецъ совершилось послѣ долгой проволочки въ прошломъ году, онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ ея супругомъ отослать на кораблѣ обратно въ Германію; предать заключенію императрицу

([84]) Донесеніе Пецольда отъ 14 мая, 1740 Анна Даниловна, урожд. княжна Друцкая; за кн. Трубецкимъ она была вторично; въ первомъ бракѣ она была Хераскова и имѣла сына, извѣстнаго писателя этого имени. *П. Б.*

([85]) Донесеніе Пецольда отъ 11 іюня, 1740.

([86]) Донесеніе Пецольда отъ 21 мая, 1740.

Анну, предложить ей сперва сочетаться съ нимъ бракомъ, а въ случаѣ отказа запереть въ монастырь; затѣмъ онъ хотѣлъ предложить великой княжнѣ Елизаветѣ вступить съ нимъ въ бракъ, и, если бы она также отказалась, то заключить также и ее въ монастырь, чтобы наконецъ сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ государства.—Въ его бумагахъ нашли родословное дерево, на которомъ родъ и имя Волынскихъ велись отъ одной княжны изъ Волыніи, вышедшей замужъ за одного изъ великихъ князей Московскихъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ; княжну эту, державшую въ рукахъ царскій скипетръ и корону, онъ велѣлъ представить на самомъ верху родословнаго дерева такимъ образомъ, что она указывала пальцемъ на него Волынскаго, изображеннаго въ доспѣхахъ въ низу. Главными помощниками своими онъ избралъ бауинтенданта Петра Еропкина и совѣтника Андрея Хрущова. Значительныя помѣстья и мѣста первыхъ министровъ должны были служить имъ наградою. И тотъ и другой не только имѣли много природнаго ума, но и обладали научными свѣдѣніями и познаніемъ языковъ. Они выписывали изъ иностранныхъ книгъ все чтò могло относиться къ злому умыслу Волынскаго. Говорятъ, что Эйхлеръ не принималъ непосредственнаго участія въ начертаніяхъ заговора, но содѣйствовалъ необходимымъ къ исполненію его мѣрамъ, въ особенности касательно предположеннаго низверженія графа Остермана. Важнѣйшая услуга его состояла въ томъ, что, находясь по своей службѣ съ утра и до вечера при особахъ императрицы и герцога, онъ ежедневно сообщалъ Волынскому, чтò происходило или что только намѣревались дѣлать при дворѣ. Такимъ образомъ Эйхлеръ доставлялъ Волынскому возможность не только говорить всегда лишь о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ зналъ, что они будетъ пріятны, но и во всемъ прочемъ напередъ разсчитывать на успѣхъ своихъ намѣреній. За это Волынскій назначалъ ему забранныя въ казну имѣнія Долгорукихъ.

Подробныя свѣдѣнія о заговорѣ во всемъ его объемѣ имѣлъ, кажется, вмѣстѣ съ Еропкинымъ и Хрущовымъ, только еще президентъ коммерцъ-коллегіи Мусинъ-Пушкинъ: Волынскій могъ полагаться на его политическое изувѣрство относительно нѣмцевъ и сверхъ того нуждался въ его денежныхъ пособіяхъ. По видимому, онъ не считалъ нужнымъ еще кому либо повѣрить свои намѣренія. „Такъ какъ онъ думалъ дѣйствовать лишь на чернь,“ говоритъ Пецольдъ въ своей подробной запискѣ объ этомъ слѣдствіи, „и такъ какъ по свидѣтельству исторіи, въ подобныхъ дѣлахъ успѣхъ почти всегда зависитъ отъ выбора надлежащей минуты, отъ твердой рѣшимости и хорошаго выполненія, то и естественно, что Волынскій, оберегая свою тайну, довѣрялся до поры до времени лишь немногимъ лицамъ. Но что чернь сбѣжится къ нему, на это онъ могъ разсчитывать тѣмъ вѣрнѣе, что большинство черни дѣйствительно ненавидитъ иностранцевъ; къ тому же она недовольна налогами и наборами, которые пришлось вытерпѣть въ теченіи войны; въ добавокъ по природѣ своей склонна къ воровству и грабежамъ, и, вслѣдствіе обширности Петербурга, ее во всякомъ случаѣ было бы труднѣе смирить, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ“.

Впослѣдствіи думали даже, что по всей вѣроятности слѣдуетъ приписать тайнымъ распоряженіямъ Волынскаго ужасные пожары, которые въ 1737 одинъ вслѣдъ за другимъ вспыхивали въ Москвѣ, Петербургѣ, Выборгѣ и Ярославлѣ, ибо Волынскій прибѣгалъ къ самымъ постыднымъ средствамъ, чтобы только

достигнуть своей цѣли и какъ можно болѣе возбудить недовольство народа ([87]). Впрочемъ Волынскій имѣлъ нѣсколькихъ приверженцевъ даже между офицерами гвардіи среднихъ чиновъ; солдаты были не лучше черни и раздѣляли ея склонность къ грабежамъ, и потому онъ вѣроятно надѣялся, что какъ скоро поданъ будетъ знакъ къ возстанію, то солдаты также примкнутъ къ толпѣ и легко склонятся къ измѣнѣ, имѣя въ виду поживиться имуществомъ беззащитныхъ иностранцевъ.

Этимъ замысломъ—достигнуть своей цѣли единственно съ помощью грубыхъ народныхъ массъ объясняется также и то обстоятельство, что Волынскій надменно обращался почти со всѣми знатными лицами столицы и безпощадно преслѣдовалъ ихъ; иначе подобное обращеніе былобы противно благоразумію. Знать, съ которою онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго, служила ему помѣхою, не говоря уже о томъ, что онъ такимъ образомъ могъ лучше скрыть свои намѣренія. Не подлежитъ сомнѣнію, что если вспыхнуло бы возстаніе, то онъ не пощадилъ бы и тѣхъ Русскихъ, которыхъ считалъ или въ особенности преданными престолу или же слишкомъ вліятельными.

Но если Волынскій не считалъ нужнымъ наживать себѣ друзей въ столицѣ между вельможами, то для него было очень и очень важно найти внутри государства людей, безусловно ему преданныхъ. Немедленно узнавая отъ секретаря Эйхлера кому назначали императрица и герцогъ открывавшіяся должности, онъ поспѣшалъ увѣдомлять мѣстныхъ соискателей, какихъ повышеній могутъ они ожидать отъ его ходатайства, и подобнаго рода продѣлками пріобрѣлъ себѣ въ государствѣ славу благосклоннаго и всемогущаго министра. Не подлежитъ также сомнѣнію, что онъ завязалъ предательскія сношенія за границей, въ особенности со Швеціей. Но мѣры, принятыя имъ къ усиленію замѣшательствъ въ государствѣ и къ удаленію непріятныхъ ему лицъ, не всегда удавались сообразно съ его планами; такъ, по его собственному признанію, на допросѣ, миръ съ Портою былъ заключенъ къ его величайшему сожалѣнію. Онъ рѣшился безъ замедленія приступить къ дѣлу и только поджидалъ лѣта, когда императрица съ своими приближенными уѣзжала въ Петергофъ. Въ этой мѣстности, открытой со всѣхъ сторонъ и почти не имѣвшей войска, едва-ли можно было думать о защитѣ въ случаѣ внезапнаго нападенія, а въ столицѣ и безъ того все погружалось въ бездѣятельность съ отсутствіемъ двора; такъ, на прим., достойно замѣчанія, что на одномъ изъ большихъ Петербургскихъ пожаровъ огонь распространился единственно потому, что не посмѣли сломать тріумфальные ворота, черезъ которые онъ перешелъ на другую сторону, не испросивъ предварительно разрѣшенія и

([87]) По словамъ автора «Geschichte und Thaten der Kayserinn Anna,» стр. 102 и слѣд. поджоги эти приписывались даже Турецкому вліянію. 14 іюня въ Петербургѣ, на литейномъ заводѣ, загорѣлось три раза въ продолженіи трехъ недѣль; послѣдній разъ вспыхнулъ пожаръ, превратившій въ пепелъ 50 домовъ и одну Русскую церковь. Съ 9 на 10 іюня въ Москвѣ сгорѣли канцелярія и арсеналъ, далѣе Китай городъ съ монетнымъ дворомъ и большою аптекою, Сибирская канцелярія и множество магазиновъ и лавокъ, наполненныхъ Китайскими товарами, Сибирскими мѣхами и пр. Около 2000 человѣкъ погибло въ пламени; число сгорѣвшихъ домовъ простиралось до 12,000, а убытокъ цѣнили въ нѣсколько милліоновъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Ярославлѣ было уничтожено пожаромъ около 3000 домовъ, 25 церквей и 4 монастыря; а 5 іюля въ Петербургѣ сгорѣло около 800 домовъ, и въ томъ числѣ 30—40 лучшихъ зданій.

не получивъ на то высочайшаго повелѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ можно было приписать особой волѣ Провидѣнія, предотвратившаго неизмѣримыя бѣдствія, то, что заговоръ неожиданно былъ открытъ, и притомъ еще во время. Волынскому уже часто удавалось отвращать одну за другою всѣ поднимавшіяся противъ него грозы; и потому онъ даже до послѣднихъ дней считалъ себя неодолимымъ и думалъ, что нельзя ни разгадать его, ни обойтись безъ него. Хитрость и счастье сдѣлали его столь дерзкимъ, что онъ поклонялся случайности какъ своему божеству и не отступалъ ни передъ чѣмъ. Во время слѣдствія онъ выказалъ твердость, соотвѣтственную его упрямому характеру. Онъ мужественно выдержалъ наказаніе кнутомъ и лишь послѣ вторичной пытки, которой его подвергли во всѣхъ ея степеняхъ, когда уже кромѣ того онъ былъ неопровержимо обличенъ его собственными бумагами, -- чтобы сократить свои мученія, онъ сознался во всемъ. Своего вѣрнаго Эйхлера назвалъ онъ послѣ всѣхъ, хотя улики давно были на лицо; тотъ съ своей стороны оказалъ такую же сдержанность относительно Волынскаго.

26 іюня (7 іюля), послѣ обѣда, съ барабаннымъ боемъ было объявлено по всему городу, что на слѣдующій день будетъ совершена казнь нѣкоторыхъ государственныхъ преступниковъ, безъ поименованія ихъ именъ и мѣста казни. Ровно въ семь часовъ преступники прибыли на мѣсто казни. За тѣмъ былъ прочитанъ ихъ приговоръ, въ которомъ сказано, „что Волынскій оказался виновнымъ въ величайшей измѣнѣ и замышляемомъ возстаніи противъ императрицы, въ невѣрности по дѣламъ министерскимъ, и въ многочисленныхъ кражахъ казеннаго имущества; что сенатъ положилъ: вырѣзать Волынскому языкъ, отрубить правую руку и воткнуть его голову и туловище на колья; но ея императорское величество, по врожденному милосердію, соизволила смягчить этотъ приговоръ и приказала отрубить Волынскому лишь голову и руку“ ([88]).

Соучастникамъ его — Еропкину и Хрущову отрубили головы; генералъ-кригсъ-комиссаръ Ѳеодоръ Соймоновъ, секретари Суда и Эйхлеръ были наказаны кнутомъ и на всю жизнь сосланы въ Сибирь на каторжную работу. Такъ какъ въ Россіи, по принятому обыкновенію, никто до последней минуты не узнавалъ своего приговора и способа своей казни, то Эйхлеръ уже за двѣ недѣли началъ готовиться къ смерти, и къ нему ходилъ лютеранскій священникъ ([89]). Волынскій напротивъ сказалъ священнику, который въ день казни хотѣлъ обратиться къ нему съ словами послѣдняго утѣшенія, что „не нужно читать Отче Нашъ, ибо онъ никогда не желалъ прощать своимъ должникамъ и теперь не желаетъ этого“ ([90]). Уже за нѣсколько недѣль до казни, убѣдившись въ безвозвратной погибели, онъ выразился „что дѣйствительно заслужилъ смерть, но не за то, что составилъ заговоръ, а за то, что сей послѣдній не удался“ ([91]).

([88]) Донесеніе Сума отъ 12 іюля 1740:—„однако я узналъ послѣ, что Волынскому все таки отрѣзали языкъ, но это было сдѣлано тайнымъ образомъ въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ вести его на казнь. Ему закрыли ротъ подбородникомъ, привязаннымъ къ головѣ, для того чтобы кровь не могла показаться; потомъ думали, что у него въ роту былъ кляпъ“.

([89]) Донесеніе Пецольда отъ 9 іюля 1743.

([90]) Это сущая клевета: Волынскій умеръ истиннымъ христіаниномъ (см. Чтенія, тамъ же, стр. 164, 165). *П. Б.*

([91]) Донесеніе Сума отъ 7 іюня 1740.

Нѣкоторыми изъ забранныхъ въ казну имѣній и домовъ были награждены: генералъ Густавъ фонъ-Биронъ, Минихъ, Трубецкой, Черкасскій и баронъ фонъ-Менгденъ; послѣднему императрица вмѣстѣ съ председательствомъ въ Лифляндской и Эстляндской юстицъ-коллегіи, поручила мѣсто президента комерцъ-коллегіи, опорожнившееся послѣ графа Мусина-Пушкина, сосланнаго съ урѣзаннымъ языкомъ [92]).

[92]) Донесеніе Сума отъ 6 августа 1740.

ИНСТРУКЦІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКУ ЗАБОРОВСКОМУ,

при отправленіи его въ Средиземное море.

1788.

Вторая Турецкая война Екатерининскаго царствованія, начавшаяся осенью 1787 года, почти вслѣдъ за славнымъ путешествіемъ государыни въ полуденную Россію и Крымъ, обѣщала великіе успѣхи. Блистательныя побѣды Русскаго флота въ первую войну (1768 — 1774), когда самый Царьградъ едва не достался въ наши руки, естественно возбуждали надежду снова потрясти Турецкое могущество въ его средоточіи, дѣйствуя въ Архипелагѣ и Мраморномъ морѣ. Начальство надъ сухопутными войсками, которыя должны были сѣсть на корабли, Екатерина поручила тогдашнему намѣстнику Владимірскому и Костромскому, *Ивану Александровичу Заборовскому* (1735 — 1817), опытному генералу, служившему еще въ семилѣтнюю войну и твердому правителю (Зап. Храпов. стр. 37). Это назначеніе послѣдовало между прочимъ и потому, что Заборовскій въ первую Турецкую войну, въ іюнѣ 1774 г., предъ самымъ заключеніемъ мира, очистилъ путь чрезъ Балканы къ Адріанополю. Храповицкій записалъ подъ 13 февр. 1788 г.: „Заборовскій собственнаго выбора; его дѣло въ Балканахъ, такъ сказать, покрылъ миръ, и не можно было воспользоваться послѣдствіями. Онъ ближе всѣхъ былъ къ Константинополю, и сіе подало идею послать его съ другой стороны, чтобъ онъ подошелъ еще ближе, какъ удастся." Екатерина нетерпѣливо ждала отправленія экспедиціи. „Встали рано — пишетъ Храповицкій 9 мая того же года — примѣтно безпокойство; съ неудовольствіемъ велѣли спросить у гр. Безбородки, въ который день и часъ отправится Заборовскій. „Они въ Совѣтѣ все останавливаютъ; сбили было Поль-Жонеса, насилу поправила; теперь набиваютъ голову Грейгу. — Я не знаю кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредитъ пользѣ государства; я сказала сіе гр. Безбородкѣ, qu'il dise à qui voudra l'entendre."

Какъ извѣстно, на сей разъ великое начинаніе Екатерины не удалось вслѣдствіе грознаго положенія, принятаго относительно насъ Англіею и начавшейся этою же весною войны съ Шведами, коихъ суда явились подъ Петербургомъ, а пушки потрясали окна въ Зимнемъ дворцѣ. Самъ начальникъ Архипелажской экспедиціи, адмиралъ Сам. Карл. Грейгъ палъ

въ морскомъ бою со Шведами „Къ Заборовскому (отправившемуся, кажется, впередъ) писано, что хотя Шведская война задержала здѣсь флотъ, въ Средиземное море назначенный, но, для диверсіи Туркамъ, отправятся изъ арміи войска чрезъ Австрійскія земли къ Адріатическому морю и Чернымъ Горамъ, и чтобъ онъ старался возбудить Грековъ и Албанцовъ къ принятію оружія" (Храп. подъ 15 іюля того же 1788 года). Ему велѣно относиться по дѣламъ къ кн. Потемкину. — Подробностей объ этой дѣятельности Заборовскаго мы не имѣемъ; но изъ біографіи адмирала Ушакова (соч. Скаловскаго, Спб. 1856 стр. 78) видно, что Заборовскій, оставаясь во Флоренціи, не былъ праздень и оказалъ большую услугу, между прочимъ возбудивъ къ подвигамъ славнаго Ламбро-Качони. Въ послѣднихъ числахъ мая 1789 онъ возвратился въ Петербургъ, и Храповицкій записалъ (стр. 193): „Отозвались, что сія экспедиція не удалась." Заборовскій снова поѣхалъ въ свое намѣстничество, при Павлѣ пожалованъ сенаторомъ и умеръ на покоѣ въ Москвѣ.

Старикъ Заборовскій любилъ вспоминать про одинъ чрезвычайный случай изъ своей экспедиціи. Будущій императоръ Наполеонъ, тогда 20 лѣтній артиллерійскій офицеръ, находился на родинѣ въ Корсикѣ и заслышавъ, что Русскій генералъ вызываетъ охотниковъ служить подъ Русскими знаменами, и именно изъ числа его соотечественниковъ, подалъ ему просьбу о вступленіи въ Русскую службу. Опредѣленіе не состоялось, потому что за нѣсколько дней передъ тѣмъ Заборовскій получилъ приказаніе не принимать иностранцевъ тѣмъ же чиномъ, а Наполеонъ не согласился на пониженіе чина. Преданіе это, со словъ Заборовскаго, записано Н. И. Иванчинымъ-Писаревымъ, въ книжкѣ его: Спасоандрониковъ монастырь, М. 1842, стр. 101. Покойный гр. Д. Н. Блудовъ разсказывалъ, что имп. Александръ Павловичъ, во время своей коронаціи, обращался къ Заборовскому съ вопросомъ, справедливъ ли слухъ, будто первый консулъ желалъ поступить въ нашу службу. Заборовскій отвѣчалъ утвердительно. Любопытно было бы знать, не сохранилось ли въ нашихъ архивахъ, въ дѣлахъ Заборовскаго, самаго прошенія, поданнаго человѣкомъ, который потомъ вступилъ въ наше отечество завоевателемъ.—Помѣщаемая инструкція имѣетъ всю важность исторической бумаги. *П. Б.*

Божіею милостію, мы Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералъ-порутчику Заборовскому. Предположивъ отправить въ Средиземное море для диверсіи непріятелю нашему флотъ и часть сухопутныхъ войскъ нашихъ подъ главнымъ начальствомъ нашего адмирала Грейга, къ командованію помянутыми сухопутными войсками (какъ отсюда посылаемыми, такъ и тѣми, кои въ разныхъ тамошнихъ мѣстахъ набраны быть могутъ) избрали мы васъ по извѣстному намъ вашему усердію къ службѣ, искусству и храбрости, во время послѣдней съ Турками войны доказанной; и въ полной надеждѣ на продолженіе вами таковой же ревности и радѣнія въ дѣлахъ, вамъ порučаемыхъ, восхотѣли мы оказать вамъ отличную нашу довѣренность слѣдующими наставленіями:

I. Изъ нашихъ войскъ, коликаго числа людей, артиллеріи и прочаго составленъ корпусъ, отсюда отправляемый, слѣдуетъ при семъ росписаніе [1]. Прежде отъѣзда вашего, долженствуете вы осмотрѣть оный, и удостовѣрившися въ исправности и готовности всего, препровожденіе онаго на судахъ военныхъ и транспортныхъ оставить генералъ-ма-

[1] Этого росписанія мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, равно и упоминаемыхъ ниже списковъ офицерамъ и вѣдомости оружія.

іору Бауверу, а сами, не откладывая далѣе половины апрѣля, воспріять путь вашъ прямо чрезъ Вѣну въ Тріестъ, дабы, покуда флотъ нашъ приплыветъ въ Сицилію, могли уже вы осмотрѣться и успѣть во многотрудныхъ исправленіяхъ, на васъ возлагаемыхъ.

II. Для пособія вамъ, назначается немалое число штабъ и оберъ-офицеровъ въ приложенномъ при семъ спискѣ показанное, о которыхъ вы подъ руководствомъ нашего адмирала Грейга сдѣлайте распоряженіе, кого впередъ и для какой надобности отправить сухимъ путемъ, наблюдая, чтобъ таковое отправленіе сухимъ путемъ, яко дорого для казны нашей стоющее, ограничено было прямою надобностію и пользою службы, а не по прихотямъ чьимъ либо, и чтобъ тѣ, кои прежде прибытія флота не нужны у васъ будутъ, отправилися на судахъ въ свое время для сокращенія издержекъ.

III. Въ приложенномъ при семъ другомъ спискѣ найдете имена находящихся нынѣ въ Италіи штабъ и оберъ-офицеровъ, изъ коихъ многія находилися въ Левантѣ консулами. Употребленіе ихъ въ дѣлахъ, вамъ поручаемыхъ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія вашего и отъ предварительнаго вашего съ адмираломъ Грейгомъ условія; а дабы они ему и вамъ во всемъ были послушны, пріобщается при семъ нашъ отверстый указъ.

IV. Для личнаго охраненія васъ, покуда вы въ Италіи останетеся, снабдимъ мы васъ полною мочью за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ и государственною печатью въ общихъ израженіяхъ, которую вы неинако предъявить обязаны, какъ естьли бы безопасность ваша и надобность службы нашей того востребовала. Сверхъ того, наша коллегія иностранныхъ дѣлъ увѣдомитъ посла нашего въ Вѣнѣ и всѣхъ аккредитованныхъ особъ въ Италіи о вашемъ назначеніи и о пособіи вамъ въ требованіяхъ вашихъ. Другая полная мочь, за одною только государственною печатью, вамъ дана будетъ, дабы вы силою ея, до прибытія нашего адмирала Грейга, могли съ народами Славянскими, Албанскими и Греческими трактовать и соглашать ихъ на подъятіе оружія противу врага имени Христіанскаго, обнадеживая ихъ сильнымъ пособіемъ Россіи, пославшей многочисленныя морскія и сухопутныя ополченія въ отмщеніе вѣроломства и наглости непріятельскихъ, и въ освобожденіе народовъ православныхъ отъ рабства Турецкаго.

V. Какъ намѣреніе наше къ тому простирается, дабы корпусъ войскъ нашихъ для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю умножить воинствомъ, въ Далмаціи, Албаніи и Греціи набираемымъ: то и отправляется на флотѣ знатное количество различнаго оружія для сихъ набираемыхъ войскъ, о коемъ вы изъ сообщаемой здѣсь вѣдомости усмотрите. Но, дабы не упустить времени на наборъ, перевозъ и пріученіе сихъ войскъ, наипаче же Славянскихъ и Албанскихъ, мы находимъ за нужное тотчасъ отправить подполковника графа Ивелича въ Славонію для набора корпуса тамошняго до тысячи человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ привесть въ близость Рагузы, для чего и стараться нанять суда тамошнія, дабы войско сіе по первому приказу и не позже половины сентября въ Архипелагъ отправиться могло къ мѣсту, отъ адмирала Грейга назначаемому, держа между тѣмъ суда въ готовности, и прилагая попеченіе о заготовленіи для оныхъ войскъ безнужнаго пропитанія. И поелику случиться можетъ, что одинъ человѣкъ не успѣетъ въ наборѣ толикаго числа въ

краткое время, то къ оному можно употребить еще и другаго, особливо же одного изъ Славянскихъ графовъ, Буровича, который, пользуяся уваженіемъ отличнымъ между своими одноземцами, и являя свою къ намъ преданность, въ 1783-мъ году, во время бытности въ Ливорнѣ нашего адмирала Чичагова съ эскадрою, предлагалъ себя къ набору двутысячнаго полку Славянъ для службы нашей. Сего Буровича отыскать можетъ находящійся во Флоренціи аббатъ Дель Турко, который и вообще къ интересамъ нашимъ всегда сохранялъ усердіе. Посылку графа Ивелича и другихъ, тотчасъ отправляемыхъ, распорядитъ адмиралъ Грейгъ, дабы не задержать васъ въ поѣздкѣ вашей въ губерніи ([2]) и въ скоромъ оттуда возвращеніи, а какія отъ него даны будутъ наставленія подробныя, вы получите отъ него свѣдѣніе.

VI. Равнымъ образомъ помянутый адмиралъ теперь же долженъ взять мѣры свои о наборѣ такого же корпуса изъ Албанцовъ. Къ произведенію сего въ дѣйство надежнѣе и способнѣе всѣхъ употреблены быть могутъ находившійся въ Албаніи и Химарѣ консуломъ подполковникъ Пано Бичичилли и маіоръ Сотири. Оба они сверхъ того послужить могутъ къ возбужденію Химаріотовъ, Эпиротовъ и другихъ на дѣйствія противу непріятеля. Вы и о семъ пунктѣ подробное свѣдѣніе получите отъ адмирала Грейга.

VII. По прибытіи вашемъ въ Тріестъ, надлежитъ вамъ освѣдомиться о всѣхъ новостяхъ изъ Далмаціи, Албаніи и прочихъ мѣстъ, и объ успѣхахъ посланныхъ для набора войскъ и другихъ пріуготовленій; оттуда же обослаться съ Скутарскимъ Магмутъ-пашею, посредствомъ вѣрнаго и искуснаго человѣка, давъ ему знать, что вы назначены отъ насъ командовать сухопутными войсками и флотомъ, въ Средиземное море и близь лежащія мѣста отправленными противу непріятеля нашего; что уже онъ предваренъ о нашемъ къ нему доброхотствѣ; что вы имѣете точное отъ насъ повелѣніе, бывъ въ близости съ нимъ, подтвердить тѣ же самыя увѣренія, кои ему чрезъ другихъ по волѣ нашей учинены; что мы, интересуяся въ добромъ успѣхѣ предпріятій его, полагаемъ, что диверсія, флотомъ нашимъ въ Средиземное море производимая, развязываетъ ему совершенно руки не токмо охранить свою безопасность и свободу, но и простерти свои поиски далѣе внутрь земли Турецкой, для вящшаго приращенія его могущества; и что вы, предлагая ему готовность вашу къ дружескому и откровенному съ нимъ сношенію, просите его сообщить вамъ искренно, какое ему нужно и желательно пособіе. Симъ способомъ вы узнаете его умоначертаніе, замыслы и силу, а потому и легче будетъ сообразить и наше дальнее съ нимъ поведеніе.

VIII. Будучи въ Тріестѣ, не оставьте снестися, или же хотя и нарочно увидиться съ министромъ нашимъ въ Венеціи, флота капитаномъ генералъ-маіорскаго ранга Мордвиновымъ, объ успѣхѣ сдѣланныхъ имъ помянутому пашѣ и Черногорцамъ внушеній, и потомъ отправьте въ Черную Гору людей надежныхъ и вѣрныхъ съ грамотою нашею, и съ письмомъ отъ васъ къ митрополиту и чинамъ тамошнимъ, извѣщая ихъ о вашемъ назначеніи и о данныхъ отъ насъ повелѣніяхъ способствовать имъ, естьли духъ единовѣрія и вольности убѣдитъ ихъ составить съ

([2]) Т. е. въ намѣстничествѣ Владимірскомъ и Костромскомъ, откуда Заборовскій пріѣхалъ въ Петербургъ. *П. Б.*

нами общее дѣло противу врага имени Христіанскаго. Тутъ нужна только крайняя осторожность, чтобы мы вмѣсто возбужденія всѣхъ благопріязненныхъ намъ народовъ противу общаго непріятеля, не вооружили Черногорцовъ на земли уже покоренныя пашею Скутарскимъ, или же сего послѣдняго не обратили на Албанцовъ и тому подобныхъ, а тѣмъ и не подали бы способовъ самимъ доброжелателямъ и союзникамъ нашимъ другъ друга ослаблять или истреблять. Находившійся въ Архипелагѣ генеральнымъ консуломъ полковникъ графъ Войновичъ въ семъ дѣлѣ весьма съ пользою вами употребленъ быть можетъ, почему вы съ нимъ и не оставьте имѣть нужное сношеніе.

IX. Учредя такимъ образомъ въ Тріестѣ, отправитеся въ Тоскану, и тамъ приложите стараніе собрать всѣхъ Корсиканцовъ [3], бывшихъ въ Англинской службѣ; составя же сей корпусъ, прежде всѣхъ пошлите его въ Сиракузу къ флота капитану бригадирскаго ранга Псаро, для пособія ему въ заготовленіяхъ провизіи. О дозволеніи высадить сіе войско въ Сициліи учинится домогательство отъ министерства нашего у двора Неапольскаго. Потомъ и сами воспримете путь вашъ въ Неаполь. Помянутый флота капитанъ Псаро долженствуетъ часто увѣдомлять васъ объ успѣхѣ въ заготовленіяхъ, и въ случаѣ затрудненій испрашивать вашего пособія, а вы и обязаны будете подавать оное, требуя въ чемъ надлежитъ содѣйствія отъ министра нашего, въ Неаполѣ пребывающаго; и ежели не можно будетъ найти довольно хлѣба или муки въ Сициліи, то, не теряя ни мало времени, стараться достать или изъ восточныхъ областей Неапольскихъ, или же и отъ береговъ Барбарійскихъ, имѣя за первый предметъ, чтобъ флотъ, по прибытіи въ Сицилію, снабдѣнъ былъ полнымъ количествомъ нужныхъ провизій, и ни мало не былъ остановленъ въ плаваніи ему предлежащемъ.

X. По приведеніи въ дѣйствіе и порядокъ всего, заготовленія провизіи касающагося, вы отъѣдете въ Бриндизи, и тамъ приложите попеченіе основать надежную переписку и сообщеніе съ посланными въ Албанію, Далмацію и другія мѣста, дабы вѣдать успѣхи ихъ и, въ случаѣ надобности, преподать имъ потребныя наставленія; а по распоряженіи всего относящагося до коммисіи, на помянутыхъ людей возложенныхъ, и по заготовленіи судовъ для перевоза войскъ, старайтеся въ половинѣ сентября пріѣхать въ Сиракузу для ожиданія тамъ флота, и дабы видѣть, что ничего не упущено изъ нужныхъ заготовленій, но все исправно при самой первой минутѣ прибытія флота къ Сициліи.

XI. Изъ Тріеста еще вы должны будете отправить въ Рагузу человѣка вѣрнаго и тамошнія обстоятельства знающаго съ грамотою нашею и съ отвѣтнымъ письмомъ нашего вице-канцлера къ правительству тамошнему на отзывъ его, при самомъ началѣ войны учиненный. При доставленіи того, учините вы къ правителямъ симъ отзывъ въ общихъ израженіяхъ, а на словахъ чрезъ посылаемаго человѣка дайте имъ разумѣть, что, ежели она останется къ намъ доброжелательна, не нанося въ дѣлахъ нашихъ ни малаго препятствія, то и можетъ надѣяться на уваженіе къ ея флагу и охраненіе ея торговли; инакоже почтемъ ее за подданную Порты, слѣдовательно за непріятеля нашего. Надлежало бы ожидать, что послѣ подобнаго

[3] На островѣ Корсикѣ въ это время господствовали внутреннія смуты. *П. Б.*

внушенія, да и при пособіи силы, которую Вѣнскій дворъ тамъ имѣетъ, сія республика не отречется намъ благопріятствовать и не станетъ мѣшать въ наймѣ судовъ и тому подобномъ. О семъ пунктѣ, во время проѣзда вашего чрезъ Вѣну, вы не оставьте изъясниться съ нашимъ посломъ княземъ Голицынымъ, который будетъ вамъ пособствовать не токмо въ томъ, но и въ другихъ обстоятельствахъ, гдѣ вамъ нужна покажется помощь въ земляхъ Австрійской монархіи, или и другихъ, вящшее отношеніе и связь съ нею имѣющихъ. Сверхъ сего, что̀ касается до Рагузы, министръ нашъ въ Неаполѣ графъ Скавронскій имѣетъ надежныя средства къ сношенію и къ сдѣланію всякихъ внушеній, кои для васъ полезны и надобны быть могутъ.

XII. Въ наборѣ войскъ и во всѣхъ дѣлахъ съ тамошними народами, надлежитъ всемѣрно сообразоваться ихъ умоначертанію, удаляяся отъ всего что̀ ихъ оскорбить можетъ, а стараяся пріобрѣсть ихъ довѣренность къ вамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кои подъ руководствомъ вашимъ употреблены будутъ.

XIII. При вербованіи полагаемъ за правило, что кто поставитъ болѣе тридцати и до пятидесяти человѣкъ, тотъ получитъ чинъ прапорщичей; отъ шестидесяти и до девяноста порутчичей; отъ ста и до ста пятидесяти капитанской; отъ двухъ сотъ и до трехъ сотъ секундъ-маіорской, а свыше трехъ сотъ преміеръ маіорскій; разумѣя число, которое каждый приведетъ дѣйствительно на флотъ. Чины сіи подтверждены имъ будутъ адмираломъ Грейгомъ по соединеніи ихъ съ флотомъ.

XIV. Независимо отъ набора войскъ, приложите стараніе питать въ разныхъ тамошнихъ народахъ привязанность и добрую надежду къ намъ, утверждая ихъ въ таковыхъ расположеніяхъ и готовности, что, когда флотъ нашъ появится въ Средиземномъ морѣ, могли бы они тотчасъ возстать противъ непріятеля, и такъ сказать зажечь огонь повсемѣстный. Всемѣрно нужно вамъ узнавать точное состояніе, положеніе духовъ и возможности каждаго изъ сихъ народовъ, а при томъ и въ чемъ имянно желали бы они со стороны нашей пособія, которое не отречемся подать, колико то съ пользою дѣлъ нашихъ сообразно будетъ. Въ семъ видѣ прилагаемъ 700 листовъ напечатанныхъ манифестовъ нашихъ [1] къ разнымъ тамошнимъ народамъ, кои вы между ними разсѣять не оставьте, начиная сперва съ тѣхъ, съ которыми первое вамъ предлежитъ дѣло, и продолжая разсылку оныхъ по мѣрѣ, какъ успѣхи возложенныхъ на васъ коммисій и самое приближеніе флота откроютъ въ томъ вящшую удобность и надежнѣйшую пользу.

XV. Наборъ войскъ Греческихъ долженствуетъ взять начало по прибытіи уже флота въ Средиземное море, слѣдовательно и отнесется къ наставленію, для адмирала Грейга заготовляемому; а онъ уже снабдитъ васъ подробными предписаніями, какъ о семъ пунктѣ, такъ и о томъ, чтобъ въ свое время, буде можно, для лучшаго и скорѣйшаго пріученія Грековъ къ службѣ воинской, полевые баталіоны пополнить по воинскому штату нѣкоторымъ числомъ изъ сихъ набираемыхъ, а изъ остальныхъ составить пѣхотные особые баталіоны, и, по колику удобно, конные полки. Между тѣмъ употребите всевозможное ра-

(1) Этого манифеста мы не имѣемъ; но воззваніе Заборовскаго къ Турецкимъ народамъ, отъ 9 марта 1789, напечатано въ Жизни адмирала Ушакова, Спб 1856, стр. 79 и 80

дѣніе, но самымъ осторожнымъ и скрытнымъ образомъ, завести въ Архипелагѣ и на твердой землѣ въ Греціи сношенія и связи съ народами намъ единовѣрными, дабы духи и тамъ наилучшимъ образомъ къ намъ расположены и къ дѣйствіямъ противъ непріятеля пріуготовлены были.

XVI. Покуда флотъ придетъ въ Средиземное море, вы будете о порученныхъ вамъ дѣлахъ посылать донесенія ваши къ намъ, для чего и даны вамъ будутъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ шифры съ наставленіемъ, какъ ихъ употреблять, и какую хранить осторожность, при чемъ опредѣляется двое изъ канцелярскихъ чиновъ для оныхъ шифровъ и переписки вашей, коихъ вы, по соединеніи съ флотомъ, отдадите адміралу Грейгу; нужныя же и важныя извѣстія пересылать съ нарочными. Сверхъ того адміралъ Грейгъ наставитъ васъ, въ какія имянно мѣста посылатькъ нему репорты во время плаванія его, дабы съ нимъ соблюсти связь и переписку, и въ случаѣ надобномъ получать наставленія; наипаче же, буде бы противу чаянія встрѣтился недостатокъ въ заготовленіи съѣстныхъ припасовъ, дабы помянутый адміралъ могъ взять мѣры къ снабдѣнію себя оными прежде, нежели флотъ въ океанъ войдетъ.

XVII. О денежныхъ суммахъ на наборъ и содержаніе набираемыхъ войскъ и на другія приготовленія, сколько прежде назначено, и сколько теперь въ распоряженіе ваше отпущено будетъ, да и вообще о всѣхъ подробностяхъ, относящихся къ важному служенію на васъ возложенному, адміралъ Грейгъ обязанъ дать вамъ точныя и обстоятельныя предписанія, а по усмотрѣнію надобностей и въ продолженіи пути своего оныя дополнять не оставитъ, коихъ тщательное исполненіе симъ вамъ подтверждаемъ.

XVIII. До прибытія флота нашего въ Средиземное море, всѣ находящіеся въ тамошнихъ водахъ арматеры наши имѣютъ состоять подъ точною вашею командою, о чемъ вы и дайте имъ знать посредствомъ нашихъ министровъ и консуловъ, повелѣвая симъ арматерамъ въ дѣлахъ ихъ вамъ давать отчетъ, и въ случаѣ жалобы на нихъ подъ вашимъ уже начальствомъ до соединенія со флотомъ, долженствуетъ происходить разборъ и судъ о призахъ, чиня вершеніе на основаніи данныхъ отъ насъ о тѣхъ арматерахъ правилъ, основанныхъ на нейтральной системѣ нами исповѣдуемой, и въ копіяхъ при семъ на Россійскомъ, Французскомъ, Итальянскомъ и Греческомъ языкахъ прилагаемыхъ; для лучшаго же въ томъ порядка, учредите особую коммиссію въ трехъ особахъ изъ штабъ-офицеровъ, между коими надобно, чтобъ былъ одинъ морскій офицеръ, котораго адміралъ Грейгъ вамъ придастъ, и который и сверхъ того не безнуженъ вамъ будетъ по другимъ дѣламъ. Естьли же въ томъ мѣстѣ находится Россійскій консулъ или вице-консулъ, оный въ сей коммисіи также присутствовать обязанъ; а дабы въ семъ пунктѣ соблюсти святость слова нашего въ изданіи правилъ морскаго нейтралитета и избѣжать неудовольствій и хлопотъ съ народами, въ войнѣ не участвующими, подтверждаемъ вамъ найсильнѣйше—по доходящимъ къ вамъ жалобамъ доставлять судъ и управу скорорѣшительную, и у преступившихъ наши установленія отбирать патенты и гюйсы ([5]); во избѣжаніе же завременно всякаго замѣшательства, собрать тотчасъ по прибытіи вашемъ свѣдѣнія о всѣхъ нынѣ имѣющихся арматерахъ, разослать по нимъ, буде не разосланы, утвержденныя отъ насъ правила, при-

([5]) Открытые листы, паспорты.

весть въ исполненіе что̀ въ оныхъ сказано относительно обезпеченія стороны нашей закладомъ и поручительствомъ и тѣхъ, кои тому удовлетворить не могутъ, исключить изъ числа арматеровъ отобраніемъ патентовъ и гюйсовъ. Въ произведеніи сего въ дѣйство, будутъ вамъ пособствовать министры наши и консулы, въ разныхъ тамошнихъ мѣстахъ аккредитованные.

XIX. Преподавъ вамъ всѣ наставленія по дѣламъ на васъ возлагаемымъ, дабы вы въ исполненіи оныхъ сколь можно меньше встрѣтили трудностей и въ потребномъ случаѣ знали, какимъ образомъ вѣрнѣе и надежнѣе поступки ваши размѣрять въ разсужденіи разныхъ державъ и областей, гдѣ или въ близости коихъ вы найдетеся, восхотѣли мы оказать вамъ нашу отличную довѣренность изъясненіемъ политическаго ихъ съ нами положенія.

Вѣнской дворъ отъ давняго времени почитался натуральнымъ союзникомъ Россіи. Не взирая на стеченіе обстоятельствъ съ 1762-го по 1780-й годъ, произведшихъ между обоими императорскими дворами разныя недоразумѣнія и остуду, убѣжденіе въ истинной пользѣ связи между ними превозмогло со времени свиданія нашего съ императоромъ и потомъ его на престолъ Австрійской монархіи вступленія. Въ 1781-мъ заключенъ между нами оборонительной союзъ и постановленъ особый артикулъ на случай нападенія на кого либо изъ насъ со стороны Порты, или неисполненія договоровъ между нашими государствами и его существовавшихъ. Опытами удостовѣрилися мы въ доброй вѣрѣ союзника нашего, когда первое, въ 1782-мъ и 1783-мъ годахъ по произшедшимъ у насъ съ Турками распрямъ за коварные поступки ихъ по дѣламъ Татарскимъ, и по вынужденномъ изъ за того присоединеніи къ имперіи нашей Крыма, Тамана и Кубани (въ отъятіе повода къ дальнимъ хлопотамъ и истребленіе гнѣзда хищниковъ не разъ границы наши опустошавшихъ) императоръ призналъ справедливость нашу и готовъ былъ подкрѣпить оную силами своими, отразивъ всѣ попытки Версальскаго двора поколебать его привязанность къ системѣ нашей и устрашить послѣдованіями войны; и второе, въ войнѣ настоящей, нагло и вѣроломно намъ объявленной, признавъ настояніе случая союза, и рѣшився, прежде формальной реквизиціи, принять въ пользу нашу дѣятельное участіе, кое свѣтъ уже теперь на дѣлѣ видитъ. По сему всякое дружественное поведеніе со стороны вашей и подчиненныхъ вашихъ съ его начальниками и довѣренными людьми да будетъ наблюдаемо; и естьли найдутся въ Далмаціи или Черной Горѣ емисары Австрійскіе, съ оными избѣгать всякаго повода къ недоразумѣнію, не препятствовать имъ въ исполненіи на нихъ возложеннаго, и въ случаѣ требованія, оказывать имъ пособіе, по колику то собственнымъ нашимъ интересамъ вредно или предосудительно быть не можетъ; въ надобностяхъ же и сомнѣніяхъ относительно Австрійскихъ начальниковъ и тому подобныхъ, имѣть сношеніе съ посломъ нашимъ княземъ Голицынымъ.

За симъ слѣдуетъ республика Венеціанская. Въ прошедшей войнѣ мнимый ея нейтралитетъ, во многихъ случаяхъ не выгодный для интересовъ нашихъ и съ угнетеніемъ и гоненіемъ подданныхъ ея въ службѣ нашей бывшихъ сопряженный, похожъ былъ болѣе на крайнее ко врагу нашему пристрастіе; но, вѣдая, что главнѣйшимъ тому источникомъ были ея слабость и духъ мелкаго подозрѣнія, правленію сему свойственнаго, наипаче же тамъ, гдѣ

представляла она себѣ опасность изъ довѣренности, которую Греки (не исключая и подданныхъ ея) обыкли питать къ государю Россійскому имъ единовѣрному, мы не только не искали случая дать ей восчувствовать наше негодованіе, но наипаче, предавъ все оное забвенію, старалися обратить ея на мысли и поведеніе болѣе сходственное для христіанской державы, въ чемъ отчасти и предъуспѣли такъ, что она открыла формальное дружеское съ нами сношеніе назначеніемъ ко двору нашему Нобля, принятіемъ съ должнымъ уваженіемъ нашего министра и возстановленіемъ многихъ изъ подданныхъ ея, въ прежней войнѣ учавствовавшихъ. Далеко однакожъ еще до того, чтобы она въ разсужденіи Турковъ отложила робость свою и ободрилася искать возврата потерь своихъ на счетъ сихъ варваровъ. Разныя опредѣленія ея сената и поступки посла ея въ Константинополѣ служатъ доказательствомъ, что она и теперь въ оной же рѣшимости къ нейтралитету пребываетъ. Со всѣмъ тѣмъ по силѣ, которую Вѣнской дворъ въ ней имѣетъ, и покуда главные Бурбонскіе дворы останутся въ войнѣ нашей безпристрастными, можемъ надѣяться, что не станетъ она дѣлать большихъ препонъ въ дѣлахъ нашихъ; а по сему и будетъ зависѣть отъ искусства вашего и отъ расторопности употребляемыхъ вами къ набору войскъ пользоваться онымъ, хотя бы то было изъ Славянъ или Грековъ, въ ея подданствѣ пребывающихъ, съ тою однакожъ осторожностію, чтобъ не довести дѣла до какого либо непріятнаго оказательства, или же людей намъ усердныхъ не сдѣлать жертвою мщенія сего правительства, которому весьма сродна жестокость.

Великій герцогъ Тосканскій не только въ дружественномъ съ дворомъ нашимъ пребываетъ сношеніи, но, въ качествѣ брата союзника нашего императора, убѣжденъ въ пользѣ и прочности связи нашей, да и всякое зависящее отъ него интересамъ нашимъ доброхотство оказываетъ. Морское наше ополченіе во время прошедшей войны, когда между нашимъ и Вѣнскимъ дворами не настояла еще та дружба, которая нынѣ существуетъ, въ вольномъ портѣ его Ливорнскомъ находило для себя надежную пристань и свободу ко всѣмъ снабдѣніямъ. Таковымъ же благопріязненнымъ образомъ и при наступленіи нынѣшней войны помянутый владѣтель предлагалъ намъ свободное отверстіе портовъ его для флота и войскъ нашихъ.

Въ Папскомъ владѣніи, хотя вы конечно немногое для себя потребное найдете, но, въ случаѣ надобности, и препятствія отнюдь не встрѣтите; ибо между нами и симъ государемъ по временамъ продолжается дружественное сношеніе, и въ земляхъ его имѣются два наши консула.

Король Неаполитанскій, по родству своему съ императоромъ и по особымъ дружественнымъ къ намъ расположеніямъ, являетъ во всякомъ случаѣ доброхотство интересамъ нашимъ, наипаче же съ того времени, какъ произошли между нимъ и отцемъ его королемъ Гишпанскимъ несогласія, по нынѣ еще не прекращенныя. Посредствомъ торговаго договора, заключеннаго между нами и имъ, взаимная дружба вящше утвердилася, и мы пребываемъ въ полномъ удостовѣреніи, что ни вы не встрѣтите въ областяхъ его никакихъ затрудненій въ исправленіи вамъ порученнаго, ниже флотъ нашъ не найдетъ помѣшательства по входѣ его въ порты Сицилійскіе

Съ гросмейстеромъ Ордена Малтійскаго настоитъ у насъ дружественная переписка, и мы при немъ и обществѣ

тамошнемъ имѣемъ повѣреннаго въ дѣлахъ, чрезъ посредство котораго вы не оставьте отозваться письмомъ къ гросмейстеру, что вы, бывъ отъ насъ избраны къ начальству сухопутными войсками нашими на флотѣ нашемъ въ Средиземное море отряженными, отправлены въ Италію для приготовленія заранѣе всего для морскаго и сухопутнаго нашего ополченія нужнаго; что гросмейстеру и всему Ордену извѣстно, съ какими наглостію и вѣроломствомъ вѣчный врагъ имени Христіанскаго нарушилъ миръ съ нами и объявилъ намъ войну; что мы, обратя силы наши противу него, увѣрены, что сверхъ справедливости со стороны нашей, подвиги наши тѣмъ паче сопровождаемы будутъ доброжелательствомъ храбраго ордена Малтійскаго, коль и самое его установленіе имѣло цѣлію защищеніе Креста Святаго и поборниковъ его противу невѣрныхъ; что вы потому ожидаете отъ благопріязненнаго къ намъ расположенія гросмейстера и всего общества всякаго пособія въ надобностяхъ для флота и войскъ нашихъ; что все покупаемо будетъ за наличныя деньги; что правила свободы торговли нейтральныхъ народовъ будутъ свято наблюдаемы, и что вы желаете, дабы Всемогущій Богъ вдохнулъ въ нихъ ревность воспользоваться настоящимъ случаемъ къ раздѣленію съ нами толь великаго подвига и происходящей отъ того славы.

Со Генуезскою республикою и королемъ Сардинскимъ, мы такъ же находимся въ дружескомъ сношеніи. Естьли какія либо встрѣтятся вамъ надобности въ снабдѣніи себя изъ областей ихъ, вы конечно не дознаете затрудненій; ибо за деньги для собственной прибыли никто не отречется нужное доставить, и правительства тамошнія не станутъ въ томъ препятствовать.

Не распространяяся далѣе относительно другихъ державъ, кои отъ васъ весьма удалены будутъ, заключимъ мы сіе предписаніемъ, что въ разсужденіи вышеозначенныхъ и всѣхъ иныхъ государствъ и народовъ, въ войнѣ неучаствующихъ, долженствуютъ наблюдаемы быть въ самой крайней точности правила нейтральной системы, такъ какъ оныя въ декларацiи нашей отъ 28-го февраля 1780-го года, и потомъ въ разныхъ нейтральныхъ конвенціяхъ и торговыхъ договорахъ изображены; чего ради къ свѣдѣнію вашему и къ непремѣнному исполненію всѣхъ вашихъ подчиненныхъ присемъ прилагаются со всѣхъ оныхъ актовъ списки.

XX. Осталося намъ изъяснить здѣсь, что, производя войну противу непріятеля нашего, сверхъ наказанія его вѣроломства, имѣемъ мы предметомъ исторгнуть, буде Богу угодно, народы Христіанскіе изъ подъ ига варварскаго, или же по крайней мѣрѣ облегчить ихъ жребій. Не свойственно было бы таковому намѣренію, и отвратительно человѣколюбивому сердцу нашему, естьли бы дѣйствія оружія нашего въ тѣхъ мѣстахъ сопровождаемы были грабительствомъ и опустошеніями. Вы были свидѣтелемъ въ прошедшую войну, съ каковыми правилами арміи наши дѣйствовали въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. Тому же самому послѣдовать надлежитъ и въ дѣйствіяхъ, войскамъ вами начальствуемымъ предлежащихъ, ускромляя своевольство и строжайше взыскивая наглости и обиды.

XXI. На пріуготовленіе вамъ собственно всего потребнаго и на проѣздъ жалуемъ вамъ десять тысячь рублей, кои вы получите отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора князя Вяземскаго; на столъ же, сверхъ жалованья по чину, вы получать будете по пяти сотъ рублей на

мѣсяцъ тѣ самыя, кои по должности генералъ-губернатора Владимирскаго и Костромскаго вамъ присвоены.

XXII. По прибытіи флота нашего въ Сиракузу, наступитъ уже полное начальство нашего адмирала Грейга, и вы вступите въ командованіе всѣми сухопутными войсками подъ главнымъ его предводительствомъ. Мы почитаемъ излишнимъ дѣлать тутъ напоминанія о должномъ сему главнокомандующему послушаніи, и о соблюденіи вообще воинскихъ порядка и подчиненности, вѣдая, что вы по усердію вашему и по знанію должности ничего не упустите, что̀ къ пользѣ службы нашей относится.

Божію помощь на всѣ дѣла и подвиги ваши призываемъ. Оныя не останутся безъ воззрѣнія нашего, съ каковыми обыкли мы отличать вѣрность, ревность и радѣніе намъ служащихъ. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ Марта 7-го дня 1788-го года.

У подлиннаго подписано тако: *Екатерина.*

(Печатается съ современнаго списка, обязательно сообщеннаго В. Д. Давыдовымъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ВОСПОМИНАНІЙ И. П. ЛИПРАНДИ.

Замѣтки на статью:

Пушкинъ въ Южной Россіи (*).

Стр. 1150. „Г. Анненковъ, имѣвшій „доступъ къ бумагамъ Пушкина, говоритъ (матеріалы, стр. 95), что онъ велъ „журналъ греческаго возрожденія, но „вскорѣ бросилъ его. Если это было дѣйствительно такъ, то можетъ быть этотъ „журналъ впослѣдствіи пригодился Пушкину для его статьи объ одномъ изъ „участниковъ Молдавскаго движенія, „*Кирджали.* Въ ней находятся любопытнѣйшія подробности, собранныя и „записанныя, очевидно изъ первыхъ „рукъ. Ипсиланти изображенъ именно „такъ, какъ его послѣ обличила исторія. „Набросанное Пушкинымъ описаніе дѣла „подъ Скулянами имѣетъ всѣ достоинства подлинной исторической записки".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ и я отчасти знаю, что Пушкинъ могъ записывать многое, пусть и не въ формѣ журнала, но уже во всякомъ случаѣ изъ его собственныхъ записокъ не могла появиться піэса „Кирджали" [49]. Я не знаю, гдѣ „изображенъ" Ипсиланти такимъ, какъ его „послѣ обличила исторія"; напротивъ я встрѣчаю на 1150 стр., что Пушкинъ говоритъ: „Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владимі-

(*) См. выше, стр 1213—1284.

(49) Соч. Пушкина (изд. Исакова. т V, стр. 52).

„реско не имѣетъ другаго достоинства, „кромѣ храбрости необыкновенной, храбрости достанетъ и у Ипсиланти.“ Это писано въ 1821 году, какъ видно изъ сочиненій Пушкина, изд. Исакова, т. IV, стр. 19; слѣдовательно, подъ вліяніемъ самохвальства Грековъ, наводнявшихъ патріотическимъ набѣгомъ своимъ Кишиневъ. Исторія же показала торжественно князя Александра Ипсиланти совершенно противоположно помянутому изреченію, что впослѣдствіи сознадъ и Александръ Сергѣевичъ. Обращаюсь къ „Кирджали.“

Піэса эта, за весьма малыми исключеніями, не вѣрна, что и не мудрено. Она была написана по крайней мѣрѣ спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Пушкинъ оставилъ южный край и написана была со словъ. Пушкинъ самъ говоритъ: „. . . Въ то время неизвѣстный „молодой чиновникъ, нынѣ занимающій „важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ „его (Кирджали) отъѣздъ.“

Этотъ молодой чиновникъ никто иной, какъ М. И. Лексъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, не остановился бы объяснять и исторію праадамитовъ и Санскритскую литературу. Очень можетъ быть, что Пушкинъ слышалъ въ Кишиневѣ о разбояхъ и выдачѣ Кирджали и оставилъ это безъ вниманія, какъ событіе, тогда совершенно не значущее, и, встрѣтившись въ Петербургѣ съ Лексомъ, занимавшимъ уже „*важное мѣсто*“, вспоминая Кишиневскую жизнь, услышалъ анекдотъ о Кирджали, а у Михайла Ивановича былъ запасъ анекдотовъ, которые онъ обыкновенно импровизировалъ, путая имена и мѣста и представляя событія, какъ повертывалось на языкѣ.

Прежде чѣмъ пояснить, что за личность описываемый Кирджали, замѣчу здѣсь вкравшуюся неправильность въ названіяхъ, такъ наприм. Софіано, братъ храбраго подполковника Камчатскаго полка, написанъ „*Сафіоносъ*“; Кондогони названъ „*Кантагони*“; маіоръ Охотскаго полка Карчевскій,—именуется—„*Хорчевскій*“; называются лица, а „*начальникъ карантина*“; не названъ, хотя по повѣствованію ему приписывается одна изъ дѣятельнѣйшихъ ролей въ событіи. Это былъ *д. с. с. Навроцкій*, начальникъ всѣхъ Бессарабскихъ карантиновъ. Главное же тутъ пропущено то, что въ это время былъ здѣсь съ бригадой 16-й дивизіи г. м. Болотовской, и когда онъ увидѣлъ, что нѣсколько пуль перелетѣло черезъ Прутъ въ нашъ карантинъ, онъ тотчасъ послалъ баталіоннаго командира, *маіора Карчевскаго*, съ трубачемъ, къ рѣкѣ и высланному на трубу Туркѣ велѣлъ сказать пашѣ, что, если пули будутъ еще попадать въ карантинъ, то онъ приметъ это за открытіе войны и переправитъ свои войска черезъ Прутъ (50). Командовавшій тутъ Салихъ-паша тотчасъ прекратилъ дѣйствія (51), и на другой день повелъ атаку на теть-де-понъ, параллельно рѣкѣ, такъ что мы видѣли всю сцену, не подвергаясь никакой опасности, находясь только чрезъ рѣку, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ. Всѣхъ четырехъ вышеназванныхъ лицъ я зналъ лично. Въ ночь, послѣ рѣзни, я возвратился въ Кишиневъ, гдѣ засталъ еще корпуснаго командира, меня посылавшаго и подалъ ему рапортъ, съ подробнымъ описаніемъ событія (52).

---

(50) Два баталіона стояли въ колоннахъ, въ виду Турокъ.

(51) Въ послѣднюю ночь перешло много гетеристовъ на нашъ берегъ.

(52) Конечно, подробности эти заключались тогда только въ томъ, что я видѣлъ. Впослѣдствіи уже, а именно въ 1829 году, получилъ я всю возможность, съ мельчайшею точностью описать востаніе Пандуръ, подъ предводительствомъ Тодора Владиміреска и дѣйствія гетеристовъ въ княжествахъ.

Капитанъ Іоргаки, прозванный Олимпіотъ, отъ шайки, опустошавшей до 1806 года окрестности Олимпа и въ которой онъ былъ писаремъ (логофетомъ), здѣсь названъ: «*Іордаки Олимбіоти*». Въ 1806 году, онъ, вмѣстѣ съ другими, прибылъ въ Сербію на ея защиту и находился съ своимъ булукомъ (отрядецъ) въ войскахъ извѣстнаго воеводы Гайдука Велька, составляя его момаковъ. Когда же Гайдукъ Велько былъ убитъ въ Нѣготинѣ, Іоргаки женился на вдовѣ его, бѣжалъ въ Валахію, гдѣ собралъ отрядъ, съ которымъ и конвоировалъ господаря Караджу, обокравшаго княжество и бѣжавшаго въ Австрію отъ петли, которую ему изъ Константинополя вёзъ уже Капиджи-баши. Іоргаки бѣжалъ въ Бессарабію и поселился въ Хотинѣ. Тамъ онъ увѣрилъ Георгія Чернаго, что сему послѣднему стоитъ только показаться въ Сербіи, чтобы опять сдѣлаться верховнымъ вождемъ, и что нужно только добраться до Мегадіи, близь которой у него, Іоргаки, на границѣ Баната, около Чернеца, на первый разъ готовы 600 Арнаутовъ. Георгій позволилъ себя обольстить и, добывъ два паспорта на званіе купцовъ изъ Хотина, оба переодѣтые, тайно ушли и направились къ границамъ Сербіи, по мѣстамъ болѣе скрытнымъ, чрезъ Австрію. Іоргаки взялъ предварительно отъ бывшаго верховнаго вождя 2000 червонцевъ на сформированіе Арнаутовъ, но въ Мегадіи Георгій Черный никого не нашелъ; въ него начали всматриваться и узнавать: назадъ идти было нельзя, и онъ рѣшился переправиться одинъ чрезъ Дунай по вызову Вуйца, родственника и предателя; а Іоргаки ушелъ, чтобы опять пробраться по горамъ въ Хотинъ, но былъ схваченъ Австрійцами и переданъ въ Букарестъ скованнымъ. Въ это время замышлялась уже гетерія, и нашъ драгоманъ генеральнаго консульства, Домнандо, успѣлъ выхлопотать у князя ему жизнь и сдѣлалъ своимъ повѣреннымъ по дѣламъ заговора. Здѣсь онъ обманывалъ и Тодора Владиміреско и князя Ипсиланти и Домнандо, и былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ гетеристовъ въ княжествахъ ([53]). Я нѣсколько распространился здѣсь потому только, что личность эта, попавшая въ творенія Пушкина, должна быть покрайней мѣрѣ правильно названа, въ особенности же, когда статьѣ „Кирджали“ приписывается достоинство „историческое“ за изложеніе дѣйствій гетеристовъ.

Далѣе въ этой же статьѣ сказано, что будто-бы Іоргаки, по разбитіи гетеристовъ, присовѣтовалъ князю Ипсиланти удалиться въ Австрію и принялъ послѣ него начальство и пр. Истребленіе, о которомъ идетъ рѣчь, произошло въ Драгошанахъ. Одинъ священный легіонъ, сформированный изъ Грековъ, получившихъ образованіе въ разныхъ Европейскихъ учебныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, осмѣлился принять бой и былъ истребленъ до одного человѣка ([54]): прочіе всѣ постыдно бѣжали въ разныя стороны; и самъ князь Александръ оставался за переходъ въ боярскомъ домѣ, а Іоргаки пріѣхалъ на поле битвы, или на поле безчестья, когда все было въ бѣгствѣ и не искалъ съ своимъ отрядомъ остановить бѣгущихъ, а послѣдовалъ ихъ примѣру. Князю Ипсиланти совѣтовать бѣжать въ Австрію—не бы-

---

([53]) Іоргаки принадлежитъ мысль и исполненіе предательской смерти Владиміreски, главы возстанія Пандуръ.

([54]) Только начальникъ его, князь Н. Ипсиланти, ускакалъ, и былъ обязанъ жизнію Арнауту Стойко, въ послѣдствіи служившему въ моемъ отрядѣ партизановъ-волонтеровъ, во время войны 1829 года.

ло нужды; онъ остался одинъ, и часть его пожитковъ была разграблена ему же прислуживавшими Арнаутами. Іоргаки въ Австрію бѣжать не могъ, потому что за тайное сопровожденіе Георгія Чернаго, когда по выдачѣ его въ Бухарестъ о томъ было дознано, онъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ. Ему оставалось искать пробраться съ шайкой, горами, къ Русской границѣ, но онъ не успѣлъ и погибъ въ монастырѣ Секу, въ которомъ было заперся.

Я нахожу также, что неправильно, или, по крайней мѣрѣ, неотчетливо, въ Молдавіи называть разбойниковъ „клефтами“. Можно допустить это, если бы статья была писана по гречески, но по русски ни въ какомъ случаѣ, если хотятъ придерживаться точности ([55]).

Въ статьѣ „Кирджали“, видимо, понятіе передававшаго Пушкину объ этомъ лицѣ, спутано до высшей степени. Здѣсь, подъ словомъ „Кирджали“ не должно понимать того знаменитаго атамана, который въ послѣднее время царствованія Селима III и въ началѣ царствованія Магмуда II, опустошалъ страну и былъ столь страшенъ Портѣ. Когда атаманъ этотъ былъ предательски убитъ, многочисленная шайка его разбрелась, и изъ нея образовались мелкія. Многіе, изъ болѣе отважныхъ, къ собственнымъ именамъ своимъ, въ память столь могущественнаго и страшнаго атамана своего, почитавшагося уже дере-беемъ ([56]), присоединили прозваніе Кирджали. Такъ въ 1829 году въ отрядѣ партизановъ-волонтеровъ, мною сформированномъ, въ числѣ 1200 человѣкъ изъ Албанцевъ и другихъ Арнаутовъ, Македонцевъ, нагорныхъ Болгаръ, Өессалійцевъ, Грековъ, Черногорцевъ, Босняковъ, и т. п., для дѣйствія въ тѣснинахъ Балкана и въ лѣсахъ Дели-Ормана, въ числѣ большой части этихъ разбойниковъ, было около пятидесяти человѣкъ, присоединившихъ къ своему имени прозвище „Кирджали“, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ отчетовъ, мною представлявшихся.

Описываемый Пушкинымъ, со словъ М. И. Лекса, „Кирджали“, былъ однимъ

([55]) Въ Европейской Турціи каждая мѣстность имѣетъ особенное названіе своимъ разбойникамъ, отличающимся и особеннымъ характеромъ въ своихъ дѣйствіяхъ; такъ напр. клефты — въ южной Өессаліи и въ нижней Албаніи; затѣмъ въ другихъ мѣстахъ: гайдукъ, ускокъ, вендета, угусцы, рампея, пустоя и т. д.; каждый, повторяю, имѣетъ особенный родъ дѣйствій; о чемъ здѣсь было бы говорить и излишне и длинно.

([56]) Когда атаманъ дѣлался сильнымъ и успѣвалъ, тогда онъ величался почетнымъ именемъ: дере-бея, князя, властелина долинъ; на томъ основаніи, что такой разбойникъ, спускаясь съ горъ и выходя изъ ущелій, вторгается въ долины, распространяетъ ужасъ и гарцуетъ въ оныхъ. Въ такихъ случаяхъ само правительство искало уже соединиться съ нимъ и привлечь его на свою сторону, на каковой конецъ вступало съ нимъ въ переговоры и возводило его въ званіе мериимрона, визиря (двухъ и трехбунчужные паши) и т. п, предоставляя ему въ управленіе пространныя области. Таковыми были въ наше уже время знаменитый Пасванъ-Оглу, покоритель Видина, съ знатною частью Болгаріи и всей Сербіи, съ частью Босніи; Терземекли-оглу, Дахъ-деверенъ, извѣстный въ войнѣ 1806-1812 г; Пегливанъ-паша, верховный визирь мустафа Байрактаръ, славный преданностью своею Селиму III и геройской смертью своею; Измаилъ-бей, паша Сересскій, неоднократно отказывавшійся отъ беглербегства Македонскаго; Кара-Феизъ-паша, разбившій на голову гетеристовъ въ Валахіи, бывшихъ подъ личнымъ предводительствомъ князя А Ипсиланти; наконецъ извѣстные уже всей Европѣ: Али паша Янинскій и Мегметъ-Али-паша Египетскій и т. д. Албанецъ Кирджали былъ на той же дорогѣ, и его никакъ не должно смѣшивать съ Кирджали, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: тотъ за 12 лѣтъ прежде гетеріи не существовалъ уже болѣе.

изъ принадлежавшихъ къ этой категоріи, а потому смутно переданныя слова о похожденіяхъ этого „Кирджали“ должны быть совершенно отдѣлены отъ перваго. Здѣсь должно сказать нѣсколько словъ, чтобы пояснить, какимъ образомъ появились гетеристы въ Молдавіи, когда главныя ихъ силы были уже въ Валахіи и, такъ сказать, наканунѣ встрѣчи Ипсиланти съ Турками. Князь Георгій Кантакузинъ былъ отдѣленъ изъ Тыргависта, чтобы собрать и принять начальство надъ гетеристами, разсѣявшимися по Молдавіи. Отдѣленіе это произошло болѣе въ слѣдствіе несогласія между обоими князьями по предмету дѣйствій. Во всякомъ однако же случаѣ хуже ничего нельзя было придумать, какъ раздѣлиться въ то самое время, когда слѣдовало быть сильными въ одномъ пунктѣ; а при томъ отдаленіе князя Кантакузина, лучшей изъ всѣхъ головъ, не могло быть полезно; но это уже такъ: Греки между собой ужиться не могутъ; не даромъ у Турокъ сложилась и пословица: „Между тремя Греками четыре капитана (начальника)“.

Князь Кантакузинъ прибылъ въ Яссы въ числѣ около 800 человѣкъ, но, тѣснимый Турками, вышедшими изъ Браилова, онъ привелъ отрядъ къ Скулянамъ, съ цѣлію выждать соединенія съ бывшимъ Сербскимъ воеводой Младенымъ, и началъ укрѣпляться, или строить родъ тетъ-де-пона предъ самымъ перевозомъ изъ нашего карантина. Противъ этой мѣры возставали многіе, коихъ мнѣніе было броситься въ горы и искать соединиться съ Младенымъ, имѣвшимъ уже до двухсотъ разноплеменныхъ всадниковъ. Князь оставался непреклоненъ. Тогда рѣшено было убить его, и капитанъ (57) Ходжъ-Оглу, родомъ изъ Габрова, принялъ это на себя. Князю ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ перейти на нашъ берегъ; за нимъ каждую ночь слѣдовали Арнауты, а вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ и Ходжъ-Оглу, потомъ служившій у меня въ отрядѣ. Изъ числа болѣе осмисотъ, бывшихъ у Кантакузина, осталось сто шестьдесятъ человѣкъ, которые, какъ замѣчено выше, черезъ четыре дня послѣ перехода Кантакузина (58) были въ нашихъ гла-

(57) Капитанъ не то что въ Европѣ; это начальникъ чего либо не только въ подобныхъ дѣйствіяхъ, но даже и во всѣхъ другихъ случаяхъ; такъ напримѣръ: смотритель почтъ „капитанъ ди почтъ“; базарный — „капитанъ ди тыргъ“; смотритель за стадами отправляемыхъ свиней въ Австрію — „капитанъ ди поркъ“.

(58) Здѣсь нельзя, хотя вкратцѣ, не привести слѣдующаго Когда княгиня Елена Михайловна узнала, что мужъ ея, князь Георгій Кантакузинъ, въ Скулянахъ, на Молдавскомъ еще берегѣ, она пріѣхала видѣться съ нимъ Прекрасная и величественная женщина эта подъѣхала въ колaскѣ прямо къ дому, занимаемому генераломъ Бологовскимъ, чтобы испросить у него позволеніе вызвать мужа въ карантинную переговорню. Увидѣвши въ окно княгиню, мы тотчасъ вышли къ коляскѣ, изъ которой она только-что выходила со слезами на глазахъ (видимо пострадавшихъ отъ нихъ), и обратилась съ своею просьбой къ Дмитрію Николаевичу; но тотъ извѣстилъ ее, что за нѣсколько часовъ князь перешелъ къ намъ и ей не нужно уже безпокоиться, она можетъ его видѣть. Извѣстіе это поразило ее; нельзя выразить достоинства, которое отразилось на лицѣ матери тогда еще только двухъ малолѣтнихъ сыновей. „Разъ перейдя Прутъ, я предпочла бы лучше совсѣмъ не видать его, нежели видѣть такъ возвратившимся“, сказала она по французски и залилась слезами (Надо здѣсь замѣтить, что княгиня не знала о предпріятіи мужа, когда онъ переправился въ Молдавію). Пока послано было распоряженіе о вызовѣ князя во внутреннюю переговорню, она пила чай у Дмитрія Николаевича. и гордость ея была нѣсколько удовлетворена, когда мы разсказали причину появленія князя на нашей сторонѣ: она сдѣлалась спокойнѣе, и мы проводили ее пѣшкомъ въ карантинъ......

захъ всѣ перерѣзаны. Храбрый Младенъ явился изъ горъ, но поздно. Онъ возвратился и распустилъ отрядъ свой. Несчастный воевода этотъ, обманутый обѣщаніемъ Милоша примириться съ нимъ, былъ убитъ изъ устроенной ему засады, на которую наведенъ.

Въ числѣ перешедшихъ къ намъ такимъ образомъ Арнаутовъ былъ и Георгій Кирджали, родомъ нагорный Болгаръ, вовсе не раненый, какъ сказано у Пушкина. Такимъ образомъ, въ одномъ Кишиневѣ собралось ихъ сотъ до шести человѣкъ Очень немногіе нашли себѣ мѣсто, но и на немъ не долго оставались: такъ и взятый мною Арнаутъ: ([59]); пробывъ мѣсяца два, онъ объявилъ мнѣ, что идетъ на родину; я не обратилъ никакого вниманія, хотя по посѣщеніямъ, дѣлаемымъ ему множествомъ его товарищей, я сомнѣвался въ намѣреніи его идти на родину. Да и какъ было попасть туда? Между тѣмъ, въ какіе нибудь три дня сдѣлалось замѣтно постепенное исчезновеніе Арнаутовъ съ улицъ Кишинева. Но вслѣдъ за симъ, мы узнали, что всѣ эти Арнауты предприняли тайно пробраться до Прута и массой вторгнуться въ Молдавію (чему казачьи посты наши по Пруту не могли бы воспротивиться) и тамъ образоваться въ разбойничьи шайки. Сборнымъ ихъ пунктомъ избранъ былъ Гура-Галбинскій лѣсъ, съ юго-западнаго конца котораго они, въ одинъ усиленный переходъ, должны были добраться до Прута, перейти оный и броситься въ началѣ въ Гушевскій и Фалчинскій лѣса; но вышла неудача: одна изъ огорченныхъ любовницъ тайно разсказала это начальнику казачьихъ полковъ Бѣгидову, который наскоро соединилъ триста казаковъ и, съ двумя ротами пѣхоты, встрѣтилъ Арнаутовъ на половинѣ ихъ пути и окружилъ: они не защищались, и всѣ были возвращены подъ конвоемъ. Человѣкъ пять, въ числѣ ихъ и мой Георгій, успѣли укрыться въ лѣсу отъ облавы, тайно возвратились въ Кишиневъ и, какъ бы никогда не оставляли оный, хотя всѣ знали, что и они были изъ числа искавшихъ бѣжать, но никто на это не обращалъ вниманія, и большая часть изъ нихъ поступила на тѣ же мѣста, которыя за нѣсколько дней оставили.

Кирджали, съ тремя товарищами, также успѣлъ укрыться отъ облавы, но не захотѣлъ возвратиться въ Кишиневъ, а нашелъ возможность, тайно, ночью, между казачьими пикетами, перейти Прутъ и предаться грабежу; но, увидѣвъ, что Кучюкъ-паша Ясскій принялъ сильныя мѣры къ поимкѣ разбойниковъ, онъ опять тайно съ своими товарищами пришелъ въ Кишиневъ, гдѣ также подвергся подозрѣніямъ, по причинѣ ночныхъ отлучекъ и совпадавшимъ съ ними грабежамъ ([60]). Въ это время подошло требованіе Молдавскаго правитель-

([59]) Георгій Джавела, родомъ изъ Кано-Сули, въ южной Албаніи, не болѣе, какъ черезъ недѣлю былъ опять у меня и оставался неразлучно въ продолженіе шестнадцати лѣтъ. Всѣ мои знакомые знаютъ его, и Пушкинъ всегда любилъ съ нимъ шутить. Когда я въ 1822 году ѣздилъ въ Петербургъ, онъ просилъ меня непремѣнно показать Георгія его брату Льву Сергѣевичу и пр.

([60]) Одинъ изъ его спутниковъ, Коста-Панаитъ взятъ былъ генераломъ С. Ѳ. Желтухинымъ, въ званіи Арнаута; впослѣдствіи, въ одинъ день, въ сумерки, онъ отлучился, какъ часто случалось и съ разсвѣтомъ былъ уже дома. Оказалось, что, подобравъ себѣ десять человѣкъ, на подставныхъ лошадяхъ, слеталъ въ м. Гинцетты, принадлежавшее семейству извѣстнаго Манукъ-бея, тестя Лазарева; ограбилъ вдову, похитивъ у нея множество драгоцѣнныхъ камней. По обнаруженіи онъ былъ наказанъ кнутомъ. Подробности этого наѣзда чрезвычайно любопытны.

ства о выдачѣ Кирджали, какъ оговореннаго пойманными его участниками въ разныхъ грабежахъ. Правительство рѣшилось избавиться отъ такого гостя; онъ былъ посаженъ въ острогъ и на другой день отправленъ безъ цѣпей, но со связанными руками, и полицейскій офицеръ имѣлъ съ собой двоихъ каларашей (земскіе полицейскіе служители).

Кирджали былъ привезенъ въ наши Скуляны, въ сумерки. Въ это время, на Молдавской сторонѣ, у самаго парома, случился тамошній Турецкій пограничнаго пункта начальникъ, какъ ихъ называютъ, бешли-ага. Кирджали былъ съ нимъ близко знакомъ и съ плота еще привѣтствовалъ Егобъ-агу. Когда онъ, вмѣстѣ съ бумагами, былъ переданъ ему, они, въ сопровожденіи двухъ Турокъ, пошли въ домъ бешли-аги. Тамъ этотъ послѣдній развязалъ ему руки, угостилъ его, и когда пришло время ложиться спать, Егобъ-ага сказалъ ему, что долженъ надѣть на него кандалы и со свѣтомъ отправить въ Яссы. Кирджали призналъ мѣру эту необходимой и не желалъ подвергнуть его, Егобъ-агу, извѣстной строгости паши. Егобъ-ага налилъ еще вина и между-тѣмъ послалъ находившагося тутъ Турку принести кандалы. Кирджали выпилъ свой стаканъ тотчасъ и, воспользовавшись тѣмъ, что рука Егобъ-аги была поднесена со стаканомъ ко рту, выхватилъ у него изъ-за пояса оба пистолета; однимъ прострѣлилъ его въ животъ и, выдернувъ изъ за пояса же кинжалъ, бросился въ двери, въ которыхъ соткнулся съ Туркомъ, посыланнымъ за кандалами. Кирджали ударилъ его по лицу ятаганомъ и, пользуясь темнотою, исчезъ.

Вотъ настоящая исторія воспѣтаго Кирджали, которую я чрезъ нѣсколько дней слышалъ въ Скулянахъ; потомъ Арнаутъ мой, пріятель съ Кирджали, узналъ тоже самое отъ жителей Молдавскихъ Скулянъ. Егобъ-ага излечился и въ 1827 году (за годъ до войны), я былъ въ Исакчѣ, куда онъ былъ назначенъ пашею и слышалъ отъ него подтвержденіе этого разсказа. Въ 1829 году, по заключеніи мира, я, въ продолженіе еще трехъ мѣсяцевъ, начальствовалъ Туртукайскимъ отрядомъ и часто видѣлся съ Кучюкъ-Ахмедомъ, уже визиремъ въ Рущукѣ и долго просиживалъ за столомъ. Однажды рѣчь зашла о жалкой участи Егобъ-паши, сдавшемъ намъ Исакчу; я спросилъ о происшествіи съ Кирджали и отъ него услышалъ точно тоже. Никто навѣрное не зналъ, какъ окончилъ жизнь славный этотъ разбойникъ; по слухамъ, видѣли его въ Босніи, но едва ли не положительно можно сказать, что въ 1829 году онъ не былъ уже на свѣтѣ, ибо не преминулъ бы явиться въ мой отрядъ, почти весь составленный изъ его товарищей по ремеслу.

Надо полагать, что М. И. Лексъ слышалъ о событіи при отысканіи клада, но забылъ съ кѣмъ именно это случилось, если только могло случиться, и приписалъ Кирджали.

Стр. 1158. „Пушкина занимала из„вѣстная Молдаванская пѣсня: „*тю юбе„ски питимасура*“, и еще съ бо́льшимъ „вниманьемъ прислушивался онъ къ дру„гой пѣсни: „*ардема, фридема*“... Его „занимала и „*мититика*“, — пляска съ „пѣніемъ, но въ особенности такъ на„зываемый „*сербешти*“ (сербская пля„ска)“.

Не только Пушкина, одареннаго самымъ пламеннымъ воображеніемъ, но и каждаго изъ насъ, внезапно перенесшагося въ край, вовсе не схожій съ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ Европѣ, должно было занимать все встрѣчающееся въ Кишиневѣ, особенно въ эпоху 1821 года. Впечатлѣнія эти несомнѣнно должны были дѣйствовать сильнѣе на молодаго по-

эта, нежели на всѣхъ другихъ. Онъ ловилъ то, что̀ болѣе его поражало, и мы видимъ подражаніе одной изъ помянутыхъ пѣсенъ: „жги меня, рѣжь меня“ и т. д. Все это такъ ([61]).

Но мнѣ удивительно, что я не встрѣтилъ въ помянутомъ исчисленіи двухъ современныхъ историческихъ, народомъ сложенныхъ пѣсенъ, которыя, какъ мнѣ близко извѣстно, въ особенности занимали Александра Сергѣевича. Первая, изъ Валахіи, достигла Кишинева, въ августѣ 1821 года; вторая, въ концѣ того же года. Куплеты изъ этихъ пѣсенъ безпрерывно слышны были на всѣхъ улицахъ, а равно исполнялись и хорами цыганскихъ музыкантовъ. Кто изъ бывшихъ тогда въ Бессарабіи и особенно въ Кишиневѣ не помнитъ безпрерывныхъ повтореній: *„Помъ, помъ, помъ „поміерами, помъ“* и *«фронзе верде ша«лала, Савва Бимъ-баша?»*.

Первая изъ нихъ сложена аллегорически на предательское умерщвленіе главы пандурскаго возстанія Тодора Владимірески, по распоряженію князя Ипсиланти въ окрестностяхъ Тырговиста. Вторая, на такую же предательскую смерть извѣстнаго и прежде, а во время гетеріи храбрѣйшаго Бимъ-баши-Саввы, родомъ Болгарина, подготовившаго движеніе Болгаръ, коимъ Ипсиланти не умѣлъ воспользоваться. Бимъ-баша-Савва, по истребленіи гетеристовъ въ Драгошанахъ, съ своими тысячью отборными Арнаутами, перешелъ, послѣ разгромленія Ипсиланти, по приглашенію къ Туркамъ и присоединился къ нимъ. Но Турки, зная его вліяніе на Болгаръ и не осмѣливаясь открыто истребить его, прибѣгли къ хитрости: паша заманилъ его къ себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы надѣть на него присланный отъ султана почетный кафтанъ. Савва поддался и явился изъ митрополіи, которую онъ занималъ своимъ отрядомъ, только съ шестидесятью всадниками, во дворъ паши въ Букарестъ, въ домъ Беллы. Войдя въ залу съ капитаномъ Генчу, онъ былъ внезапно встрѣченъ нѣсколькими пистолетными выстрѣлами, и трупъ его немедленно выброшенъ за окно на улицу. Изъ конвойныхъ его только трое спаслись и въ 1829 году находились у меня въ отрядѣ; пѣсня эта не столь аллегорическая, какъ первая и разсказываетъ главные эпизоды убійства.

Александръ Сергѣевичъ имѣлъ переводъ этихъ пѣсенъ; онъ приносилъ ихъ ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобы повѣрить со словъ моего Арнаута Георгія. Но въ декабрѣ 1823 года, бывши въ Одессѣ, Пушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ не знаетъ, куда дѣвались у него эти пѣсни, и просилъ, чтобы я доставилъ ему копію съ своего перевода; въ январѣ 1824 года, опять пріѣхавши въ Одессу, я ему ихъ и передалъ. Не знаю, какъ послѣ, но тогда онъ обходился очень небрежно съ лоскутками бумаги, на которыхъ имѣлъ обыкновеніе писать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не вижу въ собраніи его сочиненій даже и намека о двухъ повѣстяхъ, которыя онъ составилъ изъ Молдавскихъ преданій, по разсказамъ

([61]) Помню очень хорошо, между Пушкинымъ и В. Ѳ. Раевскимъ, горячій споръ (какъ между ними другаго и быть не могло) по поводу; „рѣжь меня, жги меня;“ но не могу положительно сказать, кто изъ нихъ утверждалъ, что — „жги“ принадлежитъ Русской пѣсни, и что вмѣсто „рѣжь“, слово — «говори» имѣетъ въ «пыткѣ» то же значеніе, и что споръ этотъ порѣшилъ отставной фейерверкеръ Ларинъ (оригиналъ, отлично переданный А. Ѳ. Вельтманомъ), который обыкновенно жилъ у меня. Не понимая о чемъ дѣло и уже довольно попробовавшій за ужиномъ полынковаго, потянулъ онъ эту пѣсню—«ой жги, говори, рукавички барановыя»! Эти послѣднія слова превратили споръ въ хохотъ и обыкновенныя съ Ларинымъ проказы.

трехъ главнѣйшихъ гетеристовъ: Василья Каравія, Константина Дуки и Пендадеки, преданныхъ Ипсилантіемъ, въ числѣ другихъ, народному проклятію за дѣйствіе и побѣгъ изъ-подъ Драгошанъ, гдѣ впрочемъ и самъ Ипсиланти преступно не находился.

Василій Каравія былъ Нѣжинскій Грекъ, очень не глупый и съ нѣкототорымъ образованіемъ; онъ попалъ въ особенную милость къ князю Ипсиланти, за варварское убійство мирныхъ Турокъ въ Галацахъ, при самомъ началѣ гетерійскихъ дѣйствій ([62]). Пендедека, тоже родомъ изъ Нѣжина, не лишенный ума и очень хитрый. Онъ былъ эѳоромъ въ сбродѣ Ипсиланти, имѣя чинъ полковника гетеристовъ; одно время правилъ Молдавіей (до прибытія князя Георгія Кантакузина, изъ Тырговистъ). Дука, родомъ Албанецъ, человѣкъ, въ высшей степени замѣчательный; онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Али-паши-Янинскаго, любимецъ его, владѣлъ независимо отъ греческаго, албанскаго, валахскаго языковъ — италіянскимъ (въ Албаніи довольно распространеннымъ) и французскимъ. Долго было бы говорить здѣсь о его похожденіяхъ и о томъ, какъ онъ попалъ въ гетерію. Каравія, Пендандека и Дука были отвержены Кишиневскимъ Греческимъ обществомъ; но я не находилъ нужнымъ дѣлать того же, напротивъ, какъ говорится, приголубилъ ихъ, особенно Дуку и въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ извлекалъ изъ него то, что̀ мнѣ было нужно. Пушкинъ часто встрѣчалъ ихъ у меня и находилъ большое удовольствіе шутить и толковать съ ними. Отъ нихъ онъ заимствовалъ два преданія, въ нѣсколько пріемовъ записывалъ ихъ, и всегда на особенныхъ бумажкахъ. Онъ уѣхалъ въ Одессу. Чрезъ нѣкоторое время я пріѣхалъ туда же на нѣсколько дней и, какъ всегда, остановился въ клубномъ домѣ у Отона, гдѣ основался и Пушкинъ. Онъ показалъ мнѣ составленныя повѣсти; но нѣкоторыя мѣста въ нихъ казались ему не ясными, ибо онъ просто потерялъ какой-либо лоскутокъ и просилъ меня, чтобы я вновь переспросилъ Дуку и Пендадеку и выставилъ бы года лицамъ, точно ли они находились тогда въ Молдавіи. Разскащики времени не знаютъ. „Съ прозой—бѣда!“ присовокупилъ онъ, захохотавъ. „Хочу „попробовать этотъ первый опытъ“. Я это исполнилъ, съ дополненіемъ еще, отъ случайно въ это время ко мнѣ вошедшаго Скуфо, также одного изъ проклятыхъ Ипсилантіемъ, и вскорѣ передалъ Пушкину. Мѣсяца черезъ два потомъ, когда я былъ въ Одессѣ, Пушкинъ поспѣшилъ мнѣ сказать, что онъ всѣ сказанія привелъ въ порядокъ, но не будучи совершенно доволенъ, отдалъ прочитать одному доброму пріятелю (кажется, Василью Ивановичу Туманскому) и обѣщалъ взять отъ него и показать мнѣ. Онъ это исполнилъ на другой день, прочиталъ самъ, прося, если онъ въ чемъ сбился, и я помню разсказъ, то ему замѣтить. Сколько я помнилъ, то поправлять слышанное мною было нечего, тѣмъ болѣе, что я не постоянно находился, когда ему передавали разсказъ. Я нашелъ, разумѣется, что все очень хорошо. Предметъ повѣстей вовсе не занималъ меня: онъ не входилъ въ кругъ моего сборника; но, чтобы

([62]) Напавъ неожиданно, ночью, на шестьдесятъ семействъ, мирно жившихъ въ Галацахъ, занимавшихся ремеслами и торговлей, онъ, безъ всякаго кровопролитія, забралъ ихъ и съ разсвѣтомъ, помѣстивъ женъ и дѣтей на Турецкое судно, отвелъ его на средину Дуная; прорубилъ дно судна, и, въ глазахъ отцевъ и мужей, погрузилъ его въ волны. А потомъ, тутъ же на берегу, перерѣзалъ несчастныхъ Турокъ. Подвигъ этотъ доставилъ ему званіе генерала и начальника артиллеріи.

польстить Пушкину,—я просилъ позволенія переписать и тотчасъ послалъ за писаремъ; на другой день это было окончено. Въ рукописи Пушкина было уже много передѣлокъ другой рукой, и онъ мнѣ сказалъ, что въ этотъ же вечеръ опять отдастъ оную на пересмотръ, что ему самому какъ то не нравится. Что̀ сдѣлалось потомъ, я не знаю, но у меня остались помянутыя копіи, одна, подъ заглавіемъ: „Дука, молдав„ское преданіе XVII вѣка; вторая: „Да„фна и Дабижа, молдавское преданіе „1663 года“ (63).

Стр. 1158. Приведенные здѣсь стихи дѣйствительно не Пушкина. Остроумно-игривый авторъ ихъ еще живъ и въ Москвѣ. Они составлялись въ веселой бесѣдѣ на словахъ, а не на бумагѣ. Многіе изъ Кишиневскаго общества упоминались въ этомъ припѣвѣ — „джоку.“

Въ куплетѣ, здѣсь приведенномъ, вкралась ошибка и именно въ послѣднемъ стихѣ:

„Наблюдая нѣжны связи,
„Съ дамой всякъ ступай любой:
„Въ первой парѣ Катакази
„Съ скромной Стамовой женой.

Дѣйствительно „Катакази - губернаторъ“ а „Стамо“ дипломатическій чиновникъ, Грекъ (отставной коллежскій совѣтникъ); жена его Екатерина Захарьевна, урожденная Рали, а не „Симфираки,“ — это личное имя, и не „Симфиръ,“ а Земфиръ. Правда, что по обычаю въ томъ краѣ называютъ многихъ по личному имени, какъ напримѣръ: Яковаки, Янко, Иваница, Костаки, Алеко, Іордаки (правильнѣй Іоргаки отъ Іорго, Георгій), Тодораки, Тодорашка (братъ Крупянскаго) и т. д.; но по этимъ именамъ нельзя сказать— „*урожденная*“. О женѣ Стамо и о сестрѣ ея Маріолѣ въ своемъ мѣстѣ замѣчено, но здѣсь главное въ томъ, что въ куплетѣ было сказано о Севастицѣ Скинѣ, сестрѣ послѣдняго Молдавскаго господаря Михаила Суцо. Женѣ Стамо выраженіе — „*скромной*,“ не могло быть дано, а напротивъ къ Скинѣ оно совершенно подходило, а сверхъ-того носилась и молва, что Катакази ухаживалъ за ней.

Стр. 1161. Сколько я понималъ Пушкина,—то я думалъ видѣть въ немъ всегда готоваго покутить за стаканами, точно также, какъ принимать участіе и въ карточной игрѣ, не будучи особенно пристрастнымъ ни къ тому, ни къ другому. Одинаково и во всѣхъ другихъ общественныхъ случаяхъ, во всемъ онъ увлекался своею пылкостью: тамъ, гдѣ танцовали, онъ отъ всей души предавался пляскѣ; гдѣ былъ легкій разговоръ, онъ былъ неистощимъ въ остротахъ; съ жаромъ вступалъ въ разговоръ, особенно гдѣ дѣло шло о поэзіи, а тамъ, гдѣ шла рѣчь объ исторіи и географіи, въ жаркихъ спорахъ его проглядывалъ скорѣе вызовъ, для пріобрѣтенія свѣдѣній, въ необходимости которыхъ онъ болѣе и болѣе убѣждался. Самолюбіе его было безъ предѣловъ; онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ, какъ это очень справедливо и замѣчено на предшествующей 1160 страницѣ. Словомъ, вездѣ и во всемъ обнаруживалась Африканская кровь его.

Когда онъ имѣлъ встрѣчу съ З., меня въ Кишиневѣ не было. Не знаю, что̀ сказать объ искусствѣ въ игрѣ сего послѣдняго; мнѣ никогда не случалось видѣть его за картами. По возвращеніи моемъ въ Кишиневъ, мнѣ разсказывали что-то въ родѣ того, какъ въ статьѣ дуэль эта описывается, и здѣсь мнѣ остается только обратить вниманіе на необходимость исправленія слѣдующаго несогла-

(63) Отъ себя Пушкинъ ничего не прибавилъ тутъ. *П. Б.*

сованія: на стр. 1162-й говорится о „фуражкѣ, наполненной *черешнями*, изъ „коихъ выбирались спѣлыя, и Пушкинъ „завтракалъ ими подъ выстрѣломъ;“ на страницѣ же 1169-й сказано, что поединокъ происходилъ „*въ исходѣ 1821 года*“: но въ это время года въ Кишиневѣ черешень не бываетъ — это первый весенній плодъ.

Описываемое присутствіе духа Пушкина на этомъ поединкѣ меня не удивило: я зналъ Александра Сергѣевича вспыльчивымъ, иногда до изступленія; но въ минуту опасности, словомъ, когда онъ становился лицемъ къ лицу со смертію, когда человѣкъ обнаруживаетъ себя вполнѣ, Пушкинъ обладалъ въ высшей степени невозмутимостью при полномъ сознаніи своей запальчивости, виновности, но не выражалъ ее. Когда дѣло дошло до барьера, къ нему онъ являлся холоднымъ какъ ледъ. На моемъ вѣку, въ бурное время до 1820 года, мнѣ случалось не только что видѣть множество такихъ встрѣчь, но не разъ и самому находиться въ такомъ же положеніи, а подобной натуры, какъ у Пушкина въ такихъ случаяхъ, я встрѣчалъ очень не много. Эти двѣ крайности въ той степени, какъ онѣ соединились у Александра Сергѣевича, должны быть чрезвычайно рѣдки. Къ сему должно еще присоединить, что первый взрывъ его горячности не былъ недоступнымъ до его разсудка. Вотъ чему я былъ близкимъ свидѣтелемъ ([64]).

([64]) Случай этотъ какъ то попалъ въ мой дневникъ, изъ котораго вкратцѣ извлекаю сцену, которая можетъ послужить для оцѣнки Пушкина тѣми, которые съумѣютъ сдѣлать это лучше меня. Не лишнимъ считаю сказать здѣсь, что когда сцена эта заносилась въ дневникъ, я былъ знакомъ съ Пушкинымъ едва ли болѣе полутора мѣсяца, и, какъ не литераторъ и плохой цѣнитель его дарованій, не имѣлъ ничего съ нимъ общаго, исключая пріятной, веселой съ нимъ бесѣды, тогда какъ съ Ѳ. Ѳ. Орловымъ я былъ близокъ съ 1812 года по нѣкоторымъ особеннымъ отношеніямъ и конечно долженъ бы былъ быть пристрастнѣе къ нему.

Въ концѣ октября 1820 года, братъ генерала М. Ѳ. Орлова, л.-гв. уланскаго полка полковникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, потерявшій ногу, кажется подъ Бауценомъ или Герлицемъ, пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Кишиневъ. Удальство его было извѣстно. Однажды, послѣ обѣда, онъ подошелъ ко мнѣ и къ полковнику А. П. Алексѣеву и находилъ, что будетъ гораздо пріятнѣе куда-нибудь отправиться, нежели слушать разговоръ „братца съ Охотниковымъ о по„литической экономіи!“ Мы охотно приняли его предложеніе ([65]), и онъ замѣтилъ, что надо бы подобрать еще кого нибудь; ушелъ въ гостиную къ Михайлѣ Ѳедоровичу и вышелъ оттуда подъ руку съ Пушкинымъ. Мы отправились безъ опредѣленной цѣли куда идти: предложеніе Алексѣева идти къ нему было единогласно отвергнуто, и рѣшили идти въ бильярдную Гольды.

([65]) Ѳ. Ѳ. Орловъ началъ службу въ конной гвардіи, но по какой причинѣ: по любви ли или вслѣдствіе проигрыша, ему пришла мысль застрѣлиться, и онъ предпринялъ исполнить это съ эфектомъ, въ особомъ нарядѣ и передъ трюмо. Сильный зарядъ разорвалъ пистолетъ, и пуля прошла черезъ подбородокъ въ шею. Его вылѣчили, но шрамъ былъ очень явственен. Онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ, корнетомъ, въ Сумскій гусарскій полкъ, и въ 1812 г. очень часто приходилось ему быть ординарцемъ у Дохтурова, гдѣ я съ нимъ и сблизился по одному случаю. Алексѣевъ же въ это время былъ въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку, въ одной бригадѣ съ Сумскимъ. Оба были извѣстны своей отвагой, а потому какъ бы сдружились. Въ 1813 г. Ѳ. Ѳ. Орловъ былъ переведенъ въ л.-г. уланскій полкъ. Орловыхъ было четыре брата: Алексѣй и Михайло отъ одной матери, Григорій и Ѳедоръ—отъ другой; оба послѣдніе потеряли по ногѣ въ 1813 году.

Здѣсь не было ни души. Спрошенъ былъ портеръ. Орловъ и Алексѣевъ продолжали играть на бильярдѣ на интересъ и въ придачу на третью партію вазу жжонки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порѣшили пить круговой; я воспротивился, болѣе для Пушкина, ибо я былъ привыченъ и находилъ даже это лучше, нежели не очередно ([66]). Алексѣевъ предложилъ на голоса; я успѣлъ сказать Пушкину, чтобы онъ не соглашался, но онъ присталъ къ первымъ двумъ, и потому приступили къ круговой. Первая ваза кое-какъ сошла съ рукъ, но вторая сильно подѣйствовала, въ особенности на Пушкина; я оказался крѣпче другихъ. Пушкинъ развеселился, началъ подходить къ бортамъ бильярда и мѣшать игрѣ. Орловъ назвалъ его школьникомъ, а Алексѣевъ присовокупилъ, что школьниковъ проучиваютъ. Пушкинъ рванулся отъ меня и, перепутавъ шары, не остался въ долгу и на слова; кончилось тѣмъ, что онъ вызвалъ обоихъ, а меня пригласилъ въ секунданты. Въ десять часовъ утра должны были собраться у меня. Было близко полуночи. Я пригласилъ Пушкина ночевать къ себѣ. Дорогой онъ уже опомнился и началъ бранить себя за свою Арабскую кровь, и когда я ему представилъ, что главное въ этомъ дѣлѣ то, что причина не совсѣмъ хорошая и что надо какъ нибудь замять, „Ни за что!“ произнесъ онъ остановившись. „Я докажу имъ, что я не школь-„никъ!“—“Оно все такъ, отвѣчалъ я ему, но все-таки будутъ знать, что всему виной жжонка, а при томъ я нахожу, что и бой не ровный„.—„Какъ не ровный? “опять остановившись спросилъ онъ меня. Чтобы скорѣй разрѣшить его недоумѣніе и затронуть его самолюбіе, я привокупилъ: „Не ровный потому, что „можетъ быть изъ тысячи полковниковъ „двумя меньше, да еще и какихъ—ни-„чего не значитъ, а вы двадцати двухъ „лѣтъ—уже извѣстны“ и т. п. Онъ молчалъ. Подходя уже къ дому, онъ произнесъ: „Скверно, гадко; да какъ же „кончить?“—„Очень легко, отвѣчалъ я: „вы первые начали смѣшивать ихъ игру; „они вамъ что-то сказали, а вы имъ „вдвое, и наконецъ, не они, а вы ихъ „вызвали. Слѣдовательно, если они пріѣдутъ не съ тѣмъ, чтобы становиться „на барьеръ, а съ предложеніемъ помириться, то вѣдь честь ваша не по„страдаетъ“. Онъ долго молчалъ и наконецъ сказалъ по французски: „Это „басни: они никогда не согласятся; Алек-„сѣевъ, можетъ быть,—онъ семейный, „но Теодоръ—никогда: онъ обрекъ себя „на натуральную смерть, то все-таки „лучше умереть отъ пули Пушкина, „или убить его, нежели играть жизнью „съ кѣмъ-нибудь другимъ“. Я не отчаявался въ успѣхѣ. Закусивъ, я уложилъ Пушкина, а самъ, не спавши, дождался утра и въ осьмомъ часу поѣхалъ къ Орлову. Мнѣ сказали, что онъ только-что выѣхалъ. Это меня нѣсколько озадачило. Я опасался, чтобы онъ не попалъ ко мнѣ безъ меня: я поспѣшилъ къ Алексѣеву. Проѣзжая мимо своей квартиры, увидѣлъ я, что у дверей нѣтъ экипажа, который, съ радостью, увидѣлъ у подъѣзда Алексѣева, а еще болѣе, и также неожиданно, обрадовался, когда едва я показался въ двери, какъ они оба въ одинъ голосъ объявили, что сейчасъ собирались ко мнѣ посовѣтоваться, какъ бы окончить глупую вчерашнюю исторію.—„Очень легко, отвѣчалъ я. имъ, пріѣзжайте въ 10-ть ча-„совъ, какъ условились, ко мнѣ; Пуш-„кинъ будетъ, и вы прямо скажете, что-„бы онъ, такъ какъ и вы, позабылъ

([66]) Кто зналъ уловку круговой, то она выносится легче при одинаковой силѣ, но Пушкинъ не слушалъ меня.

„вчерашнюю жжонку." Они охотно согласились. Но Орловъ не довѣрялъ, что Пушкинъ согласится. Возвратясь къ себѣ, я нашелъ Пушкина уже вставшимъ и съ свѣжей головой, обдумавшимъ вчерашнее столкновеніе. На сообщенный ему результатъ моего свиданія, онъ взялъ меня за руку и просилъ, чтобы я ему сказалъ откровенно: не пострадаетъ ли его честь, если онъ согласится оставить дѣло? Я повторилъ ему сказанное наканунѣ, что не они, а онъ ихъ вызвалъ, и они просятъ мира: „такъ „чего-же больше хотѣть?" Онъ согласился, но мнѣ все казалось, что онъ не довѣрялъ, въ особенности Орлову, чтобы этотъ отложилъ такой прекрасный случай подраться; но когда я ему передалъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ не хотѣлъ бы дѣломъ этимъ сдѣлать непріятное брату,—Пушкинъ, казалось, успокоился. Видимо онъ страдалъ только потому, что столкновеніе случилось за бильярдомъ, при жжонкѣ: „а не то, „славно бы подрался; ей-Богу, славно!" Черезъ полчаса пріѣхали Орловъ и Алексѣевъ. Все было сдѣлано, какъ сказано; всѣ трое были очень довольны; но мнѣ кажется, все не въ той степени, какъ былъ радъ я, что не дошло до кровавой развязки: я всегда ненавидѣлъ роль секунданта и предпочиталъ дѣйствовать самъ. За обѣдомъ въ этотъ день у Алексѣева Пушкинъ былъ очень веселъ и возвращаясь благодарилъ меня, объявивъ, что, если когда представится такой же случай, то чтобы я не отказалъ ему въ совѣтахъ и пр.

Случай этотъ представился; но здѣсь мое вмѣшательство, какъ видно будетъ ниже, было уже безполезно.

Поводъ къ столкновенію Пушкина съ Старовымъ разсказанъ въ главныхъ основаніяхъ—правильно (стр. 1166). Вальсъ или мазурка — все равно, развѣ только одно, что тогда могло быть принято въ соображеніе, есть то, что программа послѣдовательныхъ плясокъ была предварительно опредѣлена. Въ тотъ вечеръ я не былъ въ клубѣ, но слышалъ отъ обоихъ противниковъ и отъ многихъ свидѣтелей, и мнѣ оставалось только жалѣть о моемъ отсутствіи, ибо съ 1812 года, будучи очень близко знакомъ съ Старовымъ, я, можетъ быть, и отсовѣтовалъ бы ему изъ пустяковъ начать такую исторію. Онъ сознавался мнѣ, что и самъ не знаетъ, какъ онъ все это продѣлалъ.

Но здѣсь я долженъ объясниться на сказанное (стр. 1166): ....„секундантомъ „Пушкина былъ Н. С. Алексѣевъ, *а од„нимъ изъ совѣтниковъ и распорядите„лей—И. П. Липранди, мнѣніемъ ко„тораго поэтъ дорожилъ въ подобныхъ „случаяхъ* (67)".

Въ семь часовъ утра я былъ разбуженъ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ съ Н. С. Алексѣевымъ. Они разсказали случившееся. Мнѣ досадно было на Старова, что онъ въ свои лѣта поступилъ какъ прапорщикъ, но дѣла отклонить было уже нельзя, и мнѣ оставалось только сказать Пушкину, что „онъ „будетъ имѣть дѣло съ храбрымъ и „хладнокровнымъ человѣкомъ, не похо„жимъ на того, какимъ онъ, по ихъ „разсказамъ, былъ вчера". Я замѣтилъ, что отзывъ мой о Старовѣ польстилъ Пушкину Напившись чаю, Алексѣевъ просилъ меня ѣхать съ ними; я долго не соглашался, на томъ основаніи, что, если я поѣду, то Пушкинъ будетъ имѣть двухъ свидѣтелей, а Старовъ—одного: въ такомъ случаѣ должно было бы предупредить его вчера; но потомъ я разсудилъ, что бой будетъ не ров-

(67) За сими словами въ скобкахъ: (вспомнимъ опять, что повѣсть „*Выстрѣлъ* слышана отъ Липранди)". Не помню этого разсказа и желалъ бы знать источникъ.

ный, на томъ простомъ основаніи, что Пушкинъ былъ такъ молодъ, неопытенъ и хоть въ минуты опасности, я думалъ, что онъ будетъ хладнокровнымъ, но съ его чрезвычайною пылкостью отъ самой ничтожной причины, онъ очень легко могъ выдти изъ подобнаго положенія. Секундантъ его, правда, обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, но въ такихъ случаяхъ былъ также не опытенъ, между-тѣмъ какъ Старовъ былъ въ полномъ смыслѣ обстрѣленный, и чтò меня болѣе всего пугало, то это — необразованность его, какъ свѣтскаго человѣка и не знающаго значенія нѣкоторыхъ словъ, а одно такое, будучи произнесено безъ всякаго умысла, было-бы достаточно, чтобы произвести взрывъ въ Пушкинѣ. За всѣмъ тѣмъ однако же я обѣщалъ быть, но съ условіемъ, что заѣду предупредить Старова, чтобы и онъ взялъ еще одного свидѣтеля; но если онъ не успѣетъ, то, конечно, повѣритъ мнѣ и самъ, въ чемъ я не сомнѣвался. Формальность при такихъ случаяхъ неотмѣнно должна быть выполнена, а такъ-какъ остается еще полтора часа времени, то я заѣду съ отвѣтомъ къ Алексѣеву, мимо котораго должно будетъ ѣхать въ Рышкановку. Мы выѣхали вмѣстѣ; Старовъ, съ полчаса передо мной, уѣхалъ къ подполковнику Дережинскому, но и у него я никого не засталъ и поспѣшилъ къ Алексѣеву. Они, обдумавъ, признали, что безъ согласія Старова мнѣ быть на мѣстѣ не ловко, а потому согласились на предложеніе мое находиться на всякій случай вблизи, и мы отправились, ибо время уже подходило. На вопросъ Алексѣева объ условіяхъ, я просилъ его только одного, чтобы барьеръ былъ не менѣе двѣнадцати шаговъ и отнюдь не соглашаться подходить ближе. Старовъ былъ вовсе не мастеръ стрѣлять, Пушкинъ, хотя иногда и упражнялся, но лучше сказать, шалилъ, а потому оба, конечно поспѣшатъ сойтися, и тогда послѣдствія будутъ ужасны. Пушкинъ горѣлъ нетерпѣньемъ; я ему что-то замѣтилъ, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что неотмѣнно хочетъ быть на мѣстѣ первый. Я остановился въ одной изъ ближайшихъ къ мѣсту мазанокъ. Погода была ужасная: мятель до того была сильна, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было видѣть предмета, и къ этому довольно морозно. Войдя въ мазанку, я приказалъ извощику посматривать на дорогу или, скорѣй, прислушиваться колесъ, не поѣдетъ ли кто изъ города и дать мнѣ знать; я все еще думалъ встрѣтить Старова; но напрасно. Черезъ-часъ я увидѣлъ Алексѣева и Пушкина возвращающимися и подумалъ; что успѣхъ остался за ними. Но вотъ что тутъ же я узналъ отъ нихъ. Первый барьеръ былъ на шестнадцать шаговъ; Пушкинъ стрѣлялъ первый и далъ промахъ, Старовъ тоже и просилъ поспѣшить зарядить и сдвинуть барьеръ; Пушкинъ сказалъ: „и гораздо лучше, а „то холодно“. Предложеніе секундантовъ прекратить было обоими отвергнуто. Морозъ съ вѣтромъ, какъ мнѣ говорилъ Алексѣевъ, затруднялъ движеніе пальцевъ при заряженіи. Барьеръ былъ опредѣленъ на двѣнадцать шаговъ, и опять два промаха. Оба противника хотѣли продолжать, сблизивъ барьеръ; но секунданты рѣшительно воспротивились, и такъ-какъ нельзя было помирить ихъ, то поединокъ отложенъ до прекращенія мятели. Дрожки наши, въ продолженіе разговора, до гребли въ городъ, ѣхали рядомъ и шагомъ, ибо иначе было нельзя. Я отправился прямо къ Старову. Заставъ его за завтракомъ, разсказалъ ему, гдѣ я былъ. Онъ упрекнулъ меня за недовѣріе къ нему и пригласилъ быть свидѣтелемъ, какъ только погода стихнетъ. Когда полковой адъютантъ вышелъ,

и мы остались вдвоемъ, я спросилъ его, какъ это пришло ему въ голову сдѣлать такое дурачество въ его лѣта и въ его положеніи? Онъ отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, какъ все это сошлось; что онъ не имѣлъ никакого намѣренія, когда подошелъ къ Пушкину: „да „онъ, братецъ, такой задорный", присовокупилъ онъ —„Но согласись, съ ка„кой стати было тебѣ, самому не тан„цующему, вмѣшиваться въ споръ двухъ „юношей, изъ коихъ одному хотѣлось „мазурки, другому вальса". На это онъ мнѣ сказалъ, что всему виноватъ его офицерикъ, отказавшійся объясниться съ Пушкинымъ. На замѣчаніе мое, что если офицерикъ его былъ виноватъ, то онъ имѣлъ всю власть взыскать съ него и даже выгнать изъ полка, а прилично ли ему взять на себя роль прапорщика и привязаться къ молодому человѣку, здѣсь по волѣ Государя находящемуся и уже всѣмъ извѣстному своими дарованіями? „Ну ты бы убилъ его, вѣдь „всѣ были бы твоими врагами, въ осо„бенности, когда бы узнали поводъ къ „дуэли, и пр." Это нѣсколько подѣйствовало на него, и онъ началъ было соглашаться, что ему не слѣдовало вмѣшиваться и заключилъ тѣмъ, что теперь уже дѣлать нечего, надо кончить и просилъ меня, если я увижу Алексѣева, сказать ему, что не худо поспѣшить; покончить „можно въ клубной „залѣ"—прибавилъ онъ.

Я ничего не говорилъ Пушкину, опасаясь, что онъ схватится за мысль стрѣляться въ клубномъ домѣ, но буквально передалъ Алексѣеву весь разговоръ, и онъ обѣщалъ повидаться въ тотъ же день съ Старовымъ. Вечеромъ Пушкинъ былъ у меня, какъ ни въ чемъ не бывало, также веселъ, такой же спорщикъ со всѣми, какъ и прежде. Въ слѣдующій день, рано, я долженъ былъ уѣхать въ Тирасполь и на другой день вечеромъ возвратясь, узналъ миролюбивое окончаніе дѣла, и мнѣ казалось тогда видѣть будто бы какое-то тайное сожалѣніе Пушкина, что ему не удалось подраться съ полковникомъ, извѣстнымъ своею храбростью. Однажды какъ-то Алексѣевъ сказалъ ему, что онъ вѣдь дрался съ нимъ, то чего же онъ хочетъ больше, и хотѣлъ было продолжать, но Пушкинъ, съ обычной ему рѣзвостью, сѣлъ ему на колѣни и сказалъ: „Ну, не сердись, не сердись, душа моя„ и вскочивъ, посмотрѣлъ на часы, схватилъ шапку и ушелъ.

Я изложилъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью то, что̀ мнѣ было извѣстно объ этомъ поединкѣ; *совѣты* же мои и *распоряженія* ограничивались только тѣмъ, что̀ я сказалъ выше. Сколько я знаю, то главнымъ дѣятелемъ въ примиреніи Пушкина съ Старовымъ былъ Н. С. Алексѣевъ, обладавшій, какъ замѣчено, невозмутимымъ хладнокровіемъ, тактомъ и общимъ уваженіемъ; я не знаю никого, кто бы въ то время могъ съ успѣхомъ уладить это трудное дѣло между такими противниками.

Съ того времени по 1831 годъ, находясь въ одной арміи и частяхъ войскъ съ Старовымъ, мы не разъ вспоминали объ этой встрѣчѣ, и впослѣдствіи, въ пятидесятыхъ годахъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, что̀ Старовъ находился въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ, гдѣ и умеръ, мы какъ то повели разговоръ о Пушкинѣ и, кажется, по поводу нечаянно открытой имъ книги, лежавшей на столѣ у общаго нашего знакомаго. Ему было уже подъ семдесятъ лѣтъ; тридцать два года послѣ поединка, онъ искренне *обвинялъ себя* и говорилъ, что это одна изъ двухъ капитальныхъ глупостей, которыя онъ сдѣлалъ въ жизни своей.

На стр. 1168-й разсказывается происшествіе съ Теодоромъ или Тодораки

Балшемъ и женой его Марьей. Это случилось скоро послѣ моего выѣзда 4-го февраля 1822 г.; недѣли черезъ двѣ я получилъ о томъ въ Херсонѣ извѣстіе, а по возвращеніи узналъ и всѣ подробности отъ обѣихъ сторонъ. Происшествіе изложено въ статьѣ, въ главныхъ чертахъ, вѣрно; но если только признано будетъ не лишнимъ нѣкоторое поясненіе, то оно заключается въ слѣдующемъ: 1-е, Столкновеніе произошло у того же Крупянскаго, у котораго потомъ и послѣдовала развязка. 2-е, Марья Балшъ, жена Тодораки, была дочь Богдана, о чемъ въ другомъ мѣстѣ сказано подробно. Она была женщина лѣтъ подъ тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива; владѣла хорошо французскимъ языкомъ и съ претензіями. Пушкинъ былъ также не прочь поболтать, и должно сказать, что нѣкоторое время это и можно было только съ ней одной. Онъ могъ иногда доходить до рѣчей весьма свободныхъ, что ей очень нравилось, и она въ этомъ случаѣ не оставалась въ долгу. Дѣйствительно ли Пушкинъ имѣлъ на нее какіе виды или нѣтъ, сказать трудно: въ такихъ случаяхъ онъ былъ переметчивъ и часто, безъ всякихъ цѣлей, любилъ болтовню и матеріализмъ; но какъ бы то ни было, Марія принимала это за чистую монету. Въ это время появилась въ салонахъ нѣкто Албрехтша, она была годами двумя старше Балшъ, но красивѣй, съ свободными Европейскими манерами; много читала романовъ, многіе провѣряла опытомъ и любезностью своею поставила Балшъ на второй планъ; она умѣла поддерживать салонный разговоръ съ Пушкинымъ и временно увлекала его. У Балшъ породилась ревность; она начала дѣлать Пушкину намеки, и получивъ однажды отъ него отзывъ, что женщина эта (Албрехтша)—историческая и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Онъ сталъ съ ней сдержаннѣе и вздумалъ любезничать съ ея дочерью, Аникой, столь же острой на словахъ, какъ и мать ея, но любезничалъ такъ, какъ можно было только любезничать съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Оскорбленное самолюбіе матери и ревность къ Албрехтшѣ (она приняла любезничанье съ ея дочерью-ребенкомъ, въ смыслѣ, что будтобы Пушкинъ желалъ этимъ показать, что она имѣетъ уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности. Въ это-то самое время и послѣдовала описанная сцена. Слѣдовательно, по моему мнѣнію, слово — „*ухаживалъ за дочерью*" въ томъ смыслѣ, какъ оно сказано, не вѣрно, а за симъ и послѣдующія двѣ строки уже нейдутъ.

Продолжая разсказывать это происшествіе (стр. 1167), по случаю ссоры двухъ Молдаванъ, что имъ слѣдовало драться, но они не дрались: „Липранди „сказалъ, чего отъ нихъ требовать! У „нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько че„ловѣкъ, да ихъ руками отдубасить про„тивника!" Я дѣйствительно сказалъ это, но не по поводу „ссоры двухъ Молдо„ванъ",—а по случаю оплеухи, данной въ театрѣ въ креслахъ нѣкоему прапорщику, выгнанному изъ вѣдомства путей сообщенія. Полагали поединокъ неминуемымъ слѣдствіемъ, и Пушкинъ, не успѣвшій еще оцѣнить характеръ народа, среди котораго онъ находился, не видалъ другаго исхода и былъ очень удивленъ, когда помянутыя слова были мною сказаны въ присутствіи нѣсколькихъ довольно значительныхъ Молдаванъ. Можно почти утвердительно сказать, что послѣ сего Пушкинъ началъ смотрѣть на нихъ съ болѣе вѣрной точки зрѣнія и такъ сообразовать свой образъ обращенія съ ними.

Не могу также пропустить безъ замѣчанія и то, что, какъ мнѣ кажется, съ Алексѣевымъ былъ и Пущинъ въ кабинетѣ Крупянскаго, когда Пушкинъ раздѣлался съ Балшемъ (чрезъ нѣсколько лѣтъ возведеннымъ въ гетманы, т. е. въ главнокомандующіе войсками Молдавіи). О присутствіи тутъ Пущина говорю не положительно, ибо въ то время я былъ въ отсутствіи и возвратился чрезъ четыре мѣсяца, а потому и не вполнѣ нахожу этого въ запискахъ своихъ. Въ этомъ случаѣ В. П. Горчаковъ можетъ служить лучшимъ авторитетомъ, если Н. С. Алексѣевъ, какъ свидѣтель, не оставилъ своихъ записокъ. Когда я возвратился, то Пушкинъ не носилъ уже пистолета, а вооружался желѣзной палкой въ осьмнадцать фунтовъ вѣсу.

На стр. 1180 между прочимъ сказано: „Во второй половинѣ 1822 года, съ нимъ „случилась опять исторія. Подробности „намъ неизвѣстны, но есть положитель-„ное свидѣтельство, что въ это время „Пушкинъ, опять за картами повздорив-„ши съ кѣмъ-то изъ Кишиневской мо-„лодежи, снялъ сапогъ и подошвой уда-„рилъ его въ лицо. Инзовъ разослалъ „ихъ: Пушкина въ Измаилъ, а против-„ника его въ Новоселицу.“ За симъ слѣдуетъ выноска подъ № 88, въ которой: „Зеленецкій въ Москвит. 1854 г., „№ 9, стр. 6, передавая этотъ случай „со словъ одного изъ чиновниковъ на-„мѣстничьей канцеляріи В. З. Писаренко, „прибавлять, что П. С. Пущина тогда „уже не было въ Кишиневѣ и что Ин-„зовъ помирилъ противниковъ“.

Ссоръ, или правильнѣй сказать, вспышекъ за карты у Пушкина было нѣсколько, но я никогда не слыхалъ объ описываемой; между-тѣмъ какъ ко второй половинѣ 1822 года я уже возвратился въ Кишиневъ. Ссылка г. Зеленецкаго на слова Писаренки очень ненадежна, какъ выше уже я замѣтилъ. И я позволяю себѣ сомнѣваться въ мѣрахъ, принятыхъ Пушкинымъ противъ молодаго Молдаванина. Это какъ-то грязно и не похоже на Пушкина. Не имѣя указаннаго „Москвитянина“, я не могу понять, почему тутъ сказано, что— „П. С. Пущина тогда уже не было въ „Кишиневѣ и что Инзовъ помирилъ про-„тивниковъ“. Кто же могъ быть такой противникъ Пушкина, получившій подошвой ударъ по лицу и обратить вниманіе Инзова, чтобъ снизойти на степень примирителя? При томъ же тутъ значительное противорѣчіе, или, по крайней мѣрѣ, неясность. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что Инзовъ разослалъ: одного въ Измаилъ, другаго въ Новоселицу, а ниже, что—помирилъ ихъ! Неужели же онъ возвратилъ ихъ изъ ссылки, съ тѣмъ, чтобы помирить? Или помирилъ ихъ, не высылая въ предполагаемыя мѣста? Наконецъ, почему изъ двухъ противниковъ названъ одинъ только Пушкинъ? Все это, сознаюсь, кажется мнѣ за сказку.

Къ числу столкновеній Пушкина можно отнести и случай, разсказанный на стр. 1186-й и дополнить его: „какой-то „солидный господинъ“, о которомъ идетъ рѣчь и не названный, принадлежитъ къ числу четырехъ оригиналовъ, встрѣченныхъ Пушкинымъ по пріѣздѣ въ Кишиневъ (см. выше). Это былъ старшій членъ въ управленіи колоніями, статскій совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Лановъ; онъ былъ въ безпрерывной враждѣ съ Пушкинымъ, или правильнѣй сказать, первый враждовалъ, а вторый отдѣлывался острыми, эпиграмами и шутками безъ всякой желчи и былъ счастливъ, когда смѣялись тому. Лановъ, бывшій адъютантомъ кн. Потемкина, человѣкъ не безъ образованія, на старинную руку и съ понятіями о раздѣленіи лѣтъ и чиновъ. Ему было за 65 лѣтъ, средняго роста, плотный, съ большимъ брюхомъ,

лысый, съ широкимъ краснымъ лицемъ, на которомъ изображалось самодовольствіе; вообще онъ представлялъ собой довольно смѣшной экземпляръ. Онъ постоянно обѣдалъ у Инзова и потому долженъ былъ часто встрѣчаться за тѣмъ же столомъ съ Пушкинымъ. Ланову не нравилось свободное обращеніе Александра Сергѣевича и отвѣты его Инзову, который всегда съ улыбкой возражалъ. Лановъ часто въ общемъ разговорѣ не удостоивалъ вниманія того чтȍ говорилъ Пушкинъ, и происшествіе, описанное на 1186-й страницѣ было именно за столомъ у Инзова. Лановъ назвалъ Пушкина молокососомъ, а тотъ его виносомъ; это случилось передъ самымъ окончаніемъ стола. Инзовъ улыбался, вставъ изъ-за стола, пошелъ къ себѣ, а Лановъ вызывалъ Пушкина на поединокъ. Пушкинъ только хохоталъ, видя, что тотъ настаиваетъ, разсказывая о своихъ поединкахъ при князѣ Таврическомъ. Лановъ нѣсколько успокоился тогда только, когда Пушкинъ принялъ его вызовъ. Инзовъ, услышавъ смѣхъ въ столовой, или, увѣдомленный о происшедшемъ, возвратился въ столовую и скоро помирилъ ихъ. Лановъ, изъ чинопочитанія къ Инзову, согласился оставить все безъ послѣдствій, а Пушкинъ былъ очень радъ, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ. Инзовъ устроилъ такъ, что съ тѣхъ поръ Пушкинъ съ Лановымъ не встрѣчались уже за столомъ вмѣстѣ. Это очень согласовалося съ желаніемъ Пушкина, и тотъ день, въ который очередь была не его, онъ летѣлъ туда, гдѣ было болѣе простора и гдѣ онъ не долженъ былъ глотать то, чтȍ было уже готово сорваться съ языка. Часто также онъ отдѣлывался выдуманнымъ приглашеніемъ къ Орлову или къ Бологовскому и уже въ тотъ день неотмѣнно обѣдалъ у названнаго, и, какъ замѣчалъ Пушкинъ, Инзовъ всегда догадывался и всегда улыбался, чтȍ заставляло и Пушкина дѣлать тоже. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что обѣдать у Инзова вовсе не было обязательно для Пушкина, хотя онъ и жилъ въ домѣ его, и нѣкоторые хотѣли даже думать, что Александръ Сергѣевичъ обязанъ былъ каждый разъ, когда выходилъ, сказываться или какъ бы проситься. Этого ничего не было. Но Пушкинъ очень хорошо понялъ, что въ то время было принято всѣми начальниками держать открытый столъ, не только что для приближенныхъ своихъ, но и для всѣхъ пріѣзжающихъ того вѣдомства лицъ. Пушкинъ же жилъ у Ивана Никитича, былъ имъ ласкаемъ, а потому онъ почиталъ приличіемъ увѣдомлять его и всегда лично, что онъ дома не обѣдаетъ. Такъ онъ однажды выразился у меня, когда В. Ѳ. Раевскій, приглашая къ себѣ обѣдать тутъ бывшихъ, обратился къ Пушкину съ шутливымъ видомъ, какъ это часто между ними бывало, присовокупивъ: „отпустить ли тебя Инзовъ?“ Не нужно было для сего и объясненія Пушкина, это всѣмъ было извѣстно.

Вотъ всѣ столкновенія Пушкина въ Кишиневѣ съ сентября 1820 г. по іюль 1823.

Стр. 1178-я. Въ выноскѣ (№ 86)— вмѣсто—„*Гуроггулбина*“ слѣдуетъ: Гура-Галбина, т. е. Желтая гора, или гора-Червонцевъ. Червонецъ по Молдавански — *галбина.* Гура-Галбина — имѣнье извѣстнаго оригинала, каммергера Янки Балша.

Вигель въ Воспоминаніяхъ своихъ (часть седьмая, гл. 1) въ выноскѣ говоритъ, что „Гура“, по Молдавански значитъ—„устье рѣки или рѣчки“. Откуда онъ взялъ это? Впрочемъ Воспоминанія его—большею частью лишь наборъ вымысловъ и вздора. Гуро-Роша; Гуро-Сарацика; Ма-Гура и т. п., въ Бес-

сарабіи, не устья рѣки или рѣчки, а горы, точно также какъ и Гура-Галбина. Не съ большимъ тридцать лѣтъ тому назадъ, какъ Молдо-Валахи, начавъ сближаться съ Западомъ, стали производить себя отъ Римлянъ и передѣлывать какъ изображенія буквъ, такъ и носившіяся съ незапамятныхъ временъ названія Славянскія, и начали писать нынѣ, вмѣсто островъ—инзула, вмѣсто любовникъ—амурезу; гура—монтина и т. п.; но къ народу это еще туго прививается, и онъ сохраняетъ прежнія названія ([68]).

Стр. 1179-я. Прежде чѣмъ привести нѣсколько словъ, сказанныхъ на этой страницѣ, необходимо замѣтить приведенное на страницѣ 1131-й, какъ имѣющее взаимное соотношеніе, и хотя въ обоихъ случаяхъ они не совсѣмъ относятся прямо къ Пушкину, но не менѣе того обрисовываютъ тотъ кругъ, въ которомъ онъ находился, и о которомъ до сихъ поръ имѣютъ превратное мнѣніе, несомнѣнно такъ занесенное и въ исторію, тогда какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи онаго выльется свѣтъ, до сихъ поръ не проникавшій до страницъ лѣтописи того времени. Можетъ быть, не находись Пушкинъ въ этомъ кругу, пылкій его характеръ, хотя и до нельзя благородный, не воздержалъ-бы часто болтливаго языка, а въ ту эпоху, при тогдашнихъ условіяхъ общества, даже въ самомъ Кіевѣ и гораздо ближе—въ Тульчинѣ и въ мѣстѣ пребыванія князя С. Г. Волконскаго, женившагося на Раевской, словомъ, одного тогда на вѣтеръ сказаннаго слова было бы достаточно для погибели Пушкина. И такъ:

([68]) Я могъ бы сказать многое по сему предмету, но здѣсь было бы это неумѣстно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня были приготовлены статьи, подъ заглавіемъ: „объ усиліи Молдовалаховъ произвести себя отъ Римлянъ", но я оставилъ ихъ не напечатанными.

На стр. 1131-й. „Онъ (Орловъ) заботился *о распространеніи грамотности между солдатами, старался смягчить грубыя отношенія къ подчиненнымъ, за что вскорѣ и пострадалъ.* „Въ Кишиневѣ онъ построилъ манежъ „и, въ новый годъ (1822 г.) далъ въ „немъ большой завтракъ, на которомъ, „*сверхъ обыкновенія*, были угощены „тутъ же, въ однихъ стѣнахъ съ начальствомъ, всѣ нижніе чины".

На стр. 1179-й. „Лѣтомъ 1822 г. „покинули Кишиневъ двое близкихъ „знакомыхъ Пушкина: П. С. Пущинъ и „М. Ѳ. Орловъ. Первый былъ уволенъ „вовсе отъ службы; второй отъ должности дивизіоннаго начальника, съ причисленіемъ къ арміи; *оба по непріятностямъ съ своимъ корпуснымъ командиромъ Сабанѣевымъ*".

Въ то время предписано было при каждомъ дивизіонномъ штабѣ устроить ланкастерскія школы. Когда М. Ѳ. Орловъ принялъ 16-ю дивизію, которою, по отъѣздѣ бывшаго ея начальника г. л. Казачковскаго, временно командовалъ П. С. Пущинъ, то было уже приступлено къ учрежденію помянутой школы въ Кишиневѣ и ожидалось только пріѣзда настоящаго дивизіоннаго начальника, чтобы открыть оную, что̀ Михайло Ѳедоровичъ и сдѣлалъ; а какъ онъ не былъ доволенъ избраннымъ преподавателемъ, то скоро и назначилъ В. Ѳ. Раевскаго, въ это время произведеннаго изъ капитановъ 32-го егерскаго полка въ майоры. Раевскій былъ человѣкъ съ необыкновенною энергіей, знаніемъ дѣла, очень образованный и не чуждый литературы (воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ). М. Ѳ. Орловъ до сего времени близко не зналъ его ([69]), и назначеніе это послѣдовало

([69]) Раевскій служилъ прежде въ артиллеріи и послѣ Бородина получилъ золотую шпагу за

болѣе съ цѣлью удалить его изъ полка, гдѣ онъ не ладилъ съ бывшимъ своимъ баталіоннымъ командиромъ, подполковникомъ Нейманомъ, который былъ, какъ видно изъ его фамиліи—нѣмецъ, а Раевскій совсѣмъ не могъ переваривать этого элемента. Я вошелъ въ эти подробности единственно потому только (и долженъ буду сдѣлать тоже и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ) что они необходимы для вѣрной оцѣнки событій того времени. Раевскій имѣлъ очень хорошее состояніе, а потому выписалъ на свой счетъ изъ Петербурга для школы своей печатныя прописи, впослѣдствіи, какъ будетъ видно далѣе, навлекшія на него одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ ;а вмѣстѣ съ тѣмъ набрасывалось недоброжелателями Орлова какъ бы подозрѣніе и на него самого. Другой—„особенной заботливости къ распространенію грамотности между солдатами" Михайло Ѳедоровичъ не показывалъ. Школы эти, какъ извѣстно, скоро были закрыты во всѣхъ нашихъ арміяхъ.

Орловъ принявъ дивизію, независимо отъ личныхъ своихъ душевныхъ правилъ—искоренять жестокость въ обращеніи съ солдатами, имѣлъ въ руководство свое многіе приказы корпуснаго командира Ивана Васильевича Сабанѣева, отъявленнаго врага тѣлесныхъ наказаній. Въ одномъ изъ приказовъ корпуснаго командира по сему предмету было между прочимъ сказано: „Убить девятерыхъ, „а выучить одного—принадлежитъ другому времени, нами уже отжитому" и т. д. Тутъ упоминалось, что и въ прежнія времена достойные начальники искали собственнымъ примѣромъ внушать подчиненность и т. д. Казалось бы, что Михайло Ѳедоровичъ могъ вполнѣ предаться въ этомъ случаѣ влеченію благороднаго своего сердца, но вышло иначе. Дивизія его начала отставать по фрунтовой части, т. е. введенные въ то время три учебныхъ шага не были такъ выдѣлываемы, какъ въ 17-й дивизіи подъ начальствомъ Сергѣя Ѳедоровича Желтухина, у котораго госпитали были наполнены нижними чинами, надорвавшимися отъ упражненія въ этомъ убійственномъ нововведеніи. Усовершенствованій достигали палками у тѣхъ, которые могли выдерживать, въ особенности первый учебный шагъ. При инспекторскихъ смотрахъ, Сабанѣевъ никогда не смотрѣлъ этихъ учебныхъ шаговъ ([70]); но что дѣлалъ онъ—того не могъ дѣлать Орловъ, между тѣмъ какъ смотры лицъ, составлявшихъ главную квартиру, требовали только усовершенствованія учебныхъ шаговъ. Полковые командиры 16-й дивизіи, въ оправданіе свое, приводили запрещеніе Орлова на ученьяхъ прибѣгать къ шомполамъ, тесакамъ и палкамъ (о розгахъ тогда еще не говорили). Пошла молва, что Орловъ распускаетъ дисциплину, что потакаетъ солдатамъ, что принимаетъ отъ нихъ жалобы на наказанія, ими претерпѣваемыя и назначаетъ по сему слѣдствія, между-тѣмъ какъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ командованія Орловымъ дивизіею, было произведено только два слѣдствія, и жребій оба раза падалъ на меня. Въ концѣ 1820 года, во время инспектированія Орловымъ дивизіи, солдаты нѣкоторыхъ частей 31-го егерскаго полка, стоявша-

храбрость. Братъ его, Андрей, въ лейбъ-уланахъ, былъ главнымъ дѣятелемъ въ изданіи Военнаго Журнала при г. а. Сипягинѣ. Отецъ ихъ, богатый помѣщикъ Старооскольскаго уѣзда, былъ нѣсколько выборовъ дворянскимъ предводителемъ онаго. Старшая сестра замужемъ за Н. Н. Бердяевымъ и т. д.

([70]) Онъ называлъ ихъ не иначе, какъ „гусинымъ шагомъ"; но не могъ не допустить ихъ, какъ утвержденныхъ (по представленію Киселева).

го въ Измаилѣ, принесли ему жалобу на жестокое обращеніе съ ними на ученьѣ. Возвратясь въ Кишиневъ, онъ послалъ меня для произведенія формальнаго слѣдствія. Полковымъ командиромъ былъ полковникъ А., человѣкъ характера слабаго, смирнаго и безпечнаго. Командиръ 1-го баталіона былъ подполковникъ А. Н. Лидерсъ (нынѣ г. а.); командиръ 3-го баталіона былъ маіоръ Ширманъ ([71]). При опросѣ людей подъ присягой, въ баталіонѣ Лидерса, ни одинъ человѣкъ не принесъ жалобы, чтобы онъ былъ наказываемъ за ученье, между тѣмъ какъ въ баталіонѣ Ширмана не было ни одного, который бы не привелъ ужаснѣйшихъ эпизодовъ изъ такихъ экзекуцій. Результатомъ было удаленіе А-ва отъ командованія полкомъ, а Ширмана—преданіе суду. Вотъ это только одно слѣдствіе, которое послѣдовало по поводу жалобъ на инспекторскомъ смотру. Другое имѣло совершенно другой характеръ и послужило сильнымъ обвиненіемъ Михайлу Ѳедоровичу—безъ всякаго основательнаго повода.

Въ началѣ декабря 1821 года, два унтеръ офицера ([72]), георгіевскіе кавалера (за Лейпцигъ и Парижъ, Охотскаго полка, баталіона маіора Вержейскаго), отлучились безъ спросу изъ роты, стоявшей за 20 верстъ изъ Кишинева и явились къ Орлову съ жалобой на маіора Вержейскаго, что онъ, не смотря на георгіевскіе кресты, неоднократно ихъ наказывалъ, подобно какъ и другихъ съ тѣми же отличіями и, около недѣли тому назадъ, найдя какіе-то безпорядки на шести кордонахъ, ими съ капральствами занятыхъ, на каждомъ изъ этихъ кордоновъ давалъ по 20-ти розогъ или палокъ, смачивалъ разсѣченное тѣло соленой водой и переводилъ за двѣ и за три версты до другаго кордона, возобновляя наказанія на каждомъ, такъ-что имъ дано было въ нѣсколько часовъ времени по 120-ти ударовъ палками и розгами; потомъ, на ночь, въ баталіонной квартирѣ ихъ привязали къ поднятымъ оглоблямъ саней, какъ бы распятыми. По объявленіи Орлову этой жалобы, унтеръ-офицеры были тотчасъ освидѣтельствованы дивизіоннымъ штабъ-докторомъ Шуллеромъ, при ихъ полковомъ командирѣ, полковникѣ Соловкинѣ. Тотчасъ же я былъ назначенъ для произведенія строжайшаго слѣдствія, а обоихъ унтеръ-офицеровъ прикомандировали къ дивизіонному учебному баталіону, тогда уже подъ командой маіора Гаевскаго (переведеннаго изъ л. гв. гренадерскаго полка, по поводу происшествія въ Семеновскомъ полку). Излишне говорить объ ужасахъ, открытыхъ по слѣдствію; маіоръ Вержейскій преданъ былъ суду. И такъ вотъ, всѣ послабленія, которыя будто бы сдѣланы были Орловымъ солдатамъ: нѣмецъ Ширманъ и полякъ Вержейскій, отданные имъ подъ судъ за неслыханныя, и въ то время, жестокости. Но послѣднее дѣло, какъ я сказалъ, имѣло вліяніе на служебную дѣятельность М. Ѳ. Орлова и онъ „дѣйствительно—вскорѣ „пострадалъ, но не прямо за распрост„раненіе грамотности и стараніе смяг„чить грубыя отношенія къ подчинен„нымъ", что сейчасъ и будетъ пояснено.

Относительно угощенія солдатъ въ однихъ стѣнахъ съ высшими лицами при освященіи экзерциргауза, то прежде всего замѣчу, что неправильно думать, чтобы угощеніе солдатъ съ начальниками было „сверхъ обыкновенія"; напротивъ, въ то время это гораздо чаще случалось, нежели нынѣ, и я бы могъ

([71]) Полки тогда состояли изъ 1-го и 3-го дѣйствующихъ баталіоновъ; 2-й баталіонъ былъ резервный, въ Россіи.

([72]) Матвѣевъ и Аристовъ.

привести здѣсь множество тому примѣровъ, несравненно разительнѣе; но не въ этомъ, а вотъ въ чемъ дѣло.

Для занятій учебнаго баталіона 16-й дивизіи, въ Кишиневѣ не было никакого зданія, на воздухѣ не всегда можно было это дѣлать, а потому Орловъ озаботился устроить родъ манежа собственными средствами. Такъ-какъ построить все зданіе изъ дерева было бы слишкомъ дорого, то вырыта была пространная землянка, стѣны коей возвышались только на два аршина отъ земли, для продѣлки частыхъ оконъ. Поставлены стропила, на коихъ настлана была камышевая крыша; внутренность была отштукатурена; фронтонъ былъ изящной архитектуры, т. е. съ колоннами и т. п. Все это было сдѣлано учебнымъ баталіономъ, и люди за работу удовлетворялись Михайломъ Өедоровичемъ изъ собственныхъ денегъ. Къ концу декабря 1821 года зданіе окончилось; Орловъ желалъ освятить оное на новый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ при такихъ случаяхъ всегда бываетъ, дать завтракъ, и рѣшилъ сдѣлать оный въ самомъ манежѣ. Мнѣ и Охотникову поручено было декорировать внутренность. Въ три дня все было готово: стѣны украшены штыками, тесаками, ружьями и другими воинскими принадлежностями, фестонами изъ зеленаго, краснаго и бѣлаго сукна и т. п. У стѣны, лежащей противъ входа, былъ сдѣланъ довольно удачно арматурный щитъ, для полноты котораго ввезены были двѣ пушки, сложены ядра и пр. и пр. Въ щитѣ этомъ было два георгіевскихъ знамени Охотскаго полка и два такихъ же Камчатскаго. Между георгіевскими знаменами, изъ пистолетовъ шифръ императора Александра, въ сіяніи изъ шомполовъ. Передъ щитомъ, поперекъ манежа, для завтрака накрытъ былъ на сорокъ человѣкъ столъ, къ которому долженъ былъ быть приглашенъ архіепископъ Димитрій, вызвавшійся самъ освятить зданіе; генералъ Инзовъ, губернаторъ и пр. Вдоль же манежа устроены были восемь столовъ, каждый на 80 человѣкъ, для учебнаго баталіона. Часа за два до назначеннаго времени, Михайло Өедоровичъ пріѣхалъ осмотрѣть приготовленіе и, замѣтивъ, что у щита, при четырехъ георгіевскихъ знаменахъ и у двухъ орудій нѣтъ часовыхъ, какъ необходимой принадлежности знаменъ, приказалъ Гаевскому тотчасъ поставить на часы къ знаменамъ двухъ унтеръ-офицеровъ, и если найдутся, то съ георгіевскими крестами, да и повиднѣе. Сказавъ это, онъ уѣхалъ, и большая часть изъ насъ разошлась, чтобы переодѣться къ торжеству. Выборъ Гаевскаго палъ на двухъ унтеръ-офицеровъ, принесшихъ жалобу на Вержейскаго (находившагося еще подъ судомъ, а потому и оба унтеръ-офицера были какъ бы прикосновенными къ дѣлу и въ строгомъ смыслѣ ни въ какомъ случаѣ не могли такъ публично занять почетнѣйшее мѣсто въ торжествѣ, хотя дѣйствительно красивѣе и рослѣе ихъ другихъ не было). До пріѣзда Михайла Өедоровича всѣ военные были уже въ манежѣ; Пущинъ и полковой командиръ Соловкинъ видѣли помянутыхъ часовыхъ и могли бы тотчасъ замѣтить Гаевскому неловкій его выборъ, а изъ находившихся тутъ на лицо людей, въ полной же формѣ, замѣнить ихъ было легко, но никто того не сдѣлалъ. Этою вероятно случайною забывчивостью они не только что повредили Орлову, но и унтеръ-офицеровъ, уже во всякомъ случаѣ совершенно невинныхъ, подвергли разжалованію и лишенію крестовъ. Орловъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Инзовымъ и не успѣлъ еще дойти до щита, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, какъ прі-

ѣхалъ архіепископъ, и началось освященіе, послѣ чего подошли къ приготовленному столу. Димитрій любовался обоими унтеръ-офицерами, которыхъ, кажется, тогда Орловъ не узналъ, а взявъ чарку водки, поздравилъ солдатъ съ новымъ годомъ и „здравіемъ Государя“. Обычное „ура!“ было отвѣтомъ. Объ унтеръ-офицерахъ не было и рѣчи, какъ вдругъ изъ главной квартиры офиціально спросили корпуснаго командира о дѣйствительности наряда на часы помянутыхъ унтеръ-офицеровъ. Сабанѣевъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, не нашелъ особенной въ томъ важности; пожурилъ Гаевскаго, и тѣмъ пока все и окончилось, но различныя событія начали быстро слѣдовать одни за другими.

Въ это самое время шла уже глухая молва, что существуетъ какой-то „*союзъ благоденствія*“, изложенный въ какой-то „*зеленой книгѣ*“, въ которую вписались многія изъ военныхъ лицъ; но кто именно и въ чемъ это состоялось — ходили самые неопредѣленные толки. Вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, 32-го егерскаго полка маіоръ Юминъ подалъ рапортъ корпусному командиру, что, по присягѣ, обязанъ объявить, что, два года тому назадъ, во время лагеря въ Крапивнѣ, пріѣзжалъ изъ Кіева артиллерійскій полковникъ Бистромъ „съ зеленой книгой“, которую подписалъ полковой командиръ Непенинъ и другой полковой командиръ, полковникъ Кальмъ, но что̀ написано было въ книгѣ, ему неизвѣстно. Спрошенный Непенинъ отвѣчалъ тоже, что не знаетъ ея содержанія, что Бистромъ сказалъ ему, что это общество для вспоможенія бѣднымъ, и онъ тотчасъ подписалъ вслѣдъ уже многихъ подписавшихся лицъ, но не посмотрѣлъ, кто именно (73).

Изъ главной квартиры настоятельно требовали открытія мнимаго „заговора“. Начальникъ штаба 6-го корпуса г. м. Вахтенъ, при инспектированіи полка, когда Раевскій былъ еще ротнымъ командиромъ, нашелъ, что онъ много говоритъ за столомъ при старшихъ и тогда, когда его не спрашиваютъ, что онъ, на свой счетъ, сшилъ для роты двухшевные сапоги; что онъ часто стрѣляетъ изъ пистолета въ цѣль. Ко всему этому донесли, что онъ въ Ланкастерской школѣ задобриваетъ солдатъ, давая имъ на водку, и наконецъ, что прописи включаютъ въ себѣ имена извѣстныхъ республиканцевъ: Брута, Кассія и т. п. Въ этомъ послѣднемъ не трудно было убѣдиться, и Раевскій 5-го февраля 1822 года былъ арестованъ, отвезенъ въ Тираспольскую крѣпость, гдѣ и назначена была слѣдственная коммиссія (74).

---

(73) Кто зналъ беззаботность Андрея Григорьевича Непенина, тотъ не остановится повѣрить сему. Храбрѣйшій офицеръ этотъ, во время 1812 — 1815 годовъ, былъ адъютантомъ князя Щербатова; получилъ георгіевскій крестъ и полкъ, котораго онъ лишился по вышесказанному случаю; предъ тѣмъ онъ женился въ Аккерманѣ на Арсеньевой, дочери помѣщицы Тульской губерніи. Онъ былъ отставленъ, и воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы. Въ сороковыхъ годахъ ему разрѣшено было пріѣхать въ Москву, гдѣ онъ скоро и умеръ.

(74) Слѣдовать было нечего; одинъ обвинительный актъ могъ бы имѣть какое-либо значеніе,— это прописи, но и это оказалось ничтожнымъ: прописи были выписаны изъ Петербурга и были одинаковы, какъ и для всей арміи. Не знали, что дѣлать съ Раевскимъ; продолжали слѣдствіе; онъ отвѣчалъ очень рѣзко и такъ просидѣлъ до 1825 года, а тогда отправили его въ Петербургъ, но онъ оказался непричастнымъ къ событіямъ, разразившимся 14-го декабря. Его отправили въ Динабургъ. Тамъ великій князь Константинъ Павловичъ оправдалъ его во всемъ; но Дибичъ, тогда всемогущій, не согласился съ симъ, и Раевскій былъ лишенъ правъ и сосланъ въ Ир-

Само собою разумѣется, что все это, какъ ни было ничтожнымъ, но оно не могло не дать повода врагамъ Михайла Ѳедоровича Орлова утверждать, что всѣмъ этимъ безпорядкомъ онъ былъ единственнымъ виновникомъ, какъ начальникъ или злонамѣренный, или слабый. Находили также, что оба бригадные генералы—одинаковаго съ нимъ направленія, не разсуждая, что Пущина Орловъ засталъ въ дивизіи, а Бологовской былъ назначенъ на вакансію безъ всякаго вліянія Орлова. Корпусный командиръ, какъ человѣкъ умный и опытный, не раздѣлялъ этого мнѣнія; напротивъ, онъ, каждый разъ, какъ пріѣзжалъ въ Кишиневъ, останавливался у Михайла Ѳедоровича; но вдругъ неожиданное происшествіе, въ которомъ одинаково Орловъ, въ самомъ строгомъ смыслѣ, виноватымъ никакъ быть не могъ, разыгралось непріятнымъ для него образомъ. Вотъ что случилось.

Передъ отъѣздомъ своимъ на короткій отпускъ въ Кіевъ, Михайло Ѳедоровичъ назначилъ инспекторскій смотръ 2-й бригадѣ, стоявшей въ окрестностяхъ Кишинева. Все было благополучно, исключая одной роты капитана Б., Камчатскаго полка. Какъ обыкновенно, для спроса людей—все ли они получаютъ, не обращались ли съ ними жестоко и т. п., рота обступаетъ инспектора. Она все получила, наказанія за ученіе и т. п. поступки капитанъ прекратилъ, и теперь они довольны имъ. Казалось, все кончилось; но кто-то въ заднихъ рядахъ, какъ по большой части это бываетъ, сказалъ, что „намедни капитанъ хотѣлъ было наказать „артельщика за то, что онъ не отдалъ „ему деньги за вырученный провіантъ; но „мы не допустили до этого, а потомъ помирились“. Михайло Ѳедоровичъ слишкомъ хорошо умѣлъ различать человѣколюбіе отъ священныхъ обязанностей дисциплины, чтобы оставить это безъ вниманія: „Какъ не допустили? Разсказывайте!“ И вотъ что онъ узналъ. При сборѣ полка на инспекторскій смотръ, рота капитана Б. остановилась въ десяти верстахъ отъ города. Подошло время получать провіантъ; артельщикъ, получивъ асигновку, отправился изъ деревни въ городъ, гдѣ продалъ провіантъ, какъ это водилось, когда людей кормили на квартирахъ. Возвратясь въ деревню, артельщикъ не явился къ капитану; этотъ узналъ, что онъ пришелъ и послалъ за нимъ; и получилъ отъ него утвердительный отвѣтъ, что точно провіантъ проданъ за столько-то. Когда же Б. потребовалъ отъ него деньги, то онъ объявилъ ему, что „рота не при„казала отдавать ему, а распредѣлили „ихъ по капральствамъ“. Капитанъ велѣлъ приготовить палки и когда вѣстовые вывели артельщика на дворъ для наказанія, собравшіеся солдаты, предвидя развязку, вошли во дворъ и требовали не наказывать; но видя, что капитанъ не соглашается, закричали ему, что не дадутъ наказывать, ибо артельщикъ исполнилъ ихъ приказаніе и за тѣмъ вырвали у вѣстовыхъ палки, переломали ихъ и артельщика увели съ собой ([75]). Б. скоро понялъ значеніе всего

кутскъ. Въ 1856 году онъ прощенъ, безъ возврата чина и въ 1858-мъ, бывши въ Петербургѣ, оставилъ мнѣ собственноручное изложеніе всего дѣла. И. Л.

Пушкинъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ В. Ѳ. Раевскаго и чрезвычайно любопытствовалъ узнать причину его ареста. *П. Б.*

([75]) Поводомъ къ такому приказанію роты былъ приказъ и Сабанѣева и Орлова, чтобы экономическія деньги за провіантъ раздавать часть на руки и часть причислять въ артельную сумму. До сего времени половина всегда оставалась въ пользу ротныхъ командировъ.

этого, и посредствомъ ему преданнаго деньщика представилъ и ротѣ, что̀ можетъ ожидать ее, когда все это огласится. Послѣдствіемъ было примиреніе, и такъ прошло дней десять.

Орловъ, съ горестью выслушавъ эти показанія, сознаъ всю важность поступка и тотчасъ призвалъ въ кружокъ Пущина, какъ бригаднаго командира и остающагося (во время отлучки его Орлова) командующимъ дивизіею, велѣлъ ему прослушать показаніе и поручилъ произвести строжайшее слѣдствіе. Орловъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Кіевъ, а Пущинъ отправился къ Крупянскому. На другой день Павелъ Сергѣевичъ не думалъ еще начинать слѣдствія, какъ вечеромъ прибылъ корпусный командиръ ([76]) и потребовалъ его и полковаго командира Адамова къ себѣ. Началась тревога. Капитанъ Б. до того времени не только что не былъ арестованъ, но даже и не отрѣшенъ отъ командированія ротой. По утру Сабанѣевъ самъ спросилъ людей и подъ своимъ наблюденіемъ открылъ слѣдствіе. Фельдфебель, артельщикъ и нѣсколько другихъ, наиболѣе участвовавшихъ въ этомъ происшествіи, были также посажены подъ караулъ.

Тотчасъ было донесено въ главную квартиру, въ Тульчинъ, и какъ случай, подходящій къ тѣмъ, о которыхъ доносится прямо высшему начальству, было и это. Излишне говорить здѣсь о скоромъ и ужасномъ наказаніи фельдфебеля и другихъ лицъ; что же относится до Пущина, то онъ былъ отставленъ отъ службы, а Орловъ назначенъ состоять по арміи. Изъ этого краткаго изложенія видно, что выраженіе—„по непріят„ностямъ съ корпуснымъ начальни„комъ"—неправильно.

Разсматривая безпристрастно этотъ послѣдній случай, окажется, что Орловъ ни въ чемъ тутъ обвиняемъ быть не могъ, ибо онъ сдѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло, приказавъ долженствовавшему чрезъ нѣсколько часовъ заступить его мѣсто Пущину (бригадному командиру этого полка) произвести строжайшее слѣдствіе, и если бы Павелъ Сергѣевичъ тотчасъ приступилъ къ оному, или по крайней мѣрѣ къ аресту Б—ва, фельдфебеля и артельщика, то онъ и самъ остался бы правъ. Въ главной квартирѣ, а оттуда и въ Петербургѣ обвиняли Орлова въ томъ, что онъ, узнавъ о такомъ важномъ проступкѣ противъ дисциплины, уѣхалъ ([77]). Обвиненіе это не имѣетъ никакого основанія: Орловъ передалъ дѣло тому, который заступалъ его мѣсто, и если бы онъ и остался въ Кишиневѣ, то не лично же долженъ былъ производить слѣдствіе, а поручилъ бы тому же Пущину, какъ бригадному командиру.

Враги Орлова и люди безсмысленные много говорили о двухлѣтнемъ командованіи дивизіею благороднѣйшимъ изъ людей, Михайломъ Ѳедоровичемъ; приписывали ему, зря, то, чего никогда не было и конечно не входило ему и въ голову. Думали видѣть въ немъ лице, что-то не доброе замышлявшее, во время командованія дивизіею, и потомъ, въ 1826 году, когда имя его показалось въ извѣстномъ Донесеніи, они торжествовали увѣренностью въ свою проницательность. Они не обратили вни-

---

([76]) Во время опроса Орловымъ людей былъ въ Кишиневѣ адъютантъ Сабанѣева, гвардіи капитанъ Я. И. Радичъ (впослѣдствіи полиціймейстеръ г. Кишинева и генералъ-маіоръ). Онъ тотчасъ поскакалъ въ Тирасполь, чтобы извѣстить Ивана Васильевича, который самъ поспѣшилъ пріѣхать, какъ по обстоятельству весьма важному, по воинскому уставу.

([77]) По случаю первой беременности Екатерины Николаевны, онъ спѣшилъ въ Кіевъ.

манія на то, что Орловъ не замѣстилъ ни одного изъ полковыхъ командировъ людьми, которые могли бы содѣйствовать приписываемой ему цѣли, а съ тѣми, которыхъ онъ нашелъ и которыхъ онъ оставилъ, всякая реформа была не мыслима. Но прекратимъ всѣ эти, ни на чемъ неоснованныя, предположенія: факты, и факты несокрушимые, доказываютъ совершенно противное.

Въ то время, когда изъ половины 2-й арміи и именно въ 7-мъ корпусѣ обнаружились бригадные генералы, нѣсколько полковыхъ командировъ и множество офицеровъ въ извѣстномъ заговорѣ; когда съ весьма малымъ исключеніемъ главная квартира принимала участіе въ ономъ, почти всѣ адъютанты главнокомандующаго и начальника главнаго штаба принадлежали этому тайному обществу, въ тоже время въ другой половинѣ арміи—въ 6-мъ корпусѣ (а потому и въ дивизіи Орлова) не оказалось *ни одного* участника, ни одного отправленнаго въ Петербургъ. Но этого еще мало: изъ числа почти 20-ти офицеровъ генеральнаго штаба ([78]), находившихся среди расположенія 6-го корпуса, несравненно большею частью въ самомъ Кишиневѣ, на съемкѣ области, ни одинъ, рѣшительно ни одинъ, не былъ замѣшанъ между такъ-называемыми декабристами, не смотря даже на то, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ заговорѣ, сослуживецъ же ихъ, гвардіи генеральнаго штаба шт. кап. Безъ-Корниловичъ, два раза пріѣзжалъ изъ Петербурга къ дядѣ своему, начальнику Бессарабской съемки, полковнику Корниловичу и въ послѣдній разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы: онъ не могъ заразить молодежь своими преступными замыслами, тогда-какъ почти всѣ ихъ товарищи, находившіеся въ Тульчинѣ, содѣлались жертвой неопытности своей.

Чему приписать такую разительную противоположность мнѣній, взглядовъ, направленій и дѣйствій одного и того же элемента на разстояніи какихъ нибудь двухсотъ верстъ? И когда еще? Тогда, какъ Бессарабія была наполнена возгласами гетеристовъ о свободѣ! и т. п. Пусть рѣшатъ все это люди опытнѣе меня. Что же относится собственно до моего мнѣнія, то я думаю видѣть главную причину тому—именно въ образѣ жизни Михайла Ѳедоровича. На его умныхъ, оживленныхъ бесѣдахъ перебиралось все, исключая правительственныхъ учрежденій существующаго порядка. Онъ могъ имѣть свой личный взглядъ, могъ сообщать его и другимъ, но благородный характеръ его никогда не покусился бы на совращеніе молодаго человѣка съ пути присяги и долга, а еще менѣе подчиненныхъ ему. Охотниковъ, близкій ему человѣкъ, какъ оказалось послѣ его смерти, былъ болѣе или менѣе привлеченъ къ тайнымъ обществамъ; въ Кишиневѣ же, въ продолженіи двухъ лѣтъ пребыванія его съ Орловымъ, не показалъ онъ и тѣни того, чѣмъ занятъ былъ его умъ. Михайло Ѳедоровичъ служилъ ему примѣромъ.

Не такъ было въ Тульчинѣ. Тамъ были кружки, и кружки у лицъ возвышенныхъ, какъ напримѣръ, у ген.-интенданта Юшневскаго, гдѣ писались конституціи, гдѣ питали молодежь заразительными утопіями, увлекавшими ихъ на поприще совершенно иное, чѣмъ то, которое указывалось въ многообразныхъ бесѣдахъ у Михайла Ѳедоровича, гдѣ, повторяю, никогда не было и рѣчи, могущей заронить малѣйшую искру негодованія на

([78]) Андреевскій, Вельтманъ, Гасфертъ, Горчачаковъ, два Зубова, Кекъ, Корниловичъ, баронъ Ливенъ, Лугининъ, два Полтарацкихъ, князь Прозоровскій, Роговской, Руге, Ушаковъ, два барона фонъ-деръ-Ховена и Фонтонъ-де-Верайонъ.

существующій порядокъ или чего подобнаго. А потому я думаю, что Пушкинъ, съ живымъ умомъ и не только-что иногда, но очень часто невоздержнымъ языкомъ своимъ, могъ бы навлечь на себя гибельныя послѣдствія (79), которыхъ онъ избѣжалъ въ обществѣ, въ которое былъ брошенъ судьбой. Полагаю, что въ то время и Петербургъ не былъ для него безопасенъ. Я думаю даже, что и выѣздъ его изъ Одессы въ помѣстье—былъ для него спасителенъ: ибо вскорѣ послѣ сего князь С. Г. Волконскій, женившись на Раевской, купилъ въ Одессѣ домъ и почти постоянно жилъ тамъ. Изъ Донесенія же извѣстно, что̀ тамъ происходило; я могъ бы сказать многое о семъ.

Стр. 1180. Послѣ того какъ разсказано о ссорѣ Пушкина за карты съ однимъ изъ молодежи Кишинева, коего имя не названо, и что „Инзовъ разо„слалъ ихъ: Пушкина въ Измаилъ, а „противника въ Новоселицу"—присовокупляется: „г. Анненковъ (Матеріалы „стр. 90) говоритъ, что *на этотъ разъ* „Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ „имперіи, и въ доказательство приводитъ „отрывокъ стихотворенія, въ которомъ „между прочимъ сказано:

„Объемлю грозный мраморъ твой,
„Кагула памятникъ надменный".

Пушкинъ еще въ 1821 году доходилъ до самыхъ границъ имперіи, если здѣсь принимается Измаилъ, лежащій на Дунаѣ, а не Кагулъ, который отдаленнѣе отъ Дуная. Но я думаю, что въ 1822 году, особенно во второй половинѣ онаго, едва ли Пушкинъ былъ тамъ.

(79) Благородныя правила Пушкина, его умъ, несомнѣнно не сдѣлали бы его дѣятелемъ. Но сколько было тѣхъ, которые увидѣли Нерчинскъ не произнеся и слова, но слушавшихъ только другихъ!

Приведенный же стихъ его, какъ очень справедливо тутъ же замѣчено, можетъ относиться „къ извѣстной колон„нѣ Румянцова, въ Царскомъ Селѣ".

Также справедливо, что во время пребыванія Пушкина въ южномъ краѣ никакого памятника на Кагульскомъ полѣ не было; но въ 1862 году едва ли можно было сказать, что *нѣтъ никакого*, ибо въ концѣ тридцатыхъ или въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, графъ Воронцовъ, при множествѣ разныхъ возвышенныхъ лицъ и огромномъ стеченіи народа, съ большимъ торжествомъ воздвигъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ предполагалось расположеніе частей войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ его отца, получившаго здѣсь крестъ св. Георгія. Нынѣ пространство это уступлено Молдавіи, въ прежній составъ которой оно никогда не входило, а было принадлежностью Буджацкихъ хановъ до 1806 года.

Стр. 1182-я „Дорогой въ Измаилъ „или, можетъ быть, на обратномъ пути, „Пушкинъ заѣзжалъ въ Тульчинъ" и пр.

Здѣсь, конечно, опечатка, ибо иначе и быть не можетъ: Измаилъ отъ Кишинева лежитъ на Югъ, а Тульчинъ—на Сѣверъ. До каждаго слишкомъ по двѣсти верстъ, и всѣ три пункта находятся въ прямомъ направленіи.

Стр. 1211-я Пушкинъ переѣхалъ на службу въ Одессу, въ началѣ іюля 1823 года; я былъ въ Бендерахъ и Тирасполѣ и, возвращаясь съ имянинъ брата (29-го іюня), дня черезъ три, встрѣтилъ Пушкина, не доѣзжая первой крѣпости.

На стр. 1185-й (и на нѣкоторыхъ другихъ) Пушкинъ изображенъ превосходно, въ особенности, какъ нельзя болѣе вѣрно, что „онъ былъ неизмѣри„мо выше и несравненно лучше того „чѣмъ казался и чѣмъ даже выражалъ „себя въ своихъ произведеніяхъ". Здѣсь

я говорю о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, а не какъ о поэтѣ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ я не судья; но въ первомъ, опытность моя даетъ мнѣ болѣе права заявить и мое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что мнѣ представлялось много разнообразныхъ случаевъ, въ которыхъ я могъ видѣть его, какъ говорится, обнаженнымъ, а потому все, что̀ на этой страницѣ о немъ упоминается, какъ о человѣкѣ, то это — прямая истина.

Къ числу нѣкоторыхъ противорѣчій въ его вседневной жизни, о чемъ на этой же стран. говорится, я присовокуплю еще одну замѣчательную черту, которую, какъ казалось, я могъ подмѣтить въ немъ: это неограниченное самолюбіе, самоувѣренность, но съ тою рѣзкою особенностью, что оно не составляло основы его характера, ибо тамъ, гдѣ была рѣчь о поэзіи, онъ входилъ въ жаркій споръ, не отступая отъ своего мнѣнія; конечно объ этомъ предметѣ, въ Кишиневѣ, онъ могъ только говорить съ А. Ѳ. Вельтманомъ и В. Ѳ. Раевскимъ, а также еще съ В. П. Горчаковымъ и Н. С. Алексѣевымъ, но съ этими послѣдними мнѣ не случалось его слышать: они были безусловными поклонниками непогрѣшимости его поэзіи; слѣдовательно и столкновенія по этому предмету быть не могло. Другой предметъ, въ которомъ Пушкинъ никому не уступалъ, это готовность на всѣ опасности. Тутъ, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, онъ былъ неподражаемъ, какъ выше было уже замѣчено. Въ другихъ же случаяхъ этотъ яро-самопризнающій свой поэтическій даръ и всегдашнюю готовность стать лицомъ со смертью, смирялся, когда шелъ разговоръ о какихъ-либо наукахъ, въ особенности географіи и исторіи и, легкимъ, ловкимъ споромъ какъ бы вызывалъ противника на обогащеніе себя свѣдѣніями; этому не разъ былъ я также свидѣтелемъ. Въ такихъ бесѣдахъ, особенно съ В. Ѳ. Раевскимъ, Пушкинъ хладнокровно переносилъ иногда довольно рѣзкія выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя свѣдѣніями, продолжалъ обсужденіе предмета. Очень правильно замѣчено въ статьѣ, что „бесѣды у Орлова „и пр., заставили Пушкина пристальнѣй „глядѣть на самаго себя и въ то же „время вообще направляли его мысли къ „занятіямъ умственнымъ“. По моему мнѣнію, бесѣды его, независимо отъ Орлова, но съ Вельтманомъ, Раевскимъ, Охотниковымъ и нѣкоторыми другими, много тому содѣйствовали; они, такъ сказать, дали толчекъ къ дальнѣйшему развитію научно-умственныхъ способностей Пушкина, по предметамъ серіозныхъ наукъ.

Относительно самолюбія Пушкина къ своему поэтическому дару, то оно проявлялось во всѣхъ случаяхъ пребыванія его въ Кишиневѣ и въ Одессѣ: не говоря уже о томъ, что онъ самъ любилъ сравнивать себя съ Овидіемъ, но онъ любилъ, когда кто хвалилъ его сочиненія и прочитывалъ ему изъ нихъ стихъ или два. Вотъ по моему мнѣнію, нѣсколько примѣровъ, какъ бы оправдывающихъ это мое заключеніе.

На стр. 1167-й въ статьѣ читаемъ, что когда Полторацкому и Алексѣеву удалось свести противниковъ — Старова и Пушкина, послѣдній сказалъ первому: „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, „и потому принялъ вашъ вызовъ“. Самыя эти слова доказываютъ уже какую-то увѣренность въ своемъ значеніи. Старовъ, извѣстный храбростью своею съ Турецкой войны, съ отличіемъ служилъ войны 1812 и 1814 годовъ, въ то время былъ полковой командиръ и кто бы имѣлъ право *не принять* его вызова? Литературныхъ достоинствъ онъ не понималъ.

Но это еще не все. Когда Старовъ сказалъ: „И хорошо сдѣлали Александръ „Сергѣевичъ; я долженъ сказать по пра„вдѣ, что вы также хорошо стоите подъ „пулями, какъ хорошо пишете!" Далѣе—„Пушкинъ кинулся обнимать Ста„рова и съ этихъ поръ считалъ долгомъ „отзываться о немъ съ великимъ ува„женіемъ" ([80]).

Пушкинъ былъ слишкомъ уменъ и проницателенъ, чтобы не отличить двойной отзывъ о немъ Старова. Первый могъ справедливо удовлетворить его самолюбію, ибо присутствіе духа Пушкина подъ пулями, Старовъ могъ цѣнить по принадлежности, хотя въ этомъ Пушкинъ и не нуждался. Но вторая половина рѣчи—„хорошо пишете"—не могла быть принята втайнѣ за отзывъ знатока, достойнаго цѣнителя литературныхъ дарованій, вопервыхъ, уже потому, что въ то время сочиненія Пушкина были разбросаны въ разныхъ журналахъ, а главное потому, что Пушкинъ не могъ не видѣть въ противникѣ своемъ ничего болѣе, какъ хорошаго фронтовика и храбраго офицера, каковыхъ тогда было не мало; но уже ни въ какомъ случаѣ, какъ человѣка, могущаго оцѣнить какое бы то ни было литературное произведеніе. Семенъ Никитичъ Старовъ зналъ, что Пушкинъ *писатель*, но чтò онъ пишетъ и въ какой степени достоинства, онъ не могъ того знать. Александръ Сергѣевичъ очень хорошо понималъ это, а междутѣмъ былъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго сравненія: самолюбіе брало верхъ надъ нимъ.

На одномъ изъ шумныхъ у меня вечеровъ, В. Ѳ. Раевскій, споря съ Таушевымъ о какомъ-то литературномъ произведеніи, вдругъ, съ обычными ему пріемами, торжественно, экспромтомъ ([81]) произнесъ.

„Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ
„Парнаса Русскаго пѣвцы:
„Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ —
„Шестаго корпуса писцы" ([82]).

Александръ Сергѣевичъ былъ въ восторгѣ, и когда кто-то замѣтилъ, что въ стихахъ гдѣ-то не достаетъ буквы *и*, или что то подобное, необходимое для гармоніи, онъ не дѣлалъ никакихъ по обыкновенію замѣчаній и, расхаживая, съ живостью—повторилъ нѣсколько разъ сказанное.

Около половины 1822 года, возвращаясь изъ Одессы, я остановился ночевать въ Тираспольѣ у брата, тогда адъютанта при Сабанѣевѣ. Раевскій былъ арестованъ въ Кишиневѣ 5-го февраля (на другой день послѣ моего выѣзда въ Херсонъ, Кіевъ, Петербургъ, Москву) и отвезенъ въ Тираспольскую крѣпость. Мнѣ хотѣлось съ нимъ видѣться, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ просилъ брата моего, что когда я буду проѣзжать, то, чтобы какъ нибудь доставить ему эту возможность. Братъ совѣтывалъ просить мнѣ позволенія у самаго Сабанѣева, который близко зналъ меня со Шведской войны, и отказа, можетъ-быть, и не было бы; но я знавши, какъ Раевскій дерзко отдѣлалъ въ лицо Сабанѣева на одномъ изъ допросовъ въ слѣдственной комиссіи, не хотѣлъ отнестись лично,

([80]) Если только все это передано свидѣтелями.

([81]) Не знаю самъ ли Раевскій сложилъ, или кто другой.

([82]) Капитанъ *Пафнутьевъ*, дивизіоный вагенмейстеръ—человѣкъ простой. Поручикъ Таушевъ—гевальдигеръ, изъ Казанскаго университета, очень острый и не безъ познаній. Поручикъ Слѣпушкинъ, впослѣдствіи женатый на Павлищевой, Софьѣ Ивановнѣ, сестрѣ жены почтмейстера Алексѣева—бригадный адъютантъ у Пущина, ничего болѣе, какъ добрый малый, знающій свое дѣло.

прежде нежели не попытаю сдѣлать это чрезъ коменданта, полковника Сергіоти, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, а потому тотчасъ отправился въ крѣпость. Раевскій былъ уже переведенъ изъ каземата на гауптвахту, въ особенную комнату, съ строгимъ повелѣніемъ никого къ нему не допускать. Тайно сдѣлать этого было нельзя, и комендантъ предложилъ мнѣ, что такъ-какъ разрѣшалось отпускать Раевскаго съ унтеръ-офицеромъ гулять по гласису (крѣпость весьма тѣсная), то, чтобы я сказалъ, въ которомъ часу завтра поѣду, то онъ черезъ часъ, когда будетъ заря, передастъ Раевскому, и онъ выйдетъ на то мѣсто, гдѣ дорога идетъ около самаго гласиса. Я назвалъ часъ и на другой день засталъ Раевскаго (съ унтеръ-офицеромъ ему преданнымъ) сидящимъ въ назначенномъ мѣстѣ. Я вышелъ изъ экипажа и провелъ съ нимъ полчаса, опасаясь оставаться долѣе. Онъ далъ мнѣ піесу въ стихахъ, довольно длинную, подъ заглавіемъ: „Пѣвецъ въ темницѣ“ и поручилъ сказать Пушкину, что онъ пишетъ ему длинное посланіе, которое впослѣдствіи я и передалъ Пушкину, когда онъ былъ уже въ Одессѣ ([83]).

Дня черезъ два по моемъ возвращеніи въ Кишиневъ, Александръ Сергѣевичъ зашелъ ко мнѣ вечеромъ и очень много распрашивалъ о Раевскомъ, съ видимымъ участіемъ. Начавъ читать „Пѣвца въ темницѣ“, онъ замѣтилъ, что Раевскій упорно хочетъ брать все изъ Русской Исторіи, что и тутъ онъ нашелъ возможность упоминать о Новгородѣ и Псковѣ, о Маѳѣ Посадницѣ и Вадимѣ и вдругъ остановился. „Какъ „это хорошо, какъ это сильно; мысль „эта мнѣ нигдѣ не встрѣчалась; она „давно вертѣлась въ моей головѣ; но „это не въ моемъ родѣ, это въ родѣ „Тираспольской крѣпости, а хорошо“ и пр. Онъ продолжалъ читать, но видимо болѣе серіозно. На вопросъ мой, что̀ ему такъ понравилось, онъ отвѣчалъ, чтобы я подождалъ. Окончивъ, онъ сѣлъ ближе ко мнѣ и къ Таушеву и прочиталъ слѣдующее:

Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бичей кровавый родъ
И мысль и взоръ—казнитъ на плахѣ.

Онъ повторилъ послѣднюю строчку.... и прибавилъ вздохнувъ: „Послѣ та„кихъ стиховъ не скоро же мы уви„димъ этого Спартанца“.

Такъ Александръ Сергѣевичъ иногда и прежде называлъ Раевскаго, а этотъ его—Овидіевымъ племянникомъ.

Таушевъ указалъ Пушкину на одно сладострастное выраженіе, которое, по его мнѣнію, также оригинально, а именно, сколько помню, слѣдующее:

Встрѣчалъ-ли дѣвы молодой
Любовь во взорахъ сквозь рѣсницы?
Въ усталомъ снѣ ея съ тобой
Встрѣчалъ-ли первый лучь денницы?

Пушкинъ находилъ, что выраженіе „въ усталомъ снѣ“ — „хорошо, очень „хорошо! но стихи не хороши, а притомъ „это не ново“,—и вдругъ началъ бороться съ Таушевымъ. Потомъ схватилъ Таушева подъ руку, надѣлъ на него фуражку и ушелъ. На другой день Таушевъ сказывалъ мнѣ, что Пушкинъ ему говорилъ, что мысль первыхъ стиховъ едва-ли Раевскій не первый высказалъ. „Однако, прибавилъ онъ, я что-то ви„дѣлъ подобное, не помню только гдѣ,

([83]) Во время отъѣзда моего въ 1851 году за границу, Н. С. Алексѣевъ взялъ у меня и то и другое, а равно и пять писемъ Пушкина; возвратясь, не нашелъ я его въ Петербургѣ, и онъ вскорѣ умеръ въ Москвѣ. Здѣсь я слышалъ, что будто бы онъ кому то отдалъ мнѣ возвратить.

„а хорошо", и нѣсколько разъ повторялъ помянутый стихъ; вторую же мысль онъ приписывалъ себѣ, гдѣ-то печатно и гораздо лучше высказанную.

Когда я пріѣхалъ съ Пушкинымъ въ Аккерманъ прямо къ полковнику Непенину и назвалъ своего сопутника, то, послѣ самаго радушнаго пріема Пушкину, и между-тѣмъ, какъ этотъ послѣдній разговаривалъ съ Кюрто, Непенинъ спросилъ меня вполголоса, но такъ, что Александръ Сергѣевичъ могъ услышать: „Что, это тотъ Пушкинъ, который написалъ—Буянова?" На такой вопросъ и при тогдашнихъ условіяхъ, насъ окружавшихъ, мнѣ не оставалось ничего болѣе отвѣчать, чтобы скорѣй прекратить дальнѣйшіе распросы, что „это „тотъ самый, но онъ не любитъ, чтобы „ему говорили объ этомъ". Я боялся, что, пожалуй, Андрей Григорьевичъ за столомъ заведетъ о томъ разговоръ. Послѣ обѣда, за который тотчасъ сѣли, Пушкинъ подошелъ ко мнѣ, какъ бы оскорбленный вопросомъ Непенина и наградилъ его многими эпитетами. Тутъ нельзя было много объясняться съ нимъ; но когда мы пришли послѣ ужина въ назначенную намъ комнату, Пушкинъ возобновилъ опять о томъ же рѣчь, называя Непенина необтесаннымъ, невѣжей и т. п., присовокупивъ, что Непенинъ не сообразилъ даже и лѣтъ его съ появленіемъ помянутаго разсказа и пр. На вопросъ мой, что развѣ пьеса эта такъ плоха, что онъ можетъ за нее краснѣть? — „Совсѣмъ не плоха, отвѣ„чалъ онъ, она оригинальна и лучшая „изъ всего того, что̀ дядя написалъ" — „Такъ что же; пускай Непенинъ и ду„маетъ, что она ваша". Пушкинъ показался мнѣ какъ бы успокоившимся; онъ сказалъ только: „Какъ же, полков„никъ и еще Георгіевскій кавалеръ, „не могъ сообразить моихъ лѣтъ съ „появленіемъ разсказа!» Мы легли, продолжая разговаривать о его знакомцѣ Кюрто, котораго онъ такъ неожиданно здѣсь встрѣтилъ, и онъ послѣ нѣкотораго молчанія возобновилъ опять разговоръ о Непенинѣ и присовокупилъ, что ему говорили и въ Петербургѣ, что лѣтъ черезъ пятьдесятъ никто не повѣритъ, чтобы Василій Львовичъ могъ быть авторомъ „Опаснаго сосѣда", и стихотвореніе это припишется ему. Я замѣтилъ, что поэтому нечего сердиться и на Непенина, который прежде пятидесяти лѣтъ усвоилъ уже это мнѣніе. Пушкинъ проговорилъ нѣсколько мѣстъ изъ стихотворенія, и мы заснули. Поутру онъ всталъ очень веселымъ и сердился на Непенина только за то, что онъ не сообразилъ его лѣтъ. Дорогой какъ-то зашла рѣчь о томъ, и Александръ Сергѣевичъ повторилъ, что пьеса дяди такъ хороша и такъ отдѣляется отъ всего того, что̀ онъ писалъ, что никто не отнесетъ къ нему сочиненіе оной и пр. Пушкинъ охотно, какъ замѣчено было выше, входилъ въ споръ по всѣмъ предметамъ, но не всегда терпѣлъ какія либо замѣчанія о своихъ стихахъ, что̀ свидѣтельствуется и *на стр. 1134-й* разматриваемой статьи. В. П. Горчаковъ говоритъ, что когда онъ замѣтилъ Пушкину, что въ „Черной шали" сказано «*Въ глазахъ потемнѣло, я весь изне„могъ*», и потомъ „*Вхожу въ отдален„ный покой*. — „Такъ чтожъ?" прервалъ „Пушкинъ съ быстротою молніи, вспых„нувъ самъ какъ зарница—„это не зна„читъ, что я ослѣпъ!" На послѣдующей страницѣ видно тоже самодовольствіе при объясненіи съ Орловымъ.

Я уже имѣлъ случай сказать, что Александръ Сергѣевичъ всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, *на карту*. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о военныхъ эпизодахъ; лицо его краснѣло и изображало

жадность узнать какой либо особенный случай самоотверженія; глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался. Не могу судить о степени его славы въ поэзіи, но могу утвердительно сказать, что онъ созданъ былъ для поприща военнаго, и на немъ, конечно, онъ былъ бы лицомъ замѣчательнымъ; но съ другой стороны едва ли къ нему не подходятъ слова императрицы Екатерины II, сказавшей, что она „въ самомъ „младшемъ чинѣ пала бы въ первомъ же „сраженіи, на полѣ славы“.

Дуэль К-ва съ Мордвиновымъ очень занимала его; въ продолженіе нѣсколькихъ и многихъ дней, онъ ни о чемъ другомъ не говорилъ, выпытывая мнѣнія другихъ, что на чьей сторонѣ болѣе чести, кто оказалъ болѣе самоотверженія и т. п.? Онъ предпочиталъ поступокъ И. Н. Мордвинова, какъ бригаднаго командира, вызвавшаго лицо выше себя по службѣ. Мнѣнія были раздѣлены. Я былъ за К.; мои доводы были не дѣйствительными. Н. С. Алексѣевъ раздѣлялъ также мое мнѣніе, но Пушкинъ остался при своемъ, приписывая Алексѣеву пристрастіе къ К., съ домомъ котораго онъ былъ близокъ. Пушкинъ не переносилъ, какъ онъ говорилъ, „оскорбительной любезности временщика, для котораго нѣтъ ничего „священнаго“, и пророчилъ Алексѣеву разочарованіе въ своемъ идолѣ, что̀ дѣйствительно этотъ, въ полномъ смыслѣ достойный человѣкъ, чрезъ тридцать лѣтъ и испыталъ. Въ сороковыхъ (и въ 1851-мъ) годахъ, видѣвшись почти ежедневно съ Алексѣевымъ, когда онъ послѣ послѣдней поѣздки своей въ Саратовскую губернію, по частному дѣлу К-ва, оконченному самымъ удовлетворительнымъ образомъ, не видя поощренія ни по служебнымъ занятіямъ, ни за оказываемыя по частнымъ дѣламъ удовлетворенія, вынужденъ былъ оставить службу при К. и искать другаго вѣдомства, онъ какъ-то въ разговорѣ со мной, съ горькой улыбкой, припомнилъ прорицаніе Пушкина.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю сказать, что дуэли особенно занимали Пушкина. Въ Кіевѣ, или во время поѣздки его къ Раевскимъ, онъ слышалъ о славномъ поединкѣ Реада съ полякомъ въ Житомирѣ и восхищался частностями онаго. Будучи еще въ Петербургѣ, онъ услышалъ о двухъ изъ моихъ столкновеній, изъ коихъ одно въ дек. 1818 года, по выходѣ корпуса Воронцова изъ Франціи: объ этихъ поединкахъ онъ слышалъ разсказъ графа А. Д. Гурьева, свидѣтеля катастрофы и зналъ всѣ подробности довольно вѣрно. Но о другомъ, въ 1810 году, въ Або, съ Шведскимъ гвардейскимъ поручикомъ барономъ Бломомъ, вызваннымъ мною чрезъ Абовскія газеты, на что̀ противникъ мой отвѣчалъ въ Стокгольмскихъ газетахъ, съ назначеніемъ дня прибытія его въ Або, для встрѣчи со мной,— Александръ Сергѣевичъ зналъ это, но неудовлетворительно, а потому неотступно желалъ узнать малѣйшія подробности, какъ повода и столкновенія, такъ душевнаго моего настроенія и взгляда властей, допустившихъ это столкновеніе. То, что̀ казалось мнѣ въ двадцать лѣтъ благоразумнымъ, спустя десять — когда толковалъ я объ этомъ съ Пушкинымъ, было въ моихъ глазахъ уже инымъ, между тѣмъ какъ Александръ Сергѣевичъ, будучи почти тѣхъ же лѣтъ, какъ и я въ 1810 году, находилъ, что въ настоящее время сужденія мои ошибочнѣе прежнихъ, и что онъ самъ, сейчасъ же, поступилъ бы одинаково, какъ и я въ 1810 году. Чтобы удовлетворить его настоянію, я долженъ былъ показать ему письма, газеты и подробное описаніе въ дневникѣ моемъ, но и этого было для него недостаточно: распросы сыпались.

Прошло болѣе полувѣка послѣ этого поединка; казалось, что онъ забытъ, какъ вдругъ въ Стокгольмѣ въ 1859 году напечатана книга о войнѣ Россіи и Швеціи въ 1808 и 1809 годовъ, подъ заглавіемъ: Походныя записки г. Ранке („Bidrag till fenatioärига minnet of Döbeln etc, of O. F. Rancken. Stokholm 1859"). Въ одномъ изъ приложеній, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о фамиліи Бломовъ, поединокъ этотъ (стр. 8 и пр.) описанъ подробно, какъ по за вѣренію автора, „надѣлавшій въ свое „время много шума, но что за вѣрность „подробностей не ручается, а вызыва„етъ полное правдивое описаніе, пото„му-что разсказываемое имъ онъ слы„шалъ отъ многихъ лицъ и въ нѣкото„рыхъ мѣстахъ иногда разнорѣчиво, и „желалъ бы болѣе достовѣрности" и т. д. Нѣкоторыя мѣста этого описанія вынудили меня исправить погрѣшности, а потому, переведя на Шведскій языкъ подробное описаніе событія, въ 1861 году помѣстилъ я оное въ 9 № издаваемаго въ Або профессоромъ Сигнеусомъ журнала (Litteraturblad for allmän medborlig bildning). Въ 1862 году мое поясненіе сознано правильнымъ самимъ противникомъ моимъ, полковникомъ Бломомъ, жившимъ въ отставкѣ за ранами въ Никöпингѣ. Здѣсь я упоминаю объ этомъ мимоходомъ, какъ о предметѣ, вовсе не касающемся до Пушкина, но дѣлаю это потому только, чтобы сказать, что случай этотъ въ помянутой статьѣ моей изображенъ точно такъ, какъ онъ происходилъ дѣйствительно и что печатно сознано и моимъ противникомъ; между-тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ поединку Шведскихъ журналахъ, онъ описанъ кратко и подъ вліяніемъ еще непотухшей злобы—только что оконченной войны. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ и нашихъ книгахъ упоминалось о томъ же, какъ напримѣръ, въ „Запискахъ Артиллериста" Радожицкаго (т. III) и другихъ, но безъ всякихъ объясненій, какъ повода къ поединку и вызова по газетамъ, такъ допущенія онаго властями и т. д.

Стр. 1156. „Разсказываютъ также, что „онъ (Пушкинъ) былъ принятъ какъ „нельзя лучше въ семействѣ какого-то „кишиневскаго негоціанта В. А. К...ва, „и въ альбомѣ дочери его Нины Вони„фатьевны, вышедшей потомъ за г. По„пандопуло, сохранились хвалебные (но „плохіе) стихи его, писанные 30-го ок„тября 1820 года".

Положительно могу сказать, что въ то время никакого негоціанта въ Кишиневѣ не было, и означенныя буквы конечно суть вымышленныя: никто изъ бывшихъ въ то время, не только въ Кишиневѣ, но и во всей Бессарабіи, не подводится подъ эти буквы, и никакой „Нины", особенно въ эпоху записки въ альбомъ, чрезъ мѣсяцъ (а можетъ быть и менѣе) по пріѣздѣ Пушкина въ Кишиневъ,—не было; одинаково и въ цѣлой области въ то время былъ одинъ только Попандопуло въ Измаилѣ, командиръ Дунайской флотиліи, умершій въ 1822 году; другихъ Попандопуловъ не было до самаго моего выѣзда въ 1828 году.

Если это не просто наборъ словъ, то не перепутано ли время, не должна ли быть Нина Вонифатьевна, дочь негоціанта, скрытаго подъ буквами В. А. К...ва, отнесена къ пребыванію Пушкина въ Одессѣ, гдѣ много негоціантовъ и не мало можетъ найтися и Попандопуловъ; что же касается до *Нинѣ*, то и это что-то подозрительно. Я не видалъ статьи г. Грена, но вполнѣ раздѣляю мнѣніе въ выноскѣ № 63, гдѣ сказано, что приведенные стихи такъ слабы, что не вѣрится: „какъ могъ ихъ „написать Пушкинъ".

Стр. 1157-я. Дѣйствительно Пушкинъ имѣлъ особенный даръ юмористически изображать физіономіи и вообще всю фигуру. В. П. Горчаковъ, передавая это относительно Крупянской, попеременно переходящей въ Пушкина и обратно, долженъ помнить, какъ Александръ Сергѣевичъ на ломберномъ столѣ мѣломъ, а иногда и особо карандашемъ, изображалъ сестру Катакази, Тарсису—*Мадонной* и на рукахъ у ней младенцемъ генерала Шульмана, съ оригинальной большой головой, въ большихъ очкахъ, съ поднятыми руками и пр. Пушкинъ дѣлалъ это вдругъ, съ поразительно-уморительнымъ сходствомъ.

Въ 1 томѣ сочиненій Пушкина, изданія Исакова, на стр. 223, въ *Записке къ пріятелю*", котораго онъ призываетъ къ себѣ, между прочимъ говорится: „Нашъ другъ Тардифъ" и пр.

Отъ слова Тардифъ выноска, и вотъ что сказано подъ звѣздочкой: „Тардифъ, „*тогдашній* извѣстный въ Петербургѣ „кухмистеръ".

Это положительно невѣрно; во первыхъ, стихи обозначены 1820 годомъ, слѣдовательно, восемь лѣтъ, какъ Тардифъ *не былъ уже* въ Петербургѣ. Онъ держалъ Hôtel de l'Europe, который помѣщался въ зданіи нынѣшняго главнаго штаба, занимая лѣвую половину (къ адмиралтейству), тогда принадлежавшую Кусовникову. Роскошь, богатство убранства и пространство помѣщенія — были огромны. Два посланника, Баварскій и Шведскій, постоянно жили тутъ: По внезапномъ выступленіи, въ мартѣ 1812 г., на гвардіи осталось много долговъ; это бы еще ничего, но Тардифъ былъ кутила, прелестная жена его вдругъ исчезла съ кирасирскимъ полковникомъ, забравъ все, чтó было цѣннѣе и всю кассу. Тардифъ скрылся отъ описи и былъ увезенъ тайно однимъ фельдъегеремъ къ собрату своему Отону, въ Одессу; но уже совершенно спившимся и чуть не голымъ. Онъ пробовалъ брать мѣста, но его выгоняли. Одно время онъ былъ у Киселева въ Тульчинѣ, и отъ него былъ прогнанъ, посидѣвъ прежде на гауптвахтѣ.

Во вторыхъ, и главное, что въ 1820 году, когда идетъ здѣсь рѣчь, Тардифъ скитался въ Кишиневѣ, и наконецъ В. П. Горчаковъ пріютилъ его у себя; знакомые брали его, когда требовалось; потомъ (за семь лѣтъ предъ симъ этотъ Крезъ) съ годъ жилъ у меня, получая въ мѣсяцъ червонецъ жалованья, Послѣ сего въ 1825 году мы сложились, и онъ открылъ одну комнатку для завтраковъ, и тутъ оставался не долго,—снова спился и пропалъ безъ вѣсти.

Изъ сего слѣдуетъ, что Пушкинъ говоритъ о Тардифѣ въ *настоящемъ*, а не по воспоминанію, какъ въ выноскѣ это подразумѣвается. Если бы вмѣсто *тогдашній* было сказано — *бывшій*, то было-бы вѣрно.

Это я замѣчаю мимоходомъ.

*

Въ самомъ началѣ 1824 года, проѣзжая въ Одессу, какъ обыкновенно, я заѣзжалъ къ Бендерскому полицеймейстеру, маіору А. И. Бароцци и тамъ ожидалъ, пока приведутъ съ почты перемѣнныхъ лошадей. Въ этотъ разъ я засталъ у него человѣкъ пять поселянъ (всѣ Малороссы), по разбирательству какого-то дѣла. На одного изъ нихъ Бароцци мнѣ указалъ, что онъ помнитъ Карла XII-го. На видъ Никола Искра имѣлъ лѣтъ шестьдесятъ, высокаго роста, станъ прямой, вообще сухощавъ, съ густыми на головѣ и на груди (по обычаю въ томъ краѣ у Малороссовъ воротъ у рубашки не застегивается) волосами, желтовато-сѣдыми, зубы цѣлы. Я зналъ, что такое открытіе будетъ

находкой для графа Воронцова, который за годъ передъ тѣмъ (въ августѣ) ѣздилъ изъ Бендеръ на мѣсто, гдѣ была Варница, но мы тогда ничего не нашли; не менѣе того, мнѣ, занимавшемуся мѣстной статистикой, поручилъ онъ обозрѣть подробно мѣсто, описать его и командировалъ ко мнѣ чиновника Келлера (сына директора минцъ-кабинета при Эрмитажѣ), какъ хорошаго рисовальщика, для снятія всевозможныхъ видовъ съ развалинъ Варницы и пр. Все это побудило меня порасспросить Искру подробнѣе, и я удостовѣрился, что дѣйствительно онъ помнитъ событіе, которое было почти за сто пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ. И какихъ лѣтъ онъ могъ быть тогда самъ? Положительно лѣтъ себѣ Искра опредѣлить не могъ, но говорилъ, что онъ тогда былъ уже — „добрымъ хлопцемъ" такъ что мать его, жившая на хуторѣ за 8 верстъ, гдѣ и понынѣ онъ живетъ, ежедневно посылала его на тележкѣ въ Варницкій лагерь съ творогомъ, молокомъ, масломъ и яйцами и что послѣ того какъ Татары разорили лагерь Шведовъ, на другой годъ онъ женился. Изъ сего надо было заключить, что Искрѣ было около ста тридцати пяти лѣтъ. Онъ описывалъ короля (Карла XII-го), котораго видѣлъ почти каждый разъ и впервые принялъ его даже и не за офицера, а за слугу, потому-что онъ, выйдя изъ занимаемаго имъ домика, каждое яйцо бралъ въ руку, взвѣшивалъ его и смотрѣлъ чрезъ оное на солнце.

Графъ Воронцовъ былъ очень радъ такому открытію и положилъ недѣли черезъ двѣ отправиться въ Бендеры, приказавъ мнѣ пріѣхать къ тому времени въ Одессу, и проѣзжая чрезъ Бендеры, сказать Бароцци чтобъ вызвалъ къ себѣ Искру, который бы ожидалъ нашего пріѣзда. Я пробылъ въ Одессѣ только нѣсколько часовъ, и поспѣшилъ по нѣкоторымъ дѣламъ обратно.

Чрезъ двѣ недѣли, къ назначенному дню, я выѣхалъ изъ Кишинева, захвативъ съ собой всѣ сочиненія, спеціально говорящія о пребываніи Карла XII около Бендеръ въ Варницѣ ([84]). Оставивъ все у Бароцци, я поспѣшилъ въ Одессу. Первыя два дня графъ не отмѣнялъ своего намѣренія, но на третій отложилъ поѣздку на неопредѣленное время, по случаю какихъ-то особенныхъ дѣлъ ([85]). Между тѣмъ Пушкинъ провѣдалъ о предначертаніи графа быть въ Бендерахъ, и выпросилъ позволенія сопутствовать ему; но какъ рѣшено было, что графъ отложилъ поѣздку, то убѣдительно просилъ меня взять его съ собой на обратномъ моемъ пути; графъ отпустилъ его, и дня черезъ два мы отправились.

Бендеры занимали Пушкина по многимъ отношеніямъ, и конечно Варница была не на первомъ планѣ, хотя онъ и воображалъ въ окрестностяхъ Бендеръ найти слѣды могилы Мазепы, вполнѣ полагаясь на указаніе Искры, которое бы онъ могъ ему сдѣлать (*). Во

([84]) Изъ нихъ въ особенности Нордберга, духовника короля, 2 части in f., въ которыхъ было изображеніе лагеря и пр. и пр., а равно путешествіе Де ла Мотрея, 2 части въ 4-ку, бывшаго въ этихъ мѣстахъ годъ спустя, съ приложеніемъ любопытныхъ рисунковъ. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій я встрѣтилъ планъ лагеря на Прутѣ, съ названіемъ полковъ и пр.

([85]) Въ августѣ того же года, возвращаясь изъ поѣздки по южной части Бессарабіи и остановившись на ночлегѣ у генерала М. И. Понсета, въ Леонтьевѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Бендеръ, мы вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣли мѣсто бывшей Варницы, и графъ выдалъ 25 червонцевъ Искрѣ.

(*) См. Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, томъ 3-й, стр. 329–330.

время пребыванія Александра Сергѣевича въ Кишиневѣ, въ Бендерахъ совершилось нѣсколько приключеній, которыя не могли не сдѣлать сильнаго впечатлѣнія на его пылкія страсти. Здѣсь егерскій капитанъ Сазоновичъ былъ оскопленъ и, содѣлавшись ярымъ послѣдователемъ этой чудовищной секты, увлекъ въ оную юнкера и нѣсколько солдатъ (до тридцати!) своей роты. Онъ былъ судимъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь ([86]).

Затѣмъ самыя Бендеры представляли особую характеристику своихъ жителей. Независимо отъ того, что здѣсь сосредоточивались всевозможныя раскольничьи толки нашего исповѣданія и еврейскаго, но и фабрикація фальшивой мелкой монеты и въ особенности турецкихъ паръ, выдѣлываемыхъ просто изъ старыхъ солдатскихъ манерокъ; поддѣлка ассигнацій, паспортовъ и другихъ видовъ. Чтобы запастись ими, стекались изъ отдаленныхъ мѣстъ. Замѣчательнѣе же всего было то, что до вступленія на намѣстничество графа Воронцова, въ Бендерахъ, кромѣ солдатъ, никто не умиралъ съ самаго присоединенія области, и народонаселеніе города или форштата быстро усиливалось. Бендерское населеніе неиначе было извѣстно, какъ подъ названіемъ «безсмертнаго общества». Александръ Сергѣевичъ все это слышалъ, а въ послѣднее время пребыванія его въ Бессарабіи, два происшествія, разъяснившіяся уже тогда, когда онъ былъ въ Одессѣ, своею оригинальностью подстрекнули еще болѣе его любопытство. Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть Бендеры и оттуда съѣздить въ Каушаны, гдѣ все грезилось ему, что онъ найдетъ какіе либо слѣды столицы Буджацкихъ хановъ, не допуская и мысли, чтобы могло все исчезнуть.

Около четырехъ часовъ по полудни мы были уже въ Тирасполѣ и остановились у брата моего. Не смотря на все желаніе Пушкина тотчасъ же ѣхать въ Бендеры, до которыхъ оставалось десять верстъ, я не могъ сдѣлать того, ибо, по обыкновенію, имѣлъ порученіе отъ графа къ И. В. Сабанѣеву. Я приглашалъ съ собой Пушкина, который перемѣнилъ уже мнѣніе о Сабанѣевѣ, какъ это скажу въ другомъ мѣстѣ, но онъ лѣнился почиститься. Это однако же не помогло ему: когда Иванъ Васильевичъ спросилъ меня, гдѣ братъ? и получилъ въ отвѣтъ, что онъ остался дома съ Пушкинымъ, то тотчасъ былъ посланъ ординарецъ за ними. Пушкинъ не раскаявался въ этомъ посѣщеніи, былъ веселъ, разговорчивъ даже до болтовни и очень понравился Пулхеріи Яковлевнѣ, женѣ Сабанѣева. Послѣ ужина, въ 11 часовъ, мы ушли. Простое обращеніе Сабанѣева, его умный разговоръ, сдѣлали впечатлѣніе на Пушкина, и когда мы разсказали ему первый бракъ Сабанѣева, то онъ сдѣлался для него, какъ выразился „лицомъ очень интереснымъ“.

На другой день, въ 8 часовъ утра, взявъ съ собой брата, мы отправились въ Бендеры и чрезъ полтора часа были уже у Бароцци. Искра былъ на лицо; для графа была приготовлена квартира у письмоводителя, о которомъ скажется далѣе. Пушкинъ неотмѣнно желалъ, чтобы мы остановились тамъ: ему хотѣлось видѣть и узнать поближе это замѣчательное

([86]) Впослѣдствіи онъ принесъ покаяніе и рукопись его — высшаго интереса, послужила мнѣ къ дальнѣйшимъ открытіямъ и пр., когда я былъ предсѣдателемъ скопческой коммиссіи съ 1843 по 1852 годъ.

лицо. Бароцци не отпускалъ насъ отъ себя, наконецъ согласился и самъ пошелъ указать квартиру. Пушкинъ и братъ отправились въ нее, а я въ крѣпость къ коменданту Збіевскому, къ которому также имѣлъ я отъ графа порученіе. Хлѣбосолъ-старикъ неотмѣнно хотѣлъ, чтобы мы обѣдали у него; я объяснилъ ему, что имѣю порученіе тотчасъ осмотрѣть кой-какія мѣста, но не смотря на всѣ мои отговорки, долженъ былъ обѣщать быть «на чашку„ какъ старикъ называлъ пуншъ. Возвратясь, я нашелъ все готовымъ, и мы отправились на мѣсто бывшей Варницы, взявъ съ собой второй томъ Нордберга и Мотрея, гдѣ изображенъ планъ лагеря, окоповъ, фасады строеній, находившихся въ Варницкомъ укрѣпленіи и нѣсколько изображеній во весь ростъ Карла XII-го. Разсказъ Искры о костюмѣ этого короля, поразительно былъ вѣренъ съ изображеніемъ его въ книгахъ. Не менѣе изумителенъ былъ разсказъ его о начертаніи окоповъ, воротъ, ведущихъ въ оные, и нѣкоторыя неровности въ полѣ соотвѣтствавали мѣстамъ, гдѣ находились бастіоны и т. д.; но не это занимало Пушкина: онъ добивался отъ Искры своими распросами узнать что-либо о Мазепѣ, а тотъ не только что не могъ указать ему желаемую могилу или мѣсто, но и объявилъ, что такаго и имени не слыхалъ. Пушкинъ не отставалъ, толкуя ему, что Мазепа былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманъ, какъ Шведы, все напрасно. Спрашивалъ, нѣтъ ли еще такихъ же стариковъ, какъ онъ Искра; нѣтъ ли старинныхъ церквей по близости и получилъ въ отвѣтъ, что старѣе его нѣтъ никого; что церкви еще прежде были «спалены татарами» и т. п. Съ недовольнымъ духомъ, Пушкинъ возвратился съ нами къ полицеймейстеру. За обѣдомъ всѣ повеселѣли, и кофе, по предложенію Пушкина, пошли пить къ письмоводительшѣ, нашей хозяйкѣ. Около четырехъ часовъ Пушкинъ сѣлъ на перекладную вмѣстѣ съ квартальнымъ, котораго ему далъ Бароцци и отправился въ Каушаны; ему не терпѣлось скорѣй увидѣть развалины дворцевъ и фонтановъ. Часа черезъ два мы съ братомъ отправились къ Збіевскому и возвратились въ 11-го часовъ; Пушкинъ только-что пріѣхалъ разочарованный, также какъ и въ надеждѣ открыть могилу Мазепы. Вскорѣ послѣ полуночи я уѣхалъ въ Кишиневъ, а Пушкинъ съ братомъ моимъ въ Тирасполь, гдѣ, переночевавъ, рано продолжалъ путь въ Одессу.

Теперь скажу о помянутыхъ двухъ происшествіяхъ, которыя долго подавали Пушкину поводъ къ остротамъ, иногда довольно рѣзкимъ, что многимъ изъ бюрократовъ, въ обществѣ которыхъ онъ былъ, очень не нравилось. Первое изъ этихъ происшествій было слѣдующее. Губернаторъ Катакази, по вступленіи гр. Воронцова въ должность, едва-ли не въ первый разъ обозрѣвалъ свою область. Въ Бендерахъ ему приготовлена была квартира въ домѣ письмоводителя, ловкаго Малороссіянина, или Богъ знаетъ его породу. Жена его, толстая, предупредительная и словоохотливая Русская женщина, лѣтъ сорока. Три комнаты, чрезвычайно чистыя, по тамошнему хорошо мёблированныя, съ увѣшанными по стѣнамъ картинами, чисто вымытыми полами, съ бездной канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ въ клѣткахъ. Едва Катакази пріѣхалъ, какъ явился самоваръ и пр. и пр. Кроткій, добрый Катакази былъ какъ бы очарованъ гостепріимствомъ. Осмотрѣвъ что ему было нужно, отобѣдавъ у Збіевскаго, вечеромъ онъ принималъ служащихъ и оставшись одинъ пустился въ разговоръ съ словоохотливой хозяйкой, передававшей ему всѣ Бендерскія новости. Катакази призвалъ и мужа ея, распрашивалъ о дѣлахъ и

получалъ самые удовлетворительные отвѣты, которыхъ ему никакъ не могъ дать Бароцци, созданный болѣе для монашеской жизни, нежели для полицейской. Катакази узналъ отъ своего хозяина, что онъ уже пятнадцать лѣтъ письмоводителемъ, и на вопросъ, какого онъ чина?—удивился, что онъ не болѣе какъ мѣщанинъ. На другой день уѣзжая, онъ спросилъ у Бароцци, доволенъ ли онъ письмоводителемъ и, получивъ самый удовлетворительный отвѣтъ, приказалъ представить его къ чину. Представленіе послано въ областное правленіе, оттуда поступило къ Катакази, отъ Катакази къ Воронцову съ самымъ одобрительнымъ отзывомъ отъ графа къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ прибавкой рекомендаціи; отъ министра—въ герольдію. Герольдія возвратила представленіе на томъ основаніи, что не былъ приложенъ формуляръ, ибо письмоводитель занимаетъ штатное мѣсто и утвержденъ властью полномочнаго намѣстника. Преставленіе пошло по тѣмъ же этапамъ до Бендерскаго полиціймейстера. Формуляръ былъ приложенъ, и представленіе двинулось опять въ областное правленіе и изъ онаго къ Катакази, который, препровождая все это къ графу, усилилъ еще болѣе ходатайство о награжденіи «этого примѣрнаго человѣка.“ Отъ графа къ министру и опять въ герольдію. Надо полагать, что канцелярія герольдіи была первымъ мѣстомъ, гдѣ заглянули въ формуляръ, въ которомъ значилось, что письмоводитель этотъ въ 1809 году, за участіе въ конокрадствѣ, наказанъ былъ двадцатью пятью ударами плетей, въ стѣнахъ, и оставленъ на мѣстѣ жительства подъ надзоромъ полиціи. Пушкинъ хотѣлъ видѣть это лицо, говорить съ нимъ, чтобы потомъ иногда, кого нужно, покалывать „усердіемъ“ къ бюрократизму.

Второе происшествіе едва не разыгралось несравненно болѣе трагически и уже безъ всякого юмора. Генералъ Сабанѣевъ, въ числѣ другихъ, въ 1823 году, получилъ въ южной части Бессарабіи (Буджакѣ) десять тысячь десятинъ земли. Половину онъ тотчасъ продалъ князю Витгенштейну, а на пяти тысячахъ десятинъ предположилъ поселить, по вызову, Русскихъ, раздавъ имъ участки по опредѣленной платѣ за десятину, и поручилъ бывшему своему адъютанту, отставному капитану Огорелицѣ, ѣхать въ Русскія губерніи, особенно въ Курскую, гдѣ было много однодворцевъ. Огорелица скоро нашелъ охотниковъ, роздалъ деньги на подъемъ и отправилъ нѣсколько семействъ, которыя, проходя черезъ Тирасполь, получили отъ генерала еще пособіе для первоначальнаго обзаведенія. Изъ Тирасполя путь ихъ лежалъ чрезъ Бендеры. Здѣсь на ночлегѣ они распрашивали объ условіяхъ края и получили отъ жителей самыя неуспокоительныя свѣдѣнія, а главное подѣйствовало на нихъ то, что имъ сказали, что, когда они будутъ въ степи, то Сабаней ихъ закрѣпоститъ. Болѣе или менѣе повѣрили всѣ, но дѣлать было нечего, отправились на назначенное мѣсто, исключая трехъ семействъ, поддавшихся уговору: эти, не зная какъ быть, рѣшились на предложеніе, что ихъ припишутъ въ Бендерахъ, но подъ другими только именами что̀ и состоялось. Имъ указаны были дома, и каждый изъ вновь приписавшихся въ общество занялся своимъ дѣломъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ, какъ вдругъ двухъ изъ нихъ схватили и посадили въ острогъ. Причина скоро огласилась. На третій день долженъ былъ прибыть палачъ для наказанія ихъ кнутомъ. Испуганныя жо̂ны бросились къ Сабанѣеву въ Тирасполь и объяснили все какъ случилось. Отмѣнить приговоръ суда — Сабанѣеву было невозможно; до графа Воронцова было сто верстъ, и между тѣмъ какъ тотчасъ былъ посланъ къ нему курьеръ, Сабанѣевъ поѣхалъ самъ въ Бендеры и успѣлъ склонить полиціймей-

стера и городоваго врача (необходимаго для свидѣтельства), отложить наказаніе на сутки, до полученія извѣстія изъ Одессы. Дѣло разъяснилось слѣдующимъ образомъ. Лица, имена которыхъ приняли несчастные два однодворца, были въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ судимы за участіе въ разбоѣ и убійствахъ и, по ходатайству общества, Кишиневская уголовная палата отдала ихъ оному на поручительство; злодѣи давно уже бѣжали за Дунай, и Бендерское общество, опасаясь отвѣтственности, не давало о томъ знать и успѣло замѣстить ихъ простяками однодворцами! Они были освобождены, и графъ назначилъ строжайшее слѣдствіе. Бендеры, т. е. форштатъ, во время Турокъ до 1806 года, включалъ въ себѣ нѣсколько семей Молдаванъ и съ десятокъ раскольниковъ, Липованъ; по вступленіи же нашихъ войскъ въ Бессарабію, мѣстные жители, Турки и Татары, удалились, и на мѣсто ихъ нахлынули наши бѣглые, на которыхъ, до окончанія съ Турціею войны 1812 года, не обращали большаго вниманія. По заключеніи же мира, всѣ случившіеся тутъ были приписаны какъ осѣдлые жители и составили общество, какъ и въ другихъ городахъ. Выше было уже замѣчено, изъ какихъ лицъ оно состояло. Въ обществѣ этомъ было принято за правило: умершихъ, или бѣжавшихъ отъ наказанія, изъ общества не исключать, а замѣнять ихъ бродягами, которые для сего и принимали имя умершаго или бѣжавшаго, такъ-что съ 1812 года изъ этого общества никто не умиралъ, никто не отлучался, а напротивъ оно постепенно усиливалось вновь прибывавшими бродягами, коихъ снабжали фальшивыми видами и приписывали къ обществу. Тѣмъ болѣе это легко было дѣлать, что, по тогда существовавшему учрежденію, если бѣглый и былъ бы признанъ, но успѣлъ уже завестись дворомъ или усадьбой, то дѣлался неприкосновеннымъ. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ такихъ продѣлокъ былъ одинъ Малороссіянинъ, лѣтъ осьмидесяти, который въ слѣдственной комиссіи очень рѣзко и откровенно сказалъ: „Да что тутъ говорить, безъ меня „Бендеры были бы пусты“ и пр.

То, чтò сказано было о Бендерахъ, не могло, повторяю, не занимать Пушкина, который, конечно, первый разъ слышалъ о подобныхъ продѣлкахъ, а потому искалъ поясненія всему, чтò только могло удовлетворить его любопытство. Каждый разъ, что я пріѣзжалъ въ Одессу, онъ непремѣнно спрашивалъ: „нѣтъ ли чего новенькаго въ Бендерахъ?“

Недѣли черезъ двѣ, я долженъ былъ опять ѣхать въ Одессу. Въ Тираснолѣ узналъ, что Пушкинъ, возвращаясь изъ Бендеръ, послѣ тщетной попытки отыскать могилу Мазепы и ханскіе дворцы съ фонтанами въ Каушанахъ, хотѣлъ продолжать путь ночью, и только внезапный холодный дождь заставилъ его отдохнуть, съ тѣмъ чтобы на завтра выѣхать со свѣтомъ; но трехсуточная усталость и умственное напряженіе погрузили его въ крѣпкій сонъ. Когда онъ проснулся, братъ мой былъ уже у Сабанѣева и, возвратясь, нашелъ Пушкина готовымъ къ отъѣзду. Но предложеніе видѣться съ В. Ѳ. Раевскимъ, на что Сабанѣевъ, знавшій ихъ близкое знакомство, самъ выразилъ согласіе, Пушкинъ рѣшительно отвергнулъ, объявивши, что въ этотъ день, къ извѣстному часу, ему неотмѣнно надо быть въ Одессѣ. По пріѣздѣ моемъ въ сію послѣднюю, черезъ полчаса, я былъ уже съ Пушкинымъ, потому, какъ замѣчено мною выше, что всегда останавливался къ клубномъ домѣ Отона, гдѣ поселился и Александръ Сергѣевичъ. На вопросъ мой, почему онъ не повидался съ Раевскимъ, когда ему было предложено самимъ

корпуснымъ командиромъ — Пушкинъ, какъ мнѣ показалось, будто бы нѣсколько былъ озадаченъ моимъ вопросомъ и сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ спѣшилъ, и кончилъ полнымъ признаньемъ, что въ его положеніи ему нельзя было воспользоваться этимъ предложеніемъ, хотя онъ былъ убѣжденъ, что оно сдѣлано было Сабанѣевымъ съ искреннимъ желаніемъ доставить ему и Раевскому удовольствіе, но что нѣмецъ Вахтенъ не упустилъ-бы сообщить этого свиданія въ Тульчинъ, «а тамъ много усерднѣйшихъ, которые поспѣшатъ сдѣлать тоже въ Петербургѣ" и пр. Я перемѣнилъ разговоръ, видя, что куплеты „Пѣвца въ темницѣ" были главной причиной отказа, и находилъ, что Пушкинъ поступилъ благоразумно: ибо Раевскій не воздержался бы отъ сильныхъ выраженій, что̀, при комендантѣ или при дежурномъ, было бы очень неловко, и, какъ заключилъ я во время разговора, Александръ Сергѣевичъ принималъ это въ соображеніе. «Жаль нашего Спартанца» — не разъ вздыхая, говорилъ онъ.

Въ этотъ день мнѣ случилось въ первый разъ обѣдать съ Пушкинымъ у графа. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня и черезъ столъ часто переговаривался съ Ольгой Станиславовной Нарышкиной (урожденной графинею Потоцкой, сестрой С. С. Киселевой); но разговоръ почему-то вовсе не одушевлялся. Графиня Воронцова и Башмакова (Варвара Аркадьевна, ур. княжна Суворова) иногда вмѣшивались въ разговоръ двумя, тремя словами. Пушкинъ былъ чрезвычайно сдержанъ и въ мрачномъ настроеніи духа. Ставши изъ-за-стола, мы съ нимъ столкнулись, когда онъ отыскивалъ, между многими, свою шляпу, и на вопросъ мой — куда? — «Отдохнуть!» отвѣчалъ онъ мнѣ, присовокупивъ: «Это не обѣды Бологовскаго, Орлова и даже....», не окончилъ, вышелъ, сказавъ, что когда я пріѣду, то далъ бы знать. Въ эту ночь я долженъ былъ возвратиться въ Кишиневъ, чтобы черезъ нѣсколько дней опять пріѣхать въ Одессу. Получивъ отъ графа еще кой-какія порученія, я объѣздилъ нѣкоторыхъ лицъ, что̀ было необходимо по службѣ; въ восемь часовъ возвратился домой, и проходя мимо номера Пушкина, зашелъ къ нему. Я засталъ его въ самомъ веселомъ расположеніи духа, безъ сюртука, сидящимъ на колѣняхъ у мавра Али. Этотъ мавръ, родомъ изъ Туниса, былъ капитаномъ, т. е. шкиперомъ коммерческаго или своего судна, человѣкъ очень веселаго характера, лѣтъ тридцати пяти, средняго роста, плотный, съ лицемъ загорѣлымъ и нѣсколько рябоватымъ, но очень пріятной физіономіи. Али очень полюбилъ Пушкина, который не иначе называлъ его какъ корсаромъ. Али говорилъ нѣсколько по французски и очень хорошо по итальянски. Мой приходъ не перемѣнилъ ихъ положенія; Пушкинъ мнѣ рекомендовалъ его, присовокупивъ, что—«у меня лежитъ къ нему душа: кто знаетъ, можетъ быть мой дѣдъ съ его предкомъ были близкой родней». И вслѣдъ за симъ началъ его щекотать, чего мавръ не выносилъ, а это забавляло Пушкина. Я пригласилъ его къ себѣ пить чай, сказавъ, что по обыкновенію, оба Сафоновы, Лексъ и еще кое-кто обѣщали проводить меня. Пушкинъ принялъ это съ большимъ удовольствіемъ, присовокупивъ, что это напомнитъ ему Кишиневъ и вызвался привести съ собой Али; я очень былъ радъ, ибо любилъ этого рода людей. Лексъ уже зналъ Али, бывавшаго въ канцеляріи гр. Воронцова по какому-то дѣлу. Господствующій разговоръ былъ о Кишиневѣ, гдѣ перемѣнялось все; Александръ Сергѣевичъ находилъ, что положеніе его

во всѣхъ отношеніяхъ было гораздо выносимѣе тамъ, нежели въ Одессѣ и нѣсколько разъ принимался щекотать Али, говоря, что онъ составляетъ здѣсь для него — единственное наслажденіе. Послѣ веселаго ужина я отправился, давъ всѣмъ слово пріѣхать къ приближающейся масляницѣ.

Дней черезъ десять, въ десять часовъ утра, я пріѣхалъ опять въ Одессу, вмѣстѣ съ Н. С. Алексѣевымъ, и тотчасъ послалъ дать знать Пушкину. Человѣкъ возвратился съ извѣстіемъ, что онъ еще спитъ, что пришелъ домой въ пять часовъ утра изъ маскарада. Отправившись къ графу и къ нѣкоторымъ еще другимъ лицамъ, я узналъ, что маскарадъ былъ у графа. Въ часъ, мы нашли Пушкина еще въ кровати, съ поджатыми, по обывновенію, ногами, и что-то пишущимъ. Онъ былъ очень не въ духѣ отъ бывшаго маскарада; разсказалъ нѣкоторые эпизоды и въ особенности былъ раздраженъ на (тогда коллежскаго ассесора) барона Брунова (нынѣ нашего посла въ Лондонѣ) и на улыбку довольствія графа. Такъ-какъ первымъ условіемъ маскарада было костюмироваться (Пушкинъ былъ въ домино съ маской), то Бруновъ костюмировался валетомъ червей и сплошь обшилъ себя червонными валетами. Подойдя къ графу и графинѣ и подавая какіе-то стихи, на французскомъ языкѣ, онъ сказалъ что-то въ родѣ, что — „le valet de coeur fait hommage au roi „des coeurs. Пушкинъ не переваривалъ этихъ словъ. „Милордъ (такъ иногда онъ называлъ графа) «и чета его приняли это съ большимъ удовольствіемъ»,—и вдругъ расхохотался, и, обнявъ Алексѣева, продолжалъ: «А вотъ кто потѣ-«шилъ меня — такъ это Иванъ Васильевичъ» (Сабанѣевъ), и разсказалъ намъ, что графъ и графиня неотступно просили Сабанѣева тоже быть въ какомъ либо костюмѣ. Какъ ни отговаривался Иванъ Васильевичъ, и не ссылался на свою фигуру, но долженъ былъ наконецъ обѣщать и сдержалъ свое слово — «какъ подобаетъ Русскому» — прибавилъ Пушкинъ. Генералъ Сабанѣевъ надѣлъ фракъ, въ которомъ фигура его, вообще взятая, не могла не быть смѣшной. Это бы еще ничего, но онъ на шею и на фракъ нацѣпилъ всѣ имѣвшіеся у него иностранные ордена (а ихъ было много, ибо будучи начальникомъ главнаго штаба главной арміи въ 1813 и 1814 годахъ, онъ получилъ оные отъ всѣхъ союзниковъ и по нѣскольку), и-ни одного Русскаго. Пушкинъ былъ въ восторгѣ, что Сабанѣевъ употребилъ иностранные ордена какъ маскарадный костюмъ. Восторгъ этотъ раздѣляли однакоже не всѣ, а иностранные консулы думали даже видѣть въ этомъ недоброжелательное намѣреніе, и какъ бы желаніе оскорбить значеніе ихъ орденовъ въ глазахъ Русскихъ ([87]). Въ эту мою поѣздку въ Одессу, гдѣ пробылъ я недѣлю, я началъ замѣчать, но безотчетно, что Пушкинъ былъ недоволенъ своимъ пребываніемъ относительно общества, въ которомъ онъ, какъ говорится, болѣе или менѣе вращался. Находясь въ Одессѣ, я не проникалъ въ эти причины, хотя очень часто съ нимъ и еще съ двумя, тремя, дѣлали экскурсіи, гдѣ, какъ говорится, всѣ распоясывались. Я замѣчалъ какой-то abandon въ Пушкинѣ, но не искалъ проникать въ его задушевное, и оставлялъ, такъ сказать, безъ особеннаго вниманія. Въ дорогѣ, въ обратный путь въ Кишиневъ, мы разговорились

([87]) Надо полагать, что это такъ и было передано въ Петербургъ; ибо Иванъ Васильевичъ получилъ отъ князя П. М. Волконскаго сообщеніе, что Государю такое костюмированіе не было пріятно.

съ Алексѣевымъ и начали находить въ Пушкинѣ большую перемѣну, даже въ сужденіяхъ. По нѣкоторымъ вырывавшимся у него словамъ, Алексѣевъ, бывшій къ нему ближе и интимнѣе нежели я, думалъ видѣть въ немъ какъ будто-бы какое-то ожесточеніе.

Въ Одессѣ было общество, которое могло занимать Пушкина во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о высшихъ кругахъ, какъ напримѣръ, въ домахъ гр. Воронцова, Л. А. Нарышкина, Башмакова, Кишиневскаго его знакомца П. С. Пущина (женившагося въ Одессѣ на дочери полковника Бриммера, сестрѣ жены графа Ланжерона) и нѣкоторыхъ другихъ. Но я понималъ, по крайней мѣрѣ по собственному образу мыслей, что такой кругъ не могъ удовлетворять Пушкина; ему, по природѣ его, нужно было разнообразіе съ разительными противоположностями, какъ встрѣчалъ онъ ихъ въ продолженіе почти трехлѣтняго пребыванія своего въ Кишиневѣ. Онъ отвыкъ и, какъ говорилъ, никогда и не любилъ аристократическихъ, семейныхъ, этикетныхъ обществъ, существовавшихъ въ вышеназванныхъ домахъ, а отъ нихъ перешедшихъ въ салоны и къ нѣкоторымъ болѣе значительнымъ негоціантамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось страннымъ, что онъ, не то чтобы избѣгалъ безусловно, но и не искалъ быть въ кругу лицъ, шедшихъ тѣмъ же литературнымъ путемъ, какъ и онъ. Изъ нихъ сослуживцами ему были А. И. Левшинъ и В. И. Туманскій; перваго находилъ онъ слишкомъ серіознымъ прозаикомъ, съ другимъ онъ былъ ближе, но не такъ и не въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ былъ въ Кишиневѣ съ В. Ѳ. Раевскимъ и В. П. Горчаковымъ. Во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ, въ почтамтѣ служилъ молодой человѣкъ, очень образованный, кажется Подолинскій, коего мелкія стихотворенія печатались въ журналахъ. Пушкинъ встрѣчался съ нимъ, но не знаю, какого онъ былъ мнѣнія о его талантѣ; знаю только, что не искалъ съ нимъ сблизиться. Онъ безъ видимой охоты посѣщалъ и литературные вечера Варвары Дмитріевны Казначеевой, урожденной княжны Волконской, очень умной, любезной и начитанной женщины, страстной любительницы литературы. Радушное гостепріимство мужа ея, Александра Ивановича, тогда правителя канцеляріи графа Воронцова—не привязывало Пушкина. Тутъ онъ встрѣчалъ также жену капитана надъ Одесскимъ портомъ, госпожу Зонтагъ, родственницу Жуковскаго. По приглашенію ея бывать и у ней, онъ ограничивался рѣдкими визитами. Помню очень хорошо, какъ Пушкинъ издѣвался надъ Туманскимъ за чтеніе въ этомъ собраніи Фауста и пр. Пріѣзды А. Н. Раевскаго развлекали Пушкина, какъ-будто оживляли его, точно также, какъ когда встрѣчался онъ съ кѣмъ-либо изъ Кишиневскихъ. Тогда — распросамъ не было конца; обѣдъ, ужинъ, завтракъ съ старыми знакомцами оживляли его, и дѣйствительно, повторяю, что, сравнительно съ Одессой, Кишиневъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ характеру Пушкина. Въ Одессѣ, независимо отъ встрѣчь съ знакомыми Бессарабцами, театръ иногда служилъ развлеченіемъ. Изъ всѣхъ домовъ, посѣщаемыхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, особенно любилъ онъ обѣдать у негоціанта Сикара, нѣкогда французскаго консула, одного изъ старѣйшихъ жителей Одессы ([88]), и автора брошюры на фран-

([88]) Съ Сикаромъ Пушкинъ познакомился или, лучше сказать, только раза два видѣлся въ Кишиневѣ, въ 1821 году, когда первый пріѣзжалъ покупать въ Бессарабіи имѣніе. Сикаръ особен-

цузскомъ языкѣ о торговлѣ въ Одессѣ. Пять, шесть обѣдовъ въ годъ, имъ даваемыхъ, не иначе какъ званныхъ и не многолюдныхъ (не болѣе какъ двадцати-четырехъ человѣкъ, безъ женщинъ) дѣйствительно были замѣчательны отсутствіемъ всякаго этикета, при высшей сервировкѣ стола. Пушкинъ былъ всегда приглашаемъ, и здѣсь я его находилъ, какъ говорится, совершенно въ своей тарелкѣ, дающимъ иногда волю болтовнѣ, которая любезно принималась собесѣдниками. Такъ однажды кто-то за столомъ разсказывалъ подробности бывшей охоты, и въ одномъ случаѣ былъ упомянутъ нѣкто Томъ, относительно встрѣчи съ волкомъ, отъ котораго онъ отдѣлался проявленіемъ присутствія духа. Пушкинъ, котораго всякій подобный случай особенно занималъ, спросилъ: „который Томъ — 1-й, „2-й или 3-й?" — Одинъ изъ присутствовавшихъ, почтенной наружности пожилой человѣкъ, очень любезно отвѣчалъ: „Это былъ 3-й Томъ". Отвѣтъ этотъ вызвалъ общій смѣхъ, къ которому присоединился и Пушкинъ. Томъ былъ Австрійскій консулъ въ Одессѣ и старожилъ города, человѣкъ, уважаемый всѣми и гостепріимный. У него было два сына, почти одинаковыхъ лѣтъ съ Пушкинымъ, съ которыми онъ иногда встрѣчался у Отона, въ театральномъ фойе и въ общемъ разговорѣ обмѣнивался словами; но отца ихъ онъ никогда не видалъ до вышеприведеннаго отвѣта. Узнавъ послѣ стола объ имени отвѣчавшаго, Пушкинъ подошелъ къ нему съ извиненіемъ, и впослѣдствіи онъ не разъ былъ приглашаемъ старикомъ на дачу, кажется, около Дольника.

До отъѣзда Пушкина, я былъ еще раза три въ Одессѣ и каждый разъ находилъ его болѣе и болѣе недовольнымъ; та веселость, которая одушевляла его въ Кишиневѣ — проявлялась только тогда, когда онъ былъ съ мавромъ Али. Мрачное настроеніе духа Александра Сергѣевича породило много эпиграмъ, изъ которыхъ едвали небо́льшая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и сдѣлалась извѣстной. Эпиграмы эти касались многихъ и изъ канцеляріи графа, такъ напримѣръ, про начальника отдѣленія Артемьева, особенно отличалась отъ другихъ своими убійственными, но вѣрными выраженіями. Стихи его на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ на балѣ у графа, своимъ содержаніемъ раздражили всѣхъ (89). Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили Пушкина. Говорили, что будтобы графъ, чрезъ кого-то, изъявилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ (90).

ко полюбилъ Александра Сергѣевича. Этотъ почтенный негоціантъ погибъ безвѣстно: по заключеніи Адріанопольскаго мира, онъ сѣлъ на корабль и отправился въ Константинополь. Корабль погибъ, гдѣ и какъ — не узнано; младшій братъ его остался въ Одессѣ.

(89) Всѣ дамы описаны въ томъ же родѣ, какъ напримѣръ:

„Мадамъ Ризничъ съ Римскимъ носомъ, и пр.

Ризничъ одинъ изъ первыхъ негоціантовъ, особенно ласкаемый графомъ, по смерти здѣсь упоминаемой жены своей, скоро женился на дочери Швейковскаго изъ Кіева (на другой сестрѣ, въ послѣдствіи, женился графъ Потоцкій, Тульчинскій, и она то была причиной его погибели). Старикъ Рено, во второмъ бракѣ съ молодой француженкой, очень дородной, о которой Пушкинъ и говоритъ. Сынъ Рено, Осипъ, въ штатѣ графа, былъ, тогда директоромъ театра. Все это было близко и къ графу и къ графинѣ.

(90) Пушкинъ завѣрялъ меня, что стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три имъ были повторены и такъ попали на бумагу.

Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Графъ не показалъ вида какого-либо негодованія; по прежнему приглашалъ Пушкина къ обѣду, по прежнему обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами...

Чрезъ нѣсколько времени получены были изъ разныхъ мѣстъ извѣстія о появленіи саранчи, выходившей уже изъ зимнихъ квартиръ своихъ, на иныхъ мѣстахъ еще ползающей, на другихъ перешедшей въ періодъ скачки. Не смотря на мѣры, принятыя мѣстными губернаторами, графъ послалъ и отъ себя нѣсколько военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ (отъ полковника до губернскаго секретаря); въ числѣ ихъ былъ назначенъ и Пушкинъ, положительно съ цѣлію, чтобы по окончаніи командировки, имѣть поводъ сдѣлать о немъ представленіе къ какой-либо наградѣ. Но Пушкинъ, съ настроеніемъ своего духа, принялъ это за оскорбленіе, за месть и т. д. Нашлись люди, которые, вмѣсто успокоенія его раздражительности, старались еще болѣе усилить оную, или молчаніемъ, когда онъ кричалъ во всеуслышанье, или даже подтакиваніемъ, и послѣдствіемъ этого было извѣстное письмо его на французскомъ языкѣ къ графу, въ сильныхъ и—можно сказать—неумѣстныхъ выраженіяхъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что если бы въ это время былъ Н. С. Алексѣевъ, и даже—я, то Пушкинъ не поступилъ бы такъ какъ онъ это сдѣлалъ; онъ не былъ чуждъ гласу благоразумія. Графъ сдѣлалъ сношеніе съ Петербургомъ, въ самыхъ легкихъ выраженіяхъ, и Пушкину назначено пребываніе въ имѣніи въ Псковской губерніи. Я смотрю съ своей точки зрѣнія на этотъ отъѣздъ Пушкина, какъ на событіе, самое счастливое въ его жизни: ибо, въ слѣдъ за его выѣздомъ, поселился въ Одессѣ князь С. Г. Волконскій, женившійся на Раевской; пріѣхали оба графа Булгари, Поджіо и другіе; изъ Петербурга изъ гвардейскаго генеральнаго штаба шт. к. Корниловичъ делегатомъ сѣвернаго общества; изъ арміи являлись: генералъ-интендантъ Юшневскій; —полковники Пестель, Абрамовъ, Бурцевъ и пр. пр. Все это посѣщало князя Волконскаго (какъ это видно и изъ Донесенія слѣдственной коммисіи), и Пушкинъ, съ мрачно-ожесточеннымъ духомъ, легко могъ быть свидѣтелемъ бредней, обуревавшихъ нашихъ строителей государства и невинно сдѣлаться жертвой, какъ я замѣтилъ это въ другомъ уже мѣстѣ.

*

На послѣднихъ страницахъ статьи «Пушкинъ въ южной Россіи», гдѣ идетъ рѣчь объ опредѣленіи времени и мѣста, откуда Пушкинъ писалъ письма, разсказъ мнѣ кажется неяснымъ. Въ концѣ апрѣля 1823 года, когда не было еще слуха о назначеніи графа Воронцова, Пушкинъ получилъ позволеніе отъ Инзова, побывать въ Одессѣ и пробыть «можетъ быть», какъ говорилъ—«съ мѣсяцъ». Въ это время послѣдовало назначеніе графа; начали пріѣзжать изъ Петербурга вновь назначенныя къ нему лица, наконецъ и онъ самъ. Пушкинъ возвратился въ Кишиневъ, куда недѣли черезъ двѣ, на нѣсколько дней, пріѣхалъ и графъ, но тогда не было еще слышно о перечисленіи Пушкина въ его штатъ, что послѣдовало гораздо послѣ, и я говорилъ уже, что Пушкинъ окончательно оставилъ Кишеневъ и переѣхалъ въ Одессу въ первые дни іюля (прежде 4-го числа) 1823 года. Съ тѣхъ поръ, не помню, чтобы онъ возвращался на

нѣсколько дней въ Кишиневъ, какъ говоритъ опредѣлительно Вигель, что «Пушкинъ пріѣзжалъ изъ Одессы въ «Кишиневъ на двѣ недѣли, въ полови-«нѣ марта». Во всякомъ случаѣ это могло быть не въ 1823 году, потому-что въ мартѣ, въ южномъ краѣ не было еще ни графа, ни Вигеля, а въ 1824-мъ; между-тѣмъ, какъ по изложенію, это не довольно ясно, покрайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Сколько мнѣ извѣстно, Пушкинъ, оставивъ въ первые дни іюля 1823 года Бессарабію, былъ только одинъ разъ въ ней и именно, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, въ Бендерахъ и Каушанахъ, на одни сутки и въ Кишиневъ не ѣздилъ. Сказанное Вигелемъ сомнительно точно также, какъ и многое другое. «Вос«поминанія» его наполнены выдумками и т. п. Что же относится до того, что будтобы въ эту поѣздку Пушкинъ останавливался у Н. С. Алексѣева, то это очень могло быть, если только поѣздка эта состоялась ([91]), потому-что, возвратясь въ іюлѣ 1822 года въ Кишиневъ, послѣ четырехъ мѣсячной отлучки, я нашелъ уже Пушкина перемѣстившимся отъ Инзова (по случаю пострадавшей отъ землетрясенія квартиры) къ Алексѣеву, жившему тогда рядомъ съ гостинницей Ивана Николаева Наумова. И я это помню очень хорошо и потому уже, что очень часто заѣзжалъ за Пушкинымъ (по его просьбѣ), чтобы вмѣстѣ укладывать библіотеку Михайла Ѳедоровича, и когда изъ Кіева присланъ былъ для препровожденія туда обоза, французъ Фурнье (находившійся приживалкомъ у Раевскаго), оказавшійся знакомцемъ Пушкину, то въ тотъ же день я его отвезъ къ Пушкину, котораго мы застали безъ рубашки, сидящаго на постелѣ съ поджатыми ногами, и по обыкновенію окруженнаго исписанными листочками бумаги. И множество другихъ мелкихъ случаевъ мнѣ остались очень памятны, какъ происходившія именно тогда, когда Пушкинъ жилъ у Алексѣева. Оба они занимали средней величины комнату направо изъ сѣней; на лѣво была комната хозяйкина.

([91]) Съ іюля 1823 года я бывалъ въ Одессѣ очень часто, иногда по два и по три раза въ мѣсяцъ и всегда находилъ тамъ Пушкина.

При выѣздѣ моемъ изъ Кишинева 4 го фев. 1822 года въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ далъ мнѣ довольно большой пакетъ, включавшій въ себѣ нѣсколько писемъ, чтобы передать оный неиначе, какъ лично, брату его Л. С., а если, по какому-либо случаю его на это время не будетъ въ Петербургъ, то его сестрѣ (такъ пакетъ и былъ надписанъ), и просилъ, что въ случаѣ отецъ будетъ распрашивать о его житьѣ-бытьѣ, то далъ бы понять, что онъ часто нуждается въ средствахъ. Словомъ, Пушкинъ былъ очень недоволенъ, что ему недостаточно высылаютъ денегъ. А такъ-какъ изъ Кишинева я долженъ былъ заѣхать прежде въ Херсонъ и по всему вѣроятію продолжать путь чрезъ Москву, то далъ мнѣ еще два письма въ этотъ послѣдній городъ, на имя князя Вяземскаго и Чаадаева, одинаково прося передать лично.

Но путь мой изъ Херсона принялъ другое направленіе; я долженъ былъ на этотъ разъ отказаться отъ поѣздки на Москву и направиться въ Петербургъ чрезъ Кіевъ, куда вызывалъ меня Михайло Ѳедоровичъ Орловъ, получившій уже извѣстіе о готовившейся ему опалѣ. Такимъ образомъ я пріѣхалъ въ Петербургъ ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ выѣзда моего изъ Кишинева. Изъ Херсона я увѣдомилъ однако же Пушкина объ измѣнившемся направленіи и въ Кіевѣ нашелъ отъ него

письмо съ подтвержденіемъ того же, что было сказано и прежде, и съ присовокупленіемъ, что, если на возвратномъ пути я не проѣду чрезъ Москву, то привезъ бы письма на имя Вяземскаго и Чаадаева обратно, справляясь однако у брата, не случится ли кто изъ нихъ въ мое время въ Петербургѣ и пр.

На другой день пріѣзда въ Петербургъ, исполнивъ обязанности службы, я прямо отправился къ Сергѣю Львовичу, жившему по правой сторонѣ Фонтанки, между Измайловскимъ и Калинкинымъ мостами, въ одноэтажномъ каменномъ, съ балкономъ, домѣ, кажется, однимъ семействомъ Пушкина занимавшемся. Я никого не засталъ дома. Встрѣтившій меня лакей, узнавъ, что я имѣю письма отъ Александра Сергѣевича, позвалъ какую-то старушку; отъ нея я узналъ, что Александръ Сергѣевичъ предупредилъ уже обо мнѣ. Само собой разумѣется, что на всѣ просьбы старушки оставить пакетъ я не согласился, обѣщая пріѣхать вечеромъ или на другой день. Распросы объ Александрѣ Сергѣевичѣ сопровождались слезами. Всѣ люди, внезапно окружившіе меня, дѣлали вопросы; наконецъ спросили объ адресѣ, и я отправился. Объѣздивъ еще кого было нужно, въ четыре часа я былъ въ своемъ нумерѣ у Демута и, только-что приготовлялся сѣсть обѣдать, какъ арнаутъ мой, съ радостнымъ лицемъ, вошелъ въ комнату, съ извѣстіемъ, что — «братъ нашего Пушкина пришелъ». Я тотчасъ велѣлъ просить его и пошелъ ему на встрѣчу. Левъ Сергѣевичъ былъ ниже ростомъ Александра Сергѣевича, но несравненно плотнѣе сложенъ; физіономія носила одинаковый характеръ съ братомъ и очень симпатичная. Въ одну минуту мы освоились, какъ старые знакомые. Распечатавъ пакетъ, онъ нашелъ нѣсколько писемъ и какую-то исписанную съ перемарками тетрадь, листа въ три почтовыхъ. Взглянувъ на нее, онъ улыбнулся и, не читая своего письма, собралъ все, завязалъ въ платокъ и хотѣлъ тотчасъ уйдти, но я пригласилъ его отобѣдать вмѣстѣ, а такъ-какъ мнѣ нужно будетъ ѣхать въ Коломну, то вызвался завезти его. Послѣ нѣкоторыхъ извиненій, онъ остался и сообщилъ мнѣ, что, возвратясь домой и узнавъ о моемъ пріѣздѣ, поспѣшилъ видѣть меня, будучи заранѣе увѣдомленъ братомъ, что я передамъ ему кой-какія бумаги, но что отецъ и прочіе не были еще дома, а потому и не знали о моемъ пріѣздѣ, иначе отецъ поспѣшилъ бы предупредить его. Другаго разговора не было, какъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ, о которомъ братъ желалъ знать малѣйшія подробности. Письмо къ себѣ Левъ Сергѣевичъ успѣлъ прочитать еще у меня. Въ семь часовъ я подвезъ его къ крыльцу и уже никакъ не могъ отложить перваго визита своего на утро, вошелъ въ комнату, гдѣ былъ встрѣченъ всѣмъ семействомъ. Отецъ показался мнѣ со всѣми манерами стараго маркиза; изъ всѣхъ болѣе интересовалась знать объ Александрѣ Сергѣевичѣ сестра его. Левъ Сергѣевичъ не отходилъ отъ меня. Обласканный всѣми какъ родной, въ девять часовъ я уѣхалъ. На другой день выѣхалъ рано и, возвратясь поздно, узналъ, что оба Пушкина, еще съ какимъ то господиномъ, были у меня и обѣщали на слѣдующій день въ 10 часовъ утра опять посѣтить меня, что̀ и исполнили, но только уже вдвоемъ, а бывшій съ ними наканунѣ третій, какъ мнѣ сказали, — былъ Баратынскій. Отецъ и сынъ въ это посѣщеніе болѣе всего выказывали опасеніе насчетъ вспыльчивости Александра Сергѣевича; до нихъ дошли слухи о его столкновеніяхъ, и

это ихъ очень огорчало; мнѣ показалось даже, что у старика навернулись слезы. Узнавъ, что я выѣзжаю обратно черезъ недѣлю, старикъ пригласилъ меня (черезъ два дня) отобѣдать, сказавъ, что тутъ соберетъ всѣхъ друзей Александра, чтобы каждый изъ нихъ могъ узнать о немъ отъ меня лично, что съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ въ Кишиневѣ, я первый, который могу передать всѣмъ имъ то, что̀ ближе къ нему относится и т. д. До назначеннаго обѣда оставалось два дня, и въ эти дни каждое утро являлся Левъ Сергѣевичъ, и наканунѣ обѣда мы провели почти цѣлый день вмѣстѣ и все, мнѣ казалось, я недостаточно удовлетворялъ распросамъ.

Къ обѣду были приглашены: Баратынскій, Дельвигъ, баронъ Розенъ и еще человѣкъ пять; но тѣ, менѣе помянутыхъ, интересовались знать объ Александрѣ Сергѣевичѣ. Передъ концемъ обѣда, не помню, кто прочиталъ какое-то стихотвореніе, кажется мною привезенное; у родныхъ оно вызвало слезы, за окончаніемъ чтенія послѣдовало шампанское за здоровье поэта и пр. Я уѣхалъ довольно поздно, обѣщавъ передать все Александру Сергѣевичу. На другой и на третій день названныя мною лица посѣтили меня и передали письма къ Пушкину. Два дня передъ предположеннымъ отъѣздомъ, я былъ у старика вечеромъ и провелъ въ семействѣ часа три. На другой день Сергѣй Львовичъ, вмѣстѣ съ сыномъ, передали мнѣ огромный пакетъ съ письмами, съ какою-то тетрадью и включавшій въ себѣ пятьсотъ рублей. Мы распростились. Въ тотъ же день я долженъ былъ обѣдать у графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, которой я привозилъ отъ Михаила Ѳедоровича письмо, и въ этотъ день назначено было мнѣ получить отъ нея отвѣтъ. Здѣсь неожиданно встрѣтилъ я Александра Львовича Давыдова, который неотступно просилъ меня обождать его съ недѣлю, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Москву и въ заключеніе позвалъ на другой день обѣдать и тамъ поговорить объ этомъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ женой и дочерью, которыя отправлялись за границу. Обѣдали мы вчетверомъ, и я замѣтилъ, что жена Давыдова въ это время не очень благоволила къ Александру Сергѣевичу, и ей видимо было непріятно, когда мужъ ея съ большимъ участіемъ о немъ распрашивалъ. Я слышалъ уже неоднократно прежде о ласкахъ Пушкину, оказанныхъ въ Каменкѣ и слышалъ отъ него восторженныя похвалы о находившемся тамъ семейномъ обществѣ, упоминалось и объ Аглаѣ. Потомъ уже узналъ я, что между ней и Пушкинымъ вышла какая-то размолвка, и послѣдній наградилъ ее стишками! Послѣ обѣда Давыдовъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ къ каретнику, чтобы ускорить исправленіе его дормеза; къ счастію, онъ, вмѣсто недѣли, могъ быть готовъ черезъ четыре дня, и мы отправились. Передъ выѣздомъ, видясь ежедневно съ Львомъ Пушкинымъ, я предлагалъ ему вынуть изъ пакета деньги и отправить ихъ по почтѣ, какъ бы предвидя, что мнѣ долго не придется ихъ доставить лично; Левъ соглашался на это, но отецъ нѣтъ.

Въ Москвѣ я долженъ былъ пробыть двѣ недѣли ([92]) и едва вырвался отъ Давыдова и отъ штабныхъ сослуживцевъ 1812 года: Григорья Римскаго-Корсакова, Петра Нащокина, Николая Новикова, Степана Мельгунова и пр. и пр.; но и вырвавшись, не поѣхалъ прямо въ Кишиневъ, а узнавъ, что сестра моя, бывшая за мужемъ за ка-

([92]) Ни кн. Вяземскаго, ни Чаадаева въ Москвѣ не было, и я привезъ письма обратно.

питаномъ стараго Семеновскаго полка Тухачевскимъ, переведеннымъ въ числѣ другихъ офицеровъ въ армію, подполковникомъ въ Архангельгородскій полкъ, находится въ имѣніи въ Тульской губерніи въ с. Архангельскомъ (8 верстъ не доѣзжая Тулы), — я поспѣшилъ туда, ибо не былъ еще знакомъ съ Тухачевскимъ, женившимся въ 1817 году, когда я былъ во Франціи въ корпусѣ гр. Воронцова (93). Менѣе двухсотъ верстъ не требовало много времени. Пріѣхавъ въ Архангельское, я нашелъ, въ буквальномъ смыслѣ, сестру съ дѣтьми, садившимися въ эпипажи, чтобы отправиться въ штабъ Тухачевскаго, Тамбовской губерніи, въ г. Борисоглѣбскъ, откуда онъ прислалъ и лошадей. Я рѣшился сопровождать ихъ. Но такъ-какъ, потянувшись на долгихъ, возвращеніе мое въ Кишиневъ оттягивалось на неопредѣленное время, и я не могъ отправить пакета чрезъ почту, для чего требовалось бы распечатать его, какъ включавшаго въ себѣ деньги, на что я не рѣшился: посему изъ Тулы, объяснивъ все это Александру Сергѣевичу и зная финансовыя дѣла его въ неблагопріятномъ положеніи, послалъ я ему изъ своихъ триста рублей. Чрезъ мѣсяцъ, я былъ въ возможности, передавъ ему пакетъ, отдать отчетъ обо всемъ, что̀ относилось до его близкихъ.

*

Двѣ недѣли до выѣзда Пушкина изъ Одессы въ 1824 году, я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Два-три письма въ нѣсколькихъ строчкахъ, изъ коихъ послѣднее было изъ Орла, когда онъ ѣхалъ на Кавказъ къ Паскевичу, заключили наши сношенія; но не такъ было съ братомъ и отцемъ его. Въ апрѣлѣ 1826 года, я пріѣхалъ въ Петербургъ и посѣтилъ старика Пушкина; отъ него я узналъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ, что ему обѣщается разрѣшеніе пріѣхать изъ Псковскаго имѣнія въ Петербургъ, за поручительствомъ отца. На другой день старикъ пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ сыномъ Львомъ, который имѣлъ намѣреніе поступить въ военную службу и получилъ отъ графа Бенкендорфа предложеніе вступить юнкеромъ въ образовавшійся тогда дивизіонъ жандармовъ. Отецъ и сынъ питали нерасположеніе къ этого рода службѣ, но я имъ подтвердилъ то же самое, что̀ имъ говорили и нѣкоторые другіе, что въ жандармскомъ дивизіонѣ служба чисто военная, что я понималъ бы нежеланіе ихъ состоять при штабѣ III отдѣленія, но въ дивизіонѣ дѣло совсѣмъ иное и что если они на общественныхъ гуляньяхъ и парадахъ употребляются для полицейскаго порядка, то для этого употреблялась и другая конница, а лейбъ-казаки и теперь. Но всѣ мои поясненія были напрасны. Левъ Сергѣевичъ какъ будто бы сдавался, но отецъ и слышать не хотѣлъ, чтобы сынъ его былъ жандармомъ. На другой день я былъ приглашенъ обѣдать, и какъ-то пріѣхалъ ранѣе назначеннаго часа; Льва Сергѣевича не было еще дома; я нашелъ, что старикъ былъ въ какомъ то восторженномъ духѣ; послѣ первыхъ привѣтствій въ гостиной, онъ взялъ меня подъ руку и ввелъ въ кабинетъ. Здѣсь, съ самодовольной гордостью, сообщилъ мнѣ, что все, что̀ онъ опровергалъ вчера поутру, по поводу вступленія «Леона» въ жандармскій дивизіонъ, — вечеромъ, онъ созналъ необходимостью. Дѣло было такъ: кто-то (мнѣ не сказывали

(93) Тухачевскій, двоюродный братъ Ф. Ф. Вигеля, убитъ на Варшавскомъ штурмѣ въ 1831 году, бывши командиромъ Олонецкаго полка.

имени, но по всему должно полагать, что лицо, вліятельное и въ обществѣ и въ семействѣ Пушкиныхъ), представилъ ему, что этимъ отказомъ могутъ окончательно повредить Александру Сергѣевичу, потому что предложеніе Льву Сергѣевичу сдѣлано было самимъ графомъ Бенкендорфомъ, чрезъ лицо, ходатайствовавшее объ Александрѣ Сергѣевичѣ, и что вмѣстѣ съ обѣщаніемъ принять участіе въ ссыльномъ, предложено было шефомъ жандармовъ и принятіе брата подъ свое покровительство, опредѣливъ его юнкеромъ въ формировавшійся въ Петербургѣ дивизіонъ жандармовъ (кажется даже въ гвардейскій эскадронъ), а потому отказъ вступить въ жандармы, можетъ охладить графа къ облегченію участи Александра Сергѣевича и даже оскорбить графа, тѣмъ болѣе, что Левъ Сергѣевичъ самъ сдѣлалъ вызовъ вступить въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ и т. д. Эта мысль глубоко затронула Льва Сергѣевича, и онъ объявилъ себя рѣшительно вступающимъ въ жандармы. Отецъ забылъ всѣ предубѣжденія, за нѣсколько часовъ имъ владѣвшія, и съ гордостью пожималъ руку Льву Сергѣевичу. За обѣдомъ всѣ лица были веселы, въ ожиданіи скораго прибытія Александра Сергѣевича. Дней черезъ десять, Левъ Сергѣевичъ пришелъ ко мнѣ уже въ военной формѣ, которая къ нему очень шла и на вопросъ мой о братѣ, сказалъ, что получилъ отъ него пресмѣшное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что, будтобы, выѣзжая изъ дому, въ воротахъ встрѣтилъ попа и, не предчувствуя отъ сего добра, возвратился и пр. Я посовѣтовалъ Льву Сергѣевичу не разсказывать этого, но, кажется, это было сдѣлано уже не мнѣ одному, потому-что я слышалъ объ этомъ и отъ другихъ, конечно съ комментаріями. Левъ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ, что братъ связался въ деревнѣ съ кѣмъ-то и обращается съ предметомъ— «уже не стихами, а практической прозой»; но что ему писано настоятельно, чтобы пріѣзжалъ, и конечно теперь онъ не замедлитъ. Послѣ сего я пробылъ въ Петербургѣ еще дней десять и долженъ былъ, по порученію графа Воронцова, внезапно уѣхать въ Аккерманъ для нѣкоторыхъ приготовленій къ имѣвшемуся быть тамъ конгрессу, но Пушкина въ Петербургѣ еще не было. Въ первыхъ числахъ февраля 1837 года, я пріѣхалъ въ Москву и здѣсь узналъ о катастрофѣ, подробности которой послѣ разсказалъ уже мнѣ въ Петербургѣ общій нашъ Кишиневскій знакомецъ Данзасъ ([94]), бывшій секундантъ Пушкина. На этотъ разъ никого изъ его родныхъ, знакомыхъ мнѣ, не было въ Петербургѣ, кромѣ жены, которой я не зналъ. Въ Ноябрѣ 1839 года я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и крайне удивился, что черезъ часъ вошелъ ко мнѣ Сергѣй Львовичъ: онъ жилъ въ той же гостинницѣ Демута, гдѣ остановился и я. Само собой разумѣется, что господствующимъ разговоромъ было воспоминаніе объ Александрѣ Сергѣевичѣ, о которомъ старикъ, сильно уже оглохшій и страдавшій одышкой, говорилъ со слезами на глазахъ. Онъ пригласилъ меня на другой день въ 6 часовъ вечера къ себѣ; это былъ день, въ который привозятъ къ нему внучекъ. У него нашелъ я баронесу Вревскую, сосѣдку по имѣнію съ Пушкинымъ и чтившую покойнаго, съ кото-

([94]) Во время пребыванія Пушкина, Данзасъ былъ поручикомъ піонернаго баталіона, квартировавшаго въ Бендерахъ. Данзасъ бывалъ въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ съ нимъ и видался; сверхъ сего еще съ поручикомъ Политковскимъ (нынѣ г. л.), котораго Пушкинъ особенно уважалъ.

рымъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, она была знакома; съ нею была Екатерина Ермолаевна Кернъ, дочь генералъ-лейтенанта, бывшаго въ послѣднее время комендантомъ въ Смоленскѣ, дѣвушка тогда лѣтъ 25-ти, очень живая, умная и начитанная, которая была страстью старика. Нельзя было безъ юмора видѣть его расточающимъ фразы старинныхъ маркизовъ, не слушающимъ отвѣтовъ и продолжающимъ начатую рѣчь. Двѣ дочери Пушкина, премилыя и бойкія дѣвочки, осаждали старика, съ улыбкой подмигивая одна другой, когда онъ надѣлялъ ихъ конфектами изъ разныхъ кармановъ; я находилъ въ нихъ типъ отца. Раза три я призываемъ былъ на эти посѣщенія однихъ и тѣхъ же лицъ. Въ мартѣ 1840 года я возратился въ Петербургъ уже на постоянное жительство. Въ первое время С. Л. Пушкина не было, но скоро онъ опять пріѣхалъ и основался уже въ Петербургѣ по самую смерть, поселившись на Англійской Набережной. День ото дня глухота его усиливалась, астма дошла до такой степени, что въ другой комнатѣ слышно было тяжелое его дыханье; дѣти мои прозвали его самоваромъ. Не смотря на это, онъ одѣвался всегда изысканно и любилъ преимущественно говорить отборнымъ стариннымъ французскимъ слогомъ, разсказывая бездну анекдотовъ, путая и время и лицъ. Е. Е. Кернъ продолжала занимать его умъ. Онъ посѣщалъ насъ очень часто, и мы каждый разъ замѣчали быстрые успѣхи его болѣзни. Въ послѣднее время онъ былъ уже какъ бы безчувственъ къ участи обоихъ сыновей; о старшемъ онъ говорилъ — какъ о великомъ поэтѣ, о Львѣ—какъ одаренномъ необыкновенною силой души.

Симъ оканчиваю разказъ, который вызванъ желаніемъ автора статьи „Пушкинъ въ Южной Россіи“ имѣть подробности о Пушкинѣ. То, что̀ я могъ сообщить очень скудно: о его поэтическомъ дарѣ я не могъ быть судьей. Я старался набросать о немъ даже самыя мелочи, чтобы все это, взятое вмѣстѣ, могло послужить для оцѣнки его, какъ человѣка; и въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, онъ стоялъ высоко, или короче сказать, что на такую высоту достигаютъ не многіе. За вѣрность разсказываемаго я ручаюсь.

И. Липранди.

Спб. 2-е Апрѣля, 1866.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вышепомѣщенная статья о Пушкинѣ и о той обстановкѣ, въ которой онъ находился, писана была не *для печати*, а единственно въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ и поправокъ къ нашей статьѣ. Отсюда произошла и отрывочность изложенія, выкупаемая столь обильно новыми подробностями и разъясненіями. Мы дорожимъ этими подробностями, такъ какъ Пушкинъ, кромѣ значенія своего въ словесности, долженъ будетъ по множеству прикосновеній занять мѣсто и въ будущей, общей исторіи своего времени. Можно лишь пожалѣть, что до сихъ поръ не вся жизнь его, а только эти три года, представляются въ нѣкоторой полнотѣ и разнообразіи. *П. Б.*

ПИСЬМО ГРАФА ЮСИФА ДЕ МЕСТРА КЪ КН. П. Б. КОЗЛОВСКОМУ.

Читатели безъ сомнѣнія оцѣнятъ живыя краски современности и важность содержанія въ нижеслѣдующемъ письмѣ, которое обязательно сообщено намъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Долгорукимъ. Оно печатается въ первый разъ, и съ подлинника. Графъ Іосифъ де Местръ, проживавшій въ Россіи Сардинскимъ посланникомъ около 15 лѣтъ сряду, слишкомъ извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться. Онъ принадлежалъ къ тому яркому созвѣздію славныхъ Европейцевъ, которые окружали императора Александра въ первыя двѣ трети его царствованія: таковы Поццо ди Борго, баронъ Штейнъ, гр. Каподистріа, мадамъ Сталь и пр. и пр Какъ при Екатеринѣ наша дипломатія не только имѣла подробныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ чужихъ краяхъ, но въ каждомъ государствѣ пріобрѣтала себѣ сторонниковъ, подобно тому и при Александрѣ Павловичѣ обстоятельства сложились столь благопріятно, что было много людей на Западѣ, искавшихъ опоры и спасенія въ Русскомъ могуществѣ. Очаровавъ Петербургское общество умомъ своимъ, заслуживъ общее уваженіе непреклонностью характера, гр. Местръ нѣкоторое время пользовался и личнымъ довѣріемъ императора Александра. Письма и донесенія его къ своему двору, изданныя въ двухъ сборникахъ (съ 1803 по 1810 годъ, одинъ томъ 8° Paris 1858 и съ 1811 по 1817, два тома 8 Paris 1860) содержатъ въ себѣ важныя показанія для нашей исторіи. Но когда обнаружилось содѣйствіе, которое онъ оказывалъ друзьямъ своимъ Іезуитамъ въ ихъ проискахъ, когда напр. аб. Розавенъ почти насильно обратилъ въ католичество гр. Марью Артемьевну Воронцову, когда племянникъ самаго министра духовн. дѣлъ кн. А. Н. Голицына оказался (на время) упорнымъ католикомъ,—отношенія измѣнились. Александръ Павловичь, въ продолжительной аудіенціи, съумѣлъ образумить рьянаго апологиста папы. Гр. Местръ отзывался, что никакъ не ожидалъ отъ Русскаго государя подобной настойчивости: Le feu lui sortait des narines, разсказывалъ Местръ своему брату Ксаверію (слышано по преданію). Это могло происходить вскорѣ послѣ помѣщаемаго ниже письма; ибо первое удаленіе Іезуитовъ изъ Петербурга относится къ Декабрю 1815 года. Съ тѣхъ поръ замѣтно понижается тонъ депешей гр. Местра. Чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ онъ отъѣхалъ наконецъ домой; на прощаньи Александръ осыпалъ его любезностями и подарками, и въ маѣ 1817 года его отвезъ изъ Петербурга одинъ изъ кораблей, отправлявшихся во Францію за нашимъ войскомъ. Князь Козловскій, къ коему писано это письмо, былъ тогда нашимъ посланникомъ при Сардинскомъ королѣ. Объ этомъ замѣчательномъ лицѣ будетъ въ Русскомъ Архивѣ особая статья. Здѣсь замѣтимъ только, что онъ негласно принадлежалъ къ католическому ученію, чѣмъ легко объясняется его близость съ гр. Местромъ. *П. Б.*

St. Pétersbourg, 12 (24) octobre 1815.

J'ai reçu, mon très cher prince, votre lettre du 16 (28) juillet dernier. N'ayez pas peur que *je vous refuse l'absolution* quand même je pourrois dire comme feu Dacier: *Ma remarque subsiste.* Sur l'article des lettres, c'est fort bien fait de dire, de part et d'autre: *Veniam petimus dabimusque vicissim.* Il est des momens où il est réellement impossible d'écrire, et sans qu'il soit possible de dire pourquoi.

Je crois qu'il est permis de parler maintenant de Buonaparte comme s'il étoit mort; mais si je commençais je ne finirois pas. J'ai dit une fois: *Ses vices nous ont sauvés de ses talens.* Je m'en tiens-là.

Malheureusement, en montant sur le Bellérophon (qui, pour la seconde fois, a vaincu la Chimère), il n'est pas mort tout entier. Son esprit nous reste. Cet esprit est un mixte composé de son propre venin et de celui de ses prédécesseurs, et ce venin subtil se glisse de tout coté. Mille raisons trop longues à détailler me prouvent que nous touchons à une révolution morale et religieuse, sans la quelle le cahos ne peut faire place à la création. La main de la Providence se fait sentir visiblement, comme vous le dites, mon prince; mais

nous ne voyons encore rien, parceque jusqu'ici elle n'a fait que nétoyer la place; mais nos enfans s'écrièront avec une respectueuse admiration: *Fecit nobis magna qui potens est!* Il est impossible que vous n'ayez pas ouï nommer un livre ancien intitulé: *Gesta Dei per Francos*. C'est une histoire des Croisades. Ce livre peut être augmenté de siècle en siècle, toujours sous le même titre. Rien de grand ne se fait dans notre Europe sans les Français. Ils ont été à cette époque ridicules, foux, atroces, le tant qu'il vous plaira; mais ils n'ont pas moins été choisis pour être les instrumens de l'une des plus grandes révolutions qui se soient faites dans le monde; et je ne puis douter qu'un jour (qui n'est pas loin peut-être) ils n'indemnisent richement le monde de tout le mal qu'ils lui ont fait: car le prosélytisme est leur élément, leur talent, leur mission même, et toujours ils agiteront l'Europe en bien ou en mal. Il peut se faire sans doute que la France souffre encore de grandes convulsions; *qu'elle même sur soi renverse ses murailles et de ses propres mains déchire ses entrailles;* mais à la fin tout finira comme je vous le dit. Votre grand pays, mêlé à cette grande sécousse, sur le point d'être victime et devenu rapidement *sauvé et sauvant*, que deviendra-t-il? Dieu le sait. Ce qu'il y a de sur, c'est qu'il ne sauroit demeurer où il en est. Il a eu sa part de la commotion générale. L'invasion d'abord n'a pas laissé que de modifier d'une maniere assez sensible l'esprit de vos paysans; mais les soldats *francisés* sous bien d'autres inoculations — Dieu vous garde! — Vous me parlez de la science et des universités, — quel chapitre, cher prince! On vient de soutenir une thèse à Wilna où l'on dit *que Dieu est le calorique par excellence (per perfectionem)*, que l'esprit humain un calorique diminuée; le soleil un calorique organisant, la plante est un calorique organisé etc. Un prêtre catholique apostat qui a dejà fait mourir deux femmes de chagrin et qui est à présent l'heureux possesseur de la 3-me, est *professeur de morale* dans l'un de vos universités. L'enseignemeut est planté chez vous à rebours, et il vous mene à la corruption avant de vous mener à la science. La principale cause de ce mal est que vos hommes d'état ont les yeux totalement fermés sur le protestantisme. Ils ne connaissent pas ce serpent et le prennent tout au plus pour une anguille. Je ne crois pas que l'enseignement germanique convienne du tout à votre temperament. C'est l'esprit philosophique moderne, *perfectionné* par je ne sais quel amour du bizarre qui s'approche beaucoup de l'extravagance. Si l'on s'en tient à la science seule, separée de la morale, j'entends dire que le gymnase de St. Pétersbourg a produit de fort bons sujets. Une lettre sur ces grands objets ne vaut jamais rien: *il faudrait une année et je n'ai qu'un moment.*

Encore moins pourrais-je vous parler pertinemment de votre code sur le quel vous me demandez mon avis. Le prince Alexandre Soltykoff le soutient. C'est une autorité très respectable pour moi. D'un autre coté, m. Trochinsky qu'on m'assure être un excellent Russe, plein de bon sens et de connaissances locales, est entierement contraire à ce code. Entre deux autorités de ce poids, un étranger (qui d'ailleurs n'a lu ni pu lire le code) auroit mauvaise grace de prendre parti. Ce que je puis vous assurer c'est que la masse de la nation ne s'en embarrasse pas plus que de ce qui se fait en Japon. Personne ne le décise, personne n'en parle; et cependant il coute 100.000 r. par an à votre maitre, et depuis plusieurs années. Encore une fois, un étranger ne doit pas être trop

decisif sur ce point; en général cependant je penche à croire que vous n'avez pas assez preparé le peuple pour le code avant de faire le code pour le peuple. J'en veux beaucoup à votre Pierre I-er qui me parait avoir commis à votre égard la plus grande des fautes, celle de manquer de respect à sa nation. Jamais je n'ai lu que Numa ait fait couper la toge des Romains, qu'il les ait traités de barbares etc. Les décemvirs allerent bien chercher des lois en Grece, mais ils n'amenerent pas des Grecs à Rome pour leur en faire. Maintenant l'orgueil national se réveille et s'indigne; mais Pierre vous a mis avec l'étranger dans une fausse position. *Nec tecum possum vivere nec sine te* — c'est votre dévise. Je ne crois pas qu'il y ait dans ce moment pour un bon observateur un plus grand et plus beau champ que votre pays, mon cher prince. Ce que vous avez de bon est évident. Vous étes bons, humains, hospitaliers, spirituels, intrépides, entreprenants, heureux imitateurs, nullement pedants, ennemis de toute gêne, préférant une bataille rangée à un exercice etc. A ce beau corps sont attachés deux fistules qui l'appauvrissent: *l'instabilité* et *l'infidélité*. Tout change chez vous, mon prince; les lois comme les rubans, les opinions comme les gilets, les systèmes de tout genre comme les modes. On vend sa maison comme son cheval; rien n'est constant que l'inconstance, et rien n'est respecté parceque rien n'est ancien. Voilà le premier mal. Le second n'est pas moins grave. Je ne sais quel esprit de mauvaise foi et de tromperie circule dans toutes les veines de l'état. Le vol de brigandage est plus rare chez vous qu'ailleurs, parceque vous n'étes pas moins doux que vaillants; mais le vol d'infidélité est en permanence. Achetez un diamant, il y a une paille; achetez une allumette, le souffre y manque. Cet esprit, parcourant du haut en bas les canaux de l'administration, fait des ravages immenses. C'est contre ces deux ennemis que doit se tourner toute la sagesse et toute la force de vos legislateurs. Je parlerois jusqu'à demain sur ce sujet; *sed de his coram*. Ce que je puis vous dire, c'est que je prends à vous et à tout ce qui vous intéresse un intérêt sans bornes; car vos Russes m'ayant traité avec beaucoup de bonté, j'ai laissé prendre mon coeur, et n'ai plus d'envie de les quitter. *On veut m'avoir*, me dites vous. Comment s'appelle *on?* Je me suis toujours défié de ce personnage qui a mille noms et mille masques, et ne s'en sert que pour tromper. Il est trop tard pour changer de carrière. Le malheur d'ailleurs semble s'être attaché à mes dernières années, *et sa rage insatiable ne me laisse aucun repos*. L'indifférence ou le dégout, la lassitude, le décourament suivent les maux aigus. Ne tenez donc aucun discours rélatif à mon rappel. Le Roi sais bien que je suis sujet. En attendant, je ne désire que de pouvoir vivre chez vous. — Votre lettre de change a été acceptée. Vous avez oublié je ne sais quoi qui en avoit retardé l'acceptation. Rodolphe est bien sensible à votre souvenir et me charge de mille hommages pour vous. Recevez aussi les complimens de *mes trois femmes* avec qui je parle souvent de vous.

Combien j'ai approuvé votre idée de jurisprudence! Vous étes dans la bonne ville pour celà. Turin a toujours possedé d'excellents jurisconsultes. Mais savez vous ce que je vous conseille? Quand vous serez bien maitre du texte des instituts, prenez-moi un commentateur pratique, par ex. Schmidwinus (connu en Italie sous le nom d'Octotomus), laissez-là l'élégance et l'erudition des Vinnius, des Geineccius etc. Voyez les formules de tous les contracts, de toutes les requêtes, de tous les testa-

mens; voyez comment nous *introduisons* une action, et ce que c'est qu'une *action* etc. La jurisprudence est comme la médecine, toute pratique. Savez-vous que notre procédure criminelle est un chef-d'oeuvre, une *moyenne proportionnelle* très habilement tirée entre la procédure anglaise (bien moins bonne qu'on ne la croit) et l'ancienne française? Voici encore ce que je vous conseille. Faîtes-vous prêter une procédure criminelle faite par un sénateur dans quelque cas grave et difficile, et lisez la *da capo a fondo:* il n'y a que celà pour savoir. Adieu, mille fois, cher prince. N'allez pas m'oublier. Gardez-vous en bien. *Ni chorochoz*. Croyez, je vous prie, comme au symbol des apôtres, à l'attachement respectueux et au parfait dévouement de votre très h. et tr. ob. serv. J. c. de M.

Si mon frère, député en dernier lieu à Paris de la part de notre bonne nation, paroissoit à Turin, comme celà est possible, permettez que je vous le recommande, mon prince: c'est le plus excellent des frères. Baisez ma joue sur la sienne, je vous en prie.

Переводъ. Спб. 12 (24) окт. 1815. Любезнѣйшій князь! я получилъ ваше письмо отъ 16 (28) прошедшаго іюля. Не бойтесь, „я не откажу вамъ въ разрѣшеніи", хотя и могъ бы сказать, какъ покойникъ Дасье: „мое замѣчаніе всетаки вѣрно". Относительно переписки, мы оба имѣемъ право сказать: „Просимъ извиненія и въ свою очередь извиняемъ" (1). Бываетъ время, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности писать, и при томъ нѣтъ возможности объяснить, почему это такъ.

О Бонапартѣ (2), я думаю, теперь позволительно говорить какъ бы его не было на свѣтѣ; но начавъ о немъ рѣчь, я не съумѣю остановиться. Когда то я сказалъ: „Его пороки спасли насъ отъ его талантовъ". Не отступаюсь отъ этихъ словъ.

Къ несчастію, вступивши на Беллерофонтъ (который въ другой разъ одолѣлъ Химеру) (3), онъ все еще не весь умеръ. Намъ остался его духъ. Духъ этотъ состоитъ изъ смѣшенія его собственнаго яда съ ядомъ его предшественниковъ, и этотъ тонкій ядъ разливается во всѣ стороны. Долго говорить, а бездна доводовъ увѣряютъ меня, что мы наканунѣ нравственнаго и религіознаго переворота, безъ котораго хаосъ не уступитъ мѣста творенію. Рука Провидѣнія, какъ вы говорите, даетъ явно себѣ чувствовать; мы еще ничего не видимъ, потому что доселѣ она лишь очищала мѣсто; но дѣти наши съ смиреннымъ благоговѣніемъ воскликнутъ: „Великое содѣялъ намъ Могущій". Вы навѣрное слыхали объ одной старинной книгѣ подъ заглавіемъ: „Дѣянія Божія черезъ Франковъ". Это исторія Крестовыхъ Походовъ. Эту книгу можно дополнять изъ вѣка въ вѣкъ, все подъ тѣмъ же заглавіемъ. Ничто великое въ нашей Европѣ не совершается безъ Французовъ. Въ настоящую эпоху они были смѣшны, глупы, жестоки, сколько вамъ угодно; не менѣе того, они избраны были въ орудіе одного изъ величайшихъ переворотовъ, какіе только совершались на свѣтѣ, и я не сомнѣваюсь, что наступитъ время (и можетъ быть оно не далеко), когда они щедро искупятъ все зло, которое причинили міру: ибо проповѣдничество есть ихъ природное качество, ихъ талантъ, даже ихъ призваніе, и всегда они будутъ настраивать

(1) Къ сожалѣнію, мы не можемъ дознаться, откуда гр. Местръ беретъ приводимые въ этомъ письмѣ афоризмы.

(2) Сардинскій посланникъ не перестаетъ называть Наполеона Бонапартомъ.

(3) Сказаніе о борьбѣ Беллерофонта съ чудовищемъ Химерою, извѣстно изъ Греческой миѳологіи и разсказано въ Иліадѣ, пѣснь VI, ст. 179—183. Читатели припомнятъ, что послѣ втораго паденія своего, лѣтомъ 1815 г., Наполеонъ на кораблѣ Беллерофонтѣ былъ захваченъ англичанами. Въ то время, когда писано это письмо, Наполеона уже везли на св. Елену.

Европу на добро или на зло ([4]). Конечно можетъ статься, что Франція еще страждетъ сильными судорогами, что „она ниспровергаетъ на самоё себя свои стѣны и раздираетъ собственными руками свои внутренности“; но напослѣдокъ все кончится такъ, какъ я вамъ сказываю.

Какая же будущность ждетъ вашу великую страну, которую затронулъ этотъ великій переворотъ, которая едва не сдѣлалась жертвою онаго и быстро очутилась „спасенною и спасающею“? Богъ вѣдаетъ. И ее не обошло общее потрясеніе. Вопервыхъ, вслѣдствіе нашествія довольно замѣтнымъ образомъ перемѣнился духъ вашихъ крестьянъ; но ваше военное сословіе, на которомъ оказывается французское вліяніе въ смыслѣ совсѣмъ иномъ — Боже обorони васъ! Вы говорите мнѣ о наукѣ и объ университетахъ. Какой предметъ, любезный князь! Въ Вильнѣ защищалось положеніе, утверждающее, что „Богъ есть по преимуществу теплородъ“; что человѣческій разумъ есть ослабленный теплородъ; солнце—теплородъ устроивающій; растеніе—теплородъ устроенный и пр. Католическій священникъ, отвергшій свою вѣру, у котораго съ горя померли двѣ жены, и который въ настоящее время есть счастливый обладатель третьей, — преподаетъ нравственную философію въ одномъ изъ вашихъ университетовъ ([5]). Преподаваніе у васъ идетъ на выворотъ: еще не доводя до знанія, оно уже служитъ къ развращенію, и зло это проистекаетъ главнѣйше отъ того, что ваши государственные люди не хотятъ видѣть никакой опасности въ протестантствѣ ([6]). Они не знаютъ этого змія, и въ ихъ глазахъ онъ не болѣе какъ инфузорія. Мнѣ кажется, что вашему темпераменту вовсе не соотвѣтствуетъ нѣмецкое преподаваніе, этотъ духъ новой философіи, „усовершенствованный“ непонятною мнѣ любовью къ странностямъ, которая близко подходитъ къ необузданности. Если же брать одни науки, безъ отношенія къ нравственности, то сказываютъ, что изъ С.-Петербургской гимназіи выходятъ очень хорошіе ученики. Но объ этихъ великихъ предметахъ не слѣдовало бы и говорить въ письмѣ: „потребенъ цѣлый годъ, а у меня въ распоряженіи минуты“.

Еще менѣе могу я говорить обстоятельно о составленіи законовъ, о которомъ вы спрашиваете моего мнѣнія. Князь Александръ Солтыковъ хвалитъ его, и я весьма цѣню этотъ отзывъ. Съ другой стороны, г. Трощинскій принадлежащій, какъ увѣряютъ, къ лучшимъ Русскимъ людямъ, отличающійся здравымъ смысломъ и владѣющій мѣстными свѣдѣніями, совершенно не одобряетъ этой работы. Странно было бы, въ виду этихъ столь уважительныхъ отзывовъ, предъявлять свое сужденіе иностранцу, который въ добавокъ не читалъ и не могъ прочесть этихъ законовъ. Я могу лишь васъ увѣрить, что масса народа помышляетъ о нихъ столько же, какъ и о томъ, что̀ происходитъ въ Японіи. Никто не обсуждаетъ этого дѣла, никто не говоритъ о немъ; и однакоже оно обходится вашему государю во 100 тысячъ рублей серебромъ ежегодно, и это уже много лѣтъ. Но, повторяю, не иностранцу судить объ этомъ предметѣ; говоря же вообще, я склоненъ думать, что прежде чѣмъ составлять законы для народа, слѣдовало бы лучше напередъ пріучить народъ къ такимъ законамъ. Мнѣ очень досадно на вашего Петра I-го, который, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно виноватъ передъ вами, именно недостаткомъ уваженія къ своему народу.

([4]) Мысль о таковомъ значеніи Французовъ въ исторіи Европы подробно развита гр. Местромъ въ его сочиненіи, появившемся еще въ прошломъ вѣкѣ: Considérations sur la France. Самъ Местръ не былъ по происхожденію Французомъ; но какъ геніальный писатель, своими твореніями онъ принадлежитъ Франціи.

([5]) Не Снядецкій ли?

([6]) Этотъ предметъ послужилъ содержаніемъ извѣстныхъ писемъ гр. Местра къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому; его выходъ изъ этой должности, говорятъ, находился въ связи съ изгнаніемъ Іезуитовъ.

Никогда я не читывалъ про Нуму, чтобы онъ обрѣзывалъ тоги у Римлянъ, чтобы онъ обходился съ ними какъ съ варварами и пр. Правда, децемвиры отправлялись въ Грецію искать законовъ, но они не привозили Грековъ въ Римъ для сочиненія имъ законовъ. Нынѣ народная гордость пробуждается и чувствуетъ себя оскорбленною; но Петръ поставилъ васъ въ ложное отношеніе къ чужимъ краямъ. „Ни съ тобою не могу жить, ни безъ тебя" — вотъ ваше знамя (7). Въ настоящую минуту, мнѣ кажется, что для умнаго наблюдателя нѣтъ нигдѣ такого обширнаго и привлекательнаго поприща, какъ ваша страна. Ваши хорошія стороны очевидны. Вы добры, человѣколюбивы, гостепріимны, богаты умомъ, отважны, предпріимчивы, удачливы въ подражательности, отнюдь не педанты, терпѣть не можете всякаго рода стѣсненія, предпочитаете настоящую битву военному упражненію и пр. Но въ этомъ превосходномъ тѣлѣ двѣ раны, которыя его истощаютъ: „непостоянство и лживость". У васъ, любезный князь, все перемѣнчиво: законы мѣняются какъ ленты, мнѣнія какъ жилеты, всякаго рода предначертанія какъ моды. Продать домъ у васъ также ни по чемъ какъ лошадь; постоянно лишь одно непостоянство, и ничто не цѣнится, потому что нѣтъ ничего увѣковѣченнаго. Вотъ первое зло. Другое зло не менѣе важно. Во всѣхъ жилахъ государства обращается не знаю какой то духъ недовѣрія и обмана. Воровство въ видѣ грабежа у васъ рѣже, чѣмъ въ другихъ земляхъ, потому что вы, хоть и храбры, но не менѣе того и мягки; за то воровство въ видѣ обмана — непрерывное. Купите алмазъ, въ немъ окажется пятно; купите зажигательныхъ спичекъ, въ нихъ нѣтъ сѣры. Этимъ духомъ сверху до низу заражены всѣ пути управленія, и онъ производитъ страшныя опустошенія. Вотъ два врага, на которыхъ должна быть обращена вся мудрость и вся сила вашихъ законодателей. Объ этомъ предметѣ я могъ бы говорить до завтра; „но о томъ при свиданіи". Могу вамъ сказать, что принимаю безграничное участіе въ васъ и во всемъ что̀ для васъ важно; ибо ваши Русскіе оказали мнѣ много благорасположенія; я сердечно предался имъ, и не желаю покидать ихъ. „Меня хотятъ назадъ", говорите вы. Кто это, какое имя этому *хотятъ?* Я всегда не довѣрялъ такому неопредѣленному существу, у котораго тысяча именъ и тысяча личинъ, служащихъ единственно для обмама. Слишкомъ поздно мѣнять поприще. Въ послѣдніе годы несчастіе, повидимому, не перестаетъ меня преслѣдовать, „и его ненасытная ярость не даетъ мнѣ ни на минуту покоя". Къ острымъ болямъ присоединяются безучастіе или постылость, усталость, уныніе. И такъ, не заводите никакого разговора объ моемъ отозваніи. Королю хорошо извѣстно, что я подданный. Покамѣстъ же я хочу только имѣть возможность жить у васъ.

Вашъ вексель не былъ принятъ. Вы забыли не знаю что̀ то сдѣлать, и отъ того замедлился размѣнъ его. Рудольфъ (8) весьма цѣнитъ ваше воспоминаніе и поручаетъ передать вамъ тысячу любезностей. Примите также поклоны „моихъ трехъ женъ", съ которыми я часто говорю о васъ.

Какъ я доволенъ что вы возымѣли мысль заняться правовѣденіемъ. Городъ, въ которомъ вы живете, весьма удобенъ для этого. Въ Туринѣ всегда бы-

(7) Ту же самую мысль высказывалъ другой знаменитый иностранецъ, прожившій у насъ вторую половину 1812 года и котораго тогдашняя искренность въ отношеніи къ намъ несомнѣнна, — баронъ Штейнъ Но Местръ былъ умозритель, Штейнъ напротивъ сей часъ же предлагаетъ мѣры къ поправленію: Es wäre wohl noch Zeit das Eindringen dieser ausländischen Sitten zu mindern und ihm eine zweckmäßigere Richtung zu geben. 1) Man könnte die sehr zweckmäßige und bequeme Natianalkleidung, den Kaftan, wieder einführen. 2) Der Hof müßte sich einen großen Theil des Jahres in Moskau aufhalten. 3) Der Umgang der Einländer mit denen fremden Gesandten müßte erschwert werden. (См. Stein's Leben von Pertz, ч. 3-я).

(8) Сынъ Местра, находившійся тогда въ Русской военной службѣ.

вали превосходные законовѣды. Но знаете что̀ я вамъ посовѣтую? Когда вы вполнѣ овладѣете текстомъ институтовъ, возмите себѣ практическаго комментатора, напр. Шмидвинуса (извѣстнаго въ Италіи подъ именемъ Осмитомнаго), не обращайте вниманіе на изящество и ученость Винніусовъ, Гейнецієвъ и пр.; разсмотрите формы всѣхъ контрактовъ, всѣхъ прошеній, всѣхъ завѣщаній; разсмотрите какъ мы „вчинаемъ" дѣло и что̀ такое „дѣло" и пр. Правовѣденіе, какъ медицина, все состоитъ въ практикѣ. Знаете ли что наше уголовное производство есть верхъ совершенства: это „среднее пропорціональное", очень искусно извлеченное изъ производства англійскаго (гораздо худшаго, нежели о немъ думаютъ), и стариннаго французскаго? Вотъ еще мой совѣтъ. Добудьте себѣ уголовное дѣло, произведенное сенаторомъ по какому нибудь важному и трудному случаю, и прочтите его „съ начала до конца": тутъ вся наука.

Простите, любезный князь. Не забывайте меня. Смотрите же! „Не хорошо". Какъ въ апостольскій символъ, прошу васъ, вѣрьте въ почтительную привязанность и совершенную преданность вашего и пр.

Если братъ мой, находящійся въ послѣднее время въ Парижѣ депутатомъ отъ нашего добраго народа, пріѣдетъ въ Туринъ, что̀ весьма возможно, то позвольте мнѣ поручить его вашему вниманію. Это превосходнѣйшій изъ братьевъ. На его щекѣ поцалуйте мою, прошу васъ.

ЕЩЕ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Возбужденный въ послѣднее время въ нашей литературѣ вопросъ о годѣ рожденія Карамзина не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно до тѣхъ поръ, пока, при обсужденіи его, не будутъ приняты въ соображеніе и критически разобраны *всѣ* относящіяся сюда данныя, въ особенности собственныя показанія объ этомъ самого Карамзина. Гг. Лонгиновъ и Дмитріевъ отвергаютъ (Рус. Арх. за 1865 г., стр. 1532—1536) вѣрность поправки въ числѣ лѣтъ отъ рожденія [1], сдѣланной, по замѣчанію г. Полтарацкаго, несомнѣнно самимъ Карамзинымъ, на основаніи которой онъ долженъ былъ родиться 1-го декабря 1766 года, и утверждаютъ, согласно съ установившимся преданіемъ, что онъ родился 1-го декабря 1765 года. Но послѣ того, какъ академикъ Гротъ вновь напечаталъ собственноручную автобіографическую записку Карамзина (Зап. Им. Академіи наукъ, т. VIII, кн. II, стр. 97), составленную имъ въ 1805 или 1806 году для извѣстнаго *Словаря* Евгенія Болховитинова, въ которой Карамзинъ прямо говоритъ, что родился 1-го декабря 1766 года [2], вопросъ можно было бы считать окончательно порѣшеннымъ, если бы у насъ не было еще одного показанія Карамзина, изъ двадцатыхъ годовъ, на основаніи котораго онъ долженъ былъ родиться по меньшей мѣрѣ годомъ позже. Въ письмѣ къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, изъ Царскаго Села, отъ 30 іюля 1820 года, Карамзинъ говоритъ: „Позвольте мнѣ быть ослушнымъ и безпрестанно благодарить ваше императорское величество. Могу еще хвалиться скромностію, оставляя многое въ душѣ, чего и выразить не умѣю, не смотря на то, что *мнѣ 52 года отъ роду*, и что я бо-

---

(1) Въ извѣстномъ письмѣ изъ Женевы, отъ 1-го декабря 1789 года, въ изданіяхъ сочиненій Карамзина (1814, 1820 и послѣдующихъ годовъ) постоянно печаталось: „Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года" вмѣсто: „Нынѣ минуло мнѣ двадцать четыре года", какъ было въ прежнихъ изданіяхъ.

(2) Согласно съ этимъ показаніемъ, Карамзинъ считалъ себѣ въ 1824 году пятьдесятъ восемь лѣтъ, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ его къ А. И. Тургеневу отъ 20 сентября: „Понимаю ваше удовольствіе быть въ моей старой, доброй Москвѣ. Люблю ее какъ душу, хотя и не смѣю сказать, чтобы я желалъ теперь возвратиться въ ея бѣлокаменныя стѣны: лѣнь *пятидесяти осьми* годовъ, а еще болѣе сыновья подрастающіе привязываютъ меня къ игрушкѣ Петра Великаго" (Рус. Арх. за 1866, стр. 656).

лѣе тридцати лѣтъ учусь выражать свои мысли и чувства" ([3]). Если показаніе это не ошибочно (мы готовы впрочемъ допустить здѣсь ошибку, хотя и не рѣшаемся объяснять ее старческою забывчивостью: въ 1820 году Карамзинъ едва ли могъ забыть число прожитыхъ имъ лѣтъ), то онъ долженъ былъ родиться не раньше 1 декабря 1767 года.

Одесса. 22 Апрѣля 1866 г.

М. Шугуровъ.

([3]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М Карамзина, ч. 1. Спб. 1862 г, стр. 43—44.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 704. — *Обрѣзковъ*, — не Московскій гражданскій губернаторъ Николай Васильевичь, а скорѣе племянникъ его, Василій Александровичь, тогда адъютантъ гр. Растопчина, а впослѣдствіи Московскій полицмейстеръ, женатый на княжнѣ Прасковьи Васильевнѣ Хованской, родной сестрѣ жены А. Я. Булгакова.

Стр. 707. *Загородный* домъ гр. Растопчина, о сожженіи котораго въ минуту выѣзда изъ Москвы (2 сент. 1812 г.) говорится, — не домъ въ селѣ Вороновѣ, а домъ въ Сокольникахъ, гдѣ гр. Растопчинъ жилъ передъ вступленіемъ Французовъ, гдѣ прожилъ нѣсколько дней до того и Карамзинъ.

Стр. 714. Не *Андрей*, а *Александръ* Александровичь Волковъ.

На стр. 957, рѣчь идетъ не о Д. И. Кисилевѣ, а о братѣ его Ѳедорѣ Ивановичѣ, позднѣе генералъ-поручикѣ.

За сообщеніе этихъ поправокъ мы обязаны благосклонному вниманію къ изданію нашему кн. П. А. Вяземскаго.

Стр. 1116. Докторъ Мейеръ былъ довольно близокъ съ Н. Н. Раевскимъ-сыномъ, а вовсе не съ отцомъ, который его, кажется, и не зналъ.

Стр. 1198. А. А. Бестужевъ-Марлинскій никогда не бывалъ въ Парижѣ.

На стр. 862-й сказано, что извѣстные стихи: „Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйскій" (напеч. въ Библіогр. Зап. 1858 г. стр. 237) написаны Баратынскимъ. Сынъ поэта, Л. Е. Баратынскій проситъ насъ заявить, что по его соображеніямъ стихи эти отнюдь не могутъ принадлежать отцу его.

ОПЕЧАТКИ:

				Напечатано:	*Надо читать:*
На стр.	48	строк. 27	сверху	П. А.	П. Б.
—	306	— 9		„бѣднаго состоянія"	„бѣднаго состоянія" *гимназіи*
—	311	— 6		*выразившей*	*выразившейся*
—	316—317	— 1		*извѣс-стіемъ*	*извѣс-тіемъ*
—	317	— 24		*дозазательствомъ*	*доказательствомъ*
—	321	— 8—9		*въ обезпе-ченіе*	*въ обезпе-ченіи*
—	479	— 10	снизу	non menus	nos menus
—	483	— 10		брюхомъ	брюхомъ машетъ
—	484	— 22		вкусъ русскій	кусъ русскій
—	487	— 1		*когда была здорова*	какъ быкъ была здорова.

Въ вышепомѣщенныхъ письмахъ Суворова къ Рибасу письмо XX-е должно находиться послѣ письма XXIV-го.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

Путеводитель по Чертковской библіотекѣ.

Два доселѣ неизвѣстныхъ письма изъ переписки *Вольтера съ гр. А. И. Шуваловымъ.*

Письмо *Н. И. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ).

Неизданные отрывки изъ письма Жуковскаго о кончинѣ Пушкина.

Записки *А. Т. Болотова.*

Воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ.

Записка о масонствѣ, *И. П. Елагина.*

Письма *Пушкина* къ гр. Бенкендорфу.

Первые пособники Екатерины II.

Письма *гр. Воронцова* къ И. И. Шувалову.

Изъ переписки *Александра I* съ В. С. Поповымъ. Мнѣнія *М. Л. Магницкаго.*

Образцики рѣшеній *Екатерины II.* на всеподаннѣйшія просьбы. 1788.

Изъ письма *В. С. Попова* къ императору Александру I о Екатеринѣ II.

Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма *его* и *А. И. Тургенева.*

Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой.

О видахъ добра. (Замѣтки *Екатерины II* и *гр. А. С. Строгонова*).

Записка *Екатерины II* къ ея духовнику И. И. Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ.

Письмо *Екатерины II* къ кн. Потемкину о кн. Зубовѣ. 1789.

Письмо *Александра 1-го* къ Г. П. Милорадовичу о сектѣ Татариновой.

Письма *Н. И. Новикова* къ Булгакову.

Изъ бумагъ князя *В. Ѳ. Одоевскаго.*

О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Пушкина, статья *кн. В. Ѳ. Одоевскаго.*

Изъ бумагъ Н. П. Архарова. Съ біогр. предисловіемъ и примѣчаніями.

Письма (104) имп. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову.

Долбинскія стихотворенія *В. А. Жуковскаго* (1814—1815).

Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову.

Два письма *Пушкина* къ кн. Н. Г. Репнину, и письмо къ Пушкину *кн. Н. Г. Репнина.*

Два неизданныя стихотворенія *Лермонтова.*

Письма *Лермонтова.*

Записки Прусскаго пастора *Теге.*

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ 1865 ГОДА.

82 письма *Петра Великаго* къ кн. Ромодановскому.

Петръ Великій въ Парижѣ, *М. П. Полуденскаго.*

Записки о Петрѣ Великомъ, гр. *Бассевича.*

Случайные люди въ Россіи, *Гельбига.*

Разсказы *имп. Екатерины II-й* о своемъ царствованіи.

Духъ Екатерины II-й.

Разныя письма Екатерины II-й.

Записка о бунтѣ Беніовскаго въ пользу в. кн. Павла Петровича, соч. *гр. Д. Н. Блудова.*

Бумаги *кн. Потемкина, В. С. Попова* и др.

Изъ Записокъ кн. *И. М. Долгорукаго, гр. В. А. Перовскаго, кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго, М. П. Погодина* и др.

О путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г. Записка гр. *Бенкендорфа.*

Разсказы о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. *гр. Бенкендорфа, кн. А. Ѳ. Орлова, барона М. А. Корфа, гр. В. Ѳ. Адлерберга,* барона *Мирбаха* и *Л. М. Барановича.*

Воспоминанія *гр. В. А. Соллогуба.*

Письма *Жуковскаго, Крылова, Гоголя* и др.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ будетъ выходить и въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Р. Архивъ; въ магазинѣ Соловьева (бывшемъ Базунова); а также у Глазунова и Салаева.

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*.

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Милякова.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

11 и 12. ПРИ 1866.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и Комп.

1866.

13. Неизданныя мѣста изъ писемъ *А. А. Петрова* къ М. Н. Карамзину. 1786—1792.
14. Письмо *В. А. Полѣнова* къ И. И. Мартынову о Н. М. Карамзинѣ. 1797.
15. Записка *Н. М. Карамзина* о печатаніи его исторіи 1816.
16. Мое представленіе исторіографу. (Изъ Записокъ *М. П. Погодина*) 1825.
17. Матеріялы *для полнаго* собранія сочиненій Русскихъ славныхъ писателей. *М. Н. Лонгинова.*
18. О прилагаемомъ указателѣ.

Прилагается: Указатель ко всѣмъ повременнымъ изданіямъ Императорскаго Общества Исторіи и Древности Россійскихъ. 1815—1865.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ (*).

Тогдашняя Россія еще только по наружности, внѣшнимъ образомъ и насильственно, устроена была на Европейскій ладъ, и заговоръ Волынскаго грозилъ великою опасностью этому устройству. Но если предположить, что его замыслы посредствомъ внезапнаго переворота и осуществились бы на нѣкоторое время, все же, рано или поздно, народъ бы долженъ былъ снова допустить къ себѣ введенный Петромъ Великимъ государственный механизмъ. И это оттого, что хотя Русскіе все еще далеко не дозрѣли тогда до свободнаго быта, и воля отдѣльнаго лица не отождествлялась съ волею общею, тѣмъ не менѣе и въ Россіи уже невозможенъ сталъ деспотизмъ азіатскій, весь основанный на одномъ произволѣ ([93]). Лица, облеченныя деспотическою властью, сами не имѣя способностей, принуждены были опираться на способности иностранцевъ; даже закоренѣлые хулители нововведеній, коль скоро имъ нужно было исполнить какое либо важное дѣло, невольно прибѣгали къ чужеземной образованности. Бывали въ Россіи времена самаго плохаго управленія; но и тогда правительство, хоть и безсознательно, слѣдовало все таки по тому же, предписанному необходимостію, пути. Ни духовенство, ни дворяне, ни въ особенности простой народъ, погрязавшій въ чувственной необузданности, не въ состояніи были противопоставить какія либо прочныя преграды этому движенію; ибо отдѣльныя части народа, хотя бы и вмѣстѣ взятыя, не сливались въ одно цѣлое и потому самому не могли устоять противъ всеобъемлющаго духа времени, который опредѣляетъ судьбы и мировое значеніе племенъ, во благо тому, кто ему послѣдуетъ и на гибель сопротивляющимся.

Безпристрастный и знающій очевидецъ, Саксонскій полковникъ Нейбауеръ, прибывшій въ Петербургъ около того времени, какъ казнили Волынскаго, такъ отзывается о тогдашнемъ состояніи Русскаго государства (1 сентября 1740). „Обстоятельства значительно измѣнились—говоритъ онъ—противъ прежняго времени. Правительство, опираясь на военную силу, возымѣло рѣшительный перевѣсъ надъ сопротивленіемъ дворянъ и простаго народа. Прежде было гораздо легче затѣвать смуты и устроивать заговоры: все постоянное войско состояло исключительно въ нестройныхъ, непріученныхъ къ повиновенію стрѣльцахъ; властители Россіи никогда не покидали своей старинной, переполненной

(*) См. выше стр. 1349—1374.

([93]) Нечего, кажется, предупреждать читателей, что эти размышленія ученаго историка отличаются односторонностью взгляда и непониманіемъ внутреннихъ условій Русской жизни. *П. Б.*

несмѣтною массою простаго народа столицы; и бояре, по заведенному обычаю, окружены были великимъ числомъ дворовыхъ людей. Теперь же напротивъ имѣется благоустроенная армія, размѣщенная по всему государству и зависящая отъ военной коллегіи, главою которой фельдмаршалъ, а членами большею частію лица гражданскаго вѣдомства. Не нужно забывать также, что коммиссаріатъ, снабжающій войска продовольствіемъ и всѣмъ что имъ нужно, до извѣстной степени не подчиняется военной коллегіи. По всему этому я думаю, что врядъ ли теперь возможно какое либо значительное возмущеніе; по крайней мѣрѣ, если и произойдетъ оно, то не будетъ имѣть общаго дѣйствія и возникнетъ не изъ среды народа, ибо Русскій народъ пребываетъ въ полномъ безучастіи ко всему (ne sent rien). Весь составъ государства утверждается на арміи; а дворяне, которые одни только и могли бы гласно выразить свое недовольство, всѣ находятся, либо въ полкахъ, либо во флотѣ, либо въ гражданской службѣ, такъ что въ собственномъ смыслѣ вообще нѣтъ дворянъ неслужащихъ, за исключеніемъ сосланныхъ въ свои помѣстья. Желая составить себѣ понятіе о военныхъ силахъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства, я добылъ слѣдующія показанія. Въ завоеванныхъ отъ Швеціи областяхъ расположено до 90 тысячь пѣхоты, и по три полка драгунскихъ и кирасирскихъ. Меня увѣряли, что вся армія теперь въ полномъ составѣ и на мирномъ положеніи. Въ Украинѣ и въ остальныхъ провинціяхъ гарнизоны и полевые полки составляютъ слишкомъ 120 тысячь человѣкъ, не считая войскъ нестроевыхъ, т. е. казаковъ, калмыковъ, башкировъ ([94]). Число это, кажется, не преувеличено, такъ какъ въ прошломъ году надлежало готовиться къ двумъ войнамъ, съ Портою и со Швеціею, и потому прибѣгли къ набору рекрутъ впередъ, т. е. за текущій (1740) годъ; а увольненій не бываетъ".

„Морскія силы за послѣднее время были въ совершенномъ забросѣ, особливо въ теченіи послѣдней войны. Вмѣсто нужныхъ 9 тысячь матросовъ, нѣтъ и 4 тысячь. Теперь думаютъ исправить это упущеніе; но Россія всегда будетъ нуждаться въ добрыхъ матросахъ, которыхъ не такъ легко достать, какъ сухопутное войско. Причина тому неимѣніе торговыхъ судовъ. Хотя товару отпускается за море очень много, но вся, и вывозная и привозная, торговля производится иностранцами; и до сихъ поръ не достигнуто намѣреніе Петра, чтобы народъ его торговалъ на своихъ корабляхъ".

„Если сопоставлять военныя силы Россіи съ ея денежными средствами, то необходимо знать, что многія потребности, на которыя въ другихъ странахъ нужна монета, здѣсь удовлетворяются безъ оной. Общій государственный доходъ показываютъ въ 10 мил. рублей, т. е. въ $12\frac{1}{2}$ мил. талеровъ ([95]). Соляная пошлина приноситъ казнѣ ежегодно 1,200,000 рубл., Петербургская портовая таможня 600,000. Волынскій, во время войны, учредилъ нѣкоторые новые налоги, между прочимъ на бани. Но многіе предметы, требующіе, повидимому, большихъ издержекъ, не сто-

---

([94]) Французскій агентъ Лалли въ 1738 г. доносилъ кардиналу Флери, что жителей въ Россіи обоихъ половъ 13 милліоновъ (Пекарскаго, Марк. Шетарди, стр. 22). *П. Б.*

([95]) И такъ, цифра дохода по отношенію къ числу жителей почти одинакова съ нынѣшнимъ временемъ; но безотносительная цѣнность тогдашняго рубля стояла по крайней мѣрѣ въ 10 разъ выше нынѣшней. *П. Б.*

ятъ Русскому правительству почти ничего; такъ напр. въ 1736 г., когда, по случаю осады Очакова, строились суда при впаденіи Десны въ Днѣпръ, на работу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ являлись безъ всякой платы крестьяне изъ окрестныхъ мѣстъ, съ собственными телѣгами и продовольствіемъ. Украйна въ 1736 и 1737 годахъ доставляла весь вьючный скотъ, который нуженъ былъ войскамъ для перевоза продовольствія, запасеннаго на пять или на шесть мѣсяцевъ. Обѣщались заплатить за это, но уплата ѳрядъ ли послѣдовала. На покрытіе чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ брали деньги преимущественно изъ суммъ адмиралтейства; и благодаря этому, недостачи въ деньгахъ не ощущалось; за то передъ заключеніемъ мира средства обираемыхъ такимъ образомъ различныхъ вѣдомствъ истощились окончательно".

Этими силами обширнаго Русскаго государства распоряжался, въ сущности единовластно, герцогъ Курляндскій. Императрица только подписывала свое имя, Биронъ правилъ, а Остерманъ былъ, такъ сказать, предсѣдательствующимъ министромъ.—Посланникъ Польскаго короля, полковникъ Нейбауеръ, по желанію графа Брюля, долженъ былъ разузнать также о взаимныхъ связяхъ между значительными лицами Петербургскаго двора, а равно и о томъ, въ какомъ отношеніи къ Курляндскому герцогу находился баронъ Кейзерлингъ, посланникъ Русскій при Августѣ III-мъ. Нейбауеръ доносилъ: „Въ бытность Анны Іоанновны герцогиней Курляндской, канцлеръ этого герцогства, Кейзерлингъ, родственникъ теперешняго посла, помѣстилъ Бирона къ ней на службу. Первое мѣсто при герцогинѣ занималъ тогда Бестужевъ, отецъ обоихъ братьевъ, состоящихъ нынѣ министрами. Биронъ старался вытѣснить его, но однако кончилъ тѣмъ, что принужденъ былъ самъ оставить дворъ. Это продолжалось не долго, ибо канцлеръ вскорѣ пріискалъ случай снова приблизить Бирона къ герцогинѣ, и на этотъ разъ Биронъ достигъ своей цѣли: во время отлучки Бестужева въ Москву, онъ занялъ его мѣсто. Этотъ же канцлеръ Кейзерлингъ хлопоталъ также о томъ, чтобъ включить Бирона въ число Курляндскихъ дворянъ, но его старанія остались безъ успѣха, и въ протоколахъ Курляндскаго рыцарскаго общества опредѣлительно сказано: „Бироны не могли доказать своего дворянскаго происхожденія". „Но что не удалось Кейзерлингу-канцлеру, то исполнилъ Кейзерлингъ-посланникъ. Когда Курляндское рыцарство отправляло его ко двору государыни съ поздравленіемъ, по случаю ея восшествія на престолъ, то онъ предложилъ причислить Бирона къ рыцарскому сословію и уже не встрѣтилъ отказа. Кромѣ того, Курляндскій герцогъ хорошо понимаетъ, что если Польскій король оказываетъ ему знаки своего вниманія, то этимъ онъ обязанъ отчасти также внушеніямъ Кейзерлинга, которому слѣдовательно можно вполнѣ ввѣриться для достиженія и дальнѣйшихъ цѣлей. По чувству признательности, а вмѣстѣ и изъ собственныхъ видовъ, онъ не обращаетъ вниманія на нѣкоторыя его погрѣшности, нисколько не щадя его впрочемъ за его нерадѣніе къ дѣламъ, чрезмѣрную сговорчивость, а также и за странный образъ мыслей, или иногда необдуманные поступки. Остерманъ, напротивъ, не хочетъ знать никакихъ личныхъ счетовъ, коль скоро они не имѣютъ непосредственнаго вліянія на политическія дѣла. Онъ и герцогъ находятся другъ къ другу по прежнему въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Чуждый своекорыстія и всегда довольный,

если дѣла по его мнѣнію идутъ должнымъ порядкомъ, не заботясь даже приписывать себѣ честь успѣха, и какъ бы нарочно всегда отклоняя отъ себя оную, — Остерманъ не даетъ герцогу ни малѣйшаго повода къ зависти или негодованію. Каждый шагъ его въ дѣлахъ извѣстенъ Бирону и дѣлается только съ его согласія; послѣдній въ свою очередь платитъ тѣмъ же, и не предпринимаетъ ничего важнаго безъ совѣта Остермана. Поступая такъ осторожно, вице-канцлеръ вполнѣ крѣпко держится на своемъ видномъ мѣстѣ, котораго онъ впрочемъ вполнѣ достоинъ: никому такъ хорошо не извѣстны внутреннія дѣла государства, а во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ незамѣнимъ въ полномъ смыслѣ слова. На немъ зиждется императорскій кабинетъ, и лишь въ изъявленіяхъ монаршей милости, герцогъ во всемъ царствѣ распоряжается исключительно одинъ, по своему собственному усмотрѣнію. Остерманъ обладаетъ также великою способностью повсюду отыскивать нужныхъ ему и вполнѣ надежныхъ людей. Между ними первое мѣсто занимаетъ преданный ему воспитанникъ его, тайный совѣтникъ фонъ Бреверпъ. Этотъ дипломатъ завѣдуетъ всею иностранною перепискою, прочитываетъ герцогу всѣ депеши, получаетъ отъ него приказанія, для передачи Остерману, исполняетъ изустныя порученія послѣдняго къ Бирону, въ глазахъ котораго съумѣлъ поставить себя столь важнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ его именемъ рѣшаетъ дѣла по собственному усмотрѣнію; но при всемъ томъ фонъ Бревернъ почитаетъ для себя всегда закономъ не выступать ни на волосъ изъ предѣловъ, предначертанныхъ ему Остерманомъ“.

„Фельдмаршалъ Минихъ съ герцогомъ Курляндскимъ уже нѣсколько лѣтъ держатся весьма далеко другъ отъ друга. Герцогъ убѣдился, что Минихъ изъ честолюбія способенъ къ неблагодарности и что совѣсть не зазритъ ему тѣснить и даже совсѣмъ отстранить человѣка, оказавшаго ему благодѣяніе. Герцогъ продолжаетъ еще оказывать ему знаки дружбы и полной довѣренности, но все это лишь по наружности и изъ видовъ политическихъ; въ сущности же между ними съ нѣкотораго времени нѣтъ ни малѣйшей искренности. Въ дѣлѣ Волынскаго Минихъ опять выдалъ себя и еще болѣе утвердилъ герцога въ его подозрѣніяхъ. Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что Волынскій обнадеживалъ фельдмаршала, когда тотъ возвратился изъ послѣдняго похода, что его сдѣлаютъ членомъ кабинета. Приманка подѣйствовала. Будучи до тѣхъ поръ открытымъ врагомъ Волынскаго, Минихъ вдругъ сдѣлался его другомъ. По всему вѣроятію Волынскому просто хотѣлось имѣть сообщника въ кабинетѣ, дабы заодно дѣйствовать противъ общаго врага—графа Остермана. Но союзъ не успѣлъ еще состояться, какъ уже Волынскій впалъ въ немилость. Минихъ заступался за него передъ герцогомъ; но сей послѣдній отозвался адмиралу Головину (который при мнѣ передавалъ эти слова): „Минихъ и Волынскій, изъ заклятыхъ враговъ, стали закадышными друзьями! Пора наконецъ мнѣ разорвать этотъ союзъ! Я увѣренъ, что графъ Минихъ не сочувствуетъ его замысламъ“. Послѣднія слова именно заставляютъ предполагать, что герцогъ подозрѣвалъ фельдмаршала въ соучастничествѣ Волынскому. Доказательствомъ тому служитъ, что Миниху подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ отказали въ просьбѣ начальствовать надъ войсками въ Украйнѣ и находящимися тамъ 10-ю казацкими полками. Вмѣсто Миниха туда назначенъ

генералъ Кейтъ, къ которому герцогъ имѣетъ большое довѣріе. Въ чемъ не успѣлъ Минихъ, того вѣроятно въ скоромъ времени достигнетъ дѣйств. тайн. совѣтн. Алексѣй Петровичь Бестужевъ, братъ посланника въ Стокгольмѣ ([96]). Всѣ говорятъ, что онъ займетъ мѣсто Волынскаго въ кабинетѣ. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ для этого отозванъ изъ Копенгагена, и на его мѣсто назначенъ посломъ камергеръ фонъ Корфъ. Онъ слылъ заклятымъ врагомъ не только Остермана, но даже и самаго герцога; но сей послѣдній разсчитываетъ на то, что Бестужевъ всѣмъ ему обязанъ и воображаетъ имѣть въ немъ покорное орудіе. Люди, знающіе его, напротивъ увѣряли меня, что выборъ этотъ также дуренъ, какъ и первый, павшій на Волынскаго. Говорятъ даже, что Бестужевъ можетъ быть еще опаснѣе своего предшественника, ибо, владѣя иностранными языками, онъ можетъ во все вмѣшиваться; къ тому же, онъ по самому характеру своему, предпріимчивый и отчаянно смѣлый интриганъ" ([97]).

Полковникъ Нейбауеръ долженъ былъ отвѣчать графу Брюлю еще на слѣдующіе вопросы: „что думаютъ относительно престолонаслѣдія по смерти государыни? Любятъ или нѣтъ принцессу Анну? Въ какомъ положеніи при дворѣ находится теперь принцесса Елизавета Петровна, и какія лица имѣютъ къ ней доступъ?" Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Нѣжныя чувства и благосклонность государыни къ принцессѣ Аннѣ столь же несомнѣнны и явны, какъ и ея рѣшительное нерасположеніе къ Елисаветѣ Петровнѣ. При малѣйшей попыткѣ къ заявленію притязаній своихъ, принцесса Елисавета тотчасъ же будетъ заключена въ монастырь, развѣ бы воспротивился тому герцогъ Курляндскій. Кто осмѣлится оказать ей сколько-нибудь особенное вниманіе, тому во всякомъ случаѣ не миновать Сибири".

Здоровье императрицы становилось все хуже, и дѣла быстро шли къ развязкѣ. О дѣлахъ этихъ сохранились болѣе подробныя извѣстія въ донесеніяхъ посольскаго секретаря Пецольда, которыми мы воспользуемся, и прежде всего посмотримъ, въ какое отношеніе Биронъ счелъ нужнымъ поставить себя къ герцогинѣ Аннѣ и ея супругу.

Какъ нѣкогда Меньшиковъ, и послѣ него кн. Долгорукій забрали въ свои руки власть надъ несовершеннолѣтнимъ Петромъ II-мъ, какъ теперь герцогъ Курляндскій добивался, чтобы герцогиня Мекленбургская Анна ([98]), изъ родни императрицы, стоявшая ближе всѣхъ къ престолу, находилась у него въ безусловномъ подчиненіи. Отъ этого, еще въ первые годы, когда герцогъ только начиналъ усиливаться, между нимъ и герцогиней была уже замѣтна жестокая

([96]) Бюшинговъ магазинъ, ч. 2, стр. 412: Алексѣй Петровичь Бестужевъ-Рюминъ, род. въ Москвѣ 22 мая (1 іюня) 1693, былъ въ 1712 при русскомъ посольствѣ въ Утрехтѣ, поступилъ въ брауншвейгскую службу дѣйствительнымъ камеръ-юнкеромъ къ курфирсту Георгу Лудвигу; сей послѣдній, будучи королемъ англійскимъ, назначилъ его въ 1714 г. своимъ министромъ въ Петербургѣ. Изъ англійской службы онъ вышелъ въ 1717 г. Въ 1718 г. Петръ I назначилъ его оберъ-камеръ-юнкеромъ при герцогинѣ курляндской; въ 1720 г. былъ посланъ царемъ въ качествѣ постояннаго министра въ Копенгагенъ; въ 1724 г. при коронованіи Екатерины былъ дѣйствительнымъ камергеромъ; въ 1730 г. отправленъ Анной чрезвычайнымъ посланникомъ въ Гамбургъ, а въ 1734 г. въ Копенгагенъ.

([97]) Эти отзывы о Бестужевѣ взяты частію изъ донесенія Сума отъ 9 апрѣля 1740 г.

([98]) Это имя она приняла въ Троицынъ день (30 мая) 1733 года, при переходѣ въ православное вѣроисповѣданіе, за нѣсколько недѣль до кончины своей матери. (Изъ донесенія Лефорта).

вражда. „Онъ обращался съ нею такъ, какъ будто она безъ его согласія ничего не смѣла ни сдѣлать, ни пожелать". Но герцогиня ни за что не хотѣла подчиниться; она держала себя твердо, и когда ей что было нужно, она считала за лучшее терпѣть лишенія, нежели заискивать въ Биронѣ ([99]). Таковы были ихъ взаимныя отношенія и понятія; а между тѣмъ ото всѣхъ почти дворовъ, и въ особенности отъ римско-императорскаго, одно за другимъ присылались въ Петербургъ заявленія о необходимости какъ для упроченія внутренняго покоя, такъ и для надежности во внѣшней политикѣ — опредѣлить, кто наслѣдуетъ престолъ и не откладывать долѣе бракосочетанія герцогини Анны. Сама императрица вполнѣ была убѣждена въ справедливости таковыхъ заявленій, такъ что даже Биронъ могъ подвергнуться непріятной отвѣтственности, если бы вздумалъ поперечить. Но принцесса Анна не скрывала полнаго отвращенія къ герцогу Брауншвейгъ-Бевернскому, котораго выбрали ей въ женихи. Почти еженедѣльно появлялись на этотъ счетъ новые разсказы самаго страннаго содержанія. Биронъ зналъ, что императрица по врожденному простодушію, не согласится стѣснять племянницу и во всякомъ случаѣ предоставитъ ей на волю за кого выдти за мужъ; съ другой стороны онъ чувствовалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ относительно благорасположенія императрицы и могъ разсчитывать, что ей вовсе не противно будетъ дальнѣйшее возвышеніе его и его семейства. И такъ, дабы замужество принцессы ни въ какомъ случаѣ не повредило ему, онъ возымѣлъ отважное намѣреніе выдать ее за своего сына. Онъ началъ толковать, что сынъ его необыкновенно какъ скоро растетъ и мужаетъ и распространялся о томъ безпрестанно, съ такими подробностями, которыя не совсѣмъ удобно передавать ([100]). Внезапно, обращеніе его съ принцессою сдѣлалось чрезвычайно дружественно; онъ и семья его предупреждали ея желанія. Принцъ Петръ не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Однажды самъ Биронъ сидѣлъ съ семействомъ своимъ въ покояхъ императрицы; онъ велѣлъ подать вина, и наговоривши принцессѣ всякихъ любезностей, сталъ передъ нею на колѣни съ бокаломъ и торжественно увѣрялъ, что и онъ и вся семья его готовы пожертвовать для нея всѣмъ, до послѣдней капли крови. Если это не правда, прибавилъ онъ, выпивая бокалъ, то пусть это вино обратится ему въ ядъ. Принцесса и не подозрѣвала, съ какою цѣлью все это дѣлалось; она держала себя съ полною непринужденностью, не рѣдко смѣялась и шутила съ принцемъ Петромъ. Но Биронъ имѣлъ привычку, когда ему чего очень хотѣлось, вести дѣло такъ, какъ будто онъ самъ ни при чемъ, а ему только предлагаютъ. Такую роль онъ мастерски разыгралъ, когда его выбирали герцогомъ въ Курляндіи. Подобно тому дѣйствовалъ онъ и теперь. По его внушенію, императрица приказала ему поговорить съ принцессою о необходимости замужества и предложить ей герцога Антона Ульриха, который съ давнихъ поръ ждалъ руки ея. Биронъ и жена его, хоть и увѣрены были, что послѣдуетъ отказъ, однако все утро провели въ сильной тревогѣ, пока наконецъ послѣ обѣда предложеніе было сдѣлано. Принцесса отвѣчала на прямикъ, что лучше ей положить голову на плаху, чѣмъ выдти за принца Бе-

---

([99]) Изъ донесеній Пецольда отъ 1 февраля 1741 г.

([100]) Изъ одного донесенія Лефорта отъ 4 марта 1732 года видно, что старшему сыну Бирона было тогда 8 лѣтъ отъ роду, слѣд. въ 1739-мъ 15-ть.

вернскаго. Биронъ тотько этого и ждалъ. По его наущенію, тогдашняя пріятельница принцессы, дочь генерала Ушакова и супруга камергера Чернышева ([101]), начала ей расхваливать принца Петра. Минута была удобная; смущенная принцесса горевала въ незнаніи, что съ нею дальше будетъ. Но разсчетъ вышелъ не вѣренъ, и сверхъ всякаго чаянія оказалось, что принцесса по прежнему терпѣть не могла Бирона и его семейство. Ее изумили и возмутили „безтолковыя рѣчи" Чернышевой. Чтобы не успѣли еще чего нибудь внушить императрицѣ, она перемогла самое себя и неожиданно объявила, что „идетъ за принца Бевернскаго, и что, обдумавши хорошенько, готова и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, оказать повиновеніе." Императрица чрезвычайно обрадовалась, тѣмъ болѣе, что ждала противнаго, а Бирону нечего было больше дѣлать, какъ тоже выражать удовольствіе: иначе бы, пожалуй, стали догадываться, куда онъ прочилъ своего сына. За тѣмъ сговоръ былъ объявленъ, но какъ-то глухо, и наканунѣ самой свадьбы никто не рѣшался открыто говорить о томъ: толковали только, видя приготовленія, „о предстоящемъ великомъ торжествѣ." Даже графъ Остерманъ, этотъ оракулъ двора во всѣхъ и важныхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ, къ которому, во время свадебныхъ пиршествъ, ежедневно съ утра до вечера являлись посланцы отъ двора за совѣтомъ, который со своего кресла распоряжался мельчайшими подробностями торжества, даже и онъ двусмысленно отвѣчалъ пришедшему профессору на вопросъ, не къ бракосочетанію ли заказано ему устроить фейерверкъ: „Надо изобрѣсти что нибудь, приличное великому торжеству" ([102]). День свадьбы все отсрочивали, и если бы въ самый послѣдній часъ принцесса Анна измѣнила свое намѣреніе, то Биронъ бы разстроилъ все дѣло. Но принцесса рѣшилась разъ на всегда. Само собою разумѣется, что заискиванія Бирона прекратились, и взаимная вражда выражалась съ каждымъ днемъ громче. Къ немалой досадѣ Бирона, тотчасъ послѣ свадьбы, Вѣнскій дворъ началъ безпрестанно напоминать, что во уваженіе кровной близости и великихъ достоинствъ Брауншвейгъ-Бевернскаго герцога, ему слѣдуетъ предоставить первое мѣсто какъ въ кабинетѣ такъ и въ военной коллегіи.

Около этого времени Пецольдъ случайно встрѣтился съ герцогомъ Курляндскимъ въ Лѣтнемъ саду. Въ разговорѣ Биронъ не выдержалъ своего горячаго нрава и сказалъ: „Вѣнскій дворъ воображаетъ, что ему можно распоряжаться въ Петербургѣ какъ у себя, но онъ жестоко ошибается; и коль скоро въ Вѣнѣ не нахвалятся способностями герцога Брауншвейгскаго, то я готовъ склонить императрицу, чтобъ его предоставили Вѣнскому двору, и безъ труда устрою отъѣздъ его туда, гдѣ такъ нуждаются въ умныхъ государственныхъ людяхъ. Всѣмъ извѣстно, какой геніальный человѣкъ герцогъ Антонъ Ульрихъ; если его женили на принцессѣ Аннѣ, то уже конечно не изъ какихъ другихъ видовъ, какъ только чтобъ имѣть отъ нея дѣтей. Но я сомнѣваюсь, хватитъ ли у него ума и въ этомъ дѣлѣ, и хотя конечно дѣти будутъ, но желательно, чтобы они почитались принадлежностью матери, а не его."

Не проходило дня, чтобы герцогиня Анна не терпѣла непріятностей отъ Бирона. Ей назначенъ былъ дворъ и содержаніе, но она ничего не могла

([101]) Гр. Петра Григорьевича, графиня Екатерина Андреевна (р. 1715 г.), родная бабка кн. Дм. Влад. Голицына. *П. Б.*

([102]) Донесеніе Сума 24 іюля 1739.

добиться, такъ что наконецъ рѣшилась просить императрицу дать ей людей, независящихъ отъ большаго двора и прибавить на отдѣльное содержаніе ежегодно по 80 тыс. рублей. Императрица соглашалась, но Биронъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться, и когда герцогъ Браун швейгскій явился къ нему съ изъявленіями благодарности за себя и за свою супругу, то встрѣченъ былъ въ пріемной залѣ, въ присутствіи множества людей, слѣдующими словами: „Вы благодарите за такое дѣло, которое не заслуживаетъ благодарности и отъ котораго вамъ не сдобровать. До сихъ поръ васъ съ женою содержали, какъ своихъ домашнихъ, но вамъ самимъ захотѣлось сдѣлать себя чужими. Я думаю, что ваша свѣтлость человѣкъ добраго сердца, любите жену свою, и отъ этого соглашаетесь на все; но любитъ ли она васъ, вотъ вопросъ!“ — „Надѣюсь,“ отвѣчалъ Антонъ Ульрихъ.—„Не обольщайтесь“ возразилъ Биронъ, „я по крайней мѣрѣ знаю, что, когда вы за нее сватались, она сказала, что лучше бы положила голову на плаху, чѣмъ выходить за васъ. Противъ васъ у меня нѣтъ ничего, и такъ, вмѣсто того чтобы во всемъ слушаться жены, совѣтую вамъ вытолкать въ шею тѣхъ, которые дѣлаютъ ей такія прекрасныя внушенія. Я очень хорошо знаю, какія чувства она питаетъ ко мнѣ: но я въ милостяхъ ея не нуждаюсь, да и никогда нуждаться не буду.“ Въ заключеніе, Биронъ объявилъ, что, для блага Антона Ульриха и его супруги, онъ отсовѣтуетъ императрицѣ давать имъ особое придворное положеніе. Когда Брауншвейгскій герцогъ удалился, Биронъ снова далъ волю своему капризливому взрыву. „Принцесса неизвѣстно чего хочетъ; она ничѣмъ не можетъ быть довольна. Сама ея императорское величество хорошо знаетъ, что она считаетъ ее за глупую Русскую женщину; и это потому только, что она не можетъ читать французскихъ романовъ и не слѣдуетъ новѣйшимъ модамъ ([103]). Еще недавно какъ то случилось императрицѣ посмотрѣть у нея еще разъ перстень, который ей подаренъ былъ въ то время, какъ ее обручали, и что же? оказалось, что ей не понравилась оправа перстня, и она велѣла передѣлать его совсѣмъ иначе.“

Благодаря вліянію Бирона, вскорѣ императрица стала обнаруживать замѣтную холодность къ герцогинѣ Аннѣ. Та покорилась, взяла назадъ свою просьбу объ особомъ дворѣ, и сама, въ жестокой холодъ, отправилась на поклонъ къ Бирону, который на этотъ разъ умилостивился, и съ тѣхъ поръ больше не позволялъ себѣ рѣзкихъ выходокъ.

Вскорѣ начали говорить, что герцогиня Анна беременна. Биронъ сталъ увѣрять, что это пустые слухи; но сомнѣнія больше не могло быть. 23 Авг. 1740 года родился принцъ Іоаннъ, и во все это время всѣ избѣгали показываться на глаза Бирону. Рожденіе ли принца, или какія нибудь еще другія обстоятельства, только онъ находился въ самомъ дурномъ настроеніи, мрачный и сосредоточенный.

Казалось, теперь уже можно было обезпечить будущность государства и опредѣлить престолонаслѣдіе. Всѣ ждали, что наслѣдникомъ объявленъ будетъ новорожденный принцъ. Но правительство какъ будто и забыло объ этомъ; Биронъ же не замедлилъ повернуть дѣло такъ, что приращеніе императорской

([103]) Императрица Анна въ домашнемъ быту еще сохранила старинной обычай, ходила въ красной кофтѣ и повязывала на головѣ платокъ, какъ и теперь женщины въ простонародьи и въ немногихъ старинныхъ купеческихъ домахъ (См. Энциклоп. Лексиконъ т. 4-й Спб. 1862 г., стр. 442).

семьи не только не повредило ему, но должно было возвысить и упрочить власть его.

Рядомъ съ покоями императрицы были отведены и убраны двѣ комнаты, въ которыхъ помѣстили новорожденнаго принца. Его отдѣлили отъ матери тотчасъ послѣ того, какъ окрестили. Мать и не знала и не спрашивала, что̀ съ нимъ дѣлается, какъ будто онъ былъ не ея сынъ.

Не трудно было догадаться, чего хотѣлъ Биронъ. Однако не могъ же онъ себя обманывать и не знать, что съ кончиною императрицы, здоровье которой было уже плохо, власть и значеніе его должны будутъ внезапно поколебаться. И когда онъ думалъ объ этомъ, то ничто не внушало ему больше опасеній, какъ загадочное поведеніе Остермана. Съ кѣмъ будетъ Остерманъ, тотъ и одолѣетъ. Поэтому Биронъ по неволѣ задумывался, замѣчая, что съ рожденіемъ принца Іоанна, Остерманъ началъ обращаться съ нимъ какъ то независимѣе. Разладъ становился все больше. 13 сентября (1740) Пецольдъ пишетъ: „Герцогъ снова до такой степени разошелся съ графомъ Остерманомъ, что я и не умѣю изобразить этого"; а черезъ нѣсколько дней (17 сент.) онъ подробнѣе передаетъ, съ какимъ выраженіяхъ герцогъ отзывался объ Остерманѣ одному надежному пріятелю его (Пецольда). Биронъ заявилъ Остерману свое неудовольствіе на то, что дѣла и сношенія съ чужими краями и особенно съ Англіею ведутся слишкомъ вяло и съ оттяжкою. Остерманъ отвѣчалъ ему оправдательною запискою на 30 листахъ, которая только усилила раздраженіе Бирона. „Я не привыкъ читать подобную галиматью," говорилъ онъ. „Вотъ уже почти 11 лѣтъ, какъ мы вмѣстѣ служимъ императрицѣ. На первыхъ порахъ я не хотѣлъ мѣшаться ни въ какія дѣла; но потомъ императрица стала замѣчать упущенія, и я уже не могъ держать себя въ сторонѣ какъ по ревности къ ея интересамъ, такъ и потому, что она мнѣ сама выражала на то свою волю. Никто не повѣритъ что̀ я вытерпѣлъ за это время. Графъ Остерманъ воображаетъ, что кромѣ него всѣ глупы и ничего не видятъ у себя подъ носомъ. Чѣмъ больше ему уступаешь, тѣмъ выходитъ хуже. Онъ и ведетъ дѣла, и тянетъ ихъ, и останавливаетъ, все по своей прихоти; но я дальше не въ состояніи выносить это. Я теперь знаю всѣ его каверзы, и знаю тѣхъ людей, которые для него дѣйствуютъ и которыми я бываю ежедневно окруженъ. Къ такимъ людямъ слѣдуетъ причислить даже господина Бреверна и новаго статскаго совѣтника Яковлева, потому что хотя въ сущности они и добрые люди, но вѣрятъ въ гр. Остермана какъ въ Бога. Я обыкновенно отвѣчаю на ихъ освѣдомлѣнія, а они тотчасъ же передаютъ мои слова гр. Остерману, который пользуется этимъ и, мѣшая доброму порядку дѣлъ, преслѣдуетъ только свои собственныя цѣли. При такихъ обстоятельствахъ я счелъ за нужное напомнить гр. Остерману, что онъ обманываетъ не меня, а самаго себя. Бревернъ и Яковлевъ сказали ему отъ меня, чтобъ онъ наконецъ перемѣнилъ свое поведеніе и по крайней мѣрѣ не забывалъ, какихъ мыслей держался онъ въ то время, когда императрицу объявили самодержавною. Я уже не ставлю ему на видъ, что и тогда онъ считалъ нужнымъ поступать во всемъ осторожно и съ проволочками; но вѣдь ясно, что если бы его слушаться, все бы пошло на выворотъ. Онъ ужъ слишкомъ положился на свой разумъ или воображаетъ, что никто не можетъ его разгадать. Пусть подумаетъ о лѣтахъ своихъ; можетъ быть, скоро придется ему

отдать отчетъ въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ передъ Небеснымъ Судіею. Онъ не напишетъ листа, чтобъ не помолиться и не примѣшать имени Божьяго; но этого еще мало, и этимъ не прикроешь своихъ тайныхъ мыслей. Пусть лучше докажетъ дѣлами, что у него есть совѣсть и религія." Но на подобныя многорѣчивыя увѣщанія гр. Остерманъ отвѣчалъ обыкновенно (какъ выражался Биронъ) „одними всхлипываніями и слезными завѣреніями своей невинности."

Какъ ни досадны были Бирону Остермановы хитрости и задержки, но онъ нашелъ средство обойтись и безъ него.

Пецольдъ такъ разсказываетъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ: „Здѣшнія обстоятельства до того мудрены, что подобныхъ я и не запомню. Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Россіи, я уже привыкъ къ внезапностямъ; когда дѣла по видимому идутъ какъ нельзя хуже, вдругъ совершается благопріятный оборотъ. Такъ, и теперь, ничего опредѣлительнаго невозможно предугадать; но во всякомъ случаѣ вѣрно, что развязка не далека. Прежде всего нѣтъ сомнѣнія, что настоящими недоумѣніями воспользуется господинъ Бестужевъ и утвердится еще больше въ милости у герцога; а кн. Черкасскій напротивъ, какъ увѣряютъ, всячески домогается выйдти изъ службы" ([104]).

Въ это время императрица, хотя уже страдала, но никто не считалъ ея болѣзни смертельною ([105]). Внезапно, 16 октября, ей сдѣлалось чрезвычайно хуже. Биронъ ту же минуту послалъ звать на совѣщаніе главнѣйшихъ должностныхъ лицъ и сановниковъ имперіи. Явились оба кабинетсъ-министры кн. Черкаскій и Бестужевъ, генералъ фельдмаршалъ Минихъ, обергофмаршалъ Левенвольде, обершталмейстеръ кн. Куракинъ, генералъ прокуроръ кн. Трубецкой и генералъ Ушаковъ. „Еще нѣсколько дней тому назадъ вы сами видѣли—обратился къ нимъ Биронъ—какъ императрица прогуливалась; но теперь здоровье ея такъ опасно, что я не хочу навлечь на себя такіе же упреки, какимъ подверглись кн. Долгорукіе по случаю кончины Петра II-го. Сколько мнѣ извѣстно, императрица еще не распорядилась о престолонаслѣдіи; посему я долженъ предложить вамъ теперь, пока еще остается время, принять въ этомъ отношеніи необходимыя мѣры". Послѣ этихъ словъ все собраніе настоятельно просило герцога Курляндскаго, чтобы онъ воспользовался своимъ значеніемъ у императрицы и убѣдилъ бы ее въ необходимости неотложно разрѣшить этотъ вопросъ. Завести такую рѣчь надо было осторожно, такъ какъ давно уже знали, что императрица весьма пугается мыслью о смерти: даже когда она была здорова, то отъ нея устраняли все то, что̀ хотя малѣйше могло намекать о неизбѣжной земной участи. Тѣмъ не менѣе герцогъ не могъ дальше откладывать дѣло. По его представленію, императрица стала обдумывать свое рѣшеніе; потомъ она сказала, что „хотя и очень любитъ племянницу, герцогиню Анну, но предоставить ей престолъ трудно по двумъ обстоятельствамъ: во первыхъ живъ еще отецъ ея, жестокосердый и неумолимый Карлъ Леопольдъ: онъ не замедлитъ прибыть въ Россію, и если не щадилъ собственныхъ подданныхъ, то еще менѣе пощадитъ Русскихъ для удовлетворенія своимъ

([104]) Донесеніе Пецольда 17 сент. 1740.

([105]) „Въ началѣ о прямомъ состояніи оной болѣзни не токмо отъ другихъ, но и отъ самыхъ придворныхъ съ великимъ прилежаніемъ утаено, и только объявляли временемъ, будто ручка, а временемъ будто и ножка болитъ". (Дѣло о Биронѣ, Чтенія 1862, кн. I-я, стр. 40) *П. Б.*

сумасбродствамъ; все тогда пойдетъ на французскій ладъ, и это тѣмъ опаснѣе, что и дочь его уже не разъ обнаруживала отцовскія наклонности". „Въ добавокъ, замѣтила императрица, я уже связана обѣтомъ: когда родился принцъ Іоаннъ, я положила мысленно, что онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ." Послѣ этого она приказала позвать къ своей постели собравшихся у герцога господъ, велѣла привезти также и гр. Остермана, и объявила имъ, что ея наслѣдникъ принцъ Іоаннъ. Сановники выразили ей благоговѣйную признательность за таковое рѣшеніе; тотчасъ же приступлено къ составленію нужныхъ бумагъ для обнародованія, и императрица подписала ихъ ([106]). Но еще ничего не было постановлено, кто будетъ править во время несовершеннолѣтія назначеннаго наслѣдника. Герцогини Анны не хотѣли по тѣмъ же причинамъ, по которымъ императрица отказала ей въ престолонаслѣдіи. Супругъ ея, герцогъ Брауншвейгскій, тоже почитался не довольно крѣпкимъ къ понесенію таковаго бремени. Кромѣ того боялись, чтобы при немъ не сталъ впутываться во всѣ дѣла и не возымѣлъ преобладанія дворъ Вѣнскій, къ очевидному ущербу государства. Въ такихъ обстоятельствахъ, Бестужевъ первый началъ заявлять сокровеннѣйшую мысль герцога Курляндскаго о томъ, чтобы ему быть регентомъ. Но когда онъ сталъ представлять о томъ Бирону, тотъ объявилъ, что не въ состояніи ни о чемъ думать отъ горя и заботы, что самъ ни во что входить не будетъ и предоставляетъ Бестужеву дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится и по отношенію къ государству, и по отношенію къ нему, герцогу.

Между тѣмъ императрицѣ становилось все хуже, и ей уже нельзя было больше распорядиться о регентствѣ. Поэтому рѣшено собраться у гр. Остермана. Явились между прочими Минихъ, Левенвольде, кн. Черкаскій и Бестужевъ. Сей послѣдній, ѣдучи вмѣстѣ съ кн. Черкаскимъ на это совѣщаніе, узналъ отъ него, что онъ склоненъ въ пользу герцога, такъ что они условились дѣйствовать за одно. У гр. Остермана они тотчасъ замѣтили, что ему хочется опять быть, какъ при Петрѣ II-мъ, обергофмейстеромъ и въ тоже время все прибрать въ свои руки. Однако сговорились на томъ, чтобы доложить императрицѣ о необходимости ей самой выразить свою волю касательно регентства. „Нѣтъ сомнѣнія, замѣтилъ Бестужевъ, что императрица пожелаетъ отъ васъ узнать, не удобнѣе ли всего быть регентомъ Курляндскому герцогу". За тѣмъ онъ изложилъ подробно всѣ доводы въ пользу его выбора. Не успѣлъ онъ кончить рѣчи, какъ большая часть совѣщавшихся, почти всѣ, начали ему поддакивать. Однако рѣшеніе еще не состоялось, потому что въ эту минуту вошелъ камердинеръ отъ Бирона и позвалъ къ нему Бестужева, который и уѣхалъ отъ Остермана опять съ кн. Черкаскимъ, и съ нимъ вмѣстѣ явился къ Бирону. Сей послѣдній сначала было разсердился, за чѣмъ Бе-

([106]) Актовъ этихъ не находится въ Полномъ Собраніи Законовъ. — „Когда я подписывала присягу (т. е. манифестъ о присягѣ младенцу Іоанну), у меня дрожала рука — такъ передавалъ впослѣдствіи Биронъ слова импер. Анны — а этого не было со мною при подписи объявленія войны съ Турціею". (Энц. Лекс ч. 4-я Спб. 1862, стр. 441) — До какой степени простиралось тиранство Бирона въ отношеніи къ самой государынѣ, свидѣтельствуютъ многія мѣста въ дѣлѣ его (Чтенія 1862, кн. I, стр. 41), напр. «Ея величество только той минуты малой покой имѣла, когда онъ съ фамиліею своею изъ спальни выдутъ, какъ сама ея величество своимъ комнатнымъ служительницамъ неоднократно засвидѣтельствовать изволила». Елизаветою Петровною Биронъ безъ сомнѣнія пугалъ Императрицу Анну. *П. Б.*

стужевъ пріѣхалъ не одинъ; но былъ доволенъ, узнавъ, что кн. Черкаскій за него. За тѣмъ пріѣхали Минихъ и Левенвольде донести о томъ, что происходило на совѣщаніи. Кн. Черкасскій началъ горячо толковать, по какимъ именно уваженіямъ необходимо въ регенты предложить герцога. Когда онъ спросилъ Миниха и Левенвольде, какого они мнѣнія, тѣ разумѣется согласились, подозрѣвая при томъ, что все это дѣлается только для соблюденія приличій, и что сама императрица распорядилась именно такъ.

Четыре важнѣйшихъ голоса были, стало быть, за Бирона. За тѣмъ Бестужевъ уговорилъ къ тому же адмирала Головина и обершталмейстера кн. Куракина: они оба и прежде постоянно выражали свою преданность герцогу. Потомъ присталъ къ нимъ генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, имѣвшій силу въ особенности по многочисленнымъ родственнымъ связямъ своимъ, и наконецъ генералъ Ушаковъ, который пріобрѣлъ большую извѣстность въ народѣ, производя тайный розыскъ по дѣлу Волынскаго, а въ добавокъ еще былъ вицеполковникомъ въ Семеновскомъ полку, состоявшемъ подъ командою Антона Ульриха (по всему этому необходимо было привлечь его на свою сторону). Бестужевъ повелъ дѣло такъ ловко, что всѣ они безъ дальнихъ рѣчей сами подавали голосъ за герцога. За тѣмъ они обратились къ гр. Остерману, тотъ, какъ ни хотѣлось ему обождать ся, но тоже не могъ противорѣчить. Къ этимъ девяти лицамъ присоединились фельдмаршалъ кн. Трубецкой, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, гр. Головкинъ, генералъ Чернышевъ и еще одинъ сенаторъ. Тогда Бестужевъ приготовилъ начертаніе манифеста ([107]) на тотъ случай, чтобы императрица, когда пойдутъ ее просить объ утвержденіи герцога регентомъ, могла бы сей часъ видѣть манифестъ. Сначала ничего не было сказано, какъ быть въ случаѣ, если императоръ-младенецъ умретъ въ младенчествѣ или умретъ Биронъ во время регентства. Бестужевъ разсказывалъ Пецольду, что „этотъ пунктъ былъ вставленъ уже послѣ; что вообще надо было еще нѣсколько разъ перемарывать манифестъ, и что по краткости времени и по тревожному состоянію, въ которомъ тогда находились, манифестъ написанъ довольно безсвязно и не совсѣмъ хорошимъ слогомъ, въ чемъ онъ и самъ сознается; что графъ Остерманъ съ своей стороны не предъявлялъ никакихъ поправокъ, напротивъ самъ отнесъ императрицѣ начертаніе манифеста, 18 октября, стало быть на другой же день послѣ сочиненія онаго“. Императрица вполнѣ одобрила содержаніе манифеста и удержала его у себя для того, чтобы при случаѣ подписать; а на слѣдующій день, 19 октября, даже велѣла позвать къ себѣ выше поименованныхъ лицъ, благодаря за ихъ попеченія и еще разъ милостиво отозвалась, что она совершенно довольно предначертаннымъ установленіемъ регентства. Но страхъ смерти по прежнему боролся въ ней съ надеждою выздоровѣть, и она со дня на день откладывала подписаніе манифеста, который лежалъ подлѣ нея на столѣ. По словамъ Бестужева это была настоящая причина откладыванія, а вовсе не то, чтобы императрица колебалась въ своемъ рѣшеніи; обыкновенно, если ей не угодна была какая нибудь оставленная къ подписанію бумага, она ее уничтожала; а тутъ, на-

([107]) Въ находящемся у насъ подлинномъ донесеніи сказано: „проэктъ конституціи“; но мы употребляемъ какъ здѣсь такъ и ниже болѣе подходящее къ дѣлу слово“ манифестъ“.

противъ, когда герцогъ спросилъ ее, не бросить ли лучше манифестъ въ каминъ, она рѣшительно сказала, что не надо этого дѣлать.

Между тѣмъ, разумѣется, нашлись люди, передававшіе герцогинѣ Аннѣ обо всемъ, что̀ дѣлалось. Она велѣла позвать къ себѣ кабинетсъ-министровъ и самого графа Остермана, а также генералъ-фельдмаршала Миниха, и при томъ въ такой часъ, когда супругъ ея сидѣлъ за столомъ: по всему вѣроятію съ тою цѣлью, чтобы и тутъ онъ оставался ни при чемъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ ея. Явившимся сановникамъ она стала говорить о необходимости заблаговременно подумать объ установленіи регентства и объявила при этомъ, что, ей ли окажутъ довѣріе или кому другому, во всякомъ случаѣ она будетъ согласна на все, что̀ постановятъ ко благу государства. Эти слова были обращены въ особенности къ Остерману и Миниху. Первый ничего не отвѣчалъ; за то Минихъ одушевился, сталъ говорить, что они всѣ обрадованы таковыми ея словами и объявилъ, что по ихъ разсужденію всего лучше быть регентомъ герцогу Курляндскому. Она должна была покориться рѣшенію.

Но императрица все еще не подписывала манифеста, а между тѣмъ съ часу на часъ надобно было ждать ея кончины. Тогда Бестужеву пришла мысль обратиться къ герцогу Курляндскому съ прошеніемъ, чтобы онъ принялъ на себя регентство даже и въ такомъ случаѣ, если императрица скончается, не утвердивъ манифеста своею подписью. Это прошеніе Бестужевъ предложилъ напередъ подписать вышеназваннымъ сановникамъ. Всѣ охотно подписали, за исключеніемъ Остермана, который, увидавъ, что дѣло уже не ограничивается словами, а переходитъ на бумагу, предъявилъ свое нерусское происхожденіе, а когда Бестужевъ возразилъ, что будучи такъ долго вицеканцлеромъ, онъ уже не можетъ считать себя чуждымъ Россіи, то онъ сталъ отговариваться параличемъ въ рукѣ. Наконецъ Бестужевъ убѣдилъ его подписаться. За нимъ подписался и Бревернъ, привыкшій ходить по пятамъ своего начальника. Синодъ и Сенатъ подписались безъ всякихъ отговорокъ. Послѣ этого были впущены въ кабинетъ по табели о рангахъ чиновники втораго, третьяго и четвертаго классовъ, и выслушали подписанное прошеніе. Фельдмаршалъ Минихъ не переставалъ всѣхъ увѣрять въ необходимости этой мѣры. „И такимъ образомъ — безъ малѣйшей ироніи замѣчено въ находящемся у насъ современномъ донесеніи — 197 человѣкъ подписались съ удивительнымъ единодушіемъ и вполнѣ добровольно!“

Бестужевъ счелъ нужнымъ не показывать этой бумаги ни герцогинѣ Аннѣ съ супругомъ, ни Биронову семейству; а фельдмаршалъ Минихъ, въ порывѣ усердія, говорилъ герцогу всякаго рода любезности, убѣждая, чтобы отъ горя онъ не впалъ въ малодушіе и не покинулъ ихъ.

Такимъ образомъ регентъ былъ на лицо, въ случаѣ, если бы императрица и не подписала манифеста. 26 октября съ ней снова сдѣлался сильный припадокъ; и она нарочно велѣла пріѣхать къ себѣ Остерману, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ при подписаніи. Остерманъ при ней запечаталъ подписанный манифестъ, и пакетъ былъ переданъ на сбереженіе любимой камефрау Юшковой, которая по приказанію императрицы заперла его въ шкатулку съ дорогими вещами. Въ то же время императрица приказала Остерману обнадежить сановниковъ, что теперь все въ порядкѣ; но онъ передалъ это въ такихъ неопредѣленныхъ выра-

женіяхъ, что императрица уже скончалась, а еще не знали навѣрное, подписанъ ли ею манифестъ. Биронъ же ничего не хотѣлъ говорить, такъ какъ дѣло ближайшимъ образомъ касалось до него самаго.

Чрезвычайно тяжкія въ послѣдніе дни страданія императрицы кончились наконецъ 28 октября, въ 9 часовъ вечера ([108]). Припадки подагры обнаружились у ней еще 24 сентября; но ихъ не считали особенно опасными, такъ какъ она уже съ давнихъ поръ каждую осень страдала этою болѣзнію ([109]). 16 октября подагра опустилась, и къ прежнимъ припадкамъ присоединилась каменная болѣзнь. Тогда уже отчаялись въ выздоровленіи. Но, какъ мы видѣли, къ ея кончинѣ всѣ приготовились заранѣе, и власть оставалась въ тѣхъ же самыхъ рукахъ, какъ и при жизни императрицы. Какъ прежде Биронъ властвовалъ именемъ слабой женщины, такъ и теперь онъ продолжалъ властвовать именемъ лежавшаго въ пеленкахъ младенца ([110]).

*

Прежде чѣмъ идти дальше, остановимся на минуту на показаніяхъ превосходнаго по своему положенію и образованію наблюдателя и очевидца, Минихова адъютанта, Манштейна, который въ Запискахъ своихъ слѣдующимъ образомъ отзывается о тогдашнихъ событіяхъ, о придворной жизни и объ особѣ императрицы. „Герцогъ Курляндскій чрезвычайно любитъ издержки и роскошь. Уже отъ этого Анна почитала нужнымъ содѣлать дворъ свой блистательнѣйшимъ изо всѣхъ Европейскихъ дворовъ. Но она не тотчасъ достигла своей цѣли. Приходилось видать господъ въ богатѣйшемъ одѣяніи и въ растрепанномъ парикѣ; неискусный портной кромсалъ прекраснѣйшія ткани; а если наряды не оставляли желать ничего лучшаго, то портилъ экипажъ. Великолѣпно одѣтый баринъ разъѣзжалъ въ дрянной повозкѣ, запряженной отвратительными клячами. Въ домахъ, гдѣ все блестѣло золотомъ и серебромъ, господствовала величайшая нечистота, и женщины въ этомъ отношеніи не были лучше мужчинъ. На одну какъ слѣдуетъ одѣтую даму приходилось десять въ безобразномъ нарядѣ. Весь домашній бытъ отмѣченъ былъ недостаткомъ порядка, и мало было домовъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы, гдѣ бы одна часть хозяйства соотвѣтствовала другой. Но мало по малу хорошіе примѣры находили себѣ подражаніе.

„Чрезмѣрная роскошь стоила двору несмѣтнаго количества денегъ. Придворный человѣкъ, издерживающій на свой гардеробъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, едва имѣетъ то, безъ чего нельзя обойтись. Множество лицъ разорилось изъ за чести быть замѣтными при дворѣ. Модный магазинщикъ, закупивъ товару въ долгъ и расположившись въ Петербургѣ, могъ легко въ два-три года совершенно округлить дѣла свои.

„Императрица вела жизнь очень правильную. Она вставала всегда раньше 8 часовъ. Въ 9-ть начинались у нея занятія съ секретаремъ и министрами. Въ полдень она обѣдала у себя въ комнатѣ вмѣстѣ съ Биронами, и только въ большія празднества бывалъ у нея открытый столъ, при чемъ она садилась подъ балдахиномъ съ обѣими принцессами, Елизаветою Петровною и Анною Мекленбургскою. На такихъ обѣдахъ ей прислу-

([108]) Счетъ времени, здѣсь вездѣ, по новому стилю. *П. Б.*

([109]) Донесеніе Пецольда 18 окт. 1740.

([110]) Прадѣды наши могли тогда относить къ себѣ многознаменательное слово Пророка, сказавшаго, что въ минуты, когда Богу угодно излить гнѣвъ свой на народъ: „будутъ царіе ваши младенцы“. *П. Б.*

живалъ оберъ-камергеръ. Обыкновенно въ той же залѣ накрывался очень большой столъ для знати и чиновниковъ, духовенства и посланниковъ. Въ послѣднiе годы такихъ обѣдовъ больше не бывало, и иностранныхъ министровъ угощалъ Остерманъ. Лѣтомъ, для движенія, она часто прогуливалась, а зимою играла на биліардѣ. За ужиномъ ѣла мало, и въ двѣнадцатомъ часу ночи обыкновенно уже была въ постели.

„Весну и лѣто дворъ жилъ большею частію въ Петергофѣ, увеселительномъ замкѣ въ 7 миляхъ отъ Петербурга; а подъ конецъ лѣта Анна Іоанновна переѣхала въ лѣтній Петербургскій дворецъ, на берегу Невы, довольно плохо выстроенный. При дворѣ велась большая игра. Многіе обогатились черезъ нее, но и еще большее число пошли по міру. Не рѣдко въ одинъ разъ, въ фараонъ или кинце (Quinze), проигрывалось до 20 тысячь рублей. Сама императрица не дорожила игрою, и когда играла, то лишь для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ она держала банкъ, и ставить могли только тѣ, кого она позоветъ. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго она брала марки и не требовала по нимъ уплаты. Она любила театръ и музыку, и все что относилось до этого выписывала изъ Италіи. Ее чрезвычайно какъ забавляли итальянскія и нѣмецкія комедіи, въ которыхъ актеры въ концѣ дѣйствія непремѣнно колотили другъ друга палками. Въ 1736 году въ первый разъ завелась въ Петербургѣ опера, и хотя она была очень хороша, но императрица не такъ любила ее, какъ комедію и итальянское интермеццо. Анна изгнала изъ обычая при дворѣ сильныя попойки, сдѣлавшіяся обыкновеннымъ дѣломъ при Петрѣ I и въ послѣдующія царствованія: она не въ состояніи была видѣть пьянаго человѣка. Одному князю Куракину позволялось пить сколько угодно. Но чтобы не искоренять совершенно такого похвальнаго навыка, Бахусу посвящалось 29-е января, день, когда праздновалось восшествіе на престолъ императрицы. Въ этотъ день каждый изъ придворныхъ обязанъ былъ, опустившись на одно колѣно передъ императрицею, выпить по огромному стакану венгерскаго вина. Такому торжеству соотвѣтствовало другое старинное обыкновеніе. Въ навечеріе большихъ праздниковъ придворные и гвардейскіе офицеры допускались цаловать руку у императрицы, при чемъ каждому она подносила на большой тарелкѣ по стакану вина.

„Придворное шутовство было еще въ большомъ ходу. Въ прежнее время почти каждый сколько нибудь достаточный баринъ въ Россіи имѣлъ шута, а при дворѣ и подавно имѣлось по нѣскольку, и они исчезли совсѣмъ только въ правленіе Анны Леопольдовны. У императрицы Анны было ихъ шестеро: Лакоста, Педрилло, князь Голицынъ Волконскій, Апраксинъ и Балакиревъ([111]). Князь Волхонскій былъ женатъ на сестрѣ Алексѣя Бестужева, впослѣдствіи великаго канцлера. Онъ смотрѣлъ за гончею собакою императрицы. Иногда она приказывала имъ становиться къ стѣнѣ; одинъ изъ нихъ толкалъ остальныхъ ногою и ронялъ ихъ навзничь. Не рѣдко случалось имъ драться за волосы и бить другъ друга до крови. Весь дворъ восхищался такимъ зрѣлищемъ и помиралъ со смѣху. Лакоста, Португальскій жидъ, служилъ шутомъ

([111]) По свидѣтельству Державина (Соч. его, т. 1-й изд. 1864, стр. 144) эти шуты садились въ лукошки и забавляли императрицу кудахтаньемъ; прибавляютъ, что въ Петергофскомъ дворцѣ до сихъ поръ цѣло то лукошко, въ которомъ сиживалъ одинъ изъ шутовъ, кн. Михайло Алексѣевичь Голицынъ. *П. Б.*

еще при Петрѣ I-мъ; Педрилло, Итальянецъ, пріѣхалъ въ Петербургѣ играть на віолончелѣ въ оркестрѣ; но когда открыли въ немъ талантъ къ дурачествамъ, то онъ перемѣнилъ занятіе къ великой своей выгодѣ, ибо въ 9 лѣтъ онъ нажилъ слишкомъ 20–тысячь рублей. Кн. Голицынъ сдѣланъ шутомъ въ наказаніе за то, что онъ, путешествуя за границей, перекрестился католикомъ. Когда онъ овдовѣлъ, императрица велѣла ему жениться вторично на простой женщинѣ и отпраздновать его свадьбу шутовскимъ манеромъ. Губернаторы прислали въ Петербургъ по парѣ изъ разныхъ народовъ имперіи, и они явились на этой свадьбѣ въ своихъ мѣстныхъ нарядахъ. Въ исходѣ 1739 года для этого празднества выстроенъ былъ ледяной домъ, въ которомъ все было изо льду, мебели, зеркала, пушки, мортиры и пр. Поѣздъ, въ 300 человѣкъ, направился туда изъ дому Волынскаго. Новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, которую несъ слонъ. За ними слѣдовали гости въ саняхъ, запряженныхъ оленями, собаками, быками, свиньями. Обѣдъ приготовленъ былъ въ манежѣ Курляндскаго герцога. Послѣ былъ балъ. Инородцы плясали свои особенные пляски и подъ свою музыку. Новобрачные должны были провести ночь въ ледяномъ домѣ" ([112]).

([112]) Подробности объ этой парѣ см. въ статьяхъ М. Н. Лонгинова и кн. Н. Н. Голицына въ Московск. Вѣдом. 1857, № 123—132. Жениху было 50 лѣтъ, невѣстѣ (Евдокіи Ивановнѣ Бужениновой), 30 лѣтъ. Она скончалась черезъ два года; онъ прожилъ еще 35 лѣтъ послѣ ледяной свадьбы, совершившейся въ февралѣ 1740 года. У нихъ было двое сыновей и есть потомство.
П. Б.

РУССКІЕ СОЛДАТЫ ВЪ ПРУССІИ.

(Изъ донесенія гр. П. Г. Чернышева, нашего посла при Прусскомъ дворѣ, отъ 28 сент. 1742 г. въ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. дѣлъ).

„Россійскіе въ службѣ Прусской имѣющіе въ разныхъ гарнизонахъ солдаты ежедневно меня просятъ, дабы чрезъ мое при здѣшнемъ дворѣ предстательство оные бъ какъ изъ здѣшней службы уволены бъ, такъ и въ свое отечество возвратиться бъ могли; представляя при томъ, что большая часть изъ нихъ токмо на урочные годы сюда присланы, а нѣкоторые уже изъ оныхъ лѣтъ по двадцати и по двадцати семи здѣсь. И хотя нѣсколько разъ о своемъ отсюдова увольненіи просили, токмо онаго получить не могутъ. А наипаче безотступно о вышеписанномъ меня просятъ тѣ, которые обрѣтаются въ Потсдамѣ, которыхъ какъ имена, такъ и съ котораго они здѣсь, при семъ всенижайше роспись имянную (отъ нихъ ко мнѣ присланную) прилагаю. Что̀ наипаче оныхъ бѣдныхъ людей столь прилежное желаніе возвратиться въ Россію имѣть принуждаетъ, во первыхъ что во владѣніе покойнаго короля при Потсдамской церкви всегда королемъ содержанъ былъ священникъ, который уже три года тому какъ умеръ, а послѣ того, хотя они короля о томъ нѣсколько разъ просили, токмо оное имъ отказано, по чему они всѣ съ той поры Святыхъ Таинъ не пріобщались, пока я по пріѣздѣ моемъ сюда имѣющаго при мнѣ священника для онаго къ нимъ нѣсколько разъ въ Потсдамъ посылалъ ([1]). Второй же ре-

([1]) Предшественникъ гр. Чернышева въ Берлинѣ, нѣмецъ фонъ Бракель конечно не имѣлъ при себѣ православнаго священника.

зонъ тотъ, что жалованья получаютъ нынѣ меньше, нежели какъ что при покойномъ королѣ имъ шло.

Но понеже я всеконеченъ, что королю объ ономъ отъ меня представленіе весьма не пріятно принято будетъ (ибо ничто въ свѣтѣ ему столь противно быть не можетъ, какъ ежели кто изъ его службы проситъ абшида), то за тѣмъ объ ономъ до полученія вашего императорскаго величества всевысочайшаго указа, онаго дѣлать не буду, и чтобъ оное препятства сдѣлать какого не могло впредь въ случающихся мною при здѣшнемъ дворѣ въ дѣлахъ вашего императорскаго величества негоціаціяхъ, не соизволите ль за потребнѣе разсудить объ ономъ чрезъ барона Мардефельта [2] первыя внушенія здѣшнему двору сдѣлать, всевысочайше повелѣть, и при томъ хотя сперва не о выдачѣ всѣхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, въ сей службѣ обрѣтающихся, требовать, но токмо однихъ тѣхъ, которые здѣсь уже такое долгое время обрѣтаются, и за старостью не могутъ болѣе служить".

Изъ приложенной росписи видно, что всѣхъ солдатъ, просившихся домой изъ Прусской службы, было 69 человѣкъ. Изъ нихъ раньше всего поступило въ Пруссію при Петрѣ: съ 1713 по 1724 годъ поступило 18 человѣкъ; а всего больше при имп. Аннѣ, въ 1731 и 1732 годахъ, именно 39 человѣкъ. Вѣроятно все это были великаны, до которыхъ такой охотникъ былъ отецъ Фридриха Великаго. Имена солдатъ, отданныхъ при Аннѣ, почти всѣ Малороссійскія: Бруяченко, Ильяшенко, Мазуренко, Пугаченко, Москаленко и пр. [3]

Въ приложенныхъ къ одному изъ донесеній гр. Чернышева „Вѣдомостяхъ изъ Берлина отъ 2 окт. 1742 г." разсказано:

„Въ Потсдамѣ на нынѣшнихъ дняхъ обрѣтающейся тамъ католической Римской попъ нашелъ способъ оттуды пропровадить одного въ королевскомъ полку имѣющаго своего закона солдата за границу, о чемъ какъ его величество свѣдалъ, такожде что оный попъ тому авторъ, то немедленно его послалъ въ тюрьму въ Шпандау, что̀ услышавъ въ вышепомянутомъ полку имѣющіеся того закона солдаты, собравшись вкупѣ, къ королю въ его покои пошли; однакожъ случившіеся въ антикаморѣ офицеры оныхъ удержали, о чемъ король весьма разгнѣвався оныхъ всѣхъ арестовать указалъ, которые немедленно штрафованы будутъ, а самъ для того, сказываютъ, вчерашняго числа отсюды поѣхалъ въ Рейнсбергъ, гдѣ думаютъ что нѣсколько дней пробыть изволитъ".

СОВѢТЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО

императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Фридрихъ Великій, коего державѣ нанесено было столько рѣшительныхъ ударовъ успѣхами Русскаго оружія въ семилѣтнюю войну, находился первоначально въ отношеніяхъ не только мирныхъ, но и довольно дружественныхъ съ нашею императрицею Елизаветою Петровною. Ея неожиданное вступленіе на Русскій престолъ, точно

(2) Посланникъ Фридриха Великаго при нашемъ дворѣ.

(3) Какая была ихъ дальнѣйшая судьба, намъ неизвѣстно. Изъ донесенія гр. Чернышева отъ 6 декабря слѣдующаго 1743 года видно, что онъ еще собиралъ свѣдѣнія и о другихъ Русскихъ солдатахъ, находившихся по разнымъ Прусскимъ полкамъ, но все еще не рѣшался требовать ихъ отзыва изъ Прусской службы. Вѣроятно одного изъ нихъ видѣлъ еще Карамзинъ въ 1789 въ Потсдамѣ, о чемъ разсказано въ Письмахъ Русскаго путешественника. *П. Б.*

такъ какъ впослѣдствіи кончина, было очень выгодно Фридриху (который тогда обиралъ беззащитную Марію Терезію); потому что въ правленіе Анны Леопольдовны, по удаленіи отъ дѣлъ графа Миниха, Австрія возобладала въ Петербургскомъ кабинетѣ и едва было не привлекла Россію къ наступательному союзу противъ Пруссіи. Поэтому, первые годы Фридрихъ оказывалъ имп. Елизаветѣ всякаго рода предупредительность и расточалъ любезности. Между прочимъ осенью 1743 г. Елизавета и Фридрихъ помѣнялись орденами. Императрица возложила на себя Прусскаго Чернаго Орла, а король $^{19}/_{30}$ Ноября 1743 года праздновалъ въ Шарлотенбургѣ полученіе ордена св. Андрея Первозваннаго, и при всей скупости своей, заказалъ для этого пира особую посуду съ Русскимъ гербомъ и знаками св. Андрея. На этомъ пиру, продолжавшемся отъ 7 до 11 ч. вечера, Фридрихъ отвелъ въ сторону нашего посланника гр. П. Г. Чернышева и завелъ съ нимъ рѣчь о недавнемъ заговорѣ маркиза Ботты, клонившемся къ низверженію имп. Елизаветы и возведенію вновь на престолъ Іоанна Антоновича. Король внушалъ посланнику, что заговоры могутъ повториться, что маркизъ Ботта слѣдовалъ наставленіямъ Вѣнскаго двора, и что онъ Фридрихъ поручаетъ передать императрицѣ искренній совѣтъ свой: „удалить въ Лифляндію находящуюся нынѣ фамилію Брауншвейгскую въ такія мѣста, чтобъ никто знать не могъ, что, гдѣ и куда оная дѣвалась, и тѣмъ бы оную фамилію въ Европѣ совсѣмъ въ забытіе привесть, дабы болѣе объ оной памятовано не было; что по его совѣту ваше императорское величество особливо исполнить можете, понеже ни одна въ свѣтѣ потенція за нихъ не токмо вступиться, но и при дворѣ вашего императорскаго величества о томъ домогательствы какія бъ чинить конечно не будетъ. Онъ же самъ, хотя и роднею имъ быть находится, но однакожъ, имѣя болѣе у сердца благополучіе справедливаго государствованія вашего императорскаго величества, такожде и персональное къ вашему императорскому величеству доброжелательство, сей прямо дружескій совѣтъ вашему императорскому величеству дать себя необходимо принужденнымъ быть призналъ“. На эти слова гр. Чернышевъ отвѣчалъ, что императрица вовсе не думаетъ о возможности конспираціи въ пользу Брауншвейгскаго дому, что „хотябъ которая нибудь держава подобное намѣреніе къ тому воспріяла, то конечно никако воономъ реюсировать, ибо не найдетъ себѣ адгерентовъ, не можетъ. Понеже и Ботта, который изысканіемъ подобныхъ себѣ злодѣевъ, хотя все возможное неусыпное стараніе и приложилъ, но токмо болѣе въ свое мнѣніе какъ нѣкоторыхъ бабъ и робятъ, да къ тому одного токмо человѣка, который правда хотя лѣтами и старъ, но вѣкъ свой пьянъ былъ, и потому съ разсудными людьми никогда не считался, привести не могъ, что̀ и прочимъ злонамѣреннымъ всѣмъ за модель служить можетъ.“ Гр. Чернышевъ отвѣчалъ съ тѣмъ достоинствомъ, какое подобало ему; но совѣтъ Фридриха Великаго не пропалъ даромъ. Брауншвейгская фамилія, которую безпрестанно ждали въ Берлинѣ ея Германскіе родственники, не только не поѣхала дальше Риги, но была увезена въ глухое захолустье Рязанскаго края, въ ссыльный городъ Раненбургъ. Мѣра эта, за которую иностранцы любятъ обвинять тогдашнее наше правительство, была внушена добрымъ сосѣдомъ. Императрица Елизавета, женщина добродушная и необ-

разованная, руководилась чувствомъ самообезпеченія; чѣмъ же руководился геніальный король-философъ?

(Извлечено изъ подлиннаго донесенія гр. П. Г. Чернышева отъ 22 Ноября 1743 г., хранящагося въ Московск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.)

ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА ІОАННА-ЭРНСТА МИНИХА.

Графъ Іоаннъ-Эрнстъ Минихъ, единственный сынъ фельдмаршала графа Бурхарда-Христофора Миниха отъ брака его съ Христиной-Лукреціей Вицлебенъ, родился 30 декабря 1707 года, въ швабской деревнѣ Гейнфуртъ, недалеко отъ Эттингена. При самомъ рожденіи своемъ, молодой Минихъ былъ записанъ на службу прапорщикомъ въ гессенъ-кассельскую армію, но вскорѣ потомъ перечисленъ тѣмъ же чиномъ въ польскую коронную гвардію. Въ 1721 году, отецъ его поступилъ, по приглашенію Петра Великаго, въ русскую службу и, проѣзжая въ Петербургъ, оставилъ сына въ Ригѣ обучаться въ тамошней городской школѣ, подъ руководствомъ весьма хорошаго педагога Горника. Изучивъ довольно основательно латинскій и греческій языки, молодой Минихъ, черезъ два года, былъ отправленъ, по собственному желанію, оканчивать образованіе въ Женеву, къ извѣстному въ то время профессору философіи пастору Езекіилю Галлатину. Здѣсь онъ слушалъ лекціи „естественнаго и народнаго права, нѣмецкаго общественнаго права и объ институціяхъ“, исторіи, математики, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ и сверхъ того занимался музыкой, фехтованіемъ и танцами. Въ 1727 году, молодой Минихъ предпринялъ съ научною цѣлью путешествіе по Италіи, но едва только успѣлъ пріѣхать въ Туринъ, какъ былъ вызванъ въ Россію отцомъ, по просьбѣ котораго опредѣленъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и назначенъ дворининомъ русскаго посольства на Соассонскій конгрессъ, съ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ. По окончаніи конгресса, Минихъ былъ оставленъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, пожалованъ, въ маѣ 1731 года, въ званіе камеръ-юнкера, а въ сентябрѣ, того же года, сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Версальскомъ кабинетѣ; но оставался въ этой должности всего шесть мѣсяцовъ, потому что былъ потребованъ въ Петербургъ отцомъ, который, для поддержанія своего вліянія при дворѣ, намѣревался женить его на сестрѣ жены герцога Бирона, фрейлинѣ Трейденъ — дѣвицѣ слабаго сложенія, больной и очень некрасивой; однако, къ счастію Миниха, свадьба эта не состоялась. Въ 1736 г., Минихъ былъ посланъ императрицей въ Варшаву съ знаками ордена св. Андрея Первозваннаго для короля Августа III и получилъ отъ послѣдняго въ подарокъ тысячу червонцевъ и бриллiантовый перстень цѣною въ тысячу двѣсти рублей. Въ 1737 г., въ день торжества по случаю взятія Очакова, Минихъ награжденъ званіемъ каммергера, котораго дожидался семь лѣтъ. Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ, для излеченія болѣзни, за границу, въ Ахенъ, при чемъ императрица подарила ему на путевыя издержки двѣ тысячи рублей. Въ февралѣ 1739 г. Минихъ женился на фрейлинѣ баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ, которой императрица дала въ приданое четыре тысячи рублей денегъ и на столько же бриллiантовъ. При празднованіи, въ 1740 г., заключенія мира съ Турціей, Миниху былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. По смерти императрицы Анны Ивановны, въ короткое регентство Бирона, Минихъ оставался въ званіи каммергера, не принимая никакого участія въ интригахъ своего отца противъ регента; когда послѣдняго арестовали, и правленіе перешло въ руки матери малолѣтняго императора, Минихъ, пользовавшійся особеннымъ ея расположеніемъ, былъ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ, съ чиномъ генералъ-поручика и съ жалованьемъ по три тысячи рублей

въ годъ и вскорѣ потомъ получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла; сверхъ того, король Прусскій, во вниманіе къ заслугамъ его отца, подарилъ ему въ Бранденбургѣ имѣніе Бигенъ, дававшее около четырехъ тысячъ талеровъ годоваго дохода. Въ ноябрѣ 1741 г., при восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, Минихъ, вмѣстѣ съ отцомъ и многими другими лицами, былъ арестованъ, обвиненъ въ государственныхъ преступленіяхъ и преданъ суду; не смотря на совершенную невинность свою, онъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и имущества и сосланъ на жительство въ Вологду. Къ этому времени его жизни и относятся печатаемые ниже документы, отысканные нами въ бумагахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Находясь въ ссылкѣ, Минихъ написалъ свои „Записки“, которыя были изданы, впрочемъ съ значительными пропусками, въ 1817 г., и до сихъ поръ служатъ хорошимъ матеріаломъ для исторіи царствованія императрицы Анны Ивановны. Императоръ Петръ III возвратилъ Миниху свободу и орденъ св. Александра Невскаго (9 іюня 1762 г.) а императрица Екатерина II пожаловала ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Андреевскую ленту (1 августа 1774 г.) и назначила его президентомъ коммерцъ-коллегіи; въ этой должности онъ оставался до самой кончины своей, послѣдовавшей 24 генваря, 1788 года. По отзыву современниковъ (Manstein, Mémoires sur la Russie, Paris, 1860, t. 2, pg, 212.—Sabatier de Cabres, Catherine II sa cour et la Russie en 1772, Berlin, 1862, pg. 45) Минихъ былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, умный, безупречной честности, и съ большими дарованіями; но въ то же время безхарактерный и до крайности скромный и застѣнчивый; послѣдній недостатокъ мѣшалъ ему пользоваться тѣмъ вліяніемъ и значеніемъ при дворѣ, которыя онъ могъ бы имѣть, благодаря своимъ способностямъ и личному расположенію къ нему императрицы Екатерины II.

С. Шубинскій.

1.

По указу [1] ея императорскаго величества самодержицы Всероссійской объявляется тебѣ, графъ Минихъ:

Понеже ты съ бывшими оберъ-гофмаршаломъ Левенвольдомъ [2] и коммерцъ коллегіи президентомъ Менгденомъ [3] о намѣренной сукцессіи, пе-

---

[1] Указъ этотъ прочитанъ Миниху въ присутствіи сената, при чемъ съ него взята подписка, что онъ обязуется, подъ страхомъ смертной казни, никому не сообщать показаній, данныхъ имъ слѣдственной коммиссіи, а равно и вопросовъ предложенныхъ ему послѣднею.

[2] Баронъ, потомъ графъ, Рейнгольдъ Левенвольдъ, сынъ тайнаго совѣтника и оберъ-гофмейстера двора супруги цесаревича Алексѣя Петровича, родился въ Лифляндіи, смолоду служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ императрицы Екатерины I и былъ любимцемъ этой государыни, которая сдѣлавшись самодержавной произвела Левенвольда въ камергеры (1725 г.), сдѣлала его графомъ (24 октября 1726), кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго (24 ноября 1726) и украсила своимъ портретомъ (1727). Императрица Анна Ивановна возвела его въ достоинство оберъ-гофмаршала въ 1730 г., черезъ два года пожаловала Андреевскую ленту и ввѣрила ему завѣдываніе соляными доходами. Въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны онъ не вмѣшивался ни въ какія государственныя дѣла, но при правительницѣ, противъ воли, принялъ въ нихъ участіе; изъявивъ обще съ другими вельможами желаніе видѣть Анну Леопольдовну императрицей, графъ Левенвольдъ пострадалъ вмѣстѣ съ ними при переворотѣ, доставившемъ престолъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и имущества и сосланъ (1742 г.) въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ „отъ почечуя“ 24 іюля 1758 г.

[3] Баронъ Карлъ-Людвигъ Менгденъ, двоюродный братъ любимицы правительницы фрейлины Юліаны Менгденъ, родился въ 1706 г. Онъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора прусской службы Христинѣ Вильдеманнъ, мать которой Христина Елисавета Доротея была род-

ремѣнѣ отъ принцессы Анны и прочихъ по тому дѣлу происходившихъ предпріятіяхъ вѣдалъ и хотя при томъ ни въ какія предосудительныя и вредныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ и совѣта и наставленія никому не давалъ, однако оныхъ, бывъ у принцессы Анны и супруга ея въ великой милости и видя отъ того чаемое зло, пристойными образы отвращать у нихъ не старался, за которую твою важнѣйшую вину и преступленіе, по учиненной въ генеральномъ судѣ сентенціи и по воспослѣдовавшей на ту сентенцію отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей конфирмаціи, велѣно, лиша тебя оберъ-гофмейстерскаго чина и снявъ кавалерію, послать въ деревню, которую тебѣ дать въ Россіи, вмѣсто отписныхъ твоихъ деревень и жить тебѣ въ оной безъ выѣзду.

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна самодержица Всероссійская указала:

Бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха за болѣзнію жены его изъ Санктъ-Петербурга нынѣ въ данную ему Миниху деревню не посылать, а какъ жена его отъ той болѣзни освободится, тогда того Миниха и съ женою его, по силѣ прежняго имяннаго ея императорскаго величества указа, отправить въ немедленномъ времени въ сенатской конторѣ, а до того времени содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ. Сей ея императорскаго величества указъ объявилъ дѣйствительный тайный совѣтникъ кавалеръ и генералъ-прокуроръ князь

Н. Трубецкой.

Февраля 11 дня
1742 года.

3.

Правительствующаго сената въ контору, Тобольскаго пѣхотнаго полка отъ сержанта Егора Уланова

Доношеніе.

По имянному ея императорскаго величества указу изъ правительствующаго сената, февраля 9 дня 1742 года, опредѣленъ я къ бывшему оберъ-гофмейстеру Миниху для отвоза его въ деревню, пожалованную вмѣсто отписныхъ его деревень, въ Кинешемскомъ уѣздѣ изъ выморочныхъ генералъ-маіора Корчмина, въ село Вычюгу съ деревни; и для того дано со мною два человѣка солдатъ; и потомъ, февраля 15 числа, по имянному жъ ея императорскаго величества указу повелѣно было бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха за болѣзнію жены его оставить въ Санктъ-Петербургѣ и въ пожалованную ему деревню Вычюгъ не ѣхать, покамѣстъ жена его отъ той болѣзни свобождена не будетъ; и какъ скоро она отъ той болѣзни свободится, то онаго Миниха и съ женою его по силѣ прежняго даннаго мнѣ ея императорскаго величества указа и инструкціи, отправить его въ сенатской конторѣ въ немедленномъ времени. И оная жена его прошедшаго іюня 13 дня родила и отъ той болѣзни свободилась и о томъ правительствующаго сената контора что соблаговолитъ?

Сержантъ Егоръ Улановъ.

Іюля 19 дня
1742 года.

ная сестра фельдмаршала Миниха. Благодаря значенію Юліаны, Менгденъ получилъ при правительницѣ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. При восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, онъ былъ лишенъ всего, сосланъ въ Нижнеколымскій острогъ, въ семидесяти верстахъ отъ Ледовитаго моря, и умеръ здѣсь 23 февраля 1760 года.

4.

Правительствующаго сената изъ Санктъ-Петербурга изъ сенатской конторы

Вѣденіе.

Прошедшаго іюля 19 дня, сего 1742 года, правительствующаго сената въ контору Тобольскаго пѣхотнаго полка сержантъ Егоръ Улановъ доношеніемъ представлялъ (слѣдуетъ содержаніе доношенія за № 3) и того жъ числа, по разсужденію сенатской конторы велѣно ко оной Миниховой женѣ послать сенатскаго экзекутора Жеребцова, которую велѣть спросить, что она отъ той болѣзни свободилась ли и что покажетъ въ сенатскую контору репортовать. И того жъ іюля 23 дня означенный экзекуторъ Жеребцовъ ко означенной бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха женѣ ходилъ и спрашивалъ, на что оная объявила, что у нея имѣется болѣзнь въ носу и просила, чтобъ дать сроку на пять недѣль. И по разсужденію правительствующаго сената конторы въ медицинскую контору посланъ указъ, велѣно упомянутой бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха жены болѣзнь осмотрѣть и освидѣтельствовать черезъ докторовъ и что̀ по осмотру и свидѣтельству явится, о томъ представить въ сенатскую контору; и сего августа 12 дня отъ оной медицинской конторы доношеніемъ представлено: вышеозначенная бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха жена той конторы физикомъ докторомъ Миніатомъ ([4]) и лекаремъ Эгидіемъ ([5]) осматривана, отъ которыхъ осмотровъ показано, что имѣетъ болѣзнь полипусъ въ носу, которую болѣзнь въ бывшее ея беременное состояніе выпользовать было невозможно, отчего и по нынѣ не въ совершенство еще выпользована, къ тому жъ и весьма слаба, и того де ради разсуждаютъ, что надлежитъ ей еще быть здѣсь въ леченіи. И по указу ея императорскаго величества правительствующаго сената контора приказали въ Москву въ правительствующій сенатъ сообщить вѣденіе, въ которомъ представить, что по имянному ея императорскаго величества, февраля 11 дня, сего года, указу велѣно помянутаго Миниха отправить въ деревню, когда жена его выздоровѣетъ, а нынѣ оная жена, его какъ выше объявлено что по осмотру отъ медицинской конторы имѣетъ болѣзнь и что помянутые докторъ и лекарь разсуждаютъ, что надлежитъ ей еще быть здѣсь въ леченіи, и за тѣмъ онаго Миниха и съ женою его по силѣ вышеобъявленнаго имяннаго указа нынѣ въ деревню посылать ли, или для излеченія болѣзни жены его покамѣстъ совсѣмъ выздоровѣетъ дать время, понеже тѣмъ имяннымъ ея им-

([4]) Докторъ Матвѣй Минеатъ, родомъ грекъ. Годъ прибытія его въ Россію неизвѣстенъ; но изъ сочиненій Михаила Схендо фанъ деръ Беха видно, что онъ служилъ при Петрѣ Великомъ, сначала полковымъ врачомъ, а потомъ опредѣленъ медикомъ въ новоучрежденный въ Петербургѣ морской госпиталь. Кругъ дѣйствій его распространился особенно въ царствованіе Петра II и Анны Ивановны, которая посылала его по предложенію тогдашняго архіатера Фишера, въ 1738 году, въ Бѣлгородъ, гдѣ открылись повальныя болѣзни; оттуда докторъ Минеатъ прислалъ въ декабрѣ того же года въ кабинетъ пространное донесеніе на латинскомъ языкѣ. Съ тою же цѣлью былъ онъ посыланъ, въ 1739 году, фельдмаршаломъ Ласси, въ Воронежъ. Такъ какъ онъ былъ уже очень старъ и страдалъ часто каменною болѣзнью, то, по ходатайству архіатера Фишера, и дано было ему весьма покойное мѣсто—штадтъ-физика въ Петербургѣ.

([5]) Ергардъ Христіанъ Егидіусъ, во время свирѣпствовавшей, въ 1738 году, чумы, былъ посыланъ въ Изюмъ, а потомъ, въ 1741 году, опредѣленъ лекаремъ при медицинской канцеляріи.

ператорскаго величества указомъ повелѣно отправить его Миниха тогда въ деревню, когда жена его отъ болѣзни свободится и требовать отъ правительствующато сената, на оное опредѣленія. И правительствующій сенатъ да благоволитъ учинить по указу ея императорскаго величества (*). Августа 24 дня, 1742 года.

Секретарь Андрей Суровцовъ.
Секретарь Дмитрій Львовъ.

5.

Правительствующему сенату изъ Санктъ-Петербурга изъ сенатской конторы

Вѣденіе.

Сего октября 4 дня, по опредѣленію сенатской конторы, по силѣ сообщеннаго изъ правительствующаго сената вѣденія и по посланному въ медицинскую контору указу, велѣно бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха жены отъ той конторы болѣзнь осмотрѣть и что по осмотру явится въ сенатскую контору репортовать; а 18 числа сего жъ октября оная медицинская контора доношеніемъ представила, что помянутая бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха жена медицинской конторы физикомъ докторомъ Миніатомъ и лекаремъ Эгидіемъ сего жъ октября 8 дня осматривана, отъ которыхъ осмотровъ показано, что имѣетъ она въ носу внутри полипусъ и на правой щекѣ красную высыпь, а по требованію изъ кадетскаго корпуса отъ лекаря Папельбаума (⁶), который оную Минихову жену долгое время пользовалъ и по нынѣ пользуетъ, аттестатомъ объявлено, что она имѣетъ очень трудную болѣзнь полипусъ въ носу, а хотя де по нынѣ всякіе медицинскіе и лекарскіе способы особливымъ прилежаніемъ употреблены, но токмо невозможно было показанный припадокъ вовсе искоренить или по крайней мѣрѣ отвратить, чтобы оный полипусъ вновь паки не взросъ. И по указу ея императорскаго величества правительствующаго сената контора приказали: о вышеписанномъ въ правительствующій сенатъ въ извѣстіе сообщить вѣденіе, и правительствующій сенатъ да благоволитъ о томъ вѣдать. Октября 28 дня, 1742 года.

Секретарь Андрей Суровцовъ.
Секретарь Дмитрій Львовъ.

6.

Приказы.

1) Генваря 22 дня, по приказу его свѣтлости принца Гессенъ-Гомбургскаго (⁷) велѣно допускать Цесарскаго посланника къ бывшему оберъ-гофмейстеру Миниху.

2) Генваря 24 дня, приказомъ его свѣтлости принца Гессенъ-Гомбургскаго черезъ ѣздоваго гренадера Ѳаддея Шульгина велѣно допускать Прусскаго посланника къ бывшему оберъ-гофмейстеру Миниху.

3) Февраля 15 дня, приказомъ его сіятельства князя Никиты Юрьевича Трубецкаго (⁸) повелѣно бывшаго

(*) Дѣло это производилось въ Петербургѣ въ сенатской конторѣ, самый же сенатъ, какъ и другія учрежденія, находился въ это время вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ въ Москвѣ. *П. Б.*

(⁶) Папельбаумъ, съ 1737 года, служилъ при кадетскомъ корпусѣ помощникомъ старшаго врача, которымъ былъ извѣстный въ то время докторъ Санхецъ.

(⁷) Принцъ Людвигъ-Іоаннъ-Вильгельмъ Гессенъ-Гомбургскій былъ въ это время капитанъ-поручикомъ новоучрежденной лейбъ-кампаніи, генералъ-фельдмаршаломъ, директоромъ кадетскаго корпуса и подполковникомъ Измайловскаго полка.

(⁸) Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, сверхъ званія генералъ-прокурора, предсѣдательство-

оберъ-гофмейстера Миниха до указа не отпущать, а содержать какъ объ немъ прежде приказомъ повелѣно.

4) Марта 1 дня, приказомъ его сіятельства графа Николая Өеодоровича Головина (⁹) велѣно перевести съ деревяннаго двора въ каменный бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха, который и переведенъ на дворъ бывшаго фельдмаршала Миниха.

5) Марта 18 дня, по словесному приказу его сіятельства сенатора, адмирала и кавалера графа Николая Өеодоровича Головина, бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ со двора бывшаго фельдмаршала Миниха переведенъ на Адмиралтейскую сторону, въ Греческую улицу, на прежній его дворъ, и велѣно у него быть на караулѣ опредѣленному изъ правительствующаго сената для отвоза его Миниха въ деревню, сержанту Тобольскаго пѣхотнаго полка Егору Уланову и при немъ того жъ полка солдатамъ двумъ человѣкамъ, токмо велѣно быть подъ смотрѣніемъ капитанъ-поручика Мягкова.

6) Марта 27 дня, по приказу его сіятельства, сенатора, адмирала и кавалера графа Николая Өеодоровича Головина велѣно къ бывшему оберъ-гофмейстеру Миниху допускать всѣхъ, кто къ нему пріѣдетъ, не удерживая никого.

валъ въ слѣдственной коммиссіи, учрежденной надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими.

(⁹) Графъ Николай Өедоровичъ Головинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, адмиралъ, президентъ адмиралтейской коллегіи и конференцъ-министръ, предсѣдательствовалъ тогда въ коммиссіи для описанія пожитковъ Остермана, Миниха и другихъ и, по случаю пребыванія двора въ Москвѣ, исполнялъ обязанность первоприсутствующаго въ С. Петербургской сенатской конторѣ.

7.

1743 года, мая 2 дня, въ журналѣ правительствующаго сената записано:

Впущенъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Мягковъ и правительствующему сенату словесно предлагалъ, что содержащійся подъ арестомъ бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ во ономъ содержаніи имѣется подъ смотрѣніемъ его Мягкова, о которомъ репортовалъ до нынѣ господина адмирала и кавалера графа Головина и по словесному его приказу велѣно къ нему Миниху допускать всѣхъ, кто къ нему пріѣдетъ; и въ нѣкоторыя времена имѣлъ онъ Минихъ изъ квартиры своей выѣздъ по приказу жъ онаго господина адмирала графа Головина. И требовалъ онъ Мягковъ нынѣ де объ немъ Минихѣ кого репортовать и какимъ образомъ его содержать повелѣно будетъ. Приказали: его Миниха содержать такъ, какъ по данной инструкціи отъ правительствующаго сената унтеръ-офицеру, который при немъ обрѣтается, содержать велѣно и репортовать ему Мягкову господина генералъ-прокурора, а до будущаго указа нынѣ его Миниха съ квартиры никуда не спущать, а доложить о томъ ея императорскому величеству въ присутствіи въ правительствующемъ сенатѣ.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

8.

1743 года, іюня 23 дня, въ собраніи правительствующаго сената докладывано, что по изустному ея императорскаго величества указу, прошедшаго мая 21 дня, въ присутствіи, въ правительствующемъ сенатѣ повелѣно: бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха, который былъ оставленъ въ Санктъ-Петербургѣ для болѣзни жены его, болѣе въ Санктъ-Петербургѣ не держа, отправить его на

Вологду, гдѣ ему жить подъ смотрѣніемъ воеводъ съ товарищи и никуда безъ вѣдома воеводскаго изъ города не выѣзжать, чтобъ онъ оттуда уйти не могъ; деревень ему не давать, а вмѣсто оныхъ на его пропитаніе давать ему въ годъ денегъ по тысячѣ рублевъ. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указа правительствующимъ сенатомъ опредѣлено: онаго Миниха отправить въ Вологду съ тѣмъ же конвоемъ, который для отвоза его въ деревню былъ опредѣленъ и отвезя отдать Вологодскому воеводѣ и взявъ репортъ явиться въ правительствующій сенатъ, и для того отъ Санктъ-Петербурга до Вологды тому конвою и назадъ до Санктъ-Петербурга дать надлежащее число ямскихъ подводъ и на нихъ прогонныя деньги; но по оному ея императорскаго величества указу оный Минихъ былъ не отправленъ того ради, что того жъ мая 29 дня, въ письмѣ дѣйствительнаго камергера и кавалера и лейбъ-компаніи поручика господина Воронцова къ господину генералъ-прокурору написано, что ея императорское величество соизволила повелѣть отсылкою графа Миниха въ назначенное мѣсто отъ сената удержать до окончанія родовъ жены его; а сего іюня 22 дня, въ письмѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона Черкасова къ господину генералу-прокурору объявлено, что ея императорское величество указала онаго Миниха выслать въ назначенное ему мѣсто, ибо жена его уже родила и больше причины зачѣмъ ему здѣсь время продолжать не осталось. А понеже по указу ея императорскаго величества, февраля 11 дня, прошлаго 1742 года, для препровожденія его Миниха въ деревню опредѣленъ былъ въ конвоѣ Тобольскаго пѣхотнаго полка сержантъ одинъ, солдатъ два человѣка, которые и нынѣ обрѣтаются при немъ Минихѣ, а колико при немъ Минихѣ дѣтей и служителей имѣется и что подъ оныхъ и подъ багажъ его для проѣзду въ дорогѣ въ дачѣ быть подводъ надлежитъ, о томъ въ сенатѣ было неизвѣстно; а прошедшаго мая 26 дня, посыланному отъ правительствующаго сената экзекутору Дурнову онъ Минихъ объявилъ, что онъ съ женою, съ дѣтьми и служительми всего въ тринадцати персонахъ состоитъ, подводъ требовалъ: въ одинъ берлинъ, двѣ покоевыя коляски, въ одинъ фурманъ и подъ кухню, въ одни роспуски, двадцать лошадей. И правительствующій сенатъ, во исполненіе вышеобъявленнаго ея императорскаго величества высочайшаго соизволенія, приказали: онаго Миниха съ женою и дѣтьми и его служителями, которые при немъ обрѣтаются, отправить на Вологду за конвоемъ вышеписаннагожъ унтеръ-офицера, прибавя къ наличнымъ нынѣ у него двумъ еще четырехъ человѣкъ солдатъ и везти того Миниха съ женою, съ дѣтьми его и служителями отъ Санктъ-Петербурга до Твери сухимъ путемъ, а отъ Твери до Углича водою, и для того Тверскому воеводѣ изготовить въ скорости подлежащее судно, о чемъ къ нему послать указъ черезъ почту, а отъ Углича ѣхать сухимъ же путемъ на Вологду, и отъ Санктъ-Петербурга до Твери и отъ Углича до Вологды давать ямскихъ ему Миниху, со всѣми обрѣтающимися при немъ, двѣнадцать, унтеръ-офицеру и солдатамъ три, и того пятнадцать подводъ за указные прогоны; а гдѣ ямскихъ подводъ нѣтъ, уѣздныхъ съ заплатою по плакату; а отъ Вологды въ обратный путь до Санктъ-Петербурга тому конвою дать ямскихъ три подводы за указные жъ прогоны, и о дачѣ подорожной въ ямскую канцелярію, а на платежъ прогонныхъ и по плакату денегъ о выдачѣ въ штатсъ-контору послать указы; а чтобъ будучи въ пу-

ти въ проѣздѣ остановки случиться не могло и по ямамъ ямскія, а гдѣ ямскихъ нѣтъ уѣздныя подводы даваны были безъ всякаго задержанія и остановки, о томъ отправляющемуся въ конвоѣ унтеръ-офицеру дать изъ сената отверстый указъ, и о томъ о всемъ въ надлежащія мѣста, куда надлежитъ, послать указы, а посланному унтеръ-офицеру дать инструкцію. Буде же ему Миниху опредѣленныхъ здѣсь кормовыхъ денегъ чего понынѣ изъ коммиссіи не додано, оное додать изъ той коммисіи, да изъ вышеписанныхъ опредѣленныхъ по имянному ея императорскаго величества указу тысячей рублевъ выдать изъ штатсъ-конторы для дорожнаго его проѣзда и пропитанія на треть года и о томъ въ штатсъ-контору и въ коммиссію послать указы, и отправить онаго Миниха изъ Санктъ-Петербурга конечно сего іюня 24 числа; буде же онъ требуетъ сверхъ вышеозначеннаго опредѣленнаго ему числа подводъ, оныя давать ему за его прогоны, только всего бъ и съ вышеопредѣленными не болѣе двадцати подводъ было; а чтобъ онъ Минихъ неотмѣнно того 24 числа изъ Санктъ-Петербурга выѣхалъ, того ради послать къ нему сенатской роты оберъ-офицера и велѣть его Миниха выпроводить за Ямскую слободу и какъ скоро выпроводитъ репортовать.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената.

9.

Реестръ.

Коликое число бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ беретъ съ собою мужеска и женска пола служителей и какъ подъ себя съ фамиліею, такъ и подъ оныхъ своихъ служителей, кромѣ надлежащаго за нимъ конвоя, требуетъ подводъ о томъ о всемъ значится ниже сего,

а именно:

Онъ Минихъ съ женою	2
Съ ними дитя ихъ съ кормилицею .	2
Нянька дѣтиная	1
Дѣвокъ	3
Служителей мужеска пола	5
И того	13

Лошадей потребно:

Берлинъ онъ имѣетъ:

Берлинъ четверомѣстный, въ которомъ онъ самъ поѣдетъ съ женою, подъ него подводъ	6
Онаго всего требуетъ, чтобъ повелѣно ему купить:	
Покоевыхъ колясокъ двѣ, въ которыхъ имѣютъ ѣхать вышеупоминаемое его дитя съ женскими персонами, подъ которые надлежитъ въ каждую по три.	6
Одинъ фурманъ со всякою поклажею, подъ оный надлежитъ	6
Однѣ роспуски для кухни, подъ которые надлежитъ	2
И того.	20

Экзекуторъ Иванъ Дурновъ.

Мая 26 дня 1743 года.

10.

Въ правительствующій сенатъ сенатской роты отъ капитана Василья Тутолмина

Рапортъ.

Сего іюня 23 дня, по опредѣленію правительствующаго сената велѣно мнѣ бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха (который отправленъ за конвоемъ въ Вологду) выпроводить за Ямскую слободу и какъ скоро выпровожу репортовать; и потому правительствующаго сената опредѣленію оный Минихъ съ обрѣтающимися при немъ за конвоемъ посланнымъ съ нимъ урядника и солдатъ за Ямскую слободу выпровоженъ сего іюня 24 дня. О чемъ правительствующему сенату симъ покорно репортую.

Капитанъ Василій Тутолминъ.

11.

Въ правительствующій сенатъ изъ Вологодской провинціальной канцеляріи

Репортъ о полученіи указа и о дѣйствительномъ исполненіи.

Ея императорскаго величества указъ изъ онаго правительствующаго сената, писанный іюня 28 дня, подъ нумеромъ 4182, о присылкѣ при немъ бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха съ женою и съ дѣтьми, который явился въ важныхъ винахъ и преступленіяхъ и о житьѣ ему на Вологдѣ подъ смотрѣніемъ воеводъ съ товарищи и никуда безъ вѣдома воеводскаго о невыѣзжаніи изъ города, чтобъ онъ уйти не могъ, а на пропитаніе его о дачѣ ему въ годъ по тысячѣ рублевъ и объ отводѣ ему квартиры, за конвоемъ Тобольскаго пѣхотнаго полка сержанта Егора Уланова и при немъ солдатъ шести человѣкъ, въ Вологодской провинціальной канцеляріи полученъ сего іюля 22 дня.

И по тому ея императорскаго величества указу, означенный бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ съ женою и обрѣтающимися при нихъ людьми на Вологду черезъ конвойнаго Тобольскаго пѣхотнаго полка сержанта Егора Уланова и солдатъ шести человѣкъ привезенъ и подъ смотрѣніе воеводы съ товарищи принятъ, и квартира ему на Вологдѣ, на посадѣ, отведена и на пропитаніе ему деньги по ассигнаціи штатсъ-конторы производиться будутъ.

Иванъ (*фамилія не разобрана*).
Секретарь Матвѣй Черноусовъ.

Іюля 23 дня
1743 года.

12.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая

Бьетъ челомъ бывшій оберъ-гофмейстеръ графъ Эрнстъ Минихъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По имянному вашего императорскаго величества указу содержусь я въ городѣ Вологдѣ съ 743 года и по неизрѣченному вашего императорскаго величества высочайшему милосердію получаю годоваго жалованья тысячу рублевъ и тѣмъ всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ по сіе время пропитывался съ женою и съ осмью моими дѣтьми безъ дальней нужды. Къ сему прошенію

2.

Нынѣ при возрастѣ дѣтей моихъ расходы на содержаніе, а паче всего на ученіе ихъ годъ отъ года столь умножились, что производить оные съ пропитаніемъ нашимъ нѣтъ возможности. Мое жъ всеусерднѣйшее желаніе, какъ всегда было такъ и нынѣ въ томъ состоитъ, четырехъ сыновей моихъ такъ воспитать, чтобъ могли удостоены быть въ службѣ вашего императорскаго величества. Графъ

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и въ разсужденіе бѣдности моей и для вышеупомянутыхъ необходимыхъ нуждъ изъ одного высочайшаго жъ вашего императорскаго величества матерняго милосердія, къ опредѣленному мнѣ жалованью хотя малый какой прибавокъ всемилостивѣйше пожаловать, за которое милосердіе по смерть мою съ женою и съ дѣтьми въ горячайшихъ молитвахъ со слезами ежедневно долженъ просить Создателя о дражайшемъ вашего императорскаго величества многолѣтнемъ здравіи и благополучномъ государствованіи. Эрнстъ Минихъ,

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о

семъ моемъ челобитьи рѣшеніе учинить. 1756 года, мая дня. Челобитную писалъ Вологодской провинціальной канцеляріи подканцеляристъ Иванъ Лапотовскій. Къ поданію надлежитъ въ высокоправительствующій сенатъ. Руку приложилъ.

13.

По справкѣ въ Сенатѣ:

По состоявшемуся въ прошломъ 1742 году, генваря 16 дня, имянному ея императорскаго величества указу повелѣно съ бывшимъ оберъ-гофмейстеромъ графомъ Минихомъ и прочими учинить по сентенціи генеральнаго суда неотмѣнно.

А по сентенціи генеральнаго суда присуждено онаго Миниха, лиша оберъ-гофмейстерскаго чина и снявъ кавалерію, послать въ деревню, которую ему дать въ Россіи вмѣсто отписныхъ его деревень, и жить ему въ ней безъ выѣзду.

Въ томъ же 1742 году, февраля 1 дня, во исполненіе ея императорскаго величества указа, объявленнаго бывшимъ оберъ-прокуроромъ Брылкинымъ въ правительствующемъ сенатѣ опредѣлено: выморочные генералъ-маіора Корчмина въ Кинешемскомъ уѣздѣ село Вычюгъ съ деревнями (въ которомъ 713 душъ и приписаны были къ дворцовымъ волостямъ) отдать во владѣніе помянутому Миниху, и для того оныя изъ за дворца выключить и о томъ, что онъ Минихъ за вины свои оберъ-гофмейстерскаго чина лишенъ и кавалерія съ него снята и посланъ на житье въ ту деревню, въ вотчинную коллегію, въ дворцовую канцелярію и въ прочія куда надлежало мѣста указы посланы, и въ сенатскую контору вѣденіе сообщено, а ему Миниху съ подпискою объявлено того жъ февраля 9 числа.

А въ 1743 году, мая 21 дня, ея императорское величество въ высочайшемъ присутствіи своемъ въ правительствующемъ сенатѣ, по докладу отъ сената, изустно указать соизволила онаго Миниха (который въ Санктъ-Петербургѣ оставленъ былъ за болѣзнью жены его) отправить на Вологду, гдѣ ему жить подъ смотрѣніемъ воеводы съ товарищи и никуда безъ вѣдома воеводскаго изъ города не выѣзжать, чтобъ онъ оттуда уйти не могъ, а деревень ему не давать, а вмѣсто оныхъ на его пропитаніе давать ему въ годъ денегъ по тысячѣ рублевъ.

И въ исполненіе онаго ея императорскаго величества указа правительствующимъ сенатомъ опредѣлено: его Миниха отправить въ Вологду и отдать Вологодскому воеводѣ, а оному воеводѣ отвесть ему тамо квартиру и накрѣпко смотрѣть, чтобъ онъ изъ города никуда безъ вѣдома не выѣзжалъ, чтобъ уйти не могъ; а на пропитаніе его съ женою его и съ дѣтьми и съ обрѣтающимися при немъ людьми давать ему вмѣсто преждеопредѣленныхъ ему деревень изъ подлежащихъ до штатсъ-конторы доходовъ по тысячѣ рублевъ на годъ, и ту дачу производить ему по третямъ года; токмо онъ Минихъ тогда по письму дѣйствительнаго камергера кавалера и лейбъ-кампаніи поручика господина Воронцова, писанному того жъ числа къ господину генералъ-прокурору и кавалеру съ объявленіемъ во ономъ высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія, былъ отъ той посылки до окончанія родинъ жены его удержанъ; а 24 числа іюня того жъ года, по объявленному въ письмѣ тайнаго совѣтника и кавалера барона Черкасова изустному ея императорскаго величества указу и по опредѣленію правительствующаго сената, онъ Минихъ (за тѣмъ, что жена его уже родила и больше причинъ за чѣмъ ему здѣсь время продолжать не осталось) съ фамиліею его и служителями за препровожденіемъ Тобольскаго пѣхотнаго

полка сержанта и шести человѣкъ солдатъ туда и отправленъ.

Прежде того жены его Миниха родинъ и отправленія ихъ, въ поданномъ отъ сенатскаго экзекутора Дурнова о фамиліи его и служителяхъ, которыхъ онъ съ собою взялъ, реестрѣ показано.

Сколько послѣ у нихъ было рождено дѣтей, о томъ въ сенатъ не репортовано:

Онъ Минихъ съ женою	2
Съ ними дитя ихъ съ кормилицею .	2
Нянька дѣтиная	1
Дѣвокъ	3
Служителей мужеска полу . . .	5
И того	13

Въ 1751 году, октября 7 дня по опредѣленію жъ правительствующаго сената и по доношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ оную по промеморіи отъ королевскаго Датскаго полномочнаго министра велѣно обрѣтающагося у объявленнаго Миниха въ услуженіи Датскаго уроженца Андрея Шумахера по желанію его къ возвращенію въ свое отечество отъ того Миниха уволить, о чемъ куда надлежитъ указы посланы жъ.

Изустно въ сенатѣ объявленъ чрезъ его сіятельство г. генералъ-прокурора.

А въ 1754 году, ея императорское величество по докладу вышерѣченнаго господина генералъ-прокурора и кавалера, всемилостивѣйше указать соизволила пріѣхавшаго въ Ригу изъ Кенигсберга Прусскаго уроженца пастора Готфрида Каріуса (который ѣдетъ къ рѣченному Миниху въ домовые пасторы и учителемъ его дѣтей на три года) въ Вологду пропустить, о чемъ и указы куда надлежало изъ сената посланы.

14.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы Всероссійской изъ правительствующаго сената Вологодской провинціальной канцеляріи.

Сего марта 26 дня ея императорское величество всемилостивѣйше указать соизволила: содержащемуся въ Вологдѣ бывшему оберъ-гофмейстеру Миниху на содержаніе и обученіе дѣтей его, къ получаемымъ нынѣ тысячѣ рублямъ прибавить еще четыреста рублевъ и производить всего по тысячѣ по четыреста рублевъ въ годъ изъ тѣхъ же доходовъ, изъ какихъ нынѣ получаетъ. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества имяннаго указа правительствующій сенатъ приказали: въ Вологодскую провинціальную канцелярію послать указъ, велѣть оной канцеляріи означенному Миниху на содержаніе и обученіе дѣтей его къ получаемымъ нынѣ тысячѣ рублямъ и прибавочные по четыреста рублей съ состоянія онаго ея императорскаго величества указа, то есть сего марта съ 26 дня, производить изъ тѣхъ же доходовъ, изъ какихъ нынѣ получаетъ, и Вологодской провинціальной канцеляріи по сему ея императорскаго величества указу, а о томъ же для вѣдома и въ штатсъ-контору указы изъ сената посланы. Марта 30 дня 1758 года.

16.

Въ правительствующій сенатъ изъ Вологодской канцеляріи

Репортъ.

Сего марта 1 дня поданнымъ въ Вологодскую провинціальную канцелярію доношеніемъ отъ содержащагося въ Вологдѣ бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха объявлено, что жена его бывъ въ болѣзни сего марта на 1 число умре и проситъ, чтобъ умершей жены его тѣло для погребенія дозволено было отпустить въ Лифляндію, а о томъ же жены его умертвіи того жъ числа и отъ имѣющагося при немъ Минихѣ караульнаго капрала репортъ поданъ, да и присутствующими Вологодской провинціальной канцеляріи освидѣтельствовано, а по

справкѣ, въ прошломъ 1743 году, іюля 22 дня, по указу ея императорскаго величества присланному изъ правительствующаго сената, при которомъ онъ Минихъ съ женою и съ дѣтьми сюда въ Вологду отправленъ, велѣно жить ему съ женою и съ дѣтьми и съ обрѣтающимися при немъ людьми его въ Вологдѣ подъ смотрѣніемъ воеводы съ товарищи. Того ради въ правительствующій сенатъ Вологодская провинціальная канцелярія о смерти жены онаго Миниха въ извѣстіе представляетъ и соизволитъ ли правительствующій сенатъ приказать по желанію его Миниха тѣло жены его для погребенія отпустить въ Лифляндію, проситъ ея императорскаго величества указа. Марта 2 дня 1760 года.

Коллежскій совѣтникъ Н. Давыдовъ.
Поручикъ Петръ Чашниковъ.

17.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна самодержица Всероссійская. Сего марта 18 дня, по всеподданнѣйшему отъ меня докладу о бывшихъ въ Казани на житьѣ ювелирѣ Бернардіи и оберъ-гофмаршала Миниха о женѣ, что оные померли и при томъ Минихъ проситъ дабы оной жены его тѣло для погребенія дозволено было отпустить въ Лифляндію, высочайше указать соизволила, означенной Миниховой жены тѣло похоронить на Вологдѣ. Сей ея императорскаго величества указъ объявилъ генералъ-фельдмаршалъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь Трубецкой.

Во исполненіе онаго ея императорскаго величества высочайшаго указа правительствующій сенатъ приказали: въ Вологодскую провинціальную канцелярію послать указъ, велѣть помянутой Минихова жены тѣло похоронить въ пристойномъ мѣстѣ въ городѣ Вологдѣ, а о Бернардіи къ надворному совѣтнику Болотникову дать знать указомъ, дабы на содержаніе его туда болѣе денегъ пересылано не было.

Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената. Марта 21 числа 1760 года.

18.

Въ правительствующій сенатъ изъ Вологодской провинціальной канцеляріи

Репортъ.

Ея императорскаго величества указъ изъ онаго правительствующаго сената минувшаго марта отъ 21, подъ № 22, о похороненіи умершей бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха жены тѣла въ пристойномъ мѣстѣ въ городѣ Вологдѣ, въ Вологодской провинціальной канцеляріи сего апрѣля 5 числа полученъ, и по тому ея императорскаго величества указу онаго Миниха умершей жены тѣло въ городѣ Вологдѣ въ пристойномъ мѣстѣ погребено. Апрѣля 18 дня 1760 года.
Коллежскій совѣтникъ Николай Давыдовъ.
Поручикъ Петръ Чашниковъ.

ЧЕЛОБИТНАЯ И. И. БЕЦКАГО

объ увольненіи его въ отпускъ за границу (*).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

(*) Намъ неизвѣстно, по какому именно поводу и надолго ли И. И. Бецкій ѣздилъ тогда въ чужіе края, и объ этой поѣздкѣ его ничего не говорится въ полнѣйшей его біографіи, которая помѣщена въ Иллюстраціи 1847 года, стр.

Бьетъ челомъ генералъ-порутчикъ и кавалеръ Иванъ Бецкой, а въ чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Ласкательно для вѣрноподданныхъ предстоять лицу своего самодержца; удаляться отправленія наложеннаго изъ монаршей милости и повѣренности чина чувствуется какъ нѣкое наказаніе; но быть непрестаннымъ свидѣтелемъ вашихъ, всемилостивѣйшая государыня, добродѣтелей; видѣть мудрые ваши промыслы о славѣ и о благополучіи дарованной вамъ отъ Бога имперіи; удивляться невѣроятнымъ трудамъ для блаженства вашихъ подданныхъ и наконецъ употребляться въ томъ нѣкоторымъ орудіемъ и быть удостоену благоволенія вашего императорскаго величества и милости, справедливо можетъ назваться верховнымъ человѣческой жизни блаженствомъ! Противно сему, нѣтъ ничего и огорчительнѣе, какъ лишаться всѣхъ сихъ драгоцѣнныхъ выгодъ не для исполненія высочайшей вашего величества воли, и дабы новымъ усердіемъ и службою пріобрѣсти новое благоволеніе и довѣренность, но единственно ради собственнаго своего слабаго состоянія. *Къ сей челобитной*

2.

Въ такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно, однакожъ, нахожусь я, всемилостивѣйшая государыня; здоровья моего состояніе неминуемо требуетъ скорой помощи. Преисполненъ будучи всѣми вышеизображенными чувствами, съ радостію забылъ бы я все то, что̀ я самъ себѣ долженствую, и слѣдовалъ бы одному желательному усердію, еслибъ я не усматривалъ, что такое ревнительство для службы вашего императорскаго величества весьма тщетно, а для меня крайне бѣдственно, когда съ тѣлесными силами и душевныя обнищевать долженствуютъ. Единое подкрѣпляетъ—ласкательная надежда, что поправленіемъ моего здоровья, можетъ быть, сдѣлаюсь еще годнымъ къ службѣ вашего величества, а, пренебрегая оное, скоро буду неключимъ себѣ и людямъ. *Генералъ*

3.

Сихъ ради справедливыхъ причинъ, припадая къ стопамъ вашего величества, всенижайше прошу. *Порутчикъ*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было отпустить меня съ милостію въ чужіе края до излеченія моего и для поправленія тамошними водами съ помощію климата разореннаго моего здоровья. Показуемая мнѣ монаршая милость по сему моему рабскому прошенію не уменьшитъ однакоже во вѣкъ горесть и чувствительную унылость о моемъ удаленіи. *Иванъ Бецкой*

Всемилостивѣйшая государыня, ваше императорское величество, всеподданнѣйше прошу о семъ моемъ челобитье рѣшеніе учинить Апрѣля „ “ дня 1767 года. *Руку приложилъ.*

На прошеніи положена слѣдующая собственноручная резолюція императрицы: *Быть по сему прошенію. Екатерина.* Внизу помѣта сдѣлана другою рукою: Апрѣля 16 дня 1767 года. Москва.

(Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ).

150—154. Въ 1767 году, Бецкій завѣдывалъ воспитательными домами, академіею худож., кадетскимъ корпусомъ и пр. и находился въ ежедневномъ обществѣ императрицы. Ему тогда было 63 года. *П. Б.*

ПИСЬМА Я. И. БУЛГАКОВА КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Письма эти печатаются съ собственноручныхъ черновыхъ подлинниковъ. Небольшіе отрывки изъ 1-го, 2-го, 3-го и 6-го были напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ (1814 г. кн. 3-я) и въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ П. И. Бартеневымъ о жизни и дѣятельности Булгакова и помѣщенномъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1855 г. №№ 5, 6 и 8).—Съ 1781 по 1789 годъ, Булгаковъ занималъ трудный, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, постъ Русскаго посланника при Оттоманской Портѣ.

Н. Киселевъ.

I.

15/26 октября 1782.

Высокопочтеннѣйшее письмо, которымъ в. св. удостоили меня изъ Херсона, отъ 19-го сентября, крайне меня обрадовало, будучи, съ самаго моего отдаленія изъ Петербурга, первымъ знакомъ милостивой вашей обо мнѣ памяти.

О бытности в-й св-ти на турецкой границѣ министерство здѣшнее, понынѣ, ко мнѣ не отзывалось и, по видимому, не получило еще извѣстія. Въ случаѣ же вопроса, отвѣтствовать ему буду, на основаніи содержанія онаго всепочтеннѣйшаго письма.

Заботы мои и хлопоты в-й св-ти извѣстны, по всеподданнѣйшимъ моимъ доношеніямъ ([1]); почему и не утруждаю здѣсь ничѣмъ, ссылаясь на нынѣшнее отправленіе, яко заключающее самый послѣдній поступокъ Порты, котораго слѣдствіе должно вскорѣ обнаружиться.

Надѣясь на непремѣнность ко мнѣ милости в-й св-ти, прошу всенижайше не оставить меня, въ настоящемъ моемъ небезпечномъ положеніи, своимъ сильнымъ покровительствомъ. Сколько станетъ знанія, конечно не меньше бы другаго я сдѣлалъ, во всякомъ другомъ мѣстѣ; но здѣсь, гдѣ головы, слѣдовательно и дѣла, совсѣмъ инако устроены, или справедливѣе сказать—разстроены, невозможно льститься ни въ чемъ вѣрнымъ успѣхомъ, ни предвидѣть, что будетъ завтря. Все зависитъ отъ ежедневныхъ обстоятельствъ, и все управляется случаемъ, который Турки чтятъ именемъ Промысла Божія; а того имъ никогда втолковать не можно, что Промыслъ Божій охраняетъ только тѣхъ, кои руководствуются даннымъ имъ отъ Него проводникомъ, то есть разумомъ, а не тѣхъ, кои, полагаясь на Него слѣпо, даже и безъ заслуги, бросаются въ огонь и въ воду, думая, что не сгорятъ и не утонутъ, и что Онъ обязанъ ихъ оберегать отъ всякаго зла, навлекаемаго собственною людскою безразсудностью.

II.

1/12 января 1784.

Ссылаясь на послѣднее мое всепокорнѣйшее, отъ 28-го декабря, и особливо на сегодняшнія всеподданнѣйшія доношенія, не хочу я трудить в-у св-ть повтореніемъ всѣхъ подробностей, случившихся при счастливомъ окончаніи Крымскаго дѣла ([2]); но имѣю просьбу, кото-

---

([1]) Въ высочайшемъ повелѣніи, данномъ кн. Потемкину, 16 октября 1786 г., сказано. „Посланникъ нашъ Булгаковъ имѣетъ уже отъ насъ повелѣніе посылать дубликаты своихъ донесеній къ вамъ и предписанія ваши, по службѣ нашей, исполнять. Подтверждая ему о семъ вновь, мы дали ему знать и т. д...“.

([2]) Въ 1783 году, какъ извѣстно, совершилось мирное присоединеніе Крыма, вслѣдствіе добровольной уступки его Россіи ханомъ Шагинъ-гиреемъ, утвержденнымъ въ этомъ санѣ силою русскаго оружія, въ 1777 году. Актъ 28-го декабря 1783 г., которымъ Порта признала за Россіей право на обладаніе Крымомъ, былъ пло-

рую теперь принесу, основывая сію смѣлость на милости и покровительствѣ, коими в. св. меня по сію пору удостоивали.

Двадцатилѣтняя моя безпрерывная и всегда трудная служба, здѣшніе, хотя может быть и неважные, но по мѣрѣ силъ моихъ возможные успѣхи заставляютъ меня льститься, что всемилостивѣйшая государыня, по милосердію своему, не дозволитъ мнѣ умереть съ голода, когда ослабѣвающія уже мои силы учинятъ меня совсѣмъ къ службѣ ея неспособнымъ; но между тѣмъ польза оной требуетъ, чтобъ я здѣсь, въ публикѣ, былъ отличенъ какимъ ни есть наружнымъ знакомъ высочайшаго благоволенія, который, умножа ко мнѣ отъ всѣхъ довѣренность, умножитъ и важность всѣхъ моихъ по дѣламъ будущихъ подвиговъ. Прежде, здѣсь того не разумѣли; но нынѣ мысли перемѣнились. Французскій посолъ (³), сколь давней связи двора его, столь не менѣе и цвѣту голубой ленты, обязанъ былъ умноженіемъ своего кредита. Теперь, кажется, главное мое попеченіе, по окончаніи всѣхъ спорныхъ дѣлъ (⁴), будетъ перевѣшивать сей его кредитъ и въ наружности, по меньшей мѣрѣ, съ нимъ до времени равняться. Сія причина побуждаетъ меня всепокорнѣйше просить в. св. употребить всесильное свое стараніе, ежели достойнымъ меня найти изволите, о испрошеніи мнѣ ордена Бѣлаго Орла, ко времени размѣна ратификацій. Когда бъ препятствіемъ представился чинъ мой, то и оное отвратить зависитъ единственно отъ в-й св-ти. Я отъ всѣхъ отсталъ и, не принадлежа теперь ни къ какому департаменту, никого слѣдовательно не обойду (⁵).

Повторяю, что принялъ сію смѣлость, утверждаясь единственно на милостяхъ в-й св-ти, мнѣ оказанныхъ, и ища во всемъ пользы службы. Ежели жъ бы я предвидѣлъ, что вы, м. г., припишите всенижайшую сію просьбу моему только самолюбію или тщеславію, самъ бы себя возненавидѣлъ за то, что, забывшись до сей мѣры, отважился обезпокоить моего единаго покровителя и благодѣтеля, коего доброе обо мнѣ мнѣніе всего на свѣтѣ мнѣ дороже.

Когда подлинно я столь несчастливъ буду, что в. св. отнесете къ оному послѣднему побужденію мой сегодняшній поступокъ, по крайней мѣрѣ покажите мнѣ въ семъ случаѣ ту милость, чтобъ не наполнилъ онъ и безъ того уже тягостной моей жизни горестью, каковую произведетъ конечно перемѣна вашихъ обо мнѣ мыслей.

домъ неутомимой дѣятельности и несомнѣннаго искусства Булгакова въ дипломатическихъ дѣлахъ.

(³) Шоазель Гуфье, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ герцогомъ Шоазелемъ, однимъ изъ лучшихъ министровъ Франціи и дѣятельнымъ противникомъ русской политики въ польскихъ дѣлахъ, передъ первымъ раздѣломъ. Шоазель Гуфье былъ посломъ въ Константинополѣ до самой революціи; удалившись въ Россію, онъ оставался въ ней до 1802 г.; во время реставраціи онъ былъ государственнымъ министромъ и членомъ тайнаго совѣта. Его ученые труды, по части археологіи и древняго искусства, доставили ему почетное мѣсто между французскими учеными.

(⁴) Эти спорныя дѣла заключались въ обладаніи Таманью и Кубанскими землями, которыя также были наконецъ утверждены Турціей за Россіей, стараніями и настойчивостью Булгакова.

(⁵) Заслуги Булгакова были награждены чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Орденъ же Бѣлаго Орла получилъ онъ отъ польскаго короля, по освобожденіи своемъ изъ семибашеннаго замка, когда Екатерина осыпала *цареградскаго гостя* многими милостями: чиномъ тайнаго совѣтника, деньгами и имѣньемъ въ Бѣлоруссіи.

III.

$^{15}/_{26}$ марта 1784.

Въ тысячахъ голосовъ и поздравленій, чинимыхъ истинными сынами отечества в-й св-ти, по причинѣ новыхъ знаковъ довѣренности и уваженія отъ наипремудрѣйшей государыни въ свѣтѣ, позвольте и мнѣ принести оныя, яко происходящія изъ сердца, почитаніемъ и благодарностью къ вамъ наполненнаго ([6]).

Невозможное для меня дѣло изъяснить наичувствительнѣйшей благодарности за всѣ тѣ милости, коими угодно было всемудрой нашей монархинѣ наградить слабыя мои услуги, и коими наполнены высокопочтеннѣйшія в-й св-ти письма, отъ 15 го января и 8-го февраля. Въ молчаніи буду я заслуживать первыя и стараться быть достойнымъ вторыхъ.

Не стану теперь безпокоить ничѣмъ здѣшнимъ вашу свѣтлость, а только осмѣлюсь, повинуясь повелѣніямъ вашимъ, донести отвѣтъ на вопросъ о мысли здѣсь побывать. Сего только не достаетъ теперь къ моему счастію, чтобы принять у себя благотворителя моего. Но я привыкъ всегда собою жертвовать, и въ семъ случаѣ предпочту лучше лишиться послѣдняго моего удовольствія.

Здѣсь почитаютъ в-у св-ть нашимъ верховнымъ визиремъ. Прибытіе ваше сюда не можетъ быть утаено и произведетъ суматоху въ народѣ, коей и понынѣ еще Сераль и Порта опасаются, ибо думаютъ, что духи еще не успокоились. Хотя я и весьма увѣренъ, что непріятныхъ слѣдствій изъ того для насъ не произойдетъ, но сверхъ того другія обстоятельства непріятны, а именно: язва, которая уже сильныя начала имѣетъ и угрожаетъ истребленіемъ города, и вѣтеръ. Сюда всегда можно пріѣхать; но отсюда корабли ожидаютъ иногда способнаго вѣтра, по три мѣсяца; а между тѣмъ ни смотрѣть нечего, ибо въ три дня все можно увидѣть, ни изъ дома выдти отъ язвы нельзя; а дабы сухимъ путемъ выѣхать, надобно за лошадьми посылать въ Бухарестъ.

Ежели в. св. не хотите подвергнуться всѣмъ симъ неудобствамъ и даже опасности, то я осмѣлился бы представить всепокорнѣйше отложить сіе намѣреніе до будущаго лѣта. А бытность ваша здѣсь принесла бы несказанную пользу всѣмъ дѣламъ, ибо у насъ многіе объ нихъ по сю пору судили по словамъ Грековъ, здѣшнихъ бѣглецовъ; но въ истотѣ все не то: я отъ нихъ страдаю, и торговля въ ничто обращается.

IV.

Пера. $^{11}/_{22}$ марта 1787.

Г. Лашкаревъ ([7]), исправя здѣсь порученныя ему отъ в-й св-ти коммиссіи, возвращается назадъ. Присылка его мнѣ была весьма полезна для дѣлъ, о коихъ онъ въ состояніи самъ обстоятельно донести. По несчастію оныя день ото дня идутъ хуже, и надежды нѣтъ поправить всего ([8]), пока нынѣшній везирь, рейсъ-ефенди ([9]) и ихъ партія не перемѣнятся; а между тѣмъ они могутъ довести до

([6]) Кн. Потемкинъ былъ сдѣланъ генералъ-фельдмаршаломъ, шефомъ-кавалергардскаго полка, назначенъ президентомъ военной коллегіи и екатеринославскимъ и таврическимъ генераломъ-губернаторомъ.

([7]) Впослѣдствіи, въ чинѣ статскаго совѣтника и званіи уполномоченнаго, принявшій, подъ начальствомъ гр. Безбородки, вмѣстѣ съ ген. пор. Самойловымъ и ген. м. де Рибасомъ, участіе въ переговорахъ съ Турками, при заключеніи Ясскаго мира (29 дек. 1791 г.).

([8]) Внушенія съ запада приносили свои плоды: Порта искала только случая объявить войну Россіи, въ надеждѣ возвратить себѣ потерянныя области.

([9]) Министръ, управляющій внѣшними сношеніями.

такой крайности, что и сами не въ состояніи найдутся помочь, хотя бъ и хотѣли. На сихъ дняхъ, призыванъ я былъ на конференцію, на коей требовали выдачи молдавскаго господаря Маврокордато ([10]), и читали разныя на насъ жалобы, кои хотя смѣха достойны, но явно доказываютъ желаніе министерства Порты къ намъ придираться и завесть ссору. Подробно обо всемъ донесу съ отправляемымъ отъ меня курьеромъ, котораго депеши изъ Ольвіополя, можетъ быть, дойдутъ еще прежде пріѣзда г. Лашкарева. А здѣсь осмѣлюсь сдѣлать только то примѣчаніе: судя по распоряженіямъ, хотя и тайнымъ, Порты, что ежели удастся ей какъ нибудь поправить дѣла со стороны скутарскаго Махмудъ-паши ([11]), обратитъ она главное попеченіе на Ахалцыхъ и употребитъ всѣ возможные происки, въ разсужденіи царя Ираклія ([12]), принимая между тѣмъ, подъ рукою, нужныя къ тому мѣры.

V.

Севастополь. $^{19}/_{30}$ апрѣля 1787.

Прибывъ сегодня сюда ([13]), за долгъ почитаю о томъ всепокорнѣйше донести в-й св-ти и повторить всенижайшую просьбу о повелѣніяхъ для карантина и таможни. Со мною пріѣхало нѣсколько хорошихъ купцовъ, со многими и дорогими товарами, въ надеждѣ, что не будутъ платить пошлины и поспѣютъ ко времени въ Херсонъ. Сначала черноморской нашей навигаціи, не было еще времени здоровѣе нынѣшняго. Ни въ столицѣ, ни въ провинціяхъ турецкихъ не слышно совсѣмъ о язвѣ, съ начала сего года. Почему надѣюсь, что и насъ здѣсь задержать, по причинѣ опасности отъ нея, не прикажете.

По отъѣздѣ моемъ изъ Константинополя, новаго важнаго ничего тамъ не было; но со всѣмъ тѣмъ не оставлю я донести, на сихъ дняхъ, о полученныхъ мною, на дорогѣ уже, въ Буюкдере ([14]), происшествіяхъ.

Теперь отъ в-й св-ти зависитъ опредѣлить счастливый для меня часъ, какъ пасть къ освященнымъ стопамъ, такъ и изъявить моему благотворителю изустно мою признательность за всѣ милости и достодолжнѣйшее почтеніе, съ коимъ и проч. ([15]).

VI.

21 января (1 февраля) 1789.

Изъ семибашенной тюрьмы ([16]).

Шоазель, имѣвъ свиданье съ капитанъ-пашей ([17]), предложилъ ему сдѣ-

([10]) Взятаго въ плѣнъ, во время завоеванія Молдавіи и Валахіи Румянцевымъ, въ 1769 году.

([11]) Возстаніе скутарскаго паши продолжалось нѣсколько лѣтъ.

([12]) Принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи (1783) вызвало неудовольствіе Порты; и конечно не безъ вѣдома ея ахалцыхскій паша Сулейманъ дѣлалъ на Грузію неоднократныя нападенія. Объ отношеніяхъ царя Ираклія къ ахалцыхскому пашѣ и вмѣшательствѣ Россіи и Порты въ дѣла Грузіи см. Русск. Арх. 1865 г., вып. 4, ст. 407—416, письма Потемкина къ Булгакову.

([13]) Булгаковъ выѣхалъ изъ Константинополя 6-го апрѣля 1787.

([14]) Мѣстечко на берегу Босфора, верстахъ въ 18-ти отъ Константинополя; въ Буюкдере находятся загородные дома посланниковъ; отсюда выѣхалъ Булгаковъ 13-го апрѣля 1787.

([15]) Цѣль поѣздки Булгакова въ Херсонъ заключалась въ свиданьи съ Потемкинымъ и Екатериной, которая въ это время совершала свое знаменитое путешествіе по югу Россіи. Нѣтъ сомнѣнья, что тутъ получилъ онъ подробныя наставленія для дальнѣйшихъ сношеній съ Портой, положеніе которой становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ.

([16]) 5-го августа 1787 г., Булгаковъ былъ заключенъ въ Едикуль, или семибашенный замокъ.

([17]) Начальникъ морскихъ силъ.

лать планъ для операцій будущей кампаніи, ежели скажутъ ему число судовъ, кои намѣрены употребить. Капитанъ-паша послалъ къ нему записку онымъ и просилъ, чтобъ планъ доставленъ ему былъ на турецкомъ языкѣ, дабы лучше сохранить тайну. Въ самомъ дѣлѣ, Шоазель прислалъ оный планъ къ капитанъ-пашѣ, $^{18}/_{29}$ января, наполненный ядовитыми израженіями, какъ то усмотрится изъ слѣдующаго перевода:

„Главное, требующее отъ меня изъясненія, для операцій вашихъ, въ наступающую кампанію, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Во первыхъ, должны вы стараться исправить вашъ флотъ, какъ можно скорѣе, и быть въ готовности, прежде нежели пройдетъ ледъ въ Очаковѣ, не дать время россійскому флоту выдти изъ Севастополя и занять постъ подъ Очаковымъ: послѣ чего всѣ ваши пріуготовленія были бы безполезны, ибо, съ помощью батарей, флота и херсонской флотиліи, не допустятъ они васъ ни коимъ образомъ туда войти. Напротивъ того, ежели вы успѣете появиться предъ Севастополемъ прежде выхода ихъ изъ сего порта, то воспрепятствуете имъ идти подъ Очаковъ: и сіе будетъ первое главное дѣло. Вашъ крупный флотъ, то есть линейные корабли и фрегаты, долженъ слѣдовательно употребленъ быть, для воспрепятствованія россійскому выдти изъ Севастополя, расшириться по морю и плыть подъ Очаковъ, или въ другія мѣста, дабы прервать провозъ пропитанія въ вашу столицу.

Тогда ваша флотилія будетъ совершенно свободна и можетъ смѣло идти подъ Очаковъ, но надлежитъ имѣть великое число прамовъ ([18]) и канонирскихъ шлюпокъ, для составленія двухъ эскадръ; ибо батареи, сдѣланныя Русскими передъ Очаковымъ, нанесутъ вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, не малый вредъ; но все зависитъ отъ отваги: ежели, при первой атакѣ, они васъ побьютъ и вы отвагу потеряете, то ничего уже не сдѣлаете. Напротивъ того, имѣя другую эскадру флотиліи въ готовности, для вторичнаго приступа, и употребя всѣ способы завладѣть ихъ батареями, все тогда для васъ будетъ возможно и удобно. Вы отдалите непріятеля отъ крѣпости, отворите проходъ вашему флоту и можете атаковать даже и Кинбурнъ. Но, дабы быть обезпечену въ успѣхѣ, надлежитъ ихъ принудить раздробить свои силы и вдругъ привести ихъ въ замѣшательство. Вотъ способъ въ томъ предуспѣть и имѣть удачу какъ въ снятіи осады Очакова, такъ и для приведенія васъ въ состояніе ихъ атаковать ([19]).

„Надлежитъ вамъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, двѣсти тысячъ человѣкъ на сухомъ пути и раздѣлить ихъ на три корпуса. Одинъ долженъ быть высаженъ въ Ходжабеѣ ([20]), идти подъ Очаковъ, для ата-

---

([18]) Прамъ — мелкое однопалубное судно

([19]) Булгаковъ, сообщая планъ Шоазеля, не зналъ еще, что Потемкинъ, не дожидаясь весны, а съ нею и открытія кампаніи, уже уничтожилъ всѣ мудрые замыслы враговъ взятіемъ Очакова

([20]) Гаджибей, бѣдная приморская турецкая деревня, съ укрѣпленнымъ замкомъ, сдался на капитуляцію Гудовичу и де Рибасу, въ сентябрѣ 1789 г. Послѣдній обратилъ вниманіе на выгодное положеніе Гаджибейской гавани и представилъ Екатеринѣ проэктъ объ основаніи здѣсь города. Проэктъ былъ одобренъ, и де Рибасу, съ содѣйствіемъ инженеръ-генерала де Волана, поручено было его исполненіе, въ концѣ 1796 г.; новый городъ, названный Одессой, по имени бывшей здѣсь древней греческой колоніи, оживилъ весь южный край Россіи.

кованія осаждающихъ войскъ, въ самое то время, какъ подойдетъ подъ оный ваша флотилія; другіе два—для Крыма, какъ со стороны Европы, такъ и отъ Азіи. Надлежитъ симъ корпусамъ быть въ движеніи, дабы принудить Русскихъ раздѣлить, прежде нежели ваша флотилія прибудетъ къ Очакову, войска ихъ, для занятія разныхъ постовъ въ Крыму. Я могу васъ увѣрить о точномъ числѣ русскихъ войскъ въ Крыму и подъ Очаковымъ: они имѣютъ 110 тысячъ; слѣдовательно, по сравненію, даже между нашими дисциплинованными войсками, для атакованія непріятеля, состоящаго во 110 т., надлежитъ имѣть 200 т., ибо атакующій всегда бываетъ слабѣе атакуемаго, который укрѣпилъ свой лагерь и посты, — а ихъ крѣпости надежнѣе дисциплинованнаго лагеря. Почему предлагаемыя много 200 т. не должны находить у васъ препятствія.

„Записка малой флотиліи, которую вы мнѣ сообщили, не довольна: 56 канонерскихъ шлюпокъ, 10 пловучихъ батарей и 12 кирлангичь [21] ничего не значатъ. Съ самаго начала, вы не можете атаковать съ меньшимъ числомъ, а ежели васъ побьютъ? — прощай вся кампанія! она будетъ потеряна. Необходимо надлежитъ умножить число. Мои два корабельные мастера увѣряютъ меня, что, ежели вы дадите имъ людей, есть еще время приготовить вамъ до ста канонерскихъ шлюпокъ. Берегитесь прошибиться въ сію кампанію, какъ въ прошедшую: я вамъ напередъ предвѣщаю, что лишитесь всей надежды. Знайте также, что не довольно имѣть великое число судовъ, и чтобъ онѣ были хорошо вооружены. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть много людей для маневрированія, много обученыхъ сражаться, знающихъ какъ атаковать непріятеля съ отвагою и твердостью, какъ уклоняться отъ оборотовъ, могущихъ нанести вредъ, и тотчасъ оный исправлять. Но дабы можно было льститься вамъ успѣхомъ, надлежитъ, чтобъ флотъ вашъ былъ, по меньшей мѣрѣ, за мѣсяцъ до выхода, въ таковой готовности, какъ бы имѣлъ вступить въ бой; а сіе нужно для того, дабы можно было показать ему и научить его драться и испытать, въ состояніи ли онъ то исполнить. Офицеръ мой Оберъ и Туссенъ, къ которымъ вы имѣете не малую довѣренность, могутъ дать наставленія, одинъ—для маневровъ судовъ, а другой—для управленія мортирами и пушками.

„Я не хочу васъ обнадежить, что со всѣмъ симъ вы возьмете Крымъ, но въ томъ могу увѣрить, что ежели вы произведете сей планъ въ дѣйствіе, то принудите снять осаду Очакова, завладѣете ихъ батареями, атакуете Кинбурнъ, воспрепятствуете выдти изъ Севастополя ихъ флоту, который нанесъ бы великія препятствія въ вашемъ предпріятіи, и сверхъ того займете вы ихъ на всю компанію такъ, что они не будутъ въ состояніи ничего предпріять; а симъ обезпечите вы навсегда Портѣ Очаковъ, который весьмаваженъ для ея интересовъ, а для Русскихъ послужитъ великою потерею и стыдомъ: вся Европа насмѣхаться надъ ними будетъ, что противъ 80 т., въ столь долгое время, и когда крѣпость не могла имѣть никакой помощи, она умѣла имъ воспротивиться. Правда, что вамъ надлежитъ благодарить, за таковой отпоръ, нашему инженеру г. Лафиту, сдѣлавшему шесть подкоповъ, коихъ боясь, непріятель не отважился сдѣлать штурма, и безъ коихъ конечно бы давно уже имѣлъ крѣпость въ своихъ рукахъ.

„Позвольте мнѣ вамъ доказать, что система, которой держался везирь въ ми-

---

([21]) Кирлангичь или кирланджичь — родъ небольшаго турецкаго судна.

нувшую кампанію, и которой держаться хочетъ въ будущую, совсѣмъ неосновательна: то есть — употребить главныя свои силы противъ Нѣмцевъ, а не противъ Русскихъ. Вотъ мои доводы:— императоръ ([22]) конечно не имѣетъ ни малаго намѣренія расшириться, ни удержать за собою вашихъ земель, ежели бы, въ теченіе сей войны, удалось ему чѣмъ либо завладѣть; ибо земли у него слишкомъ много, и онъ упражняется только въ приведеніи ея въ лучшее устройство; а ваши, лежащія къ его границамъ, суть степи. Онъ довольно истолковалъ, въ Херсонѣ, своему министру мысли свои ([23]); а сей, по возвращеніи сюда, вамъ ихъ пересказалъ. Онъ ему сказалъ, что не хочетъ присовокуплять степей къ степямъ. Вы знаете, что онъ и войну вамъ объявилъ, противъ своего желанія. Мнѣ нѣкоторымъ образомъ извѣстно, чего онъ отъ васъ хочетъ. Хотя бы заключилъ онъ самый авантажный для себя миръ, сей не можетъ никакъ сравненъ быть съ тѣмъ, о чемъ помышляетъ Россія. До самаго дня разрыва, испытывали вы, съ какою дружбою и справедливостью поступалъ онъ съ Портою; и вы можете быть вѣрны, что, сколь скоро миръ только воспослѣдуетъ, продолжится оный во вѣки, и онъ не будетъ искать васъ шиканировать безпрестанно. Съ вашей стороны, какіе бъ ни имѣли вы авантажи въ его земляхъ, надлежитъ конечно ихъ оставить и земли ему отдать, хотя бы миръ для васъ и былъ авантаженъ. Слѣдовательно безполезно употреблять противъ него главныя ваши силы, а надлежитъ вамъ быть только въ оборонительномъ состояніи и обратить всю силу противъ Россіи, яко такого непріятеля, котораго испытали вы надменность и гордость. Хотя вы дали ему всевозможныя привилегіи и оказали всѣ снисхожденія, не переставалъ онъ никакъ выдумывать новыя, дабы лишить васъ всего того, что̀ приноситъ изобиліе и цвѣтущее состояніе въ вашей землѣ. Вы должны безпрестанно помышлять только о томъ, какъ все сіе назадъ отобрать. Россія иного и не думаетъ, какъ овладѣть вашей столицей; и ежели бы державы, старающіяся васъ защитить, тому не противились, ничто бъ ея не удержало. Императоръ, въ бытность свою въ Крыму, имѣлъ разговоръ съ императрицей. Она ему сказала, что, не требуя помощи ни отъ какой державы, а лишь бы попустили ей дѣйствовать, она обязывается выгнать Турка изъ Европы, въ двѣ кампаніи. Императоръ отвѣчалъ ей, что желаетъ имѣть сосѣдомъ лучше султана Абдулхамида, нежели Екатерину II. Вы должны также быть увѣрены, что Россія, хотя бы и заключила съ вами миръ, ежели возможетъ васъ опять атаковать, вскорѣ то исполнитъ. Вся система петербургскаго кабинета клонится только на изысканіе способовъ васъ истребить. Слѣдовательно, единый непріятель, котораго вы должны унизить, есть Россія, имѣющая противъ васъ, съ давняго времени, неизъяснимую ненависть, какъ вы уже то давно испытываете.

„По сей причинѣ, верховный везирь долженъ раздѣлить свои войска: оставить нужное число для защиты отъ Нѣмцевъ и, въ наступающую кампанію, вдругъ обратить всѣ силы противъ Россіи. Мѣстное ея положеніе гораздо для нея выгоднѣе, нежели у Нѣмцевъ; и вамъ труднѣе побѣдить Русскихъ, ибо они лучше обучены и лучше всѣхъ знаютъ, какъ съ вами вести войну.

„Воинское искусство научаетъ само собою, что надлежитъ искать ослабить и унизить непріятеля сильнѣйшаго, и

([22]) Іосифъ II.

([23]) Во время поѣздки его, подъ именемъ графа Фалькенштейна, для свиданья съ своей союзницей.

коего оружіе и храбрость испытаны были въ три войны. Бѣдствія, причиненныя вашей имперіи сею державою, суть единственныя причины вашего униженія. Но, дабы предуспѣть во всѣхъ вашихъ проектахъ, надлежитъ скрывать ваши намѣренія отъ непріятеля и содержать ихъ въ тайнѣ, допуская до него слухи, что везирь сбирается атаковать Нѣмцевъ, а послѣ нечаянно обратиться противъ Россіи. Равномѣрно надлежитъ скрывать планъ операцій вашихъ на Черномъ морѣ; ибо когда непріятель узнаетъ мысли нападающаго, приметъ свои мѣры: и тогда уже будетъ поздно предуспѣть вамъ въ своей цѣли.

„Оставляю благоразумію вашему разсмотрѣть всѣ мои предложенія и увѣряю васъ, что чиню оныя съ наискреннѣйшею чистосердечностью и усердіемъ, коимъ я преисполненъ къ вашей имперіи и особливо къ особѣ в-го пр-ва, желая видѣть, чтобъ вы предуспѣли предпріятіями своими унизить непріятеля, который не престанетъ, пока возможетъ, вредить неправедно вашей имперіи“. —

Я удержусь отъ примѣчаній на сію злостную и столь ясно виды сочинителя обличающую піесу; и безъ нея было уже довольно тому доказательствъ; а всепокорнѣйше донесу о слѣдующемъ:

Капитанъ-паша читалъ ее съ двумя главными капитанами и нашелъ благоразумною; но сіе еще не доказываетъ, чтобъ согласились уже на исполненіе всего, хотя бъ и были въ силахъ: безсомнѣнно на совѣтахъ оную разсмотрятъ. Между тѣмъ, въ адмиралтействѣ, всѣ увѣрены, что флотъ не поспѣетъ такъ скоро, какъ думали, по неимѣнію мастеровъ и рабочихъ; что, для окончанія начатыхъ канонерскихъ шлюпокъ и прамовъ, нужно прибавить еще 150 мастеровъ, —а гдѣ взять, не знаютъ; что людей, обученыхъ маневрамъ и обхожденію съ мортирами и пушками, совсѣмъ нѣтъ; что не имѣютъ даже надежды набрать довольное число людей, умѣющихъ обращаться съ парусами; что все идетъ чрезвычайно дурно; и что, ежели бы и выступилъ флотъ, не можетъ быть такъ хорошо вооруженъ, какъ прошлымъ лѣтомъ.

Вотъ точный списокъ всего здѣшняго флота, въ живыхъ оставшагося:

16 линейныхъ кораблей.

13 фрегатовъ, въ томъ числѣ и 3 посланные за ...... ([24]) въ Александрію.

6 бомбардъ.

11 шебекъ, или купеческихъ вооруженныхъ судовъ.

9 кирлангичь.

1 старая галера.

3 канонерскія шлюпки, на сихъ дняхъ спущенныя.

2 фрегата, о 30 пушкахъ, отправленные въ Синопъ.

Можетъ быть, осталось на Черномъ морѣ еще нѣсколько судовъ, коихъ сюда не могли или не смѣли, за худымъ состояніемъ, привести; но, какъ сіе содержатъ въ тайнѣ, то и неизвѣстно.

Изо всѣхъ оныхъ судовъ, по нынѣ, починкою исправлены только 4 корабля линейныхъ, 1 фрегатъ и 1 кирлангичь; а прочія въ худомъ состояніи и починиваются.

Хржановскій призванъ къ рейсъ-ефенди, $^{12}/_{23}$ января. Спрашивано, по какой причинѣ Польша вооружается? — чьей стороны держится? — и правда ли, что согласна съ Пруссіей. Онъ отвѣчалъ неполученіемъ извѣстія. Послѣ прислано къ нему письменное требованіе, чтобъ о томъ донесъ двору и доставилъ Портѣ рѣшительный отъ него отвѣтъ: о причинѣ вооруженія новыхъ войскъ, и останется ли Польша, до конца войны, въ дружбѣ съ Портою?

([24]) Неразобранное слово.

Ежели сіе столь счастливо будетъ, что дойдетъ до рукъ в-й св-ти, то дойдутъ и здѣшнія вѣсти, вмѣстѣ посылаемыя. Не повторяю оныхъ, дабы не увеличить пакета (ибо съ нуждой и сей могу выпроводить), и спѣшу донести скорѣе о вышесказанномъ. Нѣтъ возможности, чтобъ были въ состояніи исполнить отсюда весь планъ; но уже потому что слабы, могутъ прибѣгнуть къ какимъ отчаяннымъ, нечаяннымъ и скоропостижнымъ покушеніямъ и, ежели не самое зло, то тревогу произвести: какъ то было хотѣлъ учинить везирь изъ Рущука, сбираяся броситься съ малымъ числомъ людей къ Очакову; но или охотниковъ не нашелъ, или стужа помѣшала, или одумался и перешелъ въ Шумлу. Здѣсь во всемъ недостатокъ. На войну идти не хотятъ. Денегъ нѣтъ. Приступили къ крайнему средству: приказано всѣмъ приносить серебро въ дѣлѣ. Начали уже грабить утварь изъ греческихъ церквей и у всѣхъ серебренниковъ, дѣлаютъ новую монету, въ коей только треть чистаго серебра. Сіе приводитъ всѣхъ въ отчаяніе. Оставшіеся здѣсь янычары завели бунтъ; но передавивъ 86 начальниковъ, оныхъ успокоили и выдали имъ жалованье за 6 мѣсяцевъ.

Всепокорнѣйше прошу извинить безпорядокъ сего доношенія. Пишу украдкою. Ежели удостоить изволите своими повелѣніями, я получить оныя могу чрезъ кн. Г. (25). Не знаю, дошли ли мои прежнія? Ни откуда и ни отъ кого не получаю ни отвѣта, ни одобренія; и въ семъ состояніи стражду уже 17 мѣсяцевъ. Дай Боже, чтобъ только доходило то, что̀ я пишу! Сего довольно для моего утѣшенія. Истощилъ всѣ каналы, подвергая себя всѣмъ опасностямъ. Что могу я больше дѣлать для пользы отечества?!.. Препоручаю себя милостивому покровительству и памяти.

(25) Извѣстный нашъ посолъ при вѣнскомъ дворѣ, кн. Дмитрій Михайловичь Голицынъ.

VII.

27 февраля / 10 марта 1789.

На сихъ дняхъ, удостоился я получить изъ Петербурга письмо, отъ 21-го декабря, содержащее не только извѣстіе о полученіи моихъ многихъ доношеній, но и изъявленіе всемилостивѣйшаго за оныя благоволенія и высочайшей воли по здѣшнимъ дѣламъ. Будучи ободренъ исправностью доставленія моихъ пакетовъ въ Петербургъ, льщусь, что и отправляемые прямо къ в-й св-ти доходятъ. Послѣднее мое всепокорнѣйшее доношеніе, посланное чрезъ князя Гол., въ Вѣнѣ, было отъ 21 января (1 февраля). Отваживаюсь и теперь приложить копію моего сегодняшняго доношенія, изъ котораго изволите увидѣть, что̀ здѣсь дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ. Безпримѣрное, въ столь суровую погоду, взятіе Очакова (26), умножая до безконечности славу в-й св-ти, привело здѣсь, не только Турковъ вообще, но извѣстныхъ нашихъ враговъ и завистниковъ, въ крайнюю робость. Султанъ, совѣтъ, большія бороды плачутъ, всѣ желаютъ мира; но такова конституція здѣшняго правленія, держащагося старинной надменности, что никто первый не смѣетъ открыть мнѣнія о предложеніи онаго побѣдителямъ и хотятъ еще попытаться, при началѣ кампаніи,—не поможетъ ли Богъ, или не объявитъ ли кто намъ войны. На семъ теперь остановились. Правда, что, ежели бъ столько собрали войскъ, сколько разсылаютъ фирмановъ и проклятій, могли бы набрать толпу бродягъ и мужиковъ; но охотниковъ идти противъ насъ, какъ было прошлаго года противъ Нѣмцевъ, по сю пору, изъ Азіи, никто еще не явился.

(26) Штурмъ Очакова былъ 6 декабря 1788 г.

По содержанію приложенія, в. св. изволите милостиво заключить, что, въ теперешнемъ моемъ положеніи, я все возможное для службы дѣлаю, не уважая ни опасностей, ни притѣсненія. Оное причиною и тому, что пишу на лоскуткахъ, не могши отъ себя выпустить пакета нѣсколько великаго; почему и надѣюсь, что извините великодушно принужденную мою неисправность.

VIII.

Тріестъ. 25 ноября (6 декабря) 1789.

Освободясь изъ рукъ мусульмановъ([27]), за долгъ поставляю употребить первый часъ совершенной моей вольности на донесеніе ихъ побѣдителю, а моему милостивому начальнику и покровителю, что я нахожусь уже въ Тріестѣ. Не осмѣливаюсь теперь трудить описаніемъ каверзъ и подробностей моего освобожденія, которое впрочемъ, какъ никто о томъ и сомнѣваться не можетъ, есть слѣдствіе безпримѣрныхъ и непріятеля однимъ своимъ именемъ въ трепетъ приводящихъ дѣйствій россійскаго героя; а донесу всепокорнѣйше только, что выпущенъ я, по моему представленію, по единой султанской волѣ и безъ всякаго посторонняго старанія, какъ то мнѣ объявлено отъ самой Порты. По сей причинѣ, не хотѣла она мнѣ позволить даже выбрать французскаго судна, а сама наняла рагузинское. Но, какъ въ Дарданеллахъ дожидался меня, съ давняго времени, французскій фрегатъ ([28]), то, по убѣдительной просьбѣ посла, который настоялъ, что мое несоглашеніе можетъ великій вредъ нанести въ его негоціяціяхъ, — пересѣлъ я на оный и рагузинскому велѣлъ за нимъ слѣдовать до Тріеста. Отсюда, тотчасъ по окончаніи карантина ([29]), по поводу коего писано къ министерству, оставя всѣхъ назади, отправлюсь въ Вѣну и, если тамъ не найду какихъ повелѣній в-й св-ти, буду спѣшить въ Петербургъ([30]), дабы, повергнувъ себя къ освященнымъ стопамъ, получить тѣмъ новую жизнь и, забывъ всѣ претерпѣнія, возобновить мои силы на службу отечества, когда найденъ еще буду къ оной годнымъ и достойнымъ ([31]).

Принимаю смѣлость всенижайше представить в-й св-ти записку произшедшему въ Константинополѣ, по день моего выѣзда, и льщусь, что и прежнія всѣ, адресованныя чрезъ кн. Голицына, вѣрно были доставлены. Строгость, съ которою я былъ запертъ 27 мѣсяцевъ, прерваніе всякаго съ свѣтомъ сообщенія, неисповѣдимыя каверзы чужестранныхъ министровъ ([32]) и отъ нихъ зависящихъ — пресѣкали мнѣ всегда способы, не только къ дѣйствованію, но даже и къ перепискѣ; и потому не могъ я быть полезнѣе для службы, въ моемъ заключеніи. Передъ отъѣздомъ, предуспѣлъ однако высвободить маіора Гелфреда съ курьеромъ Бурдобою ([33]); и надѣюсь,

---

([27]) Заключеніе Булгакова кончилось 24 октября 1789 г.; продолжалось оно почти 27 мѣсяцевъ.

([28]) La Badine, подъ командой принца Виктора де Рогана, племянника кардинала де Рогана.

([29]) Тотчасъ по полученіи въ Вѣнѣ извѣстія о прибытіи Булгакова въ Тріестъ, императоръ велѣлъ освободить его отъ карантина.

([30]) Въ Вѣнѣ, посолъ кн. Голицынъ объявилъ Булгакову приказаніе Потемкина заѣхать къ нему въ Яссы. Булгаковъ представился императору и немедленно туда отправился; такъ что до Петербурга могъ онъ добраться лишь къ маю 1789 г.

([31]) Булгаковъ не долго оставался безъ дѣла: въ томъ же году, онъ былъ назначенъ посломъ въ Варшаву, на мѣсто Штакельберга, отозваннаго по настоянію Потемкина.

([32]) Т. е. англійскаго, прусскаго, шведскаго, польскаго и голландскаго.

([33]) Маіоръ Гелфридъ и Бурдоба прибыли въ

что, по старанію моему, переведутся въ Едикуль наши плѣнные офицеры, коимъ въ банѣ весьма не хорошо ([34]). Вообще оставилъ я правительство турецкое почти въ отчаяніи; и хотя обнародываютъ хатишерифы о наборѣ войскъ, о выступленіи султана ([35]) въ Адріанополь и, можетъ быть, на войну,—но ничто не помогаетъ, и ежели король прусскій и Польша не объявятъ намъ прямо войны, какъ тѣмъ льстятъ султана, то вѣроятно, что сею зимою оттоманская гордость испуститъ послѣднее дыханіе и, покорясь предъ своимъ побѣдителемъ, прибѣгнетъ къ его великодушію.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи счастливаго для меня дня изустно изъявить неограниченную мою преданность, имѣю честь быть съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и проч.

Константинополь курьерами, когда уже была объявлена война, и потому, по турецкому обычаю, были заключены въ острогъ. Они, въ числѣ 17-ти другихъ лицъ, получили позволеніе выѣхать съ Булгаковымъ; остальные были: старшій переводчикъ Пизани съ сыномъ, секретарь Яковлевъ, переводчикъ Дандріа, синопскій консулъ Дандріа, сыновья Булгакова, Александръ и Константинъ, ихъ воспитательница г-жа Ракетъ и 7 человѣкъ прислуги.

([34]) Русскіе плѣнные офицеры, содержавшіеся въ острогѣ (*баня*-bagne), были переведены въ Едикуль, по ходатайству Шоазеля.

([35]) Селима III, племянника Абдулъ-Гамида, скропостижно умершаго 27 марта (7 апрѣля) 1789 г.

О ЗАПИСКАХЪ ГРАФА СЕГЮРА.

Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи. Переводъ съ фр. съ примѣч. Спб. 1865 8°. 386 стр.

Въ настоящее время, когда возбужденъ особенный интересъ къ царствованію Екатерины II, явился какъ нельзя болѣе кстати русскій переводъ Записокъ графа Сегюра. Занимательность и важность этого сочиненія, изъ котораго до сихъ поръ извѣстны были у насъ въ переводѣ только незначительные отрывки ([1]), давно уже признаны всѣми, занимающимися изученіемъ великаго царствованія. Потому нѣтъ надобности много распространяться о томъ, какъ любопытны должны быть для насъ Записки о Россіи умнаго и наблюдательнаго Сегюра, который четыре съ половиною года ([2]) провелъ при дворѣ Екатерины въ званіи посланника Людовика XVI и въ теченіе этого времени имѣлъ возможность довольно близко ознакомиться съ страной и людьми, на сколько впрочемъ они могли быть доступны иностранцу въ его положеніи. Въ ряду многочисленныхъ и теперь большею частью забытыхъ сочиненій Сегюра его Записки, по богатству характеристическихъ данныхъ, по живой и безпристрастной обрисовкѣ лицъ и событій, по замѣчательной умѣренности и трезвости сужденій и по увлекательности изложенія — никогда не потеряютъ своей цѣны. Хотя авторъ приступилъ къ своему труду, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ ([3]), по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ со времени отъѣзда своего изъ Россіи, однако онъ сохра-

([1]) Самый обширный изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Путешествіе Екатерины II въ Тавриду“, помѣщенъ былъ вскорѣ по выходѣ Записокъ въ Отечественныхъ Запискахъ (1827) Свиньина, въ переводѣ Ив. Горностаева.

([2]) Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 10 марта 1785 года, а выѣхалъ изъ него 11 октября 1789.

([3]) Сегюръ род. въ Парижѣ 10 декабря 1753 года, ум. 27 августа 1830 Сочиненіе Записокъ о Россіи надо отнести къ 1826 году, что видно изъ слѣдующаго мѣста: „Le même jour (т. е. въ день перваго представленія императрицѣ) — разсказываетъ Сегюръ — je fus présenté au grand-duc Paul Petrowitz, à la grande-duchesse et à leur fils le grand-duc *Alexandre, depuis empereur, qui vient de mourir après un règne glorieux*“ (Mémoires, souvenirs et anecdotes, Paris, Alexis Eymery, 1826 т. II, стр. 225).

нилъ въ себѣ всю свѣжесть первоначальныхъ впечатлѣній, отразившуюся и въ его разсказѣ. Такъ какъ воспоминанія его значительно должны были оживляться бывшими у него подъ рукою разнаго рода замѣтками, которыя онъ конечно велъ въ Россіи, разнаго рода документами, иногда секретными, которые ему удавалось доставать тамъ, то его Записки, при легкости и пріятности разсказа, имѣютъ все достоинство очень хорошаго историческаго матеріала. Задача и характеръ ихъ лучше всего опредѣляются самимъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Читая эти отрывки изъ Записокъ, или скорѣе воспоминанія и анекдоты, легко усмотрѣть, что я не имѣлъ намѣренія писать историческую картину пережитаго мною времени, а хотѣлъ только сдѣлать нравственный его очеркъ. Я желалъ удовлетворить любопытству, а не *злобѣ* читателя, и потому въ моихъ Запискахъ не найдется мѣста для скандала или для личной страсти. Мнѣ хотѣлось доставить пріятное и занимательное чтеніе тѣмъ, кто любитъ истину и спокойно изслѣдуетъ настоящія, часто незначительныя причины великихъ событій, происходившихъ на его глазахъ“ ([4]).

Дѣйствительно, положеніе Сегюра при русскомъ дворѣ ставило его, такъ сказать, у самаго источника этихъ событій. Онъ находился въ ближайшихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ лицамъ, заправлявшимъ ими, и въ особенности къ импер. Екатеринѣ. Но такимъ выгоднымъ положеніемъ онъ обязанъ былъ болѣе личнымъ своимъ достоинствамъ, нежели значенію страны, которой былъ представителемъ въ Россіи. Императрица не могла питать особеннаго расположенія къ Франціи, въ которой встрѣчала постоянное противодѣйствіе видамъ своимъ на Востокѣ. Подписывая торговый договоръ съ Франціей ([5]), заключенію котораго такъ много способствовалъ Сегюръ и который по его же словамъ, предоставлялъ ей огромныя и существенныя выгоды, Екатерина имѣла право разсчитывать на тѣсный союзъ съ этою державою противъ общихъ враговъ, Англіи и Пруссіи. При дѣятельномъ посредствѣ Сегюра, объ немъ и завязались переговоры; но они кончились, какъ и можно было предвидѣть, ничѣмъ: четверной союзъ (Россіи, Франціи, Австріи и Испаніи) не состоялся, главнымъ образомъ по винѣ Франціи, опасавшейся, что связь съ Россіей поссоритъ ее съ Турціей. Недостойная политика версальскаго кабинета сильно поддерживала въ императрицѣ недовѣріе къ Франціи и ставила Сегюра въ затруднительное положеніе. Въ интересахъ обоихъ государствъ, Франціи и Россіи, онъ много хлопоталъ о заключеніи четвернаго союза, которымъ надѣялся побѣдить въ ней это недовѣріе; но версальскій кабинетъ боялся сближенія съ Россіей, боялся возможности значительной войны и, отсрочивая союзъ до примиренія Россіи съ Турціей, то есть до того времени, когда болѣе въ немъ не будетъ надобности, признавался въ собственномъ безсиліи. Понятно, какъ тяжело было для Сегюра такое признаніе. Онъ постоянно увѣрялъ императрицу въ дружественномъ расположеніи къ ней своего правительства; но это расположеніе далѣе словъ не заходило, на дѣлѣ же выражалось въ интригахъ противъ Россіи. Дорожа политическимъ значеніемъ своей страны и личнымъ своимъ достоинствомъ, какъ дипломата, Сегюръ не могъ быть доволенъ такимъ образомъ дѣйствій своего кабинета. Къ тому же въ личныхъ своихъ убѣжденіяхъ онъ рѣшительно расходился съ видами своего правительства по отношенію къ восточному вопросу. Конечно, какъ представитель Франціи, онъ сильно долженъ былъ отстаивать усвоенную ею по этому вопросу политическую систему, и Потемкинъ, упрекая его въ „слабости“ къ Туркамъ, не безъ основанія величалъ его иногда *Сегюромъ-еффендіемъ*;

([4]) Mémoires, т. I, стр. 2—3 (Paris. 1826).

([5]) Трактатъ между Россіею и Франціею о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи, 1786 года декабря 31, въ П. С. З., т. XXII, № 16,489.

но Потемкинъ не зналъ настоящаго взгляда этого еффендія на Турокъ и на поддерживавшую ихъ систему. „Я никогда не постигалъ и теперь еще не понимаю, говоритъ Сегюръ, этой странной и безнравственной политической системы, въ слѣдствіе которой упрямо поддерживаютъ варваровъ, разбойниковъ, изувѣровъ, опустошающихъ, разоряющихъ и обливающихъ кровью обширныя страны, принадлежащія имъ въ Азіи и въ Европѣ. Можно ли повѣрить, что всѣ государи христіанскихъ державъ помогаютъ, посылаютъ подарки и даже оказываютъ почести правительству невѣжественному, безсмысленному, высокомѣрному, которое презираетъ насъ, нашу вѣру, наши законы, наши нравы и нашихъ государей, и ежедневно унижаетъ и оскорбляетъ насъ, называя *христіанъ собаками*“. Какъ сильно отзываются въ этихъ откровенныхъ рѣчахъ французскаго дипломата мысли о Турціи Екатерины и Потемкина! Называя „странною и безнравственною“ ту политическую систему, которой онъ былъ представителемъ, Сегюръ въ душѣ не могъ конечно не одобрять прямо противоположной ей системы, системы Россіи, не могъ не сочувствовать видамъ Екатерины на Турцію, и такимъ образомъ попадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Но это противорѣчіе было торжествомъ русской политики, руководимой геніальною императрицею. Сегюру не удалось выйти изъ своего труднаго дипломатическаго положенія чрезъ сближеніе обоихъ дворовъ; но Екатерина оцѣнила по достоинству искренность усилій, употребленныхъ имъ для этого. „Графъ Сегюръ понимаетъ, говорила она Храповицкому, сколь сильна Россія; но министерство, обманутое своими эмиссерами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ, кромѣ здѣшняго двора, нигдѣ министромъ быть не хочетъ“ (6). Искреннее расположеніе Сегюра къ императрицѣ, очаровательное обращеніе которой привлекало къ ней всѣхъ, кто только находился въ ея обществѣ, соединялось въ немъ съ доброжелательствомъ къ Россіи. Екатерина умѣла поднять значеніе русской народности и внушить уваженіе къ ней иностранцамъ, какъ находившимся при ея дворѣ представителями европейскихъ державъ, такъ и состоявшимъ на службѣ въ Россіи. Если послѣдніе, по примѣру самой государыни, дѣлались *русскими* (7), то первые нерѣдко становились въ ряды ея придворныхъ. Такимъ министромъ-придворнымъ былъ и Сегюръ. Его личныя свойства какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали этому положенію его. Им-

(6) Пам. Зап. Храп. (подъ 21 мая 1787, стр. 30).

(7) Стоило бы прослѣдить за той удивительной превратностью судьбы, какую испытывало у насъ, въ новомъ періодѣ нашей исторіи, значеніе русской народности. Ограничиваемся указаніемъ двухъ крайнихъ моментовъ въ развитіи этого значенія. Въ царствованіе Анны Ивановны, человѣкъ, стоявшій во главѣ русскаго правительства, въ присутствіи русской государыни, обратился однажды, въ минуту гнѣва и запальчивости, къ князю Я. П. Шаховскому, защищавшему своего дядю отъ его несправедливыхъ нареканій, съ слѣдующими словами: „*Вы, Русскіе*, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете!“ „Вы, Русскіе“... Какимъ возмутительнымъ презрѣніемъ къ русской народности звучало это выраженіе въ устахъ Бирона! И вотъ, по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій, въ царствованіе другой русской государыни, это униженное, потоптанное служилыми иностранцами имя „русскаго“ становится для нихъ самихъ почетнымъ титломъ и необходимымъ съ ихъ стороны условіемъ для пріобрѣтенія ея расположенія и довѣрія. „Вы, надѣюсь, стали теперь уже *Русскимъ*“—говоритъ императрица Екатерина II принцу Нассау, находившемуся въ русской службѣ около году—„вы, надѣюсь, стали теперь уже Русскимъ, и потому я желаю, чтобы вы написали конфиденціально Монморену и дали бы ему понять, что отказъ въ союзѣ и поведеніе его посла въ Константинополѣ не даютъ мнѣ болѣе возможности довѣрять ему“. Возстановленіе уваженія къ русской народности составляетъ важнѣйшую историческую заслугу Екатерины.

ператрица уважала и любила Сегюра. Ей нравились въ немъ живой умъ, любезный и благородный характеръ, умѣренно-либеральное направленіе. Его литературныя занятія еще болѣе возвышали въ ея глазахъ цѣну его достоинствъ. Императрица часто и съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ, расхваливала его стихи и удивлялась легкости, съ какою онъ писалъ ихъ, тѣмъ болѣе, что сама, сколько ни старалась, никогда не могла управиться со стихомъ. Она ввела его въ тотъ тѣсный кружокъ близкихъ ей людей, который подъ именемъ „малаго эрмитажа“ собирался у нея два или три раза въ недѣлю и къ которому изъ иностранцевъ, кромѣ Сегюра, принадлежали Кобенцель, Стедингъ и Нассау. При совершенной свободѣ отношеній, время на этихъ собраніяхъ проходило очень весело. Императрица являлась на нихъ „просто любезною женщиною“. Сегюръ часто принималъ здѣсь участіе въ маскарадахъ, танцахъ, въ разныхъ замысловатыхъ играхъ, напр. въ фанты; здѣсь же ставились на сцену и пословицы Екатерины. Душою этихъ собраній былъ извѣстный Л. А. Нарышкинъ; ему помогала Матрена Даниловна (8), старушка, любившая поболтать и пользовавшаяся правомъ говорить всякій вздоръ, за что придворные осыпали ее подарками (9). Между придворными Сегюръ могъ встрѣчаться здѣсь нерѣдко съ тѣми старыми подагриками, типъ которыхъ такъ превосходно воспроизведенъ Грибоѣдовымъ въ лицѣ извѣстнаго Максима Петровича; только иные падали „больнѣе“ Максима Петровича (10). Сегюръ умѣлъ до конца сохранить къ себѣ доброе расположеніе императрицы, легко устраняя возникавшія недоразумѣнія и разныя дипломатическія затрудненія, въ которыя ставила его иногда недостойная политика его правительства. Только въ 1789 году, не задолго до выѣзда Сегюра изъ Россіи, въ Екатеринѣ стало замѣчаться нѣкоторое неудовольствіе къ нему за выраженное имъ сочувствіе къ начинавшемуся тогда во Франціи революціонному движенію. Подъ 2 августа 1789 г. Храповицкій записалъ: „Вынувъ изъ перлюстраціи, отдали (императрица) мнѣ письмо du comte Ségur au marquis de la Fayette.—„Можетъ ли такъ писать королевскій министръ?“ — Я: они друзья, и были вмѣстѣ въ Америкѣ. — „Да, они двоюродные; que dira l'empereur, quand il saura tout cela? C'est une lettre curieuse: онъ его поздравляетъ съ счастливою революціею, qu'avoit amenée l'imperitie de quelques ministres, le poids des impôts et l'ambition irritée des parlements: je la craignois, parce qu'elle auroit detruit la France, si un concours presque miraculeux de circonstances n'avoit fait évanouir tous les obstacles, qui devoient vous arreter dans vos opérations“. Впрочемъ, неудовольствіе императрицы было не болѣе, какъ набѣжавшимъ легкимъ облакомъ, которое не могло помрачить ея расположенія къ Сегюру. Она привыкла видѣть его въ своемъ обществѣ, и когда онъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, представился ей, то она, прощаясь, между прочимъ сказала ему: „Грустно мнѣ разставаться съ вами. Лучше бы вы остались со мною, чѣмъ подвергать себя опасностямъ, которыя примутъ, можетъ быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете. Ваше расположеніе къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ васъ держать сторону народа; мнѣ это будетъ досадно, потому что я останусь аристократкой, это ужь моя обязанность (c'est mon metier)“. Что касается до Сегюра, то ему также не легко было оставлять Петер-

(8) Объ ней упоминается и въ Зап. Храпов. на стр. 231.

(9) Mémoires secrets sur la Russie, ч. I, стр. 162—163 (Paris. 1800).

(10) Dans les petites sociétés de Catherine, l'on jouoit à toute sorte de jeux de gages, d'esprit et de main. On y voyoit les vieux courtisans goutteux s'efforcer de faire des gambades, et le grand-duc Constantin y cassa un jour le bras au vieux comte de Stackelberg en le lutinant grossièrement et le renversant à terre. тамъ же, стр. 124.

бургъ. „Я такъ хорошо былъ принятъ въ Россіи, со мною такъ отлично обращались, говоритъ онъ, что при другихъ обстоятельствахъ я не могъ бы оставить ее безъ живѣйшаго сожалѣнія".

Мы коснулись дипломатическихъ и частныхъ отношеній Сегюра къ Екатеринѣ и ея двору, чтобы лучше уяснить себѣ его положеніе въ Россіи и характеръ его Записокъ. Положеніе это было какъ нельзя болѣе благопріятно для близкаго знакомства съ лицами и событіями, и онъ изображаетъ ихъ „безъ злобы и пристрастія", къ которымъ у него не было никакихъ причинъ. Довольно прочесть сдѣланную имъ характеристику Екатерины, чтобы убѣдиться въ этомъ. Рисуя портретъ этой „необыкновенной государыни и славной женщины", онъ не скрываетъ и ея слабыхъ сторонъ; но онѣ не составляютъ у него преобладающаго фона картины, и потому послѣдняя не теряетъ своей исторической вѣрности.

Сегюръ поздно принялся за составленіе своихъ Записокъ, и потому не успѣлъ довести ихъ до конца. Явившіеся еще при жизни его три тома ([11]) его Записокъ должны были составлять первую часть ихъ, оканчивавшуюся разсказомъ о возвращеніи его въ Парижъ изъ Петербургскаго посольства (1789); вторую часть авторъ предполагалъ довести до 1825 года; но ей не суждено было увидѣть свѣтъ. Отдѣлъ, заключающій въ себѣ описаніе пребыванія Сегюра въ Россіи (1785—1789), составляетъ бóльшую половину его Записокъ. Мы не можемъ долго останавливаться на богатомъ содержаніи этого переведеннаго теперь отдѣла ихъ. Замѣтимъ только, что въ немъ найдется не мало любопытныхъ извѣстій о ходѣ европейской и русской дипломатіи того времени, о заключеніи торговаго трактата между Россіей и Франціей и о несостоявшемся четверномъ союзѣ; сюда присоединяются подробности о путешествіи Екатерины въ Тавриду, о второй турецкой и шведской войнахъ. Но не одни внѣшнія событія славнаго царствованія занимаютъ Сегюра, хотя они и стоятъ у него на первомъ планѣ: онъ сообщаетъ свѣдѣнія и о внутреней дѣятельности Екатерины, о замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться въ Россіи. Съ особенною ясностью и отчетливостью обрисовывается въ Запискахъ привлекательный образъ самой императрицы, этой Catherine le Grand, какъ ее назвалъ принцъ де Линь и какъ любитъ называть ее Сегюръ. Личность великаго князя Павла Петровича, дворъ Екатерины, замѣчательные дѣятели ея царствованія, члены дипломатическаго корпуса—изображены у него живыми красками. Особенно рельефно выдвигается личность князя Потемкина, этого „баловня счастія", полнаго самыхъ непримиримыхъ противорѣчій, „подвижнаго, непостояннаго и прихотливаго, какъ само счастіе", и въ тоже время наиболѣе достойнаго его даровъ. У Сегюра можно найти также не мало чертъ и для характеристики тогдашняго русскаго общества, общества молодаго, находившагося еще въ первой порѣ своего образованія и въ которомъ, за исключеніемъ небольшаго избраннаго кружка людей истин-

---

([11]) Они составили 11, 12 и 13 выпуски Полнаго собранія его сочиненій и изданы въ Парижѣ въ 1824—1826 годахъ (Alexis Eymery): I томъ съ портретомъ Сегюра и его автографомъ; II съ портретомъ императрицы Екатерины, въ январѣ 1787, въ началѣ Таврическаго путешествія; III съ изображеніемъ медали въ память этого путешествія и съ картою его. Къ III тому *третьяго* изданія Записокъ (1827) присоединенъ, кромѣ того, указатель упоминаемыхъ въ нихъ личныхъ именъ. Считаемъ не лишнимъ при этомъ замѣтить, что послѣднее изданіе Записокъ Сегюра (1859) въ двухъ томахъ (куда вошли также Correspondance et Pensées *du prince de Ligne*), составляющее XIX и XX томы „Bibliotèque des Mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18-e siècle, avec avant-propos et notes par m. F. Barrière", крайне плохо: значительные пропуски и произвольныя исправленія въ текстѣ обезображиваютъ Сегюра.

но просвѣщенныхъ, подъ легкимъ покровомъ европейскихъ формъ не трудно было усмотрѣть еще „слѣды старобытной Московіи“. Но что всего болѣе удивило Сегюра, такъ это та рѣзкая противоположность, въ какой стояло это общество съ своими цивилизованными пріемами къ грубымъ, невѣжественнымъ массамъ коснѣвшаго въ рабствѣ народа. Впрочемъ настоящее тяжелое положеніе крестьянъ было ему неизвѣстно. Онъ представлялъ его себѣ даже нѣсколько въ розовомъ цвѣтѣ. „Во время пятилѣтняго моего пребыванія въ Россіи — говоритъ онъ — я не слыхалъ ни одного случая жестокости или угнетенія. Крестьяне дѣйствительно живутъ въ рабскомъ состояніи, но съ ними обращаются *мягко*. Нигдѣ не встрѣтишь ни одного нищаго; а если они попадаются, ихъ отсылаютъ къ владѣльцамъ, которые обязаны ихъ содержать.“ Ту же мысль онъ выражаетъ и въ другомъ мѣстѣ Записокъ: „Помѣщики въ Россіи имѣютъ неограниченную власть надъ своими крестьянами; но, надо признаться, почти всѣ они пользуются ею *съ чрезвычайною умѣренностью*“. При этомъ Сегюръ замѣчаетъ, что русскіе крестьяне, погруженные въ рабство, не будучи знакомы съ нравственнымъ благосостояніемъ, наслаждаются „извѣстнымъ матеріальнымъ довольствомъ“. Сегюръ конечно не имѣлъ возможности наблюдать близко настоящее положеніе крестьянъ и принялъ на вѣру фразы, которыя въ извѣстной средѣ не такъ давно повторялись и въ наше время. Тѣмъ не менѣе онъ высоко цѣнилъ блага свободы, за которую вмѣстѣ съ Лафайетомъ онъ сражался въ Америкѣ, и отдавалъ рѣшительное предпочтеніе передъ народомъ русскимъ (при всемъ его матеріальномъ довольствѣ погруженнымъ въ рабство) образованнымъ народамъ Запада, хотя и страдающимъ отъ страшной язвы пролетаріата, но свободнымъ и по одному уже этому болѣе счастливымъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ Записокъ онъ даже выразилъ сожалѣніе объ участи русскихъ крестьянъ, зависящей, по его замѣчанію, отъ измѣнчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняетъ ихъ хорошему или дурному владѣльцу. Изъ этого простаго соображенія да изъ разсказанныхъ имъ случаевъ насилія и жестокости въ обращеніи тогдашнихъ баръ съ лицами свободнаго происхожденія (въ свои отношенія къ которымъ они вносили привычки произвола, воспитанныя крѣпостнымъ правомъ) онъ могъ бы придти къ убѣжденію, что вообще не могло быть мягкости и чрезвычайной умѣренности въ отношеніи ихъ къ людямъ несвободнымъ, которые, какъ онъ самъ хорошо зналъ, не были ограждены отъ произвола помѣщичьей власти никакими учрежденіями. Старинныя патріархальныя отношенія домовладыки къ чадамъ и домочадцамъ, смягчавшія суровость крѣпостнаго права, едва ли могли имѣть широкое примѣненіе къ дѣйствительности въ эпоху XVIII и первой половины XIX столѣтій. Страшная смерть фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго, о которой упоминаетъ Сегюръ, должна была бы сообщить только новую силу этому печальному убѣжденію. Что Сегюръ былъ не далекъ отъ него, это лучше всего видно изъ сдѣланной имъ характеристики русскаго народа по его пѣснямъ: „Когда изъ среды бурлаковъ, плывущихъ на баркахъ, или извощиковъ, идущихъ съ обозомъ, послышатся звуки мелодическихъ, хотя однообразныхъ и грустныхъ пѣсенъ, то сейчасъ почувствуешь, что находишься, не въ странѣ свободныхъ Скиѳовъ, а среди Москвитянъ, которые отъ долгаго рабства подъ гнетомъ татаръ и русскихъ бояръ склонили гордую голову, но не потеряли древней мощи и врожденной отваги.“

Любопытно, что Сегюръ во все время пребыванія своего въ Россіи ничего, кажется, не слыхалъ о русской литературѣ, да едва ли даже и подозрѣвалъ объ ея существованіи; по крайней мѣрѣ въ Запискахъ его нѣтъ и помину объ ней. Правда, онъ называетъ нѣкоторыя литературныя произведенія Ека-

терины ([12]); ему извѣстно подаренное императрицею для королевской библіотеки сочиненіе естествоиспытателя Палласа, Flora Rossica; наконецъ онъ знаетъ и пресловутое „Посланіе къ Нинонѣ (Épître à Ninon)“, которымъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, по словамъ Сегюра, занялъ мѣсто въ ряду самыхъ пріятныхъ поэтовъ Франціи. Но дальше этого свѣдѣнія Сегюра не простираются. Дѣло понятное: то блестящее петербургское общество, въ средѣ котораго онъ вращался, при своемъ французскомъ образованіи, отрывавшемъ его отъ родной почвы, всѣ симпатіи свои отдавало французской литературѣ и ея свѣтиламъ. „Великая и обильная“ русская земля производила на своей почвѣ даже французскихъ поэтовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ русскими ихъ именами. Не одинъ графъ Шуваловъ стяжалъ себѣ славу на французскомъ парнасѣ: посланникъ Екатерины при Туринскомъ дворѣ, князь Бѣлосельскій, своимъ „Посланіемъ къ Французамъ (*Épître aux Français*)“ едва ли не затмилъ его славою [13]). Русскія женщины тогдашняго высшаго общества, по словамъ Сегюра, ушли еще далѣе мущинъ на пути *прогресса*: въ обществѣ онъ видалъ большое число прекрасныхъ дамъ, граціозныхъ дѣвицъ, отлично говорившихъ на семи или восьми языкахъ, игравшихъ на разныхъ инструментахъ и коротко знакомыхъ съ произведеніями знаменитѣйшихъ поэтовъ и романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Интересно было бы знать, умѣли ли говорить по-русски эти прекрасныя русскія дамы и граціозныя дѣвицы. Если до этого общества, изящнымъ формамъ и блестящему европейскому образованію котораго такъ удивлялся Сегюръ, и доходили когда нибудь смутные слухи о родной литературѣ, то интересы ея должны были казаться ему такъ мелки и незначительны, что объ нихъ не кстати было бы и заводить рѣчь съ французскимъ посланникомъ-литераторомъ. Довольно было уже и той чести для русской литературы XVIII вѣка, что изъ среды тогдашнихъ вельможъ являлось нѣсколько меценатовъ, которые à la Louis XIV дарили ее улыбкой благосклонности и покровительства.

Обращаясь теперь къ русскому переводу Записокъ Сегюра, мы съ сожаленіемъ должны сказать, что онъ далеко не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нерѣдко являющихся у насъ переводовъ, которые совѣтуемъ читать не иначе, какъ съ подлинникомъ подъ рукой. Собственно говоря, это даже не переводъ Записокъ Сегюра, а пространное и не совсѣмъ удовлетворительное извлеченіе изъ нихъ, сдѣланное *in usum Delphinorum*. Правда, неизвѣстный переводчикъ въ предисловіи къ своему труду говоритъ, будто передалъ намъ *все* описаніе пребыванія Сегюра въ Россіи отъ пріѣзда его въ Петербургъ до выѣзда въ Варшаву; но стоитъ только сличить нѣсколько на удачу взятыхъ страницъ перевода съ подлинникомъ, чтобы увидѣть, что намъ передано далеко не все изъ Записокъ Сегюра о Россіи. Нѣкоторые, весьма впрочемъ немногіе, изъ сдѣланныхъ переводчикомъ значительныхъ пропусковъ оговорены даже имъ самимъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что

([12]) Между ними и извѣстное опроверженіе на книгу аббата Шаппа, изданное въ 1770 году, подъ заглавіемъ: *Antidote*. Сегюръ прямо приписываетъ его Екатеринѣ.

([13]) Авторъ „Mémoires secrets sur la Russie“ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку о Бѣлосельскомъ: „Il s'est fait connoître par plusieurs poésies, et surtout par une Épître aux Français, où il semble être Français lui-même, et *où il leur jette des lauriers qui retombent sur lui* Voltaire lui écrivit une lettre flatteuse, et lui renouvella le même compliment qu'il avoit fait auparavant au célèbre auteur del'Épître à Ninon (I, 126)“.—Любовь къ словесности была наслѣдственна въ семьѣ кн. Бѣлосельскаго: онъ женатъ былъ на дочери ученаго секретаря Екатерины II-й Козицкаго; а его дочь была извѣстная княгиня Зинаида Волхонская. *П. Б.*

цѣлыя страницы въ Запискахъ Сегюра представлялись нашему переводчику или *поверхностными*, или *блѣдными*, или *общеизвѣстными*, и потому, какъ *лишнія*, выпускались изъ перевода. Но что̀, если эти представленія переводчика были ошибочны?...

Въ Русскомъ Архивѣ за 1865 годъ (стр. 539—543) напечатана была *Ученая записка о Кабардѣ*, найденная между Потемкинскими бумагами Рѣшетиловскаго собранія. Въ ряду нѣсколькихъ другихъ оставшихся послѣ Потемкина (въ этомъ богатомъ собраніи) записокъ касательно Востока, она есть живое свидѣтельство того серьезнаго вниманія, съ какимъ любознательная мысль этого государственнаго человѣка обращалась къ Востоку. Теперь становится несомнѣннымъ, что широкимъ политическимъ планамъ Потемкина на Востокѣ предшествовало основательное, многостороннее его изученіе. Въ этомъ отношеніи записка о Кабардѣ, представляющая и сама по себѣ очень любопытный и обстоятельный очеркъ быта и нравовъ одного изъ кавказскихъ племенъ, на землѣ котораго еще Иванъ IV построилъ русскій городокъ, получаетъ особенное значеніе для историка, и нѣкоторыя свѣдѣнія объ ней были бы не лишни и въ библіографическомъ отношеніи. Кѣмъ и когда составлена была для Потемкина эта *ученая* записка? Русскій Архивъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ; но мы находимъ его у Сегюра, который приводитъ у себя и самую записку [14]), и притомъ гораздо полнѣе, чѣмъ она напечатана въ Русскомъ Архивѣ. Онъ помѣстилъ ее вслѣдъ за разсказомъ о враждебныхъ, прямо направленныхъ противъ Россіи движеніяхъ на Кавказѣ и въ Очаковѣ, происходившихъ въ концѣ 1785 года и предвѣщавшихъ неминуемый разрывъ съ Портою. Изъ предпосланнаго этой запискѣ замѣчанія Сегюра оказывается, что она составляетъ не болѣе, какъ извлеченіе изъ „очень обстоятельной и любопытной“ записки вообще о кавказскихъ племенахъ, ихъ силахъ, нравахъ, законахъ, записки секретной, сочиненной генералъ-поручикомъ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ и дополненной генераломъ Апраксинымъ, который снабдилъ ее своими замѣтками на поляхъ. Надо думать, что время составленія ея относится къ 1786 году, когда Потемкинъ обдумывалъ „способы къ примиренію кавказскихъ народовъ и къ утвержденію ихъ вѣрности и привязанности“ къ Россіи—задача, окончательное разрѣшеніе которой завѣщано было новой Россіи завоевателемъ Астраханскаго царства. Нѣтъ сомнѣнія, что записка, о которой идетъ рѣчь, послужила основаніемъ при соображеніи тѣхъ мѣръ или „способовъ“, которые начертаны были съ этою цѣлью Таврическимъ княземъ и утверждены императрицею указомъ на его имя отъ 28 августа 1786 года [15]). Первые четыре пункта этого указа прямо относятся къ Большой и Малой Кабардѣ. Уже сынъ Ивана IV принялъ титулъ государя земли Иверской, Грузинскихъ царей и *Кабардинской земли*, Черкасскихъ и Горскихъ князей; но только при Петрѣ I, въ 1717 году, Кабардинцы поддались Россіи и принесли шерть предъ русскимъ посломъ, княземъ Александромъ Бековичемъ. Впрочемъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ имъ снова надо было чрезъ посланнаго своего Магометъ-Бека подтверждать свою сомнительную вѣрность и номинальное подданство Россіи, на что и дана имъ грамота отъ 10 іюля 1732 года [16]). Теперь указомъ Екатерины обѣ Кабарды обращались въ поселенное войско съ жалованьемъ князьямъ, узденямъ и рядовымъ и съ обязанностью „охранять разстояніе, имъ опредѣляемое, отъ воровъ, дабы дорогу содержать въ безопасности и притомъ стараться не допускать Закубанцевъ къ набѣгамъ въ границы“ Россіи; по требованію на войну въ той странѣ они должны давать войскъ, сколько могутъ;

(14) Mémoires, т. II, стр. 378—391.

(15) П. С. З., т. XXII, № 16,432.

(16) П. С. З., т. VIII, № 6123.

а въ европейскую сторону посылать отъ обѣихъ Кабардъ изъ охотниковъ 200 человѣкъ отборныхъ наѣздниковъ, съ жалованьемъ по состоянію каждаго. Любопытна слѣдующая утвержденная Екатериною мѣра для цивилизаціи этого племени: „По состоянію сего легкаго войска — пишетъ она Потемкину — подъ главнымъ начальствомъ вашимъ, брать вамъ изъ нихъ для пребыванія при васъ на ордоннанцію по 6 князей и по 6 узденей, съ жалованьемъ первымъ по 300, а послѣднимъ по 150 рублей на годъ, и по нѣкоторомъ времени отпускать ихъ, перемѣняя другими. Сіе средство послужитъ къ уменьшенію, а со временемъ и къ истребленію въ нихъ грубости и дикости.“ Какъ серьезно занята была въ это время императрица мыслію о цивилизаціи Кабардинцевъ, съ бытомъ и нравами которыхъ, такъ живо описанными П. С. Потемкинымъ, она могла хорошо познакомиться изъ его записки, видно изъ слѣдующей замѣтки Храповицкаго подъ 1 іюня 1786 года: „Видя изъ донесеній Игельстрома, что Киргизцы просятъ о раздѣленіи степи, и что при семъ случаѣ можно построить мечети и основать города, сказано, что „сивилизація Киргизцовъ послужитъ... примѣромъ Кабардинцамъ“ [17]).

Таково историческое значеніе этой записки, изъ которой Сегюръ, хорошо понимавшій ея важность, помѣстилъ у себя только одинъ отрывокъ о Кабардинцахъ, сожалѣя, что предѣлы его сочиненія не дозволяли ему привести ее вполнѣ. Что касается до переводчика Сегюра, то онъ счелъ лишнимъ перевести этотъ отрывокъ [18]) и отдѣлался отъ него слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Въ этомъ мѣстѣ текста Сегюръ, по поводу волненій на Кавказѣ, дѣлаетъ очеркъ Кавказскихъ народовъ на основаніи одной записки, ему сообщенной. Пропускаемъ его, какъ *поверхностный* и *лишній*“.

([17]) Пам Зап. Храп., стр. 9—10.

([18]) Замѣтимъ, что переводъ Записокъ Сегюра явился прежде той тетради Русскаго Архива, гдѣ была помѣщена ученая записка о Кабардѣ.— Для показанія важности ея содержанія позволимъ себѣ сдѣлать еще одну *литературную* замѣтку. Въ одномъ мѣстѣ записки разсказывается о слѣдующемъ обычаѣ, наблюдаемомъ владѣльцами Кабарды при воспитаніи дѣтей: „Первое правило каждаго владѣльца есть отнять и украсть все, что́ въ глаза можетъ представиться. Это правило всасываютъ они съ молокомъ матери: ибо какъ скоро у владѣльца родится сынъ, отдаютъ его на воспитаніе кому нибудь изъ *узденей* (родъ дворянъ), который долженъ уже до самаго возраста его воспитывать и содержать на собственномъ иждивеніи. Воспитатель пріучаетъ дитя къ проворству и кражѣ“.... Въ другомъ мѣстѣ записки сказано, что дѣти по седьмому году отдаются на воспитаніе въ чужіе дома и уже возмужалые и прославленные нѣсколькими подвигами возвращаются въ домы отцовъ — обычай, объясняемый опасеніемъ кабардинскихъ владѣльцовъ, чтобы дѣти не изнѣжились, воспитываясь дома, подъ крыломъ матери (Р. А., стр. 539. Mémoires, т. II, стр. 387). Этотъ обычай воспитанія, наблюдаемый, кромѣ Кабардинцовъ, и другими кавказскими народцами, въ томъ числѣ и *Чеченцами*, послужилъ Пушкину мотивомъ для его превосходной, но къ сожалѣнію не оконченной поэмы „Галубъ“. Пользуемся случаемъ, что бы объяснить одно мѣсто въ этой поэмѣ и сдѣлать поправку одной вкравшейся въ нее опечатки. Въ началѣ поэмы читаемъ (Соч. Пушк., т. III, стр. 347, изд. Анненк III):

„Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Ташартуба“.

Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто *Ташартуба* должно, кажется, стоять *Татартуба* или *Татартупа*, согласно съ написаніемъ этого слова въ запискѣ о Кабардѣ, гдѣ о развалинахъ Татартупа находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Есть мѣсто одно въ предѣлахъ Кабарды, называемое *Татартупъ* (у Сегюра ошибочно *Tatartouff*), гдѣ древле былъ конечно храмъ Божій и гдѣ нынѣ одни развалины. Къ сему мѣсту Кабардинцы сохраняютъ столь великое благоговѣніе, что въ чрезвычайныхъ между собою обязательствахъ заклинаются онымъ и никогда уже сей клятвы не преступаютъ. Всякой гонимый или обидимый, ищущій убѣжища у Татартупа и добѣжавшій до

Надо замѣтить, что переводчикъ Сегюра, оговоривъ такимъ образомъ нѣсколько сдѣланныхъ имъ въ переводѣ пропусковъ, совершенно умалчиваетъ объ исключеніи изъ него множества другихъ нерѣдко весьма значительныхъ мѣстъ Записокъ Сегюра. Такое безцеремонное обращеніе его съ послѣднимъ объясняется нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ нему нашего переводчика, пренебреженіемъ, которое такъ наивно высказывается уже въ самомъ предисловіи къ переводу.

Это пренебреженіе къ Сегюру выразилось не только въ пропускѣ цѣлыхъ страницъ изъ его Записокъ, но и въ нѣкоторой небрежности, а по мѣстамъ и невѣрности перевода.

Что касается до примѣчаній, которыми переводчикъ снабдилъ свой трудъ, то почти всѣ они состоятъ въ голомъ обозначеніи годовъ рожденія и смерти, чиновъ и служебныхъ повышеній упоминаемыхъ въ Запискахъ лицъ. Переводчикъ далеко не воспользовался въ своихъ примѣчаніяхъ тѣми данными, которыя предлагала ему для нихъ даже русская историческая литература. Такъ на стр. 133, въ дополненіе къ разсказу Сегюра о путешествіи Екатерины въ Тавриду, онъ перечисляетъ другіе источники для описанія этого путешествія, и забываетъ указать самый важный изъ нихъ — письма съ дороги самой императрицы къ разнымъ лицамъ, напечатанныя во 2 томѣ сочиненій Екатерины, въ 3 книгѣ Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей за 1863 годъ и въ Русскомъ архивѣ за 1864 годъ.

Къ этому надо прибавить, что совершенное отсутствіе обѣщанныхъ на заглавномъ листѣ перевода примѣчаній тамъ, гдѣ въ нихъ чувствовалась наибольшая необходимость, едва ли возвышаетъ цѣну его. Сегюръ упоминаетъ наприм. о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ указахъ Екатерины: переводчикъ не потрудился сдѣлать справку объ нихъ въ русскихъ источникахъ, и читатель не найдетъ у него въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, а между тѣмъ они необходимы для пониманія текста. Такъ на стр. 117 перевода Сегюръ упоминаетъ объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка и между прочимъ говоритъ: „Назначенъ былъ выпускъ 33 милліоновъ банковыхъ билетовъ", а на слѣдующей 118 стр. читаемъ: „Всѣхъ банковыхъ билетовъ указано выпустить не болѣе, какъ на одинъ милліонъ". Переводчикъ ставитъ читателя въ крайнее недоумѣніе относительно связи обоихъ этихъ мѣстъ. Правда, въ послѣдней фразѣ у переводчика сдѣлана ошибочная поправка, которую можно было бы принять за описку, если бы онъ не описывался такимъ образомъ почти постоянно въ числовыхъ данныхъ, приводимыхъ у Сегюра: вмѣсто *одного милліона* у послѣдняго въ подлинникѣ стоятъ *сто милліоновъ*. Тѣмъ не менѣе для разъясненія дѣла, о которомъ разсказываетъ Сегюръ, слѣдовало бы обратиться къ самому манифесту объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка. Банкъ основывался съ капиталомъ 33 милліоновъ, изъ которыхъ 22 милліона назначены были на раздачу въ займы дворянамъ, а 11 милліоновъ — городамъ, съ ежегоднымъ взносомъ за ссуду для первыхъ, въ теченіе 20 лѣтъ, 5 процентовъ и 3 — въ уплату капитала, а для послѣднихъ, въ теченіе 22 лѣтъ, 4 процентовъ и 3 — въ уплату капитала, и правительство давало при этомъ обѣщаніе, что число банковыхъ ассигнацій никогда не будетъ простираться свыше *ста милліоновъ* рублей (La circulation des billets ne pourra pas dépasser cent millions — говоритъ, согласно съ этимъ, и Сегюръ).

Изъ него же мы узнаемъ между прочимъ, что Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила два свои указа: о правахъ

того мѣста, остается невредимъ". И вотъ сынъ Галуба убитъ именно вблизи этихъ священныхъ развалинъ. Совершено двойное преступленіе. Обязанность мести убійцѣ получаетъ такимъ образомъ религіозное освященіе, и Тазитъ, не исполнившій этой обязанности, является вдвойнѣ преступнымъ въ глазахъ отца и всего племени (у Пушкина—Чеченцовъ).

дворянства ([20]) и о дуэляхъ ([21]). Оба находятся между собою въ тѣсной связи, и императрица не разъ говорила объ нихъ Сегюру „съ гордостью удовлетвореннаго самолюбія“. Съ своей стороны Сегюръ замѣчаетъ, что цѣль обоихъ была благородна и нравственна; но что первый изъ нихъ не предоставлялъ дворянству полной свободы, а второй былъ часто нарушаемъ изъ предразсудка point d'honneur. Мы думаемъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія, или по крайней мѣрѣ указанія, о послѣднемъ менѣе извѣстномъ манифестѣ вовсе не составляли бы роскоши въ русскомъ изданіи Сегюра. Кромѣ Полнаго собранія законовъ, ихъ можно было бы найти и въ Запискахъ Храповицкаго ([22]): изъ нихъ видно, какъ долго и серьезно занималъ императрицу этотъ манифестъ, который она сочиняла во время своей поѣздки въ Тавриду и подписала въ Кіевѣ 21 апрѣля, въ день своего рожденія и въ день дарованія грамоты дворянству. Пособіемъ при составленіи его служили ей: восемь томовъ Энциклопедіи, Воинскій Артикулъ, Морской Уставъ, Наказъ коммиссіи уложенія и Грамота дворянства. Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ ею отсюда выписокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Различая троякаго рода обиду: 1) словами, 2) письмомъ и 3) дѣйствіемъ, она приводитъ изъ 482 статьи Наказа слѣдующее мѣсто *о словахъ:* „Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, коимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, чтобы въ себѣ столько двойнаго смысла замыкало, какъ все сіе“.—„Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію“ — говоритъ императрица и доказываетъ это положеніе „сильнымъ примѣромъ“ примѣненія его къ закону объ оскорбленіи величества. „Мы сами—замѣчаетъ она, выписывая другое мѣсто изъ той же статьи Наказа — „мы сами вынули изъ среди важнѣйшаго закона о оскорбленіи величества находившееся въ ономъ неразличеніе слова съ преступленіемъ“. Для прекращенія личныхъ ссоръ, оканчивавшихся дуэлями, Екатерина вводила примирителей (посредниковъ и надежныхъ), но они, какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Сегюра, далеко не оправдали возбужденныхъ ими надеждъ ([23]): законъ часто былъ нарушаемъ изъ предразсудка point d'honneur. Надо впрочемъ замѣтить, что обычай дуэлей мало имѣлъ еще у насъ дѣйствительной силы въ концѣ прошлаго столѣтія, и сама императрица въ своемъ манифестѣ о поединкахъ указываетъ на него, какъ на явленіе новое, развившееся вслѣдствіе оказавшихся въ обществѣ предубѣжденій, „не отъ предковъ полученныхъ, но перенятыхъ, или нанесенныхъ, чуждыхъ“. Только впослѣдствіи, уже въ царствованіе Александра I, при болѣе тѣсномъ сближеніи съ западною Европою, предубѣжденія эти пустили болѣе глубокіе корни преимущественно въ высшихъ слояхъ нашего общества, и облагороженный употребленіемъ цивилизованной Европы обычай дуэлей сталъ вытѣснять существовавшій у насъ дотолѣ болѣе простой, менѣе опасный, но крайне грубый по своимъ формамъ обычай личной расправы ([24]).

([20]) П. С. З., т. XXII, № 16,187: Грамота на права, вольности и преимущества вольнаго Россійскаго дворянства—21 апрѣля 1785 года.

([21]) П. С. З., т. XXII, № 16,535: Манифестъ о поединкахъ—21 апрѣля 1787 года.

([22]) На стр. 20—27.

([23]) „Прежде пріѣзда спрашивали. Когда вошелъ, сдѣлали вопросъ о переписыванномъ мною манифестѣ, и будетъ ли имѣть полезное дѣйствіе? Отвѣчалъ, что превращеніе присутствующаго въ примирителя подаетъ великую надежду, говоря примѣрами“. Пам. Зап. Храп., стр. 24—25.

([24]) „Jamais les Russes,—говоритъ авторъ „Mémoires secrets sur la Russie — ne se firent un faux point d'honneur de se venger d'un démenti par un meurtre“, и при этомъ замѣчаетъ: „Il faut pourtant convenir que les Russes, aussi bien

Извѣстно, какой богатый матеріалъ для историка второй половины царствованія Екатерины представляютъ Памятныя Записки Храповицкаго (1782—1793); но многія мѣста ихъ состоятъ изъ однихъ темныхъ намековъ, разгадки которыхъ надобно искать въ другихъ современныхъ источникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ Записокъ Сегюра, дающихъ ключъ къ разъясненію многихъ изъ этихъ намековъ, не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній въ своихъ примѣчаніяхъ. Мы уже выше видѣли, что случаевъ къ тому представлялось ему не мало. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Подъ 13 іюня 1786 года Храповицкій записалъ слѣдующій вопросъ Екатерины: „Пересталъ ли сердиться кн. А. А. (Вяземскій)?“ ([25]) Къ чему относился этотъ намекъ императрицы? За что сердился князь Вяземскій? Сегюръ даетъ намъ возможность объяснить этотъ намекъ. Онъ конечно сдѣланъ былъ въ то время, когда въ ея совѣтѣ разсматривался проектъ учрежденія государственнаго заемнаго банка ([26]) и когда князь Вяземскій дѣйствительно имѣлъ причину быть недовольнымъ. „Князь Вяземскій—говоритъ Сегюръ—сильно воспротивился этому новому учрежденію и составилъ противъ него пространную записку, но она не понравилась императрицѣ. Меня увѣряли, будто въ этой запискѣ онъ старался выставить на видъ затрудненія, могущія произойти отъ увеличенія массы бумажныхъ денегъ, которыя и безъ того уже внушали къ себѣ мало довѣрія, и утверждалъ, что чрезмѣрный выпускъ ихъ немедленно подорветъ кредитъ. Уже во многихъ губерніяхъ билеты прежняго банка не принимались вовсе, или же значительно упали въ курсѣ. Князь Вяземскій представлялъ также, что новый банкъ умножитъ только средства къ разоренію дворянства, которыхъ послѣднее и безъ того уже находило слишкомъ много. Наконецъ онъ заявлялъ, что, разложивъ уплату ссуды, производимую незначительнымъ процентомъ, на двадцать лѣтъ, правительство поощритъ спекулянтовъ къ закупкѣ этихъ билетовъ, которые, при выгодномъ помѣщеніи, будутъ доставлять имъ непрерывную ренту“. Эти представленія князя Вяземскаго не были уважены ни императрицею, ни большинствомъ членовъ ея совѣта, лично заинтересованныхъ въ успѣхѣ банка, который доставлялъ имъ временную помощь для расплаты съ долгами,—и манифестъ объ учрежденіи его былъ подписанъ императрицею 28 іюня, въ день ея восшествія на престолъ. Подъ этимъ числомъ у Храповицкаго замѣчено: „Поздравленіе (конечно съ возшествіемъ на престолъ)... шелъ дождь... *богато жить*... царствовать... *по 60 м. дохода*“ ([27]).

Подъ 17 декабря 1786 года у Храповицкаго записано: „Послѣ эрмитажа принцесса Виртембергская осталась ночевать во дворцѣ. Послѣ сего происходили разныя слѣдствія, много времени занимавшія“ ([28]). У Сегюра мы находимъ разъясненіе обстоятельствъ этого темнаго дѣла. „Въ то же время (во время сборовъ Екатерины въ Таврическое путешествіе)—разсказываетъ онъ—случилась довольно скандальная исторія, изумившая и опечалившая дворъ: послѣ

---

que les Grecs et les Romains, ont prouvé qu'un guerrier peut être brave sans avoir la manie d'égorger son camarade en duel. Le même officier, qui rend avec la canne un coup qu'on lui porte avec la main, monte un instant après à l'assaut comme un brave. Mais il est vrai aussi que, dans une société où un soufflet peut s'effacer avec un coup de poing, et où l'on peut répondre à celui qui vous dit une injure en lui crachant au nez, on ne doit pas s'attendre à cette politesse et à ces égards cérémonieux qu'affectent les peuples polis“... „Mais, pour ceux qui ont de l'éducation, ils ne le cèdent à personne pour la politesse et l'honneur“, прибавляетъ онъ (т. II, стр. 52, 72—73). Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что авторъ этихъ Записокъ изображаетъ русское общество въ концѣ XVIII столѣтія.

([25]) Пам. Зап. Храп., стр. 10.

([26]) Манифестъ объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка подписанъ былъ императрицею 28 іюня 1786 года. П. С. З., т. XXII, № 16,407.

([27]) Пам. Зап. Храп., стр. 11.

([28]) Тамъ же стр. 18. объ этой принцессѣ и ея супругѣ см. Р. Архивъ 1864, изд. 2-е стр. 511 и 512.

спектакля въ эрмитажѣ, принцесса Виртембергская, невѣстка великой княгини (Маріи Θеодоровны), вмѣсто того, чтобы по обыкновенію послѣдовать за нею, вбѣжала въ комнаты императрицы, бросилась къ ея ногамъ и стала умолять ее о защитѣ отъ мужа, который, по ея словамъ, обращался съ нею самымъ жестокимъ образомъ; она объявила, что не можетъ болѣе сносить обидъ и насилій, которыя съ отъѣздомъ императрицы по всей вѣроятности сдѣлаются невыносимѣе. Надо полагать, что она, вмѣстѣ съ жалобами, сообщила довольно важныя обстоятельства и подробности, ибо въ тотъ же вечеръ, послѣ этого разговора, Екатерина написала строгое письмо принцу Виртембергскому, велѣла ему оставить службу и выѣхать въ Германію. Великій князь (Павелъ Петровичъ) и великая княгиня были очень огорчены тѣмъ незаслуженнымъ недовѣріемъ, которое оказала къ нимъ въ этомъ важномъ случаѣ герцогиня Виртембергская, ихъ сестра".

Съ другой стороны, какъ ни кратки Записки Храповицкаго, но онѣ могутъ разъяснить намъ нѣкоторыя мѣста въ Запискахъ Сегюра. Такъ у послѣдняго мы читаемъ слѣдующее мѣсто объ англійскомъ посланникѣ, Фицъ-Гербертѣ: „Фицъ-Гербертъ, человѣкъ задумчиваго и независимаго характера, тяготился придворною жизнью, съ трудомъ оставлялъ Петербургъ (отправляясь въ свитѣ императрицы въ Крымъ) и съ сожалѣніемъ разставался съ одною русскою дамою, которую нѣжно любилъ". Ни Сегюръ, ни его переводчикъ не говорятъ, кто была эта русская дама; но изъ Храповицкаго мы узнаемъ ея имя. Подъ 28 февраля 1787 года у него замѣчено: „Открыта интрига Щербатовой съ Фицъ-Гербертомъ" (29). Императрица была уже въ Кіевѣ, когда сдѣлано было ею это открытіе. Не была ли эта Щербатова та самая княжна Дарья Θеодоровна Щербатова, которая въ 1789 году вышла за графа А. М. Дмитріева-Мамонова? Бракъ этотъ, какъ извѣстно, былъ непріятенъ императрицѣ. Сегюръ довольно обстоятельно разсказываетъ все дѣло (30); но его разсказъ, по обыкновенію, безъ всякой оговорки, выпущенъ нашимъ переводчикомъ. Замѣтивъ задумчивость гр. Мамонова, императрица написала ему записку: „Желая вамъ прежде всего счастія — говорила она — я задумала соединить васъ бракомъ съ богатѣйшею въ имперіи наслѣдницей; отвѣчайте, соотвѣтствуетъ ли мое намѣреніе вашему желанію?" Изъ Храповицкаго мы узнаемъ, что эта богатѣйшая наслѣдница, выбранная императрицею для Мамонова, была тринадцатилѣтняя дочь графа Я. А. Брюса (31). Мамоновъ отказался отъ этого предложенія, и долженъ былъ сознаться въ давней любви къ княжнѣ Щербатовой.

Мы полагаемъ, что приведенныхъ нами примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ важности и необходимости подобныхъ указаній. Они не мало подняли бы достоинство русскаго перевода Записокъ Сегюра. Съ одной стороны, они значительно могли бы способствовать уясненію текста; съ другой, много облегчили бы трудъ историческаго изученія Екатерининскаго времени. Надо прибавить еще, что этими указаніями подтвердилась бы полная достовѣрность разсказовъ Сегюра, раскрылось бы ихъ значеніе, какъ довольно цѣннаго историческаго матеріала. Оказалось бы, что Сегюръ въ высшей степени добросовѣстенъ, что онъ ничего не выдумываетъ и что даже самые анекдоты, имъ разсказываемые, находятъ свое полное оправданіе въ современныхъ извѣстіяхъ (32).

Одесса.

М. Шугуровъ.

(29) Тамъ же стр. 22.

(30) Mémoires, т. III, стр. 423—426.

(31) Пам. Зап. Храп., стр. 196.

(32) Такъ достовѣрность разсказаннаго Сегюромъ трагикомическаго анекдота о недоразумѣніи, происшедшемъ между Брюсомъ и поваромъ-французомъ (стр. 37—39), подтверждается и Массономъ (Mémoires secrets sur la Russie, т. II, стр. 147, примѣч. 10); только въ разсказѣ послѣдняго однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является полицмейстеръ Клеевъ (Kléief), котораго нѣтъ у Сегюра и подъ которымъ надобно разумѣть конечно Рылѣева.

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

Съ помѣщеніемъ этихъ писемъ соединено для насъ грустное воспоминаніе о человѣкѣ, который почтилъ наше изданіе доставленіемъ ихъ. М. А. Дмитріевъ, напечатавъ нынѣшнимъ лѣтомъ Записки своего дяди И. И. Дмитріева, захотѣлъ издать также письма къ нему отъ литераторовъ и замѣчательныхъ людей. Когда онъ отдавалъ ихъ въ Русскій Архивъ, то спросилъ, когда именно они появятся, и на отвѣтъ нашъ: *осенью*, со вздохомъ замѣтилъ: „До того времени я не доживу!“ Предчувствіе почтеннаго старца сбылось: 5 сентября онъ окончилъ свое достойное земное поприще.—Письма къ И. И. Дмитріеву могутъ служить дополненіемъ къ его (слишкомъ сжатымъ) Запискамъ. Изъ этихъ писемъ объяснится та общественная и литературная высота, на которую сумѣлъ поставить себя и которой такъ достойно держался около полувѣка этотъ писатель. *П. Б.*

I. А. С. ШИШКОВА.

1.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо вашего превосходительства отъ 26-го іюня, въ которомъ вы желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ дальнѣйшія замѣчанія мои на переводъ г. Раича (1). Я не смѣю вамъ отказать и посылаю ихъ не въ видѣ критики, но какъ чистосердечное мнѣніе мое о переводѣ, которой самъ весьма уважаю, и есть ли бы не уважалъ, то и не сталъ бы дѣлать никакихъ замѣчаній. Я отнюдь судъ свой не выдаю за *непогрѣшительный*, однако жъ можетъ быть онъ не вездѣ и не совсѣмъ не правъ. Сожалѣю, что время не позволяетъ мнѣ говорить, какъ только о тѣхъ мѣстахъ, которыя я нахожу нехорошими; иначе, разсуждая о прочихъ, я бы несравненно больше сказалъ хорошаго о хорошихъ, нежели худаго о худыхъ. По сей причинѣ прошу изъявленныя мною хулы считать за совершенную малость предъ тѣми похвалами, о коихъ умалчиваю. Я бы счелъ сіи малыя погрѣшности за ничто въ сравненіи съ добротою перевода; но онѣ потому должны привлекать вниманіе, что становятся общими, даже почитаются за красоты, и къ порчѣ языка и вкуса вводятся въ употребленіе. Онѣ тѣмъ опаснѣе и вреднѣе, что смѣшены бываютъ съ истинно изящнымъ, и потому увлекаютъ имъ послѣдовать и подражать. Вотъ мои замѣчанія:

Стр. 6 Алтарь твой окропитъ *слезою* умиленья.

За чѣмъ *слезою*? для чего не *слезами*? Здѣсь единственное число больше новомодная привычка, нежели красота.

Стр. 11. Въ дни зрѣлости *её* къ землѣ не преклонила.

За чемъ *её*? для чего не *ее*, какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ?

Стр. 12. Но счастье *оцвѣло* съ младенчествомъ природы.

Глаголъ *оцвѣсть* или *оцвѣтать* почти никогда, или очень, или очень мало употребительный, по свойству предлога *О* долженъ значить *окруженіе чего-нибудь цвѣтомъ*, напримѣръ: *этотъ кустъ весь оцвѣлъ*, т. е. кругомъ разцвѣлъ, покрылся вокругъ цвѣтами. Чтожъ значитъ здѣсь: *счастье оцвѣло съ младенчествомъ природы*? Есть ли и употребить сей глаголъ, то развѣ по вопросу *чѣмъ*, а не *съ чѣмъ*. Можетъ быть это опечатка вмѣсто *отцвѣсть*.

Самъ Дивъ съ печальныхъ древъ янтарный *мёдъ отрясъ.*

За чѣмъ *мёдъ*? для чего не *медъ*? сверхъ сего *отрясть медъ съ деревъ* есть какое-то неестественное выраженіе. Обыкновенно пчелы собираютъ медъ съ цвѣ-

(1) Виргиліевы Георгики, переводъ Раича, М. 1821. 8º.

товъ, а не съ деревъ, и хотя нѣкоторыя деревья и цвѣтутъ, однакожъ по густотѣ и липкости меда несвойственно его *отрясать* съ нихъ, какъ бы росу, или что иное, удобно отъ трясенія падающее.

Стр. 13. Исчислимъ сонмы звѣздъ, измѣримъ *эмпирей*;
Разставлены силки для жителей *эфирныхъ*.

Вводить и пріучать къ такимъ словамъ, какъ *эмпирей*, *эфирныхъ*, развѣ для того только нужно, чтобъ удобнѣе находить риѳму къ словамъ *морей* и *мирныхъ*, а больше я не вижу надобности.

На *чуткихъ* воротахъ затворы зазвѣнѣли.

Не знаю, почему ворота можно назвать *чуткими*. Скорѣе затворы ихъ *чутки*, потому что звѣнятъ. Тогда и все то *чутко* что̀ стучитъ.

Тамъ чужду влагу *пьётъ* завистливый овесъ.

Для чего *пьётъ*, а не *пьетъ?* хорошо, что выше стоитъ *лѣсъ*, такъ сказано *овесъ*, а ежели бъ выше стояло *носъ*, такъ бы въ риѳму пришлось сказать: *пьіётъ*, *овіёсъ*. Прекрасенъ будетъ языкъ нашъ съ такими нововведеніями!

Стр. 14. *То съ граблями знакомь родительскій удѣлъ.*

Родительскій удѣлъ знакомить съ граблями! Такъ прежде у насъ не писывали. Ломоносовъ никого не знакомилъ ни съ граблями, ни съ капустою, ни съ грибами.

Къ орудіямъ селянъ, — къ *доспѣхамъ* полевымъ.

Слово *доспѣхъ* произведено отъ слова *доспѣшникъ*, означавшаго воина. Слѣдовательно *доспѣхъ* значитъ особенно воинскую одежду и орудіе; а потому, кажется мнѣ, и не можно полевыя орудія, какъ то соху, борону, грабли, и проч. называть *доспѣхами*, развѣ токмо въ нѣкоторомъ ироническомъ смыслѣ, какъ напримѣръ: *Вотъ ихъ доспѣхи*! т. е. воинскія орудія.

Грохочущій лотокъ изъ липы изсѣки,
Изъ дуба изведи скрыпучіе возки,
Щебечущи цѣпы и грабли говорливы.

Стихи сіи, конечно, весьма звучны для уха; но разумъ захочетъ знать, почему липовой лотокъ названъ *грохочущимъ?* Онъ не больше *грохочущъ*, какъ и дубовой, или иной какой; и притомъ не иначе *грохочетъ*, какъ развѣ отъ катающихся по немъ подобныхъ сухому гороху вещей. *Щебечутъ* говорится о птицахъ мелкихъ и слабый голосъ имѣющихъ, а цѣпы напротивъ стучатъ. *Скрипучіе* возки, хорошо. *Говорливыя* грабли по моему хорошо, потому что онѣ во время дѣйствія дрожатъ и дѣйствительно какъ бы *говорятъ*. Впрочемъ я, можетъ быть, слишкомъ строго замѣчаю, но какъ я уже напередъ сказалъ, что сіи погрѣшности не отъемлютъ достоинства у перевода, то и хочу лучше быть излишенъ, нежели недостаточенъ въ моемъ чистосердечіи.

Стр. 16. Но естьли тучный листъ кругомъ ее *облёкъ*.

Какъ? и такія важныя слова, какъ *облекаю*, *облекъ*, можно для риѳмы превращать въ простонародныя *обліёкъ*, подобно низкимъ словамъ, таковымъ какъ *кліёкъ*, *куліёкъ*, и проч.? Нѣтъ! этого въ Русскомъ языкѣ не было, покуда новые писатели не стали облачать его въ нѣмецкой или французской слогъ, не разсуждая даже и о томъ, что ежели нѣмецъ ставитъ двѣ точки и пишетъ *Händchen*, *Gürtel*, то уже никогда тѣхъ же словъ не напишетъ *Handchen*, *Gurtel*; а у насъ коли риѳма *токъ*, такъ *облёкъ*; а коли *рекъ*, такъ *облекъ*; и вездѣ всякой, какъ кому хочется, пишетъ и *ее*, и *её*, и *медъ* и *мёдъ*, и *гнѣзда* и *гнёзда*. Какъ можно такому безобразію языка подражать и вводить это въ употребленіе!

Стр. 17. Еще надежда съ нимъ, и берегъ недалёкъ.

Можно ли не сожалѣть, встрѣчая такъ часто сіе *іо*, толь несовмѣстное съ важностію и чистотою нашего языка?

И чада вкругъ нее младыхъ снѣговъ *бѣлѣя*.

Грамматика не позволяетъ вмѣсто уравнительнаго *бѣлѣе*, писать дѣепричастіе

бѣлья. Сумароковъ писалъ нѣкогда *бѣляе*, но и то не хорошо и неправильно.

Оратай! подстрекай *недремлющей* рукой.

Можно сказать *недремлющее* око, *недремлющій* умъ (поелику уму придаютъ очи); но кажется прилагательное сіе ни къ рукѣ, ни къ ногѣ идти не можетъ.

Стр. 18 и 19. Разсыпь по ней дождемъ ячмень и *лёнъ* янтарный.
Тогда безъ трепета браздамъ *её* ввѣряй.
Горѣ искривленной вращается *стезёй*.

Вездѣ *іо*! одно что нибудь: или по книжному писать, или по разговорному. Въ первомъ случаѣ давно извѣстное *іо*, но всегда изгоняемое изъ чистоты языка, нигдѣ не писалось; во второмъ какъ бы вновь выдуманное и премудрымъ изобрѣтеніемъ превращенное въ *ё*, вводится въ употребленіе; но за чѣмъ же оставляется старое произношеніе? для чего одно и то же слово пишется двояко *ленъ* и *лёнъ*, *слезы* и *слёзы*? или одно *лёнъ*, а другое *дождемъ*, а не *дождёмъ*? Коли употреблять *іо*, такъ уже вездѣ употреблять, и вмѣсто *спасенъ*, *превознесенъ*, *именъ*, *надменъ*, писать *спасіонъ*, *превознесіонъ*, *иміонъ*, *надміонъ*, и проч. Судя по множеству сихъ *ё*, вездѣ встрѣчающихся въ концѣ и срединѣ стиховъ, мнѣ право кажется, что это уже не сочинитель, а наборщики ставятъ, гдѣ какъ попало; но за наборщиками сочинитель долженъ смотрѣть; иначе мы и грамматики станемъ писать по произволу наборщиковъ. Въ послѣднемъ стихѣ съ важными словами *горѣ*, *вращается*, простонародное произношеніе *стезёй*, такъ мнѣ кажется не хорошо, какъ бы кто въ бархатномъ кафтанѣ былъ въ лаптяхъ.

Стр. 20. Тамъ — гласъ твердитъ молвы — на югѣ — *бездыханна*
И безрасвѣтна нощь, надъ ней *безбрежна* тѣнь;
Иль Фебъ отъ насъ туда *оцвѣтшій* сводитъ день.

Черточки (тире) есть также новое изобрѣтеніе, показующее больше упадокъ, нежели возвышеніе ума. Онѣ, сколько ихъ ни наставь, не прибавляютъ ничего къ ясности смысла и силѣ выраженія. Никто изъ великихъ писателей не употреблялъ ихъ: ни Гомеры, ни Виргиліи, ни Тассы, ни Аріосты, ни Расины, ни Мильтоны, ни Ломоносовы, словомъ никто. И такъ повидимому онѣ изобрѣтены не тѣми великими умами, которыхъ мысли текутъ на подобіе величавой рѣки, но тѣми, которыхъ сила воображенія или связь мыслей ежеминутно прерывается, подобно ручейку, часто изсякающему, или отъ малѣйшей препоны совращающемуся въ сторону. Кому жъ изъ нихъ должно подражать? Въ самомъ дѣлѣ, я бы желалъ знать, почему слѣдующимъ образомъ прочитать стихи:

Тамъ — (*остановись*) гласъ твердитъ молвы — (*остановись*) на югѣ — (*остановись*) бездыханна и безрасвѣтна нощь, почему, говорю, сіи остановки нужны? для чего не прочитать:

Тамъ, гласъ твердитъ молвы, на югѣ бездыханна
И безразсвѣтна нощь?

Первое, прочитать такимъ образомъ гораздо лучше, и второе, здѣсь ясно, что *бездыханна нощь* относится къ слову *на югѣ*; а ежели станемъ читать по прежнему:

Тамъ — гласъ твердитъ молвы — на югѣ, то выдетъ двусмысліе; ибо съ сими черточками можно и такъ понять: *тамъ*, *на югѣ*, *гласъ твердитъ молвы*, и тогда въ остальномъ не будетъ смысла. На что жъ изъ ясности дѣлать неясность и затруднять читателя? Я думаю, съ сими черточками надлежитъ поступать весьма осторожно, и не иначе ихъ ставить, какъ рѣдко, и гдѣ необходимо нужно. Впрочемъ я не могу одобрить выраженія: *гласъ твердитъ молвы*, также и прилагательнаго: *бездыханна* нощь. О словѣ *оцвѣтшій* сказано было выше. Кажется, г. Раичъ беретъ глаголъ *оцвѣтать* за одно и то же съ глаголомъ *отцвѣтать*; но сила предлоговъ *о* и *отъ* весьма различна, и потому глаголы сіи не могутъ одно и то же значить. Сверхъ сего *день* есть не иное что, какъ сол-

нечный свѣтъ, которому свойственно *сіять*, а не *цвѣсти.*

Стр. 24. Не тратя ясныхъ дней на сельскіе *доспѣхи.*

Мы уже выше сего сказали, что слово *доспѣхъ* не можетъ въ семъ смыслѣ быть употребляемо. Можно сказать сельскіе орудія, снаряды, но не доспѣхи и не утварь.

То коши *ёмкія* плететъ изъ гибкихъ ивъ.

Хотя слово *ёмкія* есть простонародное и потому произносится больше *іомкія*, однакожь лучше пусть читатель произнесетъ самъ какъ хочетъ, нежели принуждать или пріучать его такъ произносить, вводя оное въ книги, и подавая чрезъ то поводъ отъ низкихъ словъ распространять сіе и на самыя важныя.

Стр. 25. Вращаютъ сонмы бурь, чреватыхъ ливнемъ *чёрнымъ.*

Замѣтимъ здѣсь первое, что ливень (т. е. дождь) не бываетъ *черный*, но прозрачный. И вторoе: можно ли, позволяетъ ли благородство и чистота языка, не только написать, даже произнесть *чёрнымъ*? Обыкновенно въ высокомъ слогѣ говорится *черный*, а въ простомъ *чорный*, но *чіорный* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, невозможно ни написать, ни произнести. Не ужъ ли же мы когда-нибудь достигнемъ до того, что, перенимая у французовъ, станемъ вмѣсто *сенаторъ* писать *сенатёръ*, а перенимая у простолюдиновъ, вмѣсто *онъ* писать *іонъ*? Откуду къ совершенной порчѣ языка такое правило, ни на какомъ разсудкѣ неоснованное, взято?

Стр 26. Онъ молнію на высь Родопа и Атоса
Послетъ—ихъ гордость—въ прахъ - и дождь густой съ небесъ,
И воютъ берега, и стонетъ дальній лѣсъ.

Замѣтимъ первое, что вмѣсто *высоты* сказать *высь*, сомнѣваюсь хорошо ли; но положимъ, что сіе сокращеніе терпимо, поелику смыслъ ясенъ. Станемъ говорить о второмъ: наука краснорѣчія и стихотворства, конечно, толкуетъ намъ о образахъ рѣченій, называемыхъ *опущеніями*; но въ нихъ также надлежитъ знать мѣру и употреблять ихъ съ разсужденіемъ, не дѣлая изъ нихъ загадокъ, и не нарушая для нихъ всѣхъ грамматическихъ связей. Стихотворство, ссорясь съ языкомъ и грамматикою, теряетъ свое достоинство. Ясенъ ли сей стихъ:

Послетъ - ихъ гордость—въ прахъ и дождь густой съ небесъ?

Это также одно изъ нововведеній, неизвѣстно откуду почерпнутое. Нигдѣ въ знаменитыхъ стихотворцахъ мы не найдемъ онаго. Я уже сказалъ, что *черточки* не дадутъ ни силы, ни смысла. Стихъ сей совершенная загадка: какъ бы я его ни толковалъ, вездѣ будетъ чего-то недоставать. Напримѣръ скажу: *послетъ молнію* , тогда послѣдующая рѣчь: *ихъ гордость въ прахъ* не будетъ имѣть глагола, равно какъ и вторая за нею: *и дождь густой съ небесъ*, тожъ не будетъ имѣть глагола; такимъ образомъ читатель принуждается угадывать сіи глаголы, но какъ бы ни ворочалъ, не угадаетъ. *Ихъ гордость — въ прахъ*; но что же въ прахъ? падетъ, падаетъ, пала, легла, низринулась, или что такое? Возьмемъ глаголъ *падетъ*; но тогда во второмъ стихѣ уже не будетъ *и воютъ берега*, а надобно сказать и *взвоютъ берега.* Возмемъ глаголъ *пала*; но тогда во второмъ стихѣ надобно сказать *и взвыли берега.* И такъ, чтобъ согласить глаголъ *воютъ* съ выраженіемъ *ихъ гордость—въ прахъ*, надлежитъ принять глаголъ *падаетъ*; но опять не хорошо: *послетъ—ихъ гордость — въ прахъ* (падаетъ). Здѣсь глаголъ *падаетъ* не согласишь съ глаголомъ *послетъ.* Вездѣ не клеится. Во второмъ полустишіи: *и дождь густой съ небесъ*, читатель также долженъ приложить глаголъ, какой хочетъ, напримѣръ льется, шумитъ, пошелъ, полился, хлынулъ, и проч. Прочитаемъ сіи стихи у Виргилія, найдемъ ли въ нихъ что-нибудь запутанное или похожее на загадку:

ille flagranti
Aut Atho, aut Rodopen, aut alta Ceraunia telo
Dejicit, ingeminant austri et densissimus imber;
Nunc ne mora ingenti vento, nunc littora, plangunt.

безъ черточекъ, а ясно, и читателю нечего угадывать.

Стр. 28. И вздрогнувши листы въ дубравахъ шепчутъ *чёрныхъ.*
На быстромъ кораблѣ пловца погибель *ждётъ.*

Я не хотѣлъ больше выписывать сихъ *іо̂*, но слѣдующіе стихи нельзя не выписать:

Стр. 30. Далеко отъ подругъ — мрачна — *уединённа,*
Расхаживаетъ вдоль по берегу ворона.

Вотъ какъ увлекаютъ насъ худые примѣры! Мы такъ привыкаемъ къ нимъ, что не чувствуемъ величайшихъ худостей. Какъ? изломать прилагательное уединенна въ *уединіо̂нна*, чтобъ сказать въ риѳму: *расхаживаетъ по берегу ворона*! Гдѣ найдемъ мы это до премудрыхъ нынѣшнихъ нововведеній?

Стр. 32. Оттолѣ тигра ревъ и вой волка,
И врана чернаго *торжественные* крики.

Вотъ чистые стихи, которые такъ и читать должно, а не произносить *ріо̂въ*, вмѣсто *ревъ*, или *чіо̂рнаго* вмѣсто чернаго. Ежели здѣсь стихи сіи не обезображены буквою *іо̂*, то за чѣмъ же подобные имъ въ другихъ мѣстахъ обезображены?

Стр. 34. Горитъ ли чистый свѣтъ съ *денницей* молодой,
Иль въ часъ, какъ блескъ его *мерцаетъ* за горой,
И утру ясному уступятъ мраки нощи,
И свѣтлый Аквилонъ жемчуги свѣетъ съ рощи.

Мнѣ кажется, когда мы переводимъ Виргилія (или ему подобнаго), то первое наше стараніе должно быть учиться у него, а не его учить, то-есть стараться такъ переложить его на свой языкъ, какъ бы онъ самъ то самое сказалъ на немъ, что̀ на латинскомъ говоритъ, не прибавляя ничего отъ себя, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко, и отнюдь не украшая его тамъ, гдѣ онъ говоритъ просто безъ украшенія. Иначе мы Виргилія испортимъ, и сами научимся говорить и думать не такъ, какъ онъ. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить здѣсь нѣчто въ подтвержденіе моимъ словамъ. Вышесказанные стихи у Виргилія суть слѣдующіе:

At si, quum referetque diem, condetque relatum,
Lucidus orbis erit; frustra terrebere nimbis,
Et claro silvas cernes aquilone moveri.

Всякъ видитъ, что они весьма различны съ переводомъ; въ нихъ просто сказано (выключая оборотовъ свойственныхъ языку), что когда солнце ***при захожденіи и восхожденіи бываетъ ясно, то облаки*** (или тучи) ***не страшны, свѣжій сѣверный вѣтръ разгонитъ ихъ.*** Въ переводѣ напротивъ простыя мысли сіи переиначены и прибавлены къ нимъ многія украшенія, какъ то: ***горитъ чистый свѣтъ съ десницей молодой, блескъ его мерцаетъ за горой***, вѣтръ ***жемчуги свѣваетъ съ рощи.*** Въ подлинникѣ ничего подобнаго нѣтъ. Все это прибавки, украшенія. Теперь разсмотримъ, Виргилій ли чрезъ то выигралъ, или переводчикъ проигралъ. Возмемъ первый стихъ:

Горитъ ли чистый свѣтъ съ денницей молодой,

(Въ переводѣ сказано съ ***десницей***, но я почитаю это опечаткою; ибо тогда не будетъ въ немъ никакого смысла). Стихъ сей, кудряво сказанный, долженъ означать утро. За нимъ слѣдуютъ два стиха:

Иль въ часъ, какъ блескъ его мерцаетъ за горой,
И утру ясному уступятъ мраки нощи.

Въ сихъ двухъ стихахъ, не смотря на слово ***иль*** (возвѣщающее какую либо другую пору времени) опять описывается утро. Слѣдовательно въ нихъ безъ нужды повторяется то, что̀ сказано уже въ первомъ стихѣ. При томъ замѣтимъ

здѣсь, что когда *при уступающихъ утру мракахъ блескъ мерцаетъ за горой*, то глаголъ *мерцаетъ* долженъ значить *сіяетъ, свѣтится*; но откуду вопреки языку дано ему сіе значеніе? *меркну, мерцаю, померкаю, померцаю, смеркаюсь*, суть слова происходящія отъ *мракъ*, и значащія *помраченіе, потуханіе* свѣта, а не *сіяніе*. Какимъ же образомъ по утру блескъ *молодой денницы*, т. е. восходящаго солнца, *мерцаетъ*, когда глаголъ сей по разуму языка значитъ *меркнетъ*, потухаетъ, становится мракомъ? Для избѣжанія отъ подобныхъ погрѣшностей надлежитъ крѣпко не довѣрять нынѣшнимъ писателямъ, я особливо такъ называемымъ геніямъ-стихотворцамъ, которые, кажется, приняли за правило писать стихи не учась языку, и рисовать картины не соображаясь съ природою. Наконецъ послѣдній стихъ:

И свѣтлый Аквилонъ жемчуги свѣетъ съ рощи.

есть украшеніе простыхъ Виргиліевыхъ мыслей, *развѣетъ облака, разгонитъ висящія надъ лѣсами тучи*. Украшенія бываютъ хороши, но надобно, чтобъ онѣ были у мѣста и соотвѣтствовали тому, о чемъ идетъ дѣло. Виргилію показалось нужнѣе, чтобъ вѣтръ *разгоналъ тучи*, нежели бы *свѣялъ жемчуги съ рощи*, и онъ правъ. Въ Русскомъ стихѣ нахожу я слѣдующее подходящимъ подъ справедливыя возраженія: 1-е, хотя въ латинскомъ и сказано *claro aquilone*, но мы о вѣтрѣ не говоримъ *свѣтлый вѣтръ*. 2-е, *жемчуги* не могутъ иначе значить, какъ росу; но здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ свѣять росу, а о томъ, чтобъ прогнать тучи, разчистить воздухъ. 3-е, *роща* есть имя особенной, отдѣленной части лѣса. И такъ *свѣять жемчуги съ рощи* естественно побуждаетъ спросить: съ какой рощи? ибо выраженіе сіе далеко не значитъ: очистить лѣсъ (а не какую-нибудь рощу) отъ покрывающихъ его тучъ, мрака. Трудно украшать Виргилія и прибавлять къ мыслямъ его свои!

Примѣчаній сихъ за недосугами не могъ я продолжить, и начатое письмо оставлю безъ окончанія. А потому и хотѣлъ я его изодрать; но вручитель сего, Степанъ Ефимовичъ Лошаковъ, выпросилъ его у меня, сказавъ, что онъ знакомъ и пріятель съ г. Раичемъ. Вы ему покровительствуете, а онъ его пріятель: вотъ почему и рѣшился я отдать ему съ тѣмъ, чтобъ онъ доставилъ вамъ на прочтеніе и раздраніе. Послѣднее приписываю спѣша, потому что онъ зашелъ ко мнѣ на минуточку. Прошу принять увѣреніе въ истинномъ и совершенномъ почитаніи и преданности, съ которыми навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

13 сентября 1821 года.

2.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше, ноября отъ 24-го, въ которомъ вы упоминаете о г. Раичѣ, что переводъ его не *не заслуживаетъ со стороны Академіи какого либо гласнаго поощренія*. Я совершенно съ вами согласенъ, и буду о томъ стараться. Но порядокъ требовалъ, чтобъ переводъ сей (какъ и всѣ другіе) отданъ былъ въ комитетъ, которой бы по разсмотрѣніи онаго сказалъ объ немъ свое мнѣніе, что̀ я и сдѣлалъ, ожидая на то отзыва. Между тѣмъ признаться должно, что комитетъ сей мало къ общему дѣлу усердствуетъ. Вотъ уже болѣе года, какъ онъ учрежденъ, но еще ни одной строки отъ него въ Академію не поступило; даже на сей отданный ему на разсмотрѣніе переводъ не было никакого отвѣта. Многіе изъ гг. членовъ, составляющихъ оный, никогда не ѣздятъ въ Академію. А какъ я положилъ себѣ за правило однимъ моимъ лицомъ безъ общаго согласія ничего не дѣлать, то и идетъ у насъ медленно. Нынѣ, видя безпечность сего комитета, я поручилъ прочитать переводъ сей другому разсматривающему комитету, и надѣюсь, что сей скорѣе отзовется. Тогда я предложу Академіи о наградѣ за оный. Про-

шу покорнѣйше приложенное при семъ письмо вручить г. Раичу. Я не знаю лично сего молодаго человѣка, но по видимымъ въ переводѣ Виргилія дарованіямъ его, и по вашимъ о немъ отзывамъ (не смотря на мои критическія замѣчанія), много его уважаю, и готовъ всею силою голоса моего одобрять его во всякомъ случаѣ. Сей часъ получилъ я изъ Вѣны нѣсколько книжекъ, въ числѣ коихъ нашелъ двѣ и на ваше имя надписанныя, почему и прилагаю здѣсь оныя. Я не имѣю нужды васъ, милостиваго государя, увѣрять, что переписка съ вами весьма мнѣ пріятна, а потому и желалъ бы чаще ею пользоваться. Между тѣмъ прошу быть увѣренными съ совершенной моей преданности и почитаніи, съ которыми навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

23 декабря 1821 года.

II. В. А. ЖУКОВСКАГО.

1.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить ваше пріятное письмо и вашу книгу. Отъ всего сердца благодарю ваше превосходительство за безцѣнный подарокъ. Отсутствіе мое въ Дерптъ причиною тому, что отвѣчаю нѣсколько поздно. Не почитаю за нужное увѣрять ваше превосходительство въ томъ, какъ высоко цѣню всякой знакъ вашей ко мнѣ дружбы. Вамъ извѣстно, какъ я привязанъ къ вамъ и какимъ почтеніемъ исполненъ къ вашему характеру.

О себѣ имѣю честь донести вашему превосходительству, что я здѣсь почти безъ дѣла. Занимаюсь изданіемъ книги своей (2); и такъ — почти ничѣмъ. Второй и послѣдній томы выйдетъ недѣли черезъ двѣ съ половиною, и тотчасъ будетъ доставленъ вашему превосходительству. Кончивъ это дѣло, поѣду въ Дерптъ; а весною, можетъ быть, загляну въ Москву и буду имѣть удовольствіе посѣтить васъ въ новомъ вашемъ домѣ (3). Изъ этого можете заключить, что еще моя странническая или странная жизнь не окончилась (4).

У насъ здѣсь праздникъ за праздникомъ. Для меня же лучшій изъ праздниковъ: присутствіе здѣсь нашего почтеннаго Николая Михайловича (5). Здѣсь всѣ жаждутъ его узнать, и видѣть его въ этомъ кругу также пріятно, какъ и быть съ нимъ въ его семьѣ: онъ обращаетъ въ чистое наслажденіе сердца то что для большей части есть только безпокойное удовольствіе самолюбія. Что

(2) Первымъ изданіемъ своихъ стихотвореній Спб. 1816, съ 4-ку, 2 ч.

(3) Въ Москвѣ близь Патріаршихъ прудовъ, на Спиридоновкѣ, нынѣ Н. Т. Аксакова.

(4) Здѣсь должно замѣтить, что В. А. Жуковскій не только не добивался близости ко двору, но долго и довольно настойчиво уклонялся отъ оной. Лишь въ слѣдующемъ 1817 году, съ выходомъ М. А. Протасовой въ замужество за Дерптскаго профессора И. Ф. Мойера, начался для него новый періодъ жизни. Около этого же времени прибыла въ Петербургъ будущая императрица Александра Ѳеодоровна, и Жуковскій поступилъ къ ней преподавателемъ Русскаго языка. Прекрасный характеръ царственной ученицы привязалъ къ себѣ поэтическую душу Жуковскаго, и онъ остался при дворѣ, гдѣ суждено ему было сослужить великую службу своему отечеству. Отсутствіе своекорыстнаго, личнаго разсчета и было причиною прочныхъ успѣховъ.

(5) Карамзинъ ѣздилъ въ Петербургъ за средствами и разрѣшеніемъ печатать свою исторію, и тогдашняя его жизнь описана въ его прекрасныхъ письмахъ въ Москву къ супругѣ. Письма эти, служащія немаловажнымъ матеріаломъ для исторіи тогдашняго общества, помѣщены въ книгѣ: Неизданныя сочиненія Н. М. Карамзина Т. I-й. Спб. 1862. 8°.

же касается до меня, то мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать. Я благодаренъ ему за счастіе особеннаго рода: за счастіе знать и (что̀ еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это, болѣе нежели что нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзинымъ*: тутъ соединено все что̀ есть во мнѣ добраго и лучшаго. Недавно провелъ я у него самой пріятной вечеръ. Онъ читалъ намъ описаніе взятія Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для Русскаго появленіе этой исторіи! Какое сокровище для языка, для поэзіи, не говорю уже о той дѣятельности, которая должна будетъ родиться въ умахъ. Эту исторію можно назвать *воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа*. По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ исторіи Русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всѣ оживятся, подымутся и получатъ величественный, привлекательный образъ. Счастливы дарованія, теперь созрѣвающія! Они начнутъ свое поприще, вооруженныя съ ногъ до головы ([6]).

Послѣ Карамзина не слѣдовало бы говорить о самомъ себѣ — но для чего же? Я желаю быть ему подобнымъ въ стремленіи къ хорошему. Во мнѣ живо желаніе произвести что нибудь такое, что̀ бы осталось памятникомъ доброй жизни. По сію пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію; но оно не умирало, а только иногда засыпало. Естьли обстоятельства не сдѣлались *счастливѣе*, то по крайней мѣрѣ *лучше*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нравственному лучше; вѣроятно, что буду болѣе въ ладу съ самимъ собою — это главное для поэзіи. О фортунѣ же попечется Провидѣніе.

Я долженъ кончить въ такую минуту, когда перо было разговорилось. Простите, ваше превосходительство. Имѣть всегда ту привязанность къ вамъ, какую имѣлъ я и прежде въ сердцѣ своемъ, есть для меня счастіе. Прошу васъ не перемѣнять ко мнѣ никогда безцѣнной вашей дружбы. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Жуковскій.

18 февраля
1816
(Спб.).

2.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства. Приношу сердечную благодарность за ваше дружеское, драгоцѣнное воспоминаніе. Какъ бы хотѣлось перепрыгнуть къ вамъ на берега Патріаршихъ вашихъ прудовъ и заглянуть въ ваше новое уединеніе; можетъ быть, лѣтомъ и буду имѣть это счастіе. Посмотрѣть на васъ значило бы

([6]) Исторія Карамзина вышла въ свѣтъ (8 т.) ровно черезъ два года, въ февр. 1818. „Казалось, древняя Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ„ выразился молодой Пушкинъ. И дѣйствительно, оцѣнивая черезъ полстолѣтія смыслъ Карамзинской исторіи, можно и теперь сказать, что въ ходѣ народнаго самопознанія, составляющаго главнѣйшій залогъ Русской будущности, безсмертный трудъ Карамзина по значенію своему можетъ быть поставленъ до нѣкоторой степени на ряду съ 1812 годомъ и освобожденіемъ крестьянъ: это, по счастливому (позднѣйшему) выраженію одного нашего писателя: la marée montante de la vie nationale (приливающія волны народной жизни).

возбудить воспоминаніе о хорошемъ прошломъ и разогрѣться для хорошаго въ будущемъ. Въ ожиданіи этого времени, мысль объ васъ, какъ о человѣкѣ принадлежащемъ къ немногочисленному совѣту тѣхъ людей, предъ коими хотѣлось бы со всѣхъ сторонъ быть чистымъ и правымъ, будетъ подстрекать меня къ доброму труду. Не скажу, чтобъ я много сдѣлалъ; у меня большая неровность въ работѣ! Часто какая то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы. За то готовлюсь! Чтобъ хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этою исторіею въ ея источникахъ: это я и дѣлаю ([7]). Безъ подмостокъ нельзя построить зданія. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками.

Простите, милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Возобновляя увѣреніе въ моей душевной къ вамъ привязанности, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Василій Жуковскій.

1817
Марта 1-го
Дерптъ.

3.

Портретъ Гёте, обѣщанный мною вашему высокопревосходительству, давно лежалъ въ моемъ портфелѣ, но я боялся ввѣрить его почтѣ, дабы не прислать вамъ великаго Германскаго поэта въ *измятомъ состояніи*. Теперь нашелся случай отправить его въ дорогу, не подвергая опасности. Принося вашему высокопревосходительству этотъ подарокъ, я нѣкоторымъ образомъ плачу долгъ благодарности: ваши стихи *Размышленіе по случаю грома*, переведенные изъ Гёте, были первые выученные мною наизусть въ Русскомъ классѣ, и первые же мною написанные стихи (безъ соблюденія стопъ) были ихъ подражаніемъ. И такъ мнѣ прилично подарить васъ портретомъ Гёте. Вы мой учитель въ поэзіи. Не назову себя вашимъ достойнымъ ученикомъ, но имѣю право благодарить васъ за то, что вы способствовали мнѣ познакомиться съ живыми наслажденіями поэзіи, въ которыхъ и высокая цѣль и главная награда поэта.—Я видѣлъ Гёте и могу поручиться вамъ за совершенное сходство портрета съ оригиналомъ ([8]). Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ принесть вамъ благодарность за удовольствіе, съ какимъ я читалъ послѣдніе ваши стихи. Всѣ четверостишныя басни прекрасны, нѣкоторыя изъ нихъ совершенны; это новый родъ и прелестный! Вамъ бы легко сказать себѣ: *что день, то четверостишная басня*! Легко бы и исполнить сказанное, и наконецъ непримѣтно составилось бы собраніе, единственное въ своемъ родѣ. — Еще повторю свой старый припѣвъ: *Записки! Записки!* Для нихъ очинено перо ваше, острое и живописное! Возмитесь за него, и вы подарите насъ драгоцѣнностью, сами же будете только наслаждаться воспоминаніемъ ([9]).

Скажу вашему высокопревосходительству нѣсколько словъ о себѣ: я принялся за новое изданіе стараго; надѣюсь, что будетъ хорошее. Между тѣмъ грожусь на Энеиду: вторая пѣснь кон-

([7]) Жуковскій думалъ тогда писать поэму „Владиміръ."

([8]) Жуковскій видѣлся съ Гёте въ 1821 г., въ первую свою поѣздку за границу. Близость ко двору нашему и Прусскому открыла ему доступъ и ко двору Веймарскому, и можетъ быть Гёте принималъ его не столько какъ поэта, сколько видя въ немъ высокопоставленнаго царедворца.

([9]) Записки эти нынѣ изданы.

чена; мало по малу переведу всю (10). Трудиться надъ переводомъ классика наслажденіе необыкновенное. Остальное все одни планы: вы знаете, что я богатъ планами! Помолите Феба, чтобы послалъ мнѣ и исполненіе. — О здѣшнихъ новостяхъ литературныхъ, политическихъ и всякихъ не пишу ничего: все новое доходитъ до меня старымъ. Надѣюсь, что Тургеневъ (11) не перестаетъ снабжать васъ извѣстіями о здѣшнемъ. Самая послѣдняя новость есть пріѣздъ нашего канцлера: я былъ у него и нахожу, что съ виду онъ кажется здоровѣе, но глухота его усилилась. И графъ Сергѣй Петровичъ здѣсь (12).

Я долженъ кончить, спѣшу отправлять письмо. Прося ваше высокопревосходительство сохранить мнѣ мое старинное мѣсто въ вашей памяти и повторя увѣреніе въ искренней моей къ вамъ привязанности, честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Жуковскій.

11 февраля
1823
(Спб.).

4.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Ваши стихи разшевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мнѣ пробудили (13). *Жуковскій, дай мнѣ руку:* въ этихъ словахъ, сказанныхъ мнѣ Дмитріевымъ, такъ много магическаго; онѣ мнѣ кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, въ лучшихъ годахъ которой Дмитріевъ и Карамзинъ играютъ такую свѣтлую роль. Какъ весело подать вамъ руку въ такую минуту, когда слава отечества опять вспыхнула яркимъ свѣтомъ. Въ стихахъ моихъ, написанныхъ на взятіе Варшавы, нѣтъ ничего замѣчательнаго, и они блѣдны стоя рядомъ со стихами Пушкина; но я ни однихъ стиховъ не писалъ съ такимъ живымъ чувствомъ, ибо написалъ ихъ въ первую минуту по полученіи извѣстія, воскресившаго душу, такъ долго бывшую подъ гнетомъ грустныхъ ощущеній всякаго рода (14): въ славѣ отечества есть что-то жизнедательное. И въ эту первую минуту всякое слово, и самое обыкновенное, казалось поэтическимъ; и я съ необыкновеннымъ чувствомъ написалъ первый стихъ, взятый у Державина: *раздавайся громъ побѣды.* Я слышалъ эти слова, глядя на Екатерину (15), и они, можно сказать, были

---

(10) Мысль не исполненная; переведены или по крайней мѣрѣ напечатаны лишь отрывки Энеиды. Упоминаемое изданіе стихотвореній Жуковскаго было третье, Спб. 1824, больш. 8°. 3 ч. Тутъ въ первыя появилась Орлеанская Дѣва.

(11) Александръ Ивановичъ Тургеневъ, коего переписка съ И. И. Дмитріевымъ будетъ также напечатана въ Русскомъ Архивѣ.

(12) Графы Румянцовы.

(13) Стихи эти были потомъ напечатаны рядомъ съ отвѣтомъ на нихъ Жуковскаго въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 годъ. Вотъ они: „Василію Андреевичу Жуковскому, по случаю полученія отъ него двухъ стихотвореній на взятіе Варшавы.

Была пора: питомецъ Русской славы,
И я во слѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы.
Рекла и бысть — и Польши тронъ упалъ.

Пришла пора: увянулъ, сталъ безгласенъ,
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
Но прочь *свое!* мой вечеръ тихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня одушевилъ.

Взыграй же духъ! Жуковскій дай мнѣ руку!
Пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патріотъ:
Хвала и честь Екатерины внуку!
Съ нимъ Русскій лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ.“

(14) Война, и моръ, и внѣшнихъ бурь напоръ.

(15) Жуковскій, 8 лѣтъ отъ роду, видѣлъ Екатерину на Потемкинскомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ весною 1791 г. Приведенный стихъ Державина былъ пѣтъ на этомъ праздникѣ.

выраженіемъ всего ея вѣка; сладостно было повторить ихъ въ обстоятельствахъ, достойныхъ временъ Екатерины. Ваши стихи, коими вы такъ меня обрадовали, свѣжи, какъ всѣ ваши прежніе. Что мнѣ отвѣчать на нихъ?

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчно юный,
Твоя пора! Твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣжъ.

—

Нѣтъ! никогда ничтожный прахъ забвенья
Къ твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

—

Державина струнамъ родныя, пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли,
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ;

—

Въ досужный часъ, вѣнкомъ изъ розъ обвитый,
Касался имъ Эротъ своей стрѣлой,
И рѣзвыя внимали имъ Хариты,
Склоняся на руку главой;

—

Игривую шутливость пробуждала
Камена въ нихъ, согласная съ пѣвцомъ,
И баснями гостей его плѣняла
Передъ домашнимъ камелькомъ ([16]).

—

Я помню дни: магически мечтою
Былъ для меня тогда расписанъ свѣтъ;
Тогда сорвалъ, явясь передо мною,
Покровъ съ поэзіи поэтъ.

([16]) Вмѣсто этой и предъидущей строфы, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ и въ собраніи сочиненій Жуковскаго, помѣщены имъ другія:

Ты намъ воспѣлъ какъ буйные Титаны,
Смутившіе Астреи нашей дни,
Ея орломъ низринуты, попраны,
Въ прахъ! въ прахъ! рекла...и гдѣ они?

И нынѣ тожъ, пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы руку подаешь.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ вдохновеньемъ
Твой голосъ я подслушивалъ тогда;
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ:
„И мнѣ наступитъ ли чреда?“

—

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ неземной,
Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности сопутникъ твой!

—

О какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ.

—

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ къ дѣламъ прекраснымъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

—

А ты цвѣти, пѣвецъ, нашъ вдохновитель!
Младый душой подъ снѣгомъ старыхъ дней,
Намъ долго будь и въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

Остальное надѣюсь договорить на словахъ, ибо надѣюсь скоро самъ увидать васъ въ Москвѣ. Съ душевнымъ почтеніемъ и неизмѣнною привязанностью честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Жуковскій.

16 октября, 1831. (Спб.)

5.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Давно, давно сбираюсь написать къ вашему высокопревосходительству и все откладываю—это одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ грѣховъ моихъ, въ которомъ каюсь передъ вами; но виноватъ единственно передъ самимъ собою, ибо лишаю себя истиннаго наслажденія,—бесѣды съ людьми, которые живутъ въ моемъ сердцѣ и съ которыми дѣлясь жизнію, весьма скучною въ своей ежедневности, можно бы было давать жизни болѣе вѣса; но что же дѣлать? Лѣнь

писать письма сдѣлалась какимъ-то нравственнымъ параличемъ, отъ котораго уже никакъ не надѣюсь изцѣлиться. Но въ любви моей къ вамъ нѣтъ паралича: вы все таки останетесь для меня на всю мою жизнь второю ипостасью нашего незабвеннаго Николая Михайловича. Я знаю, что вы этому вѣрите.— У меня давно лежитъ для васъ гостинецъ, привезенный мною вамъ изъ Италіи и изъ Берлина. Изъ Италіи на память о Римѣ Микель-Анжеловы Пророки и Сивиллы, гравированные Вольпатомъ; изъ Берлина простая табакерка съ Рафаелевою поэзіею—*каждому свое*. Еще же есть у меня въ запасѣ для васъ подарокъ другаго рода; но прежде долженъ испросить у васъ позволенія его вамъ доставить: это мой бюстъ, сдѣланный въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ скульпторомъ Вихманомъ; если вамъ захочется имѣть его, то прикажите — отправлю его съ транспортомъ. Иные находятъ, что онъ похожъ, другіе нѣтъ; я держу неутралитетъ. На счетъ этой посылки буду ожидать вашего отзыва. О себѣ скажу, что мое здоровье весьма поправилось послѣ моего путешествія: главнымъ лекаремъ моимъ была тихая, пустынническая жизнь на берегу восхитительнаго Женевскаго озера; такаго эпизода уже не будетъ другаго въ жизни. И Муза посѣщала меня въ этомъ уединеніи: всѣ грѣхи ея сданы мною Смирдину; онъ выставляетъ ихъ на показъ въ своей Библіотекѣ Чтенія. Здѣсь же я опять съ нею разстался, и мой золотой покой кончился. Дай Богъ только, чтобы не нажить опять того же, что меня принудило уже дважды скитаться по Европѣ: путешествіе для исканія здоровья весьма скучно и обременительно ([17]).

([17]) Въ 1826 и 1827 году Жуковскій также лечился въ чужихъ краяхъ.

Простите; можетъ быть, въ нынѣшнемъ году буду имѣть счастіе васъ увидѣть въ Москвѣ. Что то поговариваютъ о пребываніи будущею зимою государя императора въ первопрестольномъ градѣ? Это для меня весьма пріятная перспектива. Будетъ любо сердцу, когда увижу себя опять предъ вашимъ каминомъ; можетъ быть, съ нами будетъ и Тургеневъ. Съ душевнымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Жуковскій.

19 февраля 1834
С. П.-Бургъ

6.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству списокъ съ Записки Николая Михайловича Карамзина о Россіи, составленной имъ для в. к. Екатерины Павловны ([18]). Вы уже знаете о томъ, что счастливый случай доставилъ ее мнѣ въ руки; можетъ быть, вы уже и читали ее, ибо Вяземскій ее переписалъ для себя. Я не могъ прежде доставить вамъ копіи отъ того, что манускриптъ ходилъ по рукамъ и долго не могъ ко мнѣ возвратиться. Прочитавъ это твореніе, которое къ несчастію должно остаться въ неизвѣстности, вы съ новымъ чувствомъ благословите память нашего незабвеннаго друга: лучшей души земля не видала!

Я читалъ письмо ваше къ Д. И. Языкову ([19]) и былъ имъ сердечно тронутъ и внутренно поблагодарилъ васъ за то, что вы меня признаете способнымъ писать о Карамзинѣ. Можетъ быть, я исполню это назначеніе, но только не

([18]) Доселѣ, къ сожалѣнію, вполнѣ не напечатанной.

([19]) Непремѣнному секретарю бывшей Россійской академіи

для академіи: она требуетъ краткой біографіи для портрета. Посмотрю, буду ли умѣть написать ее. Но описаніемъ жизни и оцѣнкою генія Карамзина должно заняться съ благоговѣніемъ, приличнымъ предмету; оно не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. Когда поселюсь въ уединеніи (коего жажду всею душею), тогда примусь, можетъ быть, за это святое дѣло, которое будетъ, если не собственною моею исповѣдью, то по крайней мѣрѣ исповѣдью того, что̀ было въ моей жизни лучшаго. Дай Богъ, чтобы мнѣ удалось исполнить это намѣреніе и чтобъ вы, достойный представитель Карамзина, были судьею этого исполненія и его одобрили, въ чемъ конечно будетъ главная награда труда моего. Съ душевнымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Жуковскій.

1836, августа 23.
С. П.-Бургъ.

7.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я поручилъ г. Бартеневу ([20]) доставить вамъ экземпляръ новаго изданія моихъ сочиненій и особенный экземпляръ Ундины. Прошу учителя принять благосклонно приношеніе ученика. Напередъ знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мнѣ дѣлать? Я ихъ люблю; я увѣренъ, что никакой метръ не имѣетъ столько разнообразія, не можетъ быть столько удобенъ какъ для высокаго, такъ и для самаго простаго слога. И не должно думать, чтобы этимъ метромъ, избавленнымъ отъ риѳмъ, было писать легко. Я знаю по опыту, какъ трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что̀ кажется простымъ, выпрыгнувшимъ прямо изъ головы на бумагу, сто̀итъ наибольшаго труда. Это я теперь вижу изъ доставленныхъ мнѣ манускриптовъ Пушкина, которые къ несчастію долженъ разбирать: это на выворотъ! Ему бы слѣдовало то дѣлать для меня, что̀ мнѣ довелось дѣлать для него. Судьба, какъ и поэты, охотница до инверзіи. Съ какимъ трудомъ писалъ онъ свои легкіе, летучіе стихи! Нѣтъ строки, которая бы не была нѣсколько разъ перемарана. Но въ этомъ-то и заключается тайная прелесть творенія. Что̀ было бы съ наслажденіемъ поэта, когда бы онъ могъ производить безъ труда?—все бы очарованіе его пропало. О самомъ Пушкинѣ я не говорю вамъ ничего; вы вѣроятно читали мое подробное письмо къ С. Львовичу о послѣднихъ его минутахъ. Въ этомъ письмѣ заключается все какъ было. Что̀ же прибавили къ истинѣ и городскія сплетни, и сплетни другаго рода, о томъ хотѣлось бы забыть, и нѣтъ никакой охоты говорить. Разборъ бумагъ Пушкина мною конченъ. Найдены двѣ полныя, прекрасныя піесы въ стихахъ: *Мѣдный Всадникъ* и *Каменный Гость* (Д Жуанъ). Онѣ будутъ напечатаны въ Современникѣ (который друзьями Пушкина будетъ изданъ на 1837 годъ въ пользу его семейства); нашлось нѣсколько начатыхъ стихотвореній и мелкихъ отрывковъ; такъ же много начато въ прозѣ, и собраны матеріалы для исторіи Петра Великаго: все это будетъ издано. Теперь приступаемъ къ напечатанію полнаго собранія изданныхъ въ свѣтъ сочиненій. Неизданное же будетъ напечатано особо. Изданіе будетъ хорошее, но простое, чтобъ имѣть возможность напечатать болѣе экземпляровъ, продавать дешевле и собрать бо̀льшую сумму. Надѣюсь, что въ подписчикахъ недостатка не будетъ. Память Пушкина должна быть и всегда будетъ дорога отечеству. Какъ бы много онъ сдѣлалъ, если бы судьба ему выну-

([20]) Юрію Никитичу Бартеневу?

ла не такой тяжелый жребій, и если бы она не вздумала, послѣ мучительной жизни (тѣмъ болѣе мучительной, что причины страданій были все мелкія и внутреннія, для всѣхъ тайныя) вдругъ ее разрушить. Наши врали-журналисты, ректоры общаго мнѣнія въ литературѣ, успѣли утвердить въ толпѣ своихъ прихожанъ мысль, что Пушкинъ упалъ; а Пушкинъ только что созрѣлъ какъ художникъ, и все шелъ въ гору какъ человѣкъ, и поэзія мужала съ нимъ вмѣстѣ. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: онѣ его убили.

Надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть счастіе васъ увидѣть. Тогда поговоримъ подробно и о Пушкинѣ. Теперь только прошу вашего снисхожденія моимъ устарѣлымъ уже поэтическимъ дѣтямъ, которыхъ имѣю честь представить вамъ въ новомъ платьѣ. Можетъ быть, это послѣдній ихъ выходъ на сцену ([21]).

Съ душевнымъ почтеніемъ и съ неизмѣнною привязанностью честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою. В. Жуковскій.

Марта 12
1837
(Спб.)

Бартеневъ отказался везти это письмо и мою посылку. Посылаю ихъ по почтѣ. Марта 16.

III. К. Н. БАТЮШКОВА.

1

Ваше превосходительство. Я имѣлъ счастіе получить письмо ваше. Не нахожу словъ для изъясненія вамъ, милостивый государь, душевной признательности, за ободреніе маленькой Музы моей. Здѣсь, въ тишинѣ сельской, разсудокъ мой за одно съ истиною дѣлаетъ строгое вычитаніе изъ всего лестнаго, что изволите говорить на счетъ ея; но сердце упрямится и ничего уступить не хочетъ. Оно сохранитъ въ памяти письмо ваше на равнѣ съ краткими, но сладостными минутами, которыми я наслаждался въ домѣ вашемъ, въ обители Музъ. Страшусь быть суетнымъ и знаю твердо, что вы, милостивый государь, ободряете меня не за то что сдѣлалъ, но за то, что впередъ могу сдѣлать. Буду стараться оправдать вниманіе ваше, и, если по прошествіи нѣкотораго времени удается мнѣ написать что нибудь путное, прочное, достойное васъ, то съ слезами радости воскликну: Дмитріевъ ободрялъ нѣкогда мою Музу, онъ далъ ей крылья, онъ указалъ мнѣ прямой путь къ изящному!

Не могу вамъ изъяснить, какое добро сдѣлали мнѣ ваши волшебныя строки. Онѣ меня воскресили. — Я зналъ слабость моей прозы. Почти все было писано на скоро, на дорогѣ, безъ книгъ, безъ руководства и почти въ безпрестанныхъ болѣзняхъ. Большая часть моей книги писана *про себя*. Я хотѣлъ учиться писать, и въ прозѣ заготовлялъ воспоминанія или матеріалы для поэзіи. Самъ не знаю, какъ рѣшился напечатать это! Теперь же на досугѣ, перечитывая все снова, съ горестью увидѣлъ всѣ недостатки: повторенія, небрежности, и даже какое-то ребячество въ нѣкоторыхъ піесахъ. Посудите сами, какъ сердце мое уныло! Въ добавокъ къ несчастію, множество ошибокъ и грѣховъ типографскихъ поразили мои отеческіе взоры. И чужіе, и мои собственные грѣхи, полагалъ я, вооружатъ на меня нашу *неблагосклонную* публику и всѣхъ разставщиковъ кавыкъ и строч-

([21]) Жуковскій ошибся: послѣ этого изданія въ 8 томахъ ему пришлось печатать еще изданіе своихъ произведеній, уже за границею (1849). Нынѣ и это изданіе все вышло, и сочиненія Жуковскаго съ трудомъ и за большую цѣну отыскиваются въ книжной торговлѣ.

ныхъ препинаній, которые, не имѣвъ великихъ талантовъ, не могутъ имѣть и вашей снисходительности. Теперь я нѣсколько спокойнѣе и по крайней мѣрѣ себя не презираю. Надѣюсь, что вторая часть будетъ исправнѣе и разнообразнѣе первой. Я молю судьбу мою, — почти неумолимую! — чтобы она позволила мнѣ лично вручить ее вамъ, милостивый государь, какъ новый знакъ мой признательности и усердія. Меня никто до сихъ поръ не ободрялъ кромѣ васъ, но за то нѣсколько словъ вашихъ — не смѣю и думать, чтобы они были не искренни — нѣсколько словъ вашихъ, съ избыткомъ замѣняютъ похвалу нашей публики и скажу болѣе — всѣ дары Фортуны, къ поэтамъ рѣдко благосклонной. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга. Константинъ Батюшковъ.

Деревня
1817.
Августа, 10. ([22])

2

Ваше превосходительство, въ волненіи пріятнѣйшихъ чувствъ я читалъ письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Благосклонное вниманіе ваше къ моимъ Опытамъ оживляетъ меня, какъ волшебный прутикъ: оно меня не избалуетъ, ибо я принимаю его какъ ободреніе и чистосердечное желаніе мнѣ успѣха, а не награду за бездѣлки мои.

Я вручилъ Дмитрію Петровичу Сѣверину при отъѣздѣ его въ Москву второй томъ *Опытовъ*, только что вышедшій изъ типографіи, гдѣ его немилосердно изуродовали, къ смиренію моей авторской гордости. Къ моимъ беотизмамъ, наборщики столько собственныхъ своихъ беотизмовъ прибавили, что мои родительскія руки отъ ужаса опустились! Отправляя его къ вамъ, я умолялъ Сѣверина быть моимъ ходатаемъ за младшаго моего сына. Съ первой оказіей осмѣлюсь препроводить къ вамъ лучшій и исправнѣйшій экземпляръ, который, по крайней мѣрѣ по переплету, заслужитъ мѣстечко въ библіотекѣ вашей, то есть въ храмѣ вкуса. Ласкаю, себя надеждою, что вы, милостивый государь, примите его съ благосклонною улыбкою, какъ слабый, но искренній знакъ моей преданности; она не истощима, ибо безпрестанно питается чувствами глубочайшаго почитанія и благодарности. Имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

Константинъ Батюшковъ

Октября 26
1817.
С.-Петербургъ.

3

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, примите, ваше высокопревосходительство, мое искренное, душевное поздравленіе съ полученіемъ новой монаршей милости ([23]). Всѣ добрые, и слѣдственно привержённые къ вамъ люди, порадовались отъ всего сердца сему извѣстію. По крайней мѣрѣ я беру на мою долю все, что бы ни случилось вамъ пріятнаго въ жизни. Сегодня проведу вечеръ у Николая Михайловича, съ которымъ спѣшу раздѣлить удовольствіе. Семейство его, и онъ, благодаря Бога, здоровы, и онъ безъ сомнѣнія писать къ вамъ будетъ.

Дорожа вашимъ временемъ, не смѣю, (хотя бы и хотѣлось), продолжить моего письма, но осмѣлюсь повторить вамъ,

([22]) Писано изъ Новгородской деревни, села Даниловскаго, куда Батюшковъ уѣзжалъ тогда по случаю кончины отца своего. Говорится объ его „Опытахъ въ стихахъ и прозѣ“, изданныхъ въ Спб. въ этомъ году.

([23]) Пожалованіе въ дѣйст. т. сов.

милостивый государь, что никогда не изгладятся изъ души моей чувства глубокаго почитанія, преданности и признательности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Константинъ Батюшковъ.

С.-Петербургъ.
22 Февраля
1818.

4

Ваше высокопревосходительство, на сихъ дняхъ отправляюсь въ Неаполь. Покидая отечество, можетъ быть, и на долго, чувствую живо все что̀ покидаю. Не смѣю говорить вамъ о моей признательности и чувствахъ глубокаго почитанія; но сердце мое исполнено ими, и воспоминаніе о вашей ко мнѣ благосклонности останется на всегда прелестнѣйшимъ для меня воспоминаніемъ. Смѣю надѣяться, что вы, милостивый государь, не забудете человѣка, вамъ столь искренно преданнаго. Изъ Неаполя буду напоминать о себѣ; буду писать къ вамъ и изъ отчизны Горація и Цицерона. Эта мысль меня утѣшаетъ при отъѣздѣ изъ Россіи болѣе, нежели надежда увидѣть Италію. Съ глубокимъ почитаніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга.
Константинъ Батюшковъ.

С. Петербургъ.
1818.
Октября 31.

P. S. Возвращаю сказки Франц. съ благодарностію. Портретъ Суворова, на который изволили подписаться, при семъ прилагаю.

Если увидите Василья Львовича, прошу покорнѣйше сказать ему, что люблю его душевно и дружбы его нигдѣ не забуду.

IV. (ГР.) Д. Н. БЛУДОВА.

1.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Какой то духъ, вѣроятно нечистый, ибо онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ враждуетъ чистѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, и уже безо всякаго сомнѣнія злой въ отношеніи ко мнѣ, вооружился на мою переписку съ вашимъ высокопревосходительствомъ. Имѣю ли нужду увѣрять васъ, милостивый государь, что, выѣзжая изъ Москвы, изъ Петербурга, изъ Россіи, я помнилъ не только васъ и вашу постоянную ко мнѣ благосклонность, но и порученіе, данное вами при прощаніи: Парижъ доставилъ мнѣ удовольствіе исполнить его. На другой день моего пріѣзда, идучи по Итальянскому бульвару, я въ первой *книжной выставкѣ* открылъ Записки аббата Жоржеля ([24]). Зная, что въ то самое утро генералъ Поццо ([25]) отправлялъ курьера, я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, и только успѣлъ купить, запечатать книги и послать ихъ къ вамъ черезъ Сѣверина. Письмо, котораго тогда не могъ написать, отложилъ до другаго фельдъегера. Оно послѣдовало за посылкою, кажется, спустя недѣли три или четыре: дошло ли до васъ? Не знаю. Можетъ быть, не давно, если судить по той *необыкновенной* скорости, съ которою *ваше* письмо получено мною. Вы его (говоря языкомъ нашихъ дѣдовъ) *пустили* изъ Москвы въ началѣ Апрѣля

([24]) Записки іезуита аббата Жоржеля (изд. въ Парижѣ въ 1818 г.) не утратили до сихъ поръ для насъ нѣкоторой занимательности по отношенію къ исторіи католическихъ происковъ при импер. Павлѣ.

([25]) Знаменитый Поццо ди Борго, Русскій посолъ въ Парижѣ.

прошлаго года: оно весновало и провело большую часть лѣта въ Петербургѣ; остальное время, то есть осень и зиму, путешествовало по Германіи, отдыхало въ Парижѣ и наконецъ прибыло въ Англію, почти ровно черезъ годъ послѣ отправленія. Въ прибавокъ меня на ту пору не было въ Лондонѣ; измученный страшною жолчною болѣзнію, я долженъ былъ, едвали не по неволѣ, послушаться совѣта докторовъ и ѣздилъ пить Чельтенгамскія воды; по возвращеніи оттуда нашелъ любезную грамотку вашего высокопревосходительства, — любезную, не смотря на то, что въ ней вы слегка браните меня. Я ее принялъ, какъ вѣрный Арзамасецъ: съ радостію, которую вы безъ труда можете вообразить, и—съ смиреніемъ, ибо, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ отчасти заслужилъ ваши упреки. Доставя къ вамъ первые четыре тома Жорж еля, я конечно долженъ былъ послать за ними вслѣдъ и пятую часть его Записокъ, и реляцію его путешествія; но признаться ли? мнѣ эти позднѣйшія произведенія аббата эксъ-іезуита показались такъ мало достойны вашего вниманія, что я не захотѣлъ даже выписать ихъ изъ Франціи. Чувствую, что такое оправданіе весьма не удовлетворительно; послѣднія части сочиненія всегда нужны, по крайней мѣрѣ для порядка, въ такой порядочной и прекрасной библіотекѣ, какова ваша. За то я и не думаю оправдываться: просто винюсь и спѣшу, сколько могу теперь, загладить свою вину. По счастію нашелъ аббата Жорж еля въ одной Лондонской книжной лавкѣ, и какъ скоро случится добрый, сговорчивый курьеръ, то нагружу на него свою посылку къ вамъ, поруча ее посредничеству графа Каподистріи. Надѣюсь, что онъ будетъ исправнѣе другихъ моихъ коммиссіонеровъ.

Я наполнилъ объясненіями около трехъ страницъ, и вѣроятно вы уже утомлены моимъ огромнымъ посланіемъ. Продолжать-ли? Прибавить-ли, по вашему вызову — нѣсколько словъ о литтературѣ Англійской и о такъ называемой, нашей современной? Послѣдняя отъ меня скрылась за облако отдаленія; до насъ сюда не можетъ достигнуть ни одинъ печатный листокъ Русскихъ типографій, ни одинъ звукъ нашихъ лиръ, или балалаекъ. Благодаря вамъ, я на сихъ дняхъ вспомнилъ, что есть въ свѣтѣ нѣкто Каченовскій, нѣкто Шаликовъ и пр. и пр.; что эти люди съ жаромъ и важностью спорятъ о ключахъ нѣкоторой попадьи, и съ тяжелымъ легкомысліемъ невѣжества шутятъ надъ нашимъ исторіографомъ([26]). Богъ съ ними! ужасная болѣзнь, отъ которой я почти два года страдаю, которая лишила меня, правда не жизни, но живости, и безпрестанно умножаясь изсушаетъ остатокъ силъ моихъ, физическихъ и моральныхъ, сдѣлала однакожъ мнѣ и пользу: отъ нея, я уже не чувствую ни малой досады ни на какую глупость. Бесѣда и Академія, журналы Москвы и Петербурга, уже не могутъ ни взбѣсить, ни разсмѣшить меня; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется въ Лондонѣ; не знаю, какъ будетъ, когда возвращусь въ Россію.

Что сказать о состояніи здѣшней словесности? Вы, милостивый государь, по старой и благоразумной привычкѣ, еще называете Англію отечествомъ Аддисоновъ, Поповъ, Стилей, полагая сей титулъ въ числѣ другихъ ея славныхъ титуловъ. Повѣрите-ли, что нынѣ уваженіе къ блистательному вѣку ко-

---

([26]) Критическія статьи, въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы (изданіи Каченовскаго) появлялись въ видѣ разговоровъ, и разговаривающими лицами бывали просвирни и т. п.

ролевы Анны здѣсь едва терпимо? И кто, изъ Англичанъ или иностранцевъ, имѣетъ дерзость плѣняться краснорѣчивою простотою Аддисоновой прозы, или глубокомысліемъ, всегда яснымъ, стиховъ Попа, и сильною краткостью его выраженій, тотъ, благодаря господствующему вкусу, слыветъ литтературнымъ еретикомъ. Чтобъ быть православнымъ, надобно покланяться поэтамъ предшествовавшихъ вѣковъ, и чѣмъ древнѣе тѣмъ лучше, начиная отъ Мильтона и поднимаясь къ Шекспиру, Спенцеру, или что еще почтеннѣе къ Чоусеру и другимъ пѣснопѣвцамъ или пѣсельникамъ 14-го столѣтія. Любовь къ среднимъ вѣкамъ и ко всему готическому, здѣсь почти общая; отъ каменныхъ зданій перешла и къ твореніямъ воображенія. Въ этомъ согласны всѣ партіи и всѣ націи, составляющія Великобританскую; о прочемъ, какъ о литтературныхъ такъ и о политическихъ предметахъ, безпрестанные разногласія и споры, кои, однакожъ довольно мирнымъ образомъ, гремятъ въ журналахъ, въ парламентѣ, иногда на площадяхъ, и въ нѣкоторыхъ домахъ за вечерними обѣдами. Сей духъ раздѣленія, на партіи и націи, очень замѣтенъ въ томъ какъ опредѣляются мѣста нынѣшняго славнаго тріумвирата живыхъ поэтовъ. Какъ у насъ на Руси, въ Московскомъ университетѣ, удивляются одному Мерзлякову, въ Бесѣдѣ только Шихматову, а въ домѣ Оленина Гнѣдичу; такъ и здѣсь Ирландцы съ упрямствомъ и запальчивостью ставятъ выше всѣхъ своего земляка Мура, котораго мы Арзамасцы могли бы назвать Англійскимъ Батюшковымъ; Шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особливо за романы, въ самомъ дѣлѣ прекрасные, Вальтера Скотта, также какъ въ старину сражались за свою независимость; наконецъ Англичане, и болѣе прочихъ принадлежащіе къ оппозиціи, не дозволяютъ никого сравнить съ Лордомъ Байрономъ. Вотъ мнѣнія трехъ королевствъ о трехъ стихотворцахъ. Не спрашивайте о моемъ собственномъ. Какъ осмѣлиться объявить его? Теперь, сверхъ того, я не имѣю ни мѣста, ни времени, — прибавлю ни силъ. Вамъ, можетъ быть, уже давно извѣстно, что я боленъ, но никто не могъ вѣрно пересказать, какъ мучительна и несносна моя болѣзнь: я едва могу чувствовать и понимать; а думать, соображать и объяснять мысли, право, совсѣмъ, совсѣмъ не въ состояніи. Это одна изъ многихъ причинъ, которыя принуждаютъ меня оставить на время посольство и службу. Я уже выпросилъ дозволеніе и надѣюсь, на будущее лѣто,

> съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратиться.

Надѣюсь тогда побывать и въ Москвѣ, слѣдственно имѣть честь васъ видѣть. Ежели сія послѣдняя надежда не исполнится, то по крайней мѣрѣ я буду имѣть удовольствіе чаще и вѣрнѣе получать о васъ свѣдѣнія, и моя переписка уже не будетъ зависѣть отъ забывчивости курьеровъ, или безпечности экспедиторовъ.

Симъ заключу мое непристойно-длинное письмо, увѣряя еще разъ ваше высокопревосходительство въ чувствахъ глубокаго почтенія и искренней совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Д. Блудовъ.

Лондонъ $\frac{\text{25 марта}}{\text{6 апрѣля}}$ 1820 года

P. S. Я уже запечаталъ это письмо, когда ко мнѣ принесли три старыхъ Русскихъ газеты. Нахожу въ одной, что вы, милостивый государь,

получили орденъ св. Владиміра. Это случилось въ прошедшемъ году, и слѣдственно мои поздравленія дойдутъ до васъ довольно поздно; но пусть они будутъ, по крайней мѣрѣ, новымъ доказательствомъ исправности нашихъ Петербургскихъ корреспондентовъ. Какъ весело имѣть такихъ пріятелей и получать такія свѣжія извѣстія о любезномъ отечествѣ!

2.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Отвѣчая на письмо вашего высокопревосходительства, я долженъ смѣшать въ одномъ изъявленіи благодарность за нѣсколько доказательствъ вашей благосклонности и вниманія. Сначала, за это самое письмо, равно пріятное и неожиданное, ибо я полагалъ, что вы еще не знаете, что я въ Россіи; потомъ за человѣколюбивое ваше желаніе, которое по несчастію очень далеко отъ исполненія; наконецъ и за прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ подарокъ, отправленный вами ко мнѣ въ третьемъ году, но полученный мною только третьяго дня. Это послѣднее обстоятельство не удивитъ васъ, когда вы вспомните, что посредникомъ между нами былъ Тургеневъ: отъ того экземпляръ новаго изданія вашихъ сочиненій порадовалъ меня не въ Англіи, а въ Петербургѣ. Впрочемъ, не знаю сердиться ли мнѣ на вялаго въ своей живости вашего комиссіонера: онъ, правда, отнялъ у меня удовольствіе получить въ дальней сторонѣ лишній знакъ вашей лестной обо мнѣ памяти; за то и доставилъ удовольствіе другаго рода. Благодаря ему, ваши сочиненія были для меня по возвращеніи первой русской книгой, и слѣдственно первое впечатлѣніе родины *и литтературы родимой* было пріятное: но.... прибавить ли? это пріятное впечатлѣніе было донынѣ и послѣднимъ. Какъ между остатками древности, пышный перистиль часто ведетъ къ развалинамъ, такъ и за вашими первыми томами послѣдовали въ моихъ глазахъ, увы! *Сынъ Отечества*, *Русскій Инвалидъ*, *Благонамѣренный* и проч. и проч., и еще долженъ послѣдовать вѣчный *Вѣстникъ Европы*. Согласитесь, что я имѣлъ бы право пороптать на судьбу, которая какъ будто любитъ шутить надеждами: ея первыя встрѣчи почти вездѣ обманчивы, и вѣроятно нигдѣ болѣе какъ здѣсь, въ нашемъ отечествѣ, славномъ, сильномъ, но еще во многихъ отношеніяхъ столь бѣдномъ.

По крайней мѣрѣ въ словесности наша бѣдность несомнительна. Признаюсь, что я даже не ожидалъ найти ее въ такомъ плачевномъ состояніи. Ошибаюсь ли я? Желалъ бы отъ всего сердца; но мнѣ, можетъ быть отъ болѣзни, кажется, что у насъ все вянетъ или завяло; что все въ какомъ-то снѣ, и право не магнетическомъ, ежели судить по словамъ, которыя вырываются у спящихъ. Первый изъ нашихъ поэтовъ измѣнилъ Музамъ для юстиціи, а потомъ бросилъ все и упорствуетъ въ молчаніи(27). Другіе, кто доказалъ или обѣщалъ талантъ, на что употребляютъ его? Учатъ грамотѣ принцессъ (28) или сами учатся, иной придворному, иной подъяческому искусству, а между тѣмъ отдаютъ читателей въ жертву Богъ вѣсть кому! Самъ нашъ исторіографъ, переселясь на сѣверъ, заразился болѣзнію, если не лѣни, то медлительности: четвертый годъ корпитъ надъ однимъ девятымъ томомъ и видно, что ему также трудно описывать царствованіе

---

(27) Т. е. самъ И. И. Дмитріевъ, бывшій министромъ юстиціи.

(28) В. А. Жуковскій.

Ивана Васильевича, какъ было современникамъ сносить его. Скажите, милостивый государь, что значитъ такая всеобщая апатія, и что предвѣщаетъ. Какъ любимцу и оракулу бога истиннаго просвѣщенія, вамъ можетъ быть это извѣстно. Не приближается ли день страшнаго Фебова суда? И если такъ, то ненужно ли объявить о томъ заранѣе нашимъ писателямъ, особливо тѣмъ, кои должны готовиться къ длинной исповѣди: напримѣръ нѣкоторому графу ([29]), пережившему *родича*. Я съ пріѣзда успѣлъ уже увѣриться, что онъ не перестаетъ грѣшить во всѣхъ журналахъ, и еще недавно обидѣлъ Соломона переводомъ, а васъ новымъ посланіемъ.

Но говоря о грѣхахъ и исповѣди, чувствую, что и во мнѣ совѣсть не совсѣмъ покойна: мое собственное посланіе становится очень пространно и хотя не въ стихахъ, однакожъ вѣроятно не забавнѣе *выше упомянутаго*. Поспѣшу же его кончить, поручивъ себя снова въ благосклонность вашего высокопревосходительства.

Съ чувствомъ и пр.

С. П. Б.
27 Іюля 1820.

P. S. Я возвращался изъ Лондона не черезъ Парижъ, и слѣдственно не могъ привезти съ собою свѣжихъ цвѣтовъ Французской литтературы. Полагая однакожъ, что можетъ быть вы еще не читали Шатобріанова сочиненія о герцогѣ Берри, посылаю его къ вамъ: надѣюсь, что оно будетъ для васъ интересно, по крайней мѣрѣ какъ новость. Сверхъ того вы найдете въ немъ, особливо въ концѣ, нѣсколько страницъ достойныхъ краснорѣчиваго автора.

([29]) Хвостову, пережившему своего родственника, тоже писателя, А. С. Хвостова.

3.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Письмо вашего высокопревосходительства и обрадовало, и пристыдило меня. Оно мнѣ напомнило, что, препровождая къ вамъ чрезъ Д. В. Дашкова мою Франкфуртскую покупку, я исполнилъ не всѣ обязанности исправнаго коммиссіонера, не увѣдомивъ васъ о томъ съ своей стороны; но, слава Богу, оно же есть новое доказательство вашей любезной снисходительности, и въ семъ случаѣ прощеніе такъ скоро послѣдовало за виною, что предупредило, по крайней мѣрѣ, изъявленіе раскаянія. Къ этому осмѣлюсь прибавить, что я, хотя не совсѣмъ достоинъ вашего великодушія, однакожъ и не очень виноватъ. Не лѣнь, а обстоятельства были причиною моего молчанья. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что мы (я и жена моя), ѣздивъ въ даль за здоровьемъ, воротились домой больные; сверхъ того насъ дорогой опрокинули, разбили, а здѣсь мы нашли множество дѣлъ и непріятностей, то есть недобора въ доходахъ и долговъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Петербургѣ, я безпрестанно ищу средства выбиться изъ этого хаоса и, если не сбросить бремя, которое лежитъ на мнѣ, то хотя уменьшить его тяжесть, какъ нибудь, продажей, отреченіемъ отъ всего что̀ можно назвать прихотью; и въ такомъ занятіи, равно грустномъ и скучномъ, право не имѣлъ и времени, и силъ, признаюсь даже, и смѣлости, писать къ вашему высокопревосходительству, боясь, что въ письмѣ къ законодателю хорошаго вкуса и слога я вдругъ заговорю *безвкуснымъ* слогомъ купчей крѣпости или объявленія въ Опекунскій Совѣтъ. Такъ проходилъ день за днемъ; я ждалъ роздыха сердцу и про-

ясненія мыслей, почти такъ же какъ добрые суевѣры-квакеры ждутъ наитія духа, чтобъ быть краснорѣчивыми, а между тѣмъ первыя тетради микроскопическаго изданія Вольтера дошли до васъ, и курьеръ привезъ къ намъ еще шесть новыхъ. Кажется, я могу поручиться вашему высокопревосходительству и за слѣдующія: онѣ будутъ пріѣзжать сюда съ депешами барона Анстетта, и на сей разъ, по крайней мѣрѣ, въ его пакетѣ будетъ истинное остроумie, а отселѣ уже найдутъ дорогу въ Москвѣ, даже и безъ меня, ежели что нибудь принудитъ насъ опять разстаться съ Петербургомъ.

Настоящей, то есть русской, цѣны Вольтера и политическаго Пѣсельника, который былъ его спутникомъ отъ цвѣтущихъ береговъ Майна до гранитнаго берега Невы, я самъ навѣрное не знаю. Рейнскими деньгами за все заплачено 73 гульдена, и я не могу добиться отъ своего банкира, чтобы онъ расчелъ, сколько въ томъ нашихъ бумажныхъ рублей: эти господа такъ избалованы Ротчильдовой фантасмагоріей, что презираютъ всякую сумму ниже милліона. По нынѣшнему состоянію курса, вѣроятно, что теперь я въ долгу у васъ—семью или осмью рублями. Какъ же вы мнѣ велите заплатить ихъ? Не книгами, думаю, потому что здѣсь книги сдѣлались почти запрещеннымъ товаромъ, и между прочимъ тѣ, которыя я купилъ въ Германіи, больше мѣсяца странствуютъ по мытарствамъ таможни и цензуры.

Кстати о книгахъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, о томъ чтò я *видѣлъ*, *слышалъ* о литературѣ за *морями*, но мое письмо и такъ ужъ очень длинно: начавъ его извиненіями въ молчаніи, не долженъ-ли я при концѣ смиренно повиниться въ болтливости, и такъ ли вамъ будетъ легко простить мнѣ сей новый *грѣхъ*?

Заключаю этимъ *моднымъ* словомъ, прося васъ, не по модѣ, а искренно, не переставать вѣрить чувствамъ высокопочитанія и преданности, съ коими я имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшимъ слугою. Д. Блудовъ.

С. Петербургъ
3-го Ноября 1825 года.

P. S. Нашего почтенно - любезнаго исторіографа я съ пріѣзда видѣлъ только однажды: онъ и Жуковскій живутъ въ придворномъ уединеніи (30). Бѣдный эксъ-балладникъ очень нездоровъ.

4.

Вы мнѣ дозволили, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, иногда напоминать вамъ о себѣ, и даже отбросить всѣ формы оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ писемъ къ высокопревосходительствамъ. Но я доселѣ не пользовался этимъ любезнымъ дозволеніемъ, по давнишней, закоренѣлой моей стыдливости въ перепискѣ; ждалъ случая, то есть новыхъ тетрадокъ Вольтера въ микроскопическомъ изданіи, наконецъ дождался трехъ нумеровъ и отправляю ихъ, говоря себѣ съ какою-то гордостію, которая впрочемъ не смѣшнѣе и не неосновательнѣе многихъ другихъ, что теперь въ вашей памяти мое имя соединено съ именемъ славнаго автора.

Велите ли вы мнѣ здѣсь кончить, или сказать въ прибавокъ нѣсколько словъ объ моемъ житьѣ-бытьѣ, объ насъ, то есть о тѣхъ обывателяхъ Петербурга, въ которыхъ вы принимаете благосклонное участіе? Слава Богу, мы хоть не совсѣмъ здоровы, но живы и

---

(30) Т. е. въ Царскомъ Селѣ.

живемъ по старому. Сѣверинъ еще не за моремъ и не за горами; Полетика сенаторствуетъ и трудится, даже болѣе прежняго, ему поручено ревизовать здѣшнюю губернію; Дашковъ, какъ и прежде, неутомимъ въ работѣ и лѣнивъ на выѣзды, любитъ нѣжно друзей своихъ и почти никогда съ ними не видится; а я спускаю день за днемъ, исполняя мои неважныя и нетяжкія обязанности и думая объ другой меланхолическо-пріятной, объ изданіи двѣнадцатаго тома исторіи ([31]); часто страдаю, особливо отъ дурной погоды, и брожу до усталости, не смотря на погоду; иногда зѣваю посреди такъ называемыхъ веселостей свѣта, иногда сладостно грущу съ мыслію о томъ, котораго *мы* никогда не забудемъ. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, время проходитъ, и если въ своихъ различныхъ движеніяхъ душа моя зрѣетъ, то оно проходитъ не даромъ.

Но пора кончить этотъ отвѣтъ, можетъ быть слишкомъ полный; кажется, однако жъ, что онъ не успѣлъ вамъ наскучить, потому что умѣстился на одной страничкѣ. Хорошо бы, еслибъ было возможно писать всѣ отвѣты въ такомъ размѣрѣ. Въ заключеніе дозвольте, по обычаю и по чувству, увѣрить ваше высокопревосходительство въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности. Д. Блудовъ.

23-го Ноября
1826-го года
С. Петербургъ.

P. S. Жена моя поручила мнѣ, разумѣется по французски, напомнить вамъ и объ ней: сверхъ того говоритъ, чего я не смѣю сказать: какъ мы всѣ желаемъ, чтобы вы рѣшились заглянуть въ Петербургъ.

([31]) Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина.

5

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Я дожидался новыхъ ливрезоновъ микроскопическаго Вольтера, чтобы, отправляя ихъ къ вашему высокопревосходительству, имѣть случай напомнить вамъ объ себѣ, *объ умирающемъ*, и оправдаться передъ вами въ винѣ долгаго молчанія. Эта вина, если только вы замѣтили ее, была совершенно невольная. Я молчалъ, я можетъ быть и теперь еще долженъ бы молчать, потому единственно, что не въ состояніи говорить порядочно, потому что нѣсколько мѣсяцевъ сряду не могу ни умереть, ни ожить. До вашего высокопревосходительства вѣроятно дошелъ слухъ, что, при началѣ нынѣшний весны, я былъ у воротъ того свѣта, и едва ли возвратился. Съ тѣхъ поръ я только перехожу отъ одной болѣзни къ другой: ужасную жолчную горячку смѣнила столь-же ужасная и еще болѣе мучительная хирагра въ обѣихъ рукахъ; потомъ ея острые соки бросились въ затылокъ, и доселѣ я не перестаю страдать; несносныя боли въ боку, въ груди, въ хрестцѣ, тошнота почти ежечасная и не рѣдко съ рвотою, не даютъ мнѣ покоя ни на минуту; а что всего хуже, всего нестерпимѣе, послѣдствіемъ сихъ страданій есть слабость или лучше сказать изнеможеніе въ такой степени, что я сдѣлался почти вовсе неспособенъ къ труду. Часто бываю не въ состояніи исполнять самыхъ необходимыхъ обязанностей службы, а отъ такъ называемыхъ свѣтскихъ давно и совсѣмъ отказался. Однимъ словомъ, я разрушаюсь и чувствую свое разрушеніе: вяну не только тѣломъ, а и умомъ и духомъ, всѣмъ..... кромѣ сердца, какъ смѣю думать......

Этотъ остатокъ теплоты сердечной еще иногда пробуждаетъ и поддержи-

ваетъ меня. Благодаря ему, я, хотя медленно, однако-жъ готовлюсь къ изданію двѣнадцатаго тома Русской исторіи; примѣчанія къ тремъ первымъ главамъ написаны, пересмотрѣны, къ генварю, какъ кажется, будутъ готовы и четвертая глава, и начало пятой, и мы приступимъ къ типографическому дѣлу. Я считаю долгомъ сообщить о семъ вашему высокопревосходительству, какъ о единственномъ пріятномъ извѣстіи, которое теперь могу сообщить вамъ о себѣ. И, говоря съ вами, какъ не думать и не говорить о Карамзинѣ! Драгоцѣнное произведеніе его послѣднихъ дней будетъ лучшимъ изъ всѣхъ монументовъ; однакожъ я не теряю изъ вида и мысли, предложенной г-мъ Писаревымъ, воздвигнуть ему памятникъ болѣе матеріальный. Главное затрудненіе, вѣроятно, будетъ не въ деньгахъ: подписка и другія средства легко доставятъ намъ всю нужную сумму; можно найти и художника съ дарованіемъ и чувствомъ, у меня ужъ и есть одинъ на примѣтѣ, но гдѣ взять мѣсто для такого памятника? Если поставить его тамъ, гдѣ лежитъ тѣло нашего незабвеннаго друга, то монументъ его смѣшается съ другими обыкновенными мавзолеями людей обыкновенныхъ. Невское кладбище не Вестминстеръ, въ немъ нѣтъ особаго отдѣленія для памятниковъ славы; и можетъ быть вообще мѣсто слишкомъ открытое, публичное, не совсѣмъ прилично для статуи человѣка, коего жизнь была посвящена великимъ, но уединеннымъ трудамъ кабинета, и репутація есть, хотя отечественная, но не народная. Памятникъ Карамзина мнѣ хотѣлось бы видѣть не на могилѣ его и не на площади, а внутри храма наукъ, только истиннаго, достойнаго сего имени. Я сказалъ бы въ одной изъ Академій, но боюсь, чтобы, не смотря на грустныя воспоминанія, вы при этомъ словѣ не разсмѣялись. Впрочемъ, о своей послѣдней мысли я еще не сообщалъ никому; мнѣ прежде всего нужно ваше одобреніе ([32]).

Здѣсь слабость и обязанность возвратиться къ моимъ ежедневнымъ занятіямъ принуждаютъ меня кончить; заключаю свое письмо обыкновенными, но тѣмъ не менѣе искренними увѣреніями въ чувствахъ высокопочитанія и живѣйшей привязанности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства преданнѣйшимъ слугою. Д. Блудовъ.

С-Петербургъ 11 декабря
1827-го года.

6

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Я медлилъ отвѣтомъ на предпослѣднее письмо вашего высокопревосходительства, потому единственно, что мнѣ хотѣлось прежде исполнить изъявленное въ семъ письмѣ желаніе ваше. Оно исполнено, по крайней мѣрѣ отчасти. Г. Измайловъ ([33]) сдѣланъ членомъ Московскаго цензурнаго комитета и вѣроятно, какъ старшій въ чинѣ, послѣ переименованія г-а Аксакова ([34]) въ титулярные совѣтники, будетъ представленъ въ предсѣдатели, ежели только до тѣхъ поръ этотъ комитетъ не измѣнится въ своемъ образованіи и составѣ. Другаго диллетанта цензуры, Курбатова, нельзя было опредѣлить: цензорскихъ мѣстъ въ Москвѣ уже нѣтъ, ибо Аксакову, какъ мнѣ кажется, не быть директоромъ типографіи, а сверхъ того и попечитель,

---

([32]) Въ дѣлѣ о сооруженіи памятника Карамзину, въ Симбирскѣ въ 1845 г. гр. Д. Н. Блудовъ принималъ живое участіе.

([33]) Владиміръ Васильевичъ Измаиловъ.

([34]) Сергѣя Тимофѣевича Аксакова.

съ которымъ я говорилъ о г. Курбатовѣ, не соглашается представить его, какъ мало чиновнаго, малослужившаго, и проч. и проч. Онъ однако же думаетъ помѣстить его въ тотъ же цензурный комитетъ, но не членомъ, а секретаремъ ([35]).

Страдая ужасно отъ новаго прилива крови къ печени, готовясь брать ванну и ставить піявицы къ своему несчастному правому боку, я не въ состояніи продолжать и заключаю письмо обыкновенными, но тѣмъ не менѣе искренними, отъ сердца, увѣреніями въ чувствахъ высокопочитанія и преданности, съ коимъ я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшимъ слугою. Д. Блудовъ.

С. ПБ.
26-го Февраля
1828 года.

7.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Получивъ изъ Франкфурта новый транспортъ Вольтеровыхъ сочиненій, спѣшу препроводить его къ вашему высокопревосходительству. Съ тѣхъ поръ, какъ я отправилъ къ вамъ предпослѣдній, кажется въ декабрѣ минувшаго года, я не переставалъ страдать и страдать всячески. Изнуряющая меня болѣзнь не уменьшается, а напротивъ усиливается съ каждымъ днемъ, и всѣ ея печальные феномены, физическіе и моральные, также съ каждымъ днемъ умножаются, становятся печальнѣе и тягостнѣе. Сверхъ того весь домъ мой съ нѣкотораго времени обратился въ лазаретъ; жена моя больна, дѣти также; двое недавно были въ величайшей опасности. Все это истощило остатокъ силъ моихъ, и право я иногда самъ удивляюсь, какъ еще могу жить, то есть волочить жизнь безъ живости, какъ могъ написать даже и сіи немногія и нескладныя строки.

Надѣюсь, что, по своей обыкновенной снисходительности, вы мнѣ простите эту нескладицу и не перестанете вѣрить чувствамъ высокопочитанія и преданности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Блудовъ.

С.Петербургъ
31-го Генваря
1829-го года.

8.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Наконецъ я могу писать къ вашему высокопревосходительству, потому что наконецъ мнѣ удалось, не скажу исполнить, но видѣть исполненіе желанія, которое вы изъявили мнѣ и черезъ Нечаева и въ послѣднемъ письмѣ вашемъ. Сегодня окончательно рѣшено, что въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ по его новому образованію будетъ сверхъ профессоровъ, не одинъ, а два сторонніе цензора, и сими цензорами, съ высочайшаго утвержденія, сдѣланы г-нъ Измайловъ и Глинка. Слава Богу! теперь ихъ существованіе, хотя и скуднымъ образомъ, но кажется обезпечено, и я радуюсь этому отъ всего сердца, можетъ быть не *во первыхъ*, а *во вторыхъ*, потому что вы принимаете участіе въ судьбѣ сихъ бѣдныхъ и если не хорошихъ, то по крайней мѣрѣ добрыхъ литтераторовъ. Вамъ же, именно вашему, они одолжены симъ гораздо болѣе, нежели моему содѣйствію ([36]).

([35]) Гр. Д. Н. Блудовъ въ это время былъ товарищемъ министра народн. просвѣщенія. Въ это время цензурное вѣдомство преобразовалось по уставу 1828 г., составленному Д. В. Дашковымъ, коего помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій

([36]) Сличи Записки С. Н. Глинки въ Русск. Вѣстн. 1866 г. № 3, стр. 137—139.

Сообщивъ вашему высокопревосходительству сіе полуоффиціальное извѣстіе, я останавливаюсь и спрашиваю самаго себя, продолжать-ли, сказать-ли что нибудь о себѣ? Кажется, должно, ибо я знаю ваше благосклонное вниманіе ко всему чтò касается до меня; но съ другой стороны, мнѣ какъ-то совѣстно, среди общей печали ([37]), говорить объ моемъ положеніи, то есть объ моемъ печальномъ здоровьѣ. Оно по прежнему ни мало не поправляется: напротивъ, становится часъ отъ часу хуже, хилѣе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ убійственная осенняя погода явилась на нашемъ горизонтѣ во всѣхъ своихъ видахъ, стужи, сырости и перемѣнныхъ буйныхъ вѣтровъ. Я почти отказался отъ надежды выздоровѣть и только стараюсь не упасть духомъ подъ бременемъ тѣлесныхъ страданій и разслабленія. Чувство долга, и едва-ли не это одно, иногда еще оживляетъ меня, и вы безъ сомнѣнія отгадаете, что, въ числѣ моихъ обязанностей я считаю дѣло, порученное мнѣ нашимъ незабвеннымъ исторіографомъ. Оно приходитъ къ концу. Я теперь занимаюсь механической и однакожъ пріятной работой: читаю корректуру XII-го тома его исторіи и скоро надѣюсь, съ позволенія Катерины Андреевны, доставить вамъ листы текста, а можетъ быть и примѣчаній. Съ какимъ чувствомъ или съ какимъ смѣшеніемъ разныхъ чувствъ вы услышите сію настоящую пѣснь лебедя! Она не обманетъ ожиданій вашихъ и всѣхъ истинныхъ судей литтературы. Талантъ Карамзина блистаетъ и на послѣдней написанной имъ страницѣ, и послѣднія черты его кисти также вѣрны и живы, какъ въ лучшихъ и счастливѣйшихъ мѣстахъ его лучшаго, безсмертнаго сочиненія. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось вручить вамъ лично, читать и перечитывать съ вами эти завѣщанныя имъ мнѣ страницы. Не знаю, удастся-ли!

Между тѣмъ надобно кончить письмо, повторивъ еще разъ увѣренія въ чувствахъ высокопочитанія и преданности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Блудовъ.

С. ПБ.
17 Ноября
1828-го года.

9

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Спѣшу изъявить вашему высокопревосходительству мою искреннюю, сердечную признательность за новый знакъ вашего благосклоннаго вниманія. Участіе, которое вы принимаете во всемъ чтò до меня касается, есть одна изъ немногихъ и весьма немногихъ пріятностей моей увядающей жизни, и ваше, осмѣлюсь ли такъ сказать, милое поздравленіе съ перемѣною моего *наименованія* въ службѣ, порадовало меня почти столько-же, какъ самая милость государя([38]). Чувствую вмѣстѣ съ вами, что для оправданія сей милости, для того, чтобы не быть совершенно недостойнымъ, мнѣ было бы нужно по крайней мѣрѣ возвращеніе прежнихъ моихъ силъ и здоровья, но кажется, что и здоровье, и съ нимъ всe то чтò могло меня сдѣлать къ чему нибудь годнымъ, измѣнили мнѣ, едвали не на всегда, и я долженъ, благодаря васъ за доброе христіанское ваше желаніе, прибавить, что оно не исполняется. Напротивъ, я съ каждымъ днемъ больше страдаю, больше хилѣю и съ нѣкотораго времени смотрю на каждый день, какъ на послѣдній моего грустнаго бытія. To be, or not to be, — жить

([37]) Кончина имп. Маріи Өеодоровны

([38]) Чинъ тайнаго совѣтника.

или не жить, спрашивалъ Гамлетъ; а я въ свою очередь готовъ иногда спросить: что это? жизнь или не жизнь, когда сердце въ состоянiи только ныть, способность мыслить какъ будто цѣпенѣетъ, а кровь стынетъ въ жилахъ; когда надобно усилiе, чтобы отдѣлить голову отъ подушки, или протянуть руку къ перу или къ книгѣ.

Но полно: я безъ сомнѣнiя уже надоѣлъ вашему высокопревосходительству своимъ однообразнымъ, однотоннымъ оханьемъ. Заключу мое письмо прiятнѣйшимъ, то есть желанiемъ, чтобы вы счастливо встрѣтили и проводили приближающiйся для насъ, а для другихъ уже начавшiйся новый годъ. Вмѣстѣ съ симъ усерднымъ желанiемъ, примите и увѣренiе въ извѣстныхъ высокопочитанiи и преданности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Д. Блудовъ.

25-е Декабря
1828-го года.

P. S. Дашковъ былъ еще въ Яссахъ 10-го сего мѣсяца, но собирался ѣхать, и мы ждемъ его съ часу на часъ.

10

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Пользуюсь отъѣздомъ г. Муханова въ Москву, чтобы въ нѣсколькихъ строчкахъ изъявить вашему высокопревосходительству мою искреннюю, живѣйшую благодарность за новый знакъ вашего вниманiя и участiя въ письмѣ отъ 5-го генваря. Я почти готовъ благодарить и судьбу за то, что она происшествiемъ довольно обыкновеннымъ въ началѣ года напомнила обо мнѣ вашему высокопревосходительству. Можетъ быть, вы спросите, для чего я какъ будто ожидалъ этого, не напоминая самъ о себѣ; но надѣюсь, что вы отгадаете отвѣтъ. Мой характеръ, мои привычки, или странности, давно извѣстны вашему высокопревосходительству. Съ самаго малолѣтства до нынѣшнихъ лѣтъ моихъ, увы! весьма уже далекихъ отъ молодости, меня мучитъ, томитъ особая нравственная болѣзнь, — болѣзнь страха быть въ тягость. Отъ нея, не говоря уже ни о чемъ другомъ, я между прочимъ часто отказывался и отказываюсь отъ самыхъ прiятныхъ обществъ, отъ самыхъ прiятныхъ сношенiй. Она же въ теченiи почти года мѣшала мнѣ сказать вамъ даже и два слова о моемъ житьѣ-бытьѣ, о моихъ неизмѣняющихся къ вамъ чувствахъ, въ которыхъ все соединяется: и глубокое уваженiе къ нравственному характеру вашему и достоинствамъ, и душевная привязанность, и благодарность человѣка, умѣющаго цѣнить благосклонность людей необыкновенныхъ. Мнѣ всякой разъ, когда я думаю приняться за перо, приходитъ на мысль, что эти два слова для васъ не имѣютъ никакого интереса и что письмо мое, не смотря на свой форматъ и краткость, падетъ къ вамъ въ руки со всею тяжестiю оффицiальнаго и пустаго отношенiя. Самые случаи къ перепискѣ судьба какъ будто нарочно отнимала у меня. Безконечное микроскопическое изданiе Вольтера окончено; извѣстiй политическихъ, хотя и много, но всѣ онѣ доходятъ до васъ не позднѣе, иногда и прежде, нежели къ намъ; съ литтературой разрушились мои послѣднiя связи съ тѣхъ поръ, какъ я уже не присутствую въ главномъ управленiи цензуры и не имѣю времени читать даже журналовъ, съ тѣхъ поръ какъ я люблю ее, какъ любятъ потеряннаго мертваго друга, безъ надежды свидѣться съ нимъ и снова насладиться его милой беседой!... О чемъ-же, такъ ду-

малъ я, буду писать, какая идея, достойная васъ, можетъ выйти изъ моей бѣдной головы, обремененной такъ называемыми текущими дѣлами! Увы, нашъ умъ почти также какъ сабля, которая скорѣе тупѣетъ, когда ею рубить землю, дерево, камень, нежели отъ настоящаго дѣйствія въ сраженіи!

Вотъ мои оправданія, или сѣтованія, какъ угодно вашему высокопревосходительству назвать ихъ. Онѣ право отъ полноты сердца; но и имъ, можетъ быть кстати, я долженъ положить конецъ. Мухановъ спѣшитъ ѣхать, и я съ своей стороны обязанъ также спѣшить къ другому, не столь пріятному занятію. Заключаю письмо мое новымъ увѣреніемъ въ чувствахъ высокопочитанія и преданности, съ коими я имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, всепокорнѣйшимъ слугою.

Д. Блудовъ.

С Петербургъ
29 генваря
1833 года.

11

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Письмомъ отъ 11-го сего мая ваше высокопревосходительство изволите ходатайствовать на счетъ назначенія пенсіи президенту московской Евангелическо-лютеранской консисторіи, г. статскому совѣтнику Рейнгольму, желающему получить отъ сей должности увольненіе, по причинѣ преклонныхъ его лѣтъ и болѣзненнаго положенія.

На сіе считаю долгомъ отвѣтствовать, что, почитая всегда честію и удовольствіемъ дѣлать угодное вашему высокопревосходительству, я поставлю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность употребить на пользу г. Рейнгольма, все, зависящее отъ меня посредство, тѣмъ болѣе, что сей, поистинѣ достойный и почтенный старецъ, во все время служенія по вѣдомству министерства, мнѣ ввѣреннаго, отличался особеннымъ усердіемъ, честностію и неохладѣвшею даже при старости дѣятельностію.

Душевно радуюсь, что настоящее дѣло доставляетъ мнѣ случай напомнить о себѣ вашему высокопревосходительству; пользуясь имъ и для того, чтобъ увѣрить васъ, милостивый государь, въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашего высокопревосходительства, покорнѣйшимъ слугою

Д. Блудовъ.

№ 1337.
С Петербургъ
30 мая 1836
Его Высокопревосходительству
И. И. Дмитріеву.

12

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Вновь опредѣленный въ г. Сызрань городничимъ родственникъ вашъ г. Богдановъ ѣдетъ къ своей новой должности черезъ Москву и будетъ конечно имѣть честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Я пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ представить вамъ—не знаю какъ сказать — трудъ, хотя вполнѣ оффиціальный, но которому я желалъ бы и старался дать, если не достоинство, то по крайней мѣрѣ интересъ до нѣкоторой степени литтературный: именно всеподданнѣйшіе отчеты министерства мнѣ ввѣреннаго за 1833, 1834 и 1835 года.

Не смѣю думать, чтобы сіи отчеты, или какъ я называлъ ихъ, при напечатаніи, извлеченія изъ моихъ отчетовъ, могли очень пріятнымъ образомъ занять васъ, и потому не смѣлъ доселѣ непосредственно сообщать ихъ вамъ, предоставляя это обыкновенному движенію книгъ и журналовъ. Теперь

измѣняю правиламъ авторской скромности, и меня ободряетъ къ тому слышанное отъ Дмитрія Васильевича Дашкова. Онъ мнѣ сказывалъ, что вы обратили особенное вниманіе на его послѣдній отчетъ министерству юстиціи. Его министерство имѣетъ безъ сомнѣнья и особенныя на то права, будучи въ нѣкоторомъ смыслѣ продолженіемъ вашего, но съ другой стороны означаемые въ отчетахъ, о дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ, факты сами по себѣ едва ли не столько же, или и еще болѣе сухи, какъ и тѣ, объ которыхъ я могъ объявить публикѣ въ извлеченіи изъ моихъ. Какъ бы то ни было, я рѣшился послѣдовать примѣру товарища и представить свою работу на судъ, смѣю думать, благосклонный вашего высокопревосходительства. Утѣшаю себя мыслію, что она въ глазахъ вашихъ будетъ имѣть по крайней мѣрѣ цѣну истины... Любовь къ ней водила перомъ моимъ, и я сказалъ Государю, безъ прикрасъ безъ лести, безъ всякой arrière pensée, все что дѣлалъ и видѣлъ въ теченіи четырехъ лѣтъ управленія моего министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Съ такою же откровенностію говорилъ я и о предположеніяхъ моихъ для усовершенствованія нѣкоторыхъ частей ввѣренаго мнѣ управленія, и о средствахъ и трудностяхъ приведенія ихъ въ дѣйство; но эта статья моихъ отчетовъ, вмѣстѣ съ двумя или тремя другими, должна была остаться въ рукописи.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ чувствахъ высокопочитанія и преданности, съ коими я имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Д. Блудовъ.

С Петербургъ
11 октября 1836 года.

V. КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО (*).

1.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичь! Не подавайте нищему, а пишите изрѣдка ко мнѣ. Ваше письмо было для меня истиннымъ благодѣяніемъ: читая и перечитывая его, забывалъ я о Варшавѣ, былъ въ Россіи, былъ въ Москвѣ, а *что матушки Москвы и краше и милье?*(39) Честь имѣю доставить вамъ рѣчь, произнесенную Государемъ сегодня, при закрытіи сейма. Журналъ его засѣданій долженъ быть извѣстенъ вашему высокопревосходительству, посредствомъ А. Я. Булгакова, которому поручилъ я доводить его до вашего свѣдѣнія. Впрочемъ до сего времени онъ мало занимателенъ. Скоропостижный отъѣздъ курьера въ Москву не дозволяетъ мнѣ долѣе обременять васъ своею бесѣдою; но вамъ на зло надѣюсь при первомъ случаѣ омыть свою досаду въ обильнѣйшемъ потокѣ чернилъ.

Варшава.
Апрѣля 15 дня 1818 г.

2.

Съ живѣйшею благодарностію имѣлъ я честь получить письмо вашего высокопревосходительства, лестный и драгоцѣнный знакъ милостиваго вашего ко мнѣ расположенія. Осужденное на сухой Варшавскій хлѣбъ сердце мое только и лакомится что добрыми вѣстями изъ Россіи. Здѣсь со мною одна проза жизни; поэзія вся осталась дома; освѣжаюсь иногда ея вѣяніемъ, хра-

(*) Получивъ эти письма отъ покойнаго М. А. Дмитріева, мы обращались къ кн. П. А. Вяземскому съ просьбою о дозволеніи напечатать ихъ, и приносимъ глубочайшую благодарность за таковое дозволеніе. *П. Б.*

(39) Стихъ И. И. Дмитріева въ сказкѣ его *Причудница*.

нящимъ въ душѣ моей животворную искру. Будь сообщенія заграждены—она въ мигъ угаснетъ. Но вотъ бѣда: сіе волшебное и благодѣтельное сообщеніе между міромъ жизни и преисподнею смерти, или, говоря языкомъ человѣческимъ, сія почта, которая ходитъ изъ Россіи въ Польшу и приноситъ мнѣ письма отъ людей уваженныхъ и любимыхъ мною, приноситъ мнѣ и „Вѣстникъ Европы"! Въ первую минуту негодованія готовъ я проклинать полезное постановленіе, связывающее межъ собою отдаленныя земли и только тогда прихожу въ себя, когда вспомню, что закономъ природы всякая тварь имѣетъ здѣсь свое опредѣленное назначеніе: лягушка рождена квакать въ болотѣ, а К.... писать изъ *Лужниковъ* площадную брань. Я и самъ удивляюсь, что князь Андрей Петровичъ дозволяетъ такимъ образомъ безчестить и марать журналъ, издаваемый университетомъ ([40]). О Мочаловѣ, актерѣ императорскаго театра, запрещается судить гласнымъ образомъ; надъ Карамзинымъ, государственнымъ исторіографомъ, представителемъ нашего просвѣщенія въ глазахъ ученой Европы, отличеннымъ примѣрными знаками благоволенія Государя, наградившаго его за труды, позволяютъ насмѣхаться наглыми и безстыдными шутками. О, Пушкинъ, Пушкинъ! И я съ сокрушеннымъ сердцемъ скажу тебѣ во слѣдъ: Бухарцы! Бухарцы! ([41]) Когда вы образумитесь? Свободы книгопечатанія у насъ нѣтъ; неужели только тогда развязывать ей руки и выпускать ее на волю, когда она кидается на людей, ознаменованныхъ общимъ уваженіемъ и заслужившихъ признательность отечества? Жаль, что нѣтъ ни Дашкова, ни Блудова! Мнѣ не прилично сражаться за Карамзина ([42]), и къ тому-же надлежащее оружіе не по моей силѣ. Каченовскаго эпиграммами не доѣдешь. Его надобно бить лѣтописями. Вижу отъ сюда, какъ горячится Василій Львовичъ ([43]), но его опасно выпускать на драку. Каченовскій имѣетъ надъ нимъ какую то тайную силу, противъ коей не можетъ онъ обороняться.

3.

Не знаю, какъ и съ чего начать. Иные любятъ благотворить, но не любятъ благодарности и отъемлятъ руку милости при малѣйшемъ изъявленіи признательности; но однакоже, раздумавши хорошенько, готовъ я назвать такое безкорыстіе добродѣтели—спѣсью добродѣтели, и вслѣдствіе того, на всякой страхъ, приношу вашему высокопревосходительству тысячу благодареній за ваше милостивое и ласковое

([40]) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, бывшій въ то время попечителемъ Московскаго учебнаго округа, человѣкъ почтенный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ находился въ близкомъ родствѣ съ семействомъ князей Вяземскихъ и въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ. „Лужниками" называется часть Москвы, гдѣ жилъ издатель Вѣстника Европы, который въ то время издавался отъ Московскаго университета. Въ В. Евр. 1818 г. № 13 была помѣщена статья, доказывавшая, будто Карамзинъ не знаетъ Исторіи Москвы.

([41]) Извѣстный остроуміемъ своимъ А. М. Пушкинъ, въ подражаніе Вольтеру, который въ минуты досады на своихъ согражданъ, называлъ Французовъ Вельхами (Welches), честилъ въ свою очередь Русскихъ Бухарцами.

([42]) Такъ какъ было извѣстно, что Н. М. Карамзинъ заступалъ какъ бы мѣсто отца молодому (рано лишившемуся родителей) князю П. А. Вяземскому. Изъ писемъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву видно, что Карамзинъ былъ самымъ попечительнымъ другомъ-наставникомъ князя Вяземскаго.

([43]) В. Л. Пушкинъ.

письмо отъ 7 Октября, съ тѣмъ однакоже, что счесть ихъ недѣйствительными, если первыя мои сомнѣнія похожи на дѣло. Какъ бы то ни было, а вы, милостивый государь, знайте, что ваши письма—истинныя для меня благодѣянія. Василій Львовичъ не такъ радуется счастливой риѳмѣ, Каченовскій—опечаткѣ въ Исторіи Россійскаго Государства, какъ я письму отъ васъ. Вы жалуетесь на свое одиночество въ Москвѣ; но дома скучать какъ-то все сноснѣе, а скучать въ гостяхъ, какъ я напримѣръ, вотъ истинная роскошь мученія! Слѣдуя вашему совѣту, я помаленьку знакомлюсь съ Польскимъ языкомъ. Это знакомство можетъ быть полезнѣе знакомства съ Польскою словесностью, которая, какъ мнѣ сдается, еще менѣе нашей имѣетъ свой природный образъ, а слѣплена по французскому образцу. Польская проза предпочитается Польской поэзіи; я ничего не знаю скучнѣе Польскаго стиха и Польской просодіи, которая заключается вся въ одномъ правилѣ: удареніе бываетъ всегда на предпослѣднемъ слогѣ. И потому стихи ихъ—всѣ женскіе. Надобно Неѣлову ([44]) присовѣтывать писать по польски: онъ очень придерживается женскихъ риѳмъ, изъ любви своей къ женскому полу, какъ увѣрялъ онъ меня однажды. Однимъ словомъ, Поляки осуждены вѣкъ свой сидѣть при Кантемировскомъ стихѣ, который не очень звученъ. Теперь здѣсь много занимаются очищеніемъ языка, который испещренъ нѣмецкими и французскими словами; но врядъ успѣютъ ли совершенно очистить, потому что иностранныя, въ особенности нѣмецкія, сдѣлались простонародными. Пребываніе и такъ сказать владычество Жидовъ въ Польшѣ должно много было способствовать къ развращенію языка, но между тѣмъ сохранились здѣсь многія слова коренныя славянскія, которыя и намъ могли бы пригодиться. Надобно Шишкову пріѣхать сюда поохотиться; травля можетъ быть удачная; но вотъ бѣда: у него чутье обманчивое. Дѣло не въ томъ, чтобы забирать, а выбирать. Излишество словъ не есть богатство языка: Шихматовъ милліонщикъ, а вò время никогда рубля нѣтъ, то есть слова къ статьѣ ([45]) Кстатѣ о Шихматовѣ: Тургеневъ прислалъ вамъ мои стихи и предупредилъ мое требованіе. Они прошли нижній судъ; теперь они въ судѣ послѣдней инстанціи. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ ожидаю приговора; но и съ надеждою, что, каковъ онъ ни будетъ, а вы увѣдомите меня о немъ, хотя черезъ Арзамасскаго прокурора Василія Львовича. Сдѣлайте милость, обвините меня по всѣмъ пунктамъ, не щадите меня; у меня есть утѣшеніе: исправиться! Ваша рука легка: и побьете, такъ побои пойдутъ въ прокъ. Имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, одну изъ требуемыхъ вами книгъ, а другой здѣсь нѣтъ. Изъ новыхъ книгъ имѣемъ неизданную переписку *Аббата Галіани*; ее можно назвать скукою умнаго человѣка. Въ первомъ томѣ преслѣдуетъ онъ васъ несчетнымъ расчетомъ своимъ въ 100 луидорахъ съ книгопродавцемъ, коему продалъ онъ свои *Разговоры* ([46]) и мел-

([44]) Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ, памятный и донынѣ въ Москвѣ своими шутками и стихами, нѣсколько скоромными, но часто веселыми и оригинальными.

([45]) Сергѣй Александровичъ Шихматовъ, извѣстный поэтъ, особенно любимый Шишковымъ.

([46]) Галіани, неаполитанецъ, писавшій на французскомъ языкѣ. Въ пребываніе свое въ Парижѣ, въ качествѣ секретаря посольства, былъ онъ въ короткой связи съ энциклопеди-

кими расчетами своего самолюбія; во второмъ почти тоже. Но здѣсь и тамъ мелькаютъ иногда рѣзкія черты глубокомыслія и остроумія. Другая любопытная книга есть Записки *Лазъ-Каза*, вопіющія противъ жестокихъ притѣсненій, коимъ подверженъ изгнанникъ Св. Елены и беззаконнаго насилія, съ коимъ былъ онъ самъ отъ него удаленъ и, какъ преступникъ, таскаемъ изъ страны въ страну. Если все, что̀ онъ говоритъ, правда (и должно признаться, разсказы его носятъ печать истины) то въ самомъ дѣлѣ Англичане не великодушные враги, и Наполеонъ истинный мученикъ. На содержаніе его не выдаютъ суммы достаточной, чтобы удовлетворять необходимымъ потребностямъ. Губернаторъ острова писалъ къ Бертрану (и письмо его при Запискахъ приложено съ вѣдомостью о необходимыхъ расходахъ) что онъ на годовое содержаніе Наполеона получаетъ только 8000 фунт. стерл., тогда какъ со всею возможною бережностію потребно по крайней мѣрѣ 10.000, и потому вызываетъ онъ Наполеона дополнить сумму изъ своихъ денегъ; а между тѣмъ всѣ сообщенія его съ Европою почти прекращены, и онъ принужденъ продать на вѣсъ свою серебряную посуду. По истинѣ тѣ, которые поживились его политическою смертію, могли бы позаботиться о его жизни на томъ свѣтѣ. Такія оскорбленія и пытки, кромѣ того что онѣ безчеловѣчны, могутъ быть и неосторожны, раздражая и его и пылкія головы его приверженцевъ. Какъ скоро эта книга поступитъ здѣсь въ продажу, то поспѣшу ее къ вамъ прислать (47). Намъ

стами, а особенно съ Дидеротомъ. Въ то время издалъ онъ свои знаменитые разговоры *о торговлѣ хлѣбомъ*, отличающіеся новыми возрѣніями, глубокими свѣдѣніями и остроуміемъ, такъ что эта книга, спеціальная и сухая по содержанію, была настольною книгою во всѣхъ парижскихъ свѣтскихъ и дамскихъ салонахъ. Онъ былъ изъ первыхъ преподавателей ученія экономистовъ. Переписка, о коей идетъ здѣсь рѣчь, содержитъ письма его къ г-жѣ *Депинé* (d'Epinay), особенно извѣстной по страницамъ, посвященнымъ ей въ Исповѣди Ж. Ж. Руссо.

(47) Въ то время всѣ болѣе или менѣе сострадали развѣнчанному изгнаннику. Ненавидѣвшіе властолюбіе и насильства императора Наполеона оплакивали страданія узника Св. Елены. Французскій либерализмъ, въ видѣ протеста противъ существовавшаго порядка, взялъ подъ крыло и защиту свою деспота, не только Франція, но и Европы. Во слѣдъ за ними и прочіе европейскіе либералы начали поэтизировать образъ Наполеона; забывали исторію и влюблялись въ поэтическую легенду. Человѣческій умъ въ увлеченіяхъ своихъ представляетъ нерѣдко примѣры подобныхъ противорѣчій и несообразностей. Съ жадностью, вѣрою и умиленіемъ читали и перечитывали мученикословіе чуть не преподобнаго страдальца: *Меморіалъ Св. Елены*, Записки врачей Антомархи, Омира и другихъ лѣтописцевъ, были любимымъ чтеніемъ. Разумѣется, тутъ было много односторонности, пристрастія, лицепріятія и даже просто лжи, начиная съ собственноустныхъ бесѣдъ и диктовокъ самаго Наполеона. Въ разсказахъ своихъ онъ переиначивалъ прошедшую жизнь свою, событія, дѣйствія, замыслы; въ очистительной, но далеко нечистосердечной исповѣди, онъ оправдывалъ себя передъ свѣтомъ, готовилъ для потомства новое просмотрѣнное изданіе своей жизни. Но тогда мы ничего и разбирать не хотѣли: мы невольно и вольно поддавались повѣтрію, которое дуло на насъ со скалы Св. Елены. Впрочемъ нельзя не признаться, что было что-то величавое, что-то умилительно и грозно-поэтическое въ этой падшей славѣ: это было новый, не баснословный, а олицетворенный Промеѳей, такъ еще недавно боровшійся со всѣми силами земли и часто ихъ побѣждавшій, а нынѣ прикованный къ скалѣ на добычу и угрызеніе всѣмъ возможнымъ ястребамъ воспоминаній, обманутыхъ надеждъ, оскорбленнаго и униженнаго честолюбія, а вѣроятно—скажемъ ему на добрую память—и упрековъ собственной совѣсти. Въ немъ было,

обѣщаютъ еще два новые тома Вольтера, гдѣ между прочимъ находится прекрасное посвященіе Генріады Лудовику XV и много мелкихъ стихотвореній, и неизвѣстное путешествіе Дидерота по Голландіи.

4.

Съ живѣйшею признательностію получилъ я драгоцѣнный подарокъ вашего высокопревосходительства и приношу вамъ тысячу благодареній. Ревностный распространитель слова Божія, секретарь Библейскаго общества ([48]), нашелъ средство и меня, изгнанника въ землѣ Готтентотовъ, надѣлить книгою жизни, прислалъ мнѣ писаніе моего закона. Имѣю честь доставить при семъ къ вамъ, милостивый государь, столь долго вами ожидаемый и столь мало отвѣчающій ожиданію вашему журналъ Польскаго Сейма — одно изъ послѣднихъ твореній умнаго Benjamin Constant, и новое, и кажется до сей поры лучшее, изданіе французскаго Дмитріева.

Благочестивыхъ словъ въ душѣ постигнувъ цѣну,
Я каждому его смиренно отдаю:
И Богу Божіе, и Царское Царю,
И Лафонтена Лафонтену ([49]).

Варшава.
Декабря 3 дня 1817 года.

5.

Я такъ долго молчалъ предъ вами, что безъ какой нибудь привязки долженъ былъ бы проститься навсегда съ надеждою напомнить вамъ о себѣ. Богъ помогъ мнѣ! Если я къ вашему высокопревосходительству не пишу, то покрайней мѣрѣ читаю васъ и, призвавши воинственное имя

разставщика кавыкъ и строчныхъ препинаній,

прозорливаго и стоглазаго Аргуса Вѣстника Европы, докажу вамъ это на опытѣ, замѣтивъ, что въ баснѣ „Искателей фортуны“ (ни въ изданіи басень 1810 г., ни въ изд. сочин. 1818 г.) стихъ:

Присталъ къ нему и по обряду

не имѣетъ при себѣ близнеца своего. Вы, можетъ быть, и вовсе забыли о немъ; но спѣшу возбудить въ сердцѣ вашемъ родительское къ нему вниманіе и объявляю, что онъ не вовсе погибъ, а только отсталъ отъ брата и, въ ожиданіи быть признаннымъ отъ васъ на законномъ порядкѣ находится теперь въ Аонидахъ ([50]) (Ч. II стр. 86).

А вотъ онъ и самъ на лице:

Не дожидаяся ни зова, ни наряду.

Что скажете вы, милостивый государь, о безкорыстіи моемъ? Каченовскій дорого заплатилъ бы мнѣ за мою поимку; она раскормила бы нѣсколько страничекъ худощаваго изданія, вылила бы на бумагу изъ издателя нѣсколько золотниковъ желчи, а мнѣ, какъ виновнику такихъ хорошихъ послѣд-

---

по крайней мѣрѣ, обаяніе славы и обаяніе генія, который сбился съ пути, не достигнувъ цѣли своей, но явилъ въ себѣ всю волю и могущество человѣка, хотя часто и въ преступномъ блескѣ.

([48]) А. И. Тургеневъ, доставившій кн. П. А. Вяземскому новое изданіе сочиненій И. И. Дмитріева (съ превосходно гравированн. виньетами).

([49]) Нечего, кажется, напоминать читателю, что И. И. Дмитріева называли Русскимъ Лафонтеномъ.

([50]) Родъ стихотворнаго альманаха, который Карамзинъ издавалъ въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія. Не худо было-бы его перепечатать Кромѣ стихотвореній самого издателя, Державина, Дмитріева, Капниста и другихъ извѣстныхъ поэтовъ, въ немъ встрѣчаются и другія имена, которыя не грѣшно спасти отъ забвенія.

ствій, подкупила-бы въ немъ судію благосклоннаго на непредвидимые случаи. Всѣмъ этимъ жертвую охотно, чтобы только загладить молчаніе мое, буде ласкаться могу, что молчаніе было замѣчено вами и вмѣнено мнѣ въ проступокъ. Но, такъ и быть, скажу всю правду: у меня есть на совѣсти грѣхъ стихотворный, посланіе къ вамъ оконченное, но по нѣкоторымъ неисправностямъ еще недостойное быть вамъ представленнымъ. Мнѣ не хотѣлось заговорить прозою, когда я давился стихами; принимался чистить, но пятна оставались, а время уходило; тамъ пришло нѣкоторое зазрѣніе и безъ счастливой находки стиха, состоящаго въ бѣгахъ, я, можетъ быть, промолчалъ-бы еще долго. Вотъ вся исповѣдь: отпустите прегрѣшеніе невольное, но сберегите мнѣ снисходительность свою на вольное, которое надѣюсь доставить вамъ въ скоромъ времени.

Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за лестные отзывы ваши о нѣкоторыхъ изъ бездѣлокъ моихъ. Тургеневъ знаетъ, чѣмъ радовать меня и сообщаетъ ваши сужденія; на нихъ опираюсь и горжусь ими. На этотъ разъ не могу васъ поподчивать какою нибудь парижскою новинкою, но при случаѣ не пропущу.

Варшава.
Января 10 дня 1820 г.

6.

Сколько разъ долженъ я благодарить ваше высокопревосходительство за обязательное письмо и ласковый пріемъ моего посланія ([51]). По числу ошибокъ, въ немъ вами замѣченныхъ, заключаю, что вы прочли его или съ малымъ вниманіемъ, или съ большою благосклонностію; но признаюсь, охотно придерживаюсь послѣдняго мнѣнія. Повинуясь вашему приговору, постараюсь перемѣнить выраженіе: „за то что и толпы“ (мнѣ казалось, что если можно сказать: *что и народу*, то позволительно сказать: *что и толпы*; но еще и прежде замѣчанія вашего, получилъ я и отъ Жуковскаго выговоръ за это полустишіе), а другой стихъ перемѣнилъ такимъ образомъ:

Блестящая чета союзомъ съ славой твердымъ,
Ты Музамъ честь, и стыдъ симъ тунеядцамъ гордымъ ([52]).

Я все еще въ надеждѣ, что молитва моя дойдетъ до Бога, и Онъ вложитъ въ васъ желаніе дѣйствія. Намъ, рядовымъ ратникамъ, худо жить безъ полководца: подъ крыломъ его смѣлѣе дерешься съ непріятелемъ и охотнѣе идешь впередъ. Если Богъ благословитъ, а пресловутый Яценковъ, урожденный Яценко ([53]), не заклеймитъ печатью отверженія, то, можетъ быть, въ скоромъ времени увидите вы въ „Сынѣ Отечества“ посланіе къ почтеннѣйшему Михаилу Трофимовичу Каченовскому: о зависти ([54]) Оно теперь въ отдѣлкѣ, но, сдѣлайте одолженіе, не разглашайте тайны. Мысль эта довольно удачна; не знаю, каково будетъ ис-

---

([51]) Прекрасное посланіе, о которомъ здѣсь рѣчь, написано въ отвѣтъ на присылку авторомъ новаго изданія стихотвореній его и было напечатано въ Полярной Звѣздѣ 1823 г. Начинается оно такъ:

Я получилъ сей даръ, наперстникъ Аполлона,
Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона.

([52]) *Блестящая чета* т. е. Державинъ и Дмитріевъ, оба поэты, оба министры юстиціи.

([53]) Извѣстный цензоръ того времени.

([54]) Это знаменитое посланіе, начинающееся стихомъ: „Передъ судомъ ума сколь Каченовскій жалокъ“, въ которомъ играетъ роль двусмысленность двухъ запятыхъ, появилось въ С. Отеч. 1821, ч. 67.

полненіе. Даромъ, что здѣсь Русскихъ журналовъ не читаютъ; но мнѣ право совѣстно получать ихъ подъ носомъ у Европы. Дома мы какъ-то прислушались къ домашнему вранью; но въ чужомъ мѣстѣ невольно горишь отъ стыда при нелѣпостяхъ родимаго невѣжества. О Лужницкомъ старцѣ „Благонамѣреннаго" и говорить нечего. Чего онъ хочетъ? Надъ кѣмъ смѣется? Развѣ надъ читателями? Ибо даже и замашки нѣтъ остроты во всѣхъ его расказахъ: тупое пустословіе и только.

Хотя и вовсе было для меня не раззорительно напоминать вамъ о себѣ присылкою книгъ, но, согласно съ требованіемъ вашимъ, принимаю на себя оффиціальное званіе вашего книжнаго коммиссіонера. На Европейской сценѣ представленія такъ тѣснятъ другъ друга, съ такою скоростію одно за другимъ слѣдуютъ, что и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ времени заниматься пяти-актными сочиненіями; мы живемъ въ вѣкѣ брошюръ и листовъ публичныхъ. Въ старое время на просторѣ писали на пергаментѣ и о мелочахъ; въ наше—едва успѣваютъ на летучихъ листахъ писать о происшествіяхъ важнѣйшихъ. Надѣюсь недѣли черезъ двѣ доставить вамъ на первый разъ новое произведеніе оберъ-прокурора двухъ частей свѣта: Petit catéchisme à l'usage des Français sur les affaires de leur pays. Я еще не читалъ его, но судя по выпискамъ, встрѣчаемымъ въ журналахъ, можно увѣриться, что неутомимое перо Прадта еще не выписалось. Обѣщаютъ еще и новѣйшее: о послѣднихъ происшествіяхъ въ Испаніи (его-же). Я смѣлъ бы присовѣтывать вашему высокопревосходительству подписаться и на какія нибудь періодическія изданія французскія; напримѣръ *Минерва*, составляемая знаменитѣйшими публицистами и литераторами, достойна вашего любопытства, если только притѣснительныя мѣры, принятыя нынѣ во Франціи для ограниченія свободы тисненія, не отобьютъ у издателей охоты продолжать свои труды. Изъ газетъ: la Renommeé, въ коей участвуютъ извѣстнѣйшіе парижскіе писатели и которая сообщаетъ ясные и довольно подробные отчеты преній палатъ, отличается, какъ духомъ въ ней господствующимъ, такъ и слогомъ, коимъ она писана. Она отдѣляетъ такъ же мѣсто и разбору любопытнѣйшихъ явленій въ словесности, которыя впрочемъ весьма теперь бываютъ рѣдки. Политика все завоевала. На сценѣ трагической и комической, въ романахъ, въ одахъ, въ басняхъ, куда ни оглянись—вездѣ и всегда политика. Какъ у насъ нѣтъ книжнаго объявленія, рѣчи Антонскаго, комедіи Шаховскаго, безъ незабвеннаго 1812 года и нашествія общаго врага, такъ во Франціи не печатается двухъ страницъ о чемъ бы ни было, безъ призванія хартіи, упрека министерству и такъ далѣе. Конечно, можете вы и не выписывая пользоваться въ Москвѣ чтеніемъ парижскихъ изданій, но, кромѣ той непріятности, что вы всегда далеко отстаете отъ происшествій, предстоитъ еще и другая опасность: лапы ценсуры, которая часто захватываетъ любопытнѣйшіе листы; а получая чрезъ мое посредство, будете вы все имѣть скорѣе и вѣрнѣе. Здѣсь начинаютъ уже слегка для домашнихъ произведеній налагать на мысль печать безмолвія, но покрайней мѣрѣ не обводятъ еще Китайскою стѣною отъ набѣговъ Европейскаго просвѣщенія, и мы свободно пользуемся всѣми выходящими книгами; а еще свободнѣе пользовались бы, когда книжная торговля была бы лучше

(55) *Благонамѣренный* —журналъ, издаваемый въ Петербургѣ А. Измайловымъ.

устроена. На цѣлое царство имѣемъ только двѣ лавочки иностранныхъ книгъ въ Варшавѣ, и не хуже нашихъ Московскихъ; онѣ плоскихъ сочиненій получаютъ по дюжинамъ экземпляровъ, а отличныхъ по два, а иногда и по одному. Часто случалось, что я, который новинки ловлю на лету, ссужалъ ими потомъ весь городъ. Вы изволите видѣть, что такимъ образомъ я не новичекъ въ званіи книжнаго поставщика, и потому можете мнѣ довѣрить.

Къ подтвержденію и оправданію требованія вашего присылать книги не свыше двухъ томовъ, выписываю выраженіе Прадта: les longs écrits ne sont plus de saison — — — Vite, à propos et fort, voilà pour les écrits du temps, la nouvelle règle des trois unités imposées par les circonstances ([56]). Но говоря о краткости, я забываю, что и письма длинны быть не должны и заключаю свое многословіе сокращеннымъ, но вѣрнымъ переводомъ сердечныхъ чувствъ уваженія и преданности.

Варшава.
Апрѣля 24 дня 1820 г.

7.

Въ зачетъ книгъ, требуемыхъ вашимъ высокопревосходительствомъ, честь имѣю доставить двѣ книжки, которыя привозилъ съ собою въ Петербургъ, и въ Москвѣ вѣроятно еще не извѣстныя. Къ крайнему сожалѣнію моему, дорога моя лежитъ не на Москву, и сегодня вечеромъ отправляюсь прямо въ Варшаву. Въ Августѣ, то есть къ 15 числу, ожидаемъ Государя, а съ Сентябремъ откроется Сеймъ. Буду присылать вамъ, милостивый государь, все достойное вниманія. Я желалъ бы доставлять въ Русскіе журналы выписки изъ преній палатъ, но не знаю, удастся ли мнѣ это сдѣлать. Тутъ недостаточно одной охоты: нужна и воля; а у насъ гласность во всемъ и вездѣ—какое то пугалище; между тѣмъ неизвѣстность о томъ, что̀ дѣлается и говорится на Сеймѣ, наводитъ страхъ другаго рода на многихъ, и не только въ глуши, но и въ столичныхъ Англійскихъ клубахъ порождаетъ ложные и нелѣпые толки. Жуковскій и Воейковъ, сошедшій съ профессорской каѳедры, поговариваютъ о журналахъ; но вѣроятно на словахъ дѣло и кончится. У насъ съ удивительнымъ успѣхомъ осѣкаются всѣ хорошія предположенія; за то всѣ глупости бываютъ двухствольныя, а иногда и трехствольныя: посмотрите на стихи Хвостова, которые печатаются въ двухъ журналахъ и переводятся на французскій въ третьемъ. Хвостовъ при мнѣ пріѣзжалъ къ г–жѣ Каталани, объявилъ ей о своемъ мадригалѣ и, кажется, немного смѣшался, замѣтя меня въ комнатѣ.

Царское Село.
Іюня 12 дня 1820 года.

8.

Начну приношеніемъ благодарности за письмо вашего высокопревосходительства отъ 24 іюля, полученное мною по пріѣздѣ въ Варшаву. Лестныя доказательства вашей благосклонности пріемлются всегда сердцемъ признательнымъ. Къ крайнему сожалѣнію не могу доставить вамъ на этотъ разъ требуемыя книги, но велю ихъ выписать. Въ замѣну желаемыхъ посылаю записки о стодневномъ царствованіи Наполеона, любопытныя и доставляющія вѣрнѣйшія и доселѣ полнѣйшія свѣдѣнія о сей за-

([56]) Т. е. „Большія сочиненія теперь не годятся. Быстро, кстати и сильно—вотъ новое правило трехъ единствъ, котораго въ силу обстоятельствъ должны держаться нынѣшнія произведенія.“ Три единства — извѣстный законъ тогдашней эстетики.

нимательной и чудесной эпохѣ. Б. Констанъ разсуждаетъ о происшествіяхъ; Шабулонъ ихъ описываетъ, и нужно прочесть обоихъ, чтобы имѣть ясное понятіе о причинахъ временнаго упадка Бурбоновъ и фантасмагорическаго бѣга Наполеона съ острова Эльбы на престолъ, съ престола—на скалу Св. Елены. Государь здѣсь съ 15-го числа. Сеймъ откроется 1 Сентября стараго стиля. Пренія могутъ быть любопытныя. Многія злоупотребленія администраціи ознаменовали послѣдніе два года, и стôитъ только указать на нихъ, чтобы вывесть на свѣжую воду. Но въ Европѣ настали времена крутыя для правительствъ, и не мудрено, если правители станутъ держать ухо востро̀. Вы, можетъ быть, еще не слыхали о открывшемся недавно въ Парижѣ военномъ заговорѣ противъ Бурбоновъ. Намѣреніе заговорщиковъ, кои всѣ, числомъ 32, захвачены, было провозгласить на тронъ сына Наполеона, а до надлежащаго его возраста правителемъ Евгенія Богарне. Вотъ цвѣты нашего вѣка; поэзіи и въ поминѣ нѣтъ, развѣ въ одномъ „Благонамѣренномъ", да и то самая крамольная, покрайней мѣрѣ противъ законовъ вкуса и разсудка. Кажется, и Василій Львовичъ остылъ къ своимъ стихамъ: до сей поры не имѣю еще гимна его царицѣ пѣнія (57); а въ старые годы онъ не столько писать, какъ сообщать стихи свои любилъ. Лужницкій Фреронъ еще лежитъ у меня на станкѣ; развѣ на досугѣ придется доточить его, а теперь у насъ пора хлопотъ и суетъ. Статья, въ «Сынѣ Отечества» о Польской словесности напечатанная, если не хорошо, то покрайней мѣрѣ довольно вѣрно изложена. Жалѣю, что мнѣ не удалось опередить ее; впрочемъ это болѣе отчетъ, чѣмъ картина, и многое еще остается досказать.

Варшава.
Августа 21 дня 1820 года.

9.

Спѣшу принесть вашему высокопревосходительству мою благодарность за пріятнѣйшее письмо отъ 19 Сентября. Жалѣю, что книги такъ въ дорогѣ замѣшкались: я боялся любопытства Тургенева и не подумалъ о безпечности Николая Михайловича. Впередъ равно избѣгать буду Карибды и Сцилы. Съ вчерашняго дня мы возвратились къ обыкновенной тишинѣ нашего житья. Государь отправился въ Тропаву, гдѣ вѣроятно пробудетъ съ мѣсяцъ, а тамъ, черезъ Варшаву, проѣдетъ въ Петербургъ. Вы видѣли изъ рѣчи, вамъ чрезъ Тургенева доставленной и коей переводъ при семъ прилагаю, что дѣла Сейма не совсѣмъ пошли по желанію нашему. Тамъ, гдѣ изъ 120 голосовъ, составляющихъ полный итогъ, 119 отвергаютъ проэктъ закона, тамъ нѣтъ шайки и духа исключительнаго. Государь назначилъ коммисію изъ членовъ обѣихъ палатъ, которые отвергли проэкты, для преобразованія (совокупно съ Государственнымъ Совѣтомъ) тѣхъ самыхъ проэктовъ, и сія мѣра, столь же великодушная, сколь и благоразумная, подѣйствовала на всѣхъ самымъ желаннымъ образомъ. Не знаю, будутъ ли акты на французскомъ языкѣ напечатаны, но въ такомъ случаѣ поспѣшу ихъ вамъ доставить. Книгъ вами требуемыхъ здѣсь нѣтъ; постараюсь ихъ выписать. Сѣверинъ имѣлъ честь получить ваше письмо при самомъ отъѣздѣ своемъ; онъ тотчасъ съ отправляющимся курьеромъ написалъ въ Лондонъ о печати: здѣшніе художники весьма не искусны. У насъ гостилъ славный ваятель Торвальдсенъ и сдѣлалъ

(57) Знаменитая Каталани находилась тогда въ Москвѣ.

бюстъ Государя, сходства чрезвычайнаго. Ему заказали для Варшавы два памятника: одинъ князю Понятовскому, другой—Копернику. Василій Львовичь такъ мало обо мнѣ помнитъ, что забылъ даже прислать мнѣ стихи свои Каталани, о коихъ узналъ только изъ вашихъ. Не знаю, къ чему приписывать такое забвеніе: холодности ли ко мнѣ, или охлажденію къ стихамъ? Безкорыстно предпочитаю первое предположеніе. Поручаю благосклонности вашей жену мою, которая на дняхъ отправляется въ Москву для свиданія съ родными. Въ теченіи зимы пріѣду за нею. Радуюсь заранѣе мысли отдохнуть умомъ и сердцемъ отъ скуки здѣшняго одиночества.

Варшава.
Октября 8 дня 1820 г.

10.

Честь имѣю доставить вашему высокопревосходительству записки о Сюарѣ ([58]) и сочиненіе Азаиса ([59]). Не дождавшись медлительной присылки книгопродавца, посылаю вамъ послѣднюю книгу изъ своей библіотеки; а по пріѣздѣ моемъ въ Москву можемъ помѣняться. Вчера черезъ статсъ-секретаря Соболевскаго, изъ Троппавы возвратившагося, узнали, что Государь отправился въ Лайбахъ черезъ Вѣну для свиданія съ Неаполитанскимъ королемъ, объ отъѣздѣ коего имѣли уже въ Троппавѣ рѣшительное извѣстіе. Австрійской императоръ также туда отправится, и надѣяться можно, что все кончится по любовному. Сѣверинъ въ письмѣ своемъ отъ $^{16}/_{24}$ Декабря жалуется немного на свое здоровье, но, не смотря на то, ѣдетъ за царями въ слѣдъ. Впрочемъ изъ его писемъ ничего не узнаешь о дѣлахъ, и вообще сіе совѣщаніе Троппавское обложено непроницаемою таинственностію. Но намъ только дотерпѣться до преподобнаго Малиновскаго (l'archevêque de Malines): онъ весь соръ вынесетъ изъ избы ([60]). Прислалъ ли вамъ Тургеневъ мой соръ—посланіе къ Михаилу Трофимовичу? Я его отправилъ для напечатанія въ „Сынѣ Отечества". Не знаю, посмѣютъ-ли. Этотъ Каченовскій походитъ на извѣстную старушку, которую въ Петербургѣ всѣ уважаютъ и боятся, неизвѣстно изъ чего. Смѣю просить васъ, милостивый государь, сказать мнѣ свой судъ искренній и строгій о стихахъ и дать совѣты для исправленія, буде они исправленія стоятъ.

Варшава.
Декабря 21 дня
1820 года.

11.

Вотъ еще неумолкаемый Малиновскій. Что ни говоритъ онъ, но онъ уже откупилъ вниманіе, и по неволѣ надобно его слушать. Вслѣдствіе того и посылаю вашему высокопревосходительству новое сочиненіе его, хотя и не знаю еще его достоинства. Расказы его о Троппавскомъ совѣщаніи уже изданы; но, какъ сказываютъ, захвачены въ Парижѣ, и въ такомъ случаѣ должно ждать, чтобы они были перепечатаны въ Лондонѣ, или Нидер-

---

([58]) Извѣстный критикъ.

([59]) Философъ.

([60]) Прадтъ, неутомимый публицистъ того времени, который на каждый случай, на каждое событіе издавалъ брошюру, какъ Хвостовъ оду, былъ сперва аббатомъ, раздавателемъ милостей при Наполеонѣ (aumonier), въ послѣдствіи архіепископомъ и злѣйшимъ врагомъ Наполеона. Особенно извѣстна книга его о пребываніи своемъ посломъ въ Варшавѣ. Шуткою названъ онъ здѣсь *Малиновскимъ*, пріятелемъ Карамзина и Дмитріева.

ландахъ. Изъ Лайбаха знаемъ только о прiѣздѣ царей, но ничего еще о началѣ переговоровъ. Прусскiй король долженъ теперь быть тамъ. Исполнивъ обязанность свою Европейскаго Вѣстника, позвольте мнѣ обратиться къ „Вѣстнику Европы" и просить отъ васъ приговора моему посланiю. Къ вамъ приступаю *со страхомъ и довѣрiемъ*, со страхомъ за неисправности въ слогѣ; съ вѣрою въ чувство, съ коимъ будете судить о побужденiи, водившемъ рукою моею; но признаюсь, не смѣю поднять мысленно глаза на Николая Михайловича. Лобъ К–скаго не такъ сморщится отъ стиховъ моихъ, какъ его, и заранѣе прячусь за вами отъ стрѣлъ его гнѣва ([61]). Помилуйте и спасите меня!

Варшава.
Января 18 дня 1821 г.

12

Возвращаю вашему высокопревосходительству данные мнѣ стихи и прилагаю къ нимъ свою новинку, *плодъ шутки и дороги*, по выраженiю добраго старосты Арзамасскаго ([62]).

Надписи къ портретамъ.

1-я.

NN, вертлявый по природѣ,
Модницкiй, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,
То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

2-я.

Кутейкинъ, въ рясахъ и съ скуфьею,
Храмъ знанiй обратилъ въ приходъ,
И въ немъ копѣечной свѣчою
Онъ просвѣщаетъ нашъ народъ

Остафьево.
Августа 24 дня 1821 г.

13

Какъ возблагодарить мнѣ васъ за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отнынѣ, въ самомъ дѣлѣ, прiялъ я печать Аполлона и могу сказать, что посвященъ рукою верховнаго его жреца. Посылаю вамъ три портрета свои для выбора; оттиски не очень удачны, но если вы позволите, то дамъ Вивьену списать потретъ мой, нарисованный Соколовымъ и поднесу его вамъ. Бiографiя давно послана мною къ Гнѣдичу; но не имѣю еще извѣстiя о полученiи ([63]). Я любопытенъ знать—что скажетъ о ней цензура? Но во всякомъ случаѣ я рѣшился отстаивать до конца авторскiя права, дарованныя намъ цензурнымъ уставомъ 1804 г., сею дворянскою грамотою благороднаго нашего сословiя. Вы говорили мнѣ однажды о намѣренiи г–на Бекетова издать творенiя Фонъ-Визина и предложить мнѣ заняться извѣстiемъ о жизни и сочиненiяхъ его. Состоится ли это дѣло или нѣтъ? Я здѣсь на досугѣ радъ имѣть опредѣленную работу и во всякомъ случаѣ съ удовольствiемъ соглашусь быть угоднымъ г–ну Бекетову. Дурная погода, непроходимая дорога, задерживаютъ

([61]) По миролюбiю своему и кротости, Карамзинъ и самъ не вступалъ въ полемику и не любилъ, чтобъ прiятели его выступали особенно на защиту его. Дмитрiевъ, напротивъ, въ литературѣ держался ветхаго завѣта: зубъ за зубъ, око за око. Онъ не прощалъ приверженцамъ и прiятелямъ Карамзина, когда они просто держались *внимательнаго неутралитета*, по выраженiю новѣйшей французской политики.

([62]) В. Л. Пушкина.

([63]) Бiографическiй очеркъ, назначаемый къ новому изданiю стихотворенiй Дмитрiева, которое издано въ Петербургѣ *Обществомъ соревнователей просвѣщенiя и благотворенiя* въ 1823 г.

меня плѣнникомъ въ деревнѣ; но при первой возможности съѣзжу въ Москву, гдѣ пріятнѣйшею обязанностію моею будетъ — засвидѣтельствовать лично вашему высокопревосходительству то истинное почтеніе и душевную преданность, которыя питаю къ вамъ и заочно, и вездѣ, и всегда.

Остафьево.
Сентября 22 дня 1821 г.

14.

Вы позволили мнѣ писать къ вамъ, и спѣшу воспользоваться вашимъ благосклоннымъ позволеніемъ. Начну поздравленіемъ съ наступающимъ годомъ, а если поздравить не съ чѣмъ, то покрайней мѣрѣ искреннимъ желаніемъ, чтобы онъ былъ къ вамъ благосклоненъ, такъ-же какъ и младшіе братья его, которыхъ вы дождетесь. Тогда поздравлю васъ, а его и ихъ поблагодарю. Какъ Шаликовъ, встрѣчаю новый годъ стихами и повергаю ихъ на ваше разсмотрѣніе; только изготовилъ я ихъ не для «Московскихъ вѣдомостей», а для будущаго журнала Калайдовича, которому обѣщался я дать что нибудь на зубокъ ([64]). Сдѣлайте одолженіе, отошлите ихъ ему, а я жительства его не знаю. Когда увидите В. В. Измайлова, потрудитесь сказать ему, что и у него не останусь въ долгу и скоро пришлю мой оброкъ. Я думаю здѣсь на досугѣ много писать, но едва ли много напишется. Между тѣмъ пребываніе мое здѣсь не совершенно бездѣйственно для журнальнаго міра: хозяинъ мой читалъ мнѣ свою антикритику, которую изготовилъ онъ для земледѣльческаго журнала, въ опроверженіи замѣчаній, на его сельское хозяйство написанныхъ. О его отвѣтѣ можно сказать, что онъ хорошо удобренъ, потому что главнымъ содержаніемъ онаго: навозъ. Вѣроятно, когда онъ будетъ напечатанъ, князь Г... чутьемъ отыщетъ его и укажетъ вамъ въ газетной комнатѣ ([65]) на перлы въ немъ сокрытые. Дорогою сдѣлалъ я еще журнальное открытіе: вообразите, что я былъ въ двадцати верстахъ отъ *Рузаевки*, деревни поэта Струйскаго, о которой писалъ я въ Телеграфѣ. Вдова его и два сына еще живы. Попалась-ли имъ моя статья? Постараюсь провѣдать о томъ; жалѣю, что не успѣлъ по обѣщанію своему, напечатанному въ Телеграфѣ, поклониться памяти поэта и живописца его; но лѣтомъ, когда буду опять въ здѣшней сторонѣ, съ набожною точностію исполню свой сердечный и журналистическій обѣтъ. Въ моихъ стихахъ одно слово кажется мнѣ контрабанднымъ, по изобрѣтательной глупости нашей цензуры. Если *могущество* напугаетъ ее, то нельзя ли будетъ поставить *торжество*, или другое слово, болѣе невинное и смиренное. Впрочемъ, убѣдительно прошу васъ перемѣнить что и какъ угодно въ стихахъ моихъ, если что въ нихъ покажется вамъ требующимъ перемѣны. Здѣсь хотя и есть домашняя, степная и парная литература; но все немного надѣюсь на ея вкусъ и потому посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ.

Село Мещерское
(Саратовской губерніи)
Декабря 24 дня 1827 года.

15.

Мнѣ все хотѣлось вмѣсто частнаго письма составить для вашего высокопревосходительства дипломатическое и подробное донесеніе о состояніи литературы въ Петербургѣ, о сношеніяхъ

([64]) Русскій Зритель; стихотвореніе это „Новый годъ“ появилось въ первой книжкѣ этого журнала 1828 г.

([65]) Московскаго Англійскаго клуба.

и отношеніяхъ авторовъ, о новыхъ и замѣчательныхъ происшествіяхъ по полицейской части грамотнаго сословія; но за недостаткомъ офиціальныхъ матеріаловъ долженъ я отказаться отъ предназначеннаго предпріятія. Въ такомъ случаѣ прибѣгаю просто къ поздравленіямъ съ наступающимъ праздникомъ. За нѣсколько дней могъ бы я прибавить —и съ наступающею весною; но сегодня весна отъ насъ ретируется по снѣгу, который валитъ какъ будто передъ Крещенскими праздникомъ и морозами. И такъ предлогъ письма моего прямо христіянскій, а побужденіе мое—напомнить вамъ о себѣ и о моей постоянной къ вамъ преданности. Жалѣю, что не могу обогатить письмо свое содержаніемъ болѣе разнообразнымъ и подстрекающимъ живѣйшее вниманіе. Но что же дѣлать? Къ тому же я здѣсь не далеко втерся въ литературный міръ, который впрочемъ, кажется, сосредоточился въ лицѣ Булгарина. Какъ Людовикъ XIV-й говаривалъ: l'état c'est moi; такъ и онъ можетъ сказать: la littérature Russe, c'est moi, или по крайней мѣрѣ—литература Петербургская. Въ числѣ литературно-полицейскихъ происшествій (и по многимъ отношеніямъ *полицейскихъ*) была у меня съ этимъ Людовикомъ XIV-мъ забавная встрѣча въ публичномъ концертѣ. Вообразите себѣ, что онъ осыпалъ меня учтивыми привѣтствіями, клятвами въ уваженіи, въ глубочайшемъ почтеніи и проч. и проч.; а я долженъ былъ выдерживать весь этотъ залпъ съ христіанскимъ долготерпѣніемъ, чтобы не дать публикѣ сцены Триссотина и Вадіуса ([66]). Переходя отъ пріятеля Булгарина къ пріятелямъ другаго рода, и тутъ много не наговоришься; только съ Жуковскимъ и Пушкинымъ вижусь довольно часто. Другіе такъ обременены дѣлами, что они вовсе люди, пропадшіе для друзей. Дай Богъ, покрайней мѣрѣ, отыскать ихъ намъ въ современной исторіи отечества. Здѣсь говорятъ о новомъ уставѣ ценсурномъ, который уже поданъ на разсмотрѣніе въ Совѣтъ. Кто занятъ миромъ съ Персіею, кто—войною съ Турціею, а я все занятъ ценсурою: въ ней мой миръ и моя война. Законное право излагать свои мысли есть насущный хлѣбъ образованнаго поколѣнія. Оно не прихоть, а необходимость, и слѣдовательно въ числѣ коренныхъ условій народнаго существованія. Бѣда въ томъ, что многіе изъ желудковъ высшаго званія не признаютъ потребности того хлѣба насущнаго и могутъ голодать въ богатырскомъ умерщвленіи духовной плоти; а мы люди аппетитные должны за нихъ изнуряться на тощакъ. Однакоже настоящая ценсура въ Петербургѣ гораздо противъ прежняго и Московской благонамѣреннѣе и благоразумнѣе. Богъ знаетъ—желать ли перемѣны ея?

Дома, въ семействѣ Карамзиныхъ, провожу лучшіе часы своего пребыванія. Все еще тутъ держится старымъ духомъ, хотя, увы! и отсутствующимъ, но не менѣе того присньмъ сердцу и памяти: часто бываетъ рѣчь о васъ и сожалѣніе, что нѣтъ васъ съ нами. Петербургъ во многомъ измѣнился, но все, кажется, онъ болѣе по васъ, чѣмъ наша матушка Москва, хотя я и не промѣнялъ бы ее на батюшку. Съ пріѣзда своего знаю о Москвѣ только по Атенею, Дамскому журналу, Телеграфу, Московскому Вѣстнику, Вѣстнику Европы и вижу, судя по этимъ языкамъ, что и тамъ все держится старымъ духомъ или старою вонью. Эти обвиненія журналовъ на журналистовъ похожи на пересуды лавочниковъ, которые порочатъ товаръ другъ у друга, чтобы отбивать покупщиковъ отъ соперниковъ. Журналы мо-

---

([66]) Въ Мольеровой комедіи *Ученыя женщины* (Les femmes savantes).

гутъ между собою спорить за мнѣнія и приносить тяжбу свою на судъ публики; но споръ въ преимуществѣ одного журнала передъ другимъ рѣшится самою публикою и безъ ябедничества журналистовъ. Критика Атенея на Пушкина во многомъ ребячески-забавна. Критикъ не позволяетъ сказать: *бокалъ кипитъ*, *безумное страданье*, *сіянье розовыхъ снѣговъ*. Послѣ того должно отказаться отъ всякой поэтической вольности въ слогѣ и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить, какъ ученика изъ гимназіи? Встрѣчаются и должны встрѣчаться недостатки въ каждомъ произведеніи; но талантъ, каковъ талантъ Пушкина, и особливо же у насъ, долженъ быть всегда предметомъ уваженія: не раболѣпнаго и слѣпаго идолопоклонничества, но еще болѣе, и не насмѣшливой привязчивости и педантическаго исправленія. Вотъ еще пища Атенейной моли! Вчера вышла шестая глава Онѣгина. Пушкинъ читалъ намъ нѣсколько главъ романа своего въ прозѣ: герой, дѣдъ его Аннибалъ; между дѣйствующими лицами рисуется богатырское лице Петра Великаго, кажется, вѣрно и живо схваченное, судя, по крайней мѣрѣ, по первымъ очеркамъ. Описаніе Петербургскаго бала и обѣда въ царствованіе Петра ярко и натурально. Видѣли ли вы *Дурацкій Колпакъ* Филимонова? Совсѣмъ ему не къ лицу. Тутъ есть стихи живые и поэтическіе, а какъ попали они ему въ голову и на голову — Богъ вѣсть. Получили ли вы новый альманахъ, кажется, *Сѣверныя Музы*, который посланъ вамъ издателемъ, кажется, чрезъ Плавильщикова?

Ничего порядочнаго и значительнаго не могъ узнать я о Хвостовѣ, кромѣ того, что онъ былъ боленъ не на шутку и очнулся, тоже не на шутку, слѣдовательно, и писать будетъ не на шутку.

С.-Петербургъ.
Марта 24 дня 1828 года.

25-го *Газетное дополненіе*: Дашковъ получилъ Анненскую ленту; Нессельроде—вице-канцлеръ; Кочубею и Волконскому — брильянтовые знаки св. Андрея; Тутолмину — 1-го Владиміра; Долгорукому (придворному) и Нарышкину—табакерки съ портретомъ; Меньщиковъ—начальникъ штаба морскаго; Моллеръ—морской министръ; Мятлева и еще три дѣвицы—фрейлины; Витгенштейну сто тыс. рублей.

16.

Поздравляю васъ, ваше высокопревосходительство, съ возвращеніемъ, надѣюсь, благополучнымъ. Хотя причина поѣздки и была для васъ прискорбна, но не менѣе того вы, вѣроятно, съ нѣкоторой отрадою погостили на родинѣ. Жаль мнѣ, что я не зналъ въ точности, когда вы туда поѣхали; а то, въ кочующемъ духѣ своемъ, легко могъ я выѣхать къ вамъ куда нибудь на дорогу; тѣмъ болѣе, что въ самое то время рыскалъ я по степямъ; былъ въ Сарептѣ, обѣдалъ въ *Отрадѣ* (67), видѣлъ слѣды древняго великолѣпія прежнихъ помѣщиковъ ея, комнату съ фонтаномъ, птичницу и проч.; искалъ тамъ слѣдовъ вашихъ, но вдохновеніе изсякло и улетѣло вмѣстѣ съ фонтаномъ и птицами. Тамъ живетъ теперь Поповъ, козакъ съ женою, довольно пригожею и тестемъ-нѣмцемъ, довольно забавнымъ и радушнымъ для нѣмца.

Узнавъ отъ васъ, что князь говорилъ съ вами обо мнѣ, я писалъ къ нему; но письмо мое не застало его въ Моск-

(67) Имѣніе, бывшее Бекетова, дяди И. И. Дмитріева.

вѣ ([68]). Онъ тогда былъ въ Петербургѣ, и не знаю дошло ли оно до него. Сдѣлайте одолженіе, при случаѣ постарайтесь о томъ развѣдать. До сей поры не имѣю ни отъ куда и ни отъ кого ни привѣта, ни отвѣта. Не понимаю равнодушія такого. Оскорбить человѣка сто голосовъ готовы; защитить его нѣтъ ни единаго. Вотъ почти годъ, что ударъ мнѣ нанесенъ. Куда ни кидаюсь, что ни дѣлаю—не могу допроситься изслѣдованія, не могу узнать, въ чемъ состоитъ обвиненіе, постигшее меня. Эта неизвѣстность отяготительна, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакого обезпеченія отъ вторительнаго и сильнѣйшаго удара. Съ легкой руки графа Т***, пожалуй жди еще новыхъ непріятностей. Удостовѣренный многими опытами въ лестной пріязни вашей ко мнѣ, я смѣло позволяю себѣ избирать ваше высокопревосходительство въ повѣренные и, по возможности, въ посредники по моимъ непріятнымъ обстоятельствамъ. Въ васъ надѣюсь найти всегда вниманіе, участіе и доброхотство.

Наконецъ прочелъ я Выжигина. Что за плоскость! И Полевой имѣетъ духъ ставить этотъ романъ на ряду съ Полтавою и 12-мъ томомъ исторіи Г. Р. Хороши наши литературные судіи! Издали и въ уединеніи нелѣпость журналовъ нашихъ еще поразительнѣе. Въ городахъ, въ Москвѣ какъ-то обживешься съ глупостью, съ духотою физическою и нравственною; чувства притупѣютъ, почерствѣютъ; въ атмосферѣ..... можетъ ли какая ни есть глупость быть въ особенности чувствительна? При заголенномъ лицѣ NN какая неблагопристойность покажется неумѣстною и дикою? Но здѣсь, на вольномъ воздухѣ, въ уединеніи кабинета, право зажимаешь себѣ носъ и закрываешь глаза при чтеніи журнальныхъ пакостей; а умъ отъ нихъ и самъ сжимается. Можетъ ли что быть неприличнѣе печатной переписки издателей „Телеграфа“ и „Галатеи“? Эти господа признаютъ за остроуміе отверженіе формулъ вѣжливости и общежитія, узаконенныхъ даже и между простолюдинами. Надписавъ статью *господину такому-то*, они думаютъ, что разсмѣшили публику. Покойный Львовъ ([69]) разсказывалъ, что, зашедши однажды въ лубочную комедію на масляницѣ, занялъ онъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ожиданіи представленія. Подходитъ къ нему полицейскій офицеръ и говоритъ: „не извольте, ваше превосходительство, садиться такъ близко: можетъ случиться бѣда“.

— А почему такъ? спросилъ Львовъ.

„Да, когда паясъ очень разшутится, такъ начнетъ онъ плевать на народъ“. Право, можно теперь остерегать порядочныхъ читателей отъ чтенія журналовъ нашихъ: бѣда, журналисты черезъ чуръ разшутились; а «Вѣстникъ Европы» въ критикахъ своихъ настоящій *отецъ Дюшенъ* ([70]) революціи французской: говоритъ о *романтическихъ сенкюлотахъ*, о *Робеспьерѣ*; намекаетъ на симпатію съ палачемъ и проч. Видѣли ли вы у В. В. Измайлова мою жалобу на Раича? Онъ совершенный Ра-

([68]) Князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ, Московскій генералъ-губернаторъ. Тогда поступилъ на автора лживый и безразсудный доносъ, будто между прочимъ онъ готовится издавать подъ чужимъ именемъ газету. Дѣло это и непріятности, за нимъ слѣдовавшія, долго тянулись. Князь Голицынъ былъ во все это время его усерднымъ и дѣятельнымъ заступникомъ.

([69]) Генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ, извѣстный въ свое время краснобай и острякъ.

([70]) Подъ этимъ именемъ издавался Геберомъ циническій журналъ Lettres...... patriotiques du pére Duchesne, временъ первой французской революціи.

вичъ ([71]). Читая «Галатею» его, мнѣ все сдается, что онъ спился. Трезвому невозможно такимъ образомъ и такъ скоро опошлиться.

Не вѣрю я тому, а кажется онъ пьетъ.

Позвольте мнѣ, слѣдуя вашему примѣру, задрать васъ допросомъ: не у васъ ли Записки кн. Дашковой? Если онѣ у васъ, то прошу оставить ихъ у себя до моего прiѣзда. Не находя ихъ въ своихъ книгахъ, я что-то стосковался о нихъ. Боюсь, не пропали-ли ([72]).

Iюля 27 дня 1829 г.

VI. А. С. ПУШКИНА.

1.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми ([1]). Вы должны любить рифму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго Русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите-жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши

([71]) Разумѣется, все это сказано въ шутку и въ минуту досады: Раичъ былъ человѣкъ образованный, кроткаго нрава и съ дарованіемъ, но лишенный и поэтическаго или *метрическаго* и общежительнаго такта; доказательствами тому служатъ переводы его италіянскихъ поэмъ размѣромъ стиха, употребленнаго Жуковскимъ въ балладѣ и многія полемическія статьи журнала его. Но впрочемъ, по всей вѣроятности, не онъ ихъ писалъ, а давалъ волю въ журналѣ своемъ молодымъ ярымъ борзописцамъ, которые тогда открывали въ литтературѣ поприще, впослѣдствіи ознаменованное дикими набѣгами, шумомъ и безчинствами. Забавно было первоначальное знакомство Дмитріева съ Раичемъ. Тогда проживалъ въ Москвѣ нѣкто Равичъ. Онъ извѣстенъ былъ, между прочимъ, любовью своею къ цыганамъ вообще и къ одной цыганкѣ въ особенности. Разумѣется, и Дмитріевъ слыхалъ про него; въ тоже время былъ ему извѣстенъ и переводъ Раича Виргиліевыхъ Георгикъ. Эти два лица сочетались въ умѣ его въ одно лице. Когда кто-то просилъ его о дозволеніи представить ему переводчика, онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе: ему любопытно было узнать лично и ближе человѣка, въ которомъ соединились поэзія Мантуанскаго лебедя и разгульная поэзія героевъ, воспѣтыхъ Майковымъ. Познакомившись съ нимъ и вглядываясь въ него, онъ началъ мало по малу свыкаться съ этою мыслью и съ этою психологическою странностью. Онъ находилъ въ смугломъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ Раича что-то цыганское, оправдывающее сочувствіе и наклонности его. Ему нравились эти противорѣчія и независимость поэта, который не подчинялъ себя свѣтскимъ предубѣжденіямъ и котораго воспріимчивая и сильная натура умѣла совмѣщать эти противорѣчія и крайности. Въ третье или четвертое свиданіе, захотѣлось ему вызвать Раича на откровенную исповѣдь. Онъ началъ слегка заводить съ нимъ рѣчь о цыганахъ. Кто зналъ застѣнчиваго, неловкаго и цѣломудреннаго Раича, тотъ легко представитъ себѣ удивленіе и смущеніе его при намекахъ Дмитріева. Наконецъ дѣло объяснилось. Ив. Ив. удивительно драмматически, живописно и уморительно-смѣшно расказывалъ про этотъ случай.

([72]) Говорится о рукописныхъ Запискахъ княгини Дашковой.—Дмитріевъ когда не отыскивалъ у себя книги, данной имъ на прочтеніе и не помнилъ, кому именно онъ далъ ее, имѣлъ обыкновеніе посылать ко всѣмъ знакомымъ своимъ поголовное требованіе о возвратѣ ему такой-то книги.

([1]) Мы не знаемъ именно, какіе это стихи.

переживутъ щедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ въ слѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! (²) Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета—устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

14 фев.
С. П. Б.
(1832)

2.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями (³).

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ-ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря (⁴), умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Не извѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. К. (⁵) слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по суббо-

---

(²) Это было прискорбное недоразумѣніе, и хотя правительство вскорѣ признало совершенную невиновность Ивана Вас. Кирѣевскаго, тѣмъ не менѣе прекрасное изданіе его остановилось на двухъ книжкахъ. Это было вскорѣ послѣ усмиренія Польскаго возстанія. Мы безвинно платились за чужія тревоги, и навѣты иностранцевъ уже начинали смущать бодрую и свѣтлую душу императора Николая. За годъ передъ тѣмъ погибъ отъ нихъ баронъ А. А. Дельвигъ. Въ одной изъ статей Европейца отысканы были якобы двусмысленныя выраженія о нѣмцахъ и о конституціи. Лишь энергическому заступничеству Жуковскаго и настойчивости его обязанъ былъ Кирѣевскій своимъ личнымъ оправданіемъ. Въ Чертковской библіотекѣ имѣются и начальные листы третьей, невыпущенной въ свѣтъ, книжки Европейца.

(³) Пушкинъ разумѣетъ выдержку изъ Записокъ И. И. Дмитріева, напечатанную въ исторіи Пугачевскаго бунта, именно описаніе казни Пугачева. Упоминаемый портретъ вышелъ, но сохранился лишь при весьма немногихъ экземплярахъ Пушкинской книги.

(⁴) П. И. Соколова. Преемникомъ его въ званіи непремѣннаго секретаря Россійской академіи былъ Д. И. Языковъ. Дмитріевъ и Пушкинъ были членами оной.

(⁵) Т. е. къ Андрею Никол. Карамзину; говорится о графѣ Хвостовѣ.

тамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи своимъ сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

14 февраля
1835
С. П. Б.

3.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное ободрѣніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который вѣроятно, за сходную цѣну, возмется идеализировать это лице по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ Лобановъ и Аяксъ Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову—Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора) (6). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентомъ . . . . . N. фокусникъ, а NN его паясъ. Кто то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой, подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

(6) Т. е. переводчику Шлецерова изслѣдованія о Несторѣ.

26 апрѣля
1835
С. П. Б.

4.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ, возвратясь въ П. Б., имѣлъ я счастіе найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло (7).

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй N Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ (8).

(7) Въ кончинѣ матери Пушкина, Надежды Осиповны. Пушкинъ ѣздилъ къ себѣ въ Михайловское и въ близь лежащемъ Святогорскомъ монастырѣ похоронилъ мать свою.

(8) Во 2-мъ томѣ Пушкинскаго Современника на стр. 310 помѣщено слѣдующее „Увѣдомленіе. Съ нѣкотораго времени начали появляться въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статьи подъ литерами И. Д., а въ 25-мъ номерѣ Литтературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду выставленъ эпиграфъ съ подписаніемъ и полнаго имени и прозвища Ивана Дмитріева, ни мало не принад-

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

14 іюня
С. П. Б.
(1836).

VII. Н. В. ГОГОЛЯ.

1.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Пріѣхавши на мѣсто, я почелъ долгомъ писать къ вамъ. Вашъ ласковый пріемъ и ваша доброта напечатлѣлись неизгладимо въ моей памяти. Мнѣ кажется, я вижу васъ, нашего патріарха поэзіи, въ ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безъизвѣстному и недовѣряющему себѣ автору. Съ того времени мнѣ показалось, что я подросъ по крайней мѣрѣ на вершокъ. Минувши заставу и оглянувшись на изчезающую Москву, я почувствовалъ грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тѣхъ поръ, пока не присоединилась къ ней другая, что, черезъ три или четыре мѣсяца, я снова увижусь съ вами. Въ дорогѣ занимало меня одно только небо, которое, по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе. Мнѣ надоѣло сѣрое, почти зеленое сѣверное небо, такъ же какъ и тѣ однообразно печальныя сосны и ели, которыя гнались за мною по пятамъ отъ Петербурга до Москвы. Теперь я живу въ деревнѣ совершенно такой, какая описана незабвеннымъ Карамзинымъ. Мнѣ кажется, что онъ копировалъ малороссійскую деревню: такъ краски его ярки и сходны съ здѣшней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лѣто! Хлѣба, фруктовъ, всего растительнаго гибель! А народъ бѣденъ, имѣнія разорены, и недоимки неоплатныя. Всему виною недостатокъ сообщенія. Онъ усыпилъ и облѣнивилъ жителей. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ не льзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ съ горя за зайцами. Признаюсь, мнѣ очень грустно было смотрѣть на разстроенное имѣніе моей матери; еслибы одна только лишняя тысяча, оно бы въ три года пришло въ состояніе приносить шестерной противъ нынѣшняго доходъ. Но деньги здѣсь совершенная рѣдкость

лежащихъ ветерану нашей словесности. Знаемъ, что никто не можетъ избѣжать своего Созія, и конечно не въ правѣ требовать, чтобы тотъ отрекся отъ своего имени; но нельзя не согласиться и въ томъ, чтобы не было грустно семидесятилѣтнему старцу, домогающемуся только *тихаго вечера*, видѣть описанія балагановъ на сырной недѣлѣ, книжныя одобренія всякой всячины, и стихи довольно рѣзкіе, чтобъ не сказать неучтивые, съ подписаніемъ того же имени и прозвища, которыя онъ носитъ. Мы уполномочены довести о томъ до свѣдѣнія гг. Редакторовъ, и обратиться къ ихъ проницательной разборчивости, не могутъ ли они впредь употребить какія нибудь мѣры, чтобы читатели не были вводимы въ заблужденіе, и не приписывали ни прозы, ни стиховъ новаго атлета его соименнику, который уже давно сошелъ съ ристалища. Москва. 1836. Апрѣля 21.“ Созій — двойникъ, извѣстное лице въ Мольеровой комедіи „Амфитріонъ“; въ этой комедіи Меркурій, сынъ Юпитера, принимаетъ на себя видъ одного слуги, именемъ Созія и дурачитъ сего послѣдняго.

Но я думаю, уже наскучилъ вамъ статистикой здѣшняго края.

Такъ какъ вы были столько снисходительно добры, что изъявили желаніе знать объ обстоятельствахъ того, который, еще не видавши васъ лично, питалъ къ вамъ благоговѣйное уваженіе и привязался къ вамъ всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, въ лучшемъ состояніи, нежели въ Москвѣ. Совершеннаго же здоровья не надѣюсь скоро дождаться. Позвольте по крайней мѣрѣ пожелать вамъ, чтобы еще въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вы не знали совершенно никакихъ болѣзней, чтобы горе не смѣло переступить черезъ порогъ вашъ. А я, упрашивая васъ не перемѣнять драгоцѣннаго вашего расположенія ко мнѣ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною признательностію вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Николай Гоголь.

2.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Необыкновенно пріятно изумило меня письмо ваше. Нѣсколько разъ я перечитывалъ драгоцѣнныя для меня строки. Я не ожидалъ его; я думалъ, что мой адресъ вамъ неизвѣстенъ; но ваше заботливое вниманіе и участіе тронули меня до слезъ. Благодарю васъ за нихъ: они оживили меня и подвинули на все благое. Радъ, что вамъ понравились мои несовершенные начатки; и если со временемъ произведу что нибудь достойное, то виновникомъ этого будете вы. Ваше поздравленіе меня съ небомъ Украины и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь августъ здѣсь былъ прелестенъ, начало сентября похоже на лѣто. Я въ полномъ удовольствіи. Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ другаго, влюбленнаго съ такимъ изступленіемъ въ природу, какъ я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю всѣ движенія ея, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываю въ ней неуловимыхъ прелестей. Еще мѣсяцъ я проживу здѣсь, потомъ ѣду въ Москву и лично принесу вамъ мою благодарность за ваше снисходительное вниманіе. А до того съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною признательностію остаюсь вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою. Н. Гоголь.

1832. Сент. 23.

3.

Милостивый государь Иванъ Ивановичь. Я очень виноватъ передъ вашимъ высокопревосходительствомъ. Никакимъ образомъ не удалось мнѣ быть у васъ передъ выѣздомъ моимъ въ Петербургъ. Одна только увѣренность, что вы, зная мою нелицемѣрную признательность и то глубокое уваженіе къ вамъ, которое должно находиться въ сердцѣ каждаго Русскаго, меня извините, эта одна увѣренность совершенно меня успокоиваетъ. Сегодня будетъ мѣсяцъ, какъ я нахожусь здѣсь и хотя еще не успѣлъ побывать у кого бы слѣдовало (чему причиною лѣнь, вывезенная мною изъ Малороссіи) однакожъ видѣлся съ Пушкинымъ. Газеты онъ не будетъ издавать, и лучше! Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться значитъ помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ. Князь Одоевскій скоро порадуетъ насъ собраніемъ своихъ повѣстей, въ родѣ Квартета Бетговена помѣщеннаго въ Сѣвер. Цвѣтахъ на 1831. Ихъ будетъ около десятка, и тѣ, которыя имъ написаны теперь, еще лучше прежнихъ. Воображенія и ума—куча! Это рядъ психологическихъ

явленій, непостижимыхъ въ человѣкѣ! Они выдутъ подъ однимъ заглавіемъ *Домъ Сумасшедшихъ*. Вотъ всѣ почти наши новости! Желая загладить передъ вами невольный проступокъ мой, я спѣшу скорѣе отправить письмо и потому не распространяюсь. Но въ слѣдующій разъ (если только это не нанесетъ вамъ скуки) постараюсь увѣдомить и объ моихъ занятіяхъ, которыя впрочемъ не значительны. Съ чувствомъ всегдашней признательности и глубочайшаго почтенія остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга. Н. Гоголь.

1832 Спб.
30 ноября.

Если на случай вамъ понадобится знать мой чердакъ, то вотъ его адресъ: II-й Адм. части въ Новомъ переулкѣ, домъ Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки.

*

Такимъ образомъ, цѣлое поколѣніе писателей, начиная съ Шишкова (род. 1753) и оканчивая Гоголемъ († 1852) съ уваженіемъ и живымъ сочувствіемъ относились къ Ивану Ивановичу Дмитріеву. Разгадку того вліянія, коимъ пользовался этотъ человѣкъ, читатели могутъ найти въ появившихся наконецъ недавно Запискахъ И. И. Дмитріева. Это былъ человѣкъ рѣдкаго ума и сильнаго, но сосредоточеннаго и строго оберегаемаго чувства. — Что касается до писемъ къ нему Гоголя, то ихъ любопытно сопоставить съ нижеслѣдующими. *П. Б.*

НЕИЗДАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Извѣстно, что изданная въ 1847 году книга Н. В. Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" напечатана была далеко не въ томъ составѣ, какъ предполагалъ Гоголь, жившій тогда въ чужихъ краяхъ. Причиною тому были разныя (на то время можетъ быть и основательныя) соображенія цензуры. Гоголь думалъ впослѣдствіи издать книгу вновь, въ полномъ видѣ, либо напечатать особо дополненіе къ ней; но эти предположенія не были исполнены, и только теперь, почти черезъ 15 лѣтъ по кончинѣ Гоголя, тѣ письма, которыя онъ самъ пожелалъ обнародовать и отъ появленія которыхъ столько ожидалъ благихъ послѣдствій,—появятся вполнѣ въ новомъ, имѣющемъ выдти, изданіи сочиненій Гоголя. Изданіе это уже печатается другомъ автора, Ѳ. В. Чижовымъ, которому важныя и плодотворныя занятія инаго рода не мѣшаютъ содѣйствовать успѣхамъ наукъ словесныхъ, и который обязательно дозволилъ намъ помѣстить въ Русскомъ Архивѣ нижеслѣдующіе отрывки. *П. Б.*

1. Изъ письма о лиризмѣ нашихъ поэтовъ. (1846)

Какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! И какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что̀ ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! „За чѣмъ нужно", говорилъ онъ, „чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ: много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что̀ такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яица не сто̀итъ. Государство безъ полномощнаго монарха тоже, что̀ оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ. А кажется онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка по-

махиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой нибудь шаршавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ, или неуклюжій тулумбасъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!" Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! Это внутреннее существо-силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое между прочимъ ты (1) самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н*** Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца, и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ его была слѣдующая величественная ода, которую повторю здѣсь всю, она же вся въ одной строфѣ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И чтожъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь, и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали,
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали?....
Нѣтъ ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Сходить подъ тѣнь (2) долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.....

....Только по смерти Пушкина обнаружились его истинныя отношенія къ государю, и тайны двухъ его лучшихъ сочиненій. Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ въ слѣдствіе всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ помадныхъ объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопрятно-запальчивыхъ выходокъ, производимыхъ всякими квасными и неквасными патріотами, перестали вѣрить у насъ на Руси искренности всѣхъ печатныхъ изліяній,—Пушкину было опасно выходить. Его бы какъ разъ назвали подкупнымъ, или чего-то ищущимъ человѣкомъ. Но теперь, когда появились только послѣ его смерти эти сочиненія, вѣрно не отыщется во всей Россіи такой человѣкъ, который посмѣлъ бы назвать Пушкина льстецомъ или угодливымъ кому бы то ни было. Чрезъ то святыня высокаго чувства сохранена. И теперь всякъ, кто даже и не въ силахъ постигнуть дѣло собственнымъ умомъ, приметъ его на вѣру, сказавши: если самъ Пушкинъ

(1) Письмо обращено было къ В. А. Жуковскому. Въ изданіи Анненкова (III, 42), который имѣлъ въ рукахъ рукописи Пушкина, не обозначено никакихъ разнорѣчій противъ печатнаго текста, при этомъ стихотвореніи, отнесенномъ (не знаемъ почему) къ 1834 году, и потому не извѣстно, какой стихъ поправленъ Жуковскимъ. *П. Б.*

(2) Въ изданіи Анненкова: „Скрываться въ тѣнь". Другіе стихи — „Герой."

думалъ такъ, то уже вѣрно это сущая истина. Царственные гимны нашихъ поэтовъ изумляли самихъ чужеземцевъ своимъ величественнымъ складомъ и слогомъ. Еще недавно Мицкевичь сказалъ объ этомъ на лекцiяхъ Парижу, и сказалъ въ такое время, когда и самъ онъ былъ раздраженъ противу насъ, и все въ Парижѣ на насъ негодовало. Не смотря, однакожъ, на то, онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ нашихъ поэтовъ ничего нѣтъ рабскаго или низкаго, но, напротивъ, что-то свободно величественное; и тутъ же, хотя это не понравилось никому изъ земляковъ его, отдалъ честь благородству характеровъ нашихъ писателей. Мицкевичь правъ. Наши писатели точно заключили въ себѣ черты какой-то высшей природы. Въ минуты сознанiя своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвальствомъ, если бы ихъ жизнь не была тому подкрѣпленiемъ. Вотъ чтò говоритъ о себѣ Пушкинъ, помышляя о будущей судьбѣ своей:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Стóитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого либо изгнанника, или подать руку падшему. Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенiя къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ, несчастномъ упадшемъ. Черта истинно русская.

....Полномощная власть монарха не только не упадетъ, но возрастетъ выше, по мѣрѣ того какъ возрастетъ выше образованiе всего человѣчества. Чѣмъ болѣе всякое званiе и должность станутъ входить въ свои законные предѣлы, и отношенiя между собою всѣхъ станутъ опредѣляться точнѣе, тѣмъ болѣе окажется потребность верховодящей силы, которая, собравши въ себѣ всю силу отдѣльныхъ единицъ, показала бы въ себѣ доблести высшiя, приближающiя человѣка прямо къ Богу,—тѣ верховныя собирательныя качества и свойства, которыхъ не могутъ имѣть отдѣльныя единицы. Полюбить весь миллiонъ какъ одного человѣка труднѣй, чѣмъ полюбить немногихъ изъ этого миллiона; возскорбѣть болѣзнями всѣхъ людей, въ такой силѣ какъ болѣзнею наиближайшаго друга и мыслить о спасенiи всѣхъ до единаго, какъ бы о спасенiи своей собственной семьи, можетъ вполнѣ только тотъ, которому это постановлено въ непремѣнный законъ, и который слышитъ, что за неисполненiе его онъ подвергнется такому же страшному отвѣту предъ Богомъ, какъ и всякая отдѣльная единица за неисполненiе своего долга на своемъ отдѣльномъ поприщѣ. Не будь этой верховодящей силы—обнищаетъ духъ человѣчества. Полномощная власть государя потому теперь оспаривается въ Европѣ, что ни государямъ, ни подданнымъ не объяснилось ея полное значенiе. Власть государя — явленiе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божiимъ на землѣ. При всемъ желанiи блага онъ спутается въ своихъ дѣйствiяхъ, особливо при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Европѣ; но какъ только почувствуетъ онъ, что долженъ показать въ себѣ людямъ образъ Бога, все станетъ ему ясно, и его отношенiя къ подданнымъ вдругъ объяснятся. Въ образцы себѣ онъ уже не изберетъ ни Наполеона, ни Фридриха, ни Петра, ни Екатерину, ни Людовиковъ, и ни одного изъ тѣхъ государей, которымъ придаетъ мiръ названье великаго, и которымъ опредѣлено было, вслѣдствiе обстоятельствъ и времени, сверхъ должности государя съиграть роль полководца, преобразователя, нововводителя, словомъ показать съ блескомъ одну какую нибудь въ себѣ сторону, вводящую въ такiя заблужденiя подражателей, и такъ соблазняющую многихъ государей; но возьметъ въ образецъ свой дѣйствiя Самого Бога, которыя такъ слышны въ исторiи всего человѣчества, и которыя

еще виднѣй въ исторіи того народа, который отдѣлилъ Богъ за тѣмъ именно, чтобы царствовать въ немъ Самому и показать царямъ какъ царствовать. И какъ Онъ небесно царствовалъ! Какъ умѣлъ возлюбить свой народъ пуще всѣхъ другихъ народовъ! Съ какою любовью отца училъ его, и съ какимъ долготерпѣніемъ небеснымъ ждалъ его исправленія! Какъ неохотно подымалъ карающій бичъ Свой! Какъ даже и тогда, когда вопли нечестія и грѣховъ достигали самыхъ небесъ, не спѣшилъ наказаніемъ, но умѣлъ сказать: „Дай, сойду Самъ на землю и разсмотрю, точно ли такъ велика неправда!" И кто же это говоритъ? Всезнающій и Всепровидящій, напоминающій объ осмотрительности земнымъ царямъ! Какъ и самыя казни насылалъ Онъ не за тѣмъ, чтобъ уничтожить человѣка, котораго не трудно уничтожить, но за тѣмъ, чтобы спасти его, потому что трудно спасти человѣка, чтобы средствомъ, потрясающимъ разбудить его безчувственную природу, и показавши ему весь ужасъ того, къ чему онъ въ невѣдѣніи стремится, напомнить, что есть еще время спастись ему! Какъ, зная неподкупность ничѣмъ неодолимой правды Своей, употреблялъ Онъ все для того, чтобы не подпалъ подъ нее безсильный и немощный человѣкъ; засылалъ отъ себя пророковъ, которые, исполнившись любви къ своимъ братьямъ и нашедши языкъ имъ доступный, образумили бы ихъ; и наконецъ, видя, что все уже тщетно, и ничто не въ силахъ образумить ихъ, и нѣтъ средствъ укрыть людей отъ Его неотразимой правды, Самъ рѣшается Самого Себя принести въ жертву за всѣхъ, чтобы цѣной такой жертвы побѣдить и самую правду Свою, показавъ людямъ, что такая любовь есть уже выше всего, что ни есть, и сама по себѣ есть уже верховнѣйшее правосудіе небесное! Все сказалъ Богъ какъ нужно дѣйствовать, въ отношеніи къ людямъ тому, кто захочетъ показать имъ Его образъ въ себѣ. А чтобы показать въ тоже время царю, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно Его Самого Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, Онъ оставилъ имъ образцы въ помазанныхъ имъ же царяхъ Давидѣ и Соломонѣ, которые пребывали всѣмъ существомъ своимъ въ Богѣ, какъ бы въ собственномъ дому своемъ, и которые въ царской власти своей показали мудрое соприкосновеніе двухъ властей и духовной и свѣтской, въ такомъ видѣ, что не только ни одна изъ нихъ не мѣшаетъ другой, но еще взаимно одна другую утверждаютъ и возвышаютъ. Такъ въ книгѣ Божіей содержится полное и совершенное опредѣленіе монарха, этого отдѣленнаго отъ насъ существа, которому достался такой трудный жребій на землѣ: исполнивъ прежде все, что долженъ исполнить всякій человѣкъ, уподобясь Христу въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своей частной жизни, уподобиться сверхъ того еще Богу-Отцу въ верховныхъ дѣйствіяхъ, относительно всѣхъ людей. Въ этой книгѣ полное опредѣленіе монарха, а нигдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Оно еще не приходило въ умъ Европейскимъ правовѣдцамъ, но у насъ его слышали поэты, отъ того и звуки ихъ становились библейскими...

2. *Изъ письма о театрѣ къ графу А. П. Т.... му. (1845)*

Нѣтъ выше того потрясенія, которое производитъ на человѣка совершенно согласованное согласіе всѣхъ частей между собою, которое доселѣ могъ только слышать онъ въ одномъ музыкальномъ оркестрѣ и которое въ силахъ сдѣлать то, что драматическое произведеніе можетъ быть дано болѣе разовъ сряду, нежели наилюбимѣйшая опера. Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ. Но, повторяю, все это возможно только въ такомъ случаѣ, когда дѣло будетъ сдѣлано истинно такъ, какъ слѣдуетъ, и полная отвѣтственность всего, по части репертуарной, возляжетъ на первоклассныго актера, то есть, трагедіею будетъ за-

вѣдывать первый трагическій актеръ, а комедіею первый комическій актеръ, когда одни они будутъ исключительные хоровожди такого дѣла. Говорю исключительные, потому что знаю, какъ много у насъ есть охотниковъ прикомандироваться съ боку во всякомъ дѣлѣ. Чуть только явится какое мѣсто и при немъ какія нибудь денежныя выгоды, какъ уже вмигъ пристегнется съ боку секретарь. Откуда онъ возмется, Богъ вѣсть: точно какъ изъ воды выйдетъ, докажетъ тутъ же свою необходимость, ясно какъ дважды два. Заведетъ въ началѣ бумажную кропотню только по экономическимъ дѣламъ, потомъ станетъ по немногу впутываться во все, и дѣло пойдетъ изъ рукъ вонъ. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили всѣ должности, сбили и спутали отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ и обратно начальниковъ къ подчиненнымъ. Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, чтó имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ отъ того, что всякъ, какъ бы на перерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, даже честный и умный человѣкъ, старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и себя и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но секретарей позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ съиграть роль посредника между начальникомъ и подчиненнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать: корчить передъ этимъ подчиненнымъ роль его начальника, заведетъ у себя переднюю, заставитъ ждать себя по цѣлымъ часамъ, словомъ, вмѣсто того, чтобы облегчить доступъ подчиненнаго къ начальнику, только затруднитъ его. И все это иногда дѣлается не съ другимъ какимъ умысломъ, какъ только за тѣмъ, чтобы облагородить свое секретарское мѣсто. Я зналъ даже нѣкоторыхъ совсѣмъ недурныхъ и неглупыхъ людей, которые передъ моими же глазами такъ поступали съ подчиненными своего начальника, что я краснѣлъ за нихъ же. Мой Хлестаковъ былъ въ эту минуту ничто передъ ними. Все это конечно еще бы ничего, если бы отъ этого не происходило слишкомъ много печальныхъ слѣдствій. Много истинно-полезныхъ и нужныхъ людей иногда бросали службу единственно изъ-за скотинства секретаря, требовавшаго къ себѣ того же самаго уваженія, которымъ они были обязаны только одному начальнику, и за неисполненіе того мстившаго имъ оговорами, внушеніями о нихъ дурнаго мнѣнія, словомъ, всѣми тѣми мерзостями, на которыя способенъ только безчестный человѣкъ. Конечно въ управленіяхъ по части искусствъ, художествъ и тому подобнаго, правитъ или комитетъ, или одинъ непосредственный начальникъ, и не бываетъ мѣста секретарю-посреднику, тамъ онъ опредѣленъ только записывать опредѣленія другихъ, или вести хозяйственную часть; но иногда случается и тамъ, отъ лѣности членовъ или чего другаго, что онъ, мало по малу втираясь, становится посредникомъ и даже вершителемъ въ дѣлѣ искусства. И тогда выходитъ просто чортъ знаетъ что: пирожникъ принимается за сапоги, а къ сапожнику поступаетъ печенье пироговъ. Выходитъ инструкція для художника, писанная вовсе не художникомъ; является предписаніе, котораго даже и понять нельзя, зачѣмъ оно предписано. Часто удивляются, какъ такой-то человѣкъ, будучи всегда умнымъ человѣкомъ, могъ выпустить преглупую

бумагу, а въ ней онъ и душой не виноватъ: бумага вышла изъ такого угла, откуда и подозрѣвать никто не могъ, по пословицѣ: «писалъ писачка, а имя ему собачка.»

3. Изъ письма къ Б. И. Б......му. О Русскомъ помѣщикѣ. (1846)

....Кстати о священникѣ. Ты напрасно хлопочешь объ его перемѣнѣ и затѣваешь просить архіерея, чтобы онъ далъ тебѣ болѣе знающаго и опытнаго. Такого священника онъ тебѣ не дастъ, потому что такой священникъ повсюду нуженъ. Выбрось даже изъ головы, чтобы могъ отыскаться священникъ, вполнѣ отвѣчающій твоему идеалу. Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника. Въ семинаріи онъ получаетъ только начальное основаніе своего воспитанія, образуется же вполнѣ въ дѣлѣ жизнію. Будь самъ ему наставникомъ, ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника. Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Они, на мѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ какъ роднаго, поселить въ немъ желаніе бесѣды лучшей, которая могла бы его чему нибудь поучить, бросать его среди мужиковъ, молодаго и неопытнаго, когда онъ еще и не знаетъ, что такое мужикъ; поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ, на мѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть; и послѣ этого вопіютъ, что у нихъ священники дурные, что они пріобрѣли мужицкія ухватки, и ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ мужиковъ. Да я спрашиваю: кто не огрубѣетъ даже изъ приготовленныхъ и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги: тебя же это чтеніе теперь занимаетъ и питаетъ болѣе всего. А самое главное — бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника, чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками. Тутъ онъ увидитъ ясно, что̀ такое помѣщикъ, что такое мужикъ, и каковы должны быть ихъ отношенія между собою. А между тѣмъ и къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства, и черезъ то имѣлъ бы возможность быть съ тобою безпрестанно. Повѣрь, что онъ такъ привыкнетъ къ тебѣ, что ему будетъ скучно безъ тебя. А привыкнувши къ тебѣ, онъ отъ тебя нечувствительно наберется и познанія вещей, и познанія человѣка, и много всякаго добра, потому что въ тебѣ, слава Богу, всего этого довольно, и ты умѣешь такъ ясно и хорошо выражаться, что всякъ невольно усвояетъ себѣ не только твои мысли, но даже и образъ ихъ выраженія и самыя слова твои.

Что же до проповѣди, которую ты полагаешь нужною, то на это я тебѣ скажу вотъ что. Я скорѣе того мнѣнія, что священнику, не вполнѣ наставленному въ своемъ дѣлѣ и не ознакомленному съ людьми, его окружающими, лучше вовсе не произносить проповѣди. Подумалъ ли ты о томъ, какое трудное дѣло сказать умную проповѣдь, и особенно мужикамъ! Нѣтъ, лучше немного потерпи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока и священникъ побольше осмотрится, да и ты также; а до того времени посовѣтую тебѣ то, что̀ одному уже посовѣтовалъ, и что̀, кажется, пошло ему въ прокъ. Возьми святыхъ отцевъ и особенно Златоуста, говорю потому Златоуста, что Златоустъ, имѣя дѣло съ народомъ-невѣжею, принявшимъ только наружное христіанство, но въ сердцахъ остававшихся грубыми язычниками, старался быть особенно доступнымъ къ понятіямъ человѣка простаго и грубаго, и говорилъ такимъ живымъ языкомъ о предметахъ нужныхъ, а даже часто очень

высокихъ, что цѣликомъ можно обратить мѣста изъ проповѣдей его къ нашему мужику, и онъ пойметъ. Возьми Златоуста, и читай его вмѣстѣ съ твоимъ священникомъ, и притомъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста, а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти самыя мѣста пусть онъ скажетъ народу; не нужно, чтобы они были длинны: страничка или даже полстранички; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Но нужно, чтобы передъ тѣмъ, какъ произносить ихъ народу, священникъ прочиталъ ихъ нѣсколько разъ съ тобою вмѣстѣ, за тѣмъ, чтобы умѣть ихъ произнести ему не только съ одушевленіемъ, но такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ бы онъ хлопоталъ о какой-нибудь собственной выгодѣ своей, отъ которой зависитъ благополучіе его жизни. Увидишь, что это будетъ дѣйствительнѣе, нежели его собственная проповѣдь. Народу нужно мало говорить, но мѣтко. Не то онъ можетъ привыкнуть къ проповѣди также, какъ привыкнулъ къ ней высшій кругъ, который ѣздитъ слушать знаменитыхъ Европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или въ спектакль. У. К. З*. священикъ не говоритъ никакой проповѣди, но, зная насквозь всѣхъ мужиковъ, поджидаетъ только исповѣди. И на исповѣди такъ пройметъ изъ нихъ всякаго, что онъ какъ изъ бани выходитъ изъ церкви. З.** послалъ къ нему нарочно исповѣдывать 30 человѣкъ рабочихъ съ своей фабрики, пьяницъ и мошенниковъ первѣйшаго разбора, а самъ сталъ на паперти церковной, чтобы посмотрѣть имъ въ лица въ то время, какъ они будутъ выходить изъ церкви. Всѣ вышли красные какъ раки. А кажется немного и держалъ ихъ на исповѣди; по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдывалъ вдругъ. И послѣ того, по сказанію самого З**, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не показывался ни одинъ изъ нихъ въ кабакѣ, такъ что окружные цѣловальники не могли приожи ть ума, отъ чего это случилось....

4. *Страхи и ужасы Россіи. (Письмо къ графинѣ ....ой)* 1846 ([3]).

На ваше длинное письмо, которое вы писали съ такимъ страхомъ, которое просили сей же часъ истребить послѣ прочтенія, и на которое отвѣчать просили не иначе, какъ чрезъ вѣрныя руки, и отнюдь не по почтѣ, я отвѣчаю не только не по секрету, но, какъ вы видите, въ печатной книгѣ, которую можетъ быть прочтетъ половина грамотной Россіи. Побудило меня къ тому то, что можетъ быть мое письмо послужитъ въ тоже время отвѣтомъ и прочимъ, которые, подобно вамъ, смущаются тѣми же страхами. То, что̀ вы мнѣ объявляете по секрету, есть еще не болѣе какъ одна часть всего дѣла. А вотъ если бы я вамъ разсказалъ то, что̀ я знаю (а знаю я безъ всякаго сомнѣнія далеко еще не все), тогда бы точно помутились ваши мысли, и вы сами подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи. Но куда бѣжать? вотъ вопросъ. Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого вполнѣ не видитъ. Все, не исключая даже государственныхъ людей, пребываетъ покуда на верхушкѣ верхнихъ свѣдѣній, то есть пребываетъ въ томъ заколдованномъ кругѣ познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скороспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ сквозь лживыя призмы всякихъ партій, вовсе не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится голова у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ ни-

([3]) Письмо это, 26-е въ порядкѣ книги, все печатается въ первый разъ.

какое человѣческое средство, когда они вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые вамъ видятся теперь въ Россіи. Въ Россіи еще брезжетъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: „всѣ падаютъ духомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго", равно какъ и слова: „каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ, о сохраненіи собственной пользы, точно какъ на полѣ сраженія, sauve qui peut" дѣйствительно справедливы; такъ оно теперь дѣйствительно есть. Такъ быть должно. Такъ повелѣлъ Богъ, чтобы оно было. Всякъ долженъ подумать теперь о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеньи. Но насталъ другой родъ спасенья. Не бѣжать на кораблѣ изъ земли своей, спасая свое презрѣнное земное имущество; но спасая свою душу, не выходя вонъ изъ государства, долженъ всякъ изъ насъ спасать себя самого въ самомъ сердцѣ государства. На кораблѣ своей должности, службы, долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на Кормщика Небеснаго. Кто даже и не въ службѣ, тотъ долженъ теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность, какъ утопающій хватается за доску, безъ чего не спастись никому. Служить же теперь долженъ изъ насъ всякъ, не такъ какъ бы служилъ онъ прежней Россіи, но въ другомъ небесномъ государствѣ, главой котораго уже самъ Христосъ; а потому и всѣ свои отношенія ко власти ли высшей надъ нами, къ людямъ ли равнымъ и кружащимся вокругъ насъ, къ тѣмъ ли, которые насъ ниже и находятся подъ нами, должны мы выполнить такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. И ужъ нечего теперь глядѣть на какіе нибудь щелчки, которые стали бы наноситься отъ кого бы то ни было нашему самолюбію,— нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому и должна быть выполнена такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. Только однимъ этимъ средствомъ и можетъ всякъ изъ насъ теперь спастись. И плохо будетъ тому, кто объ этомъ не помыслитъ теперь же. Помутится умъ его, омрачатся мысли, и не найдетъ онъ угла, куда сокрыться отъ своихъ страховъ. Вспомните *Египетскія тьмы*, которыя съ такой силой передалъ царь Соломонъ, когда Господь, желая наказать однихъ, послалъ на нихъ невѣдомые, непонятные страхи. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ, среди бѣла дня; со всѣхъ сторонъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь, и лишила всего: всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибнули, кромѣ одного страха. И произошло это только въ тѣхъ, которыхъ наказалъ Господь; другіе въ тоже время не видали никакихъ ужасовъ,—для нихъ былъ день и свѣтъ.

Смотрите же, чтобы не случилось съ вами чего нибудь подобнаго. Лучше молитесь и просите Бога о томъ, чтобы вразумилъ васъ какъ быть вамъ на вашемъ собственномъ мѣстѣ и на немъ исполнить все, сообразно съ закономъ Христа. Дѣло идетъ теперь не на шутку. Прежде, чѣмъ приходить въ смущенье отъ окружающихъ безпорядковъ, не дурно заглянуть всякому изъ насъ въ свою собственную душу. Загляните также и вы въ свою. Богъ вѣсть, можетъ быть тамъ увидите такой же безпорядокъ, за который браните другихъ; можетъ быть тамъ обитаетъ разстроенный, неопрятный гнѣвъ, способный всякую минуту овладѣть вашею душою, на радость врагу Христа; можетъ быть тамъ поселилась малодушная способность падать на всякомъ шагу въ уныніе,—жалкая дочь безвѣрія въ Бога; можетъ быть тамъ еще таится тщеславное желанье гоняться за тѣмъ, что̀ блеститъ и пользуется извѣстностію свѣтской; можетъ быть тамъ обитаетъ гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить въ ничто все до-

бро, какое имѣемъ. Богъ вѣсть, что можетъ быть въ душѣ нашей. Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что внѣ и вокругъ насъ. Что же касается до страховъ и ужасовъ въ Россіи, то они не безъ пользы: посреди ихъ многіе воспитались такимъ воспитаньемъ, котораго не дадутъ никакія школы. Самая затруднительность обстоятельствъ, предоставивши новые изовороты уму, разбудила дремавшія способности многихъ, и въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на Европейскихъ рынкахъ. Я бы вамъ назвалъ многихъ такихъ, которые составятъ когда нибудь красоту земли Русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро; но къ чести вашего пола я долженъ сказать, что женщинъ еще больше. Цѣлое жемчужное ожерелье ихъ хранитъ моя память. Всѣ онѣ, начиная съ вашихъ дочерей, которыя такъ живо напомнили мнѣ во сколько разъ родство по душѣ выше всякаго кровнаго родства (дай Богъ, чтобъ наилучшая сестра съ такой готовностью исполняла просьбу своего брата, съ какою онѣ исполняли малѣйшее желаніе души моей) начиная съ нихъ и продолжая тѣми, о которыхъ вы даже едва слышали, и оканчивая тѣми, о которыхъ вы, можетъ быть, и не услышите никогда, но которыя совершеннѣе всѣхъ тѣхъ, о коихъ вы слышали,—всѣ онѣ не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себѣ явленіе необыкновенное. Только одна Россія могла произвести подобное разнообразіе характеровъ, и только въ нынѣшнее время трудныхъ обстоятельствъ разслабленья и развращенья общаго, повсемѣстной ничтожности общества, могли онѣ образоваться. Но всѣхъ перевысила одна, которую я и въ глаза не знаю, и о которой до меня достигнулъ только одинъ темный разсказъ. Не думалъ я, чтобы могло существовать на землѣ подобное совершенство. Произвести такое умное и великодушное дѣло и произвести его такъ какъ умѣла сдѣлать она; сдѣлать такъ, чтобъ отклонить отъ себя и подозрѣнье въ ея собственномъ участіи, и разложить весь подвигъ на другихъ, такимъ образомъ, что эти другіе стали хвастаться ею сдѣланнымъ дѣломъ, какъ бы собственнымъ своимъ, въ полной увѣренности, что они его сдѣлали. Такъ умно обдумать уже впередъ, какъ убѣжать отъ извѣстности, тогда какъ само дѣло уже необходимо должно бы кричать о себѣ и обнаружить ее; успѣть въ этомъ и остаться въ неизвѣстности! Нѣтъ, подобной мудрости еще не встрѣчалъ я ни въ комъ изъ нашей братьи, мужеска пола. И передо мною показались въ ту минуту блѣдными всѣ женскіе идеалы, создаваемые поэтами: они тоже передъ этой истиной, что бредъ воображенья передъ полнымъ разумомъ. Жалки мнѣ также показались всѣ тѣ женщины, которыя гонятся за блистающей извѣстностью. И гдѣ же явилось такое чудо? Въ незамѣтномъ захолустьѣ Россіи, въ то время именно, когда стало труднѣй изворачиваться человѣку, когда запутались обстоятельства всѣхъ, и наступили пугающіе васъ страхи и ужасы Россіи.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ ГРАФУ ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СТРОГАНОВУ.

Monsieur le comte.

J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me parait plus dure qu'un exil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous aves bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte à sermon.

Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de madame votre femme et agreez l'hommage de ma haute considération. Alexandre Pouchkine.

Переводъ. Милостивый государь графъ. Съ грустью искупаю мечты моей юности. Кажется, легче перенесъ бы ссылку въ Сибирь, чѣмъ эти привѣтствія Лелевеля. Во всякомъ случаѣ благодаренъ вамъ, что вы изволили мнѣ сообщить эту статью: она послужитъ мнѣ текстомъ для рѣчи.

Прошу васъ, милостивый государь графъ, повергнуть меня къ стопамъ милостивой государыни вашей супруги. Примите изъявленіе моего высокаго уваженія. Александръ Пушкинъ.

*

Сколько намъ извѣстно, письмо это писано въ 1831 году, когда Лелевель (ученый знаменитый, но въ то время самъ еще не освободившійся отъ увлеченій молодости) въ одной изъ рѣчей своихъ позволилъ себѣ выразиться, будто сочиненія Пушкина направлены противъ правительства и тѣмъ онъ будто помогаетъ Польскому дѣлу. Можно представить, въ какое негодованіе эта выходка привела нашего поэта, который всегда питалъ пламенную любовь къ отечеству, къ Русской славѣ и Русскому могуществу, и не грѣшилъ противъ этого чувства, ни посреди самыхъ оргій свободомыслія, ни въ своемъ тяжкомъ изгнаніи. Мы знаемъ, что въ Одессѣ, въ 1823 и 1824 г., Польскіе паны завлекали его къ себѣ, но онъ не обнаружилъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Отзывъ Лелевеля тѣмъ болѣе огорчилъ Пушкина, что тогда Русская кровь лилась въ Польшѣ. Какъ бы отвѣтомъ служатъ стихи въ одѣ Клеветникамъ Россіи.

А вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!

Графъ Г. А. Строгоновъ, прославившійся своею энергическою дѣятельностью въ званіи Русскаго посланника въ Константинополѣ въ 1821 г., жилъ тогда въ Петербургѣ и пользовался большимъ уваженіемъ двора и всего общества. Онъ приходился дальнимъ родственникомъ женѣ А. С. Пушкина и впослѣдствіи былъ однимъ изъ опекуновъ дѣтей его. Письмо Пушкина печатается здѣсь съ подлинника и обязательно сообщено намъ кн. Д. И. Долгорукимъ.

П. Б.

ЗАМѢТКИ НА СТАТЬЮ „ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ“ (*).

1. *Стр. 1094.* Буквы Е. В. обозначаютъ Графиню Екатерину Артемьевну Воронцову (род. 1780, ум. 1836). Отецъ ея Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Артемій Ивановичъ (род. 1748, ум. 1799) былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Квашниной-Самариной, свойственницѣ Пушкиныхъ по Ржевскимъ.

2. *Стр. 1099.* По нѣкоторымъ извѣстіямъ стихотвореніе „Кинжалъ“ написано, или лучше сказать импровизировано, Пушкинымъ позже 1821 года.

(*) См. выше въ этомъ же году Р. Архива.

3. *Стр. 1136. Прим. 44.* Въ спискѣ стихотвореній 1820 года, №№ 7, 8 и 9 должны быть, для точной хронологической вѣрности, переставлены такъ: 7., „Нереида“; 8., „Чаадаеву“; 9., „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“. Такъ указываетъ маршрутъ Пушкина по Крыму.

4. *Стр. 1139.* „Петербургская актрива Истомина — родомъ Черкешенка“. Я лично зналъ знаменитую въ свое время танцовщицу Авдотью Ильиничну Истомину, когда она уже сошла со сцены и была замужемъ за отставнымъ актеромъ Экунинымъ (когда-то отличавшимся въ роли Скалозуба, въ которой онъ прекрасно танцовалъ мазурку на лихой армейскій ладъ). А. И. Экунина (умершая въ холеру 1848 года, послѣ чего умеръ вскорѣ и мужъ ея) была родомъ не Черкешенка, а чистая Русская и говорятъ въ цвѣтущее время своей красоты носила на себѣ отпечатокъ красоты именно Русской (См. портретъ ея въ Русской Таліи“, 1825). Ошибка автора очевидно произошла отъ выраженія Пушкина въ письмѣ къ брату отъ 30 янв. 1823 (стр. 1208): „объ Черкешенкѣ Истоминой“. Но объяснить это выраженіе должно слѣдующимъ. Въ это время на Петербургской сценѣ Дидло ставилъ балетъ „Кавказскій Плѣнникъ“, заимствованный изъ поэмы Пушкина и въ которомъ Истоминой дана была роль Черкешенки. Программа этого балета напечатана въ 1823 году. (См. Роспись Смирдина, № 7811).

5. *Стр. 1153.* Меня всегда удивляло, какимъ образомъ стихотвореніе „Недвижный стражъ дремалъ“ могло быть относимо къ 1821 году. Въ немъ говорится о подавленіи революціонныхъ движеній и попытокъ не только въ Италіи и Германіи (тогда еще можно бы допустить такое показаніе), но и въ Испаніи, гдѣ революція была побѣждена лишь въ концѣ 1823 года, при помощи французскихъ войскъ. Я убѣжденъ, что означенное стихотвореніе написано Пушкинымъ въ 1824, а можетъ быть даже и въ 1825 году, въ Михайловскомъ.

6. *Стр. 1171.* На основаніи замѣтокъ 2 и 5 пьесы №№ 13 и 14 должны быть исключены изъ списка стихотвореній 1821 года.

7. *Стр. 1174. Прим. 81.* Вопросъ о личности Князя Лобанова разрѣшается для меня очень легко. Намѣреніе издать стихотворенія Пушкина возымѣлъ здравствующій и нынѣ и лично знакомый мнѣ Князь Александръ Яковлевичь Лобановъ-Ростовскій (род. 1788), храбрый офицеръ, бывшій адъютантъ извѣстнаго Графа Н. М. Каменскаго, давно вышедшій въ отставку Генералъ-Маіоромъ, основатель и командоръ Россійскаго Яхтъ-Клуба. Труды Князя Лобанова, издавшаго многочисленные и важные документы, касающіеся Маріи Стуартъ, отысканные и собранные имъ самимъ въ теченіе многихъ лѣтъ, при помощи значительныхъ издержекъ и упорныхъ просвѣщенныхъ розысканій, извѣстны въ ученомъ мірѣ и облегчили работы славному Минье и другимъ писателямъ, воздававшимъ за то должную дань благодарности Князю Лобанову.

8. *Стр. 1183. Прим. 90.* Я-на“ значитъ: Якушкина.

9. *Стр. 1189.* Не имѣя подъ рукою „Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія“, я не могу положительно опровергнуть показанія о томъ, будто публичное засѣданіе издававшаго этотъ журналъ „Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ“, бывшее 22 мая 1823, происходило въ домѣ вдовы поэта, Д. А. Державиной. Но если это и было, то только въ видѣ исключенія. Въ Державинскомъ домѣ происходили прекратившіяся еще въ 1816 году засѣданія совсѣмъ другаго общества, именно „Бесѣды Любителей Русскаго Слова“, основанной Шишковымъ въ 1811 году.

10. *Стр. 1195. Прим. 97.* „Кто были Юрьевъ и Мансуровъ — не знаемъ.“ Ѳедоръ Филиповичъ Юрьевъ, недавно кажется умершій, и занимавшій долгое время мѣсто управляющаго Заемнымъ Банкомъ, былъ тогда офицеромъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка. Посланія къ нему Пушкина напечатаны въ изданіи

Исакова, т. I. стр. 185 и 213 и написаны въ 1818 и 1819 годахъ. Павелъ Павловичь Мансуровъ и Никита Всеволодовичь Всеволожскій женились въ послѣдствіи на двухъ родныхъ сестрахъ Княжнахъ Хованскихъ.

11. *Стр. 1197. Прим. 99.* Василій Ивановичь Козловъ, соредакторъ Воейкова по „Новостямъ Литературы" происходилъ изъ купеческаго званія, что было тогда рѣдкостію между литераторами.

12. *1198.* Кажется, А. А. Бестужеву приписываются тутъ нѣкоторые литературные труды старшаго брата его Николая, также весьма просвѣщеннаго человѣка, служившаго во флотѣ.

13. *Стр. 1199. Прим. 100.* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ стоялъ въ Петергофѣ и что А. А. Бестужевъ сочинилъ себѣ тогда псевдонимъ Марлинскаго, примѣняясь къ имени извѣстнаго тамошняго павильона „Марли", въ свою очередь данному Петромъ I въ память „Marly", великолѣпнаго загороднаго дворца, построеннаго Людовикомъ XIV.

14. *Стр. 1204.* Ссора Пушкина съ Графомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Толстымъ (по прозванію Американцемъ) имѣла первоначальною причиною, если не ошибаюсь, эпиграму на него Пушкина, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» (1865, Вып. 12, стр. 1529). Къ нему же относятся долго потомъ выпускавшіеся въ печати четыре стиха Пушкина въ посланіи къ Чаадаеву 1821 года (Изд. Исакова, т. I, стр. 246, стихъ послѣдній и стр. 247, стихи 1, 2 и 3). Характеристику гр. Толстаго изобразилъ въ стихахъ и Князь П. А. Вяземскій. („Въ дорогѣ и дома", стр. 339, Замѣтка 51). Вѣроятно, первая эпиграмма Пушкина дошла до гр. Толстаго черезъ нескромность Князя А. А. Шаховскаго.

15. *Стр. 1205.* По всѣмъ соображеніямъ, эпиграмма „Жалоба" написана Пушкинымъ гораздо ранѣе 1822 года и вѣроятно прежде высылки его изъ Петербурга.

16. *Стр. 1209.* Намекъ о Глинкѣ въ выраженіи Пушкина о Ѳемистоклѣ очень ясенъ, если вспомнить посланіе, написанное въ 1823 году послѣднимъ къ Глинкѣ, котораго Пушкинъ называетъ Аристидомъ. (Изд. Исакова, Т. I, стр. 275).

17. *Стр. 1210. Прим. 111.* Едва ли возможно не только предпочитать „Елисея" Майкова „Опасному сосѣду" В. Л. Пушкина, но и сравнивать ихъ между собою.

Михаилъ Лонгиновъ.

Село Красное.
26 Августа 1866

ПИСЬМО (ГРАФА) АЛЕКСАНДРА ХРИСТОФОРОВИЧА БЕНКЕНДОРФА КЪ НИКОЛАЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПОЛЕВОМУ,

редактору Московскаго Телеграфа, въ 1832 году (1).

Милостивый Государь Николай Алексѣевичь! Я не рѣшился бы писать къ вамъ и дѣлать мои замѣчанія на ваши сочиненія, еслибы неоднократные опыты вашего ко мнѣ добраго расположенія, не давали мнѣ права полагать, что разсужденія мои вы примете доказательствомъ моего къ вамъ уваженія и доброжелательства.

Сожалѣя чрезвычайно, что многосложныя занятія отымаютъ у меня возможность безпрерывно вникать въ журналъ, вами издаваемый, и что по сей причинѣ только теперь обращено мое

(1) Изъ драгоцѣннаго собранія рукописей и автографовъ, принадлежавшаго извѣстному библіофилу Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому. Это любопытное и достопримѣчательное письмо подарено ему въ концѣ 1832 года Н. А. Полевымъ (1796—1846). Оно писано не рукою графа Бенкендорфа, но въ концѣ письма находится его собственноручная подпись. Печатается здѣсь съ подлинника, хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго Музея. П. Б.

вниманіе на N 16-й Московскаго Телеграфа 1831 года. Я твердо увѣренъ, что ежели вы разсмотрите съ безпристрастіемъ мои разсужденія, то оныя принесутъ очевидную пользу, какъ вамъ, такъ и публикѣ, для коей вы пишете.

Въ разборѣ брошюрки Г-на S. *Горе отъ ума*, на страницахъ 519, 520 и 521-й (²) вы утверждаете, что революціи необходимы, и что кровопролитія и ужасы, сопровождающія насильственные перевороты въ правленіи, не такъ гибельны, какъ воображаютъ такіе простяки, каковъ Г-нъ S.; что даже польза революцій очевидна для потомства, и что только непросвѣщенные мыслители могутъ жаловаться на бѣдствія, проистекающія отъ оныхъ!

Позвольте, милостивый государь, вамъ замѣтить, что это не литература, а совершенное разсужденіе о высшей политикѣ! Я не столько удивляюсь, что Цензура пропустила (³) такія вредныя сужденія, какъ удивляюсь тому, что столь умный человѣкъ, какъ вы, пишетъ такія нелѣпости! — Желалъ бы имѣть ваше объясненіе, съ какою цѣлію, съ какимъ намѣреніемъ вы позволяете себѣ печатать столь вредныя мнѣнія для общаго блага!

Для совершеннаго опроверженія вашей системы, не нужно входить въ обширныя разсужденія; я ограничу себя только тѣмъ замѣчаніемъ, что подобный образъ мыслей весьма вреденъ въ Россіи, особливо если онъ встрѣчается въ человѣкѣ умномъ, образованномъ, который имѣетъ даръ писать остро и замысловато; въ сочинителѣ, коего публика читаетъ охотно, и коего мнѣнія могутъ посѣять такія сѣмена, могутъ дать такое направленіе умамъ молодыхъ людей, которое вовлечетъ государство въ бездну несчастій. Не думайте, чтобы въ то время ваше раскаяніе, сила вашихъ сочиненій могла прекратить тѣ бѣдствія, коихъ вы будете виновникомъ. И по сей причинѣ, какъ человѣкъ, желающій вамъ добра, совѣтую не печатать подобныхъ статей въ вашемъ журналѣ, которыя сколько вредны, столько же и нелѣпы. Вникните, милостивый государь, какія мысли вы внушаете людямъ неопытнымъ! Я не могу не скорбѣть душею, что во времена, въ кои и безъ вашихъ вольнодумныхъ разсужденій, юные умы стремятся къ общему безпорядку, вы еще болѣе ихъ воспламеняете и не хотите предвидѣть, что сочиненія ваши могутъ и должны быть одною изъ непосредственныхъ причинъ разрушенія общаго спокойствія. Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокоивающее страсти, а не возжигающее оныя. Я надѣюсь, что вы съ благоразуміемъ примете мое предостереженіе, и что впредь не поставите меня въ непріятную обязанность дѣлать невыгод-

(²) *См. Московскій Телеграфъ*, № 16, августъ, 1831, часть 40, стран. 519—522. Брошюра г-на S., которой критическій разборъ находится въ этой книжкѣ *Телеграфа*, на стран. 519—522, имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Горе отъ ума, производящаго всеобщій революціонный духъ. Философическо-умозрительное разсужденіе. Сочиненіе* S. Москва, 1831, въ типогр. Степанова, въ 8 д. 24 страницы. Въ *Росписи* Смирдина, *Второе Прибавленіе*, 1832, эта брошюра означена въ Отдѣлѣ: *Разсужденія*, на стран. 84, N. 11575. С. П. — Прочитавъ статью Моск. Телеграфа, по поводу которой письмо написано, мы изумились громадной разницѣ между тѣмъ что было 35 лѣтъ назадъ и современною Русскою печатью. Сравни выше, стр. 1714 и 1722; а также Р. Архивъ 1864, изд. 2-е стр. 1018. Не Булгаринъ ли тутъ дѣйствовалъ? *П. Б.*

(³) На послѣдней стр. этого 16-го нумера *Московскаго Телеграфа* одобреніе цензора: "Москва, сентября 25 дня 1831 года. Левъ Цвѣтаевъ". С. П.

ныя замѣчанія на счетъ сочиненій вашихъ и говорить вамъ столь горькую истину.

Не менѣе того примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ отличномъ уваженіи и преданности, съ коею пребыть честь имѣю вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою А. Бенкендорфъ.

С. Петербургъ.
8-го февраля
1832 года.

НЕИЗДАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ А. А. ПЕТРОВА КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1863 (изд. 2, стр. 881 и. д.) помѣщены были важныя для жизнеописанія Н. М. Карамзина письма къ нему раноумершаго друга его молодости *Александра Андреевича Петрова*. Письма эти печатались въ Р. Архивѣ съ неполныхъ списковъ. Нынѣ, въ Парижѣ, въ бумагахъ достопочтеннѣйшаго Н. И. Тургенева, нашлись подлинники этихъ писемъ, по сличеніи коихъ съ напечатанными оказались нижепомѣщаемые, доселѣ неизданные отрывки, обязательно списанные В. С. Порошинымъ, который сообщилъ ихъ въ Москву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинныя письма исправлены рукою Карамзина: такъ во всѣхъ письмахъ слово *братъ* замѣнено словомъ *другъ*. Карамзинъ вѣроятно желалъ изгладить слѣды тайнаго масонскаго братства, которое между прочимъ соединяло его во времена юности съ Петровымъ.

*

I.

Изъ письма IV-го, отъ 30 іюня 1786. Изъ деревни Н**.

Начало:

Начать ли мнѣ холодную пѣснь и наполнить ли письмо упрекомъ? Истязать ли тебя о причинѣ, для чего не сдержалъ ты своего слова? Твердое твое I will [1] заставило было всѣ мои сомнѣнія спрятаться; я ожидалъ уже пріѣзда твоего, такъ какъ изъ близкой тучи послѣ молніи ожидаютъ грому. Но твердое твое I will пошатнулось, и сомнѣнія мои оправдались. Худо или хорошо ты сдѣлалъ, что сюда не пріѣхалъ, подвержено еще изслѣдованію. Естьли бъ все въ мірѣ дѣлалось только для меня, то ты сдѣлалъ дурно. Но впрочемъ—ты имѣлъ бы здѣсь удовольствія, имѣлъ бы и неудовольствія; въ Москвѣ также вѣрно имѣлъ ты удовольствія и неудовольствія. Которыя имѣли бы здѣсь перевѣсъ, не знаю. Одинъ только разъ вспоминалъ я съ сожалѣніемъ, что тебя здѣсь нѣтъ, а именно во время всенощнаго бдѣнія для срѣтенія солнца, о чемъ, есть ли полюбопытствуешь, отъ И. П. [2] подробнѣе узнаешь. Были еще случаи, при которыхъ желалъ бы я, чтобъ ты здѣсь былъ; но они были между человѣками, въ мірѣ подлунномъ, въ которомъ обыкновенно на всякую пріятность можно щитать по десяти непріятностей.

Далѣе слѣдуетъ напечатанное «Ты въ Москвѣ», *и за тѣмъ послѣ словъ:* „Что тебѣ угодно“:

Что касается до меня, то я по отпускѣ сего письма живъ и здоровъ; но знаю это потому только, что ѣмъ, пью и сплю попеременно; иныхъ же знаковъ жизни никакихъ *не предвидится*. Хотя нынѣшнее мое положеніе и не необыкновенное, однако ты можешь представить себѣ, что оно для меня тяжко; ибо мнѣ кажется, что оно противъ воли моей таково. Сердечно желалъ бы при нынѣшнемъ случаѣ уѣхать въ Москву; но весьма мнѣ нужно поговорить кое-что съ Н. И. [3] когда ему будетъ свободнѣе, касательно до предпріемлемой поѣздки въ Вологду и о многомъ иномъ дальнѣйшемъ.

---

[1] Я хочу.

[2] Ивана Петровича Тургенева?

[3] Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ? Не къ нему ли въ Подмосковную ждалъ Петровъ Карамзина?

Далѣе слѣдуетъ что напечатано: «вопросы что я есмь», *и послѣ словъ* «хотѣлъ писать»:

Посылаю къ тебѣ произведенія толстой моей Музы.

Послѣ словъ «искони одинакова»:

Не опасайся, чтобъ я не отважился на что либо выше случайныхъ стиховъ. Нѣтъ, благодѣтельный мой демонъ хранитъ еще меня отъ такой дерзости.—Въ прошедшіе праздники, т. е. въ день рожденія и именинъ И. П., былъ здѣсь великой походъ на стихи! Даже и Н. Л. С. поздравлялъ его стихами! Все то можешь ты услышать отъ И. П.; у него же можешь читать и коллекцію во всякихъ родахъ и вкусахъ.

Можетъ быть скоро будешь ты писать А. М.: засвидѣтельствуй ему мое почтеніе. И. П. читалъ письмо его. Der liebe Mann!

Прости, любезный другъ! Черезъ недѣлю надѣюсь увидѣться съ тобою. Господь да сохранить тебя отъ болѣзни, безпокойства, печали и отъ всѣхъ золъ!

2.

Изъ письма V-го, Москва. 1787 года, августа 1-го.

Начало:

Третьяго дни получилъ я письмо твое отъ 26 іюля, и теперь принимаюсь отвѣчать на оное, хотя еще два дни осталось до вторника.

Ты хорошо дѣлаешь, что не спрашиваешь, для чего первое мое къ тебѣ письмо было такъ коротко. Я не имѣю отмѣнной охоты разсказывать о причинѣ тогдашней моей скромности. Естьли бъ ты спросилъ, то я отвѣчалъ бы, что тогда не могъ болѣе писать. А для чего не могъ? Проницательной человѣкъ самъ усмотрѣлъ бы это изъ другова моего къ тебѣ письма, а можетъ быть и изъ самова этова, которое теперь пишу.

Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что ты имѣешь философской духъ, тонкой, глубоко-проницающій и удобной къ открытіямъ для другихъ невозможнымъ. Письмо твое служитъ подтвержденіемъ сего моего справедливаго и на опытахъ основаннаго мнѣнія. Ты находишь въ себѣ что-то достойное похвалы. Удивительное проницаніе! Кто могъ воображать только возможность такой находки? Проницаніе твое несравненно: ты видишь то, что̀ отъ всѣхъ прочихъ смертныхъ сокрыто.—„Старая, натянутая насмѣшка!“ скажешь ты. Не погнѣвайся; новой не случилось; а кто себя хвалитъ, того надобно чѣмъ нибудь наказать.

3

Въ письмѣ отъ 20 сент. 1789, въ разсказѣ о толстомъ купцѣ, въ подлинникѣ зачеркнуты слова: принадлежалъ къ стаду Ѳ. П. К. (4); *и прибавлено противъ печатнаго*: «И я восклицаю вмѣстѣ съ ними: О проклятыя лягушки! Зачѣмъ выгнали вы абдеритовъ изъ ихъ гнѣзда и заставили разсѣяться по всему свѣту! Что ты скажешь о семъ философѣ? Пожалѣй объ немъ, естьли можешь. Я могу: вѣдь ему не приключилось никакого нещастія! Достойны сожалѣнія только бѣдная птичка и всѣ тѣ бѣдные люди, которыхъ домы вмѣстѣ съ его домомъ сгорѣли.

Слава Богу! здѣсь всѣ здоровы. Н. И. переѣзжаетъ то отсюда въ деревню, то изъ деревни сюда. И. П. имѣлъ непріятность: у него въ домѣ сдѣлалась пропажа, и сверхъ того онъ, можетъ быть, лишится по этому случаю одного изъ лучшихъ своихъ дворовыхъ людей. Я сказывалъ ему, что ты переводишь рѣчи: *Was bin* пр. и проч. Онъ тѣмъ доволенъ.—*Дѣтскаго Чтенія* осталось три листа: наборщики жаждутъ еще оригиналу.—Надѣюсь, что получу отъ тебя еще письмо и что ты увѣдомишь меня объ А. М., какъ я тебя просилъ.

Прости любезный братъ! Будь здоровъ какъ трудолюбивый юноша, и радостенъ

(4) Ѳедора Петровича Ключарева?

какъ безпечное дитя. Успѣвай во всякомъ добрѣ и помни меня.

Четыре уже мѣсяца, какъ мы разстались, а я теперь только въ первой еще разъ пишу къ тебѣ. Но ты весьма ошибешься, естьли заключишь изъ этова, будто я мало о тебѣ помню. Нѣтъ, любезной другъ. *Далѣе какъ въ печатномъ:* „Воспоминаніе о тебѣ", и *послѣ словъ* „многихъ ли или немногихъ":

Письмо твое изъ Дрездена весьма меня обрадовало. Я не ожидалъ отъ тебѣ подробныхъ описаній твоего путешествія; но увѣренъ, что когда будешь имѣть время и случай, не оставишь любящаго тебя друга въ неизвѣстности о томъ, гдѣ и какъ ты поживаешь; также не полѣнишься сообщать мнѣ иногда кое-что изъ того, что̀ увидишь и узнаешь. *За тѣмъ какъ въ печатномъ*: „я весьма любопытенъ" *и послѣ словъ* „такія неустройства":

Ты жалуешься, что все примѣчанія достойное, что̀ ты видѣлъ, стоило тебѣ денегъ. Пожалуй увѣдомь, въ какихъ обстоятельствахъ твой кошелекъ и не долженъ ли ты больше издерживать денегъ, нежели прежде думалъ?

Что касается до меня, я живу по прежнему; перевожу (что, мимоходомъ сказать, довольно уже мнѣ наскучило); учусь лѣниво по англійски; однакожъ не теряю надежды получить сколько нибудь успѣха; иногда политизирую по газетамъ. Все лѣто прожилъ я въ деревнѣ съ А. М., поѣхалъ недѣли черезъ двѣ послѣ твоего отъѣзда, а возратился очень недавно, и для того-то такъ долго къ тебѣ не писалъ. Что впредь случится, не премину тебѣ увѣдомить.

Всѣ наши знакомые въ добромъ здоровьѣ. А. И., С. И., и Ѳ. П. благодарятъ тебя за то, что ты ихъ помнишь, и желаютъ тебѣ всякаго добра. Бѣдной нашъ Ленцъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ ты его оставилъ; часто жалуется на нездоровье. Онъ живетъ съ кн. Е., въ томъ же домѣ, гдѣ мы жили; но мы всякой день съ нимъ видимся. Въ Лифляндію не поѣдетъ. Все лѣто странствовалъ онъ по окрестностямъ Москвы, ночевалъ однажды въ запущенномъ саду и былъ окраденъ до рубашки.

Прости, любезной другъ! Наслаждайся пріятностями своего вояжа. Дай Богъ, чтобъ ты никогда не имѣлъ причины быть имъ недоволенъ, и чтобъ я имѣлъ удовольствіе увидѣть тебя возвратившагося къ намъ благополучно. Между тѣмъ помни и люби твоего искренняго друга.

4.

Изъ письма VII. Спб 19 іюля 1792.

Послѣ словъ „добрался наконецъ до общей цѣли всего текущаго": Можетъ быть нѣкогда, очистившись въ морѣ вѣчности, тонкая влага его поднимется парами, спустится обратно на землю, найдетъ себѣ лучшій грунтъ и составитъ новый источникъ, чистый и пріятный, какъ источникъ Бландузской, и будетъ самымъ лучшимъ украшеніемъ прелестному ландшафту (5). А мы оставшіеся...

Послѣ словъ „указы, касающіеся до коммерціи не нужны": Что я разумѣлъ подъ *человѣкоугодничествомъ*, писавши къ тебѣ объ отрывкахъ изъ записокъ одного молодаго Россіянина, теперь право самъ не знаю. Знаю только, что хотѣлъ тогда сказать тебѣ, что я не почитаю этой піесы твоею, или по крайней мѣрѣ не желалъ бы, чтобъ она была твоя. Впрочемъ здѣшній воздухъ не произвелъ во мнѣ никакой перемѣны. Я и въ Москвѣ часто или по большей части говаривалъ невразумительно и употреблялъ слова совсѣмъ несвойственныя смыслу. Но оставимъ это и предадимъ забвенію то, что̀ забвенія достойно!

(5) Говорится о душѣ умершаго Ленца.

Ты намѣренъ ѣхать въ деревню, и, какъ я надѣюсь, теперь и живешь уже въ деревнѣ. *O terque quaterque beatus!!!* удѣли и мнѣ частицу своего блаженства; увѣдомь, во всемъ ли такъ тебѣ тамъ живется, какъ ты думалъ; и естьли деревенская жизнь дѣлаетъ тебѣ пользу и облегченіе головѣ твоей, то вѣрно родятся у тебя и новые какіе нибудь планы; не полѣнись сообщить ихъ мнѣ, какъ то прежде бывало.

Бѣдная Лиза твоя для меня прекрасна! А другимъ какъ нравится, ни отъ кого не удалось еще слышать.—Львовъ, сказываютъ, *превесьма* доволенъ твоими примѣчаніями на его стихи, какъ то иначе и быть не можетъ. Кстати! не можешь ли ты, любезный, увѣдомить меня, въ какихъ былъ обстоятельствахъ сочинитель гимна *Ходящему на крыльяхъ*, напечатаннаго у тебя въ іюнѣ? Мнѣ очень хочется знать о его участи. Письмо твое къ Боннету и Боннетово къ тебѣ, я почитаю за предъобъявленіе объ изданіи Рускаго перевода *Разсматриванія Натуры*. Скоро ли намѣренъ ты сдѣлать это доброе и общеполезное дѣло? *Далѣе*: „Ліодоръ, твой."

Послѣ словъ:" съ фронтисписомъ и виньетами": Касательно сочиняемыхъ здѣсь *водопадовъ*, лучше бы всего выписать для тебя кой-какія мѣста; но теперь сдѣлать этова не могу, ибо пишу письмо дома. Это поэма во вкусѣ Оссіанскомъ; но она еще безъ конца, да и весьма мало надежды, чтобъ была когда нибудь окончана. *Послѣ словъ* „она сдѣлана":

Прочія мои требованія отъ тебя суть слѣдующія: 1, Пожалуйста пришли стихи *Къ Милости*, какъ они сперва были написаны. Я не покажу ихъ никому, естьли то нужно. 2, Не можно ли подарить меня новымъ экземпляромъ твоего Журнала 1791 года? Старой еще въ Москвѣ довольно уже одряхлѣлъ, а здѣсь сталъ такимъ инвалидомъ, что насилу въ рукахъ держится, да и разрозненъ! 3, Не можно ли тоже подарить меня рукописнымъ экземпляромъ поэмы: Das menschliche Herz, за что бы я не остался неблагодарнымъ.—Я попросилъ бы, чтобъ ты прислалъ мнѣ на краткое время и полученныя вновь пять книжекъ *Библіотеки для друзей*. Но ты скажешь, что это слишкомъ прихотливо.

Теперь бы слѣдовало писать къ тебѣ о здѣшней моей жизни; но я отъ великодушія твоего надѣюсь, что ты отъ этова меня уволишь. Описывать пространно—лѣнь; а коротко описать не умѣю... Съ А. И. вижусь почти всякую недѣлю разъ, когда онъ не бываетъ у Г. Р., а съ Л. съ пріѣзда моего сюда видился только два раза.

О Петербурскомъ Зритель что сказать, не знаю. Я прочитываю иногда изъ него нѣкоторые листы, между тѣмъ какъ разрѣзываю экземпляры для тебя и для Г. Р., а цѣлой піэсы какъ то ни одной прочитать не удалось: то помѣшаетъ что нибудь, то дрема одолѣетъ. Прости!

ПИСЬМО В. А. ПОЛѢНОВА КЪ И. И. МАРТЫНОВУ (1).

Одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній исполнилось. Я видѣлъ Карамзина, видѣлъ и говорилъ съ нимъ.

(1) За сообщеніе этого письма, свидѣтельствующаго намъ о томъ впечатлѣніи, которое Карамзинъ производилъ на своихъ молодыхъ современниковъ, мы обязаны благодарностью сыну В. А. Полѣнова, Дмитрію Васильевичу Полѣнову. Въ 1797 году, когда это письмо писано, Василій Алексѣевичъ Полѣновъ (впослѣдствіи извѣстный ученый и академикъ, заслужившій благодарность потомства за дѣятельное храненіе государствен. архивовъ, род. 1776, ум. 1851 г., см. о немъ брошюру П. А. Плетнева, Спб. 1852.) былъ командированъ съ частію иностранной коллегіи, въ которой онъ служилъ, въ Москву по случаю коронованія императора Павла. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ пріобрѣлъ потомъ извѣстность переводами на Русскій языкъ клас-

На немногія рѣдкости смотрѣлъ я съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на милаго сочинителя Бѣдной Лизы, и если бы судьба вручила мнѣ кисть Апеллесову или рѣзецъ Праксителевъ, я изобразилъ бы его въ совершенной точности, смотрѣвши на него четыре или пять часовъ. — Такъ замѣтилъ я черты лица его.

Онъ роста высокаго. На его лицѣ написано нѣчто такое, что̀ привлекаетъ къ нему всякаго человѣка. Онъ говорилъ много; но пріятно, разумно. Въ обществѣ вы не увидите въ немъ ни глубокомысленнаго ученаго, ни печальнаго меланхолика, какимъ я нарисовалъ его въ своемъ воображеніи; въ обществѣ онъ развязенъ, веселъ. Но гдѣ доходитъ дѣло до разсужденій, тамъ разсуждаетъ, какъ умный, свѣдущій человѣкъ.

Мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. За столомъ зашла рѣчь о литературѣ. Я старался не проронить ни одного его слова. — Между прочимъ вспомнили о Флоріанѣ. Карамзинъ не очень доволенъ Гонзальвомъ, послѣднимъ его сочиненіемъ. «Флоріанъ — говоритъ онъ — нравится намъ въ своихъ подробностяхъ (détails); но въ Гонзальвѣ представлены однѣ большія картины, которыя мы уже видѣли въ Гомерѣ, въ Тассѣ и въ другихъ поэтахъ. Сія-то неновость весьма непріятна. При всемъ томъ я его люблю за прелестный его слогъ.»

И еще говорено было много кой-чего занимательнаго; но о этомъ (sic) побесѣдую съ вами на досугѣ въ Петербургѣ.

Симъ пріятнымъ свиданіемъ одолженъ я Василью Федоровичу и Алексѣю Федоровичу (²), у котораго я былъ въ гостяхъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Тутъ я увидѣлъ и друга его Дмитріева. — Судя о свойствѣ ихъ по ихъ сочиненіямъ, я было почелъ Дмитріева Карамзинымъ, а Карамзина Дмитріевымъ. Первый въ обществѣ совершенно свѣтскій человѣкъ; Дмитріевъ степененъ, важенъ; но оба милы, любезны.

Тутъ же имѣлъ случай видѣть и Пушкина (³).

Вотъ вамъ самое краткое начертаніе бесѣды, которая была для меня чрезвычайно занимательна. Я написалъ бы вамъ о Карамзинѣ побольше, если бы время подарило меня хотя однимъ десяткомъ лишнихъ минутъ.

Прощай, милый другъ! Желаю тебѣ имѣть по больше такихъ часовъ, какими я наслаждался, слушая Карамзина.

П.

Москва.
20 Апрѣля 1797.

сиковъ. Полѣновъ самъ былъ уже тогда литераторомъ и произведенія свои помѣщалъ между прочимъ въ „Музѣ“, которая издавалась въ Спб. другомъ его Мартыновымъ. П. Б.

(²) Малиновскимъ.

(³) Вѣроятно Василія Львовича.

ЗАПИСКА КАРАМЗИНА КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

(переписана рукою А. И. Тургенева).

Исторія моя, по Высочайшему повелѣнію печаталась въ военной типографіи; но генералъ Закревской на сихъ дняхъ остановилъ печатаніе, объявивъ именемъ князя П. М. Волхонскаго, что эта книга должна быть еще разсмотрѣна цензурою, хотя онъ сказалъ мнѣ прежде (22 іюля въ Петергофѣ), что для типографіи нѣтъ нужды въ одобреніи цензорскомъ, когда Государь приказываетъ печатать. Ожидаю теперь Высочайшаго рѣшенія. Академики и профессоры не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру. Государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, *что* и *какъ* писать; собственная его отвѣтственность не уступаетъ цензорской.

Надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, на примѣръ, говорить свободно о жестокости царя Ивана Васильевича. Въ такомъ случаѣ что̀ будетъ Исторія?

14 окт. 1816.

Записочка рукою Карамзина. Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій, и буду ждать слѣдствій, оставляя на время мою плѣнницу, т. е. Исторію, въ рукахъ Татаръ.

МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ИСТОРІОГРАФУ.

(*Отрывокъ изъ Записокъ* [1]).

26 Декабря 1825 года, отправился я къ Карамзину, безъ всякаго явственнаго чувства, хотя нѣсколько лѣтъ спалъ и видѣлъ о томъ [2]. Взошелъ на дворъ, принадлежащій къ дому купца Межуева на Фонтанкѣ, — мнѣ сказали, что Карамзинъ живетъ на другомъ дворѣ, въ верхнемъ этажѣ; я туда, взглянулъ къ верху — и сердце у меня забилось: вотъ, гдѣ пишетъ онъ Русскую Исторію! Служитель сказалъ, что Николай Михайловичъ пошелъ прогуливаться, и будетъ дома черезъ часъ. Черезъ часъ пришелъ я опять, но онъ еще не возвращался. Я остановился на улицѣ дожидаться; черезъ нѣсколько минутъ вижу — вдали идетъ по тротуару кто-то въ синей бекешѣ, нѣсколько сгорбленный, похожій, судя по портрету, на Карамзина. Я отошелъ на другую сторону, высматривая, куда онъ пойдетъ. Онъ поворачиваетъ на лѣстницу въ домъ Межуева. Это Карамзинъ! Я переждалъ десять минутъ, и потихоньку, дрожа всѣмъ тѣломъ, взошелъ по лѣстницѣ. Обо мнѣ доложили, — приглашаютъ взойти.

Катерина Андреевна, окруженная тремя маленькими сыновьями и двумя молодыми дочерьми, сидѣла за чаемъ около большаго круглаго стола. Она пригласила меня сѣсть, и начала спрашивать о Москвѣ, о присягѣ въ Москвѣ, о дорогѣ и проч.

Входитъ Николай Михайловичъ.

Честь имѣю представиться Вашему Пр—ву.... Магистръ Московскаго Университета, Погодинъ.

„Отъ васъ имѣлъ я удовольствіе получить книгу?"

— Отъ меня.

„Прошу васъ садиться. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Давно ли вы пріѣхали въ Петербургъ?"

— Третьяго дня.

„Я очень радъ видѣть васъ такъ молодымъ: вы успѣете сдѣлать много полезнаго къ чести Русской, будете-ли писать Исторію, или ограничитесь изысканіями. Пройдя всю эту длинную дорогу, я видѣлъ многое на право и на лѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени. Который вамъ годъ?"

— Двадцать пять лѣтъ.

„Такъ вы очень моложавы: по виду вамъ осьмнадцать лѣтъ."

Между тѣмъ я представилъ ему двѣ книги, мною переведенныя, о Кириллѣ и Меѳодіѣ — Добровскаго, и Эверсовы изысканія.

Онъ развернулъ сперва первую.

„Это вашъ переводъ?"

---

(1) За доставленіе этой статьи мы обязаны многоуважаемому М. П. Погодину, коего обширный трудъ — подробное жизнеописаніе Карамзина, долженъ на дняхъ появиться въ печати. Другіе отрывки изъ Записокъ его о Пушкинѣ, Гоголѣ и Шевыревѣ см. въ Русск. Архивѣ 1865, изд 2-е стр. 1247—1278. П. Б.

(2) Въ первый разъ увидѣлъ я Карамзина еще мальчикомъ, весною 1816 года, въ Оружейной Палатѣ, вмѣстѣ съ его семействомъ, И. И. Дмитріевымъ и Малиновскимъ, который показывалъ имъ государственныя сокровища. По какому-то счастливому случаю, я пришелъ туда съ товарищами, изъ 2 класса гимназіи, и къ величайшей радости встрѣтилъ знаменитыхъ посѣтителей, отъ которыхъ не отходилъ уже ни на шагъ, и проводилъ послѣ до экипажей. *М. П.*

— Съ моими примѣчаніями и дополненіями.

„Нашъ канцлеръ очень боленъ,“ сказалъ онъ, увидя на заглавномъ листѣ гербъ графа Румянцева.

„А это Эверсъ? Какъ не стыдно Историческому Обществу издавать Эверса? Вотъ то-то что у насъ вездѣ есть имена, а нѣтъ вещей. Я уважаю Эверса, его познанія; но не понимаю, какимъ образомъ можно намъ повторять его нелѣпое мнѣніе, къ поддержанію котораго онъ клонитъ свою книгу. Это ошибка противъ вкуса.“

Я сидѣлъ какъ на иглахъ: ибо я предложилъ, я и перевелъ Эверса.

— Общество имѣло другую цѣль, сказалъ я: оно хотѣло сдѣлать гласною книгу, на которую у насъ опираются многіе, и представить, такимъ образомъ, въ очію нелѣпость мнѣнія Эверсова, мною разобраннаго (³).

„Кто-же эти многіе? — Ихъ нѣтъ. По моему, если есть какая либо историческая истина, такъ такою должно почитать Скандинавское происхожденіе Руссовъ. Это такъ вѣрно, какъ былъ Сципіонъ и проч. Несторъ говорилъ съ правнуками основателей.“

— Такъ точно я и старался доказывать въ моемъ разсужденіи.

„Скажите, чѣмъ занимается Московское Общество?“

— Члены обработываютъ избранные ими предметы. Между прочимъ Общество намѣревалось издавать лѣтописи и начать съ Псковской, но до сихъ поръ не могли отыскать списка, принадлежавшаго гр. Толстому, для варіантовъ.

„Куда-же онъ дѣвался? Тоже случилось и съ Волынскою лѣтописью: Графъ хотѣлъ ее издать, лѣтъ тому назадъ шесть, я отдалъ ему два списка, одинъ свой, подаренный мнѣ покойнымъ Полторацкимъ; другой также почти свой, найденный мною въ дефектахъ академическихъ. Для того-то и приводилъ я въ примѣчаніяхъ всѣ важныя мѣста изъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, сгорѣлъ Троицкій списокъ, и сохранился отчасти въ моихъ извлеченіяхъ.“

*

До сихъ поръ моя старая записка.

Припоминаю теперь, что Карамзинъ говорилъ очень раздраженнымъ тономъ о происшествіи 14 Декабря, которое только что предъ тѣмъ случилось, бранилъ предводителей: „Каковы преобразователи Россіи: Рылѣевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!“ (Это относится къ посвященію Корниловичемъ его альманаха: „Русская Старина,“ памяти Петра Великаго).

Карамзинъ спросилъ меня еще о попечителѣ, кн. А. П. Оболенскомъ, и пригласилъ къ себѣ обѣдать на днахъ.

Обѣдалъ я вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Мы пришли одинъ послѣ другаго прежде, нежели возвратился Николай Михайловичъ съ прогулки, и насъ приняла Катерина Андреевна.

Какъ только воротился Николай Михайловичъ, такъ и сѣли за столъ. Кромѣ семейства былъ еще молодой Французъ, учитель, вступавшійся въ разговоръ (⁴).

Помнится мнѣ еще отзывъ Карамзина о недавней рѣчи Шишкова, въ которой тотъ отозвался, кажется, невыгодно о распространеніи грамотности: „Вотъ у насъ какой министръ! Противъ грамотности! Да и кто-жъ можетъ быть министромъ просвѣщенія! Развѣ Аполлонъ.“ Потомъ выразилъ свое удивленіе Николай Михайловичъ о какомъ-то господинѣ, встрѣченномъ имъ, въ лентахъ и звѣздахъ: „А кто онъ такой? Никто не знаетъ. И откуда являются такіе выходцы, за какіе подвиги получаютъ они награды!“

Карамзинъ приглашалъ меня быть у него чаще, сказавъ, что онъ по вечерамъ свободенъ, читая съ дочерьми Валь-

(³) Деритскій профессоръ Эверсъ доказывалъ Хозарское происхожденіе Варяговъ-Руси. *П. Б.*

(⁴) Онъ состарѣлся съ тѣхъ поръ, живетъ въ Москвѣ, и вспоминаетъ до сихъ поръ съ живостію о пребываніи своемъ въ домѣ Карамзиныхъ; онъ передалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей о Николаѣ Михайловичѣ. *М. П.*

теръ-Скотта. Но я собирался уже возвращаться въ Москву, да и боялся, по своей застѣнчивости, этого высокаго общества.

Я приходилъ откланяться Николаю Михайловичу и получить отъ него благословеніе. Онъ далъ мнѣ порученіе въ Москву, съ поклономъ А. Ѳ. Малиновскому.

Великую радость доставило мнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ письмо отъ приближеннаго къ нему К. С. Сербиновича, изъ котораго я узналъ объ его ко мнѣ благоволеніи. Вотъ что писалъ ко мнѣ К. С. отъ 2 Января 1835 года, прося о наставникѣ для молодыхъ Карамзиныхъ:

„Вѣрю, что вы душевно желаете услужить памяти отца его, который цѣнилъ васъ, говоря, послѣ свиданія съ вами, что находитъ въ васъ болѣе усердія къ Исторіи и способностей къ Критикѣ, нежели въ комъ-другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его.“ Въ 1845 году старшій сынъ Н. М., Андрей Николаевичъ, въ Симбирскѣ, подтвердилъ мнѣ этотъ драгоцѣнный для меня отзывъ, служившій для меня подкрѣпленіемъ на стропотныхъ путяхъ моего литературнаго и ученаго поприща.

М. Погодинъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ НѢКОТОРЫХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Помѣщаемъ подъ этимъ заглавіемъ исчисленіе литературныхъ произведеній, не вошедшихъ въ полныя собранія сочиненій слѣд. писателей.

I. ЛОМОНОСОВЪ (1711—1765).

1. *Ода, переведенная изъ Фенелона*, 1738. Сборн. мат. для ист. Имп. Акад. Наукъ, А. Кунина, Ч. 2, стр. 407).

2. *Ода на день рожденія Императора Іоанна III*, 1741. (См. Учен. Зап. Ак. Наукъ по 1 и 3 Отд., Т. 3, вып. 2.)

3. *Первые трофеи Е. В. Императора Іоанна III, чрезъ преславную побѣду 23 Августа 1741, въ Финляндіи постановленные 1741.* (Сопиковъ, № 12031.)

4. *Ода на день рожденія Великія Княжны Анны Петровны.* 1757. (Соп., № 7023. Анна Петровна была дочь Петра и Екатерины. Странно слѣдующее противорѣчіе. Анна Петровна, умершая въ дѣтствѣ, показана въ „Зерцалѣ Россійскихъ Государей“ Мальгина (1794), отличающемся вообще точностію свѣдѣній, на стр. 583, родившеюся 9 Декабря 1757 года. Ода Ломоносова на ея рожденіе помѣчена Сопиковымъ тоже 1757 годомъ. Въ пропущенныхъ мѣстахъ изъ записокъ Порошина, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866, № 8, на стр. 435, находится извѣстіе, которое также относитъ рожденіе Анны Петровны къ 1757 году. Но сама Екатерина, въ своихъ „Mémoires,“ на стр. 300—306, съ большою подробностію описываетъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ рожденію в. к. Анны Петровны. Она говоритъ положительно, что оно произошло въ 11 часу вечера 9 Декабря *1758 года.* Передъ тѣмъ подробно описаны разныя событія, происшедшія дѣйствительно осенью 1758 года, какъ то: Цорндорфская битва (14 Августа 1758), обморокъ Императрицы Елизаветы на улицѣ Царскаго Села (8 Сентября 1758), отзывъ Понятовскаго изъ Петербурга Королемъ Польскимъ, котораго посланникомъ онъ былъ при Русскомъ Дворѣ (Октябрь 1758). Наконецъ Екатерина разсказываетъ, что праздники по случаю рожденія Анны Петровны кончились при дворѣ фейерверкомъ 1 Января 1759. Замѣчательно еще то, что свѣдѣнія объ Аннѣ Петровнѣ свидѣтельствуютъ, что она скончалась 8 Марта 1759; между тѣмъ, изъ показаній тѣхъ же „Mémoires“ на стр. 348, Анна Петровна была около этого времени жива, а на стр. 351 видно тоже самое, хотя событіе, описанное тутъ и которымъ заклю-

чаются „Mémoires“, относится къ Маю 1759 года. И такъ и рожденіе, и кончина Анны Петровны показываются у насъ не вѣрно: а) она родилась 9 Декабря 1758, а не 1757 года и б) она скончалась не 8 Марта 1759, а послѣ Мая 1759 года. Очень вѣроятно, что кончина ея послѣдовала 8 Марта 1760, а не 1759 года, ибо Мальгинъ (Зерц. Рос. Гос., стр. 583) говоритъ, что она жила 1 годъ 2 мѣсяца и 28 дней и погребена въ Александроневскомъ монастырѣ.

5. *Ода на день теизоменитства Императрицы Елизаветы Петровны. 1759.* (Соп., № 7025). Впрочемъ, кажется, это ошибка Сопикова. Ода эта въ его спискѣ должна быть таже, которая показана у него подъ № 7024 подъ заглавіемъ: „Ода на побѣду, одержанную надъ Королемъ Прусскимъ,“ 1759, и которая составляетъ 15-ю похвальную оду Ломоносова, носящую во всѣхъ текстахъ заглавіе: „Ода на день тезоименитства Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Сентября 5 дня 1759 года и на побѣды ея, въ семъ году надъ Королемъ Прусскимъ одержанныя“ (См. соч. *Лом.*, изд. Смирд., 1847, Т. 1, стр. 143). И такъ №№ 7024 и 7025 должны быть повидимому соединены у Сопикова подъ одинъ нумеръ.

6. „*Гимнъ Бородѣ.*“ (Библ. Зап., 1859, № 15, стр. 461).

7. „*На Тредьяковскаго*“ (Моск. Телегр., 1827, № 20, стр. 169).

8. „*На Сумарокова.*“ (Ibid.)

9.–12. „*Эпиграммы.*“ (Москвит., 1854, № 1—2, Отд. 4, стр. 1—4).

13. „*Эпиграмма.*“

14. „*Свинья въ лисьей кожѣ*“ и

15. „*На Сумарокова.*“ (Библ. Зап., 1858, № 16, стр. 485, 486 и 488).

16. „*Сатира на Тредьяковскаго*“ и

17. „*Эпиграмма.*“ Библ. Зап. 1859, № 15, стр. 455 и 474).

18. „*На Сумарокова.*“ (Лѣт. Русск. Лит. и Древн., 1859, книга 4, Отд. 3 стр. 105).

II. КНЯЖНИНЪ (1742—1791).

1. *Ода на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княгинею Натальею Алексѣевною.* 1773. (Соп. № 7146).

2. *Вадимъ Новгородскій, трагед.* 1793. (Соп., № 11.807).

3. *Сидъ.*
4. *Смерть Помпеева* и
5. *Цинна.* (*Трагедіи Корнеля.* 1779. (Соп., №№ 11.952, 11.958, 11.963). Безъ имени переводчика.

6. *Генріада, Вольтера.* 1777. (Соп., № 2545).

7. *Графъ Коменжъ, пер. съ Франц.* 1771. (Соп., № 6088).

8. *Идилліи Геснера.* (Въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ, Брайко).

9. *Записки историографическія о Мореѣ.* Пер. съ Итальянскаго. 1769. (Соп., № 4186).

III. БОГДАНОВИЧЪ (1743—1803).

1. *Нанина, ком. Вольтера.* 1766. (Соп., № 2563; безъ имени переводчика).

2. *Сокращеніе, сдѣланное Ж. Ж. Руссо изъ проекта о вѣчномъ мирѣ, сочиненнаго Сенъ Пьерромъ*; пер. съ Фр. 1771. (Соп., № 11.107).

3. *Исторія о перемѣнахъ, бывшихъ въ Римской республикѣ*, пер. съ Франц. изъ Верто. 3 части. 1771—1775. (Соп., № 4825).

4. *Берегъ, отрывокъ.* 1812. (Соп., № 2190).

Есть еще у Сопикова подъ № 2533 книга „*Малая война,*“ пер. съ Фр., 1767. И. Богдановича, но это кажется, трудъ принадлежащій брату поэта.

IV. ХЕМНИЦЕРЪ (1744—1784).

1. *Ода на славную побѣду, одержанную Россійскою арміею надъ непріятелемъ при городѣ Журжѣ.* 1770. (Соп., № 7142).

2. *Письмо Барневельта, въ темницѣ сѣдящаго къ Трюману, другу его.* Пер. съ Фр., стихами. 1774. (Соп., № 8200).

3. *Кобальтословіе, соч. Лемана.* Пер. съ Нѣм., 2 части. (Соп., № 5274).

V. КОСТРОВЪ (1752—1796).

1. *Стихи Новоспасскаго монастыря Архимандриту Іоанну, которые въ чаяніи милостиваго благопризрѣнія и отеческаго милосердія къ несчастнымъ любителямъ наукъ, дерзаетъ принесть Вятской семинаріи ученикъ, Вобловитской экономическій крестьянинъ Ермилъ Костровъ.* М. 1773. (Соп. № 11.517).

2. *Эпистола Московскому Архіепископу Платону, которую во время полученія имъ драгоцѣнной митры и панагіи предстательствомъ Графа Г. А. Потемкина, приноситъ Московской Академіи Богословія студентъ Ермилъ Костровъ.* 1775. (Соп., № 12.741).

3. *Стихи Графу Г. А. Потемкину въ знакъ благодаренія, Московская Славено-Греко-Латинская Академія приноситъ за оказаніе къ ней благоволенія ласковымъ принятіемъ и угощеніемъ главныхъ ея попечителей, оной Академіи студента Ермила Кострова.* 1775. (Соп., № 11.430).

4. *Прологъ: Торжествующій градъ Владиміръ, представленный на случай открытія Владимірскаго Намѣстничества* 1778. (Соп., № 9103).

5. *Ода Ивану Ивановичу Шувалову на прибытіе его въ С.-Петербургъ.* Соп., № 7327). Эта ода неправильно обозначена у Сопикова 1779 годомъ, должно быть 1777 или не позже 1778.

6. *Ода Князю Г. А. Потемкину.* 1780. (Соп., № 7156).

7. *Стихи Графу Фалькенштейну, во время его посѣщенія Московскаго Университета.* 1780. (Соп. № 11.410).

8. *Дифирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ (И. И. Шувалова).* 1781. (Соп., № 3178).

9. *Благодарственная пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II, читанная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета.* 1795. (Соп., № 9322).

10. *Стихи на кончину Графа Ѳедора Григорьевича Орлова.* 1796 г. (Соп., № 11.386). На смерть его есть тоже стихи: Державина, Хераскова, Рубана и Н. С. А.

11. *„Зенотемисъ,"* поэма изъ Арно, съ Фр. 1779. (Соп., № 8773.)

12. *Золотой оселъ или превращенія,* Луція Апулея, пер. съ Лат. прозою. 2 ч. 1780—1781. (Соп., № 4313).

13. *Оссіанъ сынъ Фингаловъ, Бардъ третьяго вѣка, Гальскія стихотворенія, изданныя на Англійскомъ языкѣ Г. Макферсономъ,* пер. съ Фр. 2 части. 1792. (Соп., № 7956).

Первые три изъ вышеприведенныхъ нумеровъ представляютъ любопытныя данныя для біографій Кострова, Платона и Потемкина.

VI. НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ. (1752—1829).

1. *Посланіе, изъ Дората.* (Моск. Журн., 1792, Май).

2. *Отрывки изъ Заиры Вольтера.* (Тр. Общ. Люб. Росс. Слов., 1812).

VII. Н. Н. МУРАВЬЕВЪ (1757—1807).

1. *Переводныя стихотворенія.* 1773. (Соп., № 11.546).

2. *Басни.* 1773 (Соп., № 2143).

3. *Похвальное слово Ломоносову.* 1774. (Соп., № 10.854).

4. *Гражданская брань,* пер. стихами изъ Петронія Арбитра. 1774. (Соп., № 2873).

5. *Разныя оды.* 1775. Соп. № 7375).

VIII. КАРАМЗИНЪ (1765—1826).

Дополненіе къ статьѣ моей въ „Русск. Архивѣ," 1864 Вып. 7—8, стр. 850.

50. *Слова ораторіи: Сотвореніе Міра, соч. Г. Гайдена,* пер. Н. Карамзинъ. М. 1801. (Соп., № 10.339).

51. Два письма къ Дмитрію Марковичу Полторацкому. (Иллюстрація 1846, № 9).

IX. КРЫЛОВЪ (1768—1844).

Стихи Александру Семеновичу Шишкову. (Соп., № 11.490).

X. ЖУКОВСКІЙ (1783—1852).

Дополненіе къ статьѣ моей въ „Русск. Архивѣ," 1864, Вып. 5—6, стр. 628:

30. *Слова ораторіи: Четыре Времени*

года, *Г. Гайдена*; пер. Жуковскій. М. 1803. (Соп., № 10.338).

XI. БАРАТЫНСКІЙ (1800—1844)

Дополненіе къ статьѣ моей въ „Русск. Архивѣ," 1864, Вып. 1, стр. 113:

49. *Къ* ***. (Собр. нов. Русск. стихотв., 1826, Ч. 2, стр. 116.

50. *Въ альбомъ* №№. (Сиріусъ, 1826, стр. 76.

М. Лонгиновъ.

Село Красное.
6 Октября 1866.

О ПРИЛАГАЕМОМЪ УКАЗАТЕЛѢ

къ повременнымъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей при императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Повременныя изданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ, состоятъ изъ: 1) Трехъ книгъ „Русскихъ Достопамятностей," 2) Восьми частей (въ XI книгахъ) „Записокъ и Трудовъ", 3) Семи томовъ (въ XXIII книгахъ) „Русскаго Историческаго Сборника", 4) Двадцати пяти книгъ „Временника" и 5) Пятидесяти пяти книгъ „Чтеній". Въ настоящемъ указателѣ перечислены *всѣ до одной* статьи, находящіяся въ этихъ изданіяхъ, каждая статья подъ своимъ номеромъ, и присоединенъ азбучный списокъ всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ перечнѣ статей. Такимъ образомъ, по списку и перечню, можно найти какую надо статью во всѣхъ 117 книгахъ.

ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Надо читать:*
На стр. 48 строк. 27 сверху	П. А.	П. Б.
— 306 — 9	„бѣднаго состоянія"	„бѣднаго состоянія" *гимназіи*
— 311 — 6	*выразившей*	*выразившейся*
—316—317— 1	*извѣс-стіемъ*	*извѣс-тіемъ*
— 317 — 24	*дозазательствомъ*	*доказательствомъ*
— 321 —8—9	*въ обезпе-ченіе*	*въ обезпе-ченіи*
— 340 — 17	pas	par
— 444 — 18	іюня	іюля
— 479 — 10 снизу	non menus	nos menus
— 483 — 10	брюхомъ	брюхомъ машетъ
— 484 — 22	вкусъ русскій	кусъ русскій
— 487 — 1	*когда была здорова*	какъ быкъ была здорова.
—1635 —	пришла пора	прошла пора.

О ПОДПИСЧИКАХЪ НА РУССКІЙ АРХИВЪ ВЪ 1866 ГОДУ.

Въ 1866 году мы не можемъ, по примѣру первыхъ трехъ годовъ, исчислить поименно всѣ мѣста и лица, которыя подписались на изданіе наше. Это происходитъ отъ усилившейся продажи Русскаго Архива гг. книгопродавцами, отъ которыхъ затруднительно получить точные списки. Для тѣхъ, кто своимъ сочувствіемъ поддерживаетъ насъ въ трудахъ изданія, мы можемъ однако заявить, что въ 1866 году успѣхъ Русскаго Архива превзошелъ наши скромныя ожиданія, число подписчиковъ дошло до *тысячи* съ небольшимъ человѣкъ, и Русскій Архивъ благоволили получать:

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА два экземпляра.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ЦЕСАРЕВНА ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРИ ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМІРЪ И АЛЕКСІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧИ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЬ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРІЯ НИКОЛАЕВНА.

ЕЯ КОРОЛЕВСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ КОРОЛЕВА ВИРТЕМБЕРГСКАЯ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ПРИНЦЕССА МАРІЯ МАКСИМИЛІАНОВНА БАДЕНСКАЯ.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1863 ГОДА.

А. Д. Чертковъ и его библіотека.
Путешествіе старообрядца Московскаго Священника Іоанна Лукьянова въ Святую землю, при Петрѣ Великомъ.
Сказка о Шибаршѣ съ замѣткою *Ил. В. Бѣляева.*
Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго.
Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. *Л. П. Яковлева.*
Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣч. *П. Алексѣева.*
О зачатіи и зданіи Петербурга.
Старинная пѣсня, съ нотами и замѣткой кн. *В. Ѳ. Одоевскаго.*
Пункты о Петергофѣ, *Петра Великаго.*
Прошеніе о титулѣ гр. *П. М. Апраксина* и рѣшеніе Петра Великаго.
Письмо *Ѳеофана Прокоповича* къ имп. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ.
Письмо *принца Августа* съ замѣчаніями гр. *Бестужева* и имп. *Елизаветы.*
Письмо гр. *М. П. Бестужева-Рюмина* къ И. П. Шувалову.
Нравственные идеалы Екатерины II.
Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ в. к. Константина Павловича).
Филологическія занятія Екатерины II.
Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, числомъ 167.
Планъ романа изъ жизни Мировича, *Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка).*
О книгѣ Сабатье де-Кабра Cathérine II.
Описаніе Московскаго бунта 1771 г. *П. Алексѣева.*
Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ",
Записки *В. В. Пассека,* сочиненныя въ Санктпетербургской градской тюрьмѣ.
Семь писемъ имп. *Александра Павловича* къ Державину.
Письма гр. *Ѳ. В. Ростопчина* къ Д. П. Киселеву.
Письмо *Адама Чарторижскаго* объ его отношеніяхъ къ им. Александру I, съ объяснительною замѣткою *Н. В. Сушкова.*
Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ.
Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ.
Разсказъ *А. С. Пушкина* о посѣщеніи Ермолова.
Городъ Кишеневъ, стих—іе *А. С. Пушкина.*
Письмо *И. Н. Инзова* о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову.
Письмо *В. А. Жуковскаго* объ его крѣпостныхъ людяхъ.
Три стихотворенія *А. С. Хомякова.*
9 писемъ *М. Ю. Лермонтова,* съ тремя новыми стихотвореніями.
Разсказъ *Н. В. Шеншина* о поѣздкахъ его на Аландскіе острова.
Указатель замѣчательнѣйшихъ статей въ Русскомъ Вѣстникѣ. 1856—1864.
Указатель (полный) къ Русской Бесѣдѣ 1856—1860.

Цѣна Русскому Архиву 1863 года 4 рубля, съ перес. 5 рублей.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ВЪ 1867 ГОДУ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ).

«Вѣстникъ Европы» выходитъ четыре раза въ годъ, въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, отдѣльными томами, отъ 500 до 600 страницъ каждый.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

I. Для *городскихъ* подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ** и въ **Москвѣ**:
без доставки. . . **8** руб.
съ доставкою. . . **9** »

2. Для *иногородныхъ*:
съ пересылкою. . . **9** руб.

3. Для *иностранныхъ*, съ пересылкою: въ *Пруссію* и въ *Германію*—11 руб.; въ *Бельгію*—12 руб.; во *Францію* и *Данію*—13 руб.; въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію* и *Португалію*—14 руб.; въ *Швейцарію*—15 руб.; въ королевство *Италію* и въ *Римъ*—16 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, при книжныхъ магазинахъ *Д. Е. Кожанчикова*, *Я. А. Исакова* и *А. Ѳ. Базунова*, и въ Москвѣ—*И. Г. Соловьева*.

2. **Иногородные** и **иностранные** подписчики высылаютъ вышеозначенную сумму русскими кредитными билетами, съ приложеніемъ точнаго адреса, исключительно: *Въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ С.-Петербургѣ*, и только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за своевременную и точную сдачу экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Желающіе подписаться на 1866 годъ могутъ получить полный годовой экземпляръ, обращаясь въ вышеуказанныя мѣста подписки.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

Поступили въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

ПОДЛИННЫЯ ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

Ч. 1-я 1801—1812 г. съ приложеніями, изд. Н. П. Ермолова, цѣна 2 р. 50 к. с., съ пер. 3 р.

Означенное изданіе, единственное по своей подлинности, напечатано по рукописямъ безъ пропусковъ.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1866 ГОДА.

Прилагаются: 1) Портретъ имп. Екатерины II-й и 2) Указатель къ повременнымъ изданіямъ императорскаго Московскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1815—1865 годы.

Приложеніе къ Русскому Архиву.

УКАЗАТЕЛЬ

къ

ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ.

1815—1865.

ИЗДАНЪ ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Миляновой.
1866.

А. РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ,

издаваемыя при Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.

1815 г., ч. 1-я.

1. Поученіе архіепископа Луки къ братіи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями къ нему Р. Ѳ. Тимковскаго, 3—17.

2. Судъ Ярослава Владиміровича. Правда (спис. XIII в.) Русская; 18—58.

3. Посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго къ вел. кн. Владиміру Всеволодовичу; 59—75.

4. Грамота Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича; 76—81.

5. Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича въ 1137 году; 82—85.

6. Посланіе Іоанна митрополита Русскаго (XII в.) 86—103.

7. Правило Кирилла митрополита Русскаго (XIII в.) 104—118.

8. Уставная грамота царя Ивана Васильевича, данная Двинскимъ тіунамъ (XVI ст.) 119—139.

9. Уставная грамота, данная отъ царя Ивана Васильевича Двинянамъ (XVI ст.) 140—151.

10. Губная грамота, данная отъ царя Ивана Васильевича Бѣлозерцамъ въ 1571 году; 152—165.

11. Окончаніе книги Степенной, содержащей Россійскую исторію, 166—169.

12. Написаніе вкратцѣ о царяхъ Московскихъ, о образѣ ихъ, о возрастѣ и о нравахъ; 170—175.

13. О хлѣбной мѣрѣ: четвертяхъ, осминахъ и четверикахъ; 176—177.

14. Доношеніе Ивана Посошкова; 178—192.

1843 г., ч. 2-я.

Памятники древняго Русскаго права, по харатейному списку Импер. Москов. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ варіантами, примѣчаніями и объясненіями Д. Н. Дубенскаго; I—XXII и 1—315; именно:

15. Судная Ярославова грамота; 1—9.

16. Правда Русская; 10—137.

17. Узаконенія Константиновы и взглядъ на нихъ; 138—220.

18. Выписка изъ книгъ Моисеевыхъ (Правда Божія); 221—242.

19. Безсудная Мстиславова грамота: договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, заключенный попомъ Еремѣемъ и Пантелѣемъ сотскимъ съ Рижскимъ епископомъ Николаемъ при попѣ Иванѣ и мейстрѣ Фулкинѣ, по смерти епископа Алберта, въ 1229 году; 243—286.

20. Уставъ Ярослава о мостахъ въ Новгородѣ; 287—315.

1844 г., ч. 3-я.

Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ Д. Н. Дубенскимъ; I—LV и 1—316; именно:

21. Взглядъ на исторію литературы Слова о полку Игоревомъ; I—LV.

22. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова; 1—316.

23. Поправка къ судной Ярославовой грамотѣ; 317—318.

Б. ЗАПИСКИ И ТРУДЫ ОБЩЕСТВА

исторіи и древностей Россійскихъ; 1815—1837 г., 8 частей въ 11-ти книгахъ.

1815 г., ч. 1-я.

24. Уставъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, Высочайше одобренный Января 21 дня 1811 года; I—XXIV.

25. Списокъ членовъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ; XXV—XXXV.

26. Исторія Общества и дневныя записки его засѣданій, съ письмами разныхъ лицъ; XXXVI—CL.

27. Рѣчь, читанная при открытіи перваго засѣданія, по полученіи Устава, Пл. Петр. Бекетовымъ, предсѣдателемъ Общества; 1—24.

28. Описаніе мѣднаго полтинника царя Алексѣя Михайловича, доставленное членомъ Бор. Ив. барономъ фонъ-Фитингофомъ (съ рисункомъ); 25—28.

29. Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ; М. Тр. Каченовскаго; 29—43.

30. Замѣчанія на статью кн. Щербатова объ одной Россійской монетѣ, Кон. Ѳед. Калайдовича (съ рисункомъ) 44—52.

31. Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ преподобнаго Нестора, лѣтописца Россійскаго, предложенное въ рѣчи Р. Ѳ. Тимковскимъ, по случаю открытія новой залы Общества; 53—74.

32. Опытъ описанія Россійскихъ монетъ. Соч. барона Бор. Ив. фонъ-Фитингофа; 75—113.

33. Розысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладогу, К. Ѳ. Калайдовича; 114—129.

34. Продолженіе опыта о Россійскихъ монетахъ, соч. барона Бор. Ив. фонъ-Фитингофа (прибавл. къ описанію гривенъ Петра I); 130—144.

35. Краткой чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи до пришествія Русскихъ князей въ Новгородъ, П. Ѳ. Калайдовича; 145—158.

36. Краткое извѣстіе о Владимірскихъ древностяхъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Калайдовичъ; 159—165.

1824 г., ч. 2-я, кн. 1-я.

37. Записки Общества Исторіи.... и пр.; 1—90.

38. Списокъ членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 91—105.

39. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Общества исторіи и древностей Россійскихъ 1812 года, марта 13-го дня, предсѣдателемъ Общества Пл. Петр. Бекетовымъ; 106—108.

40. Рѣчь, читанная въ чрезвычайномъ собраніи Общества исторіи и древностей Россійскихъ, при открытіи засѣданій онаго послѣ нашествія врага, 1815 года, февраля 9-го дня, предсѣдателемъ Пл. Петр. Бекетовымъ; 109—112.

Кн. 2-я.

41. Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраній Россійскихъ древностей, графа Ал. Ив. Мусина-Пушкина, соч. К. Ѳ. Калайдовича; 3—48.

42. Примѣчанія на древніе Славянскіе мѣсяцословы, графа Ал. Ив. Мусина-Пушкина; 49—59.

43. Догадка о причинѣ нашествія Норамновъ на Славянъ, Н. Брусилова; 60—67.

44. О древнѣйшихъ торговыхъ связяхъ Россійскихъ Славянъ съ другими народами, и пути чрезъ Россію въ Грецію; 67—89.

45. Взоръ на обычаи древнихъ Руссовъ. Н. Арцыбашева; 90—115.

1826 г., ч. 3-я, Кн. 1-я.

Кн. 2-я.

1828 г., ч. 4-я, кн. 1-я.

77. Рѣчь о пользѣ отечественной Археологіи, произнесенная 1827 года, марта 11, г. предсѣдателемъ Общества А. А. Писаревымъ; 1—20.

78. О началѣ Россіи, Н Арцыбашева; 21—68.

79. Объ имени Русь въ географическомъ отношеніи, П. А. Муханова; 69—77.

80. О Тмуторакани, Н. Арцыбашева; 78—101.

81. О слѣдахъ древняго греческаго города Херсона, до нынѣ видимыхъ въ Крыму. Митроп. Евгенія; 102—115.

82. Объ изданіи выписокъ изъ хронографовъ, П. Строева; 116—121.

83. Свѣдѣніе о Кирикѣ, предлагавшемъ вопросы Нифонту епископу Новгородскому. Митроп. Евгенія; 122—129.

84. Нѣчто о родѣ в. кн. Ольги, М. П. Погодина; 130—138.

85. Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи въ разсужденіи вопроса о происхожденіи древнихъ Руссовъ. Барона Г. фонъ-Розенкампфа; 139—166.

86. О Византійскомъ источникѣ Нестора, П. Строева; 167—183.

87. Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги Русскія. М. Н. Макарова; 184—218.

88. Замѣчаніе о надписи на древнемъ блюдѣ, находящемся въ селѣ Грузинѣ графа А. А. Аракчеева, барона Г. фонъ-Розенкампфа; 219—222.

89. Нѣкоторыя замѣчанія о гривнѣ, какъ древнемъ знакѣ отличія въ Россіи, Ѳ. Карецкаго; 223—236.

90. О Скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны, съ IX-го вѣка. А. З. Зиновьева; 237—276.

91. Рѣчь, говоренная 14-го іюня 1823 года: О средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные. П. Строева; 277—301.

92. О пятикопѣешникѣ 1723 года (съ рисункомъ) П. Строева; 302—303.

Кн. 2-я.

93. Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ письмами разн. лицъ; 1—80. съ портр. Шлёцера.

94. Списокъ членовъ, благотворителей и соревнователей Общества исторіи и древностей Россійскихъ; 1—20.

1830 г., ч. 5-я.

95. Рѣчь о пользѣ критическихъ изслѣдованій въ отечественной исторіи, произнесенная г. предсѣдателемъ Общества А. А. Писаревымъ, мая 22 дня 1828 года; 3—7.

96. Руссы, въ 886 году нападавшіе на Константинополь, точно ли были Руссы Кіевскіе, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ? А. Ѳ. Ѳедотова; 8—52.

97. О Скандинавскихъ путешествіяхъ въ Константинополь и другія страны съ IX вѣка. А. З. Зиновьева; 53—91.

98. Предначертаніе историческикритическаго изслѣдованія древне-Русской системы удѣловъ. Н. И. Надеждина; 92—105.

99. О десятинной церкви въ Кіевѣ; М. Берлинскаго; 106—123.

100. Письмо отъ Кіевскаго митрополита Евгенія о найденныхъ въ Десятинной церкви серебрянныхъ слиткахъ (съ рисунками); 124—125.

101. Извѣстіе о Межигорской церкви. М. Берлинскаго, 126—130.

102. Лѣтопись древняго Славенорусскаго княжескаго города Изборска. Митроп. Евгенія (съ рисункомъ), 131—162.

103. О древнѣйшемъ портретѣ Царя Ѳеодора Іоанновича, П. Попова (съ рисункомъ); 163—191.

104. О древностяхъ Новороссійскаго края, А. А. Писарева; 192—214.

105. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій. Фр. Ердманна; 215—245.

106. Извѣстіе о Богемской лѣтописи, В. Анастасевича; 246—254.

107. Замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ, И. М. Снегирева; 255—264.

108. Нѣмецкое письмо Императора Петра I къ Герцогу Голштинскому (со снимкомъ) 265—269.

109. Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи, Ил. В. Васильева; 270—299.

110. Нѣчто о Тмутараканскомъ камнѣ, Кеппена; 300—301.

111. Границы дачь митрополіи Рязанской, М. Н. Макарова; 302—305.

112. Дополненіе къ статьѣ: О древнѣйшемъ портретѣ Царя Ѳеодора Іоанновича (съ рисункомъ), И. С.; 306—309.

1833 г., ч. 6-я.

113. Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи. А. Ѳ. Малиновскаго; V—X и 11—106.

114. О словѣ гривна (съ рисункомъ) Фр. Эрдманна; 107—120.

115. Замѣчанія о Черниговской гривнѣ. Митроп. Евгенія; 121—123.

116. О селѣ Ликургѣ. М. Я. Діева; 124—130.

117. Свѣдѣнія объ увезенной въ 1612 году Поляками изъ Москвы царской коронѣ. А. Ѳ. Малиновскаго; 131—135.

118. Краткое обозрѣніе древнихъ ходячихъ монетъ, подъ названіемъ кунъ, бывшихъ въ употребленіи въ Россіи. И. Бекетова; 136—164.

119. Нѣсколько словъ за Святополка. М. П. Погодина; 165—171.

120. Біографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ бояринѣ Аѳанасіѣ Лаврентьевичѣ Ордынѣ-Нащокинѣ. А. Ѳ. Малиновскаго; 172—191.

121. Дипломатическое приложеніе; 192—275.

1837 г., ч. 7-я.

122. Нѣсколько словъ вмѣсто предисловія къ описанію Русскихъ древнихъ монетъ. А. Д. Черткова; 1—56.

123. Бояринъ, дворецкій и намѣстникъ Серпуховской, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, начальникъ государственнаго приказа посольской печати (съ рисункомъ печати). А. Ѳ. Малиновскаго; 57—67.

124. Біографическія свѣдѣнія о ближнемъ бояринѣ, дворовомъ воеводѣ и намѣстникѣ Новгородскомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателѣ (съ портретомъ). А. Ѳ. Малиновскаго; 68—85.

125. Бытность во Франціи у короля Людовика XIV полномочнымъ посломъ князя Якова Ѳедоровича Долгорукова; 86—113.

126. Сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ. Переводъ съ Турецкаго, Н. Г. Коноплева; 114—121.

127. Извѣстіе объ отправленіяхъ въ Индію Россійскихъ посланниковъ, гонцовъ и купчинъ съ товарами и о пріѣздахъ въ Россію Индѣйцевъ, съ 1469 по 1751 годъ. А. Ѳ. Малиновскаго; 121—207.

128. О пяти Русскихъ деньгахъ XV вѣка (съ рисункомъ) А. Д. Черткова; 208—213.

1837 г., ч. 8-я.

129. Содержащая Лѣтописи Общества съ 1828 по 1836 годъ; съ письмами разныхъ лицъ и двумя литографическими рисунками; 1—403.

В. РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, въ 7-ми томахъ; (23 книги) съ 1838—1844 годъ.

1838 г., т. І-й, кн. І-я.

130. Пути сообщенія въ древней Россіи. Ходаковскаго; 1—50.

131. О статуѣ Чернобога въ Бамбергѣ, соч. Шафарика, перев. съ Чешскаго М. П. Погодина; 51—81.

132. О монастырѣ Николы Стараго въ Москвѣ. А. Аверина; 82—85.

133. Любопытныя свѣдѣнія о попѣ Нестерѣ, дѣйствующемъ лицѣ во время междуцарствія (съ рисункомъ Подвижнаго города) П. И. Иванова; 86—100.

134. Костромскіе находки (съ рисунками идоловъ). Письмо преосвященнаго Павла, Еп. Черниговскаго; 101—102.

135. Краткая записка о древностяхъ, найденныхъ близъ Галича. П. П. Свиньина; 102—105.

136. Денежный счетъ въ Нерехтѣ, И. М. Снегирева; 106—112.

137. Лѣтописи Общества за 1836 годъ. С. П. Шевырева; 113—115.

Кн. 2-я.

138. Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Кареліи, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Ѳ. Глинки; 3—29.

139. О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій, священника М. Я. Діева; 30—66.

140. Объ иконномъ портретѣ В. Кн. Василія Іоанновича IV. И. М. Снегирева; 67—78.

141. Наказъ воеводамъ, отправленнымъ въ Новгородъ въ 1617 году. П. И. Иванова; 79—103.

142. О значеніи слова Русь въ нашихъ лѣтописяхъ, А. Ѳ. Ѳедотова; 104—121.

143. О надписи на образѣ въ Кременцѣ (со снимкомъ) письмо пр. Эйхвальда; 122—123.

144. О царскихъ воротахъ въ Троицкомъ Соборѣ въ Александровѣ, письмо Мурзакевича, 123—125.

145. Извѣстіе о Вайгацкихъ истуканахъ. С. Нечаева, 126.

146. Отчетъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ за 1837 годъ; 127—132.

Кн. 3-я.

147. Историческая система Ходаковскаго; 3—109.

148. Послѣдніе историческіе толки, М. П. Погодина, 110—126.

149. Отрывокъ изъ письма Пассека объ описаніи кургановъ; 127—128.

Кн. 4-я.

150. Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ. К. Ѳ. Калайдовича; 3—38.

151. Славянскія племена нынѣшней Россіи (изъ Шафарика), съ Чешскаго, О. М. Бодянскаго.; 39—97.

152. О договорахъ Русскихъ князей, Олега и Игоря и Святослава съ Греками, М. П. Погодина; 98—137.

1838 г., т. II-й, кн. 1—4.

Мѣстничество. Дѣла собранныя П. И. Ивановымъ; 1—438 и 1—XXIV; именно:

153. Дѣло боярина князя Василія Юрьевича Голицына съ бояриномъ княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ 1579 года, Ноября 8 (со снимкомъ); 1—34.

154. Дѣло князя Андрея Ивановича Голицына съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Шуйскимъ, 1582 года, Апрѣля 25 (со снимкомъ); 35—60.

155. Дѣло князя Андрея Дмитріевича Хилкова съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Ласкиревымъ 1584 года (со снимкомъ); 61—66.

156. Дѣло князя Тимоѳея Ивановича Долгорукова съ княземъ Даніиломъ Борисовичемъ Пріимковымъ - Ростовскимъ (со снимкомъ) 67—83.

157. Дѣло Ивана Осиповича Полева съ княземъ Васильемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ 1592 года, Октября 12 (со снимкомъ); 84—108.

158. Дѣло князя Ивана Михайловича Вяземскаго съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Елецкимъ 1593 года Ноября 7 (со снимкомъ); 109—121.

159. Дѣло князя Григорія Андреевича Долгорукова съ княземъ Михайломъ Ѳедоровичемъ Гвоздевымъ 1599 года маія 15 (со снимкомъ), 122—156.

160. Дѣло Артемія Васильевича Измайлова съ Иваномъ Осиповичемъ По-

1838 г., т. III-й, кн. 1—4.

1840 г. т. IV-й, кн. 1—4.

186. Болонскія святцы. М. П. Погодина; 132—136.

187. Отрывки изъ писемъ протоіерея Сабинина на имя секретаря Общества исторіи и древностей Россійскихъ, профессора М. П. Погодина; 136—150.

188. Отрывокъ изъ письма профессора Лобойки на имя Секретаря Общества и пр.; 150— 152.

189. Отрывокъ изъ письма профессора Мицкевича на имя Секретаря Общества и пр.; 152.

190. Историческій взглядъ на древнее образованіе Славянскихъ и преимущественно Польскихъ городовъ до XIII столѣтія; 153—299.

191. О Финскихъ жителяхъ Спб. губерніи, Д. Языкова; 300—325.

192. Персидская географія XIV вѣка, Д. Языкова; 326—351.

193. О серябрянныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи въ 1836 и 1837 годахъ. Графа Строганова; 352—355.

194. Ещѣ о Болонскомъ календарѣ; 355—356.

195. Несторъ, первый писатель Россійской исторіи, церковной и гражданской. Соч. А. Кубарева; 1—II и 357—437.

196. Духъ Нестора, или избранныя мѣста изъ его сочиненій: убіеніе Бориса и Глѣба, изъ житія Ѳеодосія; 438—477.

1842 г., т. V, кн. 1—4.

Мѣстничество. Дѣла, собранныя П. И. Ивановымъ; 1—396; именно:

197. Дѣло Василья Зюзина съ Окольничимъ Ѳедоромъ Нагимъ, 1501 года; 1—36.

198. Дѣло Мирона Вельяминова съ Княземъ Васильемъ Вяземскимъ, 1631 года. 37—206.

199. Дѣло Окольничихъ Михайла Михайловича и Михайла Глѣбовича Салтыковыхъ съ Бояриномъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Ситцкимъ; 207—315.

200. Дѣло Стольниковъ Князей Семена и Матвѣя Васильевыхъ Прозоровскихъ съ Князьями Стольниками съ Васильемъ и Ѳедоромъ Семеновыми Куракиными; 316—317.

201. Дѣло Ратмана Андреева Вельяминова съ Стольникомъ Княземъ Иваномъ Троекуровымъ; 318—319.

202. Дѣло Стольника Ивана Петровича Шереметева съ Львомъ Аѳонасьевичемъ Плещѣевымъ; 320—321.

203. Дѣло Воеводы Ѳедора Леонтьевича Бутурлина съ Княземъ Ѳѳонасьемъ Ѳедоровичемъ Гагаринымъ; 322—324.

204. Дѣло князя Юрья Яншеевича Сулешева съ Стольникомъ Княземъ Семеномъ Прозоровскимъ; 325—327.

205. Дѣло Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Иваномъ Колтовскимъ; 328—329.

206. Дѣло Стольника Князя Юрія Звѣнигородскаго съ Стольникомъ Княземъ Иваномъ Татевымъ; 330—333.

207. Дѣло Князей Петра и Ѳедора Дмитріевыхъ Пожарскихъ съ Князьями Ѳедоромъ и Петромъ Ѳедоровыми Волконскими; 334—336.

208. Дѣло Князей Михайла и Андрея Львовыхъ Плещѣевыхъ съ Княземъ Васильемъ Борисовымъ Хилковымъ; 337—339.

209. Дѣло Князя Андрея Волконскаго съ Яковымъ Загрязскимъ; 340—341.

210. Дѣло боярина Князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго съ бояриномъ Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ; 342—346.

211. Замѣчаніе о дѣлахъ Московскаго стола, откуда заимствованы преимущественно предложенные документы; 347—348.

212. Указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ дѣлахъ по мѣстничеству; 349—388.

213. Указатель городовъ, мѣстечекъ, селъ, рѣкъ и другихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ дѣлахъ по мѣстничеству; 389—396.

1843 г., т. VI-й, кн. 1—2.

214. О переводѣ Манассіиной лѣтописи на Словенскій языкъ, соч. А. Д. Черткова; 1—IV и 1—183.

кн. 3—4.

215. Описаніе похода В. Кн. Святослава Игоревича на Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ (съ рисункомъ) А. Д. Черткова; 185—283.

216. Протоколы засѣданій Общества, съ 1840 по 1844 годъ; 1—60.

1844 г, т. VII-й.

217. Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи Зоріяна Долуга-Ходаковскаго изъ Москвы 13-го Липца 1822 года; 1—367.

218. Сопки; 368—375.

219. Жальники; 376—378.

Г. ВРЕМЕННИКЪ

Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1857 годъ, въ 25-ти книгахъ.

1849 г., кн. 1-я.

220. О дружинѣ и земщинѣ въ Московскомъ государствѣ. Соч. И. Д. Бѣляева; *Изсл.* 1—22.

221. Еще вопросъ о Несторѣ. Можно ли думать, что писатель житія Преподобнаго Өеодосія Печерскаго и лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, есть одно и тоже лицо? П. Казанскаго; *Изсл.* 23—30.

222. О Посадникахъ, тысяцкихъ, воеводахъ и тіунахъ съ 1054 по 1240 годъ. М. П. Погодина. *Изсл.*, 31—38.

223. Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра со снимками и съ предисловіемъ. Сообщ. Д. П. Голохвастовымъ. *Мат.*, I—IV и 1—114.

224. Разрядная книга 7123 (1615 г.) съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.*, I—XVI и 1—60.

225. Книжная старина Южно-русская. Соч. М. Максимовича. *Смѣсь*, 1—12.

226. Образчикъ какъ въ старину принимали въ службу иностранцевъ. *Смѣсь*, 13.

227. Отказная книга (1655 г.); *Смѣсь*, 14.

228. Письмо Царицы Евдокіи Лукьяновны къ ея сестрѣ Өедосьѣ Лукьяновнѣ. *Смѣсь*, 15.

229. Письмо окольничаго Богдана Матөѣевича Хитрово къ боярину Борису Ивановичу Морозову (1654 г.) *Смѣсь*, 16.

230. Письма маеора, Марка Богдановича фонъ-Кирхена къ канцлеру Гаврилу Ивановичу Головкину (1706 г.) Сообщ. И. Забѣлинымъ; *Смѣсь*, 17—34.

231. Грамота Польскаго короля, Сигизмунда III, къ Московскому патріарху, Филарету, 1610 г.; *Смѣсь*, 35—37.

232. Отвѣтъ Московскаго патріарха, Филарета, Польскому королю Сигизмунду III; *Смѣсь*, 38—39.

233. Конференція народа Московскаго въ столицѣ по сбѣжаніи царя Димитрія въ Калугу; сообщ. А. Чумиковъ. *Смѣсь*, 40.

234. Протоколъ засѣданій Общества ноября 27 и декабря 18-го 1848 года; *Смѣсь*, 1—2 нен.

1849 г., кн. 2-я.

235. Русскія лѣтописи по Лаврентіевскому списку съ 1111 по 1169 годъ. Соч. И. Д. Бѣляева; *Изсл.*, 1—26.

236. Междоусобныя войны съ 1055—1240 годъ. Соч. М. П. Погодина. *Изсл.*, 27—108.

237. Разрядная книга 7124 (1616) года; *Мат.* 1—86.

238. Записная таможенная книга Макарьевской ярмарки 1724 года съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева, *Мат.*, 87—104.

239. Переписка графа Гаврилы Ивановича Головкина съ маіоромъ фонъ-Кирхеномъ во время Шведской войны въ 1706 году; сообщ. И. Е. Забѣлинымъ, *Смѣсь*, 1—12.

240. Извѣстіе о жизни и трудахъ

Николая Витзина А. С. Клеванова; *Смѣсь*, 13—16.

241. Уставная грамота 7098 (1590) года патріарха Іова Новинскому монастырю; *Смѣсь*, 17—21.

242. Подарки патріарха Іоакима царю Өеодору Алексѣевичу при вѣнчаніи (1676 г.) *Смѣсь*, 22—23.

243. Скаска Самойла Пунверицкаго канцеляриста войсковаго 7201 (1693 г.) *Смѣсь*, 24—29.

244. Отписка гетмана Мазепы къ боярину Өеодору Алексѣевичу Головину 1702 года; *Смѣсь*, 29-32.

245. Протоколъ засѣданія Общества 1849 года января 22 го дня. *Смѣсь*, I—II

1849 г., кн. 3-я.

246. О служилыхъ людяхъ въ Московскомъ государствѣ, особенно о боярахъ. Соч. И. Д. Бѣляева; *Изсл.*, 1—58.

247. Великій князь Константинъ Всеволодовичъ. Соч. И. Д. Бѣляева; *Изсл.*, 59—78.

248. Междоусобныя войны съ 1055—1240 годъ (окончаніе). Соч. М. П. Погодина; *Изсл.*, 79—86.

249. Разрядная книга 7125 (1617) года; *Мат.*, 1—140.

250. Чертежъ Сибирскія земли съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Г. И. Спасскаго; *Мат.* I—XVI и 1—48.

251. Два письма Іоны митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и казначея его іеромонаха Вассіана писанныя въ 1673 году въ Ярославль священнику Дмитріевской церкви Іоанникію. Сообщ. Серебряковъ. *Смѣсь*, 1—3.

252. Дополненіе къ вопросу о Несторѣ: „Можно ли думать, что писатель житія Преподобнаго Өеодосія Печерскаго и лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, есть одно и тоже лицо? П. Казанскаго. *Смѣсь*, 4—5.

253. Грамота вел. кн. Витовта 1390 года; сообщ. А. Д. Чертковъ; *Смѣсь*, 5—6.

254. Роспись воеводамъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ прежде были судьи и губные старосты. *Смѣсь*, 6—8.

255. Свѣдѣнія о древностяхъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ. Сообщ. А. К. Кочуевъ; *Смѣсь*, 9—10.

256. Поправка въ чтеніи одного мѣста лѣтописи (1490 г.). Князя М. А. Оболенскаго. *Смѣсь*, 10—12.

257. Выписка изъ денежнаго приказу, прислана въ Розрядъ. *Смѣсь*, 12—13.

258. Памятникъ покорителю Сибири Ермаку (съ рисункомъ). Сообщ. Г. И. Спасскій. *Смѣсь*, 13—14.

259. Протоколъ засѣданія Общества 1849 года, марта 5-го дня; *Смѣсь*, I—III.

1849 г., кн. 4-я.

260. Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, соч. И. Д. Бѣляева; *Изсл.*, 1—42.

261. Изслѣдованіе о значеніи вруцѣлѣта въ пасхаліи, о способѣ провѣрять имъ данныя, и рѣшеніе посредствомъ вруцѣлѣта того, что годъ Сентябрскій предшествуетъ шестью мѣсяцами Мартовскому. Соч. В. М. Ундольскаго; *Изсл.*, 43—70.

262. Книга Сеунчей 7123 (1615). Съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* I—X и 1—8.

Помѣстныя дѣла, 9—31; именно:

263. а) Дѣло о пожалованіи князю Д. П. Пожарскому изъ помѣстья въ вотчину по уложенію (1625 г.). *Мат.* 9—21.

264. б) Дѣло о пожалованіи изъ помѣстья въ вотчину Өедору Стрѣшневу (1617 г.). *Мат.* 21—24.

265. в) Дѣло о передачѣ помѣстья Тимоөеемъ Еремѣевымъ внуку своему Павлу Бѣшенцову (1640 г.) *Мат.* 24—31.

266. Дѣла объ опредѣленіи губныхъ старостъ и воеводъ по городамъ. (1640—1644 г.). *Мат.* 32—52.

267. Указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу 7134 (1626) года, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* 1—60.

268. Книжная старина Южно-Русская. Соч. М. Максимовича. *Смѣсь*, 1—12.

269. Два любопытные юридическіе акта XVII вѣка. Сообщ. С. Серебряковъ. *Смѣсь*, 13—17.

270. Смѣтный списокъ 7139 (1631) году. *Смѣсь*, 18—51.

271. Формы крестоприводныхъ записей XVII вѣка. *Смѣсь*, 52—58.

272. Челобитная князей Дмитрія Михайловича и Дмитрія Петровича Пожарскихъ на своего племянника князя Ѳедора Пожарскаго. (1634 г.). *Смѣсь*, 58.

273. Отписка воеводы Ѳедора Пушкина о безпорядкахъ производимыхъ литовцами изъ Новгорода Сѣверскаго (1634 г.). *Смѣсь*, 59—61.

274. Извѣтная челобитная 1642 г.; *Смѣсь*, 61—65.

275. Собственноручное письмо думнаго разряднаго дьяка Василья Григорьевича Семенова къ князю Василью Васильевичу Голицыну (безъ года). *Смѣсь*, 65—66.

276. Таковый же отвѣтъ князя Василья Васильевича Голицына (безъ года). *Смѣсь*, 66.

277. Способъ возстановлять полинявшіе и вытершіеся чернилы въ древнихъ рукописяхъ пергаменныхъ и бумажныхъ. И. Д. Бѣляева; *Смѣсь*, 66.

278. Протоколъ засѣданія Общества 3 мая 1849 года. *Смѣсь*, I—II.

1850 г., кн. 5-я.

279. О разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей. И. Д. Бѣляева. *Изсл.*, 1—34.

280. Посланіе Льва митрополита Россійскаго къ Римлянамъ или Латинянамъ объ опрѣснокахъ, съ свѣдѣніями о сочинителѣ посланія къ Римлянамъ Львѣ митрополитѣ Русскомъ. Филарета Еп. Харьковскаго; *Мат.* 1—18.

281. Книга глаголемая Лѣтописецъ Ѳедора Кириловича Нормантскаго. Съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* I—IV и 1—148.

282. Справка учиненная въ Розрядѣ въ 7194 (1686) года, какъ наградить князя Василья Васильевича Голицына за окончаніе мирныхъ переговоровъ съ Польшею. *Смѣсь*, 1—10.

283. Письма князя Василья Васильевича Голицына къ думному разрядному дьяку Василью Григорьевичу Семенову (1684 г.). *Смѣсь*, 11.

284. Сказка или рѣшеніе царя Алексѣя Михайловича по мѣстническому дѣ 7173 (1665) года. *Смѣсь*, 12—13.

285. Запоздалое мѣстничество (1686 г.). *Смѣсь*, 13—18.

286. Опись выдѣленному наслѣдству княжнѣ Лыковой послѣ дяди ея Стрѣшнева (1674 г.). Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 18—26

287. Старинныя конскія записи. *Смѣсь*, 26—27.

288. Старинная подорожная (1700 г.). *Смѣсь*, 27—28.

289. Письмо Астраханскаго воеводы Ивана Волкова къ Калмыцкому Хану Аюкѣ (безъ года). *Смѣсь*, 28.

290. Книга строенія Сокольскаго городка на рѣкѣ Воронежѣ въ 1666-мъ году; сообщ. В. А. Борисовъ; *Смѣсь*, 29—30.

291. Акты, касающіяся до прiѣзда Максима Грека въ Россію (1515 г.). Сообщ. Кн. М. А. Оболенскій; *Смѣсь*, 31—33.

292. Южнославянскіе памятники XV столѣтія. Сообщ. В. И. Григоровичъ. *Смѣсь*, 34—36.

293. Древнія вещи, найденныя въ Лихвинскомъ уѣздѣ. *Смѣсь*, 36—39. съ рис.

294. Поминка о М. О. Берлинскомъ, М. А. Максимовича; *Смѣсь*, 39—40.

295. Опись Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря въ 1660 году. Сообщ. К. Тихомировъ. *Смѣсь*, 41—51.

296. Жалованная грамота Царя и В. К. Ивана Васильевича Грознаго Мордвину Ивашкѣ Кельдяеву (1552). Сообщ. Іеромонахомъ Макаріемъ изъ Нижн. Новгорода. *Смѣсь*, 52—54.

297. Отказная запись (1609 г.) сообщ. Н. Мурзакевичъ. *Смѣсь*, 54—56.

298. Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго Московскаго государства въ 7119 (1611) году. Сообщ. Судіенко. *Смѣсь*, 56—61.

299. Семейныя письма XVII вѣка: письмо митроп. Варсанофія къ брату;

письмо монахини Максимиллы къ отцу; письмо къ Андрею Ильичу Безобразову отъ знакомаго; письмо къ нему же отъ воспитанника; къ нему же отъ племянницы. Сообщ. А. Д. Чертковъ; *Смѣсь*, 62—64.

300. Библіотека Павла митрополита Сарскаго и Подонскаго, и книги и имущество Епифанія Славинецкаго. Сообщ. В. М. Ундольскій. *Смѣсь*, 65—84.

1850 г., кн. 6-я.

301. О сношеніяхъ удѣльныхъ князей между собою (1054—1240 г.). М. П. Погодина; *Изсл.*, 1—12.

302. О посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 году. С. К. Смирнова; *Изсл.* 13—58.

303. Писцовыя Новгородскія книги 7090 и 7091 (1582—1583) годовъ съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.*, 1—126.

304. Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать (дополненіе къ домострою Благовѣщенскаго попа Сильвестра) съ предисловіемъ И. Е. Забѣлина; *Мат.*, 1—44.

305. Записная книга о продажѣ хлѣба въ 7179 (1671) году; И. Е. Забѣлина; *Смѣсь*. 1—13.

306. Цѣны на хлѣбъ и другія припасы въ 1751 и 1752 годахъ; *Смѣсь*, 13—14.

307. Счетное (мѣстническое) дѣло княгини Ульяны Троекуровой съ Екатерой Бутурлиной (XVI ст.); *Смѣсь*, 15—27.

308. Дѣло о ссылкѣ Свіяжскаго подъячего Ивашки Красулина (1668 г.). *Смѣсь*, 27—36.

Письма къ князю Василью Васильевичу Голицыну; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; именно:

309. Отъ матери его княгини Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 36.

310. Отъ князя Юрія Ромодановскаго; *Смѣсь*, 37.

311. Отъ дьяка Ивана Баклановскаго; *Смѣсь*, 37.

312. Отъ Петра Салтыкова; *Смѣсь* 38.

313. Отъ сына его князя Алексѣя Васильевича; *Смѣсь*, 38.

314. Отъ дяди его князя Михайлы Голицына; *Смѣсь*, 39.

315. Отъ брата его кн. Бориса Голицына; *Смѣсь*, 39.

316. Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой; *Смѣсь*, 40.

317. Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой; *Смѣсь*, 40—41.

318. Отъ матери его Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 41—42.

319. Отъ супруги его кн. Евдокіи Ивановны; *Смѣсь*, 42—43.

320. Отъ сына его кн. Алексѣя Васильевича Голицына, *Смѣсь* 43—44.

321. Отъ матери его княгини Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 44.

322. Отъ матери его княг. Татьяны Ивановны; *Смѣсь* 44—45.

323. Отъ матери его княг. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 45.

324. Отъ князя Юрья Ромодановскаго; *Смѣсь*, 45—46.

325. Отъ кн. Ивана Григорьевича Куракина; *Смѣсь* 46.

326. Отъ тетки его кн. Іюліаніи Ивановны Одоевской; *Смѣсь* 46—47.

327. Отъ тестя его Ивана Ѳедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 47.

328. Отъ сына его Алексѣя Васильевича; *Смѣсь* 47—48.

329. Отъ матери его кн. Татьяны Ивановны; *Смѣсь* 48.

330. Отъ дяди его кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь*, 48.

331. Протоколъ засѣданія Общества 11-го іюня 1849 года; *Смѣсь*, 1—II.

1850 г., кн. 7-я.

332. Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о Лѣтописи Нестора. П. С. Казанскаго *Изсл.*, 1—16.

333. Двѣ грамоты (1698 и 1699 г.) о началѣ горнаго промысла въ Сибири. Сообщ. Г. И. Спасскій; *Мат.*, 1—14.

334. Матеріалы для Исторіи Русской

иконописи, собранныя И. Е. Забѣлинымъ; *Мат.* 1—128.

335. Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова 7170 (1662) года. Сообщ. И. Е. Забѣлинымъ; *Мат.* 1—20.

336. Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискамъ и книгамъ 7090 и 7091 годовъ (1682 и 1683). *Смѣсь* 1—46.

337. О награжденіи князя Михайла Андреевича Волхонскаго 7197 (1689) года. *Смѣсь*, 47—64.

338. Споръ князя Лыкова съ княземъ Черкасскимъ 7140 (1632) года. *Смѣсь*, 65—66.

339. Слѣдственное дѣло 7131 1623 года объ убійствѣ во время братчины. *Смѣсь*, 67—69.

Письма къ князю Василью Васильевичу Голицыну; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; именно:

340. Отъ Богдана Хитрово. *Смѣсь*, 69—70.

341. Отъ Григорья Ляпунова. *Смѣсь*, 70—71.

342. Отъ дяди его Алексѣя Голицына. *Смѣсь*, 71.

343. Отъ дяди его кн. Михайлы Голицына. *Смѣсь*, 71.

344. Отъ игумени Святодуховской обители Анисьи. *Смѣсь*, 71—72.

345. Отъ сына его кн. Алексѣя; *Смѣсь*, 72.

346. Отъ его прикащика Матвея Боева; *Смѣсь*, 72—73.

347. Отъ матери его княг. Татьяны Ивановны. *Смѣсь*, 74.

348. Отъ супруги его княг. Евдокіи Ивановны. *Смѣсь*, 74.

349. Отъ матери его Татьяны Ивановны. *Смѣсь*, 75.

350. Отъ Ивана Стрѣшнева. *Смѣсь*, 75.

351. Отъ дяди его Алексѣя Андреевича Голицына. *Смѣсь*, 76.

352. Отъ сына его князя Алексѣя Васильевича. *Смѣсь*, 76.

353. О первомъ изданіи дидаскаліи Сильвестра Коссова (съ литографированнымъ заглавнымъ листомъ). Сообщ. М. А. Максимовичъ. *Смѣсь*, 77—78.

354. Протоколъ засѣданія Общества 1849 года октября 15 и 29 дня. *Смѣсь* I—II.

1850 г. кн. 8-я.

355. Русская земля передъ прибытіемъ Князя Рюрика въ Новгородъ. Соч. И. Д. Бѣляева. *Изсл.* 1—102.

356. Статейный списокъ о посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Царьградъ въ 7150 (1642) года; съ предисловіемъ къ матеріаламъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* I—VI и 1—136.

357 Статейный списокъ Англійскаго посла Елизара Флетчера бывшаго въ Москвѣ въ 7097 (1589) году; *Мат.* 1—96.

358. Торговыя книги начала XVII вѣка. *Мат.* 1—22.

359. Опись и продажа съ публичнаго торга оставшагося имѣнія по убіеніи народомъ обвиненнаго въ измѣнѣ Михайлы Татищева (1608). *Смѣсь*, 1—32.

360. Списокъ того же имѣнія оставшагося за продажею. *Смѣсь*, 33—40.

361 Роспись чеховому дѣлу, по скольку серебра въ мѣдь класть и сколько того будетъ. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ. *Смѣсь*, 40—42.

362. Духовная изустная память строителя, Макарьево - Желтоводскаго монастыря Аврамія (1640) Сообщ. I. М. *Смѣсь*, 43—50.

363. Выписка изъ лѣтописнаго сборника Кирило-Бѣлозерскаго монастыря (1496) *Смѣсь*, 50.

Письма къ. Кн. Вас. Вас. Голицыну; именно:

364. Отъ матери его Княг. Татьяны Ивановны. *Смѣсь*, 51.

365. Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой. *Смѣсь*, 52.

366 Отъ Ивана Кондырева. *Смѣсь* 52.

367. Отъ Петра Ящерина. *Смѣсь*, 52—53.

368. Отъ Өедора Нарбекова. *Смѣсь*, 53.

369. Отъ Ивана Комынина. *Смѣсь*, 53—54.

370. Отъ Ивана Головина. *Смѣсь*, 54.

371. Отъ Ивана Приклонскаго. *Смѣсь*, 54.

372. Протоколъ засѣданія Общества 17 декабря 1849 года. *Смѣсь*, I—II.

1851 г., кн. 9-я.

373 Языческія преданія объ островѣ Буянѣ. А. Н. Аөанасьева. *Изсл.*, Сн 1—24.

374. Опытъ о значеніи рода и роженицы. Барона Д. О. Шеппинга; *Изсл.* 25—36.

375. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго съ предисловіемъ и описаніемъ рукописи. Кн. М. А. Оболенскаго; *Мат.* — 1—112.

376. Наказъ данный Стольнику Ильѣ Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтію Лазаревскому при отправленіи ихъ послами въ Царь-градъ (1643). *Мат.* 1—102.

377. Переписка дьяка Третьяка Васильева съ изслѣдованіемъ о времени переписки, а равно о самомъ дьякѣ Васильевѣ, и о лицахъ къ кому писалъ. Сообщ. А. Н. Попова; *Смѣсь*, 1—29.

378. Луцкъ и его древности. Сообщ. А. Перштейна; съ рисунк. *Смѣсь*, 30—45.

379. Книга дядькамъ и мамамъ и боярынямъ верховымъ и стольникамъ Царевичевымъ. Сообщ. Кн. М. А. Оболенскій *Смѣсь*. 46—51.

380. Письма къ Андрею Ильичу Безобразову, отъ его дворецкаго 7189 (1681) года. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 52—61.

381. Копія съ духовной схимонахини Царицы Даріи. Сообщ. Ердманъ. *Смѣсь*, 61—63.

382. Выпись изъ книгъ Китайскаго отпуска 1710 года. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 63—64.

Протоколъ засѣданія общества 18 марта 1850 года; *Смѣсь*, I—III.

1851 г., кн. 10-я.

383. О переселеніи Өракійскихъ племенъ за Дунай и далѣе на Сѣверъ по Балтійскому морю, и къ намъ на Русь. Соч. А. Д. Черткова; съ рис. *Изсл.* 1—134.

384. Замѣчанія на критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о Лѣтописи Нестора. Соч. С. П. Шевырева; *Изсл.* 1—10.

385. Значеніе собственныхъ именъ: Лютичи, Вильцы и Волчки въ исторіи языка; Ө. Буслаева *Иозсл.* 11—17.

386. Родсловная книга по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и азбучнымъ указателемъ. *Мат.* I—VIII и 1—286.

387. О предисловіи къ житію преподобнаго Сергія, писанному Келаремъ Симономъ Азарьинымъ. С. Смирнова. *Смѣсь.* 1—2.

388. Предисловіе Троицкаго Келаря Симона Азарьина къ сказанію о нововявленыхъ чудесахъ Преп. Сергія. *Смѣсь*, 2—13.

389. Іерусалимское хожденіе. *Смѣсь*, 14—23.

390. Алфавитъ Иларіона, инока заточеннаго, надписаніе епистолінмъ, яко всякому въ предословіе по азбоцѣ человѣку послати. *Смѣсь*, 23—28.

Письма къ Князю Василью Васильевичу Голицыну; именно:

391. Отъ тестя его Ивана Өедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*. 29.

392. Отъ дяди его Кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь* 29.

393. Письмо неизвѣстнаго (Сначала утрачено и кѣмъ писано не извѣстно); *Смѣсь*. 29—30.

394. Отъ Кн. Михайла Долгорукова; *Смѣсь*, 30—31.

395. Отъ тещи его Настасьи Ивановны; *Смѣсь*, 31—32.

396. Отъ жены его Евдокіи Ивановны; *Смѣсь*, 32.

397. Отъ Матвѣя Боева; *Смѣсь*, 32—33.

398. Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой; *Смѣсь*, 33.

399. Отъ Ивана Дивова, *Смѣсь*, 33—34.

400. Отъ тестя его Ивана Ѳедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 34.

401. Отъ него же; *Смѣсь*, 34—35.

402. Отъ Кн. Юрія Трубецкаго; *Смѣсь*; 35—36.

403. Отъ князя Михайлы Долгорукова; *Смѣсь*, 36—37.

404. Отъ Матвѣя Головина; *Смѣсь*, 37.

405. Отъ Петра Ащерина; *Смѣсь*, 37—38.

406. Отъ Ивана Коржавина; *Смѣсь*, 38—39.

407. Отъ Матвея Боева; *Смѣсь* 40.

408. Отъ матери его Кн. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 40.

409. Отъ сестры его Ирины Васильевны; *Смѣсь*, 40—41.

410. Отъ Князя Юрія Трубецкаго; *Смѣсь*, 41.

411. Отъ Ларіона Иванова; *Смѣсь*, 42.

412. Отъ Петра Усталкова; *Смѣсь*, 42.

413. Отъ Ивана Боклановскаго; *Смѣсь*. 43.

414. Отъ Ларіона Иванова; *Смѣсь*, 43.

415. Отъ Ѳедора Соковнина; *Смѣсь*, 43—44.

416. Отъ Кн. Ивана Голицына. *Смѣсь*, 44.

417. Отъ Кн. Константина Щербатаго; *Смѣсь*, 45.

418. Отъ Андрея Калычова; *Смѣсь*. 45.

419. Отъ дѣтей его Кн. Алексѣя и Княжны Ирины; *Смѣсь*, 46.

420. Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой; *Смѣсь*, 46.

421. Отъ тестя его Ивана Ѳедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 47.

422. Отъ дяди его Кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь*, 47.

423. Отъ тестя его Ивана Ѳедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 47—48.

424. Отъ Ивана Ивановича Головина; *Смѣсь*, 48.

425. Отъ матери его Княг. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 48.

426. Отъ Семена Заборовскаго; *Смѣсь*, 49.

427. Отъ Ларіона Иванова; *Смѣсь*, 49.

428. Отъ дяди его Кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь*, 49—50.

429. Отъ брата его Кн. Бориса Голицына; *Смѣсь*, 50.

430. Отъ дяди его Кн. Михайлы Голицына; *Смѣсь*, 50.

431. Отъ Василья Семенова; *Смѣсь* 51.

432. Ото Ларіона Иванова; *Смѣсь*, 51.

433. Отъ Ивана Колтовскаго; *Смѣсь*, 51—52.

434. Отъ Петра Апраксина; *Смѣсь*, 52.

435. Отъ Алексѣя Шеина; *Смѣсь*, 52—53.

436. Отъ дочери его Княжны Ирины Васильевны; *Смѣсь*, 53—54.

437. Отъ супруги его Княг. Евдокіи Ивановны; *Смѣсь*, 54.

438. Отъ сына его Кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь*, 54.

439. Отъ Княг. Ульяны Ивановны Одоевской, *Смѣсь*, 55.

440. Отъ Кн. Михайла Долгорукова; *Смѣсь*, 55.

441, Отъ тещи его Настасьи Ивановны Стрѣшневой; *Смѣсь*, 55—56.

442. Отъ матери его Княг. Татьяны Ивановны, *Смѣсь*, 56.

443. Протоколъ засѣданія Общества 1850 года, Апрѣля 14 дня *Смѣсь*, I—II нен.

1851 г. кн. 11-я.

444. Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ. Кн. П. П. Вяземскаго; Статья 1-я. *Изсл.* I—XX и 1—66.

445. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ. И. Д. Бѣляева; *Изсл.* 1—82.

446. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 (1500) года. Сообщ. Кн. М. А. Оболенскій; *Мат.* 1—464.

447. Каталоги библіотеки Московской Синодальной Типографіи. Ал. Ар. *Смѣсь*, 1—13.

448. Явочная книга Нижегородской таможни 1721 года; *Смѣсь*, 13—23.

449. Челобитная всѣмъ городамъ, по случаю неправильной записи въ служилой списокъ, не по службѣ и не по отчеству 1639. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 24

450. Сказаніе о началѣ Москвы, выписанное изъ одной Новгородской лѣтописи. Сообщ. А. Д. Чертковъ; *Смѣсь*, 25—29.

451. Уставная грамота (1698 г.) Патріарха Адріана, данная Архимандриту Троицкаго Сергіева монастыря Евфимію. Сообщ. А. Н. Поповъ; *Смѣсь*, 30—46.

452. Протоколъ засѣданія Общества 1850 года, Мая 19 дня; *Смѣсь*, I—II.

1852 г., кн. 12-я.

453. Критическія изслѣдованія о происхожденіи Великаго Новгорода; Малковскаго; *Изсл.* 1—46.

454. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины Корельскаго городка съ уѣздомъ 7008 (1500) года. Сообщ. Кн. М. А. Оболенскій; *Мат.* 1—188.

455. Роспись книгамъ Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, учиненная по Патріаршему приказу Павломъ Ивановичемъ Волынскимъ и дьякомъ Дементіемъ Образцовымъ 20 октября 7140 (1632) года. Сообщ. И. Д. Бѣляева; *Смѣсь*, 1—9.

456. Новыя свѣдѣнія о укрѣпленныхъ границахъ древняго Болгарскаго владѣнія и о смежномъ съ онымъ жительствѣ той Орды, которая съ разоренной Россіи сбирала дани, и въ которую къ царямъ путешествовали Русскіе государи и митрополиты. Сообщ. А. Кочуевъ; *Смѣсь*, 10—11.

457. Краткія экономическія до деревни слѣдующія записки, составленныя Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ. 1742 года. Сообщ. Серебряковъ. *Смѣсь*, 12—32.

Письма къ Князю Вас. Вас. Голицыну; именно:

458. Отъ матери его Кн. Татьяны Ивановны; Смѣсь, 33—34.

459. Отъ нея же; *Смѣсь*, 34—35.

460. Отъ Ивана Лызлова, *Смѣсь*, 35.

461. Отъ тестя его Ивана Өедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 35—36.

462. Отъ князя Григорья Куракина; *Смѣсь*, 36.

463. Отъ тестя его Ивана Өедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 36.

464. Отъ Кн. Өедора Куракина; *Смѣсь* 36—37.

465. Отъ тещи его Настасьи Ива-Стрѣшневой; *Смѣсь*, 37.

466, Отъ брата его Кн. Бориса Алексѣевича Голицына; *Смѣсь*, 37.

467. Отъ Ивана Колтовскаго; *Смѣсь*, 38.

468. Отъ Ларіона Иванова; *Смѣсь*, 38.

469. Отъ матери его Кн. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 38—39.

470. Отъ Петра Зиновьева; *Смѣсь*, 39.

471. Отъ дяди его Кн. Ивана Голицына; *Смѣсь*, 39—40.

472. Отъ Ивана Чаадаева; *Смѣсь*, 40.

473. Отъ Степана Фанъ Гадина; *Смѣсь*, 40—41.

474. Отъ Кн. Андрея Черкасскаго; *Смѣсь*, 41.

475. Отъ Ивана Чаадаева; *Смѣсь*, 41—42.

476. Отъ Моисея Архимандрита Петровскаго монастыря; *Смѣсь*, 42—43.

477. Отъ Кн. Юрія Трубецкаго; *Смѣсь*, 43.

478. Отъ сестры его Княг. Ирины Васильевны Трубецкой; *Смѣсь*, 43—44.

479. Отъ матери его Княг. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 44.

480. Отъ Алексѣя Хитрово; *Смѣсь*, 44—45.

481. Отъ Богдана Хитрово; *Смѣсь*, 45.

482. Отъ Петра Андреева Измайлова; *Смѣсь*, 45.

483 Отъ тестя Ивана Өедоровича Стрѣшнева; *Смѣсь*, 45—46.

484. Отъ Ильи Чирикова; *Смѣсь*. 46.

485. Отъ матери его Княг. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 46.

486. Отъ Кн. Юрія Трубецкаго; *Смѣсь*, 47.

487. Отъ сына его Кн. Алексѣя Голицына; *Смѣсь*. 47.

488. Отъ Кн. Якова Долгорукова; *Смѣсь*. 48.

489. Отъ Ивана Милославскаго; *Смѣсь*, 48.

490. Отъ дяди его Кн. Ивана Голицына; *Смѣсь*, 48—49.

491. Отъ сестры его Кн. Ирины Васильевны Трубецкой; *Смѣсь*, 49.

492. Отъ Княг. Юліаніи Голицыной. *Смѣсь*. 49.

493. Отъ кн. Юрія Трубецкаго; *Смѣсь*, 49—50.

494. Отъ Ивана Кондырева; *Смѣсь*, 50—51.

495. Отъ брата его Кн. Бориса Голицына; *Смѣсь*, 51.

496. Отъ Петра Головина; *Смѣсь*, 51.

497 Отъ Петра Измайлова; *Смѣсь*, 51—52.

498. Отъ Алексѣя Шеина; *Смѣсь*, 52.

499. Отъ Ѳедора Стрѣшнева; *Смѣсь*, 52.

500. Отъ Богдана Хитрово; *Смѣсь*, 53.

501. Отъ Ивана Шижгутова; *Смѣсь*, 53.

502. Отъ Матвея Боева; *Смѣсь*, 53—54.

503. Протоколъ засѣданія Общества 1850 года, Октября 21 дня; *Смѣсь*, I—II.

1852 г., кн. 13-я.

504. Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи. Соч. А. Д. Черткова (съ рисункомъ); *Изсл*. 1—140 и 1—40.

505. Предисловіе къ матеріаламъ 13 книги Временника, И. Д. Бѣляева; *Мат*. I—VIII.

506. Расходная книга Новгородскаго Митрополита Никона 7160 (1652) года; *Мат*. 1—62.

507. Приправочная книга Рязанскаго уѣзда 7124 года (1616). *Мат*. 1—114.

508. Приправочная книга Московскаго уѣзда (7094) 1586 года. *Мат*. 115—184.

509. Свѣтовитъ. Д. О. Шеппинга, *Смѣсь* 1—14. съ рис.

510. Разныя бумаги генералъ-майора Тевкелева объ Оренбургскомъ краѣ и о Киргизъ-Кайсацкихъ Ордахъ 1762 года. *Смѣсь*, 15—19.

511. Свѣдѣнія о родѣ Тевкелевыхъ и о службѣ генералъ майора Алексѣя Ивановича Тевкелева. Сообщ. Я. В. Ханыковъ; *Смѣсь*, 19—21.

512. Объясненіе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно лѣтописи Нестора, П. С. Казанскаго; *Смѣсь*, 21—23.

513. Запись о выборѣ третейскихъ судей. Сообщ. Кн. И. В. Кугушевымъ; *Смѣсь*, 24.

Письма къ Кн. Василью Васильевичу Голицыну, именно:

514. Отъ Ивана Голохвастова, *Смѣсь*, 25.

515. Отъ Василья Голохвастова, *Смѣсь*, 25.

516. Отъ Юрія Хилкова, *Смѣсь*, 26.

517. Отъ Ивана Приклонскаго, *Смѣсь*; 26.

518. Отъ Кн. Григорія Куракина, *Смѣсь*, 26—27.

519. Отъ Алексѣя Хитрова, *Смѣсь*, 27.

520. Отъ Іева Голохвастова. *Смѣсь*, 27.

521. Отъ матери его Кн. Татьяны Ивановны; *Смѣсь*, 28.

522. Отъ нея же; *Смѣсь*, 28.

523. Отъ старицы Таисеи Мосальской; *Смѣсь*; 28—29.

524. Отъ Ивана Одоевскаго, *Смѣсь*, 29.

525. Отъ сына его Кн. Алексѣя Васильевича; *Смѣсь*, 29—30.

526. Отъ супруги его Кн. Авдотьи Ивановны; *Смѣсь*, 30.

527. Отъ матери его Кн. Татьяны Ивановны, *Смѣсь*, 30—32.

528. Отъ Матвея Боева; *Смѣсь*, 32—34.

529. Отъ Ивана Лызлова; *Смѣсь*, 34.

530. Отъ Петра Головина; *Смѣсь*, 35.

531. Отъ него же; *Смѣсь*, 35.

532. Отъ Матвѣя Головина; *Смѣсь*, 36

533. Протоколы засѣданія Общества: Ноября 18-го дня 1850 года и Декабря 20-го дня того же года; *Смѣсь*, I—II и I—II.

1852 г., кн. 14-я.

534. Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною. Соч. И. Д. Бѣляева, *Изсл*. 1—32.

535. Нѣсколько словъ о княжествѣ Острогскомъ; А. Перлштейна; *Изсл*, 33—48.

Счетныя дѣла по мѣстничеству, сообщенныя П. И. Ивановымъ; съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева, именно:

536. Дѣло Боярина Кн. Тимофея Романовича Трубецкаго съ Кн. Андреемъ Голицынымъ; *Мат*. 1—18.

537. Дѣло Василія Никитина Пушкина съ Андреемъ Осиповымъ Плещеевымъ; *Мат*. 19—192.

538. Слово (вновь открытое) о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Володимерѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая (со снимкомъ); сообщ. В. М. Ундольскій, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат*. I—XIV и 1—8.

539. Наказъ воеводѣ князю Ивану Кугушеву о пріемѣ города Инсары у воеводы Ивана Языкова (1685 г.); сообщ. кн. И. В. Кугушевъ; *Смѣсь*, 1—9.

540. Отписка воеводы Василья Сербина о принятіи города Инсары отъ воеводы князя Ивана Кугушева (1687 г.); сообщ. кн. И. В. Кугушевъ; *Смѣсь*, 9—14.

541. Наказныя уставныя грамоты митрополита Макарія въ Новгородъ; сообщ. В. М. Ундольскій, лѣта 7059 (1551) года іюня въ 26-й день и 7059 (1551) года мѣсяца іюля въ 16-й день. *Смѣсь*, 15—17.

542. Гаи; соч. А. Перлштейна; *Смѣсь*, 17—21.

543. Грамоты объ учрежденіи поповскихъ старостъ и о церковномъ благочиніи въ Москвѣ; лѣта 7102 (1594), іюня въ 1-й день и лѣта 7113 (1605) октября въ 1-й день; сообщ. В. М. Ундольскій; *Смѣсь*, 21—28.

544. Протоколы засѣданій Общества 1851 года января 27 и февраля 28 го; *Смѣсь*, I—II и I—II.

1852 г., кн. 15-я.

545. Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ. И. Д. Бѣляева; *Изсл*. 1—160.

546. Переписная книга домовой казны патріарха Никона, составленная въ 7166 (1658) году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат*. I—VI. 1—136.

547. О ходу въ Персицкое царство и изъ Персиды въ Турскую землю и въ Индію, и въ Урмузъ, гдѣ корабли приходятъ. Писано Московскимъ купчиною Ѳедотомъ Аѳанасьевымъ Котовымъ въ 7132 (1624) году; сообщ. М. П. Погодинъ; *Мат*. 1—22.

548. Составъ чиновъ Московскаго университета въ 1772 году; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 1—10.

549. Приходъ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града, въ предѣлы Рязанскіе 6733 (1225) году. Сообщ. В. М. Ундольскій; *Смѣсь*, 11—21.

550. Въ Чиновной книгѣ 7198 (1690) году написано; *Смѣсь*, 22—23.

551. Мировая запись (1690 г.); *Смѣсь*; 23—24.

552. Списокъ съ подлинной рядной 1601 года; *Смѣсь*, 24—25.

553. Подлинная рядная запись 1697 года; *Смѣсь*, 25—26.

554. Роспись, что взялъ Иванъ Никитевичь Баборыкинъ ружья и платья и всякой рухляди своей на Терекъ съ окольничимъ князь Михайломъ Андреевичемъ Волконскимъ (безъ года) *Смѣсь*, 27—28.

555. Списокъ съ рядной записи слово въ слово (1688 года). Сообщ. П. И. Бартеневъ; *Смѣсь*, 29—30.

556. По чемъ пудъ мѣди въ 7177 (1669) году; *Смѣсь*, 30.

557. О продажной цѣнѣ вина въ 7175 (1667) году; *Смѣсь*, 31.

558. О продажной цѣнѣ вина въ 7185 (1677) году; *Смѣсь*, 31—32.

559. Сыскное дѣло 7196 года (1688) *Смѣсь*, 32—46.

560. Путь отъ Москвы къ Смоленску, а отъ Смоленска до Рима; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 47—48.

561. Протоколъ засѣданія Общества 1851 года, марта 29-го дня; *Смѣсь*, I—II.

1853 г., кн. 16-я.

562. Пелазго-ѳракійскія племена, населявшія Италію, и оттуда перешедшія въ Ретію, Венделикію и далѣе на сѣверъ до рѣки Майна; А. Д. Черткова; *Изсл.* 1—102 и 1—46.

563. Иное сказаніе о самозванцахъ, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* I—VI и 1—80.

564. Тоже сказаніе, помѣщенное въ хронографѣ: *Мат.* 81—146.

565. Книга глаголемая козмографія сложена отъ древнихъ философовъ, преведена съ Римскаго языка; *Смѣсь*, 1—14.

566. Юридическіе акты писанные уставомъ на пергаментѣ: а) семь Новгородскихъ купчихъ XIV вѣка, б) три Новгородскихъ купчихъ XV вѣка, г) Галицкая купчая 1351 года, д) Новгородская данная XIV вѣка, е) три душевныя грамоты XIV вѣка и одна таковая же XV вѣка; сообщ. И. Д. Бѣляевъ, *Смѣсь* 14—21.

567. Поправка въ чтеніи лѣтописнаго свидѣтельства объ Иванѣ Спасителѣ, прибывшемъ въ Россію въ 1490 году, и нѣсколько свѣдѣній объ органистахъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при семъ двѣ жалованныя грамоты органистамъ (1638 г.); сообщ. кн. М. А. Оболенскій; *Смѣсь*, 21—26.

568. Сказаніе объ избавленіи Новгорода отъ войскъ в. кн. Андрея Боголюбскаго въ 6677 (1169) году; сообщ. Д. Н. Дубенскій; *Смѣсь*, 26—28.

569. Древности Оренбургской губерніи, сооб. А. К. Кочуевъ; *Смѣсь*, 28—37.

570. Древнія привиллегіи Литовско-Волынскихъ Караимовъ, извлеченные изъ актовъ замка Луцкаго, сообщ. А. Перлштейномъ; *Смѣсь*, 37—53.

571. Книги переписныя книгамъ, которыя по указу святѣйшаго патріарха въ нынѣшнемъ въ 7198 (1690) году сентября въ день переписаны въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ, подлѣ церкви въ верхней кладовой палаткѣ; сообщ. И. Е. Забѣлинъ; *Смѣсь*, 53—67.

572. Древнія вещи, найденныя въ Обоянскомъ уѣздѣ (Курской губ.) въ 1849 году; *Смѣсь*, 68.

1853 г., кн. 17-я.

573. Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ (статья 2) кн. П. П. Вяземскаго; *Изсл.* 1—54.

574. Новый Лѣтописецъ и при немъ дополненія и предисловіе кн. М. А. Оболенскаго; *Мат.* 1—IV и 1—212.

575. Выписка изъ приходной книги Нижегородскаго уѣзда о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людемъ, отправлявшимся съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ для освобожденіи Москвы въ 1612 году; сообщ. кн. М. А. Оболенскій; *Смѣсь*, 1—2.

576. Грамота царя Бориса Федоровича въ Шую губному старостѣ Линеву и городовому прикащику Карпову 1600 года; *Смѣсь*, 3.

577. Росписка дьяка Андрея Подлѣсова, данная имъ въ 1611 году Шуянамъ въ полученіи отъ нихъ кабацкихъ пошлинъ. *Смѣсь*, 3.

578. Письмо изъ Суздаля въ Шую казачьяго атамана Просовѣцкаго дьяку Подлѣсову 1612 года; *Смѣсь*, 4.

579. Наказъ Нарымскаго острога воеводѣ Василью Янову 1622 года о ясачномъ, о денежномъ сборѣ, о казенномъ хлѣбопашествѣ. Сообщ. В. Борисовъ; *Смѣсь*, 4—8.

580. Письмо къ Андрею Ильичу Безобразову отъ его прикащика и старостъ (1677 г.). Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 8—9.

581. Свиданіе Петра Великаго съ Августомъ II въ Биржахъ 1701 года; сообщ. А. Перлштейнъ; *Смѣсь*, 10—17.

582. Инструкція, данная по именному указу изъ Нижегородской архіерейской домовой консисторіи Славено и Греко граматическихъ школъ изучившимся ученикамъ 1738 года 24 декабря. Сообщ. Іеромонахомъ Макаріемъ. *Смѣсь*, 17—32.

583. Книга сошного письма 7137 (1629) года. Сообщ. Г. Трехлѣтовъ; *Смѣсь*, 33—65. съ рисунк.

584. Роспись полевой мѣрѣ 1709 года. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; 66—90.

1854 г., кн. 18—я.

585. Древніе Русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства. В. Н. Лешкова; *Изсл.*, 1—42.

586. Старый Литовскій Статутъ 1529 года. Сообщ. А. В. Семеновъ; *Мат.* I—II, 1—106 и 1—XVI.

587. Книга Сеунчей 162 и 163 (1654 и 1655) годовъ. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Мат.*, 1—28.

588. Обводная правая грамота на земли Пыскорскаго монастыря 7182 (1674) года. Сообщ. Игум. Макарій; *Смѣсь*, 1—24.

589. Дерная или одерноватая грамота на уступку участка земли Никифоромъ Кулаковымъ въ Двинскомъ уѣздѣ. 7023 (1515) года 3 го Мая; *Смѣсь*, 25.

590. Отступная грамота данная Никитою Качковымъ Ѳедору Текунину на землю въ Двинскомъ уѣздѣ 7058 (1550) года. *Смѣсь*, 25.

591. Купчая на землю въ Двинскомъ уѣздѣ съ отводною продавца 7031 (1523) года; *Смѣсь*, 26.

592. Розъѣзжая грамота на землю у рѣки Клязмы 7038 (1530) года. *Смѣсь*, 27—33.

593. Отводная грамота на спорныя земли въ Гороховскомъ уѣздѣ 7038 (1530) года. Сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 33—56.

1854 г., кн .19—я.

594. Евгеній Митрополитъ Кіевскій и Галицкій (съ портретомъ). Филарета, Митроп. Кіевскаго; *Изсл*, 1—8.

595. Дунайцы. Эпизодъ изъ Турецкой компаніи 1769—1774 года. А. Скальковскаго; *Изсл.* 9—30.

596. О времени основанія Печерской обители. П. С. Казанскаго; *Изсл.* 31—42.

597. О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси. А. В. Семенова; *Изсл.* 1—XII.

598. Статутъ Великаго Княжества Литовскаго 1588 года на древнемъ Западно-Русскомъ языкѣ, печатанный съ Мамоничевскаго изданія, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.* I—II нен., I—XII, 1—24 и 1—382. съ рис.

599. Письмо къ Ѳ. В. Ч. о фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Ар. Риг. *Смѣсь*, 1—9.

600. Окружная грамота царя Лжедимитрія. (1610) *Смѣсь*, 9—10.

601. Переводъ письма Андрея Артемонова Матвѣева, изъ Парижа отъ 4 го Октября 1706 года, къ царю въ Москву, писано цифрами. *Смѣсь*, 11—12.

602. Переводъ съ письма Русскаго резидента въ Копенгагенѣ 28-го Сентября 1706 года, адресовано къ царю и писано по русски. *Смѣсь*, 12—13.

603. Отвѣтъ короля Великобританскаго изъ его Нѣмецкой канцеляріи на меморіалъ секретаря посольства его ц. в. Веселовскаго (1717.) *Смѣсь*, 14—16.

604. Копія съ бумаги Русскаго посланника Андрея Артемонова Матвѣева, изъ Парижа писанной (безъ года) *Смѣсь*, 16—17.

605. Посольство гг. пословъ великихъ (безъ года) Сообщ. Чумиковъ. *Смѣсь*, 17—19.

606. Копія съ реляціи отъ генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, изъ Хотина отъ 20-го Августа 1739 года о разбитіи Турокъ и взятіи Хотина. *Смѣсь*, 19—36.

607. Указатель статей по Русской исторіи, географіи, статистикѣ, Русскому праву и библіографіи, помѣщенныхъ въ Московскомъ Вѣстникѣ. Сост. М. П. Полуденскій; *Указ.*, 1—44.

1854 г., кн. 20—я.

608. Филоѳей Лещинскій, Митрополитъ Сибирскій и Тобольскій; свящ. Сулоцкаго; *Изсл.* 1—56.

609. О Русской правдѣ въ отношеніи къ благоустройству; В. Н. Лешкова; *Изсл*, 1—68.

610. О скоморохахъ; И. Д. Бѣляева. *Изсл.* 69—92.

611. Списокъ съ приказныхъ Дѣлъ Спаса Прилуцкаго монастыря стряпчаго Матвѣя Жданова 7204 года съ Генваря 4 числа, и 7205 и 7206 годовъ, октября по число. Сообщ. М. П. Погодинъ, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева; *Мат.*, 1—II и 1—156.

612. Отрывки изъ сборника: а) объ съѣздѣ Русскихъ и Шведскихъ пословъ въ Нейгаузенѣ въ 1678 году; *Смѣсь*, 1.

613. б) О приходѣ Турокъ подъ Чигиринъ и о войнѣ съ ними (1677—1679 г.); *Смѣсь*, 2—8.

614. в.) О флотѣ въ Россіи морскомъ; *Смѣсь*, 9—16.

615. Жалованная грамота Царя Михаила Өедоровича Мартыну Филимонову 1621 года. Сообщ. Н. В. Калачовъ; *Смѣсь*, 16—20.

616. Наказная грамота Соликамскому воеводѣ Богдану Лупандину, о владѣніяхъ Ортемки Бабинова 16 іюля 1617 года. Сообщ. Архим. Макарій; *Смѣсь*, 21—22.

617. Списокъ съ грамоты В. Кн. Ивана Васильевича 11 янв. 1511 года, съ приклѣенною къ нему съ верху родословною Еремѣевыхъ, Нормацкихъ и Мавриныхъ; *Смѣсь*, 23—24.

618. Записка о 8 походахъ (1666—1659 г.), писанная Еремѣевымъ позже 1695 г.; *Смѣсь*, 24—25.

619. Еще записка о начальникахъ 14 ротъ до 1695; *Смѣсь*, 26—27.

620. Подорожная 1680 года; *Смѣсь*, 27.

621. Приходо-расходная записка Еремѣева между 1689 и 1695 г. *Смѣсь*, 27—28.

622. Отпись Д. Еремѣева объ отдачѣ пустоши въ оброчное содержаніе 1688 г.; *Смѣсь*, 29.

623. Таковая же отпись 1693 г; *Смѣсь*, 29.

624. Азбука или прописи для чистописанія въ концѣ XVII вѣка. *Смѣсь*, 30—32.

625. Письма Еремѣева къ разнымъ родственникамъ и знакомыхъ, и письма къ нему отъ родныхъ и знакомыхъ, всего семь писемъ 1681—1682 года, *Смѣсь*, 32—36.

626. Списокъ съ Царской грамоты 7191 (1683) года, объ отсылкѣ оброчныхъ денегъ въ Троицкій Сергіевскій монастырь. *Смѣсь*, 36—37.

627. Сдаточная опись города Верхососенска 1683 года; *Смѣсь*, 38—41.

628. Списокъ съ грамоты Царя Ивана Васильевича 1550 года о жалованьѣ помѣстьями 1000 человѣкъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Сообщ. В. А. Преображенскій; *Смѣсь*, 41—55.

629. Дѣльная 7099 (1591) года, въ которой упоминается о братчинахъ. Сообщ. кн. И. В. Кугушевъ; *Смѣсь*, 56.

630. Указатель историческихъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1853 годъ. составл. Г. Н. Геннади, *Указат.*, 1—14.

1855 г. кн. 21-я.

631, О нѣкоторыхъ годахъ Несторовой лѣтописи; Д. Н. Дубенскаго, *Изсл*, 1—16.

632. Синодикъ Царя Бориса по рукописи XIV вѣка; С. Н. Палаузова, *Изсл*, 1—20.

633 Два хронологическихъ вопроса изъ XVI вѣка; С. М. Соловьева; *Изсл*, 1—4.

634. Отвѣты на предложенные вопросы; И. Д. Бѣляева; *Изсл*. 5—8.

635. Болгарскіе пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ: а) введеніе; *Мат.* I—XVIII.

636. б) Эпосъ Сербскій и Болгарскій во взаимныхъ отношеніяхъ, историческомъ и топографическомъ; соч. П. А. Безсонова. *Мат.* 1—136

637. в) Главные вопросы языка Новоболгарскаго, условливающіе собою правописаніе; *Мат.* 1—156.

638. г) Текстъ пѣсенъ: пѣсни Юнацкія; сообщ. П. А. Безсоновъ; *Мат.* 1—268 и I—IV.

639. Письма къ Андрею Ильичу Безобразову отъ его повѣренныхъ и родственниковъ по разнымъ судебнымъ дѣ-

ламъ, писанныя въ 7189 (1681) года; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 1—20.

640. Указатель статей и матеріаловъ по исторіи словесности, статистикѣ и этнографіи Россіи, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ 1841—1853 г.; составл. П. И. Бартеневъ; *Указ.* I—III и 1—106.

641. Протоколъ Засѣданія Общества 1851 года Мая 5-го дня; 1—II.

1855 г., кн. 22-я.

642. Краткое обозрѣніе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи С. П. Шипова; *Изсл*, 1—36.

643. Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи; И. Д. Бѣляева; *Изсл*, 37—50.

644. Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ. Ключаря тамошняго собора Ананіи Ѳедорова; Я. А. Соловьевъ; *Мат.* 1—212.

645. Второй выпускъ сборника Болгарскихъ пѣсенъ, составленный П. А. Безсоновымъ. *Мат.* 1—148 и I—IV.

646. Указатель отдѣльныхъ словъ и реченій, встрѣчающихся въ напечатанныхъ Болгарскихъ пѣсняхъ и объясненныхъ примѣчаніями; П. А. Безсоновъ; *Мат.* 1—46 и I—IV.

647. Процессъ по дѣлу объ учрежденіи типографіи при Кіевской Митрополіи, И. Н. Чистовича, *Смѣсь* 1—6.

648. Извѣстіе о разрытіи десяти кургановъ въ Бронницкомъ уѣздѣ (съ рисункомъ); сообщ. С. Д. Нечаевъ, *Смѣсь*, 7—8.

649. Книга келарская поминкомъ, и по службамъ даютъ запасу въ Кириловѣ монастырѣ; сообщ. И. Д. Бѣляевъ *Смѣсь*, 9—20.

650. Выписка изъ чиновника Патріарха Іоакима, писаннаго съ 1674—1676 года, и хранящагося въ библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго Собора; сообщ. Архим. Макарій; *Смѣсь*, 20—24.

651. Указатель книгъ по Русской исторіи, вошедшихъ въ 1853 году; состав. Г. Н. Геннади, *Указ.* 1—22.

652. Засѣданія Общества 1851 года Іюня 2-го дня и Сентября 29 дня; I—IV.

1855 г., кн. 23-я.

653. О языкѣ Пелазговъ населявшихъ Италію и сравненіе его съ древнеславянскимъ; соч. А. Д. Черткова; *Изсл.* 1—193.

654. Статутъ Великаго Княжества Литовскаго 1566 года; *Мат.*, I—II и 1—242.

655. Три грамоты Лжедимитрія къ королю польскому Сигизмунду; *Смѣсь*, 1—3.

656. Донесеніе г. Хвалибога о ложной смерти Лжедимитрія 1-го; *Смѣсь*, 3—5.

657. Три челобитныя Лжедимитрію, доставлены Чумиковымъ; *Смѣсь*, 5—6.

658. Жалованная грамота В. Кн. Ивана Васильевича IV, Троицкому архимандриту Іосафу; сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 7.

659. Челобитная Царю Алексѣю Михайловичу, поданная въ 1654 году Волковымъ; сообщ. В. Борисовъ; *Смѣсь*, 8—9.

660. Дополненіе къ обзору иностранныхъ путешественниковъ по Россіи Аделунга; сообщ. Г. Н. Геннади; *Смѣсь*, 9—12.

661. Записная книжка Яна Цедровскаго, историческій памятникъ XVII вѣка; сообщ. Кс. Іосифъ Малышевичъ; *Смѣсь*, 13—33.

662. Извѣстіе о хронологическихъ трудахъ князя Ивана Алексѣевича Голицына; П. В. Хавскаго; *Смѣсь*, 34—36.

663. Догадка объ отношеніи гривны XII столѣтія къ рублю XVI столѣтія; И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 37—40.

664. Указатель историческихъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 года; состав. Г. Н. Геннади; *Указ.* 1—20.

665. Протоколы засѣданія Общества: 1851 года 3-го Ноября, 1852 года 30 Января и 1852 года 29 Февраля, I—VI.

1856 г., кн. 24-я.

666. О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ; соч. С. М. Шпилевскаго; *Изсл*, 1—116.

667. Записной расходный столбецъ

приказу Галицкіе чети 7182 (1674) года, сообщ. П. А. Безсоновъ; 1—44.

668. Чиновникъ патріарха Іоакима за 1675 годъ. Сообщ. Архим. Макарій; *Мат*, 45—100.

669. Событія, случившіяся въ Крыму въ царствованіе Шагинъ-Гирея-Хана (XVIII в.) Переводъ съ современной Еврейской рукописи, сочиненный Караимомъ-Рабби-Азарья сыномъ Ильи, Караима Авр. Сам. Фирковича; *Мат*, 101—134.

670. Тетрадь, а въ ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повѣту 7071 (1563) года. Сообщ. П. С. Савельевъ, *Мат*. 1—48.

671. Сотная выпись города Дмитрова 7132 (1624) года. Сообщ. П. И. Бартеневъ; *Смѣсь*, 1—24.

672. Запись о ружныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Новгородѣ и въ Новгородскихъ пятинахъ XVI вѣка, сообщ. Архим. Макарій; *Смѣсь* 25—39.

673. Приписка въ одномъ Софійскомъ синодикѣ XVI вѣка, сообщ. Архим. Макарій; *Смѣсь*, 40.

674. Наказъ (XVII в.) сыщику Игнатью Парфеніеву, назначенному въ Суздаль по челобитью тамошнихъ гражданъ, сообщ. Ил. В. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 41—47.

675. Отписка воеводы съ челобитьемъ отъ градскихъ и уѣздныхъ людей (1634 г.) Сообщ. И. В. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 48.

676. Проектъ изданія Россійскихъ лѣтописей въ 1734 году, *Смѣсь*, 49—50.

677. Показаніе игумена Симона о пріѣздахъ инокини Елены (бывшей царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной) въ Кузминъ монастырь (1721). Сообщ. Чистовичъ; *Смѣсь*, 51—53.

678. Извѣстіе о Ярославлѣ І-мъ въ прологѣ XIII вѣка, сообщ. И. Купріяновъ; *Смѣсь*, 54—55.

679. Въ докладъ 7198 (1690) году, сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 55—56.

680. Указатель статей помѣщенныхъ въ Русскомъ Зрителѣ, журналѣ исторіи, археологіи, словесности и сравнительныхъ костюмовъ. Состав. И. К. Калугинъ; *Указ*. I—VIII, 1—36 и I—XII.

681. Протоколы Засѣданій Общества: 1852 года марта 20, 1852 года апрѣля 26 дня, и 1852 года сентября 27 дня; I—VII.

1857 г., кн., 25-я.

682. Продолженіе опыта Пелазгійскаго словаря, А. Д. Черткова; *Изсл*, стр. 1—150.

683. Трибуналъ обывателямъ Вел. Кн. Литовскаго, на сонмѣ Варшавскомъ даны року 1581. *Мат*., 1—22.

684. Топографическое описаніе Вологодскаго намѣстничества вообще, составленное въ 1784 году; *Мат*. 23—50.

685. Магистратское описаніе города Архангельска, составленное въ 1779 году; *Мат*. 51—68.

686. Географическое описаніе города Архангельскаго съ уѣздомъ въ 1779 году; *Мат*, 69—76.

687. Описаніе города Ваги, составленное въ воеводской канцеляріи въ 1779 году. Сообщ. И. А. Серебрениковъ; *Мат*, 77—90.

688. Грамоты Иверскаго монастыря, доставленныя Архим. Макаріемъ; *Мат*, 91—112.

689. Чердынскіе памятники, съ предисловіемъ Г. И. Спасскаго. *Мат*, 113—154.

690. Чины свадебные (XVII в.) выписанные изъ сборника; сообщ. Г. Половинъ; *Мат*, 155—174.

691. Царская грамота о перенесеніи города Еренска въ 7140 (1632) году, сообщ. П. С. Савельевъ, *Мат*, 175—178.

692. Городовая опись города Опочки 7199 (1691) года, сообщ. Г. Иваницкій; *Мат*. 179—186.

693. Книга Пчела. Памятникъ древней Русской словесности, первыя семь главъ съ предисловіемъ П. А. Безсолова, *Мат*, I—CVI и 1—64.

694. Отрывки изъ приходныхъ книгъ Новгородскаго Софійскаго дому, 1577 года. Жилая запись иконописца Ивана

Дранишникова. (1615) Сообщ. Г. Купріяновъ, *Смѣсь*, 1—4.

695. Древнія грамоты относящіяся къ основанію и первоначальному устройству города Верхотурья. Сообщ. Архим. Макарій, *Смѣсь*, 4—12.

696 Челобитье крестьянъ боярина Морозова не Рязанскаго воеводу Ляпунова (1679) и Государевы грамоты по челобитью крестьянъ на воеводу, *Смѣсь*, 12—16.

697. Жалованныя грамоты царя Алексѣя Михайловича за Литовскій походъ и другія службы, сообщ. И. Д. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 16—21.

698. Наказная память площадному подъячему Антону Прохорову 1690 года, *Смѣсь*, 21.

699. Челобитье Кириллы Черноцова на князей Несвицкихъ (1691) Сообщ. И. К. Калугинъ, *Смѣсь*, 22.

700. Челобитная Государю всѣмъ городомъ (1634 г.) *Смѣсь*, 23—25.

701. Нѣкоторыя черты изъ жизни Корелъ Кашинскаго уѣзда; А. Ретивцева, *Смѣсь*, 25—32.

702. Объ упраздненныхъ монастыряхъ Курской губерніи. Кн. Н. Н. Голицина, *Смѣсь* 32—42.

703. Указатель историческихъ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ 1855 года. Состав. Г. Н. Геннади, *Указ*, 1—21.

704. Списокъ произведеній С. П. Руссова, состав. Г. Н. Геннади, *Указ*, 22—32.

705. Протоколы засѣданій Общества:

— 1852 г., ноября 29, I—II.
— 1853 г., января 31, III—IV.
— 1853 г., марта 14, V—VI.
— 1853 г., мая 26, VII—X.
— 1853 г., сентября 26, XI—XIII.
— 1853 г., октября 31, XIV—XVI.
— 1854 г., февраля 13, XXIII—XXVII.
— 1854 г., апрѣля 30, XXVIII—XXIX.
— 1854 г., іюня 5, XXX—XXXIII.
— 1854 г., сентября 29, XXXII — XXXV.
— 1854 г., октября 29, XXXVI — XXXVII.
— 1854 г., ноября 30, XXXVIII—XL.
— 1854 г., декабря 22, XLI—XLIII.
— 1855 г., января 28, XLIV—XLV.
— 1855 г., марта 19, XLVI—XLVIII.
— 1855 г., апрѣля 29, XLIX—L.
— 1855 г., мая 28, LI—LIII.
— 1855 г., сентября 29, LIV—LVII.
— 1855 г., октября 29, LVIII—LIX.
— 1855 г., декабря 16, LX—LXII.
— 1856 г., января 31, LXIII—LXV.
— 1856 г., марта 30, LXVI—LXVIII.
— 1856 г., апрѣля 30, LXIX—LXXII.
— 1856 г., мая 31, LXXIII—LXXIV.
— 1856 г., сентября 29, LXXV — LXXVII.
— 1856 г., октября 31, LXXVIII — LXXIX.
— 1856 г., ноября 29, LXXX — LXXXII.

Д. ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ; 1846—1865 Г. ВЪ 55 КНИГАХЪ.

Годъ 1-й, 1846, въ 4 книгахъ.

№ 1.

706. О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ. *Изсл.* О. М. Бодянскаго, 1—45.

707. О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси, отъ временъ Ярослава I-го до нашествія Монголовъ. *Изсл.* С. М. Соловьева, 46—60.

708. Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Соч. Георгія Конискаго; *Мат. Отеч.*, I—IV и 1—24.

709. Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ. Соч. Самула Коллинса; перев. съ Англійскаго П. Кирѣевскаго *Мат. Иностр.*, I—VIII и 1—47.

710. Замѣтки о земляхъ Рязанскихъ *Смѣсь*. М. Н. Макарова, 3—29.

711. О Сварогѣ, богѣ языческихъ Славянъ, П. І. Шафарика, съ Чешскаго перевелъ О. Бодянскій; *Смѣсь*. 30—34.

712. Протоколы засѣданій Общества въ 1844 и 1845 годахъ; *Смѣсь*, I—XX.

1846. № 2.

313. Объ одномъ прологѣ библіотеки Московской духовной типографіи и тождествѣ Славянскихъ божествъ, Хорса и Даждьбога, О. Бодянскаго, *Изсл.*, 5—23.

314. Новыя разъисканія о мѣстѣ погребенія Прокопія Ляпунова, В. М. Ундольскаго, *Изсл.*, 24—32.

315. Списокъ нагробій Троицко-Сергіева монастыря, составленный въ XVII вѣкѣ. В. М. Ундольскаго. 33—50.

316. Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Соч. Геор. Конискаго, *Мат. От.* 25—80.

317. Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ. Соч. Франца Палацкаго. Съ Чешскаго перевелъ О. Бодянскій, *Мат. Иностр.*, 3—32.

318. Достопамятности города Смоленска. Н. Мурзакевича, *Смѣсь.* 3—18.

319. Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго уѣзда. Мих Діева, *Смѣсь*, 19—26.

320. Заглавный листъ въ Сунодикѣ, Анастасова монастыря, Д. Н. Дубенскаго, *Смѣсь* 27—35.

321. Краткое описаніе Куликова поля, Д. И. Тихомірова, *Смѣсь*, 36.

322. Протоколъ засѣданія, Общества 1846 г., генваря 26-го дня, *Смѣсь*, I—IV.

1846. № 3.

323. Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, И. Д. Бѣляева. *Изсл.* 5—28.

324. Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Соч. Геор. Конискаго, *Мат. Отеч.* 81—144.

325. О Рускомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ Чешской королевы Кунгуты, и родѣ его. Критическое изслѣдованіе Франца Палацкаго; съ Чешскаго перевелъ О. Бодянской, *Матер. Иностр.* 3—16.

326. О древнеславянскихъ, именно Кириловскихъ типографіяхъ въ южнославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краямъ, т. е., въ Сербіи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черной горѣ, Венеціи, Валахіи и Седмиградіи, въ XV, XVI и XVII стол. Соч. П. І. Шафарика. Съ Чешскаго перевелъ О. Бодянскій, *Мат. Иностр.* 17—27.

327. Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ Славяно-русской библіографіи. В. М. Ундольскаго. Со снимкомъ почерка Медвѣдева *Смѣсь.* 1—XXX.

328. Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, составленное Сильверстомъ Медвѣдевымъ; съ указателемъ, дополненнымъ издателемъ В. М. Ундольскимъ. *Смѣсь.* 1—90.

329. Добавокъ къ замѣткамъ моимъ о земляхъ Рязанскихъ. М. Н. Макарова, *Смѣсь.* 91—97.

330. Грамота царя Петра 1-го къ папѣ Инокентію XII. (1697) *Смѣсь*, 98.

331. Протоколъ засѣданія общества 1846 г. февраля 23-го дня, *Смѣсь* I—II

1846. № 4.

332. О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украинѣ Московскаго государства, до царя Алексѣя Михайловича. Соч. Ив. Дм. Бѣляева (въ чертежемъ городовъ, сторожъ и станичныхъ разъѣздовъ), *Изсл.* 5—60.

333. Къ этой же статьѣ Источники 1—86.

334. Исторія Руссовъ, или Малой Россіи, соч. Геор. Конискаго, *Мат. Отеч.* 145—262 и I—IV.

335. Винодольскій законъ 1280 года; переводъ съ Сербскаго О. Бодянскаго (со снимкомъ съ рукописи), *Мат. Иностр.* 3—42.

336. Современная запись о сидѣвшихъ въ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Сообщ. В. М. Ундольскій; *Смѣсь* 3—4.

337. Іосифъ Тризна, редакторъ Патерика. Печерскаго. В. М. Ундольскаго *Смѣсь* 5—10.

338. Краткая историческая записка о моныстырѣ Русскомъ св. Великомученника Пантелеймона, находящемся на св.

Аѳонской горѣ. В. М. Ундольскаго, *Смѣсь* 11—14.

739. Къ этой статьѣ Приложенія: 1. Сказаніе о святой горѣ Аѳонстѣй, 2. Сказаніе старца Исаіи о святой горѣ, и 3. О святогорскихъ монастырехъ. *Смѣсь* 15—36.

740. Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ словарю г. Линде по буквѣ К; соч. М. Макарова, *Смѣсь*, 37—42

741. Сличеніе двухъ великокняжескихъ несудимыхъ грамотъ. Н. Иванчина-Писарева, *Смѣсь*, 43—46

742. Историческія замѣтки. Статья 1-я, А. Бычкова, *Смѣсь*, 47—50.

743. Списокъ и краткое содержаніе всѣхъ грамотъ и вообще всѣхъ бумагъ, заключающихъ въ себѣ сношенія Россіи съ Венеціанскою республикою. Ѳ. Чижова, *Смѣсь*, 51—58.

744. Посланіе Елизарова монастыря игумена Панфила, Псковскому намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день Рождества Св. Іоанна Предтечи; Д. Дубенскаго, *Смѣсь*, 59—62.

745. Протоколъ засѣданія Общества 1846 г. марта 23 дня, *Смѣсь*, I—II.

Годъ 2-й 1846—1847, въ 9 книгахъ
1846 г. № 1.

746. Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Историческое изслѣдованіе С. М. Соловьева, *Изсл.* 1—162.

747. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ дополненіями, Словаремъ и Указателемъ къ ней, сост. О. Бодянскимъ *Мат. Отеч.* I—II и 1—72.

748. Изслѣдованіе начала народовъ Славянскихъ. Разсужденіе, читанное въ торжественномъ засѣданіи Варшавскаго Общества Любителей Наукъ 24 генваря, 1824 года, Лаврентіемъ Суровецкимъ. Переводъ съ Польскаго Юстина Бѣлявскаго. *Мат. Иностр.* I—II и 1—82.

749. Историческое разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ. Соч. Петра Фридриха Сума; переводъ съ Датскаго протоіерея Стефана Сабинина, *Смѣсь*, I—IV и 5—48.

750. Хронологическія замѣчанія. II. Хавскаго, *Смѣсь*, 49—52.

751. О формѣ присяги, существовавшей до Петра Великаго, *Смѣсь*, 53—57.

752. Грамота царя Михайла Ѳедоровича, къ Якову, Королю Англійскому, (1617) *Смѣсь*, 58.

753. Письмо князя Михайла Ларіоновича Голенищева-Кутузова къ графу И. И. Моркову (1812) *Смѣсь*, 59.

754. Сокращенный планъ исторіи расколовъ въ Россіи, *Смѣсь*, 60.

755. Протоколъ засѣданія Общества 1846 года, апрѣля 27 дня, *Смѣсь*, I—IV.

1846 г. № 2.

756. Объ Ярославской Правдѣ XI-го вѣка; соч. Д. Дубенскаго, *Изсл.* 1—22.

757. Хронологія Нестора и его продолжателей; соч. И. Д. Бѣляева, *Изсл.* 23—38.

758. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по смерти его, *Матер. Отеч.* 73—152 и I—VI.

759. Подробное описаніе расположеній, дѣйствій и движеній корпуса императорскихъ Россійскихъ войскъ, подъ командою генерала Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи; соч. генералъ-маіора Вистицкаго 2-го въ 1803 году, *Мат. Отеч.* I—V и 1—42.

760. Приложенія къ журналу Вистицкаго. Сост. А. Хмельницкій. *Мат. Отеч.* 45—66.

761. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія Славянскихъ народовъ до XIV вѣка; соч. В. А. Мацѣевскаго; переводъ съ Польскаго П. Дубровскій, *Мат. Иностр.* I—II и 1—73.

762. Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и его Славяно-русская библіотека. Сообщ. В. М. Ундольскій, *Смѣсь*, I—VI и 1—35.

763. Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ, XVI и XVII вѣка. Сост. В. Ерлыковъ, *Смѣсь*, I—II и 1—44.

364. Содержаніе рукописи: Златая Чепь, принадлежащей къ началу XIV вѣка и хранящейся въ библіотекѣ Сергіевой Лавры. Сообщ. Филаретомъ, еп. Рижскимъ, *Смѣсь*, 45—48.

365. Три письма Царевича Алексѣя Петровича къ Дмитрію Крюкову; дост. Вл. Черкаскій, *Смѣсь*, 49—50.

366. Выпись съ книгъ городскихъ, воеводства Кіевскаго. Дост. Я. Головацкій, *Смѣсь*, 51—52.

367. Протоколъ засѣданія Общества 1846 года, іюня 1-го дня, *Смѣсь*, I—III

1846 г. № 3.

368. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи В. М. Ундольскаго, *Изсл.*, 1—46.

369. Подробный обзоръ исторіи Руссовъ (Кониского), съ указателемъ къ ней же; О. Бодянскаго, *Мат. Отч.* 1—45.

370. Исторія или повѣствованіе о Донскихъ казакахъ, отколь и когда они начало свое имѣютъ, и въ какое время и изъ какихъ людей на Дону поселились, какія ихъ были дѣла и чѣмъ прославились и пр., собранная и составленная чрезъ труды инженер-генералъ-маіора и кавалера А. Ригельмана. 1778 Съ приложеніемъ литогр. изображеній древняго одѣянія Донцевъ и печатей, плана Черкаска и карты земли Донской; *Мат. Отеч.* 1—II и 1—80.

371. Историческое разсужденіе о Хозарахъ. Соч. П. Фр. Сума, пер. съ Датскаго С. Сабинина, *Мат. Иностр.*, 1—68.

372. Историческія сочиненія о Малоросіи и Малоросіянахъ Г. Ф. Миллера. *Смѣсь*, 1—VI и I—23.

373. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника, соч. М. Макарова, буква *А.*, *Смѣсь*, стр. 24—43.

374. Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ. Соч. И. Срезневскаго, *Смѣсь*, 44—54.

375. Описаніе святыхъ мѣстъ, находящихся въ Новоіерусалимской соборной церкви Воскресенія Господня. *Смѣсь* 55—60.

376. Протоколъ засѣданія общества 1846 года, сентября 28 го дня. *Смѣсь* 1—IV.

1846. № 4.

377. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители; соч. Филарета, Епископа Рижскаго, *Изсл.*, 1—28.

378. Исторія или повѣствованіе о Донскихъ козакахъ, отколь и когда они начало свое имѣютъ.... А. Ригельмана, *Мат. Отеч.*, 81—143.

379. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ Татарами, Шведами и Уграми, въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, начиная съ 1647 г. переводъ съ Польскаго; *Мат. Иностр.*, I—II и I—56.

380. Окружные жители Балтійскаго моря, т. е., Леты и Славяне; соч. Ю. И Венелина, *Смѣсь*, I—56.

381. Сокращенное увѣдомленіе о Малой Россіи (Географическое описаніе) соч. Г. Ф. Миллера, *Смѣсь*, 57—68.

382. Ученые труды Епифанія Славинецкаго. Современные матеріалы съ замѣчаніями В. М. Ундольскаго. *Смѣсь*, 69—72.

383. О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной библіотекѣ, и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники. Соч. М. Оболенскаго, *Смѣсь*, 73—102.

384. Семистолѣтіе Москвы, соч. П. Хавскаго. *Смѣсь*, 103—106.

385. Протоколъ засѣданія Общества 1846 года, октября 26 дня, I—II.

1847 г. № 5.

386. О Несторовой лѣтописи. И. Д. Бѣляева, *Изсл.* 1—72.

387. Дополненіе къ статьѣ: Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители; соч. Филарета, епископа Рижскаго, *Изсл*, 29—30.

388. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и казакахъ вообще, отколь и изъ какого народа

оные происхожденіе свое имѣютъ, и по какимъ случаямъ они нынѣ при своихъ мѣстахъ обитаютъ и пр., собрано и составлено чрезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, въ 4 хъ частяхъ, съ приложеніемъ 28 литограф. изображеній Малороссіянъ въ древней одеждѣ и двухъ картъ. *Мат. Отеч.*, III—V и 1—100.

789. Историческое разсужденіе о Галиціи и Лодоміріи; соч. П. Фр. Сума; переводъ съ Датскаго протоіерея Ст. Сабинина, *Мат. Иностр.* 1—30.

790. Историческій памятникъ о Пинскѣ, найденный Ксен. Антономъ Мошинскимъ, пер. съ Польскаго Ник. Янковскаго, *Мат. Иностр.* 31—38.

791. Опись Греческимъ, Греко-Латинскимъ и Словенскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1675 году изъ Воскресенскаго монастыря и принадлежавшаго ему Иверскаго подворья въ Патріаршую Ризную казну, составленная печатнаго двора справщикомъ, монахомъ Евфиміемъ, съ замѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ В. М. Ундольскимъ, *Смѣсь*, 1—II и 1—20.

792. Акты, доставленные г. соревнователемъ Общества, В. А. Борисовымъ изъ Шуи: 1. Допросныя рѣчи Шуянъ о набѣгѣ Литовцевъ на Шую и ея окрестности. 2. Запись во крестьяны 1685 года. 3. Усыпальница рода Собакиныхъ, *Смѣсь*, 21—24.

793. Троицкіе походы; соч. И. Забѣлина, *Смѣсь*, 25—57.

794. Разсужденіе о Запорожцахъ, соч. Г. Ф. Миллера, *Смѣсь*, 58—64.

795. Приложенія къ вышеупомянутой статьѣ: 1. письмо отъ Петра Васил. Бакунина къ Ф. Ив. Миллеру, о Козакахъ Запорожскихъ, 2. Отвѣтъ Ф. И. Миллера и 3. Копія съ универсала Богдана Хмельницкаго Запорожцамъ, *Смѣсь*, 65—68.

796. Краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ, Г. Ф. Миллера. *Смѣсь*, 69—74.

797. Окружные жители Балтійскаго моря. Ю. Венелина *Смѣсь*, 75—94.

798. Протоколъ засѣданія Общества 1846 года, ноября 30-го дня, *Смѣсь*, 1—II.

1847, г. № 6.

799. Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси, до половины XIII вѣка; соч. С. М. Соловьева, *Изсл.*, 1—18.

800. О соляномъ озерѣ, Halmyris. соч. Ю Венелина, *Изсл*, 19—46.

801. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи.... Александра Ригельмана, *Мат. Отеч*, 101—219.

802. Два Еврейскихъ письма о Хазарскомъ царствѣ, переведенныхъ съ подлинника Даніиломъ Гартенштейномъ, *Мат. Иностр*, 1—11.

803. Исторія о казакахъ Запорожскихъ, какъ оные изъ древнихъ лѣтъ зачалися, и откуда свое происхожденіе имѣютъ и въ какомъ состояніи нынѣ находятся, *Смѣсь*, I—VIII и 1—42.

804. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника; буква Б. соч. М. Макарова, *Смѣсь*, 1—24.

805. Примѣчанія на Русскія хронологическія вычисленія XII вѣка.; соч. П. Хавскаго, *Смѣсь*, 25—40.

806 Разные матеріалы, до исторіи Запорожской касающіеся, собранные Россійскимъ исторіографомъ Г. Ф. Миллеромъ, *Смѣсь*, 43—76.

807. О Лаврской Могилинской школѣ. соч. М. Максимовича, *Смѣсь*, 77—80.

808. Протоколъ засѣданія Общества 1846 г. декабря 28 го дня, *Смѣсь*, I—IV.

1847 г., № 7.

809. Богослуженіе Русской церкви до Монгольскаго времени; Филарета, Епископа Рижскаго, *Изсл*, 1—42.

810. Прѣніе Данила, Митрополита Московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ. Списокъ съ Суднаго списка; съ предисловіемъ О. Бодянскаго; сообщ. М. П. Погодинъ, *Мат. Отеч*, 1—VIII и 1—13.

811. Лѣтописное повѣствованіе о

Малой Россіи.... Александра Ригельмана, *Мат. Отеч.*, 1—108.

812. Объ имени и положеніи города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Юмсбурга; соч. П. І. Шафарика; пер. съ Чешскаго О. Бодянскаго, *Мат. Иностр.* 1—20.

813. Повѣсть о прихожденіи Литовскаго Короля Степана на великій градъ Псковъ; съ предисловіемъ О. Бодянскаго; сообщ. П. Сахаровъ, *Смѣсь*, 1—47.

814. Письмо покойнаго Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Пензенскаго, (1812) *Смѣсь*, 48.

815. Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рустѣй земли сущихъ, *Смѣсь*, 1—16.

816. Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 года; сообщ. П. К. *Смѣсь*, 1—16.

817. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника; буква В; соч. М. Макарова, *Смѣсь*, 17—27.

818. Двѣ грамоты царя Алексѣя Михайловича о Малороссійскихъ казакахъ къ воеводамъ (1651); сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 28—30.

819. Письмо въ Общество Черногорскаго Владыки, Митрополита П. П. Нѣгоша, *Смѣсь*, 31—32.

820. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, генваря 25—го дня, *Смѣсь*, I—III.

1847 г. № 8.

821. Записки Преосвященнаго Георгія Кониского о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Римскою церковію; сообщ. Архимандритомъ Макаріемъ, *Изсл.*, 1—30.

822. Мысли объ исторіи вообще и Русской въ частности; соч. Ю. Венелина, *Изсл.*, 31—50.

823. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи... Александра Ригельмана, *Мат. Отеч.*, 109—201 и 1—42.

824. Исторія церквей Гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ. Соч. Іосифа Лукашевича, пер. съ Польскаго А. Хмельницкаго, *Мат. Иностр.* I—IV и 1—40.

825. Кирилла философа слово на соборъ Архистратига Михаила; сообщ. А. Розовымъ, *Смѣсь*, 1—21.

826. Актъ, относящійся до разбоя, производившагося по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ 1672 г. Сообщ. В. Борисовъ, *Смѣсь*, 22.

827. Выпись изъ государевы грамоты, что прислана къ В. Кн. Василію Ивановичу, о сочтаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради. Твореніе Паисѣино, старца Ѳерапонтова монастыря, *Смѣсь*, 1—10.

828. Посланіе Геннадія Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому (1489 г.) сообщ. Филаретомъ, Еписк. Рижскимъ, *Смѣсь*, 1—6.

829. Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу; сообщ. Филаретомъ, Еписк. Рижскимъ, *Смѣсь*, 7—10.

830. Переводъ Польскаго письма, Андрея Рачкевича къ старостѣ Лоевскому Котарскому, а отъ него къ гетману, Демьяну Игнатову, объ избраніи въ Короли Князя Михаила Вишневецкаго, сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 11—15.

831. Показаніе Шуйскихъ поповъ и прочихъ, въ 1619 году, о набѣгѣ Литовцевъ и Черкасовъ на Шартомскій (близъ Шуи) монастырь и объ его опустошеніи. Сообщ. В. Борисовъ, *Смѣсь*, 16.

832. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, февраля 28-го дня, *Смѣсь* I—III.

1847 г. № 9.

833. О Патерикѣ Печерскомъ; соч. А. Кубарева. *Изсл*, 1—22.

834. Описаніе харатейнаго списка Патерика Печерскаго; А. Кубарева, *Изсл*, 23—40.

835. О древнихъ жилищахъ Русскаго народа; соч. Ю. Венелина, *Изсл*, 41—58.

836. О времени рожденія названій: Греческое, Латинское, Нѣмецкое, Рус-

ское или Гражданское, Славянское или Церковное письмо; соч. Ю. Венелина, *Изсл.* 59—76.

837. Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его; съ предисловіемъ О. Бодянскаго, сообщ. Кн. М. А. Оболенскимъ, *Мат. Отеч.*, I—V и 1—36.

838 Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи..... Александра Ригельмана, *Мат. Отеч.*. 43—147, 1—101 и I—XIV.

839. Историческое разсужденіе о Финнахъ, соч. Сума, перев. съ Датскаго Ст. Сабинина, *Мат. Иностр*, 1—12.

840. Прѣніе Данила, Митрополита Московскаго и всеа Руси, съ старцемъ Васьяномъ, 1531 года, Мая 11 дня, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, сообщ. Кн. М. А. Оболенскимъ, *Смѣсь*, I—II и 1—28.

841. Семейныя акты Иванчиныхъ-Писаревыхъ, XVII столѣтія, сообщ. Н. Д. Иванчинымъ-Писаревымъ, *Смѣсь*, 1—19.

842. О мѣстѣ погребенія Малороссійскаго Гетмана Ивана Скоропадскаго, *Смѣсь*, 20.

843. Суворовъ и Тугутъ, соч. Е. Фукса, сообщ. С. П. Шиповымъ, *Смѣсь*, 1—14.

844. Переписка о Всеславѣ Брячиславичѣ С. Сабинина и О. Бодянскаго, *Смѣсь*, 15—23.

845. Письмо Гордіенка къ воеводѣ города Каменнаго Затона, Данилу Романовичу Шеншину (1704); сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 24.

846. Отрывокъ изъ Записокъ профессора Чеботарева, сообщ. М. Максимовичемъ, *Смѣсь*, 1—23.

847. Письмо Императора Александра I-го, къ бывшему Гетману Разумовскому (1801 г. 15 мая) *Смѣсь*, 24.

848. Объясненіе нѣкоторыхъ названій изъ языка Финикійскаго, Ив. Ив. Кохомъ, *Смѣсь* 1—4.

849. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника, буквы Г и Д, М. Макарова, *Смѣсь*, 1—21.

850. На открытіе монумента въ память побѣды подъ Полтавою надъ Карломъ XII. В. Капниста, *Смѣсь*, 22.

851. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, Марта 29 дня, *Смѣсь*, I—III.

852. Краткій Отчетъ импер. Общества исторіи и древностей Россійскихъ, за 1846 годъ, *Смѣсь*, I—V.

Годъ 3-ій 1847—1848, въ 9 книгахъ

№ 1.

853. О словѣ Бояринъ, соч. Ю. И. Венелина, *Изсл*, 1—29.

854. Паралипоменъ Зонаринъ; съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч*, 1—VIII и 1—119.

855. Переписка и др. бумаги Шведскаго короля Карла XII, Польскаго Станислава Лещинскаго, Татарскаго хана, Турецкаго султана, генеральнаго писаря Ф. Орлика и Кіевскаго воеводы, Іосифа Потоцкаго на латинскомъ и польскомъ языкахъ; съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Иностр.* 1—IV и 1—68.

856. Посланіе Іосифа Волоколамскаго къ Нифонту Еписк. Суздальскому, съ предисловіемъ П. С. К. *Смѣсь*, 1—IV и 1—10

857. Посланіе Іосифа Волоколамскаго къ иноку иконописцу, съ предисловіимъ П. С. К. *Смѣсь*, 1—II и 3—4.

858. Посланіе Іосифа Волоколамскаго къ Митрофану, архимандриту Андрониковскому, съ предисловіемъ П. С. К, *Смѣсь*, 1—II и 1—2.

859. Царскія наказы о походѣ подъ Смоленскъ (1632—1634 г.), сообщ. П. Ивановымъ, *Смѣсь*, 1—40

860. Избраніе на царство королевича Владислава и кратковременное его въ Россія властительство, *Смѣсь*, 1—20.

861. Письма графа Г. Головкина къ гетману И. Скоропадскому (1709-1718 г.) сообщ. М. Судіенко, *Смѣсь*, 1—8.

862. О достопамятностяхъ Чернигова, соч. М. Е. Маркова, *Смѣсь*, 1—25.

863. Списокъ церквей города Пскова въ 7204 (1696 г.); сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 26.

864. Отвѣтъ на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи, М. Е. Маркова, *Смѣсь*, 1—6.

865. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника: буквы Е, Ж и З; М. Макарова. *Смѣсь*, 1—19.

866. Секретный указъ императрицы Екатерины Великой, изданный по случаю дороговизны хлѣба и насланный, чрезъ правительствующій Сенатъ, воеводѣ города Балахны Крапивину, сообщ. М. Макаровымъ, *Смѣсь*, 20—21.

867. Два письма кн. Александра Меншикова къ кн. Григорью Волконскому (1706 г.); сообщ. П. С. К, *Смѣсь*, 22.

868. Протоколъ Засѣданія Общества 1847 года, Апрѣля 26 го дня, *Смѣсь*, 1—II.

1847 г. № 2.

869. Древнія святыни Ростова Великаго; съ пятью изображеніями соч. графа М. Толстаго, *Изсл.*, 1—86 и 2 нен.

870. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, соч. Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго, 1765 года; съ пред. О. Бодянскаго, *Мат. Отеч.* 1—IV и 1—159.

871. Tragoedia Demetrio-Moscovitica, или Исторія достопамятныхъ происшествій, случившихся со Лже-Димитріемъ и о взятіи Шведами Великаго Новгорода (1611 г.) Соч. Матвѣя Шаума 1614 г; съ предисловіемъ и примѣчаніями М. А. Оболенскаго, *Мат. Иностр.* 1—III и 1—28.

872. Нѣчто къ изысканіямъ о Готахъ; соч. Ю. И. Венелина, *Смѣсь*, 1—8.

873. Грамота отъ Россійскихъ бояръ въ Тушино къ Гетману и къ Польскимъ и Литовскимъ войскамъ, съ увѣдомленіемъ отложиться отъ втораго Самозванца, 1606 г. августа 16. *Смѣсь*, 9—10.

874. Милостивая грамота царя Василія Іоанновича боярину князю Михайлу Васильевичу Скопину Шуйскому, съ моленіемъ поспѣшить на избавленіе бѣдствующаго отечества, 1609 г., іюня 2, *Смѣсь*, 11—13.

875. Письмо изъ Кобыща польскаго вельможи, Адама Киселя, къ боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, съ увѣдомленіемъ обо отправленномъ отъ короля, по желанію царя, Алексѣя Михайловича (русскомъ) мраморномъ надгробномъ камнѣ съ надписью, и съ испрашиваніемъ отъ царя нѣкоторыхъ наградъ, обѣщанныхъ Киселю за доброхотство его Россійской державѣ, 1648 г. февраля 23, *Смѣсь* 14—15.

876. Грамота стольника, князя Димитрія Мастрюковича Черкаскаго, къ Австрійскому посланнику, Якубу, увѣдомительная объ отправленіи къ императору Матіасу россійскихъ пословъ, съ прописаніемъ несправедливостей короля Польскаго, *Смѣсь*, 16—19.

877. Рѣчь, глаголанная отъ святѣйшаго патріарха, Питирима, по возведеніи его на Патріаршескій престолъ, въ лѣто 7180 (1672 г.) іюля въ 7 й день; сообщ. Д. Дубенскимъ, *Смѣсь*, 20—22.

878. Царскій наказъ стольнику Извольскому, посланному въ Новгородъ, Псковъ и другіе города въ 1665 году; сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 23—24.

879. Приглашеніе къ суду, по уголовному дѣлу, около половины XVII вѣка во Владимірской Руси, сообщ. Д. Зубрицкимъ, *Смѣсь*, 25—28.

880. Выписка изъ высочайшихъ указовъ о собраніи древнихъ Россійскихъ рукописныхъ книгъ, сообщ. О. Бодянскимъ, *Смѣсь* 29—30.

881. О лѣтописяхъ и хронологіи Россійской, соч. гр. А. Мусина-Пушкина, *Смѣсь*, 30—32.

882. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника: буквы И и І; М. Макарова. *Смѣсь*, 33—38.

883. Для сравнительной статистики древней Руси, сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 39—40.

884. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, мая 31 дня. *Смѣсь*, 1—III.

1847 г. № 3-й.

885. О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права; соч. Н. Калачова, *Изсл.* 1—128.

886. Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка, въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго; съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч.* 1—30.

887. Объ изданіи иностранныхъ сочиненій и актовъ о Россіи въ переводѣ и подлинникѣ соч. кн. М. А. Оболенскаго *Мат. Иностр.* 1—VIII.

888. Письмо гетмана Литовскаго Радзивила, о побѣдѣ одержанной при Улѣ, 1564 года, генваря 26-го, съ предисловіемъ и приложеніями кн. М. Оболенскаго, *Мат. Иностр.* 1—IV, 1—18 и 1—4.

889. Пораженіе Москвитянъ и осада Вендена въ 1579 году; съ предисловіемъ и приложеніями Кн. М. А. Оболенскаго, *Мат. Иностр.*, 1—II, 1—6 и 1—6.

890. Объ Обрахъ, ихъ царствѣ и его предѣлахъ; соч. Ю. И. Венелина, *Смѣсь*, 1—18.

891. Всероссійскіе патріархи съ изображеніями ихъ: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ 1-й; соч. Н. А. А., *Смѣсь*, 19—40.

892. Хронологія вообще, и въ особенности хронологія Нестора и его продолжателей, П. Хавскаго, *Смѣсь*, 41—45.

893. О трехъ надписяхъ, относящихся къ царствованію Алексѣя Михайловича, соч. Д. Дубенскаго, *Смѣсь*, 46—48.

894. Акты, относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ; сообщ. Д. П. Голохвастовымъ, *Смѣсь*, 49—87.

895. Актъ объ опустошеніи Шуйскаго уѣзда Поляками и Руссками въ 7124 г. (1616 г.), сообщ. В. Борисовымъ, Смѣсь, 68.

896. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника, буква К; М. Макарова, *Смѣсь*, 69—112.

897. Протоколъ засѣданія Общества 1847 г, сентября 27-го дня, *Смѣсь*, 1—IV.

1847 г. № 4-й.

898. О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ Россизма, соч. Ю. И. Венелина, *Изсл.* 1—16,

899. Приложенія къ статьѣ: О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права, соч. Н. Калачова, *Изсл.* 1—80.

900. Исторія Россійская, соч. Василья Никитича Татищева. Книга *Пятая*, или, по Сочинителю, *Древней Лѣтописи Руской Часть Четвертая*, открытая и сообщенная М. П. Погодинымъ, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч*, 1—X и 1—152.

901. Инструкція Польскаго Короля, Сигизмунда III, послу его въ Италію, Самуилу Грушецкому; сообщ. Кн. М. А. Оболенскимъ, *Мат. Иностр.*, I—II и 1—14.

902. Оглавленіе Четіихъ Миней Всероссійскаго Митрополита, Макарія, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, составленное справщикомъ монахомъ Евфиміемъ, со введеніемъ В. М. Ундольскаго, *Смѣсь*, I—VIII и 1—78.

903. Акты, относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ, сообщ. Д. В. Голохвастовымъ, *Смѣсь*, 79—118.

904. Всероссійскіе патріархи съ изображеніями ихъ: *Іосифъ*, соч. Н. А. А. *Смѣсь*, 119—125.

905. Списокъ съ листа Бѣлорусскаго письма, каковъ писалъ къ благовѣрной государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ, Софіи Алексѣевнѣ, Лазарь Барановичь, архіепископъ Черниговскій и Новгородскій, съ конюшимъ своимъ съ Ѳедоромъ Смолниц... въ нынѣшнемъ во 191 (1682) году, сентября въ 30 день; сообщ. И. Забѣлинъ, *Смѣсь*, 126.

906. Псковскія монеты (съ 1424-1533 г.) соч. Ѳедора Шуберта, *Смѣсь*, 127—136.

907. Описаніе города Острога, составленное А. Перлштейномъ (съ планомъ древняго Острога) *Смѣсь* 137—142.

908. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника: продолженіе буква К.; М. Макарова, *Смѣсь* 143—154.

909. О Хронологіи П. В. Хавскаго, И. Д. Бѣляева, *Смѣсь*, 155.

910. Колядская пѣсня изъ Клинскаго уѣзда Московской губерніи, записанная г. Забѣлинымъ, *Смѣсь*, 156.

911. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, октября 25-го дня, *Смѣсь* 1—III.

1848 г. № 5.

912. О нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ, соч. Ю. И. Венелина. *Изсл*. I—II. и 1—45.

913. Исторія Россійская, соч. Василья Никитича Татищева. Книга пятая, или, по сочинителю, Древней лѣтописи Русской. Часть четвертая, открытая и сообщенная М. П. Погодинымъ; *Мат. Отеч*. 153—218.

914. Повѣствованіе о замѣчательномъ и почти чудесномъ завоеваніи отцовской имперіи, совершенномъ Димитріемъ, великимъ княземъ Московскимъ, въ 1605 году. Собралъ изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій Бареццо Барецци; сообщ. кн. М. А. Оболенскій (на русскомъ и итальянскомъ языкахъ) *Мат. Иностр*., I—VI, 1—22 и 1—20.

915. О томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣна, ажъ до смерти гетмана войска Запорожскаго, Зиновія Богдана Хмельницкаго, повѣстію скажемъ пространно; съ предисловіемъ О. Бодянскаго, сообщ. И. И. Срезневскимъ, *Смѣсь*, I—II и 1—16.

916. Всероссійскіе Патріархи съ изображеніями ихъ: Никонъ; соч. А. Н. А., *Смѣсь* 17—55.

917. Письмо Ростовскаго митрополита Іоны, къ тестю царя Алексѣя Михайловича, Ильѣ Даниловичу Милославскому, сообщ. В. Борисовымъ, *Смѣсь*, 56.

918. О сохранности утварей царскаго чина, или регалій, во время бытности Польскихъ и Литовскихъ войскъ въ Москвѣ въ 1610—1612 годахъ; соч. А. Вельтмана, *Смѣсь*, 57—66.

919. Письма къ гетману Мазепѣ объ его сестрѣ, госпожѣ Войнаровской; сооб. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 67—70.

920. Память Сыскнаго Приказа въ Оружейный приказъ объ отпискѣ на Государя въ Бронной слободѣ двора, принадлежавшаго раскольнику и церковному противнику, Оськѣ Сабелнику, 1681 года, іюля 30; сооб. И. Забѣлинымъ, *Смѣсь*, 71—72.

921. Акты, относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ; сообщ. Д. П. Голохвастовъ, *Смѣсь*, 73—140.

922. Пять писемъ стольника Аѳ. Ив. Матюшкина къ царю Алексѣю Милайловичу (1650 г.); сообщ. И Забѣлинымъ, *Смѣсь*, 141—143.

923. Пенная память за убійство 1665 г.; сооб. В. Борисовымъ, *Смѣсь*, 144.

924. Прошеніе къ государю Петру I-му объ осмотрѣ неизвѣстнаго мертваго тѣла 1702 г.; сообщ. В. Борисовымъ, *Смѣсь*, 144.

925. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника: буква *Л*. М. Макарова, *Смѣсь*, 145—159.

926. Письмо гетмана Мазепы къ государямъ царямъ, Ивану и Петру Алексѣевичамъ 1696 г.; сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 160.

927. Указъ государя Петра I-го гетману Мазепѣ 1705 года; сообщ. И. Д. Бѣляевымъ, *Смѣсь*, 160.

928. Объясненіе о редакціи трудовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; О. Бодянскаго, *Смѣсь*, 161—166.

929. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, ноября 29-го дня, *Смѣсь*, I—II.

1848 г., № 6.

930. Святый Великомученикъ Димитрій Солунскій и Солунскіе Славяне; соч. Филарета, Епископа Рижскаго. *Изсл*. 1—43.

931. Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года, съ дополненіемъ о Запорожскихъ Козакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, (1789), съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч*. 1—56.

932. Историческое свѣдѣніе объ Александрѣ Ивановичѣ Ригельманѣ; соч. О. Бодянскаго, *Мат. Отеч*. I—VI.

933. Указатель къ „Лѣтописному повѣствованію о малой Россіи, сочиненному Александромъ Ригельманомъ“ и Ог-

лавленіе къ оному, состав. А. Клевановымъ; *Мат. Отеч.* 1—50.

934. Дневникъ 1609 года, Самуила Бѣльскаго; переводъ съ польскаго Сер гѣя Иванова, съ польскимъ подлинникомъ„ „Diariusz roku 1609 Samuela Bielskiego,“ сообщ. кн. М. Оболенскимъ, *Мат. Иностр.*, I—II 1—10, и 1—24.

935. Опись книгамъ, въ Степенныхъ монастыряхъ находившимся, составленная въ XVII вѣкѣ; съ предисловіемъ В. М. Ундольскаго, *Смѣсь*, I—IV и 1—44.

936. Написаніе вдоваго попа, Георгія Скрипицы, изъ Ростова града, о вдовствующихъ попѣхъ; съ предисловіемъ О. Бодянскаго,. *Смѣсь*, I—VIII и 45—54.

937. Чинъ Православнаго Львовскаго Братства, преподанный Берестейскому Братству, 1668 г; сообщ. Орестомъ Малафѣевымъ, *Смѣсь*, 55—61.

938. Репротестъ дворянъ Православнаго исповѣданія на Минскаго воеводу, Тышкевича, 1619 г.; сообщ. Ор. Малафѣевымъ, *Смѣсь*, 62—63.

939. Универсалъ Кіевскаго Митрополита, Петра Могилы, Минскому Православному Братству, о притѣсненіяхъ отъ католиковъ и уніатовъ, и проч. 1640; сообщ. Ор. Малафѣевымъ, *Смѣсь* 64—66.

940. Высочайшій Указъ объ еретическихъ сборищахъ, въ Москвѣ и проч. мѣстахъ, 1734 г; сообщ. И. М. Снегиревымъ, *Смѣсь*. 67—74.

941. Всеросійскіе Патріархи съ изображеніями ихъ: Іосафъ 2-й, Питиримъ соч. А. Н. А. *Смѣсь*, 75—87.

942. Дѣвичь-Гора, народное преданіе; сообщ. П. Меньковымъ, *Смѣсь* 88.

943. Протоколъ засѣданія Общества 1847 года, декабря 27-го дня, *Смѣсь* I—II.

1848 г. № 7-й.

944. Отношеніе Приднѣпровскихъ городовъ къ Варяжскимъ Князьямъ, пришедшимъ изъ Новгорода, до взятія Кіева въ 1171 году войсками Боголюбскаго; соч. И. Д. Бѣляева, *Изсл.* 1—32.

945. Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ Сборникѣ И. Н. Царскаго; съ предисловіемъ О. Бодянскаго (со снимкомъ); *Мат. Отеч.* I—XXV и 1—60.

946. Начало Уніи, соч. Д. Зубрицкаго; переводъ съ польскаго Ап. Майкова, *Мат. Иностр.* 1—36.

947. Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи. Соч. П. І. Шафарика; переводъ съ Чешскаго О. Бодянскаго, *Мат. Иностр.* 37—59.

948. Объ исторіи Чехіи, Франца Палацкаго, соч. Вас. Елагина; *Смѣсь*, 1—44.

949. Іерархія Вятская и Астраханская, соч. преосвященнаго Платона Любарскаго, съ предисловіемъ П. Казанскаго, *Смѣсь*, I—VIII и 45—84.

950. Сыскное дѣло о ссорѣ межевыхъ судей, стольника кн. Василья Большаго Ромодановскаго и дворянина Ларіона Сумина. 1635—1639 г; съ предисловіемъ И. Забѣлина, *Смѣсь*, I—IV и 85—122.

951. Всероссійскіе Патріархи съ изображеньями ихъ: Іоакимъ; соч. А. Н. А., *Смѣсь* 123—136.

952. Археологическое изслѣдованіе о статуѣ Таврической Венеры, и акты, относящіеся къ ея пріобрѣтенію; соч. Ю. Ф., *Смѣсь* 137—146.

953. Этнографическій взглядъ на Кіевскую губернію; П. Менькова, *Смѣсь* 147—156.

954. Протоколъ засѣданія Общества 1848 года, генваря 31-го, *Смѣсь* I—III.

1848 г. № 8-й.

955. Исправленіе церковно Богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ; соч. П. Казанскаго, *Изсл.* 1—26.

956. Лѣтопись Густынскаго монастыря, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч.*, I—VI и 1—76.

957. Указатель къ „Краткому описанію о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ, соч. П. Симоновскаго„, составл. А. Клевановымъ, *Мат. Отеч.* 1—17.

958. Историческое разсужденіе о Славянахъ, происхожденіи и древнѣйшихъ жилищахъ ихъ. Соч. Петра Фрид-

риха Сума, перев. съ датскаго протоіерея Стефана Сабинина, *Мат. Иностр.* 1—11.

959. Историческое разсужденіе объ Уцахъ или Половцахъ, соч. Петра Фридриха Сума, переводъ съ датскаго протоіерея Стефана Сабинина, *Мат. Иностр.*, 15—49.

960. Описаніе о малой Россіи и Украйнѣ, соч. Станислава Зарульскаго, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Смѣсь*, I и 1—28.

961. Письмо князя Александра Меньшикова къ кн. Григорью Волконскому, сообщ. П. Казанскимъ (1706), *Смѣсь*, 29.

962. Всероссійскіе Патріархи съ изображеніями ихъ: Адріанъ, лжепатріархъ Игнатій, соч. А. Н. А., *Смѣсь*, 30—41.

963. Письма императора Петра I-го къ малороссійскому гетману Ивану Скоропадскому (1709 — 1720); сообщ. М. Судіенко. *Смѣсь*, 42—44.

964. О происхожденіи Маршаловъ, и производствѣ слова; соч. Ю. И. Венелина, *Смѣсь*, 45—52.

Малороссійская переписка, хранящаяся въ архивѣ Московской Оружейной Палаты; сообщ. И. Забѣлинымъ; именно:

965. а) Письмо къ патріарху Никону отъ гетмана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, 9 августа 1653 года, *Смѣсь*, 53—54.

966. б) Письмо къ патріарху Никону отъ гетмана Хмельницкаго и всего войска Запорожскаго, 12 августа 1653 года, *Смѣсь*, 54.

967. в) Письмо къ патріарху Никону отъ Ивана Выговскаго, писаря войска Запорожскаго, 12 августа 1653 года, *Смѣсь*, 54—55.

968. г) Переводы з грамотъ, что привезъ Артамонъ Матвѣевъ. (Переводъ съ грамоты Турскаго Магаметъ Салтана, что писалъ Запорожскихъ Черкасъ къ гетману, къ Богдану Хмельницкому) (1653 г. въ мартѣ мѣсяцѣ). *Смѣсь*, 55—56.

969. д) Переводъ з грамоты Турскаго письма, что писалъ везирь, Аземъ Магаметъ паша къ гетману, къ Богдану Хмельницкому, *Смѣсь*, 56—57.

970. е) Переводъ з грамоты турскаго письма, что послалъ Румелской Сіяушъ паша къ гетману, *Смѣсь*, 57.

971. ж) Переводъ съ польскаго листа, каковъ прислалъ Ханъ Крымской къ Богдану Хмельницкому, къ гетману войска Запорожскаго, *Смѣсь*, 58.

972. з) Переводъ съ латинскаго письма, что писалъ Венгерскій Рокоца къ писарю, къ Ивану Выговскому (1654 г. марта 30 дня), *Смѣсь*, 58—59.

973. и) Переводъ съ латинскаго письма, что писалъ Венгерскій Ракоцый къ гетману, къ Богдану Хмельницкому (1654 г. марта 30 дня). *Смѣсь*, 59—60.

974. і) Списокъ съ листа, съ бѣлорусскаго письма, что писалъ къ великому государю, святѣйшему Никону, патріарху Московскому и всея великія и малыя Россіи, царскаго величества войска Запорожскаго писарь, Иванъ Выговскій, въ нынѣшнемъ въ 1655 году, сентября въ 1 день; *Смѣсь*, 60—62.

975. к) Списокъ съ листа Ивана Выговскаго, писаря всего войска Запорожскаго, что писалъ къ боярину и дворецкому, къ Василью Васильевичу Бутур лину (1654 г., 21 іюня). *Смѣсь*, 62.

976. л) Переводъ съ польскаго листа, каковъ писалъ ксенжа Янушъ Родивилъ къ Богдану Хмельницкому, гетману войска Запорожскаго (1653 г., мая 15 дня). *Смѣсь*, 62—63.

977. м) Переводъ съ польскаго письма съ универсалу (1654 года, февраля 28 дня). *Смѣсь*, 63.

978. н) Переводъ съ польскаго письма съ универсалу (1654 г., 26 марта) *Смѣсь*, 63—64.

979. о) Переводъ съ польскаго письма, что писалъ къ королю польскому Янушъ Родивилъ, гетманъ Литовскій (1654 г , августа 12 дня), *Смѣсь*, 64—66.

980. п) Прошенія казаковъ, *Смѣсь*, 66—67.

981. р) Челобитная патріарху Никону отъ присланныхъ гетманомъ Хмельницкимъ, Кондрата Бурлая и Силуяна Мужиловскаго; *Смѣсь*, 67—68.

982. с) Листъ Кіевскихъ мѣщанъ къ патріарху Никону (1654 г., мая 7 дня); *Смѣсь*, 68—69.

983. т) Вѣсти которые тутъ обрѣтаютца; *Смѣсь*, 69.

984. у) Листъ къ патріарху Никону гетмана Ивана Остафьевича Выговскаго (1658 г., 30 марта). *Смѣсь*, 70.

985. ф) Листъ полковника Станислава Десиницкаго (24 апрѣля б. г.). *Смѣсь*, 70.

986. Протоколъ засѣданія Общества 1848 года, февраля 28 го дня, *Смѣсь*, I—II.

1848 г., № 9-й.

987. О феодализмѣ на Руси; соч. А. Клеванова, *Изсл.*, 1—28.

988. Исторія Россійская, соч. Василья Никитича Татищева. Книга *Пятая*, или, по сочинителю, *Древней Лѣтописи Русской часть четвертая*, открытая и сообщенная М. П. Погодинымъ. *Мат. Отеч.* 219—533.

989. Біографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная въ 1786 г.; сообщ. Дм. П. Голохвастовъ, *Мат. Отеч.*, 534—552.

990. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій; соч. Фр. Аделунга, пер. съ нѣмецкаго Ал. Клеванова, *Мат. Иностр.*, I—VIII и 1—48.

991. Православіе у Чеховъ; соч. Евгенія Новикова (съ изображеніемъ памятника Святымъ Апостоламъ Славянъ, Кириллу и Меѳодію, въ Прагѣ), *Смѣсь*, 1—96.

992. Каталогъ Славяно-Русскихъ книгъ церковной печати, библіотеки А. И. Кастерина, составленный В. М. Ундольскимъ, *Смѣсь*, I—VIII, 97—141 и I—V.

993. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. Кирѣевскимъ. Часть 1-я: Русскіе народные стихи; *Смѣсь*, I—VIII и 145—226.

994. Замѣчательные случаи по мѣстничеству въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, извлеченные изъ рукописной книги Д. П. Голохвастовымъ, *Смѣсь*, I—IV и 227—266.

995. Опытъ Русскаго простонароднаго словотолковника: буква *М и Н*; М. Макарова, *Смѣсь*, 267—295.

996. Рѣчь царя и в. кн. Ивана Васильевича Грознаго къ польскимъ и литовскимъ Панамъ-Радамъ сообщ. графомъ Дм. Толстымъ, *Смѣсь*, 296—302.

997. Письмо окольничаго, Богдана Матвѣевича Хитрова, къ патріарху Никону (1654 г.); сообщ. И. Забѣлинымъ, *Смѣсь*, 303—304.

998. О старинной службѣ Русскихъ дворянъ; (1708) сооб. Н. Иванчина-Писарева, *Смѣсь*, 305—306.

999. О первыхъ гетманахъ Малороссійскихъ; соч. Н. Маркевича, *Смѣсь*, 307—310.

1000. Протоколъ засѣданія Общества 1848 года, марта 27-го дня, *Смѣсь*, I—IV.

1001. Краткій отчетъ императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1847-й годъ, *Смѣсь*, V—X.

Годъ 4-й, 1848 т., въ 1-й книгѣ.

1002. О значеніи Русской лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа; соч. А. Клеванова, *Изсл.*, 1—66.

1003. Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Отеч.*, I и 1—55.

1004. Граматично исказане объ Рускомъ езику; соч. попа Юрка Крижанитя, презванем Серблянина, писано въ Сибири лита 7174 г. (1666 г.); съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Славян.*; I—XX, I—VI и 1—120.

1005. Литературныя извѣстія о древнѣйшихъ путешестіяхъ иностранцевъ по Россіи до 1700 г. соч. Фр. Аделунга, пер. съ нѣмецкаго А. Клеванова, *Мат. Иностр.* 53—104.

1006. Грамоты, дипломы и письма къ автобіографіи А. В. Суворова, представленной имъ самимъ въ Московскую дворянскую опеку 1786 года; съ преди-

словіемъ О. Бодянскаго, *Смѣсь*, I—II и 1—30.

1007. Воспоминаніе о Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, соч. Н. Сушкова, *Смѣсь*, I—VI и 31—104.

1008. Письма къ гетману Ивану Ильичу Скоропадскому отъ царевенъ Екатерины и Елисаветы Петровенъ и царицы Екатерины Алексѣевны (1717 — 1733 г.); сообщ. М. Судіенко, *Смѣсь*, 105—108.

1009. Акты, вновь открытые и поясняющіе исторію Малороссіи; сообщ. Н. Маркевичемъ, *Смѣсь*, 109—117.

1010. Акты о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ; сообщ. С. Сафоновымъ. *Смѣсь*, 118—122.

1011. Протоколъ засѣданія Общества 1848 года, апрѣля 24-го дня, *Смѣсь*, I—II.

Годъ 5-й, 1858 г., въ 4 книгахъ.
1858 г., кн. I-я.

1012. Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія, Филарета архіеписк. Харьковскаго, *Изсл.*, 1—32.

1013. Источники Малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изданные О. Бодянскимъ. Часть 1-я, 1649—1687 года, *Мат. Отеч.*, I—IV и 1—339.

1014. Исторія Славянскихъ законодательствъ, соч. Вячеслава Александра Мацѣевскаго. Изданіе второе. Тома 1-го отдѣлъ 1-й. Взглядъ на сочиненіе; II-й: Страна и люди. Переводъ съ польскаго, *Мат. Славянск.*, I—IV и 1—90.

1015. Славянскія поселенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Письма тамошняго учителя, Іована де Рубертисъ, переводъ съ итальянскаго, *Мат. Иностр.*, 1—29.

1016. Діаріушъ или журналъ, т. е. Повседневная записка случающихся при дворѣ ясневельможнаго, его милости, пана Іоанна Скоропадскаго, войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, оккazій и церемоній, тако жъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ, наченшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представленіи и погребеніи помянутого жъ гетмана въ мѣсяцѣ іюлѣ, генеральнаго хорунжаго Николая Даниловича Ханенка. Съ историческомъ свѣдѣніемъ о сочинителѣ. О. Бодянскаго, *Смѣсь*, I—XXI и 9—74.

1017. Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ Лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго, войскъ Запорожскихъ гетмана, свободившая и дарованными ему надъ Ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную память репрезентованная въ школахъ Кіевскихъ 1728 лѣта. Сообщ. М. Максимовичемъ, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Смѣсь*, 75—100.

1018. Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому императрицы Екатерины второй. *Смѣсь*, 101—104.

1019. Письма его императорскаго величества государя императора Павла Петровича, къ генералъ-лейтенанту и Екатеринославскому военному губернатору Н. М. Бердневу. (1796 — 1797). *Смѣсь*, 105—132.

1020. Письмо генерала отъ кавалеріи графа Буксгевдена къ военному министру, графу Аракчееву, отъ 13-го сентября 1809 года, *Смѣсь*, 133—137.

1021. Письмо Николая Ивановича Озерецковскаго къ брату, іюля 31-го дня 1813 года; сообщ. И. М. Снегиревымъ, *Смѣсь*, 138.

1022. Протоколы засѣданій императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1857 года, *Смѣсь*, 139—148.

1858 г., кн. 2-я.

1023. Лѣтопись и описаніе города Кіева, соч. Н. Закревскій, съ указателемъ къ описанію Кіева и 4-мя литографированными рисунками; *Изсл.*, I—VI, 1—256 и 1—14.

1024. Допросы Пугачеву, *Мат. Отеч.*, 1—52.

1025. Письмо императрицы Екате-

рины II-й къ графу П. И. Панину, главноначальствующему надъ войсками противу самозванца Пугачова, въ отвѣтъ на доношенія его послѣ поимки послѣдняго. (1774 г., 20-го ноября), *Мат. Отеч.*, 53—58.

1026. Роспись Кіеву 1682 года, *Мат. Отеч.*, 59—68.

1027. Розыскъ о богохульныхъ строкахъ и о сумнѣніи святыхъ честныхъ иконъ, діака Ивана Михайлова сына Висковатаго; (1554 г.) съ предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Славян.*, I—VIII и 1—42.

1028. Дипломатическое донесеніе Сигизмунду III, королю польскому, о дѣлахъ Московскихъ, Львомъ Сапѣгою. (1598 г.) переводъ съ латинскаго, *Мат. Иностр.* I—II и 1—24.

1029. Описаніе Новгородскаго общежительнаго первокласнаго Юрьева монастыря, съ литографированнымъ видомъ онаго. Соч. архимандрита Макарія *Смѣсь*, 1—113.

1030. Правая грамота царя Алексѣя Михайловича Троицкому Сергіеву монастырю на владѣніе деревнею Ильинкою (1675 г.). Сообщ. С. Смирновымъ, *Смѣсь*, 115—134.

1031. Записка объ Артеміи Волынскомъ, *Смѣсь*, 135—170.

1032. Государыня императрица Екатерина II въ Сенатѣ по дѣлу Иркуцкаго слѣдователя Крылова (1762), *Смѣсь*, 171.

1033. О взяткахъ судей, *Смѣсь*, 172—174.

1034. Объ указныхъ процентахъ, *Смѣсь*, 175—177.

1035. Приказъ второй арміи графа Витгенштейна (1822 г.). *Смѣсь*, 178—179.

1036. Мнѣніе вице-адмирала Шишкова о представленномъ въ комитетъ господъ министровъ проектѣ и уставѣ, при коемъ испрашивается утвержденіе общества подъ названіемъ: Соревнователей просвѣщенія и благотворенія, *Смѣсь*, 180—182.

1037. Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи въ 1803 году, М.В. Храповицкаго, *Смѣсь*, 183—184.

1038. Письмо къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому о сочиненіяхъ Карамзина, *Смѣсь*, 185—186 (П. И. Гол. Кутузова).

1039. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1857 года декабря 28 дня. *Смѣсь*, 187—188.

1858 г., кн. 3-я.

1040. Очерки жизни Константинопольскаго Патріарха Фотія; соч. А. П. Зернина, *Изсл*, 1—V и 7—94.

1041. О редакціяхъ Патерика Печерскаго вообще, въ отвѣтъ на статью: „Обзоръ редакцій Кіево-печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ, соч. А. М. Кубарева", *Изсл.* 95—128.

1042. О пребываніи патріарха Никона въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ и Кириловѣ Бѣлозерскихъ монастыряхъ, и пр., соч. архим. Варлаама. *Изсл*, 129—168.

1043. Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта 1726—1730 г. *Мат. Отеч, вян*, 1—124.

1044. Житіе Ѳеодосія, игумена печерскаго, списаніе Нестора, по харатейному списку XII го вѣка Московскаго Успенскаго Собора, съ разнословіями по многимъ другимъ, 3 мя снимками и предисловіемъ О. Бодянскаго, *Мат. Славян*, 1—VI и 1—31.

1045. Объ областяхъ Римской имперіи, соч. Константина Багрянороднаго, переводъ съ Греческаго, *Мат. Иностр.* 1—II и 1—32.

1046. Донесеніе Ея Императорскому величеству, Государынѣ Императрицѣ, Аннѣ Іоанновнѣ, о Московскомъ большомъ пожарѣ, Мая 29 го 1737 года. Сообщ. П. И. Ивановымъ, *Смѣсь*, 1—50

1047. Наставленіе выборному отъ Малороссійской коллегіи въ коммисію о сочиненіи проекта новаго уложенія г. коллежскому совѣтнику и члену той коллегіи Дм. Наталину; *Смѣсь*, 51—70

1048. Возраженіе депутата Григорья Политики на наставленіе Малоросійской коллегіи господину жъ депутату Дм. Наталину. Сообщ. Гр. А. Милорадовичемъ, *Смѣсь*, 71—102

1049. Грамота Императора Петра 1-го къ Антонію архіепископу Черниговскому (1716 г.) *Смѣсь*, 103—104.

1050. Письмо графа Браницкаго къ генералу Ломоносову (1805 года 8-го ноября) *Смѣсь*, 105—106.

1051. Письма М. Л. Кутузова, писанное послѣ Аустерлицкой кампаніи къ генералу М. А. Милорадовичу (1806 г. іюня 26-го, *Смѣсь*, 106—111.

1052. Письмо князя Петра Багратіона къ князю Я. И. Лобанову-Ростовскому (1812 г. іюля 15), *Смѣсь*, 112.

1053. Въ Правительствующій Сенатъ Императорскаго Московскаго Университета отъ куратора Шувалова доношеніе, *Смѣсь*. 113—121 (1760).

1054. Мнѣніе сенатора Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности Сената, *Смѣсь*, 122—127.

1055. Примѣчаніе на проектъ доклада гг. сенаторовъ, *Смѣсь*, 128—132.

1056. Объ отвѣтственности судей. Мнѣніе т. с. графа Потоцкаго, *Смѣсь*, 133—136.

1057. Записка для составленія законовъ Россійскихъ, *Смѣсь*, 137—141.

1058. Примѣрный уставъ новаго предполагаемаго общества переводчиковъ, соч. А. Кайсарова, *Смѣсь*, 142—147.

1059. Письмо Государя Императора Александра 1-го къ министру юстиціи Д. П. Трощинскому. *Смѣсь*, 148.

1858 г., кн. 4-я.

1060. Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Евгенія Новикова (отдѣлъ II-й. Отношенія Гуса и Лютера къ соплеменникамъ). *Изсл.* 1—244.

1061. Изображеніе военныхъ дѣйствій первой арміи въ 1812 году, главнокомандующаго и военнаго министра, Барклая де-Толли, *Мат. Отеч*, 1—32.

1062. Описаніе достопамятныхъ происшествій въ Московскихъ монастыряхъ во время нашествія непріятеля въ 1812 году, *Мат. Отеч*, 33—50.

1063. Отчетъ графа Воронцова Государю Императору, по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи; сообщ. Н. В. Сушковымъ, *Мат. Отеч*, 51—76.

1064. Описаніе семи рукописей Императорской С. Петербургской Публичной Библіотеки, П. А. Лавровскаго, *Мат. Славянск.* 1—90.

1065. Лѣтопись Ѳеофана. Переводъ съ Греческаго В. И. Оболенскаго, *Мат. Иностр.* I—II и 1—80.

1066. О казакахъ, соч. Н. А. Маркевича, *Смѣсь*, 1—42.

1067. Начертаніе къ двойственному умноженію пользъ, съ расширеніемъ предѣловъ отъ стороны Китая. Труды, бывшаго въ Сибири генералъ-губернаторомъ, Якобія, *Смѣсь*, 43—100.

1068. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря, изъ имѣющихся въ Сенатскомъ секретномъ архивѣ свѣденій, *Смѣсь*. 101—108.

1069. Мнѣніе адмирала Мордвинова о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно Кавказскихъ жителей (1816 г.) *Смѣсь*, 109—112.

1070. Письмо адмирала Мордвинова къ графу Аракчееву, по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ (1816 г.) *Смѣсь*, 113—114.

1071. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы (1809 г.) *Смѣсь*, 115—122.

1072. Выписка изъ проекта д. с. с. Аверина о винномъ откупѣ, *Смѣсь*, 123—132.

1073. Мнѣніе вице-адмирала Шишкова о мельницѣ, понадобившейся въ казну и за которую владѣлецъ проситъ дорого (1821 мая 10) *Смѣсь*, 133—136.

1074. Мнѣніе адмирала Мордвинова по случаю препорученія коммисіи сочиненія законовъ изложить правила для отобранія частной собственности въ пользу общественной (1821 г.) *Смѣсь*, 137—138.

1075. Письмо къ Государю до богохульныхъ книгахъ. Степана Смирнова (1816, 17 августа), *Смѣсь*, 139—142.

1076. Завѣщаніе Императрицы Екатерины второй по дѣлу Артемія Волын-

скаго 1765 года; сообщ. М. Н. Лонгиновъ, *Смѣсь*, 143—144.

1077. О древней епархіи Переяславской; соч. М. А. Максимовича, *Смѣсь*, 145—150.

1078. Протоколы засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1858 года марта 15-го и октября 11-го, *Смѣсь*, 151—158.

1079. Объясненія на нѣкоторыя замѣчанія статей: „Источники Малороссійской Исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ"; „Дипломатическія донесенія Сигизмунду III, о дѣлахъ Московскихъ, Сапеги"; и „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта; О. Бодянскаго, *Смѣсь*, 159—163.

Годъ 6-й 1859, въ 4-хъ книгахъ. 1859 г. кн. 1-я.

1080. Гусъ и Лютеръ (отдѣлъ III. Отношенія Гуса къ народу и его ученіе) Критическое изслѣдованіе Е. П. Новикова, *Изсл*. 245—362.

1081. Источники Малороссійской Исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изданные О. М. Бодянскимъ. Часть II, 1691—1722. *Мат. Отеч*. 1—340.

1082. Очерки Польской компаніи въ 1831 году; соч. гр. Ив. Ѳед. Паскевича-Эриванскаго, *Мат. Отеч*. 1—8.

1083. Чтеніе о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ святую и блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба; твореніе преподобнаго Нестора, по харатейному списку Московской Синодальной Библіотеки, съ разнословіями по нѣкоторымъ другимъ, и съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго, *Мат. Славян*. 1—19, 1—24 и 1—XXVIII.

1084. Московскіе Глагольскіе отрывки, со снимкомъ; соч. О. М. Бодянскаго *Мат. Славян*. 1—8.

1085. Бѣдствія временъ. Въ память бѣдствій, постигшихъ Евреевъ въ 1648—1649 г. въ Украйнѣ, Подоліи, Литвѣ и Бѣлоруссіи отъ соединенныхъ бунтовщиковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго; составлено Егошіею, сыномъ Львовскаго Равинна, праведника Давида изъ Замостья, напечатано въ Венеціи въ 1656 г., и переведено М. Берлинымъ. *Мат. Иностр*. I—IV и 1—16.

1086. Мнѣніе, представленное адмираломъ Мордвиновымъ, при случаѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ росписи о доходахъ и расходахъ на 1821 годъ, *Смѣсь*, 1—8.

1087. Мнѣніе адмирала Мордвинова, по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи, и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ (1821 г. 31-го генваря) *Смѣсь*, 9—17.

1088. Далматовскій монастырь въ 1773 и 1774 гг., или въ Пугачевскій бунтъ; соч. протоіерея Григорія Плотникова, *Смѣсь*, 18—48.

1089. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта; сообщ. священникомъ Александромъ Сулоцкимъ, *Смѣсь*, 49—56.

1090. Нѣсколько словъ по поводу Сборника снимковъ съ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, составленнаго П. И. Ивановымъ; соч. С. Гаврилова, *Смѣсь*, 57—68.

1091. Въ Правительствующій Сенатъ Ея Императорскаго Величества, отъ генералъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, шляхетнаго кадетскаго корпуса главнаго директора, имп. Московскаго Университета куратора Шувалова, доношеніе въ отвѣтъ противъ обвиненій Ададурова (1762). Сообщ. П. И. Ивановъ, *Смѣсь*, 69—76.

1092. Записка генерала Невѣровскаго о службѣ своей въ 1812 году; сообщ. М. А. Максимовичъ, *Смѣсь*, 77—82.

1093. Краткая записка о моемъ предпріятіи составить Кавказко-горское ополченіе въ 1812 году; соч. Романа Медокса, *Смѣсь*, 83—88.

1094. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова, Императору Александру I-му представленныя; сообщ. А. И. Казначеевъ; *Смѣсь*, 89—102.

1095. Объясненіе. Смѣшалъ ли? („По

поводу мнѣнія о мѣстѣ погребенія расколоучителя діакона Ѳедора"); О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 103—104.

1096. Протоколы засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1858, Ноября 22-го и декабря 30-го дня, *Смѣсь*, 105—123.

1859 г., кн. 2-я.

1097. Гусъ и Лютеръ (отдѣлъ IVй. Вліяніе Гуса и Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія на Лютера и вообще на Нѣмцевъ). Критическое изслѣдованіе Е. П. Новикова, *Изсл*, 363—468.

1098. Царскія грамоты на Корочу воеводамъ и челобитныя Корочанъ царямъ, черезъ Короченскаго воеводу Ив. Милославскаго, съ общимъ обозрѣніемъ и описью ихъ, составленными г. директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи П. И. Ивановымъ; сообщ. Ѳ. Зайцевъ; *Мат. Отеч.* I—II, 1—54 и 1—254.

1099. Открытія въ древней столицѣ Болгарской Терновѣ, со снимкомъ. Письмо къ О. М. Бодянскому, Х. С. Даскалова, *Мат. Славянск.* 1—30.

1100. Лѣтопись Ѳеофана. Переводъ съ Греческаго, профессора В. И. Оболенскаго; *Мат. Иностр.* 81—154.

1101. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу о продажѣ людей безъ земли (1820 г.), *Смѣсь*, 1—5.

1102. Мнѣніе адмирала Мордвинова, объ оскорбленіи Величества (1820 г.), *Смѣсь*. 6—7.

1103. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу отставнаго поручика Рыбусова, (1820 г.), *Смѣсь*, 8.

1104. О разореніи Переяславскаго Данилова монастыря и вотчинъ его Поляками и Литовцами (1615 г.) соч. А. Свирѣлина, *Смѣсь*, 9—13.

1105. О содержаніи Данилова монастыря въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; А. Свирѣлина, *Смѣсь*, 14—22.

1106. Семинарія въ Переяславскомъ Даниловомъ монастырѣ, А. Свирѣлина, *Смѣсь*, 23—32.

1107. Князь Иванъ Петровичъ Борятинскій; А. Свирѣлина, *Смѣсь*, 33—38.

1108. Акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ въ XVII вѣкѣ; сообщ. Вл. Борисовъ, *Смѣсь* 39—54.

1109. О исправленіи ветхостей въ храмѣ Василія Блаженнаго въ Москвѣ въ 1688 году; сообщ. П. И. Ивановъ, *Смѣсь*, 55—64.

1110. Краткое описаніе произшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году; соч. А. Д. Бестужева Рюмина, сообщ. В. Чарыковъ, *Смѣсь*, 65—89.

1111. Свѣдѣніе о сочинителѣ «Краткаго Описанія произшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 году», составл. Н. С. Налетовымъ и сообщ. П. И. Ивановымъ. *Смѣсь*, 90—92.

1112. Разсказъ Москвича о Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ, въ первыя три недѣли сентября 1812 года; сообщ. Князь М. А. Оболенскій, *Смѣсь*, 93—114.

1113. Замѣчанія члена коммисіи духовныхъ училищъ, преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа Рязанскаго, на конспектъ философскихъ наукъ, представленный Феслеромъ, *Смѣсь*, 115—123.

1114. О Кантовой философіи, Ѳеофилакта, архіеп. Рязанскаго, *Смѣсь* 124.

1115. Мнѣніе сенатора Новосильцова, поданное въ совѣтъ коммисіи составленія законовъ, 23-го сентября 1809 года, о наслѣдованіи имуществомъ въ Россіи, *Смѣсь*, 125—133.

1116. Мысли о успѣхѣ и точности въ судопроизводствѣ и о умѣреніи наказаній за вины и преступленія, *Смѣсь*, 134—152.

1117. Жалоба секретаря Академіи Наукъ Волчкова на дѣйствія оной противъ него, Правительствующему Сенату; (1761 г.) сообщ. П. И. Ивановъ, *Смѣсь*, 153—162.

1118. О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ, во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 году. Донесеніе Члена Вотчиннаго Департамента. А. Д. Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи И. И. Дмитріеву. Сообщ. Кн. М. А. Оболенскій, *Смѣсь*, 163—184.

1119. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ марта 7-го дня, 1859 года, *Смѣсь*; 185—200.

1859 г., кн. 3-я.

1120. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ, составленное архимандр. Варлаамомъ, *Изсл.* 1—104.

1121. Святыня, древности и достопримѣчательности города Рязани. Соч. I. Ф. Диттеля, *Изсл.* 105—140

1122. Кто написалъ „Замѣчанія на записки Манштейна о Россіи?“ П. Щебальскаго. *Изсл.* 141—146.

1123. Голосъ въ защиту преданія о св. Василіѣ I, епископѣ Рязанскомъ. Старожила, *Изсл.* 147—160.

1124. Выговская Раскольническая пустынь въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, соч. И. А. Чистовича. *Изсл.* 161—178.

1125. Дополнительныя свѣдѣнія къ исторіи Мстиславова Евангелія; сообщ. Г. Филимоновъ, *Изсл.* 179—186.

1126. Статистика въ расужденіи Россіи, соч. Кн. М. М. Щербатова, съ предисловіемъ М. Заблоцкого; сообщ. М. П. Щепкинъ. *Мат. Отеч.* 1—96.

1127. Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской Секретной Коммисіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ и предпріятіи бѣглаго донскаго козака Емельяна Иванова сына Пугачева, въ наименованіи себя именемъ покойнаго Императора Петра III-го, о обстоятельствахъ на Яикѣ тогда бывшихъ, споспѣшествующихъ ему къ произведенію сего злаго намѣренія въ дѣйство, при вспомоществованіи бунтующихъ Яицкихъ казаковъ, безъ всякаго сообразованія къ нему прилѣпившихся; сообщ. М. П. Полуденскій; *Мат. Отеч.* 97—120.

1128. Разсужденіе инока Князя Вассіяна о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго, *Мат. Славянск.* 1—VIII и 1—16.

1129. Справа Братства церковнаго Виленскаго передъ судомъ трибунальнымъ Виленскимъ съ іеродіакономъ Антоніемъ Грековичемъ, передавшимся въ Унію и осужденнымъ на смерть 1605 года, сообщ. Я. Ѳ. Головацкимъ *Мат. Славян.* 1—22.

1130. Выпись зъ книгъ справъ Судовъ Головныхъ Трибунальныхъ, отправованныхъ у Вильни 1590-го, мѣсяца іюня 26-го дня, съ привиліемъ Жигимита III-го, Короля Польскаго, Виленскому Церковному Братству закона Греческаго; сообщ. Я. Ѳ. Головацкимъ. *Мат. Славян.* 23—40.

1131. Распоряженія Константинопольскаго патріарха, Іереміи и Кіевскаго Митрополита Михаила, о освященіи въ день Воскресенія Христова въ церкви хлѣбовъ и мясъ, и праздновaніи полога Богородицы на завтріе Рождества Христова, также пятницы вмѣсто воскресенія,“ *Мат. Славян.* 40—44.

1132. Переписка между Греко-Уніятскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ и Римско-Католическимъ архіепископомъ Львовскимъ, Вячеславомъ Іеронимомъ Сѣраковскимъ, о Collaria, 1739 г.; сообщ. Я. Ѳ. Головацкимъ; *Мат. Славян.* 45—58.

1133. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, переводъ съ Нѣмецкаго А. Шемякина, съ приложеніями и примѣчаніями Нѣмецкаго переводчика, К. Ф. Фриша. Части 1-й, книга 1. Отдѣленіе I—IV. *Мат. Иностр.* 1—142.

1134. Мнѣніе министра юстиціи Д. П. Трощинскаго о проектѣ Уложенія; *Смѣсь*, 1—24.

1135. Мнѣніе адмирала Мордвинова о бракѣ Полуектовыхъ и о рожденныхъ отъ сего брака дѣтяхъ. *Смѣсь*, 25—28.

1136. Мнѣніе адмирала Мордвинова о мѣрахъ къ пресѣченію голода въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ; *Смѣсь*. 29—36.

1137. Возраженіе графа Растопчина на книгу, сочиненную графомъ Строй-

новскимъ, о условіяхъ съ крестьянами; *Смѣсь*, 37—42.

1138. Отвѣтъ сочинителю Рѣчи о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами, писанной въ Москвѣ апрѣля 4-го дня 1818 года и проч. отъ Россіянина; *Смѣсь*, 43—50.

1139. Мнѣніе адмирала Мордвинова. Одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости и съ оною возбужденія народной дѣятельности, начертанная въ 1818-мъ году, *Смѣсь*, 51—54.

1140. Мнѣніе адмирала Мордвинова по рабству крестьянъ (1833 г.); *Смѣсь*, 55 — 58

1141. Мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева по дѣламъ Сибирскимъ (1818 г. 24 го Октября); *Смѣсь*, 59—64

1142. Къ Иркутскому Лѣтописцу поясненія. Записка о Сибири (1825 г.); *Смѣсь*, стр. 65—80.

1143. Моровыя повѣтрія въ Костромской сторонѣ въ 1654 и 1771—1772 годахъ. соч. протоіерея М. Діева; *Смѣсь*, 81 —88.

1144. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при Царѣ и Вел. Кн. Іоаннѣ Васильевичѣ всеа Россіи; сообщ. Н. Суворовъ, *Смѣсь*, 89—100.

1145. Челобитная Вологодскаго архіеп. Маркелла, Царю Алексѣю Михаиловичу о мурѣ Св. Николая Чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ, 1660 г.; сообщ. Н. Суворовъ; *Смѣсь*, 101—104.

1146. Отписка Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря архимандрита Сергія въ Москву къ Вологодскому архіепископу Гавріилу, при посылкѣ денегъ на поминовеніе души преосвященнаго Филарета, бывшаго митрополита Нижегородскаго и Алаторскаго, 1694 г.; сообщ. Н. Суворовъ; *Смѣсь*, 105— 106.

1147. Письмо Юрія Ромодановскаго къ Вологодскому архіепископу Симону, съ просьбою о присылкѣ полтретья ста свиныхъ тушъ. Сообщ. Н. Суворовъ; *Смѣсь*, 107—108.

1148. Въ Правительствующій Сенатъ Академіи Наукъ отъ профессорскаго собранія доношеніе съ жалобой на совѣтника Шумахера, 1745 г. сообщ. П. И. Ивановъ. *Смѣсь*, 109—116.

1149. Донесенія о болѣзни и смерти генералъ — фельдмаршала, Малороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Румянцова Задунайскаго, 1796 г.. Сообщ. П. И. Ивановъ; *Смѣсь*. стр. 117—120.

1150. Русскія народныя былины и пѣсни; сообщ. П. Шейномъ; *Смѣсь*, 121—170.

1151. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ мая 2-го дня 1859 года; *Смѣсь*, 171—176.

1859 г., кн. 4-я.

1152. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи; соч. Владиміра Милютина, *Смѣсь*, 1—118.

1153. Матеріялы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—1720 годахъ; сообщилъ Н. А. Поповъ, Мат. отеч. 1—VI и 1—166.

1154. Граматично изказаніе объ Рускомъ езику, попа Юрка Крижанича, презваніемъ Серблянина, между Купою и Вуною риками, во уѣздѣхъ Бихща града, околъ Дубовца, Озля и Рибника; писано въ Сибири лѣта 7174 (1666) г., *Мат. Славян.* 121—256.

1155. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. М. Стрингольма; перев. съ нѣмецкаго А. Шемякина., *Мат. Иностр*, 143—298.

1156. Мнѣніе адмирала Мордвинова о новыхъ налогахъ *Смѣсь*, 1—18.

1157. Мнѣніе адмирала Мордвинова въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ, *Смѣсь*, 19—20

1158. Мнѣніе адмирала Мордвинова о неклейменіи лица у преступниковъ (1824 г. 12 декабря); *Смѣсь*, 21—22.

1159. Мнѣніе адмирала Мордвинова о кнутѣ, орудіи наказанія; *Смѣсь*, 23—25.

1160. Мнѣніе адмирала Мордвинова о смертной казни (1824 г. 23 Октября); *Смѣсь*, 26—28.

1161. Дополнительныя статьи къ мнѣнію адмирала Мордвинова о смертной

казни (1825 г. 13-го генваря); *Смѣсь*, 29—36.

1162. Мнѣніе сенатора Муравьева Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о цензурѣ; *Смѣсь*, 37—43.

1163. Мнѣніе сенатора Сумарокова по тому же дѣлу; *Смѣсь*, 43—48.

1164. Записка министра юстиціи Трощинскаго о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ комитетъ министровъ, а требуютъ личнаго доклада Государю Императору (1816 г.) *Смѣсь*, 49—54.

1165. Свѣдѣніе объ арестованіи въ 1739 г. генералъ-маіора Дюка де Фалари; сообщ. П. И. Бартеневъ; *Смѣсь*, 55—56.

1166. Мнѣніе адмирала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государственнымъ казначействомъ (1816 г.); *Смѣсь*, 57—92.

1167. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; *Смѣсь*, 93—96.

1168. Мнѣніе адмирала Мордвинова о неудобствахъ, могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе *Смѣсь*, 97—100.

1169. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа (1834 г. 12го Марта); *Смѣсь*, 101—104.

1170. О новыхъ финансовыхъ мѣрахъ въ Россіи; соч. Н. В. Сушкова; *Смѣсь*, 105—112.

1171. Объ излишней мягкости нашихъ слѣдственныхъ и уголовныхъ узаконеній; соч. Н. В. Сушкова; *Смѣсь*, 113—120.

1172. Протоколъ засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1859 года Іюня 13-го дня; *Смѣсь*, 121—128.

Годъ 7-й, 1860 г, въ 4-хъ книгахъ. 1860 г, № 1.

1173. О земельной собственности въ древней Сербіи; А. А. Майкова; *Изсл.* 1—30.

1174. Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя греческими императорами Василіемъ и Константиномъ В. К. Владиміру Кіевскому; А. Ѳ. Вельтмана, *Изсл.*, 31—44.

1175. Нѣсколько словъ объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ, съ 2-мя литографированными видами его. Графа М. В. Толстаго; *Изсл*, 45—50.

1176. Россія и Польша, связь ихъ и взаимныя отношенія; С. П. Шипова; *Изсл*, 51—60.

1177. Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго; соч. кн. М. М. Щербатова; *Мат. Отеч.* 1— III и 5—22.

1178. Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла Россія сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы, или: Состояніе Россіи до Петра Великаго; соч. кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 23—28.

1179. Размышленія о смертномъ часѣ; соч. кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 29—36.

1180. Разныя разсужденія о правленіи; соч. кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 37—48.

1181. Прошеніе Москвы о забвеніи ея; соч. кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 49—56.

1182. Размышленія о смертной казни; соч. кн. М. М. Щербатова. *Мат. Отеч.* 57—72.

1183. Отвѣтъ на вопросъ: „Что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней Турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію Швецкія войны, и о прочемъ, тому подобномъ?" соч. кн. М. М. Щербатова (1788) г. *Мат. Отеч.* 73—80.

1184. Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же нещастіе; Кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 81 — 112.

1185. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ Турецкой войны, соч. кн. М. М. Щербатова, *Мат. Отеч.* 113—134.

1186. Размышленіе о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и въ офицеры; соч. кн. М. М. Щербатова; *Мат. Отеч.* 135—140.

1187. Историческое замѣчаніе о смертной казни самозванца, Александра Семикова, выдававшаго себя за царевича, Алексѣя Петровича; С. Лашкевича, *Мат. Отеч.* 141—146.

1188. Военное предпріятіе противу Хивы въ 1839—1840 г. *Мат. Отеч.* 147—166. (В. И. Даля).

1189. Журналъ дружескаго свиданія Иркутскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Трескина, съ Китайскими пограничными правителями, Ваномъ и Амбанемъ, съ 19-го Февраля по 13 Марта 1810 года; сообщ. А. Н. Афанасьевъ; *Мат. Отеч.* 1—II и 167—250.

1190. Житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, иже въ Терновѣ постничествовавшаго, ученика суща блаженнаго Григорія Синаита, списано святѣйшимъ патріархомъ Константина града, Киръ Каллистомъ; съ пред. О. М. Бодянскаго; сообщ. Х. С. Даскаловъ; *Мат. Отеч.* 1—IV и 1—13.

1191. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. М. Стриннгольма; перев. съ нѣмецкаго А. Шемякина; *Мат. Иност*, 1—94.

1192. Мнѣніе адмирала Мордвинова, о причинахъ нынѣшняго разстройства финансовъ нашихъ и о мѣрахъ, могущихъ способствовать къ отсѣченію сихъ причинъ и къ постепенному улучшенію народнаго благосостоянія и государственныхъ доходовъ; *Смѣсь*, 1—60.

1193. Отвѣтъ Государю отъ перваго члена Коммисіи о составленіи законовъ, графа Завадовскаго, на запросъ о медленности Коммисіи; *Смѣсь*, 61—64.

1194. Мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ. а) Объ отпускѣ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями (1803), *Смѣсь*, 65—67.

1195. б) По дѣлу о заключенномъ Вологодскою помѣщицею, Аникіевою, условіи съ крестьянами ея на увольненіе ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Графа Сергѣя Румянцова, министра коммерціи графа Николая Румянцова, и министра юстиціи Князя Лопухина (1805); *Смѣсь*, 68—74.

1196. в) О дворянскихъ добровольныхъ складкахъ, министра коммерціи графа Н. Румянцова (1805), *Смѣсь*, 75—82.

1197. г) О земскихъ повинностяхъ, графа С. Румянцева (1805), *Смѣсь*, 83—88.

1198. д) О пособіяхъ къ поправленію разстроеннаго состоянія дѣлъ князя Доминика Радзивила, министра коммерціи графа Н. Румянцова и графа С. Румянцова (1805), *Смѣсь*, 89—96.

1199. е) По дѣлу Перетца о соли, министра коммерціи графа Н. Румянцова и гр. С. Румянцова. *Смѣсь*, 97—100.

1200. ж) О преобразованіи Сената, министра юстиціи Д. Трощинскаго; *Смѣсь*, 101—104.

1201. Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ, составл. П. Ѳ. Карабановымъ и дополненные П. В. Долгоруковымъ; *Смѣсь*, I-II и 107—214.

1202. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ октября 10-го дня, 1859 г.; *Смѣсь*, 215—224.

1860 г., кн. 2-я.

1203. Маги и Мидійскіе Каганы XIII-го столѣтія; А. Ѳ. Вельтмана; *Изсл.* I—VIII и 1—72.

1204. Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I; П. К. Щебальскаго; *Изсл.* 73—80.

1205. Записки нѣкоторыхъ обстоя-

тельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. Часть I; *Мат. Отеч.* 1—82.

1206. Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго, составленное архимандритомъ Варлаамомъ; *Мат. Славян.* 1—69.

1207. Исторія о Черной горѣ, соч. митрополитомъ Черногорскимъ, Василіемъ Петровичемъ, и напечатанная въ первый разъ въ небольшомъ числѣ въ 1754 г. въ Москвѣ. Изданіе 2-е, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ, *Мат. Славян.* I—VI, I-II и 1—16.

1208. Житіе царя Лазаря, по списку XVII вѣка въ Библіотекѣ Общества Сербской Словесности въ Бѣлградѣ; съ предисловіемъ П. А. Лавровскаго; *Мат. Славян.* I—VI., 1—13 и 1—2.

1209. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. И. Стринголыма, перев. съ нѣмецкаго А. Шемякина; *Мат. Иностр.* 95—216.

1210. Опись Московской Мѣщанской Слободы обывательскимъ дворамъ и поимянной списокъ, кто чѣмъ промышляетъ 1677 года. Изъ бумагъ покойнаго М. П. Заблоцкаго, *Смѣсь*, 1—20.

1211. Доношеніе дьячка Василія Өедорова на отставнаго капрала и Волоколамскаго помѣщика, Василія Кобылина, въ брани Царскаго Величества, Государя Петра I-го, *Смѣсь*, 21—26.

1212. Подметное письмо Государю Императору Петру I. *Смѣсь*, 27—30.

1213. Подлинныя бумаги, до бунта Пугачова относящіяся. Сообщ. М. П. Полуденскимъ, архимандритомъ Макаріемъ и I. Желѣзновымъ, *Смѣсь*, 31—92.

1214. Исторія императорскихъ Воспитательныхъ домовъ, особенно Московскаго, съ открытія оныхъ до 2 мая 1797 г. *Смѣсь*, 93—160.

1215. Подробное донесеніе Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ, Маріи Өедоровнѣ, о состояніи Московскаго Воспитательнаго дома въ бытность непріятеля въ Москвѣ 1812 го года; сообщ. М. П. Полуденскимъ; *Смѣсь*, 161—192.

1216. Замѣтка (о книгѣ Стройновскаго); А. Н. Аѳанасьева, *Смѣсь*, 193—194.

1217. Возраженіе неизвѣстнаго на книгу, соч. Графомъ Стройновскимъ, о условіяхъ съ крестьянами, (1811) *Смѣсь*, 195—202.

1218. Замѣчаніе графа Ѳ. В. Растопчина на книгу Г. Стройновскаго; *Смѣсь*, 203—217.

1219. Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о указѣ 23-го маія 1816 года, и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ; соч. В. Н. Каразина; *Смѣсь*, 218—227.

1220. Мнѣніе адмирала Мордвинова о продолжаемой въ портахъ нашихъ конфискаціи (1811 г.); *Смѣсь*, 228—234.

1221. Мнѣніе графа С. Румянцова, по рекрутскому учрежденію; *Смѣсь*, 235.

1222. Мнѣніе министра Коммерціи, графа Н. П. Румянцова по рапорту Московскаго военнаго губернатора, о земляхъ, бывшихъ вѣдомства дворцоваго. *Смѣсь*, 236—237.

1223. Освѣдомленіе, почему Графъ Бестужевъ-Рюминъ ѣздитъ каждый день изъ двора и сватается, а ко двору Ея Величества не ѣздитъ; *Смѣсь*, 237—238.

1224. Письмо Императрицы Екатерины II къ А. П. Сумарокову (1770 г. 15 февраля); *Смѣсь*, 238.

1225. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1859 года, Ноября 21-го дня. *Смѣсь*, 239—245.

1860 г. кн. 3-я.

1226. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, соч. Вл. Милютина; *Смѣсь*, 119—272.

1227. Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ, *Мат. Отеч.* 83—173.

1228. Исторія Славянскихъ законо-

дательствъ; соч. В. А. Мацѣевскаго. Переводъ съ польскаго; *Мат. Славян.* 91 – 176.

1229. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. М. Стриннгольма, переводъ съ нѣмецкаго А. М. Шемякина, *Мат. Иностр*, 217—290.

1230. Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; сообщ. Вл. Борисовъ; *Смѣсь*, 1—10.

1231. Акты, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрьевъ Шуянъ въ XVII вѣкѣ; сообщ. Вл. Борисовъ. *Смѣсь*, 11—29.

1232. Объ отвореніи новаго пути въ Сибирь помимо Верхотурья; *Смѣсь*, 30—40.

1233. Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную Е. И. В. оберъ-прокуроромъ Сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества Шведскаго мира. 1790 Сентября 5-го числа; соч. Кн. М. М. Щербатова, *Смѣсь*, 41—49.

1234. Прошеніе Алексѣя Бестужева-Рюмина объ оказаніи милосердія оберъ-кригсъ-коммисару Свѣчину (1750 г.), *Смѣсь*, 50—51.

1235. Записка о жалованьѣ служителямъ Итальянской кампаніи (1747) *Смѣсь*, 52 - 58.

1236. Записка о деньгахъ слѣдующихъ портнымъ и сапожникамъ за сдѣланныя ими вещи (1754 г.) *Смѣсь*, 59—80.

1237. Вѣдомость о числѣ солдатъ, потребныхъ къ строеніямъ въ С. Петербургѣ, Петергофѣ и Стрѣльнѣ 1754 г; *Смѣсь*, 61.

1238. Записка о суммахъ на постройки въ Зимнемъ дворцѣ (1754 г.) *Смѣсь*, 62—63.

1239. Слѣдственное дѣло о совѣтникѣ академіи наукъ, Шумахерѣ (1744 г.); сообщ. П. Ивановъ; *Смѣсь*. 64—122.

1240. Письма Русскихъ Государей, Великихъ Князей и другихъ особъ къ Новгородскимъ архіереямъ, хранящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ; (1713—1800 г.); сообщ. Архим. Макарій; *Смѣсь*, 123—148.

1241. Историческій отрывокъ о кончинѣ принца Іоанна Антоновича Ульриха. Записка канцлера В. П. Кочубея. *Смѣсь*, 149—154.

1242. Послѣдній день жизни Императрицы Екатерины II и первый день царствованія Императора Павла I; соч. Ѳ. В. Растопчина; *Смѣсь*, 155—166.

1243. Списки съ собственноручныхъ высочайшихъ рескриптовъ государя императора, Павла 1-го, атаману войска Донскаго, генералу отъ кавалеріи, Василію Петровичу Орлову, о походѣ въ Индію; *Смѣсь*, (1801 г.) 167—168.

1244. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. Мнѣніе адмирала Мордвинова; *Смѣсь*, 169—175.

1245. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. Мнѣніе вице-адмирала А. С. Шишкова (1818 г.); *Смѣсь*, 176—179.

1246. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ, другое мнѣніе вице-адмирала А. С. Шишкова; *Смѣсь*, 180—184.

1247. Проектъ положенія о нищихъ; *Смѣсь*, 185—204.

1248. Объ уменьшеніи нищихъ въ Россіи и со временемъ объ уничтоженіи ихъ. *Смѣсь*, 205—211.

1249. О поддѣлкѣ и подмѣси чаевъ и обманахъ по чайной торговлѣ; *Смѣсь*, 212—222.

1250. Воспоминанія о 1812 и 1813 годахъ, А. А. Кононова; *Смѣсь*, 223—237.

1251. Мнимая мученица; Н. В. Сушкова, *Смѣсь*, 238—242.

1252. О водвореніи нижнихъ военныхъ чиновъ. *Смѣсь*, 243—245.

1860 г., кн. 4-я.

1253. Огнищанинъ и княжь мужъ, или слѣды быта древнихъ Славянскихъ князей въ Русской Правдѣ. Соч. В. Мстиславскаго, *Изсл.* 1—39.

1254. Окладъ Мстиславова Евангелія; Г. Филимоновъ; *Изсл.* 40—115.

1255. Голосъ въ защиту списателей Печерскаго Патерика, св. Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, и преподобнаго Поликарпа, архимандрита

Кіево-Печерской Лавры. I. Л.; *Изсл.* 116—126.

1256. Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ, составл. по дипломатическимъ бумагамъ управлявшимъ Московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ. Часть 1. (1487 — 1584); *Мат. Отеч.* 1—VIII и 1—189.

1257. О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика, перев. съ нѣмецкаго А. Шемякина (со снимкомъ) *Мат. Славян.* 1—VI и 1—66.

1258. Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. И. Стриннгольма, переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. *Мат. Иностр.* 1—VI,1—26 и 291—357.

1259. Указатель статей по Русской исторіи, Географіи, Статистикѣ, Русскому Праву и Библіографіи помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы (1802—1830). Составилъ М. П. Полуденскій; *Смѣсь.* 1—XVI и 1—268.

1260. Записка П. И. Ягужинскаго о состояніи Россіи, *Смѣсь.* 269—273.

1261. Подметное письмо Екатеринѣ II, 1791 года. *Смѣсь*, 274—279.

1262. Доношеніе Императрицѣ Георгія, архіепископа Ростовскаго, о притѣсненіи духовенству (безъ означенія дня и года); *Смѣсь*, 280.

1263. Доношеніе Питиримово о раскольникахъ (года, мѣсяца и дня не означено) *Смѣсь*, 281—283.

1264. Посланіе Іоны Львова Керженцамъ (1719) *Смѣсь*, 284—286.

1265. Записка Новгородско-Сѣверскихъ, Курскихъ и Екатеринославскихъ старообрядцевъ, представленная Кн. Потемкину въ 1784 г. съ его примѣчаніями на поляхъ; *Смѣсь*; 287—290.

1266. По дѣлу о двухъ крестьянахъ жены подпоручика Загряжскаго, сужденныхъ въ смертоубійствѣ по случаю найденнаго въ лѣсу мертваго тѣла. Мнѣнія графа С. Румянцева и Н. Румянцева, *Смѣсь*, 291—295.

1267. Мнѣніе адмирала Мордвинова объ неусугубленіи наказаній и мѣръ оныхъ (1821 г.); *Смѣсь*, 296—301.

1268. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу о смерти предсѣдателя Гурьева въ Калужской губерніи; *Смѣсь*, 302—307.

1269. Мнѣніе о учрежденіи университета въ С. Петербургѣ, графа Северина Потоцкаго; *Смѣсь*, 308—313.

1270. Замѣчанія на проектъ положенія о производствѣ въ ученыя степени. О. М. Бодянскаго, *Смѣсь*, 314—332.

Годъ 8-й, 1861 г. въ 4-хъ книгахъ. 1861 г, кн. 1-я.

1271. Лобное мѣсто въ Москвѣ; И. М. Снегирева, *Изсл*, стр. 1—16.

1272. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. соч. Вл. Милютина, *Изсл.*, 273—414.

1273. Переписка между Россіею и Польшею по 1700 года, составленная по дипломатическихъ бумагамъ управлявшимъ Московскимъ Архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ (1584—1612.) Часть II; *Мат. Отеч.*, 1—125.

1274. Древніе церковные обряды въ Новгородѣ, по указанію письменнаго Архіерейскаго Чиновника или Устава; Архим. Макарія; *Мат. Славян.* 1—44.

1275. Хрисанѳа митрополита Новопатраскаго о странахъ средней Азіи, посѣщенныхъ имъ въ 1790 году; записка, поданная имъ въ 1795 году князю Зубову, для соображенія графа Валеріана Зубова, при походѣ его въ Персію; съ введеніемъ и объясненіями В. В. Григорьева; *Мат. Иностр*, I—IV и 5—28.

1276. Инструкція письмяному головѣ Пояркову (1643 г.); сообщ. М. Шестаковъ; *Смѣсь*, 1—14.

1277. Отписка Якутскому воеводѣ Приклонскому о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Китайцевъ (1683 г.); сообщ. М. Шестаковъ; *Смѣсь*, 15—16.

1278. Челобитная воеводы Приклонскаго царю Ѳедору Алексѣевичу о разгромленіи Тунгусовъ въ Албазинскомъ острогѣ по научщенію пятидесятника Да.

нила Михайлова (1681.); сообщ. М. Шестаковъ; *Смѣсь*, 17—19.

1279. Объявленіе о запрещеніи Удскимъ Тунгусомъ Богдайскими людьми промышлять соболей по рѣкамъ Торому, Тугиру и на Хамунскихъ вершинахъ. (1756 г.) Сообщ. М. Шестаковъ; *Смѣсь*, 20.

1280. Донесеніе боярскаго сына А. Аммосова объ оспенномъ повѣтріи у ясачныхъ Якутовъ и Тунгусовъ (1692 г.) Сообщ. М. Шестаковъ; *Смѣсь*, 21—22.

1281. Извѣстіе о Китайскомъ, нынѣ Манджуро-Китайскомъ государствѣ, архим. Софронія; сообщ. Н. С. Щукинъ; *Смѣсь*, 23—119.

1282. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 году Пьеромъ Куки; сообщ. Н. А. Поповъ; *Смѣсь*. 120—136.

1283. Бумаги, до управленія Малороссіею графа П. А. Румянцева-Задунайскаго относящіяся; сообщ. М. О. Судіенко; *Смѣсь*, 137—165.

1284. Замѣчаніе о Кіевской Академіи, Кіевскаго гражданскаго губернатора, Панкратьева; *Смѣсь*, 166—172.

1285. Письма императрицы Екатерины II и великаго князя Павла Петровича къ генералъ-поручику Щербинину (1763—1781). Сообщ. А. А. Наумовъ; *Смѣсь*, 173—181.

1286. Манифестъ императрицы Екатерины II объ умерщвленіи принца Іоанна Антоновича. *Смѣсь*, 182—185.

1287. Церемоніялъ, каковымъ образомъ чрезвычайный посланникъ, господинъ Румянцовъ и резидентъ Неплюевъ имѣли аудіенцію у Салтана для принятія грамотъ и ратификаціи, Генваря 19 дня, 1725 году, въ Константинополѣ; *Смѣсь*, 186—188.

1288. Письмо А. И. Румянцева къ князю Б. И. Куракину, Русскому послу въ Парижѣ (1725.); *Смѣсь*, 189—190.

1289. Письмо резидента Неплюева къ князю Б. И. Куракину (1725); сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ, *Смѣсь*, 191—192.

1290. Описаніе происшествій въ Московскомъ Даниловѣ монастырѣ, во время нашествія непріятеля въ Москву въ 1812 году; сообщ. И. М. Снегиревъ; *Смѣсь*, 193—197.

1291. Письмо Жанъ-Поля Рихтера къ императору Александру Павловичу; (1814 г.) сообщ. И. Бецкій; *Смѣсь*, 198—199.

1292. Письмо къ министру юстиціи, князю П. В. Лопухину, Н. Новосельскаго (1805, 26 Іюня) *Смѣсь*, 200.

1293. Отвѣтъ ему князя П. В. Лопухина; *Смѣсь*, 200—201.

1294. Запрещеніе одной книги: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души (1819 г.) кн. А. Н. Голицына; *Смѣсь*, 201—202.

1295. Письмо Д. П. Трощинскаго къ князю Смоленскому-Кутузову (1813 г. 30 декабря); *Смѣсь*, 203—204.

1296. Письмо Б. П. Шереметева къ боярину Т. Н. Стрѣшневу; сообщ. І. Л—ъ; *Смѣсь*, 205.

1297. Мнѣніе графа Милорадовича, поданное въ комитетъ гг. министровъ по дѣлу Кусовникова съ Чеглоковыми (1821 г. 10 Марта); *Смѣсь*, 206—208

1298. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу камергера Всеволожскаго; *Смѣсь*, 209—212.

1299. О контробандѣ; *Смѣсь*, 213—224.

1300. Общія отмѣтки по Срѣтенской части въ Москвѣ касательно бѣдныхъ (1849); *Смѣсь*, 225—232.

1301. Протоколы засѣданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1860 г., Февраля 27 дня и декабря 3-го дня; *Смѣсь*, 1—17.

1861 г., кн. 2-я.

1302. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. соч. Вл. Милютина; *Изсл.* 415—571 и I— VIII.

1303. Пословицы Русскаго народа. Сборникъ В. И. Даля, *Мат. Отеч*; I—XL и 1—288.

1304. Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ; архим. Макарія; *Мат. Славян.* 1—40.

1305. Записка Англійскаго резиден

та Рондо о нѣкоторыхъ вельможахъ Русскаго двора въ 1730 г. Ю. Толстаго; *Мат. Иностр.*, I—II и 3—19.

1306. Описи дѣламъ по секретной коллегіи относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства (1741—1754). *Смѣсь*, 1—58.

1307. Мнѣніе генералъ-аншефа, Малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера, графа Румянцева, о скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться (1766 г.); *Смѣсь*, 59—68.

1308. Краткое изложеніе предметовъ, взятое изъ правъ, въ Малой Россіи употребляемыхъ, по которому слѣдуетъ изобразить тѣ права, согласно плану, высочайше конфирмованному (Ѳ. Давыдовича); *Смѣсь*, 69—57.

1309. Мнѣніе, на какомъ бы основаніи завести порядокъ въ дачѣ чиновъ армейскихъ Малороссійскимъ старшинамъ, *Смѣсь*, 76—79.

1310. Записка изъ дѣла, произведеннаго въ комитетѣ, высочайше утвержденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ, касательно правъ на дворянство бывшихъ Малороссійскихъ чиновъ; *Смѣсь*. 80—139.

1311. Мнѣніе князя А. Б. Куракина по поставкѣ вина въ откупное содержаніе; *Смѣсь*, 140—143.

1312. Голосъ сенатора И. П. Елагина о раздѣлѣ имѣнія графовъ Воронцовыхъ съ ихъ невѣсткою, графинею Анною Карловною Воронцовою жъ, урожденною Скавронскою; *Смѣсь*, 144—158.

1313. Мнѣніе сенатора И. С. Захарова по дѣлу Англичанина Гоя, въ выпискѣ изъ за моря запрещенныхъ товаровъ (1804); *Смѣсь*, 159—168.

1314. О цѣли предполагаемаго Общества вспоможенія гражданскимъ чинамъ; *Смѣсь*, 169—175.

1315. Мнѣніе о истребленіи въ Москвѣ нищихъ; сообщ. М. П. Полуденскій, *Смѣсь*, 176—183.

1316. Графъ Вячеславъ Ржевускій и его вопросы для рѣшенія К. Баторскаго; *Смѣсь*, 184—194.

1317. Лампада царя Бориса Ѳедоровича Годунова въ Ревелѣ, со снимкомъ; Н. В. Закревскаго; *Смѣсь*, 195.

1318. О бракосочетаніи Петра Великаго съ Екатериною (1712), сообщ. Вл. Борисовъ. *Смѣсь*, 196—199.

1319. Письмо адмирала Мордвинова къ Государю Императору объ увольненіи (1802) *Смѣсь*, 200.

1320. Дозволеніе одной запрещенной книги (Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души); *Смѣсь*, 201—202.

1321. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Марта 18-го 1861 года. *Смѣсь*, 203—208.

1861 г. кн. 3-я.

1322. Михаилъ Александровичъ, Великій Князь Тверской; И. Д. Бѣляева, *Изсл.* 1—44.

1323. Что такое Славно? Топографическая замѣтка изъ исторія древняго Новгорода В. В. Мстиславскаго, *Изсл.* 45—60.

1324. Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ;. разсужденіе М. П. Погодина, и

1325. самые документы по дѣлу царевича, найденыеГ. В. Есиповымъ *Мат. Отеч.* стр. I—XXIV, 25—369 и I—IV.

1326. Памятники старинаго Русскаго воспитанія; Н. А Лавровскаго, *Мат. Славян.* стр. 1—71.

1327. Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи, напечатанныя въ первый разъ вполнѣ на нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Августомъ Бюркомъ, съ дополненіями и поправками Карла Фридриха Нейманна. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.* I—III. 1—26.

1328. Копія съ письма его милости, отца протопопа Чернобыльскаго (1651 г. 22 января), *Смѣсь*, 1—4.

1329. Донесеніе чернеца Печерскаго монастыря, Макарія Крыницкаго, который отправился изъ Кіева 15 Янва-

ра 1654 года, по старому календарю. *Смѣсь*, 5—8.

1330. Доношеніе Фишера въ кабинетъ о поступкахъ бывшаго въ арміи подъ командою генералъ-фельдмаршала графа Миниха доктора Ацаритія (1738 г.) *Смѣсь*, 9—12.

1331. О преподаваніи народу передъ литургіею катихизиса въ московскихъ Успенскомъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ (1750); сообщ. П. И. Ивановъ, *Смѣсь*, 13—14.

1332. Докладъ Синода о выслушаніи въ ономъ высочайшаго указа о производствѣ на праздныя архимандричьи мѣста изъ Великороссіянъ (1754.) *Смѣсь*, 15—16.

1333. Докладъ Синода о возобновленіи въ Кіевской митрополіи типографіи (1754.) *Смѣсь*, 17—21.

1334. Письма профессоровъ Московскаго университета къ попечителю Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьеву (Двигубскаго, Мудрова, Тимковскаго, Болдырева и Чеботарева) (1806 г.); сообщ. Н. С. Тихонравовъ, *Смѣсь*, 22—77.

1335. Замѣтки о Сибири; *Смѣсь*, 78—91.

1336. Записка объ откупахъ; *Смѣсь*, 92—97.

1337. Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ, или сдѣлать собственность имѣній (18 вѣка); *Смѣсь*, 98—134.

1338. Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчинености поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества (1810) В. Н. Каразина. *Смѣсь*, 135—176.

1339. Послѣднее распоряженіе одного помѣщика своимъ имѣніемъ, предполагавшееся къ осуществленію. *Смѣсь*, 173—176.

1340. О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный, *Смѣсь*, 177—191.

1341. Записка о В. Н. Каразинѣ; В. А. *Смѣсь*, 192—199.

1342. Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ. О. М. Бодянскаго, *Смѣсь*, 200—210.

1343. Мнѣніе адмирала Мордвинова по дѣлу о Фіалковскомъ, *Смѣсь*, 211—216.

1344. Письма А. П. Ермолова къ князю П. И. Багратіону на походѣ 1812 г., *Смѣсь*, 217—222.

1345. Письмо Ставропигіальнаго Симоновскаго монастыря архим. Амвросія къ Московскому митрополиту (1782 г.); *Смѣсь*, 223—224.

1346. Замѣтка г. Борисову (о бракосочетаніи Петра I съ Екатериною) А. Н. Аѳанасьева; *Смѣсь*, 225—226.

1347. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1861 года, апрѣля 15-го дня; *Смѣсь*, 227—231.

1861 г. кн. 4-я.

1348. О Русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка, Д. Мордовцева; *Изсл.* 1—102.

1349. Пословицы Русскаго народа; сборникъ В. И. Даля; *Мат. Отеч.* 289—688.

1350. Путешествіе къ граду Іерусалиму Іероѳея, іеромонаха Рачанинскаго, въ лѣто отъ бытія 7212, а отъ Р. Х. 1704, мѣсяца Іюля 6; съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Мат. Славян.* 1—42.

1351. Путешествіе Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи, съ объясненіями А. Бюрка, и проч. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.* 27—100.

1352. Реестръ Казацкихъ дѣлъ въ Польской Метрикѣ въ Спб. при 3-мъ департаментѣ Сената (1626 — 1699) *Смѣсь*, 1—38.

1353. Акты, до Русской и Польской исторіи относящіеся, въ нѣкоторыхъ архивахъ Швеціи, сообщ. А. Чумиковъ. *Смѣсь*, 39—50.

1354. Записки Русскихъ людей.

Библіографическія указанія Г. Н. Геннади. *Смѣсь.* 51—76.

1355. Два акта о спорѣ Шуянъ съ крестьянами селъ Иванова и Васильевскаго о переемныхъ пошлиныхъ деньгахъ за разные товары и продукты въ 1666 году, сообщ. Вл. Борисовъ; *Смѣсь*, 77—80.

1356. Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія и отношеніе его къ быту и языку Русскаго народа; Д. Шеппинга, *Смѣсь.* 81—98.

1357. Записки о Кизлярѣ; *Смѣсь*, 99—124.

1358. Краткое обозрѣніе княжествъ Молдавіи и Валахіи въ политическомъ отношеніи, отъ образованія оныхъ въ княжества до половины 1831 года, *Смѣсь*, 125—156.

1359. Мнѣніе дѣйств. ст. совѣтн, Магницкаго, о наукѣ Естественнаго Права, *Смѣсь*, 157—159.

1360. Рѣчь къ императорскому Казанскому университету, произнесенная попечителемъ оного Магницкимъ, 15 Сентября 1825 года; *Смѣсь*, 160—161.

1361. Отношеніе попечителя Казанскаго учебнаго округа къ митрополиту Новгородскому, С. Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому отъ 24 Мая 1824 года. *Смѣсь*, 162—163.

1362. Письмо адмирала Мордвинова къ статсъ секретарю Оленину, отъ 21 Мая 1825 года; *Смѣсь*, 164—166.

1363. О графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ и о событіяхъ 1812 года въ Москвѣ; *Смѣсь*, 167—182.

1364. Рѣрь Дашкова, читанная въ Бесѣдѣ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 14 Марта, 1812 года, *Смѣсь*, 183—186.

1365. Село Николо-Гостунское съ его древностями; І. Л.; *Смѣсь*, 187—198.

1366. Дѣло о профессорѣ Мельманѣ. Сообщ. С. М. Соловьевъ; *Смѣсь*, 199—200.

1367. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Апрѣля 15 дня, 1861 года; *Смѣсь*, 201—205.

Годъ 9-й. 1862 г. 4-хъ книгахъ 1862 г, кн. 1-я.

1368. О существѣ Польскихъ волненій; С. Ш.; *Изсл.* 1—9.

1369. Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ *Мат. Отеч*, 1—92.

1370. Пословицы Русскаго народа. Сборникъ В. И. Даля, *Мат. Отеч*, 689—1095 и 1—6.

1371. Предложеніе Чешскимъ государственннымъ чинамъ, собравшимся въ XV-мъ столѣтіи, для избранія себѣ короля. Съ древняго Чешскаго подлинника. *Мат. Слав.* 1—12.

1372. Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи съ объясненіями А. Бюрка и пр. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.*, 101—212.

1373. Письма царя Алексѣя Михайловича къ П. С. Хомякову (1656 — 1657.); сообщ. П. П. Бартеневъ; *Смѣсь*, 1—5.

1374. Реляція о преславномъ погребеніи тѣла блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, ея высочества государыни цесаревны, герцогини Шлезвигъ-Голштинской, Анны Петровны, которое 12 дня ноября, 1728 года въ С. Петербургѣ совершилось. *Смѣсь*, 6—17.

1375. Споръ любви и ревности. Кантата на два голоса съ хоромъ. Сочинена къ торжественному дню преславнаго коронованія великія государыни императрицы Анны Іоанновны самодержицы Всероссійской Апрѣля 28 дня 1736 года. Музыку сочинилъ г. Францискъ Арая Неаполитанецъ, ея императорскаго величества капель-мейстеръ; *Смѣсь*, 18—27.

1376. Дѣло о Курляндскомъ герцогѣ Эрнстѣ Іоаннѣ Биронѣ; сообщ. П. К. Щебальскій, *Смѣсь*, 28—149.

1377. Разговоры, бывшіе между двухъ Россійскихъ солдатъ, случившихся на галерномъ флотѣ въ кампаніи 1743 года. *Смѣсь*, 150—166.

1378. О учрежденіи нѣкоторыми купцами и заводчиками компаніи для производства торговли съ Персіею, 1755 года. *Смѣсь*,167—168.

1379. Письмо Ив. Ив. Шувалова къ князю Гр. Гр. Орлову (безъ числа и года) сообщ. С. М. Соловьевъ, *Смѣсь*, 169—170.

1380. Письма (2) княгини Дашковой къ императрицѣ Екатеринѣ II-й (безъ годовъ); *Смѣсь*, 171.

1381. Рапортъ графа Миниха о Кадетскомъ Корпусѣ 1733 г. Сообщ. С. М. Соловьевъ, *Смѣсь*, 172.

1382. Манифестъ Екатерины о смерти князя Г. А. Потемкина-Таврическаго; (1791 г. Октября 14). *Смѣсь*, 173.

1383. Опыты надписей къ бюсту адмирала В. Я. Чичагова, *Смѣсь*, 174—177.

1384. Матеріалы о Кулибинѣ. *Смѣсь*, 178—187.

1385. Письмо о пребываніи императора Александра I-го въ Кіевѣ 1816 г., писанное іеромонахамъ Антоніемъ, впослѣдствіи архіепископомъ Воронежскимъ, *Смѣсь*, 188—190.

1386. Рѣшеніе государя императока Николая I-го, по случаю безпорядровъ на Ревденскихъ горныхъ заводахъ, *Смѣсь*, 191.

1387. Рескриптъ императора Николая I-го министру юстиція князю Лобанову-Ростовскому, о поступкѣ оберъ-секретаря Васильева, (1826 г.) *Смѣсь*, 192.

1388. Письма на походѣ 1812 года къ начальнику штаба 1-й арміи, генералъ-маіору А. П. Ермолову, князя П. И. Багратіона и атамана М. Платова; сообщ. Д. Давыдовъ, *Смѣсь*, 193—208.

1389. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 4-го Ноября 1861 года. *Смѣсь*, 209—216.

1862 г., кн. 2-я.

1390. Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей, входившей съ начала XV и до конца XVIII столѣтія въ составъ Крутицкой и частію Суздальской епархіи; составилъ I. Л. *Изсл.* I—VIII и 1—156.

1391. О годѣ изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, А. Дювернуа; *Изсл.* 157—171.

1392. Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй; изданіе полное, съ примѣчаніями Г. Н. Геннади; *Мат. Отеч.* 1—176.

1393. Стихотвореніе Хорватскаго поэта Павла Витезовича о Петрѣ, съ пред. П. Лавровскаго *Мат. Слав.* 1—28.

1394. Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи, съ объясненіями А. Бюрка и пр. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. *Мат. Иностр.* 213—348.

1395. Арсеній Мацѣевичъ, бывшій митрополитъ Ростовскій, съ изображеніемъ (статьи М. Діева и Н. Закревскаго). *Смѣсь*, 1—44.

1396. Каталогъ Славяно-Россійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 году, профессора Баузе, составл. В. Н. Каразинымъ, *Смѣсь*, 45—79.

1397. Политическое положеніе Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, и перемѣна, отъ прихода Россійскихъ войскъ послѣдовавшая. *Смѣсь*, 80—86.

1398. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши со всѣми прилежащими народами. *Смѣсь*, 87—93.

1399. О правахъ и обязанностяхъ Сената. *Смѣсь*, 94—101.

1400. Что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе? Соч. Г. Б. Делабея, въ отвѣтъ на вопросъ Вольнаго Экономическаго Общества, въ 1766-мъ году предложенный. *Смѣсь*. 102—131.

1401. О необходимости надѣленія крестьянъ землею. *Смѣсь*, 132—139.

1402. Указъ Тобольскому архіерею о раскольникахъ (1783 г.) *Смѣсь*. 140—143.

1403. Вопль стариннаго судьи, котораго иные на смѣхъ называютъ филантропомъ, и которой, однако, не шутя любитъ ближняго; соч. И. В. Лопухина, *Смѣсь*, 144—155.

1404. Разсужденіе о законѣ на богохульниковъ; соч. Ш. В. Б. *Смѣсь*. 156—169.

1405. Письмо объ Іерусалимѣ, Г. Пименова, (1818) *Смѣсь*, 170—177.

1406. Гласъ церкве Іерусалимскія, С. Лебединскаго, *Смѣсь*, 178—184.

1407. О разводахъ; соч. кн. А. Н. Голицына, *Смѣсь*, 184—186.

1408. Рѣчь государыни императрицы Екатерины Второй, говоренная ею къ Синоду, по случаю отчужденія церковныхъ имуществъ въ Россіи (б. г.) *Смѣсь*, 187—188. (подложная).

1409. Письма, предписанія и распоряженія императора Александра 1-го къ А. П. Ермолову; (1807 — 1825) сообщ. Д. Д. Давыдовъ. *Смѣсь*, 189—210.

1410. Унитское дѣло, сообщ. митрополитъ Литовскій Іосифъ. *Смѣсь*, 211 —216.

1411. Замѣчанія на проектъ общаго устава императорскихъ Россійскихъ университетовъ, О. М. Бодянскаго, *Смѣсь*, 217—242.

1412. Отзывъ по поводу „Замѣчанія къ Запискѣ о В. Н. Каразинѣ.“ О. Б. *Смѣсь*, 243—244.

1413. Письмо къ генералу И. Н. Инзову отъ графа Каподистріи объ А. С. Пушкинѣ (1821 г.) *Смѣсь*, 245.

1862 г. кн. 3-я.

1414. Матеріялы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича, и особенно для изображенія ученой его дѣятельности; П. А. Безсонова, *Изсл.* I—IV и 5—208.

1415. Памятныя Записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй; изданіе полное, съ примѣчаніями Г. Н. Геннади, *Мат. Отеч.* 177—294.

1416. Галицкая Русь въ XVI столѣтіи; соч. Д. И. Зубрицкаго, переводъ съ Польскаго А. А. Майкова; *Мат. Славянск.* 1—84.

1417. Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи, съ объясненіями А. Бюрка и пр. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.* 349—414.

1418. Книга пожиткамъ бывшаго Черниговскаго полковника Павла Полуботка и дѣтей его, Андрея и Якова Полубботковъ, составленная по указу 1724 году маіоромъ Михайломъ Раевскимъ и лейбъ-гвардіи сержантомъ Львовымъ; собщ. Г. А. Милорадовичъ, *Смѣсь*, I—IV и 1—90.

1419. Акты, до маетностей Полуботковъ относящіеся. *Смѣсь*, 91—133.

1420. Письма графа Алексѣя Андреевича Аракчеева къ Павлу Ивановичу Сумарокову (1812—1816); сообщ. С. П. Шевыревъ, *Смѣсь*, 134—151.

1421. О различіи раскольничьихъ сектъ въ Россіи, *Смѣсь*, 152—154.

1422. Прошеніе Молокановъ къ государю императору Александру 1 (1818 г. Мая 8 дня) *Смѣсь*, 155—160.

1423. О Духоборцахъ; *Смѣсь*, 161.

1424. Замѣчанія на вводъ чтенія Библіи въ Россіи; *Смѣсь*, 162—166.

1425. Представленіе начальника церковной Алтайской миссіи, архимандрита Макарія святѣйшему Синоду; *Смѣсь*, 167—178.

1426. Историческая записка о дѣлѣ Санктпетербургскаго университета, *Смѣсь*, 179—205.

1427. Отрывки изъ жизни Московскаго живописца протоіерея Петра Семенова; сообщ. И. М. Снегиревъ, *Смѣсь*, 206—211.

1428. Письма в. к. Константина Павловича къ А. П. Ермолову (1816—1818 г.) *Смѣсь*, 212—217.

1429. Письмо королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны, къ А. П. Ермолову. (1817. г.) *Смѣсь*, 218.

1430. Письма государя императора Николая Павловича къ А. П. Ермолову. (1818—1827 г.) *Смѣсь*, 219—233.

1431. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, бывшемъ митрополитѣ Ростовскомъ, *Смѣсь*, 234—294.

1432. Разсказъ, записанный со словъ одного изъ участниковъ въ Пугачевскомъ бунтѣ; сообщ. Н. А. Поповъ, *Смѣсь*, 295—302.

1433. Два семейныя преданія; сообщ. А. А. Кононовъ, *Смѣсь*, 303—309.

1434. Письмо графа Н. И. Панина къ генералъ-поручику Е. А. Щербинину (1774 г.) *Смѣсь*, 310—311.

1435. Письмо князя Потемкина къ графу Безбородку (безъ означенія мѣста и года) *Смѣсь*; 311—312.

1436. Два письма генерала Е. А. Головина къ генералу А. Н. Потапову, во время слѣдованія въ главную армію весной 1831 г; *Смѣсь*, 313—317.

1437. Протоколы засѣданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1862 года, февраля 3-го дня и Іюня 1-го; *Смѣсь*, 319—326.

1862 г., кн. 4-я.

1438. О происхожденіи Варягъ-Руси, соч. А. Дювернуа; *Изсл.* 1—80.

1439. Объ устройствѣ государственнаго организма въ Россіи, соч: С. П. Ш... *Изсл.* 81—100.

1440. Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ, составленная по дипломатическимъ бумагамъ управлявшимъ Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Н. Н. Бантышемъ Каменскимъ, *Мат. Отеч*, 1—144.

1441. Проекты объ уничтоженіи Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшей отъ Россіи областяхъ; съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Мат. Славян.*, 1—58.

1442. Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII столѣтіи, съ объясненіями Бюрка и пр. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. *Мат. Иностр.* 115—188.

1443. Дополненія и поправки къ Путешествіямъ Марка Поло, К. Ф. Неймана, *Мат. Иностр*, 489—528.

1444. Челобитная крестьянъ Осѣченской волости царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, *Смѣсь*, 1.

1445. Сказка о Петрѣ Великомъ; сообщ. С. М. Соловьевъ, *Смѣсь*, 2.

1446. Современные стихи въ честь Петра I-го и сына его Алексѣя Петровича; сообщ. Н. Ш., *Смѣсь*, 3—6.

1447. Инструкція полковнику Стародубовскому Кокошкину (1723 г.); *Смѣсь*, 7.

1448. Письма А. П. Волынскаго къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (1721—1723); сообщ. С. М. Соловьевъ, *Смѣсь*, 8—10.

1449. Свѣдѣнія о раскольникахъ, извлеченныя изъ указовъ въ Новгородскую губернскую канцелярію и Олонецкую воеводскую, *Смѣсь*, 11—32.

1450. Свѣдѣнія о находящихся Олонецкой губерніи въ Повѣнецкомъ уѣздѣ раскольничьихъ скитахъ, пустыняхъ и моленныхъ, собранныя, во исполненіе словеснаго приказанія господина Олонецкаго гражданскаго губернатора, И. Бакуревичемъ. *Смѣсь*, 33—45.

1451. Записка отъ попечителей надъ Выголексинскими богадѣльнями, находящимися въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; *Смѣсь*, 46—47.

1452. Молительная просьба раскольниковъ Даниловскаго селенія къ начальнику Олонецкой губерніи объ иконахъ (1843 г.) *Смѣсь*, 48—49.

1453. Описаніе Новгородской святыни въ 1634 году. Сообщ. Ив. Е. Забѣлинъ; *Смѣсь*, 50—56.

1454. Мои мечты о благѣ отечества; сообщ Н. В. Сушковъ, *Смѣсь*, 57—104.

1455. Матеріалы для біографіи кабинетъ-министра Анны Іоанновны, Артемія Волынскаго; сообщ. П. И. Ивановъ *Смѣсь*, 105—134.

1456. Изъ переписки графа Семена Андреевича Салтыкова (1733 г.); сообщ. И. Е. Забѣлинъ, *Смѣсь*, 135—148.

1457. Письмо фельдмаршала графа Миниха къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (1736 г.), *Смѣсь*, 149—154.

1458. Прошеніе Петра Дивіера объ опредѣленіи на службу въ гвардію (1736 г.); *Смѣсь* 155.

1459. Докладъ о нѣкоторыхъ ваканціяхъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку въ мартѣ 1737 г.; *Смѣсь*, 156—160.

1460. Челобитная Донскаго войска старшины, Ивана Васильева Фролова, о пожалованіи его дѣйствительнымъ атаманомъ (1737 г.) *Смѣсь*, 161—162.

1461. Рапортъ генералъ лейтенанта Нащокина о безпорядкахъ лейбъ-гвар-

діи въ Измайловскомъ полку (1750 г.); *Смѣсь*, 163—166.

1462. Доношеніе профессора Ломоносова Сенату о способахъ къ отысканію въ Россіи разныхъ рудъ, металловъ и минераловъ (1760 г.) сообщ. И. И. Ивановъ; *Смѣсь*, 167—175.

1463. Прошенія къ государынѣ императрицѣ Степана Апраксина (1751—1758 г.); *Смѣсь*, 176-186.

1464. Прошенія къ государынѣ императрицѣ графа Алексѣя Бестужева-Рюмина (1752—1756) *Смѣсь*, 187—191.

1465. Два письма къ государынѣ императрицѣ г. Броуна (1757 г.), *Смѣсь*, 192—193.

1466. Прошеніе къ государынѣ императрицѣ г. Броуна (1758), *Смѣсь*, 194—196.

1467. Прошеніе къ государю императору Александра Радищева (1797 г.), *Смѣсь*, 197—198.

1468. Секретная инструкція отправленному, по высочайшему повелѣнію, въ Боровичи коллежскому ассессору В. Николеву для надзиранія за Суворовымъ (б. г.), *Смѣсь*, 199—201.

1469. Донесеніе коллежскаго ассессора В. Николева о Суворовѣ (1797 г.), *Смѣсь*, 202—203.

1470. Переписка объ отдачѣ дома и назначеніи пенсіи графинѣ Суворовой-Рымникской (1797 — 1798) *Смѣсь*, 204—206.

1471. Приказы А. П. Ермолова на Кавказѣ и въ Грузіи (1816—1817 г.), *Смѣсь*, 207—211.

1472. Рапорты государю императору А. П. Ермолова (1817—1826 г.), *Смѣсь*, 212—215.

1473. Письма графа Аракчеева къ Ермолову (1810—1818 г.), *Смѣсь*, 216—220.

1474. Письма разныхъ лицъ къ А. П. Ермолову (именно А. Фигнера 1813 г.

1475 Кульнева 1811 г.), *Смѣсь*, 221—222.

1476. Письма Ермолова къ Д. В. Давыдову *Смѣсь*, 223-228.

1477. Письма А. П. Ермолова къ разнымъ лицамъ (именно 2 письма къ гр. А. А. Закревскому 1817 г., одно къ хану Шекинскому безъ года, одно къ барону П. И. Меллеру-Закомельскому 1818 г., 4 письма къ Иванову 1820 г., одно къ Делпоцу 1820 г., одно къ гр. Гурьеву 1822 г., одно къ полковнику Б......ву, безъ года, и одно къ Чекалову 1823 г.), *Смѣсь*, 229—243.

1478. Письмо генералъ-адъютанта Сипягина къ А. П. Ермолову; сообщ. Д. Д. Давыдовъ, 1828 г., *Смѣсь*, 244—245.

1479. Письмо императора Павла къ Рязанскому гражданскому губернатору Сонину (1800 г.), *Смѣсь*, 246.

1480. О памятникѣ Богдану Хмельницкому; С. Шипова, *Смѣсь*, 247—253.

Годъ 10-й. 1863 г. въ 4-хъ книгахъ 1863 г. кн. 1-я.

1481. Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи, составилъ Оптинной пустыни іеромонахъ Леонидъ; *Изсл.* I—VIII и 1—170.

1482. Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви, собранный тщаніемъ Павла Любопытнаго; *Мат. Отеч.* I—IV и 3—66.

1483. Историческій словарь старовѣрческой церкви, описывающій по алфавиту имена ученыхъ особъ оной, основателей согласій, пастырей и буквалистовъ, съ показаніемъ ихъ церкви, отличій, званія, жизни, лѣтъ, кончины и пр. Сочиненъ Павломъ Любопытнымъ въ Петрополѣ 1828; съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Мат. Отеч.*, 119—178.

1484. Образованіе словъ удвоеніемъ корня; соч. П. І. Шафарика; *Мат. Слав.*, 1—13.

1485. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи, соч. Ф. Аделунга, перев. съ нѣмецкаго А. С. Клеванова; *Мат. Иностр.*, 105—174.

1486. Актъ усыновленія вобя 1582 года; сообщ. Н. Гундобинъ, *Смѣсь*, 1.

1487. Челобитная, поданная 1620 года, царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ Суздальцевъ на архіепископа своего

Іосифа Кіянина, въ разграбленіи у нихъ кожевенъ; сообщ. В. Борисовъ *Смѣсь*, 2—3.

1488. Грамоты XVII столѣтія на помѣстья; сообщ. М. Лисицынъ. *Смѣсь*, 4—19.

1489. Письма къ полковнику Запорожскаго войска Иліи Новицкому, 1676—1696, сообщ. И. А. Чистовичь; *Смѣсь*, 20—51.

1490. Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ Святаго Писанія о антихристѣ; *Смѣсь*, 52—71.

1491. Очерки бѣдствій Долматовскаго монастыря и частію края съ 1644 по 1742 годъ. Сообщ. протоіерей Григорій Плотниковъ; *Смѣсь*, 72—114.

1492. Мнѣнія Русскихъ государственныхъ мужей объ отношеніи Россіи къ Пруссіи, при императрицѣ Елисаветѣ. Мнѣнія: вице-канцлера гр. Воронцова 1744 г. 11 сентября; канцлера, графа Бестужева- Рюмина, 13 сентября 1745 г.; Его же 1745 г. 20 сентября; оберъ-шталмейстера князя Куракина 1745 г. 20 сентября; генерала и кавалера гр. Румянцева 1745 г. 20 сентября; генералъ-фельдмаршала кн. Долгорукова 1745 г. 20 сентября; генерала-фельдмаршала графа Лессія 1745 г. 20 сентября; генерала гр. Ушакова 1745 г. 20 сентября; барона Ивана Черкасова 1745 ч. 20 сентября; тайнаго совѣтника Ивана Юрьева 1745 г. 20 сентября; Ивана Веселовскаго 1745 г. 20 сентября; Андреяна Неплюева 1745 г. 20 сентября; генерала-фельдмаршала графа Лессія 1745 г. 8 октября; *Смѣсь*, 115—164.

1493. Плакатъ Бѣлорусскаго генералъ-губернатора, графа Захара Чернышева 1772 года. Сообщ. Н. В. Сушковъ; *Смѣсь*, 165—171.

1494. Письмо В. И. Малиновскаго, бывшаго генеральнаго консула въ Молдавіи, къ В. П. К; *Смѣсь*, 172—175.

1495. Донесеніе князя Н. Г. Репнина о вооруженіи Малороссійскихъ казаковъ противъ Польши (1831 г.) *Смѣсь*, 176—177.

1496. Записка князя Н. Г. Репнина (1831 г.) о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ Малороссійскихъ крестьянъ; *Смѣсь*, 178—182.

1497. Записка кн. Н. Г. Репнина (1831 г.) о податяхъ по Малороссійскимъ губерніямъ; *Смѣсь*, 183—191.

1498. Объ обращеніи Малороссійскихъ казаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію; кн. Н. Г. Репнина; *Смѣсь*, 192—194.

1499. Мысли и предположенія о преобразованіи гражданской службы въ Россіи; *Смѣсь*, 195—209.

1500. Дѣло о колл ассесорѣ Петрѣ Богдановичѣ (1801); *Смѣсь*, 210—211.

1501. Письмо Н. А. Полеваго къ князю Н. Н. Голицыну (1830 г.) *Смѣсь*, 212—213.

1502. Два письма Д. П. Голохвастова къ князю Н. Н. Голицыну (оба 1832 г., мая 12 и 20) *Смѣсь*, 213—214.

1503. Письмо Григорія, архіепископа Тверскаго, къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому (1844 г.); Сообщ. свящ. Н. Гумилевъ; *Смѣсь*, 215—216.

1504. Записка о ходѣ дѣла въ Смоленской губерніи по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ. Соч. А. А. Кононова; *Смѣсь*, 217—258.

1505. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1862 года, Октября 27-го дня; *Смѣсь*, 259—268.

1863 г. кн. 2-я.

1506. Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Рязанской епархіи; сообщ. архимандритъ Макарій; *Изсл.* 1—II и 3—108.

1507. Письма и записки императрицы Екатерины Второй къ графу Никитѣ Ивановичу Панину (1762—1774 г.) *Мат Отеч.*, 1—160.

1508. Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности святыхъ первоучителей и просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составляемое О. М. Бодянскимъ, именно: А. Памятники отечественные на Славянскомъ языкѣ. I. Пространныя или Паннонскія житія. Житие Константина Философа, нареченаго Курила, прьваго

наставьника и оучителя Словѣньскоу языкоу. По нѣсколькимъ спискамъ, *Мат. Славян.*, I—IV и 1—224.

1509. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи; соч. Ф. Аделунга, пер. съ нѣмецкаго А. С. Клеванова, *Мат. Иностр.*, 175—301.

1510. Примѣчанія на книгу, изданную Доминиканцемъ Бернардомъ Риберою, бывшемъ при Испанскомъ посланникѣ, герцогѣ де Лиріи, въ Москвѣ, во время коронаціи императрицы Анны Ивановны. Собственноручная записка Ѳеофана Прокоповича. *Смѣсь*, 1—16.

1511. Дѣло о волненіи крестьянъ статскаго совѣтника Демидова и ассесора Гончарова фабричныхъ людей въ Калужской губерніи 1752 года, *Смѣсь*, 17—44.

1512. Планъ о приведеніи Россійской торговли въ лучшее состояніе 1765 года, состав. Фонъ-Клингштетомъ, *Смѣсь*, 45—56.

1513. О распространеніи торга съ областями Хивинскою, Бухарскою и Индѣйскими 1787 г.. Письмо къ графу А. Р. Воронцову 24-го февраля 1787 г., *Смѣсь*, 57—64.

1514. Челобитная кирасира Попова (1765); сообщ. М. Ѳ. Де-Пуле; *Смѣсь*, 65—66.

1515. Проектъ къ учрежденію университета Батуринскаго, 1760 года, писан. для графа гетмана Гр. Ник. Тепловымъ, *Смѣсь*, 67—85.

1516. Дѣло о профессорѣ Московскаго университета I. В. Л. Мельманѣ; 1795 г., *Смѣсь*, 86—120.

1517. Журналъ посольства въ Персію генерала А. П. Ермолова, *Смѣсь*, 121—184.

1518. Польское дѣло (1863 г.) *Смѣсь*, 185-200.

1519. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1862 года, декабря 8-го дня, *Смѣсь*, 201—204.

1863 г., кн. 3-я.

1520. Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Рязанской епархіи; сообщ. архим. Макарій; *Изсл.*, 109—218.

1521. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова, главнаго командира корпуса ея императорскаго величества, императрицы Всероссійской, о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. *Мат. Отеч.*, I—XI и 1—205.

1522. Письма къ генералъ-маіору и кавалеру П. Н. Кречетникову во время пребыванія его съ корпусомъ Русскихъ войскъ въ Польшѣ 1767 и 1768 г. и губернаторства его въ Астрахани (1774 г.). *Мат. Отеч.*, 1—114.

1523. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное профессоромъ Русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ; *Мат. Слав.*, I—XII и 1—130.

1524. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи; соч. Ф. Аделунга, перев. съ нѣмецкаго А. С. Клеванова; *Мат. Иностр.*, 1—86.

1525. Историческое свѣдѣніе войска Донскаго о верхней Курмоярской станицѣ, составленное изъ сказаній старожиловъ и собственныхъ примѣчаній Евлампіемъ Котельниковымъ (1818 г.) *Смѣсь*, 1—34.

1526. Записки о 1812 годѣ генерала А. П. Ермолова; *Смѣсь*, 35—114.

1527. Мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ, В. Н. Каразина, (1801 г.), *Смѣсь*, 115—122.

1528. Письмо В. Н. Каразина къ императору Александру I о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы (1809 г.), *Смѣсь*, 123—130.

1529. Еще нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ, сообщ. П. И. Кеппеномъ; *Смѣсь*, 131—132.

1530. Переписка графа Кочубея съ княземъ Голицынымъ о графѣ Панинѣ, по случаю избранія его командующимъ Смоленскою губернскою милиціею (1807 г.); *Смѣсь*, 133—136.

1531. Объ управленіи Воронежской

губерніей генералъ-губернатора Балашова, всеподданнѣйшій рапортъ сенатора князя Долгорукова. *Смѣсь*, 137—139.

1532. Мнѣніе объ оцѣнкѣ и продажѣ имѣній помѣщиковъ, кн. К. Ф. Друцкаго-Любецкаго, *Смѣсь*, 140—149.

1533. Письмо адмирала Мордвинова къ Николаю I-му, по тому случаю, когда на одномъ изъ мнѣній его, по новому законоположенію о чинахъ и проч., противу словъ: *„не о томъ болитъ сердце Русскаго народа"*, его величество собственноручно написалъ: *„Весьма буду благодаренъ адмиралу Мордвинову, если сообщитъ мнѣ свои мысли и виды, какимъ образомъ вывести Россію изъ того положенія, въ которомъ ее нынѣ находитъ?"* *Смѣсь*, 150—152.

1534. Разсказъ о бракѣ императрицы Елисаветы Петровны. *Смѣсь*, 153—157.

1535. Письма императрицы Екатерины II-й къ разнымъ государственнымъ сановникамъ (именно: къ графу П. С. Салтыкову, іюня 7 дня 1763 г.; генералъ-маіору Озерову, августа 2, 1770; дѣйств. тайн. совѣтн. гр. Н. И. Панину (безъ года); генералъ-аншефу кн. М. Н. Волконскому іюня 23 дня 1774 года; генералъ-фельдмаршалу кн. А. М. Голицыну 1780 г.; тайн. совѣтн. графу А. А. Безбородку 12 октября 1784 г.; статск. совѣтн. и синода оберъ-секретарю Наумову 22 сентября 1784 г.; генералъ аншефу графу Я. А. Брюсу іюня 7, 1785 г.; ему же іюня 7, 1785 г.; ему же, февраля 5 и 28 іюня, 1786 г.; генералъ-анш. П. Д. Еропкину, октября 10, 1786 г.; генералъ-аншефу кн. Н. В. Репнину, генваря 16 дня 1787 г.; генералъ-поручику Гудовичу 5 марта 1787 года; генералъ-аншефу П. Д. Еропкину 28 апрѣля (б. г.); ему же, апрѣля 30, 1787 г.; ему же 14 маія 1787 г.; генералъ аншефу графу Я. А. Брюсу (безъ года); генералъ-аншефу П. Д. Еропкину, маія 12, 1787 г.; ему же, мая 13, 1787 г.; ему же, мая 20, 1787 г.; ему же 6 іюля 1787 г.; ему же декабря 16, 1788 года; генералъ-аншефу графу Я. А. Брюсу іюля 10, 1790 г.; ему же, (безъ года); ему же 13 іюля 1790 г.; вице-адмиралу принцу Нассау де Зигенъ (безъ года); генералу графу А. Г. Орлову-Чесменскому іюля 9, 1790 г.; генералу-аншефу кн. А. А. Прозоровскому августа 5, 1790 г.; ему же 6-го генваря 1792 г.; ему же 11 іюля 1792 г.; генералу-фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому (безъ года); генералу-прокурору А. Н. Самойлову іюля 28, 1794 г.; генералъ-маіору Рылѣеву августа 10, 1794 г.; генералу-фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому 1 генваря 1795 г.; тайному совѣтн. М. М. Измайлову, мая 3 дня 1795 г.; генералъ-поручику Н. П. Архарову, генваря 10, 1796 г.; указъ сенату, мая 8, 1796 г.; дѣйств. тайн. совѣтн. и генералу-прокурору графу А. Н. Самойлову, мая 11, 1796 г.; ему же, мая 26, 1796 г.); сообщ. А. Ѳ. Бычковъ; *Смѣсь*, 158—184.

1536. Письмо князя А. А. Безбородка къ князю П. В. Лопухину (декабря 10, 1798 г., вѣроятно); *Смѣсь*, 185—187.

1537. Два письма Варшавскаго епископа Антонія къ Гавріилу, архіепископу Могилевскому, сообщ. Н. Гумилевъ; 1836 и 1838 г.; *Смѣсь*, 188—192.

1538. Объясненіе по поводу „Писемъ и записокъ импер. Екатерины II-й къ гр. Н. И. Панину". О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 193—197.

1539. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 года, генваря 26 дня; *Смѣсь*, 199—203.

1863 г., кн. 4-я.

1540. Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій; *Изсл.*, 219—322 и I—II.

1541. Журналъ реляцій къ ея императорскому величеству 1782—1787 годовъ Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора М. Н. Кречетникова, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Мат. Отеч.*, 1—XIII и 1—20.

1542. Дневныя записки о движеніи и дѣйствіяхъ Россійскихъ войскъ въ

великомъ княжествѣ Литовскомъ и въ Польшѣ 1792 году командующаго корпусомъ генералъ-аншефа и кавалера М. Н. Кречетникова; сообщ. А. Л. Потаповъ; *Мат. Отеч.* 21—104.

1543. Письма къ генералу М. Н. Кречетникову графа З. Г. Чернышева и другихъ 1769—1785 г; *Мат. Отеч.* 1—63.

1544. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное профессоромъ Русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ; *Мат. Слов.* 131—388.

1545. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи; соч. Ф. Аделунга, перев. съ немецкаго А. С. Клеванова; *Мат. Иностр.* 87—168.

1546. Выписка изъ „Обихода" Волоколамскаго Іосифова монастыря, конца XVI вѣка, о дачахъ въ него для поминовенія по умершимъ; сообщ. епископъ Дмитровскій Леонидъ; *Смѣсь*, 1—8.

1547. Грамота на помѣстье, данная боярами и воеводами въ безгосударное время, княземъ Трубецкимъ, Заруцкимъ и Ляпуновымъ 1611 года; *Смѣсь*, 9.

1548. Протестъ противъ незаконнаго прикрѣпленія крестьянъ въ XVII столѣтіи. Сообщ. И. М. Оріентовъ; *Смѣсь*, 10—11.

1549. Челобитная митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, Филоѳея Лещинскаго, Петру Великому (1721 г.) и помѣты сего государя на нее. Сообщ. Ал. Сулоцкій; *Смѣсь*, 12—51.

1550. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ и о соприкосновенныхъ къ нему лицахъ, въ особенности объ іеромонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ и архимандритѣ Іоасафѣ Маевскомъ, 1733—1735 г. Сообщ. архимандр. Макарій; *Смѣсь*, 52—73.

1551. Письмо фельдмаршала графа Миниха къ князю Лобковицу, генералу Австрійскому, командовавшему въ Трансильваніи на случай заключеннаго въ 1739 году между цесарцами и Турками мира, посланное 1739 года Сентября 22 дня; *Смѣсь*, 74—80.

1552. Матеріалы объ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Сообщ. Ил. А. Чистовичъ, *Смѣсь*, 81—156.

1553. Матеріалы объ Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ. Сообщ. П. И. Ивановъ. *Смѣсь*, 157—203.

1554. Двѣ замѣчательныя иконы въ городѣ Омскѣ. Ал. Сулоцкаго, *Смѣсь*, 204—210.

1555. Рапортъ по случаю представленія Государю Императору вѣдомости о дѣлахъ министерства юстиціи, съ 1-го сентября 1814 по 1 е генваря 1816 года, министра юстиціи Д. П. Трощинскаго; *Смѣсь*, 211—213.

1556. Разсказы А. П. Ермолова; *Смѣсь*, 214—232.

1557. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 года, Мая 11 дня; *Смѣсь*, 233—238.

Годъ 11-й, 1864 г., въ 4 книгахъ. 1864 г., кн. 1-я.

1558. Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ. А. Ѳ. Вельтмана; *Изсл.* 1—X 1—115 и I—II.

1559. О послѣднихъ событіяхъ въ царствѣ Польскомъ (1861 г.) Очевидца. *Мат. Отеч.* 1—23.

1560. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное профессоромъ Русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ; *Мат. Славян.*, 1—176.

1561. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи; Соч. Ф. Аделунга, перев. съ нѣмецкаго А. С. Клеванова; *Мат. Иностр.* 169—264, I—V и I—IV.

1562. Показаніе князя И. А. Долгорукова, и мнѣніе о томъ Тайной Канцеляріи. Подпис. А. Ушаковъ. *Смѣсь*, 1—7.

1563. Дѣло объ Егорѣ Столѣтовѣ, гофмейстерѣ Андріянѣ Елагинѣ, поручикѣ князѣ Михайлѣ Бѣлосельскомъ, мунд-

шенкѣ Сергѣѣ Несторовѣ, и женѣ его, Мареѣ, 1736 г. Сообщ. С. Н. Шубинскій. *Смѣсь*, 8—10.

1564. Записка о Керчи (1827 г.) *Смѣсь*, 11—99 (Ф. Ф. Вигеля).

1565. Мнѣніе о правахъ и преимуществахъ Сената, графа П. В. Завадовскаго, *Смѣсь*, 100—107.

1566. Примѣчаніе о правахъ и преимуществахъ Сената, графа А. Р. Воронцова (1800). Сообщ. А. Н. Аѳанасьевъ, *Смѣсь*, 108—111.

1567. Паденіе Польши. М. А. Волкова; *Смѣсь*, 112—164.

1568. Рѣчь къ императору Наполеону отъ депутатовъ Могилевской губерніи, произнесенная въ 1812 году въ Смоленскѣ, на французскомъ языкѣ, обознымъ Литовскимъ Прозоромъ, обывателемъ Виленской губерніи. *Смѣсь*, 165—166.

1569. Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ и всеподданнѣйшій отчетъ его по управленію ввѣренными ему Виленской и Гродненской губерніями и областью Бѣлостоцкою (1834 г.) Н. В. Сушкова. *Смѣсь*, 167—197.

1570. Рѣсь кн. Н. А. Долгорукова къ дворянству Жмудскому. *Смѣсь*, 198—199.

1571. Объявленіе отъ кн. Н. А. Долгорукова по ввѣреннымъ ему губерніямъ и области; *Смѣсь*, 200—202.

1572. Проектъ плана образованія однодворческихъ и гражданскихъ обществъ; *Смѣсь*, 203—210.

1573. Проектъ положенія рекрутской повинности Западныхъ губерній однодворцевъ и гражданъ. Сообщ. Н. В. Сушковъ, *Смѣсь*, 211—215.

1574. Рѣчь государя императора Николая 1-го къ Варшавскимъ депутатамъ 4-го Октября 1835 года. *Смѣсь*, 216—219.

1575. Письмо Московскаго митрополита Платона къ викарію своему, преосвященному Августину, о Лобномъ мѣстѣ (1805 г.) Сообщ. И. М. Снегиревъ. *Смѣсь*. 220—221.

1576. Замѣчательный надгробный камень (Василія Шемячича, 1561 г.). Графа М. В. Толстаго; *Смѣсь*. 222—224.

1577. Каталогъ рукописямъ и стариннымъ книгамъ церковной и гражданской печати Ржевскаго почетнаго гражданина Е. В. Берсенева; *Смѣсь*, 225—232.

1578. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1863 года, Октября 26-го дня. *Смѣсь*, 233—239.

1864 г., кн. 2-я.

1579. Переписка протоіерея Іоанна Григоровича съ графомъ Н. П. Румянцовымъ (1817—1825 г.) Н. И. Григоровича. *Изсл*; 1—83.

1580. Письма митрополита кіевскаго Евгенія къ протоіерею І. І. Григоровичу (1823—1826 г.), Н. И. Григоровича. *Изсл*. 84—92.

1581. Воспоминанія о жизни и дѣяніяхъ графа И. А. Каподистріи, правителя Греціи, А. С. Стурдзы. *Мат. Отеч.* I—II и 1—192.

1582. Краткое свѣдѣніе о А. С. Стурдзѣ. *Мат: Отеч.*, 193—205.

1583. Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности святыхъ первоучителей и просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, состав. О. М. Бодянскимъ. Паннонское житіе Кирилла. *Мат. Славян.*, 225—398.

1584. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. (?) Геродотъ, Гиппократъ и Страбонъ. Изъ Länder und Völkerkunde in Biographien von Dr Ph. Hedw. Külb, Stadtbibliothekar zu Mainz; перев. А. Н. Шемякинъ; *Мат. Иностр.* 1—77.

1585. Надписи на письмахъ, въ старину въ Русскомъ государствѣ употреблявшіяся; *Смѣсь*, 1—6.

1586. Русскія прописи 1620 года; сообщ. Ю. Толстой; *Смѣсь*, 7—11.

1587. Списки съ царскихъ грамотъ, хранящихся въ Лондонскомъ королевскомъ архивѣ. Сообщ. Ю. Толстой; *Смѣсь*, 12—32.

1588. Письма отъ Якова Вилимовича Брюса къ княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ Меньшиковой (1708 г.) сообщ. М. Ѳ. де-Пуле. *Смѣсь*, 33—35.

1589. Вѣдомость домамъ, находившимся въ Москвѣ, составленная по высочайшему указу 1716 года, для опредѣленія количества денежной подати, собиравшейся съ оныхъ ночными цѣловальниками. Сообщ. П. И. Ивановъ, *Смѣсь*, 36—66.

1590. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елисаветъ Петровнѣ, Мавры Шепелевой (1727—1728). *Смѣсь*, 67—72.

1591. Положеніе Черниговской губерніи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ дворянства объ установленіи акциза или пошлины съ винокуренія, состоявшееся 1811 года, генваря 21 дня. *Смѣсь*, 73—82.

1592. Письмо Малороссійскаго военнаго губернатора, князя Н. Г. Репнина, къ графу В. П. Кочубею (1821 г.) *Смѣсь*, 83—84.

1593. Краткая записка кн. Н. Г. Репнина о Малороссійскихъ казакахъ. — *Смѣсь*, 85—130.

1594. Извлеченіе изъ записки, на французскомъ языкѣ, поданной министромъ финансовъ, Канкринымъ, и возраженіе на оную Малороссійскаго военнаго губернатора кн. Н. Г. Репнина. — *Смѣсь*, 131—142.

1595. Доношеніе попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкаго на издателя „Библіографическихъ Листовъ“ г. министру народнаго просвѣщенія, и объясненія противъ доношенія, представленныя П. И. Кеппеномъ. *Смѣсь*, 143—161.

1596. Донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ о Тамбовскихъ духоборцахъ. *Смѣсь*, 162—170.

1597. Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II-й и первый день царствованія императора Павла I. Графа Ѳ. В. Ростопчина. *Смѣсь*, 171—184.

1598. Нужно ли намъ преобразованіе календаря? О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 185—200.

1599. Отвѣтъ со основательнѣйшими доводами на представленіе, еже изгладити ветхій и ввести новый календарь, православно-восточныя Церкве митрополитомъ Сербскимъ, Стефаномъ Стратимировичемъ, августѣйшему двору Австрійскому данный, Ноября 9-го дня 1814 года. *Смѣсь*, 201—218.

1600. О бѣдности Русскаго православнаго духовенства и о средствахъ возстановить его нравственное вліяніе на народъ. Н. В. Сушкова. *Смѣсь*, 219—230.

1601. Отвѣтъ на вопросъ: „Кѣмъ писана Записки о Керчи.“ Н. В. Сушкова. *Смѣсь*, 231—232.

1602. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 года, декабря 14-го дня. *Смѣсь*, 233—237.

1864 г., кн. 3-я.

1603. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Св. Петръ митрополитъ. — Нѣсколько словъ о Галицкой Митрополіи въ XIV столѣтіи. — О Переяславскомъ соборѣ въ 1313 г. Ген. Карпова. *Изсл.* 1—101.

1604. Записки Алексѣя Петровича Ермолова. Съ приложеніями. Изданіе Н. П. Ермолова (1801—1812.); *Мат. Отеч*, 1—113.

1605. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе составленное профессоромъ Русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. *Мат. Славян*, 177—320.

1606. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Козма Индикопловъ, Абу-Сеидъ, Саламъ Толмачъ, Ахмедъ бенъ-Фоцланъ, Мухаммедъ Ибнъ-Батута, Николай Аспелинъ, Джіованни де Плано-Карпини, Вильгельмъ Руисбрекъ, Джіованни ди Монте Корвино, Одерико ди Порденоне и Джонъ Мандевилль. Изъ „Länder und Völkerkunde in Biographien

von Dr. Ph. Hedw. Külb," пер. А. Н. Шемякинъ; *Мат. Иностр.*, 79—210.

1607. Слово на обрѣтеніе честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирилла, игумена Новоезерскаго чудотворца. Сообщ. Ил. Вас. Бѣляевъ; *Смѣсь*, 1—11.

1608. Взятіе Азова Донцами въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, *Смѣсь* 12—17.

1609. Роспись вещамъ, посланнымъ изъ ризницы Троицкаго Сергіева монастыря въ Москву, въ Грановитую палату, въ 1654 году. Сообщ. іероманахъ Арсеній. *Смѣсь*, 18—28.

1610. Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Сибири. Протоіерея А. Сулоцкаго. *Смѣсь*, 29—51.

1611. Встрѣча въ Тобольскѣ въ старину вновь прибывшихъ преосвященныхъ. Протоіерея А. Сулоцкаго; *Смѣсь*, 52—61.

1612. Матеріалы для исторіи сѣверовосточной Сибири въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. С. Шашковъ. *Смѣсь*, 62—93.

1613. О выплавкѣ на Нерчинскихъ заводахъ серебра съ 1704 по 1768 годъ. *Смѣсь*, 94—100.

1614. Краткая вѣдомость о всѣхъ, дѣланныхъ на монетныхъ дворахъ Россійскихъ, золотыхъ и серебряныхъ монетахъ. *Смѣсь*, 101—104.

1615. Опредѣленіе Казанскаго дворянства о собраніи коннаго корпуса войскъ изъ своихъ людей противъ Пугачова. *Смѣсь*, 105—107.

1616. Привѣтствіе Симбирскаго дворянства графу П. И. Панину. *Смѣсь*, 108.

1617. Наставленіе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку господину капитану Александру Лунину, генералъ-маіора Потемкина (1774 г.) Сообщ. М. П. Полуденскій; *Смѣсь*, 109.

1618. Разныя замѣчанія по службѣ армейской, отъ чего она въ упадокъ приведена, и не лестно хорошимъ офицерамъ продолжать оную, и о полковникахъ (1782 г.) Генералъ-поручика С. М. Рясевскаго, *Смѣсь*, 110—117.

1619. Нѣкоторыя замѣчанія по воинской службѣ, писанные генералъ-лейтенантомъ и шефомъ Сибирскаго гренадерскаго полка, И. П. Ляпуновымъ; *Смѣсь*, 118—127.

1620. Мнѣніе сенатора, графа С. О. Потоцкаго, о докладѣ военной коллегіи, высочайше конфирмованномъ 5-го декабря 1802 года; *Смѣсь*, 128—131.

1621. Предложеніе министра юстиціи, Державина, правительствующему Сенату, 6-го февраля 1803 года. Сообщ. А. Н. Аѳанасьевъ. *Смѣсь*, 132—137.

1622. Рапортъ и письма къ д. т. с. сенатору и главному директору Павловской больницы, А. М. Лунину, той же больницы смотрителя, к. с. Павла Носкова, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ. Сообщ. М. П. Полуденскій; *Смѣсь*, 138—153.

1623. Мнѣніе адмирала Мордвинова о коллегіяльномъ и министерскомъ управленіи въ Россіи, отправленное при письмѣ къ Государю Императору, 1827 года, іюня 1-го дня. *Смѣсь*, 154—160.

1624. Современный голосъ Русскаго (1848 г.) *Смѣсь*, 161—165.

1625. Объясненія по поводу статей: „О послѣднихъ событіяхъ въ царствѣ Польскомъ"; „Отвѣтъ на вопросъ: кѣмъ писана Записка о Керчи" и „Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи". О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 166—170.

1626. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1864 года, марта 28-го дня. *Смѣсь*, 171—176.

1864 г., кн. 4-я.

1627. Очерки изъ исторіи Россійской іерархіи: Церковная смута.—Св. Іона, послѣдній митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Генн. Карпова *Изсл.* 103—206.

1628. Записки генерала Ермолова, начальника главнаго штаба 1-й западной арміи, въ отечественную войну 1812 года. Изд. Н. П. Ермоловъ; *Мат. Отеч.* 115—282.

1629. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное профессоромъ Русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. *Мат. Славн.*, 321—468.

1630. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Руи Гонсалезъ де Клавихо, Гансъ Шильдбергеръ, Шади-Коя, Іосафатъ Барбаро, Фернанъ Мендезъ Пинто, Генрихъ Гамель, Василій Головнинъ. Изъ. „Länder und Völkerkunde in Biographien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, пер. А. Н. Шемякинъ; *Мат. Иностр*, 211—292.

1631. Повѣсть о убіеніи царевича князя Димитрія. Сообщ. Аѳ. Ѳ. Бычковъ; *Смѣсь*, 1—4.

1632. Посланіе Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, къ пресвященному Алексію Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому, объ ученіи іеромонаха Ѳеофана Прокоповича (1718 г.) Сообщ. архимандритъ Макарій; *Смѣсь*, 5—8.

1633. Вѣдомость къ князю Александру Даниловичу Меньшикову о дьякахъ Рязанскаго архіерея. Сообщ. архим. Макарій; *Смѣсь*, 9—10.

1634. Мнимая могила Арсенія Мацѣевича въ Верхнеудинскѣ. Протоіерея А. Сулоцкаго; *Смѣсь*, 11—24.

1635. Одна изъ ошибокъ, какія встрѣчаются въ сочиненіяхъ и статьяхъ, касающихся судьбы Арсенія Мацѣевича. Протоіер. А. Сулоцкаго; *Смѣсь*, 25—28.

1636. Къ жизнеописанію Арсенія Мацѣевича. Протоіер. А. Сулоцкаго; *Смѣсь*, 29—45.

1637. Выписка о духоборцахъ, сдѣланная И. В. Лопухинымъ, при первомъ его донесеніи Государю о нихъ изъ Харькова, 12-го Ноября, 1801 года. Сообщ. М. П. Полуденскій; *Смѣсь*. 46—48.

1638. Великороссійскіе безпоповскіе расколы въ Закавказьѣ. I. Скопцы. II. Общіе III. Немоляки. Соч. В. С. Толстого; *Смѣсь*, 19—131.

1639. Кутвинъ и Пестель. Прошеніе генералъ-маіора Куткина къ министру юстиціи, Д. П. Трощинскому (1814 г.) Сообщ. Н. Абрамовъ; *Смѣсь*, 132—144.

1640. О постройкѣ Сенатскаго зданія въ Москвѣ съ изображеніемъ главной круглой залы въ разрѣзѣ. П. И. Иванова, *Смѣсь*, 145—185.

1641. Мнѣніе адмирала Мордвинова по статьѣ 638-й журнала комитета гг. министровъ; *Смѣсь*, 186—187.

1642. Къ дѣлу о Семеновскомъ полку. I. Письмо Императора Александра I къ графу Аракчееву, по случаю приключенія съ Семеновскимъ полкомъ въ 1820 г. II. Приказъ Россійской арміи 2-го ноября 1820 года; *Смѣсь*, 188—192.

1643. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 26-го Мая, 1864 года; *Смѣсь*, 193—198.

Годъ 12-й, 1865, въ 4-хъ книгахъ. 1865 г., кн. 1-я.

1644. О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи. И. С.; *Изсл.* 1—101.

1645. Архивъ военно походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго (1767—1769 г.). Сообщ. М. О. Судіенко. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Мат. Отеч.* I—II и 1—270.

1646. Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до святыхъ первоучителей и просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составл. О. М. Бодянскимъ. Пространное или Паннонское житіе Меѳодія, архіеп. Моравскаго. Со снимкомъ. *Мат. Слав.* 1—96.

1647. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Петръ Симонъ Палласъ, Антоній Дженкинсонъ и Вейтъ Берингъ. Изъ „Länder und Völkerkunde in Biographien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, перев. А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.* 293—359.

1648. Споръ правительствующаго Сената съ военной коллегіей въ 1753 г. Сообщ. С. Н. Шубинскій; *Смѣсь*, 1—36.

1649. Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его: 1765—1865, Апрѣля 4-го. Сообщ. В. И. Ламанскій; *Смѣсь*, 37—192.

1650. Записка гг. депутатамъ, избраннымъ отъ дворянъ Малороссійской губерніи для принесенія его императорскому величеству Александру Павловичу, всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее возстановленіе и утверждение дворянской грамоты во всей ея силѣ, и о нуждахъ, отъ всѣхъ повѣтовъ изъясненныхъ и въ общемъ собраніи ко уваженію принятыхъ. Дана въ губернскомъ городѣ Черниговѣ Августа 14-го дня, 1801 года. *Смѣсь*, 193—199.

1651. Ливонія въ 1841-мъ году. Извлечено изъ дѣла канцеляріи Лифляндскаго генералъ-губернатора № 168; *Смѣсь*, 200—215.

1652. Записка изъ дѣла о двухъ Латышахъ, изъявившихъ добровольно и безъ всякихъ видовъ желаніе обратиться въ Православную вѣру (1842—1843 г.) *Смѣсь*, 216—226.

1653. Мысли, возбужденныя современными событіями въ Европѣ (1848 г.); *Смѣсь*, 227—243. (Н. В. Сушкова).

1654. По случаю крестьянскаго вопроса въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. Н. П. Колюбакина; *Смѣсь*, 244—312.

1655. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 7-го Ноября 1864 года; *Смѣсь*, 313—319.

1865 г., кн. 2-я.

1656. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. I. Рождественскіе обряды, А. А. Потебни. *Изсл.* 1—84.

1657. Архивъ военно-походной канцеляріи Графа П. А. Румянцова-Задунайскаго (1770—1774 г.) Сообщ. М. О. Судіенко. *Мат. Отеч.*, 1—330.

1658. Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ до дѣятельности святыхъ первоучителей и просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, состав. О. М. Бодянскимъ. III Слово похвальное на память святыма и прѣславныма учителема Славѣнскоу языку, сътворшема писмены іемоу, прѣложьшема новыи и ветъхыи законъ въ языкъ ихъ, блаженомоу Кѵрилоу и архиепископу Пановьскоу Меѳодию (со снимкомъ); *Мат. Славян.*, 1—64.

1659. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Іоаннъ Нейгоффъ и Георгій Макартней. Изъ Länder—und Völkerkunde in Biographien, v. Dw. Ph. Hedw. Külb, перев. А. Н. Шемякинъ. *Мат. Иностр.*, 361— 479.

1660. Содержаніе доклада, поданнаго сейму отъ депутаціи, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ засѣданіе 26 Марта, 1790 года. Издано по повелѣнію депутаціи иностранныхъ дѣлъ, съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 1--X и 1—28.

1661. Голосъ Лещинскаго, земскаго посла воеводства Иновроцлавскаго, на засѣданіи сеймовомъ 1-го апрѣля, 1791 года; *Смѣсь*, 29—36.

1662. Письмо графа Феликса Станислава Потоцкаго, бывшаго воеводы Русскаго, писанное къ королю Польскому отъ 3 Мая, 1791 г.; *Смѣсь*, 37—40.

1663. Письмо графа Феликса Станислава Потоцкаго къ графу Игнатію Потоцкому, маршалу Великаго Княжества Литовскаго, о превращеніи Польской республики въ монархію (1791 г.) *Смѣсь*, 41

1664. Письмо графа Феликса Станислава Потоцкаго къ Станиславу Малаховскому маршалу сейма о превращеніи Польской республики въ монархію (1791 г.) *Смѣсь*, 42—43.

1665. Письмо Поляковъ къ импер. Екатеринѣ II-й о вмѣшательствѣ въ дѣла Рѣчи Посполитой послѣ 3-го Мая, 1791 года; *Смѣсь*, 44—48.

1666. Письмо Северина Ржевускаго гетмана польнаго короннаго, къ королю Польскому о 3-мъ Мая, 1791 года; *Смѣсь*, 49—55.

1667. Плакатъ генералъ-аншефа, М. Н. Кречетникова, о причинѣ всту-

пленія Русскихъ войскъ въ Великое Княжество Литовское (1792 г.); *Смѣсь*, 56—57.

1668. Россія и Польша въ XVII столѣтія, М. А. Волкова; *Смѣсь*, 58—68.

1669. Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносовѣ. Сообщ Вл. Ив. Ламанскій; *Смѣсь*, 69—70.

1670. Мнѣніе, каковое, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, собравшіеся генералъ-губернаторы и правящіе ихъ должность положили, къ предупрежденію недостатка въ хлѣбѣ, по причинѣ нынѣшняго неурожая. *Смѣсь*, 71—74.

1671. Реляція графа П. А. Румянцева-Задунайскаго объ открытіи Кіевскаго намѣстничества (1782 г.) *Смѣсь*, 75—76.

1672. Церемоніалъ, по которому, во время высочайшаго ея императорскаго величества шествія, въ Тульскомъ намѣстничествѣ исполнять надлежитъ (1787 г.) *Смѣсь*, 77—85.

1673. Планъ дворянскихъ должностей во время шествія ея величества чрезъ губернію Новгородъ-Сѣверскую, въ собраніи уѣздныхъ предводителей учиненный Ноября 6 го, 1786 года. *Смѣсь*, 86—90.

1674. Рѣчь, говоренная Черниговскаго намѣстничества губернскимъ дворянства предводителемъ, Андреемъ Полетикою, на всевысочайшее пришествіе ея императорскаго величества въ границы Черниговской губерніи, при публичной аудіенціи въ губернскомъ городѣ Черниговѣ 1787 года, Генваря 25 дня. *Смѣсь*, 91.

1675. Донесеніе о волненіи Ливонскихъ крестьянъ 1841 года; *Смѣсь*, 92—98.

1676. Очерки Ливоніи; *Смѣсь*, 99—104.

1677. Письмо кн. А. А. Шаховскаго къ П. М. Бакуниной; *Смѣсь*, 105—115.

1678. Святогорскій монастырь; А. С. Клеванова; *Смѣсь*, 116—141.

1679. О проектѣ устава и штатовъ Импер. Академіи Наукъ въ Спб. и состоящихъ при ней музеевъ. Въ совѣтъ император. Московскаго университета докладъ коммисіи; *Смѣсь*, 142—165.

1680. Отдѣльныя замѣчанія на проектъ устава и штатовъ Петербургской Академіи Наукъ одного изъ членовъ Коммиссіи; *Смѣсь*; 166—192.

1681. Объясненія по поводу статей: „О Чешскихъ рукописяхъ въ Москвѣ," и В. Н. Каразинѣ; О. М. Бодянскаго, *Смѣсь*, 193—201.

1682. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Генваря 23 дня, 1865 года; *Смѣсь*, 203—214.

1865 г., кн. 3-я.

1683. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. II. Баба-Яга. А. А. Потебни; *Изсл.*, 85—232.

1684. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова 1801—1812 г.; *Мат. Отеч.* 1—184.

1685. Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою. Съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской въ 1806 г. Соч. В. М. Макушева; *Мат. Славян.*, 1—178.

1686. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней. Михаилъ Саймесъ. Изъ Länder-und Völkerkunde in Biodraphien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, перев. А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр.*, 481—521.

1687. Послѣдніе годы жизни государыни царицы Евдокіи Ѳедоровны. Н. Дубровскаго; *Смѣсь*, 1—63.

1688. О женѣ кн. Михайла Алексѣевича Голицына, итальянкѣ, Н. Дубровскаго; *Смѣсь*, 64—66.

1689. А. Н. Радищевъ; *Смѣсь*, 67—106.

1690. Письмо Александра Ушакова къ А. Н. Радищеву въ Малой Ярославецъ 1797 года; *Смѣсь*, 107—108.

1691. Движеніе Латышей и Эстовъ въ Ливоніи съ 1841 года; *Смѣсь*, 109—143.

1692. Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ губерній; *Смѣсь*, 144—172.

1693. О необходимости ввести во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ имперіи Русскіе органическіе законы; *Смѣсь*, 173—185.

1694. Письмо Г. Ф. Миллера къ Тобольскому вице-губернатору Бибикову 1739 года; *Смѣсь*, 186—189.

1695. Письмо С. Я. Румовскаго въ Академію Наукъ, 1761 г., *Смѣсь*, 190.

1696 Нѣсколько свѣдѣній о Ѳ. И. Соймоновѣ, бывшемъ Сибирскомъ губернаторѣ (1740—1763). Н. Абрамовъ; *Смѣсь*, 191—196.

1697. Очеркъ исторіи Поповщины съ 1846 года, съ документами, К. Н. Николаева; *Смѣсь*, 197—335.

1698. Краткая записка о Петербурской Академіи Наукъ, президента ея С. С. Уварова; *Смѣсь*, 336—339.

1699. Объясненія по поводу статей, „Ученое Общество" и „Monumenta Poloniae historica". О. М. Бодянскаго; *Смѣсь*, 340—352.

1865 г., кн. 4-я.

1700. О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. Съ проектомъ сѣти сихъ путей и картою, составленными въ видахъ обороны имперіи, С. П. Бутурлинымъ; *Изсл*., 1—96.

1701. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. III. Змѣй, Волкъ, Вѣдьма. А. А. Потебня; *Изсл*. 233—310.

1702. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова 1801—1812 г. *Мат. Отеч*., 185—385.

1703. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ (продолженіе); *Мат. Славян*. 469—534.

1704. Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи великихъ Русскихъ князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародывалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Лейпцигѣ 1620 года. Перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина; *Мат. Иностр*. I—XII и 1—88.

1705. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Составилъ архимандритъ Леонидъ; *Смѣсь*, 1—115.

1706. Двѣ жалованныя грамоты императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія (1752 года, другая же безъ года); Сообщ. іером. Арсеній; *Смѣсь*, 116—162.

1707. О расходахъ Троицкой Сергіевой Лавры. Ради памяти, (б. г.) *Смѣсь*, 163—166.

1708. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ? М. Діева, *Смѣсь*, 167—178.

1709. Донесеніе товарища министр. внутр. дѣлъ, Сенявина, о нынѣшнемъ положеніи Ливоніи (1845 г.) *Смѣсь*, 179—205.

1710. Воспоминаніе о графѣ К. Ѳ. Толѣ. Н. В. Сушкова, *Смѣсь*, 206—221.

1711. О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ. А. Бабичева; 222—241.

1712. Письмо графа А. А. Аракчеева къ А. Н. Потапову о г. Шумскомъ (1827 г.) *Смѣсь*, 242.

1713. Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Марта 6 дня, 1865 года; *Смѣсь*, 243—246.

Къ «Русскому Архиву», за 1866 г

Въ Типографіи Грачева и Комп., у Пречистенскихъ воротъ д. Миляковой.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1864 ГОДА.

АЗБУЧНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Два большіе тома; въ 4 д. л. съ портретами Н. И. Новикова и Д. И. Фонъ-Визиня, со снимками съ рисунка. Пушкина къ Евгенію Онѣгину и съ заглавнаго листа къ книгѣ „Ученіе и хитрость ратнаго строенія" 1647 года.

Библіографическія записки содержатъ много любопытныхъ памятниковъ исторіи. словесности и книгопечатанія. Здѣсь между многими другими статьями помѣщены произведенія: Батюшкова, Фонъ Визина, Гнѣдича, Гоголя, Грибоѣдова, Д. Давыдова, Дельвича, Державина, И. И. Дмитріева, Жуковскаго, К. А. Д. Кантемира, Карамзина, Кольцова, Лермантова, Мерзлякова, Пушкина, Третьяковскаго Хераскова, К. М. М. Щербатова, Языкова и др. Указатель къ Библіографическимъ запискамъ помѣщенъ въ русскомъ Архивѣ 1864 года.

Цѣна каждому тому 4 р. с. съ подробнымъ указателемъ къ Вестнику Европы 1802 1830, составл. М. П. Полуденскимъ. Указатель продается и отдѣльно по 1 р. с.

Гг. Книгопродавцы могутъ обращаться за означеннымъ изданіемъ въ Чертковскую Библіотеку.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ будетъ выходить и въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4 листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Р. Архивъ; въ магазинѣ Соловьева (бывшемъ Базунова); а также у Глазунова и Салаева.

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

Иногородные обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ домъ Милаковой.